

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

891.70
G569
1903

A 865,969

СОЧИНЕНИЯ

М.Ф.

НИГЕДИНА

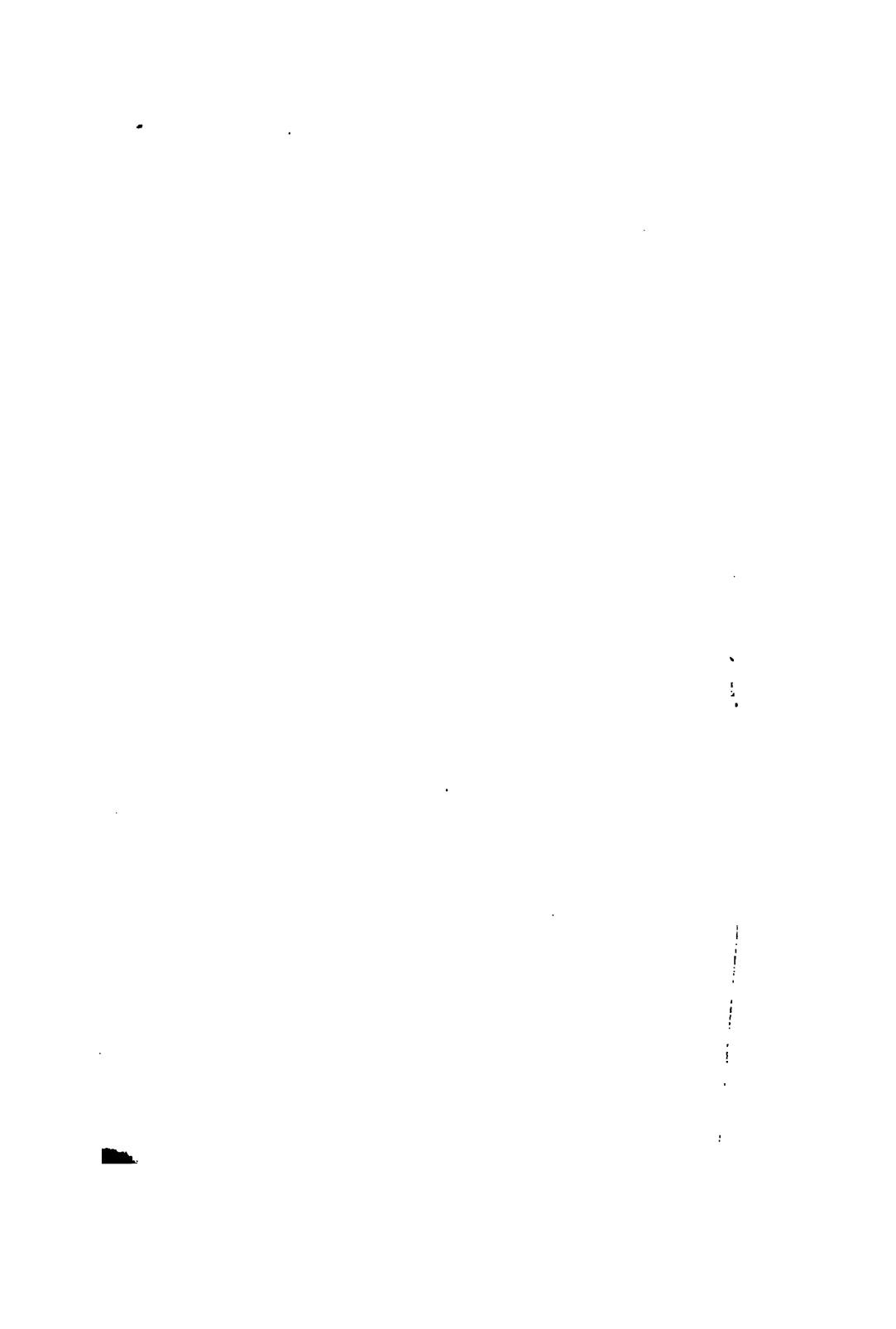
Г-56

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНДИЧА

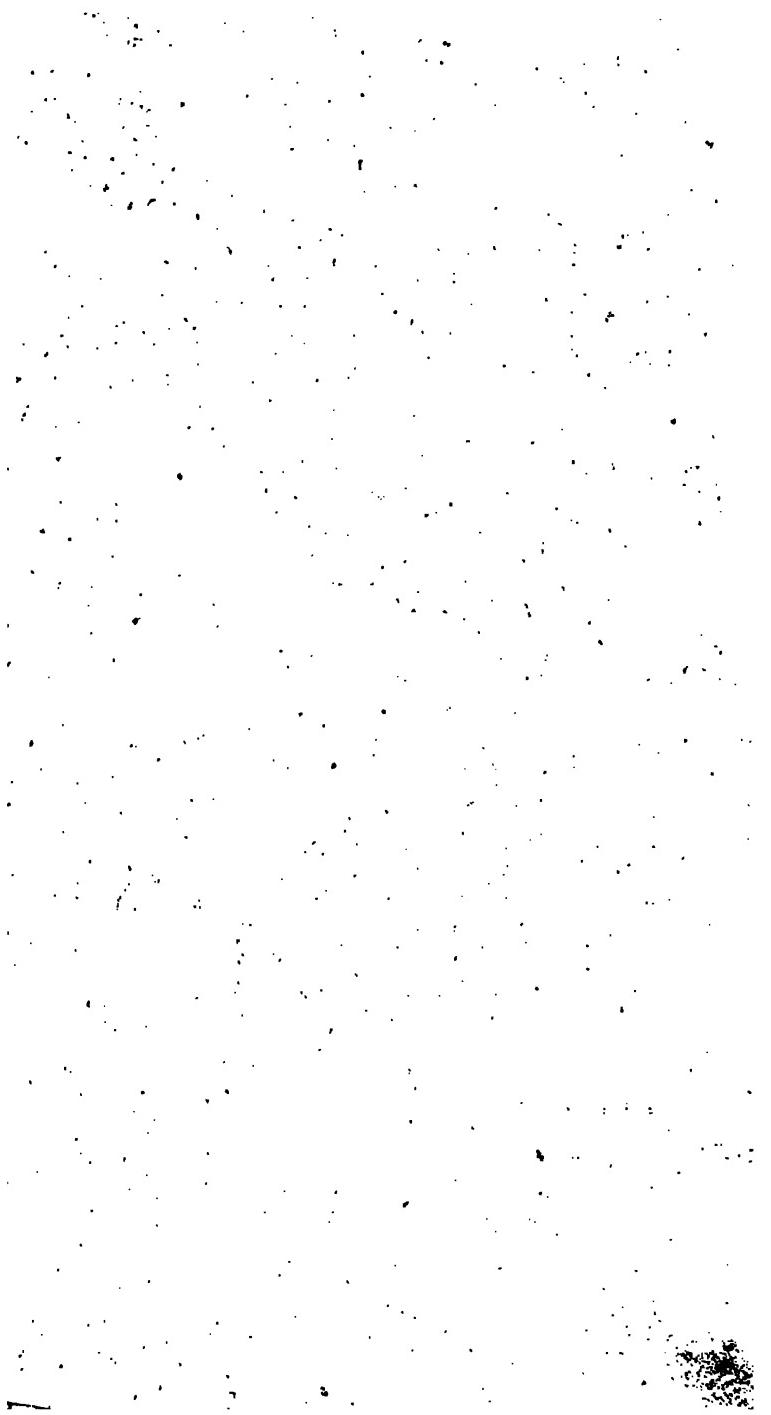
—
ТОМЪ ПЕРВЫЙ

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

N. F. G. P.

Г 56(8р)

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

С портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ,
составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ПЕРВЫЙ — Иллюстрированный

68724
№ 1

ИЗДАНИЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкий мостъ, № 1
1903

Лондонъ. 1901, № серебра 1000 р.

Ганнибалъ Тимъ В. въ Родинъ Г. Петербургъ. R. O., № 2.. X 1000

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ГНѢДИЧЪ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРЕДЬ

Н. МИНСКАГО

(Н. М. Виленкина).

Невозможно быть въ одно и то-же время великимъ поэтомъ и хорошимъ переводчикомъ, но столь-же невозможно быть хорошимъ переводчикомъ, совсѣмъ не будучи поэтомъ. Истинный поэтъ-художникъ сяеть, подобно солнцу, своимъ собственнымъ, незаимствованнымъ свѣтомъ, и этотъ свой свѣтъ проливается на весь окружающій міръ. Великій поэтъ видить всякий образъ и слышать всякий звукъ по-своему, и силой творчества заставляетъ и другихъ людей глядѣть на міръ его глазами. Одна и та-же картина природы, одно и то-же событие исторіи можетъ вдохновить двухъ поэтовъ на совершенно различныя думы и чувства,— и всякий изъ нихъ будетъ выразителемъ правды. Это не значитъ, что поэтъ можетъ искажать дѣйствительность по-своему; какъ солнечные лучи не искажаютъ и не измѣняютъ очертаній предметовъ на землѣ, а только освѣщаютъ ихъ, такъ и художникъ, какъ-бы онъ ни былъ геніаленъ, только окрашиваетъ дѣйствительность въ цветъ своей души, но для этого онъ сперва долженъ та-

Н. И. Гнѣдичъ Т. I.

боко и върно изучить эту действительность и никогда ни въ чемъ отъ нея не отступать. Художникъ-поэтъ приносить съ собою въ міръ новый міръ, и поэтому одинъ, среди всѣхъ другихъ представителей человѣческаго духа, имѣеть право на священное имя творца.

Но эта врожденная, художественная сила, дающая поэту возможность еще разъ творить вселенную и человѣка по своему образу и подобію, становится для него рѣшительнымъ препятствиемъ, какъ-только онъ захочетъ передать намъ творенія другого поэта, такого-же самостоятельного художника, какъ онъ самъ. Истинный поэтъ можетъ лишь подражать другимъ поэтамъ, и то лишь такимъ, которые однородны съ нимъ по таланту, можетъ вдохновиться ихъ гениемъ на самостоятельное творчество, но никогда не сумѣеть онъ точно воспроизвести чужое вдохновеніе. Поэтому, если дѣло касается произведенія обширнаго по объему, созданнаго безсмертнымъ геніемъ, отражающаго въ себѣ цѣлую эпоху человѣческаго развитія,—произведенія, гдѣ дорого каждое слово, каждый своеобразный оборотъ рѣчи, какъ печать навсегда минувшей старины, какъ отголосокъ навсегда умолкнувшей жизни,—тогда никакое подражаніе, даже самое талантливое, не удовлетворить насъ такъ, какъ точный переводъ, рабски-върно передающій и смыслъ, и духъ подлинника. Болѣе того, никакія подражанія тогда даже не желательны, и Пушкинъ, передѣлавшій въ эпической формѣ „Мѣру за мѣру“ Шекспира, вполнѣ доказалъ своимъ „Анджелло“, что подобные произведенія, не будучи ни оригиналными, ни переводными, не имѣютъ никакого серьезнаго художественнаго значенія, кроме стилистического. А такъ какъ рабски-точно воспроизводить духъ чужихъ вдохновеній истинный поэтъ не можетъ, то вообще самостоятельному, творческому таланту не должно браться ни за передѣлку, ни, еще менѣе, за переводъ крупныхъ классическихъ произведеній, подъ опасеніемъ впасть въ противорѣчие съ самимъ собою.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что за такие переводы

могутъ браться писатели, лишенные дарованія, безталантные труженики, или ловкіе версификаторы, набившіе руку въ умѣніи низать рпомы. Чтобы передать духъ великаго произведенія, нужно сперва проникнуться самому этимъ духомъ, а этого нельзя сдѣлать, не имѣя сердца, отзывачиваго на все великое, не питавши съ дѣтскихъ дней гордыхъ надеждъ на самостоятельное творчество, не благоговѣя искренно передъ творчествомъ чужимъ.

Истинныхъ творцовъ-поэтовъ во всякой литературѣ весьма немного. Это — люди со всеобъемлющимъ умомъ и глубокой душой. Отличительное ихъ свойство состоить въ томъ, что, нося на своеемъ геніи рѣзкую печать эпохи и окружающаго міра, они, въ свою очередь, еще рѣзче кладутъ на эту эпоху и среду печать своего генія. Но такихъ поэтовъ мало. За то во всякой литературѣ много стихотворцевъ, одаренныхъ чувствомъ красоты и любовью къ изящному. Ихъ общее отличіе — крайняя впечатлительность нервовъ. Ихъ творчество возбуждается не внутренней потребностью, а внѣшнимъ раздраженіемъ. Съ юныхъ лѣтъ они предаются высокимъ мечтамъ и неяснымъ порывамъ. Подъ вліяніемъ обстоятельствъ или изъ духа подражательности они могутъ воспѣвать и бури свободы, и прелести мирнаго существованія, и гордую штыливость духа, и небесную сладость вѣры. Чувствуя всегда порывы къ идеалу, они недовольны жизнью и настроены на злѣгичный ладъ. Но, съ другой стороны, не находя удовлетворенія въ глубокой, примиряющей скорби, доступной лишь натурамъ высшемъ, они отъ недовольства жизнью переходятъ къ ея восхваленію, запасаются терпѣніемъ и становятся мудры. Ихъ чувства не отличаются силой и простотой искренности, и всегда или немного ходульны, или немного слацавы. Степень ихъ таланта бываетъ весьма различна. Глубокихъ слѣдовъ въ литературѣ они послѣ себя оставлять не могутъ и часто погибаютъ, рано перегорая въ огнѣ своего темперамента и страстей. Но если такія натуры, по счастливому стечению обстоятельствъ, одарены не только впечатлительностью, но

еще и трудолюбиемъ и устойчивостью характера, если рано передъ ними открываются богатства всесмѣрной поэзіи,—они, большею частію, въ набожномъ восторгѣ обвиваются своими блуждающими вѣтвами вокругъ какого-нибудь неподвижнаго колосса искусства, и тогда изъ нихъ выходятъ знаменитыи, и, порою, бессмертныи поэты-переводчики.

Такими поэтами-переводчиками въ особенности богата литература нѣмецкая, и знаменитѣйше изъ нихъ—Фоссъ, переводчикъ Гомера, и Авг. Вильг. Шлегель, переводчикъ Шекспира, благодаря которымъ нѣмцы считаютъ себя въ правѣ смотрѣть на Гомера и Шекспира почти какъ на національныхъ поэтовъ. Какъ оригинальные писатели, Фоссъ—со своими идилліями, а Шлегель—со своими сонетами и эпиграммами, занимаютъ въ нѣмецкой литературѣ мѣсто не выдающееся,—и въ этомъ, какъ мы уже говорили, таится причина ихъ успѣха, какъ переводчиковъ. Англійскій переводчикъ „Іліады“, Попъ, обладавшійъ большимъ оригинальнымъ талантомъ, извѣстный авторъ „Письма Элоизы къ Абеляру“, „Essay on man“ и др., благодаря именно своему таланту, весьма неудовлетворительно передалъ поэму Гомера, сдѣлавъ въ ней произвольныя поправки и искаженія, вслѣдствіе чего переводъ сохранилъ лишь стилистическое значение.

Въ нашей литературѣ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ-переводчиковъ, не уступающихъ по значенію Фоссу и Шлегелю, долженъ почитаться Н. И. Гнѣдичъ, переведившій на русскій языкъ „Іліаду“ Гомера стихами и размѣромъ подлинника. Мы не хотимъ сказать, что онъ ничего не стоитъ, какъ оригинальный писатель. Но будучи бессмертнымъ переводчикомъ „Іліады“, онъ, какъ писатель оригиналъный, занималъ лишь второстепенное мѣсто среди современныхъ ему поэтовъ.

I.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, потомокъ стариннаго двоинскаго рода, родился 2-го февраля 1784 года въ Пол-

тавъ—родинѣ многихъ зламенитыхъ писателей, какъ-то: Котляревскаго, Гребенки, Богдановича, Капниста, Гоголя и др. О дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Гнѣдича мы знаемъ чрезвычайно мало. Родители его рано умерли, оставивъ ему и его сестрѣ небольшое имѣніе. Самъ Гнѣдичъ вспоминалъ о молодыхъ годахъ съ чувствомъ грусти:

Оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Сирой мачихой—судбою...

Такъ обращался онъ виослѣдствіи къ памяти своей матери. Отсутствие въ нѣжномъ возрастѣ материныхъ ласкъ оставило на его впечатлительномъ характерѣ неизгладимую печать какой-то ходульности и замкнутости, несмотря на врожденную доброту и любовь къ людямъ. Этому способствовало еще и то, что Гнѣдича въ раннихъ годахъ посѣтила оспа и не только страшно изуродовала его лицо, которому, говорятъ, суждена была красота, но и лишила праваго глаза. Сырьевая болѣзнь оставила на его темно-блѣдоватомъ лицѣ глубокія рябины, рубцы и швы. Извѣстно, что ничто такъ не озлобляетъ человѣка, какъ сознаніе своего безобразія. Но Гнѣдичъ до конца жизни сохранилъ вѣрное и любящее сердце. Его спасла рано пробудившаяся любовь къ труду, наполнившая содержаніемъ его отзывчивую душу и не давшая ей очертиться въ эгоистической печали.

Первое свое воспитаніе Гнѣдичъ получилъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ его товарищемъ былъ Котляревскій. Потомъ онъ перешелъ въ Харьковскій коллегіумъ. Но объ этомъ времени его развитія мы мало знаемъ. Вѣроятно, у Гнѣдича стала рано обнаруживаться любовь къ поэзіи, наполнившая бѣднаго и некрасиваго юношу гордымъ сознаніемъ своего превосходства и нѣкоторымъ высокомѣріемъ, никогда потомъ его не покидавшимъ. Шестнадцати лѣтъ, поступилъ онъ въ Московскій университетъ, гдѣ пробылъ три года. Лекціи профессоровъ, собственныйя усиленныя занятія, близкое знакомство съ литературой и литераторами того времени быстро развили

его даровитую натуру, и когда, три года спустя, онъ изъ Москвы перѣхалъ въ Петербургъ для отысканія мѣста, имъ были уже изданы въ свѣтъ двѣ переводныхъ трагедіи, одинъ оригиналный романъ, а въ головѣ складывались грандозные и заманчивые планы. Но для того, чтобы понять про-исхожденіе первыхъ литературныхъ замысловъ Гнѣдича и вѣрно опѣнить ихъ достоинство, намъ необходимо сказать хоть нѣсколько словъ о той эпохѣ и зародившемся тогда новомъ движеніи въ нашей литературѣ.

II.

Всякая эпоха въ исторіи можетъ быть, по справедливости, названа переходною, но, тѣмъ не менѣе, есть эпохи, переходныя по преимуществу, когда молодой организмъ народа быстро развивается, когда происходитъ коренная ломка убѣждений и идеаловъ, когда вчерашиіе боги сегодня кажутся смѣшными уродцами. Въ исторіи нашей литературы эта переходная эпоха совпадаетъ съ концомъ XVIII-го и началомъ XIX-го столѣтія. Всякій изъ насъ, конечно, слыхалъ о господствѣ въ нашей литературѣ псевдо-классического направлѣнія, но намъ теперь трудно, почти невозможно представить себѣ, до чего въ то время доходило это господство. Чѣмъ читатель былъ просвѣщенѣе и болѣе знакомъ съ европейскими литературами, тѣмъ упорнѣе защищалъ онъ псевдо-классической катехизисъ. Не помогали ни природный дарованія, даже такія блестящія, какія были у Ломоносова и Державина, ни ученость и знакомство съ настоящей классической литературой, какими обладали Сохацкій и Мерзляковъ. Не то чтобы никто не сознавалъ у насъ ненормальности преклоненія передъ французскими образцами. Уже Сумароковъ осмѣивалъ высокопарные оды и требовалъ отъ поэтовъ естественности и простоты. Сатирические журналы 1769 — 1774 г. неутомимо и остроумно преслѣдовали наше обезьяничанье передъ французами и впервые ввели въ литературу

элементъ обыденной мѣщанской жизни. Фонвизинъ одинъ изъ первыхъ высказалъ у насъ мнѣніе, что западъ гниетъ. Но и Сумароковъ, и Фонвизинъ въ своихъ сочиненіяхъ оставались рабски-вѣрными правиламъ, завѣщаннымъ Батте и Лагарпомъ. На всеобщее подражаніе французамъ писались сатиры, составленныя по рецепту Буало, и наши галломаны осмысливались въ комедіяхъ, представлявшихъ сколки съ комедіей Мольера. Разгадка этой тайны заключается въ томъ, что французскій псевдо-классицизмъ изображалъ изъ себя законченную, со всѣхъ сторонъ замкнутую, на точныхъ и строгихъ правилахъ основанную систему, а всякая строгая система, на какихъ-бы ложныхъ началахъ она ни была построена, скорѣе и сильнѣе покоряетъ себѣ людскіе умы, чѣмъ неопредѣленная, лишенная рѣзкихъ очертаній, истина, Французскіе эстетики для всѣхъ родовъ поэзіи создали искусственныя трудности, ожидая отъ поэта лишь преодолѣнія этихъ трудностей. Французскіе классики оставили во всѣхъ этихъ родахъ прекрасные образцы. Отъ молодого поэта требовались только трудолюбіе и смѣтливость. Лавры генія доставались дешево. Хераскова называли искренно русскимъ Гомеромъ, Княжнина — русскимъ Расиномъ. Были русскіе Пиндары, русскіе Гораци, русскіе Буало. Не было только русской литературы и истинныхъ дарованій.

Но въ описываемую эпоху, на рубежѣ XVIII-го и XIX-го вѣковъ, господствующему псевдо-классическому направленію были нанесены одинъ за другимъ тяжелые удары. Изъ одной крайности литература бросилась въ другую. Отъ классическихъ героевъ и полубоговъ, рѣшившихъ судьбу міра, наши писатели обратились къ идеальнымъ барышнямъ, мечтавшимъ при лунномъ свѣтѣ о симпатіи души.

Сначала громкія у насъ гремѣли оды,
Потомъ мы—ахали...

Вѣрнѣе сказать: и оды гремѣли, и ахали мы въ одно и то-же время. Смѣщеніе старого и новаго — отличительная

чертъ всякой переходной эпохи. На-ряду съ ироическими трагедиями Сумарокова, Княжнина и Николаева стали успленно даваться на сценѣ перенесенные къ намъ изъ Германии и Франціи слезныя трагедіи и мѣщанскія драмы Седена, Мерсье и Лессинга. Даже самъ Херасковъ написалъ двѣ слезныя драмы. „Мольеровъ и Распиновъ вкусъ“ сталъ сильно подрываться съ появлениемъ переводовъ Шиллера и Шекспира. Въ лирикѣ также замѣчается поворотъ къ новому. Одамъ-реляціямъ и одамъ-поученіямъ нанесенъ смертельный ударъ въ „Чужомъ толкѣ“ И. Дмитрева. Перелагаются на мотивы и всѣми распѣваются чувствительныя пѣсни Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Карамзина и, въ особенности, Мерзлякова, того самого Мерзлякова, который съ каѳедры и въ публичныхъ лекціяхъ являлся ярымъ защитникомъ лже-классическихъ теорій, самъ-же подкапываясь подъ нихъ, какъ поэтъ. То-же новое вліяніе замѣчается и въ прозѣ. Не говоря о „Бѣдной Лизѣ“ и многочисленныхъ ей подражаніяхъ, подъ столь-же чувствительными заглавіями, въ родѣ „Бѣдной Маши“, „Обольщенной Гонретты“, „Несчастной Маргариты“, „Прекрасной Татьяны“ и др., наша литература въ то время наводнилась переводами чувствительныхъ и страшныхъ романовъ Мармонтеля, Коцебу, г-жи Жанлисъ и сатанински-мрачныхъ произведеній г-жи Радклиффъ. Утомленная сухостью и напыщенностью псевдо-классическихъ романовъ, публика страстно накидывалась на все, что говорило воображению и чувству, что трогало сердце и вызывало слезы. Фактъ, достойный замѣчанія, что Карамзинъ вдохнулъ въ нашу литературу новую жизнь, благодаря не художественному таланту, котораго у него не было, а своему добромъ сердцу. Достойно вниманія и то, что эти литературные новшества и въ книгахъ и, въ особенности, на сценѣ гораздо рѣзче проявились въ благодушной Москвѣ, чѣмъ въ холодномъ и чопорномъ Петербургѣ. Еще Сумароковъ замѣтилъ о мѣщанскихъ драмахъ, что онѣ „вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ.“ Но, повторляемъ, вмѣстѣ съ новымъ

направлениемъ мирно уживалось и старое. Мы уже упомянули о Мерзляковѣ. И Дмитріевъ, такъ зло осмѣявши въ „Чужомъ толкѣ“ нашу одоманію, самъ писать высокопарныя оды, въ родѣ „Ермака“ и „Освобожденія Москвы“. То-же самое слѣдуетъ сказать и о стилѣ. Творцы нашего новаго прозаического и стихотворнаго языка, Карамзинъ и Дмитріевъ, позволяли себѣ иногда въ своихъ сочиненіяхъ и славянскія речениа, и цѣлые обороты, которыми бы не побрезгали и тогдашніе заклятые поборники старины, „голѣмы претолковники“,—какъ ихъ называлъ Карамзинъ. Все это необходимо имѣть въ виду, чтобы хоть сколько-нибудь ясно представить себѣ ту запутанную, разнорѣчливую, двойственную эпоху.

Вотъ въ какое время молодой Гнѣдичъ выступилъ на поприще литературы. Съ одной стороны Херасковъ, лекціи Сохацкаго и Мерзлякова, съ другой — Карамзинъ и его по-дражатели, съ одной стороны — мертвый холодъ, съ другой — болѣзненная сентиментальность. Но Гнѣдичъ не былъ ни безчувственъ, ни томно-чувствителенъ, и потому онъ не присталъ ни къ одному изъ этихъ двухъ теченій. Въ молодомъ хохлѣ уже тогда обнаружились всѣ задатки его будущаго характера и дарованія. Добрый и умный, онъ отличался и въ некоторой неестественностью въ обращеніи. Товарищи прозвали его *l'étudiant aux échasses* или просто ходульникомъ, потому что онъ любилъ о всякомъ предметѣ говорить свысока и всякому незначительному обстоятельству придаваль какую-то важность. Но это было слѣдствіемъ того, что юноша жилъ усиленной умственной жизнью и во всемъ видѣлъ или хотѣлъ видѣть больше, нежели видѣли его товарищи. Онъ увлекался всѣмъ выходящимъ изъ обыкновенного порядка вещей и, въ то время, когда всѣ насытались надъ „Телемахидой“, прочиталъ ее три раза отъ доски до доски, и даже находилъ въ ней безподобные стихи,—одинъ изъ тѣхъ критическихъ промаховъ, въ которыхъ онъ попадался и впослѣдствіи. Дѣятельность его была для юноши изумительная. Въ три года, проведенные въ университетѣ,

онъ успѣлъ основательно познакомиться съ латинской и, въ особенности, съ греческой литературой, усиленно занимался исторіей подъ руководствомъ Х. Чеботарева, котораго сдѣлался любимцемъ; изучалъ литературу французскую и нѣмецкую, въ особенности пристрастился къ сочиненіямъ Шекспира, котораго читалъ во французскомъ переводѣ, и Шиллера, и, обладая звучнымъ голосомъ, часто декламировалъ передъ товарищами отрывки изъ трагедій и игралъ на сценѣ университетскаго театра. Товарищи весьма его любили, несмотря на то, что во всемъ его существѣ было нѣчто странное, почти смѣшное, что онъ и сохранилъ до самаго гроба.

Началъ Гнѣдичъ свою литературную дѣятельность съ переводовъ. Сперва онъ перевелъ трагедію Дюсиса „Абюфарь“ (1802), вѣроятно, по указанію Мерзлякова, но отъ псевдо-классицизма скоро обратился къ романтизму, болѣе соотвѣтствовавшему бурнымъ мечтамъ честолюбиваго юноши. Въ сотрудничествѣ съ нѣкимъ А. перевелъ онъ драму Шиллера „Заговоръ Фieseко въ Генуѣ“ и вскорѣ затѣмъ издалъ въ свѣтъ оригиналный романъ, подъ своеобразнымъ заглавіемъ „Донъ-Коррадо де-Геррера“ или „Духъ ищенія и варварства Гиппанцевъ“ (1803). Написанный подъ вліяніемъ романовъ нѣмецкихъ и французскихъ и, въ особенности, романа Мармонтеля „Инки или разрушеніе Перуанской имперіи“, съ героемъ котораго, сувѣра Делюка и кровожаднаго Лизарро, списанъ донъ-Коррадо,—романъ этотъ, должно сознаться, не имѣть никакихъ художественныхъ достоинствъ и только свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи духа и нѣсколько смѣшной самонадѣянности молодого автора. Свое предисловіе къ роману Гнѣдичъ заключаетъ слѣдующими, не слишкомъ скромными словами: „Ободрись, молодой авторъ! и если фариры будутъ шипѣть позади тебя—прези ихъ. Первое перо Вольтера, Шекспира и Шиллера, конечно, было не безъ слабостей, такъ почему-жъ не простить ихъ молодому русскому автору—Николаю Гнѣдичу?“ Макаровъ, въ „Московскомъ Меркуріѣ“, жестоко разбранилъ этотъ незрѣлый плодъ

юношеской фантази. Кто-то сочинил эпиграмму на романъ. Считаемъ здѣсь же нужнымъ оговорить, что объективное изображеніе жизни Гнѣдичу никогда не удавалось, и эпикъ онъ былъ совсѣмъ плохой. Прикъ же онъ былъ обыкновенно холдный и становился искрененъ и спленъ лишь тогда, когда его душа была поражена глубокимъ горемъ, но за то въ эти рѣдкія минуты поднимался довольно высоко въ своеемъ поэтическомъ полетѣ.

Романъ „Донъ-Коррадо“, исполненный чудовищныхъ злодѣйствъ и приключений, не удовлетворилъ бурнаго юноши, въ сущности, весьма тихаго и миролюбиваго, и онъ задумалъ какую-то неслыханную драму въ 15-ти дѣйствіяхъ, и на поздѣвки товарищѣ отвѣчалъ ссылками на Валленштейна, Шиллера, короля Генриха, Шевальера и на какую-то ста-ринную итальянскую трагедію, которая тоже была написана въ 15-ти дѣйствіяхъ и 3-хъ частяхъ и представлялась на сценѣ три дня сряду. Мы видимъ честолюбиваго и энергичнаго юношу, ищащаго опушью себѣ какое-нибудь колоссальное дѣло, на которое впослѣдствіи онъ и набрель.

Но идея о 15-ти-актной трагедіи Гнѣдичъ не привель въ исполненіе за отѣзданіе въ Петербургъ, въ концѣ 1803 года.

III.

Въ Петербургѣ Гнѣдичъ опредѣлился на службу въ департаментъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, продолжая усиленно свою поэтическую дѣятельность, переводную и оригинальную, принятый въ лучшихъ тогдашихъ журналахъ. Его денежныя дѣла были въ это время не особенно блестящи и только благодаря помощи двухъ своихъ земляковъ, Я—ва и Р—ва, ему удалось въ 1805 г. поѣхать на нѣсколько времени въ родную Украину, дорогую для него по воспоминаніямъ дѣтства. Время 1804—1806 г. слѣдуетъ считать чуть-ли не самыми плодотворными въ дѣятельности Гнѣдича, какъ самостоятельного поэта. Въ послѣдующіе затѣмъ годы

онъ всецѣло посвятилъ себя переводамъ, а его оригинальная лира издавала звуки фальшивые и слабые, и только около 1819 г. лирическій талантъ Гнѣдича снова расцвѣлъ на короткое время. Объяснить эти, на первый взглядъ, странные капризы музы Гнѣдича, по нашему мнѣнію, не трудно. Истинный поэтъ-художникъ всегда остается вѣренъ самому себѣ; какъ могучая сосна растеть и на тучномъ черноземѣ, и на голомъ утесѣ, истинный поэтъ во всякой обстановкѣ находитъ пищу для своего творчества. Но поэты второстепенные, какимъ былъ Гнѣдичъ, должны быть поставлены въ обстоятельства особенно благопріятныя, для того чтобы ихъ талантъ достигъ доступнаго для нихъ развитія. Такіе поэты рабы обстоятельствъ; вдохновеніе пробуждается въ нихъ не вслѣдствіе внутренней потребности, а внѣшняго давленія. Ключа къ ихъ поэтической дѣятельности слѣдуетъ искать въ ихъ отношеніяхъ къ людямъ, въ ихъ положеніи въ свѣтѣ, а не наоборотъ. Это—тяжелые инструменты, въ которыхъ спящіе звуки пробуждаются лишь тогда, когда судьба сердито дуешь въ нихъ изо всей мочи, а не Эоловы арфы, звучащія отъ легкаго прикосновенія зефира.

Гнѣдичъ, какъ мы уже говорили, становился искрененъ и поэтиченъ въ своихъ пѣсняхъ только подъ вліяніемъ личнаго горя, и то сильнаго. Годы 1804—1806 были въ его жизни самые тяжелые. Безъ средствъ къ жизни, затерянный въ большой столицѣ, безъ друзей и покровителей, свидѣтель чужого блеска и счастья, самолюбивый и гордый юноша долженъ быть много передумать и выстрадать. Въ „Гласѣ благодарности“, посвященномъ упомянутымъ выше Я—ву и Р—ву, Гнѣдичъ жалуется на то, что долженъ проводить свои молодые годы—

Здѣсь—далеко—на чужинѣ—
Отъ редныхъ, друзей мопхъ.
Бѣдняку—и сиротинѣ
Не пайти во вѣки ихъ!
Люди есть и здѣсь, конечно,
Кто Лукулловъ всѣхъ сочтѣтъ?

Но бѣднакъ межъ ними вѣчно
Человѣка не найдеть.

Непрітворна его радость, при мысли о томъ, что онъ увидить скоро родину.

На то мѣсто, гдѣ родился,
Въ этомъ годѣ ты взглянешь;
На томъ холмѣ, гдѣ рѣвился,
Въ этомъ годѣ отдохнешь;
Узришь, узришь свою хату...

Подъ вліяніемъ своего горя, Гнѣдичъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, проникнутыхъ страстью и желчью. Лучшее изъ нихъ, обратившее на двадцатилѣтняго поэта всеобщее вниманіе и въ свое время весьма известное, называется „Перуанецъ къ Испанцу“, и, вѣроятно, навѣяно вышеупомянутымъ романомъ Мармонтеля. Перуанецъ обращается къ своему притѣснителю съ слѣдующими воплями злобы и мести, по страстному тону которыхъ вы чувствуете, что это — не холодная реторика, что устами перуанца говорила личная злоба и личная печаль поэта:

Кто право даль тебѣ надѣль жизню моей?
Законъ? Какой законъ? Одной рукой природы
Ты сотворенъ, и я, и всей земли народы.
Но ты сильнѣй меня? А я—за то-ль, что слабъ,
За то-ль, что чернѣй я—и долженъ быть твой рабъ?
Погибни же сей міръ, вѣкъ которому безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣнчано;
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила—всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая вѣкъ злодѣйствахъ голова
Бессильного гнететь, невинность поражаетъ
И кровь ихъ на себѣ порфиroy прикрываетъ!

Въ этихъ стихахъ слышится отголосокъ страстныхъ монологовъ Карла Моора, но въ нашей литературѣ подобный тонъ былъ новостью. Только при крайнемъ либеральномъ настроеніи тогданиаго правительства могло безпрепятственно появиться въ печати и распространиться такое стихотвореніе, при чтеніи котораго, можетъ быть, не лишнимъ вспомнить слѣдующія слова Вигеля о Капнистѣ и Гнѣдичѣ: „Оба они,

несмотря на единовѣріе, единокровіе, единозваніе, на двухвѣковое соединеніе ихъ родины съ Россіей, тайкомъ ненавидѣли ее и русскихъ москалей, кашаповъ".

Той же страстью тона отличается и другое стихотвореніе Гнѣдича „Общежитіе“, гдѣ онъ проповѣдуетъ граждансскую добродѣтель и величие свободы, и, обращаясь къ людямъ мелкимъ и самолюбивымъ, погрязшимъ въ заботахъ лишь о себѣ и о своихъ, восклицаетъ:

Ты спиши—злодѣй ужь цѣль, цѣлтами всю увишъ,
На гражданъ наложилъ—отчество терзаетъ
Сны отечества, цѣпей не возлюбивъ,
Расторгнуть ихъ хотять—вольнъ слухъ мой поражаетъ,
Какой ужасный стоны!

А къ индиферентнымъ мудрецамъ, презирающимъ толпу и изъ презрѣнія не хотящимъ служить ей, говоря, что лучше скитаться со звѣрьми въ лѣсу, нежели заботиться о неблагодарныхъ людяхъ, поэтъ обращается съ такими укорами:

Когда законъ ногами попираютъ,
Боязнь золотымъ курать всѣ ѿміамъ,
Достойныхъ же вѣнцовъ—всѣхъ пылью засыпаютъ,
Ты долженъ—ли тѣда скитаться по лѣсамъ?
О, нѣть! Но о добрѣ всеобщемъ лишь радѣя,
Всѣмъ другомъ истиннымъ себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодѣя,
И что гнетомый правъ—ты сѣту покажи,
Неблагодарныхъ обажи!

Приведенные отрывки показываютъ, что Гнѣдичъ былъ правъ, когда говорилъ впослѣдствіи, что въ его груди билось:

Не общее сердце, что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы иль гордой свободы!

Къ лучшимъ стихотвореніямъ Гнѣдича принадлежать тогда же написанныя, въ подражаніе пѣснямъ Оссіана, „Красоты Оссіана“, „Послѣдняя пѣснь Оссіана“, и, въ особенности, стихи „На гробѣ матери“, сочиненные имъ послѣ поѣздки въ Полтаву. Въ нихъ господствуетъ тихая грусть, искренняя и выраженная простыми, поэтическими словами. Послѣдняя строфа могла бы быть написана лучшими изъ на-

шихъ поэтовъ. Гнѣдичъ, не помнившій своей матери, умершой, когда онъ былъ еще въ колыбели, обращается къ ней съ трогательной мольбой явиться его очамъ:

Уэрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ, въ міръ духовъ переселенный,
Я могъ и тамъ тебя узнать!

Этимъ стихотвореніемъ завершается первый періодъ дѣятельности Гнѣдича. Оригинальные его стихи, писанные въ теченіе 1806—1819, отличаются, какъ мы сказали, дѣланностью и слабостью. Причина та, что послѣ 1806 г. положеніе Гнѣдича становится несравненно лучше, чѣмъ было прежде. Его стихи, равно какъ и прозаическая статья о синонимахъ, пріобрѣли ему благосклонность сильныхъ меценатовъ и открыли передъ нимъ дома гр. А. С. Строганова и А. С. Оленина. Сверхъ того, Гнѣдичъ пользовался еще славой, какъ прекрасный чтецъ, что весьма много значило въ то время, когда ни одинъ почти вечеръ не обходился безъ чтенія стиховъ, и хорошей декламацией можно было попасть въ избранныйшиe литературные кружки. Особенно Гнѣдичъ полюбился Оленину своей образованностью и знакомствомъ съ классической литературой. Но одновременно съ улучшеніемъ обстоятельствъ Гнѣдича, его оригиналъный поэтический талантъ замѣтно ослабѣлъ, быть можетъ, къ его счастію, потому что онъ не былъ рожденъ великимъ поэтомъ. Въ это время въ его головѣ впервые зародилась мысль о громадномъ трудѣ, которому онъ посвятилъ двадцать лѣтъ жизни и который доставилъ ему неумирающую славу. Мы говоримъ о переводѣ „Иллады“.

IV.

Изъ всѣхъ видовъ литературы ничто у насъ такъ не произвѣтало въ XVIII и началѣ XIX вѣка, какъ переводы, и это настолько естественно, что не требуетъ никакихъ поясненій. Помимо французскихъ авторовъ, которымъ у насъ осо-

бенно посчастливилось, переводились также въ большомъ количествѣ и классики. Къ концу XVIII-го столѣтія у насъ были переведены, изъ классиковъ, вполнѣ или частію, Демосѳенъ, Овидій, Тацитъ, Саллюстій, Цицеронъ, Теренцій, Пліній Младшій, Ксенофонтъ и др. Но переводы эти были неудовлетворительны. Классицизмъ являлся у насъ въ костюмѣ псевдо-классицизма, въ переводахъ напыщенныхъ, уснащенныхъ славянскими словами и ходульными фразами, совершенно замѣнявшими простоту мыслей и ясность изложения оригиналовъ, почему эти два направленія, діаметрально одно другому противоположныя, мирно уживались между собою. Лучшими переводчиками того времени слѣдуетъ считать Мерзлякова, представившаго образцы во всѣхъ родахъ классической литературы, Кострова, стихотворного переводчика „Іліады“, Мартынова, отличавшагося, впрочемъ, болѣе трудолюбиемъ, нежели талантомъ, да еще переводчика Аристофана И. М. Муравьевъ-Апостола, одного изъ образованѣйшихъ людей своего времени. Вмѣстѣ съ Карамзінимъ, Муравьевъ-Апостоль одинъ изъ первыхъ разоблачилъ у насъ всю фальшь и шаткость принциповъ французского псевдо-классицизма. Но въ то время, когда Карамзінъ, противопоставляя Корнелю, Расину и Вольтеру—Шекспира и Шиллера, сдѣлался прародителемъ русскаго романтизма, Муравьевъ-Апостоль первый провозгласилъ у насъ, что единственное наше спасеніе — въ классицизмѣ, въ изученіи греческихъ и латинскихъ образцовъ. Онъ даже отрицалъ значеніе нового слога, введенаго школой Карамзина и И. Дмитріева, и доказывалъ, что наше книжный языкъ образуется не раньше, чѣмъ будетъ введено у насъ классическое воспитаніе и русскій языкъ сдѣлается разговорнымъ языкомъ въ обществѣ. Мысли эти, любопытныя сами по себѣ, для насъ интересны еще потому, что впослѣдствіи ихъ высказалъ и Гнѣдичъ, въ своемъ „Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“.

Среди всѣхъ поэтовъ древности у насъ въ особенности посчастливилось отцу поэзіи, Гомеру, а изъ его твореній —

„Иліадъ“. Не говоря объ отрывкахъ изъ неї, она вся была переведена прозой два раза, впервые Якимовымъ, въ 1776 г., а по-томъ — Мартыновымъ — въ началѣ прошлаго столѣтія. Кромѣ того, въ 1787 г. были напечатаны первыя шесть пѣсень „Иліады“ въ стихотворномъ переложеніи Кострова, — и этотъ переводъ долгое время считался у насъ образцовымъ. Переводъ сдѣланъ александрийскими стихами, т. е. шестистопнымъ ямбомъ, съ послѣдовательными риѳмами, — размѣромъ, заимствованнымъ у французскихъ псевдо-классиковъ и въ свое время считавшимся необходимымъ условіемъ эпоса и трагедіи. Этимъ же размѣромъ стала переводить „Иліаду“ и Гнѣдичъ, рѣшившись продолжать и окончить трудъ Кострова, почему и началь свой переводъ съ 7-й пѣсни.

Гомеръ давно былъ завѣтнымъ и любимымъ поэтомъ Гнѣдича. Еще въ университете онъ тщательно изучалъ его, а въ 1807 г., въ посланіи къ Батюшкову, называетъ Гомера — „воимъ пѣвцомъ“. Это доказываетъ, что къ тому времени часть о переводе „Иліады“ окончательно созрѣла въ его головѣ. Въ 1809 г. онъ издалъ въ свѣтъ 7-ю пѣснь „Иліады“, написанную, какъ мы уже сказали, александрийскими стихами. Литературные старовѣры подняли крикъ о дерзости молодого автора, рѣшающагося продолжать дѣло „благоискуснаго въ красотахъ отечественной словесности“ Кострова. Но Гнѣдичу помогло слѣдующее обстоятельство. Въ 1811 г. случайно было отыскано продолженіе перевода Кострова, именно 7-я, 8-я и часть 9-й пѣсни, которая и были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“. По сравненіи этого перевода съ переводомъ Гнѣдича, преимущество несомнѣнно оказывалось на сторонѣ послѣдняго. Приводимъ, для сравненія, одинъ отрывокъ.

Переводъ Кострова. Зевсъ обращается къ богамъ и богинямъ со слѣдующею рѣчью:

Златую цѣль съ высотъ вы долу визпустите,
И оной купно всѣ съ небесъ меня влеките:
Вы узрите, какъ ванъ цицажень бѣхъ трудъ,
Всѣ силы въ долѣ земной мене исъясчути.

Хопшу я васъ поднять отъ доля цѣпью сею,
Могу возвысить васъ и съ моремъ, и съ землею;
Скрѣплю я цѣпь сю Олимпа къ высотамъ,
Еса будеть тварь висѣть подъята къ небесамъ.

А вотъ та-же рѣчь въ переводе Гнѣдича:

Златую цѣпь спущу съ небесной я твердыни;
Низвѣстеся по ней всѣ боги и богини;
Не совлечете вы всей силою трудовъ
На землю отъ небесъ властителя боговъ.—
Когда-жъ благословлю я моцы явить предъ вами,
Восторгну землю я съ великими морями,
А цѣпь вокругъ вершинъ Олимпа обложу,
И все на высотахъ превыспреннихъ сдержу.

Переводъ Гнѣдича несомнѣнно лучше, но, какъ видно, самъ по себѣ далѣко неудовлетворителенъ. Главный его недостатокъ, это—несчастный александрийскій размѣръ, убивающій мысль и образъ и на все изображаемое налагающій неизгладимую печать декламаторскаго бездушія. Если-бъ Гнѣдичъ этимъ размѣромъ кончилъ всю „Илладу“, то его имя, безъ сомнѣнія, было-бы давно забыто, какъ забыты имена Мартынова и Кострова. Но, къ счастію для Гнѣдича, въ 1813 г., когда онъ уже дописывалъ 11-ую пѣснь, знаменитый С. С. Уваровъ обратился къ нему съ письмомъ, имѣвшимъ рѣшающее вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность.

Письмо это касалось вопроса о греческомъ гекзаметрѣ и доказывало вѣрную мысль, что духъ всякаго поэтическаго произведенія неразрывно связанъ съ его формой, какъ душа съ тѣломъ, такъ что съ искаженiemъ формы выдыхается и самый духъ оригинала. „Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи, — пишетъ С. С. Уваровъ, — есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣть свой размѣръ; и каждый родъ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой гений и свой языкъ. Гекзаметръ предоставленъ эпоcheй. Эта размѣръ весьма способенъ къ сѣму роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣть удивительное изобиліе къ оборотахъ, важную и плѣннюю гармонію“. Французы, по необходимости, должны

были, всѣдѣствіе неподатливости своего языка, изобрѣсти другую систему стихосложенія. Но „возможно-ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрийскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, обороты, расположение словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что со-ставляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гекзаметра, я слышу скучный и сухой александрийскій стихъ, риomoю прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ“. Поэтому авторъ полагаетъ, что намъ, русскимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобилъный, метрической просодіей наполненный языкъ, неприлично слѣдовать столь слѣпому предразсудку. Если намъ удалось ввести у себя гекзаметръ, то тѣмъ легче это намъ, такъ какъ нашъ языкъ обладаетъ свободнымъ словорасположеніемъ.

Гнѣдичъ, въ отвѣтъ на это письмо, вполнѣ соглашаясь съ выраженнымъ въ немъ мнѣніемъ, перевѣль почти всю 6-ю пѣснь гекзаметрами, правда, еще не совсѣмъ гладкими, такъ какъ попадаются стихи, въ родѣ слѣдующихъ:

Въ полѣ жъ и тамо и тамо шумѣла бранная бура,
Часто толпы сопротивныхъ стрелили мѣданныя копья,—

но этимъ переводомъ было положено крѣпкое начало русскому гекзаметру. Собственно говоря, уже Ломоносовъ представилъ образцы этого размѣра, но „Телемахида“ Тредьяковскаго, написанная гекзаметрами, долгое время, по удачному выражению одного критика, преграждала путь къ метрамъ Гречіи, какъ-бы нѣкое страшилище. Являлись смѣльчаки и до Гнѣдича, какъ, напримѣръ, Мерзляковъ, которые рѣшились писать гекзаметрами, не страшась этого чудовища, но это были робкіе опыты, набѣги дѣлались отрывками, — ut canis e Nilo, и Гнѣдичъ вполнѣ правъ, говоря, что онъ первый имѣлъ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, привязанный къ нему Тредьяковскимъ. Мы поймемъ заслугу Гнѣдича, если обратимъ вниманіе

полемику, вознившую по поводу письма С. С. Уварова. Капнистъ, кажется, первый подавший Гнѣдичу совѣтъ продолжать трудъ Кострова, въ обширномъ письмѣ пытался доказать непригодность для русскаго языка гекзаметра, вслѣдствіе отсутствія у нась спондеевъ. Болѣе того, онъ даже отрицалъ звучность этого размѣра въ греческомъ подлинникѣ, хотя тутъ-же сознается, что по-гречески онъ не понимаетъ. Вместо гекзаметра онъ предлагаетъ перевести „Илладу“ размѣромъ русской пѣсни:

Какъ бывало у нась, братцы, черезъ темный лѣсъ...

и тутъ же представилъ образецъ этого размѣра:

Удалились свѣты боги съ поля страшныхъ битвъ:
Но то тамъ, то тамъ шумѣла бура бранная, и т. д.

Возраженія, представленныя Капнистомъ, были блестательно опровергнуты С. С. Уваровымъ, доказавшимъ, что звучный гекзаметръ можетъ существовать и безъ спондеевъ, и давшимъ при этомъ слѣдующее прекрасное опредѣленіе гекзаметра: „Героический размѣръ украшается совершеннѣйшимъ равновѣсіемъ всѣхъ частей стиха: гекзаметръ не подымается и не падаетъ; онъ изгибаєтся, течеть тихо, но безъ прыжковъ; свободно, но въ строгихъ границахъ.“ Ему предоставлено обращаться отъ быстроты къ медленности, отъ силы къ мягкости; и всѣ оттѣнки, между сими противоположностями заключенные, вмѣщаются въ стопосложеніи гекзаметра“. Но до чего въ то время былъ чуждъ этотъ размѣръ русскому уху, видно изъ того, что такой опытный версификаторъ, какъ Воейковъ, обиженный мнѣніемъ объ отсутствіи у нась спондеевъ, серьезно рѣшился доказать неосновательность этого мнѣнія слѣдующими безобразными стихами:

Пусть говорятъ галломаны, что мы не имѣемъ спондеевъ!

Мы ихъ найдемъ, исчисляя подробно дѣянія Россовъ:

Галь, Персъ, Пруссъ, Хинъ, Шведъ, Венгръ, Турокъ, Сарматъ и Сак-
сонецъ—

Всѣхъ побѣдили мы, всѣхъ мы спасли и всѣхъ охраняемъ.

Мы ихъ найдемъ, исчисляя прекрасныя свойства монарха:

Царь Александръ щедръ, мудръ, храбръ, твердъ, быстръ, скроменъ и
стливъ и т. д.

Но пока длился споръ, возможенъ или невозможенъ русскій гекзаметръ, Гнѣдичъ взялъ и создалъ его, совершивъ при этомъ рѣдкій подвигъ, требовавшій громадной силы воли и беззавѣтной любви къ предмету: онъ уничтожилъ уже переведенный имъ пѣсни, стоявшія ему у орнамъ шестилѣтнихъ трудовъ. Только въ 1829 г. вышло полное изданіе „Иліады“, размѣромъ подлинника, т. е. ровно черезъ двадцать лѣтъ по напечатаніи первого изъ нея отрывка. Въ Гнѣдичѣ сказался малороссъ, медленный, терпѣливый, но упорный и всегда доходящій до конца разъ намѣченаго пути.

„Иліада“, по выходѣ въ свѣтъ, была горячо привѣтствуема нашими лучшими писателями и любителями изящнаго, но равнодушно принятая „большою“ публикою, что доставляло Гнѣдичу не одну минуту горькаго разочарованія. Самый теплый привѣтъ былъ высказанъ Пушкинымъ. „Наконецъ, — писалъ онъ, — вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ „Иліады“! Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большую частью устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе, — съ чувствомъ глубокагоуваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніемъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская „Иліада“ передъ нами“. Такжѣ Бѣлинскій писалъ, что „постигнуть духъ, божественную простоту и пластическую красоту древнихъ грековъ было суждено на Руси пока только одному Гнѣдичу“, иставилъ его гекзаметры выше гекзаметровъ Жуковскаго. Но другіе отзывы были не столь благопріятны для Гнѣдича. Ордынскій, напримѣръ, утверждалъ, что „Гнѣдичъ скорѣе переводилъ Фосса, нежели Гомера; слѣпо держался подлинника, уродовалъ свой языкъ, для языка подлинника обременялъ его множествомъ чуждыхъ ему формъ и оборотовъ, образовалъ по своему непонятныхъ слова. Мы

потеряли въ Гнёдичѣ ту искренность, игривость и простодушіе, которыя такъ свойственны Гомеру". Равнымъ образомъ и Галаховъ находить, что Гнёдичъ „сообщилъ гомеровскимъ пѣснямъ какую-то торжественность, настроилъ ихъ на риторический тонъ, чemu особенно способствовало излишнее и не всегда разборчивое употребленіе славянскихъ словъ и оборотовъ“.

Въ послѣднемъ упрекъ вѣрно то, что переводъ „Иліады“, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ изобилуетъ славянскими реченіями, а иногда представляеть стихи неблагозвучные. Особенно неприятно дѣйствуетъ на ухо довольно часто попадающійся *dativus absolutus*, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Въ замкѣ градской имъ *протекшиимъ*, ко храму Аѳины богини,
Двери предъ ними разверзла прелестная ликомъ Ѹсано. (П. VI, ст.
297—298).

Кости твои середь поля истлѣютъ,
Легкія въ чуждой троянской землѣ, *не совершенному дѣлу*.
(П. IV, ст. 174—175).

Также нельзя назвать удачными эпитеты, въ родѣ празднобродныхъ словъ, коннодосильныхъ мужей, звуконогихъ коней, ясноглаголивыхъ смертныхъ, хитропивенныхъ ремней и т. д. Равнымъ образомъ странны выраженія „вѣстникъ повинулся“, „мужи коснящіе на битву“, „о Атридѣ, не неправдуй“, „трокяне, бодатели коней“, „къ бережи ихъ“ (вм. для ихъ сохраненія), „въ омракѣ чувствъ“ и т. д. Но это — мелочи, легко объясняемыя эпохой, въ какую жилъ переводчикъ. Извѣстная книга Шишкова „О старомъ и новомъ слогѣ“ раздѣлила нашихъ литераторовъ на два лагеря: стаировъровъ съ Шишковымъ во главѣ и новаторовъ, послѣдователей Карамзина. Но и послѣдніе тоже не вполнѣ отказались отъ употребленія славянскихъ словъ. Тѣмъ болѣе это было пристойно Гнёдичу, имѣвшему дѣло съ произведеніемъ, на которое сами вѣка наложили печать какой-то торжественной важности. Но помимо нѣсколькихъ неудачныхъ словъ и оборотовъ, переводъ Гнёдича ничуть нельзя назвать

устарѣвшимъ и понынѣ: въ немъ вѣтъ духъ Гомера, му-
жественный и наивный, безыскусственный и безконечно разно-
образный въ оттѣнкахъ. Какъ бываютъ не рѣдко красивыя
лица съ не совсѣмъ правильными чертами, такъ и переводъ
Гнѣдича, несмотря на нѣкоторыя неправильности, дышитъ
красотой и поэзіей. Гнѣдичъ постигъ и выразилъ неулови-
мую тайну гомеровскаго гекзаметра; и, вчитываясь въ его
переводъ, невольно повторяешь съ Пушкинымъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной, эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

V.

Переводъ „Иліады“ доставилъ Гнѣдичу не только славу,
но и почетное положеніе въ свѣтѣ и жизненные удобства.
Еще въ 1811 г., благодаря покровительству Оленина, онъ
былъ избранъ въ члены россійской академіи и назначенъ
библиотекаремъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, гдѣ
и прошелъ до 1817 г., живя въ сосѣдствѣ и въ тѣс-
ной дружбѣ съ Крыловымъ. Въ 1812 г. Гнѣдичу была
выхлопотана отъ великой княгини Екатерины Павловны еже-
годная пенсія въ 1000 р. Въ то время литераторы въ Пе-
тербургѣ группировались вокругъ Державина и Шишкова въ
Бесѣдѣ, и вокругъ Жуковскаго въ Арзамасѣ. Эти два
общества были различны между собой по всему: по лите-
ратурнымъ стремленіямъ, вкусамъ и характерамъ членовъ. Въ
Бесѣдѣ засѣдали серьезные старцы, цѣлью которыхъ было
спасти отъ потопа новыхъ литературныхъ ересей священный
кочегъ славянского стиля. Тамъ читались произведенія, на-
ходившіяся потомъ мѣсто въ сборникѣ общества — „Чтеніяхъ
въ Бесѣдѣ любителей русской словесности“. Въ Арзамасѣ,
напротивъ, собиралась молодежь, шутила, забавлялась, дура-
чила, никакихъ изданій не предпринимала, но смѣхомъ да
эпиграммами навсегда убила господствовавшія у насъ въ
поэзіи со временемъ Ломоносова ходульную торжественность и

псевдо-классический замашки. Но Гнёдичъ стоялъ въ стороны отъ обоихъ обществъ, составляя душу и центръ особаго кружка, собиравшагося въ домѣ Олениныхъ. Сюда входили и члены Арзамаса, и члены Бесѣды, но однако всякий изъ этихъ кружковъ имѣлъ свою физиономію, и нужно сознаться, что кружокъ Оленинскій болѣе тяготѣлъ къ Бесѣдѣ, нежели къ Арзамасу.

О манерѣ держаться и характерѣ Гнёдича въ ту эпоху сходятся показанія почти всѣхъ его биографовъ. Гнёдичъ, несмотря на свое безобразіе, былъ щеголь: платье на немъ всегда было послѣднаго покрова. Съ утра до ночи во фракѣ и съ бѣлымъ жабо, онъ принаровлялъ цвѣтъ своего фрака и всего наряда къ той порѣ дня, въ которую тамъ и сямъ появлялся: коричневый или зеленый фракъ утромъ, синій къ обѣду, черный вечеромъ. Бѣлье всегда носилъ чистое, какъ снѣгъ; складки или брызги были отдѣланы художественно. Обувь, шляпа, тросточка,—все было безукоризненно: цвѣтные перчатки всегда носились имъ въ обтяжку. Держалъ онъ себя прямо, нѣсколько величаво, и во всѣхъ движеніяхъ былъ соразмѣренъ и плавенъ, какъ въ своихъ гекзаметрахъ; въ его манерахъ было нѣчто чопорное; рѣчь звучала нѣсколько декламаторски.

Онъ страстно любилъ общество и свѣтскую жизнь, но серьезнымъ къ этому препятствиемъ былъ его смѣшной выговоръ и своеобразные обороты французскаго языка. О нихъ ходили цѣлые анекдоты. Гнёдичъ разъ зашелъ къ Жуковскому, жившему тогда въ верхнемъ этажѣ шепелевскаго дворца. „Ты, кажется, мой Гнѣдко (Жуковскій всегда такъ его называлъ), запыхался?“ — Oui “, — отвѣчалъ Гнёдичъ, — j'ai courtmouté votre escalier“ (взбѣжалъ по лѣстницѣ). Въ другой разъ, услышавъ разсказъ о роскошной природѣ Тавриды, гдѣ растутъ высокія акаціи, кипарисы и раины, — Гнёдичъ вскричалъ: „Райна! Это рай дерево, которое... s'élance въ облака!“ Любиль онъ также передѣливать на русский ладъ французскія слова и чуть-ли не первый ввелъ

въ употреблениѣ слова: граціозность, наивность и др. Часто хвасталъ своимъ великосвѣтскимъ знакомствами и за глаза любилъ называть барынь и барышень франгузскими полуименами: *prin^e esse Catilhe, sonit s^e Bibi.* Чрезвычайно любилъ онъ читать въ обществѣ отрывки изъ трагедій или своей „Иллады“, и читалъ съ большими искусствомъ, по мнѣнію однихъ, а, по мнѣнію другихъ, быль очень смѣшонъ напыщенностью протяжнаго чтенія съ завываніями и вытанутой шеей, которая съ каждымъ стихомъ все болѣе и болѣе выходила изъ толсто-широкаго жабо, и высоко-поднятой головой, и къ небу возносищимся глазомъ. Благодаря славѣ отличного чтеца, отъ сошелся съ знаменитой красавицей—актрисой Семеновой, впослѣдствіи княгиней Гагариной, и въ теченіе 18-ти лѣтъ сохранять къ ней чувство самой пламенной дружбы и любви. Онъ проходилъ съ нею всѣ роли въ обширнаго репертуара и, благодаря ему, она являлась такою совершенной Клитемнестрой, Медеей, Мeroшой и Федрой. Для нея передѣлалъ онъ трагедію „Лиръ“ въ 1807 г., а черезъ два года перевелъ „Танкреда“ Вольтера. Эта дружба была счастіемъ и мукой его жизни.

Несмотря на нѣкоторыя смѣшныя черты характера Гнѣдича, всѣ биографы единогласно сходятся въ томъ, что онъ отличался рѣдкой честностью въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ, никогда не знать зависти, первый привѣтствовалъ молодыхъ дарованія и быль горячимъ покровителемъ начинающихъ писателей. Недаромъ Плетневъ въ своемъ посланіи къ Гнѣдичу говорить:

Судьи и другъ поэтовъ молодыхъ,
Къ твоимъ словамъ въ отважномъ сердцѣ ихъ
Есть тайная, особенная вѣра.

Нѣсколько чопорный съ виду, что вѣроятно объяснялось желаніемъ замаскировать свое безобразіе и заставить свѣтъ уважать себя, Гнѣдичъ отличался искреннимъ дружелюбiemъ и теплымъ сердцемъ. Еще юношей, не имѣя средствъ къ жизни, онъ подарили доставшееся ему отъ отца небольшое

имъніе въ 30 душъ крестьянъ своей сестрѣ, о которой продолжалъ заботиться до самой ея смерти. Существуетъ разсказъ о томъ, что Гнѣдичъ, посѣща ректора Духовной Академіи, Н. Н., замѣтилъ однажды на кладбищѣ Лавры плачущаго студента и, разспросивъ его, узналъ, что причиной горя молодого человѣка было бѣдственное состояніе его матери. Черезъ четыре дня студентъ, посѣтивъ свою мать, узналъ, что она перебралась на другое мѣсто и отыскала ее въ чистой, свѣтлой квартирѣ, гдѣ во всемъ были замѣты слѣды довольства. Это было дѣломъ Гнѣдича, выхлопотавшаго впослѣдствіи бѣдной женщинѣ пенсионъ у адмирала гр. М. С. Мордвинова. При жизни Гнѣдича окружавшимъ его этой поступокъ остался неизвѣстенъ. Вообще люди, близко знавшіе его, становились его преданными друзьями. Такъ, Батюшковъ въ одномъ письмѣ къ нему говорить: „Ты знаешь, что я чудакъ и не люблю въ глаза лѣстить, но теперь разлука даетъ мнѣ право сказать тебѣ, что ты одинъ у меня другъ, и истина сія запечатлѣна у меня въ сердцѣ на вѣки. Доказательство тому, что я тебя люблю какъ брата* и т. д. Батюшковъ, когда разстроились его душевныя силы, слушалъ и слушался одного только Гнѣдича. Не принадлежа ни къ одной литературной партіи, онъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися писателями всѣхъ лагерей: Крыловымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Баратынскимъ, Херасковымъ, Озеровымъ, Нелединскимъ - Мелецкимъ, кн. Шаховскимъ, Дельвигомъ, Плетневымъ, Тургеневымъ, Лабзинскимъ, Писаревымъ, Дмитревскимъ и др. Это доказывается множествомъ написанныхъ къ Гнѣдичу посланій, изъ которыхъ особенно замѣчательны посланія Пушкина, Баратынского, Батюшкова, Воейкова и Плетнева. Выписываемъ изъ посланія Пушкина слѣдующія прекрасныя строки:

Ты, коему судьба дала
И смѣлый духъ, и умъ высокий,
И важный пѣсни мъ обрекла—
Отрадѣ жизни одинокой;

О ты, который воскресиль
Ахила призракъ величавый,
Гомера музу наль явиль
И смѣлу пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободиль.

Въ послѣднихъ двухъ строчкахъ заключается поэтическій намекъ на то, что Гнѣдичъ уничтожилъ пѣсни, переведенныя александрийскимъ риѳмованнымъ размѣромъ и подать прімѣръ, которымъ впослѣдствіи такъ блистательно воспользовался Жуковскій. Кстати тутъ будеть привести и посланіе къ Пушкину Гнѣдича, лучшее посланіе изо всѣхъ, написанныхъ на имя Пушкина:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣй
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона геній иль геній Шекспира—
Гений ихъ неба, ихъ правовъ, ихъ странъ:
Ты-же, постигнувший таинство русскаго духа и мѣра,
Пой наль по своему, русскій Баанъ!
Небомъ роднымъ вдохновеній,
Будь на Руси ты нѣвецъ *несравненный!*

Считаемъ долгомъ оправдать тѣнь Гнѣдича отъ упрека, взвѣденного на него Вигелемъ, разсказывающимъ, будто Гнѣдичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и не имѣя друзей и средствъ къ жизни, „рѣшился на неслыханное средство, на исканіе покровительства и помощи у Хвостова“, для чего написалъ ему посланіе, гдѣ „умоляя его, старается разжалобить“ стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Я дуренъ, кривъ и денегъ не имѣю.

Посланіе къ гр. Хвостову Гнѣдичъ дѣйствительно написалъ, но не по пріѣздѣ въ Петербургъ, а въ 1814 г., уже по избраніи въ Академію, служа въ ббліотекѣ и пользуясь ежегоднымъ пенсиономъ, слѣдовательно, когда ему нечего было искать покровительства у кого бы то ни было. Стихъ, ко-

хожий на приведенный, употребленъ имъ, но не въ просительномъ, а въ шутливомъ смыслѣ. Гнѣдичъ говоритъ, что онъ не пользуется любовью не только музъ, но и смертныхъ дѣвъ:

Мнѣ можно-ли, Хвостовъ, любовью льститься музъ,
Мнѣ можно-ли вступить съ безсмртными въ союзъ,
Когда и смертныхъ дѣвъ плѣнить я не умѣю:
И дуренъ я, и хворъ, и денегъ не имѣю.

Если это посланіе грѣшить чѣмъ-либо, то невѣрнымъ от-
зыромъ о талантѣ Хвостова, почему Гнѣдичъ и не помѣстилъ
его въ изданіи своихъ стиховъ. Но, въ оправданіе Гнѣдича,
вспомнимъ, что около того-же времени, именно въ 1812 г.,
гр. Хвостовъ былъ избранъ въ почетные члены Общества люби-
телей словесности, и когда известный Дашковъ позволилъ
себѣ въ привѣтственной рѣчи иронію относительно новаго
члена, то немедленно былъ исключенъ изъ этого обще-
ства.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о другихъ
произведеніяхъ Гнѣдича, кромѣ „Иліады“. Не будемъ оста-
навливаться ни на его прозаическихъ статьяхъ, показываю-
щихъ въ авторѣ болѣе образованность вкуса, нежели оригинальность
мысли, ни на прекрасномъ переводѣ простонарод-
ныхъ пѣсенъ новыхъ грековъ и другихъ переводахъ, столь-
же замѣчательныхъ по чистотѣ и силѣ языка, ни на извѣ-
стной въ свое время идилліи „Рыбаки“, гдѣ имѣется по-
ристинѣ классическое описание петербургскихъ бѣлыхъ ночей,
цитируемое Пушкинъ въ примѣчаніяхъ къ „Евгенію Онѣ-
гину“, — все это отняло бы у насъ слишкомъ много мѣста,
но нельзя пройти молчаніемъ нѣсколькихъ оригинальныхъ
стихотвореній, написанныхъ Гнѣдичемъ въ періодѣ 1819—
1821 г. Гнѣдичъ, какъ мы уже говорили, становился по-
этомъ только въ минуту сильного личнаго горя. Съ теченіемъ
времени обеспеченное состояніе, литературные друзья перестали
удовлетворять его любящее сердце. Онъ всю жизнь
мечталъ о семейномъ очагѣ, о жизни тихой и спокойной среди

близкихъ и родныхъ, но года уходили, приближалась страсть, а онъ былъ совершенно одинокъ на свѣтѣ. Особенно интенсивно стало его горе около 1819 г. Было-ли тому причиной сердечная рана, измѣна любимаго человѣка, мы не знаемъ, но не сомнѣваемся, что въ это время падъ сердцемъ Гнѣдича разразилась сильная гроза. Подъ ея дуновеніемъ онъ снова становится искренѣй и глубокъ и пишетъ нѣсколько трогательныхъ и сильныхъ стихотвореній, лучшимъ изъ которыхъ слѣдуетъ признать „Къ Провидѣнію“. Непримѣрной грустью дышать слѣдующіе стихи:

Я сердце чистое, какъ жертву для небесъ,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой;
И что-жъ? Произноси обѣтъ ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Онъ слышитъ голосъ Провидѣнія, говорящій ему:

Друзья твои—льстецы; коварство—ихъ языкъ,
Обманъ не иности смиренной...
Но за тебя на нихъ во:становилъ я судъ
Небольшаго потомства;
И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
Печати черной вѣроломства.

Такою-же силой и скорбью отличаются написанныя въ томъ-же году два стихотворенія „Къ другу“, изъ которыхъ приводимъ цѣликомъ послѣднее:

Когда изъ глубины души моей угремои,
Гдѣ грусть одна ж вѣтъ въ тоскѣ нѣмой,
Проступить мрачная и блѣдный образъ мой
И осѣнить чело мнѣ черной думой;
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаешь.

Отъ послѣдняго четверостишія не отказался бы и самъ Пушкинъ.

VI.

Усиленные занятия, и въ особенности чрезмѣрное напряженіе голоса при разучиваніи ролей съ Семеновой, имѣвшее слѣдствіемъ разрывъ одной артеріи, ослабили и безъ того болѣзнистый организмъ Гнѣдича. Въ 1825 г. онъѣздилъ на Кавказскія минеральныя воды, но возвратился еще съ большими разстройствами въ груди. Но два года, проведенные затѣмъ въ Одессѣ, принесли ему большую пользу. Возвратившись въ Петербургъ, онъ занялся изданіемъ „Иліады“. Вскорѣ всѣ прежніе припадки стали возвращаться еще съ большою силой. Въ 1831 году врачи уѣхали егоѣхать въ Москву на искусственныя минеральныя воды. Здѣсь онъ проводилъ своего друга Дельвига въ могилу слѣдующимъ прекраснымъ двустишиемъ:

Другъ, до свиданія! Скоро и я наслажусь моей частью:
Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

Старческой скорбью вѣтъ отъ стиховъ, писанныхъ имъ за годъ до смерти:

Печалень май жребій, удѣль май жестокъ!
Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я ростъ одинокъ, сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
Прошелъ одинокъ его—тощее поле,
На коемъ, какъ въ знайной ливійской юдолѣ,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчу
Въ домашнемъ быту одинокъ:
Печалень май жребій, удѣль май жестокъ.

Лебединой пѣснью Гнѣдича было стихотвореніе „Ласточка“, кончающееся, словно по ироніи судьбы, слѣдующими стихами:

Пой, любезная ласточка, пой и кружись надо мню!
Можетъ быть, пѣснѣ не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

Увы! Предчувствіе поэта не сбылось: это была послѣдняя пѣсня. 3-го февраля 1833-го года Гнѣдичъ умеръ, оставивъ послѣ себя неумирающую память въ нашей литературѣ. Прахъ его погребенъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, рядомъ съ Крыловымъ. Надъ могилой его воздвигнутъ памятникъ его друзьями и почитателями, съ надписью:

*Гнѣдичу
обогатившему
Русскую Словесность
переводомъ Омира.*

«Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися».
(«Иліада», II. I, ст. 249).

И Минскій.
(*H. M. Виленкинъ*).

КЪ МОИМЪ СТИХАМЪ.

Пока еще сердце во мнѣ оживляется солнцемъ;
Пока еще въ персяхъ, не вовсе оть лѣтъ окладѣвшихъ,
Любовь не угласнула къ вамъ, о, стихи мои, дѣти
Души молодой, но въ которыхъ и самъ нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей Музы,
Которые, можетъ быть, вовсе отверглa-бъ оть сердца
Брюзгливая старость, и, кажется, что по заслугамъ
(Но кто на землѣ не принесъ самолюбию дани?) —
Спѣшу, о, стихи, васъ оть грознаго спасти приговора;
Спѣшу васъ отдать подъ покровъ снисходительной Дружбы. —
И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насы Музы изъ устья ихъ любимцевъ пѣбняютъ,
Ни пламенныхъ чувствѣй, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ волнуютъ;
То — нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабости, быть можетъ, ея доб одѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бѣтъся, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣй прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожжало при имени славы и гордой свободы;
Что, съ юности нѣжной любовию къ Музамъ пылая,
Оно сохранило, во всѣхъ коловоротностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было изды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществою гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ мира,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

Но ежели Дружба найдетъ въ моихъ пѣсняхъ нестройныхъ
Хоть слово для сердца, хоть стихъ, согрѣваемый чувствами,

Но ежели въ сихъ безыскусственныхъ звукахъ досуга
 Услышитъ тотъ голосъ, сердечный языкъ тотъ всемирный,
 Какимъ говорить къ намъ бессмертная матерь—Природа,
 Быть можетъ, стихи мои, въсъ я сберегъ не къ забвению.

О В Щ Е Ж И Т И Е.

(1804 г.)

*Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
 Sors de l'indifférence, où languissent tes jours.
 Thomas.*

Неужели въ этотъ міръ родится человѣкъ,
 Съ звѣрями дикими въ лѣсахъ чтобы скитаться?
 Или въ бездѣйствіи, во снѣ провестъ свой вѣкъ,
 Не знать подобныхъ—и ничѣмъ не наслаждаться;
 Какъ-будто въ пустотѣ ужасной—въ мірѣ жить,
 И прежде смерти мертвымъ быть?
 Посмотримъ вкругъ себя,—мы взглянемъ на вселенную,
 Какая связь въ вещахъ! На что ни кину взоръ,
 И оку изумленному
 Громада вся—одинъ чудесный кажеть хоръ!
 И то, что тамъ,—вверху, и таинъ,—подъ низнимъ кругомъ,
 И что во всѣхъ моряхъ,
 Въ лѣсахъ и на горахъ,
 Все въ цѣль однѣ плететь, все вяжетъ друга съ другомъ
 Тотъ Разумъ, что сей шаръ и небо утвердилъ,
 Атома съ существомъ премудро съединилъ.

* * *

О ты, надъ тварями, надъ всѣмъ здѣсь вознесенный,
 Понятьемъ, разумомъ, бессмертною душой,
 Проснися, человѣкъ,—проснися, ослѣпленный,
 И цѣни общія не разрывай собою!
 Ты инишь, что вброшенъ въ міръ безъ цѣли неизвѣстной,
 Чтобы ты въ немъ только жиль,
 И зрителей число умножилъ поднебесной;
 Взгляни на этотъ міръ!
 Противному совсѣмъ и звѣри научаютъ,
 И звѣри въ немъ живутъ не для себя самы;
 Трудятся и они,—птенцовъ они питаются,
 Птенцы же, подросты, трудятся и для нихъ.

Затѣмъ, ты говоришь, мнѣ для другихъ трудиться?
 Какая нужда до людей?
 Трудися только всякъ для пользы лишь своей,
 А пріобрѣвъ трудомъ, не худо насладиться.
 Ты наслаждаешься,—а тысяча сиротъ
 Страдаютъ тамъ отъ глада;
 Вдовицы, старики подлѣ твоихъ воротъ
 Стоятъ—и падаютъ, земерзнувши отъ хлада.
 Ты спишь—злодѣй ужъ цѣпь, цвѣтами всю увишъ,
 На гражданъ наложилъ, отечество терзаетъ;
 Сыны отечества, цѣпей не возлюбивъ,
 Растворгнуть ихъ хотятъ,—вопль слухъ мой поражаетъ:
 Какой ужасный стонъ!
 Не слышишь ты его—прерви, прерви свой сонъ!
 Несчастный, пробудись,
 Взгляни на согражданъ, тамъ легшихъ за тебя,
 Взгляни на ихъ вдовицъ, дѣтей—и ужаснись,
 Взглянувши на себя!

Ихъ вдовы стонутъ тамъ, ихъ дѣти мрутъ отъ глада,
 Страшися и трепещи, чтобъ тѣни ихъ стены,
 Подобно фуріямъ, явившимся изъ ада,
 Въ погибели своей тебя, тебя вина,
 Не стали-бъ день и ночь рыдать передъ тобою...

* *

Отечество, какъ ты еще младенецъ былъ,
 Подобно матери, обвило пеленою,
 Чтобы въ нѣдрахъ ты его златые дни вкусилъ,
 А ты за это все и малую заботу
 Считаешь глупостью—лишь у окна сидишь
 И тѣшишь своея души ты тѣмъ окоту,
 Что на людей глядишь.
 Сидишь,—неужели сидѣть въ сей міръ родился?
 Все, все гласитъ тебѣ, чтобъ для другихъ трудился.

„Трудиться?—говорятъ,—мнѣ жертвовать собою,
 „Завистникамъ, льстецамъ,
 „Живущимъ подлостью одною,
 „Мнѣ жертвовать сердцамъ,
 „Что, злобою кипя, тѣхъ самыхъ умерщвляютъ,
 „Которые и ихъ пытаютъ?
 „Хочу трудиться я, а змѣи ужъ шипятъ,
 „Тружусь—труды мои къ добру людей клонятся,

„Но люди за добро одно лишь зло творять.
„Такъ лучше буду я въ лѣсахъ съ звѣрьми скитаться“.

* *

Итакъ, людей пороки,
О, мудрый человѣкъ,
Отъ общества тебя же неутъ въ лѣса глубоки?
Отъ злыхъ и съ добрыми ты связь совсѣмъ пресѣкъ?
Но радостей отца, но удовольствій друга
Не хочешь чувствовать и съ добрыми дѣлить?
Лапландца хладнаго въ лачугѣ ждетъ супруга,
Желаетъ бѣдный финъ любить, любому быть;
Взгляни, какъ камчадаль, убѣленный лѣтами,
Лелѣть внука и сжимаетъ у персей,
Любуется, какъ внукъ шалить его косами,—
Взгляни, и сердце ты холодно разогрѣй!
Скажи мнѣ, что бѣ было съ невинными овцами,
Когда бы пастухи, лишь волкъ глаза явилъ,
Оставили овецъ и скрылись за кустами?
Ахъ! всѣхъ овецъ тогда тотъ волкъ бы задавилъ.
И ты, когда законъ ногами попираютъ,
Болваномъ золотымъ курятъ всѣ єміамъ,
Достойныхъ же вѣнцовъ—всѣхъ пылю засыпаютъ;
Ты долженъ ли тогда скитаться по лѣсамъ?
Ахъ, нѣть! но о добрѣ всеобщемъ лишь радѣя,
Всѣмъ другомъ истиннымъ себя ты окажи,
Гнетущу руку ты останови злодѣя
И, что гнѣтомый правъ—ты свѣту покажи,
Неблагодарныхъ обяжи!
Добро твори для всѣхъ глупцовъ, льстецовъ, коварныхъ,
А злость ихъ каменныхъ сердецъ
И плата низкая ихъ душъ неблагодарныхъ—
Ярче золотять лишь для тебя вѣнецъ.
И, ахъ! какой еще желать тебѣ награды?
Невинный и убогъ
Узрѣли чрезъ тебя блестящій лучъ отрады,
А это—видѣть Богъ.
Священный долгъ намъ есть—для блага всѣхъ трудиться:
Какъ безъ подпоръ нельзѧ и винограду виться,
Такъ мы безъ помоши другихъ не проживемъ;
Тотъ силу отъ подпоръ—мы отъ людей беремъ.

Всѣмъ вмѣстѣ должно жить, всѣмъ вмѣстѣ намъ трудиться,
Гнушаться зломъ—добро любить;
И радость изъ одной всѣмъ чаши пить—
Воть цѣль, съ какою всякъ изъ нась въ сей міръ родится.

ПЕРУАНЕЦЪ КЪ ИСПАНЦУ.

(1805 г.)

Рушитель милой мнѣ отчизны и свободы,
О ты, что, посмѣясь святымъ правамъ природы,
Злодѣйствъ неслыханныхъ землѣ примѣръ явилъ,
Всего священнаго навѣкъ меня лишилъ!
Доколѣ, въ варварствахъ не зная истощенья,
Ты будешь вымышлять мнѣ новыя мученья,
Властитель и тиранъ моихъ плачевныхъ дней?
Кто право дать тебѣ надъ жизнью моей?
Законъ? какой законъ? Одной рукой природы
Ты сотворенъ и я, и всей земли народы.
Но ты сильный меня; а я—за то-ль, что слабъ,
За то-ль, что черенъ я—и долженъ быть твой рабъ?
Погибни же сей міръ, въ которомъ безпрестанно
Невинность попрана, злодѣйство увѣничанно;
Гдѣ слабость есть порокъ, а сила—всѣ права!
Гдѣ посѣдѣвшая въ злодѣйствахъ голова
Бессильного гнететъ, невинность поражаетъ
И кровь ихъ на себѣ порфиroy прикрываетъ!

Итакъ, законъ тебѣ насть мучить право дать?
Почто же у меня онъ всѣ права отнялъ?
Почто же сей законъ, тираново желанье,
Ему дастъ и власть, и мечь на злодѣянье,
Меня-жъ неволить онъ себя переродить,
И, что я человѣкъ, велитъ мнѣ то забыть?—
Иль смыслишь ты, злодѣй, составъ мой изнуряя,
Главу мою къ землѣ мученьями склоняя,
Что будутъ чувствія во мнѣ умерщвлены?
Ахъ, нѣтъ,—тираны лишь одни ихъ лишены!..
Хоть живъ на снѣдѣ звѣрей тобою я проструся,
Что равенъ я тебѣ... Я равенъ? нѣтъ, стыжуся,
Когда съ тобой, злодѣй, хочу себя сравнить,
И ужасаюся тебѣ подобнымъ быть!

Я дикий человѣкъ и простотой несчастный;
 Ты просвѣщенъ умомъ, а сердцемъ тигръ ужасный.
 Моря и земли рокъ тебѣ во власть вручилъ;
 А мнѣ онъ уголокъ въ пустыняхъ удѣлилъ,
 Гдѣ, въ простотѣ души, пороковъ я не зная,
 Любиль жену, дѣтей, и больше не желая,
 Въ свободѣ и любви я счастье находилъ.
 Ужели симъ въ тебѣ я зависть возбудилъ?
 И ты, толпой рабовъ и громомъ окруженный,
 Не прямо, какъ герой,—какъ хищникъ въ ночь презрѣнныи,
 На безоруженныхъ, на спящихъ насть напаль.
 Не славы побѣдить, ты зата лишилъ алкаль;
 Но страсть грабителя личиной покрываая,
 Лиль кровь, намъ своего ты бога прославляя;
 Лиль кровь, и какъ въ зубахъ свирѣпыхъ исовъ
 Трупъ Инки трепеталъ,—на грудахъ череповъ
 Ликъ бога твоего съ мечемъ ты водружаешь,
 И ликъ сей кровю невинныхъ окроилишъ.

Но что? и кровью ты свирѣпствъ не утолилъ;
 Ты адъ на свѣтѣ семъ для насть соорудилъ,
 И, адскими меня трудами изнуряя,
 Желаешь, чтобы я страдалъ не умирая.
 Коль хочетъ богъ сего, немилосердъ твой багъ!
 Свирѣпъ онъ, какъ и ты, когда желать возмогъ
 Окровавленною, нисильственной рукою
 Отечества, дѣтей, свободы и покою,
 Всего на свѣтѣ семъ за то меня лишить,
 Что бога моего я не могу забыть,
 Который, насть создавъ, и грѣть, и питаетъ ¹⁾
 И мой унылый духъ на мѣсть одушевляетъ!..

Такъ, варваръ, ты всего лишить меня возмогъ;
 Но права мстить тебѣ, ни ты, ни самъ твой багъ,
 Хоть громомъ вы себя небеснымъ окружите,
 Пока я движуся—меня вы не лишите.
 Такъ, въ правомъ мщеніи тебя я превзойду,
 До самой подлости, коль нужно, низойду;
 Ядъ въ помощь призову, и хитрость, и коварство,
 Пройду все мрачное смертей ужасныхъ царство,

¹⁾ Перуанцы баготворили Солнцѣ.

И жесточайшую изъ оныхъ изберу,
Да ѿ грудь твою злодѣйску раздеру!

Но, можетъ быть, при мнѣ тотъ грозный часъ свершится,
Какъ братій всѣхъ моихъ страданье отомстится.
Такъ, нѣкогда придетъ тотъ вожделѣнныи часъ.
Какъ въ сердцѣ каждого раздастся мести гласъ;
Когда рабы твои, тобомъ угнетены,
Узря представшія минуты вожделѣнныи,
На все отважатся, рѣшатся предпринять
Съ твою жизнью неволю ихъ скончать.
И не толпы рабовъ, насилиствомъ ополченныхъ,
Или наемниковъ, корыстью возбужденныхъ,
Но сонмы грозные увидиши ты мужей,
Вспылавшихъ ищенiemъ за бремя ихъ цѣпей.
Видаль ли тигра ты, горящаго отъ гладу,
И сокрушившаго желѣзную заграду?
Меня увидиши ты! Сей самою рукой,
Которой рабства цѣпь влачу въ неволѣ злой,
Я знамъ вольности развѣю предъ друзьями;
Сражусь съ твоими я крылатыми громами,
Цо грудамъ иертыхъ тѣль къ тебѣ я притечу
И изъ души твоей свободу извлеку!
Тогда твой каждый рабъ, нашъ каждый гнѣвный воинъ,
Попретъ тебя пятой—ты гроба недостоинъ!
Твой трупъ въ дремучій лѣсъ, во глубину пещерь,
Рыкая, будеть влечь плотоядущій звѣрь;
Иль на пескѣ простертъ, предъ солнцемъ онъ истлѣеть,
И прахъ, твой гнусный прахъ, вѣтъ по полю развѣеть.

Но что я здѣсь вѣщалъ во слѣпотѣ моей?..
Я слышу стонъ жены и плачь моихъ дѣтей:
Они въ цѣпяхъ... а я о вольности мечтаю!..
О, братія мои, и вашъ я стонъ внимаю!
Гремятъ желѣза ихъ, влачась отъ вый и руки;
Главы преклонены подъ игомъ рабскихъ муки.
Что вижу?.. очи ихъ, какъ огнь во тьмѣ, сверкаютъ;
Они въ безмолвіи другъ на друга взираютъ...
А! се языкъ ихъ душъ, предвѣстникъ тѣхъ часовъ,
Когда должна потечь тирановъ нашихъ кровь!

ГЛАСЬ БЛАГОДАРНОСТИ.

Я—ву и Р—ву.

(1805 г.)

Долго ль будешь, рокъ суровый,
 Дни весны моей мрачить,
 И на сей ты годъ мой новый
 Хочешь тучи наводить?
 Гдѣ, въ какихъ сердцахъ найду я
 Противъ этихъ тучъ отводъ,
 Или мнѣ, опять горюя,
 Провлачить и этотъ годъ,
 Здѣсь—далеко на чужинѣ
 Отъ родныхъ, друзей моихъ?
 Бѣдняку и сиротинѣ
 Не найти вовѣки ихъ!
 Люди есть и здѣсь, конечно,—
 Кто Лукулловъ всѣхъ сочтеть!—
 Но бѣднякъ межъ ними вѣчно
 Человѣка не найдетъ.
 Знать, подъ чуждыемъ небосклономъ
 Поле жизни я пройду,
 И считая дни лишь стономъ,
 Здѣсь въ могилу упаду.

Такъ я думалъ предъ началомъ
 Блѣдна вечера съ собой,
 Гений кроткий вдругъ съ фаломъ
 И съ оливой сталъ предъ мной.

Вѣстникъ неба, вѣстникъ мирный,—
 Я въ восторгѣ возгласилъ,—
 Если ты съ страны зэирной
 Посланъ, чтобы мнѣ открылъ
 Будущу мою судьбину;
 Послѣ мрачныхъ, грозныхъ тучъ,
 Указалъ чтобъ мнѣ долину,
 Гдѣ блистаетъ солнца лучъ,—
 Пусть подымется завѣса,
 Пусть падежды лучъ мелькнетъ;
 Если жъ я ўзрю съ утеса
 Пропасть, дна которой нѣтъ?..

Если страннику несчастну,
 Въ знайный день—среди песковъ,
 Ты снизшель сказать вѣсть страшну,
 То хоть жажда жжетъ въ немъ кровъ,
 Не сыскать ему здѣсь тѣни
 И воды тутъ не найти,
 Оживить чтобъ томны члены,
 Чтобъ языкъ хоть омочить!
 Нѣтъ—пускай, пускай не знаетъ
 Странникъ рока своего,
 Пусть надежда прохлаждаетъ
 Кровь кипящую его;
 Пусть взоръ странника несчастна
 Покрываетъ мракъ густой,
 Жизнь намъ тягостна, ужасна...
 Какъ простимся мы съ иечтой!
 Тутъ небесный вѣстникъ мира
 Вдругъ слова мои прервалъ
 И мнѣ голосомъ зефира
 Вѣсть такую прошепталъ:
 „Въ роковомъ твоемъ фіалѣ
 Желчь изсохнетъ съ годомъ симъ,
 При самомъ его началѣ
 Ты подъ небомъ ужъ другимъ
 По пути мірскомъ пойдешь,
 Гдѣ, хоть встрѣтишь подъ ногою
 Тернъ, слезу хоть и прольешь,
 Но состраждущихъ рукою
 Та осушится слеза;
 Такъ царя планеть лучами
 Осушается роса,
 Но не мни жесть богачами
 Обрѣсти ты руку такихъ,
 Нѣтъ—они не сострадаютъ,
 Они чувствовать не знаютъ.
 Имъ невнятень стонъ другихъ;
 Ихъ добро—есть видъ корысти
 Или гордости одной;
 Нѣтъ—не къ воплямъ, но лишь къ лести
 Слухъ они склоняютъ свой.
 На то мѣсто, гдѣ родился,
 Въ этомъ годѣ ты взглянешь,

На томъ холмѣ, гдѣ рѣзвился,
 Въ этомъ годѣ отдохнешь;
 Узришь, узришь свою хату
 И повѣсишь посохъ въ ней,
 Хату малу, но богату
 Любящей тебя родней,
 И помиришься съ судьбиной,
 Въ ней забывъ бѣды свои".
 О, восторгъ! и кто же причиной?
 Это вы, друзья мои!
 Вы съ судьбой меня мирите,
 Коею гонимъ я былъ,
 Вы инѣ ясны дни дарите!
 Чѣмъ я—чѣмъ я заслужилъ?..
 Нѣть, ничѣмъ—вы лишь склонили
 Слухъ свой къ стону моему;
 И добро, добро творите,
 Внявъ лишь сердцу своему;
 Только стонъ уединенный
 Моей арфы къ вамъ дошелъ,
 И я, рокомъ удрученный,
 Въ васъ друзей себѣ нашелъ.
 Гдѣ же кисть, чтобы изразила
 Благодарный жаръ въ чертахъ,
 Гдѣ та арфа, чтобы излила
 Жаръ сердечный на струнахъ?..
 Чтобъ сказали—какъ умѣю
 Это чувствовать въ груди,
 И это чувство... я нѣмѣю...
 Ты, слеза, катись—пади!
 Такъ—она пускай докажетъ,
 Что я сердцемъ къ вамъ писалъ,
 Пусть, друзья, она докажетъ
 То, чего я не сказалъ.

НА ГРОБЪ МАТЕРИ.

(1805 г.)

Отъ колыбели я остался
 Въ печальномъ мірѣ сиротой;

На утре дней моихъ разстался,
О, мать безцѣнная, съ тобой!
И посохъ странника бросаю
Я въ первый разъ въ углу родномъ;
И въ первый разъ я посыщаю
Твой тѣсный, безыходный дому!
И землю въ трепетъ лобзая
Святую сердцу моему,
Скажу вперво: тѣнь святая,
Миръ вѣчный праху твоему!

Какъ черный крестъ твой наклонился
Къ холму, поросшему травой!
Надгробный камень весь покрылся
Пескомъ и мицтой муравой,
И колмъ съ землею поравняло!
Увы! онъ скоро-бъ былъ забыть;
Мнѣ скоро-бъ неизвѣстно стало
И мѣсто, гдѣ твой прахъ сокрыть!
И, сынъ печальный, я бы тщетно
Могилы матери искалъ;
Ее прошелъ бы непримѣтно
И, можетъ быть, ногой попралъ!..
Прости! — оставленный тобою,
Я отъ пеленъ усыновленъ
Суровой мачихой — судьбою.
Она, отъ берега мой членъ
Толкнувъ, гнала его жестоко
Междурѣшица зыбей
И занесла меня далеко
Отъ тихой родины моей.
И лишь теперь волной счастливой
Къ брегамъ роднымъ я принесенъ;
Любовью сирю, тоскливой
Къ твоей могилѣ приведенъ.
На гробъ не кипариса лозы,
Но лучшій даръ мнѣ отъ Творца —
Я пѣсни приношу и слезы,
Богатство скромное пѣвца.
Увы! когда ты испускала
Изъ устъ послѣдній жизни вздохъ,
Но взоръ еще на насъ кидала, —
Я траты чувствовать не могъ.

Теперь, возросшую со мною
Печаль — я изолю въ слезахъ;
Поплачу надъ землей сырой,
Сокрываю мнѣ милый прахъ!
Еще не разъ, душой унылый,
Одинъ, въ полunoчной тиши,
Приду я у твоей могилы
Искать отрады для души.
Приду — и холмъ, съ землей сравненный,
Возвышу свѣжай надъ тобой;
И черпый крестъ, къ землѣ склоненный,
Возобновлю моей рукой;
И тризной, въ день субботы священныхъ,
Я, ублажая тѣнь твою,
При воскуреньѣ жертвъ смиренныхъ
Надгробны пѣсни воспою.—
А ты, слухъ къ пѣснямъ приклоняя,
Отъ звѣздъ къ могилѣ ниспустись,
И горесть сына угѣшая,
Тѣнь матери — очамъ явись!
Узрѣть мнѣ дай твой ликъ священный,
Хоть тѣнь свою мнѣ дай обнять,
Чтобъ, въ міръ духовъ переселенный,
Я могъ и тамъ тебя узнать!

СОНЬ СКУПОГО.

(1805 г.)

Скупецъ, одиножды на сундукахъ сидѣвшіи
И на замки глядѣвши,
Зѣвалъ — зѣвалъ,
Потомъ и задремалъ.
Заснулъ — какъ вдругъ ему такой приснился сонъ,
Что будто *нищему копѣйку* подаю онъ.
Со трепетомъ скватился —
Разъ пять перекрестился —
И твердо поклялся ужъ никогда не спать,
Чтобы сновъ ему такихъ ужасныхъ не видать.

Р О М А Н С Ъ.

(1805 г.)

(На голось: Пой во мракъ тихой нощи).

Долго-ль, долго-ль будешь биться,
 Сердце бѣдное, въ груди,
 Долго-ль будешь ныть, томиться?
 Смерть! скорбѣй, скорбѣй приди!

Ничего ипѣ не осталось,
 Для чего бы въ мірѣ жить —
 Только сердце, чтобы рвалось,
 И глаза, чтобы слезы лить.

На землѣ мой взоръ унылый
 Не находить ничего;
 Но въ землѣ — въ сырой могилѣ,
 Тамъ — спокойствіе его!

Гдѣ жъ мечта — какъ упоенный
 Я природу позабыть,
 Но, тобою лишь плѣненный,
 Все въ тебѣ боготворилъ.

Землю ту, гдѣ ты ступала,
 Землю ту я цѣловаль...
 Но, увы! завѣса пала,
 Страшну правду я узналъ.

Я узналъ — о, лучше бъ вѣчно
 Не встрѣчалъ тебя взоръ мой,
 Чѣмъ, любя тебя сердечно,
 Знать, что я забытъ тобой.

Для чего жъ ты сердцу листила,
 Чтобъ его лишь побѣдить?
 Для чего змѣей ты была,
 Чтобы послѣ уязвить?

Смѣйся ты, что я страдаю,
 Что мученія терилъ,
 Что отъ нихъ я умираю —
 Умираю, но люблю.

СОЧИНЕНИЯ Н. И. ГНЪДИЧА

СКОРОТЕЧНОСТЬ ЮНОСТИ.

(1806 г.)

Фіалка на зарѣ блистала;
Предъ солнцемъ красовался цвѣтъ;
Но въ полдень съ стебелька упала,
И къ вечеру фіалки нѣть!

Печальный образъ!.. Такъ учится
И юность рѣзая отъ насъ.
Блаженъ, кто жизнью насладится
Въ ея быстропролетный часъ!

Моя ужъ юность отцвѣтаетъ;
Златое время протекло!
Уже печаль мнѣ духъ стѣсняетъ,
Задумчивость мрачить чело.

Приходитъ старость, и отгонить
Послѣдніе часы утѣхъ;
Болѣзнями хребеть мой склонить,
На голову посыпать снѣгъ.

Тоска, мрача мой вѣкъ постылый,
Падетъ на сердце, какъ гора;
Застынетъ кровь въ груди унылой,
И смерть восклікнетъ мнѣ: пора!..

О, холмъ, гдѣ лиру въ дѣтствѣ строя,
Съ пѣвницей сель я соглашалъ,
Ты будь одромъ мнѣ вѣчнаго покоя!
Сего, какъ счастья, я желалъ:

Всегда желалъ, чтобы край священный,
Гдѣ кости спятъ отцовъ моихъ,
Близъ нихъ спокоилъ прахъ мой тлѣнныи
Въ своихъ объятіяхъ родныхъ;

Чтобъ тамъ безмолвная могила
Возвысилася надо мнай,
И только-бъ съ вѣтромъ говорила
Своей высокою травой.

А ты, для коей я вселенну
Любиль и жизнь хотѣлъ влачить,

Сестра! когда ты грудь стѣсненну
Захочешь плачещъ облегчить;

Когда печали къ услажденью,
Придешь на гробъ мой, при лунѣ
Бесѣдовать съ мою тѣнью,
Часовъ полночныхъ въ тишинѣ:

Мою забвеннуу цѣвицу
Вспомни, принеси съ собой;
Чтобъ отличить пѣвца гробницу,
Повѣсь подъ дубомъ надо мной.

Она въ полночный часъ, унылой,
Тебѣ пѣвца напомянеть;
Со стономъ вѣтра надъ могилой
И свой надгробный стонъ сольетъ.—

Но если, бурей роковою
Въ страны чужія занесенъ,
Покроюсь я землей чужою,
Рукой наемной погребенъ:

Не уладить и вздохъ единый
Тамъ тѣни горестной моей,
И мой надгробный колъмъ, пустынный,
Лишь будеть скодбящемъ звѣрей.

Въ ночи надъ нимъ сова завоетъ,
Возсѣвъ на преклоненный крестъ;
И сердце путника заноетъ,
Онъ убѣжитъ отъ скорбныхъ мѣстъ.

Но, можетъ быть, надъ нимъ стеная,
Гласъ томный горлица пролѣть
И, пѣсною путника плѣня,
Къ моей могилѣ привлечетъ:

Быть можетъ, путникъ—сынъ печали,
И сядеть на могилу онъ,
И склонится на мигъ, усталый,
Въ задумчивый и сладкій сонъ;

Настроя духъ свой умиленный
Къ мечтамъ, и ими пробужденъ,

СОЧИНЕНИЯ Н. И. ГНЪДИЧА

Онь молвить, крестъ обнявъ склоненный:
„Здѣсь вѣрно добрый погребень!“

Быть можетъ... Что-жъ мой духъ томится?
Пускай хоть съ чуждою землей,
Хотя съ родною прахъ смѣсится;
Узрю я вновь моихъ друзей!

КЪ К. Н. БАТЮШКОВУ.

(1807 г.)

Когда придешь въ мою ты хату,
Гдѣ бѣдность въ простотѣ живеть?
Когда поклонишься Пенату,
Который дни мои блудѣтъ?

Приди, раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виномъ воспламенимъ,
И вмѣстѣ пѣснопѣнья богу
Часы досуга посвятимъ;

А вечеръ, скучный долготою,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ;
Надъ всей подлунною страною
Мечты промчимся на крылахъ.

Туда, туда, въ тотъ край счастливый,
Въ тѣ земли солнца полетимъ,
Гдѣ Рима прахъ краснорѣчивый,
Иль градъ сватой, Ерусалимъ.

Узримъ средь дикой Палестины
За Божій гробъ святую рать,
Гдѣ цвѣтъ Европы, Паладины
Летѣли въ битвахъ умирать.

Пѣвецъ ихъ, Тасъ, тебѣ любезный,
Съ кѣмъ твой давно сроднился духъ,
Сладкорѣчивый, гордый, нѣжный,
Нашъ очаруетъ взоръ и слухъ.

Иль мой пѣвецъ—царь пѣснопѣній,
Неумирающій Омиръ,

Среди безчисленныхъ видѣній
Откроетъ намъ весь древній міръ.

О, пѣснь волшебная Омира
Насъ въ мигъ перенесетъ, пѣвцовъ,
Въ край героического міра
И поэтическихъ боговъ:

Зевеса, мечущаго громы,
И всѣхъ бессмертныхъ вкругъ Отца,
Пиры ихъ свѣтлые и дома
Увидимъ въ пѣсняхъ мы Слѣпца.

Иль посѣтимъ Морвенъ Фингаловъ,
Ту Сельму, домъ его отцовъ,
Гдѣ на пирахъ сто арфъ звучало
И пламенѣло сто дубовъ;

Но гдѣ давно лишь вѣтеръ ночи
Съ пустынной шепчется травой,
И только звѣзды бессмертныхъ очи
Тамъ свѣтять съ блѣдною луной.

Тамъ Оссіанъ теперь мечтаетъ
О битвахъ и дѣлахъ былыхъ
И лирой тѣни вызываетъ
Могучихъ праотцовъ своихъ.

И вотъ, Трениморъ, отецъ героеvъ,
Черногъ воздушный растворивъ,
Летитъ на тучахъ съ сонмомъ воевъ,
Къ пѣвцу и взоръ, и слухъ склонивъ.

За нимъ тѣнь легкая Мальвины,
Съ златою арфою въ рукахъ,
Обнявшись съ тѣнью Моины,
Плынутъ на легкихъ облакахъ.—

Но, другъ, возможно ли словами
Пересказать иль описать,
О чёмъ слuchается съ друзьями
Подъ часъ веселый помечтать?

Счастливъ, счастливъ еще нечастный
Съ которымъ хоть мечта живеть:

Н. И. Гладачъ Т. І.

Въ дніахъ сумрачныхъ день сердцу ясный
Онъ хоть въ мечтаніяхъ найдетъ.

Жизнь наша есть мечтанье тѣни;
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ.
Приди-жь подъ кровомъ дружней сѣни
Повеселиться хоть въ мечтахъ.

С Е М Е Н О В О Й,

ПРИ ПОСЫЛКѢ ЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА ТРАГЕДИИ: „ЛЕАРЪ“.

(1808 г.)

Прими, Корделія, Леара своего:
Онъ твой, твои дары украсили его.—

Какъ арфа золотая,
Подъ вдохновенною рукою оживая,
Плѣняетъ нась, разить гармоніей своей:
Равно душа твоя, страстями наполняясь,
Такъ быстро въ видахъ ихъ и звукахъ измѣняясь,
Мертвить нась и живитъ огнемъ игры твоей!

Могущество даровъ и прелестей твоихъ
Обезоружило и критиковъ моихъ:
Когда волшебствомъ ты искусства
То раздирава намъ, то умиляла чувства,
Какъ слезы, вѣстники довольныхъ душъ, текли;

Сатира блѣдная вдали
Въ смущеньѣ на тебя, въ безмолвіи взирала,
Невольную слезу, закрывшись, отирала.—

Свершай путь начатый,—онъ труденъ, но почтенъ!
Дается свыше дарь, и всякий дарь священъ!
Но ихъ Природа намъ не втунѣ посылаетъ;
Природа дарь дасть, а трудъ усовершаетъ;

Цѣни его и уважай,
Искусствомъ, опытомъ, трудомъ обогащай,
И шествуй гордо въ путь, въ прекрасный путь—за славой!
Пусть Зависть мрачная вслѣдъ за тобой ползетъ
И дышетъ на талантъ безсильною отравой;
Или пусть съ тобою въ скорь, безстыдная, дерзнетъ:
Ей съ шумомъ пасть подъ собственнымъ позоромъ!

Лишь ты спокойна будь; и гордо-ясны мъ взоромъ
 И свѣтлого чела спокойствиемъ однимъ
 Ты, какъ стрѣлами Аполлона,
 Пронзиши исчадіе нелѣпаго Тифона!
 Почтенны мъ торжествомъ такимъ
 Убѣшь всѣ козни ты и ревноть дерзновенныихъ,
 Съ тобой идти путемъ однимъ,
 Соперницъ и враговъ надменныхъ.

Но какъ прекрасно, какъ возвыщенно сказать:
 „Враговъ я не имѣю;
 Соперницъ—я люблю, или о нихъ жалѣю;
 Хочу и въ славѣ ихъ участье принимать;
 Одни искусства пасъ связали:
 Хочу я раздѣлять ихъ радость и печали“.
 Счастливъ такъ мыслящий! Онъ миръ въ душѣ хранить,
 А Зависть ирачная у ногъ его лежитъ.
 Такъ дубы на холмахъ, соединясь корнями,
 Спокойные растутъ, одинъ другимъ крѣпясь;
 И въ адѣ стопами ихъ упрясь,
 Касаются небесь ихъ гордыми главами;
 Колеблясь бурею дебелые ихъ пни,
 Ни подъ перунами не падаютъ они,
 Живутъ одинъ другимъ, смѣяся надъ громами;
 Но между тѣмъ, подъ ихъ широкими тѣнями,
 Во прахѣ видять подлыхъ змѣй,
 Гдѣ часто бой онѣ со свистомъ начинаютъ
 И черной кровью своей
 Ихъ корни обагряютъ.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

(1809 г.)

Страшна, о, Задумчивость, твоя власть надъ душою,
 Унынія ирачнаго блѣдная матъ!
 Одни ли несчастны знакомы съ тобою,
 Что любиши ты кровы лишь ихъ посѣщать?
 Или тебѣ счастливыхъ невступны чертоги?
 Иль вѣчно врата къ нимъ златыя стрегутъ
 Утѣхи—жилицы ихъ блестили-боти?—
 Нѣть, твой не въ чертогахъ любимый пріютъ;

Тамъ нѣть ни безмолвія, ни думъ, ни взыханій.
Хоть есть у счастливцевъ дни слезъ и скорбей:
Ихъ стоны не слышимы при шумѣ ласканій,
Ихъ слезы не горьки на персяхъ друзей.
Бѣжишь ты ихъ шумныхъ чертоговъ блестящикъ;
Тебя твое мрачное сердце стремить
Туда, гдѣ безмолвная обитель скорбящихъ,
Иль гдѣ одинокій страдалецъ грустить.
Увы! не на радость приходишь ты къ грустнымъ,
Какъ другъ ихъ, любезная сердцу Мечта:
Витаетъ она по дубравамъ безмолвнымъ;
Равно ей пустынныя мили иѣста,
Гдѣ въ думахъ таинственныхъ часто мечтаетъ,
И, дочерь печали, грустить и она;
Но взоръ ея томный отрадой сіяеть,
Какъ ночью осенней въ туманѣ луна;
И грусть ея сладостна, и слезы пріятны,
И образъ унылый любезенъ очамъ;
Минуты бесѣдъ ея несчастнымъ отрадны,
И сердцу страдальца волшебный бальзамъ:
Улыбкой унылое чело озаряя,
Хоть блѣдной надеждой она ихъ живить,
И робкій въ грядущее взоръ устремляя,
Хоть призракомъ счастья несчастному лѣстить. —
Но ты, о Задумчивость, тяжелой рукою
Обнявши сидящаго въ грусти нѣмой
И думы вкругъ черныхъ прострѣя надъ главою,
Заводишь бесѣды съ его лишь тоской;
Не съ тѣмъ, чтобы усталую грудь отъ взыханій
Надежды отрадной лучемъ оживить;
Нѣть, призраки грозные грядущихъ страданій
Ему ты заботишься въ думахъ явить;
И смотришь, какъ грустнаго глава поникаетъ,
Какъ слезы струить онъ изъ томныхъ очей,
Которыя хладная земля пожираетъ.
Когда жъ изнуренный печалью своей,
На одръ онъ безрадостный, на одръ одинокій
Не въ сонъ, но въ забвенье страданій падеть,
Когда въ его храмину, въ часъ ночи глубокой
Послѣдній другъ скорбныхъ, Надежда, придетъ
И съ лаской къ сиротскому одру приникаетъ,
Какъ нѣжная матеръ надъ сыномъ стоитъ

И пѣсни волшебныя надъ нимъ воспѣваютъ,
Пока его въ тихихъ мечтахъ усыпить;
И въ мигъ сей послѣдняго душъ наслажденья,
И сна ты страдальцу вкусить не даешь:
Перстомъ, навождающи мечты и видѣнья,
Касаясь челу его, сонъ ты матеши;
И духъ въ немъ, настроенный къ мечтаньямъ унылымъ,
Тревожиши, являя въ видѣньяхъ ночей
Иль бѣдствія жизни, иль ужасъ могилы,
Иль призраки блѣдныя мертвыхъ друзей.
Онъ зритъ незабвеннаго, онъ гласъ его внемлетъ,
Онъ хочетъ обнять ему милый призракъ,
И одръ лишь холодный несчастный объемлетъ,
И въ храминѣ тихой находить лишь мракъ!
Падеть онъ, встревоженный и горько прельщенныи;
Но сонъ ему болѣ не сводить очей.
Такъ дни начинаетъ онъ на грусть пробужденныи,
Свой одръ одинокій бросая съ зарей:
Ни утро веселостью, ни вечеръ красами
Въ немъ сердца не радуютъ: мертвъ онъ душой;
При дѣвахъ ласкающихъ, въ бесѣдѣ съ друзьями—
Бездѣ, о Задумчивость, одинъ онъ съ тобой!

С Н И Г И Р Ъ.

(1809 г.)

Въ избѣ Пустынника Снигирь по волѣ жилъ:
По волѣ, то есть, могъ вылетывать изъ клѣтки,
Глядѣть въ окно сквозь сѣтки;
Но дѣло не о томъ: онъ страстно пѣть любилъ.
Пустынникъ самъ игралъ прекрасно на свирѣли
И, въ птицѣ видя страсть, онъ пѣть ее училъ
И подъ свирѣль свистать людскія трели.—
Снигирь ихъ перенялъ, и на голось людской
Свистя, какъ звонкая свирѣль, переливался.
Пустынникъ, на руку склоняясь головой,
Не разъ пѣвцомъ по часу любовался:
Снигирь мой счастливъ былъ!
Чего-бы еще хотѣть въ такой счастливой часткѣ?

Пустынникъ Снигиря любилъ,
 И самъ изъ рука его кормилъ.
 Но мучать, знать, и птицъ враги икою—страсти.—
 Унылъ Снигирь и мало пѣль,
 И часто пасмурный сидѣль
 На клѣткѣ у окошка,
 Въ которую его пустынникъ запиралъ
 Лишь на ночь, чтобы пѣвца не подхватила кошка.
 И вотъ о чёмъ Снигирь, слuchась одинъ, мечталъ:
 „Къ чему мнѣ все ученье?
 Кто слушаетъ мое здѣсь пѣнье?
 Хозяинъ мой да котъ!
 Для нихъ весь день дери я ротъ!
 Что прибыли въ такой и волѣ?
 Ахъ, если бы въ лѣсу я, въ полѣ,
 Хоть разъ межъ птицами на ладъ людской запѣль, 5
 Какого птичий родъ не слыхиваль отъ вѣка,
 Они-бѣ, дивясь, почли, что слышать человѣка!
 Меня-бѣ и Соловей послушать прилетѣль.
 Да что же?—я не запертъ въ клѣткѣ:
 Но на окно, вѣдь, сѣть опущена.
 Ахти! она
 Никакъ разорвана?—
 Такъ точно; вылечу, спою на ближней вѣткѣ“...
 Сказалъ, вспорхнулъ, въ лѣсъ темный полетѣль
 И, стаю рѣзвую увидѣвшіи пернатыхъ,
 Онъ сѣль
 Между пѣвицъ и пѣвуновъ крылатыхъ;
 И, сѣвшіи, посвистомъ всю рощу огласиль.
 Пернатые вздрогнули.
 Другъ на друга взглянули
 И замолчали всѣ; а мой пѣвецъ, что силь,
 И громкой флейтою, и тихою цѣвницей
 Свисталъ на ладъ людской предъ птичьею станицей.
 „Да что это за новый ладъ?..“
 Щегленокъ, Дроздъ и Чижъ заговорилъ съ Синицей:
 „Онъ не чирикаеть, онъ и свистить не птицей,
 Поеть, какъ человѣкъ—ну что это за складъ?
 Избави Боже нась отъ этакого тона!..”—
 „Вотъ каркать бы умѣль“,
 Сидѣвшая на пнѣ закаркала Ворона.
 „Куда какой хитрецъ!“

Картавый засвисталь Скворецъ,
 „Поеть какъ человѣкъ! Ты видно, братъ, ученый?..
 Слыхали мы такихъ—прощай!
 Тебѣ-ль ужъ былъ чета тотъ Попугай зеленый“...—
 „Да, да, тебѣ-ль чета зеленый Попугай?“
 Скворца Сорока перервала,
 „Котораго въ дому господскомъ я видала;
 Вѣдь какъ кричалъ—да я его перекричала.
 А ты отколь? ты что поешь?“— „Поеть онъ вздоръ!“
 Весь разомъ закричалъ пернатыхъ мелкий хоръ.—
 А мой пѣвецъ, оставилъ вѣтку,
 Скорѣй домой, скорѣй на клѣтку
 Вспорхнулъ и опустилъ головку подъ крыло.—
 Не много времени прошло,
 Какъ и Пустынникъ самъ явился:
 Съ порога до лѣсу онъ бѣглеца слѣдилъ
 И слышалъ, какъ надъ нимъ судъ птичій совершился.
 „Товарищъ, онъ сказалъ, что такъ ты пріунылъ?“—
 „Ахъ, дѣдушка! ахъ, гдѣ я былъ!
 Зачѣмъ я пѣнію людскому научился!..“
 „Не для того, мой другъ, чтобы пѣніемъ людскимъ
 Ты передъ птицами хвалился.
 Тебѣ урокомъ симъ
 Пусть опытъ истину полезную откроетъ:
 Что и у насъ, людей,
 Тотъ завсегда слыветъ умнѣй,
 Съ волками кто по-волчы воетъ“.

Д Р У Ж Б А.
 КЪ ВАТЮШКОВУ.
 (1810 г.)

Дни юности, быстро вы быстро промчались!
 Исчезло блаженство, какъ призракъ во снѣ!
 А прежнія скорби на сердцѣ остались;
 Къ чemu же и сердце оставлено мнѣ?
 Для радостей свѣтлыхъ оно затворилось;
 Ему измѣнила младая любовь!
 Но если бы сердце и съ дружбой простилось,
 Была бы и жизнь мнѣ даръ горкій богозъ!

Остался-бы я въ мірѣ одинъ, какъ въ пустынѣ;
 Одинъ бы всѣ скорби влачилъ я стена;
 Но вѣрная дружба даритъ мнѣ отнынѣ,
 Что отняла, скрывшись, любовь у меня.

Священнаю дружбой я все замѣняю:
 Она мнѣ опора подъ игоиъ годовъ,
 И спутница будетъ къ прощальному краю,
 Куда насъ такъ рѣдко доводить любовь.

Какъ гордая сосна, листовъ не мѣняя,
 Зеленая въ осень и въ зиму стонть,
 Равно неизмѣнна дружба святая
 До гроба живительный пламень хранить.

Укрась же, о дружба, мое пѣснопѣнье,
 Простое,вшенное сердцемъ однимъ;
 Мой голосъ, какъ жизни я кончу теченье,
 Хоть въ памяти друга да будетъ хранимъ.

НА СМЕРТЬ ДАНИЛОВОЙ.

(1810 г.)

Амуры, Зефиры, утѣхъ и смѣховъ боги,
 И вы, текущія Киприды по слѣдамъ,
 О Нимфы легконоги,
 Разсѣянны въ поляхъ, по рощамъ и холмамъ,
 И съ распущенными Хариты поясами,
 Стекайтесь сюда плачевными толпами!
 Царицы нашей нѣть! .
 Вотъ ваше счастіе, веселіе и свѣтъ,
 Смотрите—вотъ она безгласна, бездыханна,
 Лежитъ недвижима, хладна,
 И непробудная отъ рокового сна.

Данилова! ужели смерть нещадно
 Коснулась твоего цвѣтущаго чела?
 Ужель и ты прешла?..
 Нѣть, не прешла она, не отнята богами
 Отъ непризнателныхъ, безчувственныхъ людей.
 Такъ, боги, возжелавъ ихъ мощь явить на ней,
 Ущедрили ее небесными дарами:

Вдохнули въ видъ ея, во всѣ ея черты
 Пріятность граціи, сильнѣйшу красоты;
 Вліали въ душу огнь, котораго бы сила
 Краснѣе всѣхъ рѣчей безмолвно говорила;
 Чтобы въ дарѣ семь она единственной была,
 И смертныхъ бы очамъ изобразить могла
 Искусство дивное, какимъ дѣвѣ чистыхъ хоры
 На звѣздныхъ небесахъ боговъ плѣняютъ взоры.
 Но помраченному-ль невѣжествомъ уму
 Плѣняться прелестью небесныхъ дарованій?
 Нѣть, счастіе сіе лишь суждено тому,
 Кто самъ дары пріялъ и свѣтъ обрѣль познаній;
 А ты, Данилова, въ часть жизни роковой,
 Печальну истину, что болѣ между нами
 Богатыхъ завистью, убогихъ же дарами,
 Печальнымъ опытомъ познала надъ собой.
 Едва на поприще со славой ты ступила,
 И утро дней твоихъ, какъ яdomъ, отравила завистная вражда?
 Отъ нашихъ взоровъ ты скрылась, какъ звѣзда,
 Которая, въ ясну ночь по небу пролетая
 И взоры путниковъ сиянемъ изумляя,
 Во мракѣ исчезаетъ вдругъ
 И въ думу скорбную ихъ погружаетъ духъ.
 Кто вспомнить о тебѣ безъ слезнаго жалѣнья?
 Богъ скупъ въ такихъ дарахъ
 И шлетъ ихъ изрѣдка людей для укращенія.
 Но что теперь въ слезахъ?..
 Она ужъ тамъ, гдѣ нѣть ни слезъ, ни сокрушений,
 Ни злобы умысловъ, ни зависти гоненій;
 Она въ хорѣ чистыхъ дѣвѣ къ Олимпу пренеслась
 И въ вѣчну цѣпь любви съ Харитами спледась.

КЪ БАТЮШКОВУ,

ПРИ ПОДАРКѢ ЕМУ ВѢЛОЙ КНИГѢ.

(1811 г.)

На память дружбы инѣ любимецъ Аонидъ
 Чернильницу дарить,
 Прекрасную, но безъ чернилъ, пустую.
 0, даръ краснорѣчивъ!—Пускай же мой поэтъ

И отъ меня бумагу не простую,
Британскую, но чистую приметь.
Квитаюсь искренно, и нельзя лучше сладить;
Другъ друга мы даримъ какъ честные друзья:
Писавъ стихи, чернилъ не долженъ тратить я;
А ты иль не писавъ, не долженъ время тратить.

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦЮ.

Musis amicus. Кн. I, од.

А. И. О.

(1812 г.)

Питомецъ Шеридъ—и суеты, и горе
Я вѣтрамъ отдаю, да ихъ поглотить море!
И чуждъ мірскихъ цѣпей,
Въ моей свободной долѣ
Я не страшусь царей,
Дрожащихъ на престолѣ;
Но Дія чту, и Музъ и Фебовыхъ жрецовъ.
О, веселящаясь на высотѣ холмовъ,
Или въ тѣни долинъ простираемыхъ,
Гдѣ сребреный шумитъ потокъ,
Нарви цвѣтовъ благоуханныхъ
И свей, Шерида, достойному вѣнокъ.
Не звучень пѣсней гласъ тобой не вдохновенныхъ;
Коснися-жь струнъ моихъ волшебной ты рукой
И мужа возвеличь безсмертною хвалой,
Достойного тебя и сестръ твоихъ священныхъ.

Д Р У Ж Б А.

къ ***

(1813 г.)

Клянусь любовью на дружество съ тобой,
Когда безчувственной къ любви ты не была.—
Но, другъ мой, слишкомъ ты прелестна и мила,
Чтобъ не пылать къ тебѣ и дружбой, какъ любовью.

Ты ропщешь, и восторгъ находишь мой нескромныи?
 Клянуся, какъ могу, въ душѣ его скрывать;
 И буду я умѣть, не бывши въ родинѣ мъ,
 Прелестную, по гробъ, какъ друга обожать!

ДЛЯ РОЗОВАГО ПАВИЛЬОНА ВЪ ПАВЛОВСКѢ.

(1814 г.)

Какъ, Государыня, мнѣ дерзко такъ мечтать,
 Чтобы каждый разъ въ Твоей обители чудесной
 На лирѣ, по Твоимъ лишь благостямъ извѣстной,
 Твое священное имѣ Имя воспѣвать?.. ¹⁾)
 Но въ сей странѣ, Тобой благополучной,
 Меня и эхо устыдить:
 И эхо о Тебѣ здѣсь громче говорить,
 Чѣмъ голосъ мой незвучный.

О Т ВѢТЪ

НА ПОСЛАНИЕ ГР. Д. И. ХВОСТОВА, НАПЕЧАТАННОЕ 1810 ГОДА.
 (1814 г.)

Мнѣ можно ли, Хвостовъ, любовью льститься Музѣ?
 Мнѣ можно ли вступать съ безсмертными въ союзъ,
 Когда и смертныхъ дѣвъ плѣнить я не умѣю?
 И дурень я, и хворъ, и денегъ не имѣю.
 Но еслибъ я разсвѣль и къ чуду сталъ богатъ,—
 Парнасскихъ дѣвъ дары земные не прельстять:
 Онѣ—красавицы не нынѣшняго вѣка,
 Онѣ всегда глядѣть на душу человѣка;
 И если чистая души въ немъ глубина
 Священныи отъ небесъ отнемъ озарена,
 Коль духъ въ немъ пламенный, восторгомъ окрыленный,
 И къ небу звѣздному паритъ неутомленный
 И погружается безтрепетный во адъ,—
 Сей смертный чистыхъ дѣвъ вездѣ преклонить взглядъ.

1) Императрица Марія Феодоровна, при случайномъ проѣздѣ моемъ чрезъ Павловскъ, изволила спрашивать, оставлены ли мною какіе-либо стихи въ Розовомъ Павильонѣ.

И рыбарь, даромъ симъ ущедренный отъ неба,
 У хладныхъ водъ Невы плѣшилъ и Музъ, и Феба.
 Мнѣ, изволеніемъ всеправящихъ боговъ,
 Не суждено въ удѣль сихъ выспреннихъ даровъ.
 Мой духъ лишь воспаленъ любовью къ наукамъ,
 Къ священной истинѣ, златыя лиры къ звукамъ;
 И счастливъ, чувствуя волшебну сладость ихъ:
 Они—отрада мнѣ въ прискорбныхъ дняхъ моихъ.
 Восторженной душой при гласѣ лиръ священныхъ,
 Живой я восхожу на пиръ боговъ блаженныхъ!
 Хваляюсь симъ счастiemъ, но въ немъ весь мой удѣль,
 И перейти его напрасно-бы я хотѣль;
 А кто, горя однимъ честолюбивымъ жаромъ,
 Дерзаетъ, Фебовыми его считая даромъ,
 Идти поэтамъ вслѣдъ—стремится тотъ всегда
 По славнымъ ихъ слѣдамъ искать себѣ стыда.
 Но ты, о рѣвностный поклонникъ Аполлона,
 Стремись, Хвостовъ, имъ вслѣдъ къ вершинамъ Гелиона,
 Куда нашъ Невскій Бардъ, Державинъ, какъ орелъ,
 Чрезъ многотрудный путь столь быстро пролетѣлъ.—
 Я-жъ, тихомолкомъ жизнь невѣдому свершая
 И древняго цѣвца гласъ робко повторяя,
 Ни славы не добьюсь, ни денегъ не сберу
 И, вопреки тебѣ, съ стихами весь умру.
 Нѣть, нѣть, я не хочу быть мученикомъ славы,
 И всѣ твои, Хвостовъ, совѣты какъ ни правы,
 Слѣпому Плутусу я также не слуга ¹⁾);
 Давно онъ чести врагъ, а честь мнѣ дорога.
 Нѣть, лучше темною пойду своей стезею,
 Хоть съ сумкой за плечами, но съ чистою душою.
 Когда же Парки мнѣ прядутъ съ кострицей нить,
 Её терпѣніемъ я стану золотить,
 И, злобный рокъ поправъ, безъ страха и безъ стона
 Увижу дикий брегъ скупого Ахерона.
 Дотолѣ-жъ обѣ одномъ молю моихъ Пенатъ:
 Да въ свѣжести мой умъ и здравіе хранятъ,
 И въ дни, какъ сердце мнѣ кровь хладная обляжетъ,
 Какъ старость мрачная мои всѣ чувства свяжетъ,
 Да боги мнѣ тогда велятъ оставить міръ,
 Чтобъ болѣ я не жилъ безчувственъ къ гласу лиръ.

1) Въ посланіи сочинитель, шутя, предлагалъ мнѣ войти въ откупы.

Е К А Т Е Р И Н Ъ П А В Л О В Н Ъ,
КОРОЛЕВЪ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ,

ПРИ ВОСПЕЧСТВИИ ИХЪ КОРОЛЕВСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ НА ПРЕСТОЛЬ
ВИРТЕМБЕРГСКОЙ.

(1816 г.)

Не долго, Съвера прекрасная звѣзда!
Не долго безъ лучей подъ небомъ ты скрывалась,
Куда тебя вела высокая чреда,
Чтобъ новая страна тобою осиялась.
Ты, озарившая божественнымъ челомъ
Высокий виртембергский домъ!
Ведомая рукой супруга и героя,
Какого счастья и покоя,
Какихъ для всѣхъ надеждъ ты вѣстницей была,
Когда съ собою имъ несла
Величие Петра и духъ Екатерины,
И Братя славного блестательность судьбыны!—
И всѣ надежды тѣ свершились для людей:
На тронъ юная Фелица!
О, ты давно была сердцъ и душъ царица
Умомъ и красотой, и благостью твоей!
И если къ Съверу благое Провидѣніе
Тебя похитило отъ отческой страны,
Конечно, равное его благоволеніе
Склонили на себя Германіи сыны.
О, какъ я восхищень, ихъ счастье прорицая;
Провижу духомъ я сердцъ ихъ торжество!
И съ ними длань твою священную лобзая,
Въ тебѣ я и мое чту съ ними божество.

НА ФРАНЦУЗСКІЯ РЕВОЛЮЦІОННЫЯ ЗНАМЕНА

ВЪ КАЗАНСКОМЪ СОБОРѢ,
изъ которыхъ на одномъ видна надпись:

Qu'est ce que Dieu? ¹⁾
(1816 г.)

Произнеси въ сеинъ храмъ, нечестивый,
Что Божество!..

¹⁾ Оно стоитъ у главныхъ дверей, нальво при входѣ, и отличается яко-
бическими колпаками, по угламъ нарисованными.

Здѣсь данъ тебѣ отвѣтъ краснорѣчивый:
Вотъ Богъ, вотъ судъ Его, вотъ Вѣры торжество!—

Титановъ новыхъ легіоны
Безбожіе столпивъ подъ знамена свои,
Войною грянуло на алтари, на троны,
На все святое на земли!—

Уже торжествовало;
И крестъ и скіптръ попрало въ прахъ,
И кровью царя на гордыихъ знаменахъ
Хулу на Бога начертало!
И кликъ ужасный: „Бога пѣть!“
Уже, какъ ада ревъ, смутить весь Божій свѣтъ...

И гдѣ Титановъ легіоны?
Гдѣ богоуборныя, кровавыя знамены?—
Во храмъ Вышняго Царя,
Какъ бы дрожащія передъ Его святыней,
Поникнули у прага алтари,
Съ уничиженною безбожія гордыней!

КЪ ГЕНЕРАЛУ ЗАХАРЖЕВСКОМУ,

НАЧАЛЬНИКУ ЦАРСКАГО СЕЛА.

(1816 г.)

Безногій Марса другъ,
И на одной ногѣ отъ славы неотставшій!
За сердце доброе, за мужественный духъ
Любовь Царя-сподвижника снискавшій,
О, Захаржевскій, отыхай
На лаврахъ съ миромъ и свободой!—
Подъ властію твоей земной Адамовъ рай;
Живи съ друзьями и природой;
И ежели до позднихъ дней
Ты хочешь сохранить миръ сердца нетревожнымъ,
Не слушая сужденія людей,
Слѣпцовъ, надутыхъ счастьемъ ложнымъ,
Гонай ты чаще голубей ¹⁾).

¹⁾ Онъ страстно любилъ голубей, и часто самъ ихъ гонялъ.

Р. И. СУХОЗАНЕТОВОЙ,
ПРИ ОТЪЕЗДѢ ЕЯ ИЗЪ С.-ПЕТЕРВУРГА.
(въ альбомѣ, 1816 г.)

Въ далекой сторонѣ,
Когда случится вамъ въ мечтаньяхъ одинокихъ
 Воспомнить о друзьяхъ далекихъ,
 Воспомните и обо мнѣ,
 Взглянувъ на эти строки,
 О томъ, кто васъ,
 Невидимыхъ и отдаленныхъ,
 Увидить и не разъ,
 Мечтой для сердца оживленныхъ.

ЧТО ЗНАЧИТЬ „ЛЮБИТЬ“.
(изъясненіе для словаря, 1816 г.)

По цѣлымъ днямъ чего-то все желать,
 Чего,—не понимая;
Зарадоваться вдругъ, и вслѣдъ затѣмъ—вздыхать,
 О чѣмъ,—не очень зная;
Все утро проскушать и вечера хотѣть,
 А вечеромъ обѣ утрѣ сожалѣть;
Страшить себя, когда надеждой можно льститься;
Надеждой льстить себѣ, какъ надобно страшиться;
 Всѣмъ жертвовать и трепетать,
Не мало-ли еще пожертвовано было?
 Терзаться тѣмъ, что прежде веселило;
Страдать и обожать страданія свои;
Вдругъ ненавидѣть ихъ, съ самимъ собой сражаться;
 И вдругъ, забывъ страданія свои,
 Въ мечты блаженства погружаться;
То робкимъ иногда, то слишкомъ дерзкимъ бытъ,
 То подозрительнымъ, то очень легковѣрнымъ;
Всѣмъ вѣрить, и считать на свѣтѣ все невѣрными;
Чужому все открыть, отъ дружбы все таить;
Соперникомъ считать невиннаго душою;
Короче: ночью сна, а днемъ не знать покою—
Вотъ смыслъ, но слабою наброшенный рукою,
 Глагола страшнаго—любить;

Вотъ что испытывалъ (я знаю надъ собою),
 Кто въ жизни разъ влюбленнымъ былъ,
 И вотъ зачѣмъ никто два раза не любилъ.

ПЕРСТЕНЬ.

(1817 г.)

О перстень, часто на рукахъ
 Увянувшей любви блестящая пріимѣта,
 Или залогъ надеждъ, лѣбѣдьмы въ сердцахъ,—
 Что скажешь на рукѣ ты у меня, поэта!
 Ни слова, никому, какъ дружбы знакъ простой.
 Но, перстень золотой!
 О милый даръ волшебницы, мнѣ милой!
 Ей—выскажи ты все, тверди ей про меня,
 И будь съ сего же дня
 Мой талисманъ надъ ней съ неотразимой силой,
 Но талисманъ лишь для меня.

КЪ *** ИЗВИНЕНИЕ.

(1818 г.)

Въ разлукѣ съ вами,
 Когда вы предъ глазами
 И чаще и живѣй,
 Чѣмъ въ мигъ присутствія и даже разговора;
 Когда я самъ, не потупляя взора,
 Смѣлѣй на васъ гляжу, къ вамъ говорю смѣлѣй,
 И болѣ въ мигъ, чѣмъ въ цѣлый день свиданья;
 Въ такой я часъ,—о сладкій часъ мечтанья!—
 Хотѣлъ въ альбомъ къ вамъ написать сонетъ,
 Иль оду, иль кантать, иль просто—родъ посланья;
 Но нѣть!
 Что мнѣ о тетушкѣ душа моя шептала,
 То, какъ, *сударынъ*. я могъ бы вамъ сказать;
 Но что сударынѣ хотѣлъ поэту писать,
 За то ты, *тетушка*, мнѣ дурака сказала.
 Итакъ, подумаль я, умнѣе замолчать,
 Съ душой поэту не шептаться,
 И скромникомъ-племянникомъ остаться;

Хоть истину связать,
Труда не мало въ этомъ:
Близъ васъ заговорилъ и дядюшка поэтъ.

КЪ ПРОВИДѢНИЮ.

(1819 г.)

Предъ Богомъ милости я сердце обнажить:
Онъ призрѣль на мое крашенье;
Уврачевалъ мой духъ и сердце укрепилъ;
Несчастныхъ любитъ Прovidѣнье.

Уже я слышалъ крикъ враждебныхъ мнѣ сердецъ:
Погибни онъ во мракѣ гроба!
Но милосердый Богъ воззвалъ мнѣ, какъ Отецъ:
„Хвала тебѣ—презрѣнныхъ злоба!

Друзья твои—льстцы; коварство—ихъ языки,
Обманъ невинности смиренной;
Тотъ, съ кѣмъ ты хлѣбъ дѣлилъ, бѣжитъ продать твой ликъ,
Его коварствомъ очерненный.

Но за тебя на нихъ возстановлю Я судъ
Необольстимаго потомства;
И на челѣ своемъ злодѣи не сотрутъ
Печати черной вѣроломства“.

Я сердце чистое, какъ жертву для небесь,
Хранилъ любви въ груди суровой;
И за годы тоски, страданія и слезъ
Я ждалъ любви, какъ жизни новой.

И что-жъ? Произнося обѣть ея святой,
Коварно въ грудь мнѣ ножъ вонзали;
И оттолкнувъ меня, убитаго тоской,
На гробъ съ улыбкой указали.

Увы! минутный гость я на земномъ пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонилъ ко смертному одру,
Возненавида жизнь и славу.

Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ
Великолѣпную природу.

Н. И. Гнѣличъ Т. I.

Хвала Тебѣ, мой Богъ! Ты жизнь мнѣ возвратилъ,
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почій еще на мнѣ!

Страхъ тайный все еще со мною:

Отъ бури спасшійся пловецъ и по землѣ

Ступаетъ робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!

Быть можетъ, вновь гроза ихъ взроетъ:

Синѣющійся берегъ вновь затуманить мглой,

И свѣтъ звѣзды моей скроетъ.

О Провидѣніе! ты, ты мой зыбкій членъ

Спасало, бурями гонимый;

Не брось еще его, средь новыхъ жизни волнъ,

До пристани—уже мнѣ зримой.

КЪ ДРУГУ.

(1819 г.)

Когда кругомъ меня все мрачно, грозно было,
И разумъ предо мной свой факель углашаль;
Когда надежды лучъ и блѣдной, и унылой
На путь сомнительный едва мнѣ свѣтъ бросаль;

Въ ночь мрачную души, и въ тайной съ сердцемъ браны,
Какъ равнодушные безъ боя вспять бѣгутъ,
А духомъ слабые, какъ трепетныя лани,
Себя отчаянью слѣпому предаютъ;

Когда я вызванъ въ бой коварствомъ и судьбою,
И предало меня все въ жертву одного,—
Ты, ты мнѣ былъ тогда единственной звѣздою,
И не затмился ты для сердца моего.

О, будь благословенъ, отрадный лучъ, мнѣ вѣрный!
Какъ взоры ангела, меня онъ озарялъ;
И часто, отъ очей грозой закрытый черной,
Сквозь мраки сладкій свѣтъ мнѣ пламенно сияль!

Хранитель мой! я все въ твоемъ обрѣль покровѣ!
Скажи-жъ, умѣль-ли я, какъ мужъ, устоять въ битвѣ?

О, больше силы, другъ, въ твоемъ единомъ словѣ,
Чѣмъ свѣта цѣлаго въ презрительной молвѣ!

Ты покровительнымъ быть древомъ надо иною,
Что, гибко зыблся высокою главой,
Не сокрушается и зеленью густою
Широко стелется надъ урной гробовой.

Гроза шумѣла вкругъ, все небо бушевало;
Шаталось дерево до матераго пня;
Но, некрушимое, съ любовью покрывало
Вѣтвями влажными безкровнаго меня.

Пускай любовь обѣть священный пошираеть;
Измѣйной дружество не очернитъ себя.
И если вѣрный другъ взоръ неба привлекаетъ,
То небо наградить, и первого тебя!

Все измѣнило мнѣ,—ты устояль въ обѣть.
О, если могъ твое я сердце сохранить,
Не все, еще не все я потерялъ на свѣтѣ;
Земля пустыней мнѣ еще не можетъ быть.

К Т Н Е М У Ж Е.

(1819 г.)

Когда изъ глубины души моей угрюмой,
Гдѣ грусть одна живеть въ тоскѣ нѣмой,
Проступить мрачная на блѣдный образъ мой—
И осѣнитъ чело мнѣ черной думой—
На сумрачный ты видъ мой не ропщи:
Мое страданіе свое жилище знаетъ;
Оно сойдетъ опять во глубину души,
Гдѣ, нераздѣльное, безмолвно обитаетъ.

О С Е Н Ъ.

(1819 г.)

Дубравы пышныя, гдѣ ваше одѣянье?
Гдѣ ваши прелести, о холмы и поля,
Журчаніе ключей, цвѣтовъ благоуханье?
Гдѣ красота твоя, роскошная земля?

Куда скрылися пѣвцовъ пернатыхъ хоры,
Живившіе лѣса гармоніей своей?
Зачѣмъ оставили пріютъ ихъ мирныхъ дней?
И все уныло вокругъ—лѣса, долины, горы!—
Шумитъ порывный вѣтъ между деревь нагихъ
И, желтый листъ крути, далеко заѣваетъ:
Такъ все проходить здѣсь, являясь на мигъ;
Такъ гордый сынъ земли цвѣтетъ и исчезаетъ!
На крыльяхъ времени безмолвнаго летятъ
И старость, и зима,—гроза самой природы;
Онъ, нещадный и быстрый, уничтожить,
Какъ у весны цвѣты, у насъ младые годы!
Но что-жъ? Крушитесь вы сей мрачною судьбой,
Вы, коихъ низкія надежды и желанья
Лишь пресмыкаются надъ бренною землей,
И духъ вашъ заключать въ гробахъ безъ упованья!
Но кто за темный гробъ съ возвышенной душой,
Съ святой надеждою взоръ ясный простираетъ,
Съ презрѣньемъ тотъ на жизнь, на мрачный міръ взираетъ
И улыбается превратности земной.
Весна украсить міръ уже-ль не возвратится?
И солнце пало-ли на вѣчный свой закатъ?
Нѣть! Новымъ пурпуромъ востокъ воспламенится,
И новою весной дубравы запутятся.
А я остануся; въ ничтожность погруженный,
Какъ всемогущій перстъ цвѣтокъ животворить!
Какъ черви, сей житель дня, отъ смерти пробужденный,
На крыльяхъ золотыхъ вновь къ жизни полетитъ!
Смѣняйтесь, времена, катитесь въ вѣчность, годы!
Но нѣкогда весна несмѣнная сойдетъ!
Живъ Богъ, жива душа! и, царь земной природы,
Воскреснетъ человѣкъ: у Бога мертвыхъ нѣть!

М. Ф. КОКОШКИНОЙ.

(въ альбомъ, 1819 г.)

Въ альбомахъ и большими, и маленькими дѣвицами
Обыкновенно листять; я къ лести не привыкъ;

Изъ дѣтства обречень парнассскимъ я царицамъ,
 И сердце—мой языкъ.
 Мои для Машеньки желанья
 И кратки, и ясны,
 Какъ дѣтскія, невинныя мечтанья,
 Какъ непорочные, младенческіе сны.
 Цвѣти твоя весна подъ взоромъ Провидѣнья
 И расцвѣтай твоя прекрасная душа,
 Какъ ароматомъ цвѣть, невинною дыша;
 Роднымъ будь ангель утѣшенья,
 Отцу (могу-ль тебѣ я лучшаго желать),
 Отцу напоминай ты мать.

П Р И Ю Т И Н О.

(Посвящено Елизавете Марковнѣ Олениной).

(1820 г.)

Еще я прихожу подъ кровь твой безмятежный,
 Гостепримная, Прютинская сѣнь!
 Я—твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
 Твою пріятную всегда любившій тѣнь.

Край милый, сколько разъ съ тобою я прощался!
 Но какъ проститься съ тѣмъ, что въ нась слилось съ душой?
 Все, чѣмъ я здѣсь дышалъ, чѣмъ втайне наслаждался,
 Все неизгладимо вездѣ ношу съ собой!

Есть край, родной мнѣ край зефировъ легокрылыхъ:
 Тамъ небо и земля, и воздухъ мнѣ милѣй!
 Но гдѣ людей найти, душѣ моей столь милыхъ?
 Гдѣ столько сладостныхъ воспоминаній ей?

Здѣсь часто, удаленъ отъ городского шума,
 Я сердцу тишины искалъ отъ жизни бурь;
 И здѣсь унылая моя свѣтлѣла дума,
 Какъ неба лѣтнаго спокойная лазурь.

Здѣсь часто по холмамъ бродилъ съ моей мечтою,
 И сиящее въ глухи безжизненныхъ лѣсовъ
 Я эхо сѣвера, вечернею порою,
 Будиль гармоніей Гомеровыхъ стиховъ.

Вамъ, дѣти тайныхъ души моей свободной,
Вамъ, думы гордыя, здѣсь гласъ мой жизнь давалъ;
И пылкій юноша, ты, другъ мой благородный,
Мой слыша смѣлый стихъ, кипѣлъ и трепеталъ!

Но чаще, сѣвъ я тамъ, подъ сосной говорливой,
Гдѣ съ нею шепчется задумчивый ручей,
Одинъ, уединенъ, въ чась ночи молчаливой,
Бесѣды долгія вель съ думою моей.

О, кто переходилъ путь бѣдствій и крушенья,
Тотъ знаетъ, отчего душа и дума въ насть
Влечется въ тихія лѣсовъ уединенья,
Зачѣмъ полуночный, безмолвный любить часъ.

Такъ, я здѣсь не одинъ; здѣсь все, чѣмъ сердце дышитъ,
Надежды юности, сердечныя мечты,
Все видитъ въ образѣ, всего здѣсь голось слышитъ,
И ловитъ милаго воздушныхъ черты!

Уединеніе для сердца—не пустыня:
Мечтами населить оно и дикій боръ,
И въ дебряхъ сводитъ съ нимъ Фантазія-богиня
Свиданья тайныхъ и тайный разговоръ.

Пустыня—не предѣль для мысли окрыленной:
Здѣсь я, невидимый, все вижу надъ землей:
Воздушной жизни всей участникъ сокровенный
Дѣлюся бытіемъ, живу не самъ собой.

Душой сливаюся съ лазурью безконечной,
Съ златыми звѣздами, поэзіей небесь!
Съ Тобой бесѣдую, Художникъ міра вѣчный,
И съ книгой дивно божественныхъ чудесъ!

Вотъ чѣмъ влекомъ опять подъ кровъ твой безмятежный,
Гостепріимная, Пріютинская сѣнь!
Я, твой старинный гость, бездомный странникъ прежній,
Еще мою главу въ твою склоняю тѣнь.

Ты тотъ же все еще, край мирный и прелестный!
Свѣжи твои цвѣты, предѣль твой такъ же тихъ;
Безъ шума все течеть потокъ твой неизвѣстный,
Какъ счастье скромное властителей твоихъ.

Но я уже не тотъ беспечный сынъ свободы,
Лелѣявшій мечты дубравъ твоихъ въ тиши.
Увы! немногіе, но гибельные годы
Учиали молодость и жизнь моей души.

Они затмили свѣтъ надеждъ, меня живившихъ,
Убили жизнь юныхъ и недоцвѣтшихъ лѣтъ.
Ударовъ роковыхъ, мнѣ міръ опустошившихъ,
На блѣдномъ я челѣ нюшу глубокій слѣдъ.

Но, тщетнымъ ропотомъ я року не скучая,
Какъ грусть безсловная, грушу наединѣ;
Я слезы, предъ людьми души не унизяя,
Скрыль въ ихъ источникахъ, въ сердечной глубинѣ.

Долины мирныя, лѣсовъ уединенія!
Нѣть, я не прихожу покой вашъ возмутить;
Живой я прихожу искать воды забвенья:
Потокъ Прютинскій, мнѣ дай его испить!

Вотъ здѣсь я, заключенъ зеленою сей стѣною,
Мой ограничу взоръ прудомъ недвижнымъ симъ:
Съ его спокойствіемъ сольюсь моей душою
И обману печаль безчувствіемъ нѣмымъ.

Вотъ здѣсь семья березъ, нависшихъ надъ водами,
Меня безмолвіемъ и миромъ осѣните;
Въ тѣни ихъ мавзолей подъ ельными вѣтвями —
Знакомый для души, краснорѣчивый видъ!

При немъ вся жизнь, какъ сонъ, съ мечтами убѣгаеть
И мысль поконится, и сердце здѣсь молчитъ,
И дружба самая здѣсь слезъ не проливаетъ, —
О храбромъ сожалѣть ей гордость запретить.

За честь отечества онъ отдалъ жизнь тирану,
И русскимъ витязямъ онъ можетъ показать
Грудь съ сердцемъ вырваннымъ, прекраснѣйшую рапу,
Его бессмертія кровавую печать! —

Но вечеръ наступилъ; вокругъ меня молчанье.
О, какъ торжественнаочнаятишина!
И вотъ и на лѣса, и на холмы сіянье,
Поднявшись, полная разсыпала луна.

О лучъ серебряный полночного свѣтила!
 Что одинокій ты къ груди моей летиши?
 Что за волшебная въ твоемъ блистанье сила?
 О лучъ таинственный, ты что мнѣ говоришь?

Нисходишь ли съ высотъ, сияніемъ прекрасныи
 Прекрасный свѣтъ иной землѣ предвозвѣщать?
 Иль утѣшительный склоняешься къ несчастныи,
 Надъ блѣднымъ ихъ чадомъ надеждою сіять?

Твой свѣтъ въ меня лѣтъ святое трепетанье!
 Рѣзвѣй волнуетъ кровь вкругъ сердца моего!
 О мертвомъ юношѣ родить воспоминанье!..
 Небесный, кроткій лучъ, ты не душа-ль его?

Какъ гласомъ ближняго, какъ друга призываюи
 Мой слухъ ласкается въ вечерней тишинѣ!
 Мнѣ сердце говорить веселымъ трепетанiemъ:
 Здѣсь есть невидимый, но кто-то близкій мнѣ.

О ты, на дружество мнѣ въ жизни руку давшай!
 Я чувствую, ты здѣсь—небесъ незримый духъ:
 О, видимъ ты душѣ, тебѣ не измѣнявшей,
 Не разъ являясь ей, какъ утѣшитель-другъ.

Такъ, если, сбросивъ прахъ, духъ чистый избираеть
 Мѣста любезныя обителю своей,
 Здѣсь, въ сихъ мѣстахъ давно духъ сына обитаетъ
 Незримыи геніемъ отеческихъ полей.

О гость Пріютинской обители смиренной!
 За все, что въ ней найдешь для сердца твоего,
 За все благодаря душою умиленной
 Благого генія убѣжища сего.

И если здѣсь, бродя полуденной порою,
 Ты сядешь утомленъ березѣ въ густой навѣсь,
 И вдругъ тебѣ въ лицо, горящее отъ зною,
 Прохладою дохнетъ съ незыблемыхъ древесъ—

То будетъ онъ! Здѣсь онъ вливаетъ въ воздухъ сладость,
 Свѣжитъ цвѣты, луга родныхъ своихъ полей;
 Ниспосыпаетъ онъ и миръ на нихъ и радость,
 И тихимъ счастіемъ лелѣтъ ихъ гостей.

О, дай ты, дай и мнѣ, мой духъ-благотворитель,
Хотя спокойствіемъ всѣ траты замѣнить.
Но вѣрно не могучъ и онъ, небесный житель,
Утраченного здѣсь для смертныхъ возвратить.
Онъ не забылъ того, чьей арфой тихострунной
Слухъ юный усаждать любилъ въ земной странѣ;
Но, лишь являлся въ видѣньяхъ ночи лунной,
На небо грустному указываетъ мнѣ.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ ¹⁾.

(1820 г.)

Сосѣдъ, ты выиграль! скажу теперь и я;
Но Богъ тебѣ судья,
Навѣрную поддѣль ты друга!
Ты, съ Музой Гречіи и день и ночь возясь,
И день и ночь не вѣдая досуга,
Блажилъ, что у тебя теперь одна и связь
Съ Плутиломъ и Фортуною;
Что Музою тебѣ—божественная лѣни,
И что тобой забыть звукъ лиры златострунной:
Слушти ты басенку, любезный Лафонтенъ!
Къ себѣ онъ заманивъ Гомера, Ксенофона,
Софокла, Пиндара и мудреца Платона,
Два года у ночей сонъ сладкій отнималъ,
Лѣнивецъ,
Чтобъ старыхъ Грековъ обобрать,
И къ тайнамъ слова ихъ ключъ выигралъ, счастливецъ!
Уменъ, такъ съ умными онъ зналъ на что играть.

Крыловъ, ты выиграль богатства,
Хотя не серебромъ;
Не въ серебрѣ же всѣ пріятства:
Ты выиграль такимъ добромъ,
Котораго по смерть, и какъ ни расточаешь,—
Ни проживешь, ни проиграешь.

¹⁾ И. А. Крыловъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, изучилъ самъ собою древній греческій языкъ; но во все это время, скрывая отъ меня свои занятія и учѣбныя, что онъ ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ играетъ въ карты, наконецъ, къ изумленію моему, обнаружилъ свои свѣдѣнія очень забавно.

Р Ы Б А К И.

и д и л л і я.

(1821 г.)

I.

Таланты отъ Бога, богатства отъ
рукъ человека.

На островѣ Невскомъ, омытомъ рѣкою и моремъ,
Подъ кущей одною два рыбаря жили пришельцы:
Одинъ престарѣлый, другой лишь брадой опушался.
Гонимые нуждой изъ милаго края родного,
На промыселъ вмѣстѣ пришли земляки на чужбину.
Лишь честную бѣдность они принесли за спиною,
И вмѣстѣ товарищи нужду и трудъ раздѣлали.
Въ печальныхъ трудахъ для убогаго пѣсни—услада;
И младшій прекрасно игралъ ихъ на звонкой свирѣли. —
Есть тайныя чувствій минуты, когда вдохновеніе
Сердца и простыя природы сыновъ посѣщаетъ;
Въ часъ утра златого, какъ день загорается лѣтній,
И все на землѣ воскресаетъ для счастія жизни;
Иль въ вечеръ, какъ солнце въ багряныя волны тонуло,
Иль въ ясныя ночи, когда онъ, смотря, дивовался
На мѣсяцъ, на звѣзды, на высы безпредѣльную неба:
Въ такія минуты тѣснились въ грудь юноши чувства,
И онъ изливаль ихъ въ простыхъ, безыкусственныхъ звукахъ,
Но чистыхъ, но свѣжихъ, какъ юные листья на вѣтвяхъ.
Давно онъ окрестность плѣняль вдохновеній свирѣлью;
Онъ, звуками сердца по свѣтлой Невѣ разливаясь,
Не разъ у гребцовъ останавливалъ шумныя весла;
Но, сердцемъ невинный, чудесь имъ творимыхъ не вѣдалъ.
Однажды, уставши отъ ловли несчастливой, оба
Сидѣли у куши, изъ вѣтвей древесныхъ сложенной.
Старѣйшій работалъ изъ гибкія вербы кошницу;
А младшій у берега, главою на руку поникшій,
Уныло смотрѣль на бѣгущія, темныя волны.
Шумѣли, бѣжали въ пучину незримую волны,—
Такъ юноши думы въ синѣвшую даль уносились!
По долгому молчанью къ устамъ поднесъ онъ цѣвицу
И въ пѣснѣ унылой излиль вдохновенное сердце.
Но рыбарь старѣйшій, работая, началь бесѣду:

Рыбакъ старшій.

Любезный товарищъ, вѣдь пѣснями рыбы не ловить!
 Ты сладко играешьъ, и мнѣ твои пѣсни отрадны;
 Но вижу, ты часто работу жѣняешьъ на пѣсни;
 Поешь ты до птицъ, для свирѣли и сонъ забываешьъ.
 Охота—другая неволя; но молвлю я слово:
 Нашъ неводъ изорванъ и верша твоя не вѣ исправѣ.
 Не пѣснями-ль, милый, ты здѣсь затѣваешьъ кормиться?
 Ты съ голоду сгibнешьъ, иль съ сумкой воротишься къ дому.

Рыбакъ младшій.

Не сгibну, товарищъ, нась пѣсни до бѣдъ не доводять:
 Любиль ихъ, ты помнишь, и дѣдъ мой.

Рыбакъ старшій.

Пастухъ горемычный!
 Что дѣтамъ оставилъ онъ?

Рыбакъ младшій.

Добroe имя!

Рыбакъ старшій.

И бѣдность.

Отецъ твой—рыбакъ, и дѣтей бы не вѣ скудѣ оставилъ,
 Когда-бѣ не пришли на семью его черные годы.
 Пожаръ за пожаромъ его разорилъ до основы.

Рыбакъ младшій.

А кто же помогъ намъ? И кто на дорогу снабдилъ нась,
 Отдавши послѣднее? Дѣдъ мой, пастухъ горемычный.
 Онъ, онъ подариль мнѣ и эту пастушью цѣвицу;
 Онъ къ пѣснямъ меня захотилъ.

Рыбакъ старшій.

Такъ что же, товарищъ?
 Ты хочешь отцовскій наслѣдственный промыселъ кинуть?

Но промыселъ рыбный есть промыселъ чистый и честный:
 Рыбакъ—не губитель, своей онъ руки не кровавитъ;
 Рыбакъ—не обманщикъ, товаръ продаетъ не поддѣльный;
 Симъ промысломъ честнымъ отцы наши хлѣбъ добывали.
 Знать, другъ мой любезный, тяжель тебѣ трудъ рыболова?
 Такъ лучше-бъ съ свирѣлью остался ты дома, при стадѣ.
 Тамъ ясное небо, тамъ ясныя души, и пѣсни
 Тамъ милы людямъ; а здѣсь, братъ, и люди, какъ небо,
 Суровы: здѣсь хлѣба не выпоешь, выплачешь легче.
 Опомнись, землякъ; что скажеть и мать, какъ услышить?

Рыбакъ младшій.

Услышить, любезный, о мнѣ она добрая вѣсти;
 А ты понапрасну меня не кори,—обижашь.
 Свое ремесло я люблю и его не чуждаюсь;
 Быть можетъ, лѣнивъ я, а больше того безталантливъ;
 Но справлюсь, товарищъ. Сулиль рыболовъ мнѣ приморскій
 Клубъ нитокъ и вершу за выучку пѣсней свирѣльныхъ.
 Вотъ, видишь ты, пѣсни любять и здѣшніе люди.
 Ихъ слушаютъ часто, на шлюпкахъ по взморью гуляя,
 Бояре градскіе, ихъ любять всѣ добрые люди!
 Я помню изъ дѣтства, какъ въ нашемъ селеніи старецъ,
 Захожій слѣпецъ, наигрывалъ пѣсни на струнахъ
 Про старыя войны, про воиновъ русскихъ могучихъ.
 Какъ вижу его: и сума за плечами, и кобза,
 Сѣдая брада и волосы до плечъ сѣдые;
 Съ клюкою въ рукахъ проходилъ онъ по нашей деревнѣ,
 И зазванный дѣдомъ, подъ нашкою хатой усѣлся.
 Онъ долго сперва по струнамъ рокоталъ молчаливый,
 То важною думой сѣдою чело осѣняя,
 То къ небу подъемля незрячія, блѣдны очи.
 Какъ вдругъ просвѣтлѣло сѣдою чело пѣснопѣвца,
 И вдругъ по струнамъ залетали костиистые пальцы:
 Въ рукахъ задрожала струнчатая кобза, и пѣсни,
 Волшебныя пѣсни изъ старцевыхъ устья полетѣли!
 Мы всѣ, ребятишки, какъ вкопаны въ землю стояли;
 А дѣдъ мой старикъ, на ладонь опираясь, думный,
 На лавкѣ сидѣль, и изъ глазъ его капали слезы.
 О, кто бы меня изучилъ сладкогласнымъ тѣмъ пѣснямъ,
 Тому-бъ я отдалъ изъ счастливѣйшихъ всю мою тоню!
 Вонъ тамъ, на Невѣ, подъ высокимъ теремомъ свѣтлымъ,

Изъ камня гдѣ львы у порога стоять, какъ живые,
 Подъ теремомъ тѣмъ бояринъ живеть именитый,
 Уже престарѣлый, но, знать, въ немъ душа молодая:
 Подъ теремомъ тѣмъ, ты слыхалъ-ли, какъ въ лѣтнія ночи
 И струны рокочутъ, и вѣщіе носятся гласы?
 Знать, старцы слѣпые боярина пѣснями тѣшатъ.
 Землякъ, и свирѣль тамъ слышна: соловьемъ распѣваетъ!
 Всю душу проходить, какъ трель поведеть и зальется!
 Ты видишь, землякъ, и бояре разумные любить
 Свириль. Не хули же моей ты сердечной забавы.
 Люблю свое ремесло, но и пѣсни люблю я;
 А дѣдъ мой говоривалъ: что въ кого Богъ поселяетъ,
 То вѣрно не къ худу. И что же въ пѣсняхъ худого?
 Мнѣ сладко, мнѣ весело, радостно, словно я въ небѣ,
 Когда на свирѣли играю! Да самъ ты, товарищъ,
 Ты самъ, какъ пою я про сторону нашу родную,
 Про рѣки знакомыя, гдѣ мы училися ловлѣ,
 Про долы зеленые, гдѣ мы играли младые,
 Зачѣмъ ты, любезный, глаза закрываешь рукою?
 Да ты же меня и коришь, и сумою стращаешь!
 Мнѣ бѣдность знакома изъ дѣтства; ея не боюся.
 Поколѣ-жъ есть руки, я ихъ не простру за подачей.

Рыбакъ старшій.

Задѣль я тебя, да и самъ уже каюсь: рѣчишь ты!
 Но если бы столько въ сей день наловилъ ты и рыбы,
 Какъ словъ насказаль, повѣрнѣе была-бѣ наша прибыль.

Рыбакъ младшій.

Что правда, то правда; но день, вѣдь, еще не окончень,
 А видишь ли, другъ, надо мною какъ ласточка вѣтсѧ?
 Вѣдь это не къ худу: о! ласточка—вѣстница счастья!
 Сегодня, сказаль ты, не станемъ закидывать неводъ,
 У берега рыба гуляетъ. Одинъ попытаюсь;
 Сажуся на лодку, беру я и сѣти, и уды...

Рыбакъ старшій.

Берешь и свирѣль ты, землякъ?

Рыбакъ младшій.

Разстаюсь-ли я съ чѣю?

Рыбакъ старшій.

Худое предвѣстье!

Рыбакъ младшій.

Да ласточка—вѣстница счастья!

Смотри, вѣдь опять надо мнай и щебечеть, и вѣтсѧ.

О, ловля, счастливая ловля! лишь день вечерѣть,

Лишь солнце садится, и рыба стадами играетъ.

„Повися мнѣ, рыба, ловися, и окунь, и щука!“

И пѣснь рыболова исчезла у дальняго брега.

II.

Уже надъ Невою сіяеть беззнойное солнце;
Уже вечерѣть; а рыбаря нѣть молодого.
Вотъ, солнце зашло, загорѣлся безоблачный западъ;
Съ пылающимъ небомъ сліасъ, загорѣлося море,
И пурпуръ, и золото залили рощи и дома.
Шипицъ тверди Петровой, возвышенный всыхнулъ надъ градомъ,
Какъ огненный столпъ, на лазури небесной играя.
Угасъ онъ; но пурпуръ на западномъ небѣ не гаснетъ;
Вотъ вечеръ, но сумракъ за нимъ не слетаетъ на землю;
Вотъ ночь, а свѣтла синевою одѣтая дальность:
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца небо ночное сіяеть,
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока;
Какъ будто Денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро.—Была то година златая,
Какъ лѣтніе дни похищаются владычество ночи;
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняеть
Сляинье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва отблѣваются русыми локонъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петроополемъ видять
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Какъ будто-бы новое видять беззвѣздное небо,
На коемъ покоится незаходимый свѣтъ солнца;
Тогда филомела полночныя пѣсни лишь кончатъ,
И пѣсни заводить, привѣтствуя день восходящій.

Но поздно повѣяла свѣжесть; на невскія тундры
Роса опустилась; а рыбаря нѣть молодого.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячью веселья
Нева ни колыхнетъ; свѣтла и спокойна, какъ небо;
Разѣхались всѣ городскіе веселые гости.—
Ни гласа на брегѣ, ни зыбы на влагѣ; все тихо;
Лишь изрѣдка гуль отъ мостовъ надъ водой раздается,
Да изрѣдка крикъ изъ деревни протяжный промчится,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спить; надъ деревнею дымъ ни единый не вѣстится.
Огонь лишь дымится предъ кущею рыбаря-старца.
Котель у огнища стоять, уже снятый съ тренога:
Старикъ заварилъ въ немъ уху, въ ожиданіи друга;
Уха ужъ, остывши, подернулась пѣной янтарной.
Не ужиналь онъ и скучаль, земляка ожидая;
Лежаль у огня, раскинувъ свой кожаный запонъ,
И часто посматривалъ вдоль по Невѣ среброводной.
Но скучаль старикъ, беспокоимый грустью и гладомъ,
И въ первый онъ разъ безъ товарища ужинать думалъ:
Взялъ чашу изъ дерева, блестящую лакомъ златистымъ;
Лишь началъ уху, черезъ край, призадумавшись, пролилъ
И въ сердцѣ на друга промолвилъ суровое слово.
Присѣль, и лишь руку для крестнаго знаменья поднялъ,
Шумъ веселья раздался, и кресть сотворилъ онъ не къ яствѣ,
Но къ радости сердца: ладья на рѣкѣ показалась,
И голосъ знакомый ударился въ берегъ отзывный.

Рыбакъ младшій.

Ты спиши ли, товарищъ? Вставай, помогай выгружаться.

Рыбакъ старшій.

Люби тебя Богъ, навожденный свирѣльникъ несчастный!
Не сонъ на глаза, а кручину на сердце навель ты.
Пропасть до полночи! Я, Богъ знаетъ, что передумалъ.

Рыбакъ младшій.

А что же ты думалъ?

Рыбакъ старшій.

Что думалъ? Свѣтаетъ, повѣса!
По Новой деревнѣ, ты слышишь, стучать ужъ телѣги;

И гдѣ разъѣжалъ ты? Свѣтло, всѣ окольности видно;
 А лодки твоей, просмотрѣлъ я глаза, не завидѣль.
 Хожу, окликаю: съ Невы ни отвѣта, ни гласа.
 Паль на сердце страхъ; до бѣды далеко-ль человѣку!
 Такихъ, братъ, какъ ты, подцѣпляли не разъ водяные.
 А мать за тебя у кого бы отвѣта спросила,
 Негодный повѣса?.. Здорово! дай руку, товарищъ!

Рыбакъ иладшій.

Другъ милый, другъ милый! вѣдь ласточка намъ не солгала.
 Ты сердцемъ не чуялъ, что я привезу тебѣ радость?

Рыбакъ старшій.

Что? щуку съ перомъ голубымъ, или лосося жирнаго пѣснико
 Сманилъ ты на уду? О, рыба вѣдь лакома къ пѣснямъ!
 Не рыбу, мой другъ, а сердца подгородныхъ красавицъ
 Ловилъ ты свирѣлю. Удаченъ ли ловъ, признавайся;
 Рассказывай все... Но на челнѣ, какъ видится, неводъ?
 Ты невода не бралъ?

Рыбакъ иладшій.

О неводѣ послѣ, товарищъ!
 А эта свирѣль какова? Посмотри, полюбуйся!

Рыбакъ старшій.

Свирѣль дорогая, сдается; ужели купилъ ты?
 Нѣть, подняль у мызъ понадрѣчныхъ; навѣрно бояринъ
 Ее обронилъ: дорогая, заморской работы!
 Изъ пальмова дерева, съ слоновою костью и златомъ;
 А скважины въ ней, какъ пчела на сотахъ вылѣпляетъ!
 На ней-то, землякъ, соловьевныя трели ты-бѣ вывелъ!
 Сознай ты ее, объяви, чтобы тебя не клепали;
 Чужое добро не въ корысть.

Рыбакъ иладшій.

Не присвою чужого:
 И эта свирѣль, мой любезный, и неводъ на челнѣ
 Мой!

Рыбакъ старшій.

Перестань, молодой, старика ты морочишь.

Рыбакъ младшій.

Такъ счастью, землякъ, моему и не вѣришь ты?

Рыбакъ старшій.

Счастью?

Ума приложить не могу, и не знаю, какому?

Рыбакъ младшій.

Вотъ этой простою, наступшеской дѣда свирѣлью
И неводъ, что въ лодкѣ, и эту свирѣль дорогую
Я выигралъ!

Рыбакъ старшій.

Что?

Рыбакъ младшій.

И за что бы купилъ я?

За эту свирѣль рыболовнаго мало снаряда.
Нѣть, Богъ, о товарищъ, мнѣ Богъ даровалъ ихъ за пѣсни!

Рыбакъ старшій.

Да молви же, кто? Не томи, расскажи мнѣ скорѣе!
Отъ радости сердце играетъ; пропалъ мой и голодъ,
На умъ не идеть мнѣ и ужинъ. Товарищъ, ты веселъ?
Скорѣй подѣлися весельемъ, порадуй и друга!

Рыбакъ младшій.

О, радостно будетъ обѣ этомъ всю жизнь говорить мнѣ.
Но сядемъ мы тамъ, на холмѣ, подъ душистою липой,
Гдѣ въ ясныя ночи съ тобою рыбу мы удимъ.
Оттолѣ намъ видны далекія рощи и мызы
По брегу Невы среброводной; оттолѣ увидимъ
И домъ, о которомъ тебѣ поведу мое слово,
Тотъ теремъ, котораго мнѣ не забыть до могилы!—

Какъ солнце садилось, подъѣхалъ я съ удами въ ченѣ
 Къ противному берегу. Рыба, какъ день вечерѣетъ,
 Тамъ рунами ходить; и, вправду, стадами металась.
 Рука уставала закидывать гибкія уды;
 Двухъ щукъ изловилъ, окунямъ и счетъ ужъ терялъ я;
 Запасная верша кинѣла серебряной рыбой.
 Но скоро, не вѣдаю какъ, противъ мызы боярской
 Съ ладьей очутился я. Ночь между тѣмъ наступала,
 Чудесная ночь! Ни единой звѣзды на лазури,
 А серебряный свѣтъ разливался по небу ночному!
 Все было такъ тихо! Не дрогнула ни листъ на осинѣ;
 Все было безмолвно! И вотъ, надъ Невою недвижной
 Понесясь изъ терема сладостный гуль тихоstrunnй.
 Мнѣ радостно стало! И началъ я робкой свирѣлью
 Подыгрывать тихо подъ струны; какъ вдругъ межъ древами
 Почуялся мнѣ шорохъ, и слуги боярскіе вышли,
 И съ берега стали меня зазывать въ его теремъ.
 Я сѣть отвязалъ, чтобы боярину рыбу живую —
 Огромную щуку и окуней несть красноперыхъ.
 „Не съ рыбой, съ свирѣлью!“ веселые вскрикнули слуги:
 „Въ свой теремъ высокій тебя призываетъ бояринъ“.

Рыбакъ старшій.

Царю мой небесный! Идти ты, землякъ, не боялся?

Рыбакъ младшій.

Боялся, товарищъ! Въ груди моей дрогнуло сердце;
 Какъ вотъ и бояринъ изъ теремныхъ оконъ хрустальныхъ
 Свой ласковый голосъ мнѣ подаль; и пролилъ онъ въ душу
 Веселость и смѣлость! Вступилъ я въ хоромы; но страшно
 Мнѣ стало опять, какъ я началъ идти по хоромамъ.
 Со стѣнъ ихъ лики глядѣть на тебя, какъ живые!
 Изъ мрамора дѣвы, прелестныя, только не дышать!
 Но диву я дался, увидѣвши теремъ высокій!
 Чудесный, прозрачный! Какъ въ сказкѣ, землякъ, говорится:
 Что на небѣ звѣзды, и въ теремѣ звѣзды! и мѣсяцъ,
 И вся въ терему красота поднебесная видна!
 Въ немъ старецъ-бояринъ сидѣлъ сребровласый въ семействѣ
 Цвѣтушихъ дѣтей, средь бояръ и вельможъ именитыхъ.
 Смутился я, другъ; у порога стоялъ полумертвый;

Но ожило сердце, забилось весельемъ, и слезы
 Изъ глазъ у меня простили, какъ добрый бояринъ
 Привѣтно взглянуль на меня и ласково молвиль:
 „Люблю я невинныхъ сердецъ вдохновенья простыя,
 Люблю я свирѣльныхъ пѣсни, а ты ихъ пріятно играешь.
 Не разъ и ко мнѣ доходили ихъ сладкіе звуки;
 Давно я желалъ насладиться твою свирѣлью;
 Давно приготовилъ награду, достойную пѣсней:
 Тебя подарю я прекрасной свирѣлью изъ пальмы.
 Сыграй намъ, о рыбарь, пріятную, сельскую пѣсню!“
 Зачѣмъ ты, товарищъ, подъ теремомъ не былъ со мною?
 Напомнилъ бы ты мнѣ, какія я пѣсни играю;
 Отъ радости всѣ позабылъ я, стояль безотвѣтный;
 Но очи лишь подняль и взоры боярина встрѣтиль,
 Безвѣстная, другъ, обняла меня дивная сила!
 Взыгралъ я, и пѣснь разлилась по зеленому саду!
 И вотъ мнѣ награда.

Рыбакъ старшій.

Постой, товарищъ, ты видишь,
 Досадныя слезы мѣшаютъ мнѣ слушать.—Ну, далѣ?

Рыбакъ младшій.

Но лучшей наградой мнѣ было боярское слово:
 „Кто былъ твой учитель?“ измолвиль онъ.—
 Богъ,—отвѣчаль я.
 Бояринъ, изъ рукъ подавая свирѣль дорогую,
 „Играй,“ мнѣ промолвилъ, „безъ Бога, какъ ты, не играютъ.
 Но въ промыслѣ ты не лѣнишься ли, рыбарь, для пѣсней?
 Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка“.
 —Нашъ промыселъ,—молвиль я,—промыселъ чистый и честный:—
 Твои предъ бояриномъ смѣло я высказалъ рѣчи.
 „Разумныя рѣчи,—бояринъ мнѣ весело молвиль,—
 За нихъ я тебя дарю еще неводомъ новымъ;
 Ты-же лучшій твой ловъ продавай для меня на трапезу“.

Рыбакъ старшій.

Какъ сказку я слышу! Правдиво предвѣстіе птицы!

Рыбакъ младшій.

Не птицы, а дѣда правдиво мнѣ вѣщее слово:

Онъ, дѣдъ мой, говоривалъ: чтò въ кого Богъ поселяетъ,
То вѣрно не къ худу.—Молчишь ты, любезный!

Рыбакъ старшій.

Усталъ я

Отъ радости сердца; скажу я короткое слово:
Отъ дѣда въ наслѣдство ты принялъ цѣвницу изъ липы,
А внукамъ своимъ передай цѣвницу изъ пальмы.

Рыбакъ младшій.

И имя того, кто почтилъ дарованіе Бога,
Я внукамъ моимъ передамъ съ любовию къ пѣснямъ.

ПРИНОШЕНИЕ

ЕКАТЕРИНЪ ПАВЛОВНЪ,

ПОКОЙНОЙ КОРОЛЕВЪ ВИРТЕМБЕРГСКОЙ¹⁾

(1821 г.)

На гробъ приношу я,—плачевная участь!—
Что жизнью цвѣтущей Фелицы къ стопамъ
Повергнуть пыталъ! Изумленный мой геній,
Окончивши поприще, ищеть тѣхъ взоровъ,
Которыми, робкій, онъ былъ окрылентъ,
Въ привѣтъ которыхъ всю славу онъ ставилъ;
Но взоровъ живительныхъ нѣть для него!
Какъ странникъ, окончивши путь долголѣтній,
Спѣшить въ край родимый, чтобы въ домъ отцовъ,
Подъ сѣнью пенатовъ, возрадовать сердце;
И видя—въ развалинахъ милый свой домъ,
Пенатовъ во прахѣ—свой посохъ и слезы
Роняетъ на прахъ онъ погибшихъ надеждъ:
Такъ я, о Фелица, мой свитокъ и слезы
На гробъ твой роняю, печальный пѣвецъ!

Забуду-ль, когда ты склоняла твой служъ
Ко слабымъ еще отголоскамъ Гомера?
Съ какимъ ты восторгомъ всю душу открыла
Высокимъ внушеньямъ владыки пѣвцовъ!

1) Ея имени намѣренъ былъ переводчикъ посвятить Иліаду.

Съ какою любовью на Старца алтарь
При мнѣ приносила прекрасную жертву
Прекрасной души—умиленія слезы!
Гдѣ нынѣ я слезы Фелицы найду,
Васъ, вѣсъ, драгоценныя перла души,
Награда сладчайшая сердцу поэта?—
Быть можетъ, свѣтъ шумный, сей гордый судья,
Улыбки холодной меня удостоить.
Не молодъ я сердцемъ, и свѣта улыбки
Наградой завидной себѣ не почу.
Награда мнѣ лучшая—сладостный трудъ,
И совѣсти голось, что онъ не безцѣненъ,
И имя, любезное русскимъ сыномъ!—
Фелица! о ты, отлѣвший мой Геній!
Такъ, имя твое да украситъ мой свитокъ;
И пусть оно скажетъ потомкамъ, что я,
Избранный тобой проповѣдникъ Гомера,
Не вовсе пѣвцовъ недостойную жертву.
Принесъ на священный отчизны алтарь.

КЪ И. А. КРЫЛОВУ,
ПРИГЛАШАВШЕМУ МЕНЯ ВХАТЬ СЪ НИМЪ ВЪ ЧУЖІЕ КРАЯ.

(1821 г.)

Надежды юности, о милыя мечты!
Я тщетно вѣсъ груди младой лелѣяль!
Вы не сбылись! Какъ лѣтніе прѣбыты,
Осенний вѣтеръ вѣсъ развѣяль!
Свершенъ предѣлъ моихъ цвѣтушихъ лѣтъ;
Нѣтъ болѣе очарованій!
Гляжу на тотъ же свѣтъ:
Душа моя безъ чувствъ, и сердце безъ желаній!
Куда-жъ, о другъ, летѣть, и гдѣ опять найти?
Что годы съ юностью у сердца похищаются?
Желанья пылкія, крылатыя мечты,
Съ весною дней умчась—назадъ не прилетаютъ.
Другъ; ни за тридевять земель
Вновь не найти весны сердечной.
Ни ты, ни я—не Аріель ¹),

(1) Маленький воздушный геній.

Эйра легкій сынъ, весны любимецъ вѣчный.
 Отъ неизбѣжнаго удѣла для живыхъ
 Онъ на землѣ одинъ уходитъ;
 Утраченныхъ, летучихъ благъ земныхъ,
 Счастливецъ, онъ замѣну вновь находитъ.
 Удѣлъ прекраснѣйшій судьба ему дала,
 Завидное существованье!
 Какъ златокрылая пчела,
 Кружится Аріель весны въ благоуханій;
 Онъ петь амвросію цвѣтовъ,
 Перловыя Авроры слезы;
 Онъ въ зной полуденныхъ часовъ
 Прильнетъ и спить на лонѣ юной розы.
 Но лишь приблизится ночей осеннихъ тыма,
 Но лишь дожнеть суровая зима,
 Онъ съ первой ласточкой за лѣтомъ улетаетъ;
 Садится радостный на крылышко ея,
 Летить онъ въ новые, счастливые края,
 Весну, цвѣты и жизнь все новымъ замѣняетъ.
 О, какъ его судьба завидна мнѣ!
 Но намъ ее въ какой искать странѣ?
 Въ какой землѣ найти утраченную младость?
 Гдѣ жизню мы снова расцвѣтимъ?
 О другъ, отцвѣтшихъ дней послѣднюю мы радость
 Погубимъ, можетъ быть, въ kraю чужомъ.
 За счастиемъ бѣжа подъ небо мы чужое,
 Бросаемъ дома то, чemu замѣны нѣтъ:
 Святую дружбу, жизни лучшій цвѣтъ,
 И счастье душъ прямое.

ИНОСТРАНЦАМЪ-ГОСТИЯМЪ МОИМЪ.

(1824 г.)

Привѣтствуя гостей отъ Сенскихъ береговъ!
 Вотъ скиескаго пѣвца пріютъ уединенный:
 Онъ, какъ и всѣхъ пѣвцовъ,
 Чердакъ возвышенно-смиренный.
 Не красенъ, теменъ уголокъ;
 Но видны изъ него лазоревые своды;

Немного тѣснъ, но широкъ
 Пѣву для пѣсней и свободы!
 Не золото, не пурпуръ по стѣнамъ,
 Опрятность—вотъ уборъ моей убогой хаты.
 Цѣвица, кустъ цвѣтовъ и свитки по столамъ,
 А по угламъ скудельные Пенаты—
 Вотъ быть пѣвца; онъ весь—боговъ домашнихъ дарь;
 Убогий счастіемъ, любовью ихъ богатый,
 Имѣю все отъ нихъ, и все еще безъ траты:
 Здоровье, миръ души и къ пѣснямъ сладкій жаръ.—
 И если ты, поэтъ, изъ пѣсней славянина
 Нашелъ достойный отечества Расина,
 И на всемирный вашъ языкъ ихъ передаль ¹⁾),
 Тѣ пѣсни инѣ—Пенатъ—Гомеръ внушалъ.
 Воздайте, гости, честь моимъ богамъ домашнимъ,
 Обычаямъ у скиевовъ, насы, всегдашнимъ:
 Испей, мой гость, завѣтныи ковшъ до дна
 Кипучаго задонскаго вина;
 А ты, о гостя дорогая,
 И въ честь богамъ,
 И въ здравье намъ,
 Во славу моего отеческаго края
 И славу Франціи твоей—
 Ковшъ меда русскаго, душистаго испей.
 А тамъ, усадемся за столъ мой ненарядный,
 Но за кипучай самоваръ.
 О други, сладостно питать бесѣды жаръ
 Травой Китая ароматной!
 Когда-нибудь и вы въ родимой сторонѣ,
 Подъ небомъ счастливымъ земли свободной вашей,
 Въ бесѣдахъ дружескихъ воспомните о инѣ;
 Скажите: скиевъ сей былъ достоинъ дружбы нашей;
 Какъ мы, къ поэзіи любовью онъ дышалъ,
 Какъ мы, ей лучшіе дни жизни посвящалъ,
 Бесѣдоваль съ Гомеромъ и Природой,
 Любить отечество, но жить въ немъ не рабомъ,
 И у себя подъ тѣснымъ шалашомъ
 Дышалъ святой свободой.

1) Онъ переводилъ отрывки изъ русскихъ писателей.

НА СМЕРТЬ ОДНОЙ

и

РОЖДЕНИЕ ДРУГОЙ ДОЧЕРИ Г...

СЛУЧИВШИЯСЯ ВЪ ОДИНЬ ДЕНЬ.

(1824 г.)

И жизнь и смерть на землю вѣчно,
 Какъ дождь и градъ, шумятъ съ небесъ!
 Смѣсь вѣчнай въ странѣ подлунной
 И горестныхъ и сладкихъ слезъ!

Зрю, ангела срѣтаетъ ангелъ
 Подъ кровомъ храмины земной:
 Одинъ слетѣль и отлетаетъ
 На небо съ воззванной душой.

Другой отъ неба душу сводить,
 Летить одушевить скудель,
 И въ день одинъ въ жилищѣ смертныхъ
 И новый гробъ, и колыбель!

„Привѣтствую, о братъ небесный!“
 Такъ ангель ангелу воззваль:
 „Я горестенъ въ обитель смертныхъ,
 Ты утѣшителъ предсталъ.

Почто-жъ такъ рано опадаетъ
 Съ родного стебля милый цвѣтъ?
 Почто взята душа у юной?..“
 — То тайна Бога: Онъ зоветь.—

„О, какъ и свѣтель, и прекрасенъ
 Почившей дѣвы ликъ младой,
 Вѣнчанный розою стыдливой
 И кудрей дѣственныхъ волной!“

— Душа свѣтлай, душа прекраснай
 Въ преображеніи своемъ
 Небесною заблещетъ ризой
 И звѣзднымъ на челѣ вѣнцомъ.—

„О, какъ она на небо взоромъ
Въ твоихъ объятіяхъ парить!
Невѣста неба, дѣва рая
Испить безсмертія горить...“ —

—Горю!.. Прости, сестра земная!
Утѣши и матерь и отца;
Скажи, я счастлива, бессмертна!
Парю въ объятія Творца!.. —

Еще рыдалъ отецъ надъ гробомъ,
Объемля хладный, милый ликъ;
И съ горестнымъ о мертвай стономъ
Сліялся юной жизни крикъ!

Надъ мертвай обнялъ дочь живую,
И радостью волнуя груды:
„О будь же ты,—отецъ взыываетъ,—
Наградой траты, Ольгой ¹⁾ будь!

Творецъ, Ты взялъ и возвращаешь!
О, возврати въ чертахъ мнѣ сихъ
Почившей кротость, добродѣтель
И душу ангеловъ Твоихъ!“ —

Взывалъ отецъ, и умиленный
Летѣлъ родившую обнять.
На гробъ и колыбель взирая,
Сквозь слезы улынулась мать.

ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ.

(1824 г.)

Дорогой скучною, погодой все суровой,
Ташу я жизнь мою сегодня сорокъ лѣтъ.
Что-жъ нахожу сегодня, въ годъ мой новый?
Да больше ничего, какъ только сорокъ лѣтъ.

¹⁾ Умершую звали Ольгой, и родившуюся назвали такъ же.

НА СМЕРТЬ ДОЧЕРИ

ПОКОЙНОЙ СЕСТРЫ.

(1826 г.)

Дитя сестры моей, души моей дитя,
 Что, нерасцвѣтшій цвѣтъ, такъ рано увядашъ?
 Мои иѣжнѣйшія заботы о тебѣ
 Что такъ безвременно навѣки прекращаешь?

О, крови мнѣ родной единственная вѣтвь,
 Моя послѣдняя привязанность земная!
 Такъ жить не для себя тобой позналъ я сладость;
 Тебя, далекую, невиданную мной,
 Любиль, лелѣялъ я во глубинѣ души,
 Какъ лучшую мечту, какъ сладкую надежду;
 Въ твоихъ чертахъ, въ душѣ найти я уповаль
 Все милое очамъ и все святое сердцу:
 И кровную любовь, и искреннюю дружбу.
 Я уповаль, что ты, наперекоръ судьбѣ,
 Невозвратимую замѣнишь трату мнѣ.
 Что ты мнѣ населишь тоскующую душу,
 Опустошенную сестры мнѣ милой смертью.

Но, прежде чѣмъ тебя узрѣль я на землѣ,
 Ты скрылася какъ сонъ, какъ быстрый, сладкий сонъ,
 Который обольстилъ несчастного мечтою,
 И одинокаго на хладномъ ложѣ бросиль,
 Съ очами влажными еще отъ сладкихъ слезъ
 И съ распостертymi, дрожащими руками,
 Горѣвшими обнять любезнную мечту!

Ты скрылася! Куда? Не въ тотъ-ли свѣтлый міръ,
 Куда твоя и мать такъ рано преселилась?
 Оттуда больше вы на землю не придетѣ!..
 Но я съ юдоли слезъ, я скоро къ вамъ приду!
 О, что я не могу на быстрыхъ крыльяхъ воли
 Къ вамъ, тѣни милья, теперь же возлѣть!
 Съ какой бы радостью я бросиль эту землю,
 Гдѣ ничего уже нѣть общаго со мной!

ЧУДО НА МАСЛЯНОЙ НЕДЪЛЪ.¹⁾

(1826 г.)

На Масляной недѣлѣ
 Въ смиренный уголъ мой влетѣли
 Три красоты,
 Прелестныя, какъ сестры Феба!
 И чѣмъ-то неземнымъ дышали ихъ черты;
 Надъ головами ихъ играло пламя неба.
 Одна—душой лица, могуществомъ очей,
 Не говоря, для сердца говорила
 Сильнѣе всѣхъ рѣчей!—
 Другая—лишь вступила,
 И я узналъ тебя, владычица сердецъ,
 Тебя, прекрасная царица русской сцены!
 А третья дочерью казалась Мельпомены,
 И обвивалъ чело ей Талии вѣнецъ;
 Веселый умъ сверкалъ изъ быстрыхъ взоровъ,
 Въ устахъ дышала жизнь и прелестъ разговоровъ.
 Онѣ явились втроемъ, рука съ рукой,
 Рука съ рукой и улетѣли.—
 И видѣлъ я даровъ союзъ святой,
 Да, чудо видѣлъ я на Масляной недѣлѣ!
 И молвилъ я: о, тройственный союзъ
 Царицъ по дарованью!
 Да сохранится святость вашихъ узъ
 Наперекоръ враждебному желанью;
 Пусть лопнетъ завистью раздутый человѣкъ
 Скорѣй, чѣмъ разорветъ вами узы золотыя;
 И чудомъ каждая вы будете въ Россіи
 И достопамятныи и славимыи во вѣкъ!

М Е Д В Ъ Д Ъ.

(1827 г.)

Медвѣдя по дворамъ цыганъ водилъ плясать.
 Въ деревнѣ русскую медвѣдь увидѣвъ плаку,

1) На прїездъ ко мнѣ Семеновой старшей сестрѣ съ обѣими Колосовыми: сестрѣ дарованій, по тогдашимъ ихъ отношеніямъ, неожиданный.

Самъ захотѣлъ ее, затѣйникъ, перенять.
 Медвѣди, нечего сказать,
 Ловки перениматъ.

Вотъ разъ, какъ днемъ цыганъ на солнцѣ спалъ въ растяжку,
 Мой Мишенька поднялся на дыбки,
 Платокъ хозяйствскій взялъ онъ въ лапу,
 Изъ-подъ цыгана вынулъ шляпу,
 Набросиль на-бекренъ, какъ хваты-ямщики,
 И, топнувши ногой, медвѣдь плясать пустился,
 „А, каково?“ Барбосу онъ сказалъ.

Барбосъ вблизи на этотъ разъ случился;
 Собака—умный звѣрь, и пляски онъ видаль.
 „Да плохо!“ песь Барбосъ медвѣдю отвѣчалъ.
 „Ты судишь строго, братъ!“ собакѣ молвилъ Миша;
 „Я чѣмъ не молодцомъ пляшу?
 Чѣмъ хуже, какъ вчера плясаль ямщикъ вашъ Гришка?
 Гляди, какъ ловко я платкомъ машу,
 Какъ выступаю важно, плавно!..“
 „Ай, Миша! славно, славно!
 Такого плясунна.
 Еще не видѣла вся наша сторона!—
 Легокъ ты, какъ цыпленокъ!—
 Такъ крикнулъ тутъ бѣжавшій поросенокъ.
 Порода ихъ, извѣстно, какъ уина!
 Но Миша,
 Судъ поросенка слыша,
 Задумался, вздохнулъ, трудиться пересталь
 И, съ видомъ скромнѣмъ, самъ съ собою бормоталь:
 „Хулить меня собака, то не чудо;
 Успѣху самъ не очень вѣрилъ я;
 Но если хвалитъ ужъ свинья—
 Пляшу я вѣрно худо!“

Быть можетъ, и людьми за правило взято
 Медвѣжье слово золотое:
 Какъ умный что хулить, навѣрно худо то;
 А хвалить глупый—хуже вдвое!

А. А. О.

(въ альбомъ, 1827 г.)

И новый годъ, и альбомъ новый!
 А что еще милъ—владѣлица его!
 Какой предметъ прелестный для того,
 Кто, Музами любимъ, съ душой, всегда готовой
 На впечатлѣнія прекраснаго всего,
 Ихъ такъ легко изображаетъ!
 Кто, записной поэтъ, гармонией стиховъ
 Красавицъ нѣжить слухъ и звукомъ сладкихъ словъ
 Такъ сердце сладостно ласкаетъ!
 Я, отставной поэтъ, парнасскій инвалидъ,
 Служитель истины суровой,
 Что новое могу вписать въ вашъ альбомъ новый?
 Что вы полны пріятностей Харитъ?—
 Не новость: зеркало вамъ то-же говорить.
 Что мили вы, умы?—Но и въ чертогахъ царскихъ,
 И въ теремахъ боярскихъ,
 Гдѣ вы блистаете умомъ и красотой,
 То-же самое жужжитъ гостей веселый рой.—
 Итакъ, и въ истинахъ, николько вамъ не льстивыхъ
 Я упрежденъ; всѣ слышали вы ихъ,
 И, можетъ быть, изъ усть любезниковъ младыхъ
 И болѣе меня краснорѣчивыхъ.
 Остались мнѣ для васъ желанія одни,
 Но вѣрьте, искренны и пламенны они:
 Цвѣтите вы, какъ роза молодая
 Подъ небомъ голубымъ безоблачнаго мая;
 Неувядаемой и въ самыхъ позднихъ дняхъ
 Душевной красотой плѣнайте взоры свѣта;
 И хоть забудете вы о моихъ стихахъ,
 Но помните меня, васъ часто на рукахъ
 Носившаго поэта.

КЪ ***

НА ПОЛУЧЕНИЕ ТУРЕЦКАГО КОШЕЛЬКА СЪ МАЛЕНЬКОЮ ЗОЛОТОЮ МОНЕТОЮ.

(1830 г.)

Вашъ кошелекъ, Востокомъ ароматный,
 И носу моему, и сердцу дарь приятный!

Но не съ монетой золотой.
 Желалось-бы имѣть отъ васъ мнѣ дарь такой:
 Нѣтъ, вы-бѣ не золотомъ меня обогатили;
 А если-бѣ въ маленький вы кошелекъ вложили
 Хоть маленькую часть любезности своей,
 И вкуса, и ума, и вашего пріятства,
 Вы, съ малымъ кошелькомъ, мнѣ дали-бы богатства;
 Вы сдѣлали-бѣ—что я у всѣхъ людей
 И милымъ-бы прослылъ, и умникомъ считался,
 И всѣмъ—и даже вамъ, любезный бы казался.

НА СМЕРТЬ

ВАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

(1831 г.)

Милый, юладый нашъ пѣвецъ! На могилѣ, уже мнѣ грозившей
 Ты обѣщался воспѣть Дружбы прощальную пѣснь¹);
 Такъ не исполнилось! Я надъ твоюю могилою ранней
 Слышу надгробный плачъ Дружбы и Музъ, и Любви!
 Бросиль ты смертная пѣсни, оставилъ ты бренную землю,
 Мрачное царство вражды, грустное свѣтлой душѣ!
 Въ міръ неземной ты унесся, небесно-прекраснаго алчный;
 И, какъ надъ прахомъ твоимъ слезы мы льемъ на землѣ,
 Ты, во вратахъ уже неба, съ фіаломъ безсмертия въ длані,
 Пѣснь несловесную тамъ съ звѣздами утра поешь!

КЪ НЕМУ ЖЕ,

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ.

(1831 г.)

Другъ, до свиданья! Скоро и я наслажусь моей частью:
 Жилъ я, чтобы умереть; скоро умру, чтобы жить!

1) Покойный Дельвигъ, во время опасной моей болѣзни, въ дружескихъ разговорахъ, обѣщалъ написать стихи въ случаѣ смерти моей.

ПСАРЬ И МЕДВЕДЬ.

(1831 г.)

Псарь, пронышляющій смиренныхъ зайцевъ шкурой,
 Медвѣдя разъ въ берлогѣ подстерегъ;
 Богатой шубою псаря плѣнилъ звѣрекъ;
 Но, тварей мелкихъ врагъ—быль, видно, слабъ натурой:
 Съ звѣрями крупными онъ дракъ терпѣть не могъ;
 Медвѣди же большие забияки
 И шубъ съ себя не отдаются безъ драки,
 Принявши развѣ пулю въ бокъ;
 Но псарь мой быль и не стрѣлокъ.
 Такъ хотъ, кажется, и ясно,
 Что моему тутъ молодцу
 На добычъ зариться напрасно,
 Что для псаря медвѣдь быль звѣрь не по ловцу;
 Однако, смертная взяла его охота
 Медвѣжій иѣхъ себѣ добыть:
 Борзыми вздумала псарь медвѣдя затравить.—
 Скорѣй домой, и лишь въ ворота,
 Собралъ онъ всѣхъ собакъ, и гончикъ, и борзыхъ,
 Здоровыхъ и больныхъ.
 И даже къ нимъ вдобавку
 Взялъ, отъ жены тайкомъ, ея сѣдую Шавку,
 И, захвативши кнутъ, на звѣря онъ пошелъ.
 Знавъ хорошо лѣсныя всѣ дороги,
 Берлогу скоро онъ нашелъ.
 Хозяинъ дома быль: на солнцѣ у берлоги
 Медвѣдь дремаляр; надъ нимъ, скача между кустовъ,
 Привыкшая при немъ питаться обѣдала
 Остатками мясныхъ его столовъ,
 Сорока лепетала.
 Она издалека
 Псаря-героя увидала
 И, жизнью дорожа соѣда Мишука,
 Къ нему въ испугѣ закричала:
 „Кумъ, на тебя гроза!“—А что?—„Собакъ съ гурьбой
 Идеть къ берлогѣ псарь“.—Какой?
 „Что зайцевъ травитъ здѣсь порой;
 Собакъ не слышишь-ли ты лаю?
 Идетъ!“—Пускай идетъ; его собакъ я знаю;—

СОЧИНЕНИЯ Н. И. ГНѢДИЧА

Медвѣдь въ-полсна пробориоталь.
 А псарь ужъ подошель; но издали онъ сталъ,
 И издали собакъ пускаеть всѣхъ въ атаку;
 Но, страшнаго почувавъ забияку,
 Лай подняли онѣ, а не идутъ
 Съ медвѣдемъ въ драку.
 Псарь порскаеть, кричить, собакамъ кажеть кнутъ,
 Сѣчть ихъ; вой и крикъ вся стая поднимаетъ
 Подъ свищущимъ кнутомъ: но все издалека
 Глядитъ на спящаго беспечно Мишуга.
 Но Шавка вдругъ одна къ медвѣдю подбѣгаеть
 И лаеть въ носъ ему, смѣшно и глупо злясь;
 Медвѣдь лежить не шевелись.—
 „Проснися, кумъ; собаки нападаютъ,“
 Кричитъ сорока: „ну, какъ стаей нападутъ?“
 — Нѣть,—Миша говоритъ,—собаки эти лаютъ,
 А зубомъ не берутъ.—
 „Но Шавка, погляди, она тебя не трусить;
 Все рвется до твоикъ ушей;
 Ахти, вопьется!.. Кумъ, дай оплеуху ей!“
 — Ну, хорошо; скажи-жъ, кума, скорбй,
 Когда она меня укусить,—
 Ей Мишка отвѣчалъ
 И, потянувшись, вновь спокойно задремаль.

Такъ журналистъ иной, частехонъко бываетъ,
 Съ толпой наемниковъ на дарование лаеть;
 А дарование, какъ злость ни нападай,
 Спокойно слушаетъ журнальныхъ шавокъ лай.

Д У М А.

(1832 г.)

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
 Ничѣй не ласкаемъ рукою,
 Отъ дѣтства я роствъ одинокъ, сиротою;
 Въ путь жизни пошелъ одинокъ;
 Промѣнь одинокъ его—тощее поле,
 На коемъ, какъ въ знайной Ливійской юдолѣ,

Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
 Мой путь одинокъ я кончаю,
 И хилую старость встрѣчу
 Въ домашнемъ быту одинокъ:
 Печалень мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

КАВКАЗСКАЯ БЫЛЬ.

(1833 г.)

Кавказъ освѣщается полной луной;
 Аулъ и станица на горномъ покатѣ
 Сосѣдніе спятъ; лишь казакъ молодой
 Безъ сна, одинокій, сидитъ въ своей хатѣ.

Напрасно, казакъ, ты задумчивъ сидишь,
 И сердца бѣнѣемъ минуты считаешь;
 Напрасно въ окно на ручей ты глядишь,
 Гдѣ тайного съ милой свиданія чаешь.

Желанный свиданія часъ наступилъ.
 Но нѣть у ручья кабардинки прекрасной,
 Гдѣ счастливъ онъ первымъ свиданіемъ былъ
 И первой любовью дѣвы имъ страстной;

Гдѣ, страстію къ дѣвѣ онъ самъ ослѣпленъ,
 Далъ клятву отъ вѣры своей отступиться,
 И скоро принять Магометовъ законъ,
 И скоро на Флти прекрасной жениться.

Глядѣть на ручей онъ, сидя подъ окномъ,
 И видѣть онъ вдругъ, близъ окна, передъ хатой,
 Угрюмый и блѣдный, покрытъ башлыкомъ,
 Стоить кабардинецъ подъ буркой косматой.

То братъ кабардинки, любимой имъ, былъ,
 Давнишнїй кунакъ казаку обреченныи;
 Онъ тайну любви ихъ преступной открылъ:
 Бѣда кабардинкѣ, глауromъ прельщенной!

„Сестры моей ждешь ты?“ онъ молвилъ: „сестра
 Къ ручью за водой не пойдетъ уже, чаю;

Но клятву жениться ты далъ ей: пора!
Исполни ее... Ты молчишь? Понимаю.

Пойми жъ и меня ты. Три дня тебя ждать
Въ аудѣ мы станемъ: а если забудеть
Казакъ свою клятву,—пришелъ я сказать,
Что Фати въ день третій сама къ тебѣ будеть".—

Сказалъ онъ и скрылся. Казакъ молодой
Любовью и совѣтствомъ три дня кружится.
И какъ измѣнить ему вѣрѣ святой?
И какъ ему Фати прекрасной лишиться?

И вотъ, на исходѣ ужъ третьяго дня,
Когда онъ, размученъ тоскою глубокой,
Ужъ въ полночь, жестокій свой жребій кляня,
Страдалецъ упалъ на свой одръ одинокій,—

Стучатся; онъ всталъ, отпираетъ онъ дверь:
Вошелъ кабардинецъ съ мѣшкомъ за плечами;
Онъ мраченъ, какъ ночь, онъ ужасенъ, какъ звѣрь;
И глухо бормочетъ, сверкая очами:

„Сестра моя здѣсь, для услугъ кунака".
Сказалъ онъ и сталъ сопротиву кровати,
Мѣшокъ развязалъ—и къ ногамъ казака
Вдругъ выкатилъ мертвую голову Фати.

„Для дѣвы безъ чести нѣть жизни у насть;
Ты—чести и жизни ея похититель—
Цѣлуйся жъ теперь съ ней хоть каждый ты часть!
Прощай; я—кунакъ твой, а Богъ—тебѣ истителъ!" —

На голову дѣвы безмолвно взиралъ
Казакъ одичалыми страшно очами;
Безмолвно предъ ней на колѣни упалъ,
И съ мертввой—живой сочетался устами...

Сребрятся вершины Кавказа всего.
Былъ день. Къ перекличкѣ, предъ домъ кошевого,
Сошлисъ всѣ казаки, и нѣть одного—
И нѣть одного казака молодого.

Л А С Т О Ч К А.

(1833 г.)

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои веснія пѣсни,
 Милый твой видъ я люблю, какъ весна и живой, и веселый.
 Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною;
 Можетъ быть, сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу.
 Птица, любезная людямъ! Ты любишь сама человѣка;
 Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ гостишь въ его домѣ;
 Днями счастливой любви подъ его наслаждаешься кровлей;
 Дружбѣ его и свой маленький домъ, и семейство ввѣряешь,
 И, зими лишь бѣжа, оставляешь домъ человѣка.
 Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты, милая гостья!
 Но куда? За какія моря, за какие предѣлы
 Странствуешь ты, чтобы искать обновленія жизни прекрасной,
 Пѣсней искать и любви, безъ которыхъ жить ты не можешь?
 Кто, по пустынямъ воздушнымъ, досель неотгаданный нами,
 Путь для тебя указуетъ, чтобы снова предъ нами явиться?
 Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова, какъ съ неба,
 Пѣснями насы привѣтъ съ воскресеньемъ бессмертной природы. —
 Хату и пышный чертогъ избираешь ты, вольная птица,
 Домомъ себѣ; но ни хаты жилецъ, ни чертога владыка
 Дерзкой рукою не можетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
 Если онъ счастіе дома съ тобой потерять не страшится.
 Счастіе приносишь ты въ домъ, гдѣ пріютъ нетревожный находишь,
 Божія птица ¹⁾), какъ набожный пахарь тебя называетъ;
 Онъ, какъ священную птицу, тебя почитаетъ и любитъ
 (Такъ пѣснопѣвцевъ народы въ вѣка благочестія чтили).
 Кто-жъ, нечестивый, посмѣть гнѣзда твоего прикоснуться, —
 Домъ ты его покидаешь, какъ бы говоря человѣку:
 „Будь покровителемъ мнѣ, но свободы моей не касайся!“
 Птица любви и мира, ты недругъ всѣхъ хищныхъ пернатыхъ:
 Первая крикомъ тревожныи — домашнимъ ты птицамъ смиренныи
 Вѣсть подаешь о налетѣ погибельномъ коршуна злого;
 Крикомъ встрѣчаешь его; и до облакъ преслѣдуешь крикомъ,
 Часто крылатаго хищника умысли кровавый ничтоша.
 Чистая птица, на прахѣ земномъ ты ногъ не покоишь,
 Развѣ на мигъ, чтобы пищу восхитить, садишься на землю:
 Цѣлую жизнь, и пой, и гуляя, ты плаваешь въ небѣ,

¹⁾ Такъ въ нѣкоторыхъ полуденныхъ губерніяхъ Россіи народъ называетъ ласточку.

Такъ же легко и свободно, какъ мощный дельфинъ въ океанѣ.
 Ты съ высоты поднебесной смотришь на бѣдную землю;
 Горы, лѣса, города и всѣ гордяя зданія смертныхъ
 Кажутся взорамъ твоимъ не выше долинъ и потоковъ;
 Такъ для взоровъ поэта—земля и все, что земное
 Въ шарѣ единый сливается, свыше лучемъ озаренный.
 Пой, любезная ласточка, пой и кружись надо иною!
 Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты инѣ на душу напѣла.

МИЛЬТОНЪ, СЪТУЮЩІЙ НА СВОЮ СЛѢПОТУ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ III-Й КНИГИ „ПОТЕРЯННОГО РЯ”).

(1805 г.)

Хвала, о Музы, вами! Я зреѧлъ селенъя звѣзды,
 Безстрашно исходилъ въ подземны Ада бездны;
 Дерзаю вновь шарить въ священный эмпирей,
 Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
 Хочу я небо зреѧть, сей новый міръ блаженный,
 Сѣтиломъ золотымъ согрѣтый, озаренный. —
 И се, я чувствую огонь лучей его;
 Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего!
 Зѣницы тусклы во тьмѣ ночной врачаю,
 И тщетно средь небесь я солнце зреѧть желаю!
 Увы! не просвѣтить оно моихъ очей;
 Мой не увидѣть взоръ златыхъ его лучей.
 Но ты, мой вѣрный другъ, божественная Муза!
 Ты не прервешь со иной священнаго союза;
 Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,
 Когда я буду пѣснь святую воспѣвать;
 Скитаясь по горамъ, до облакъ вознесенный,
 Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
 Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой,
 Въ одномъ безмолвіи бесѣдуя съ тобой.

Мѣста, живившія мой томный духъ смущенный,
 Гора Сионская, и ты, ручей священный,
 Что при стопахъ ея задумчиво журчишь
 И свѣтлую лазурь между цвѣтовъ катишь, —
 Васть часто съ Музою, слѣпецъ, я посѣщаю;
 О мужи славные, васть часто призываю!

Слѣпцы, живущіе въ безсмертныхъ звукахъ лиръ,
Тирезій, Тамирись, божественный Омиръ!
Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ;
Увы! подобно вамъ почто и я не славенъ?..

Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напитавъ
И силу новую воображеню давъ,
Вселенной чудеса я съ Музой воспѣваю,
И огнь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю.—
Такъ скромный соловей, въ ночной, безмолвный часъ,
Сокрывшись въ мракѣ лѣсовъ, ліетъ свой сладкій гласть. —
И годъ, и день, и ночь—все снова возродится;
Но для очей моихъ сѣть дня не возвратится;
Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ;
Весна моя безъ розъ, и лѣто безъ плодовъ.
Увы! я не узрю ни синихъ водъ безимѣрныхъ,
Ни утреннихъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ;
Ни богомужнаго и кроткаго лица,
Въ чертахъ котораго блестаетъ ликъ Творца.
Вотще красуются цвѣтovъ различны роды;
Исчезли для меня всѣ красоты природы;
И небо и земля покрылись страшной тьмой,
И книга дивная закрылась предо мной;
Все пусто, вѣчно все ночью поглотилось,
И солнце для меня навѣки закатилось!—
Простите навсегда, науки и труды,
Сокровища искусствъ и мудрости плоды!
Сокровищемъ искусствъ я больше не плѣнился,
Плодами мудрости уже не наслажуся:
Все скрыла ночь!—Но ты, любимица небесъ,
Сойди на помощь мнѣ, расторгни мракъ очеъ;
О Муза, просвѣти меня огнемъ небеснымъ,
И не останусь я въ потомствѣ неизвѣстными,
Открывъ безтрепетно въ священной пѣсни сей
Сокрытое до днесъ отъ смертнаго очей.

М Е Л О Д И Я.

(1824 г.)

Душѣ моей грустно. Спой пѣсню, пѣвцъ.
Любезень гласъ арфы душѣ и унылой.

Мой слухъ очаруй ты волшебствомъ сердецъ,
Гармонія сладкой всемоющю силой.

Коль искра надежды есть въ сердцѣ моемъ,
Ее вдохновенная арфа пробудить,
Когда хоть слеза сохранилася въ немъ,
Пролетьется, и сердца сжигать мнѣ не будетъ.

Но пѣсни печали, пѣвецъ, мнѣ воспой:
Для радости сердце мое ужъ не бѣстся;
Заставь меня плакать,—иль долгой тоской
Гнетомое сердце мое разорвется.

Довольно страдаль я, довольно терпѣль;
Усталъ я.—Пусть сердце или сокрушится,
И кончить земной мой несносный удѣль;
Иль съ жизнью арфой златой примирится.

ТАРАТИНСКАЯ ДѢВА.

(1822 г.)

Стенайте, Алкіоны!
О птицы нѣжныя, любимицы Наядъ,
Стенайте! ваши стоны
Окрестные брега и волны повторять.
Не стало, нѣтъ ея, прекрасной Евфrozины!
Младую несъ корабль на берегъ Камарины;
Туда ее Гименъ съ любовью призывалъ:
Невѣсту тамъ женихъ на прагѣ дома ждалъ;
При ней, на брачный день, хранилъ ковчегъ кедровый,
Одежды свѣтлые и дѣвы поясъ новый,
И перлы для груди, и злато для перстовъ,
И благовонныя мастики для власовъ,
Но, какъ Ніобы дочь, невинная душою,
На путь покрытая одеждю простую,
Фіалковымъ вѣнкомъ и ризою льняной,
На палубѣ одна стояла и мольбой
Звала попутный вѣтъ и мирныхъ свѣтила.
Но вихорь налетѣль и, грянувши въ вѣтрила,
Невѣсту обхватилъ, корабль качнулъ: о страхъ!
Она уже въ волнахъ...
.

Она уже въ волнахъ, юладая Евфrozина!
Помчала мертвую глубокая пучина.

Фетида, сквяляся, ее изъ безднъ морскихъ
Выносить блѣдную въ объятіяхъ своихъ.
На крикъ сестры, толпой, сквозь влажныя громады,
Всплывають юная поверхъ зыбей Наяды;
Несутъ бездушную, кладутъ подъ кипарисъ;
Тамъ принялъ дѣвы прахъ Зефировъ тихъ мысъ;
Тамъ Нимфы, воплями собравъ подругъ далекихъ,
И Нимфъ густыхъ лѣсовъ, и Нимфъ полей широкихъ,
И распустивъ волосы, надъ холмомъ гробовымъ
Весь огласили брегъ стечаніемъ своимъ.

Увы! напрасно ждалъ тебя женихъ печальный;
Ты не украсилась одеждой вѣнчальной:
Твой перстень съ женихомъ тебя не сочеталъ,
И кудрей дѣственныхъ вѣнецъ не увѣнчалъ!

К У З Н Е Ч И КЪ.

(изъ АНАКРЕОНА).

(1822 г.)

О счастливецъ, о кузнецикъ,
На деревьяхъ на высокихъ
Каплю росы напьешься,
И, какъ царь, ты распѣваешь.
Все твое, на что ни взглянешь,
Что въ поляхъ цвѣтеть широкихъ,
Что въ лѣсахъ растеть зеленыхъ.
Другъ смиренный земледѣльцевъ,
Ты ничѣмъ ихъ не обидишь;
Ты пріятень человѣкамъ,
Лѣта сладостный предвѣстникъ;
Музамъ чистымъ ты любезенъ,
Ты любезенъ Аполлону:
Даръ его — твой звонкій голось.
Ты и старости не знаешь,
О мудрецъ, всегда поющій,
Сынъ, жилецъ земли невинный,
Безболѣзенный, безкровный,
Ты почти богамъ подобенъ!

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

	СТР.
Николай Иванович Гнѣдичъ (Критико-біографический очеркъ).	I—XXXI
Къ моимъ стихамъ.	1
Общежитіе.	2
Перуанецъ къ испанцу.	5
Гласъ благодарности.	8
На гробъ матери	10
Сонъ скучного	12
Романсъ.	13
Скоротечность юности.	14
Къ К. Н. Батюшкову.	16
Семеновой, при посыпкѣ ей экземпляра трагедіи: «Леаръ».	18
Задумчивость.	19
Снигирь.	21
Дружба.	23
На смерть Даниловой	24
Къ Батюшкову, при подаркѣ ему бѣлой книги	25
Подражаніе Горацию.	26
Дружба.	—
Для Розового павильона въ Павловскѣ.	27
Отвѣтъ на посланіе гр. Д. И. Хвостова, напетатанное 1810 года.	—
Батеринъ Павловичъ, королевъ Виртембергской.	29
На французскія революціонныя знамена въ Казанскомъ соборѣ	—
Къ генералу Захаржевскому, начальнику Краснаго Села.	30
Р. И. Сухозанетовой, при отъездѣ ея изъ С.-Петербурга	31
Что значитъ «любить».	—
Перстень	32
Къ*** извиненіе.	—
Къ Провидѣнію.	33
Къ другу	34

	СТР.
Къ нему же.	35
Осень.	—
М. Ф. Кокошкиной.	36
Приютинъ	37
Къ И. А. Крылову.	41
Рыбаки.	42
Приношеніе Екатеринѣ Павловнѣ, покойной королевѣ Виртембергской . .	52
Къ И. А. Крылову	53
Иностранцамъ-гостямъ моимъ.	54
На смерть одной и рожденіе другой дочери Г.	56
День моего рожденія.	57
На смерть дочери	58
Чудо на масляной недѣлѣ.	59
Медвѣдь.	—
А. А. О.	61
Къ ***.	—
На смерть барона А. А. Дельвига	62
Къ нему же, при погребеніи.	—
Псарь и медвѣдь.	63
Дума.	64
Кавказская быль.	65
Ласточка.	67
Мильтонъ, сѣтующій на свою слѣпоту.	68
Мелодія	69
Таратинская дѣва.	70
Кузнечикъ.	71

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ВТОРОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ,
составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ

поставщикомъ двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 13
1903

Дозволено цензурою. Спб , 20 октября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. І. Гвоздичъ Т. П.

АРФА ДАВИДА.

(1821 г.)

Разорваны струны на арфѣ забвенней
Царя-пѣснопѣвица, владыки народовъ, любимца небесъ!
Нѣтъ болѣе арфы, давно освященной
Сыновъ Іудейскихъ потоками слезъ!
О, сладостны струнъ ея были перуны!
Рыдайте, рыдайте! На арфѣ Давида разорваны струны!

Гармоніей сладкой она проницала
Желѣзныя души, иѣдяныя груди суровыхъ людей;
Ни слуха, ни сердца она не встрѣчала,
Чтобъ ихъ не восхитить до звѣздныхъ полей
Чудеснымъ могуществомъ струинаго звона.
Священная арфа Давида сильнѣе была его трона.

Вслухъ миру Царя она славу гремѣла;
Величала въ пѣсняхъ могущество Бога, Его чудеса;
Веселѣемъ полнила грады и села,
И двигала горы и кедровъ лѣса;
Всѣ пѣсни ея къ небесамъ возвышались,
И тамъ, возлѣтѣши, подъ скинѣй Бога навѣки остались.

Съ тѣхъ порь на землѣ ихъ не слышно небесныхъ.
Но кроткая вѣра еще восхищаетъ слухъ кроткихъ сыновъ
Мелодіей сладкой тѣхъ звуковъ чудесныхъ:
Они, какъ отъ звѣздныхъ слетая круговъ,
Лелѣютъ ихъ души небесными снами,
Которыхъ не можетъ и солнце разрушить златыми лучами.

СОЧИНЕНИЯ Н. И. ГНѢДИЧА

КРАСОТЫ ОССИАНА

ИЛИ ПѢСНИ ВЪ СЕЛЬМѢ *).

(1804 г.)

Ты, которая являешься
 Изъ-за темныхъ облакъ запада
 Съ тихимъ взоромъ и трепещущимъ,
 Ты, которая течешь теперь,
 По пространству неба синяго
 Тихо, важно и торжественно,—
 О звѣзда вечерня, свѣтлая,
 Ночи тихой вѣрна спутница!
 Для чего свой взоръ трепещущій
 На долину опускаешь ты?
 Вѣтры дневные безмолвствуютъ,
 Умолкаетъ шумъ источниковъ,
 Онъ умолкъ—и волны тихія
 У подножія крутой скалы
 Со смиреніемъ ласкаются;
 Свѣтло-крылы, наскомыя
 Кучи съ кучей собираются
 На лучѣ дня умирающемъ
 И жужжаньемъ прерываются лишь
 Тишину вездѣ глубокую.
 О звѣзда вечерня, свѣтлая!
 Для чего свой взоръ трепещущій
 На долину опускаешь ты?
 Но уже съ улыбкой кроткою
 И сама къ долинѣ клонишаися,
 Волны вокругъ тебя стекаются
 И, свои главы дрожашія
 Подымая, осребряются.
 Такъ прости-жъ, звѣзда безмолвная,
 Если вмѣсто твоего отня
 Возсияеть огнь души моей
 И огонь сей, возрождаяся,

*.) Въ стихахъ сихъ многаго не найдуть того, что есть въ «Пѣсняхъ въ Сельмѣ», но многое найдуть, чего нѣтъ въ нихъ; скажу (но можетъ быть эта емѣость мнѣ и непростительна), что я хотѣлъ только всѣ красоты ОссIANA слить въ эти пѣсни, и въ нихъ однѣхъ хотѣлъ показать, каковъ ОссIANъ.

Съ силой всею разливается
 По составамъ *Оссіановыи*;
 При его сияньѣ вижу я
 Тѣни стекшихся друзей моихъ
 И на Лору опустившихся.
 Межъ толпою сихъ воителей
 Узнаю героя сильного;
 Онъ межъ нами такъ, какъ гордый дубъ
 Между низкими деревьями; —
 Онъ — Фингаль среди сподвижниковъ;
 Всѣ тѣ старцы сѣдобрадые,
 Коихъ чела такъ блестятъ во тьмѣ,
 Всѣ тѣ старцы — Барды славные;
 Узнаю въ нихъ Рино иѣжнаго,
 И Альпино громогласнаго,
 И тебя, Минона томна;

О друзья мои любезные!
 Сколько-сколько перемѣны въ васъ
 Съ тѣхъ временъ, съ тѣхъ дней счастливѣйшихъ,
 Какъ среди торжествъ мы Сельмыны.
 Состязались — кто вѣнчается,
 Кто возьметъ награду пѣнія,
 Состязались, какъ зефиръ весны,
 Часто на холмѣ возлетающій,
 Чтобъ лелѣять травку иѣжную,
 Изъ земли едва возникшую.
 О друзья мои, вы помните,
 Какъ въ одно мы изъ такихъ торжествъ
 Видѣли Минону томную
 Въ полномъ блескѣ юныхъ прелестей.
 Времена давно протекшія,
 Прежде бывшія дѣянія,
 Оживитеся — воскресните
 Въ Оссіана слабой памяти!
 Помню, какъ Минона вышла къ намъ:
 На глазахъ ея потупленныхъ
 Двѣ слезы, росѣ подобныя,
 Трепетали и скатились
 По щекамъ ея прелестнѣйшимъ
 На грудь бѣлую, высокую;
 Всѣ герои тутъ смягчилися!
 Но когда уста прекрасныя,

Раскрываясь, голос издали,
 Всѣ герои тутъ заплакали...
 Ахъ, и камень тутъ заплакалъ бы!
 Всѣ герои часто видѣли
 Гробъ Сальгара, юна воина,
 И жилище бѣдной Кольмы той,
 Той, которой обѣщалъ Сальгарь
 Возвратиться съ окончаньемъ дни;
 День проходитъ,—но нѣдѣль Сальгарь,
 Ночь находить,—но Сальгара нѣть.
 Кольма, зря себя оставленной,
 Мракомъ ночи окруженною,
 Произносить съ стономъ жалобы:
 „Ночь снисходить,—я одна сижу
 На холмѣ, гдѣ собираются
 Вѣтры бурные, пустынные.
 Ночь снисла—лѣса шумятъ уже,
 Завываетъ буря въ ребрахъ горъ,
 Тамъ—ручей, дождемъ наполненный,
 По крутизnamъ извиваясь,
 Съ шумомъ въ бездну низвергается.
 Громъ гремитъ,—куда укрыться мнѣ?
 Я одна,—одна оставлена!

„Покажи, луна, скорѣе ты
 Хоть одинъ рогъ изъ-за облаковъ,
 Ахъ! хоть, звѣзды, появится
 И излейте слабый, тусклый свѣтъ,
 Приведите Кольму бѣдную
 Къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ другъ души моей.
 Ночь еще чернѣй становится,
 Тамъ лится пламя бѣлое,
 Громъ реветъ ужъ надъ главой моей;
 Какъ и эту ночь ужасную
 Мнѣ одной провѣсть на холмѣ семь?
 Шумъ ручья усугубляется,
 Вѣтры болѣе свирѣпствуютъ;
 Замолчите, вѣтры бурные,
 Не шумите вы, источники,
 Чтобъ Сальгарь услышалъ голосъ мой!
 О Сальгарь, Сальгарь, сюда иди,
 Вотъ тотъ камень, вотъ то дерево,

Вотъ источникъ, у которого
Ты велѣль мнѣ омыдать себя:
Кольма здѣсь и дожидается;
Но Сальгар! какъ долго медлишь ты!
Ахъ,—луна уже является,
Вижу воды я мелькающи,
Сквозь туманы тонки-сизые
Вижу камни сѣроватые;
Но не вижу ловчихъ псовъ его,
Сихъ предтечей возвращенія.
Что мнѣ дѣлать? И куда идти?
Ахъ,—ужели здѣсь остаться мнѣ?
Вотъ, луна совсѣмъ явилася,
И какихъ я ратоборцевъ вижу
Тамъ на полѣ распостершихся?
Или сонъ сомнѣнья зеницы ихъ?
Отвѣчайте, вои храбрые!
Вы молчите?—Подойду я къ нимъ...
Вотъ мечи—но черна кровь на нихъ...
Ахъ,—мой братъ, а это—мой Сальгаръ!
Горе, горе! Оба мертвые!

„О Сальгаръ, о другъ души моей!
Ахъ, убиль ты брата Кольмина!
О мой братъ,—о братъ любезнѣйшій!
Ахъ! за что убиль Сальгара ты?
Вы молчите? Побесѣдуйте,
Хоть полслова вы скажите мнѣ,
Хоть полслова—на стенація:
Но, увы! они безмолвствуютъ!
Навсегда уже безмолвствуютъ!
Ужъ не боятся и сердца у нихъ,
Не забоятся никогда они!
О мой братъ!—ты быль страшнѣе всѣхъ
Въ полѣ браны, между свистящихъ стрѣль.
О Сальгаръ!—ты быль прекраснѣе
Всѣхъ на колѣбѣ обитающихъ.

„Съ высоты холмовъ покатистыхъ,
Съ высоты хоть горъ ужаснѣйшихъ,
Отвѣчайте, тѣни милыхъ,
На стенація вы Кольмины!
Отвѣчайте,—и не бойтесь
Устрашить меня отвѣтами;

Между тѣмъ—одна я съ горестью
 Сяду здѣсь на камнѣ дикомъ семъ,
 И съ росой вечерней, утренней
 Буду камень сей кропить слезой!
 О друзья почившихъ вѣчнымъ сномъ!
 Вы для нихъ могилу выройте,
 Но пождите засыпать ее:
 Скоро, скоро я сойду туда,
 Скоро лягу вмѣстѣ съ милыми!
 Тѣни ночи на холмѣ спустятся,
 Съ ними я, въ прозрачномъ облакѣ,
 Прилечу на холмъ покатистый.
 Звѣроловецъ на меня взглянетъ,
 И нога его стремящаясь
 Остановится отъ ужаса.
 Сердце въ немъ замретъ,—но голосъ мой
 Оживить и уладить его.
 Голосъ мой, мои стенаeia
 Надъ могилами друзей моихъ
 Будутъ томныя, плачевныя".
 Такъ Минона пѣснь окончила.
 Каждаго глаза слезящесь
 На Минону устремилися,
 И лицо ея прелестное
 Вдвое сдѣлалось прелестнѣе;
 Оттѣнились щеки блѣдны
 Цѣтомъ дѣвической скромности,
 Цѣтомъ алымъ щеки снѣжныя!
 Сладкогласный тутъ возсталъ Уллинъ
 И на арфѣ томно роскошной
 Пѣснь Альпина, пѣснь унылую,
 Воскресилъ свою памятью:
 Онъ воспѣлъ о юномъ Морарѣ,
 О его геройскихъ подвигахъ
 И о смерти,—о слезахъ отца,
 О слезахъ сестрою пролитыхъ,
 Сей Миноною чувствительной.
 Первый звукъ унылой пѣсни сей
 Лишь раздался,—и глубокій вздохъ
 Поднялъ грудь ея высокую!
 Такъ весенний подымаетъ вѣтъ
 Лебедину грудь пушистую;

Удалилася несчастная,
 Какъ луна предъ грозной бурею
 Удаляется за облако,
 Чтобъ блѣднѣющее скрыть чело.
 Пѣснь Уллина потрясла сердца,
 Всѣхъ объяла горесть тихая:
 Такъ ночная тѣнь объемлетъ колиць.
 Но какой согбенный старецъ тамъ,
 Подымаясь съ трепетаніемъ,
 На высокій жезль склоняется?
 Голова его безвlasая
 Такъ печально опустилася,
 Вздохи тяжкіе, глубокіе
 Воздымаютъ грудь опадшую?
 Се Арминъ, отецъ несчастнѣйшій!
 Пѣснь Уллина печальная
 Образъ сына, образъ дочери,
 Синъ дѣтей его любезнѣйшихъ,
 Падшихъ въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ своихъ,
 Живо тутъ ему представила,
 И изъ глазъ померкшихъ, сомкнутыхъ
 Полилась струя горючая.
 „Какъ, Арминъ!—сказалъ Кармаръ ему,—
 Это пѣніе пріятное
 Лѣтѣть въ сердца лишь томность нѣкую,
 Таковую, какъ мы чувствуемъ
 При закатѣ солнца краснаго,
 Лучъ когда его блѣднѣющій
 На тополевыхъ листахъ дрожитъ,
 Или гаснетъ на вершинахъ горъ;
 Озеро когда спокойное
 Синевою покрывається,
 И когда росой вечернею
 Цвѣтъ склонившійся подъемлется;
 Это пѣніе небесное
 Въ душу лѣтѣть одно уныніе,
 Но уныніе пріятное;
 Отчего-же горесть сильная,
 О вождь Горны, на лицѣ твоемъ?“
 „Горесть, горесть и въ душѣ моей!—
 Такъ согбенный возопилъ Арминъ,—
 И причина этой горести,

О Кармаръ!—есть справедливая.
 Не лишился ты дѣтей своихъ;
 Храбрый Кольгаръ, юна Анира
 При тебѣ еще находятся;
 Но Арминъ—одинъ на всей землѣ!
 Ахъ! къ кому онъ склонить голову?
 Грудь свою уже охладшую
 Ахъ, на чьей груди согрѣть онъ?
 Нѣтъ руки сыновней, дочерней,
 Поддержать чтобы ослабшаго;
 Нѣтъ руки, котора-бъ вывела
 Въ ясный день меня на холмъ крутой,
 Чтобы тѣло мое слабое
 Солнцемъ краснымъ оживилося;
 Нѣтъ руки закрыть глаза мои!
 Гдѣ теперь вы, дѣти милыя?
 Гдѣ теперь ты, сынъ возлюбленный,
 Ты, который въ полѣ бранномъ быль
 Равенъ духу громоносному,
 Равенъ черной, грозной тучѣ той,
 Стрѣлы коей и скалы дробять?
 Такъ во мракѣ, въ сей землѣ сырой,
 Три шага—вмѣстили сильнаго.
 О Даура, дочь любезная,
 Гдѣ твои цѣтущи прелести?
 Бѣлизной была ты равная
 Снѣгу дебрей; твои волосы
 Тѣль парамъ, что вверху горы
 Въются кудрями прозрачными
 И златятся солнцемъ западнымъ.
 О дочь милая, подобная
 На закатѣ полну мѣсяцу,
 Ты увала—ахъ! исчезла ты,
 Исчезаешь какъ звѣзда во тьмѣ,
 Пролетѣвъ пустыню синюю.
 О Даура, какъ печалень одръ,
 На которомъ ты простерлася!
 О Даура, какъ глубокъ тотъ сонъ,
 Ты въ который погрузилася!
 Ахъ! когда, когда пробудишься,
 Чтобъ меня,—отца несчастнаго,
 Чтобы горесть мою лютую

Усладить своею пѣсни;
 Иль когда, хоть въ полночь ясную
 На лучъ спустяся мѣсячномъ,
 Ты прогланешь сквозь окно мое,
 Чтобъ увидѣть, какъ я слезы лью...
 Никогда! О ночь ужасная!..

„Вѣты бурные—воздвигнитесь
 И въ пустыню дуйте черную!
 Раздирайте тучи сизыя
 И шумите межъ дубовъ сѣдыхъ,
 И свистите въ сихъ скалахъ крутыхъ...
 Заревите, бури яры!
 Покатись, луна багровая,
 Между черныхъ тучъ разодранныхъ!
 Громы, громы! разсыпайтесь
 Надъ моей главою бѣлою—
 И представьте роковую ночь,
 Ту, въ которую лишился я
 Обоихъ дѣтей любезнѣйшихъ!

Черны крылья врача вѣщаго,
 Но чернѣй покровъ той ночи былъ;
 Духи злобные пустынныхъ бурь
 Враждовали съ злобой страшною,
 Громы съ громами встрѣчались,
 Потрясались горы дикия,
 Пламя вокругъ меня льющееся
 Освѣщало ужасъ ночи сей.
 Зрѣль, какъ дубы расцеплялися,
 Или, духомъ бури ринуты,
 Вмѣстѣ съ камнями отторгнувшись,
 Съ трескомъ, стукомъ съ горы катились
 Въ пѣнну бездну.—Зрѣль, какъ съ клокотомъ
 Воздымались горы водные,
 И, шумя главами бѣлыми,
 О скалы дробились яростно.
 Среди ужаса полночи сей
 Вдругъ раздался голосъ жалобный,
 Повторился—и узналъ я въ немъ
 Стонъ сыновній—Ариндаля стонъ,
 Ариндаля, пораженнаго
 Острѣемъ стрѣлы Армаровой;
 Но Армаръ невиненъ, ты, Эратъ,

Ты похитилъ отъ любви его
 Дочь мою, его любившую,
 И Армаръ, сочтя во тьмѣ ночной
 Ариандаля похитителемъ,
 Напрягаетъ лукъ—стрѣла свистить...
 Ариандаль, какъ цвѣтъ весенній, падъ!
 Ахъ!—мой сынъ своею кровью
 Обагрилъ ручи текущіе,
 А отецъ его несчастнѣйший
 Тѣ ручи, ины обагренные,
 Наводнилъ слезами горькими.
 Изъ-за тучъ прогланула мѣсяцъ вдругъ,
 И очамъ моимъ слезящимся—
 На утесъ, вокругъ котораго
 Клокотала пѣна бѣлая,—
 Показалось привидѣніе,
 Тѣнямъ Лега тьмѣ подобное,
 Что, скитаясь во тьмѣ ночной,
 Волютъ съ птицами полночными
 И надгробной пѣсни требуютъ.
 Мѣсяцъ блѣдный ниспустилъ свой лучъ
 На лицо стенающей тѣни сей,
 И—о горе!—дочь увидѣлъ я!
 Видѣлъ я ее, несчастную,
 На скалѣ, одну—оставленну
 И волнами окруженнную!
 Это варварство Эратово.
 Ахъ! отецъ смотрѣлъ на дочь свою
 И не могъ подать ей рукъ своихъ;
 Слышалъ онъ ея стенанія
 И не могъ подать ей помощи!
 Мракъ ночной опять сокрылъ ее;
 Но духъ вѣтровъ, зломъ любуяся,
 Стоны дочери страдающей
 Приносилъ къ отцу несчастному.
 Слышалъ я, какъ тѣ стенанія
 Утихали, умалился
 И исчезли съ мракомъ ночи сей.
 Первый лучъ свѣтила дневнаго
 Освѣтилъ ее—простершую!
 И я видѣлъ, какъ на семъ лучѣ
 Непорочная душа ея

Возносилась къ небу синему,
 И какъ облако руманое
 Разстипалося по воздуху,
 Чтобъ принять моей Дауры тѣнь —
 И отецъ, отецъ смотрѣль на то...

„Съ роковой, ужасной ночи сей
 Я всегда — какъ духи бурные
 Съютъ злобу межъ стихіями,
 Какъ пустынныя стenanія
 Отзываются въ ушахъ моихъ,
 Какъ летаютъ въ вихряхъ воющихъ
 Листья желтые древесные,
 И, крутись надъ головой моей,
 Съ сѣдиной моей мѣшаются —
 Я сижу на этомъ берегѣ,
 На скалу смотрю ту страшную,
 Иногда сквозь слезы вижу я,
 На лучѣ послѣднемъ мѣсячномъ
 Тѣни милыхъ дѣтей моихъ,
 Межъ собою тихо шепчушихъ.
 Какъ, — о дѣти! — воюю я къ нимъ, —
 Вы лишились сожалѣнія,
 Вы не хотите отвѣтствоватъ
 На стenanія отцовскія?
 Но — увы! они въ безмолвії,
 Помавая головами ихъ,
 Близъ меня несутся медленно
 И отъ глазъ моихъ скрываются!
 Никогда я не увижу васъ,
 Никогда васъ не услышу я!
 Горесть лютая въ душѣ моей,
 И причина этой горести —
 О Кармаръ! — есть справедлива!

Таковыя пѣсни томныхъ
 Въ сводахъ Сельмы раздавалися,
 Такъ звучали арфы стройныя,
 Такъ гремѣли барды славные,
 Сидя вокругъ огней пылающихъ
 Съ золотою чашей пиршества.
 Голоса ихъ были громкие,
 Но и мой тамъ голосъ слышенъ быль:
 А теперь языкъ мой холоденъ

И угась огонь души моей.
 Тыни бардовъ часто носатся,
 Вспѣвава пѣсни древнія;
 Я стараюся замѣтить ихъ,
 Но и память измѣняетъ мнѣ.
 О лѣта!.. но вы, которые
 Ясно солнце еще видите,
 Возведите вы меня, слѣпца,
 Возведите Оссіана вы
 На холмы его высокіе,
 Посадите подъ орѣшникомъ,
 Подлѣ дуба тамъ шумящаго,
 Посадите на зеленый дернъ,
 Близъ ручья, едва журчащаго,
 А Мальвина пусть мнѣ арфу дасть,
 И холодная душа моя
 Можетъ быть еще возвысится.
 Возвышается—о Сельма! зрю
 Твои стѣны, дерева твои,
 Зрю Фингала—о родитель мой!
 Зрю Оскара—сынъ возлюбленный!

Вотъ герои всѣ морвенскіе—
 Въ ихъ рукахъ мечи блестящіе.
 О герой! вы желаете
 Славы вѣчной?—вы получите,
 Увѣнчаетесь—я живъ еще,
 Возвѣщу вѣкамъ я будущимъ!
 Но увы!.. рука дрожащая
 Ронитъ арфу—слышу голосъ лѣть:
 Какъ? Еще, еще желаетъ пѣть
 Оссіанъ? Который завтра же,
 Но, быть можетъ, въ этотъ самый часъ,
 Ляжетъ въ гробъ, пескомъ засыплется!

Слабый смертный—жертва времени!
 Нынѣ гордо съ башенъ смотришь ты
 Внизъ на землю, а земля сія
 Можетъ завтра—можетъ нынѣ же
 И тебя, и мысли гордыя—
 Ахъ!—поглотить въ недра ирачныя,
 И полночны совы нынѣ же,
 Виѣстъ съ вѣтрами пустынными,
 Поселятся въ гордыхъ башняхъ тѣхъ,

И завоють съ псами страшну пѣснь,
 Защищть змѣй въ шишакѣ твоемъ,
 Засвистить вѣтъръ вокругъ щитовъ твоихъ,
 И одно сухое дерево,
 Иль тростникъ, звеня головками,
 Возвѣстить потомкамъ будущимъ
 О тебѣ и о дѣлахъ твоихъ!

Ахъ! скорѣй лѣта печальныя,
 Вы скорѣй, быстрѣй катитесь
 Надъ сѣдою головой моей,
 Закрывайте вы глаза мои,
 Свѣта дневнаго не зряще
 И почти уже закрытые;
 Я всего лишился въ мірѣ семъ,
 Оссіана все оставило,
 Что любезно на землѣ было;
 Барды всѣ мнѣ современны
 Успокоились а я живу!
 Ахъ! скорѣй лѣта печальныя,
 Открывайте крышку гробную!

СЪТОВАНІЕ ОЕТИДЫ

НА ГРОБЪ АХИЛЛЕСА.

(1815 г.)

Увы мнѣ, богинѣ, рожденной къ бѣдамъ!
 И матери въ грусти, навѣкъ безотрадной!
 Зачѣмъ не осталась, не внемля сестрамъ,
 Счастливою дѣвой въ пучинѣ я хладной?
 Зачѣмъ меня избралъ супругой герой?
 Зачѣмъ не судила Пелею судьбина
 Связать свою долю со смертной женой?..

Увы, я родила единаго сына!
 При мнѣ возрасталъ онъ, любимецъ боговъ,
 Какъ пышное древо, долинѣ украшенѣе,
 Очей моихъ радость, души наслажденье,
 Надежда Ахеянъ, гроза ихъ враговъ!
 И сына такого, Эллады героя,
 Создателя славы Ахейскихъ мужей,

Увы, не узрѣла притекшая съ боя,
 Къ груди не прижала отрады моей!
 Младый и прекрасный Троянъ побѣдитель
 Презрѣнныи убѣицею въ Троѣ сраженъ!
 Дѣлами—боговъ изумившій воитель,
 Какъ смертныи ничтожный, землей поглощенъ!

Зевесъ, гдѣ обѣть твой? Ты клялся главою,
 Что славой, какъ боги, бессмертенъ Пелидъ;
 Но рать еще зрѣла пылавшую Трою,
 И Трои рушитель былъ ратью забыть!
 Изъ гроба былъ долженъ подняться онъ мертвый,
 Чтобъ чести для праха у Грековъ просить;
 Но, чтобы ихъ принудить почтить его жертвой,
 Былъ долженъ Зевесъ, ты природы смутить;
 И самъ, ужасая Ахеанъ народы,
 Сномъ мертвымъ сковаль ты имъ быстрыя воды ¹⁾.

Отчизнѣ пожертвовавъ жизнью младой,
 Что добылъ у Грековъ ихъ первый герой?
 При жизни—обиды, по смерти—забвенье!
 Что-жъ божіе слово? Одно ли прельщенье?
 Не разъ прорекалъ ты, бессмертныхъ Отецъ:
 „Героевъ бессмертнѣемъ пѣвцы облекаютъ“.
 Но два уже вѣка свой кругъ совершаютъ,
 И гдѣ предреченный Ахиллу иѣвецъ?
 Увы! о Кронидъ, прельщены мы тобою!
 Мой сынъ злополучный, и мой милый Ахилль,
 Своей за отчизну сложенной главою
 Лишь гробъ себѣ темный въ пустынѣ купилъ!
 Но если обѣты и Зевесъ нарушаешь,
 Кому тогда вѣрить, въ кого уповать?
 И если Ахилль, какъ Ферситъ, погибаетъ,
 Что слава? Кто будетъ мечты сей искать?
 Ничтожно геройство, труды и дѣянья,
 Ничтожна и къ чести, и къ славѣ любовь,
 Когда ни отъ смертныхъ имъ нѣть воздаянья,
 Ни же отъ святыхъ, правосудныхъ боговъ.

1) Безвѣтrie, долго удерживавшее Грековъ отъ отплытія въ дому, истолковано было Калхасомъ, жрецомъ, какъ посланное Зевесомъ, гнѣвнымъ на Грековъ, медлившихъ воздать Ахиллесу честь закланиемъ изъ гроба его Поликсены,—честь, которой онъ, явившись изъ гроба грозною тѣнью, себѣ требовалъ.

Такъ, сынъ мой, оставленъ, забвень ты богами!
 И памяти ждать ли отъ хладныхъ людей?
 Твой гробъ на чужбинѣ, изрытый вѣками,
 Забудется скоро, сравнявшись съ землей!
 И ты, моей грусти свидѣтель унылой,
 О ульи, при гробнице взлѣтавшій иной,
 Изсокнешь и ты надъ сыновней могилой;
 Одна я останусь съ безсмертной тоской!
 О, скажися хоть ты, о Земля, надо иною!
 И если не можешь ижѣ жизни прервать,
 Сырая Земля, разступись подъ живою,
 И къ сыну въ могилу прими ты и мать!

Р О Ж Д Е Н И Е Г О М Е Р А.

(Посвящено С. С. Уварову).

(1816 г.)

I.

Съ тѣхъ дней, какъ въ Тройѣ жизнь могучаго Пелида
 Убийцей прервана предъ брачнымъ алтаремъ,
 Прошли вѣка; но скорбь глубокую о немъ
 Хранила въ сердцѣ мать, бессмертная Фетида.

„Героевъ подвиги во гробѣ не умрутъ;
 Какъ холмы, гробы ихъ бессмертьемъ процвѣтутъ.
 Поэзія—глаголь святого вдохновенія,
 Доколѣ на землѣ могущественъ и святъ,
 Героямъ смерти нѣть, нѣть подвигамъ забвенья;
 Изъ вѣковыхъ гробовъ пѣвцы ихъ воскресятъ“.

Такъ утѣшаль Зевесъ печальнную Фетиду,
 Когда она, взошедъ въ высокій бога домъ,
 Напомнила ему о знаменіи томъ,
 Какимъ онъ утвердилъ бессмертие Пелиду;
 Такъ утѣшаль онъ мать.—Межъ тѣмъ, рука временъ
 Дѣла полубоговъ съ лица земли стирала
 И саму Молву съ вѣками увлекала,
 Хранительницу дѣлъ сихъ древности племенъ.

Съ тѣхъ дней, какъ палъ Пелидъ, два вѣка ¹⁾ протекали,
Но дѣль его пѣвцы оть мрака не спасли;
Какъ эхо, пѣсни ихъ, рождаясь, умирали;
Краснорѣчивый прахъ безмолвствовалъ въ земли;
О славномъ воинѣ Ахейцамъ говорила
Одна, въ землѣ чужой, пустынная ²⁾ могила.

Давно Пелида мать не видѣла при ней,
Какъ въ дни минувшіе, ни жертвъ, ни алтарей;
Въ тѣ дни, когда, храня завѣтъ боговъ священный,
Додоны вѣщими дубами пророченный—
Чтить Ахиллеса гробъ, отечеству святой—
Сыны Фессаліи ко брегу Иліона,
На поклоненіе могилѣ Пеліона,
Въ урочный года срокъ стекалися толпой.

Бывало, черными ³⁾ одѣтый парусами
Корабль, съ дружиною, и хоромъ, и жрецами
Къ Троадѣ приплывалъ, и съ гимномъ гробовымъ
Въ пристанище входилъ подъ сумракомъ ночнымъ;
И въ жертву храброму на берегъ Иліона
Все несъ родимое съ земли его отцовъ,
Все Фессалійское: и пламень, и тельцовъ,
И воды Сперхія и кедры Пеліона.
И становилася могила алтаремъ;
Кругомъ пыпалъ огонь, дымъ жертвъ курился тучный;
И сонмы юношей съ увѣнчаннымъ челомъ,
Сливали съ лирами свой голосъ сладкозвучный;
Другой сонмъ юношей, воинственныхъ, младыхъ,
Блистая красотой ихъ тѣль полунагихъ,
Лишь съ копьями въ рукахъ и мѣдными щитами,
Въ шеломахъ, конскими покрытыми волосами,
Сплетаясь въ Ареевѣ хорѣ, пѣнительный очамъ,
И копьями звуча по звонкимъ ихъ щитамъ,
Вокругъ гроба пляскою воинственной летали
И крикомъ страшнымъ тѣнь Ахилла вызывали.

Все смолкнуло; герой забыть родной землей!
Въ развалинахъ его надгробныхъ алтарей
Выль вѣтръ; могилы же его уединенной
И паstryръ убѣгалъ, молвою устрашенный.
Давно вокругъ нея лишь ужасъ обиталь;
Не разъ, нарушивши молчаніе ночное,

Огромный Ахиллесь изъ гроба возставалъ
 И, грозный, ужасаль созданіе живое,
 Чтобъ память о своихъ заслугахъ и дѣлахъ
 Вновь пробудить, въ людскихъ умершую сердцахъ.

Все скрылось отъ земли, что Ахиллеса чтило.
 Лишь сердце матери въ теченіе вѣковъ
 Безсмертное, какъ сама, любви не измѣнило.
 Мать, грусти вѣрная, забывъ обѣтъ небесь,
 Тотъ день, какъ сынъ ея погибъ стрѣлой Парида,
 Навѣки обрекла для горести и слезъ,
 Чтобъ участъ ирачную оплакивать Пелида.
 И каждый годъ въ сей день, въ тиши ночныхъ часовъ,
 Изъ волнъ лазоревыхъ богиня выходила
 Къ полямъ, гдѣ бытія Пелидова слѣдовъ
 Десница времени еще не истребила;
 Гдѣ Ксанеъ и Симоись, иракъ Трои, рядъ могиль
 И каждый камень ей о сынѣ говорилъ.
 Тамъ, надъ могилою заглохлой и пустынной,
 Но гордо еще всѣхъ высшею главой,
 Чернѣвшій издали надъ пѣнною пучиной,
 Фетида каждый годъ являлась въ чась ночной.—
 Съ богиней скорбь дѣля, и сестры Нереиды
 Бросали каждый годъ Нерея влажный домъ,
 И выходя изъ волнъ, вокругъ горестной Фетиды
 Садились сѣтоватъ на холмѣ гробовомъ.
 И то безмолвныя грустили вокругъ богини,
 То, вторя плачушецъ стечаніемъ своимъ,
 Смущали тишину и ночи и пустыни,
 И плачь ихъ вѣтромъ быть далеко разносимъ.
 Далеко слыша ихъ, смолкла Филомела.
 Недвижно Цинтія на горестныхъ смотрѣла
 И слезы тихія задумчиво лила.
 Такъ пѣснь ихъ жалобна, такъ сладостна была.

„О милыя сестры, о дщери Нерея!“
 Къ нимъ часто Фетида вопила, стена:
 „Любви не извѣдавъ, не зналъ Гименея,
 Стократно вы, дѣвы, счастливѣй меня!
 Невѣдома грусть вамъ быть матерью сына
 И все съ нимъ, единственнымъ, въ мірѣ терять.“

На бѣдство—богиня, на горе я мать!
 И нѣтъ мнѣ отрады, какую судьбина
 Послала для смертныхъ несчастныхъ сердецъ,
 Найти хоть въ могилѣ— печалей конецъ!“

Такъ года протекли, такъ вѣка миновали;
 Фетидѣ данныхъ клятвѣ не исполняль Зевесь:
 Вѣка не унесли Фетидиной печали,
 Она отчаялась и въ промыслѣ небесь.
 И нѣкогда, въ сей день, для плача посвященный,
 Одна, безъ Нерейдъ, возникла изъ зыбей,
 И на сыновній гробъ возсѣть уединенный,
 Душой предавшия всей горести своей,
 Мечтаний полная о незабвенному сынѣ,
 Мать повѣряла тамъ печаль свою пустынѣ.—
 Глубокой, наконецъ, тоской омрачена,
 Взроптала на свое бессмертіе она;
 Мечтая прекратить жизнь для нея постылу,
 Ударилась въ тоскѣ объ черную могилу;
 И голосъ съ высоты богинѣ крикнулъ въ слухъ:

„Возстань, Нерея дочь, и укрѣпи твой духъ:
 Послѣднимъ былъ сей день, печали посвященный!“

Фетида возстаетъ; и, взоръ поднявъ смущенный,
 Зрить бога надъ собой, метающаго громъ,
 Сходящаго къ землѣ на облакѣ златомъ.
 Въ священномъ ужасѣ и въ радости нѣмая,
 Мать бросилась предъ нимъ, стопы обнять пылая;
 Но мрачныхъ думъ еще и горести полна:
 „Кронионъ!..“—наконецъ воскликнула она:—
 „Или плачевный стонъ тоски моей глубокой
 Достигъ уже твоей обители высокой?..
 Или надъ матерью ты сжалися, Зевесь?“

Рекла, и, вновь упавъ къ ногамъ царя небесь,
 Рукой его стопы священная объяла.

„О малодушная,“—вѣщаль ей Эгюхъ:—
 Ты-ль мыслила, что я забыть героя могъ?
 Ты-ль вѣчности моихъ завѣтовъ не познала?
 Забыла-ль, что я самъ поклявшися главой,
 Не въ силахъ возвратить сей клятвы роковой?

Но есть еще Судьбы: законъ ихъ довременный
 Отвѣсть или упредить—нѣтъ власти во вселенной.
 Сіи Судьбы виной, что черезъ столько лѣтъ
 Еще не совершенъ священный мой обѣтъ,
 Что блескъ безсмертныхъ дѣлъ — мракъ сокрываетъ гробы!
 Что въ пѣсняхъ не воскресъ твой сынъ богоподобный.
 Но наконецъ Судебъ исполнился законъ,
 И вдохновеннаго свершился рожденье:
 Изъ праха гласъ его подыметъ Илонъ;
 Онъ давнобытое, погрузшее въ забвенье,
 Все въ образахъ живыхъ Элладѣ возвратить;
 Въ нихъ запумятъ моря, возстанутъ грады, горы;
 Вокругъ Трои загремятъ кровавой брахи споры,
 И царства цѣлымъ онъ въ пѣснѣ свою вѣстить.
 Глава поэта—міръ; въ ней все, земля и небо;
 И все животворить онъ, вдохновенный Фебомъ.
 Возстань, гряди со мной, увѣруешь ты вновь,
 Что непреложень вѣѣкъ глаголь царя боговъ”.

Молча на облако возсѣла мать Пелида,
 И, тучъ гонителя велѣніемъ, Кронида,
 Взвилось оно, какъ вихрь, къ эаирнымъ высотамъ;
 Какъ вихрь, перенеслось къ Ахейскимъ островамъ;
 Спустилось на холмы счастливаго Iоса,
 Межъ благовонныхъ древъ и пышнаго лотоса.
 И шествовать Зевесь веля богинѣ съ нимъ,
 Но взорамъ чадъ земныхъ желая быть незримъ,
 Сквозь рощу яворовъ, па злачный холмъ пологой
 Грядеть невидимый съ богиней среброногой.

Тогда въ полдневный путь вступалъ Гиперіонъ,
 И отъ его лица твердь знайная пылала;
 И томная земля какъ будто въ сладкий сонъ
 И воды, и поля, и воздухъ призывала;
 И, будто чувствуя присутствіе боговъ,
 Невидимости ихъ природа измѣнила,
 И, жертву имъ песя, дыханіе цвѣтовъ,
 Благоуханіемъ весь воздухъ растворила.
 Величественный Зевесь съ холмовъ свой путь склоняль.
 Тамъ, при покатѣ ихъ, стоять уединенный,
 Кругомъ бросая тѣнь, высокій лавръ священный;
 При корнѣ ключъ шумитъ, прозрачный, какъ кристаль.

Подъ пышнымъ лавромъ тѣмъ сидить жена млада; У ногъ ея лежитъ младенецъ на цвѣтахъ, Прелестный, радостный, съ улыбкой на устахъ, Цвѣтами съ дѣтскою беспечностью играя. Недавно первенецъ, казалось, рожденъ; И мать казалася отъ бѣдныхъ смертныхъ жентъ: Убогой ризою она была покрыта, Но красотой цвѣла, какъ юная Харита. Къ груди своей главой поникнувши, она Сномъ амврозиическимъ была окружена; Дита рѣзвилюсь въ цвѣтистой колыбели.— И вдругъ Фетида зритъ: на лаврѣ девять птицъ Явилися, какъ снѣгъ, блестящихъ голубицъ, И съ лавра низлетѣвъ, кругомъ младенца сѣли; И тихо порхая, одна вослѣдъ другой, Младенца дивнаго, казалось, лобзали, Казалось, легкими съ нимъ крыльями играли. За ними пчель златыхъ явясь веселый рой И, по цвѣтамъ кружась, влеченьемъ непонятнымъ Неслись къ его устамъ съ ихъ медомъ ароматнымъ. Вдругъ, съ высоты небесъ на лавръ спустясь, орель Надъ колыбелю величественный сѣль, Спокойно быстрый взоръ на солнце устремляя, Которое текло въ средѣ небесъ, пылая. Младенецъ радостный весельемъ трепеталъ, Несмѣжно, какъ орель, на солнце самъ взиралъ; И юный взоръ его горѣлъ, какъ огнь денницы, И дѣтский крикъ его былъ стройный гласъ цѣвницы.

Зевесь невидимый въ безмолвіи стоялъ; Пелида мать, чудясь, на отрока взирала И тихо, чуть дыша, Зевеса вопрошала:

„Кто, кто младенецъ сей, повѣдай, Эгюхъ? Не богъ-ли свѣтлыхъ водъ, или небесный богъ Любовью посѣтилъ созданіе земное? Надъ чадомъ зрю небесъ я знаменье святое“.

И Зевесь ей: „Надъ пѣвцомъ героевъ и боговъ Почиеть съ первыхъ дней божественный покровъ: Любимецъ ихъ—пѣвецъ могучаго Пелида“.

,О милосердый Зевсъ!“ —воскликнула Фетида;
 И тихо на дитя невидимо припавъ,
 И очи и уста лобзаниемъ покрыла,
 И сладкими его слезами оросила.
 За ней Отецъ боговъ къ рожденному представъ,
 Младенца осѣнилъ божественной рукою;
 И юная душа земного существа,
 Почувствовавши вдругъ присутство божества,
 Взыграла жизнью и радостью святою;
 И засияль свѣтло прекрасною звѣздой
 Огонь, языкъ души, надъ юною главой.

,Но кто же смертный сей, сынъ таинства священный?
 Кому твой промыслъ далъ сей жребій возвышенный?
 На сей ли онъ землѣ счастливой порожденъ,
 Отъ Нимѣ ли родшая, или отъ смертныхъ жены?
 Не сынъ ли онъ царей, и отъ людей гоненья
 Сокрытъ въ пустынѣ сей подъ взоры Провидѣнья?
 Иль сынъ онъ пастыря счастливыхъ сихъ полей,
 За добрыя дѣла, за вѣру и смиренье
 Благословленного любовью твоей?
 Кто онъ? Повѣдай, Зевсъ, пѣвца сего рожденья?“

,Онъ сынъ возлюбленный природы и боговъ.
 Въ свои объятія, на лоно изъ цвѣтовъ
 Его отъ матери природа воспріяла;
 Небесныхъ и земныхъ исполнила даровъ:
 Уста амврозіей безсмертной напитала;
 Сихъ горлицъ простоту душѣ его дала
 И силу гордую и быстрый взоръ орла;
 Да будетъ пѣснь его — то сладостно журчащій
 Токъ тихій при лучахъ серебряной луны,
 То бурный водопадъ, съ нагорной вышинѣ
 Волнами шумными далеко вокругъ гремящій.—
 Но колыбель и гробъ Ахиллова пѣвца
 Есть тайна для земли: невѣдомо рожденный
 И неразгаданный, подъ именемъ слѣпца
 Пройдетъ онъ по землѣ; таковъ законъ священный
 Судьбы; таинственный, какъ солнце, онъ возникъ,
 Какъ солнце онъ умреть въ лучахъ безсмертной славы“.

,Но, Кроновъ сынъ, Судьбы суровые уставы
 Не для Отца боговъ.—Ты мощнъ и великъ,

Ты взоромъ цѣлый свѣтъ съ Олимпа обнимаешь:
И таинствъ ли одпой Судьбы не проникаешь?
Такъ испытуемъ былъ Ѹетидой Царь громовъ.

„Ѳетида, иракъ Судьбы священъ и для боговъ“, —
Онъ ей отвѣтствовалъ: „и избранники неба,
Пророки и жрецы, таинственники Феба,
Очами тьму временъ могущіе пронзать,
Вотще о немъ дерзнутъ безсмертныхъ вопрошать:
Предъ вѣчною Судьбой безмолвствуютъ и боги.
Законы сей Судьбы неумолимо-строги;
Ихъ проницать и ты, Ѹетида, не дерзай;
Кѣмъ смертный сей рожденъ, меня не вопрошай.
Его удѣль тебѣ я возвѣстить желаю;
Но открывать ему навѣтки воспрещаю:
И горько смертному въ грядущемъ то познать,
Чего нѣть силь отвѣсть, ни средства избѣжать:
Определенія Судьбы неотразимы“.

„Ахъ!..“ мать Пелида рѣчъ Зевеса прервала:
„Когда Судьба его на бѣдства обрекла,
Да будуть мной, о Зевсъ, всѣ дни его хранимы;
Я спутница его до смертного конца“.
„Мой промыслъ сохранить священнаго пѣвца.
Но удалился“, Зевсъ рекъ наконецъ богинѣ:
„Пѣвца Ахиллова о будущей судьбинѣ
Тебѣ я прореку, но часть его познавъ,
Пещись о немъ богамъ Олимпа предоставь;
Вотще за жизнь его душа твоя страшится:
И власъ его главы моей хранится“.

Скончавъ, съ Ѹетидою грядеть Отецъ боговъ,
Направивъ путь на холмъ, надъ моремъ возвышенный,
И тамъ онъ, уклоняясь подъ вѣщій лѣсь дубовъ,
Ему издревле здѣсь, провидцу, посвященный,
И взоромъ времена объемля до конца,
Такъ прорицаль судьбу Ахиллова пѣвца.

II.

„Когда во тьмѣ временъ Ахеянъ дремлють грады,
И въ иракъ погружены земныхъ сыновъ сердца,

Среди глубокаго безмолвія Элады
 Раздастся дивный гласть убогаго слѣпца.
 Слѣпецъ, въ дни юности очей своихъ лишенній,
 Очами разуна пронзить онъ небеса;
 Обыметъ весь Олимпъ, пространство всей вселенной,
 И міра горнаго проникнувъ чудеса,
 Узрять въ лицо боговъ, доны славы ихъ чудесный,
 Бесѣды чистыхъ Музъ и радость ихъ шировъ;
 И первый на землю сведя языкъ небесный,
 Безсмертно воспоетъ героевъ и боговъ;
 И пѣснью славы миръ наполнивъ безконечной,
 Эладу сотворить землею славы вѣчной.—

Во дни, какъ въ плѣнь рабы падеть сія страна,
 Въ ней будеть вѣтръ шептать героевъ имена;
 Ихъ тѣни населять лѣса, долины, горы;
 И тотъ, чья будеть грудь любовю полна
 Ко славѣ, обратить къ странѣ священной взоры,
 Гдѣ вольность въ первый разъ зажжетъ людей сердца,
 Гдѣ столько за нее бессмертныхъ граниеть боевъ;
 И возбужденный онъ примѣрами героевъ
 И пѣснью пламенной Ахиллова пѣвца,
 Дерзнетъ на варваровъ за Грекіи народы:
 И полетитъ—мечемъ имъ добывать свободы!

Но нынѣ, тьмой временѣ покрытыя сердца,
 Еще небеснаго душой не постигая,
 Въ отчинѣ не почтуть священаго пѣвца;
 И будетъ онъ—слѣпецъ—скитаться въ край изъ края,
 Водимый бѣдностью за трапезы царей
 Единой спутницей его печальныхъ дней.
 И бѣдность мудрому во благо обратится.
 Влачасъ изъ края въ край—всевидящій слѣпецъ,
 Онъ глубину людскихъ извѣдаетъ сердцеъ,
 Дѣяній и вѣщей познаньеъ умудрится,
 И будетъ убѣжденье онъ жизню своей,
 Что бѣдность—лучшее училище людей.
 И воспоетъ бѣды и странствія героя,
 Гдѣ опыты своей превратной жизни кроја,
 Примѣръ возвышенный оставить въ пѣсняхъ сихъ,
 Что мудрый человѣкъ превыше бѣдъ земныхъ.—
 Такъ двухъ героевъ онъ, любезныхъ инѣ, прославить,

И двухъ бессмертныхъ чадъ ⁴⁾ потомству въ нихъ оставить;
 И такъ исполнится его земной удѣль.
 Тогда его съ земли, съ лица юдоли тлѣнной,
 Пророка на Олимпъ восхитить мой ⁵⁾ орель,
 Гдѣ, благовонiemъ небеснымъ умашенный,
 И въ жизнь нетлѣнную преображеный вновь,
 На пиръ бессмертія возсядетъ межъ боговъ,
 И съ нами раздѣлить онъ смертныхъ поклоненіе.
 И сбудутся надъ нимъ бессмертныхъ словеса,
 Какими Ниѳію ⁶⁾ исполнить вдохновеніе:
Слынецъ, твой домъ—Олимпъ, отчизна—небеса!"

Умолкъ; и передъ нимъ душой благоговѣа,
 Восторга полная, возвала дочь Нерея:
„Любимца Зевсова благословенъ удѣль!
 Но, Зевсъ, прости ты мать, разсѣй мнѣ иракъ сомнѣній.
 Ужели, какъ земной пѣвца сего предѣль,
 Толь ирачна и кратка судьба его твореній?
 Не погребетъ ли Кронъ и ихъ всеобщей тьмой,
 Какъ преждебывшія поэтовъ пѣснопѣнья?
 Невѣрной памятью хранимы одной,
 Иль бренной хартией, добычей быстрой тлѣнья,
 Погибнуть, можетъ быть, священные творенья?"

„Не гибнетъ слово Музъ,“ вѣщаль Отецъ боговъ:
„Какъ безконечна высь блистательного неба,
Таковъ удѣль земной святыхъ внушеній Феба.
 Но должно зреТЬ ряды безчисленныхъ вѣковъ,
 Ряды имущихъ быть и царствъ и поколѣній,
 Чтобы славу созерцать бессмертныхъ пѣснопѣній.
 Взирая, грядущія отверзу времена,
 И быть имущія страны и племена".—

Онъ рекъ; и мрачная съ временемъ завѣса пала;
 Къ событиямъ ихъ мать взоръ жадный приковала;
 И зритъ:

Гомера пѣснь, во иракѣ двухъ вѣковъ,
 Вначалѣ тайное наслѣдіе пѣвцовъ,
 Убогихъ, какъ онъ самъ, питомцевъ Музъ смиренныхъ,
 Едва приносить имъ крупицы современныхъ.
 Но извлеченню изъ тьмы рукой царей,
 Вдругъ пѣснь его, изъ устъ скитавшихся людей,

Уста Оракуловъ принять соизволяютъ,
 И боги языкомъ Гомеровыимъ вѣщаютъ.
 Тогда Фетида зритъ, сколь славенъ рокъ пѣвца!
 За неизвѣстнаго, безроднаго слѣпца,
 Семь спорятъ городовъ ⁷⁾), готовые сражаться,
 Всѣ, гордые пѣвца отечествомъ называть.
 Скиталецъ онъ, родной невѣдомый землей,
 Сталь другомъ мудрецовъ, сопутникомъ царей;
 Наставники людей въ немъ ищутъ просвѣщенъя,
 Герои—образца, поэты—вдохновенъя,
 И всѣ, признавъ его источникомъ умовъ,
 Имъ возвышаются къ познанію боговъ.
 И бога человѣкъ невидѣвшій очами,
 Но наученъ постичь возвышенныимъ пѣвцомъ,
 Величье Зевсово одушевилъ ⁸⁾ рѣзцомъ,—
 И дышитъ въ мраморѣ блистающій громами!—
 Вся древность наконецъ признаетъ въ немъ существо,
 Какъ бы верховное надъ земнородныхъ міромъ,
 Ахиллова пѣвца, равно какъ божество,
 Торжественно почла и храмомъ, и кумиромъ.

Такъ множествомъ вѣковъ, Пелида зряла мать,
 Испытывалась пѣснь Гомеровыхъ твореній;
 И положиль тогда временъ священный Геній
 На свитокъ пѣсней сихъ бессмертія печать.
 Тогда и самый Кронъ изъ тьмы и разрушенья,
 Изъ праха мертвыхъ царствъ и стертыхъ имъ градовъ
 Повсюду исторгалъ Гомера пѣснопѣнъ,
 Чтобъ даръ божественный, на пользу всѣхъ вѣковъ,
 Отъ мрачной древности, отъ странъ иночлененныхъ,
 Достигъ до новыхъ странъ, до царствъ невозрожденныхъ.

Но съ сею славою всемірною пѣвца,
 Кромѣ одной Молвы о мрачныхъ дняхъ слѣпца,
 Дивясь, Пелида мать срѣтала въ каждомъ вѣкѣ
 Безмолвіе о семь чудесномъ человѣкѣ,
 Сокрытомъ отъ людей покровомъ роковымъ.
 И тщетно Греція, наполненная имъ,
 Взносила громкій гласъ во всѣхъ градахъ прѣступихъ:
 „Кто сей невѣдомый, сей дивный человѣкъ,
 Который, какъ перунъ, тьму времени разсѣкъ?
 Который, какъ гигантъ, на раменахъ могущихъ

Всю славу Гречіи подъяль изъ тьмы временъ? «
 И тщетно странники рожденныхъ вновь племенъ
 Стекались на брега разрушенной Эллады,
 Чтобы вопрошать о немъ пустыни, камни, грады,
 Чтобы вызвать тѣнь пѣвца изъ вѣковыхъ гробовъ;
 Никто не находилъ земныхъ его слѣдовъ!
 Подобно божествамъ, отъ смертныхъ сокровеннымъ,
 Судьба скрыла тьмой Ахиллова пѣвца:
 Его возвышеннымъ твореньямъ вдохновенный
 Дивится вся земля, не вѣда творца.

Но на лицѣ земномъ нѣтъ славы несомнѣнной.
 Не скрылся и Гомеръ отъ зависти людей.
 Немолчной славою, гремящей по вселенной,
 Онъ гордость уязвилъ и сильныхъ, и царей.
 И между тѣмъ, какъ месть изъ вѣка въ вѣкъ ходила,
 Свѣтъ коей первому врагу его отстиль
 (Свѣтъ имя самое завистнаго Зоила
 Въ обиду и позоръ повсюду обратилъ).
 Тирана древности узрѣла дочь Нерея,
 Который, низкою враждою пламенѣя,
 Что ницій славою царей переживалъ,
 Пѣвца священный ликъ, безумецъ ⁹), поругалъ.
 Такъ древле видѣли въ Египтѣ воды Нила,
 Какъ черные сыны пустынныхъ ихъ бреговъ
 Надъ лучшимъ дѣломъ рукъ ругалися боговъ,
 Надъ ликомъ блещущимъ всемірного свѣтила.
 Но злоба тщетная! безумный гнѣвъ людей!
 Межъ тѣмъ, какъ варвары, бѣснуясь въ сонмѣ дикомъ,
 Пронзали небеса ихъ богохульнымъ крикомъ,
 Царь свѣта шествовалъ блистательной стезей
 И волны проливалъ своихъ лучей священныхъ
 На мрачную толпу ругателей презрѣнныхъ!

Но что? Вдали временъ, въ дни позднихъ тѣхъ вѣковъ,
 Какъ пала Гречія подъ судъ инонлеменныихъ,
 Въ странахъ, свѣтильникомъ Эллады озаренныхъ,
 Богиня новыхъ зритъ пѣвца сего враговъ.
 Послѣ трехъ тысячъ лѣтъ хвалу о немъ гремѣвшихъ,
 Вновь споры онъ возжегъ межъ книжниковъ толпой,
 Богатыхъ завистью, но духомъ обѣднѣвшихъ:
 Гомера слава имъ представилась мечтой,

Тяжелымъ бременемъ, для одного безмѣрныятъ;
 И заблужденiemъ гордясь неимовѣрныятъ,
 Они бессмертное наслѣдіе пѣвца
 Терзаютъ и дѣлять межъ многими пѣвцами.
 Другие, въ областяхъ, прославленныхъ умами,—
 И кто? Служители священнаго слѣпца,
 Тѣ, кои, пріобщась всей мудрости Востока,
 Постигли таинства Ахейскаго пророка,
 Мечтанье древнее извлекши изъ тьмы,—
 Оружье ветхое ¹⁰⁾ лжемудрецовъ забвенныхъ,
 Имъ помрачить хотять свѣтъ истинъ несомнѣнныхъ;
 И предъ толпой ища прославить ихъ умы,
 Сіи жрецы его, изъ глубины чертога,
 Гдѣ съ славою ему служили столько лѣтъ,
 Дерзаютъ отвергать существованье бога,
 Котораго познать они учили свѣтъ,
 Дерзаютъ... Не стерпѣвъ ихъ дерзости, Фетида,—
 „О вѣкасты!“ рекла: „о разума обида!
 Зевесь, и не казнишь ты Фебовыхъ враговъ?“

„Отринь, Фетида, страхъ“, прервалъ Отецъ боговъ:
 „Какъ первого врага священныхъ пѣснопѣній,
 Самъ Фебъ казнить ихъ всѣхъ; симъ ложнымъ мудрецамъ
 Не дастъ онъ чувствовать чистѣйшихъ наслажденій,
 Прекраснѣйшихъ изъ благъ, какія пѣсней Геній
 Даруетъ на землѣ возвышеннымъ сердцамъ.
 Но отъ клеветъ людей, отъ злобы и хуленья
 Сильнѣе всѣхъ творца творенье защититъ;
 Взирая, грядущее откроетъ убѣждепья“.

И дочь Нереева въ видѣнїѣ новомъ зритъ,
 Что на развалинахъ, на прахѣ Илюна,
 Въ пустыняхъ симъ пѣвцомъ прославленной земли,
 Его поборники оружія нашли,
 Чтобъ правду защитить и славу Аполлона.
 Тамъ камни самые, Ахилла видѣть мать,
 Тамъ гробы начали глаголы издаватъ
 За бытіе творца и истину творенья.

Такъ созерцая лѣтъ потомственныхъ явленія,
 Богиня наконецъ въ мерцаніи временъ

Судьбу Гомера зрить подъ небомъ той державы,
Гдѣ узнать Славянъ, потомковъ гордыхъ Славы,
Бесмертной матери воинственныхъ племенъ,
Племенъ, еще во тьмѣ предъ ней парившихъ вѣковъ,
Являющихъ ряды великихъ человѣковъ,
И мощныхъ витязей, и доблестныхъ царей;
И видя ихъ дѣла, мечтаетъ мать Ахилла,
Что вновь Земля сыновъ-титановъ породила
И навела ихъ гнѣвъ на греческихъ мужей.
Подъ гордый Грековъ градъ племенъ сихъ предводитель,
На зыбкихъ ладіяхъ примчавшись по волнамъ,
Византію потрясь и, Грековъ побѣдитель,
Побѣды знакъ—свой щитъ—прибыль къ ея ¹¹⁾ вратамъ.

Но скрылъ отецъ боговъ тѣ вѣки сей державы,
Когда Нерея дочь межъ храбрыхъ сихъ племенъ
Дивиться лишь могла дѣламъ ихъ бранной славы;
И бытіе отверзъ счастливѣйшихъ временъ.
Онъ вдругъ раскрылъ очамъ Фетиды изумленной
Блистательнѣйший вѣкъ страны преображенной;
Тотъ вѣкъ—какъ царь ея, любимый сынъ небесь,
Ея величія до звѣздъ главу вознесъ;
И міръ склонивъ къ стопамъ ¹²⁾, его душой плѣненный,
Наукъ божественныхъ, прямыхъ къ добру вождей,
Свѣтъ чистый разливалъ надъ отческой землей,
Высокихъ истинъ самъ ревнитель просвѣщенный.
Въ сей вѣкъ блистательный, подъ небомъ сихъ племенъ,
Гомерову судьбу раскрылъ отецъ временъ.
И, свѣтлыя кругомъ свои вращая очи,
Зрить мать Ахиллова, что и сыны полночи,
Огнемъ божественнымъ согрѣвъ уже сердца
И духъ возвысивши позѣй священной,
Плѣнялись пѣснями поэзіи отца.
Съ восторгомъ зрить она, что въ камняхъ оживленный
Стоитъ у нихъ почтенъ Гомера древній ликъ:
Вельможъ въ домахъ—какъ мужъ, достойный удивленья,
И въ храминахъ пѣвцовъ, какъ геній вдохновенія.
Но что? Въ блистательныхъ чортогахъ ихъ владыкъ,
Въ сокровищницахъ ихъ—вдругъ познаетъ Фетида
Знакомый образъ ей, ликъ ¹³⁾ милаго Пелида,
Блестящій въ мраморѣ предъ взорами царей!
И въ тотъ же мигъ узрѣвъ царей, свой слухъ склонивши

На робкій гласъ пѣвцовъ, Гомера пѣснь вторившиъ,
Мать, въ полной радости, не находя рѣчей,
Бросается въ слезахъ обнять стопы Зевеса...

И опустилась грядущаго завѣса.

И Зевсъ уже отецъ на свѣтлыхъ облакахъ,
Горѣвшихъ пурпуромъ при западныхъ лучахъ,
Парилъ надъ темною дубравой откровеній.

„Оетида,“ онъ вѣщаѣтъ: „довольно-ль убѣжденій,
Что сына Кронова невозвратимъ обѣть?
Онъ совершается, и будетъ полонъ свѣтъ
Гомера пѣснями и славою Ахилла“.

Мать, сынокъ гордая, рѣчей не находила;
И руки лишь воздѣвъ съ мольбой къ царю боговъ,
Котораго чело еще изъ тучъ сіяло,
Она въ пучину волнъ низверглася съ бреговъ,
И подъ богинею все море заиграло.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Гомеръ родился въ исходѣ второго вѣка послѣ войны Троянской.

2) Могила, донынѣ известная подъ названіемъ гроба Ахиллесова, на берегу Геллеспонта.

3) Это не вымыселъ. Фессаліцы, соотечественники Ахиллеса, по свидѣтельству греческихъ писателей, въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ взятия Трои, ежегодно плавали въ Троаду, чтобы, по повелѣнію оракула Додонскаго, чествовать гробъ Ахиллеса, и совершали какъ самое путешествіе, такъ и поминовеніе героя на гробѣ его по обряду, тѣмъ же оракуломъ заповѣданому. По сему обряду, корабли съ воинами, жрецами и проч., отправлявшися въ Троаду, должны были быть съ парусами *черными*, *nigris velis sublati*; въ пристань, при пѣнѣ гимновъ, входили *ночью*; для жертвоприношения привозили огонь изъ Фессаліи, дрова съ горы Пелопона, воду изъ Сперхія и проч. Обо всемъ этомъ, также о пляскахъ, пѣнѣ на гробѣ Ахиллеса и проч., можно читать *сокращенно* у Страбона: Lib. XIII; а *пространно* у Philostrat Vita Apollon. Lib. VI, сар. XI, и сар. XVI; тамъ же Heroic. сар. 19.

4) Иліаду и Одиссею.

5) Такъ изображался древними апоѳеозъ Гомера: орелъ на хребтѣ своемъ возноситъ его на небо.

6) Всѣ оракулы о Гомерѣ находятся въ его жизнеописаніи у Плутарха.

7) Споръ о родинѣ Гомера, по свидѣтельству римскаго писателя Варона, вели слѣдующіе города: Смирна, Родосъ, Колофонъ, Саламинъ, Хіо, Аргосъ, Аѳина.

8) Знаменитую статую Зевса Олимпійскаго, величественнѣйшее изображеніе отца боговъ, какое произвела рука человѣка, Фидіасъ образовалъ, какъ самъ сознавался, по идеямъ Гомера. «Когда я читалъ Гомера», говорилъ великий художникъ, «люди представляются мнѣ вдвое большими».

9) Римскій императоръ Калигула оплевалъ бюстъ Гомера и велѣлъ выбросить изъ чертоговъ.

10) Немногимъ, можетъ быть, извѣстно, что всѣ писатели нашихъ временъ, противники общаго мнѣнія о существованіи Гомера, начиная отъ итальянца Вико до германца Вольфа и даже англичанина Бріана (который, между прочимъ, доказывалъ, что никогда не существовало ни царства Троянского, ни города Трои, ни ополченья на нее Грековъ), немногимъ извѣстно, что писатели сии, мужи впрочемъ весьма ученые, выдавая такія мнѣнія, ничего не выдали, ничего не сказали *новаго*: это мнѣнія *старыя*, принадлежавшіе софистамъ школы Александрийской и порожденныя такимъ же духомъ скептицизма тогдашней философіи и словесности греческой, какъ теперь господствуетъ въ Европѣ. — Сей скептицизмъ нашего времени поднялъ изъ мрака гипотезы софистовъ Александрийскихъ, дабы ввести *въ сомнѣніе* то, о чёмъ свидѣтельствуетъ цѣлый свѣтъ древній. Но сомнѣніе далеко еще отъ истины.

11) Олегъ.

12) Императоръ Александръ Павловичъ.

13) Древній бюстъ Ахиллеса находится въ Эрмитажѣ.

ПОСЛѢДНЯЯ ПѢСНЬ ОССІАНА.

(1806 г.)

О источникъ ты лазоревый,
Со скалы крутой спадающій
Съ блѣй пѣною жемчужною!
О источникъ, извивайся ты,
Разливайся влагой свѣтлою
По долинѣ чистой Лутау.
О дубрава кудреватая!
Наклонись густой вершиною,
Чтобы солнца лучъ полуденный,
Не палилъ долины Лутау.—
Есть въ долинѣ голубой цвѣтокъ,
Вѣтру качаетъ на стеблѣ его,
И свѣтлая росу утреннюю,
Не даетъ цвѣтку поблекшему
Освѣжиться чистой влагою.
Скоро, скоро голубой цвѣтокъ
Головою нерасцвѣтшею
На горячу землю склонится,
И пустынныій вѣтъ полуночный
Прахъ его развѣтъ по полю.
Звѣроловецъ, утромъ видѣвшій
Цвѣтъ долины украшеніемъ,

Ввечеру придетъ плѣняться имъ;
Онъ придетъ—и не найдетъ его!

Такъ-то нѣкогда придетъ сюда,
Оссіана пѣсни слышавшій!
Такъ-то нѣкогда приблизится
Звѣроловецъ къ моему окну,
Чтобъ еще услышать голосъ мой.
Но пришелъ, стоя въ безмолвіи
Предъ жилищемъ Оссіановыемъ,
Не услышитъ звуковъ пѣнія,
Не дождется при окнѣ моемъ
Голоса ему знакомаго;
Въ дверь войдетъ онъ растворенную,
И очами изумленными
Озирая сѣнь безлюдную,
На стѣнѣ полуразрушенной
Узритъ арфу Оссіанову,
Гдѣ вися, осиротѣла,
Будетъ вѣсть бесѣды тихія
Только съ вѣтрами пустынными.

О герои, о сподвижники
Тѣхъ временъ, когда рука моя
Раздробляла щитъ трелиственный!
Вы сокрылись, вы оставили
Одного меня, печальнаго!
Ни меча извлечь не въ силахъ я,
Въ битвахъ молнией сверкавшаго;
Ни щита я не могу поднять,
И на немъ напечатлѣнныя
Язвы битвъ, единоборствъ моихъ,
Я считаю осознаніемъ.
Ахъ! мой голосъ, бывшій нѣкогда
Гласомъ грома поднебеснаго,
Нынѣ тихъ, какъ вѣтеръ вечера,
Шепчущій съ листами тополя.—
Все сокрылось, все оставило
Оссіана престарѣлаго,
Одинокаго, ослѣвшаго!

Но не долго я остануся
Безполезнымъ Сельмы бременемъ;

Нѣтъ, не долго буду въ мірѣ я
Безъ друзей и въ одиночествѣ!
Вижу, вижу я то облако,
Въ коемъ тѣнь моя скроется;
Тѣ туманы вижу тонкіе,
Изъ которыхъ мнѣ составится
Одѣяніе прозрачное.

О Мальвина, ты-ль приблизилась?
Узнаю тебя по шествію,
Какъ пустынной лани, тихому,
По дыханью кроткихъ усть твоихъ,
Какъ цвѣточъ, благоуханному.
О Мальвина, дай ты арфу мнѣ;
Чувства сердца я хочу излить,
Я хочу, да пѣснь унылая
Моему предѣдетъ шествію.
Въ сѣнѣ отцовъ моихъ воздушную.
Внемля пѣснѣ мою послѣднюю,
Тѣни ихъ взыграютъ радостью
Въ свѣтлыхъ облачныхъ обителяхъ;
Спустятся они отъ воздуха,
Сонмомъ склонятся на облаки,
На края ихъ разноцвѣтные,
И прострутъ ко мнѣ десницы ихъ,
Чтобъ принять меня къ отцамъ моимъ!..
О! подай, Мальвина, арфу мнѣ,
Чувства сердца я хочу излить.

Ночь холодная спускается
На крылахъ съ тѣнями черными;
Волны озера качаются,
Хлещетъ пѣна въ брегъ утесистый;
Мхомъ покрытый, дубъ возвышенный
Надъ источникомъ склоняется;
Вѣтеръ стонетъ межъ листовъ его
И, срывая, съ шумомъ сыплетъ ихъ
На мою сѣдую голову!

Скоро, скоро, какъ листы его
Пожелѣли и разсыпались,
Такъ и я увижу, скроюся!
Скоро въ Сельмѣ и слѣдовъ моихъ

Не увидять земнородные;
 Вѣтъ, свистящій въ волосахъ моихъ,
 Не разбудить ото сна меня,
 Не разбудить отъ глубокаго!

Но почто сіе уныніе?
 Для чего печали облако
 Осѣняетъ душу Бардову?
 Гдѣ герои преждебывшіе?
 Рино, юладостью блистающій?
 Гдѣ Оскаръ мой—честь безтренетныхъ?
 И герой Морвена грознаго,
 Гдѣ Фингалъ, меча котораго
 Трепеталь ты, царь вселенныя?
 И Фингалъ, отъ взора коего
 Вы, странь дальнихъ рати сильныхъ,
 Разсыпалися, какъ призраки?
 Паль и онъ, сраженный смертію!
 Тѣсный гробъ скрылъ великаго!
 И въ чертогахъ праотцевъ его
 Позабыть и слѣдъ могучаго!
 И въ чертогахъ праотцевъ его
 Вѣтъ свиститъ въ окно разбитое,
 Предъ широкими вратами ихъ
 Водворилось запустѣніе;
 Подъ высокими ихъ сводами,
 Арфъ бряцаніемъ гремѣвшими,
 Воцарился безмолвіе!
 Тишина ихъ возмущается
 Завываньемъ звѣря дикаго,
 Жителя ихъ стѣнъ разрушенныхъ.

Такъ, въ чертогахъ праотеческихъ
 Позабыть и слѣдъ великаго!—
 И мои слѣды забудутся?
 Нѣтъ, пока свѣтила ясныя
 Будутъ блескомъ ихъ и жизнію
 Ozaryть холмы Норвенскіе,—
 Голосъ пѣсней Оссіановыхъ
 Будеть жить надъ прахомъ тлѣнія,
 И надъ холмами пустынными,
 Надъ развалинами Сельмскими,

Предъ лицомъ луны задумчивой,
 Разливаясь гармонией,
 Призоветъ потомка поздняго
 Къ блажественнымъ воспоминаніямъ.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ МИНЕРВЪ.

(1809 г.)

Пою великую, бессмертную Аеину,
 Голубоокую, божественную дѣву,
 Богиню мудрости, богиню грозныхъ силь,
 Необоримую защитницу градовъ,
 Эгиноносную, всемощну Тритогену,
 Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный,
 Покрытую златой, сияющей броней.
 Опѣненіе объяло всѣхъ боговъ,
 Когда изъ Зевсовой главы она священной
 Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
 Во основаніяхъ вострепеталь Олимпъ
 Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
 Стонъ тяжкій издала; весь Понтъ поколебался,
 Смятенъ до чермыхъ безднѣ; на брегъ побѣгло море;
 Гиперіоновъ сынъ средь дня остановиль
 Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ раменъ своимъ
 Оружье совлекла божественная дѣва.
 Возрадовался Дій рожденiemъ Аеины.
 О Громовержцева эгиноносна дщерь,
 Привѣтствуя тебя! Услышь ты голосъ мой,
 И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятный,
 Когда я воспою тебѣ хвалебны пѣсни.

ГОМЕРОВЪ ГИМНЪ ДІАНѢ¹⁾.

(1810 г.)

Златоколчанную Діану воспою,
 Стрѣлолюбивую губительницу ланей,

¹⁾ Близкій переводъ съ подлинника.

Звонкоголосую, божественную дѣву,
 И златомечного Аполлона сестру.
 Она въ тѣни лѣсовъ и на холмахъ вѣтристыхъ
 Преслѣдуется звѣрей; златый напрягши лукъ,
 Крылату мещетъ смерть. Трепещутъ главы горъ,
 И гулы по лѣсамъ далеко отдаются
 Отъ воющихъ звѣрей; страшится вокругъ земля,
 И многорыбный понтъ. Но съ сердцемъ нестрашимъ
 Богиня шествуетъ, родъ скакущихъ стрѣляя;
 Увеселенная-жъ стрѣляніемъ звѣрей,
 Спустя свой гибкій лукъ, вступаетъ въ домъ великий,
 Гдѣ обитаетъ Фивъ, ея небесный братъ,
 Въ златомъ обиліи Дельфійскихъ древнихъ стѣнъ,
 И тамъ Харитъ и Музъ устанавливаютъ хоры;
 Тамъ, свой повѣшивъ туль и опущенный лукъ,
 Прелестно облачивъ божественное тѣло,
 Она становится вождемъ небесныхъ хоровъ;
 Они же, отъ усть своихъ амврозію лія,
 Сереброногую Латону воспѣваютъ,
 Съ Зевесомъ родшую дѣлами славныхъ чадъ,
 Отличныхъ межъ боговъ премудростю ихъ.—
 Ликуй, бессмертный родъ Латоны лѣповласой!
 Хвалебну пѣсь тебѣ всегда я воспою.

ГИМНЪ ВЕНЕРЪ.

(1812 г.)

Пою златовѣнчанную, прекрасную Венеру,
 Защитницу веселыхъ, Кипрійскихъ береговъ,
 Куда ее дыханіе Зефировъ тиховѣйныхъ
 На нѣжной пѣнѣ моря чрезъ волны принесло.
 Тамъ радостные Оры, владычицу встрѣчая,
 Въ небесныхъ одежды спѣшили облачить;
 Власы благоуханны златыи вѣнцомъ покрыли,
 Вокругъ по нѣжной выѣ, по бѣлымъ раменамъ
 Обвѣсили монисты, какими Оры сами,
 Перевивая златомъ волнистые власы,
 Себя изукрашаютъ, идя па пиръ небесный
 Въ чертогъ отца Зевеса, въ священный ликъ боговъ.
 Украсивъ такъ царицу, возводятъ въ домъ бессмертныхъ,

И боги восхищены, встрѣчая, мать любви
 Съ восторгомъ окружаютъ, берутъ за бѣлы руки,
 И, очи усаждая всѣ образомъ Киприды,
 Желаетъ въ сердцѣ каждый въ любовь ее склонить
 И дѣственной супругой возвесть на брачно ложе.
 Привѣтствуя тебя, богиня черноока,
 О мать сладкорѣчива веселій и любви!
 Услыши мои ты пѣсни, и возлюби меня.

ТАНТАЛЬ И СИЗИФЪ ВЪ АДѢ.

(Изъ Одиссеи. Пѣснь XI, ст. 581).

(1827 г.)

Послѣ увидѣль я Тантала; горькую муку онъ терпить;
 Во озерѣ старецъ стоить, и вода къ подбородку доходитъ;
 Но, сгорая отъ жажды, напиться страдалецъ не можетъ:
 Каждый разъ—лишь наклонится старецъ, напиться пылая,
 Вдругъ пропадаетъ вода поглощенная; онъ подъ ногами
 Видитъ лишь землю черную: демонъ ее изсушаетъ.
 Вокругъ надъ его головою деревья плоды преклоняли,
 Груши, блестящія яблоки, полныя сока гранаты,
 Ярко-зеленые маслинъ плоды и сладкія смоквы;
 Но какъ скоро ихъ старецъ рукою схватить устремлялся,
 Вѣтеръ отбрасывалъ ихъ, подымая до облаковъ темныхъ.

Тамъ и Сизифа узрѣль я; жестокія муки онъ терпить:
 Тяжкій, огромный руками обѣими камень катаетъ:
 Онъ и руками его и ногами, что силь подпирая,
 Катить скалу на высокую гору; но чуть на вершину
 Часть вскатить, какъ назадъ устремляется страшная тягость;
 Снова на доль, закрутившися, падаетъ камень коварный.—
 Снова тотъ камень онъ катить и мучится; льется ручьями
 Потъ изъ составовъ страдальца, и пыль вокругъ главы его вѣтсѧ.

КЪ МОРФЕЮ.

(1816 г.)

Увы! ты измѣнилъ мнѣ,
 Нескромный другъ, Морфей!

Одинъ ты былъ свидѣтель
 Моихъ сокрытыхъ чувствъ
 И вздоховъ одинокихъ,
 И тайныхъ сердца думъ.
 Зачѣмъ же, какъ предатель,
 Въ видѣніи ночномъ
 Святую тайну сердца
 Безмолвно ты открылъ?
 Зачѣмъ, меня явивши
 Красавицѣ въ мечтахъ,
 Безмолвными устами
 Принудилъ все сказать?
 О, будь же, богъ жестокій,
 Взаимно справедливъ,
 Открой и мнѣ взаимно
 Въ безмолвіи, во снѣ,
 О тайныхъ чувствахъ сердца,
 Сокрытыхъ для меня.
 О! дай мнѣ образъ милый
 Хоть въ призракѣ узрѣть!
 И пылкими устами
 Прильнувъ къ ея рукѣ...
 Когда увижу розы
 На дѣвственномъ челѣ,
 Когда услышу трепетъ
 Стыдливой красоты, —
 Довольно—все открыто,
 И сердцу данъ отвѣтъ!
 Довольно—и счастливецъ,
 Я Богу сей мечты
 И жертвы благовонны,
 И пурпурные маки
 Съ Авророй принесу!

ВОЕННЫЙ ГИМНЪ ГРЕКОВЪ.

(сочинение Риги).

(1821 г.)

Воспряньте, Грекі народы!
 День славы наступилъ.

Докажемъ мы, что Грекъ свободы
И чести не забыть.
Расторгнемъ рабство вѣковое,
Оковы съ вый сорвемъ;
Отмстимъ отечество святое,
Покрытое стыдомъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою!
Пойдемъ, за правыхъ Богъ!
И пусть тирановъ кровь рѣкою
Кипить у нашихъ ногъ!

О тѣни славныя уснувшихъ
Героевъ, мудрецовъ!
О Эллины вѣковъ минувшихъ,
Возстаньте изъ гробовъ!
При звукѣ нашихъ трубъ—летите
Вождями нашихъ чадъ;
Вамъ къ славѣ путь знакомъ—ведите
На семихолмный градъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

О Спарта, Спарта, мать героевъ!
Что рабскими сномъ ты спишь?
Аениъ союзница, услышь
Кличь мстительныхъ ихъ строевъ!
Въ ряды! и въ пѣсняхъ призовемъ
Героя Леонида,
Предъ кѣмъ могучая Персида
Упала въ прахъ челомъ.
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

Воспомнимъ, братья, Фермопилы
И за свободу бой!
Съ трехъ-стами храбрыхъ—Персовъ силы
Однѣ сдержаль герой;
И въ битвѣ, гдѣ примѣръ любови
Къ отчизнѣ вѣчный далъ,
Какъ левъ онъ гордый—въ волны крови
Иль жертвъ раздранныхъ палъ!
Къ оружію, о Греки, къ бою! и проч.

СИРАКУЗЯНКИ, ИЛИ ПРАЗДНИКЪ АДОНИСА.

ИДИЛЛИЯ.

Поэзія идиллическая у насъ, какъ и въ повѣшнихъ литературахъ европейскихъ, ограничена тѣснѣмъ опредѣленіемъ *Поэзіи настущеской*; опредѣленіе ложное. Изъ него истекаютъ и другія, столько же неосновательныя мнѣнія, что поэзія настущеская (т. е. идиллии и эклоги) въ словесности нашей существовать не можетъ, ибо у насъ нѣтъ пастырей, подобныхъ древнимъ, и проч., и проч.

Идиллія грековъ, по самому значенію слова¹⁾, есть *видъ, картина*, или то, что мы называемъ *сцена*, но сцена жизни и пастушеской, и гражданской, и даже героической. Это доказываютъ идилліи Феокрита, поэта первого, а лучше сказать, единственнаго, который, въ семь особенномъ родѣ поэзіи, служилъ образцомъ для всѣхъ народовъ Запада. Хотя не онъ началъ обрабатывать сей родъ, но онъ усовершенствовалъ его, приблизивъ болѣе къ природѣ. Занявъ для идиллій своихъ формы изъ *мима*, сценическихъ представлений, изобрѣтенныхъ въ отечествѣ его, Сициліи, онъ обогатилъ ихъ разнообразiemъ содержанія; но предметы для нихъ избиралъ большую частію простонародные, чтобы пышности двора Александрийскаго, при которомъ жилъ, противопоставить мысли простыя, народныя, и сею противоположностью пленить читателей, которые были вовсе удалены отъ природы. Дворъ Птолемеевъ совершенно не зналъ нравовъ пастырей сицилійскихъ; картины жизни ихъ должны

¹⁾ *Εἰδολλα*, происходит отъ *εἶδος*, *видъ*, и есть слово уменьшительное, такъ сказать, *видикъ*.

были имѣть для читателей идиллій двоякую прелестъ, и по новости предмета, и по противоположности съ чрезмѣрною изнѣженностью и необузданною роскошью того времени. Сердце, утомленное бременемъ роскоши и шумомъ жизни, жадно плѣняется тѣмъ, что напоминаетъ ему жизнь болѣе тихую, болѣе сладостную. Природа никогда не теряетъ своего могущества надъ сердцемъ человѣка.

Вездѣ, гдѣ общества человѣческія доходили до предѣла, на которомъ былъ тогда Египетъ, поэты также пытались производить подобныя противоположности. Но одни греки умѣли быть вмѣстѣ и естественными, и оригинальными. Всѣ другіе народы хотѣли улучшивать, или по-своему переиначивать саму природу: чувство занимали чувствительностью, простоту—изысканностью. У римлянъ нѣсколько разъ пытались представить горожанамъ картины жизни сельской. Идилліями началъ свое поприще Виргилій; но, несмотря на прелестъ стиховъ, онъ остался позади Феокрита; пастухи его большею частью ораторы. Калпурній и другіе изъ римлянъ подражали Виргилію,—не природѣ.

Въ литературахъ новѣйшихъ временъ, и особенно въ итальянской, когда всѣ роды поэзіи были испытаны, являлось множество идиллій посреди народа развращеннаго; но какъ мало естественности въ Санназаро, какая изысканность въ Гварини! О французы и говорить нечего. Геснеръ, котораго много читали при дворѣ Людовика XV, также не могъ выдержать испытанія времени: онъ создалъ природу сантиментальную, на свой образецъ; пастуховъ своихъ идеализировалъ, а что хуже, въ идилліи ввелъ мисологію греческую. Въ этомъ состояло его важнѣйшее заблужденіе: нимфы, фавны, сатиры для пасъ умерли и не могутъ показаться въ поэзіи нашего времени, не разливая ледяного холода. — Такимъ образомъ Феокритъ остается, какъ Гомеръ, тѣмъ свѣтлымъ фаросомъ, къ которому всякий разъ, когда мы заблуждаемся, должно возвратиться.

До сихъ поръ одни поэты германскіе, намъ современные, хорошо поняли Феокрита: Фоссъ, Броннеръ, Гебель произвели идилліи истинно-народныя; плѣнительные картины оныхъ переносятъ читателя къ той сладостной жизни въ нѣдрахъ природы, отъ которой нынѣшнее состояніе общества такъ насъ удаляетъ; онѣ вселяютъ даже любовь къ саму роду жизни. Успѣхъ сей производятъ не одни дарованія писателей: Санназаро, Геснеръ имѣли также дарованіе. Германскіе поэты поняли, что родъ поэзіи идиллической, болѣе нежели всякой другой, требуетъ содержаній народныхъ, отечественныхъ; что не одни пастухи, но всѣ состоянія людей, по роду жизни близкихъ природѣ, могутъ быть предметами сей поэзіи. Вотъ главная причина ихъ успѣха.

Гдѣ, если не въ Россіи, болѣе состояній людей, которыхъ пра́вы, обычаи, жизнь такъ просты, такъ близки къ природѣ? Это правда, русскіе пастухи не спорятъ въ пѣспопѣніи, какъ греческие; не дарятъ другъ друга вазами и проч.; но отъ этого развѣ они не люди? Развѣ у нихъ нѣтъ *своихъ* сердецъ, *своихъ* страстей?—А у другихъ простолюдиновъ нашихъ развѣ нѣтъ своей вѣры, повѣрій, нравовъ, костюмовъ, своего быта домашняго и своей, русской природы? — Наши многообразныя свадьбы, наши хороводы, разныя игрища, праздники сельскіе, даже церковные — суть живыя идиллія народныя, ожидающія своихъ поэтовъ. Какъ умѣль Ѹеокритъ всѣмъ этимъ пользоваться! Желая описать, напримѣръ, *Праздникъ Адониса*, какъ онъ искусно возвышаетъ похвалу его, влагая оную въ уста лицъ низшаго состоянія. Идиллію сию я перевести осмѣлился. Одна изъ труднѣйшихъ, по множеству пословицъ и простонародныхъ обортовъ, она въ переводѣ, можетъ быть, не удовлетворитъ требованіямъ знатоковъ языка греческаго; но да простятъ слабости перевода за намѣреніе познакомить сколько-нибудь читателей, не знающихъ по-гречески, съ однимъ изъ необыкновенно-оригинальныхъ произведеній поэта древняго, которое болѣе другихъ его идиллій доказываетъ, что и въ новѣйшихъ литературахъ идиллія также существовать можетъ, если поэты будутъ умѣть, подобно Ѹеокриту, пользоваться предметами. Вотъ содержаніе сей идилліи:

Сиракузянки, съ семействами ихъ прѣхавши въ Александрию, приходятъ одна къ другой; желая видѣть праздники Адониса, идутъ во дворецъ Птолемея Филадельфа, гдѣ жена его, Арсиноя, великолѣпно устроила это празднество.

Въ такой рамѣ, повидимому, тѣсной, чего не заключается? Образъ жизни, пра́вы семейные, обычай народные, военные, для царствованія Птолемеева, обряды религіи, великолѣпіе ея празднествъ, — все тутъ видимо, и все въ живомъ дѣйствіи, не въ холдномъ описаніи. Такова идиллія древнихъ, или, лучше сказать, таковъ гений Ѹеокрита.

Лица: Горго, Праксина, Сиракузянки; Эвноя, Эвтихида, ихъ служанки; ставуха, незнакомецъ первый, незнакомецъ второй.

Г о р г о.

Дома иль иѣть Праксина?

Э в н о я

Ахъ, Горго, какъ поздно ты... Дома.

П рак с и н о я .

Диво, что ты и пришла. Посмотри-ка ей кресель, Эвноя;
Брось и подушку.

Г о р г о .

Спасибо. Ахъ, какъ хорошо!

П рак с и н о я .

Ну, сиди же.

Г о р г о .

Счастливы души бесплотныя: я такъ насили спасалась,
Къ вамъ продираясь; такая толпа тамъ четверокъ, народу!
Все сапоги да хлаждиды, все лишь военные люди.
Ну, да и путь—безъ конца! Далеко ты мой другъ, поселилась.

П рак с и н о я .

Это все онъ, дуралей (*мужъ*): на краю мнѣ свѣта здѣсь нанимъ
Нору, не домъ; и все для того, чтобы съ тобою въ сосѣдствѣ
Не была я; онъ во всемъ мнѣ перечитъ, злодѣй мой всегдашній!..

Г о р г о .

Не говори, моя милая, этакихъ словъ ты про мужа
Вслухъ при ребенкѣ; смотри, какъ глаза на тебя онъ уставилъ.

Праксиноя (*къ дитяни*).

Нѣть, мой Зопиронъ, я говорю не про тятю, мой милый.

Горго (*въ сторону*).

Зевсомъ клянуся, дитя понимаетъ. (*Вслухъ*) Твой тятя прекрасенъ!

Праксиноя.

Этотъ тятя—вчера... (я вчерашнимъ всѣ дни называю)
Въ рынокъ пошелъ, чтобы мнѣ притираній купить и селитры.
Что же принесъ онъ мнѣ?.. Соли,—въ тринадцать локтей мужчина!

Горго.

То же сдѣлалъ, точь-въ-точь, Діоклідъ мой, пагуба денегъ!
Даль семь драхмъ онъ за пять овчинокъ, ну, шкуры собачьи,
Старыхъ сумъ лоскутки, на заштоцъ зашточка, ну—гадость;
Но, надѣйай же ты платье, и плащъ твой съ застежками новый;
Время; пойдемъ-ка въ палаты царя-богача, Штолемея,
Видѣть Адониса праздникъ; я слышу, царица готовить
Много прекраснаго.

Праксиноя.

Дивно ли? *Все у богатыхъ богато.*
Ты-жъ, что увидиши, разсказывать станешь тѣмъ, кто не видѣлъ.

Горго.

Время однако отправиться: *праздникъ всякий день праздникъ.*

Праксиноя.

Эвно, воды ключевой, и поставь посрединѣ; скорѣе-жъ!
Ахъ ты, нѣженка!.. *Снять спокойно хотятъ ужъ и кошки.*
Двигайся-жъ, мигомъ воды; вода всего мнѣ нужнѣ.
Какъ она держитъ кувшинъ! Но давай, безтолковая,тише
На руки лей мнѣ; несчастная, ты мнѣ хитонъ обливаешь!
Полно!—Ну вотъ, какъ боги мнѣ дали, я такъ и умылась.—
Ключъ отъ шкатулки большой? Поскорѣе сама принеси мнѣ.

Горго.

Ахъ, Праксиноя, какъ пристало къ тебѣ это платье
Съ частыми сборами! Прелестъ! А что оно стоитъ съ работой?

Праксина.

Лучше не спрашивай; чистымъ сребромъ поболѣе мины,
Или и двѣ; о работѣмолчу; приложила всю душу.

Горго.

Вышло зато по желанію.

Праксина.

Да, твоя рѣчъ справедлива.

Плащъ мнѣ, Эвноя, и шляпу; приладь же, смотри, хорошенько;
Такъ. — (*Къ ребенку*) А дитя не возьму я; тамъбука, тамъ ло-
шадькусаетъ...

Плачь, сколько хочешь, да я не хочу, чтобы былъ ты калѣкой.
Горго, идемъ.—Ну, возьми же дитя, забавляй его, няня;
Въдомъпозовисобаку, идвери сѣнныя заприты.—

Боги, какаятолпа!.. Неужели должны перейти мы
Эту бѣду? Муравы неисчислительные, нѣть и конца имъ!
Сколько прекрасныхъ дѣлъ, Птолемей, для народа ты сдѣлалъ
Послѣтого, какъкъбогамъпріобщенътвойродителъ! Злодѣи
Путникамъ болѣ не страшны египетскимъ подлымъковарствомъ:
Прежде какимъ шаловствамъ предавалисьискусникиэті
Всѧнаединуюстать, негодяи, разбойники, воры...

Милая Горго... что съ нами будеть? Воинны сзади,
Конникицарскіескачутъ... Другъ мой, меня ты задавиши!..
Сталь на дыбыегорыжай!.. Оньдикъсовершенно, онъбѣшень!..
Гдѣты, Эвноя? кудаты?.. убетьэтотеконьчеловѣка!
Какъхорошо я сдѣлала, дома оставилъребенка!

Горго.

Ну, ободрись, Праксина! Теперь позади мы всѣхъ конныхъ;
Стройихъпопшельнаплощадь.

Праксина.

Теперь я, мой другъ, оживаю.
Змѣядалошади пуще всего я на свѣтѣбоуся
Съсамагодѣства.—Пойдемъ, приближаютсяволнынарода.

Горго (*къстарухѣ,идущейнавстрѣчу*).

Ты изъ дворца, моя матушка?

Старуха.

Да, моя дѣти.

Горго.

Легко-ли

Будеть войти намъ?

Старуха.

Съ попыткою въ Трою вошли Аргивяне.

Да, мое дитятко, да, до всего съ попыткой доходятъ.

Горго.

Слышишь? Старуха уходитъ и словно оракуль бормочетъ.

Праксина.

Женщины знаютъ про все, и про свадьбу Зевеса съ Юпоной.

Горго.

Ахъ, Праксина, взгляни ты, какая толпа предъ дверями!

Праксина.

Страшная! Дай ты мнѣ руку; а ты Эвтихиды, Эвная,

Руку возьми и держися ея, чтобы отъ насть не отсталла.

Надобно вмѣстѣ войти намъ; держися-же насть ты, Эвная.

Ахъ, я несчастная... платье мое ужъ разорвано, Горго,

Точно разорвано... (*Къ незнакомцу*) Ради Зевеса, да будешь ты
счастливъ,

Добрый мой человѣкъ, я прошу, охраняй мое платье.

Незнакомецъ 1-й.

Здѣсь я не властенъ; но буду стараться...

Праксина.

Ужасная давка!

Лѣзутъ, какъ свиньи.

Незнакомецъ 1-й.

Спокойтесь, женщины, мы на просторѣ.

Праксиона.

Годы и годы тебѣ благоденствовать, странникъ любезный!
 Ты оказалъ намъ покровъ, человѣкъ добродушный и честный!..
 Давятъ, Эвноя! Впередъ, несчастная... силой ломися;
 Славно!—*всѣ дома*, какъ такъ говоритъ, кто жену молодую,
 Введши въ свой домъ, запираетъ ¹⁾).

Горго.

Здѣсь остановимся прежде,
 Здѣсь, Праксиона, на эти мы тканія прежде посмотримъ:
 Какъ онѣ тонки, прекрасны! Твореніе божіе, скажешь.

Праксиона.

Дѣва Аѳина! Какія работали ихъ мастерицы?
 Кто живописецъ, чертившій прекрасные эти рисунки?
 Точно, какъ будто стоять и какъ будто движутся люди!
 Это живое, не тканое!—Много ума въ человѣкѣ!
 Самъ же,—о, какъ онъ прекрасенъ лежить на серебряномъ ложѣ,
 Юный Адонісъ, первый лишь пухъ по ланитамъ разсыпавъ,
 Многолюбезный Адонісъ, и въ самомъ Аидѣ любимый!

Незнакомецъ 2-й.

Вы перестанете-ль, жалкія, вздоръ болтать безконечный?
 Горлицы... Каждую рѣчъ во весь ротъ распѣваютъ песносно!

Горго.

Кто ты, другъ мой? и что тебѣ нужды, хоть мы и болтаемъ?
 Слугамъ приказывай, ты Сиракузянкамъ развѣ указчикъ?
 Мы Сиракузянки, да, чтобы знать ты, Коринеянки родомъ,
 Такъ какъ и Беллерофонтъ. Нашъ выговоръ пелопонесскій;
 Но говорить по-дорическихъ, чаю, Доріянкамъ можно.

Праксиона.

Нѣть, сохрани, о Сладчайшая ²⁾), насть отъ владыки другого;
 Есть онъ одинъ. На тебя не смотрю, и въ обиду не дамся
 Даромъ...

¹⁾ Свадебный обрядъ.

²⁾ Эпитетъ Прозерпины.

Горго.

Молчи, Праксиноя: выходитъ Адониса славить
Дѣва Аргивская, та пѣснопѣвица, славная даромъ,
Кою Сперхись пѣвецъ побѣжденъ въ элегическихъ пѣсняхъ.
Нѣчто прекрасное, вѣрно, споетъ; вотъ, она приступаетъ.

Агриянка (*поетъ*).

О, Владычица Голоса, ты, что Идалію любишь
Холмный Эриксъ посѣщаетъ, Киприда, играюща златомъ!
Вотъ какового Адониса съ мрачныхъ береговъ Ахерона,
Въ мѣсяцъ двѣнадцатый, вновь привели нѣжногія Горы,
Тихія въ шествіи, дщери боговъ, но желанныя всѣмъ чанъ,
Горы, всегда приносящія что-либо новаго смертнымъ.
Дщерь Діонеи, Киприда могучая, ты Беренисѣ,
Такъ человѣки гласятъ; даровала бессмертіе смертной,
Въ перси жены земнородной амврозію капая неба.
Днесъ, въ благодарность тебѣ, многочтимая въ множествѣ храмовъ,
Дочь Беренисы, Еленѣ Аргивской подобная ликомъ,
Здѣсь Арсиноя Адониса всѣмъ угощаетъ прекраснымъ.
Собрано все вокругъ него, что древесныя вѣтви приносятъ,
Все передъ нимъ, что сады производятъ сладчайшаго, блещетъ
Въ сребряныхъ кошахъ, и Сиріи муро въ златыхъ алавастрахъ;
Здѣсь и снѣдомое все, что на противляхъ жены готовятъ,
Съ бѣлой мукою мѣшай цвѣты и душистя травы,
И растворяя ихъ сладостнымъ медомъ, иль свѣтлымъ елеемъ;
Все, что летаетъ и ходить, ядомое, здѣсь, передъ гостемъ;
Здѣсь и зеленыя кущи, покрытыя нѣжнымъ анееомъ,
Окрестъ устроены, сверху летаютъ малютки Эроты,
Словно младые пѣвцы-соловьи, по деревьямъ кудрявымъ
Силу ихъ крылья испытую, лстаются съ вѣтки на вѣтку.
Злато, эбенъ и слоновая кость,— изъ вѣтъ образованъ
Быстрый орель, виночерпца младого Крониду несущій.
Вотъ ковры пурпуровые: мягче сна ихъ поверхность.
Скажетъ про нихъ восхищенный Милетянинъ, или Самосецъ:
Вотъ уготованы два одинаково-пышныя ложа;
Въ семъ почиваетъ Киприда, а въ томъ бѣлорукій Адонисъ,
Юный супругъ девятнадцатилѣтній: его поцѣлуи
Нѣжны, не колютъ; уста его пухомъ едва озлатились.
Радуйся, о Афродита, обрѣтшая чаки супруга!
Завтра его, при росистой зарѣ, всенародно отсюда
На берегъ мы понесемъ, передъ пѣнныя волны морскія.

И, распустивши власы, хитоны до ногъ разрѣшивши,
Мы, съ обнаженными персями, звучно начнемъ пѣснопѣнье.

„Странствуешь ты, о Адонисъ, и къ намъ и отъ насъ къ Ахерону:
Доля, какой ни единъ земной полубогъ не сподобленъ;
Ни Агамемнонъ, ни грозный свирѣпствомъ герой Теламонидъ,
Ни изъ Гекубинъхъ многихъ сыновъ досточтимѣйшій Гекторъ,
Ни Патроклъ благородный, ни Пирръ, Иліона рушитель,
Ни древнѣйшіе онъхъ, Лапионы, или Девкалиды,
Ни Пелопиды, ни родоначальники Грековъ Пелазги.
Милостивъ будь намъ, Адонисъ, и въ будущемъ годѣ возрадуй.
Нынѣ пришелъ ты, Адонисъ, и паки придешь намъ любезенъ!“

Г о р г о.

Ахъ, Праксиноя, чудесное пѣніе! Аргивская дѣва
Счастлива даромъ, стократъ она счастлива голосомъ сладкимъ!—
Время однако домой: Діоклайдъ мой еще не обѣдалъ;
Мужъ у меня онъ презлой, а какъ голоденъ, съ нимъ не встрѣчайся.
Милый Адонисъ, прости! Возвратися опять намъ на радость!

ПРОСТОНАРОДНЫЯ ПѢСНИ НЫНѢШНИХЪ ГРЕКОВЪ.

(Посвящено Александру Николаевичу Оленину).

(1825 г.)

В В Е Д Е Н И Е.

I.

Намѣреніе сдѣлать извѣстными europейцамъ простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ—не ново: доказательство, что онѣ изобилуютъ не однѣми красотами частными, мѣстными, но достоинствомъ поэтическимъ, общимъ, чувствительнымъ и для другихъ народовъ. Еще въ 1676 году ученый французъ Ла-Гилльтьерь, въ предисловіи своемъ къ сочинению: *Лакедемонъ древній и новый*, изъявилъ желаніе издать собраніе греческихъ простонародныхъ пѣсень. Въ наше время отличнѣйшіе германскіе писатели, самъ знаменитый Гете¹⁾, собирали ихъ съ намѣреніемъ напечатать; французъ упредилъ: г. Фориель (Fauriel) издалъ собраніе греческихъ пѣсень, съ переводомъ и съ предисловіемъ. Первое основаніе сего собранія положено, какъ говорить издатель, знаменитымъ Кораемъ; послѣднія пѣсни онъ получилъ отъ гг. Газе, Мустоксида и другихъ ученыхъ и патріотовъ греческихъ, его намѣренію способствовавшихъ.

„Простонародныя греческія пѣсни,—говорить издатель въ началѣ предисловія,—даже и безъ всякихъ изъясненій, какихъ онѣ могутъ

1) Пукевиль, въ своемъ «Путешествіи въ Грецію», говоритъ какъ о слухѣ, будто Гете издалъ уже въ Германіи подобное собраніе. Voyage dans la Gr  ce. Tom. V, p. 415.

требовать, доставлять нѣкоторыя новыя свѣдѣнія, научать оцѣнить съ большою, какъ донынѣ было, точностью, съ болѣшею справедливостью правы, характеръ и геній нынѣшнихъ грековъ.

„Ученые европейцы, въ продолженіе четырехъ вѣковъ посѣщая Грецію, отыскивали развалины храмовъ, прахъ городовъ, рѣшаясь напередъ восхищаться надъ слѣдами, часто сомнительными, всего того, что за двѣ или за три тысячи лѣтъ было; а восемь миллионовъ людей, остатки несомнѣнныя, остатки живые древняго народа сей земли классической, бросали безъ всякаго вниманія, или говорили о нихъ, какъ о племени отверженномъ, падшемъ, не заслуживающемъ ничего болѣе, кроиѣ презрѣнія или сожалѣнія людей образованныхъ.

„Такимъ образомъ, ученые европейцы не только оказывали несправедливость нынѣшней Греціи, но вредили сами себѣ, своей любимой надеждѣ: они сами отказывались отъ способовъ лучше узнать Грецію древнюю, лучше открыть то, что есть преимущественнаго, собственнаго и неизгладимаго въ характерѣ и геніи сыновъ сей земли благословленной. Не въ одной чертѣ обычаевъ и нравовъ нынѣшнихъ они легко узнали бы слѣды любопытные обычаевъ и нравовъ древнихъ, и такимъ образомъ составили бы себѣ мысли гораздо высшія о силѣ и твердости послѣднихъ. Они открыли бы причину и болѣе общую и болѣе основательную той пламенной любви къ отечеству, къ свободѣ, той дѣятельности общественной, промышленности и предпринимчивости, которымъ удивляются у грековъ древнихъ: ибо увѣрились бы, что греки нынѣшніе, даже подъ игомъ турокъ, болѣе несчастные, чѣмъ униженные, никогда совершенно не теряли ни своихъ преимуществъ душевныхъ, ни чувства независимости; что они умѣли удержать народность свою, отличную отъ ихъ побѣдителей, умѣли сохранить, подъ правительствомъ насильственнымъ и хищнымъ, способность удивительную къ мореходству и торговлѣ.

„Чѣмъ болѣе ученые любили языки Гомера и Пиндара, тѣмъ болѣе нашли бы они пользы въ изученіи языка новаго, который, живая отрасль языка мертваго, сохраняетъ многія черты его, не вошедшія въ книги древнихъ. Наконецъ, что касается до словесности вообще и въ особенности до поэзіи, они хотя не нашли бы у новѣйшихъ грековъ древняго поэтическаго генія, который имъ ничего уже не говоритъ и котораго не могутъ они понимать,—но узнали бы, что они также имѣютъ свои титла славы, свою степень образованности. Вотъ предметъ,—говоритъ издатель,—о которомъ намѣренъ я пополнить, сколько могу, бозмолвіе писателей и путешественниковъ“.

Съ такимъ побужденіемъ, въ предисловіи весьма обширномъ и

занимательномъ, онъ между прочимъ полагаетъ краткую исторію нынѣшней словесности грековъ. Извлекаю только то, что должно познакомить читателя съ ихъ поэзіей простонародною, и позволяю себѣ пѣкоторыя замѣчанія на сужденія¹⁾ почтеннаго изданія.

„Греки нынѣшние, кромѣ поэзіи письменной, имѣютъ поэзію изустную, народную, во всей силѣ этого слова, выраженіе прямое и вѣрное характера и духа народнаго; ее каждый грекъ понимаетъ и любить, потому единственно, что онъ грекъ, что живетъ на землѣ и дышитъ воздухомъ Греціи. Поэзія сія живетъ не въ книгахъ, не жизнью искусственною, но въ самомъ народѣ и всею жизнью народа: она заключается въ пѣсняхъ“.

Издатель раздѣляетъ ихъ на три главные рода: семейственныя, историческая и мечтательная или романическая. Подъ родомъ семейственныхъ разумѣеть онъ пѣсни, которая поются при разныхъ годовыхъ празднествахъ и важнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни: свадьбахъ, пирахъ и, между прочимъ, при похоронахъ. Обращая болѣе вниманія на пѣсни семейственные, которая болѣе другихъ изображаютъ нравы народа, издатель замѣчаетъ черты, сближающія нравы и обычаи нынѣшнихъ грековъ и ихъ предковъ. Такимъ образомъ, изъ числа пѣсень праздничныхъ онъ упоминаетъ обѣ одной, весьма извѣстной въ цѣлой Греціи подъ названіемъ: *Пѣсня ласточки*. Она поется при началѣ весны, въ мартѣ, купами дѣтей, которая, нося въ рукахъ ласточку, изъ дерева сдѣланную, ходятъ изъ дома въ домъ, чтобы славить новую весну и получать за это небольшую награду. При семъ издатель указываетъ на подобную древнюю простонародную пѣсню, которая во всей цѣлости сохранена Аѳенеемъ; она, по словамъ изданія, также была извѣстна подъ названіемъ *Хелидонизма*, *Пѣсня ласточки*, и пѣлась у родосцевъ также дѣтами, въ мартѣ мѣсяцѣ, съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Возбудивъ любопытство, издатель, къ сожалѣнію, не удовлетворяетъ его, не приводить ни той, ни другой пѣсни. Кромѣ этого должно замѣтить, что древняя пѣсня у Аѳенея не названа *хелидонизмом*; онъ только говоритъ, что пѣть эту пѣсню называлось *хелидонизинъ*, такъ сказать, *пѣть ласточкой* — и что это обыкновенно бывало въ мѣсяцѣ воедромонѣ. Мѣсяцъ сей у грековъ также не мартъ, а нашъ августъ; впрочемъ, какъ противорѣчіе самой пѣсни, къ веснѣ относящейся, такъ и нѣкоторые издатели Аѳенея, утверждаютъ, что подлинникъ въ названіи мѣсяца ошибителенъ.

1) Сужденія изданія французскаго отличены при началѣ и при концѣ ихъ двумя запятими.

Хелидонизинъ,—говоритъ Аеней,—произошло отъ того, что пѣли слѣдующую пѣснию¹⁾:

‘Ηλѳ, ηλѳ χελιδѡн, καλас ὥρας
 ’Αγουσα και καλους ἐνικυτούς,
 ’Επὶ γασέρα λευκά, κάπι νῶτα μέλαινα.
 Παλάθαν οὐ προκυκλεῖς
 ’Εκ πίονος οἴχου,
 Οἴνου τε δέπασρον,
 Τυροῦ τε κάνιςρον
 Και πυρῶν;
 ’Α χελιδѡн και λεκιθίταν
 Οὐκ ἀπωθεῖται
 Πότερό ἀπίωμες; ή λαβώμεθα;
 Εἰ μέν τι δώσεις’ εὶ δὲ μὴ, οὐκ ἔάσσομες,
 ’Η τὰν θύραν φέρωμες, ή τὸ ὑπέρθυρον,
 ’Η τὰν γυναῖκα ταν ἔσω καθημέναν.
 Μικρά μέν ἔσι, ράδιώς μιν οἰσομες,
 ’Αν δὴ φέρης τι, μέγα (γε) δή τι και φέροις.
 ’Αγοιγ’, ἀνοιγε τὰν θύραν χελιδόνι.
 Οὐ γὰρ γέρουντες ἐσμὲν, ἀλλὰ παιδία.

Пришла, пришла ласточка, прекрасныя времена
 Приносящая и прекрасные годы,
 Черевцомъ бѣлая, а спинкой черная.
 Не вынесешь ли вязанки фигъ
 Изъ полнаго дома?
 Сыру коробочки,
 Вина чарочки
 И шеницы?
 Ласточка и отъ пирожка
 Не откажется.
 Уйти намъ? Или что-нибудь получимъ?
 Если подашь, уйдемъ; если нѣтъ, не отстанемъ:
 Двери унесемъ и притолоки;
 Или женушку твою, которая сидитъ въ комнатѣ:

1) Предлагаютъ для любопытныхъ и подлинникъ сей необыкновенно оритипальной пѣсни и переводъ прозаическими строками: такъ она, по замѣчанію ученыхъ, сдѣлана; но вѣрѣе, что переписчиками испорчена, ибо есть слѣды стиховъ. Athen. Diplos. lib. VIII. Edit. Schweighav.—Выраженіе: *пришла ласточка*, говорили дѣти, приходившія къ дверямъ дома.

Маленькая, легко унесемъ.
 Если малость подашь, велико будетъ даяніе.
 Отпирая, отпирая дверь! Не отказывай ласточекъ!
 Не старые мы, видишь, все молодые ¹⁾.

„Оплакиваніе мертвыхъ составляетъ у грековъ также родъ какъ пѣсень, которымъ имѣютъ особое название, *мирологи* ²), *печальнословія*. Ихъ произносятъ надъ мертвымъ одинъ женщины, свои, но употребляютъ и чужихъ; у грековъ есть женщины, которые за плату исполняютъ обязанность мирологистокъ, *плакальщицъ*. Изъ мирологовъ издатель не могъ предложить ничего любопытству читателей. Мирологъ, минутное вдохновеніе горести, исторгается изъ души безъ участія памяти. Самые слушатели могутъ вспоминать одинъ черты, болѣе ихъ поразившія; вообще, всакій мирологъ забыть, какъ скоро произнесенъ. Но любопытенъ обрядъ, при нихъ у грековъ наблюдаемый. По опрятаніи и убранствѣ мертваго, вся женщины, сколько ихъ ни соберется въ домѣ, и родственныя и чужія, становятся кругомъ тѣла и изливаютъ печаль свою, безъ порядка и принужденія, слезами, воплями и словами. Послѣ сего плача, произвольного и совокупнаго, слѣдуютъ оплакиваніе другого рода, это *мирологи*. Обыкновенно, ближайшая по связи къ покойнику произносить свой мирологъ первая; за нею другія родственницы, пріятельницы, самыя соседки; однимъ словомъ, вся присутствующа. Женщины могутъ платить умершему послѣднюю дань нѣжности и выполняютъ это одна за другой, а иногда многія вмѣстѣ. Родъ сихъ надгробныхъ пѣсень сколько особенъ, удивителенъ для европейцевъ (но не для русскихъ, какъ увидимъ ниже), столько въ самомъ дѣлѣ поразителенъ сходствомъ съ подобного рода пѣснями, у древнихъ грековъ употреблявшимися, при такихъ же случаяхъ и въ такомъ же порядкѣ. Это можно видѣть изъ Иліады (пѣснь XXIV), когда семейство Пріама плачетъ надъ тѣломъ Гектора; вокругъ него Андромаха первая, за нею Гекуба и, наконецъ, Елена произносятъ родъ мирологовъ, одна за другою; съ ними участвуютъ какъ пѣвцы особенные, такъ и вся жены троянскія“.

1) Рѣдкій себѣ памятникъ древней простонародной поэзіи грековъ, между прочимъ, напоминаетъ удивительную черту ума греческаго. Въ городахъ Линдѣ нужно было сдѣлать сборъ денегъ для общественной надобности; и ст сею-то пѣсню дѣти посланы по домамъ, для испрошенія денегъ у гражданъ линдскихъ, что было, какъ доказываетъ пѣсня, *весното*. И когда въ самомъ дѣлѣ доступнѣе сердце человѣка, если не въ то время, какъ сама природа растворяетъ его для радости и, стало быть, для всѣхъ чувствованій добрыхъ.

2) Французскій издатель вездѣ пишеть, какъ видно по выговору, съ ди-*гаммой*, *миріологии*, но слово пишется *Мирологи*.

Такихъ признаковъ сходства между семейственными пѣснями новыхъ грековъ и древнихъ издатель находитъ еще болѣе въ древнихъ же простонародныхъ пѣсняхъ греческихъ, Аѳенскомъ, Аристофаномъ и анеологію намъ сохранившихъ; на такихъ признакахъ основываетъ онъ свои заключенія, что простонародная поэзія нынѣшнихъ грековъ, исключая изъ нея пѣсни историческая, не есть поэзія, въ наши времена рожденная, ни въ вѣка средніе; но что она есть и должна быть ничто иное, какъ слѣды, продолженіе, порча медленная и постепенная древней греческой поэзіи и въ особенности простонародной.

Къ роду пѣсень историческихъ издатель, между прочими, относить пѣсни klefтическія; онѣ почти однѣ и нѣсколько пѣсень суплютскихъ составляютъ первый томъ собранія. Жаль, если однимъ томомъ заключится изданіе; нѣть сомнѣнія, что полное собраніе такихъ пѣсень было бы и лучшею исторіею нынѣшней Греціи, и самою вѣрною картиною нравовъ народныхъ. Изъ пѣсень klefтическихъ, какъ занимательнѣйшихъ, я перевѣль нѣкоторыя, думая, что читателямъ русскимъ любопытно будетъ узнать сіи произведенія не въ одномъ общемъ ихъ достоинствѣ поэтическомъ, но и въ другомъ отношеніи, какъ увидѣть ниже. Не можно, однако-жъ, хорошо разумѣть ихъ, не имѣя идеи о предметахъ; всѣ онѣ относятся къ положенію дѣлъ и людей, безъ знанія которыхъ будутъ неясны. Извлекаю сокращенно свѣдѣнія о *kleftахъ* изъ предисловія издателя.

,На греческомъ новомъ, какъ и на древнемъ языкѣ, слово *kleftъ* значить *разбойникъ*. Но подвиги и приключения разбойниковъ не были бы предметомъ, достойнымъ пѣсень, не заслужили бы прославленія народнаго въ продолженіе трехъ вѣковъ. Сужденіе о предметѣ по названию будетъ, въ этомъ случаѣ, несправедливо. Ничто менѣе, въ сущности своей, не сходствуетъ съ разбойниками другихъ земель, какъ klefты греческіе.—До первыхъ временъ вторженія турокъ въ земли греческія восходить начало земскаго ополченія, у грековъ извѣстнаго подъ названіемъ *арматоловъ*, т. е. людей, *носившихъ оружіе*. Оно началось въ Фессаліи. Обитатели долинъ покорились жребію своему. Жители горъ, Олима, Пеліона, хребтовъ Фессалійскихъ, Пинда и горь Аграфскихъ—противились побѣдителямъ. Часто съ оружиемъ въ рукахъ они набѣгали на поля и небольшия города; грабили побѣдителя, а при случаѣ и побѣдленныхъ, упрекая ихъ въ томъ, что поддаются невѣрнымъ. Съ этой поры *арматоловъ* начали называть *kleftами*. Уставъ воевать съ людьми неустрашимыми и бѣдными, турки начали поступать съ ними кротко, предоставили имъ право распоряжаться по своимъ законамъ, жить

независимо по округамъ горнымъ, какіе занимали, и носить оружіе для своей защиты, но съ условіемъ платить дань. Племена, жившія въ части горъ болѣе стремністной, въ мѣстахъ почти недоступныхъ, отвергли всякое условіе съ магометанами и сохранили до нашихъ временъ совершенную свободу. Другіе жители горъ вошли въ условія, и имъ позволено было содержать вооруженныхъ ратниковъ для собственной безопасности. Эти ратники были *арматолы*. Такимъ образомъ, название арматоловъ давалось часто тѣмъ самымъ людямъ, которые, въ прежнемъ состояніи войны и противоборства, были называемы клефтами. Что касается до округовъ горныхъ, болѣе дикихъ и дебристыхъ горъ, гдѣ греки почитали себя безопасными отъ турокъ и отказывались отъ примиренія съ ними, мѣста сіи съ того времени сохранили или получили название *Клефтохоріи*, т. е. стороны или жилищъ клефтовъ; они носятъ его и понынѣ. Таковы, говорить издатель, преданія грековъ о началѣ арматоловъ и клефтовъ.

Можетъ быть, таковы преданія простого народа; можетъ быть, что со времени завоеванія Греції турками, греки вооруженные начали именоваться словомъ латинскимъ *арматолы*, отъ арта tollo—ношу оружіе; но обычай у грековъ *всегда носить оружіе* и употреблять его иногда для частныхъ видовъ—гораздо древнѣе вторженія турокъ въ Грецію. Кромѣ Геродота ¹⁾), вотъ что говорить Фукидидъ ²⁾: „Въ древности эллины и варвары, проживавшіе у моря или обитавшіе по островамъ, едва начали на судахъ сообщаться, обратились къ разбою, подъ предводительствомъ людей могущественныхъ, иногда для собственной пользы, иногда для доставленія пропитанія бѣднымъ. Сей промыселъ не казался безславнымъ, напротивъ, доставляль еще славу. Это ясно свидѣтельствуютъ какъ народы твердой земли, между которыми почитается небезчестно производить, при извѣстномъ порядкѣ, сей промыселъ, такъ и древніе поэты, у которыхъ (въ сочиненіяхъ) разъѣзжающіе по морю спрашиваются встрѣчныхъ: *не разбойники ли вы?* Однакожъ ни тѣ, у которыхъ спрашиваются, не отрекаются отъ промысла, какъ недостойнаго, ни тѣ, которые спрашиваются, симъ ихъ не порицаютъ. На твердой землѣ также разбойничали. *Еще и понанѣ съдуяютъ сему обычанию древнему многія племена Эллады*, какъ то: *локры-озомы, этолы, акарнанцы* и другіе сихъ областей обитатели. Такимъ образомъ *обычай—всегда носить оружіе*, между сихъ народовъ твердой земли остался отъ древняго разбойни-

¹⁾ Herod. 3, 133 p. 265.

²⁾ Thucyd. de bell. Pelopon. lib I cap. 5.

чества". Вотъ кажется, гдѣ начало исторіи или, лучше сказать, и нынѣшняя исторія арматоловъ и клефтовъ: ибо и нынѣ ихъ главные обители—*Этолія* и *Акарнанія*.

„Благодаря учрежденію арматоловъ,— продолжаетъ французскій издаатель,— Греція не была совершенно во власти варваровъ. Лишить мало-по-малу побѣжденныхъ остатка ихъ благъ и правъ—составляло главнѣйшую цѣль правительства турецкаго. Арматолы были всегдашино преградою сему намѣренію: пока грекамъ оставалось что-нибудь для потери, туркамъ оставалось дѣло. Короче, исторія арматоловъ, со времени, когда становится извѣстною, есть не что иное, какъ картина долгой и мужественной ихъ борьбы съ пашами и беями. Диванъ наконецъ почувствовалъ ихъ опасность: образовалъ особые частные отряды, учредилъ особыхъ чиновниковъ, подъ наименемъ дервенджи-бashi, *главный охранитель дорог*, чтобы противопоставить ихъ арматоламъ и преслѣдовывать мятежныхъ. Въ послѣдствіи времени, должностъ дервенджи-бashi поручена пашамъ албанцевъ, племени воинственному, искони враждебному грекамъ. Арматолы мятежные или клефты, располагая стаи свои въ горныхъ, бесплодныхъ мѣстахъ, будучи всегда готовы бросить ихъ, не могли ни на мигъ оставить оружія, не подвергая жизни опасности, принуждены были жить грабежемъ, принуждены были нападать даже на грековъ; но обыкновенно, туркамъ гибельны были ихъ набѣги. Клефты похищали стада, жгли деревни, плѣняли агъ и беевъ, уводили ихъ въ горы и возвращали только за выкупъ. Такимъ образомъ, когда арматолы, преслѣдуемые и принужденные защищать оружіемъ свою жизнь и права, входили въ первое ихъ состояніе независимости и начинали воевать съ турками, слѣдственно ихъ грабить, имъ снова давали имя клефтовъ, или, можетъ быть, они его принимали сами, какъ древнее титло ихъ славы. То слабые и принужденные воевать въ горахъ, то сильные и часто отнимавшіе окружъ, изъ котораго изгнаны были и который обыкновенно назывался *Арматоликъ*, воины сіи переходили отъ состояніи арматоловъ къ клефтамъ такъ часто и быстро, что имя арматола и клефта могло быть принимаемо, почти безъ разбора, одно за другое. Есть области, гдѣ слово арматоль употребляется для означенія того и другого; въ другихъ, напротивъ, какъ въ Фессаліи, клефтъ означаетъ какъ арматола, покорнаго туркамъ, такъ и клефта, на горахъ воюющаго.

„Съ основанія арматоловъ дружины ихъ имѣли предводителей, подъ именемъ *капитановъ*. Титло сіе и обязанности, какъ полагаетъ издаатель, были наследственны и передавались отцомъ старшему сыну, съ саблей, какъ знакъ пожалованія. Ратникъ арматоловъ

назывался *паликаръ*, слово, означающее человѣка въ цвѣтѣ лѣтъ и силь, такъ сказать, храбрый, удалый, а проще, но вѣрнѣе, *молодецъ*. Одежда ихъ совершенно албанская, оружіе также: сабли, кинжалъ и ружье, длинное необыкновенно. Переходя въ горы, чтобы жить kleftами, арматолы сохраняли ту же одежду; имѣли, однакожъ, признакъ, по которому можно отличить kleftа покорного отъ мятежнаго. Послѣдній носилъ, гораздо длиннѣе первого, арканъ, нѣсколько разъ обвитый кругомъ тѣла; арканомъ симъ онъ обыкновенно вязалъ плѣнныхъ. Дружины kleftовъ простираются отъ двухъ до трехъ сотъ человѣкъ и болѣе. Главнѣйшія становища ихъ — горы Этоліи, отдѣляющія Фессалію отъ Македоніи, и горы Аграфскія, то есть разные горные хребты, изъ которыхъ одни припадаютъ Акарнаніи, другіе—западной Фессаліи. Но гора Олимпъ—любимѣйшая, главнѣйшая обитель храбрыхъ, и можно сказать, гора священная kleftовъ. Впрочемъ, родъ обожанія, съ какимъ гора сія прославляется въ пѣсняхъ kleftическихъ, можетъ быть, происходить болѣе отъ преданій о древней знаменитости ея, нежели отъ существеннаго превосходства горъ, kleftами избираемыхъ.

„Ведя на горахъ жизнь простую, суровую, безпрерывно дѣятельную, воины сіи всѣ физическая способности тѣла раскрываютъ до необыкновенной степени. Сверхъ того, упражняясь въ станахъ своихъ разными родами игры воинственныхъ, они приобрѣтаютъ силу, гибкость и легкость изумительную. Капитанъ Нико-паръ непрѣгивалъ черезъ семь лошадей, рядомъ поставленныхъ. Называются дружины капитановъ, которые, подъ одеждой и оружіемъ, равнялись бѣгомъ съ обыкновенною скоростью лошади скачущей. Но важнѣйшее и, безъ сомнѣнія, полезнѣйшее искусство, въ какомъ они отличаются—стрѣльба. Всѣ они изъ длинныхъ ружей своихъ стрѣляютъ съ вѣрнѣстю удивительною. Искуснѣйшіе—въ двухъ стахъ шагахъ попадаютъ пулею въ кольцо, котораго окружность немногого болѣе пули. Эта превосходная степень искусства въ стрѣльбѣ родила между ними родъ потоворки: *вѣльть пумо въ колцо*“.

Должно присовокупить, что многие храбрые воины, отличавшіеся въ первое возстаніе Мореи, были капитаны арматоловъ; въ нынѣшнее также: Одиссей и еще нѣкоторые, прославившіеся побѣдами, предводители грековъ, вышли изъ среды сихъ дружинъ воинственныхъ, на которыхъ просвѣщенныя патріоты Греціи издавна полагали великія надежды отечества.

Но этого довольно, чтобы имѣть понятіе объ арматолахъ и kleftахъ, сколько нужно для пѣсенъ; обратимся къ нимъ. Изъ перечисленныхъ нѣкоторыя относятся къ нашимъ временамъ, другія старинныя; они сохранились или письменно, любителями, или чь-

устахъ народа и особаго класса людей, ихъ поющихъ. Древнѣйшія изъ нихъ, напр. *Олимпъ*, принадлежать, по словамъ издателя, къ концу XVI вѣка.

„Особенность всѣхъ произведений поэзии простонародной вездѣ общая: сочинители ихъ остаются неизвѣстными. Особенность сїя обнаруживается и въ пѣсняхъ греческихъ. Никто не знаетъ сочинителей; но большая часть пѣсенъ слытвь произведеніемъ *смычныхъ-нищихъ*, разсыпанныхъ по всей Греціи, людей, изображающихъ собою древнихъ рапсодовъ съ точностью, въ которой есть что-то чрезвычайное.—Слѣщицы эти обыкновенно выучиваются наизусть пѣсни простонародныя; иные знаютъ ихъ удивительное множество. Съ симъ сокровищемъ памяти они безпрерывно странствуютъ: проходить Грецію во всѣхъ направленияхъ, изъ Морей въ Константинополь, отъ береговъ моря Эгейскаго до Іонійскаго. Въ селахъ встрѣчаются они чаще, нежели въ городахъ, и особенно во время приходскихъ праздниковъ или ярмарокъ. Тамъ, кругомъ ихъ собираются охотниче слушатели, передъ которыми они поютъ и получаютъ небольшую плату, составляющую весь ихъ доходъ. Пѣніе сопровождаютъ они музыкальнымъ орудіемъ со струнами, по которымъ играютъ смычкомъ. Орудіе это совершенно древняя лира греческая, которой оно сохранило какъ имя, такъ и форму¹⁾. Лира сїя, полная, имѣть пять струнъ; но часто бываетъ съ двумя или тремя струнами, которыхъ звуки, какъ легко представить, не весьма сладкогласны“.

„Новые рапсоды сїи раздѣляются (что составляетъ большую или меньшую ихъ важность, относительно къ исторіи поэзіи) на два рода. Одни—и эти, кажется, многочисленнѣе—только собираются, выучиваются и распространяются пѣсни, которыхъ онѣ не сочинили. Другіе составляютъ разрядъ болѣе отличный: повторяя и распространяя поэзію другого, они сами дѣлаются поэтами, и къ числу пѣсенъ, ими выученныхъ, присоединяютъ собственные. Сходство, не менѣе примѣчательное между рапсодами древними и новыми, состоится еще въ томъ, что эти бываютъ, какъ бывали тѣ, вмѣстѣ и музыканты; и поэты. Каждый слѣпецъ, сочинившій пѣсню, сочиняетъ и голосъ на нее. Между сими слѣпцами-рапсодами встрѣчаются, отъ времени до времени, одаренные талантомъ импровизаторовъ. Одинъ изъ нихъ, какъ слышалъ издаатель, жилъ въ концѣ послѣдняго вѣка, въ маленькомъ городкѣ Ампелакіи, что въ Фессаліи, недалеко отъ горы Оссы. Онъ назывался Гавоянисъ, или Иванъ слѣпой; достигъ до глубокой старости и пріобрѣлъ во всемъ округѣ большую славу лег-

¹⁾ Въ разсужденіи большого сходства упоминаемаго орудія съ лирою древнихъ, не все изъ знающихъ нынѣшнюю Грецію соглашаются.

костью, съ какою импровизировалъ на всякий исторический предметъ пѣсни, слывшія прекрасными. Онъ также изумлялъ памятованіемъ необыкновенного множества происшествій изъ исторіи клефтовъ. Сдѣлавшись богатъ, по сравненію съ его братьями, скитальцами и нищими, онъ представлялъ примѣръ, дѣйствительно рѣдкій, рапсодадомосѣда. Народъ его послѣдалъ, къ нему склонился, чтобы слушать пѣсни или требовать новыхъ, безъ приготовленія имъ воспѣваемыхъ.

„Всякій предметъ пѣсни, лишь бы онъ былъ народъ, хороши для пѣвцовъ сихъ; но есть содержанія, ими особенно предпочтительныя, которыя воспѣвать они вмѣняютъ себѣ какъ бы въ обязанность. Содержанія сіи суть подвиги и приключенія клефтовъ, предметы, дѣйствительно заключающіе въ себѣ всѣхъ болѣе народного и любезнаго грекамъ.

Такимъ образомъ, что касается до свойства, изобрѣтенія и сочиненія сихъ пѣсень, не должно ни на минуту упускать изъ виду, что эти пѣсни—произведенія простого народа, что никакое искусство не присутствовало при сочиненіи оныхъ, или, по крайней мѣрѣ, выказываетъ въ нихъ въ самой юности. Сочиненія такого рода можно ли судить по правиламъ искусства зрѣлаго? Или, сочиненія, чуждыя правилъ сихъ, могутъ ли заслужить удивленіе или уваженіе? Дѣло должно отвѣтчать на послѣдній вопросъ; и оно отвѣтчаетъ, какъ нельзя утвердительнѣ.

„Между всѣми искусствами подражательными, поэзія имѣть ту особенность, что одно побужденіе, одно вдохновеніе гenія необразованнаго, самому себѣ преданнаго, можетъ достигать цѣли искусства, безъ ухищреній, безъ способовъ, имъ обыкновенно употребляемыхъ, если только цѣль сія не слишкомъ сложна, не слишкомъ отдалена. Это бываетъ во всякомъ сочиненіи поетическомъ, которое, подъ формами первоначальными и простыми, какъ бы онъ безыскусственны ни были, заключаетъ сущность предметовъ или мыслей истинныхъ и прекрасныхъ. Еще болѣе: именно этотъ недостатокъ искусства, или это несовершенное употребленіе искусства, этотъ родъ противоположности или несоразмѣрности между простотою способовъ и полнотою дѣйствія, составляютъ главную прелестъ такого сочиненія. Безъ сомнѣнія, твореніе поэзіи, въ которомъ геній ничего не заимствовалъ отъ искусства, кромѣ способовъ, какими онъ очищается, возвышается, увеличивается, будетъ всегда, и при равенствѣ предметовъ, гораздо выше, и дѣйствіемъ, и достоинствомъ, всякаго творенія генія необразованнаго. Но успѣхи рѣшительные искусства такъ рѣдки, его опыты несчастныя такъ часты, и есть нѣчто столь печальное при видѣ такого значительного числа человѣческихъ,

изнуряющихъ въ усиляхъ напрасныхъ, что красоты безъ искусства, или искусство безъ затѣйливости должны нравиться потому единствен-но, что они чужды искусства и доказываютъ, что гений старѣе искусства и можетъ производить безъ его пособій. Чѣмъ болѣе встрѣчаемъ произведеній, гдѣ естественное, истинное и прекрасное отъ усиленного исканія, тщательности и украшеній потеряны, тѣмъ болѣе находимъ прелести въ произведеніяхъ, въ которыхъ воображеніе юное и смѣлое излилося со всею свободою и для одного удовольствія изливаться. Почти такимъ образомъ, и по причинамъ одинакимъ, выходя изъ душного бала, даваемаго роскошью суетѣ и скучѣ, мы вкушали бы наслажденія чистѣйшія, когда бы вдругъ случилось намъ увидѣть картину радостей невинныхъ, живыя игры дѣтства.

„Разсужденія сіи относятся ко всякой поэзіи простонародной, поэзіи естественной, въ противоположность съ поэзіею искусственною, когда только будетъ она выражениемъ чего-либо истиннаго, благороднаго, чувствованнаго. Но они еще болѣе могутъ относиться къ простонароднымъ пѣснямъ грековъ, какъ къ такимъ, которыхъ болѣе другихъ соединяются съ необыкновенною занимательностью и истинною особенностью формъ народныхъ. Свойство ихъ, почти всѣхъ, одинаково: краткость, сжатость и сжатость гораздо большая, нежели бы нужно для вкуса каждого другого народа; кроме грековъ.—Это не тѣ оконченныя произведенія, для которыхъ поэтъ напередъ изучилъ все, что должно сказать, все, что должно описать; это одѣй черты, изъ которыхъ каждая есть черта характера, жизни, и въ краскахъ которой сіяютъ воздухъ и небо Греціи. Происшествіе ли, мысль, чувство, или игра воображенія составляютъ предметъ пѣсни,—изложенія ихъ чрезвычайно просты, но почти всегда возвышены оригинальностью исполненія. Иногда поэтъ прямо, безъ всякаго приготовленія, излагаетъ предметъ, иногда начинаетъ приступомъ лирическимъ, родомъ короткаго пролога приготовляеть воображеніе слушателей. Сіи приступы въ простонародной поэзіи греческой суть какъ бы образцы освященные: они измѣняются по роду пѣсень, передъ которыми помѣщены; но каждый изъ нихъ можетъ быть употребленъ для другой пѣсни въ томъ же родѣ.—Во многихъ пѣсняхъ, при чрезвычайной простотѣ мыслей и выражений, встрѣчается, иногда въ мысли главной, иногда въ побочной, а временемъ и въ выраженіи, что-то неожиданное, въ первую минуту кажущееся изысканнымъ, чрезмѣрнымъ или, по крайней мѣрѣ, страннымъ; но разсмотрѣвъ его ближе, тотчасъ увѣряешься, что это изысканное, или показавшееся чрезмѣрнымъ, есть способъ самый живой, самый искренний и даже невинный, какъ нельзѧ болѣе, чтобы выразить

мысль очень простую или чувство очень естественное; тотчас видишь, что весьма далекая отъ принужденности и изысканности эта рѣзкость выражения или мысли есть отпечатокъ чего-то национального, есть особенное свойство воображения народнаго. Въ пѣсняхъ греки заставляютъ говорить предметы неодушевленные, горы, животныхъ, но *болѣе всего птицъ*.

„Сія примѣсь чудеснаго, сія смѣлость выражений и воображений, удивляющая вкусъ европейца, сія гордость духа, сей пылъ чувствъ и жаръ исполненія даютъ,—замѣчаетъ издатель,—простонародныи пѣсни нынѣшнихъ Грековъ *что-то восточное*, ясно ихъ отличающее отъ всего, что мы теперь знаемъ или представить можемъ изъ простонародной поэзіи древнихъ грековъ. Это различие вкуса и воображения грековъ современныхъ и ихъ предковъ не будетъ, можетъ быть, неизѣяснимо; по крайней мѣрѣ, оно существенно, и довольно, если замѣчено“.

II.

Вотъ что находить издатель французскій въ историческихъ пѣсняхъ грековъ; и что онъ говоритъ объ ихъ поэтическихъ свойствахъ—этого довольно; но что касается до особенности вкуса и воображения, и французомъ въ нихъ замѣчаемой, но приписываемой Востоку, для русскаго читателя этого, я думаю, недовольно.

Уже при описании греческихъ пѣсень семейственныхъ читатель русскій замѣтилъ, что такъ называемые у нихъ *мирологи*, и у насъ, хотя не имѣютъ названія, но существуютъ; что простонародная женщины въ Россіи, а особенно въ Малороссії, оплакивая мертвыхъ, прибѣгаютъ не къ однѣмъ слезамъ и неимѣющимъ связи воплямъ горести, но что плачь ихъ составляетъ особенный, у простыхъ людей почти общій, родъ оплакивания, въ которомъ онъ обыкновенно исчезаютъ добродѣтели умершаго, хвалять его и, жалуясь на свое вдовство или сиротство, распѣваютъ: *Закрылъ ты ясныя очи свои! на кого же ты меня покинулъ? на кого оставилъ?* что къ симъ, такъ сказать, формуламъ общимъ, приговариваются разныя нѣжныя выраженія—*голубчикъ мой, ясный соколъ мой!* и проч., такъ что плачь сей, произносимый всегда особеннымъ родомъ напѣва, носить на себѣ совершенное свойство миролога. — Читатель также помнить, что для празднества весны и мы имѣемъ пѣсню; что она, хотя не подъ названіемъ „Пѣсня ласточки“ известна, но существуетъ въ Малороссіи и называется *Веснянка*, и что въ начальѣ весны молодыя сельскія женщины нарочно собираются на чистицахъ, чтобы *пѣть Веснянку*; что въ Великороссіи, 9-го марта,

въ старинныхъ домахъ, даже дворянскихъ, дѣлаютъ для дѣтей изъ тѣста птичекъ, жаворонковъ, и что, стало быть, существовалъ и у насъ какой-то обычай праздновать весну, и птица, такая же вѣстница весны, была вводима и въ наше празднество, которое время истребило, но сохранило очевидный памятникъ онаго. Посѣщавшіе полуденную Россію также знаютъ, что не на одной ярмаркѣ, не на одномъ приходскомъ празднике можно встрѣтить и у насъ смытыхъ нищихъ, съ кобзю за спиной; что одни изъ нихъ играютъ на струнахъ сего орудія смычкомъ, другіе перстами, и поютъ разныя пѣсни; что пѣсни эти суть не простыя, общенародныя, или не однѣ духовныя, такъ называемыя народомъ *исаламы*, которые въ Великой и Малой Россіи обыкновенно поютъ подъ окнами слѣпые нищіе,—но какіе-то особенные, въ родѣ большею частью повѣстовательномъ, историческія, довольно длинныя пѣснопѣнія¹⁾; что пѣснопѣнія сіи рукописно нигдѣ не существуютъ, хранятся только въ устахъ слѣпыхъ пѣвцовъ и, конечно, суть произведенія людей сего состоянія,—произведенія, у насъ еще незнамѣнныя, еще не обратившія на себя вниманія литераторовъ, но не менѣе того доказывающія, что и наша поэзія простонародная давно имѣть своихъ рапсодовъ, можетъ быть не многими россіянамъ извѣстныхъ, какъ еще многое въ отечествѣ нашемъ, но тѣмъ не менѣе подобныхъ рапсодамъ нынѣшней Греціи. При сихъ замѣчаніяхъ нельзя не вспомнить еще и того, что въ языкѣ русскомъ, а особенно малороссійскомъ, встрѣчаются слова эллинскія, и такія, которыхъ остались въ языкѣ ново-греческомъ, и такія, которыхъ не вошли въ него; но что у насъ сохраняютъ они какъ значенія, иногда прямые, иногда переносные, такъ и звуки эллинскіе²⁾), следовательно, весьма

1) Оставивъ Малороссию въ дѣствѣ, я, однако, имѣлъ случай слышать пѣніе такихъ слѣпцовъ, и, сколько помню, въ пѣнѣ одного изъ нихъ, очень длинной, часто упоминалось о Чёрномъ морѣ и о какомъ-то царѣ Иванѣ.

2) Предлагаю, сколько память на этотъ разъ представить, одни слова эллинскія: новогреческихъ очень много. Слова въ Великороссіи или Малороссіи употребляющіяся: *Βουλίας*, бугай; *Γλάυκος*, глачікъ молочный, и оттуда же *глагалка*, чѣмъ заквашиваются молоко; *Κρητικός*, куриница, источникъ; *Κρύψις*, отъ нарѣчія существительное *κριεῖν*, неправда, коварство; *Λάχανος*, лаханъ, тазъ; *Μάστωρ*, мастеръ; *Χελεύθερος*, скелетъ; *Σχήπτων*, скипка, щепка; *Τέττα*, тато, отецъ, въ общемъ и почтительномъ выраженіи; *Χαλεπά*, халста, бѣды, несчастія; *Χῆρος*, хирый, хворый, бѣдный здоровьемъ; *Αρύπτω*, дряпакъ, царапакъ; *Μάστηρ*, мацай щуплю; *Χολάδες*, внутренности, кишкі:—послѣднее слово для любителей гипотезъ и толкованій.—Праздникъ и пѣсни *Коляды*, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснить сими *халядесъ*. Обыкновенно, о Рождествѣ дѣлаютъ тамъ изъ свиныхъ кишечкъ колбасы, *холядесъ*; въ это же время простолюдины ходятъ подъ окнами домовъ *колядовать*, такъ сказать, выпрашиватъ колбасъ: ибо въ пѣсни, которую при этомъ случаѣ поютъ, требуютъ въ награду между прочимъ *колыцо колбасы*.

давно занятые славянами у эллиновъ. Такимъ образомъ, когда нравы и обычай греческіе, какъ описываетъ ихъ самъ Форіель, представляютъ явные признаки древняго сближенія славянъ съ эллинами, и когда языкъ первыхъ сохраняетъ явные слѣды взаимнаго вліянія племенъ сихъ¹⁾,—трудно читателю русскому согласиться, чтобы особенный вкусъ и духъ новѣйшей народной поэзіи грековъ можно было изъяснить тою одною причиною, которую издатель французскій гадательно имъ приписываетъ.

Рѣзкая особенность греческихъ пѣсень историческихъ, для иностранца, конечно, чуждая, сильно поражаетъ каждого русскаго, такъ сильно, что и тотъ, кто читаль вскользь переводъ французскій, не могъ во многихъ пѣсняхъ не замѣтить чего-то знакомаго, чего-то похожаго на пѣсни русскія. Не читающіе по-гречески могутъ подумать, что переводчикъ усиливался сообщить духъ русской пѣсни грековъ: такъ много между ними сходства. Не станемъ говорить о дикихъ порывахъ генія и своеvolutionныхъ его переходахъ, сихъ свойствахъ, отличающихъ нашу поэзію простонародную и находимыхъ въ пѣсняхъ грековъ; не станемъ говорить объ оборотахъ, движениіи стиха, любимыхъ повтореніяхъ рѣчей и фразъ, о многихъ чертахъ, которые составляютъ особенность пѣсень русскихъ и встрѣчаются въ греческихъ, но которые примѣтны знающимъ оба языка. Обратимся къ особенностямъ главнѣйшимъ пѣсень греческихъ, къ такимъ, которые съ первого взгляда поражаютъ читателя русскаго, въ какомъ бы переводѣ онъ ни читаль ихъ. Пѣсня, напримѣръ, *Буковалъ*, своими сравненіями отрицательными: *Не быковъ ли то быютъ, не зепрѣй ли траявъ?* и мнѣ, то бьють не быковъ и проч.—такъ сходствуетъ съ нашими пѣснями простонародными, что если-бъ не собственныхъ имена и обстоятельства, намъ чуждыя, можно бы сказать, что это пѣсня русская, по-гречески переведенная.—Родъ сихъ сравненій отрицательныхъ, неизвѣстный древней поэзіи греческой, составляетъ отличительное свойство нашей древнѣйшей поэзіи, и высшей и простонародной; начиная съ Слова о полку Игоревѣ²⁾ до

1) Знатоки музыки также находять, что напѣвъ пашихъ протяжныхъ пѣсень сходенъ съ древнимъ греческимъ, судя по сохранившимся отрывкамъ древней музыки: *гимнъ Немезидѣ* и *оды Гиндара*, которую Киршеръ и Бюретъ переложили на наши ноты.—*Собранис русск. народн. пѣсни съ ихъ голосами, положенными на музыку П. Прачемъ. О. П. Б. въ типогр. Горн. Училища.* 1790. Предислов. стр. III.

2) «Не бура соколовъ занесла чрезъ поля широкія: слетаются галки стадами къ Дону великому... Не сороки стрекочутъ, ъздить по слѣдамъ Ікофеевъ Гзакъ и Кончакъ...»

новѣйшихъ пѣсень простонародныхъ¹⁾, эти сравненія встрѣчаются въ нихъ безпрерывно. Они встрѣчаются и во многихъ пѣсняхъ греческихъ.

Далѣе: французскій издатель замѣтилъ, что греческія пѣсни, кроме другихъ особыхъ свойствъ, отличаются еще слѣдующими: родомъ лирическихъ приступовъ, наприм., въ пѣснѣ *Гифтакъ* и многихъ не переведенныхъ; что приступы сіи, какъ образцы освященные, употребляются и для другихъ пѣсень, съ небольшимъ измѣненіемъ, смотря по содержанію. Такъ, напримѣръ, пташка, которая въ переведенной пѣснѣ, *Сонъ Дима*, сидѣть надъ Димовой головою и говорить языками человѣческими, употреблена также въ пѣснѣ *Сонъ Зидра*. Три птицы, которые вмѣстѣ садятся, смотрятъ въ разныя стороны, горюютъ и между собою разговариваютъ, составляютъ приступъ нѣсколькихъ пѣсень греческихъ.

Сколько русскихъ пѣсень начинаются симъ родомъ лирическихъ приступовъ!²⁾ Сколько разъ они употреблены въ другихъ пѣсняхъ съ небольшимъ измѣненіемъ!³⁾ Но что не менѣе заслуживаетъ вниманія, что еще болѣе подкрѣпляетъ заключенія, какія изъ того слѣдуютъ: пѣсни славянъ-чеховъ, старинные, XII и XIII вѣка, отличаются сими же свойствами, имѣютъ такіе же лирическіе приступы⁴⁾; пѣсни сербовъ—тоже⁵⁾.

Греки, замѣтилъ французскій издатель, въ пѣсняхъ заставляютъ

1) Не соколь леталъ по поднебесью,
Что ходиль, гуляль добрый молодецъ...

2) Ахъ, талантъ ли, мой талантъ такой,
Или участъ моя горькая?
Ты, звѣзда моя злосчастная!
Высоко звѣзда всходила,
Выше свѣтла млада мѣсяца.

Во Азовѣ, славномъ городѣ,
Какъ была тутъ темная темница, и проч.
Или:

Вылетала голубина на долину, и проч.

3) Два вышеупомянутыхъ приступа находятся при другихъ пѣсняхъ; это можно видѣть въ каждомъ пѣсенникѣ.

4) *Пѣсня Роза*:

Ахъ ты, роза, красна роза,
Къ чему рано расцвѣла,
Расцвѣтиши померзла,
Померзши увяла,
Увядши опала?

Вчера я сидѣла, долго сидѣла и проч.

Также пѣсня *Сиротинка*. Извѣстия Россійск. Акад. книжка 8. Собрание чешскихъ народныхъ пѣснопѣй, перев. А. III.

5) Изданія Вукомъ Стефановичемъ.

говорить предметы неодушевленные, но болѣе всего — птицы. Нужно ли приводить доказательства, что ни одинъ изъ народовъ, которыхъ словесность намъ извѣстна, не употреблялъ съ такою любовью птицъ въ пѣсняхъ своихъ, какъ русскіе, и вообще, должно думать—доказательство пѣсни чеховъ и сербовъ¹⁾—племена славянскія. Соловьи, гуси, утки, ласточки, кукушки составляютъ дѣйствующія лица нашихъ пѣсенъ, любимѣйшая сравненія древнѣйшихъ произведеній поэзіи, начиная съ Слова о полку Игоревѣ. Есть пѣсни, напримѣръ: *Протекало теплое море*, или *За моремъ синица не птично жила*, въ которыхъ, съ необыкновенною веселостью ума русскаго, перебраны почти всѣ птицы домашнія и окружающія жилища человѣческія. Въ пѣсняхъ чешскихъ то же свойство: птицы разговариваются, птицы составляютъ предметы пѣсень.

Сія примѣръ чудеснаго, сіи вообще особенные свойства, по словамъ французскаго издавальщика, даютъ греческимъ простонароднымъ пѣснямъ *что-то восточное*. Читатель видѣтъ, что это чудесное, что эти особенные свойства пѣсень суть: частыя введенія въ нихъ птицъ, разговоры ихъ между собою или съ людьми, и сравненія отрицательныя. Теперь да судить самъ, къ чему должно относить свойства си, чому должно приписывать особенный духъ простонародной поэзіи грековъ, европѣцамъ чуждый, но родной русскому, знакомый славянину. Откуда же это знакомство? Какъ сей духъ русскій, или все равно славянскій, зашелъ къ народу греческому? Предлагающимъ эти вопросы надобно прежде вспомнить слѣдующія обстоятельства: Албанія, Этолія, Акарнанія и горы Аграфскія были искони главнѣйшими обитателями арматоловъ, непокорныхъ туркамъ, или клефтовъ. *Гифтакъ*, *Буковалъ* и многіе воспѣтыя кlefты, въ сихъ областяхъ подвизались, и конечно, между ихъ жителями, свидѣтелями ихъ славы, нашли пѣвцовъ своихъ подвиговъ. Помня это, пусть любопытные, для объясненія своихъ вопросовъ, потрудятся взглянуть на карту нынѣшней Греціи, и особенно вышесказанныхъ областей, Албаніи, Этоліи, Акарнаніи и Аграида: увидѣть, что тамъ озера называются *озерами*; что города, горы, рѣки, деревни носятъ вотъ какія имена; города: *Скаланова*, *Клиново*, *Войница*, *Вистница*, *Ледорики*, *Ливно*, *Острово*.—Горы: *Баба*, *Клокова*.—Рѣки: *Бѣлая*, *Десница*, *Добра-вода*.—Деревни: *Славна*, *Слави*, *Грабли*, *Курка*, *Лавка*, *Ново-село*, *Косовица*, *Каменица*, *Борки*, *Бутки*, *Добро-поле*, *Бабино-поле*, и пр., и пр., и пр. Видя это, можно, кажется, подозрѣвать, что народъ, покрывшій своими названіями области грековъ, долженъ быть

1) Извѣстія Россійск. Акад. книжка 8; и изд. В. Стефановичемъ.

ижесть на ихъ духъ, на ихъ нравы сильное вліяніе; что народъ сей, безъ сомнѣнія, былъ изъ племени славянскаго, и что такимъ образомъ не одинъ, можетъ быть, стѣпной рапсодъ, воспѣвшій подвиги клефтовъ, былъ славянинъ, впечатлѣвшій и духъ и всусъ собственныій въ свои пѣсни греческія. Подозрѣнія эти могутъ обратиться и въ заключенія для тѣхъ, которые пожелаютъ читать историковъ византійскихъ и путешественниковъ по Греціи, начиная современными. Изъ первыхъ увѣдаютъ, что племена славянъ, подъ разными наименованіями хорватовъ, сербовъ, гунновъ, болгаръ, скіевъ, еще съ 6-го вѣка стали слишкомъ знакомы грекамъ; что они опустошали нашествіемъ ежегодными¹⁾ Иллірію, Фракію, собственно Эладу, Херсонесъ, и все, отъ залива Іонійскаго моря до подгородныхъ земель Византіи, области греческія; и что, наоборотъ, въ 746 году, они было покорили власти своей весь Пелопоннесъ²⁾. Отъ путешественниковъ узнаютъ, что часть племенъ сихъ, тамъ оставшихся, укоренившихся и обитающихъ въ срединѣ Греціи, до сихъ поръ сохранили много собственнаго въ нравахъ и въ самой наружности; что жены болгаръ пелагонскихъ до сихъ поръ отличаются волосами русыми и глазами голубыми³⁾; что Николай Чудотворецъ предпочитается болгарами всѣмъ св. угодникамъ⁴⁾, и что они до сихъ поръ говорятъ языкомъ славянскимъ⁵⁾.

Сообразивъ такія обстоятельства, кажется, должно будеть изъяснить особенность вкуса и духа нынѣшней простонародной поэзіи грековъ не однимъ вліяніемъ Востока.

Знаю, что иностранецъ, незнакомый съ словесностью русской, не можетъ и подозрѣвать сходства между пѣснями русскими и новогреческими; онъ, конечно, долженъ предполагать, что особенности послѣднихъ откуда-нибудь заимствованы. Но предположеніе, что они заимствованы изъ словесности восточной: арабской, персидской, или, что все равно, турецкой, едва-ли не будетъ гадательное. И поэтъ Востока, еслибы спросили его, вы ли сообщали нынѣшнимъ грекамъ особенные свойства, ихъ простонародную поэзію отличающія?—едва ли не будетъ отвѣтъ, какъ Брамину въ баснѣ Крылова отвѣчаль бѣсенокъ:

1) Procop. Caesar. Histor. Arcan. С. 18, p. 316. Edit. Venet.

2) Constant. Porphirog. de Them. p. 25. Edit. Paris.

3) Rouquen. Voyage dans la Grèce. Tom. II, p. 191.

4) Хотя вѣроятно, что болгары не славянскаго происхожденія, но они еще въ половинѣ 7-го вѣка смыкались съ славянами и составили одинъ народъ. Штрит. Изѣѣст. Визант. Истор. Часть IV, стр. 6.

5) Rouquen. Tom. II, p. 373. Тамъ же Пукевиль говорить, что для объясненій съ болгарами онъ принужденъ былъ прибегнуть къ нѣсколькимъ словамъ славянскимъ, въ Рагузѣ и въ выученными.

Я, право, вижу въ первый разъ,
Какъ яйца пекутъ на свѣчкѣ.

Еслибъ *сравненія отрицательныя* были общенароднымъ свойствомъ поэзіи восточной, какъ нѣкоторые думаютъ, стоило бы раскрыть стихотвореніе Сади, или пѣсни Гафиса, знаменитѣйшихъ поэтовъ Персіи, чтобъ эти сравненія встрѣтить въ такомъ же изобилии, какъ въ пѣсняхъ русскихъ, которыхъ онѣ, такъ сказать, печать составляютъ. Но переводъ нѣмецкой Гафиса ¹⁾, признаваемый прекраснымъ, переводъ Сади, латинскій ²⁾, въ которомъ съ знатоками персидскаго языка свѣрять я нѣсколько сравненій, думая, не потеряна ли форма оныхъ въ переводѣ, не представили мнѣ сравненій отрицательныхъ.

Предположимъ, однако, что эти сравненія, можетъ быть, находятся у народовъ восточныхъ въ такихъ же пѣсняхъ простонародныхъ; но и съ этимъ предположеніемъ *сила обстоятельствъ* не разрушитъ ли заключенія тѣхъ, которые не хотятъ, чтобъ вліяніе на простонародную поэзію нынѣшнихъ грековъ было славянское? — Вліяніе между народами, до сихъ поръ раздѣляемыми вѣрою, языками, нравами и ненавистью непримиримо, вліяніе поэзіи восточной на простонародную греческую, т. е. на пѣсни клефтическія, сочиняемыя именно въ областяхъ, наполненныхъ славянами, — съ котораго времени могло начаться? Конечно, со времени завоеванія турками Греціи, т. е. 370 лѣтъ назадъ. А славяне, которые въ 6-мъ еще вѣкѣ, передъ императоромъ Византіи, хвалились любовью ихъ къ музикѣ, которыхъ, какъ описываютъ историки византійскіе, греки, въ одномъ дальнемъ странствіи, нашли съ киеарами или гуслями ³⁾, племена, изъ коихъ многія давно водворились въ земляхъ и на предѣлахъ Греціи, съ жителями ея сблизились вѣрою и связями семейными, — племена эти могли ли сообщать духъ своихъ пѣснопѣній простонародной поэзіи грековъ, и съ котораго времени? Съ 7-го вѣка, 1200 лѣтъ назадъ!

Впрочемъ, если мнѣ представить образцы поэзіи восточной, которыхъ сходство съ пѣснями клефтическими грековъ; не однии сравненіями, но множествомъ свойствъ, также будетъ разительно, какъ сходство ихъ съ пѣснями русскими, я докажу, что мои заключенія внушало мнѣ не тщеславіе народное, но любовь къ истинѣ, — перемѣнѣю ихъ.

¹⁾ Der Diwan von Moh. Hafis. Uebersetz von Joseph Hammer. 1812.

²⁾ Rosarium Politicum Sadi. Amstelaed. 1651.

³⁾ Исторія Государ. Россійскаго Н. М. Карамзина. Т. I, стр. 26.

ПѢСНИ КЛЕФТИЧЕСКІЯ.

I.

О Л И М П Ъ.

Это одна изъ древнѣйшихъ и лучшая изъ клефтическихъ пѣсень, въ Собраниі г. Форіеля напечатанныхъ. Въ сочиненіи и подробностахъ ея видно болѣе, нежели въ другихъ, дикой смѣлости соображенія и тѣхъ дерзкихъ порывовъ генія, той сильной простоты, которые составляютъ свойство сихъ произведений. Форіель предполагаетъ, что она сочинена въ Фессалії, но извѣстна въ целой Греціи. Французскій издатель изъ троихъ разныхъ копій составлять текстъ; но въ его изданіи опущены стихъ 2-й и 9-й, которые по совѣту отца Экономоса, я внесъ, какъ принадлежащіе сей пѣсни и дающіе ей болѣе ясности. 2-й изъ піихъ: «*И первый за сабли, за ружья другой*»—означаетъ споръ за сражающихся саблями и ружьями.—*Киссавъ*—иниціальное название горы Пелюна.—*Коньяры*, племя магометанъ, самое презрѣнное у грековъ.—*Ксеромеръ* и *Луру*—арматолики въ Акарнаніи.

Заспорили горы Олимпъ и Киссавъ,
И первый за сабли, за ружья другой.
Олимпъ обернулся къ Киссаву, шумить:
Молчи, пресмыкайся во прахъ, Киссавъ,
Не разъ оскверненный Коньяра ногой!
Я славенъ въ подлунной, Олимпъ я сѣдой!
Высокъ я, на мнѣ сорокъ двѣ головы;
Я шуменъ, струю шестьдесятъ два ключа;
Гдѣ ключъ лишь—тутъ знамя, гдѣ дерево—клѣфть.
Сидить у меня на вершинѣ орель,
Въ когтяхъ у орла—голова храбреца.
Клюетъ онъ ее и разспрашиваетъ:
„Что сдѣлала ты, удалая глава?
За что, какъ у грѣшника, срублена съ плечъ?“
—Сѣдай мою молодость, итица-орель,
Сѣдай мою храбрость; твои подростутъ
И крылья на локоть, и когти на пядь!
Въ Ксеромерѣ, въ Луру я былъ арматоль
И клѣфть на Олимпѣ двѣнадцать годовъ;

Сто агъ истребилъ я, сто сель ихъ сожегъ;
 А Турокъ, Албанцевъ, положенныхыхъ мной...
 Ихъ множество, птица, и счета имъ нѣть.
 Но жребій пришелъ мой—легъ въ битвѣ и я!

II.

СОНЪ ДИМА.

Димъ или Димось, сокращенное имя Димитрія. Димъ, капитанъ клефтовъ, погибъ жертвой своей гордости и отваги.—Албанцы подстерегли его и засѣли убить; но онъ не хотѣлъ послушаться совета друзей, не хотѣлъ переодѣтъся, чтобы не быть узнаннымъ, и убѣтъ неожиданно. Содержаніе пѣсни есть разсказъ сна, которымъ поражаютъ Димъ, какъ предчувствіемъ несчастія. Въ сочиненіи есть что-то поэтическое и необыкновенно оригинальное: птицы и многія свойства пѣсни сильно напоминаютъ пѣсни русскія.

Не разъ и не два я говоривалъ Диму:
 Попизъ свою шапку, доспѣхъ свой приброй;
 Албанцы примѣтятъ, Албанцы убьютъ,
 Узнавъ по сребру и по гордому виду.—

Кукуютъ кукушки кругомъ по горѣ,
 Кричатъ куропатки, сидя подъ горою;
 А малая пташка, слетѣвша съ небесъ,
 Щебечетъ, надъ Димовою сѣвъ головою.
 Не птицей, не ласточкой пташка поетъ,
 Поетъ, говорить языккомъ· человѣчимъ:
 „Что блѣденъ, что смутенъ сегодня ты, Димъ?“
 —Ты хочешь то вѣдать, скажу тебѣ, пташка!
 Пришелъ отдохнуть я, немного соснуть;
 Заснуль лишь, и вдругъ въ первосонъ я вижу:
 Потусклое небо, кровавыя звѣзды,
 Кровава булатная сабля моя!

III и IV.

БУКОВАЛЛЬ И ИВАНЪ СТАФА.

Буковалль,—одинъ изъ славѣйшихъ капитановъ клефтовъ; онъ былъ изъ Акарнанії, сражался съ Турками въ горахъ Аграфскихъ и прославился своею побѣдою надъ Вели, дѣдомъ извѣстнаго Али-Паши.—*Керассово и Кс-нуріо*—деревни, между которыми сражается Буковалль. Первые три стиха сей пѣсни сдѣлались общими въ поэзіи клефтической, тѣль образцомъ приступовъ

для однородныхъ пѣсенъ, о которыхъ говорено во Введенії.—Пукевиль также напечаталъ сю пѣсни въ своемъ «Путешествіи въ Грецію» (т. 3, стр. 16), но со списка, какъ видно, дурного, искаженную, лишенну всякаго смысла, и удивляется, отчего она такъ славна въ Греции, любима Шипетарами, и производить, какъ говорятъ самъ, магическое дѣйствіе надъ Албанцами-христіанами.— Пѣсня *Іванъ Стаса* запоминальна, сколько по родству героя съ Буковалломъ, столько и по содержанию: другой о морскихъ клефтахъ въ собраніи не находится.

БУКОВАЛЛЪ.

Что за шумъ, что за громъ раздается кругомъ?
Не быковъ ли то бьють, не звѣрей ли травять?
Нѣть, то бьють не быковъ, не звѣрей то травять:
То сражается съ Турками клефтъ Буковаллъ,
И сражается онъ противъ тысячи ихъ;
Отъ Керассово дымъ до Кенурю легъ.
Бѣлокурая дѣва кричитъ изъ окна:
„Перестань, Буковаллъ, воевать и стрѣлять,
Пусть уляжется пыль, пусть поднимется дымъ,
Сосчитаемъ, узнаемъ, сколькихъ у насть нѣть.“
Сосчиталися Турки, ихъ нѣть пяти сотъ;
Сосчиталися клефты, троихъ не дочились.
Стлучились съ побоища два храбреца:
За водку одинъ, за ѿдо другой;
А третій, храбрѣйшій, стоить подъ ружьемъ.

С Т А Т А.

Черный корабль у Кассандры бреговъ разъѣзжалъ,
Черные парусы, флагъ голубой развѣвалъ.
Встрѣчу корвета подъ флагомъ багровымъ летить:
„Сдайся! спусти паруса!“ налетая, кричитъ.
„Я не сдаюсь, не спускаю моихъ парусовъ!
Къ вамъ не жена, не невѣста пришла на поклонъ:
Зять Буковалла предъ вами, Иванъ я Стаса.
Бросить канаты, товарищи, нось напередъ!
Бейте невѣрныхъ! пролейте турецкую кровь!—
Турки павстрѣчу, и сшибся съ корветой корабль.
Первый Стаса устремляется, съ саблей въ рукахъ.
Кровь черезъ палубу хлещеть, багровѣть зыбы;
„Алла!“ невѣрные взвыли и храбрымъ сдались.

V.

ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ КЛЕФТА.

Надобно предполагать, что два kleфта, врагами или какимъ-либо слу-
чаємъ, принуждены были удалиться изъ родины; а область другая—для Грека
чужбина, земля печальная, которой онъ никогда не именуетъ, не прибавляя
зимитета *греческая, пустынная, злитея*, выражавшаго вмѣстѣ и сожалѣніе обо
всемъ сладостномъ, что должно въ ней терять, и предчувствіе всего ужаснаго,
чего должно ожидать въ ней. Оба, пробираясь, надобно думать, на родину,
приходить къ возвышенню; внизу бѣжитъ рѣка, которую переплыть должно. И
вдругъ одинъ изъ нихъ,—какимъ слукаемъ, поэтъ оставилъ въ неизвѣстности,—
пораженъ смертю внезапно. «Конецъ пѣсни», замѣчаетъ издатель французскій,
«отличается наивностью (*naiveté*), пемного странно, но она совершенно во
вкусѣ народа греческаго».—Кому изъ русскихъ конецъ сей не напомнить по-
слѣднихъ стиховъ лучшей между старинными нашими пѣснями:

Ужъ какъ паль туманъ на сине море
Ты скажи моїй молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ совсатала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

Бросайся, пускайся, на берегъ противный плыви,
Могучія руки раскинь ты на волны, какъ весла,
Грудь сдѣлай кормиломъ, а гибкое тѣло—членомъ.
И если даруетъ Господь и Пречистая Дѣва
И выплыть, и видѣть и станъ нашъ, и сборное място,
Гдѣ, помнишь, недавно томбрійскую козу пекли;
И если товарищи спросятъ тебя про меня,
Не сказывай, другъ, что погибъ я, что умеръ я, бѣдный!
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ;
Что стала несчастному черна земля мнѣ женой.
И тещею—камень, а братьями—остры кремни!

VI.

ГРОБЪ КЛЕФТА.

Одна изъ славнѣйшихъ въ своемъ родѣ пѣсенъ. Ее поютъ во всей Греціи,
съ измѣненіями, которыя доказываютъ народность ея. Она замѣчательна и по-
тому, что изображаетъ старого kleфта—рѣдкій примѣръ въ ихъ исторіи,—
умирающаго дома посреди семейства и своей дружины, смертю естественною.

Поразительна невинность воображения и сила духа, дышущія въ послѣднихъ словахъ старого клефта, который несетъ въ гробъ жажду еще воссвѣть съ Турками и надежду еще дышать воздухомъ весеннимъ.—Эти черты гения дики, но возвышенны: источникъ ихъ—чувствъ безсмертія.

Садилюся солнце, а Димъ свой завѣтъ говорилъ:
 „Подите вы, дѣти, на ужинъ пора за водой;
 А ты, мой племянникъ, садися, Лампракисъ, ко мнѣ.
 Тебѣ моя сбруя, одѣнься и будь капитанъ;
 А вы, мои храбрые, саблю мою сироту
 Возьмите и мнѣ на постель нарубите зеленыхъ вѣтвей.
 Другіе подите, сыщите священника мнѣ.
 Въ грѣхахъ я покаюсь, я много ихъ на душу бралъ:
 Арматоломъ тридцать, а клефтомъ я двадцать былъ лѣтъ;
 Но смерть наступаетъ, я мирно хочу умереть.
 Постройте мнѣ гробъ, но чтобъ былъ онъ широкъ и высокъ,
 Чтобъ, стоя мнѣ прямо, сражаться и въ Туровъ стрѣлять.
 На правую сторону сдѣлайте въ гробѣ окно,
 Чтобъ ласточки мнѣ прилетали весну возвѣщать,
 Чтобъ красный мнѣ май воспѣвали пѣвцы-соловыи“.

VII.

УМИРАЮЩІЙ ІОТЪ.

Іотъ—сокращенное имя Панагиота. Первые четыре стиха сей пѣсни оборотами, распространеніями и формою сравненія очень близки къ свойствамъ пѣсень русскихъ. Она полна чувства, вдохновенія и весьма оригинальна. Послѣдніе три стиха, по мнѣнию Фореля, должны быть началомъ той пѣсни старинной, какую умирающій клефтъ поетъ, или хочетъ пѣть, какъ напоминающую для него все, что онъ наиболѣе любилъ въ жизни, которую теряетъ.

Проснулся я рано, поднялся я раньше разсвѣта,
 Водой умывался, водою отъ сна освѣжался,
 И слышу, и сосны и дубы шумятъ по дубравѣ,
 А клефты въ пещерѣ надѣй ихъ предводителемъ плачутъ.
 „Проснися, Іотъ! отъ тяжелаго сна подымися:
 Враги сослѣдили, враги въ насъ готовятся грянуть!“
 — Но что мнѣ сказать вамъ, несчастные, храбрые други?
 Горька во мнѣ пѣла, и рана моя неисцѣльна;
 Съ одра подымите, на камень меня посадите,
 И дайте вина мнѣ; хочу, умирая, напиться!
 Хочу я пропѣть заувынную старую пѣсню:

Зачѣмъ я теперь не стою на горѣ на высокой?
 Зачѣмъ я теперь не сижу подъ дубравою темной,
 Гдѣ овцы и агнцы по пажитямъ тучные бродятъ?

VIII.

ПЛІАСКА.

Пліаска—имя не греческое; kleftъ сей долженъ быть Албанецъ или Волхъ. Раненый, онъ видно не хотѣлъ болѣе вступать въ дружины храбрыхъ и потерялъ жизнь, какъ бы въ наказаніе. Мысль объ Олимпѣ достойна лучшихъ поэтовъ древней Греціи. Собственныя имена людей и областей суть имена знаменитыхъ капитановъ kleftскихъ и ихъ арматоликовъ.—*Турнось* или *Турново* есть въ Греціи округъ, городъ и деревня.

Слегъ нашъ Пліаска, лежить при печальному потокѣ,
 Бѣдный, по поясъ въ водѣ и воды еще жаждеть.
 Съ птицею, съ ласточкой онъ разговоры заводить:
 „Есть ли мнѣ, птица, лекарство? Мнѣ чѣмъ излечить мою рану?“
 — Хочешь лекарства ты? хочешь ты вылечить рану?
 Встань, и взойди на Олимпъ, на прекрасную гору;
 Храбрые тамъ не больны, и больные тамъ храбры.
 Тамъ у безчисленныхъ kleftовъ четыре начальства;
 Тамъ они дѣлятъ сребро, раздаютъ капитанства.
 Нику Потамія, Хресту достался Алассонъ,
 Толій на нынѣшній годъ капитанъ въ Катеринѣ,
 Младший Лазопулъ по жребію взялъ Платомону.—
 Всталъ и Пліаска несчастный, побрелъ злополучный;
 Въ Турновъ пошелъ: разгуляюсь по Турнову, думаль;
 Слѣдомъ Албанецъ, и голову снесъ ему саблей.

IX.

АНДРИКО.

Андріко, знаменитѣйшій изъ капитановъ арматольскихъ, оставилъ по себѣ болѣе всѣхъ славы, и славы прекрасной. Трудно найти Грека, который бы не зналъ имени Андріко, который бы не произносилъ его съ удивленіемъ и уваженіемъ. Андріко сражался за свободу Греціи, когда еще Греція не чувствовала своего могущества. Въ первыхъ годахъ молодости, характеромъ гордымъ и независимымъ сдѣлавшись подозритель к правительству турецкому, онъ принужденъ былъ жить въ горахъ kleftомъ. Въ 1770 году, когда Морея пыталась возвстать противу Порты, онъ съ своими паликарами явился въ архи-

rossiйско-греческой. Но отытії Русскихъ, Андрико въ сраженіи противу Туровъ, съ тремя стами храбрыхъ, а особенно въ безпрерывномъ отступлении своемъ къ Патрасу, преслѣдываемый или окружаемый лучшимъ войскомъ турецкимъ, оказалъ подвиги, наполнившіе славою его цѣлую Грецію, и былъ общімъ голосомъ Грековъ названъ первымъ изъ храбрыхъ. Съ 1786 года война вновь началась между Россіею и Портой, и Андрико вновь старался возбудить Мореянъ къ восстанию. Послѣ этого сдѣлавшись еще болѣе ненавистенъ Туркамъ и не могши покойно оставаться въ Греціи, онъ рѣшился былоѣхать въ Петербургъ, чтобы предложить себя правительству въ службу военную. Но Венецианъ, въ то время повторствовавшіе Портѣ, схватили его и отослали въ Константинополь. Дивить, можетъ быть, уважая храбрость Андрика, можетъ быть, надѣясь обратить къ исламизму, не казнилъ его, а заключилъ въ темницу. Говорятъ, что султанъ предлагалъ ему свободу и почетную шубу съ условиемъ, чтобы онъ сдѣлся мусульманомъ. Андрико отвѣчалъ, что онъ умретъ христіаниномъ, и остался въ темницѣ; въ темницѣ и умеръ около 1880 года.

Сколько онъ былъ славенъ силомъ духа, столько былъ знаменитъ и удивителенъ силою тѣла, высотою и красотою роста, грознымъ величиемъ лица и взора. Ничыи усы не имѣли такого вида и знаменитости, какъ его. Въ слушающихъ, когда они могли безпокоить, онъ туго ихъ свивалъ, и усы съ усомъ связывалъ сзади головы. Наружность столь дикая, столь грозная, скрывала душу нѣжную, спокойную, способную на всѣ дѣла великия. Тѣ, которые не знаютъ подвиговъ Андрика, уважаютъ его, безъ сомнѣнія, узнавъ, что онъ отецъ Одиссея—героя, которому новая Греція вѣтила храненіе Термополъ. Вотъ почему перевелъ я пѣсни о немъ, слабую, въ сравненіи съ другими, но по предмету достойную вниманія. Мать сокрушаются объ отсутствіи сына, когда онъ, можетъ быть, съ Русскими подвизался въ Морѣ.—*Аспръ* и Аспро-Потамось,—древняя рѣка Ахелой; *Карпеница*—область.

Андрика мать горюетъ, Андрика мать рыдаетъ,
На горы часто смотрить, и всѣ ихъ про克линаетъ:

„О горы Аграиды! О дикіе утесы!
Что сдѣлали вы съ сыномъ, съ Андрикомъ-капитаномъ?
Гдѣ онъ? и отчего все лѣто не являлся?
Не чуть о немъ на Аспрѣ, не чуть и въ Карпеницѣ.
Будь прокляты Геронты, и ты, Георгій Черный!
Услиали вы мнѣ сына, храбрѣшаго изъ храбрыхъ.
О рѣки, упадите! къ истокамъ побѣгите!
И вѣрный путь Андрику откройте въ Карпеницу!“

X.

КАЛЪЯКУДЪ.

Кальякудъ былъ протопаликаръ (адъютантъ) Андрика. Избѣгая преслѣдований, жертвою которыхъ начальникъ его погибъ въ земляхъ, находившихся подъ покровительствомъ Венецианъ, онъ бросился въ горы Этоліи, гдѣ мужественно воевалъ съ Турками и Албанцами. Пѣсня сія трогательна, оригинальна

и живописна: печаль жены Кальякудовой, сравненія, ее обращеніе къ кораблямъ,—очень въ духѣ русскомъ. Въ 3-мъ стихѣ употреблено выраженіе оригинальное: жена Кальякуда названа тѣю Лохакахъ, это родъ прозвания жены по имени мужа; оно употребляется и у насъ между народомъ; жену Николы, Лукьянна, Ивана, называютъ: Николаиха, Лукъянника, Иваниха; но имя Луки, какъ и иѣкоторыя другія, своимъ измѣненіемъ можетъ означить только отчество, Лукична, но не прозваніе. Послѣдніе стихи пѣсни—легко начертанная, но живая картина горной жизни клефтовъ.

Зачѣмъ я не птица! Взлетѣлъ бы, ввился бы высоко!
 Взглянулъ бы на Франковъ, на островъ Итаку печальный;
 Послушалъ бы я, какъ младая жена Кальякуда
 Тоскуетъ, горюетъ и черными плачетъ слезами,
 Какъ утица перья, она свои кудри терзаетъ;
 Какъ крылья у ворона, платья все черныя носитъ.
 Сидѣть подъ оконшкомъ и смотрѣть на синее море,
 И всѣ корабли и морскія суда вопрошаютъ:
 „Суда, корабли, золочены лады, бригантины!
 Въ печальный ли Вальтось, изъ Вальтоса-ль, быстрыя, ичтесь, —
 Подайте мнѣ вѣсть о супругѣ моемъ Кальякудѣ!“
 — „Вчера Кальякуда мы видѣли близъ Гавролими:
 Сидѣлъ капитанъ передъ яркимъ огнемъ и съ дружиной;
 Пеклись для него на рожнахъ молодые бараны,
 А рожны тѣ ворочали пять полоненій имъ беевъ“.

XI.

ГИФТАКЪ.

Гифтакъ, изъ Акарнаніи, потомокъ Буковалла, которого родъ Али-Паша преслѣдовалъ до послѣдняго человѣка, исти за позоръ дѣда своего, Буковалъ ломъ побѣжденного. — Юсуфъ-Арапъ, — полководецъ Али-Паши, прозвывавшагося Тебелиномъ. Первые два стиха составляютъ также приступъ, не принадлежащий собственно сей пѣснѣ, но многимъ.

Водъ жаждутъ долины, снѣговъ островерхія горы,
 И ястребы пташекъ, а Турки головъ христіанскихъ.
 „Что съ матерью сталося, съ Гифтаковой матерью бѣдной?
 Двухъ милыхъ сыновъ, да и третьего въ братѣ лишилась,
 И умъ потеряла; безумная бродить и плачетъ.
 Но гдѣ? не видать ни въ горахъ, ни въ поляхъ злополучной?“
 Она, говорили, брела ко овчарнямъ Волоховъ.
 А то порою стрѣльба тамъ изъ ружей гремѣла;
 И то не на праздникѣ, то не на свадьбѣ стрѣляли:

Свинцомъ тамъ Гифтакъ и въ колѣно, и въ руку простиранъ,
 Какъ древо разбитъ, какъ младой кипарисъ повалился—
 И голосомъ зычнымъ вскричалъ молодецъ, озираясь:
 „Гдѣ, милый ты братъ мой? любезнѣйшій другъ, воротися!
 Учи ты меня, иль учи мою голову съ поля,
 Чтобъ Черный Юсуфъ, чтобъ Албанцы ее не отсѣкли
 Отнести во Янину, янинскому ису Тебелину“.

ХII.

С КИЛЛОДИМЪ.

Суровые люди, klefty, отличаются добродѣтельми, достойными душъ образованныхъ. Поведеніе ихъ въ отношеніи къ женщинамъ заслуживаетъ вниманія. Имъ часто случается приводить въ плѣнь дочерей или женъ турецкихъ, даже греческихъ, и держать ихъ нѣсколько дней въ своей власти, среди горъ и лѣсовъ дремучихъ, пока не получать выкупа. Но на капитана, на его паликара никогда не позволять себѣ нанести малѣйшее оскорблѣніе плѣнницѣ. Капитанъ, который осмѣлитсѧ оскорбить ее, будетъ немедленно оставленъ паликарами; разсказываютъ, что одинъ былъ за это умерщвленъ ими, какъ чловѣкъ навсегда себя обезчестившій и недостойный повелѣвать храбрыми. Сія благородная черта нравовъ и чувствованій kleftovъ видна въ пѣснѣ Скиллодимъ. Гордость, съ какою женщина отказываетъ въ легкой услугѣ начальнику дружины, будучи у него въ плѣну, среди лѣса и горъ, выражаетъ, кажется, очень краснорѣчиво, до какой степени она былаувѣрена въ уваженіи сего начальника и его подчиненныхъ. Такихъ людей Сципіонъ не удивилъ бы, что онъ не оскорбилъ своей плѣнницы.

Кромѣ сей черты нравственной и картины необыкновенно живописной, какою открывается пѣсня, она не менѣе замѣчательна по роду драматического искусства, съ какимъ происшествіе, составляющее предметъ, раскрывается въ ней не просто, не быстро, какъ въ другихъ пѣсняхъ, но связанное и какъ бы прерываемое небольшими приключеніями, которыя увеличиваютъ любопытство.

Братъ Скиллодима, Спироcъ, въ 1806 году, попалъ, неизвѣстно какимъ случаемъ, въ руки Али-Паши, который бросиль его въ ужасную янинскую темницу. Скоро, послѣ чудеснаго избавленія, Спироcъ вошелъ въ милость Али-Паши и былъ протопаликаромъ у Одиссея, когда его Али-Паша назначилъ управляющимъ Ливадіею.

Подъ зелеными елями ужинать сѣль Скиллодимъ,
 И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
 „Наливай, мнѣ, красавица, пить наливай до утра,
 До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной;
 Поутру я тебя отпущу съ паликарами въ домъ“.
 — „Не рабыня я, Димъ, чтобы вино для тебя наливать:
 Я невѣстка Проesta, я дочь городского архонта!“
 На зарѣ, на разсвѣтѣ два лѣсомъ прохожихъ идутъ,

Съ бородами отросшими, съ черными лицами оба;
 Къ Скиллодиму подходять, привѣтствуютъ оба его:
 — „Скиллодиму день добрый!“—Добро вамъ пожаловать! Кто вы?
 Да и какъ вамъ прохожимъ извѣстно, что я Скиллодимъ? —
 „Принесли мы поклонъ Скиллодиму отъ Спироса брата“.—
 — Отъ любезнаго брата? но гдѣ вы видали его? —
 „Мы видали его во Янинѣ, въ глубокой темницѣ;
 По рукамъ и ногамъ онъ заклепанъ желѣзомъ сидѣлъ“.
 Зарыдалъ Скиллодимъ, и съ тоски побѣжалъ отъ прохожихъ.
 „Воротись, Скиллодимъ! Ты отъ брата бѣжишь, капитанъ.
 Не узналь ли ты брата? Скорѣе обнять себя дай мнѣ!“
 И узналися братья и крѣпко они обнялись,
 Цѣловались сладко, въ уста цѣловались и въ очи.
 Взговорилъ Скиллодимъ и любезному брату сказалъ:
 — Но садись, братъ милый, садись и скорѣе повѣдай,
 И когда ты, и какъ отъ Албанскихъ избавился руки?—
 „Въ одну ночь, отъ цѣпей свободивши и руки и ноги,
 Я рѣшетку сломалъ, я скакнуль изъ окошка на топъ,
 Я сыскаль тамъ членокъ, черезъ озеро птицей проплылъ,
 И вотъ третія ночь, какъ взошелъ я на вольныя горы“.

ТАНКРЕДЪ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВОЛЬТЕРА.

ДѢЙСТВІЮЩІЯ ЛИЦА:

Аржиръ,
Танкредъ,
Ораббасанъ,
Лореданъ,
Катанъ,
Альдамонъ, воинъ.
Аменаида, дочь Аржира.
Фани, наперсница Аменанды.
Многіе рыцари, присутствующіе въ совѣтѣ, щитопосцы, воины и народъ.
Дѣйствие въ замѣ совѣта въ Алжировомъ домѣ, потомъ на плошади.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Собраніе рыцарей, которые сидѣть полукружіемъ.

Аржиръ.

Вожди и рыцари, Сициліи сыны,
Герои мстители отеческой страны!
Вы, престарѣлые мои почтивши лѣта,
Собрались у меня для важнаго совѣта,
Какъ намъ несущихъ брань тирановъ отразить,
И славу и покой отчизнѣ возвратить. —

Давно сей стонетъ градъ отъ вашихъ распры несчастныхъ.
Безплодно мужество, гдѣ нѣть сердецъ согласныхъ,
Пора—соединясь, на мусульманъ возстать.
О други! намъ пора отъ гибели спасать
Стяженыхъ кровью благъ остатокъ драгоцѣнныій,
Для благородныхъ душъ всѣхъ болѣе священный,
Свободу:—вотъ о чёмъ пещись мы всѣ должны.—
Два сильные врага сей бѣдственной страны,
Бичи народныхъ правъ, враги святой свободы,
Византскіе цари, сракинскіе народы
Презрѣнныімъ рабствомъ намъ досель еще грозятъ.
Сіи властители вселенную дѣлять,
И спорять лишь о томъ, какой тиранъ межъ ними
Насъ вправѣ отягчить оковами своими. —
Уже Мессину Грекъ тиранствомъ угѣслилъ,
Надменный Соламиръ давно поработилъ
И Этной пламенной вѣнчанная равнина,
И древній Агригентъ и Энскія долины.
Все предвѣщало намъ паденіе Сиракузъ,
Отечеству позоръ и бремя рабскихъ узъ!
Но алчные враги взаимно взревновали,
Возставши насъ терзать, другъ на друга возстали,
Ведя о жертвѣ споръ, лишились сами силъ.
Къ свободѣ вѣрный путь самъ Богъ для насъ открылъ!
Вотъ мигъ тотъ счастливый и жданный многи лѣта:
Уже старѣется величье Магомета:
Европу менѣе страшить уже сей врагъ:
Во Франціи Мартель, въ Испаніи Пелагъ,
И церкви Римской вождь Леонъ, поборникъ вѣры,
Какъ гордаго смирять намъ подали примѣры.—
Я знаю, городъ нашъ раздорами смущенъ,
И прежней вольности и прежнихъ силъ лишенъ.
Не буду вспоминать дней горестныхъ предъ вами,
Когда противъ себя мы возставали сами,
Когда отчизна кровь дѣтей своихъ лила;—
Забвенью предадимъ позорныя дѣла!
Мы душу, Ораббасантъ, единую составимъ,
Къ единой цѣли мы всѣ помыслы направимъ,
Чтобъ славу возвратить отеческимъ странамъ;
И, не терпѣвшіе досель равныхъ намъ,
Умремъ, не потерпѣвъ властителя надъ нами!

Ораббассанъ.

Ты справедливъ, Аржиръ; межъ нашими домами
Несчастная вражда давно поселена;
Страдала отъ нея родимая страна.
Давно желаютъ зрѣть печальны Сиракузы,
Чтобы мой родъ съ твоимъ связали дружбы узы.
Аржиръ, теперь должны другъ другу мы помочь:
Супругой я беру твою любезну дочь;
Отечеству, тебѣ полезнымъ быть горжуся,
И самъ, отъ алтаря, гдѣ въ томъ вамъ поклянуся,
Иду за васъ мечемъ я Соламиру мстить.—

Но должно не его единаго сразить;
И на другихъ враговъ намъ время обратиться;
Другихъ тирановъ мы должны еще страшиться,
Къ которымъ подла чернь поднесъ хранить любовь.
И по какимъ правамъ отъ Сенскихъ береговъ,
Вездѣ скитаяся, надменные Французы
Вселились на брегахъ цвѣтушихъ Аретузы?
И по какимъ правамъ, странъ чуждыихъ гражданинъ,
Кусси надменный къ намъ пришелъ, какъ властелинъ,
И Сиракузъ въ стѣнахъ свободно водворился?
Сначала кротокъ быль, и службой намъ гордился;
Но вдругъ онъ напыщенъ, какъ повелитель, сталъ.
Наслѣдства родъ его несмѣтныя стяжалъ,
И нагло властиву прельщеніемъ здѣсь народомъ,
Дерзнуль возвыситься надъ Ораббассана родомъ.
Зато наказанъ онъ: мы всѣхъ его дѣтей
Узрѣли изгнанныхъ изъ здѣшнихъ областей.—
Танкредъ, отъ племени враждебнаго рожденный,
Еще въ младенчествѣ изъ стѣнъ сихъ удаленный,
Служилъ въ Византій подъ знаменемъ Царей.
Онъ гордъ, и вѣрно храбръ, и вѣрно всей душей
Не терпитъ нашихъ правъ, законы презираеть,
И чтобы намъ отмстить—лишь время избираеть.
Француза каждого пріязнь для нась страшна!
Три ратника простыхъ въ недавни времена,
Скитальцы бѣдные, сыны снѣговъ нормандскихъ,
Поставили ихъ власть въ поляхъ Апуліанскихъ,
Безъ всякихъ правъ, кромѣ единахъ правъ войны:
Свергать властителей и расхищать страны.
Аравлянинъ и Грекъ, Германцы и Французы,

Всѣ пожираютъ нась, стекаясь въ Сиракузы;
 И наши, тучностью несчастныя поля,
 И зависть хищную и алчность воспали,
 Манять грабителей и съ сѣвера и съ юга,
 Всѣмъ должно намъ возстать и истигть имъ другъ за друга.
 Измѣну сколько разъ мы зрѣли въ градѣ семъ.
 Возставимъ свой законъ и строго соблюдемъ;
 Лишаетъ чести онъ и смертью караетъ
 Того, кто со врагомъ въ связь тайную вступаетъ,
 На гибель странъ родныхъ съ нимъ явно устремленъ
 Пощадою всегда измѣнникъ ободренъ.
 Не должно снискодить ни къ возрасту, ни къ роду.
 Господство утвердить и сохранить свободу
 Венеція могла лишь строгостью своей.
 Въ благоразуміи послѣднемъ мы ей,
 Враговъ отечества безъ жалости карая.

Лорѣданъ.

Такъ, истинно позоръ для Сицилійска края,
 Что Соламиръ, сей Мавръ, магометанинъ сей
 Находитъ для себя въ Сициліи друзей!
 Что въ бранной сей землѣ, въ странѣ сей христіанской,
 Что между нась самихъ властитель мусульманской
 Развратныхъ гражданъ могъ дарами закупить!
 То при дворахъ царей стараясь намъ вредить,
 То въ градѣ нашъ съ хитрыми условіями вступая,
 Тамъ браню грозя, здѣсь миръ намъ предлагая,
 Вселялъ межъ нась раздоръ, старался обольщать
 И души роскошью восточной развращать.
 Взгляните, какъ межъ нась отъ сладкой сей отравы
 Растились честные, отеческіе нравы!
 И сколько нынѣ здѣсь обольщено гражданъ
 Науками, трудомъ лишь праздныхъ Аравлянт;
 Онъ имъ преданныхъ навѣкъ порабощаютъ;
 Прямые рыцари науки презираютъ.
 Намъ нужно знать одно—науку побѣждать;
 Другихъ наукъ, друзья, я не желало знать.
 На мужество свое, на ваше уповаю.
 И такъ, какъ Орбассанъ—я строгость одобряю,
 Блюстительницу правъ свободныхъ областей.
 Гиппонию единъ поработилъ злодѣй.

Онъ между нами былъ, онъ можетъ вновь явиться.
 Пусть карь ужаснѣйшихъ измѣна здѣсь страшится;
 Для блага общаго всю жалость истребимъ;
 Сразимся съ Маврами, Танкреда отчуждимъ.
 Противной крови намъ потомокъ сей послѣдній,
 Свободы нашей врагъ, и врагъ всѣхъ болѣ вредный.
 Совѣтъ нашъ праведно и мудро положилъ,
 Чтобы Орбассанъ въ его наслѣдіе вступилъ:
 Да истребится сонмъ злодѣевъ сокровенныхъ,
 Къ Танкреда имени доселѣ прильпленныхъ.
 Его имущество да будетъ въ родѣ твоимъ,
 О храбрый Орбассанъ!

Катањ.

Мы всѣ то утверждимъ. —

Танкредъ могуществомъ въ Царьградѣ пусть блестаетъ;
 Пусть подвиги его дворъ вражеский вѣнчаетъ.
 Танкредъ, свою главу склонивши предъ царемъ,
 Всего себя лишилъ въ отечествѣ своемъ,
 И отчуждился самъ отъ нашихъ правъ священныхъ.
 Да будетъ изгнанъ онъ; рабъ Кесарей надменныхъ
 Въ республикѣ ничѣмъ не долженъ обладать.—
 Но Орбассанъ—всегда стремился охранять
 Свободу нашихъ правъ; такъ можно-ль меньшей издою
 Признательной странѣ воздать сему герою?

Аржиръ.

Люблю я дочь мою, и Орбассанъ—мой зять;
 Но собственность для нихъ у сироты отнять?
 Вы вняли, рыцари, что я не соглашаюсь.—

Лореданъ.

Сенатъ поносишь?

Аржиръ.

Нѣтъ, жестокостью гнушаюсь.

Когда-жъ покорствовать закону должно мнѣ,
 Когда въ томъ выгода отеческой странѣ,
 Для ней сердечное роптанье заглушаю.

Орбассанъ.

Награды слабой сей искать я не желаю;
Пусть общество возьметъ Танкредовъ весь удѣль.

Аржиръ.

Оставимъ рѣчъ сю для больше важныхъ дѣлъ.
Такъ, завтра бракъ сверша, приблизимъ день счастливый,
Въ который общий нашъ смирится врагъ кичливый.
И побѣдителя познаетъ Соламиръ.
Сей врагъ, соперникъ твой, намъ предлагая миръ,
Съ мою дочерью дерзаль соизволъ льститься.
И мниль, что долженъ я родствомъ его гордиться.
Иди, и торжествуй надъ наглымъ симъ врагомъ.—
Друзья, да будетъ нашъ готовъ весь ратный сонъ!
Но я, лишенный силъ преклонными годами,
Повелѣвать въ бою не смѣю болѣ вами.
Да будетъ Орбассанъ вамъ вождь въ пути побѣдъ,
Я-жъ, старецъ, колъ смогу идти за вами вслѣдъ,
И въ томъ поставлю честь; я буду близъ героеvъ,
И духомъ обновлюсь среди кровавыхъ боевъ;
И прежде, чѣмъ глаза навѣки затворю,
Въ побѣдѣ надъ врагомъ еще я васъ узрю.

Лореданъ.

Ты будешь намъ вождемъ, и мы надеждой льстимся,
Что съ боя въ сей же день со славой возвратимся.
Сражаясь при тебѣ, иль лавры мы пожнемъ,
Или, въ глазахъ твоихъ, всѣ мертвыми падемъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Аржиръ и Орбассанъ.

Аржиръ.

Могу ли, Орбассанъ, обнять тебя, какъ сына?
Раздора нашего забыта ли причина?
Могу ли, какъ отецъ, себя надеждой льстить,
Что ты подпора мнѣ?

Аржиръ.

Но, призванная мной, она идетъ предъ насть.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ, Орбассанъ и Аменаида.

Аржиръ.

Ко благу сей страны гражданъ всеобщій гласъ,
Отецъ и Богъ—тебѣ назначили супруга.
Сей рыцарь, въ комъ теперь я обрѣтаю друга,
Соглася твоего меня порукой зритъ. —
Ты знаешь, сколько здѣсь онъ саномъ знаменитъ:
Сильнѣйшій гражданинъ, къ побѣдамъ вождь избранный,
Танкреда весь удѣль ему закономъ данный...

Аменаида (съ сторону).

Танкреда!

Аржиръ.

Но не сей, ничтожной мнѣ, цѣной,
Возьмется союзъ, свершаемый тобой.

Орбассанъ.

Союзъ сей лестенъ мнѣ и будеть лестенъ болѣ,
Коль сердце дочери отца покорно волѣ.
Да возмогу и я сей выборъ заслужить,
И счастья всѣхъ троихъ надежду совершить.

Аменаида.

Всегда твоя душа, родитель, раздѣляла
Всѣ горести мои и счастья мнѣ желала.
Героя выборъ твой супругомъ мнѣ даетъ;
И скорбный вашъ раздоръ, пылавшій столько лѣтъ,
Когда отъ вѣа навѣкъ забвенью предается,
То дружбы вашей дочь залогомъ остается.
Союза важнаго всю цѣну вижу я.—
Но Орбассанъ проститъ, когда душа моя,
Разима съ юности судью раздраженной

И возмущенная внезапной перемѣной,
Въ объятіяхъ отца спокоится на мигъ.

О рабассанъ.

И сдѣлать то должна; почтенныхъ чувствъ такихъ
Дочерней нѣжности я воспретить не смѣю;
Тѣхъ правъ, что надъ тобой съ сего я дня имѣю,
Во зло не обращу. Теперь, спѣшу на бой;
Мнѣ должно заслужить почтенный бракъ съ тобой;
Ласкаюсь, что въ сей день свершу надежду вашу,
И брачные вѣнцы я лаврами украшу.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ и Аменаида.

Аржиръ.

Но ты смущаешься, безмолвствуешь, стена,
И слезы на очахъ скрываешь отъ меня?
Упреки ясно мнѣ сей вздохъ предзнаменуетъ:
Языкъ преслушенъ намъ, коль сердце негодуетъ.

Аменаида.

Родитель! Признаюсь—я думать не могла,
Чтобъ, столько претерпѣвъ отъ Орабассана зла,
Ты нѣкогда престалъ плакать къ нему враждою;
Чтобъ я, соединя васъ трепетной рукою,
Супругомъ называла злодѣя твоего?
Забуду-ль ужасы раздора я того,
Какъ мятежомъ гражданъ, враговъ твоихъ къ отрадѣ,
Ты крова быль лишенъ въ отечественномъ градѣ?
Какъ мать, гонимая въ родныхъ своихъ стѣнахъ,
Искала жалости на чужыхъ берегахъ?
Какъ отъ груди отца оторванная съ нею,
Въ столицѣ Кесарей, съ опорой слабой сею
Дѣлила я печаль, сносила иго бѣдъ
И злополучіе познала съ юныхъ лѣтъ! —
Но я у матери, въ странѣ чужой и дальней
Училася терпѣть изгнанныхъ рокъ печальный;

Сносить училася въ несчастій моемъ
 И гордаго двора презорливый пріемъ,
 И жалость хладныхъ душъ, тягчайшую презрѣнья!—
 И въ мрачной долѣ сей, въ уничижѣ терпѣнья
 Примѣромъ матери образовалась я.
 Но вдругъ лишась всего съ потерю ея,
 Я въ мірѣ съ ужасомъ одну себя узрѣла,
 Какъ трость пустынная защиты не имѣла!—
 Но рокъ смягчился къ намъ: несчастливый сей градъ
 Стажанье, честь, права отдалъ тебѣ назадъ;
 Судьбу оружія вручилъ твоей онъ длани,
 И пали предъ тобой враги въ кровавой брані.
 Въ объятія отца я вновь возвращена,
 И новая гроза надъ мною собрана!
 Ты брака моего свѣтильникъ возжигаешь;
 Я знаю выгоды, которыхъ ожидаешь;
 Но жертвою враговъ была до сихъ я дней;
 А нынѣ зрю себя—я жертвою твоей!
 И день, который вы для брака мнѣ избрали,
 Быть можетъ, будетъ намъ днемъ бѣдствій и печали.

Аржиръ.

Онъ будетъ счастливымъ, отцу повѣрь ты въ томъ;
 Блаженства твоего не буду я врагомъ.
 Любезную мнѣ дочь вручаю я герою,
 Который Мавру, намъ грозящему войною,
 Въ сей самый день за нась мстить бранію готовъ;
 Опъ былъ противникъ мой, теперь онъ нашъ покровъ.

Аменаида.

Покровъ! Возносишь ты заслуги Орбассана;
 Но блескъ меня не льстить высокаго толь сана;
 И я желала бы, чтобы вождь толикихъ силь
 Для выгодъ собственныхъ невинныхъ не тѣсnilъ.

Аржиръ.

Такъ, весь Сенатъ, храня отъ рабства градъ сей вольный,
 Въ Танкредѣ наказалъ родъ чуждый и крамольный.
 Онъ долго власть свою намъ обращая въ вредъ,
 Здѣсь пріобрѣлъ враговъ.

Аиенайда.

Но и досель Танкредъ,
Коль вѣрить мнѣ молвѣ, въ сѣмь градъ уважаемъ.

Аржиръ.

И мы въ немъ доблести героя почитаемъ.
Уже Иллірю, гласятъ, онъ покорилъ;
Но чѣмъ усерднѣе онъ кесарямъ служилъ,
Отъ родины своей тѣмъ болѣ отчуждался,
И навсегда отсель законами изгнался.

Аиенайда.

Танкредъ!

Аржиръ.

Опасень намъ крамольника возвратъ;
Въ Царьградѣ ты могла примѣтить многократъ
Къ намъ ненависть его.

Аиенайда.

Нѣть—Мавра побѣдитель,
И слабыхъ Сиракузъ былъ вѣрно-бѣ онъ спаситель —
Воть мать моя всегда какъ думала о немъ.
Когда-жъ, свирѣпствуя, враги во градѣ сѣмъ,
За Орбассановъ родъ всѣ на тебя возстали,
Расхитили твой домъ, родныхъ твоихъ изгнали,—
Танкредъ презрѣль бы смерть, чтобы защитить тебя:
Воть какъ судила я.

Аржиръ.

О дочь, приди въ себя:
Къ совѣтамъ нѣжнаго родителя склонися,
Съ мѣстами, съ временемъ теперь сообразися:
Танкредъ, и Соламиръ, и византійскій дворъ
Здѣсь ненавистный всѣмъ; друзья ихъ—намъ позоръ.
Путь къ счастію тебѣ въ покорности остался. —
Я весь мой долгій вѣкъ за родину сражался;
Неблагодарно ей, какъ вѣрный сынъ служилъ;
Несправедливую всегда ее любилъ;
Такъ буду поступать до самой я могилы.
Послѣдуй мнѣ, утѣши старца дни унылы.

Жизнь треволненнью готовъ я окончать:
Твою обязана ты долгу покорять;
И съ миромъ очи я, скоя во гробъ, закрою,
Коль счастіе твое предъ смертію устро.

Аменаида.

Заботясь менѣе объ участіи моей.
Не сожалѣю я, оставивъ дворъ царей:
Родитель, все въ иосимъ ты сердцѣ замѣняешь;
Но иль поспѣшино такъ почто располагаешь?
На Орбассанову ты дружбу положась,
Считаешь прочною и власть его и связь;
Но все премѣнчиво. Увы! Сему герою,
Быть можетъ, рано ты далъ право надо мню.

Аржиръ.

Какъ, что ты говоришь?

Аменаида.

Прости, колъ рѣчью сей,
Быть можетъ, нанесла я скорбь душѣ твоей,—
Я знаю, что напѣ поль, въ сей области свободы,
Закономъ осужденъ скрывать и гласъ природы;
Но, сердца предъ тобой не въ силахъ чувствъ скрыть,
Прости, когда дерзну родителя спросить:
Зачѣмъ, какъ сей союзъ предположить рѣшился,
Ты сердца дочери несчастной не спросился?
Ахъ! Что перемѣнить любовь твою могло?

Аржиръ.

Ты, ты одна, ее употребя во зло.
Доселъ я внималъ, скрывая гнѣвъ правдивый,
Но больше не внимлю я дочери строптивой.
Не можно твоего союза мнѣ прервать:
Я слово далъ; ему безчестно измѣнять.—
Несчастнымъ я рожденъ, сама ты мнѣ вѣщала:
Всегда судьба мои надежды разрушала;
Весь скорбный вѣкъ мой былъ, какъ море въ бурный часъ.
Порадуй, о мой Богъ, меня ты въ первый разъ!

Да дочь, сверша сей бракъ, въ немъ счастіе познаетъ,
И радостный, чѣмъ я, путь жизни протекаетъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Аменаида.

Ганкредъ, о другъ души! Какъ мнѣ толь слабой быть?
Для твоего врага любовь твою забыть?
Быть низкою, какъ онъ, и клятвамъ измѣня,
Съ нимъ, хищникомъ, твое наслѣдство раздѣля,
Чтобъ я теперь могла...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Аменаида и Фани,

Аменаида.

О, Фани, поспѣши!
Познай, о вѣрный другъ, всю грусть моей души:—
Отцомъ я названа супругой Ораббассану!

Фани.

Какъ! Сердцу твоему наносять нову рану?
Но тщетно льстился имъ кичливый мусульманъ,
И тщетно, внявъ отцу, сей рыцарь Ораббассанъ
Надъ избраннымъ тобой дерзаетъ возвышаться;
Твоя душа вѣрна.

Аменаида.

Ахъ! можно-ль сомнѣваться?
Танкредъ лишенъ всего, гонимъ здѣсь отъ враговъ;
Но быть въ гоненіи—героя рокъ таковъ;
А мой—его любить всѣхъ болѣе на свѣтѣ!
О, Фани, въ сихъ стѣнахъ жалѣютъ о Танкредѣ!
Народомъ онъ любимъ...

Фани.

Гонимый съ юныхъ дней,
Въ своемъ отечествѣ забыть онъ отъ друзей;
Объ участіи его немногіе жалѣютъ.

Вельможи здѣсь одну корысть въ виду имѣютъ;
Народъ, сей страстью чувствъ еще не заглушилъ,
И болѣ жалостливъ!..

Аиенайдъ.

И болѣ справедливъ.

Фани.

Но здѣсь онъ угнетенъ; и сонмъ друзей сокрытой
Изгнанника сего не смѣеть быть защитой.
Жестокъ и всемогущъ верховный здѣсь совѣтъ.

Аиенайдъ.

Онъ всемогущъ, когда отсутствуетъ Танкредъ.

Фани.

О! Если бы онъ могъ во градѣ сѣмь явиться,
Тогда могла-бѣ твоя надежда совершиться.
Но тщетно все, увы, отъ насы онъ удаленъ;
Надежда...

Аиенайдъ.

Въ Богѣ вся! Меня услышить Онъ!
Вѣряюся тебѣ: Танкредъ ужъ недалеко;
И какъ толпа враговъ, свершая ковъ жестокій,
Его на вѣчное изгнаніе обрекла;
И какъ тирановъ власть предѣлы превзошла,
Вотъ время—и Танкредъ къ ихъ трепету явится.
Уже въ Мессинѣ онъ.

Фани.

О, небо! и свершится
Сей недостойный бракъ въ Танкредовыхъ глазахъ?

Аиенайдъ.

Нѣть—не свершится онъ... Нѣть, Фани, тщетенъ страхъ!
И, можетъ быть, мои гонители со мною
Владыку одного признаютъ надъ собою.

Познай, открою все—но твердость намъ нужна:
 Постыдно иго мнѣ—и свергнуть я должна.
 Гоненіемъ робкая душа моя крѣпнется.
 Безчестно измѣнить и подло покориться.
 Такъ, для меня одной здѣсь явится Танкредъ,
 И льщусь, того меня достойною найдетъ.—
 Кто? Я, отцомъ жестоко угнетенна,
 Какъ слабая раба тирану обречenna,
 Чтобъ я могла, какъ долгъ, измѣну совершить?..
 Нѣть, нѣть! Меня ничто не можетъ устрашить!
 Любовь и въ робкій полъ безстрашіе вселяетъ.
 Пускай моя любовь Танкреда возвращаетъ;
 И если зрю бѣды въ намѣреніяхъ моихъ,
 Онъ пріятны мнѣ, любовь рождаетъ ихъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Аменаида и Фани.

А менайд а.

Что дѣлаю? Въ душѣ невольное волненіе!
 Не угрызенія-ль?.. Родить ихъ преступленіе,
 Но пебо вѣдаетъ, какъ чуждо мнѣ оно.—
 Такъ успокоимся.... (ко входящей Фани) Все-ль, Фани, свершено?

Фани.

Невольникъ отошелъ съ письмомъ, тобой врученнымъ.

А менайд а.

Важнѣйшимъ таинствомъ, въ семь сердцѣ заключеннымъ,
 Теперь владѣть онъ; не сомнѣваюсь въ немъ,
 Всегда онъ вѣренъ мнѣ въ служеніи своемъ;
 Имъ убѣжденный Мавръ письмо къ герою
 Въ Мессину принесетъ съ заутренней зарею.

Фани.

Страшусь—и тѣмъ однимъ я разсѣваю страхъ,
 Что имя рыцаря, о коемъ въ сихъ стѣнахъ

Молва единая тирановъ ужасала,
Что иша ты сие въ письме не начертала;
И что его одинъ узнаетъ лишь Танкредъ.
Но все слушаюсь я, чтобъ небо новыхъ бѣдъ...

Аленайды.

Сию небомъ дни мои отъ юности упранятся;
Танкредъ къ наль ишь ведомъ, и мнѣль теперь смущаться?

Фани.

Въ другихъ предѣлахъ вѣсть да съединитъ оно;
Здѣсь все противъ него враждой возбуждено.
Друзья его молчать, и бѣль онъ защитится?

Аленайды.

Свою славою!—Лишь долженъ здѣсь явиться,
Владыкы будеть онъ; онъ всѣхъ пѣнить собой:
Смягчаетъ всѣ сердца страдающій герой.

Фани.

Опасень врагъ его.

Аленайды.

Разсѣй боязнь мечтаний
И не смущай моихъ ты твердыхъ ожиданий;
Ты не забудь, что мать, въ послѣдній жизніи часъ,
На смертномъ ужъ одрѣ благословила насъ;
Что мой съ тѣхъ поръ Танкредъ, что нѣть на свѣтѣ власти,
Могущей истребить взаимность нашей страсти!
Ахъ, въ нѣдрахъ славы съ нимъ, Византіи въ стѣнахъ
Тужили часто мы о скорбныхъ сихъ странахъ;
Съ ними часто жадный взоръ къ полюмъ сию обращали,
Къ полюмъ, гдѣ обрѣсти блаженство мы мечтали.
И думала ли я, чтобъ здѣсь враждебный рокъ
Танкредова врага супругомъ дать мнѣ могъ!
И чтобы сей врагъ принесъ, какъ даръ, мнѣ на терзаніе,
Имъ похищенное Танкредово стажаніе!..
Нѣть—пусть увѣдаетъ онъ о злодѣствахъ сихъ;
Пусть вспомнить о себѣ, о бѣствіяхъ моихъ,

И защитить права, нарушенны безбожно.—
 Чтобы за Танкреда мстить, я дѣлаю что должно;
 Коль можно-бъ—сдѣала и болѣе сего!..
 Люблю, страшусь отца и старость чту его.
 Но я воздвигла-бъ здѣсь стенящіе народы
 На Орбассана, насть лишившаго свободы.
 Онъ славныхъ рыцарей почтенный санъ срамить:
 Корыстенъ, гордъ, жестокъ, и онъ о чести мнитъ!
 И вольности гражданъ покровомъ быть мечтаеть!
 Онъ стыдъ готовить мнѣ, а мой отецъ свершаетъ.
 И я должна терпѣть? И я должна молчать?
 Бракъ съ ненавистнымъ мнѣ должна я въ честь вмѣнять?..
 Ахъ! Въ вольномъ градѣ семъ тиранство такъ гонимо;
 Но всѣхъ несноснѣе и больше всѣхъ терпимо—
 Хотящее сердцамъ законы подавать
 И силою своей ихъ чувства измѣнять.
 Но жребій мой рѣшенъ.

Фани.

Но ты предъ симъ страшилась.

Аменаида.

Я болѣ не страшусь.

Фани.

Молва распространилась,
 Что страшный изреченъ Танкреду приговоръ;
 Онъ смертью всѣмъ грозить, кто-бъ смѣль съ нимъ въ заговоръ...

Аменаида.

Я слышала о немъ и ужасомъ смущилась;
 Но вѣрная любовь, скажи, когда страшилась?
 О Фани! Мной любимъ безтрепетный герой;
 Безтрепетна и я.

Фани.

Ужель и надъ тобой
 Жестокій сей законъ возможеть совершиться?
 Одной лишь черни въ страхъ онъ, вѣрно, возвѣстится.

Аменаида.

Танкреда онъ гнететь, и ненавистенъ онъ!
 О сколь сихъ рыцарей достоинъ сей законъ!
 Ахъ, нѣтъ! Не такъ себя ихъ предки прославляли;
 Не такъ они страны и души покоряли;
 Италия, признавъ господство воевъ сихъ
 И ихъ меча страшась, любила кротость ихъ;
 Завистная вражда ихъ душъ не помрачала
 И честь—сихъ витязей сердца соединяла.
 Они вселяли страхъ въ однихъ своихъ враговъ;
 Народъ любилъ ихъ власть и лиль на битвахъ кровь
 Для славы рыцарей и собственной свободы.
 Стримилися тогда Византскіе народы,
 И Мавра грознаго не трепеталъ сей градъ.
 А нынѣ что въ немъ зро? Бездѣльный лишь сенатъ;
 Подозѣвающій, враждою раздѣленный,
 Страшашій самъ себя и гражданамъ презрѣнны.
 Чрезмѣрно, можетъ быть, мой духъ воспламененъ;
 Предупрежденіемъ, быть можетъ, ослѣпленъ;
 Но все, что не Танкредъ, я все то ненавижу;
 Я въ мірѣ ничего кромѣ его не вижу;
 Танкредъ одинъ вездѣ, всегда въ моихъ очахъ,
 И каждый врагъ его—Аменаидѣ врагъ!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Аменаида, Фани, вблизи Аржиръ и рыцари въ му-
биннъ театра.

Аржи ръ.

Ударъ сей перенесть, друзья, мнѣ дайте силу...
 Не мнѣль я низойти съ безчестіемъ въ могилу!
 (Къ дочери, со вздохами, прерываемыми гнѣвомъ):
 Бѣги, несчастная, не возмущай собой...
 Бѣги!..

Аменаида.

Что слышу я? И ты, родитель мой...

Н. И. Гнѣдичъ. Т. II.

Аржиръ.

И имя ты сіе произносить дерзаешь,
Когда отечству и чести измѣняешь?

Аиенаида (*сдѣлавъ шагъ, чтобы идти, склоняется на Фани*).

Погибла я!

Аржиръ.

Постой, и зри токъ слезъ моихъ.
Ахъ! Что ты сдѣлала?

Аиенаида (*рыдала*).

Несчастіе обоихъ.

Аржиръ.

Иль слезы о твоемъ злодѣйствѣ проливаешь?

Аиенаида.

Злодѣйства я чужда.

Аржиръ.

Письмо ты отвергаешь?

Аиенаида.

Нѣть.

Аржиръ.

Такъ, черты сіи преступницу винять,
Изобличаютъ все и сердце мнѣ разять!
Итакъ—все истинно! Ты отвѣтать не смѣешь?
Скажи, ахъ, нѣть! Молчи, когда отца жалѣешь.
Почто до бѣдствій сихъ велѣль дожить инѣ Богъ,
Велѣль мнѣ зреТЬ... Ахъ! Что ты сдѣлала?..

Аиенаида.

Ты совершилъ ли твой?

Мой долгъ...

Аржиръ.

Ахъ, рода поношенье!
 Или себѣ ты въ честь вмѣняешь преступленье?
 Бѣги, оставь меня, убитаго тоской;
 Закроются глаза мнѣ чуждою рукой.

*Аменаида (почти лишенная чувствъ и поддерживаемая,
 отъ Фани уходитъ).*

Нѣть болѣ силь!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ и рыцари.

Аржиръ.

Друзья, въ семъ страшномъ положеньѣ,
 Какъ дочь обличена въ безчестномъ преступленьѣ,
 Простите старцу вы его прискорбный стонъ:
 Внемля отечеству, природѣ внемлетъ онъ.
 Вы не потребуйте, чтобы отецъ стенящій
 Въ вашъ грозный приговоръ вмѣшаль свой гласъ дрожащій.
 Увы! Не можетъ быть новинной дочь моя;
 Но вдругъ произнести мой срамъ и смерть ея?..
 Нѣть, нѣть, не требуйте, чтобы отецъ несчастный
 Превыше силь своихъ исполнилъ долгъ ужасный.

Лореданъ.

Почтеннаго отца мы горести дѣлимъ
 И тяжкихъ язвъ его въ душѣ не растравимъ.—
 Но самъ, Аржиръ, ты зрѣль несчастной начертанью;
 Зрѣль въ немъ преступное измѣнницы желанье.
 Гонецъ захваченъ съ нимъ близъ стана самого,
 И дерзкій Соламиръ могъ видѣть казнь его.
 Ихъ злые замыслы открыты слишкомъ были
 И явной гибелю отечеству грозили.—
 Его опасность, долгъ, народа общій гласъ
 Не суетныхъ угрозъ днесъ требуютъ отъ насть.
 Отцовской жалости законы не внимаютъ;
 Предъ ними все молчатъ.

Аржиръ.

Чеге они желаютъ,
Я знаю, знаю я, чего ей должно ждать;
Но ахъ! Она мнѣ дочь—вотъ мой несчастный зять!
Я скорбю убить... Вамъ жребій мой ввѣряю,
И прежде дочери лишь умереть желаю!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Рыцари.

Катанъ.

Уже повелѣно ей съ стражей здѣсь предстать.
Такъ, безъ сомнѣнія, прискорбно намъ взирать
На юность, красоту, на дѣву толь почтенну,
Съ надеждой двухъ домовъ въ могилу заключенну.—
Но на безстрастный судъ, друзья, мы призваны.
За поруганіе мы вѣры истить должны;
Отечество равно отмѣнья ожидаетъ:
Измѣнница въ нашъ градъ злодѣя призываешьъ!
Видали въ Греціи и женъ мы и гражданъ,
Что, славы отложася и вѣры христіанъ,
Передавалися невѣрнымъ мусульманамъ,
Симъ алчныи хищникамъ, презрѣнныи симъ тиранамъ;
Но чтобы дочь отца, почтеннаго всѣмъ намъ,
Для клятвъ супружескихъ вступала въ Божій храмъ,
Свершила заговоръ толь гнусный и презрѣнныи!..
Неслыханныи нашъ градъ злодѣйствомъ посрамленный,
Къ примѣру вѣчному желаетъ казнь узрѣть.

Лореданъ.

Стоня произнесу: ей должно умереть.
Чѣмъ родъ ея славнѣй, важнѣй тѣмъ злодѣянье.
Извѣстно Мавра намъ надменное мечтанье.
Любовь къ измѣнницѣ и даръ его—плѣнать,
Вселять развратъ въ сердца и взоры ослѣплять.
Къ нему относится въ письмѣ ея воззванье:
„Приди и дарствуй здѣсь“. Преступное желанье

Намъ возвѣщаетъ ихъ открытый заговоръ;
О прочемъ умолчу (къ *Орбассану*), скрывая твой позоръ,
И общій стыдъ.—И кто, всему въ безчестье граду,
Здѣсь кто изъ рыцарей, по древнему обряду,
Отважится мечомъ измѣну защищать
И, презря чести долгъ, злодѣйство оправдать?

Катањ.

Обиду, Орбассанъ, мы всѣ дѣлии съ тобою,
И въ ратномъ полѣ мы ее омоемъ кровью.
Измѣной прерванъ бракъ; забудь преступный взоръ:
Не медля казнь ея отмстить за твой позоръ.

Орбассанъ.

Ужасна казнь ея... Вѣрна, иль невѣрна,
Я быль ея женихъ... И грусть моя безмѣрна.
Но стражей вижу я—и вотъ сама она!
Темницъ ведома въ мракъ, цѣнами отятчена...
Позорище сіе инѣй стыдъ и оскорбленье!
Друзья! оставьте съ ней меня.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Рыцари вблизи; Аменаида вдалѣ, окруженнная стражею.

Аменаида.

О Прovidѣнье!
Не оставляй иеня ты въ часъ сей роковой.
Предметъ любви моей ты знаешь, Боже мой!
Виновна-ли я въ чемъ мое ты сердце знаешь.

Катањ.

Преступницу сю еще ты зрѣть желаешь?

Орбассанъ.

Хочу.

Катаинъ.

Пойдемъ, друзья; но, говоря ты съ ней,
Законы помни, честь и святость алтарей;
Они поруганы и мести ожидаютъ.

Орбассанъ.

Все знаю; долгъ и честь мнѣ то напоминаютъ.

(*Къ стражамъ*).

Вы удалитесь!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Аменаида и Орбассанъ.

Аменаида.

Что смѣешь ты начать?
Иль хочешь ты меня при смерти упрекать?

Орбассанъ.

Не постыжу себя жестокостью такою.
Супругой избрана была самимъ ты мною,
И, можетъ быть, любовь внушала выборъ сей.
Не знаю, помнить ли душа моя объ ней,
Или уже скорбить, что власть ея познала;
Но я не потерплю, чтобы честь моя страдала;
Я думать не хочу, что презрѣнъ Орбассанъ
Для нечестиваго владыки мусульманъ,
Для вѣчнаго врага священной нашей вѣры.
Злодѣйства равнаго неслыханны приѣмы!
Для чести сей страны, для собственной моей,
Я вѣрить не хочу ужасной вѣсти сей.—
Со дня сего тебѣ супругомъ нареченный,
Твоимъ безславіемъ самъ лично оскорбленный,
Честь защитить твою за долгъ считаю мой.
Законы рыцарей опредѣляютъ бой,
Въ которомъ мошь руки судъ Божій ¹⁾ совершаеть;

1) Сіи битвы называли судомъ Божімъ.

Въ немъ мечь рѣшить, и онъ нѣвинность возвращаѣтъ.
На бой сей я готовъ.

Аиенайда.

Ты?

Орабассанъ.

Я одинъ, и лѣщусъ,

Что послѣ подвига, къ которому стремлюсь,
Который честію предъ всѣми оправдится,
Принадлежавшее мнѣ сердце вновь потщится
Меня достойнымъ быть. Входить не стану я,
Была ли юная предъ симъ душа твоя
Коварнаго врага соблазнена прельщенемъ,
Иль, ослѣпленная минутнымъ заблужденiemъ,
Противилася ты вступить во бракъ со мной.
Надъ благородною, чувствительной душой
Благотвореніе власть сильную имѣть;
Надъ добродѣтелью—одинъ упрекъ успѣть.
Не сомнѣваюся о чести я твоей;
Но мало мнѣ сего: отъ гордости—ль моей,
Или то отъ любви,—кочу, по праву власти,
Увѣриться въ твоей нелицемѣрной страсти.
Клятвъ строгихъ требуютъ законы въ сихъ странахъ;
Я требую одной, не той, какую страхъ,
Иль принужденіе у слабыхъ истортгаютъ,
Что чувствамъ вопреки во храмахъ расточаютъ:
Ты прямо говори моей душѣ прямой.
Скажи, и мечь въ рукѣ, и я готовъ на бой,
Готовъ на смерть—но съ тѣмъ, что я любимъ тобою.

Аиенайда.

Въ пучину бѣдствія низверглась я судьбою,
И къ ужасу едва приведена въ себя,—
Сей подвигъ доблестный, нежданный отъ тебя.
Ударомъ душу мнѣ послѣднимъ поражаетъ,
И въ ждавшую меня могилу повергаетъ!
О рыцарь!—я должна тебя благодарить;
И въ часъ, когда во гробъ готова я ступить,

Въ послѣдній жизни часть—тебя я почитаю.
Познай меня теперь: я сердце открываю.
Ни чести, ни странѣ не измѣняла я,
Ни самому тебѣ; я не была твоя.
Ты можешь упрекать душѣ моей смятенной
Неблагодарностью, но никогда измѣной.—
Я не могу тебя любить... Нѣтъ, сей цѣной
Защиты не куплю: я отвергаю бой.
Я знаю, что у вась законы безпощадны,
Что казнь готовятъ мнѣ тираны кровожадны;
Суровой гордостью я не могу блестать,
Чтобы безъ ужаса смерть грозную встрѣчать.
Нѣтъ, жизнь любезна мнѣ... Въ семъ бѣдствіи ужасномъ
Я плачу о себѣ и объ отцѣ несчастномъ.
Но и въ несчастіи, въ ужасной долѣ сей
Не обману тебя: не жди любви моей.—
Теперь кажуся я виновна предъ тобою;
Но знай, что я была-бѣ преступница душою,
Когда бы до того забыла долгъ и честь,
Чтобъ сердце въ даръ тебѣ рѣшилася принести.
Ни женихомъ, прости, колѣ рѣчью оскорбляю,
Ни рыцаремъ моимъ тебя не избираю.
Вотъ мой отвѣтъ; суди—и честь свою отищай.

О б а с с а нъ.

Я буду отомшать—отечественный край;
Презрѣніе-жъ простишъ, а дерзость презирая,
Забуду ихъ.—Итакъ, бой судный оставляя,
Предъ мной и предъ тобой чистъ въ совѣсти моей,
Отнынѣ становлюсь твоимъ лишь судіей,
Закону преданнымъ, равно какъ онъ, безстрастнымъ,
Ни сожалѣнію, ни гнѣву не причастнымъ.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Аменаида Фани и стражи (одали).

А менайды.

Теперь свершилось все... я жертвуя собой!
О другъ единственный, о другъ несчастный мой!

Ты, для которого я жизнью дорожила,
 Я за тебя твой приговоръ свершила!
 Такъ, за тебя уиру... Но тяжкий сей позоръ!
 Но горестный отецъ, представшій вдругъ предъ взоръ!
 Оковы, сонмъ убийцъ, орудья грозной казни?
 Смерть страшную снести безъ трепетной боязни?
 Мученье, вѣчный стыдъ?.. Ахъ, мысль одна мертвить!
 Нѣтъ!—за Танкреда смерть меня не постыдить.
 Не наказать меня, но умертвить лишь можно...
 Какъ? пасть въ глазахъ гражданъ преступницей мнѣ должно?..
 Я вѣрной имъ была—и казнь несу отъ нихъ!
 Но, ахъ, въ невинности свидѣтелей другихъ
 Не буду я имѣть, кромѣ души невинной!

(Ко входящей Фани.)

Ахъ! гдѣ ты, гдѣ Танкредъ?.. О другъ мой здѣсь единой
 (Фани рѣдала цѣлуетъ ея руку),
 Еще позволено тебе мнѣ, Фани, зресть!

Фани.

Зачѣмъ я не могу здѣсь прежде умереть!

А менайда (стражи приближаются).

Чудовища идутъ нась разлучить съ тобою!—
 Скажи ты нѣкогда любимому герою,
 Съ какими чувствами я въ самый гробъ сошла;
 Пусть знаетъ, Фани, онъ, вѣрна ли я была;
 Скажи, какой меня постигнуль рокъ ужасной:
 Онъ, можетъ быть, слезу прольетъ о мнѣ несчастной!
 О Фани! за него себя я предаю;
 Но мыслию объ немъ смягчу я смерть мою.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ (сопровождаемый двумя щитоносцами, которые несутъ его копье, щитъ и проч.) и Альдамонъ.

Танкредъ.

Для благородныхъ душъ мила страна родная!
Привѣтствуя тебя, о родина святая!
О храбрый Альдамонъ, другъ юности моей,
Тебѣ обязанъ я блаженствомъ жизни сей;
Твоимъ усердіемъ сюда я возвратился.
Какъ счастливъ сталъ Танкредъ! мой жребій измѣнился!
О другъ мой! Сколь важна услуга мнѣ твоя—
Лиши чувствовать могу, сказать не въ силахъ я.

Альдамонъ.

Ничтожную, Танкредъ, услугу выхваляешь,
И низкий жребій мой ты много возвышаешь;
Я гражданинъ простой, и счастливъ тѣмъ стократъ...

Танкредъ.

Я тоже, что и ты: всякъ гражданинъ, мой братъ.

Альдамонъ.

Два года при тебѣ я въ браняхъ подвизался,
И славѣ дѣлъ твоихъ два года удивлялся,
Смотря, какъ превышалъ ты праотцевъ своихъ;
Вотъ все достоинство услугъ и дѣлъ моихъ.
Въ почтенномъ домѣ мнѣ отпovѣ твоихъ рожденный,
Воскормленный отъ нихъ, тебѣ препорученный,
Я долженъ...

Танкредъ.

Долженъ ты теперь мнѣ другомъ быть.—
Вотъ градъ, который я стремился защитить;

Вотъ градъ отеческій, вотъ стѣны тѣ святныя,
Гдѣ я увидѣлъ свѣтъ, и въ дни мои юладые
Изъ коихъ изгнанъ я!—О другъ, въ какихъ мѣстахъ,
Живеть Аржира дочь?

Альдамонъ.

Во древнихъ тѣхъ стѣнахъ;

Предъ ними пышный кровъ чертоговъ возвышенныхъ,
Гдѣ засѣаетъ сонмъ тѣкъ рыцарей почтенныхъ,
Судей священный сонмъ, тотъ бодрственныи сенатъ,
Въ чьей длани жезль суда и мечъ на супостать.
Ихъ сонмъ вездѣ-бѣ разилъ магометанъ средь боя,
Коль не былъ бы лишень храбрѣшаго героя.
Вотъ копья ихъ, щиты, ихъ надписи висять,
И пышностью своей народу говорять
Объ ихъ дѣяніяхъ, со славою свершенныхъ:
Не зря лишь твоего межъ сихъ именъ почтенныхъ.

Танкредъ.

Сокроемъ имя мы въ враждебныхъ сихъ стѣнахъ;
Извѣстно, можетъ быть, оно въ другихъ странахъ.

(Къ щитоносцамъ:)

Вы знакъ мой съ именемъ повѣсьте истребленныи,
Чтобъ не былъ въ ярость онъ врагамъ моимъ презрѣнныи;
Доспѣхи безъ убранствъ, знакъ горести моей,
Какими ихъ носилъ средь бранныхъ я полей,
Копье и щитъ простой и шлемъ неукрашенный
Повѣсьте, воины, на тѣ печальныи стѣны.

(Щитоносцы вѣшаютъ ею оружіе на пустыхъ ме-
стахъ между другими трофеями).

Но надпись на щитѣ храните, о друзья!
Въ ней все, что славно мнѣ, и все, въ чемъ жизнь моя!
Она всегда въ бояхъ мнѣ мужество вдыхала,
Она вездѣ мою надежду составляла;
Священныи въ ней слова; они—мѣбовъ и честь. —
Пришедшимъ рыцарямъ вы объявите вѣсть,
Что воинъ чуждый имъ, но имя скрываю,
Пришелъ въ сей градъ, служить въ ихъ воинствѣ пылая.
И славу ставить въ томъ, чтобы имъ лишь подражать.

(Къ Альдамону:)

Кто вождь ихъ?

Альдамонъ.

Третій годъ ужъ началъ истекать,
Какъ ревностный Аржиръ.

Танкредъ (съ сторону).

Отецъ Аменаиды!

Альдамонъ.

Но долго рыцарь сей неправыя обиды
Отъ страшныхъ намъ досель его враговъ сносиль.
Власть должна наконецъ сенатъ ему вручилъ;
Здѣсь имя чутъ его и честь, и важность сана;
За старостью-жъ его избрали Орбассана.

Танкредъ.

Танкредова врага! Злодѣя моего!
Другъ, что еще дошло до слуха твоего?
Скажи мнѣ, правда-ль то, что рыцарь сей надменный,
Незлобного отца прельстивши духъ смиренный,
Пріязни отъ него обѣть уже пріялъ?
Что и на дочь его взоръ дерзкій простиралъ,
Что даже смѣль уже мечтать о бракѣ съ нею?

Альдамонъ.

Вчера я пораженъ молвой противной сею;
Но, находясь всегда при укрѣпленъв томъ,
Гдѣ иною встрѣченъ ты при виществіи твоемъ,
Отъ града удалень, я болѣе не знаю,
Что дѣлалось въ стѣнахъ, которы презираю;
Онъ ужасны мнѣ, ты въ нихъ гонимъ враждой.

Танкредъ.

О другъ, вѣряюся тебѣ я всей душой!
Спѣши въ Аржировъ домъ, узри Аменаиду.
Скажи, что гражданинъ, невѣдомый по виду,
Усердьемъ движимый и къ чести дома ихъ
И къ имени ея, кто съ юныхъ дней своихъ

Ея почтенну матъ, почтенный родъ ихъ знаетъ,
О тайномъ словѣ лишь молить ее дерзаетъ.

Альдажонъ.

Въ ихъ домѣ заслужилъ свободный я пріемъ;
Всѣгъ видать съ радостью, всѣхъ уважаютъ въ немъ,
Которые къ тебѣ остались усердны.
Коль Небо помошь дастъ—мои успѣхи вѣрны.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ.

Поможеть мнѣ оно; симъ Небомъ сохраненъ,
Симъ Небомъ я къ стопамъ любезной приведенъ.
Вездѣ, всегда готовъ щить Неба неизмѣнной
Для чести истинной и для любви священной.
Подъ нимъ я протекаль стань шавровыхъ полковъ;
Сей щитъ и здѣсь меня покроетъ отъ враговъ.—
Отъ воинствъ кесарскихъ, отъ Иллирии дальней,
Къ любезной я спѣшилъ въ край родины печальной,
Неблагодарной мнѣ—но и въ судѣбъ сей злой,
Съ Аменандою толико мнѣ драгой!
Порукой мнѣ была любовь Аменанды,
Что сердце здѣсь мое не понесеть обиды.
Пришелъ—другой готовъ здѣсь съ нею въ бракъ вступить!
Ужель она сама могла мнѣ измѣнить?
И кто сей Орбассанъ? и кто сей дерзновенный?
Какой здѣсь и когда имъ подвигъ совершенный
Такъ возгордилъ его, что требовать онъ смѣль
Награды—должной быть наградой славныхъ дѣлъ,
Заслуженной въ бояхъ и ранами и кровью,
И присужденной мнѣ хотя одной любовью?
Чтобы лишить ея, пусть врагъ мнѣ жизнь прервѣтъ;
Но вѣрность мнѣ она и въ самый гробъ снесетъ.
Не можетъ мой злодѣй господствовать надъ нею;
Душа ея во всемъ равна съ душой мою.
Аменанда! такъ, ты въ бѣдствияхъ тверда,
Боязни, ужаса, невѣрности чужда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Танкредъ.

Ты былъ, ты зрѣлъ ее, о другъ стократъ счастливый!
Ахъ, предводи меня, мой взоръ нетерпѣливый...

Альдамонъ.

Не подходи, Танкредъ, къ ужаснымъ тѣмъ мѣстамъ!

Танкредъ.

Что слышу! По твоимъ что думать мнѣ словамъ?

Альдамонъ.

Что долженъ ты бѣжать отъ сихъ береговъ несчастныхъ.
Послѣ содѣланныхъ въ сей день злодѣйствъ ужасныхъ
Здѣсь быть не возможу—я, гражданинъ простой!

Танкредъ.

Какъ?

Альдамонъ.

Мужествомъ твоимъ служи странѣ иной:
Въ Царьградѣ честь тебя и слава ожидаетъ;
Но въ сихъ она мѣстахъ уже не обитаетъ.
Бѣги—сей градъ навѣкъ покрылъ позоръ и срамъ.

Танкредъ.

Я съ ужасомъ внемлю симъ нежданнымъ словамъ!
Что зрѣлъ, что слышалъ ты изъ усть Аменанды?

Альдамонъ.

Забудь, о рыцарь, ты смертельный обиды;
Забудь...

Танкредъ.

Такъ Орбассанъ уже влаждеть ей?
Гонитель злобный мой, отца ея злодѣй?

Альдамонъ.

Синь утромъ отъ отца союзъ иль утвердился,
И ширь погибельный въ стѣнахъ провозгласился...

Танкредъ.

И мнѣ весь ужасъ зресть предательства сего!

Альдамонъ.

Вся область древняго наслѣдства твоего
Дана имъ въ брачный даръ. Соперникъ твой презрѣнныи
Похитилъ твой удѣль, отцами обрѣтенный.

Танкредъ.

Польстился подлый тѣмъ, что я въ ничто вмѣнялъ.
Но, небо, и ея властителемъ онъ сталъ!
Аменаида...

Альдамонъ.

Ахъ! свирѣпо судьбою
Ударъ ужаснѣйший свершенъ здѣсь надъ тобою.

Танкредъ.

Жестокій! Перестань мнѣ душу раздирать,
Умолкни... Нѣть, вѣщай.

Альдамонъ.

Чтобъ бракомъ сочетать
Аржира дочь съ твоимъ гонителемъ надменнымъ,
Уже возжги огонь предъ алтаремъ священнымъ;
Но вдругъ открылося предательство ея:
То мало, что душа обманута твоя;
Невѣрной обоимъ нанесена вамъ рана.

Танкредъ.

О небо! Для кого?

Альдамонъ.

Для чуждаго тирана,
Для злобнаго врага свободныхъ нашихъ странъ,
Для Соламира.

Танкредъ.

Какъ? невѣрный мусульманъ,
Сей мавръ!.. о ней вздыхалъ въ Царьградѣ онъ, несчастный:
Но презрѣнъ ею былъ, но я любимъ былъ страстно.
Не будеть отъ нея обѣтъ святой забыть;
Толь сердца чистаго порокъ не осквернить.
Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть!

Альдамонъ.

И самъ я сомнѣвался;
Но странный слухъ о семъ по стогнамъ всѣмъ раздался.

Танкредъ.

Постой—я клевету и зависть самъ позналъ.
Ахъ! честный человѣкъ гдѣ онъхъ избѣгалъ?
Съ младенчества гонимъ, въ напастяхъ возрастая,
И съ мужествомъ однимъ скитаюсь въ край изъ края,
Я зряль, какъ зависти вездѣ шинять уста;
Я зряль отъ юныхъ лѣтъ, что мрачна клевета
Равно въ республикахъ, какъ въ царствахъ обитаетъ,
И изъ нечистыхъ усть ядъ черный извергаетъ.—
Аржиръ, терзаемый здѣсь кознями ея,
Страдаль подобно инѣ. Коль не ошибся я,
Сіе чудовище гнѣздится въ здѣшнемъ градѣ,
И лютыхъ змѣй своихъ растить въ томъ смертномъ ядѣ,
Что въ плѣнныхъ имъ сердцахъ крамолы лишь родить.
Враждебны сонмища я знаю, что крушить:
Аменаида ихъ здѣсь терпить оскорбленья.
Хоту я зрять ее, вѣщать для убѣжденья...

Альдамонъ.

Остановись—сказать я долженъ обо всемъ:
Уже разлучена съ своимъ она отпомъ,
Уже въ цѣлахъ...

Танкредъ.

Она!

Альдамонъ.

И можетъ быть, ты вскорѣ
Ее увидишь здѣсь въ ужаснѣшемъ позорѣ.

Танкредъ.

Аменанду!

Альдамонъ.

Ахъ, коль здѣсь таковъ законъ,
Жестокъ, несправедливъ, безчеловѣченъ онъ.
Здѣсь ропщутъ, плачутъ всѣ, но только плакать смытъ.

Танкредъ.

Аменанду!.. нѣть—повѣрь мнѣ, не успѣютъ;
Нѣть—варварство сіе не будетъ свершено!

Альдамонъ.

Уже судилище толпой окружено:
Чернь вонить на нее, преступной называя
И къ виду грустному взоръ жадно устремляя,
Съ нетерпѣливостью и жалостью въ очахъ
Вокругъ темничныхъ стѣнъ волнуется въ толпахъ.
Чрезъ мигъ предстануть здѣсь.

Танкредъ.

Кто старецъ сей почтенный,
Который шествуетъ изъ храма толь смущенный?
И слуги грустные послѣдуютъ ему.

Альдамонъ.

Несчастнѣйшій Аржиръ...

Танкредъ.

Поди, и никому

Не говори о мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аржиръ (*выходитъ со стороны*), **Танкредъ** (*впереди*),
Альдамонъ (*вдами*).

Аржиръ.

О смерть, скончай мученье!

Танкредъ (*после молчания*).

Почтеннѣйшій Аржиръ!.. прости мнѣ дерзновенье:
Ты знаешь рыцарей, которыхъ грозный сонимъ
Внесъ въ области Луны Господень крестъ и громъ,
Чтобъ лавры заслужить среди священныхъ боевъ:
Ты зришь всѣхъ меньшаго изъ тѣхъ великихъ воевъ.
Пришелъ я,—но прости нескромность ты мою,
Коль слезы вдругъ мои съ твоими я солью.

Аржиръ.

Одна твоя душа скорбѣть со мной дерзаетъ;
Здѣсь все меня бѣжитъ, или терзать желаетъ.
Прости, прости и ты сей горести моей.
Но съ кѣмъ я говорю?

Танкредъ.

Пришлецъ въ землѣ я сей,
Исполненный къ тебѣ и дружбой и почтеньемъ,
Трепещущій спросить, терзаемый сомнѣньемъ...
Несчастный, какъ и ты!.. Но для небесь самихъ,
Еще ты разъ прости мнѣ дерзость словъ моихъ:
Какъ, правда-ль, дочь твоя...

Аржиръ.

О правда безотрадна!
Въ сей самый часъ ее постигнетъ казнь нещадна!

Танкредъ.

Она преступница?

Аржиръ (*задыхаясь отъ рыданія*).

Она—мой вѣчный срамъ!

Танкредъ.

Какъ, дочь сія?.. Аржиръ,—по дальнимъ сторонамъ
Объ имени ея молвы я бывъ свидѣтель,
Считаль, когда живеть въ семъ мірѣ добродѣтель,—
Аменаудина душа есть храмъ ея.
Она преступница! Правдива вѣсть сія?
О день, ужасный день!

Аржиръ.

Что болѣ ужасаетъ,
Что гробъ отверзло мнѣ и духъ мой заставляетъ
Безъ утѣшенія въ могилу низходить,
Что дочь, въ злодѣйствѣ семь, спокойной можетъ быть.—
Увы! Въ защиту ей никто здѣсь не явился;
Со стономъ приговоръ на смерть ея свершился;
И не зря на обрядъ старинный въ сихъ странахъ,
Чтобъ защищать сей полъ въ торжественныхъ бояхъ,
Дочь злополучная въ сей мигъ на смерть исходитъ,
И рыцаря себѣ къ защитѣ не находитъ.
Вотъ что меня срамить, вотъ что меня гнететъ;
Все стонеть, все молчать, никто не предстаетъ!

Танкредъ.

Предстанеть, и страшись ты, старецъ, сомнѣваться!

Аржиръ.

Какой надеждою велишь ты мнѣ ласкаться?

Танкредъ.

Предстанеть,—но не дочь твою чтобъ защитить:
 Достойною сего она не можетъ быть;
 Но за святую честь отцовъ ея почтенныхъ,
 За славу добрыхъ дѣлъ, тобою совершенныхъ.

Аржиръ.

Ахъ! Мой унылый духъ твой оживлять гласъ.
 Но кто же явится на поприще за насъ?
 Весь градъ сей въ ужасъ, и кто меня спокоитъ?
 Кто руку помоши подать мнѣ удостоить?
 Не смѣю льститься тѣмъ... Кто станеть въ битву?..

Танкредъ.

Я!

Я, говорю тебѣ; и коль рука моя
 Отъ праведныхъ небесъ въ бою благословится,
 Тогда въ признательность позволъ мнѣ удалиться,
 Ни дочери твоей не бывъ передъ лицомъ,
 Ни открывая вамъ обѣ имени моемъ.

Аржиръ.

Ахъ! Богъ тебя къ намъ вель спасительной рукою.
 Хоть чуждъ веселія, убитый я тоскою,
 Но чувствуя, что я отраднѣе дышу.
 Ахъ! Можно ли мнѣ знать, прости, когда спрошу,
 Къ кому питаю я признательность, почтенье?
 Все кажется мнѣ твое высокое рожденье:
 Кого? Кого въ тебѣ зрю?

Танкредъ.

Мстителя ты зришь.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Орабассанъ, Аржиръ, Танкредъ, рыцари и воины.

Орабассанъ.

Страна въ опасности. Аржиръ, ты такъ ли мнишь,
 Чтобъ съ воинствомъ изъ стѣнь мы завтра выходили?

Мы такъ рѣшили всѣ.—Тѣ, кои измѣнили,
Врагамъ перенесли прошедшій нашъ совѣтъ,
И Соламиръ на насъ полки свои ведеть;
Мы сами встрѣтили ихъ.—Теперь, Аржиръ, скрѣпися,
Или отъ зрѣлица ты лучше удалися,
Печальнаго для насъ, позорнаго странѣ.

Аржиръ.

Довольно, Ораббасанъ; теперь осталось мнѣ
Идти, и между васъ пасть мертвымъ среди боя.
(*Указывая на Танкреда*).

Туда сведутъ меня стопы сего героя;
И я хоть тѣмъ свой родъ отъ срама свободожу,
Что за отечество главу мою сложу.

Ораббасанъ.

Такія чувствія души твоей достойны.
Разсѣй въ послѣдній разъ враговъ толпы нестройны.
Но, прежде удались, и стонъ оставь ты сей;
Здѣсь уготовленъ видъ не для твоихъ очей.
Подходять...

Аржиръ.

Боже мой!

Ораббасанъ.

Отъ отческаго взора
Сокрой ты ужасы несноснаго позора.
Меня здѣсь держить санъ, и долгъ жестокій мой
Велитъ мнѣ воздержать волненіе черни злой.
Законами ни въ чемъ небрежность нетерпима;
Ихъ сила грозная должна быть мнѣ хранима.
Тебя-жъ, кого сей долгъ ужасный не тягчить,
Что держить здѣсь, и кто тебѣ смотрѣть велить,
Какъ кровь виновная законами прольется?
Идутъ—ты удались.

Танкредъ (*взягъ за руку Аржира*)

Нѣть, здѣсь опѣ оставается.

Орбассанъ (осматривая его).

Но ты—ты кто такой?

Танкредъ.

Твой врагъ и старцевъ другъ,
Отиститель можетъ быть, и тотъ, чьихъ здѣсь услугъ,
Равно какъ и твоихъ, отчизна ожидаетъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ-же, Аменаида, въ цитяхъ, окруженнага стражею;
рыцари и народъ наполняютъ площадь.

Аржиръ (Танкреду).

Дай руку, рыцарь, мнѣ... мой духъ изнемогаетъ;
Сокрой меня отсель... Увы, вотъ дочь моя!

Танкредъ.

О недостойный видъ!

Аменаида.

Небесный Судія!

Ты все прошедшее и будущее знаешь;
Одинъ ты справедливъ, ты въ помыслахъ читаешь;
Но мрачная толпа неправедныхъ людей
И судить и винить во слѣпотѣ очей.—

Граждане, рыцари, вы всѣ, чьей днесъ рукою
Кровавый приговоръ свершался надо мною,
Но къ оправданію предстала я предъ вами:
Небесный Судія пускай разсудить насъ.—
Безвожднаго суда орудій сонмъ надменный,
Такъ, мнѣ поруганъ ты и твой законъ презрѣнны;
Законъ сей былъ свирѣпъ, и несторпимъ онъ сталъ;
Такъ, оскорблёнъ отецъ, мнѣ онъ угнеталъ;
Поруганъ Орбассанъ, и нагло и кичливо
Мечтавшій сердцемъ симъ владѣть несправедливо.
Народъ, когда за то должна я казнью пасть,
Рази, по выслушай, познай мою напастъ:

Кто къ Богу на отвѣтъ безъ трепета стремится,
Тотъ людамъ истины сказать не устрашится;
И ты, о мой отецъ! сей видя мой позоръ...

(*Увидя Танкреда*).

Какъ могъ ты... Боже мой! Кого встрѣчаетъ взоръ?
О Боже! это—онъ!.. (*Падаетъ безъ чувствъ*).

Танкредъ.

Ахъ! Взоръ дерзнувъ простираши
Упрекомъ сражена!.. Постойте, слуги смерти,
Постойте, граждане, и отложите месть.
Зашиту я беру, я оправдаю честь.
Сей дѣвы рыцарь я: отецъ ея почтенный,
И самъ равно, какъ дочь, ко смерти осужденный,
Въ покровъ невинности мой мечъ избрать почтилъ,
Чтобъ онъ въ моихъ рукахъ *судъ Божій* совершилъ.
Вотъ храбрыхъ рыцарей священнѣйша правы.
Раскройте поприще для чести и для славы;
Устройте, суди, обрядъ намъ боевой.
О гордый Орбассанъ!—тебя зову на бой,
Ты знаменитъ, ты вождь, ты чещися первый воинъ,
Такъ чести вызова, надѣюсь, ты достоинъ.
Иди предать свой духъ, или исторгнуть мой.
Смертельной битвы знакъ бросаю предъ тобой.
(*Бросаетъ перчатку*).

Осмѣлившись-ль поднять?

Орбассанъ.

Съ надменностью твою
Не стоишь, чтобъ тебя почтить я честью сею.
(*Даетъ знакъ щитоносцамъ, чтобы подняли перчатку*).
Честь дѣлаю себѣ; и сердца гласъ внушивъ,
И старца власть, тебя избравшаго, почтивъ,
Въ единоборство я хочу вступить съ тобою,
И наказать тебя за дерзость удостою.
Кто ты? каковъ твой санъ и имя? Сей твой щитъ
Не много о твоей намъ славѣ говорить.

Танкредъ.

Его прославить я сегодня уповаю;
Объ имени-жъ моемъ—молчу, и такъ желаю;

Познаешь ты его съ оружіемъ въ рукахъ.
Пойдемъ.

О рабассанъ.

Да въ сей же мигъ на боевыхъ мѣстахъ
Ограду растворять. Аменаида болѣ
Не остается здѣсь подъ стражею дотолѣ,
Шока ничтожный сей не совершится бой.

(*Съ Аменаиды снимаютъ оковы*).

Друзья, мгновенно кругъ оставилъ боевой,
Иду, куда насть мавръ къ побѣдѣ призываетъ.
Честь поединниковъ съ ихъ жизнью погибаетъ.
Одна прямая честь—отечеству служить.

Танкредъ..

Пойдемъ!—О рыцари, я смѣю возвѣстить,
Что принесетъ не онъ отечеству спасенье.

Аржи ръ (уводя съ Фани Аменаиду).

О Боже, призри ты на старцево моленіе ¹⁾!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Танкредъ, Лореданъ и рыцари.

*Воинскій маршъ; передъ Танкредомъ несутъ его оружіе и до-
стихи Ораббассана.*

Лореданъ.

Такъ, бой твой знаменить, но гибеленъ памъ быль:
Избранныйшаго ты насть рыцаря лишилъ,

1) Слѣдующее за нимъ явленіе, никогда не играемое и на французскихъ театрахъ, въ переводѣ выпущено. Переводчикъ вообще осмѣлился опустить нѣ-которые стихи и сократить разговоры, которыми часто, какъ признали и французские критики, охлаждается ходъ сей трагедии, писаной Вольтеромъ уже въ старости.

Который къ родинѣ любовію бытъ славенъ
И мужествомъ своимъ съ тобою только равенъ;
Позволиши-ли теперь узнать твой родъ, твой санъ?

Танкредъ (въ мрачной задумчивости).

Его со смертю позналъ лишь Орбассанъ,
И тайну и мой гнѣвъ скрылъ съ собой въ могилу.
Оставь въ безвѣтности судьбу мою унылу;
Коль я полезенъ вамъ, нѣтъ нужды знать, кто я.

Лореданъ.

Да будеть скрытою етъ нась судьба твоя;
Но добродѣтели яви свои предъ памъ
Полезнымъ мужествомъ и славными дѣлами.
Здѣсь вѣютъ знамена враждебной намъ луны;
Ты защити права и вѣру сей страны.
Надменный Соламиръ нась вызываетъ къ бою:
Героя нась лишивъ, ты замѣни собою;
Тебя ждетъ гордый мавръ.

Танкредъ.

Даю я слово вамъ,
Предъ воинствомъ идти во срѣтенье врагамъ,
И слово то сдержу. Срадинъ вамъ ненавистный
Стократно меныше вашъ, чѣмъ мой есть врагъ завистный,
Непримиримый... но, кто-бы ни былъ онъ такой,
Иду я и готовъ вступить съ нимъ въ новый бой.

Катанъ.

Ты многимъ нась польстилъ, симъ мужествомъ пылая,
И самъ ты жди всѣхъ жертвъ признателнаго края,
Достойныхъ жди наградъ за мужество твое.

Танкредъ.

Здѣсь нѣтъ награды мнѣ; не требую ея,
И вовсе не приму; для жертвы воздаянїй
Здѣсь нѣтъ того, въ чемъ зреѣль я верхъ моихъ желаній.—

Когда несчастнымъ я средь боя упаду,
Ни славы, ни наградъ, ни жалости не жду;
Я совершу мой долгъ; но тѣмъ однимъ ласкаюсь,
Что съ Соламиромъ я на битвѣ повстрѣчаюсь.

Лореданъ.

И въ томъ вся наша цѣль. Но время нась зоветъ,
И съ нимъ единственный всѣхъ нашихъ душъ предметъ,
Побѣда.—Съ нами ты дѣлишь ее идущій,
Всеобщей вѣстю познаешь часть зовущій
Въ поля, гдѣ встрѣтить нась мечтаеть вождь враговъ.
Дружины всѣ кипятъ пролить невѣрныхъ кровь;
Да будетъ чуждо всѣмъ намъ чувствіе другое:
Умремъ, или спасемъ отечество драгое!

(*Уходитъ.*)

Танкредъ.

Достойно или нѣть отечество того,
Но за него умру.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Танкредъ и Альдамонъ.

Альдамонъ (съ сторону).

Не вѣдаютъ его

Смертельной горести, въ душѣ имъ заключенной.

(*Къ Танкреду.*)

Но ты, обидою и скорбью сокрушенный,
Исполнишь ли обрядъ, хранимый сей страной?
Явишься-ль въ торжествѣ ты взорамъ дѣвы той,
Которой честь и жизнь возвращена тобою:
Представиши ли ты ей побѣдною рукою
Кровавый рыцаря сраженнаго доспѣхъ?

Танкредъ.

Нѣть, не узрю ея.

Альдамонъ.

Какъ, предъ очами всѣхъ
Для нея ты въ подвигъ сталъ, гдѣ смерть тебѣ грозила,
И отъ нея бѣжишь?

Танкредъ.

Она то заслужила.

Альдамонъ.

Я вижу, сколь ея ты раздраженъ виной;
Но въ оправданіе ты далъ кровавый бой.

Танкредъ.

Все сдѣлалъ для нея, и мнѣ то сдѣлать должно.
Хоть вѣроломная, но зрѣть мнѣ невозможно,
Чтобъ въ гробъ она несла безчестіе свое.
Хоть меныше-бѣ я любилъ, оставить ли ее?
Я долженъ быть спасти, измѣны-жъ не прощаю.
Пускай живеть она, и пусть я погибаю.
Но нѣкогда о мнѣ восплачеть и она,
О другѣ, коего навѣки лишена,
Чье сердце вѣрное такъ жестоко терзала...
О! до чего она меня уничожала!
И отъ нея ли могъ невѣрности я ждать?
Ахъ! существо небесъ мечталъ я обожать;
Считаль, что самыкъ клятвъ и алтарей священныхъ
Святѣ рѣчь одна изъ усть ея смиренныхъ...

Альдамонъ.

Иль вѣроломствъ однихъ страна сія полна?
Глава твоя въ позорѣ была здѣсь предана;
Закономъ здѣсь гонимъ, любовью оскорбленный,
Оставь, Танкредъ, сей край, злодѣйствомъ отягченный.
Иду съ тобой на брань, спѣшу навѣкъ отъ стѣнъ,
Отъ сей обители злодѣйства и измѣнъ.

Танкредъ.

Что за волшебство въ ней и въ самомъ преступленїй
Ту добрѣтель мнѣ живить въ воображеній,

Которой образъ въ ней, мечтающій, я зрѣлъ!
 Ты, повелѣвшая, чтобы я въ тотъ гробъ низшелъ,
 Въ которомъ безъ меня сама была-бъ ты зрила,
 О вѣроломная... но все еще любима!
 О ты, которою душа моя жила,
 Ахъ, еслибы быть могло, ахъ, еслибы ты была
 То, чѣмъ казалася очамъ моимъ прельщеннымъ...
 Нѣть—съ смертью призракъ сей лишь можетъ быть забвеннымъ:
 Но должно вознестись надъ слабостю сей;
 Мнѣ должно... умереть, не думая о ней.

Альдамонъ.

Но менѣе она винилася тобою.
 Неправдой, ты вѣщаль, и мрачной клеветою
 Наполнена земля...

Танкредъ.

Ахъ! Узнано о всемъ;
 Все обнаружено въ ужасномъ дѣлѣ семъ:
 Она своей красотой прельстила Соламира;
 Сей мавръ ея руки просилъ залогомъ мира.
 Дерзнуль-ли-бъ онъ искать, любви ея не знать?
 Взаимность ихъ была. Вотще я, сердцу внявъ,
 Сомнѣніе питалъ: и самъ ея родитель,
 Нѣжнѣйшій сей отецъ... ея онъ обвинитель,
 И дочь преступная винить себя сама:
 Я зрѣлъ, я зрѣлъ слова ужаснаго письма;
 „Будь повелителемъ надъ нашою страною,
 Надъ Сиракузами и надъ моей душою“.
 Мой жребій совершенъ!

Альдамонъ.

Но презрить пусть герой
 Неблагодарную съ толь низкою душой.

Танкредъ.

И, къ ужасу, она гордиться тѣмъ дерзаетъ!
 Минѣть, что славнѣйшаго героя избираеть!
 Ахъ, мысль сія одна мою всю душу рветъ!
 Срапынъ презрительный Италію гнететъ;

И безразсудный полъ, душою легковѣрный,
Сей полъ, въ ихъ областяхъ до рабства угнетенный,
Почтеньемъ пораженъ, которое родить
Завоевателей властолюбивый видъ,
Сердцами жертвуетъ тиранамъ ихъ гнетущимъ;
А намъ, защитѣ ихъ, для ихъ любви живущимъ,
У ногъ ихъ дышущимъ и гибнущимъ за нихъ,
Измѣйной платить намъ для варваровъ своихъ!
Достанетъ гибѣва мнѣ въ обидѣ сей безмѣрной,
Чтобъ проклинать мнѣ жизнь и скрыться отъ невѣрной!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Танкредъ, Альдамонъ и многіе рыцари.

Катање.

Всѣ рыцари сошлись и время ихъ зоветъ.

Танкредъ.

Я здѣсь его терялъ; иду за вами вслѣдъ.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же, Аменаида и Фани.

Аменаида (*приближая стремительно*).

Къ ногамъ твоимъ паду, о ангель мой хранитель!
(*Танкредъ, отвераща мно, поднимаетъ ее.*)
Не унижаюсь симъ; и скорбный мой родитель
Колѣна ногъ твоихъ идеть со мной обнять.
Священный образъ твой почто отъ насъ скрывать?
Кто правое мое осудить нетерпѣнье?
Мной старецъ упрежденъ... Но сердца восхищенье
И чувства всѣ излить могу ли предъ тобой?
Страшусь тебя назвать... Но видъ печаленъ твой?
Могу ли зрѣть тебя, въ мѣстахъ сихъ безотрадныхъ,
Не посреди убийцъ, на кровь мою толь жадныхъ?
Не отвѣчаешь ты... трепещетъ грудь моя...
Не смѣю говорить... увы! что вижу я—
Ты отвращаешь взоръ... не внѣмлеши, что вѣщамо.

Танкредъ (*прерывающимся голосомъ*).

Поди, утѣшь отца; его я почитаю.
 Другой, важнѣйший долгъ отсель меня зоветъ.
 Передъ тобой, предъ нимъ исполнилъ я обѣтъ,
 И награжденъ... другой мзды сердце не желаетъ:
 Признательность безъ мѣру намъ тягостна бываетъ.
 Освобождаю я навѣки васъ отъ ней...
 И ты... располагать властна судьбой своей.
 Будь счастлива... а я, я смерть найти желалъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Аменаида и Фани.

Аменаида.

Жива ли я? На свѣтѣ еще ли я взираю?
 То правда ли, что жизнь мнѣ небомъ отдана?
 И изъ могилы я ужель извлечена?
 О Фани, слышала-ль ты приговоръ мой грозный,
 Жестокій, яростный и болѣе поносный,
 Чѣмъ тотъ, которымъ я на казнь осуждена?

Фани.

И тѣмъ мнѣ и другимъ душа поражена.

Аменаида.

Танкредъ ли, небеса! Здѣсь говориль со мною?
 Ты зреяла хладность ту и гордость ту, съ какою
 Меня презрѣніемъ обременять онъ смѣль?
 О Фани! На меня онъ съ ужасомъ смотрѣль.
 Онъ спасть мнѣ жизнь, чтобы смерть лютѣй меня сразила!
 За что-жъ, Танкредъ, и чѣмъ твой гнѣвъ я заслужила?

Фани.

Такъ, пламенный сей гнѣвъ сверкалъ въ его очахъ,
 И прерывалася рѣчь хладная въ устахъ;
 Опъ отвращалъ свой взоръ, но слезы сокрывая.

Аменаида.

Онъ бросилъ, онъ презрѣлъ, меня здѣсь посрамляя!
 Чѣмъ страшная сія гроза возбуждена?
 Чего онъ хочетъ? Чѣмъ въ немъ яростъ возжена?
 Къ кому ревнивымъ быть онъ можетъ во вселенной?..
 Я славлюсь, я горжусь Танкредомъ быть спасенной;
 Такъ, онъ одинъ мнѣ все, онъ богъ-хранитель мой;
 Онъ жизнь мнѣ возвращалъ, самъ жертвуя собой;
 Но я ту саму жизнь не за него-ль теряла?

Фани.

Быть можетъ, онъ не зналъ; быть можетъ, увлекала
 Его всеобщая молва у насъ людей;
 Кто и не вѣрящий не покорится ей?
 Невольникъ, смерть его, несчастное посланье,
 Сей мавръ, его любовь и дерзкое мечтанье,
 Все, самое тебя молчаніе винить,
 Которымъ отъ враговъ Танкредъ тобой скрытъ.
 Чей взоръ сквозь мракъ сего покрова проницаетъ?
 Но предразсудокъ въ немъ наружность осуждается.

Аменаида.

Онъ осуждалъ меня!

Фани.

Коль слабъ онъ до того,
 Вини любовь.

Аменаида (принявъ свою твердость и силу).

Ничто не извинить его,
 Хотя-бы меня судилъ весь міръ сей ослѣпленный:
 Великий человѣкъ, на судъ свой утвержденный,
 И міру-бы цѣлому противостоять посмѣль.
 Такъ онъ меня спасать отъ жалости хотѣлъ?
 О поруганіе!.. тебя-ль я ожидала?
 Я, гибнувъ за него, съ отрадой умирала,
 И онъ осмѣлился меня подозрѣвать!
 Напрасно онъ всю жизнь прощенья будетъ ждать:
 Такъ, не забуду я услуги, имъ совершенной:
 Она начертана въ душѣ, имъ оскорблennой;

Но если онъ не могъ моей любви цѣнить,
Такъ самъ не можетъ онъ меня достоинъ быть.
Увы! изъ всѣхъ обидъ, перенесенныхъ мною,
Я не растерзана толь тяжко ни одною!

Фани.

Но онъ еще не зналъ.

Аменаида.

Меня онъ долженъ знать!

Онъ сердце долженъ быть такое почитать;
Увѣренъ долженъ быть, что невозможно было,
Чтобъ сердце ввѣкъ мое обѣту измѣнило.
Столь твердо и оно, какъ грудь его тверда,
Возвыщенно, какъ духъ высокъ его всегда;
Но справедливѣе, чувствительнѣе болѣ.—
Я отвергаюсь въ моей ужасной долѣ
Танкреда—и всего сообщества людей;
Они коварны, злы, всѣ съ слабою душой,
То обольстители, то жертвы обольщений;
И ждущая въ тоскѣ конца моихъ мученій,
Танкреда. всѣхъ людей, весь свѣтъ забуду я!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Аржиръ, Аменаида и свита.

Аржиръ (*поддерживаемый щитоносцами*).

Престаньте обо мнѣ крушиться, о друзья,
И предводя меня на поприще вы бой,
Мнѣ дайте тамъ обнять почтеннаго героя.

(*Увидеть Аменаиду*).

Ахъ! Кто, повѣдай мнѣ, твоихъ спаситель дней?

Аменаида (*погруженная въ горесть, склоненная
одною рукою на Фани и немножко обращенная
къ отцу*).

Кто нѣкогда любви достоинъ былъ моей,
Герой, моимъ отцомъ въ семъ градѣ угнетенный,
Врагами изгнанный, священныхъ правъ лишенный,

Единственный предметъ посланья моего,
Послѣдня, славная вѣтвь рода своего,
Великій человѣкъ, увы!—несправедливый;
И словомъ—онъ Танкредъ.

Аржиръ.

Что слышу, несчастливый?

Аменаида.

Что въ грустной я душѣ скрыть болѣ не могла,
И трепеща о немъ, тебѣ передала.

Аржиръ.

Танкредъ!

Аменаида.

И кто другой мой былъ бы защититель?

Аржиръ.

Танкредъ, котораго сенатъ нашъ былъ гонитель?

Аменаида.

Онъ самый.

Аржиръ.

И для нась что онъ въ сей день свершилъ?
Отчизны, правдѣ, добра, всего лишенъ онъ былъ,
И самъ пришелъ за нась онъ жертвовать собою!
Суды несчастные, мы слабо рукою
Вѣсы и казни мечь держа во слѣпотѣ,
Какъ легкомыслены и лживы мы въ судѣ!
Какъ гордой мудростью ведемся мы въ обманѣ!
Что сдѣлали мы съ нимъ, мы, злобные тираны?

Аменаида.

Родитель, па тебя скорбѣть моргла-бѣ и я...
Но столько чувствуетъ вину душа твоя,
Что упрекать тебя дочь грустна страшится.
Упрокомъ симъ одинъ Танкредъ обременится.

Аржиръ.

Какъ! Тотъ, кѣмъ я живу? Твои продлилъ кто дни?

Аменаида.

Уничтожительны и тяжки мнѣ они!
Надежда вся въ тебѣ: дай зресть ихъ перемѣну;
Ахъ! Оправдай мнѣ честь, тобою помрачену.
Кто Ораббасана свергъ, тотъ жизнь мнѣ только спасъ;
Родитель, пущь меня твой оправдасть гласъ.

Аржиръ.

Я долженъ и спѣшу...

Аменаида.

Я слѣдую съ тобою.

Аржиръ.

Будь здѣсь ты.

Аменаида.

Мнѣ здѣсь быть? Нѣть, нѣть, иду я къ бою.
Я зрела смерть вблизи, ужаснѣйшую смерть!
На полѣ чести, вѣрь, ее отрадный зресть,
Чѣмъ на воздвигнутой отцомъ позорной плахѣ.
Не время, чтобъ меня ты отвергалъ во страхѣ:
Несчастіе даетъ мнѣ право надѣть тобой.
Иль два раза меня отецъ покинеть мой?

Аржиръ.

Нѣть, болѣ надѣть тобой я не имѣю власти;
Я самовластіемъ привель тебя къ напасти.
Но мысли страшныя питаешь въ сердцѣ ты;
Не изступленья ли то пылкія мечты?
Не здѣсь, въ другихъ странахъ иныхъ обыкновеній,
Вашъ полѣ, воспитанный безъ скорбныхъ принужденій,
Идеть на брань, едва отъ воевъ отличенъ;
Но пе позволить здѣсь обычай и законъ...

Аменаида.

Какой законъ! Какой обычай сей презрѣнныи!
 Знай, что мой духъ теперь надъ ними вознесенныи,
 Въ сей день, день ужаса и въ сей неправды чась,
 Примѣлеть за законъ одинъ сердечный гласъ.
 Какъ? Будетъ вашъ законъ для варварскихъ заклатій
 Лишь исторгать дѣтей изъ отческихъ объятій?
 Онъ будетъ позволять, народа при глазахъ,
 Влачить здѣсь дочь твою въ поноснѣйшихъ цѣпяхъ;
 И не позволить онъ съ отцомъ идти мнѣ къ бою,
 Чтобы честь тамъ защищать мнѣ собственной рукою?
 И поль нашъ, смертю казниниый въ сихъ странахъ,
 Быть можетъ только зритъ однікъ убійцъ въ толпахъ!
 Тиранство наконецъ рождаетъ непокорство.
 Трепещешь?.. трепещи, когда твое потворство,
 Здѣсь собственнымъ врагамъ желая угоджать,
 Тебя принудило на смертнаго возстать,
 Который жизнь терялъ, чтобы дать намъ оправданье.
 Вотъ чѣмъ ты самъ привель меня въ непослушанье...

Аржиръ.

Несчастнаго отпа души не возмущай,
 И правъ меня винить во зло не обращай.
 Я чувствую вину; я самъ свой обвинитель;
 Щади ты скорбь мою, и если твой родитель
 Когда-либо въ тебѣ дочь нѣжную имѣль,
 Позволь, чтобы я одинъ погибъ отъ вражыхъ стрѣль.
 Съ Танкредомъ, вѣрь ты мнѣ, врагъ вмѣстѣ насъ повержетъ.

(Къ свитѣ).

Храните вы ее.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Аменаида.

Здѣсь кто меня удержитъ?
 О ты! Который могъ вражду ко мнѣ питать,
 Который, истивъ меня, дерзаешь презирать,
 Танкредъ! Передъ тобой хочу я стать для бою,
 Всѣ тучи стрѣль въ тебя хочу сдержать собою,

Принять удары ихъ... и спасть главу твою;
Хочу тебѣ явить признательность мою:
Мстить смертю моей твою несправедливость;
Коль можно, превзойти и гнѣвъ твой и кичливость:
Въ твоихъ объятіяхъ духъ испуская мой,
Обременить тебя всей праведной враждой;
И въ сердцѣ страстномъ иной, тебѣ на сокрушенье,
Неисцѣлимое оставить угрозынѣ,
Терзанія по гробъ, безъ утѣшенья въ нихъ,
Весь ядъ моей любви, весь ужасъ мукъ моихъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Рыцари и ихъ щитоносцы съ обнаженными мечами; воины, несущие трофеи; вдами народъ.

Лореданъ.

Побѣдную вы пѣснь, граждане, воспѣвайте,
И Бога браней всѣ во храмахъ ублажайте;
Побѣда наша въ Немъ, и слава вся Ему!
Народъ, воздай хвалу поборнику сему:
Онъ стрѣлы сокрушилъ, разрушилъ Онъ тѣ ковы,
Что ставили на насъ мучители суровы,
Поработители свободныхъ областей.
На трупахъ ихъ, народъ, воздвигни свой трофей,
И, мертву ярость ихъ поправши вновь стопами,
Сокровищемъ луны укрась Господни храмы.
Пускай Гибралтаръ, Италия въ цѣпяхъ,
Египетъ, Сирія, поверженные въ прахъ,
Узрятъ, что могъ народъ за вольность ополченной,
Противъ тирановъ сихъ, колеблющихъ вселенной.—
Аржира мы теперь утѣшить поспѣшимъ
И общей радостью печаль его смягчимъ.
О! если бы въ сей день, для Сиракузъ блаженный,
Обрѣль спокойствіе отецъ сей огорченный! —
Но гдѣ воитель тотъ, сей чуждый намъ герой,
Который, говорять, рѣшилъ намъ славный бой?

Онъ съ сонмомъ рыцарей во градъ не возвращался,
Ужели торжествомъ онъ самъ не восхищался?
Иль счелъ, что мы его завидуемъ дѣламъ?
Довольно славны мы, и зависть чужда намъ.
Иль Сиракузъ бѣжитъ, имъ жертвовавъ собою.

(Къ Катану.)

Катанъ, онъ долго велъ бой жаркій предъ тобою.
Почто, желая намъ побѣдой ускорить,
Всеобщей радости не想要 онъ дѣлить?

Катанъ.

Склони вниманіе, узнаешь ты причину.
Когда нашъ полкъ облегъ подъ Этною равнину,
И по хребту горы проходы замыкалъ,
Отъ васъ тогда вдали, близъ брега я стоялъ,
Гдѣ врагъ выдерживалъ всю нашу крѣпость боя.
Вдругъ рыцарь сей, я зрѣль, исторгнулся изъ строя.
Его прерывный гласъ, свирѣпое чело
Души отчаяніе намъ ясно зреТЬ дало.
Онъ Соламира звалъ, воипль страшный испуская;
Аржира дочери онъ имъ повторяя,
Невѣрной называлъ, и въ яности своей,
Я видѣль—слезы лиль изъ пламенныхъ очей.
На смерть кидался онъ, но невредимъ и страшенъ,
Чѣмъ болѣ въ сѣчу шель, тѣмъ болѣ былъ ужасенъ.
Предъ нами пало все, иль лучше—передъ нимъ.
Я съ войскомъ къ вамъ спѣшилъ, побѣдой предводимъ;
Безчувственъ къ славѣ онъ, съ главою преклоненной,
Бозмолвенъ, горестенъ и въ думы погруженной,
Вдругъ Альдамона, къ намъ спѣшившаго, зоветъ,
Объемлетъ, говорить и быстро въ даль идетъ,
Подобно, какъ въ бою на сѣчу онъ бросался.
„Такъ, навсегда!“ онъ рекъ. Смысьль рѣчи оправдался:
Достойный памяти, великий рыцарь сей
Незнаемъ хотеть быть средь нашихъ областей;
Но намъ не вѣдомы его печальны виды.
Въ сей мигъ услышавши я вопль Аменаиды,
Узрѣль бѣгущую въ воинственныхъ толпахъ:
Трепещуща, блѣдна, съ отчаяніемъ въ очахъ,
Къ герою воюя, стремится въ изступлены.
Отецъ, за ней влачасъ и удержа въ стремлены

Рыдающую дочь, рыдая, къ намъ ведеть.
 „Друзья, онъ возопилъ, герой сей—есть Танкредъ!
 Герой, дивящій насть, великий сей воитель,
 Защитникъ Сиракузъ, Аменаиды иститель,
 Есть тотъ, кого въ сей день нашъ общій приговоръ
 Измѣнникомъ назваль и предаль на позоръ;
 Есть тотъ, чье имя здѣсь закономъ поругалось“.
 О другъ! что думать намъ, что дѣлать намъ осталось?

Л о р е д а нъ.

Раскаяться, вотъ все, что остается намъ;
 Не сознавать вины—злымъ свойственно сердцамъ.
 Да устыдимся мы, героя угнетая.
 Страдаетъ въ мірѣ семъ заслуга, честь прямая;
 Но кто ихъ вѣдаетъ, тотъ долженъ ихъ почтить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Рыцари, Аржиръ и Аменаида, вдами поддерживаемая служительницами.

Аржиръ (*сходя съ поспшиностью*).

Ихъ должно помочь дать, ихъ должно защитить:
 Танкредъ въ опасности, усердьемъ ослѣпленный;
 Танкредъ однъ напаль на сонмъ враговъ спасенный,
 Набѣгшій на него и въ битву ставшій съ нимъ.
 О, горе старцу, мнѣ, съ безсиліемъ моимъ!
 Вы, коихъ мужеству не уступаетъ сила,
 Чыхъ старость пламенныхъ сердцъ не охладила,
 Слѣшите всѣ, друзья, въ защитѣ сей главы,
 Невинной дочери спасите друга вы.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Аржиръ и Аменаида.

Аржиръ.

О дочь, для насть лучи надежды воссияли!
 Утѣшу-ль я тебя, предавшуюсь печали?

Аиенайдъ.

Утѣшусь я тогда, какъ будетъ здѣсь Танкредъ;
 Какъ страха моего несчастный сей предметъ
 Предстанеть и спасень, и справедливъ душою;
 И скажешь ты, что онъ желаетъ предо мною
 Раскаяньемъ стереть обиды мнѣ его.

Аржиръ.

Ахъ! Тягостны онѣ для сердца твоего.
 Но дочь моя: Танкредъ, изъ нашихъ стѣнъ изгнанный,
 Теперь отъ всѣхъ почтенъ, и славою вѣнчанный,
 Онъ самую тебя сей славой озарилъ;
 Онъ, зависть постыдя, торжественно открылъ,
 Чрезмѣрностью услугъ, для насть имъ совершенныхъ,
 Чрезмѣрность клеветы враговъ его презрѣнныхъ.
 Довольствуется чернь, одинъ свой долгъ сверша:
 Герою малъ сей трудъ; геройская душа
 Надъ упованьемъ всѣхъ возвыситься желаетъ:
 Такъ, общую Танкредъ надежду превышаетъ.
 Онъ будеть справедливъ, познавъ любовъ твою.
 Смягчился весь народъ, узря вину свою.
 Танкредъ уже готовъ оставить подозрѣнья;
 Чтобы укротить его, разсѣять заблужденье—
 Лишь нужно слово.

Аиенайдъ.

Но не сказано его.

Ахъ! что обиды мнѣ народа твоего,
 И легковѣрная любовь, и сожалѣніе,
 И все его ко мнѣ ничтожное почтеніе?
 Во мнѣніи одного мою я ставлю честь;
 И знай, что дочь твоя смерть легче можетъ снести,
 Чѣмъ мигъ прожить, его почтенія лишася.
 Признаюсь наконецъ и, можетъ быть, гордясь,
 Что въ защитителъ—люблю супруга я.
 Обѣть нашъ приняла въ часъ смерти мать моя;
 Намъ руки трепетной рукой соединила
 И, закрывая взоръ, союзъ благословила.
 Ея мы тѣнью, тобою, мой отецъ,
 Передъ лицомъ Небесъ клялись въ любви сердецъ,

Клял ися, чтобъ тебѣ быть въ радость, въ утѣшенье,
У ногъ твоихъ принять на бракъ благословеніе.—
Родитель... эшафотъ намъ былъ здѣсь алтаремъ!
И грустный мой женихъ, въ отчаяніи своеемъ,
Со смертю одной желаетъ сочетаться;
А мнѣ однимъ стыдомъ осталося терзаться.
Вотъ жребій мой!

А р ж и р ъ.

Разсѣй печальные мечты:
Мы болѣ обрѣтемъ, чѣмъ ожидаешь ты.

А и е на и д а.

Страшусь всего.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ-же и вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Восторгъ народа раздѣляйтѣ,
И болѣ настъ сердца симъ чудомъ восхищайтѣ:
Танкредъ, одинъ Танкредъ, побѣду совершиль,
Одинъ разсыпалъ онъ остатокъ вражьюхъ силъ,
И въ жертву славную и вольности и мира
Танкредъ своей рукой сразилъ и Соламира.
Свершилась грозная за Сиракузы месть,
Но болѣ за твою обиженну честь.
Уже гремитъ молва, всѣ стѣны наполняя;
Восторженный народъ, героя окружая,
Своимъ защитникомъ, спасителемъ зоветъ,
О тронѣ говоритъ, котораго Танкредъ
За добродѣтели, за подвиги достоинъ.
Ему сопутствовалъ одинъ усердный воинъ,
Подъ властію твоей служившій, Альдамонъ.
Симъ ратникомъ однимъ герой былъ подкуренпленъ,
Сей ратникъ раздѣлялъ съ нимъ подвигъ безпримѣрной.
Когда-жъ сонъ рыцарей въ опасности чрезмѣрной
Съ оружіемъ въ рукахъ на помощь имъ предсталъ,
Танкредъ ужъ бой рѣшиль, Танкредъ торжествовалъ.

Вы слышите-ль сей кликъ, его превозносящій?
 Идите зресть народъ, во срѣтенье спѣшащій,
 Чтобъ въ сонмахъ радостныхъ героя увѣнчать;
 Иди зресть торжество и жертву воспринять,
 Толь долго отъ него желанную тобою;
 Все дышеть счастіемъ и радостью одною,
 Все иститъ за скорбь твою, весь градъ сей восхищенъ;
 Танкредъ твоей душѣ навѣки возвращень.

Аменаида.

Ахъ! оживаю я и познаю веселье.
 Родитель, воздадимъ Творцу благодаренъ!
 Такъ неожиданно Онъ все мнѣ возвратилъ;
 Такъ щедро насть за всѣ страданья наградилъ!
 Въ сей мигъ, въ сей только мигъ я жить лишь начинаю
 И сердца полнаго блаженство постигаю!
 Я все хочу забыть; простите плачь вы мой,
 Упреки, тщетный страхъ, рожденные тоской;
 Граждане, рыцари, враждебные герою,
 Шадите всѣ предъ нимъ, онъ пасть идетъ предъ мною.

Аржири.

Благоволилъ Творецъ скончать нашъ плачь и стонъ.
 Что вижу? Къ намъ идетъ безстрашный Альдамонъ,
 Танкреда подвиговъ одинъ свидѣтель вѣрный;
 Вотъ онъ, вотъ воинъ тотъ, издавна мнѣ усердный,
 И наше счастіе онъ вѣрно подтвердить?
 Но не отъ язвъ ли онъ едва стопы влачить?
 Ахъ, мраченъ видъ его, онъ скорби возвѣститель!..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ-же и Альдамонъ.

Аменаида.

Скажи, о Альдамонъ, Танкредъ ли побѣдитель?

Альдамонъ.

Онъ, безъ сомнѣнія.

Аменаида.

При кликахъ внятныхъ намъ,
При пѣсняхъ радостныхъ идетъ онъ къ симъ мѣстамъ?

Альдамонъ

Ахъ! пѣсней гласъ на вопль премѣнится плачевный.

Аменаида.

Что слышу я!

Альдамонъ.

Сей день, нарѣки незабвенный,
Увы! Послѣдний день, въ который жилъ Танкредъ.

Аменаида.

Онъ мертвъ!

Альдамонъ.

Взираетъ онъ еще на дневный свѣтъ,
Но отъ жестокихъ язвъ кончается съ мученьемъ.
Я къ вамъ предсталъ съ его ужаснымъ извѣщеніемъ,
Съ письмомъ симъ, кровью начертаннымъ его;
Въ немъ тайну онъ открылъ вамъ сердца своего.
Съ слезами тяжкое свершо порученіе.

Аржири.

О депь отчаянья! о Неба пораженье!

Аменаида (приходя въ себя).

Подай мой приговоръ; предѣль моихъ онъ дней:
Пріятенъ онъ.—Танкредъ! О богъ судьбы моей!
Твой голосъ есть завѣтъ мнѣ слѣдоватъ съ тобою!
Подай письмо—и смерть!

Альдамонъ.

Услугой роковою,
Мнѣ толь ужасною, не оскорбися ты.

Аиенаида.

О очи! Зрите-ль вы кровавыя черты?
Могу-ль?.. Въ послѣдній разъ мнѣ укрѣпиться должно.
(Читаетъ.)

„Мнѣ пережить твоей измѣны невозмѣжно.
На битвѣ гибну я, но умерщвлень тобой;
Тебѣ, жестокая, я жертвуя собой,
Желалъ бы сохранить честь съ жизнью твою“.
Что, мой отецъ!

(Падаетъ на руки Фани.)

Аржиръ.

Увы! всей яростью своею
Неумолимый рокъ въ сей день насть поразилъ!
Теперь онъ всѣхъ надеждъ и страха насть лишилъ;
Ни ты уже, ни я стерпѣть не можемъ болѣ.
Но, дочь безцѣнная! влечу я жизнь доколѣ,
Пусть учить страшное раскаянье мое
Отечество, весь свѣтъ, какъ имя чтить твоѳ.

Аиенаида.

Что мнѣ въ почтеніи, всѣхъ радостей лишенной?
Что мнѣ въ отечествѣ и что во всей вселенной?
Онъ умираеть!

Аржиръ.

Ахъ, терплю безмолвно я!

Аиенаида.

И умираеть онъ во гнѣвѣ на меня!
Сему виновникъ ты... Но пусть хоть въ часть онъ страшный...
Что вижу я? Моихъ убийцъ!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Лореданъ, рыцари, свита, Аменаида, Аржиръ, Фани, Альдамонъ, Танкредъ (*воды несомый воинами*).

Лореданъ.

Аржиръ несчастный!

Несчастнѣйшая дочь! Къ вамъ принесенъ съ полей,
Покрытый язвами, великий рыцарь сей.
Кипящей яростью водниий онъ средь боя,
Желалъ лишь умереть, но смертию героя.
Его драгая кровь, струившаясь рѣкой,
Отъ язвъ сдержалася усердною рукой;
Великая душа, хоть смертию томилась,
Аменанду зѣять еще остановилась;
Ее онъ называлъ, и каждый слезы лилъ;
Свое смущеніе скрыть я не имѣю силъ.

(*Между тѣмъ какъ онъ говоритъ, Танкреда медленно подносятъ къ Аменандѣ, почти безчувственной, поддерживаемой Фани и воинами. Она быстро испугается изъ руки ихъ и съ ужасомъ обращается къ Лоредану.)*

Аменанды.

Оставьте, Варвары, смущенія бесполезны!

(*Подбирая къ Танкреду и бросаясь къ ногамъ его.*)

Танкредъ! о другъ души, жестокій и любезный!
Ты можешь ли твой слухъ въ послѣдній разъ склонить?
Ты можешь ли ко мнѣ взоръ темный обратить?
Взгляни, узнай меня и мой удѣль ужасной,
Хоть въ гробъ мѣсто мнѣ, супругъ, дай несчастной!
Она завидуетъ единой чести сей:
Бессмертный сей союзъ ты обѣщалъ для неї.
Не будь немилосердъ, не будь врагомъ ты другу;
Хоть взоромъ удостой невинную супругу...

(*Онъ взглядываетъ на нее.*)

Ужель въ послѣдній разъ взглянуль ты на нее?..

Уже-ль совсѣмъ отвергъ и сердце ты моё?..

Ты могъ подозрѣвать?..

Танкредъ (*немного поднимаясь*).

Ахъ! ты мнѣ измѣнила.

Аменаида.

Кто! я? Танкредъ!

Аржири (бросившись къ ногамъ съ другой стороны и обнявши Танкреда, потомъ вставая.)

Ахъ, нѣтъ! она тебя любила,
И за любовь къ тебѣ на казнь осуждена;
За вѣрность лишь къ тебѣ страдала здѣсь она.
Мы все жестоки къ ней и предъ тобой виновны:
Законы, рыцари и нашъ совѣтъ верховный,—
Всѣ, всѣ преступны мы; невинна дочь моя;
Вооружило насъ одно письмо ея;
Письмо-жъ сіе къ тебѣ, къ любимому герою;
А ты обманутъ быль, обманутъ даже мною.

Танкредъ.

Аменаида... какъ! Такъ я любимъ тобой!

Аменаида.

Достойна-бѣ я была позорной казни той,
Отъ коей здѣсь меня рука твоя спасала,
Когда-бѣ я мигъ одинъ тебя не обожала,
Когда-бѣ забыла я священный нашъ обѣтъ.

Танкредъ (немногомъ пришедшемъ въ силы и возмысла
голосъ).

Любимъ я!.. Счастіе, превыше всѣхъ бѣдъ!
Теперь о жизни я скорблю—ее кончая;
Но смерть я заслужилъ, клеветникамъ внимая.
Ужасны дни мои... и ихъ свершень предѣль,
Какъ въ словѣ я твоемъ все счастіе обрѣль.

Аменаида.

И слово то сказать я время обрѣтаю
Лишь въ мигъ сей роковой, когда тебя теряю!
Танкредъ!..

Танкредъ.

Оставь твой плачь;—теперь спокоенъ я.
Но разстаюсь съ тобой; печальна смерть моя!

Я чувствую ее... Внели, Аржиръ почтенной:
 Вотъ сей драгой предметъ моей любви священной,
 Вотъ жертва скорбная злодѣйской клеветы
 И подозрѣній всѣхъ.—Соедини же ты
 Съ кровавой сей рукой ея дрожашу руку;
 Мнѣ дай отраднѣе снести смертельну муку;
 Съ супруга именемъ мнѣ дай во гробъ сойти;
 Будь мнѣ отцомъ.

Аржиръ (принимая ихъ руки).

О сынъ мой! Да возможешъ ты
 Утѣшить жизнью насть, супругою любимый...

Танкредъ.

Я живъ, чтобы отмстить жену и край родимый;
 И въ ихъ объятіяхъ умру достойнымъ ихъ,
 Отъ нихъ любимъ... Счастливъ въ желаніяхъ моихъ...
 Аменаида... Другъ!..

Аменаида (быстро).

Танкредъ!

Танкредъ.

Прости... страшился
 За мною слѣдовать... И жить мнѣ поклянися.

(Упадаетъ.)

Катанъ.

Свершилось! Плачутъ всѣ; но поздно онъ,—увы!—
 Здѣсь узанъ былъ.

Аменаида (бросаясь на тѣло Танкреда).

Онъ мертвъ... Какъ! Плачете и вы?
 Вы, тигры, вы, его изгнавшіе со свѣта?..

(Встаетъ и идетъ изступленная.)

Да тартаръ васъ пожреть, васъ, всѣхъ убійцъ Танкреда,
 И родину мою, и лютый нашъ законъ,
 Который здѣсь съ мечемъ въ невинныхъ устремленъ!
 Почто я не паду въ прахъ стѣнь сихъ раздробленныхъ!
 Межъ труповъ сихъ убійцъ, громами пораженныхъ!

(Бросается на тѣло Танкреда.)

Танкредъ, Танкредъ!

(Встаетъ въ изступлени.)

Онъ мертвъ!.. А зрю живыхъ я васъ?

Я слѣдую за нимъ... Его я слышу гласъ...

Зоветъ меня—зоветь къ обители онъ вѣчной.

Я оставляю всѣхъ васъ мукѣ безконечной.

(Упадаетъ на руки Фани.)

Аржиръ.

О дочь!

Аиенайд (въ изступлени отвергая его.)

Остановись... Нѣтъ, ты мнѣ не отецъ;

Ты чувства не имѣлъ отеческихъ сердецъ:

Сообщникъ ты убийцъ... Увы! Что я вѣщаю?

Умру, тебя любивъ... Танкредъ!—я умираю.

(Упадаетъ близъ него.)

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

ОТВѢТЬ НА ЕГО ПОСЛАНИЕ.

(1824 г.)

Мой другъ! себѣ не довѣрять,
Примѣта скромная пытомца Музъ младого.
Такъ юные орлы, съ гнѣзда слетѣвъ родного,
Полета къ солнцу вдругъ не смѣютъ испытать;
Парять, но по слѣдамъ отцовъ ширококрылыхъ,—
Могучихъ геніевъ дерзая по слѣдамъ,

Ввѣрялся ты младымъ еще крылатъ,
Но въ трудныхъ опытахъ не постыдились ихъ силы.
На что-жъ ты одаренъ сей силой неземной?
Чтобы смѣлое внушать другимъ лишь помышленье?
Чтобы пѣть великихъ душъ побѣды надъ судьбой,
А первому блѣднѣть подъ первою грозой,
И дать въ пѣвцѣ угрѣть души его паденье?..
Мужайся, другъ! главы подъ громомъ не склоняй,
Означенованной печатио святою;

Воюй съ враждебною судьбою,
И гордынь мужествомъ духъ юный возвышай:
Мужъ побѣждаетъ рокъ лишь твердою душою.

Гордись, пѣвецъ, высокъ пѣвцовъ удѣль!
Земная власть его не дастъ и не отниметъ.
Богатство, знатность, честь—могила ихъ предѣль;
Но дара Божія иракъ гроба не обниметъ.
Богачъ, склоняй чело предъ Фебовымъ жрецомъ:
Онъ имя смертное твое увѣковѣчить,

И въ иракѣ гробовою
Онъ данъ тебѣ потомства обеспечить.

Что быль бы гордый Мененатъ
Безъ пѣсней Флакка и Марона?
Въ могилу брошенный изъ золотыхъ палатъ,
Безславный бы рыдалъ, бродя у Ахерона,

Рыдалъ бы онъ, какъ бѣдный дровосѣкъ,
 Который весь свой темный вѣкъ
 Подъ шалашомъ свое оплакиваетъ бѣдство,
 Печальное отцовъ наслѣдство!
 И ты, богини сынъ, и ты, Пелидъ герой!
 Лежаль бы подъ землей нѣмой,
 Какъ смертный безыменный,
 И вѣки долгіе забвенія считалъ,
 Когда-бѣ пророкъ Xiosa вдохновенный
 Безсмертіемъ тебя не увѣчаль.
 Отъ Музъ и честь и слава земнородныи.
 Гордись, питомецъ Музъ, удѣломъ превосходныи!
 Но если геній твой,
 Разочарованный и небомъ нашимъ хладныи,
 И хладомъ душъ, не съ тѣмъ ужъ духомъ, славы жад-
 ныи,
 Глядитъ на путь прекрасный свой,
 Невольно унываешь
 И крылья опускаешь,
 Убийственнымъ сомнѣньемъ омраченъ—
 Не тщетно ли вступилъ на путь опасный онъ?
 Не тщетно ли себя ласкалъ вѣнкомъ поэта?
 И молча ждетъ нелѣстиваго отвѣта...
 Мой другъ, не отъ толпы и грубой и слѣпой
 Владыка лиры вдохновенной
 Услышить судъ прямой
 И голосъ истины священной,
 И не всегда его услышить отъ друзей:
 Слѣпые мы рабы слѣпыхъ своихъ страстей;
 Пристрастенъ, другъ, и я къ стихамъ друзей-поэтовъ;
 Прощаю грѣшный стихъ за слово для души.
 Счастливъ, кто самъ, страстей своихъ въ тиши,
 Пристрастье дружескихъ почувствуетъ совѣтовъ;
 Самъ поэтическихъ судья грѣховъ своихъ,
 Мараеть часто онъ хваленый другомъ стихъ.
 О! есть, мой другъ, и опытъ убѣждаетъ,
 Есть внутренний у насъ,
 Не всѣми слышимый, мгновенный, тихій гласъ:
 Какъ вѣрно онъ хулить, какъ вѣрно одобрять!
 Онъ совѣсть генія, таланта судія.
 Счастливъ, кто голосъ сей безсловный понимасть;
 Счастливъ Димитріевъ: что у него друзья

Въ стихахъ превозносили,
 То чувства строгія поэта осудили ¹⁾.
 Любимцемъ Музъ увѣренъ я,
 Что наша совѣсть намъ есть лучшій судія.
 Довѣренность къ друзьямъ, но не слѣпая вѣра.
 Кто нашимъ слабостямъ изъ дружбы не ласкалъ?
 А иногда—изъ видовъ, я слыхалъ.
 „Быть можетъ, юноша трубой Гомера
 „Въ Россіи загремитъ:
 „Тогда и я съ потомствомъ отдаленнымъ
 „Жить буду именемъ, для риомы съ стихъ вмѣщеннымъ.
 „Поклонникъ, другъ пѣвца, я буду-ль имъ забыть!“
 Вотъ для чего пичтожный Энолетовъ
 Такъ набивается на дружество поэтовъ.
 Кто жаждеть въ памяти людей
 Оставить по себѣ слѣдъ бытія земнова,
 Жизнь благородныхъ думъ и чувствъ души своей
 Безсмертію предать могучимъ даромъ слова:
 Не отъ ласкателныхъ друзей
 Тотъ ожидай отвѣта:
 Горить ли въ немъ священный огнь поэта;
 Испытай себя
 Не на толпѣ слѣпой парода—
 Есть беспристрастнѣйшій поэтовъ судія,
 Ихъ мать, ихъ первая наставница—Природа.
 Предстань передъ лицо ея
 Въ часъ солнцева торжественнааго всхода,
 Когда умытая душистою росой
 Является со всей роскошной красотой
 Безсмертно-юная Природа;
 Или въ тотъ часъ, когда и ночь и тишина
 Лѣнивымъ сномъ смыкаетъ смортныхъ очи:
 Природа, лишь подъ кровомъ ночи,
 Какъ непорочная, прекрасная жена,
 Любимцу тайны красы разоблачаетъ.
 Пусть гений твой Природу вопрошаетъ;
 И если ты достойный неофитъ,
 Она къ тебѣ заговорить
 Своимъ простымъ, но черни непонятнымъ,

1) И. И. Дмитревъ впогія цѣлыхъ п'есы уничтожилъ въ послѣднемъ изданіи своихъ стихотвореній.

Краснорѣчивѣйшимъ для сердца языкомъ,
 И если въ сердцѣ онъ откликнется твоемъ
 Глубокимъ трепетомъ, душѣ поэта внятныемъ;
 И если по тебѣ внезапно пробѣжитъ
 Священный холодъ изступленья,
 И духъ твой закипитъ
 Живою жаждой пѣснопѣнья,—
 Рукою смилою коснися струнъ нѣыхъ:
 Онъ огнемъ души зажгутся,
 Заговорятъ, и отъ перстовъ твоихъ
 Живыя пѣсни разольются.

ВЪ АЛЬБОМЪ ШИМАНОВСКОЙ

(славной музыкантши.)

Какъ въ громѣ звонкихъ арфъ цѣвницы тихій стонъ,
 И одинокой и унылой,
 Какъ между гробовыхъ сіающихъ колоннъ
 Простая урма надъ могилой
 Склоняютъ въ тихую задумчивость сердца:
 Такъ неизвѣстнаго тебѣ пѣвца
 Здѣсь, между пѣснями Камены вдохновенной,
 Быть можетъ, взоръ твой привлечеть,
 И хоть задумчивость на сердце наведеть
 Сей стихъ уединеннай.

А Н Е Т 0.

(въ альбомъ.)

Жила, была...
 Но нѣть, пора прошла,
 Какъ были вы Анеточкой-малюткой,
 Какъ вась я забавляль иль сказкою, иль шуткой.
 Дни дѣтства протекли;
 Вы расцвѣли;
 Вы не Анеточка, вы барышня Анета:
 Не сказкой, истиной пора вашь умъ питать.
 Внимайте-жъ голосу питомца Музъ, поэта!
 Онъ будеть истину вѣщать:

Вы очень умная и милая Анета!
 О, будьте ею навсегда!
 Блистайте, какъ теперь, наслѣдственнымъ богатствоимъ,
 И сердца добротой, и разума пріятствоимъ.
 И если я когда,
 Въ страны далекія заброшенный судьбою,
 Опять предстану вамъ, старикъ сѣдой, съ клюкою,
 Пускай найду васъ тѣмъ, чѣмъ нынѣ нахожу:
 И гордостью семьи и радостю свѣта;
 Пускай и старецъ я, увидѣвъ васъ, скажу:
 Ахъ, здравствуй, умная и милая Анета!

Зачѣмъ въ часъ грустный разставанья,
Прости—другъ другу говорять?
 Зачѣмъ какъ будто бы съ надеждою хотятъ
 Проститься и навѣтъ? Не лучше-ль до *свиданья*
 Другъ другу говорить?
 И могутъ-ли врагами быть
 Богъ кроткій разставаний
 Задумчивый, крылатый Абонъ
 И братъ его, веселый Адеонъ,
 Богъ радостныхъ свиданій?

Г Р А Ф У ***

(который, восхищаясь игрою ТРАГИЧЕСКОЙ АКТРИСЫ СЕМЕНОВОЙ,
 говорилъ инѣ, что самъ АПОЛЛОНЪ учить ЕЕ.)

Извѣстно, графъ, что вамъ пріятель Аполлонъ.
 Но если этотъ небожитель
 (Знать, есть и у боговъ тщеславіе свое)
 Шепнуль вамъ, будто онъ
 Семеновой учитель,—
 Не вѣрьте, графъ, ему, спросите у нее.

А М Б Р А.

Амбра, душистая амбра, сколькихъ ты и мухъ и червей
 Предохраняешь отъ тлѣнья!
 Амбра—поэзія: что безъ нея именитость людей?
 Блескъ метеора, добыча забвенья!

Д У М А.

Кто на землѣ не вкушалъ жизни па лонѣ любви,
 Тотъ бытія земного возвышенной цѣли не понялъ;
 Тотъ предвкусить не успѣлъ сладостной жизни *другой*:
 Онъ, какъ туманъ, при рожденіи гибнущій, умеръ, не живши.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ СУВОРОВА.

Ты ищешь монумента?..
 Суворовъ здѣсь лежитъ.

НАДПИСЬ КЪ ГРОБУ КАНТЕМИРА.

Порочный, не смѣй подходить къ сей гробницѣ:
 Твой бичъ, Кантемиръ, здѣсь лежитъ.
 Ты-жъ, добрый—къ могилѣ приникни спокойно
 И, если захочешь, усни.

Н А С М Е Р Т Ъ ***.

Цвѣла и блестала,
 И радостью взоровъ была;
 Младенчески жизнью играла,
 И смерть, улыбаясь, на битву звала;
 И вызывавъ, безъ боя, въ добычу нещадной
 Съ презрѣнiemъ бросивъ покровъ свой земной
 Отъ плачущей дружбы, любви безотрадной
 Въ эфиръ унеслася крылатой душой!

К"***

(ТРЕБОВАВШЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРА СОЧИНЕНИЙ БАТЮШКОВА).

Какъ? Вы хотите знать, что Граціи внушали
 Любимцу Аонидъ?
 Ужель онъ вамъ сами не сказали? —
 Нѣть тайнъ между Харитъ.

КЪ А. А. О.

(ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ЕЮ ВЪ ПОДАРОКЪ КИТАЙСКАГО ВѢРА).

Китайский вѣръ милъ, но даръ, ненужный вамъ:
 Иные барышни къ быльмъ ихъ красотамъ
 Манять Зефировъ вѣрами;
 Зефиры къ вамъ летять охотно сами,
 Какъ пчелы на цвѣты:
 Зефиры—слуги красоты.

МОЛИТВА ДѢТЕЙ.

(ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МАТЕРИ, НА ГОЛОСЪ:
Боже, Царя храни!)

Радость дѣтей, любовь,
 Васъ къ выраженью—словъ
 Мы не найдемъ!
 Мы ихъ движенія,
 Въ день восхищенія,
 Съ гласомъ моленія
 Къ Богу прольемъ:
 Боже, услышь дѣтей!
 Знаешь, о чемъ душей
 Молять они:
 Всѣми почтенную,
 Намъ драгоцѣнную,
 Мать несравненную,
 Боже, храни!

Э Л Е Г I Я.

Ou chantez vos malheurs, ou laissez vos chansons.

Ты, услаждавшая всегда мой томный духъ,
 Сопутница моя, единственный мой другъ,
 Съ тѣхъ поръ, какъ съ другомъ я души моей разстался,
 О арфа тихая! позволь, чтобы раздался
 Унылый голосъ твой; печаль, тоску мою
 Въ плачевыхъ звукахъ я изъ сердца *ию*;
 Но тщетно слабою, трепещущей рукою
 Въ мечткой безмолвіи тебя, о арфа, строю:

Ахъ, пѣсни дщери суть спокойныхъ лишь сердецъ;
 А твой, о Софія! страдающій пѣвецъ
 Въ нѣмомъ отчаянны тебя воспоминаеть;
 Коснется арфы онъ—и арфа лишь стонаеть.
 Унылый стонъ ея, отдавшійся въ груди,
 Сугубить грусть мою—о Софія! приди...
 Желанье щетное и звуки словъ пустые,
 Лѣса дремучие и тѣ скалы крутые
 Кладутъ ужасную преграду для нея;
 Преграды видитъ ли могущество твое,
 Всесильная любовь?—пусть высится главами
 Тѣ горы до небесь—почель бы ихъ холмами;
 Чрезъ горы, чрезъ лѣса я птицей бы летѣль,
 Когда-бѣ, о рокъ, тебя въ рукѣ моей икѣль!
 Но ты несчастному преграду полагаешь,
 И выше скалъ ее кремнистыхъ возвышаешь.

О Софія, мой другъ, я разлученъ съ тобой,
 Въ пустыню занесенъ, какъ вихремъ листъ сухой;
 Но пусть еще бы былъ за высшими горами,
 Въ странахъ ужаснѣшихъ, за синими морями,—
 Тебя любить, мой другъ, всегда воспоминать,
 Не въ силахъ отъ меня и рокъ сего отнять.
 Подъ тягостной его десницею страдаю,
 И изъ пустыни къ тебѣ мой голосъ простираю;
 Услыши его—но ахъ!—къ тебѣ онъ не дойдетъ,
 Вѣтъ разнесеть его, въ пустынѣ онъ умретъ;
 И ты не будешь знать, дышу-ль еще я нынѣ,
 Чернѣется-ль моя могила на долинѣ?
 Увы! умру я здѣсь—умру въ чужой странѣ,
 Никто не пролітъ одной слезы по мнѣ,
 Ни къ гробу мрачному никѣмъ не провожденный,
 И прежде гроба я—отъ всѣхъ уже забвенный
 Засыплюсь хладною, незнамою рукой,
 И буду—страшна мысль—забвенья и тобой!
 Но тѣнь, но тѣнь моя изъ гроба пусть возстанетъ,
 И въ полночь ясную предъ Софию предстанетъ,
 Предстанетъ блѣдная, и вмѣсто скорбныхъ словъ,
 Пусть стономъ жалостнымъ напомнить ей любовь;
 Пусть скажетъ, что любви и гробъ не охлаждаетъ,
 И что она мой сонъ и въ гробѣ возмущаетъ!
 О, лучше бы погибъ средь яростныхъ морей,
 Или-бѣ растерзанъ былъ отъ лютыхъ язвѣрей,

Чемъ скорбь мнѣ тутъ дѣлить съ безмолвными стѣнами
 И говорить съ людьми—однѣми лишь слезами!
 Увы! уже изсохъ источникъ слезъ во мнѣ:
 Во отдаленной сей пустынной сторонѣ,
 Стремился къ людямъ я съ сердечною тоскою;
 Но люди—нѣть, и тигръ съ лютѣйшею душою
 Не насыялся бы надъ горестью другихъ,
 Но люди (мало зналъ сердца я тварей сихъ),
 Они, о Софія, несчастнаго чуждались
 И злобно надъ моимъ страданiemъ смигались!
 Они безчувственны, холоднѣе кремня;
 Но нѣть, кремень хотя не оттолкнетъ меня...
 Я часто прибѣгалъ къ стихіямъ разъяреннымъ,
 Когда гремятъ онѣ по сводамъ раскаленнымъ.
 Подъ громы, молніи я возношу главу,
 Стена съ бурями, смерть, смерть къ себѣ зову!
 Но и стихіи здѣсь, какъ люди, несмягчими;
 О боги! будете-ль и вы неумолимы?
 Вы долго-ль будете нить скорбной жизни длить?
 Престаньте горкій ядъ по каплѣ въ душу лить.
 Съ подругою души навѣки разлученный,
 И жизнью—бременемъ несноснымъ—отягченный,
 Я не живу теперь, но мучусь всякий часъ;
 Услышьте-жъ, боги, вы страдальца скорбный гласъ!
 Но гласъ несчастнаго до неба не доходить,
 И удовольствіе все небо въ томъ находить,
 Чтобы счастливыхъ жизнь внезапно прерывать,
 Несчастныи же велѣть томиться и страдать.
 Томлюся, какъ цвѣтокъ среди пустыни отъ зною,
 Неоживляемый холодною росою;
 Засохшу голову склоняетъ онъ къ землѣ,
 И зрятся желтые былинки лишь однѣ.
 Но отъ сего цвѣтка смерть взоры отвращаетъ
 И розу юную съ улыбкой подсѣкаетъ;
 А я все жизни влачу, скитаюсь средь лѣсовъ,
 И мнѣ сопутствуетъ одна печаль безъ словъ;
 Тутъ я въ нѣмой тоскѣ вздыхаю наединѣ
 И вздохи бѣднаго теряются въ пустынѣ;
 Въ полночь, подъ дубомъ сѣвъ, унылый голосъ мой
 Сливаю вдалекъ съ шумящою волной,
 И какъ волны сей шумъ помалу умираетъ,
 Такъ и отъ слезъ моихъ гласъ затихаетъ.

Стремлюся я тогда въ дубравну густоту,
 Чтобы иракъ ея занялъ сердечну пустоту,
 Туда, гдѣ мутный токъ изъ урны черной льется,
 И между утыхъ иней въ безмолвіи влечется,
 Гдѣ нарушается безмолвье—скрипомъ древъ,
 Иль эхомъ, вторящимъ звѣрей пустынныхъ ревъ,
 Иль гласомъ изрѣдка зловѣщихъ завываний,
 Гдѣ ты—возродвшаясь изъ слезъ и воздыханій,
 Грызущая печаль скитаешься одна,
 Неутѣшиная, безмолвна и блѣдна;
 Сюда стремлюся я бесѣдоватъ съ тобою
 И угѣшать себя хотя одной мечтою;
 Но самая мечта, воображенья дщерь,
 Надежды сладкой въ храмъ мнѣ заграждастъ дверь,
 И сердцу страстному лишь то напоминаетъ,
 Что каждый бой его такъ сильно повторяетъ,
 Что Софія нигдѣ я не могу забыть,
 Что не могу вовѣкъ любви къ ней побѣдить.—
 Въ ужасной дебри сей—въ чась тихой полуночи,
 Когда мечтаю я, мои печальны очи
 Зрять часто, какъ луна, раздравъ ночной покровъ,
 Блистаетъ при краяхъ туманныхъ облаковъ,
 И блѣдный, дружескій свой взоръ ко мнѣ кидаетъ,
 Изсохшіе листы дубъ на меня стрясаетъ,
 Я погружаюся какъ будто въ мертвый сонъ,
 Въ оцѣпенѣніи... Но птицъ полночныхъ стонъ
 И эти сладкія минуты похищаетъ,
 И что я живъ еще, увы! напоминаетъ.
 Я живъ, о Софія! еще я слишкомъ живъ,
 Но не къ тому, мой другъ, чтобы, тебя забывъ,
 Могъ успокоиться хотя одну минуту,
 Забыть мою судьбу, съ тобой разлуку люту,
 Нѣть,—кровь, въ которой огнь любви къ тебѣ течеть,
 И сердце, что въ груди моей печально бѣть,
 Біенемъ каждымъ мнѣ напомнитъ разлученіе;—
 Я живъ, я слишкомъ живъ, чтобы чувствовать мученіе,
 Любить такъ пламенно и ввѣкъ не ожидать
 Тебя къ груди моей пылающей прижатъ!
 Ужасно!—Но во мнѣ покуда сердце бѣтъ,
 Внемли, о Софія! любовникъ твой клянется:
 Тобою чувствовать, тобой одной дышать,
 Иного божества кромѣ тебя—не знать,

Покуда излетить душа его уныла,
И охладѣть онъ, какъ черная могила.
Когда-жъ въ ничтожествѣ мой дукъ не можетъ быть,
Когда опять я тамъ—за гробомъ—буду жить,
Когда и самый гробъ не есть всему преграда,—
Тамъ будешь ты мой рай и вся моя награда.
Прости, о Софія, гласъ стона моего,
Когда достигнеть онъ до слуха твоего.
Ахъ! если грудь твоя испустить вздохъ сердечный,
Съ какимъ спокойствиемъ я погружусь въ сонъ вѣчный!
Когда же ты прольешь слезу при сихъ словахъ,
Хоть буду мертвымъ я—почувствуетъ мой прахъ.

А. С. ПУШКИНУ.

(по прочтении сказки его о Царь Салтанѣ и проч.)

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣй!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей:
Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона гений, иль Гете, Шекспира,
Гений ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ:
Ты же постигнувший таинство русскаго духа и мира,
Пой наимъ по-своему, Русскій Баинъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Вѣдь, на Руси ты пѣвецъ *несравненный*.

КЪ П — О Й.

Когда-бы всѣ тетушки на вѣсъ похожи были,
Никто-бы не захотѣлъ племянникомъ ихъ бытъ:
Намъ, какъ племянникамъ, ихъ должно бы любить;
А мы-бы ихъ болѣе, чѣмъ тетушекъ, любили.

КЪ КУМЪ.

(одесса.)

Не видѣвъ васъ,
Я кумомъ вашимъ быть охотно согласился;

Увидѣвъ васъ,
 Задумался, раскаялся, сердился,
 Зачѣмъ, не въ добрый часъ,
 Рокъ обязалъ меня звать лишь кумою васъ,
 И оставаться ввѣкъ (несносна эта дума!)
 При скромныхъ лишь правахъ почтительнаго кума.

Б Ъ Д А.

Бѣда! какъ ни сойдусь я съ милою кумой,
 То съ болю головы жестокой
 Всегда приду домой.
 Бѣда! отъ головы до сердца недалеко.

Н А С М Е Р Т Ъ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА С. СТРОГАНОВА.

Нѣть, рано, Строгановъ, разстался ты съ землей!
 И если-бъ вѣкъ еще тебѣ жить Небо дало,—
 Для Музъ, для добрыхъ дѣлъ, для счастія людей
 Все прожилъ бы ты мало!

Н А С М Е Р Т Ъ

ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПАВЛ. СТРОГАНОВА, УБИТАГО ВЪ СРАЖЕНИИ ПОДЪ
 КРАНОНОМЪ ВО ФРАНЦІИ, ГДѢ ОТЕЦЪ ЕГО КОМАНДОВАЛЪ.

Едва для жизни онъ распѣръль,
 Надеждой свѣтлою домъ предковъ озаряя,
 И юношу отецъ, отчизнѣ обрекая,
 Въ знакомый славы путь, въ *святую брань*¹⁾ повелъ.
 Но, славѣ неземной отъ Неба обреченный,
 Онъ рокъ свой совершилъ: онъ полетѣлъ на бой,
 И паль, въ глазахъ отца сраженный.
 Такъ идутъ къ небесамъ, о юноша-герой!

¹⁾ 1812 года.

НАДПИСЬ

на гробъ полковника П. Ю. БЫКОВСКАГО, сооруженномъ его супругою.

Изъ грозныхъ браней бурь, съ погибели полей
Онъ вынесъ жизнь и честь, слуга отчизнѣ вѣрный;
И мирнаго, въ объятіяхъ друзей,
Сразила смерть его рукой немилосердной! —
Съ нимъ все и погребла... Но ты, о вѣра, будь
Оставшагося мнѣ хранитель упованья,
Что гробъ намъ краткій путь
Для неразлучнаго свиданья.

ЭПИГРАММА.

(помощникъ БАЛАБАНЪ.)

Благочестивый мужъ, Христу изъ угощенья,
Для нищихъ на селѣ построилъ домъ призрѣнья, —
И нищихъ для него надѣлалъ изъ крестьянъ.

КЪ КАЯЩЕЙСЯ ГРѢШНИЦѢ.

Когда-бъ всѣ грѣшницы подобны были вамъ
И такъ-же калялиса мило, —
Отъ нихъ для петербургскихъ дамъ
Въ раю-бъ тѣсненько было.
Я знаю, при дворѣ и вы не негрѣшны;
Я слышалъ, фрейлины васъ часто осуждаютъ,
Что слишкомъ милы вы, любезны и умны;
Но фрейлины однѣ (причину, впрочемъ, знаютъ)
Любезныхъ сихъ грѣховъ другъ дружкѣ не прощаютъ.
Не слушайтесь ихъ, скажу тихонько вамъ.
Грѣшите каждый день, не кааясь іерею,
Веселостью ума, любезностью свою, —
И будьте, по своимъ плѣнительнымъ грѣхамъ,
Вы первой грѣшницей межъ петербургскихъ дамъ!

П Е Т Е Р Г О Ф Ъ,
или 22 день июля 1803 года.

Гдѣ я?—Не въ области-ль чудесть, очарованій?
Не храмъ ли се боговъ—не это ли Эдемъ,
Откуда льется вслухъ гармонія небесна?
Куда народы тѣ съ веселіемъ текутъ?—
Не пиръ ли общиѣ здѣсь даютъ Олимпа боги?

Чудесный зрю чертогъ на пламенныхъ столпахъ,
Горящій, блещущій... Я зрю—недоумѣю;
Составленъ, кажется, изъ камней онъ драгихъ.
Рубины о топазъ, а изумрудъ о яхонтъ
Лучи переломляя—вокругъ его горятъ
И яркою игрой иракъ ночи разсѣкаютъ.
Я съ сонмами людей къ чертогу подхожу,
Съ священнымъ трепетомъ во внутрь его вступаю,
И взоръ затмился мой:—во храмъ я боговъ!
Висящіи тучи звѣздъ смыялись тутъ надъ солнцемъ,
Кристаллы прѣйтныя двоили блескъ сихъ звѣздъ;
Межъ мраморныхъ столповъ—изъ золотыхъ курильницъ
Клубами синими тутъ вился ароматъ
И легкимъ облакомъ по храму разстился;
Шурпуръ и золото сияли по странамъ,
Картини, статуи тутъ въ зеркалахъ смыялись.
Съ благоговѣніемъ вельможи и народъ
Пришествія боговъ во храмъ сей ожидали.—
„Царица!“ голосъ рекъ—и молни стрѣла
Не съ тою быстротой по тучѣ пролетаетъ,
Съ какою слово то по храму пронеслось,
Съ какою по челямъ всѣхъ радость разлилася;
Шептанье радости прервалось—и вдругъ
Звучить музыки громъ—ярчай огни пылаютъ,
Дверь растворяется—и кто сія Жена?
Какъ пальма высится—она такъ возвышена,
Какъ полная луна—такъ важенъ взоръ ея,
Какъ майская заря—такъ тихъ онъ и прекрасенъ:
Какъ на престолѣ, зрю премудрость на челѣ,
А милость и любовь въ устахъ ея смыются;
Великая душа рисуется въ чертахъ.
Взглянула и—какъ лучъ свѣтила благотворна
Въ мигъ проливающа свѣтъ на горы, въ бездны всѣ,

Такъ взглѣдъ ея пролилъ въ сердца народа радость;
 Осклабилась она—сердца въ восторгъ всѣхъ,
 Восторгъ пріятнѣйшій въ крови моей лістся!
 Въ семъ ликѣ божества—Марію вижу я.
 Такъ—ангела ея симъ днемъ, для всѣхъ священнымъ,
 Восторгъ и торжество повсюду разлились,
 Сей домъ, сія страна въ Эдемъ преобразились,
 Поль-сѣвера стеклось ее благословлять.
 Воззри, царица, ты воззри, Марія кротка,
 На сонмы сихъ людей, что вкругъ тебя стоятъ;
 На Бога какъ они, такъ на тебя взираютъ;
 Читай на лицахъ ихъ сердечную любовь,
 Вонми пріятному шептанію ихъ усть,
 Сей музыкъ сердецъ, трепещущихъ въ весельѣ;
 Они хотять излить его передъ тобой;
 Но полныя сердца безструнныя суть лиры.

Восторгъ во мнѣ кипитъ—я жажду пѣть—кого?—
 Народы стекшись, свой слухъ вы преклоните,
 Утихни, водный шумъ, внимайте, вѣты, мнѣ—
 Земное божество на лирѣ пѣть дерзаю!
 Воздвигну памятникъ Маріинымъ дѣламъ,
 Да роды будущи въ восторгѣ имъ дивятся,
 И да поклонятся ей такъ, какъ божеству!

Но юный ли пѣвецъ на тихострунной лирѣ
 Дерзнетъ воспѣть ее—дѣла ея хвалить?
 Гдѣ сышетъ онъ слова, гдѣ сышетъ кисть чудесну,
 Которою-бѣ хоть тѣнь сихъ дѣлъ изобразилъ?
 Нигдѣ! Дѣла ея слова всѣ превосходятъ!—
 Лишь стоитъ заглянуть въ ту длинну зданій цѣль,
 Туда, гдѣ съ кроткою улыбкою Марія
 Природѣ брошенной внимаетъ, жизнь даетъ,
 Гдѣ матери рукою стираетъ горьки слезы
 У человѣчества, страдающаго здѣсь.—
 О, поле славное для дѣлъ великихъ, славныхъ!
 И тутъ—на полѣ семъ—тотъ памятникъ растеть,
 Дѣлами что она сама себѣ воздвигла:
 Коса Сатурнова обѣ оной зазвенить,
 Подобно звѣздамъ онъ, сквозь иракъ ночной блестящимъ,
 Подобно мѣсяцу—нѣть! солнцу ярко-лучну,
 Сквозь всѣ ряды вѣковъ и въ вѣчность свѣть прольеть!

А тамъ—готовъ вѣнецъ ся достойный—звѣздный,
Мнѣ Полигимія указуетъ его.

Итакъ, безуменъ тотъ, кто-бѣ дневному свѣтилу
Сиянія болѣе еще придать желалъ;
Я также бы ему подобенъ былъ, когда бы
Сиянія желалъ придать твоимъ дѣламъ
Свою тихою незнаемою лирой;
Благоговѣя лишь въ молчаньѣ предъ тобой,
Иду зрѣть радости, тобою пролитыя
И съ всѣми россами благословлять тебя!

Не брилліантныя-ль повсюду зрю я горы?
Не радуги-ль сюда спустилися сяяте?
Иль звѣзды всѣ съ небесъ похитило искусство,
Чтобъ длинны, огнены тѣ цѣпи протянуть,
Чтобы составить тѣ горящія гирлянды?
Тѣ разноцвѣтные пылающи огни
Не новымъ ли какимъ возжены Прометеемъ?
Космами яркими вѣется пламя ихъ,
Луна, луна отъ ихъ сянія тускнѣеть
И устыдившия за облако бѣжитъ.
Но—о Монархия! Когда-бѣ огней тѣхъ пламя
Сравнилось съ пламенемъ твоихъ всѣхъ алтарей,
Сравнилось съ пламенемъ сердецъ къ тебѣ народныхъ,
То солнце самое померкло-бѣ передъ нимъ! —
Отъ блещущихъ картинъ, отъ сихъ огней чудесныхъ
Переношуся я въ страну другихъ чудесъ,
Гдѣ тьма—но каждое изъ нихъ прекрасно, ново,
Гдѣ все плѣняетъ взоръ и сердцу говорить,
Тамъ дышащая мѣдь, а тутъ водныя рѣки
Летять вверхъ—высятся—на воздухѣ стоять,
Вверху, внизу кипятъ, вокругъ нихъ пѣна скачеть
И влажна пыль летить,—отъ пыли кустъ дрожитъ,
Въ пылинкѣ каждой сей лучи огней играютъ. —
Поэты славные, гдѣ вы?—Смотри сюда,
Смотри—какъ этотъ левъ, напрягши львины силы,
Раздранный пастию Самисоновой рукой,
Кидаетъ выше древъ серебряную рѣку;
Шумитъ, кипитъ она—дождь огненный лѣтъ.
Взгляни, какъ изъ ноздрей сихъ дышущихъ дельфиновъ
Дугами сыплются алмазъ, топазъ, рубинъ,

И исчезаютъ какъ во мрачныхъ сихъ каналахъ;
 Тутъ воды, какъ столпы, такъ какъ снопы растуть,
 И съ шумомъ сбоятъ внизъ дождь мелкій, искрометный:
 Не такъ ли сбоятся Маріиной рукой
 Щедроты, милости на сирыхъ и несчастныхъ?
 А тутъ, смотри—вода, смѣшавшаясь съ огнемъ,
 Рѣкою огненной и скачеть и вѣется,
 Иль флеръ серебряный по мрамору струить,
 Иль стелется холстомъ—о чудеса искусства!
 Поэты славные и живописцы всѣ,
 Придите вы сюда—падуть изъ рукъ и кисти ¹⁾).

Мой утомленный духъ, разсѣянный мой взоръ
 Стремится въ густоту деревъ тѣхъ грозныхъ, мрачныхъ,
 Сосредоточить тамъ желаетъ онъ себя.
 Илу—земля предъ мнай волнуется, какъ море,
 Долиной стелется, то высится холмомъ,
 И дикая стезя въ сей мрачный лѣсъ приводить.
 Глубока тишина, густая ночи тѣнь,—
 Вить что вдругъ видѣть глазъ, вить что тутъ слышить ухо!
 Тутъ дубы древніе вокругъ стелются черны мракъ,
 А сосны, лунный лучъ сквозь вѣти пропуская,
 Рисуютъ живо мнѣ сраженые свѣта съ тьмой;
 Пробившійся тотъ лучъ на сихъ кустахъ трепещетъ,
 Но мшистымъ тѣмъ скаламъ, по утлымъ пнямъ скользитъ—
 И преломясь о нихъ—въ протокѣ семъ мелькаеть,
 Что между тѣхъ же пней, межъ иковъ висящихъ съ скаль,
 Едва скитаются, щепча уныло съ ихами;
 Съ симъ шепотомъ, глухихъ волторновъ стонеть гуль,
 Или сливаются далеки трели флейты.
 Всѣ чувства, вся душа моя потрясена,
 Восхищена, и я—тутъ весь въ очарованъ.
 Но кто бы, кто бы тутъ и не былъ потрясенъ?
 Кого картины тѣ собой не очаруютъ?
 Кто не заноетъ здѣсь отъ томныхъ сладкихъ чувствъ?
 Тутъ надобно смягчать злодѣевъ и тирановъ.

¹⁾ По крайней мѣрѣ сочинитель бросаетъ слабое перо свое предъ другими рядами фонтановъ, бассейновъ и прочими произведеніями искусства—этой правой руки природы, и описывать ихъ предоставляетъ перу гораздо искуснѣйшему.

Montrez-moi mon vainqueur—et je cours l'embrasser.

Послѣ торжественныхъ, блестящихъ видовъ тѣхъ,
Любуюсь я рукой разборчивой природы:
Какую важность симъ дубамъ она дала,
Какъ гордо вѣтви ихъ нестройны вверхъ несутся!
Какая трепетность въ топольихъ сихъ листахъ,
И тугость въ вѣтвахъ тѣхъ иглистыхъ, статныхъ сосенъ,
Въ березахъ, ликахъ сихъ, отъ корня до вершинъ,
Отъ вѣтви до листа—какая гибкость легка!
И какъ искусство тутъ съ величествомъ деревъ,
Съ природой дикою пріятность сочетало:
Межъ важныхъ тѣхъ деревъ разсѣяло кусты.
Мой потрясенный духъ съ той зеленью смѣется;
Тамъ, въ углубленій сей рощи—сквозь листы
Блеститъ какъ бы рѣка луною посребренна;
Иду—но все она мелькаетъ лишь въ очахъ,
Опять теряется за скатомъ, за кустами—
Вдругъ изумленный взоръ зритъ море предъ собою.
О, кисть Пуссенева, вотъ видъ, тебя достойный!
Пространству синему лишь небо есть предѣль,
И море съ высоты позитило, такъ мнится—
Воздушны горы всѣ и звѣзды, и луну,
Украсить чтобъ себя, чтобъ ими осребриться.
Кто не восхитится, зря тамъ, за моремъ симъ,
Сквозь синево—крести церквей и шпицы башенъ,
И вспомня, что было предъ симъ на мѣстѣ ихъ?
Рыбачи хижины! О Петръ! и слезы льются...
Марія!—и тебѣ такая-жъ будеть дань;
Едовицы, сироты, блаженные тобою,
Ихъ льютъ и будуть лить, а дѣти ихъ теперь,
Какъ имя матери—твоѳ лепечутъ имя,
Навыкнувъ чувствовать—они ихъ будуть лить.
Изъ дикой рощи сей аллею густою
Иду—и каждый шагъ мнѣ кажется новый видъ:
Тамъ, въ самой дальности аллеи сей зеленой,
Зрю дубы, сосны какъ вѣнчаютъ замокъ тотъ,
А замокъ гору ту прекрасно какъ вѣнчаетъ;
По скату воды тамъ какъ сѣточки блестятъ;
Вокругъ меня древа въ извилистыхъ аллеяхъ,
Въ подобии кажутся тѣхъ древнихъ пирамидъ,
Шарами круглыми, то вазами стоять,
То важностью глаза, то простотой илѣняютъ;
Аллея кончилась—и изумленный взоръ

Долины, холмики и рощи въ мигъ встрѣчаетъ,
 То гладкіе ковры, то цвѣтные топчу;
 Тамъ въ купахъ дерева, а здѣсь стоять небрежно;
 Искусство чудное, кто усомнится въ томъ,
 Что правая рука природы—есть искусство?
 Всѣ тѣ предметы, что съ намѣренiemъ оно
 Разсѣяло вездѣ—случайно я встрѣчаю;
 Высоки сосны тамъ несутся къ облакамъ,
 А ивы, какъ бы сей ихъ важности страшася,
 Вдали стоятъ—къ землѣ всѣ вѣтви опустивъ;
 Но толстый дубъ одинъ—какъ рыцарь передъ войскомъ,
 Стоитъ, предъ соснами величествомъ гордясь.
 Оставь предметы тѣ, иди, спѣши за мною,
 Смотри въ ту сторону—смѣется роща тамъ.
 Къ природной простотѣ (а что ея милѣе?)
 Искусство, кажется, тутъ не щадило рукъ,
 Чтобъ взоръ, чтобъ ухо и всѣ чувства чаровать.
 Нельзя прекраснѣе холмамъ синь понижаться,
 Нельзя прекраснѣе разсѣяться кустамъ;
 И какъ кусты сіи холмы тѣ оттѣняютъ
 Зеленої, палевої, пурпурової чертой;
 Смотри, какъ сей коверъ волнистый разостлся.
 Между холмовъ, кустовъ по этому ковру
 Струится синій ключъ—и чуть только струится,
 Чтобъ далѣе цвѣтку журчать любовь свою.
 А тамъ—въ тѣни деревъ, что, вѣтвями обнявшись,
 Бесѣдки свѣтлыя иль своды темны вьютъ,
 Иль раздѣлясь—вдали картины открываются,
 Въ ихъ самой густотѣ—снопомъ вода растетъ,
 Шумитъ, и въ сладкое забвенье погружаетъ.

Въ прелестномъ мѣстѣ семь, въ раю—въ раю земномъ,
Марія юная, *Маріи* дщерь прекрасна,
 Супругу своему тутъ руку посвящала;
 Любовь и вѣрность къ нимъ, какъ двѣ сестры, снизшли:
 Любовь въ рукѣ своей четы сей ликъ держала,
 Взирая на него—дивилася сама;
 Тутъ вѣрность ликъ принялъ—его постановляетъ
 На твердыхъ, золотыхъ, незыблемыхъ столпахъ!
 Послѣ минуты сей я зреѣлъ, какъ въ семъ Эдемѣ,
 Всѣдѣ за четою сей утѣхи потекли,
 Какъ травы и цвѣты подъ ихъ стопы клонились,

Кустарники какъ тѣ сплеталися вокругъ ихъ,
 Какъ дерева сіи вѣнки вили надъ ними,
 И этотъ водометъ, что тамъ въ тѣни шумитъ,
 Забылъ тогда шумѣть, стояль—на нихъ взирая.

Аркадскіе лѣса, Гавайскія мыста,
 Сады Италии, Гельвеціи картины!
 Я не завидую тому, кто видѣлъ вѣсну.
 Взойду на этотъ холмъ—и глазъ мой ихъ увидитъ;
 Тамъ множество аллей различныхъ въ красотѣ,
 Въ излучинахъ своихъ; тутъ холмы и долины
 Въ цвѣтныхъ коврахъ, кустахъ; тамъ голыя скалы;
 Тамъ дремлетъ черный лѣсъ, скитаются протоки,
 Смѣется роща тутъ, тутъ ключъ сребро струигъ,
 Тамъ воды высятся, и скачутъ, и катятся,
 Тутъ море синее во всемъ пространствѣ зрю,
 То межъ деревъ его едва лишь примѣчу!
 Какая тьма богатствъ для кисти и пера!
 Оттуда бубновъ громъ, отсюда стонь волторновъ,
 То трели слышу флейты сквозь водомета шумъ—
 Какія чары тутъ для зрѣнія и слуха!

О, если бы я даръ поэзіи имѣть,
 Тогда бы Петергофъ въ картинѣ я представилъ,
Марію бы тогда я выше звѣздъ вознесъ!
 Но гласъ мой столько слабъ, сколь велика *Марія*,
 И даръ мой такъ-же малъ, какъ Петергофъ прекрасенъ.
 Прости, Монархия, прости, что я дерзнулъ,
 Въ жару усердія, свою дрожащу лиру
 Къ стопамъ твоимъ повергнуть.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

	СТР.
Арфа Давида	3
Красоты Оссиона	4
Сътovanіе ѡетиды.	15
Рожденіе Гомера.	17
Послѣдняя пѣснь Оссиона.	32
Гомеровъ гимнъ Минервѣ.	36
Гомеровъ гимнъ Дианѣ	—
Гимнъ Венерѣ	37
Танталь и Сизифъ въ адѣ.	38
Къ Морфею.	—
Военный гимнъ грековъ.	39
Сиракузянки, или праздникъ Адониса	41
Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ:	
Введеніе	51
Пѣсни kleftическаяя:	
I. Олимпъ	70
II. Сонъ Дима	71
III. и IV. Буковалъ и Иванъ Стаса	—
V. Послѣднее прощаніе Клефта	73
VI. Гробъ Клефта	—
VII. Умирающій Йотъ	74
VIII. Пляска.	75
IX. Андрико.	—
X. Кальякудъ	76
XI. Гифтакъ	77
XII. Скиллодимъ	78
Танкредъ, трагедія.	80
Къ Н. А. Плетнєву, отвѣтъ на его посланіе.	144
Въ альбомъ Шимановской	147

	стр.
Анетѣ О. Въ альбомъ	147
Графу ***	148
Амбра	—
Дума.	149
Надпись къ гробу Суворова.	—
Надпись къ гробу Кантемира	—
На смерть***	—
Къ ***	—
Къ А. А. О.	150
Молитва дѣтей.	—
Элегія	—
А. С. Пушкину.	154
Къ II—ой	—
Къ кумѣ.	—
Бѣда	155
На смерть графа Александра С. Строганова.	—
На смерть графа Александра Павл. Строганова.	—
Надпись на гробъ полковника П. Ю. Быковскаго	156
Эпиграмма. Помѣщикъ Балабанъ.	—
Къ кающейся грѣшницѣ	—
Петергофъ	157

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ТРЕТИЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Съ портретомъ автора и критико-бюографическимъ очеркомъ,
составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ТРЕТЬИ

ИЗДАНИЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИШЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12

1903

Дозволено цензурою. Спб , 15 ноября 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5—7.

*ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
НИКОЛАЮ I.*

ВСЕМИЛОСТИВЪЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

Въ одинъ изъ годовъ, Россіи вѣчно незабвенныхъ, когда Государь АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ славою оружія и добродѣтелей своихъ наполнялъ вселенную, имѣль я счастіе, предъ лицомъ АВГУСТЪЙШЕЙ Родительницы ВАШЕЙ, читать, между прочимъ, первый опытъ перевода моего изъ Иліады Гомеровой. Въ числѣ ВЫСОКИХЪ слушателей, имѣль я счастіе видѣть и ВАСЪ, ГОСУДАРЬ, еще царственнаго юношу, но котораго Провидѣніе уже предъизбирало—и оправдалися благія судьбы его—въ Преемники АЛЕКСАНДРА, для счастія и славы Россіи.

Такимъ лестнѣйшимъ вниманіемъ было осчастливлено и робкое начало, и продолженіе труда моего; къ нему, при первыхъ еще опытахъ, незабвенной памяти Сестра ВАША, ГОСУДАРЬ, ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА, велико-душная Покровительница всего благого, удостоила поощрить меня способомъ, ЕЯ добродѣтельной душѣ свойственнымъ.— Вспоминаю о семъ не въ хвалу себѣ, но въ свидѣтельство того благоволенія къ просвѣщенію, какое отличаетъ ИМПЕРАТОРСКІЙ Домъ Россійскій: оно одушевило меня ревностію и постоянствомъ для труда долговременнаго, для предложенія на русскій языкъ пѣснопѣвца древняго, котораго

Н. И. Гнѣдичъ. Т. III.

слава современна образованію человѣчества, котораго творенія поучительны Царямъ и народамъ.

Проповѣдникъ истинъ, оправданныхъ тысячелѣтіями, безкорыстный защитникъ святости власти царственной и благодѣтельного единонаchalія, пѣвецъ доблестей, составляющихъ славу героеvъ и честь народовъ, творецъ Иліады не напрасно извлекаетъ хвалы изъ устъ Солоновъ, слезы изъ очей Александровъ; не напрасно похищаетъ уваженіе и отъ мужей, Откровеніемъ озаренныхъ, Василіевъ Великихъ, Іоанновъ Златоустовъ: воспѣвая невинность и чистоту нравовъ, благоговѣніе къ божеству, любовь къ отечеству, почтеніе къ родителямъ, уваженіе къ старости, святость супружескихъ союзовъ, великодушную дружбу, охранительное мужество, мудрость въ дѣлѣ и словѣ—Гомеръ своими пѣснями съ простотою дѣтскою насадилъ для человѣчества благороднѣйшіе цвѣты добродѣтели, которые расцвѣли подъ лучами всеобщаго свѣта. Всѣ образованные народы, одинъ предъ другимъ, ревновали украсить отечественную словесность твореніями Гомера.

Употребивъ нѣсколько лѣтъ жизни на переводъ Иліады стихами, размѣромъ подобными Гомеровыми, оконченный, съ благоговѣніемъ подношу его ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ. Счастливѣйшимъ почту себя, если на трудъ мой преклонитъ милостивое вниманіе рожденный трудовъ Покровитель: сколь ни слабую дань, какъ гражданинъ, приношу я обществу, но не безъ чувства гордости положу ее на алтарь отечества, украшенную Именемъ моего ГОСУДАРЯ.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Вѣрноподданный

НИКОЛАЙ ГНѢДИЧЪ.

Ноября 2 дня,
1826 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Позже, нежели бы могъ, и не въ томъ видѣ, какъ бы желалъ, издаю переводъ Иліады. Долговременная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ ранѣе напечатать его и присвоокупить *Введение* и *Примѣчанія*; они требовали много времени для такого рода объясненій творенія древняго, какой избранъ мною и отрывкомъ былъ напечатанъ въ „Сынѣ Отечества“¹⁾.

Впрочемъ, изъясненіе древнихъ писателей не есть непремѣнная обязанность переводчиковъ, когда отъ нея отказывается даже Вольфъ, ученѣйшій, послѣдній издатель поэмъ Гомеровыхъ: онъ почитаетъ изъясненіе ихъ дѣломъ для него постороннимъ²⁾, трудомъ, для котораго нужна цѣлая жизнь. Оно, въ самомъ дѣлѣ, когда изъяснять писателя не для дѣтей, составляетъ особую, обширную науку археолога. Ввести въ кругъ понятій, правовъ и вещей, познакомить съ страною и духомъ вѣка, въ которыхъ писатель жилъ—вотъ что способствуетъ къ лучшему уразумѣнію твореній древнихъ и чего требуется читатель.

Не удовлетворяя сей нужды его, я сожалѣю тѣмъ болѣе, что у насъ нѣтъ еще никакихъ руководствъ къ понятіямъ справедливымъ о древности и, слѣдственно, къ чтенію съ удовольствіемъ и пользою писателей древнихъ. Фоссъ могъ издать свой переводъ Гомера безъ всякихъ примѣчаній: онъ не опасался никакихъ недоразумѣній со стороны читателя. Германецъ, желающій изучать поэмы Гомера въ славномъ переводаѣ Фосса, можетъ окружить себя цѣлою библіотекою ученѣйшихъ твореній, разливающихъ яркій свѣтъ на словесность и міръ древнихъ. Шлоссеръ, глубокомысленный нѣмецкій писатель, въ

1) 1826 года, № 20.

2) Wolf. Homer. Oper. Lips. 1804. Praefat. Prior. Edit. pag. IX.

сочинений своемъ: *Всеобщая История Древности*¹⁾), быстро излагая характеръ и духъ вѣковъ героическихъ Греціи, для изображенія коихъ заимствуетъ важнѣйшія черты изъ поэмъ Гомеровыхъ, между прочимъ, говоритьъ: „Нахожу безполезнымъ долѣе останавливаться на сего предметѣ: изученіе Гомера такъ же тѣсно соединено съ воспитаніемъ юношества германскаго, какъ могло быть у грековъ“. Когда бы и мнѣ можно было то же сказать о воспитаніи русскаго юношества, я также почелъ бы ненужнымъ говорить о Гомерѣ при перевѣдѣ поэмы его.

Но древняя тьма лежитъ на рощахъ Русскаго Ликея. Наши учителя до сихъ поръ головы героевъ Гомеровыхъ ненаказанно украшаютъ перьями, а руки вооружаютъ сталью и булатомъ. И мы, ученики, оставляемые учителями въ понятіяхъ о древности, совершенно превратныхъ, удивляемся, что Гомеръ своихъ героевъ сравниваетъ съ мухами, богинь съ псицами; сожалѣемъ о переводчикахъ его, которые такими дикостями оскорбляютъ нашъ. „Надобно подмнинникъ принаравливать къ странѣ и вѣку, въ которомъ пишутъ: adopter (l'original) au pays et au siÃclе, oÃl l'on Ã©crit“²⁾.

Такъ нѣкогда думали во Франціи, въ Англіи³⁾; такъ еще мно-
гіе не перестали думать въ Россіи; у насъ еще господствуютъ тѣ
постороннія литературныя сужденія, которыя достались намъ въ
наслѣдство отъ покойныхъ аббатовъ. Предисловіе къ поэмѣ Гомера,
хотя краткое, у насъ не лишнее. Читатель Иліады, если она его
найдетъ, по крайней мѣрѣ не будетъ искать въ древнемъ поэтѣ,
чего не должно, и требовать отъ переводчика, чего не слѣдуетъ.

Поэмы Гомера, по признанію лучшихъ критиковъ, древни, какъ
псалмы Давида; они сочинены около 150 лѣтъ послѣ разоренія
Трои. Предполагаютъ, что Иліада первоначально не составляла
одной поэмы и что нынѣшняя форма ей дана послѣ. Здѣсь не мѣ-
сто входить въ изслѣдованія подробнѣйшія. Сто лѣтъ послѣ Гомера,
Ликургъ, законодатель спартанскій, принесъ изъ Юоніи въ Грецію
отдельныя пѣсни Иліады и Одиссеи; 250 лѣтъ спустя, Пизистратъ,
правитель афинскій, собралъ ихъ, и его сынъ, Гиппархъ, повелѣлъ,
чтобы ихъ пѣли во время Панафинеевъ, празднествъ въ честь Аѳины,

¹⁾ Histoire universelle de l'Antiquit , par Schlosser. Paris. 1818.

²⁾ Woode, Sur le G ne d'Hom re. Примѣчанія французскаго переводчика,
стр. 73. Также примѣчанія къ переводамъ Гомера г-жи Дасье и Битобе.

³⁾ «Повторенія рѣчей, употребляемыя Гомеромъ, могли нравиться слуху
древнихъ, но они оскорблять нашъ; должно ихъ оставлять, когда изъ этого
происходитъ красота». Такъ разсуждаетъ Попе въ своемъ предисловіи къ Го-
меру. Oeuvres complets D'Alex. Pope. Tom. V, p. 367.

покровительницы города. Аристотель сдѣлалъ изъ нихъ для Александра Великаго списокъ, старательно имъ выправленный. Послѣ, не упоминая о рапсодахъ, философахъ, софистахъ, грамматикахъ, схоластикахъ, толковавшихъ и поправлявшихъ Гомера, Аристархъ Сасмоскій и Аристофанъ, библіотекарь александрийскій, болѣе всѣхъ другихъ занимались исправленіемъ текста, щедро награждаемые за труды свои золотомъ Птоломея, царя египетскаго, который одною любовию къ наукамъ обезсмертить имя свое. Ихъ списокъ есть образецъ печатныхъ изданий поэмъ Гомеровыхъ.

Ошибается, кто сіи поэмы принимаетъ въ понятіи этого слова народномъ или школьномъ. Понятіе и сужденіе о предметѣ всегда несправедливо, когда смотрѣть на него съ одной и, сверхъ того, не съ надлежащей точки зрѣнія. Подобный понятія, неясныя, часто ложныя, не удовлетворяютъ ни уму, ни сердцу. По мѣрѣ вѣрности и многообъемности возврѣній, удовольствіе возрастаетъ, и мы съ новымъ, живѣйшимъ чувствомъ наслаждаемся книгою, картиною, статуей, на которыхъ прежде смотрѣли равнодушно, не зная, съ какой стороны должно было смотрѣть.

Гомеръ никогда не могъ быть книгою общею, а тѣмъ болѣе въ наше время, въ вѣкъ переворотовъ всѣхъ мнѣній человѣческихъ, переворотовъ, бывшихъ, впрочемъ, и прежде, вновь быть имѣющихъ и всегда оканчивавшихся тѣмъ, что разумъ человѣка обращался вновь къ однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ началамъ истиннаго и прекраснаго. Поэмы Гомера не суть произведенія чисто поэтическія; въ нихъ напрасно будутъ искать одного наслажденія, какое привыкли находить въ поэзіи современной, живой для нась всѣми своими сторонами. Иліада, въ отношеніи къ намъ, есть, такъ сказать, первая исторія народа мертваго; но какая исторія! Были герои до Ахиллеса, не одно приключение романическое и не въ одномъ царствѣ волновало, подымало, вооружало народы,—Иліада одна, сотворила великое воспоминаніе. Какъ греки достигли общежитія, въ Иліадѣ изображенаго? Мы не знаемъ—исторія молчитъ; но творенія пѣснопѣвца, подобно яркому воздушному огню среди глубокой ночи, озаряютъ мрачную древность. Иліада заключаетъ въ себѣ цѣлый міръ, не мечтательный, воображеніемъ украшенный, но списанный такимъ, каковъ онъ былъ, міръ древній, съ его богами, религіею, философіею, исторіею, географіею, нравами, обычаями, словомъ—всѣмъ, чѣмъ была древняя Греція. Твореніе Гомера есть пре-восходнѣйшая энциклопедія древности.

Съ такой точки зрѣнія должно смотрѣть на поэмы Гомера. Онъ, подобно книгамъ Бытія, суть печать и зерцало вѣка. И кто любить восходить къ юности человѣчества, чтобы созерцать чагою

прелесть природы или питаться уроками временъ минувшихъ, предъ тѣмъ цѣлый міръ, земной и небесный, разовьется въ Иліадѣ картиною чудесною, кипящею жизнію и движеніемъ, прекраснѣйшею и величайшею, какую только создавалъ гений человѣка. Не славу одного какого-либо племени, но цѣлага великаго народа; не одни блестящія свойства какого-либо героя, но всѣ характеры, всѣ страсти человѣчества юнаго, всѣ страны жизни героической обнѣялъ и изобразилъ великий живописецъ древности. Чтобы читать картину его, чтобы наслаждаться и исполинскими образами, рукою гения на-бросанными, и мелкими подробностями, художнически оконченными, нужны предуготовительныя познанія. Но большая часть людей не считаетъ ихъ нужными, когда проиизносить сужденія. Мы, съ образомъ мыслей, намъ свойственнымъ, судимъ народъ, имѣвши другой образъ мыслей, подчиняемъ его обязанностямъ и условіямъ, какія общество налагаетъ на насъ. Забывая даже различіе религіи, а съ нею и нравственности, мы заключаемъ, что справедливое, несправедливое, нѣжное и суровое, пристойное и непристойное наше, сегодняшнее, было такимъ и за три тысячи лѣтъ. И вотъ почему судимъ должно о герояхъ Гомеровыхъ. Воображеніе безъ понятій не говоритъ, или темно говорить сердцу. Надобно переселиться въ вѣкъ Гомера, сдѣлаться его современникомъ, жить съ героями и царями-пастырями, чтобы хорошо понимать ихъ. Тогда Ахиллесь, который на лирѣ воспѣваетъ героеvъ и самъ жарить барановъ, который свирѣпствуя надъ мертвымъ Гекторомъ и отцу его, Пріаму, такъ великолѣпно предлагаешь и вечерю, и ночлегъ у себя въ кущѣ, не покажется намъ лицомъ фантастическимъ, воображеніемъ преувеличеннымъ, но дѣйствительнымъ сыномъ, совершеннымъ представителемъ великихъ вѣковъ героическихъ, когда воля и сила человѣчества развивалась со всею свободою, когда добродѣтели и пороки были еще исполинскіе, когда силою, мужествомъ, дѣятельностью и вдохновеніемъ человѣкъ возвышался до боговъ. Тогда міръ, за три тысячи лѣтъ существовавший, не будетъ для насъ мертвымъ и чуждымъ во всѣхъ отношеніяхъ: ибо сердце человѣческое не умираетъ и не измѣняется, ибо сердце не принадлежитъ ни націи, ни странѣ, но всѣмъ общее, оно и прежде било тѣми же чувствали, кипѣло тѣми же страстями и говорило тѣмъ же языкомъ. Мы поймемъ языкъ сей, вѣчно живой, и въ гнѣвѣ Ахиллеса, и въ гордости Агамемнона, и въ горести Пріама, несмотря на образъ выраженія, столь далекій отъ нашего.

Такъ, языкъ страстей человѣчества юнаго, кипящаго всею полнотою силы и духа, еще не стѣсняемый условіями образованности, излившійся со всею свободою и со всею простотою душъ царей-

пастырей, не могъ быть образомъ выраженія подобеній нашему: онъ не облекался въ блестящія и разнообразныя формы, которыя мы изыскиваемъ, или, лучше сказать, онъ не имѣлъ другихъ формъ, кроме вдохновенію принадлежащихъ — *простоты и силы*. Изъ сихъ началъ истекаютъ величайшія красоты поэзіи Гомерической, красоты, не включая мѣстныхъ, всемирныхъ и вѣчныхъ, какъ природа и сердце человѣка. Гомеръ и природа одно и то-же. „Двадцать столѣтій протекло по лицу земли, говорѣтъ почтенный Муравьевъ (М. Н.), а я нахожу, что самыя сокровеннѣйшія чувствованія сердца моего столь же живы въ твореніяхъ Гомера, какъ будто происходить во мнѣ самомъ“.

Сія простота сказанія, жизни, нравовъ, изображаемыхъ въ Иліадѣ, и многія особенные свойства поэзіи, въ ней раскрыты, сильно напоминаютъ глубокую древность Востока, и поэмы Гомера сближаютъ, въ литературномъ отношеніи, съ писаніями Библии. Таже торжественная важность и величественная простота въ рѣчахъ; то же участіе божества въ связяхъ семействъ, непосредственное явленіе его, торжественность и значительность его словъ. Сіи многообразныя сравренія и подобія къ Иліадѣ, какъ образы, какъ примѣры для объясненія и вразумленія, суть явныхъ свойства языка жителя восточнаго, который, обыкновенно, разсвѣянное въ обширномъ кругу природы и опыта собираетъ, чтобы быстро означить предметы. Патрархальность, свойственная всему западному Востоку, очевидна какъ въ жизни, такъ и въ образѣ управления многихъ племенъ, въ Иліадѣ изображаемыхъ, но болѣе всѣхъ у троянъ; цари ихъ сами еще пасутъ стада: Пріамъ въ семействѣ своемъ болѣе, нежели глава семейства: отецъ многочисленныхъ сыновъ, онъ и царскую славу свою основываетъ собственно на обширномъ родствѣ; возвышаемый глубокимъ уваженіемъ, которое дѣти къ нему оказываютъ, онъ ихъ и отецъ, и деспотъ; они его страшатся; воля его для нихъ непреимѣнна. Самъ Зевсъ, обыкновенно сидящій на Идѣ, являющійся среди грома и молніи, благодѣтельствующій вообще роду человѣческому въ древнемъ поколѣніи Дардана, но частно спосѣществующій одному ирадѣду противъ другого, племени Ахизову противъ преемниковъ Пріамовыхъ, есть такой же богъ семейства, какъ Іегова въ исторіи праотцевъ.

Такимъ образомъ, языкъ и вообще образъ повѣствованія творца Иліады, истекающей изъ тѣхъ же началъ простоты, болѣе всего отличенъ: онъ совершенно противоположенъ всѣмъ его послѣдователямъ, начиная отъ Виргилія. Въ немъ не найдутъ обычныхъ красотъ стихотворцевъ ученыхъ, выражений искусственныхъ, фразъ сочиняемыхъ, въ которыхъ видна работа и которымъ въ наше время

предпочитительно удивляются. Изъ устъ сына природы, генія, одушевляемаго полнотою духа и силы, не исходить ничего мелкаго, ничего изысканного. Выраженіе духа его вольно, какъ игра фантазіи, и льется свободно, подобно рѣкѣ величественной. Къ стихамъ его, кажется, не касались поправки; всѣ они излилися, кажется, по первому внушенію. Музы диктовали, а Гомеръ писалъ, говорили древніе.

Въ образѣ повѣствованія геній Гомеровъ подобенъ счастливому небу Греціи, вѣчно ясному и спокойному. Обыная небо и землю, онъ въ высочайшемъ пареніи сохраняетъ важное спокойствіе, подобно орлу, который, плавая въ высотахъ поднебесныхъ, часто кажется неподвижнымъ на воздухѣ. Богатства его поэзіи неисчислимы; она заключаетъ въ себѣ всѣ роды. Геній Гомеровъ подобенъ океану, который приемлетъ въ себя всѣ рѣки. Сколько задумчивыхъ элегій, веселыхъ идиллій смыщано сть грозными, трагическими картинами эпопеи. Картины сіи чудны своею жизнью; Гомеръ не описываетъ предмета, но какъ бы ставить передъ глаза: вы его видите. Это волшество производить простота и сила рассказа. Не можетъ удивительна противоположность сихъ картинъ: ничего нѣть проще, естественнѣе и трогательнѣе однѣхъ, въ которыхъ дышить нагая красота природы; ничего нѣть величественнѣе, поразительнѣе другихъ, въ которыхъ всѣ образцы означенованы возвышенностью и величиемъ необычайнымъ, титаническимъ, какъ образы сыновъ міра первобытнаго, воспоминанія о которомъ носились въ вѣкахъ героическихъ и питали поэзію.

Говоря вообще, геній Гомера мужественъ, иногда даже суровъ; его картины подобны ваяніямъ древности, которыхъ формы, сильныя и строгія, какъ въ ваяніяхъ Паренона, удивляютъ изнѣженность нашего вкуса. Причины сей мужественности генія древнаго заключаются сколько въ простотѣ нравовъ, столько въ религіи и отношеніяхъ женского пола къ тогдашнему обществу, совершенно противоположныхъ нашему. Отъ сей послѣдней причины словесность древнихъ и особенно грековъ была, по выраженію Ф. Шлегеля, словесностю, такъ сказать, мужескою и, въ нѣкоторыхъ частяхъ, осталась навсегда суровѣе и грубѣе, нежели ихъ умственное образованіе.

Не ставя алтарей Гомеру, какъ Скалигеръ Вирgilію,—поклоненіе, несообразное съ успѣхами разума,—скажемъ вообще: Гомеръ, въ отношеніи къ намъ, не есть образецъ, до которого духъ человѣческій въ поэзіи возвыситься можетъ; но онъ опредѣляетъ ту черту, отъ которой гений древняго человѣка устремилъ смильный полетъ, кругъ, который обнялъ, и предѣль, до которого достигнулъ.

Въ такомъ отношеніи поэтическія творенія Гомера, безъ сомнѣнія, суть произведенія совершенѣйшія. Поэтъ, ораторъ, историкъ, воинъ и гражданинъ—могутъ черпать въ нихъ полезные уроки; они исполнены глубокаго смысла. Начиная отъ Александра Великаго, который хранилъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ и клалъ себѣ подъ голову, Гомеръ есть любимый писатель всѣхъ великихъ людей и, какъ говорить знаменитый историкъ Мюллеръ, лучшій учитель первѣйшей науки—мудрости.

По симъ легкимъ очертаніямъ¹⁾ можно видѣть, что, за исключениемъ свойствъ механическихъ, какъ гармоніи и речи, отличительныя свойства поэзіи, языка и повѣствованія Гомерова суть простота, сила и важное спокойствіе. Да не помыслять, однако, что важность сія состоитъ въ однообразной высокости слога, которую иначе не можно передать намъ, какъ языкомъ славянскимъ. При безчисленномъ разнообразіи характеровъ и предметовъ, заключаемыхъ Иліадою, въ сихъ переходахъ отъ Олимпа къ кухнямъ,

1) Для дополненія понятій о Гомерѣ едва ли найдетъ читатель, даже на языкахъ иностранныхъ, что-либо лучше и столь вѣрное, какъ мысли о немъ Муравьевъ (М. Н.), писателя, который такъ хорошо былъ знакомъ съ древними и въ твореніяхъ своихъ оставилъ прекрасную душу и богатые плоды познаній. Не излишнимъ считаю присовокупить ихъ:

«Кажется, что юная природа источила всѣ свои силы и хитрости на образование разумовъ и дарований. Какихъ она имѣла любимицъ и наперсниковъ въ первыхъ зрителяхъ ее прелестей! Нѣтъ, скажу я (подобно Гомерову Нестору), вымѣшай вѣкъ не увидитъ мужей, равнинующихъ съ богоподобнымъ пѣвцомъ Ахиллесовымъ... Природа сіала тогда собственными красотами и не обременялась украшениями, которые думаютъ нынѣ придать ей люди. Люди воспитаны были въ лонѣ ея и не гнаушились тѣмъ, что представляла имъ съ младенчества любящая ихъ воспитательница. Вкусъ ихъ не былъ изнѣженъ. Красоты природы преимуществовали надъ красотами условными. Роскошь не налагала насильственныхъ и странныхъ своихъ законовъ. Благопристойностю была только единая драгоценная стыдливость, вдохновенная природомъ, тѣмъ болѣе наблюдаемая и ненарушенная, что предиспиня ея не отагщалася хитрыми толкованіями ложного стыда. Всѣ таинства природы выражены у древнихъ съ симъ восхитительнымъ чистосердечіемъ, которое не мыслить худого. Не есть то безстыдство, но нѣкака прелестъ цѣломудрия, не имѣющаго причины тантъся. Любовь имѣла только одну простоту и беззлобіе покрываломъ. Сіе покрывало есть такое одѣяніе, которое наиболѣе ее ограждаетъ отъ очей не-просвѣщенныхъ. Измѣнило бы ей притворство; и простота, хранитель священнаго къ ней почтенія, простота прекраснѣйшая хитрость любви... Нѣтъ ни одной черты величественнаго и чудеснаго стихотворства, которая не была бы въ сокровищницѣ древнихъ... Не знаетъ тотъ эпического стихотворства, кому не нравится Гомеръ. Его сказки, его длинныя рѣчи въ сраженіяхъ, самыя ошибки его стократно драгоценныѣ для стихотворства, нежели измѣренные шаги писателя, никогда не падающаго, единственно потому, что онъ никогда не имѣть силы возвыситься». Полн. собран. соч. М. Н. Муравьевъ. Т. III, стр. 295 (въ изданіи Смирдина. 1847, II, 861—363. См. еще мысли Муравьевъ, I, 126—128).

отъ совѣта божіи къ спорамъ героевъ, часто грубымъ, отъ Ферсита, представителя наглой черни, каркающаго подобно воронѣ, по выражению Гомера¹), къ пышному видѣству Одиссея, отъ пламеннааго Ахиллеса къ кроткому сладкорѣчивому Нестору и проч., Гомеръ естественно не могъ быть однообразенъ ни въ языкахъ, ни въ слогѣ; отъ высокости ихъ онъ долженъ былъ нисходить до простоты языка народнаго. Но важное спокойствіе повѣствованія его состоить въ какомъ-то важномъ теченіи рѣчей, одному гекзаметру свойственному, которое, связывая стихъ со стихомъ, льется, какъ волны, непрерывно, до конца periodовъ поэтическихъ, безъ сихъ оборотовъ короткихъ, фразъ отрывистыхъ, принадлежащихъ слогу искусственному.

Чтобы сохранить свойства сіи поэзии древней, столь вообще противоположныя тому, чего мы отъ нашихъ поэтовъ требуемъ, переводчику Гомера должно отречься отъ раболѣпства передъ вкусомъ гостиныхъ, передъ сею прихотливою утонченностью и изнѣженностью обществъ, которыхъ одобренія мы робко ищемъ, но коихъ требованія и взыскательность связываютъ, обезсиливаютъ языки. Преимущества нашего языка поэтическаго плѣнительны, и особенно сей цвѣтъ прекраснаго пола — сладостная нѣжность; но они были бы неумѣстны въ поэмѣ Гомера. Знаю, что для нашихъ читателей успѣхъ могъ бытъ несомнительнѣй въ родѣ перевода вольнаго, какъ Попіевъ или Чезоротти. Но почитатели древности не прощають симъ великимъ поэтамъ, что они осмѣлились преобразить отца поэзіи²), дабы сдѣлать его болѣе сообразнымъ съ требованіемъ и вкусомъ вѣка ихъ. Требованія перемѣняются, вкусъ вѣка пройдетъ, между тѣмъ какъ многія тысячи лѣтъ Гомеръ не проходитъ. Это памятникъ древности, требующій отъ переводчика не новой Иліады, какъ Попіева, но, такъ сказать, слѣпка, который бы, сколько позволяетъ свойство языка, былъ подобенъ слѣпкамъ ваятельнымъ. А какой языкъ, если не нашъ, богатый, гибкій, ироніческій, обладаетъ драгоценнѣйшимъ свойствомъ, особенно для перевода съ греческаго, *свободнымъ словорасположеніемъ*, свойствомъ, давшимъ и переводу славянской Библии точность слѣпка, хотя, впрочемъ, саму благопріятствовалъ не одинъ языкъ, но и самое время: народъ не имѣлъ еще ни литературы, ни критики³). Какъ бы то ни

¹) Иліада. Пѣснъ II, ст. греческ. и русск. 212.

²) Prolegom. ad Homer. F. Wolfii. p. 82.

³) Цочтенные прелагатели Библіи, по набожному образу мыслей, переводили слово въ слово, не опасаясь оскорблять языкъ, еще не имѣвшій словесности, и не думая, хорошо ли оборотъ, или нѣтъ. Но красоты подлинника выливались въ переводѣ сами собою: слѣдствіе того, что языкъ славянскій, какъ и русскій, имѣя свободное словорасположеніе, легко принимаетъ и движе-

было, но вольные переводы выгоднѣе для переводчика, нежели для подлинника. Я предпочелъ выгody Гомера своимъ, рѣшился переводить съ возможной вѣрностю, но переводить поэта стихами на языкъ, имѣющій словесность, — условія, которыхъ, разумѣется, лишили меня способовъ, хотя бы я и желалъ, переводить, какъ Менѣодій и Кирилль, буквально, не страшась оскорблять языкъ и не опускай даже греческихъ частицъ *γάρ*, *δέ*, *μέν* и проч., которыхъ сими прелагателями Библіи на языкъ славянскій всѣ удержаны¹⁾. Впрочемъ, известно, что одинъ грамматический смыслъ не составляетъ еще поэзіи. Смыслъ иностранныхъ словъ находится въ лексиконѣ, и каждый, имѣющій прискать значение слова, быть бы въ

нѣ фразъ, и формы идей греческихъ. Сему, впрочемъ, не менѣе способствовало и чудное средство сихъ языковъ, такъ хорошо доказанное отцомъ К. Экономи-домъ. *Опытъ о сродствѣ языка славяно-российскаго съ греческимъ.*
С-Петербургъ, 1828.

) Обстоятельство, повидимому, мелочное, но, въ отношеніи къ переводу Иліады, достойное примѣченія. Въ языкѣ Гомера и вообще поэтовъ греческихъ находится необыкновенное обилие частницъ и союзовъ: *ρα*, *γάρ*, *μέν*, *δέ*, *τι*, *κατ*. Это произошло оттого, думаетъ Платонъ, что у грековъ стихъ образовался прежде прозы. Частицы сіи, особенно *δέ*, по-русски—*же*, такъ часто употребляются Гомеромъ, что иные стихи, какъ замѣчаетъ Гейне, кажутся не обработанными. Какъ бы то ни было, но именно эти частицы составляютъ связь, порядокъ и необыкновенную ясность рѣчи Гомеровой и такъ часто, такъ хорошо служатъ поэту къ наполненію мысли. Эти частицы для стиха Гомерова то, что маленькие камешки для строенія, готовые всегда наполнить промежутокъ и, наконецъ, составить съ большими камнями цѣлое крѣпкое зданіе. Такимъ образомъ, опущеніе сихъ частницъ составляетъ немаловажное затрудненіе въ стихотворномъ переводе Гомера. Чѣмъ замѣнить пустоту, отсутствіе звуковъ, не имѣющихъ иногда значенія, но составляющихъ полноту стиха или гармонію ритма?

Кстати другое примѣченіе. Для всѣхъ переводчиковъ правило безъ исключений: собственные имена писать, какъ произносятся въ языкѣ, съ котораго переводить. Но, увлеченный употребленіемъ, освившимъ у насъ даже святими и неправильное произношеніе многихъ именъ греческихъ, я, никѣмъ не остановленный, нечувствительно ему слѣдоваль, и, въ половинѣ уже перевода, почувствовалъ, что дѣлалъ самъ себѣ большое затрудненіе. Стихъ съ собственнымъ именемъ, а ихъ въ Иліадѣ обильно, если въ немъ сохранять и выговоръ и удареніе греческое, легче для перевода; но съ измѣненіемъ ихъ затрудненіе представляется въ каждомъ стихѣ, разумѣется для механизма, а не для смысла. Такимъ образомъ я почти самъ себя наказалъ за нарушеніе вышесказанного правила; въ новаго рода именахъ, какъ Агамемнонъ и проч., удержала я греческое произношеніе, а не во всѣхъ кактъ бы слѣдовало. Впрочемъ, трудно сладить намъ съ собственными именами греческими. Одни изъ нихъ введены въ русскій языкъ по произношенію латинскому: Тезей, Фебъ, вмѣсто Физей, Фивы; другіе по греческому: Аѳина, Оивы, вмѣсто латинскаго Атена, Тебы и проч. Надобно совершенно опрокинуть употребленіе, но тогда многие изъ именъ зазвучать незнакомо, напр.: подъ словами: Ива, Ихо, узнаетъ ли читатель Гебу, Эхе?

такомъ случаѣ хорошій переводчикъ. Робкое сохраненіе мыслей не переводъ ихъ, ежели онѣ, какъ говоритьъ Муравьевъ (М. Н.), *не производятъ тою же чувствованія, не приводятъ въ дѣйствіе сего насильственнаго волиагбства*, которое обладаетъ душою.

Въ такомъ понятіи о достоинствѣ перевода, я былъ вѣренъ Гомеру, и слѣдя умному изреченію¹⁾ *должно переводить нравы, такъ-жѣ, какъ и языкъ*, я ничего не опускалъ, ничего не измѣнялъ. У великихъ писателей есть такія выраженія, которыхъ сила, хорошо чувствуемая, болѣе, нежели цѣлая книга, даѣтъ понятіе о лицѣ, которое произноситъ ихъ, или о народѣ, который ихъ употребляетъ. Цѣлая выраженія греческія русскими, должно было старайтъся, чтобы не сдѣлать русскою мысли Гомеровой, но что еще болѣе, — не украшать подлинника. Очень легко украсить, а лучше сказать, подкрасить стихъ Гомера краскою нашей палитры, и онъ покажется щеголеватѣе, пышнѣе, лучше для нашего вкуса; но несравненно труднѣе сохранить его Гомерическимъ, какъ онъ есть, ни хуже, ни лучше. Вотъ обязанность переводчика, и трудъ, кто его испыталъ, не легкій. Квинтиліанъ понималъ его: *facilius est plus facere, quam idem: легче сдѣлать болѣе, нежели то же*²⁾.

Такимъ образомъ величайшая трудность, предстоящая переводчику *древнію поэта*, есть безпрерывная борьба съ собственнымъ духомъ, съ собственной внутреннею силою, которыхъ свободу должно безпрестанно обуздывать, ибо выраженіе оной было бы совершенно противоположно духу Гомера. До сихъ поръ одни поэты Германіи, въ качествѣ переводчиковъ, вступали въ сей подвигъ и совершили его со славою.

Заключая, прошу обѣ одноть: не осуждать, если какой-либо оборотъ или выраженіе покажется страннымъ, необыкновеннымъ, но прежде или свѣрить съ подлинникомъ, или вспомнить, что и самые предметы, въ Иліадѣ изображаемые, многіе для насъ чужды, страны. Для перевода такой поэмы, исполненной подробностей и предметовъ техническихъ, безъ сомнѣнія, невозможно и не должно было ограничиваться языкомъ гостиныхъ и скучными еще нашими словарями. Я осмѣлился пользоваться и нарѣчіями областными; хорошо или худо, это дѣло иное; но почему ими не пользоваться³⁾? Такъ дѣ-

1) Кажется, Бальтеръ-Скотта.

2) *De Institut Orat. Lib. X. С. II.*

3) Наприм., словомъ *возъ*? Нѣкоторые принимаютъ его только за кладъ; но основательно ли это и по самому словоизводству? Кроме того, миллионы людей русскихъ, Украина и Малороссія, иначе не называютъ телѣги, какъ *возъ*. Гомерова *ἄμαξα*, отъ *ἄμ-άγω*, *со-возу*, точнѣе и переведена быть не можетъ, *какъ возъ*, давы отличить отъ его же слова *ἄλιμη*, повозка.

алекты греческие обогатили языкъ. Позволилъ себѣ вольности, нашею критикою осуждаемыя, но употребляемыя Гомеромъ; оружія однородныя, напримѣръ: копье, шпага, дротикъ, єгчос, бѣлос, Ѿхбутю; или мечъ, сабля, ножъ¹⁾, фагуаноч, єфрос, рагахара, онъ употребляетъ, иногда въ томъ же стихѣ, одно за другое, можетъ быть для мѣры, можетъ быть по своему правилу; я желалъ сохранить и своеенравія Гомера. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Иліады, особенно, гдѣ касается до оружій, кораблей и проч.²⁾, я, по моему понятію, можетъ быть и ошибочному, не согласился съ известными донынѣ переводами. Не могу въ краткомъ предисловіи изложить доказательствъ на защиту моего перевода, но предаю онъ читателямъ, которые могутъ свѣрить съ подлинникомъ. Не прошу о снисхожденіи: читатель образованный самъ окажеть его къ слабостямъ и ошибкамъ, человѣку свойственнымъ, если въ трудѣ моемъ худое не превышаетъ хорошаго. Что до критикъ, знаю, что если бъ самъ великий Гомеръ поднялъ изъ гроба почтенную главу свою, Зоиль, бросивъ обитель мрака, снова бы явился. Счастливъ буду, когда найду судъ просвѣщенный; онъ окажется полезнымъ не мнѣ одному: сужденіе есть жизнь словесности. Не могу, впрочемъ, думать, чтобы переводъ мой удовольствовалъ читателей, болѣе меня свѣдущихъ въ греческомъ языѣ, ибо я первый остаюся имъ недоволенъ.

Мнѣ совѣтовали, при изданіи Иліады, изложить теорію гекзаметра: трудъ безполезный, когда въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ не найдутъ ея. Не считаю также нужнымъ защищать гекзаметръ, какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковскаго и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движение защитилъ тотъ грекъ, который, вѣсто возраженій, всталъ и началъ ходить. Русскій гекзаметръ существуетъ, какъ существовалъ прежде, нежели начали имъ писать. Того нельзя ввести въ языкъ, чего не дано ему природою. Французы могутъ ли имѣть стопы? Не имѣли бы и мы, если бъ не было ихъ въ стихахъ

¹⁾ Εἴφος, кривой мечъ, сабля (ein Sabel, Riemer). Что у древнихъ народъ, особенно варварскихъ, какъ еракійцы и другие союзники троянъ, употреблялась сабля, доказываютъ лучшіе лексикографы, писатели древности и памятники оной. A Collection of antiq. Vases etc. By Неп. Moses Lond. 1814 Planch. 125.

²⁾ Не могу не свидѣтельствовать благодарности А. Н. Оленину, какъ вообще за участіе, какое принималъ онъ въ трудѣ моемъ, такъ и за снисхожденіе, съ какимъ сей просвѣщенный любитель древностей, похищая свободныя минуты отъ своихъ многихъ занятій, предлагалъ мнѣ изъясненія, касающіяся до греческихъ оружій и проч., изъясненія, которыми такъ бѣды толкователи Гомера.

языка; мы только заняли имена греческія для стопъ русскихъ, и имѣю причину думать, что съ помощью музыки, если бъ она такъ же тѣсно была соединена съ поэзіею у насъ, какъ у грековъ, мы могли бы имѣть всѣ тѣ же стопы, и то же ихъ количество, quantitas, которое одна музыка, то есть родъ нотнаго, напѣвнаго произношенія стиховъ, называвшагося — *мелопея*, придавала стопамъ въ языкахъ древнихъ, и такимъ образомъ напѣвную прозодію поэтическую разрознила съ прозодіею прозы. Иначе языкъ греческій выходилъ бы изъ закона природы, общаго всѣмъ языкамъ на свѣтѣ. Законъ сей есть удареніе.

О причинахъ, заставившихъ меня для перевода *Иліады* избрать гекзаметръ, сказать нѣсколько словъ почитаю нужнымъ. Для трудящихся, въ какомъ бы то ни было родѣ искусства, ничего нѣть печальнѣе, какъ видѣть, что трудъ свой можно сдѣлать лучше и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводе *Иліады* рифмованномъ. Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрийскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйший — гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть нераздѣльна съ формою стиха, я началъ испытывать, нѣть ли возможности произвестъ русскимъ гекзаметромъ впечатлѣніе, какое получиль я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ¹⁾), и вотъ что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорного столпа стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

Говорю смѣлость, ибо читателямъ извѣстно, что должно было вынести дерзнувшему изъ рукъ Геркулеса вырывать его палицу, а говоря проще,—осмѣлившемуся бороться съ предразсудкомъ и врагомъ еще упорнѣйшимъ — самолюбіемъ. Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, который составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которая намъ внушены, которая приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которая перемѣнить насъ заставляютъ — мы непреклонны; обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ, судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина волей старовѣровъ литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель, можетъ быть, помнить, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ объ

1) И если кто-либо изъ нихъ въ томъ раскаиваться долженъ, то, безъ сомнѣнія, первый С. С. Уваровъ. Краснорѣчивое письмо его объ гекзаметрахъ излагало въ книжкѣ *Бесѣды*, 1813 года.

гекзаметръ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать: такъ дѣти, плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастаетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованіе нашей старости, и гекзаметръ покажется для него тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ просвѣщенныи: высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической.

Но кто уже и теперь не читаетъ съ восхищениемъ Аббадоны, Гальционы, разрушенія Трои, произведеній, обогатившихъ поэзію русскую? Кого не плѣняетъ и лира Дельвига, счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько музъ любезныхъ? — Итакъ, если мои собственные усилия несчастны, по крайней мѣрѣ послѣдствія не безплодны.

Впрочемъ не стихъ, Телемахидо опозоренный, долженъ быть устрашать меня при мыслѣ о переводѣ Иллады. Вѣрный своему уѣждению, что гекзаметръ, и безъ спондеевъ, имѣть въ языкѣ русскомъ обильныя стихіи для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами, но трудъ, въ которомъ все было для меня ново; стихъ, не имѣвшій образцовъ и который, каково бы ни было его достоинство, съ переводомъ поэзии чуженародной не могъ вдругъ сдѣлаться роднымъ, живымъ для слуха народа, и самая поэма, которой предметъ такъ отдаленъ отъ наась, которой красоты такъ чужды, такъ незнакомы нашему вкусу, но въ которой между тѣмъ 17 т. стиховъ... Вотъ что должно было устрашать меня. Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжуся, можетъ быть исчезнеть въ огромной поэмѣ; можетъ быть, никто не обратить на него нового вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія...

Но не хочу быть неблагодарнымъ; чистѣшими удовольствіями въ жизни обязанъ я Гомеру, и забывалъ труды, которые налагала на меня любовь къ нему, и почту себя счастливѣйшимъ, если хотя искра огня небеснаго, въ его вѣчныхъ твореніяхъ горящаго, и мои труды одушевила.

ПѢСНЬ I.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Воззвание къ музѣ и изложеніе предмета пѣснѣ, гнѣва Ахиллесова и его послѣдствій, ст. 1—7. Причина распри между Агамемнономъ и Ахиллесомъ: Хризъ, жрецъ Аполлона, приходить въ станъ Ахеянъ, чтобы выкупить дочь свою, въ предшествовавшія битвы, при разореніи Оивъ плѣненую и наградою изъ добычи Агамемнону данную, 8—21 и 366. Агамемнонъ отвергаетъ его съ поруганіемъ; жрецъ удаляется и молить Аполлона о мщеніи за обиду; богъ на воинство Ахейское посыпаетъ язву; она свирѣпствуетъ, 22—52. Ахиллесъ, по вѣнченію Геры, собирается совѣтъ, чтобы изыскать средство къ отвращенію бѣдствія; Калхасъ, верховный жрецъ, открываетъ истинную причину онаго и объявляетъ, что только возвращеніемъ Хрізеніду отцу ея и принесеніемъ жертвъ Аполлону прекратится язва, 53—100. Такимъ образомъ раздраженный Агамемнонъ начинаетъ распрю съ Ахиллесомъ; возвратить Хрізеніду не отказывается, но съ тѣмъ, чтобы немедленно дано ему было возмездіе; Ахиллесъ, негодуя на корыстолюбіе царя, оскорбительно упрекаетъ его; Агамемнонъ возражаетъ еще оскорбительнѣе и, наконецъ, грозить, что у самого Ахиллеса похитить Бризеніду, полученную имъ наградою отъ Ахеянъ, 101—187. Ахиллесъ, оскорблениемъ ожесточенный, обнажаетъ мечъ на Агамемнона; является Паллада; ей покораясь, онъ укрошаєтъ гнѣвъ; но, понюхъ Агамемнона, объявляетъ, что онъ съ Мирмидонами болѣе не участвуетъ въ брани, 188—244. Несторъ убѣждаетъ ихъ смириться, но тщетно, 245—304. Собрание прервано. Ахиллесъ и Агамемнонъ удаляются враждебные; первый—въ станъ свой, гдѣ, преданный гнѣву, остается безъ дѣйствія, 305 и 488. Послѣдний отправляетъ Хрізеніду къ отцу съ умилостивительными жертвами богу; воинство очищается и также приносить жертвы Аполлону, 305—317. Между тѣмъ Агамемнонъ, совершая угрозы, посыпаетъ увесь насильственно Бризеніду отъ Ахиллеса, 318—348. Ахиллесъ молить матерь свою, Фестиду, объ отмщеніи за обиду; она обѣщаєтъ просить

Зевса, когда онъ возвратится на Олимпъ, ибо, со всѣми богами отшель къ эѳиопамъ, онъ не прежде какъ въ двѣнадцатый день возвратится, 349—425. Между тѣмъ Хризенда привезена къ отцу съ жертвами Аполлону; по принесеніи оныхъ, богъ умилостивляется и язву прекращаетъ, 430—488. Зевсъ возвращается на Олимпъ; Фетида предстаетъ ему тайно и молить бога отстить за сына ея; онъ преклоняется и даетъ обѣтъ, что Трояне будутъ побѣдителями въ брани, пока Ахиллеса не удовлетворять за оскорблѣніе Агамемнона и Ахейцы, 492—533. Гера, недоброжелательная Троянамъ, увѣдавъ о семъ тайномъ совѣтѣ, пагубномъ, какъ подозрѣваетъ она, Ахейцамъ, ею покровительствуемымъ, раздражается; распри Геры и Зевса во время пиршества, 534—567. Опечаленъ весь сонмъ боговъ; Гефестъ возвращаетъ ихъ къ веселости, 568—600; и боги, съ наступленіемъ ночи прекративъ пиршество, отходить ко сну, 601—611.

ГНѢВЪ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который Ахеямъ тысячи бѣдствій содѣлалъ:
Многія души могучія славныхъ героевъ низринулъ
Въ мрачный Аидъ и самихъ распостеръ ихъ въ корысть плotoядныхъ
Птицамъ окрестныхъ и псымъ. Совершалася Зевсовы воля, 5
Съ онаго дня, какъ, возвдвигшіе споръ, воспылали враждою
Пастырь народовъ Атридъ и герой Ахиллесъ благородный.

Кто жъ отъ боговъ безсмертныхъ подвигъ ихъ къ враждебному
спору?

Сынь Громовержца и Леты, Фебъ, парень прогнѣвленный,
Язву на воинство злую навель: погибали народы 10
Въ казнь, что Атридъ обезчестиль жреца непорочнаго, Хриза.
Старецъ, онъ приходилъ къ кораблямъ быстролетнымъ Ахейскимъ
Шльинную дочь искупить; и, принесши безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
Красный вѣнецъ, умоляль убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ, 15
Паче жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской:
„Чада Атрея и пышно-поноожные мужи Ахейцы!
О! да помогутъ вамъ боги, имущіе домы въ Олимпѣ,
Градъ Пріамовъ разрушить и счастливо въ домъ возвратиться;
Вы жъ свободите мнѣ милую дочь и выкупъ примите,
Чествуя Зевсовы сына, далеко разящаго Феба“.

Всѣ изъявили согласіе крикомъ всеобщимъ Ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блестательный выкупъ;
Только царя Агамемнона было то нелюбо сердцу;
Гордо жреца отославъ и прорекъ ему грозное слово: 25
„Старецъ, чтобъ я никогда тебя не видаль предъ судами!

Здѣсь и теперь ты не медли и впередь не дерзай появляться!
 Или тебя не избавять ни скіптръ, ни вѣнецъ Аполлона.
 Дѣвъ свободы не дамъ я; она обветшаетъ въ неволѣ,
 Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому, отъ тебя, отъ отчизны далече— 30
 Ткальный станъ обходя, иль ложе со мной раздѣля.
 Прочь удалисъ, и меня ты не гнѣтай, да здравъ возвратишься!“

Рекъ онъ; и старецъ трепещетъ и, слову царя покоряся,
 Идетъ, безмолвный, по берегу немолчно-шумящей пучинѣ.
 Тамъ, отъ судовъ удалившия, старецъ взмолился печальный 35
 Фебу царю, лѣпокудряя Леты могучему сыну:

„Богъ сребролукій, внемли мнѣ: о ты, что, хранящій, обходишь
 Хризу, священную Киллу, и мощно царишь въ Тенедосѣ,
 Сминоѣ! если когда я храмъ твой священный украсиль,
 Если когда предъ тобой возжигаль я тучныхъ бедра 40
 Козь и тельцовъ,—услышь и исполни одно мнѣ желанье:
 Слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими!“

Такъ вошіаль онъ, моляся; и вняль Аполлонъ сребролукій!
 Быстро съ Олимпа вершинъ устремилъся, пышущій гнѣвомъ,
 Лукъ за плечами неся и колчанъ со стрѣлами, отвсюду закрытый, 45
 Громко крылатыя стрѣлы, бясь за плечами, звучали
 Въ шествіи гнѣвнаго бога: онъ шествовалъ, ночи подобный.
 Сѣвъ наконецъ предъ судами, пернатую быструю мечеть;
 Страшный звонъ издаєтъ среброблещущій лукъ Аполлоновъ. 49
 Въ самомъ началѣ на месковъ напалъ онъ и псовъ празднобродныхъ,
 Нося постигъ и народъ, смертоносными прыща стрѣлами;
 Частые труновъ костры непрестанно пылали по стану.

Девять дней на воинство божія стрѣлы летали;
 Въ день же десятый Пелидъ на собраніе созвалъ Ахеянъ.
 Въ мысли ему то вложила богиня державная, Гера: 55
 Скорбью терзалась она, погибающихъ вида Ахеянъ.
 Быстро сходился народъ, и, когда воедино собрался,
 Первый, на сонмѣ возставъ, говориль Ахиллесь быстроногій:

„Должно, Атридъ, какъ вижу, обратно исплававши море,
 Въ домы свои возвратиться, когда лишь отъ смерти спасемся: 60
 Вдругъ и война, и погибельный морь истребляетъ Ахеянъ.
 Но испытаемъ, Атридъ, и вопросимъ жреца, иль пророка,
 Или гадателя сновъ (и сны отъ Зевеса бываютъ):
 Есуть намъ повѣдаютъ, чѣмъ раздраженъ Аполлонъ небожитель?
 Онъ за обѣтъ несвершенный, за жертвѣ ль стотельчу гнѣвентъ? 65
 Или отъ агицарь и избранныхъ козь благовоннаго туха
 Требуетъ богъ, чтобъ Ахеянъ избавить отъ пагубной язвы?“

Такъ произнесши, возсѣль Ахиллесь; и мгновенно отъ сонма

Калласъ возсталъ Фесторидъ, верховный птицегадатель.
Мудрый, вѣдалъ онъ все, что минуло, что есть и что будетъ, 70
И Ахеянъ суда по морамъ предводильтъ къ Иліону
Даромъ предвидѣнья, свыше ему вдохновленныемъ отъ Феба.
Онъ, благомыслия полный, вѣщаль передъ сонмомъ Ахеянъ:
„Царь Ахиллесь! возвѣстить повелѣль ты, любимецъ Зевеса,
Праведный гнѣвъ Аполлона, далеко разящаго бога. 75
Я возвѣшую; но и ты согласись, поклянись мнѣ, что вѣрно
Самъ ты меня защитить и словами готовъ и руками.
Я опасаюсь, прогнѣваю мужа, который верховный
Царь Аргиванъ и которому всѣ покорны Ахейцы.
Слишкомъ могущество царь, на мужа подвластнаго гнѣвный: 80
Вспыхнувшій гнѣвъ онъ на первую пору хотя и смиряеть,
Но сокрытую злобу, доколѣ ея не исполнить,
Въ сердцѣ хранить. Разсуди жъ и отвѣтствуй, заступникъ ли ты

Быстро ему отвѣчая, вѣщаль Ахиллесь благородный:
„Вѣрь и дерзай, возвѣсти намъ оракуль, какой бы онъ ни былъ! 85
Фебомъ клянуся я, Зевса любимцемъ, которому, Калхасъ,
Молившись ты, открывая Данаямъ вѣщанія бога:
Нѣть, предъ судами никто, покуда живу я и вижу,
Рукъ на тебя дерзновенныхъ, клянуся, никто не подыметь
Въ станъ Ахеянъ; хотя бы назваль самого ты Атрида,
Властию нынѣ верховной гордящагося въ рати Ахейской“. 90

Рекъ онъ; и сердцемъ дерзнулъ, и вѣщаль имъ пророкъ непорочный:
„Нѣтъ, не за должный обѣтъ, не за жертву стотельчу гнѣвень
Фебъ, но за Хриза жреца: обезчестилъ его Агамемнонъ,
Дщери не выдалъ ему, и моленъ и выкупъ отринулъ.“ 95
Фебъ за него покараль и бѣдами еще покараетъ
И отъ пагубной язвы разящей руки не удержитъ
Прежде, доколѣ къ отцу не отпустять, безъ платы, свободной
Дщери его черноокой и въ Хризу святой не представятъ
Жертвы стотельчай: тогда лишь мы бога на милость преклонимъ.“ 100

Слово скончавши, возвсѣлъ Фесторидъ; и отъ сонма воздвигся
Мощный герой, пространно-властительный царь Агамемнонъ,
Гнѣвомъ волнуемъ; ужасной въ груди его ирачное сердце
Злой наполнилось; очи его засвѣтились какъ пламень.
Калхасу первому, смотря свирѣпо, вѣщалъ Агамемнонъ: 105
„Бѣдь предвѣщатель, пріятнаго ты никогда не сказалъ мнѣ!
Радостно, вѣрно, тебѣ человѣкамъ бѣды лишь пророчить;
Доброго слова еще ни измолвиль ты намъ, ни исполнилъ.

Се, и теперь ты для насъ какъ глаголь проповѣдуешь бога,
Будто народу бѣды дальномечущій Фебъ устрояетъ, 110
Мстя, что блестящихъ даровъ за свободу принять Хризенды

Я не хотѣлъ; но въ душѣ я желалъ черноокую дѣву
Въ домъ мой ввести; предпочель бы ее и самой Клитемнестрѣ,
Дѣвою взятой въ супруги; ея Хризенда не хуже
Прелестью вида, пріятствомъ своимъ и умомъ, и дѣлами! 115

Но соглашаюсь, ее возвращаю, коль требуетъ польза:
Лучше хочу я спасеніе видѣть, чѣмъ гибель народа.

Вы жъ мнѣ въ сей день замѣните награду; да въ станѣ Аргивскомъ
Я безъ награды одинъ не останусь: позорно бѣ то было;
Вы же то видите всѣ: отъ меня отходитъ награда“. 120

Первый ему отвѣчалъ Пелейонъ Ахиллесъ быстроногій:
„Славою гордый Атридъ, безпредѣльно корыстолюбивый!
Гдѣ для тебя обрѣсти добродушнымъ Ахеямъ награду?
Мы не имѣмъ нигдѣ сохраняемыхъ общихъ сокровищъ;
Что въ городахъ разоренныхъ мы добыли, все раздѣлили; 125
Снова жъ, что было дано, отбирать у народа—позорно!
Лучше свою возврати, въ угожденіе богу. Но послѣ
Втрое и вчетверо мы, Аргивяне, тебѣ то заплатимъ,
Если даруетъ Зевсъ крѣпкостѣнную Трою разрушить“.

Быстро, къ нему обратяся, вѣщалъ Агамемнонъ могучій: 130
„Сколько ни доблестенъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провѣсть, ни склонить не успѣшь.

Хочешь, чтобы самъ обладаль ты наградой, а я чтобы, лишенный,
Молча сидѣлъ? и совѣтуешь мнѣ ты, чтобы дѣву я выдалъ?..
Пусть же меня довольствуютъ новою издою Ахеицъ, 135

Столько жъ пріятною сердцу, достоинствомъ равною первой.
Если жъ откажутъ, представу я самъ и изъ кущи исторгну
Или твою, иль Аяксову мзду, или мзду Одиссея;

Самъ я исторгну, и горе тому, предъ кого я представу!
Но обѣ этомъ бесѣдоватъ можемъ еще мы и послѣ. 140

Нынѣ черный корабль на священное море ниспустимъ,
Сильныхъ гребцовъ изберемъ, на корабль гекатомбу поставимъ
И сведеніемъ Хризенду, румяналаниту дѣву.

Въ немъ да возсядетъ начальникомъ мужъ отъ Ахеянъ совѣтныхъ,
Идоменей, Одиссей Лаертидъ иль Аяксъ Теламонидъ; 145
Или ты самъ, Пелейонъ, изъ мужей въ ополченіи страшнѣйшій,
Шествуй и къ намъ Аполлона умилостивь жертвой священной!“

Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Царь, облеченный безстыдствомъ, коварный душою издолюбецъ!
Кто изъ Ахеянъ захочеть твои повелѣнія слушать? 150

Кто иль походъ совершилъ, иль съ враждебными грабро сразится?
И за себя ли пришелъ, чтобъ Троянъ, укротителей коней,
Здѣсь воеватъ? Предо мною ни въ честь невиновны Трояне:
Мужъ ихъ ни коней моихъ, ни тельцовъ никогда не похитилъ;
Въ счастливой Феи моей, многолюдной, плодами обильной, 155
Нивъ никогда не топтать; беспредѣльная насть раздѣляютъ
Горы, покрытыя лѣсомъ, и шумныя волны морскія.
Нѣть, за тебя мы пришли, веселимъ мы тебя, на Троянахъ
Честища ища Менелаю, тебѣ, человѣкъ пообразный!
Ты же, безстыдный, считаешь ничтѣмъ то и все презираешь, 160
Ты угрожаешь и мнѣ, что мою ты награду похитишь,
Подвиговъ тягостныхъ изду, драгоценнѣйший даръ мнѣ Ахеянъ?..
Но съ тобой никогда не имѣю награды я равной, .
Если Троянскій цвѣтущий Ахеане градъ разгромляютъ.
Нѣть, несмотря, что тягчайшее бремя томительной браны 165
Руки мои подымаются, всегда, какъ раздѣлья наступаетъ,
Дарь богатѣйший тебѣ, а я и съ малымъ, пріятнымъ
Въ станъ не ропща возвращаюсь, когда истомленъ ратоборствомъ.
Иныи во Фею иду: для меня несравненно пріятный
Въ домъ возвратиться на быстрыхъ судахъ; посрамленный тобою, 170
Я не намѣренъ тебѣ умножать здѣсь добычъ и сокровищъ“.

Быстро воскрикнулъ къ нему повелитель мужей Агамемнонъ:
Что же, бѣги, если бѣгства ты жаждешъ! Тебя не прошу я
Ради меня оставаться; останутся здѣсь и другіе;
Честь мнѣ окажутъ опи, а особенно Зевсъ промыслитель. 175
Ты ненавистнѣйший мнѣ межъ царями, питомцами Зевса!
Только тебѣ и пріятны споры, раздоры да битвы.
Храбростью ты знамонить, но она дарованіе бога.
Въ домъ возвратись, съ кораблями бѣги и съ дружиной своею,
Властвуй своими Оессалльцами! Я о тебѣ не забочусь; 180
Гибѣть твой вмѣнія въ ничто, а напротивъ, грозу тебѣ такъ я:
Требуетъ богъ Аполлонъ, чтобы я возвратилъ Хризениду;
Я возвращу,—и въ москѣ кораблѣ и съ моей дружиной
Дѣву ишлю; но къ тебѣ я приду, и изъ кущи твоей Бризениду
Самъ увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понялъ, 185
Сколько я властію выше тебя, и чтобы каждый страшился
Равнѣмъ себя мнѣ считать и дерзко верстаться со мною!“

Рокъ онъ,—и горыко Пелиду то стало: могучее сердце
Въ персахъ героя власатыхъ межъ двухъ волновалося мыслей:
Или, не модля исторгнувшіи мечъ изъ влагалища острый, 190
Встрѣчныхъ разсыпать ему и убить властелина Атрида,
Или свирѣпство смирить, обуздавъ огорченную душу.

ПѢСНЬ I.

7

- Въ мигъ, какъ подобными думами разумъ и душу волнуя,
 Страшный свой мечъ изъ ножень извлекаль онъ, явилась Аеина,
 Съ неба слетъвъ; ниспослала ее златотронная Гера, 195
 Сердцемъ любя и храня обоихъ бранноносцевъ; Аеина,
 Ставъ за хребтомъ, ухватила за русые кудри Пелида,
 Только ему лишь явленная, прочимъ незримая въ сонмѣ.
 Она ужаснулся и, вспять обратясь, позналъ несомнѣнно
 Дочь громовержцеву: страшнымъ огнемъ ея очи горѣли. 200
 Къ ней обращенный лицомъ, устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
 „Что ты, о дщерь Эгіоха, сюда низошла отъ Олимпа?
 Или желала ты видѣть царя Агамемнона буйство?
 Но реку я тебѣ, и реченное скоро свершится:
 Скоро сей смертный своюю гордынею душу погубить!“ 205
 Сыну Пелея рекла свѣтлоокая дщерь Эгіоха:
 Бурный твой гнѣвъ укротить я, когда ты бессмертнымъ покоренъ,
 Съ неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;
 Васть обоихъ равномѣрно и любить она, и спасаетъ.
 Кончи раздоръ, Пелейонъ, и довольствуя гнѣвное сердце, 210
 Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.
 Я предрекаю, и оное скоро исполнено будетъ:
 Скоро трикраты тебѣ знаменитыми столько жъ дарами
 Здѣсь за обиду заплатять: смирися и намъ повинуйся“.
 Къ ней обращаясь, вновь говорилъ Ахиллесъ быстроногий: 215
 „Должно, о Зевсовы дщерь, соблюдать повелѣнія ваши.
 Какъ мой ни пламененъ гнѣвъ, но покорность полезнѣе будетъ:
 Кто бессмертныи покоренъ, тому и бессмертные внемлютъ“.
 Рекъ, и на сребренномъ черепѣ стиснуль могучую руку
 И огромный свой мечъ въ ножны опустиль, покоряся 220
 Слову Паллады; Зевсовы дочь вознеслася къ Олимпу
 Въ домъ Эгіоха отца, небожителей къ свѣтлому сонму.
 Но Пелидъ быстроногий суровыми снова словами
 Къ сыну Атрея вѣщаъ и отнюдь не обуздывалъ гнѣва:
 „О виновѣцъ, со взорами пса, но съ душою елена! 225
 Ты никогда ни въ рѣшительный бой ополчиться съ народомъ,
 Ни пойти на засаду съ храбрѣшими рати мужами
 Сердцемъ твоимъ не дерзнулъ: для тебя то кажется смертью.
 Лучше и легче стократъ по широкому стану Ахеянъ
 Грабить дары у того, кто тебѣ прекословить посмѣеть. 230
 Царь пожиратель народа! Зане надъ презрѣнными царь ты, —
 Или, Атридъ, ты нанесь бы обиду, послѣднюю въ жизни!
 Но тебѣ говорю, и великою клятвой клануся,
 Скипетромъ симъ я клануся, который ни листьевъ, ни вѣтвей

Вновь не испустить, однажды оставивъ свой корень на холмахъ, 235

Вновь не прозябнетъ; на немъ изошренная мѣдь обнажила

Листья и кору; и нынѣ который Ахейскіе мужи

Носить въ рукахъ суді, уставовъ Зевесовыхъ стражи,—

Скипетръ сей тебѣ предъ Ахейцами будеть великою клятвой:

Время придетъ, какъ Данаевъ сыны пожелають Пелида 240

Всѣ до послѣдняго; ты жъ, и крушаися, бессиленъ имъ будешь

Помощь подать, какъ толпы ихъ отъ Гектора мужеубѣйцы

Свергнутся въ прахъ; и душой ты своей истерзаешься, бѣшенъ

Самъ на себя, что Ахѣца храбрѣйшаго такъ обезславилъ“.

Такъ произнесъ, и на землю стремительно скипетръ онъ бросилъ, 245

Вокругъ золотыми гвоздями блестящій, и сѣль же межъ царями.

Противъ Атридъ Агамемнонъ свирѣпствовалъ сидя; и Несторъ

Сладкорѣчивый возсталъ, громогласный витія Пилосский:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ, сладчайшія меда, лилися.

Два поколѣнья уже современныхъ ему человѣковъ 250

Скрылись, которыхъ нѣкогда съ ними возрастили и жили

Въ Пилосѣ пышною; надъ трѣтьимъ ужъ племенемъ царствовалъ старецъ.

Онъ, благомыслия полный, совѣтуетъ имъ и вѣщаєтъ:

„Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!

О! возликуетъ Пріамъ и Пріамовы гордые чада, 255

Всѣ обитатели Трои беззѣрно восхитятся духомъ,

Если услышать, что вы воздвигаете горькую распрю,—

Вы, межъ Данаевами первые въ сонмахъ и первые въ битвахъ!

Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе.

Я уже древле видаль знаменитѣйшихъ васъ бранноносцевъ; 260

Съ ними въ бесѣды вступалъ, и они не гнушилисѧ мною.

Нѣтъ, подобныхъ мужей не видаль я и видѣть не буду,

Воеvъ, каковъ Пирисой и Дриасъ, предводитель народовъ,

Грозный Эксадій, Кеней, Полифемъ, небожителямъ равный,

И рожденный Эгеемъ Феzeй, безсмертнымъ подобный! 265

Се человѣки могучие, слава сыновъ земнородныхъ!

Были могучи они, съ могучими въ битвы вступали,

Съ лютыми чадами горь, и сражали ихъ боемъ ужаснымъ.

Былъ я, однако, и съ оными въ дружествѣ, бросивши Пилосъ,

Дальнюю Апій землю: меня они вызвали сами.

Тамъ я, по силамъ моимъ, подвизался, но съ ними стязаться

Кто бы дерзнулъ отъ живущихъ теперь человѣковъ наземныхъ?

Но—и они мой совѣтъ принимали и слушали рѣчи.

Будьте и вы послушны: слушать совѣты полезно.

Ты, Агамемнонъ, какъ ни могутъ, не лишай Ахиллеса

Дѣвы: ему какъ награду ее даровали Ахѣцы.

275

Ты, Ахиллесь, воздержись горделиво съ царемъ препираться:
 Чести подобной донынѣ еще не стажалъ ни единий
 Царь скіпетроносецъ, котораго Зевсъ возвеличивалъ славой,
 Мужествомъ ты знаменить, родила тебя матерь-богиня; 280
 Но сильнейший здѣсь онъ, повелитель народовъ несчетныхъ.
 Сердце смири, Агамемнонъ: я, старецъ, тебя умоляю,
 Гнѣвъ отложи на Пелида героя, который сильнейший
 Всѣмъ намъ, Ахейцамъ, оплотъ въ истребительной брані Троянской".

Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей, Агамемнонъ: 285
 Такъ, справедливо ты все и разумно, о старецъ, вѣщаешь;
 Но человѣкъ сей, ты видишь, хочетъ здѣсь всѣхъ перевысить,
 Хочетъ начальствовать всѣми, господствовать въ рати надъ всѣми,
 Хочетъ указывать всѣмъ; но пе я покориться намѣренъ.
 Или, что храбрымъ его сотворили бессмертные боги, 290
 Тѣмъ позволяютъ ему говорить мнѣ въ лицо оскорбленья?"

Гнѣвно его перервавъ, отвѣчалъ Ахиллесь благородный:
 „Робкимъ, ничтожнымъ меня справедливо бы всѣ называли,
 Если бъ во всемъ, что пи скажешь, тебѣ угождалъ я, безмолвный.
 Требуй того отъ другихъ, напыщенный властительствомъ; мнѣ же 295
 Ты не приказывай: слушать тебя не намѣренъ я болѣ!
 Слово иное скажу и его сохрани ты на сердцѣ:
 Въ битву съ оружьемъ въ рукахъ никогда за плѣненную дѣву
 Я не вступлю, ни съ тобой и ни съ кѣмъ; отымайте, что дали!
 Что жъ до корыстей другихъ, въ кораблѣ моемъ черномъ хранимыхъ, 300
 Противу воли моей ничего ты изъ нихъ не похитишь!
 Или, приди и отвѣтай, пускай и другie увидятъ:
 Черная кровь изъ тебя вкругъ копья моего заструится!"

Такъ воеводы, жестоко другъ друга словами перечая,
 Встали отъ мѣстъ и разрушили сонмъ предъ судами Ахеянъ. 305
 Царь Ахиллесь къ Мирмидонскимъ своимъ кораблямъ быстролетнымъ
 Гнѣвный отшелъ, и при немъ Менетидъ съ Мирмидонской дружиной.
 Царь Агамемнонъ легкій корабль ниспустилъ на пучину,
 Двадцать избралъ гребцовъ, поставилъ на немъ гекатомбу,
 Даръ Аполлону, и самъ Хризенду, прекрасную дѣву, 310
 Взвель на корабль: повелителемъ сталъ Одиссей многоуменый;
 Быстро они устремяся, по влажнымъ путямъ полетѣли.
 Тою порою Атридъ повелѣлъ очищаться Ахейцамъ;
 Всѣ очищались они и нечистое въ море метали.
 Послѣ, избравъ совершенныя Фебу царю гекатомбы, 315
 Козъ и тельцовъ сожигали у брега бесплоднаго моря;
 Туковъ воня до небесъ восходила съ клубящимся дымомъ.
 Такъ Аргивяне трудились въ станѣ; но царь Агамемнонъ

Злобы еще не смирялъ и угрозъ не забылъ Ахиллесу:
 Онъ, призвавъ предъ лицо Талеибя и съ нимъ Эврибата, 320
 Вѣрныхъ клевретовъ и вѣстниковъ, такъ заповѣдавъ, гнѣвный:
 „Шествуйте, вѣрные вѣстники, въ сѣнь Ахиллеса Пелида;
 За руки взять, предъ меня Бризенду не мѣдля представьте;
 Если же онъ не отдастъ, возвратитесь, самъ я исторгну:
 Съ силой къ нему я приду, и преслушному горестнѣй будеть!“ 325

Такъ произнесъ и послалъ, заповѣдавши грозное слово.
 Мужи пошли неохотно по берегу шумной пучинѣ;
 И, приближася къ кущамъ и быстрымъ судамъ Мирмидоновъ,
 Тамъ обрѣтаются его, передъ кущей своею сидящимъ
 Въ думѣ; пришедшихъ увидя, не радость Пелидъ обнаружилъ. 330
 Оба смущились они и въ почтительномъ страхѣ къ владыкѣ
 Сталы, ни вѣсти сказать, ни его вопросить не дерзая.
 Сердцемъ своимъ то проникъ и вѣщасть имъ Пелидъ благородный:
 „Здравствуйте, мужи глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ!
 Ближе предстаньте; ни въ чемъ вы невинны, но царь Агамемнонъ! 335
 Онъ вѣсъ послалъ за наградой моей, за младой Бризеной.
 Другъ благородный Патрокль, изведи и отдай Бризену;
 Пусть похищаются; но сами они же свидѣтели будуть
 И предъ сонмомъ боговъ, и предъ племенемъ всѣхъ человѣковъ,
 И предъ царемъ симъ неистовыми, ежели нѣкогда снова 340
 Нужда настанетъ во мнѣ, чтобы спасти отъ позорнѣйшей смерти
 Рать остальную... свирипствуетъ, вѣро, онъ, умъ погубивши!
 Свѣсть настоящаго съ будущимъ онъ не умѣя, не видить,
 Какъ при судахъ обезпечить спасеніе рати Ахейской!“

Рекъ, и Менетиевъ сынъ покорился любезному другу, 345
 За руку вывелъ изъ сѣни прекрасно-ланитую дѣву,
 Отдать посламъ; и они удаляются къ сѣнямъ Ахейскимъ;
 Съ ними отходитъ печальная дѣва.—Тогда прослезялся,
 Бросилъ друзей Ахиллесъ, и далеко отъ всѣхъ, одинокій,
 Сѣль у пучины сѣдъ и, взирая на понты темноводный, 350
 Руки въ слезахъ простираль, умоляя любезную матеръ:

„Матерь! когда ты меня породила на свѣтъ кратковѣчнымъ,
 Славы не долженъ ли быть присудить мнѣ высокогремящій
 Зевсъ Эгюхъ? Но меня никакой не сподобилъ онъ чести!
 Гордый могуществомъ царь, Агамемнонъ, меня обезчестилъ; 355
 Подвиговъ бранныхъ награду похитилъ и властвуетъ ею!“

Такъ онъ въ слезахъ воپіяль, и слышала воопль его матерь,
 Въ безднахъ сидящая моря, въ обители старца Нерея.
 Быстро изъ пѣннаго моря, какъ легкое облако, вышла,
 Сѣла близъ малаго сына, струящаго горькія слезы, 360

Нѣжно ласкала рукою, называла, и такъ говорила:

„Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? Какая печаль постыла
Сердце твое? Не скрывайся, повѣдай, да оба мы знаемъ.“

Ей, тяжело застонавъ, отвѣчалъ Ахиллесь быстроногій:

„Знаешь, о матерь: почто тебѣ, знающей все, возгѣшать мнѣ? 365

Мы на священныя Оивы, на градъ Этіоновъ ходили;
Градъ разгромили, и все, что добыли, представили въ станѣ;
Все межъ собою, какъ должно, Ахеянъ сыны раздѣлили:
Сыну Атрееvu Хризову dochь лѣпсовидную дали.

Вскорѣ Хризъ, іерей престарѣлый царя Аполлона, 370
Къ чернымъ предсталь кораблямъ Аргиванъ мѣднобронный, желая
Плѣнную дочь искупить; и принесши безчисленный выкупъ,
И держа въ рукахъ, на жезлѣ золотомъ, Аполлоновъ
Свѣтлый вѣнецъ, умолкалъ убѣдительно всѣхъ онъ Ахеянъ,
Паче жъ Атридовъ могучихъ, строителей рати Ахейской. 375
Всѣ изъявили согласie крикомъ всеобщимъ Ахейцы
Честь жрецу оказать и принять блистательный выкупъ;
Но Атриду царю, одному, не угодно то было:
Гордо жреца онъ отринулъ, суровая рѣчи вѣщая.

Жрецъ огорчился и вспять отошелъ; но ему Сребролукій 380
Скоро молящемусь внялъ: Аполлону любезенъ быль старецъ;
Внялъ и стрѣлу истребленья послать на Данаевъ; народы
Гибли толпа на толпѣ, и бессмертного стрѣлы летали
Съ края на край по широкому стану. Тогда прорицатель,
Калхасъ премудрый, повѣдалъ священные Феба глаголы. 385
Первый совѣтоваль я укротить раздраженнаго бога.

Гнѣвомъ вспыпалъ Агамемнонъ и, съ мѣста, свирѣпый, воспрянувъ,
Началъ словами грозить, и угрозы его совершились!

Въ Хризу священника дщерь быстроокія чада Ахеянъ 390
Въ легкомъ везутъ кораблѣ и дары примиренія богу.
Но недавно ко мнѣ приходили послы и изъ кущи

Бризову дщерь увели, драгоценнѣйшій даръ мнѣ Ахеянъ!

Матерь! когда ты сильна, заступися за храбраго сына!
Нынѣ жъ взойди на Олимпъ и моли всемогущаго Зевса,
Ежели сердцу его угождала ты словомъ иль дѣломъ. 395

Часто я въ домѣ родителя, въ дни еще юности, слышалъ,
Часто хвалилася ты, что отъ Зевса, ступителя облакъ,
Ты изъ бессмертныхъ одна отвратила презрѣнныя козни,
Въ день; какъ отца оковать Олимпійскіе боги дерзнули,

Гера и царь Посидаонъ и съ ними Аеина Паллада. 400
Ты, о богиня, представъ, уничтожила ковы на Зевса;

Ты на Олимпъ многохолмный призвала Сторукаго въ помощь,

Коему имя въ борахъ Бриарей, Эгеонъ—въ человѣкахъ.
 Страшный титанъ, и отца своего провышающій силой,
 Онъ близъ Кронида вогсѣлъ, и огромный, и славою гордый. 405
 Боги его ужаснулись, и всѣ отступили отъ Зевса.
 Зевсу напомни о томъ и моли, обнимая колѣна,
 Пусть онъ, отецъ, возжелаетъ въ бояхъ поборать за Пергамлянъ,
 Но Аргивянъ, утѣсная до самыхъ судовъ и до моря,
 Смертью разить, да своимъ Аргивяне царемъ насладятся; 410
 Самъ же сей царь многовластный надменный Атридъ да познаетъ,
 Сколь онъ преступенъ, Ахейца храбрѣшаго такъ обезчестивъ“.

Сыну въ отвѣтъ говорила Фетида, ліюща слезы:
 „Сынъ мой! почто я тебя воспитала, рожденного къ бѣдствіямъ!
 Даруй, Зевесь, чтобы ты предъ судами безъ слезъ и печалей 415
 Могъ оставаться. Кратокъ твой вѣкъ, и предѣль его близокъ!
 Нынѣ ты вмѣстѣ—и всѣхъ кратковѣчнѣй, и всѣхъ злополучнѣй!
 Въ злую годину, о сынъ мой, тебя я въ дому породила!
 Но, вознесусь на Олимпъ многосѣжній; метателю молний
 Все я повѣдаю, Зевсу; быть можетъ, вонметь онъ моленію 420
 Ты же теперь оставайся при быстрыхъ судахъ Мириидонскихъ,
 Гнѣвъ на Ахеянь питай, и отъ битвъ удержись совершенно.
 Зевесь громовержецъ вчера къ отдаленнымъ водамъ Океана
 Съ сонмомъ бессмертныхъ на пиръ къ Эвіонамъ отшелъ непорочнымъ,
 Но въ двѣнадцатый день возвратится снова къ Олимпу; 425
 И тогда я пойду къ мѣднозданному Зевсову дому,
 И къ ногамъ припаду, и царя умолить уповаю“.

Слово скончала и скрылась, оставя печального сына,
 Въ сердцѣ питающаго скорбь о красно-опоясанной дѣвѣ,
 Силой Атрида отъятой.—Межъ тѣмъ Одиссей велемудрый 430
 Хризы веселой достигъ съ гекатомбой священною Фебу.
 Съ шумомъ легкій корабль вѣжаль въ глубодонную пристань;
 Всѣ паруса опустили, сложили на черное судно,
 Мачту къ гнѣзду притянули, поспѣшно спустивъ на канатахъ,
 И корабль въ пристанище дружно пригнали на веслахъ. 435
 Тамъ они котвы бросаютъ, причалы къ пристанищу вяжутъ,
 И съ дружиною сами сходятъ на берегъ пучины,
 И низводятъ тельцовъ, гекатомбу царю Аполлону,
 И вослѣдъ Хризенда на отчую землю искходятъ.
 Дѣву тогда къ алтарю повель Одиссей благородный, 440
 Старцу въ объятія отдалъ и словомъ привѣтствовалъ мудрый:
 „Феба служитель! меня посыаетъ Атридъ Агаменномъ
 Дочерь тебѣ возвратить, и Фебу царю гекатомбу
 Здѣсь на Данасъ принести, да преклонимъ на милость владыку,

Въ гнѣвѣ на племя Danaevъ пославшаго тяжкія бѣдства". 445

Рекъ и вручилъ Хризейду, и старецъ съ веселіемъ обнялъ
Милую дочь. Между тѣмъ гекатомбную славную жертву
Вокругъ алтара велелѣпнаго стройно становить Ахейцы,
Руки водой омываютъ и соль, и ячиенъ подымаютъ.

Громко Хрізъ возмолился, горѣ воздѣвающей руки: 450

„Фебъ сребролукій внемли мнѣ! о ты, что хранящій обходишь
Хризу, священную Киллу и мощно царишь въ Тенедосѣ!
Ты благосклонно и прежде, когда я молился, услышалъ
И прославилъ меня, поразивши бѣдами Ахеянъ;
Также и нынѣ услышь, и исполни моленіе старца: 455
Нынѣ погибельный морь отврати отъ народовъ Ахейскихъ".

Такъ онъ взывалъ и услышалъ его Аполлонъ сребролукій.
Кончивъ молитву, ячиенемъ и солью осыпали жертвы,
Выи имъ подняли вверхъ, закололи, тѣла освѣжили,
Бедра не медля отсѣкли, обрѣзанными тукомъ покрыли 460
Вдвое кругомъ и на нихъ положили останки сырье.

Жрецъ на дровахъ сожигаль ихъ, барагнымъ виномъ окропля;
Юноши окрестъ его въ рукахъ птицубцы держали.
Бедра сожегши они и вкусивши утробъ отъ закланнныхъ,
Все остальное дробять на куски, прободаютъ рожнами, 465
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовя, снимаютъ.

Кончивъ заботу сю, Ахеяне пиръ учредили;
Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршествѣ общемъ;
И когда питіемъ и пищею гладъ уголили,
Юноши, паки виномъ наполнивши доверху чаши, 470
Кубками всѣхъ обносили, отъ правой страны начиная.

Цѣлый Ахеяне день ублажали пѣніемъ бога;
Громкій пеанъ Аполлону Ахейскіе отроки пѣли;
Славя его, Стрѣловержца, и онъ веселился, внимая.
Солнце едва заакатилось и сумракъ на землю спустился, 475
Сну предалися пловцы у причалъ мореходнаго судна.
Но, лишь явилась заря розоцерстая, вѣстница утра,
Въ путь поднялися обратный къ широкому стану Ахейцы.

Съ мѣста попутный имъ вѣтеръ послалъ Аполлонъ сребролукій.
Мачту поставили, парусы бѣлые всѣ распустили; 480
Средній немедленно вѣтеръ надулъ, и, поплывшему судну,
Страшно вокругъ киля его зашумѣли пурпурныя волны;
Быстро оно по волнамъ, бразды оставляя, летѣло.
Послѣ, какъ скоро достигли Ахейскаго ратнаго стана,

Черное судно они извлекли на покатую сушу 485
И, высоко, на пескѣ, подкативши огромныхъ бревна,

Сами разсѣялись вдругъ по своимъ кораблямъ и по кущамъ.

Онъ между тѣмъ враждовалъ, при судахъ оставаяся черныхъ,
Зевсовъ питомецъ, Пелидъ Ахиллесь, быстроногій ристатель.
Не былъ уже ни въ совѣтахъ, мужей украшающихъ славой, 490
Не былъ ни въ грозныхъ бояхъ; сокрушающій сердце печалью,
Праздный сидѣль, но душою алжалъ онъ и браніи, и боя.

Съ оной поры наконецъ двѣнадцать денницъ совершилось,
И на свѣтлый Олимпъ возвратилися вѣчные боги,
Всѣ совокупно; предшествовалъ Зевсъ. Не забыла Фетида 495
Сына моленій; рано возникла изъ пѣнного моря,
Съ раннимъ туманомъ взошла на великое небо, къ Олимпу;
Тамъ, одного всѣдящаго, молній метателя Зевса
Видѣть на самой вершинѣ горы многоверхой, Олимпа;
Близко предъ нимъ возсѣдаешь и, быстро обнявши колѣна 500
Лѣвой рукою, а правой подбрадія тихо касаясь,
Такъ говорить, умоляя отца и владыку безсмертныхъ:

„Если когда я, отецъ нашъ, тебѣ отъ безсмертныхъ угодна
Словомъ была или дѣломъ, исполнни одно мнѣ моленіе!
Сына отмсти мнѣ, о Зевсъ! кратковѣчнѣе всѣхъ онъ Danaevъ; 505
Но сго Агамемнонъ, властитель мужей, обезславилъ:
Самъ у него и похитилъ награду, и властвуетъ ею.
Но отомсти его ты, промыслитель небесный, Кроніонъ!
Ратиамъ Троянскимъ даруй одолѣніе, доколѣ Ахейцы
Сына почтить не представнуть и чести его не возвысятъ“. 510

Такъ говорила; но, ей не отвѣтствуя, Тучегонитель
Долго бозмолвный сидѣль; а она, какъ объяла колѣна,
Такъ ихъ держала, припавши, и снова его умоляла:

„Дай непреложный обѣтъ, и священное маніе сдѣтай,
Или отвергни; ты страха не знаешь: реки, да увѣрюсь, 515
Всѣхъ ли презрѣнійшей я межъ безсмертныхъ богинь остаюсь“.

Ей, вдохнувшіи глубоко, отвѣтствовалъ Тучегонитель:
„Скорбное дѣло, ненависть ты на меня возбуждаешь
Геры надменной: озлобить меня оскорбительной рѣчью;
Гера и такъ непрестанно, предъ сонмомъ безсмертныхъ, со мною 520
Спорить и вонить, что я за Троянъ побораю во браніи.
Но удалился теперь, да тебя на Олимпъ не узрить
Гера; о прочемъ заботы пріемлю я самъ и исполню:
Зри, да увѣренъ будешъ,—тебѣ я главой помаваю.
Се отъ лица моего для безсмертныхъ боговъ величайшій
Слова залогъ: невозвратно то слово, вовѣкъ непреложно,
И не свершиться не можетъ, когда я главой помаваю“. 525

Рекъ, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:

Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ безсмертной главы, и потрясся Олимпъ многохолмный. 530

Такъ совѣщались они и разсталися. Быстро Фетида
Ринулась въ бездну морскую, съ блестящаго сверглась Олиппа;
Зевсъ возвратился въ чертогъ, и боги съ престоловъ возстали
Въ встрѣчу отцу своему; не дерзнулъ ни одинъ отъ безсмертныхъ
Сидя грядущаго ждать, но во стрѣтенье всѣ поднялись. 535

Тамъ Олимпіецъ на тронъ возсѣлъ; но владычица Гера
Все примѣчала, узрѣла, какъ съ нимъ полагала совѣты
Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида.

Быстро, съ язвительной рѣчью, она обратилась на Зевса:
„Кто изъ безсмертныхъ съ тобою, коварный, строилъ совѣты? 540
Знаю, пріятно тебѣ отъ меня завсегда сокровенно
Тайны думы держать; никогда ты собственной волей
Мнѣ не рѣшился повѣдать ни слова изъ помысловъ тайныхъ!“

Ей отвѣчалъ повелитель боговъ и отецъ человѣковъ:
„Гера, совѣты мои не всѣ ты надѣйся увѣдать; 545
Тягостны будуть тебѣ, хотя ты мнѣ и супруга!
Что невозбранно познать, никогда никто не познаеть
Прежде тебя, ни отъ сонма земныхъ, ни отъ сонма небесныхъ.
Если жъ одинъ, безъ боговъ, восходу я совѣты замыслить,
Ты ни меня вопрошай, ни сама не извѣдывай оныхъ“. 550

Къ Зевсу воскликнула вновь волоокая Гера богиня:
„Тучегонитель, какія ты рѣчи, жестокій, вѣщаешь?
Я никогда ни тебя вопрошать, ни сама что извѣдѣть
Вѣкъ не желала; спокойно всегда замышляешь, что хочешь.
Я и теперь обѣ одномъ трепещу, да тебя не преклонить 555
Старца пучиннаго дочь, среброногая матерь Пелида:
Рано возсѣла съ тобой и колѣна твои обнимала;
Ей помаваль ты, какъ я примѣчаю, желая Пелида
Честь отомстить и толпы Аргивянъ истребить предъ судами“.

Герѣ паки не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кронопъ: 560
„Дивная! все примѣчашь ты, вѣчно меня соглядаешь!
Но произвестъ ничего не успѣшь; болѣе только
Сердце мое отвратишь, и тебѣ то ужаснѣе будетъ!
Если содѣжалось такъ,—безъ сомнѣнія, мнѣ то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголамъ моимъ повинуйся! 565
Или тебѣ не помогутъ ни всѣ божества на Олимпѣ,
Если, возставъ, наложу на тебя необорнныя руки“.

Рекъ; устрашилась его волоокая Гера богиня
И безмолвно сидѣла, свое побѣдившая сердце.
Смутно по Зевсову дому вздыхали небесные боги. 570

Туть Олимпійскій художникъ, Гефестъ, бесѣдоватъ начальъ,
 Матери милой усердствуя, Герѣ лилейно-раменой:
 „Горестны будуть такія дѣла, наконецъ нестерпимы,
 Ежели вы и за смертныхъ съ подобной враждуете злой!
 Ежели въ сонмѣ боговъ воздвигаете смуту! Исчезнетъ
 Радость отъ пиршества свѣтлага, ежели зло торжествуетъ!
 Матерь, тебя убѣждаю, хотя и сама ты премудра,
 Зевсу царю окажи покорность, да паки бессмртный
 Гнѣвомъ не грянетъ и намъ не смутить беззмятежнаго пира.
 Если восходитъ отецъ, Олимпіецъ, громами блестящій, 580
 Всѣхъ отъ престоловъ низвергнетъ: могуществомъ всѣхъ онъ пре-
 выше!

Матерь, потѣшился могучаго сладкими тронуть словами,
 И немедленно къ намъ Олимпіецъ милостивъ будеть“.

Такъ произнесъ и, поднявшись, блистательный кубокъ двудонный
 Матери милой подносить и снова такъ ей вѣщаestъ: 585
 „Милая мать, претерпи и снеси, какъ ни горестно сердцу!
 Сыну толико драгая, не дай на себѣ ты увидѣть
 Зевса ударовъ; бессиленъ я буду, хотя и крушася,
 Помощь подать: тяжело Олимпійцу противиться Зевсу!
 Онъ уже древле меня, побужденаго сердцемъ на помощь, 590
 Ринулъ, за ногу схвативъ, и низвергнулъ съ небеснаго прага:
 Несся стремглавъ я весь день и съ закатомъ блестящаго солнца
 Палъ на божественный Лемносъ, едва сохранившій дыханье.
 Тамъ Синтійскіе мужи меня дружелюбно пріяли“.

Рекъ; улыбнулась богиня; лилейно-раменая Гера 595
 И стъ улыбкой отъ сына блистательный кубокъ пріяла.
 Онъ и другимъ небожителямъ, съ правой страны начиная,
 Сладостный нектарь подносить, черпая кубкомъ изъ чаши.
 Смѣхъ несказанный воздвигли блаженные жители неба,
 Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогу вокругъ суетится. 600
 Такъ во весь день до запечтвія солнца блаженные боги
 Всѣ ширивали, сердца услаждая на пиршество общемъ
 Звуками лиры прекрасной, бряцавшей въ рукахъ Аполлона,
 Шїнемъ Музъ, отвѣчавшихъ бряцанію сладостнымъ гласомъ.

Но, когда закатился свѣтъ блистательный солнца, 605
 Боги, желая почтить, уклонилися каждый въ обитель,
 Гдѣ небожителю каждому домъ на холмистомъ Олимпѣ
 Мудрый Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создаль.
 Зевсъ къ одру своему отошелъ, Олимпійскій блистатель,
 Гдѣ и всегда почивалъ, какъ сонъ постыдалъ его сладкій; 610
 Тамъ онъ, восшедши, почилъ и при немъ златотронная Гера.

ПѢСНЬ. II.

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, дабы отмстить за обиду, Ахиллесу нанесенную, посылаетъ Агамемнона, во время ночи, обольстительное сновидѣніе, что онъ наконецъ завоюетъ Трою; ст. 1—40. Агамемнонъ, обольщенный и жаждущий безъ Ахиллеса взять Трою, спѣшить и сновидѣніе свое и памѣреніе—вести на бой всѣхъ Данавъ—открыть старѣшинамъ, потомъ немедленно съзываєтъ собраніе народное; 41—100. Но, не довѣряя, готовъ ли народъ безъ Ахиллеса вступить въ сраженіе, испытываетъ духъ его и притворно совѣтуетъ возвратиться въ отечество, произнося свою рѣчь съ знаменитымъ въ рукахъ нацлѣственнымъ скриптомъ; 101—141. Народъ, воиномъ утомленный, но почтывъ памѣренія царя, быстро волнуется и бросается къ кораблямъ, чтобы готовиться къ отплытию; 142—154. Одиссей, Палладою возбужденный, ипшешдше съ неба, убѣжденіями и угрозами укрощаетъ смиреніе народное и своюю властію вновь востановляетъ собраніе; 155—210. Оерсита, мужа безобразного и злословного, жестоко наказываетъ для примѣра другимъ; 211—277. Такъ укротивъ народъ, Одиссей новою рѣчью возбуждаетъ его изъ браны, воспоминая, между прочимъ, прежнія счастливыя знаменія Калхаса, что Троя будетъ взята въ десятый годъ браны; 278—335. Въ такомъ же разумѣ произносить рѣчь Несторъ и вѣѣтъ совѣтуетъ употребить нѣкоторый родъ тактики, раздѣливъ народъ на племена и колѣна; 336—368. Агамемнонъ начинаетъ уже раскаиваться въ своей распѣ съ Ахиллесомъ, приказываетъ бой и браннымъ жаромъ одушевлять всѣхъ; 369—393. Всѣ спѣшатъ вооружиться; между тѣмъ Агамемнонъ, заклавъ жертвы, старѣшинахъ вождей приглашаетъ на пиршество; прочие быстро, по своимъ кущамъ, приносить жертвы богамъ, насыщаются и готовятся къ сраженію; 394—440. Вѣстники, по совѣту Нестора, съзываютъ Ахеанъ на бой; вожди строятъ ихъ, каждый свое племя, и выводятъ къ сраженію; 441—483. Подробное исчисление кораблей, народовъ и вождей, которые съ Агамемнономъ пришли на брану.

Троянскую; 484—785. Троище также, Политомъ извѣщеніе о возмущеніи
Ахеанъ, подъ предводительствомъ Гектора, и сами, и союзники ихъ, выходить
въ поле, къ холму Батеи; краткое исчислѣніе Троянъ, союзниковъ и вождей
ихъ; 786—877.

Всѣ, и бессмертные боги, и коннодоспѣшные мужи,
Спали всю ночь, но Кроніона сладостный сонъ не покоилъ.
Онъ волновался заботными думами, какъ Ахиллеса
Честь отомстить и Ахеанъ толпы истребить предъ судами.
Сердцу его наконецъ показалася лучшая дума:
Сонъ послать обманчивый мощному сыну Атрея.
Зевсъ призываѣтъ его и крылатыя рѣчи вѣщаєтъ:

„Мчися, обманчивый Сонъ, къ кораблямъ быстролетныхъ Ахеанъ;
Вниди подъ сень и явись Агамемнону, сыну Атрея;
Все ты ему возвѣсти непремѣнно, какъ я завѣщаю:
Въ бой вести самому повели кудреглавыхъ Danaeъ
Всѣ ополченія; нынѣ, вѣщай, завоюешь Троянскій
Градъ многолюдный: уже на Олимпѣ имущіе дома
Боги не мнять разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
Гера своею мольбой, и надъ Троюю носится гибель“.

Рекъ онъ,—и Сонъ отлетѣлъ, повелѣнію Зевса покорный,
Быстрымъ полетомъ достигъ кораблей мореходныхъ Аргивскихъ,
Къ кущамъ Атридовъ потекъ и обрѣлъ Агамемнона: въ кущѣ
Царь почиваль, и надъ нимъ амврозіческій сонъ разливался.
Сталь надъ главой онъ царевой, Нелееву сыну подобный,
Нестору, болѣе всѣхъ Агамемнономъ чтиому старцу;
Образъ его воспріявлъ, божественный Сонъ провѣщаєтъ:

„Спиши, Агамемнонъ, спиши, сынъ Атрея, смирителя коней!
Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта,
Коему вѣрено столько народа и столько заботы! .
Быстро внимай, что реку я: тебѣ я Кроніона вѣстникъ;
Онъ и съ высокихъ небесь о тебѣ, милосердый, печется:
Въ бой вести тебѣ онъ велитъ кудреглавыхъ Danaeъ
Всѣ ополченія; нынѣ, онъ рекъ, завоюешь Троянскій
Градъ многолюдный: уже на Олимпѣ имущіе дома
Боги не мнять разномысленно; всѣхъ наконецъ согласила
Гера мольбой, и надъ Троюю носится гибель отъ Зевса.
Помни глаголы мои, сохранилъ на душѣ и страшился
Ихъ позабыть, какъ тебя оставить сонъ благотворный“.

Такъ говоря, отлетѣлъ и оставилъ Атрееева сына,
Сердце предавшаго думамъ, которымъ не сужено сбыться.

Думаль, что въ тотъ же онъ день завоюетъ Пріамову Трою.
Смертный безумный! не вѣдалъ онъ дѣль, устроемыхъ Зевсомъ:
Снова рѣшился Отецъ удручинть и бѣдами, и стономъ
Трои сыновъ и Danaeъ на новыхъ побоищахъ страшныхъ. 40
Вспрѣнѣлъ Атридъ, и божественный голосъ еще разливался
Вокругъ его слуха; возсѣлъ онъ и мягкимъ одѣлся хитономъ,
Новымъ, прекраснымъ, и сверху набросилъ широкую ризу;
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы,
Сверху раменъ перекинулъ блестательный мечъ среброгвоздный; 45
Въ руку же взявшіи отцовскій, во вѣки негибнущій скіпетръ,
Съ нимъ отошелъ къ кораблямъ мѣянодоспѣшныхъ Danaeъ.
Вѣстница утра, заря, на великий Олимпъ восходила,
Зевсу-царю и другимъ небожителямъ свѣтъ возвѣща; 50
И Атридъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонкоголосымъ
Къ сонму немедленно кликать Ахейскихъ сыновъ кудрглавыхъ.
Вѣстники подняли кличъ,—и Ахеи стекалися быстро.
Прежде же онъ посадилъ на совѣтъ благодумныхъ старѣшинъ,
Ихъ пригласивъ къ кораблю скіпетроноснаго старца Нелида.
Тамъ Агамемнонъ, собравшимся, мудрый совѣтъ имъ устроилъ: 55
„Други! обятыму сномъ, въ тишинѣ амврозической ночи,
Дивный явился мнѣ Сонъ, благородному сыну Нелея
Образомъ, ростомъ и свойствомъ Нестору чудно подобный!
Сталь надъ моей онъ главой и вѣщаль мнѣ ясныя рѣчи:
Спиши, Агамемнонъ, спиши, сынъ Атрѣя, смирителя коней! 60
Ночи во снѣ провождать подобаетъ ли мужу совѣта,
Коему вѣрено столько народа и столько заботы!
Быстро внимаи, что реку я: тебѣ я Крониона вѣстникъ.
Онъ и съ высокихъ небесъ о тебѣ, милосердый, печется;
Въ бой вести тебѣ онъ велитъ кудрглавыхъ Danaeъ 65
Всѣ ополченія: нынѣ, вѣщаль, завоюешь Троянскій
Градъ многолюдный; уже на Олимпѣ имущіе дома
Боги не мнять разомысленно: всѣхъ наконецъ согласила
Гера мольбой, и надъ Троюю носится гибель отъ Зевса.
Слово мое сохрани ты на сердцѣ.—И такъ произнесши, 70
Онъ отлетѣлъ, и имена оставилъ сонъ благотворный.
Други! помыслите, какъ ополнить кудрглавыхъ Danaeъ?
Прежде я самъ, какъ и слѣдуешьъ, ихъ испытаю словами;
Я повелю имъ отъ Трои бѣжать на судахъ многовеслыхъ,
Вы же одинъ одного отъ сего отклоняйте совѣтомъ“. 75

Такъ произнесъ и возсѣлъ Атрѣонъ,—и возсталъ между ними
Несторъ почтенный, песчанаго Пилоса царь сѣдовласый.
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ предъ собраньемъ старѣшинъ:

„Други! вожди и правители мудрые храбрыхъ Danaeъ!
Если-бъ подобный сонъ возвѣщалъ намъ другой отъ Achaeiъ, 80
Ложью почли-бъ мы его и съ презрѣніемъ вѣрно-бъ отвергли;
Видѣлъ же тотъ, кто слышеть знаменитѣйшимъ въ рати Achaeiской;
Дѣйствуйте, други, помыслите, какъ ополнить намъ Achaeiъ“.

Такъ произнесши, первый ушелъ изъ собранія Несторъ.
Всѣ поднялись, покорились Атриду, владыкѣ народовъ, 85
Всѣ скіптроносцы Achaeiъ; народы же рѣяли къ сонму.
Словно какъ пчелы, изъ горныхъ пещеръ вылетая роями,
Мчатся густыя, всесчастно за купою новая купа;
Въ образѣ гроздій онъ надъ цвѣтами весенними выются, 90
Или то здѣсь, неисчетной толпою, то тамъ пролетаютъ,—
Такъ Argivianъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Вокругъ по безмѣрному брегу, несчетные, къ сонму тянулись
Быстро толпа за толпой; и межъ оними Осса пылала,
Ихъ возбуждавшая, вѣстница Зевса; они собирались;
Бурно соборъ волновался; земля застонала подъ тьмами 95
Шедшихъ народовъ; возвигнулся шумъ между оними; девять
Гласомъ гремящимъ глашатаеъ, говоръ мятежный смирия,
Звучно вопили, да внемлють царямъ, Зевеса питомцамъ.
И едва лишь народъ на мѣстахъ учрежденныхъ усѣлся,
Говоръ унывши, какъ паstryр народа возсталъ Agamemnonъ, 100
Съ царственнымъ скіптомъ въ рукахъ, Олимпійца Гефеста со-
здальемъ:

Скіптръ сей Гефестъ даровалъ молніеносному Зевсу Крониду,
Зевсъ передаль возвѣстителю Гермесу, Аргоубийцѣ;
Гермесъ вручилъ укротителю коней Пелопсу герою; 105
Конникъ Пелопсъ передаль властелину народовъ Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предаль Тiestу,
И Tiestъ наконецъ Agamemnonу въ роды оставилъ,
Съ властью надъ тьмой острововъ и надъ Argosомъ, царствомъ про-
страннымъ.

Царь, опираясь па скіптръ сей, вѣщаю къ возсѣдящимъ Achaeiъ:
„Други, герои Danaiские, храбрые слуги Aрея! 110
Зевсъ громоверхецъ меня уловилъ въ неизбѣжную гибель!
Нагубный, прежде обѣтомъ и знаменемъ самъ предназначиль
Мнѣ возвратиться рушителемъ Troi высокотвердынной.
Нынѣ же злое прельщеніе онъ совершиль, и велитъ мнѣ
Въ Argosъ безславнымъ бѣжать, погубившему столько народа! 115
Такъ, безъ сомнѣнія, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многихъ уже онъ градовъ сокрушилъ высокія главы
И еще сокрушитъ: безпредѣльно могущество Зевса.“

- Такъ,—но коликий позоръ объ насть и потомкамъ услышать!
 Мы, и толикая рать и народъ таковыи, какъ Данаи, 120
 Тщетныя битвы вели и бесплодной войной воевали
 Съ меньшою ратью враговъ и трудами конца не узрѣли.
 Ибо когда бъ возжелали Ахейцы и граждане Трои,
 Клятвою миръ утвердивши, народъ обоюдно исчислить,
 И Трояне собрались бы, всѣ сколько есть ихъ во градѣ; 125
 Мы же, Ахейскій народъ, раздѣляя тогда на десятки,
 Взяли-бѣ на каждый изъ нихъ отъ Троянскихъ мужей виночерпцовъ,—
 Многимъ десяткамъ у насть не достало-бѣ мужей виночерпцевъ!
 Столъко, еще повторяю, числомъ превосходятъ Ахейцы
 Въ градѣ живущихъ Троянъ. Но у нихъ многочисленны други, 130
 Храбрые, многихъ градовъ копьеборные мужи; они-то
 Сильно меня отражаютъ и мнѣ не даютъ, какъ ни жажду,
 Града разрушить враждебнаго, пышио устроенной Трои.
 Девять прошло круговратныхъ годовъ великаго Зевса;
 Прево у насть въ корабляхъ изгниваетъ, канаты истлѣли; 135
 Дома и наши супруги, и наши любезныя дѣти,
 Сѣтуя, насть ожидаютъ, а мы безнадежно здѣсь медлимъ,
 Дѣлу не видя конца, для котораго шли къ Илону.
 Други, внемлите, и что повелю я вамъ, всѣ повинуйтесь:
 Должно бѣжать! возвратимся въ драгое отчество наше; 140
 Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!"
- Такъ говорилъ,—и Ахеянъ сердца взволновалъ Агамемнонъ
 Всѣхъ въ многолюдной толпѣ, и не слышавшихъ рѣчи совсѣтной.
 Всталъ, всколебался народъ, какъ огромныя волны морскія,
 Если и Нотъ ихъ и Эвръ, на водахъ Икарійскаго pointa, 145
 Вспучатъ, удариивши оба изъ облаковъ Зевса владыки,
 Или, какъ Зефиръ обширную ниву жестоко волнуетъ,
 Вдругъ налетѣвъ, и надъ нею бушующій клонить колосья,
 Такъ ихъ собраніе все взволновалося; съ крикомъ ужаснымъ
 Бросились всѣ къ кораблямъ; подъ стопами ихъ прахъ, поды-
 маясь, 150
 Облакоиъ въ воздухѣ сталъ; вопіютъ, убѣждають другъ друга
 Быстро суда захватить и спускать на широкое море;
 Рвы очищаются; уже до небесъ подымалися крики
 Жаждущихъ въ дому; уже кораблей вырывали подпоры.
- Такъ бы, судьбѣ вопреки, возвращеніе въ дому свершилось 155
 Рати Ахейской, по Гера тогда провѣщала къ Аeinѣ:
 „Что это, дщерь необорная тучегонителя Зевса!
 Или со срамомъ обратно въ любезную землю отчизны
 Рать Аргивянъ побѣжитъ по хребтамъ безпредѣльнаго моря?"

- Или на славу Пріаму, на радость гордымъ Троянамъ
Бросять Елену Аргивскую, ради которой подъ Троей 160
Столько Danaeъ погибло, далеко отъ родины милой?
Мчися стремительно къ воинству мѣднодоспѣшныхъ Danaeъ!
Сладкою рѣчью твоей убѣждай ты каждого мужа
Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ.“ 165
- Такъ изрекла; покорилась Аѳина владычицѣ Герѣ:
Бурно помчалась, съ вершины Олимпа высокаго бросясь;
Быстро достигла широкихъ судовъ Аргивянъ мѣднобронныхъ;
Тамъ обрѣла Одиссея, совѣтами равнаго Зевса: 170
Думенъ стоялъ и одинъ доброснастнаго чернаго судна
Онь не касался: печаль въ немъ и сердце, и душу пронзила.
Ставъ близъ него, прорекла свѣтлоокая дщерь Эгюха:
„Сынъ благородный Лаерта, герой, Одиссей многоумный!
Какъ? со срамомъ обратно, въ любезную землю отчизны 175
Вы ли отсель побѣжите, въ суда многомѣстныя рѣясъ?
Вы ли, на славу Пріаму, на радость Троянамъ, Елену
Бросите, Аргоса дочь, за которую столько Ахеянъ
Здѣсь передъ Троей погибло, далеко отъ родины милой?
Шествуй не медля къ народу Ахейскому; ревностно дѣйствуй;
Сладостью рѣчи твоей убѣждай ты каждого мужа 180
Въ море для бѣгства не влечь кораблей обоюду-весельныхъ.“
Такъ провѣща; и голосъ гремящій позналъ онъ богини;
Ринулся, сбросивъ и верхнюю ризу, но ону поднялъ
Слѣдомъ спѣшившій за нимъ Эврибатъ, Иеакійскій глашатай.
Самъ Одиссей Лаертидъ, на пути Агамемнона встрѣтивъ, 185
Взялъ отъ владыки отцовскій вовѣки негибущій скипетръ;
Съ онимъ скипетромъ пошелъ къ кораблямъ Аргивянъ мѣдноброн-
ныхъ;
- Тамъ, властелина или знаменитаго мужа встрѣчая,
Къ каждому онъ подходилъ и удерживаль кроткою рѣчью:
„Мужъ знаменитый! тебѣ ли, какъ робкому, страху вдаваться? 190
Сядь, успокойся и самъ, успокой и другихъ межъ народа;
Ясно еще ты не знаешь намѣреній думы царевой;
Нынѣ испытываль онъ, и не медля накажеть Ахеянъ:
Въ сонмѣ не всѣ мы слышали, что говориль Агамемнонъ;
Если онъ гнѣвенъ, жестоко, быть можетъ, поступить съ пародомъ, 194
Тягостенъ гнѣвъ царя, питомца Крониона Зевса;
Честь скипетроносца отъ Зеса, и любить его Промыслитель“.
- Если жъ кого-либо шумнаго онъ находиль межъ народа,
Скипетромъ его поражаль и обуздываль грозною рѣчью:
„Смолкли, песчастный, возсядь и другихъ совѣщанія слушай, 200

Болѣ почтенныхъ, какъ ты! Невоинственный мужъ и безсильный,
Значащимъ ты никогда не бывалъ ни въ боахъ, ни въ совѣтахъ.
Всѣмъ не господствовать, всѣмъ здѣсь не царствовать намъ Арги-
вянамъ!

Нѣть въ многовластіи блага; да будетъ единый властитель,
Царь намъ да будетъ единый, которому Зевсъ прозорливый 205
Скиптаръ даровалъ и законы: да царствуетъ онъ надъ другими".

Такъ онъ господствуя, рать подчинялъ, и на площадь собраній
Бросился паки народъ, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ воплемъ, подобно какъ волны немолчно-шумящаго моря,
Въ брегъ разбиваясь огромный, гремяты,—и отвѣтствуетъ понтъ
имъ. 210

Всѣ успокоились, тихо въ мѣстахъ учрежденныхъ сидѣли;
Только Ферситъ межъ безмолвными каркаль одинъ, празднословный.
Въ мысляхъ имъ всегда непристойныя многія рѣки,
Вѣчно искалъ онъ царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себѣ, что казалось смѣшно для народа. 215
Мужъ безобразнѣйший, онъ межъ Данаевъ пришелъ къ Илону:
Быть косоглазъ, хромоногъ; совершенно горбатъ сзади
Плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась
Вверхъ острѣемъ, и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ.
Врагъ Одиссея и злѣйший еще ненавистникъ Пелида,

Ихъ онъ всегда порицаль, но теперь скипетроносца Атрида
Съ крикомъ пронзительнымъ онъ поносилъ; на него Аргивяне
Гнѣвались страшно; уже возвставалъ негодующихъ ропотъ;
Онъ же, усили свой крикъ, порицаль Агамемнона, буйный:

„Что, Агамемнонъ, ты сѣтуешь, чѣмъ ты еще недоволенъ? 225
Куши твои преисполнены мѣди, и множество плѣнницъ
Въ кущахъ твоихъ, которыхъ тебѣ Аргивяне избранныхъ
Первому въ рати даемъ, когда города разоряемъ.

Жаждешь ли злата еще, чтобы его кто-нибудь изъ Троянскихъ
Конниковъ славныхъ принесъ для тебя, въ искупленіе сына, 230
Коего въ узахъ я бы привелъ, иль другой Аргивянинъ?
Хочешь ли новой жены, чтобы любовю съ ней наслаждаться,
Въ сѣнь одному заключившися? Нѣть, недостойное дѣло,
Бывши главою народа, въ бѣды вовлекать насть, Ахеянъ!

Слабое, робкое племя, Ахеанки мы, не Ахеицы! 235
Въ домы свои отплывемъ, а его мы оставимъ подъ Троей,
Здѣсь насыщаться чужими наградами; пусть онъ узнаетъ,
Служимъ ли помошью въ браны и мы для него, иль не служимъ.
Онъ Ахиллеса, его несравненно храбрѣйшаго мужа,
Днесъ обезчестилъ: похитилъ награду и властвуетъ ею! 240

Мало въ душѣ Ахиллесовой злобы; онъ слишкомъ безопаснъ;
Или, Атридъ, ты панесь бы обиду, послѣднюю въ жизни!“

Такъ говорилъ, оскорбляя Атрида, владыку народовъ,
Буйный Ферсить; но внезапно къ нему Одиссей устремился.
Гнѣвно воззрѣль на него и воскликнулъ голосомъ грознымъ: 245

„Смолкни, безумнорѣчивый, хотя громогласный, витія!
Смолкни, Ферсить, и не смѣй ты одинъ порицать скіптроносцевъ.
Смертнаго болѣ презрѣннаго, нежели ты, я увѣренъ,
Нѣть межъ Ахеянъ, съ сынами Атрея подъ Трою пришедшихъ.
Имени нашихъ царей не вращай ты въ устахъ, велерѣча! 250
Ихъ не дерзай порицать, ни рѣчей уловлять о возвратѣ!
Знаешь ли кто достовѣрно, чѣмъ окончится дѣло?
Счастливо или несчастливо мы возвратимся, Ахейцы?
Ты, злополучный, Атрида, вождя и владыку народовъ,
Сида, злословишь, что слишкомъ ему Аргиване герои 255
Много даютъ, и обиды царю произносишь на сонмѣ!
Но тебѣ говорю я, и слово исполнено будетъ:
Если еще я тебя безразсуднымъ, какъ нынѣ, увижу,
Пусть Одиссея главы на плечахъ могучихъ не будетъ,
Пусть я отъ оного дня не зовуся отцомъ Телемака, 260
Если, схвативши тебя, не сорву я твоихъ одѣяній,
Хлены съ раменъ и хитона, и даже что стыдъ покрываетъ,
И, навзыдъ воплющимъ, тебя къ кораблямъ не пошлю я
Вонь изъ народнаго сонма, позорно избитаго мною“.

Рекъ, и скіптромъ его по хребту и плечамъ онъ ударилъ. 265
Сжалася Ферсить, изъ очей его брызнули крупныя слезы;
Вдругъ полоса, подъ тяжестью скіптра золотого,
Вздулася багровая; сѣль онъ, отъ страха дрожа; и отъ боли
Видѣлъ безобразный наморщивъ, слезы отеръ на ланитахъ.
Всѣ, какъ ни были смутны, отъ сердца надъ нимъ разсмѣялись; 270
Такъ говорили иные, взирая одинъ на другого:

„Истинно, множество славныхъ дѣлъ Одиссей совершаетъ,
Къ благу всегда и совсѣмъ начиная, и брань учреждая.
Нынѣ-жъ герой Лаертидъ совершилъ знаменитѣйшій подвигъ:
Нынѣ ругателя буйнаго онъ обуздалъ велерѣчье! 275
Вѣрно, впередъ не отважитъ его дерзновенное сердце
Зевсу любезныхъ царей оскорблять поносительной рѣчью!“

Такъ говорила толпа. Но возсталъ Одиссей градоборецъ,
Съ скіптромъ въ рукахъ, и подлѣ героя Паллада-Аѳина,
Въ образѣ вѣстника ставъ, повелѣла умолкнуть народамъ,
Чтобъ и въ ближнихъ рядахъ и въ далекихъ Дапайскіе мужи
Слышали рѣчи его и постигнули разумъ совѣта. 280

Онъ, благоислія полный, витѣствовалъ такъ передъ сонмомъ:

„Царь Агамемнонт! тебѣ, скіптроносцу, готовить Ахейцы
Вѣчный позоръ передъ племенемъ ясноглаголивыхъ смертныхъ, 285
Слово исполнить тебѣ не радѣютъ, которое дали,
Ратью сюда за тобою летя изъ цвѣтущей Геллады,—
Слово, лишь Трою разрушивъ великую, всиять возвратиться.
Нынѣ жъ Ахейцы, какъ слабыя дѣти, какъ жены-вдовицы,
Плачутся другъ передъ другомъ и жаждутъ лишь въ домъ возвра-
титься. 290

Тягостна брань, и унылому радостно въ домъ возвратиться.
Путникъ, и мѣсяцъ одинъ находяся вдали отъ супруги,
Сѣтуетъ близъ корабля, снаряженного въ путь, но который
Держать и зимнія выюты, и волны иятежнаго моря.

Намъ же девятый уже исполняется годъ круговратный, 295
Здѣсь пребывающимъ. Нѣть, не могу я роптать, что Ахейцы
Сѣтуютъ сердцемъ, томясь при судахъ. Но, Ахейскіе мужи,
Стыдъ намъ—и медлить такъ долго, и праздно въ дома возвра-
титься!

Нѣть, потерпите, о други, помедлимъ еще, да узнаемъ,
Вѣрить ли намъ пророчеству Калхаса, или не вѣрить. 300
Твердо мы оное помнимъ; свидѣтели всѣ Аргивяне,
Коихъ еще не постигнули смерть наносящія Парки.

Прошлага, третьяго-ль дня, корабли Аргивянъ во Авлиду
Сонмомъ слетались, несущіе гибель Пріаму и Троѣ;
Мы, окружая потокъ, на святыхъ алтаряхъ гекатомбы 305
Вѣчнымъ богамъ совершили, подъ яворомъ стоя прекрасныиъ,
Гдѣ, изъ-подъ корня древеснаго, била блестящая влага.
Тамъ явился чудо! Драконъ и кровавый, и пестрый,
Страшный для взора, самимъ Олимпійцемъ на свѣтъ извлеченный,
Вдругъ изъ подножья алтарнаго выползъ и взвился на яворъ. 310
Тамъ, на стеблѣ высочайшемъ, въ гнѣздѣ, подъ листами таяся,
Восемь птенцовъ воробынныхъ сидѣли, безперыя дѣти,
И девятая матерь, недавно родившая пташечъ...
Всѣхъ драконъ ихъ пожралъ, испускающихъ жалкіе крики.

Матерь кругомъ ихъ летала, тоскуя о дѣтяхъ любезныхъ; 315
Вверхъ онъ извившись, схватилъ за крыло и стенящую матерь.
Но, едва поглотилъ онъ и юныхъ пернатыхъ, и птицу,
Чудо на немъ совершаетъ безсмертный, его показавшій:
Въ камень его превращаетъ сынъ хитроумнаго Крона.
Мы, безмолвные стоя, дивились тому, что творилось: 320
Страшное чудо боговъ при священныхъ явилося жертвахъ.
Калхасъ исполнился духа и такъ, боговѣющій, пророчилъ:

- Что вы умолклии всѣ, кудреглавыя чада Геллады?
 Знаменемъ симъ проявилъ намъ событіе Зевсъ промыслитель,
 Позднее, поздній конецъ, но котораго слава бессмертна! 325
 Сколько пернатыхъ птенцовъ поглотилъ драконъ сей кровавый
 (Восемь ихъ было въ гнѣздѣ и девятая матеръ пернатыхъ),
 Столько, Ахеицы, годовъ воевать мы подъ Трою будемъ;
 Но въ десятый разрушимъ обширную стогнами Трою.
 Такъ намъ предсказывалъ Калхасъ, и все совершается нынѣ. 330
 Бодрствуйте-жъ, други, останемся всѣ, бранноносцы Danaи,
 Здесь, пока не разрушимъ Пріамовой Трои великой!"
- Рекъ,—и Ахеище подняли крикъ; корабли и окрестность
 Съ страшнымъ отгрынули гуломъ веселые крики Ахеянъ,
 Рѣчь возносящихъ хвалой Одиссея, подобного богу, 335
 Вскорѣ вѣщать межъ Ахеицами Несторъ божественный началь:
 „Боги! въ собраніи мы разглагольствуемъ праздно, какъ дѣти
 Слабыя, коими и думы о бранныхъ дѣлахъ незнакомы.
 Что и моленія наши и клятвы священныя будутъ?
 Или въ огонь и совѣты пойдутъ и заботы Ахеянъ, 340
 Винъ возліяния и руку сочетанья на вѣрность союзовъ?
 Мы лишь словами стязаемся праздными; помоши-жъ дѣлу
 Мы изыскать не могли, долговременно здѣсь оставаясь.
 Свѣтлый Атридъ, и теперь, какъ и прежде, душою ты твердый,
 Властивъ, Ахейскихъ сыновъ предводи на кровавыя битвы. 345
 Если жъ изъ оныхъ одинъ или два помышляютъ не съ нами,
 Ихъ ты оставь исчезать; не исполнятся помыслы робкихъ:
 Нѣть, не воротимся въ Аргосъ, доколѣ мы вѣяль не познаемъ,
 Зевса, эгиды носителя, ложень обѣть иль не ложень.
 Я утверждаю, успѣхъ знаменаль всемогущій Кроніонъ, 350
 Въ самый тотъ день, когда на суда быстролетныя сѣли
 Рати Ахеянъ, Троянамъ грозя и бѣдою, и смертью:
 Онь одесную блисталь, благовѣстуя рати Ахейской.
 Нѣть, да никто изъ Ахеянъ не думаетъ въ домъ возвратиться,
 Прежде, покуда Троянской жены на одѣя не обыметь, 355
 И не отмстить за печаль и за тайныя слезы Елены.
 Если же кто-либо сильно желаетъ лишь въ домъ возвратиться,
 Пусть корабля своего многовеслаго онъ прикоснется:
 Прежде другихъ, малодушный, найдеть себѣ смерть и погибель!
 Царь, предлагай ты совѣть, но внимай и другого совѣту. 360
 Мысль не презрѣнная будетъ, какую тебѣ предложу я.
 Воевъ, Атридъ, раздѣли ты на ихъ племена и колѣна;
 Пусть помогаетъ колѣно колѣну и племени племя.
 Если рѣшиться на то и исполнить преклонишь Ахеянъ,

Скоро узнаешь, какой у тебя изъ вождей иль народовъ 365
 Робокъ, иль мужественъ: всякъ за себя ратоборствовать будетъ;
 Вмѣстѣ узнаешь, по волѣъ безсмертныхъ не рушишь ты града,
 Или по слабости войскъ и невѣдѣнью ратнаго дѣла“.

Сыну Нелея не медля отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
 „Всѣхъ ты Ахейскихъ мужей побѣждаешь, старецъ, совѣтомъ! 370
 Если-бъ, о Зевсъ отецъ, Аполлонъ и Аеина Паллада,
 Десять такихъ у меня изъ Ахеянъ совѣтниковъ было,
 Скоро предъ нами поникнуль бы градъ крѣпкостный Пріама,
 Нашихъ героевъ руками плѣненный и въ пракѣ обращенный!
 Но Кронидъ громовержецъ мнѣ лишь бѣды посыаетъ; 375
 Въ тщетную распрю меня, во вражду злополучную вводить.
 Я съ Ахиллесомъ Пелидомъ стязался за плѣнную дѣву
 Споромъ враждебнымъ; и я раздражаться, на горе мнѣ, началъ.
 Если же нѣкогда мы съединимся съ героями, увѣренъ,
 Гибели грозной отъ Трои ничто ни на мигъ не отклонитъ! 380
 Нынѣ спѣшите обѣдать, а послѣ начнемъ нападенье.
 Каждый потягнися и дроть изострить свой, и щитъ уготовить;
 Каждый кормомъ обильнымъ коней напитай подъяремныхъ,
 Вкругъ осмотря колесницу, о брани одной помышляя.
 Будемъ цѣлый мы день состязаться въ ужасномъ убийствѣ; 385
 Отдыха ратнымъ рядамъ ни на мигъ никакого не будетъ,
 Развѣ ужъ ночь наступившая воиновъ яростъ разниметь.
 Потомъ зальется ремень на груди не единаго воя,
 Щитъ всеобъемный держацій; рука на конѣ изнеможеть;
 Потомъ покроется конь подъ своей колесницей блестящей. 390
 Если-жъ кого я увижу, хотящаго вѣтъ ратоборства
 Возлѣ судовъ крутоносыхъ остаться, нигдѣ уже послѣ
 Въ станъ Ахейскомъ ему не укрыться отъ псовъ и пернатыхъ!“

Рекъ,—и Ахейцы вскричали ужасно; подобно какъ волны
 Воюютъ при брегѣ высокомъ, прибитыя Нотомъ порывами 395
 Къ встրѣчной скалѣ, отъ которой волна никогда не отходитъ,
 Каждымъ вздымаясь вѣтромъ, отсель и оттоль находящимъ,
 Вставъ, устремился народъ, межъ судами разсѣлся быстро,
 Вкругъ задымилися купци: спѣшили обѣдать Ахейцы.
 Жертвовалъ каждый изъ нихъ своему отъ боговъ вѣчносущихъ, 400
 Смерти избавить моля и спасти отъ ударовъ Арея.
 Онъ же тельца пятилѣтняго, пастьбы мужей Агамемнонъ,
 Тучного въ жертву заклалъ всемогущему Зевсу Крониду.
 Созвалъ старѣшинъ отличныхъ, почтеннейшихъ въ рати Ахейской:
 Перваго Нестора старца и Критскаго Идоменея, 405
 Послѣ Аяксовъ двоихъ и Тидеева славнаго сына!

И за нимъ Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу.
 Но Атридъ Менелай добровольно пришелъ и незваный,
 Зная любезнаго брата, и какъ онъ въ душѣ озабоченъ.
 Стали они вокругъ тельца и ячмень освященный подъяли; 410
 Въ сонмѣ ихъ, громко моляся, воззвалъ Агамемнонъ державный:
 „Славный, великий Зевсъ, чернооблачный житель земли!
 Дай, чтобы солнце не скрылось и иракъ не спустился на землю
 Прежде, чѣмъ въ прахъ я не свергну Пріамовыхъ пышныхъ чертоговъ,
 Черныхъ отъ дыма, и вратъ не сожгу ихъ огнемъ неугасимъ!“ 415
 Прежде, чѣмъ Гектора лать на груди у него не расторгиу,
 Мѣдью пробивъ, и кругомъ его многіе други Трояне
 Ниппъ не полягутъ во прахѣ, зубами грызущіе землю!“

Такъ онъ взывалъ, но къ молитвѣ его не склонился Кронионъ: 420
 Жертвы пріялъ, но трудъ беспредѣльный Атриду готовилъ.
 Кончивъ молитву, ячменемъ и солью осыпали жертву,
 Вью загнули тельцу и заклали и тукъ обнажили,
 Бедра не медля отсѣкли, обрѣзаннымъ тукомъ покрыли
 Вдвое кругомъ и на нихъ распотребли части сырья.
 Все сожигали они на сухихъ, безлиственныхъ вѣтвяхъ; 425
 Но утробы, пронзивъ, надъ пылающимъ огнемъ обращали.
 Бедра сожегши они и вкусивши утробы отъ жертвы,
 Все остальное дробятъ на куски, прободаютъ рожнами,
 Жарятъ на нихъ осторожно и, такъ уготовя, снимаютъ.
 Кончивъ заботу сю, немедленно пиръ учредили; 430
 Всѣ пировали, никто не нуждался на пиршество общемъ.
 Вскрѣ-жъ, когда питіемъ и брашномъ насытили сердце,
 Началь межъ оними слово Несторъ, конникъ Геренскій:

„Царь знаменитый, Атридъ, повелитель мужей, Агамемнонъ!
 Болѣе здѣсь оставаясь, ни времени тратить, ни медлить
 Дѣломъ великимъ не будемъ, которое богъ намъ вѣряетъ.
 Царь, повели, да глашатай мѣднодоспѣшныхъ Danaeъ
 Кликомъ, нимало не медля, народъ къ кораблямъ собираются.
 Мы-жъ, совокупные всѣ, по широкому стану Ахеянъ
 Самы пройдемъ, да скорѣе возбудимъ жестокую битву“. 440

Рекъ; не отринулъ совѣта владыка мужей Агамемнонъ;
 Въ тотъ же онъ мигъ повелѣлъ провозвѣстникамъ звонко-голосымъ
 Кликомъ сзыывать на сраженіе мѣднодоспѣшныхъ Danaeъ.
 Вѣстники подняли кличъ,—и они собирались поспѣшио.
 Быстро цари, вокругъ Атрида стоявшіе, Зевса питомцы, 445
 Еросились строить толпы; и въ средѣ ихъ явилась Паллада,
 Въ длани вращая эгидъ, драгоценный, нетлѣнnyй, безсмертный:
 Сто на эгидѣ баxромъ развѣвалися, чистое злато,

- Дивно плетенныя всѣ, и цѣна имъ—стотельчіе каждой.
Съ онымъ, бурно носяся, богина народъ обтекала, 450
Въ бой возбуждая мужей, и у каждого твердость и силу
Въ сердцѣ воздвигла, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Всѣмъ во мгновеніе война имъ кровавая сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращеніе въ любезную землю родную. 454
- Словно огонь истребительный, вспыхнувъ на горныхъ вершинахъ,
Лѣсь безпредѣльный палить и далеко заревомъ свѣтить,
Такъ, при движеньи воинствъ, отъ пышной ихъ мѣди чудесной
Блескъ лучезарный кругомъ восходилъ по энту до неба.
Ихъ племена, какъ птицы перелетныхъ несчетныхъ стаи,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговѣйныхъ 460
Въ злачномъ Азійскомъ лугу, при Каистрѣ широко текущемъ,
Вются туда и сюда и плесканіемъ крылъ веселятся,
Съ крикомъ садятся противу сидящихъ и лугъ оглашаютъ,—
Такъ Аргианъ племена, отъ своихъ кораблей и отъ кущей,
Съ шумомъ неслись на долину Скамандра; земля подъ толпами 465
Страшно кругомъ застонала отъ топота коней и воевъ.
Стали Ахеянъ сыны на лугу Скамандра цвѣтущемъ,
Тмы, какъ листы на древахъ, какъ цвѣты на долинахъ весною.
Словно какъ мухъ неисчетныхъ рои собираясь густые
Въ сельской пастушеской кущѣ, по ней безпрестанно кружатся 470
Въ вешніе дни, какъ илеко изобильно струится въ сосуды,—
Такъ неисчетны противу Троянъ бранноносцы Данаи
Въ полѣ стояли и, боемъ дыша, истребить ихъ горѣли.
- Ихъ же, какъ пастыри козъ межъ бродящихъ стадъ необъятныхъ
Скоро своихъ отлучаютъ отъ чуждыхъ, смѣшившихся въ пасть, 475
Такъ предводители ихъ, впереди, позади учреждая,
Строили въ бой; и межъ нихъ возвышался герой Агамемнонъ,
Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
Станомъ—Арею великому, персыи—Энносигею.
Словно какъ быкъ среди стада стоитъ, передъ всѣми отличный, 480
Гордый телецъ, возвышается онъ межъ телицъ превосходный:
Въ день сей такимъ сотворилъ Агамемнона Зевсъ Олимпіецъ,
Такъ отличилъ между многихъ, возвысилъ средь сонма героевъ.
- Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа:
Вы—божества вездѣсущи и знаете все въ поднебесной; 485
Мы ничего не знаемъ, молву мы единую слышимъ:
Вы мнѣ повѣдайте, кто и вожди и владыки Данаевъ:
Всѣхъ же бойцовъ рядовыхъ не могу ни назвать, ни исчислить,
Если бы десять имѣль языковъ я и десять гортаней,
Если-бы имѣль не слабющій голосъ и мѣдная персъ. 490

Развѣ, небесныя Музы, Кронида великаго дщери,
Вы бы напомнили всѣхъ, приходившихъ подъ Трою Ахеянъ.
Только вождей корабельныхъ и всѣ корабли я исчислю.

Рать Беотийскихъ мужей предводили на бой воеводы:

Аркезилай и Лейть, Пенелей, Прооеноръ и Клоній. 495

Рать отъ племенъ, обитавшихъ въ Гирі, въ камнистой Авлидѣ,

Схенъ населявшихъ, Сколъ, Этеонъ лѣсисто-холмистый,

Феспіи, Греки мужей и широкихъ полей Микалесса;

Окрестъ Илезія жившихъ и Гаумы и окрестъ Эриеры;

Всѣхъ обитателей Гиль, Элеонъ, Петеонъ населявшихъ; 500

Также Окалею, градъ Медеонъ, устроеніемъ пышный,

Копы, Эвтрезъ, и стадамъ голубинымъ любезную Физбу,

Градъ Коронею и градъ Галіартъ на лугахъ многотравныхъ;

Жившихъ въ Платеѣ, и въ Гліссе тучныя нивы пахавшихъ;

Всѣхъ, населяющихъ градъ Гипоеивы, прекрасный устройствомъ; 505

Славный Онхестъ, Посидоновъ алтарь и завѣтную рощу;

Арнъ, виноградомъ обильный, Мидею, красивую Ниссу,

И народъ, наконецъ, населявшій Анеедонъ предѣльный.

Съ ними неслось пятьдесятъ кораблей, и на каждомъ изъ оныхъ

По сту и двадцать воинственныхъ, юныхъ Беотянъ сидѣло. 510

Градъ Аспледонъ населявшихъ и градъ Минеевъ Орхоменъ,

Вождь Аскалафъ предводилъ и Ялменъ, Ареевы чада;

Ихъ родила Астіоха въ отеческомъ Актора домъ,

Дѣва невинная: нѣкогда теремъ ея возвышенный

Мощный Арей посѣтилъ и таинственно съ нею сопрягся. 515

Съ ними тридцать судовъ прилетѣли, красивыя, рядомъ.

Вслѣдъ ополченья Фокеянъ Схедій предводилъ и Эпистрофъ,

Чада Ифита царя, потомки Навбola героя.

Ихъ племена Кипариссы и утесный Пиѳосъ населяли,

Криссы веселые долы и Давлissи и градъ Панопею, 520

Жили кругомъ Гіампола, кругомъ Анеморіи злачной,

Вдоль у Кефиса, священнѣй рѣки, обитали,

Жили въ Лилеѣ, при шумномъ исходѣ Кефисскаго тока.

Сорокъ подъ ихъ ополченьями черныхъ судовъ принеслося.

Оба вождя устроили ряды ополченій Фокейскихъ,

И близъ Беотянъ, на лѣвомъ крылѣ, ополчалися къ бою.

Локровъ Аяксъ предводилъ, Оилеевъ сынъ быстроногий:

Меньше онъ былъ, не таковъ, какъ Аяксъ Теламонидъ могучій,

Меньше далеко его; невеликій въ бронѣ полотняной,

Но копьеметецъ отличный межъ Гелленовъ всѣхъ и Данаевъ. 530

Онъ предводилъ племена, населявшія Киностъ и Опусъ,

Вессу, Калліаръ и Скарфъ и веселые долы Авгей,

Тарфы и Фроний, гдѣ воды Воагрія быстро катятся.
Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ Илону
Съ воинствомъ Локровъ мужей, за священною жившихъ Эвбесей. 535

Но народовъ Эвбейскихъ, дышащихъ боемъ Абантовъ,
Чадъ Эретрии, Халкиды, обильной виномъ Гистреи,
Жившихъ въ Коринеѣ приморскомъ и въ Диумѣ, градѣ высокомъ,
Стира наследавшихъ мужей, и народъ, обитавшій въ Каристѣ,
Вывелъ и въ бой предводитель Элефеноръ, Ареева отрасль, 540
Сынъ Халкодоновъ, начальникъ нетрепетныхъ дукомъ Абантовъ.
Онъ предводилъ сихъ Абантовъ, на тылѣ власы лишь растившихъ,
Воиновъ пылкихъ, горящихъ ударами ясневыхъ копий
Мѣдная брони враговъ разбивать рукопашно на персяхъ.
Сорокъ черныхъ судовъ принеслося за нимъ къ Илону. 545

Но мужей, населяющихъ градъ велелѣпный Аѳины,
Область царя Эрехея, котораго въ древніе вѣки
Матерь земля родила, воспитала Паллада Аѳина,
И въ Аѳины ввела, и въ блестящій свой храмъ водворила,
Гдѣ и тельцами и агнцами нынѣ ее ублажаютъ 550
Чада Аѳинъ, при урочномъ исходѣ годовъ круговоротныхъ,—
Сихъ предводилъ Петеидъ Менесеей, въ ратоборствѣ искусный.
Съ нимъ отъ мужей земнородныхъ никто не равнялся въ искусствѣ
Строить на битвы и быстрыхъ коней, и иужей щитоносцевъ.
Несторъ одинъ то оспаривалъ, древле родившійся старецъ. 555
Съ нимъ пятьдесятъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ причалось.

Мощный Аяксъ Теламонидъ двѣнадцать судовъ Саламинскихъ
Вывелъ и съ оними сталь, гдѣ стояли Аѳинянъ фаланги.
Въ Аргосѣ жившихъ мужей, населявшихъ Тиринеѣ крѣпостнѣй-
ный,

Градъ Герміону, Азипу, морскія пристанища оба, 560
Грады Трезену, Эліону, Эпидавръ, виноградомъ обильный,
Жившихъ въ Масетѣ, въ Эгинѣ, Ахейскихъ юношей храбрыхъ,—
Сихъ предводителемъ былъ Діомедъ, знаменитый воитель,
Также Соенель, Капанея великаго сынъ благородный;
Съ ними и третій былъ вождь, Эвріаль, небожителю равный, 565
Храбрый Мекестія сынъ, потомокъ царя Талайона.
Вмѣстѣ же всѣхъ предводилъ, Діомедъ, знаменитый воитель:
Осмьдесятъ черныхъ судовъ подъ дружинами ихъ принеслося.

Но живущихъ въ Микенѣ, прекрасно устроенному градѣ,
И въ богатомъ Коринеѣ и въ пышныхъ устройствомъ Клеонахъ, 570
Орній градъ населявшихъ, веселую Ареоирею,
Градъ Сикионъ, гдѣ царствовалъ древле Адрастъ бранноносный,
Чадъ Гиперезіи всѣхъ, Гоноессы высоко-утесной,

Жившихъ въ Пелленѣ, кругомъ Эгіона мужей обитавшихъ, . 575
 Вдоль по поморью всему, и окрестъ обширной Гелики,—
 Всѣхъ ихъ на ста корабляхъ предводилъ властелинъ Агамемнонъ.
 Рать многочисленнѣй всѣхъ, превосходнѣе всѣхъ ратоборцы
 Съ нимъ принеслися; онъ самъ облекался сияющей юбкою,
 Славою гордый, что онъ передъ сонмомъ героевъ блистаетъ
 Саномъ верховнымъ своимъ и числомъ предводимыхъ народовъ. 580

Градъ населявшихъ великий, лежащий между горъ Лакедемонъ,
 Фару, Спарту, стадамъ голубинъ любезную Мессу,
 Въ Бризии жившихъ мужей и въ веселыхъ долинахъ Авгіи,
 Жившихъ Амиклы въ стѣнахъ и въ Гелосѣ, градѣ приморскомъ,
 Градъ населяющихъ Лаасъ и окрестъ Этила живущихъ: 585
 Сихъ Агамемнона братъ, Менелай, знаменитый воитель,
 Велъ шестьдесятъ кораблей, но отдельно на бой ополчался;
 Ратниковъ самъ предводилъ, на душевную доблестъ надежный,
 Самъ ихъ на бой возбуждалъ и пыталъ, какъ никто изъ Ахеянъ,
 Страшно отстить за печаль и за стоинъ похищенной Елены. 590

Въ Цилосѣ жившихъ мужей, обитавшихъ въ Аренѣ веселой,
 Ѧрюсть, Алфейскій бродъ и славные зданіемъ Эпи,
 Градъ Кипариссию, градъ Амфигенію вокругъ населявшихъ,
 Штелеосъ, Гелось и Доріонъ, мѣсто, гдѣ нѣкогда Музы,
 Встрѣтивъ Оамира Фракійскаго, пѣснями славнаго мужа, 595
 Дара лишили: ида отъ Эврита, царя Эвхаліянъ,
 Гордый, хвалиться дерзалъ, что побѣду похитить онъ въ пѣсняхъ,
 Если и Музы при немъ воспоютъ, Эгіоховы дщери.
 Гнѣвныя Музы его ослѣвили, похитили сладкій
 Къ пѣснямъ божественный даръ и искусство бряцать на киоарѣ. 600
 Сихъ предводилъ повелитель ихъ Несторъ, конникъ Геренскій:
 Съ нимъ девяносто судовъ принеслися, красивыя строемъ.

Жившихъ въ Аркадіи, вдоль подъ Килленской горою высокой,
 Близко могилы Эпита, мужей рукопашныхъ на битвахъ,
 Въ Феноисѣ жившій народъ, въ Орхоменѣ, стадами богатомъ, 605
 Въ Рипѣ, Стратіи мужей обитавшихъ и въ бурной Эниспѣ,
 И Тегеи въ стѣнахъ и въ странахъ Мантии веселой,
 Въ Стимфалѣ жившихъ мужей и въ Парразіи нивы пахавшихъ,—
 Сими начальствуя, отрасль Анкеева, царь Агапеноръ 609
 Гналъ шестьдесятъ кораблей; многочисленны въ каждомъ изъ оныхъ
 Мужи сидѣли Аркадскіе, сильно искусные въ битвахъ.
 Ихъ ополченіямъ самъ повелитель мужей Агамемнонъ
 Далъ корабли доброснастныє, плыть имъ по черному понту
 Къ Троѣ высокой: они небрегли о дѣлахъ мореходныхъ.
 Всѣдѣ Вупразійцы текли и народы священной Элиды, 615

Жители тѣхъ областей, что Гирмина, Мирзинъ приграничный,
И утесь Оленійскій и колиъ Алезійскій вмѣщаются.
Ихъ предводили четыре вождя, и десять за каждымъ
Быстрыхъ неслось кораблей, съ многочисленной ратью Эпеянъ.
Сихъ устремляли на бой Амфимахъ и воинственный Фаллій: 620
Первый Ктеатова отрасль, второй Акторида Эврита;
Тѣхъ предводителемъ ществовалъ храбрый Діоръ Амаринкідъ;
Вождь ихъ четвертый былъ Поликсентъ, небожителю равный,
Доблестный сынъ Агасеена, народовъ царя Авгейда.

Рать изъ Дулихіи, рать съ острововъ Эхинадскихъ священ-
ныхъ, 625
Тѣхъ, что за моремъ широкимъ лежать противъ брега Элиды,
Мегесъ Филидъ предводилъ, ратоборецъ, Арею подобный,
Сынъ любимца боговъ, конеборца Филея, который
Нѣкогда въ край Духілійскій укрылся отъ гнѣва отцова.
Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось. 630

Царь Одиссей предводилъ Кефалленянъ, возвышенныхъ духомъ,
Жившихъ въ Иеакѣ мужей и при Неритѣ трепетолистномъ,
Чадъ Кроикии, пахавшихъ поля Эгилисы суровой,
Въ власти имѣвшихъ Закинѣ и кругомъ обитавшихъ въ Самостѣ,
Жившихъ въ Эпирѣ мужей, и на брегѣ противолежащемъ,— 635
Сихъ предводилъ Одиссей, совѣтами равный Зевесу,
И двѣнадцать за нимъ принеслось кораблей красноносыхъ.

Рать изъ племенъ Этолійскихъ юаасъ предводилъ Андремонидъ,
Рать изъ мужей, обитавшихъ въ Оленѣ, Шиленѣ, Плевронѣ,
И въ Калидонѣ камнистоемъ, и въ градѣ Халкидѣ приморской. 640
Не было больше на свѣтѣ сыновъ бранноносныхъ Инея;
Мертвъ и самъ уже былъ онъ, и мертвъ Мелеагръ свѣтлокудрый;
И въ Этоліи царствовать ввѣreno было юаасу.
Сорокъ за нимъ, подъ дружиною, черныхъ судовъ принеслося.

Критянъ же Идоменѣй предводилъ, знаменитый копейщикъ: 645
Въ Гносѣ живущихъ мужей, въ укрѣпленной стѣнами Гортинѣ,
Ликѣй населявшихъ, Милетъ, и градъ бѣлокаменный Ликасть,
Ритій обширный и Фестъ, многолюдные, славные грады,
И другихъ, населяющихъ Крита стоградного земли,
Былъ воеводою Идоменѣй, знаменитый копейщикъ, 650
И Меронѣй, Эніалю равный, губителю смертныхъ;
Осьмидесять черныхъ судовъ принеслося подъ Критской дружиной.

Но Тлиполемъ Гераклидъ, какъ отецъ, и огромный, и мощній,
Гордыхъ Родосцевъ извелъ, въ девяти корабляхъ изъ Родоса,
Кои въ Родосской землѣ, раздѣленные на три колѣна, 655
Линдъ, Іалисъ и Камиръ бѣлокаменный вкругъ населали:

Сихъ предводилъ Тлиполемъ, копьеборецъ гибельный въ битвахъ,
Силы Геракловой сынъ, рожденный съ младой Астикой,
Взятой героемъ въ Эфирѣ, у водъ Селлеиса, когда онъ
Многіе грады разсыпалъ шитомцевъ Зевсовыѣ юныхъ. 660
Сей Тлиполемъ лишь возвръстъ въ благосозданномъ дому Геракла,
Скоро убиль, безразсудный, почтеннаго дядо отцова,
Старца уже сѣдого, Ликимнія, отрасль Арея.
Быстро сплотилъ онъ суда и съ великою собранной ратью
Скрылся, бѣжа по морямъ, устрашася мести грозившихъ 665
Всѣхъ остальныхъ, и сыновъ и потомковъ Геракловой силы.
Прибылъ въ Родосъ наконецъ онъ, скиталецъ, бѣды претерпѣвшій;
Тамъ поселились пришельцы тремя племенами и были
Зевсомъ любими, владыкой боговъ и отцомъ человѣковъ:
Онъ имъ богатства несмѣтныя свыше излилъ, Олимпіецъ. 670
Вслѣдъ ихъ Нирей устремилъ съ тремя кораблями изъ Сина,
Юный Нирей, отъ Харона царя и Аглаи рожденный;
Оный Нирей, что съ сынами Данаевъ пришелъ къ Илону,
Смертный, прекраснѣйший всѣхъ, послѣ дивнаго мужа Пелида,
Но не мужественъ быль онъ, и малую вывелъ дружину. 675
Жившихъ въ Низирѣ, мужей населяющихъ Казосъ и Кранаѣ,
Градъ Эвришиловъ Коось, и народъ острововъ Калиднѣйскихъ
Два предводили вождя: и Фидиппъ, и воинственный Антифъ,
Оба Фессаломъ рожденные, царственнымъ сыномъ Геракла.
Тридцать за ними судовъ принеслися, красивыя строемъ. 680
Нынѣ исчислю мужей, въ Пелазгическомъ Аргосѣ жившихъ,
Алосъ кругомъ населявшихъ, и Алопъ удѣль, и Трахину,
Холмную Фею, Гелладу, славную жену красотою,
Всѣхъ—Мирионовъ, Ахеянъ и Гелленовъ имя носящихъ;
Сихъ пятьдесятъ кораблей предводилъ Ахиллесь знаменитый. 685
Но народы сіи о гремающей не мыслили брані;
Некому было водить на сраженія строевъ ихъ грозныхъ.
Въ станѣ, при черныхъ судахъ, возлежалъ Ахиллесь быстроногій,
Гнѣвный за дочь Бризееву, пышноволосую дѣву,
Дѣву, которую взялъ, по жестокихъ трудахъ, изъ Лирнесса, 690
Самый Лирнессъ разгромъ и высокія Оивскія стѣны,
Гдѣ и Эвена сыновъ, копьеборцевъ, гибельныхъ въ битвахъ,
Внуковъ Селепа царя, и Эпистрофа свергъ и Минета.
Грустенъ по ней, возлежалъ онъ; но скоро воспрянетъ, могучій.
Въ Филакѣ жившихъ мужей, населявшихъ Пираузъ цвѣтущи, 695
Область Деметры любимую, матерь овецъ Итонею,
Травами тучный Птедей и Антропъ, омываемый моремъ,—
Сизъ ополненія Протезилай предводилъ бранноносный

- Въ жизни своей, но его уже черная держить могила.
 Въ Филакѣ онъ и супругу, съ душою растерзанной, бросилъ, 700
 Бросилъ и домъ полуоконченный; паль, пораженный Дарданцемъ,
 Первый отъ всѣхъ Аргивянъ съ корабля соскочившій на берегъ.
 Рать не была безъ вождя, но по немъ вздыхали дружины;
 Ихъ же къ сраженіямъ строиль Подаркесъ, Ареева отрасль,
 Сынъ Филакида Ификала, владѣтель стадъ среброрунныхъ, 705
 Братъ однокровный героя, безстрашнаго Протезила,
 Но лѣтами юнѣйший; и старше его и сильнѣе
 Протезилай воинственный былъ; потерявши героя,
 Рать не нуждалась въ вождѣ, но о немъ вздыхали, о храбрости;
 Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиной, примчалось черныхъ. 710
- Въ Ферахъ живущихъ и вкругъ при Бебенскомъ озерѣ свѣтломъ,
 Бѣбъ населавшихъ, Глафиры и градъ Іялкъ пышнозданный,
 Быстрыхъ одиннадцать мчалось судовъ, предводилъ же Эвмелъ ихъ,
 Сынъ Адмета любимый, который рожденъ имъ съ Алкестой,
 Дивной женою, прекраснѣйшей всѣхъ изъ Пелевыхъ дщерей. 715
- Жившихъ въ Мееонѣ, и окрестъ Фавмаки нивы пахавшихъ,
 Чадъ Мелибеи, и жившихъ въ поляхъ Олизона суровыхъ,—
 Сихъ племена Филоктетъ предводитель, стрѣлецъ превосходный,
 Вель на семи корабляхъ; пятьдесятъ возсидѣло на каждомъ
 Сильныхъ гребцовъ и стрѣлами искусствыхъ жестоко сражаться. 720
 Но лежаль предводитель на островѣ Лемнѣ священномъ
 Въ тяжкихъ страданіяхъ, гдѣ онъ оставленъ сынами Ахеянъ,
 Мучимый язвою злой, нанесенною паубной гидрой.
 Такъ лежаль онъ, страдалецъ. Но скоро Ахейскіе мужи,
 Скоро при черныхъ судахъ о царѣ Филоктете воспомнѣть. 725
 Рать не была безъ вождя, но желала вождя Филоктета.
 Медонъ надъ нею начальствовалъ, сынъ Оиля побочный,
 Коего съ Реной младою родилъ Оиля градоборецъ.
- Триккою владѣвшій народъ, и Иеомой высокоутесной,
 И обитавшій въ Эхали, градѣ владыки Эврита, 730
 Два извели воеводы, Асклепія мудрья чада,
 Славные оба Данаевъ врачи, Подалиръ и Махаонъ.
 Тридцать за ними судовъ принеслися, красивыя строемъ.
- Жившихъ въ Орменіи храбрыхъ мужей, у ключа Гиперей,
 Въ власти ииѣвшіхъ Астерій и бѣлый главы Титана,— 735
 Сихъ предводилъ Эврипиль, блестательный сынъ Эвемоновъ;
 Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось.
- Въ Аргисѣ живущихъ мужей, и кругомъ населявшихъ Гиртону,
 Ореу, широкій Элонъ; блокаменный градъ Олооссонъ, — 739
 Сихъ предводилъ Полинепть, воеватель безстрашнѣйший въ битвахъ,

Вѣтвь Пиритоя, исшедшаго въ міръ отъ безсмертнаго Зевса,
 Сынъ, Пиритою рожденный женой Ипподаміей славной,
 Въ самый тотъ день, какъ герой покаралъ чудовищъ косматыхъ:
 Сбыль съ Целиона Кентавровъ и гналь до народовъ Эниковъ.
 Опъ предводитель не одинъ, но при немъ Леонтей браннодушный, 745
 Отрасль Ареева, чадо Кенея, Коронова сына.
 Сорокъ за ними судовъ, подъ дружиной, примчался черныхъ.

Но изъ Кифа Гуней съ двадцатью и двумя кораблями
 Плыть, предводя Эніанъ и воинственныхъ, сильныхъ Перребовъ,
 Племя мужей, водворившихъ окрестъ Додоны холодной, 750
 Земли пахавшихъ, по коимъ шумитъ Титарезій веселый,
 Быстро въ Пеней устремляющій пышно катящися воды,
 Коникъ нигдѣ не сливаетъ съ Пенеемъ сребристо-пучиннымъ,
 Но всплываетъ наверхъ и подобно елею струится:

Онъ изъ ужаснаго Стикса, изъ водъ заклинаній исходитъ. 755

Проеой, сынъ Тендредоновъ, начальствовалъ ратью Магнетовъ.
 Окрестъ Пенея и вокругъ Целиона шумнаго лѣсомъ
 Жили они: предводилъ ихъ въ сраженіе Проеой быстрый.
 Сорокъ за нимъ кораблей, подъ дружиною, черныхъ примчалось.

Се и вожди и властители мѣднодоспѣшныхъ Далаевъ. 760
 Кто же изъ нихъ знаменитѣйши былъ, повѣдай мнѣ, Муза,
 Доблестью или конями, изъ всѣхъ за Атридомъ протекшихъ?
 Конь извелъ превосходнѣйшихъ славный Эвмелъ Феретіадъ;
 Онъ устремлялъ кобылицъ на бѣгу, какъ пернатыя, быстрыхъ,
 Масти одной, одинаковыхъ лѣтъ и хребтомъ какъ подъ мѣру, 765
 Самъ Аполлонъ воспиталъ на зеленыхъ лугахъ Шерийскихъ
 Сихъ кобылицъ, разносящихъ въ сраженіяхъ ужасъ Арея.
 Мужемъ отличнѣйшимъ слылъ Аяксъ Теламонидъ, доколѣ
 Гнѣвомъ Пелидъ сокрушался, но онъ былъ могучѣе всѣхъ ихъ,
 Такоже и кони, носящіе въ битвы Пелида героя. 770

Но бездѣйствовалъ онъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ,
 Пламенный гнѣвъ на владыку народовъ, Ареева сына,
 Въ сердцѣ питая; дружину его на берегѣ мора
 Дисковъ и супницъ и стрѣль забавлялися празднымъ метаньемъ.
 Рыжные кони вождей при своихъ колесницахъ стояли, 775
 Праздные, лотосъ одинъ и селину болотную щипля.
 Всѣ колесницы и сбруя, заботно покрыты, лежали
 Въ сѣняхъ владыкъ, а они, предводителя храбраго алча,
 Праздные, съ края на край по широкому стану бродили.

Двинулась рать, и какъ будто отнемъ вся земля запылала, 780
 Доль застонала, какъ подъ яростью бога, метателя грома,
 Зевса, когда надъ Тифеемъ сбѣтъ онъ перунами землю,

Горы въ Ариахъ, въ которыхъ, повѣствуетъ, ложе Тифея;
Такъ застонала глубоко земля подъ стопами народовъ,
Вдругъ устремившихся: быстро они проходили долиной.

785

Тою порою Троянамъ, подобная вихрямъ, Ириса,
Вѣстница Зевса Кронида, явилася съ вѣстю грозной.
Тѣ-жъ совѣщали совѣтъ у дверей Пріамова дома,
Всѣ на дворѣ воедино столпясь, и младые и старцы.
Ставь посреди, провѣщала посланница Зевса, Ириса,
Голосъ заявши Полита, Пріамова сына, который
Стражемъ Троянскимъ сидѣль, уповая на быстрыя ноги,
Въ полѣ, на высшей могилѣ старца Троянъ Эзюта,
Вкругъ соглядая, когда отъ судовъ падутъ Аргивяне.
Въ видѣ его возвѣщала посланница Зевса Ириса:

790

„Старецъ почтенный! и нынѣ ты любишь обильныя рѣчи,
Такъ же, какъ въ мирные дни: неизбѣжная брань угрожаетъ!
Часто я, часто бывалъ на кровавыхъ браняхъ народовъ,
Но во вѣкъ таковыхъ и толикихъ я ратей не видѣль!
Какъ листы на древахъ, какъ пески при моряхъ, неисчислены
Воинства ищатся долиною, ратовать около града.
Гекторъ, тебѣ предлагаю совѣтъ мой полезный исполнить:
Много народовъ союзныхъ въ Пріамовомъ градѣ великому,
Разныхъ своимъ языккомъ, по землѣ разсѣянныхъ смертныхъ.
Каждымъ изъ оныхъ да властвуетъ мужъ, повелитель народа,
Онъ и вождемъ на бояхъ и строителемъ гражданъ да будетъ“.

800

Такъ прорекла; и ботиню вѣщавшую Гекторъ постигнуль,
Сонъ распустилъ, и къ оружію бросились граждане Трои.
Всѣ растворились ворота: изъ оныхъ зарѣяли рати,
Конныя, пѣшия; шумъ и смятеніе страшное встало.

810

Есть передъ градомъ Троянскимъ великий курганъ и высокій,
Въ полѣ особенный, круглый равно и отсель и оттолѣ.
Смертные, съ древнихъ временъ, нарицаютъ его Ватіеей,
Но безсмертные боги—могилою быстрой Мирины.
Тамъ и Троянъ, и союзниковъ ихъ раздѣлилися рати.

815

Храбрый Троянъ Пріамидъ, шлемоблещущій Гекторъ великий,
Всѣхъ предводилъ; превосходные множествомъ, мужествомъ духа,
Съ нимъ ополчились мужи, копейщики, бурные въ битвѣ.

Всльдѣй ихъ Дарданцамъ предшествовалъ сынъ знаменитый Анхи-
зовъ,
Мощный Эней; отъ Анхиза его родила Афродита,
Въ рощахъ на холмахъ Идейскихъ, богиня, почившая съ смертными.
Онъ предводилъ не одинъ, но при немъ Акамасъ и Аргиллохъ,
Оба сыны Антенора, искусные въ битвахъ различныхъ.

820

- Въ Зели жившихъ мужей, при подошвѣ холмистыя Иды,
Гражданъ богатыхъ, плюющихъ Эзеповы черныя воды, 825
Племя Троянское, лучникъ отличнейший вель Ликаонидъ,
Пандаръ, котораго Фебъ одарилъ сокрушительнымъ лукомъ.
Но Адрастей мужей, Питиен и весы Апеза,
И народъ, заселявшій Терею, высокую гору,
Сихъ предводили Адрастъ и Амфій, въ бронѣ полотняной, 830
Оба сыны Перкозійца Меропа, который славнѣйший
Былъ предвѣщатель судьбы и сыномъ не давалъ позволенія
Къ браніи убийственной въ Трою идти; не послушали дѣти
Старца родителя: рокъ увлекаль ихъ на черную гибель.
Въ Перкотѣ жившихъ мужей и кругомъ населявшихъ Практіонъ, 835
Грады Сестосъ, Абидосъ и гражданъ священной Аризы
Рати устроивъ Азій, мужей повелитель, Гиртакидъ,
Азій Гиртакидъ, который на пламенныхъ коняхъ великихъ
Въ Трою привнесся изъ дальней Аризы, отъ водъ Селлеиса.
Гиппоѳоой предводиль племена копьеборныхъ Пелазговъ, 840
Тѣхъ, что въ Лариссѣ бугристой, по тучнымъ полямъ обитали;
Гиппоѳоой предводиль ихъ и Пилей, Ареева отрасль;
Оба сыны Пелазгійского Леона, Тенталова сына.
Но Оракіянъ предводиль Акамасъ и воинственный Пирось
Всѣхъ, которыхъ страны Геллеспонтъ бурнотечный объемлетъ. 845
Храбрый Эвфемъ ополчаль племена копьеборныхъ Киконовъ.
Сынъ бранноноса Трезена, любезнаго Зевсу Кеада.
Вслѣдъ имъ Пирехимъ предводиль криволукихъ Пеоновъ, далеко
Жившихъ въ странахъ Амидона, гдѣ катится Аксій широкій,
Аксій, водою чистѣйшей священную землю поящій. 850
Вождь Пилименъ Пафлагонамъ предшествовалъ, храбре сердце,
Выведшій ихъ изъ Генетъ, гдѣ стадятся дикие мески,
Племя народовъ, которые жили въ Киторѣ, Сесамѣ,
Окрестъ потока Пароенія въ славныхъ домахъ обитали,
Кромпу кругомъ, Эгіаль и скалы Эрионинъ населяли. 855
Рать Гализоновъ Годій и Эпистроѳъ вели изъ Алибы,
Странъ отдаленныхъ, откуда исходъ серебра неоскудный.
Мизамъ предшествовалъ Хромій и Энномость, птицегадатель,
Но и гаданіемъ онъ не спасся отъ гибели черной:
Легъ, низложенный руками Пелеева быстрого сына, 860
Въ бурной рекѣ, гдѣ Троянъ и другихъ истреблялъ онъ, могучій.
Форкисъ и храбрый Асканій вели изъ Асканіи дальней
Рати Фригіянъ, и оба, безстрашные, боемъ пылали.
Вслѣдъ имъ Антифъ и Месель, воеводы мужей Меонійскихъ,
Оба сыны Пилимена, Гигейского озера дѣти, 865

Рать предводили Мсоновъ, при Тмолѣ высокомъ рожденныхъ.

Настесъ вель говорящихъ нарѣчіемъ варварскимъ Каровъ,

Кои Милетъ занимали и Фэировъ лѣсистую гору,

И Меандра потокъ и Микала вершины крутыя;

Сихъ предводили на бой Амфимахъ и воинственный Настесъ, 870

Настесъ и тотъ Амфимахъ, Номіонова отрасль, который

Даже и въ битвы ходилъ, украшавшися златомъ, какъ дѣва.

Жалкій! и златомъ не могъ отвратить онъ погибели грозной:

Легъ, низложенный руками Пелеева быстраго сына,

Въ бурной рѣкѣ, и Пелидъ его злато унесъ, побѣдитель. 875

Рать Лукіанъ Сарпедонъ и блестательный Главкъ предводили

Жившихъ далеко въ Ликії, при Ксанѣ глубоко-пучиномъ.

ПѢСНЬ III.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Построенные воинства сходятся, Трояне съ крикомъ, Ахеяне тихо; ст. 1—15. Но, до начатія сраженія, Парисъ вызываетъ на единоборство храбрѣйшихъ изъ Ахеянъ; выходитъ Менелай; устрашенный Парисъ отступаетъ; 16—37. Скоро, однако, порицаемый Гекторомъ, онъ рѣшаются на единоборство, должноствующее положить конецъ брави; 38—75. Гекторъ объявляетъ условія боя: побѣдитель останется обладателемъ Елены и сокровищъ, съ нею похищенныхъ; 76—95. Менелай, согласясь на онъя, требуетъ, чтобы договоръ былъ освященъ присутствіемъ Пріама; 96—110. Воинства полагаютъ оружія; съ обѣихъ сторонъ приготовляютъ жертвоприношенія; 111—120. Между тѣмъ, Елена, Ирисомъ возвѣщенная о единоборствѣ Париса съ Менелаемъ, всходить на башню Скейскую, откуда былъ видъ на поле; 121—145. Старѣшины Троянскіе, тамъ же собравшіеся, удивляются красотѣ ея. Пріамъ ее разспрашиваетъ, а она ему указываетъ и именуетъ вождей Ахейскихъ: Агамемнона—ст. 146—190, Одиссея ст. 191—224.—Аякса, Идоменея—ст. 225—233. Елена ищетъ въ воинствахъ и братцевъ своихъ Диоскуридовъ, но не находить; 234—245. Пріамъ, вѣстникомъ приглашенный, пріѣзжаетъ къ воинству, сопровождаемый Антеноромъ; 246—268. Договоръ единоборства освящается жертвоприношениемъ, которое совершается съ обрядами и обычаями древности; 269—303. Пріамъ возвращается въ Трою; Гекторъ съ Одиссеемъ измѣряетъ мѣсто для битвы, бросаетъ жребій, кому прежде начать ее; Парисъ и Менелай вооружаются, выходятъ; 304—344, сражаются, но Париса, уже побѣждаемаго, Киприда похищаетъ и невредимо переносить въ его почивальную; 345—352. Богина туда же приводить Елену, противъ ея воли, и, негодующую, поносящую Париса, покоряетъ нѣжнымъ его желаніямъ; 353—448. Менелай безполезно ищетъ скрывшагося противника; Агамемнонъ требуетъ отъ Троянъ условленныхъ наградъ побѣдителю; 449—461.

Такъ лишь на битву построились оба народа съ вождями,
Трои сыны устремляются, съ говоромъ, съ крикомъ, какъ птицы:
Крикъ таковъ журавлей раздается подъ небомъ высокимъ,
Если, избѣгнувъ и зимнихъ бурь, и дождей безконечныхъ,
Съ крикомъ стадами летать черезъ быстрый потокъ Океана, 5
Бранью грозя и убийствомъ мужамъ малорослымъ, Пигмеямъ,
Съ яростью страшной на коихъ съ воздушныхъ высотъ нападаютъ.
Но приближались въ безмолвіи, боемъ дыша, Аргиване,
Духомъ единымъ пылая стоять одному за другого.

Словно туманъ надъ вершинами горными Нотъ разливается, 10
Пастырьмъ стадъ нежеланный, но вору способнѣйший ночи;
Видно сквозь оный не дальше, какъ падаетъ брошенный камень,
Такъ изъ-подъ столпъ ихъ прахъ, подымааяся ирачный, крутился
Вслѣдъ за идущими; быстро они проходили долину.

И, когда уже сблизились къ битвѣ идущія рати, 15
Вышелъ впередъ изъ Троянъ Александръ, небожителю равный,
Съ кожею парда на рамѣ, съ лукомъ кривымъ за плечами
И съ мечомъ при бедрѣ; а въ рукахъ два копья мѣдножалыхъ
Гордо колебля, онъ всѣхъ вызывалъ изъ Данаевъ храбрѣйшихъ,
Выдѣлъ противу него и сразиться жестокою битвой. 20

Но лишь увидѣлъ его Менелай, любимый Ареемъ,
Быстро впередъ изъ толпы выступающимъ поступью гордой,
Радостью вспыхнулъ, какъ левъ, на добычу нежданно набредшій,
Встрѣтивъ оленя рогатаго, или пустынную серну;
Гладный, неистово онъ пожираетъ, хотя отовсюду 25
Самъ окруженъ и ловцами юными, и быстрыми псами:
Радостью вспыхнулъ такой Менелай, Александра героя
Близко узрѣвъ предъ собой, и, отыскать похитителю мысля,
Быстро Атридъ съ колесницы съ оружиемъ прянулъ на землю.

Но, лишь увидѣлъ его Пріамидъ, Александръ боговидный, / 30
Между переднихъ блеснувшаго, сердце его задрожало;
Быстро онъ къ сонму друзей отступилъ, избѣгающій смерти.
Словно какъ путникъ, увидѣвъ дракона въ щеліяхъ горныхъ,
Придѣть всپять и отъ ужаса членами всѣми трепещетъ,
Быстро уходитъ, и блѣдность его покрываетъ ланиты, — 35
Такъ уѣжавши, въ толпу погрузился Троянъ горделивыхъ
Образомъ красный Парисъ, устрашаясь Атреева сына.

Гекторъ, увидѣвъ его, поносилъ укорительной рѣчью:
„Видомъ лишь храбрый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прель-
ститель! 40
Лучше бы ты не родился, или безбраченъ погибнулъ!
Лучше-бы сего я желалъ, и тебѣ-бы то отраднѣе было,

Чьи́мъ поношеньемъ служить и позорищемъ цѣлому свѣту!
 Слышишь, смѣются ряды кудреглавыхъ Danaevъ, считавшихъ
 Храбрымъ тебя первоборцемъ, судя по красивому виду. 44
 Видъ твой красенъ, но ни силы въ душѣ, ни отважности въ сердцѣ!
 Бывши таковъ ты, однако дерзнуль въ корабляхъ мореходныхъ
 Бурное море исплавать, съ толпою клевретовъ любезныхъ,
 Въ чуждое племя войти и похитить изъ странъ отдаленныхъ
 Славу ихъ женъ, и сестру и невѣстку мужей бранноносныхъ,
 Въ горѣ отцу твоему, и народу, и цѣлому царству, 50
 Въ радость Acheycамъ врагамъ, а себѣ самому въ поношенье!
 Что же съ оружьемъ не встрѣтилъ царя Менелая? Узналъ бы
 Ты, бранноносца какого владѣешь супругой цвѣтущей.
 Были-бѣ не въ помощь тебѣ ни киаera, ни даръ Афродиты,
 Пышные кудри и прелѣсть, когда бы ты съ прахомъ смѣился. 55
 Слишкомъ робокъ Троянскій народъ или давно-бѣ уже былъ ты
 Камениной ризой одѣть, злополучный толикихъ виновникъ!“

Гектору быстро въ отвѣтъ возразилъ Александъръ боговидный:
 „Гекторъ, ты въ правѣ хулить, и твоя мнѣ хула справедлива.
 Сердце въ груди у тебя, какъ сѣкира, всегда непреклонно: 60
 Древо пронзаетъ она подъ рукой древодѣла и ръяность
 Мужа сугубить, когда обсѣкаетъ онъ брусья корабельный:
 Такъ въ груди у тебя непреклоненъ духъ твой высокий.
 Но не порочь ты любезныхъ даровъ златой Афродиты. 64
 Нѣть, ни одинъ не пороченъ изъ свѣтлыхъ даровъ намъ безсмерт-
 ныхъ; 70

Ихъ они сами даютъ; произвольно никто не получить.
 Нынѣ, когда ты желашь, чтобы я воевалъ и сражался,
 Всѣмъ повели успокоиться, Трои сынамъ и Acheycамъ;
 И посреди ихъ поставьте меня съ Менелаемъ героемъ;
 Мы за Елену Аргивскую съ нимъ передъ вами сразимся.
 Кто изъ двоихъ побѣдить и окажется явно сильнѣйшимъ,
 Въ домъ и Елену введеть, и сокровища всѣ онъ получить.
 Вы-жъ, заключившіе дружбу и клятвы святыя, владѣйте
 Троей холмистой; Acheyцы же въ Аргосъ, конями богатый,
 Вспять отплывать и въ Ахаю, славную женъ красотою“. 75

Такъ говорилъ, и восхитился Гекторъ услышанной рѣчью,
 И, на средину исходѣть, и копье ухвативъ по срединѣ,
 Спнуль фаланги Троянскія; всѣ успокоися стали.
 Но на Гектора луки Acheyantъ сыны натянули,
 Многіе мѣтили копьами, многіе бросили камни. 80
 Къ нимъ громогласно воззвалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
 „Стойте, Аргивцы друзья! не стрѣляйте, Acheyskie мужи!

Слово намърепъ вѣщасть шлемоблещущій Гекторъ великий".

Рекъ,—и Ахеяне прервали бой, и немедленно стали,
Окрестъ умолкнувъ; и Гекторъ великий вѣщасть среди воинствъ: 85

„Сонмы Троянъ и Ахеянъ красиво-поножныхъ! внимайте,
Что предлагаетъ Парисъ, отъ которого брань воспыала.
Онъ предлагаетъ Троянамъ и всѣмъ мѣднолатнымъ Ахейцамъ
Ратныхъ сбруи свои положить на всеплодную землю;
Самъ посреди ополченій съ воинственнымъ онъ Менелаемъ 90
Битвой, одинъ на одинъ, за Елену желаетъ сразиться.
Кто изъ двоихъ побѣдить и окажется явно сильнѣйшимъ,
Въ домъ и Елену введетъ, и сокровища всѣ онъ получить;
Мы-же на взаимную дружбу священные клятвы положимъ".

Рекъ онъ; Ахейцы безмолвные всѣ сохранили молчанье;
И межъ нихъ провѣщалъ Менелай, знаменитый воитель:

„Нынѣ внимайте и мнѣ; жесточайшая горесть пронзаетъ
Сердце мое; помышляю давно я: пора примириться
Трои сынамъ и Ахейцамъ; довольно вы бѣдъ претерпѣли
Ради вражды между иной и Парисомъ, виновникомъ оной. 100
Кто между нами двумя судьбой обречень на погибель,
Тотъ да погибнетъ! а вы, о друзья, примиритесь не медля.
Пусть же представлять и благо агнца, и черную овцу
Солнцу принести и землѣ; а Крониду пожремъ мы другого.
Пусть призовутъ и Пріама владыку, да клятву положить
Самъ (а сыны у него напыщены, всегда вѣроломны):
Да преступникъ какой-либо Зевсовыхъ клятвъ не разрушитъ:
Сердце людей молодыхъ легкомысленно, непостоянно;
Старецъ, межъ ними присущій, впередъ и назадъ прозорливо
Смотрить, обѣихъ сторонъ соблюдая взаимную пользу". 105

Такъ говорилъ, и наполняль радостью оба народа,
Чая почить, наконецъ, отъ трудовъ изнурительной брани:
Коней становять въ ряды, съ колесницъ своихъ прядаютъ сами;
Быстро снимаютъ доспѣхи, на землю слагаютъ ихъ близко
Другъ противъ друга: межъ воинствъ осталося узкое поле. 115

Гекторъ немедленно къ граду глашатаевъ двухъ посылаеть
Агицевъ поспѣшно принести и вызвать владыку Пріама.
Царь Агамемнонъ равно повелѣніе далъ Талеибю
Къ сѣнямъ Ахейскимъ идти и принести на закланіе агнца;
Онъ поспѣшилъ, повинуясь державному сыну Атрея. 120

Съ вѣстью Ириса явилась къ Еленѣ, лилейно-раменной.
Вѣстница, образъ принялъ любезной Еленѣ золовки,
Съ коей въ супружествѣ былъ Антеноридъ, царь Геликаонъ,
Образъ младой Лаодики, прекраснѣйшей дщери Пріама,

- Въ теремъ вошла, гдѣ Елена ткань великую ткала, 125
Свѣтлый, двускладный покровъ, образуя па ономъ сраженья,
Подвиги конныхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Danaeъ,
Въ коихъ они за нее отъ Ареевыхъ рукъ пострадали.
Къ ней приступивъ, быстроногая такъ говорила Ириса:
„Выди, любезная нимфа, дѣянія чудныя видѣть 130
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Danaeъ.
Оба народа недавно, стремимы бурными Ареемъ,
Въ полѣ сходились, пылая взаимно погибельной бранью.
Нынѣ безмолвны стоять; прекратилася брань; ратоборцы
Всѣ на щиты преклонилися, копья ихъ воткнуты въ землю. 135
Но герой Александръ и Атридъ Менелай бранноносны
Съ копьями длинными выйдутъ одни за тебя подвизаться;
И супругой любезнай тебя наречеть побѣдитель“.
Такъ изрекла и вліяла ей въ душу сладкія чувства.
Думы о первомъ супругѣ, о градѣ родимомъ и кровныхъ. 140
Встало она и, сребристыми тканями вокругъ осѣняся,
Быстро изъ терема шествуетъ, съ нѣжной слезой на рѣшицахъ.
Слѣдомъ за ней поспѣшили прислужницы вѣрныя обѣ,
Эора, Питеева дочь, и Климена, съ блистательнымъ взоромъ.
Скоро онѣ притекли ко вратамъ возвышавшимся Скейскимъ. 145
Тамъ и владыка Пріамъ, и Панеой, и Фиметъ благородный,
Клитій, божественный Лампъ, Гикетаонъ, Ареева отрасль,
Укалегонъ, и герой Антеноръ, прозорливые оба,
Старцы народа сидѣли на Скейской возвышенной башнѣ,
Старцы, уже не могучие въ брани, но мужи совѣта, 150
Сильные словомъ, цикадамъ подобные, кои по рощамъ,
Сидя па вѣтвяхъ деревъ, разливаютъ голосъ ихъ звонкій:
Сонмъ таковыхъ Иlionскихъ старѣшинъ собрался на башнѣ.
Старцы, лишь только узрѣли идущую къ башнѣ Елену,
Тихія между собой говорили крылатыя рѣчи: 155
„Нѣть, осуждать невозможно, что Трои сыны и Ахейцы
Брань за такую жену и бѣды столь долгія терпятъ:
Истинно, вѣчнымъ богинямъ она красотою подобна!
Но, и столько прекрасная, пусть возвратится въ Гелладу:
Пусть удалится отъ насъ и отъ чадъ намъ любезныхъ погибель!“ 160
Такъ говорили; Пріамъ же ее призываль дружѣлюбно:
„Шествуй, дитя мое милое! ближе ко мнѣ ты садися.
Узриши отсюда и первого мужа, и кровныхъ, и близкихъ.
Ты предо мною невинна; единные боги виновны:
Боги съ плачевной войной на меня устремили Ахеянъ! 165
Сядь и повѣдай мнѣ имя величествомъ дивнаго мужа:

Кто сей, предъ ратью Ахейскою, мужъ и великий и мощный?
Выше его головой межъ Ахеями есть и другие,
Но толико прекрасного очи мои не видали,
Ни толико почтенного: мужу царю онъ подобенъ!“

170

Старцу, въ женахъ знаменитая, такъ отвѣчала Елена:
„Ты и почтень для меня, возлюбленный свекрь, и страшень!
Лучше бы горькую смерть предпочтеть мнѣ, когда я рѣшилась
Слѣдоватъ съ сыномъ твоимъ, какъ покинула брачный чертогъ мой,
Братьевъ, и милую dochь, и веселыхъ подругъ мнѣ безцѣнныхъ!“ 175
Но не сдѣлалось такъ и о томъ я въ слезахъ изнываю!..
Ты вопрошаешь меня, и тебѣ я скажу, Дарданонъ:
Мужъ сей есть пространно-державный Атридъ Агамемнонъ,
Славный въ Гелладѣ, какъ мудрый царь и какъ доблестный воинъ.
Деверь онъ былъ мнѣ; увы, недостойная, если-бъ онъ былъ имъ!“ 180

Такъ говорила,—и старецъ, дивясь Атриду, воскликнулъ:
О, Агамемнонъ, счастливымъ родившійся, смертный, блаженный!
Сколько подъ властью твою Ахейскихъ сыновъ бранноносныхъ!
Нѣкогда, бывъ во Фригійской землѣ, виноградомъ обильной,
Зрѣль я великую рать Фригіянъ, колесничниковъ быстрыхъ; 185
Зрѣль я Атрея полки и Мигдона, подобнаго богу:
Станомъ стояло ихъ воинство вдоль береговъ Сангтарія;
Тамъ находился и я, и союзникомъ оныхъ считался,
Въ день, какъ мужамъ подобныя ратью нашли Амазонки:
Но не столько ихъ было, какъ здѣсь быстроокихъ Danaeovt.“ 190

Послѣ, узрѣвъ Одиссея, Пріамъ вопрошаетъ Елену:
„Нынѣ скажи и объ этомъ, дитя мое: кто сей Danaeovt?
Менѣ цѣлой главой, чѣмъ великий Атридъ Агамемнонъ,
Но плечами онъ шире и персами съ вида взрачнѣе.
Сбруя его боевая лежитъ на землѣ плодоносной; 195
Самъ же, подобно овну, по рядамъ ратоборнымъ онъ ходить:
Онъ мнѣ подобнымъ овну представляется, пышному волной,
Въ стадѣ который великомъ гуляетъ межъ агнницъ сребристыхъ.“.

Вновь отвѣчала Пріаму Елена, рожденная Зевсомъ:
„Мужъ сей, почтенный Пріамъ, Лаертидъ Одиссей многоумный, 200
Взросший въ народѣ Иеаки, питомецъ земли каменистой,
Мужъ, преисполненный козней различныхъ и мудрыхъ совѣтовъ“.
Къ ней обративши слова, говорилъ Антеноръ благоумный:
„Подлинно, рѣчь справедливую ты, о жена, произносишь:
Нѣкогда къ намъ приходилъ Одиссей Лаертидъ знаменитый, 205
Присланный ради тебя съ Менелаемъ воинственный купно.

¹⁾ Т. е. если-бъ оставался имъ и теперь. Ред.

Я ихъ тогда принималъ и угашивалъ дружески въ домѣ;
Свойство узналъ обоихъ и совѣтовъ ихъ разумъ извѣдалъ.
Если они на собранья Троянскія вмѣстѣ авлились,
Стоя, плечами широкими царь Менелай отличался; 210
Сидя же вмѣстѣ, почтеннѣе были Одиссей благородный;
Если они предъ собранiemъ думы и рѣчи сплетали,
Царь Менелай всегда говорилъ, изъясняясь бѣгло,
Мало вѣщаю, но разительно; не быть Атридѣ многословенъ,
Ни въ рѣчахъ окличень, хоть былъ онъ и младший годами. 215
Но когда говорить возставалъ Одиссей многоуинный,
Тихо стояль и въ землю смотрѣль, потупивши очи;
Скиптра въ десницѣ своей ни назадъ, ни впередъ онъ не двигалъ,
Но незыбно держаль, человѣку простому подобный.
Счѣль бы его ты разгнѣваннымъ мужемъ или скудоумнымъ. 220
Но когда издавалъ онъ голосъ могучий изъ персей,
Рѣчи, какъ сиѣжная выуга, изъ усть у него устремлялись!
Нѣть, ни единый бы смертный стязаться не смѣль съ Одиссеемъ;
Мы не дивились тогда Одиссееву прежнему виду".
Третьяго вида Аякса, Пріамъ вопрошаєтъ Елену: 225
„Кто еще оный Ахеянинъ, столько могучий, огромный?
Онъ и главой и плечами широкими всѣхъ перевысиль?"
Старцу въ женахъ знаменитая вновь отвѣчала Елена:
„Мужъ сей—Аяксъ Теламонидъ великий, твердыня Данаевъ.
Тамъ, среди Критскихъ дружинь, возвышается, богу подобный, 230
Идоменей, и при немъ предводители Критянъ толпятся.
Часто героя сего Менелай угощаль дружелюбно
Въ нашемъ домѣ, когда приходилъ онъ изъ славнаго Крита.
Вижу и многихъ другихъ быстроокихъ Данайскихъ героевъ;
Всѣхъ я узнала-бѣ легко и повѣдала-бѣ каждого имѧ. 235
Двухъ лишь нигдѣ я не вижу строителей воинствъ: незримы
Касторъ, коней укротитель, съ могучимъ бойцомъ Полидевкомъ,
Братья, которыхъ со мною родила единая мать.
Или они не оставили градъ Лакедемонъ веселый?
Или, быть можетъ, и здѣсь, принеслись въ корабляхъ мореход-
ныхъ, 240
Но одни не желаютъ вступать въ ратоборство съ мужами,
Срамомъ гнушаясь и страшнымъ позоромъ, меня тяготящимъ!"
Такъ говорила; но ихъ уже матерь земля скрывала
Тамъ, въ Лакедемонѣ, въ нѣдрахъ любезной земли ихъ родимой.
Тою порой черезъ Трою потребы священная клятвы, 245
Агнцевъ и даръ полей, вино веселящее сердце,
Въ козьемъ мѣху несли провозвѣстники; несь совокупно

Вѣстникъ Идей и блесташю чашу и кубки златые;
Онъ же, и къ старцу представъ, призывалъ Дарданида, вѣщая:
„Старецъ почтенный, воздвигнись, тебя приглашаютъ вель-
можи 250

Трои сыновъ конеборныхъ и мѣднодоспѣшныхъ Danaeъ;
Выйди на ратное поле, да клятвы святныя положатъ.
Нынѣ герой Александръ и съ нимъ Менелай бранноносецъ
Съ длинными копьями выйдутъ одни за Елену сразиться.
Кто побѣдить—и жены и сокровище властителемъ будеть; 255
Мы-жъ, заключивши дружбу и клятвы священныя, будемъ
Троей владѣть, а Данай въ Аргосъ, конями обильный,
Вспять отплывать и въ Ахайю, славную женъ красотою“.

Такъ произнесъ; ужаснулся Пріамъ, но друзьямъ повелѣлъ опъ
Коней запрячь въ колесницу; они покорились охотно; 260
Старецъ взошелъ и бразды натянулъ къ управлению коней;
Подлѣ него Антеноръ на блистательной сталь колесницѣ;
Въ поле они черезъ Скейскія быстрыхъ направили коней,

И когда достигнули воинствъ Троянъ и Ахеянъ,
Тамъ, съ колесницы прекрасной сошедши на злачную землю, 265
Между Троянъ и Ахеянъ срединою шествуютъ старцы.
Въ встрѣчу имъ быстро возсталъ повелитель мужей Агамемнонъ,
Мудрый возсталъ Одиссей, и почтенные вѣстники жертвы,
Жертвы для клятвы священной представили, въ чашѣ единой
Вина смѣсили и на руки воду царямъ возліали. 270

Тутъ Агамемнонъ, владыка, десницею ножъ обнаживши
Острый, висящій всегда при влагалищѣ мечномъ великомъ,
Волну отрѣзалъ на агнчищѣ главахъ, и глашатаи оба,
Взявъ, раздѣлили ее межъ избранныхъ Троянъ и Ахеянъ.
Царь Агамемнонъ воззвалъ, съ воздѣяніемъ дланей моляся: 275

„Мощный Зевсъ! обладающей съ Иды, преславный, великий!
Гелюсь, видящій все и слышащий все въ поднебесной!
Рѣки, земля, и вы, что въ подземной обители души
Оныхъ караете смертныхъ, которые должно кланутся!
Будьте свидѣтели вы и храните намъ клятвы святыя: 280
Если Парисъ Пріамидъ поразить Менелая Атрида,
Онъ и Елену въ дому и сокровища всѣ да удержитъ;
Мы-жъ отъ Троянской земли отплываемъ на судахъ мореходныхъ.
Если Париса въ бою поразить Менелай свѣтловласый,
Граждане Трои должны возвратить и жену и богатства; 285
Пеню должны заплатить Аргивянамъ, какую прилично;
Память объ ней да прейдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ.
Если же мнѣ и Пріамъ и Пріама сыны отрекутся

Должную дань заплатить по падены уже и Париса,
Снова я ратовать буду, пока не истребую дани;
Здѣсь я останусь, пока не увижу конца ратоборству".

290

Рекъ и горгани овновъ пересѣкъ онъ сурою мѣдью
И обоихъ на землю положилъ ихъ, въ трепетъ смертномъ
Жизнь изыхающихъ: юную силу ихъ мѣдь сокрушила.
Послѣ, вино изъ чаши блистательной черная кубкомъ,
Всѣ возливали и громко молились богамъ вѣчносущимъ;
Такъ не одинъ возглашалъ межъ рядами Троянъ и Ахеянъ:

295

„Зевсъ многославный, великий, и всѣ вы, бессмертные боги!
Первыхъ, которые смѣютъ священную клятву нарушить,
Мозгъ, какъ изъ чаши вино, да по черной землѣ разольется,
Ихъ вѣроломныхъ и чадъ, и пришельцы ихъ женъ да обымутъ!"

Такъ возглашали, но ихъ мольбы не исподнилъ Кронионъ.
Старецъ Пріамъ между тѣмъ обратился къ народамъ, вѣща:
„Слову внимайте, Трояне и храбрые мужи Ахейцы:
Я удаляюсь отъ васъ, въ Иліонъ возвращаюсь холмистый.
Мнѣ не достанетъ силъ, чтобы видѣть своими очами
Сына любезнаго бой съ Менелаемъ, питомцемъ Арея.
Вѣдаетъ Зевсъ Эгіохъ и другіе бессмертные боги,
Въ битвѣ кому изъ подвижниковъ смертный конецъ предназначенъ".
Рекъ и овновъ въ колесницу влагаетъ божественный ста-

305

речъ, 310
Всходить и самъ и бразды къ управлению коней напрягаетъ;
Подлѣ него Антеноръ на блистательной сталь колесницѣ.
Старцы, назадъ обратясь, погнали коней къ Иліону.

Гекторъ тогда Пріамидъ и съ нимъ Одиссей благородный
Прежде измѣрили мѣсто сраженія; послѣ, повергнувъ
Жребіи въ мѣдный шеломъ, сотрясали, да ими рѣшится,
Кто въ сопротивника первый копье мѣдяное пустить.
Рати же окрестъ молились и длані къ богамъ воздѣвали;
Такъ не одинъ воскицаль межъ рядами Троянъ и Ахеянъ:
„Мощный Зевсъ, обладающій съ Иды, преславный, великий! 320
Кто между ими погибельныхъ дѣль сихъ и распрай виновникъ,
Дай ты ему, пораженному, въ домъ погрузиться Аїда,
Намъ же опять утвердить и священные клятвы и дружбу!"

315

Такъ возглашаются, а Гекторъ великій два жребія въ шлемѣ,
Взоръ отвративъ, сотрясаетъ и выпрянулъ жребій Париса. 325
Воины быстро усѣлись рядами, гдѣ каждый оставилъ
Коней своихъ звуконогихъ и пестрыя ратныя сбруи.
Тою порой вокругъ раменъ покрывался оружіемъ пышный
Юный герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены.

И сперва наложилъ онъ на бѣлыя ноги поножи
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной; 330
Перси кругомъ защищая, надѣль мѣданныя латы,
Брата Ликаона славный доспѣхъ и ему соразмѣрный;
Сверху на рамо набросилъ ремень и мечь среброгвоздный
Съ мѣданнымъ клинкомъ; и щитъ захватилъ и огромный и крѣп-
кій; 335

Шлемъ на могучую голову ярко блестящій надвинулъ
Съ гравюю конскою; гребень ужасный надъ нимъ волновался;
Тяжкое подняль копье, но которое было споручно.
Такъ и Атридъ Менелай покрывался оружіемъ, храбрый.

И едва лишь каждый въ дружинѣ своей воружился, 340
Оба они Аргивіанъ и Троянъ на средину выходять
Съ грозно блестящими взорами; ужасъ смотрящихъ объемлетъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ и красиво-поножныхъ Danaeъ.
Близко героя сошлись и на мѣстѣ измѣренномъ стали,
Копья въ рукахъ потряслася, свирѣствуетъ другъ противъ друга. 345
Первый герой Александръ послалъ длиннотѣнную пику
И ударилъ Атрида въ блистательный щитъ круговидный;
Но—не проникнуло мѣди, согнулось копейное жало
Въ твердомъ щите. И возвѣтися второй съ запесенкою пики
Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса владыку: 350

„Зевсъ! помоги покарать сотворившаго мнѣ оскорбленье!
Въ прахъ моею рукой низложи Пріаміда Париса;
Пусть ужасается каждый и въ поздно рожденныхъ потомкахъ
Зломъ воздававъ за пріязнь добродушному гостепріимцу“.

Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику, 355
И ударилъ жестоко противника въ щитъ круговидный:
Щитъ свѣтозарный насквозь пробѣжала могучая пика,
Броню насквозь, украшеніемъ пышную, быстро пронзила
И, на пауу подреберномъ, хитонъ у Париса разсѣкла,
Бурная; онъ, лишь отпрянувъ, погибели черной избѣгнулъ. 360
Сынъ же Атреевъ, исторгнувъ стремительно мечь среброгвоздный,
Грянуль съ размаху по бляхѣ шлема, но мечъ, надъ шлемомъ
Въ три и четыре куска раздробивши, паль изъ десницы.
Царь Менелай возопилъ, на пространное небо взирая:

„Зевсъ, ни одинъ изъ бессмертныхъ, подобно тебѣ, не златво-
ренъ! 365

Я наконецъ уповалъ покарать Александра злодѣя;
И въ рукахъ у меня сокрушается мечъ, и напрасно
Вылетѣль дротъ изъ десницы моей: не могу поразить я!“
Рекъ и напаль на него, и, за шлемъ ухвативъ коневласый,

Быстро повлекъ, обративши къ пышно-попоножнымъ Ахейцамъ. 370
 Стиснулъ Парисову нѣжную выю ремень хитрошвенный—
 Вплоть у него подъ брадой проходившая подвязь шелома.
 Онъ и довлеТЬ бы его, и покрылся бы славой великой;
 Но любимца увидѣла Зевсовы дочь Афродита;
 Кожу вола, пораженного силой, она разорвала: 375
 Шлемъ послѣдоваль праздный за мощной рукой Менелая.
 Быстро его Атрейонъ, закруживши на воздухѣ, ринулъ
 Къ пышно-попоножнымъ Данаямъ, и подняли вѣрные други.
 Самъ же онъ бросился вновь, поразить Александра пылая,
 Мѣднымъ копьемъ, но Киприда его отъ очей, какъ богиня, 380
 Вдругъ похищаетъ и, облакомъ темнымъ покрывши, любимца
 Въ ложницу вводить, въ чертогъ благовонія сладкаго полныій;
 Быстро уходить Елену призвать и на башнѣ высокой
 Ледину дочь, окруженну сонмомъ Троянокъ, находить,
 Тихо рукой потрясаетъ ея благовонную ризу 385
 И говорить, уподобася, старицѣ, древле рожденной,
 Пряхѣ, что въ прежніе дни для нея въ Лакедемонѣ градѣ
 Волну прекрасно пряла и царевну вседушно любила;
 Ей уподобаясь, такъ говорить Афродита богиня:
 „Въ домъ возвратися, Елена; тебя Александръ призываетъ. 390
 Онъ уже дома, сидитъ въ почивальни, на ложѣ точеномъ,
 Свѣтель красой и одеждой; не скажешь, что юный супругъ твой
 Съ мужемъ сражался и съ боя пришелъ, но что онъ къ хороводу
 Хотеть идти, иль возѣль опочить, хороводъ лишь оставилъ“.
 Такъ говорила и душу Елены въ груди взволновала: 395
 Но, лишь узрѣла Елена прекрасную выю Киприды,
 Прелестей полныя перси и страстно блестящія очи,
 Въ ужасъ пришла, обратилась къ богинѣ и такъ говорила:
 „Ахъ, жестокая! снова меня обольстить ты пылаешь?
 Или меня еще дальше, въ какой-либо градъ многолюдный, 400
 Фригіи градъ иль Меоніи радостной хочешь увлечь ты,
 Если и тамъ обитаетъ любезный тебѣ земнородный?
 Нынѣ, когда Менелай на бою побѣдивъ Александра,
 Снова въ семейство меня возвратить, ненавистную, хочеть, 404
 Что ты являешься мнѣ, съ злонамѣреннымъ въ сердцѣ коварствомъ?
 Шествуй къ любимцу сама, отъ путей отрекися безсмертныхъ
 И, стопою твоей никогда не касаясь Олимпа,
 Вѣчно при немъ изнывай и лаской властелина, доколѣ
 Будешь имъ названа или супругою, или рабою!
 Я же къ нему не пойду, къ бѣглецу; и позорно бы было 410
 Ложе его украшать; надо мню Троянскія жены“

Всѣ посмѣются; довольно и такъ мнѣ для сердца страданій!“

Ей, раздраженная Зевсовы дочь, отвѣчала Киприда:
„Смолкни, несчастная! или, во гнѣвѣ тебя я оставивъ,
Такъ же могу ненавидѣть, какъ прежде безмѣрою любила, 415
Вмѣстѣ обоихъ народовъ, Троянъ и Ахеянъ, свирѣпство
Я на тебя обращаю и погибнешь ты бѣдственной смертью!“

Такъ изрекла,—и трепещетъ Елена, рожденная Зевсомъ,
И, закрывшись покровомъ сребристоблестящимъ, безмолвно,
Сонму Троянокъ невидимо, шествуетъ вслѣдъ за богиней. 420
Скоро достигли онѣ Александрова пышнаго дома;
Обѣ служебницы бросились быстро къ домашнимъ работамъ.
Тихо на теремъ высокій жена благородная всходитъ.
Тамъ для нея, улыбаясь прѣдѣльно, кресло Киприда,
Взявъ сама, предъ лицомъ Александровымъ ставить богиня. 425
Сѣла на ономъ Елена, рожденная Зевсомъ Кронидомъ,
Очи назадъ отвратила и такъ упрекала супруга:

„Съ битвы пришелъ ты? о лучше бѣ, несчастный, на ней ты по-
гибнуть,
„Мужемъ сраженный могучимъ, моимъ преждебывшимъ супругомъ!
Прежде не самъ ли хвалился, что ты Менелая героя 430
Силой своей и рукой и колпѣмъ превзойдешь въ ратоборствѣ!
Шествуй теперь и Атрида могучаго вызови снова;
Лично съ героемъ сразися. Но я не совсѣту; лучше
Мирно покойся, и впредь съ свѣтло кудрямъ Атрееvымъ сыномъ
Ратовать ратью, ни битвою биться не смѣй безразсудно; 435
Или, страшись, да его колпѣмъ укрощенъ ты не будешъ!“

Ей отвѣчая, Парисъ устремляется крылатыя рѣчи:
„Нѣть, не печаль мнѣ, супруга, упреками горькими сердца;
Такъ, сегодня Атридъ побѣдилъ съ ясноокой Аейной;
Послѣ и я побѣжу: покровители боги и съ нами, 440
Нынѣ почнемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.
Пламя такое въ груди у меня никогда не горѣло;
Даже въ тотъ счастливый день, какъ съ тобою изъ Спарты веселой
Я съ похищенной бѣжалъ на моихъ корабляхъ быстролетныхъ,
И на Кранай сопрягся и первой любовью и ложемъ. 445
Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный“.

Рекъ онъ и шествуетъ къ ложу, за нимъ и Елена супруга.
Вмѣстѣ они на блестательно-урбаннымъ ложѣ почили.

Сынъ же Атрееvъ по воинству рыскаль, звѣрю подобный,
Взоры бросая кругомъ, не увидить ли гдѣ Александра. 450
Но ни единый изъ храбрыхъ Троянъ и союзниковъ славныхъ
Мощному сыну Атрея не могъ указать Александра.

Вѣрно, изъ дружбы къ нему, пе сокрылъ бы никто его зревшій:
Всѣмъ онъ и имъ уже былъ ненавистенъ, какъ черная гибель.

Громко тогда возгласилъ повелитель мужей Агамемнонъ: 455
 „Слухъ преклоните, Трояне, Дардане и рати союзныхъ!
 Видимо всѣмъ торжество Менелая, любимца Атрея.
 Вы Аргивянку Елену, съ богатствомъ ея похищеннымъ,
 Выдайте намъ и немедленно должную дань заплатите; 459
 Память обѣй ней да прейдетъ и до позднихъ племенъ человѣковъ“.
 Такъ Агамемнонъ вѣщаъ,—и въ хвалу восклицали Ахейцы.

ПѢСНЬ IV.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Боги приспешествуют у Зевса, ст. 1—4. Онъ, между тѣмъ, говорить о бывшемъ единоборствѣ. (Оно, какъ видѣли, осталось сомнительнымъ, ибо Парисъ хотя побѣжденъ, но не убитъ. Кроме этого, съ исполненiemъ условій единоборства, т.-е. съ возвращенiemъ Елены Менелая, какъ побѣдителю, кончилась бы брань Троянская, и Зевсъ не исполнилъ бы обѣта, данаго Фетидѣ, отмстить за обиду Ахиллеса уничтоженiemъ Ахеянь въ брані.)—Вотъ почему Зевсъ предлагается на размыщленіе богамъ: какъ устроить дѣло?—возобновить ли брань, или положить миръ между враждебными народами, возвративъ Елену Менелая и сохранивъ Трою? 5—19. Гера раздражается, ибо миромъ она не можетъ удовольствовать ненависти своей къ Троянамъ; возражаетъ, упрекаетъ и призываетъ Зевса согласиться на разрушеніе Трои, 20—49. Зевсъ, по ея убѣждѣнію, послыаетъ на землю Аѳину, равно враждебную Троянамъ; она убѣждаетъ Пандара пустить стрѣлу въ Менелая, чтобы такимъ образомъ Трояне нарушили договоръ и подали новую причину къ брані, 50—104. Но Менелай раневъ не въ опасное мѣсто: Аѳина отвратила стрѣлу; изву осматривается и врачуєтъ Махаонъ, 105—219. Между тѣмъ, Трояне, вновь принявъ оружіе, наступаютъ; Ахеяне вооружаются; Агамемнонъ обходитъ войнство, 220—250; однихъ, какъ Идоменея, 251, Аяксовъ, 279, Нестора, 293, которые стояли уже въ готовности, хвалить за ревность; другихъ, Менесея, Одиссея, 327—364, Дюмеда, которые нового нападенія еще не слышали, упрекаетъ въ медлениости, 365—421. Послѣ сего брань съ обѣихъ сторонъ возобновляется; боги воспламеняютъ сердца: Арей и Аполлонъ—Троянъ, Аѳина—Ахеянь, 422—456; многие означаютъ доблесть: Антилохъ убиваетъ Эхепола, 457; Агеноръ Фефенора, 463; Аяксъ Теламонидъ Симоизія, 473; Одиссей Демокоона, 499; Диора, вождя Эпизанъ, поражаетъ Пирохъ, Фракицъ, 517; его Фасъ, Этолицъ, 527—538. Съ обѣихъ сторонъ дѣло пдетъ пламенно, 539—544.

Боги у Зевса отца, на помостѣ златомъ засѣдая,
 Мирно бесѣду вели; посреди ихъ цвѣтущая Геба
 Нектаръ кругомъ разливала; и, кубки пріемля златые,
 Чествуютъ боги другъ друга, съ высотъ на Трою взирая.
 Вдругъ Олимпецъ Кроніонъ замыслилъ Геру прогнѣвать
 Рѣчью язвительной; онъ, издѣваясь, бесѣдоватъ началъ:
 „Дѣвъ здѣсь богини, помощницы въ браняхъ царя Менелая;
 Гера Аргивская и Тритогенія Алалкомена.
 Обѣ, однако, вдали возсида и съ Олимпа взирая,
 Симъ утѣшаются; но съ Александромъ вездѣ Афродита,
 Помощь ему подаетъ, роковая бѣды отражаетъ,
 И сегодня любимца спасла, трепетавшаго смерти.
 Но побѣда надъ нимъ несомнѣнна царя Менелая.
 Боги, размыслимъ, чѣмъ таковое дѣяніе кончить?
 Паки ли грозную брань и печальную расплю воздвигнемъ,
 Или возлюбленный миръ межъ двумя племенами положимъ?
 Если сіе божествамъ и желательно всѣмъ, и приятно,
 Будеть стоять нерушимою Троя Пріама владыки,
 И съ Еленой Аргивскою въ домъ Менелай возвратится“.
 Такъ онъ вѣщаъ; негодуя, вздыхали Аеина и Гера;
 Вѣстѣ сидѣли онъ и Троянамъ бѣды умышляли.
 Но Аеина смолчала, не молвила гнѣвная, слова
 Зевсу отцу, а ее волновала свирѣпая злоба.
 Гера же гнѣва въ груди не сдержала, воскликнула Зевсу:
 „Сердцемъ жестокій Кроніонъ! какой ты глаголь произносишь? 25
 Хочешь ты сдѣлать и трудъ мой ничтожнымъ, и потъ мой бесплод-
 нымъ,
 Коимъ, трудясь, обливалася? Я истомила и коней,
 Рать подымая на гибель Пріаму и чадамъ Пріама.
 Волю твори, но не всѣ отъ безсмертныхъ ее мы одобримъ“.
 Ей негодующій сердцемъ отвѣтствовалъ Зевсъ тучеводецъ: 30
 „Злобна! старецъ Пріамъ и Пріамовы чада какое
 Зло предъ тобой сотворили, что ты непрестанно пылаешь
 Градъ Иліонъ истребить, благолѣпную смертныхъ обитель?
 Если бъ могла ты, войдя во врата и Троянскія стѣны,
 Ты бы пожрала живыхъ и Пріама, и всѣхъ Пріамидовъ,
 И Троянскій народъ, и тогда бъ лишь насытила злобу!
 Дѣлай, что сердцу угодно; да горький сей споръ напослѣдокъ
 Грозной вражды навсегда между мной и тобой не положить.
 Слово еще изреку я, а ты впечатлѣй его въ сердцѣ:
 Если и я, пылающій гнѣвомъ, когда возжелаю
 Градъ ниспревергнуть, отчизну любезныхъ тебѣ человѣковъ,
 5

- Гнѣва и ты моего не обуздывай, дай мнѣ свободу!
 Градъ сей тебѣ я предать соглашаюсь, душой несогласный.
 Такъ, подъ сіяющимъ солнцемъ и твердью небесною звѣздной
 Сколько ни зритъ градовъ, населенныхъ сынами земными, 45
 Сердцемъ моимъ наиболѣе чтима священная Троя,
 Троя владыка Пріамъ и народъ копьеносца Пріама.
 Тамъ никогда мой алтарь не лишался ни жертвенныхъ ширшествъ,
 Ни возліний, ни дыма: сія бо намъ честь подобаетъ".
- Вновь провѣщала къ нему волоокая Гера богиня: 50
- „Три для меня наипаче любезны Ахѣйскіе града:
 Аргосъ, холмистая Спарта и градъ многолюдный Микена.
 Ихъ истреби ты, когда для тебя ненавистными будутъ;
 Я не вступаюсь за нихъ и отнюдь на тебя не враждую.
 Сколько бы въ гнѣвѣ моемъ на противилась ихъ истребленью, 55
 Я не успѣла бъ и гнѣвная: ты на Олимпѣ сильнейший.
 Но труды и мои оставаться должны ли бесплодны?
 Я божество, какъ и ты, исхожу отъ единаго рода
 И, богиня старѣшшая, дщерь хитроумнаго Кронса,
 Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой 60
 Ты нарицаешь, ты, надъ безсмертными всѣми царящій.
 Но оставимъ вражду и, смиряя другъ передъ другомъ,
 Оба взаимно уступимъ, да стѣдуютъ намъ и другие
 Боги безсмертные. Нынѣ, Кронидъ, повели ты Аeinъ
 Быстро сойти къ истребительной брамѣ Троянъ и Данаевъ; 65
 Пусть искушаетъ она, чтобы славою гордыхъ Данаевъ
 Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву".
- Такъ говорила, и вняль ей отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ;
 Рѣчи крылатыя онъ устремилъ къ свѣтлоокой Аeinѣ:
- „Быстро, Аеина, лети къ ополченью Троянъ и Данаевъ; 70
 Тамъ искушай и успѣй, чтобы славою гордыхъ Данаевъ
 Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши клятву".
- Рекъ и подвигнуль давно пылавшую сердцемъ Аeinу:
 Бурно помчалась богиня, съ Олимпа высокаго бросась.
 Словно звѣзда, какую Кроніонъ Зевсъ посылаетъ 75
 Знаменемъ или пловцамъ, иль воюющими ратамъ народовъ,
 Яркую, вокругъ изъ нея неисчислennыя сыплются искры,—
 Въ видѣ такомъ устремляясь на землю, Паллада Аеина
 Пала въ средину полковъ; изумленіе обняло зрящихъ
 Конниковъ храбрыхъ Троянъ и мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ; 80
 Такъ говорилъ не одинъ ратоборецъ, взглянувъ на другого:
- „Снова войнѣ ненавистной, снова сѣчѣ кровавой
 Быть передъ Троей; или полагаетъ миръ между нами

Зевсь всемогущій, который межъ смертными браней рѣшитель“.

Такъ не одинъ говорилъ въ ополченьяхъ Троянъ и Ахеянъ. 85
 Зевсовъ жъ дочь, Антическая сына привѣщая образъ,
 Мужа Лаодока грабраго, въ сонмы Троянскіе входить,
 Пандара, богу подобнаго, ищетъ, кругомъ вопросая,
 Видѣть его: непорочный и доблестный сынъ Ликаонъ,
 Пандаръ, стояль и при немъ густые ряды щитоносцевъ, 90
 Воевъ, пришедшихъ за нимъ отъ священныхъ потоковъ Эзепа.
 Ставъ близъ него, устремила богиня крылатыя рѣчи:

„Будешь ли мнѣ ты послушень, воинственный сынъ Ликаона?
 Смѣешь ли быстрой стрѣлою ударить въ царя Менелая?
 Въ Троѣ отъ каждого ты благодарность и славу стяжаешь; 95
 Больѣ жъ всѣхъ отъ Пріамова сына, царя Александра.
 Такъ, отъ него ты отъ первого дарь понесешь знаменитый,
 Если узрѣть онъ, что царь Атрейонтъ, Менелай бранноносный,
 Сверженъ твою стрѣлой, на костеръ подымается грустный.
 Пандаръ, дерзай! порази Менелая, высокаго славой! 100
 Прежде жъ обѣть сотвори луконосцу Ликійскому, Фебу,
 Агнцевъ ему первородныхъ принести, знаменитую жертву,
 Въ отческій домъ возвратяся, въ священные Зеліи стѣны“.

Такъ говоря, безразсуднаго сердце Аеина подвигла.
 Лукъ обнажилъ онъ лоснистый, рога быстроскачущей серны, 105
 Дикой, которую нѣкогда самъ онъ подъ перси умѣтиль,
 Съ камня готовую прынуть: ее, ожидавшій въ засадѣ,
 Въ грудь онъ стрѣлой угодилъ и хребтомъ опрокинулъ на камень.
 Роги ея отъ главы на шестнадцать ладоней вздымались.
 Ихъ, обработавъ искусно, сплотилъ рогодѣль знаменитый, 110
 Выложилъ ярко весь лукъ и покрылъ его златомъ поверхность.
 Лукъ сей блестящій стрѣлецъ, натянувшись, искусно изладилъ,
 Къ долу склонивъ; и щитами его заградила дружина,
 Въ страхѣ, да слуги Арея въ него не ударятъ, Ахеицъ,
 Прежде чѣмъ будеть пронзенъ Менелай, воевода Ахеянъ. 115
 Пандаръ же крышу колчаниную поднялъ и выволокъ стрѣлу,
 Новую, стрѣлу крылатую, черныхъ страданій источникъ:
 Скоро къ тугой тетивѣ приспособилъ онъ горькую стрѣлу,
 И, обѣть сотворя луконосцу Ликійскому, Фебу,
 Агнцевъ ему первородныхъ принести знаменитую жертву, 120
 Въ отческій домъ возвратяся, въ священные Зеліи стѣны,
 Разомъ повлекъ и пернатой ушки и воловую жилу;
 Жилу привлекъ до сосца и до лука желѣзо пернатой;
 И едва круговидный огромный свой лукъ изогнуль онъ,
 Рогъ заскрипѣлъ, тетива загудѣла, и прынула стрѣлка, 125

Остроконечная, жадная въ сонмы влѣтѣть сопротивныхъ.

Но тебя, Менелай, не оставили жители неба,
Вѣчные боги, и первая дщерь свѣтлоокая Зевса:
Ставь предъ тобою, она возбраняетъ стрѣль смертоносной
Къ тѣлу касаться; ее отражаетъ, какъ нѣжная матеръ 130
Гонить муху отъ сына, сномъ задремавшаго сладкимъ.
Мѣдь направляетъ богиня туда, гдѣ застежки златыя
Запоинъ смыкали и гдѣ представлялась броня двойная.
Бурно пернатая горькая въ сокнутый запонъ упала
И насквозь растерзала изящно украшенный запонъ, 135
Броню насквозь, украшениемъ пышную, быстро пробила,
Повязь мѣдную, тѣла защиту, стрѣль сокрушенье,
Часто его защищавшую, самую повязь пропизила
И разсѣкла могучая верхнюю кожу героя;
Быстро багряная кровь заструилась изъ раны Атрида. 140

Такъ, какъ слоновая кость, обагренная въ пурпуръ женою,
Карской или Меопской, для пышныхъ нащечниковъ конямъ,
Въ домѣ лежитъ у владѣлицы: многіе конники страстно
Жаждутъ обрѣсть; но лежитъ драгоцѣнная царская утварь,
Должная быть и коню украшеньемъ, и коннику славой,— 145
Такъ у тебя, Менелай, обагрился пурпурной кровью
Бедра крутые, красивыя ноги и самыя глазны.

Въ ужасъ пришелъ Атридъ, новелитель мужей Агамемнонъ,
Брата увидѣвши кровь, изливавшуюся токомъ изъ язвы.
Въ ужасъ пришелъ и самъ Менелай, воеватель отважный; 150
Но лишь увидѣлъ шипы и завязку пернатой вѣнѣ тѣла,
Вновь у Атреева сына исполнились мужества перси.
Тяжко стенаia и за руку брата держа, Агамемнонъ
Такъ между тѣмъ говорилъ, и кругомъ ихъ стенала дружина:

„Милый мой братъ! на погибель тебѣ договорь заключиль я, 155
Выставивъ противъ Троянъ одного за Данаевъ сражаться:
Ими прощенъ ты; попрали Трояне священную клятву!
Но не будутъ ничтожными клятва, кровавая жертва,
Винъ возліянье и руку сопряженѣе на вѣрность обѣта.
Если теперь совершилъ Олимпійскій Зевесь не разсудить,
Поздно, но онъ совершилъ,—и Трояне великою платой, 160
Женами ихъ и дѣтьми, и своими главами заплатятъ.
Твердо увѣренъ я въ томъ, убѣждаясь духомъ и сердцемъ,
Будетъ нѣкогда день, какъ погибнетъ высокая Троя,
Древній погибнетъ Пріамъ и народъ копъеносца Пріама.
Зевесь Эгіохъ, обитатель эѳира высоко-царящій, 165
Самъ надъ главами Троянъ заколеблетъ ужаснымъ эгиомъ,

Силь въроломствомъ прогнѣванный: то неминуемо будетъ.
 Но, межъ тѣмъ, Менелай, и жестокая будетъ мнѣ горесть,
 Если умрешь ты, о братъ мой, и жизни предѣль здѣсь окончишь. 170
 Я, отягченный стыдомъ, отойду въ многожаждущій Аргосъ!
 Скоро тогда по отечествѣ всѣ затоскуютъ Ахейцы.
 Въ славу Пріаму и въ радость Троянамъ, здѣсь мы оставимъ
 Нашу Елену, и кости твои середь поля истлѣютъ,
 Легшія въ чуждой Троянской землѣ, не свершенному дѣлу. 175
 Скажетъ тогда не одинъ безпредѣльно надменный Троянецъ,
 Гордо на гробъ наскочивъ Менелая, покрытаго славой:
 „Если бы такъ надъ всѣми свой гнѣвъ совершаль Агамемнонъ!
 Онъ къ Иліону Ахейскую рать приводилъ бесполезно;
 Онъ съ кораблями пустыми въ любезную землю родную 180
 Вспять возвратился, оставивши здѣсь Менелая героя“.
 Такъ скажеть,—и тогда разступится земля подо иною!“
 Душу его ободряя, вѣщаль Менелай свѣтловласый:
 „Братъ, ободрися и въ страхъ не вводи ополченій Ахейскихъ; 185
 Въ мѣсто мнѣ не смертельное мѣдь воизласа; прежде
 Запонъ мой испещренный ее укротилъ, а подъ онимъ
 Поясь и повязь, которую мѣдники мужи ковали“.
 Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
 Было бы истинно такъ, какъ вѣщаешь, возлюбленный братъ мой!
 Язву же врачъ знаменитый немедля тебѣ испытаетъ 190
 И положить врачевствъ, утоляющихихъ черныя боли“.
 Рекъ и къ Талеибю вѣстнику рѣчь обратилъ Агамемнонъ:
 „Шествуй, Талеибій, и къ намъ призови ты Махаона мужа,
 Славнаго рати врача, Асклепія мудраго сына.
 Пусть онъ осмотрить вождя Аргивянъ, Менелая героя, 195
 Коего ранилъ стрѣлою стрѣлецъ знаменитый Ликійскій,
 Или Троянскій, на славу Троянамъ, Ахейцамъ на горесть!“
 Рекъ, и глашатай немедленно слову царя повинулся:
 Быстро пошелъ сквозь толпы, по великому войску Данаевъ,
 Окресть смотря по рядамъ, и героя Махаона видитъ: 200
 Шѣзъ онъ стоялъ и кругомъ его храбрыхъ ряды щитоносцевъ,
 Воевъ, за нимъ прилетѣвшихъ изъ Трики, обильной конями.
 Ставъ близъ него, устремляется Талеибій крылатыхъ рѣчи:
 „Шествуй, Асклепіевъ сынъ; Агамемнонъ тебя призываєтъ;
 Шествуй увидѣть вождя Аргивянъ, Менелая героя, 205
 Коего ранилъ стрѣлою стрѣлецъ знаменитый Ликійскій,
 Или Троянскій, на славу Троянамъ, Ахейцамъ на горесть!“
 Такъ говорилъ онъ и душу Махаона въ персяхъ встревожилъ.
 Быстро пошли сквозь толпы по великому войску Данаевъ,

- И, когда притекли, гдѣ Атридъ Менелай свѣтлокудрый 210
 Былъ пораженъ, гдѣ собравшись Ахейскіе всѣ властелины
 Кругомъ стояли, а онъ посреди ихъ, богу подобный,
 Врачъ изъ плотнаго запона стрѣлу извлечь послѣшасть,
 Но, когда онъ повлѣкъ, закривились шипы у пернатой.
 Быстро тогда разрѣшивъ пестроблещущій запонъ, подъ онимъ 215
 Поясь и повязъ, которую юдники мужи ковали,
 Язвину врача осмотрѣль, нанесенную горькой стрѣлою,
 Выжаль кровь и, искусный, ее врачевствами осыпалъ,
 Силу которыхъ отцу его Хиронъ открылъ дружелюбный.
 Тою порой, какъ Данаи заботились вокругъ Менелая, 220
 Быстро Троянцевъ ряды наступали на нихъ, щитоносцевъ;
 Снова Danai оружью покрылись и вспыхнули боемъ.
 Тутъ не увидѣлъ бы ты Агамемнона, сына Атрея,
 Дремлющимъ, или трепещущимъ, или на брань неокотныхъ:
 Пламенно къ браніи, мужей прославляющей, онъ устремился. 225
 Коней Атридъ съ колесницею, юдью блестящей, оставилъ;
 Ихъ браздодержецъ могучий держалъ недалеко, хранившихъ,
 Мужъ Эвримедонъ, потомокъ Пираосовъ, сынъ Птоломеевъ:
 Близко держаться Атридъ заповѣдалъ, на случай, когда онъ
 Члены трудомъ истомить, обходящій и строящий многихъ. 230
 Самъ, устремившися пѣшъ, проходилъ онъ ряды ратоборцевъ.
 Гдѣ послѣшавшихъ на бой находилъ Аргивянъ быстроконныхъ,
 Духа еще имть, представть, придаваль возбудительной рѣчью:
 „Аргоса вои, воспомните нынѣ кипящую доблѣсть! 234
 Нѣть, небожители Кронидъ въ вѣроломствахъ не будетъ помощникъ:
 Первыхъ, которые, клятвы поправъ, нанесли оскорбленье,
 Бѣлое тѣло ихъ, вѣрно, растерзано вранами будетъ;
 Мы же супругъ ихъ цвѣтушихъ и всѣхъ ихъ дѣтей малолѣтныхъ
 Въ плѣнъ увлечемъ на судахъ, какъ возьмемъ крѣпкостѣнную Трою“.
 Но, встрѣчая мужей, на печальную битву коснящихъ, 240
 Сильно на нихъ нападалъ, порицая жестокою рѣчью:
 „Аргоса вои, стрѣльцы презрѣнны, нѣть ли стыда вамъ?
 Что пораженные страхомъ, какъ робкія лани, стоите?
 Лани, когда утомятся, по чистому бѣгая полю,
 Купой стоять, и нѣть въ ихъ персяхъ ни духа, ни силы,— 245
 Такъ, пораженные, вы здѣсь стоите и медлите къ бою.
 Ждете ли вы, чтобы Трояне до самыхъ рядовъ приступили
 Нашихъ судовъ лѣпокормыхъ, на берегѣ моря сѣдого,
 Тамъ чтобы увидѣть вамъ, васъ ли рукой покрываетъ Кроніонъ?“
 Такъ онъ, начальствуя, вокругъ обходилъ ратоборные строки. 250
 Скоро приблизился къ Критскимъ, идя сквозь толпу ратоборцевъ.

Критяне строились въ бой веругъ отважнаго Идоменея;
Идоменей впереди ихъ подобился вепрю, могучий;

Вождь Меронъ у него позади возбуждалъ ополченья.

Ихъ усмотрѣши, наполнился радостью царь Агамемнонъ
И предводителя Критянъ привѣтствовалъ ласковой рѣчью:

„Идоменей, тебя среди сонма героевъ Алѣйскихъ
Чествую выше я всѣхъ, какъ въ бояхъ и дѣяніяхъ прочихъ,
Такъ и на празднествахъ нашихъ, когда благородныи Данаяхъ
Къ ширу почетнаго чернаго чашу вина растворяютъ, 260
Гдѣ предводители прочие иѣднодоспѣшныхъ Danaeъ
Шыть извѣстпо мѣрой, но кубокъ тебѣ непрестанно
Шолный стоитъ, какъ и мнѣ, да пьешь до желанія сердца.
Шествуй же къ браны таковъ, какъ и прежде ты быть въ ней гор-
дился“.

И Атриду отвѣтствовалъ Критскій мужей воевода: 265
„Славный Атридъ, неизмѣнно твоимъ я остануся другомъ,
Вѣрнымъ всегда, какъ и прежде тебѣ обѣщалъ я и клялся.
Но спѣши и другихъ возбудить кудреглавыхъ Danaeъ.
Битву скрѣе начнемъ; разорвали священные клятвы
Трои сыны! И постигнуть ихъ первыхъ бѣды и погибель; 270
Первые, клятвы поправь, вѣроломно они оскорбили!“

Такъ онъ вѣщалъ, и Атридъ удалился, радостный сердцемъ;
Онъ устремился къ Аяксамъ, идя сквозь толпу ратоборныхъ.
Оба готовились въ бой, окруженные тучею пѣшихъ.
Словно какъ съ холма высокаго тучу великую пастьрь 275
Видѣть, надъ моремъ идущую, вѣтромъ гонимую бурныи:
Издали взору его какъ смола представляяся черной,
Мчится надъ моремъ она, предводиця страшную бурю;
Съ ужасомъ пастьрь глядѣть и стада свои гонитъ въ пещеру,—
Всѣльдъ таковы за Аяксами юношай, пламенныхъ въ битвахъ, 280
Къ браны кровавой съ врагомъ устремлялись фаланги густыя,
Черныи, грозно кругомъ и щиты воздымая, и копья.
Видѣ и сихъ, наполняется радостью царь Агамемнонъ
И къ вождямъ, обратясь, крылатую рѣчъ устремляетъ:

„Храбрые мужи, Аяксы, вожди иѣднолатныхъ Danaeъ! 285
Вамъ я народъ возбуждать не даю повелѣній непужныхъ:
Сильно вы сами его поощряете къ пламеннымъ битвамъ.
Если бъ, о Зевсъ Олимпійскій, Aeїна и Фебъ луконосецъ!
Если бъ у каждого въ персяхъ подобное мужество было,
Скоро предъ нами поникнулъ бы градъ крѣпкостѣнныи Пріама, 290
Нашихъ героевъ руками плѣненный и въ пракѣ обращенный!“

Такъ произнесши, оставилъ онъ ихъ и къ другимъ устремился.

- Встрѣтился Несторъ ему, сладкогласный витія Пилосскій:
 Строилъ свои онъ дружины и духъ распалиялъ икъ на битву.
 Окрестъ его Пелагонъ возвышался, Аласторъ и Хромій, 295
 Гемонъ, воинственный царь, и Віантъ, предводитель народовъ.
 Конныхъ мужей впереди съ колесницами Несторъ построилъ,
 Шедшихъ бойцовъ позади ихъ поставилъ, и многихъ и храбрыхъ,
 Стѣну въ сраженіяхъ бурныхъ; но робкихъ собралъ въ середину,
 Съ мыслью, чтобы каждый, когда не по волѣ, по нуждѣ сра-
 жался. 300
 Конникамъ первымъ давалъ наставленья, приказывалъ имъ онъ
 Коней рядами держать и нестройной толпой не толпиться.
 „Нѣть,—чтобы никто, на искусство юзды и на силу надежный,
 Прежде другихъ не пыталъ впереди съ супостатами биться,
 Или назадъ обращаться: себя вы ослабите сами. 305
 Кто жъ въ колесницѣ своей на другую придетъ колесницу,
 Нику впередъ уставь: наилучшій для конниковъ способъ.
 Такъ поступая, и древнія стѣны и грады громили,
 Разумъ и духъ таковой сохрания въ доблестныхъ персяхъ“.
 Такъ имъ совѣтовалъ старецъ, давно испытанный въ браняхъ. 310
 Царь Агамемнонъ, узрѣвъ и его, веселится душою
 И, обратясь, къ нему устремляется крылатыя рѣчи:
 „Если бы, старецъ, донынѣ еще, какъ душа твоя въ персяхъ,
 Ноги служили тебѣ и остались въ свѣжести силы?
 Но угнетаетъ тебя неизбѣжная старость; пускай бы 315
 Мужи другіе старѣли, а ты бы блесталь между юныхъ!“
 И Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
 „Такъ, благородный Атридъ, несказанно желалъ бы и самъ я
 Быть таковыимъ, какъ я былъ, поразившій Эревеалюна.
 Но совокупно всего не даютъ божества человѣкамъ: 320
 Молодъ я былъ, а теперь и меня постигнула старость.
 Но и таковъ я пойду между конными; буду бодрить икъ
 Словомъ моимъ и совѣтомъ; вотъ честь, остающаяся старцамъ.
 Конья пускай устремляютъ Ахеяне младшіе, мужи,
 Родшись послѣ меня и надежные больше на силу“. 325
 Такъ произнесъ, и Атридъ удаляется, радостный сердцемъ;
 Онъ Менесея, отличного конника, близко находить
 Праздно стоящимъ, и окрестъ — Аѳинянъ, искусственныхъ въ сра-
 женіяхъ.
 Тамъ же, близъ Менесея, стоялъ Одиссей многоумный;
 Окрестъ его Кефалленовъ ряды, не безсильныхъ во браны, 330
 Праздно стояли, еще не слыхавши бранной тревоги,
 Ибо едва устремленныя къ бою сходились фаланги

- Конниковъ быстрыхъ Троянъ и Ахеянь и стоя дружины
Ждали, когда, наступивши, Ахейская башня другая
Прежде ударить въ Троянъ и кровавую битву завяжетъ. 335
Такъ ихъ нашедъ, возроцталъ повелитель мужей, Агамемнонъ,
И къ вождямъ возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Сынъ скитроносца Петея, питомца Крониона Зевса!
Такъ же и ты, одаренный коварствами, хитростей полный!
Что, укрываясь здѣсь, вы стоите, другихъ ожидая? 340
Вамъ изъ Ахейскихъ вождей обоимъ надлежало бы первымъ
Быть впереди и цылающей брани въ лицо устремляться.
Первые вы отъ меня и о ширшествахъ слышите нашихъ,
Если старѣшинамъ ширшество мы учреждаемъ, Ахеицы.
Тамъ пріятно для васъ насыщаться зараженнымъ мясомъ,
Кубками вина сладкя пить до желанія сердца, 345
Здѣсь же пріятно вамъ видѣть, хотя бы и десять Ахейскихъ
Васъ упредили фалангъ и предъ вами сражалися иѣдью“.
- Гнѣвно воззрѣвъ на него, отвѣчалъ Одиссей знаменитый:
„Рѣчи какія, Атридъ, изъ усть у тебя излетаютъ? 350
Мы, говоришь ты, отъ битвъ уклоняемся? Если Ахеицы
Мы на Троянъ быстроконныхъ воздвигнемъ свирѣпство Арея,
Узришь ты, если захочешь и если участіе примешь,
Узришь отца Телемакова въ битвѣ съ рядами переднихъ
Конниковъ храбрыхъ Троянъ; а слова произнесъ ты пустыя!“ 355
- Гнѣвнымъ узрѣвъ Одиссея, осклабился царь Агамемнонъ
И, къ нему обращаясь, началъ онъ новое слово:
„Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоумный!
Я ни упрековъ отнюдь, ни приказовъ тебѣ не вѣщаю.
Слишкомъ я знаю, что сердце твое благородное полно 360
- Добрыхъ намѣреній; ты одинаково мыслишь со мною.
Шествуй, о другъ! а когда что суровое сказано нынѣ,
Послѣ исправимъ; но пусть то бессмертные все уничтожать!“
- Такъ произнесши, оставилъ вождей и къ другимъ устремился.
Тамъ онъ Тидида нашелъ, Діомеда героя, стоящимъ 365
Подлѣ коней и своей составной колесницы блестящей;
Съ нимъ стоялъ и Сœенель, благородная вѣтвь Капанея.
Гнѣвно и ихъ порицаль повелитель мужей Агамемнонъ;
Онъ къ Діомеду возвзвалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Мужа безстрашного сынъ, укротителя коней Тидея, 370
Что ты трепещешь? и что озираешь пути боевые?
Такъ трепетать не въ обычай было Тидея героя;
Онъ впереди, предъ дружиною, первый сражался съ врагами.

Такъ говорили—дѣла его зрѣвшіе; и съ бранноносцемъ
Въ подвигахъ не былъ, не видѣлъ; но всѣкъ, говорять, превышаль
онъ. 375

Нѣкогда онъ, не съ войной, но какъ странникъ, въ Микенскій
стѣны

Мирный вошелъ, съ Полиникомъ божественнымъ рать собирая.

Брань подымали они на священные Фивскія стѣны

И просили Микенянъ дать имъ союзниковъ славныхъ.

Тѣ соглашались дать и рѣшились исполнить прошеніе; 380

Но Зевесь отвратилъ ихъ явленіемъ знаменій грозныхъ.

Оба вожда отошли и путемъ обратнымъ достигли

Брега Асона густокамышнаго, тучнаго злакомъ.

Снова оттуда посломъ Аргиване послали Тидея

Въ Фивы; куда и пришелъ онъ и вмѣстѣ обрѣлъ тамъ Кадмейнъ 385
Многихъ, пирующихъ въ царскомъ дому Этеокловой силы.

Тамъ, не взирая, что странникъ, Тидей, конеборецъ могучій,

Въ страхѣ не пришелъ, находася одинъ среди многихъ Кадмейнъ,

Къ подвигамъ ихъ вызывалъ и на каждомъ легко сопротивныхъ

Всѣхъ побѣдилъ: таково поборала Тидею Аеина. 390

Злобой къ нему воспылали Кадмейцы, гонители коней,

И, на идущаго вспять, пятьдесятъ молодыхъ ратоборцевъ

Выслали тайно въ засаду; и два ихъ вожда предводили:

Меона юладый, Гемонидъ, обитателямъ неба подобный,

И Автофоновъ сынъ, Ликофонъ, неисытимый боемъ. 395

Но Тидей и для нихъ жестокій конецъ уготовилъ:

Всѣхъ поразилъ ихъ и далъ лишь единому въ домъ возвратиться;

Меона онъ отпустилъ, покоряясь знаменьямъ бoga.

Такъ быть воинственъ Тидей Этолецъ! Но сына родилъ онъ,

Доблѣстью бранною низшаго, высшаго только витийствомъ“. 400

Рекъ онъ; ни слова царю Діомеду не отвѣтствовалъ храбрый,

Внемля съ почтеньемъ укоры почтенного саномъ владыки,

Но возразилъ Агамемнону сынъ Капанея героя:

„Нѣтъ, о Атридъ, не неправдуй, тогда какъ и правду ты
знаешь.

Мы справедливо гордимся, что нашихъ отцовъ мы храбреи! 405

Воинство въ менышемъ числѣ приведя подъ Арееву стѣну,

Мы и престольныя Фивы разрушили, градъ семивратный,

Знаменьямъ вѣра боговъ и надѣясь на Зевсову помошь.

Наши же отцы своимъ безразсудствомъ себя погубили.

Славы отцовъ не равнай, Агамемнонъ, со славою нашей!“ 410

Грозно взглянувъ на него, возразилъ Діомедъ благородный:

„Молча стой, Капанидъ, моему повинуясь совѣту:

Я не вмѣняю въ вину, что владыка мужай Агамемонъ,
Духъ возбуждаетъ къ сраженію пышно-попожныхъ Данаевъ.
Слава ему, предводителю, если Данайскіе мужи
Мошь одолѣютъ Троянъ и святый Иlionъ завоюють;
Тяжкая горесть ему же, когда одолѣютъ Данаевъ.
Но устремимся и сами воспомнимъ кипящую храбрость!“

415

Рекъ и съ высотъ колесницы съ оружіемъ прянуть на землю.
Страшно мѣдь зазвучала вокругъ персей царя Діомеда, 420
Въ бой полетѣвшаго; мужа храбрѣшаго обняль бы ужасъ.
Словно ко берегу гремучему быстрыя волны морскія
Идутъ, гряда за грядою, клубимыя Зефиромъ-вѣтромъ;
Прежде средь моря онѣ воздымаются; послѣ, нахлынувъ,
Съ громомъ обѣ берегъ дробятся ужаснымъ, и выше утесовъ 425
Волны понурья скачутъ, брызжутъ соленую пѣну,—
Такъ непрестанно, толпа за толпою, Данаевъ фаланги
Въ бой устремляются; каждой изъ нихъ отдаетъ повелѣнья
Вождь, а воины идутъ въ молчаніи; всякий спросиль бы:
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣеть ли голосъ? 430
Вои молчатъ, почитая начальниковъ: пышно на всѣхъ ихъ
Пестрыя сбруи сіяютъ, подъ коими шествуютъ стройно.
Но Трояне, какъ овцы, богатого мужа въ овчарѣ
Стоя тмочисленный и млекомъ наполнная дойницы,
Всѣ непрестанно блеютъ, отвѣчая блеянію агицевъ,— 435
Крикъ такой у Троянъ раздавался по рати великой;
Крикъ сей и звукъ ихъ рѣчей не у всѣхъ одинаковы были;
Но различный языкъ разноземныхъ народовъ союзныхъ.
Ихъ возбуждаетъ Ареи, а Данаевъ Паллада Аеина,
Ужасъ насильственный, Страхъ и несытая бѣшенствомъ Распра, 440
Бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга;
Малая въ самомъ началѣ, она пресмыкается, послѣ
Въ небо уходить головой, а стопами касается дола.
Распра, на гибель взамнную, сѣяла яростъ межъ ратей,
Рыща кругомъ по толпамъ, умирающихъ стоиъ умножая. 445

Рати, одна на другую идущія, чутъ соступились,
Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
Воиновъ, мѣдью одѣянныхъ; выпукло-блѣшиные разомъ
Сшибились щиты со щитами; громъ раздался ужасный.
Вмѣстѣ смѣшились побѣдные крики и смертные стоны 450
Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась.
Словно когда двѣ рѣки паводненныя, съ горъ низвергаясь,
Обѣ въ долину единую бурныя воды сливаются,
Обѣ изъ шумныхъ истоковъ бросаюсь въ пучинную пропасть;

Шумъ ихъ далеко пастьръ съ утеса нагорнаго слышитъ,— 455
Такъ отъ сразившихся воинствъ и громъ разліялся, и ужасъ.

Первый тогда Антилохъ поразилъ у Троянъ бранноносца
Храбраго, между переднихъ, Фализія вѣтвь, Эхепола.
Быстро его поражаетъ онъ въ бляху косматаго шлема
И пропнаетъ чено: пробѣжало глубоко внутрь кости 460
Мѣдное жало, и тьма Эхеполовы очи покрыла;
Грянулся онъ, какъ великая башня, средь бурнаго боя.
Тѣло упавшаго за ноги царь захватилъ Элефеноръ,
Сынъ Халкодоновъ, воинственный вождь крѣпкодушныхъ Абантовъ,
И повлекъ изъ-подъ стрѣль, посыпшага скорѣе съ Троянца 465
Латы совлечь, но не долго его продолжалась забота:
Влезшаго трупъ усмотрѣвъ, крѣпкодушный воитель Агеноръ
Въ бокъ, при наклонѣ его отъ ограды щита обнаженный,
Сулицей мѣдной пронзилъ и могучаго крѣпость разрушилъ.
Тамъ онъ духъ испустилъ, и при немъ загорѣлося дѣло, 470
Яростный бой межъ Троянъ и Ахеянъ: какъ волки бросались
Вои одни на другихъ; человѣкъ съ человѣкомъ сѣплялся.

Тутъ пораженъ Теламонидомъ сынъ Анфемиона юный,
Жизнь цвѣтущий, герой Симоисій, котораго матерь,
Нѣкогда съ Иды сошедшая вмѣстѣ съ своими родными 475
Видѣть стада, родила на зеленыхъ бергахъ Симоиса:
Родшійся тамъ, нареченъ Симоисіемъ, но и родившимъ
Онъ не воздаль за свое воспитаніе: кратокъ во цвѣтѣ
Быть его вѣкъ, Теламонова сына концемъ пресѣченный.
Опъ устремлялся впередъ, какъ его поразилъ Теламонидъ 480
Въ грудь близъ деснаго сосца; на другую страну черезъ рамо
Вышло коне и на землю нечистую паль онъ, какъ тополь,
Влажнаго луга питомецъ, при блатѣ великомуъ возросшій,
Ровенъ и чистъ, на единой вершинѣ раскинувшій вѣтви,
Тополь, который избравъ, колесничникъ желѣзомъ блестящимъ 485
Сѣкъ, чтобы въ колеса его для прекрасной согнуть колесницы;
Въ прахѣ лежить онъ и сохнетъ на брегѣ родного потока,—
Юный таковъ Симоисій лежалъ, обнаженный доспѣховъ
Мощныи Аяксомъ. Въ Аякса же вдругъ Пріамидъ пестролатный
Антифъ, намѣти межъ толпища, пикою острой ударилъ, 490
Но промахнулся; она Одиссева добраго друга
Левка ударила въ пахъ, увлекшаго мертвое тѣло;
Вырвалось тѣло изъ рукъ, и упалъ онъ близъ мертваго мертвый.
Гиѣвомъ герой Одиссей за его пораженнаго вспыхнулъ;
Выступилъ дальше переднихъ, колебля сверкающей мѣдью, 495
Къ тѣлу приближася, сталъ и, кругомъ оглянувшись, мощно

Рину́ль блистаю́щий дроть: отступи́ли враги оть удара
Мужа могучаго; онъ же копье не напрасное рину́ль:
Демокоона умѣтиль, побочного сына Пріама,
Въ домъ изъ Абига прите́кшаго, съ паствъ кобылицъ легконогихъ. 500
Никой его Лаертидъ, раздраженный за друга, умѣтиль
Прямо въ високъ: на другую страну сквозь високъ просверкнула
Острая пика, и тьма Пріамидовы очи покрыла:
Съ шумомъ на долъ онъ упалъ, и взгрѣмѣли на падшемъ доспѣхи.
Вспять подались и переднихъ ряды, и божественный Гекторъ; 505
Громко кричали Ахеянъ сыны и, похитивши трупы,
Ринулись прямо, пробились впередъ; Аполлонъ раздражился,
Смотря съ Пергамскихъ высотъ и воскликнулъ, Троянъ возбуждая:
„Конники Трои, впередъ! не давайте вы браннаго поля
Гордынъ Ахеямъ; ихъ груди не камень, тѣла не жѣлѣзо, 510
Чтобы мѣди удары, пронзающей тѣло, ничтожить.
Днесъ и Пелидъ не воинствууетъ, сынъ лѣпокудрой Фетиды:
Онь предъ судами гнѣвъ, сокрушительный сердцу, питаетъ“.

Такъ имъ изъ града гремѣль онъ ужасный; но воевъ Ахейскихъ
Зевсова славная дочь, Тритонія, духъ возбуждала, 515
Быстро носясь по толпамъ, гдѣ медлительныхъ видѣла воевъ.

Туть Амаринкова сына, Діора, судьба оковала:
Камнемъ онъ былъ пораженъ рукометнымъ, жестоко зубристымъ
Въ правую голень; его поразилъ предводитель Фракіанъ,
Пиро́с герой, Имбразидъ, къ Иллону изъ Эны прите́кшій. 520
Обѣ на голени жили и кость раздробилъ совершенно
Камень безстыдный, и навзничъ, шатаяся, въ прахъ Амаринкидъ
Грянулъся, руки дрожащія къ милемъ друзъмъ простирая,
Духъ предающій, а тутъ прилетѣль поразившій Фракіецъ,
Пиро́с могучій, и пику вонзилъ средь утробы; на землю 525
Вылилась внутренность вся,—и мракъ осѣнилъ ему очи.

Пиро́са бурнаго пикой ударилъ Фоасъ, Этоліецъ,
Въ перси, выше сосца, и вонзилася въ легкое пика.
Быстро примчался Фоасъ, Этоліецъ; могучую пику
Вырвалъ изъ персей Фракійца и, мечь обнаживъ изошренный, 530
Въ чрево его по срединѣ ударилъ и душу исторгнулъ;
Сбруи жъ гохитить не могъ: обступала дружина Фракійца,—
Воины съ чубомъ на маковкѣ, грозно уставивши копья.
Ими, сколь ни былъ огроменъ и крѣпокъ, и мужествомъ славенъ,
Прогнали Фоасъ, и назадъ отступилъ, поколебленный силой. 535
Такъ, по кровавому праху, одинъ близъ другого простерлись,
Копьями грозныхъ Фракіянъ и мѣдоноружныхъ Эпеянъ,
Два воеводы, и окрестъ ихъ многіе пали другіе.

Дѣлу сему не хулу произнесъ бы свидѣтель присущій,
Если бъ, еще невредимый, не раненый острою мѣдью, 540
Онъ среди боя вращался и если бъ Аѳинны Паллады
Дланю былъ предводимъ и отъ ярости стрѣль охраняемъ.
Много и храбрыхъ Троянъ, и могучихъ Danaeъ въ день оный
Ницъ, по кровавому праху, простерлося другъ подлъ друга.

ПѢСНЬ V.

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

Діомедъ, воспламененный Аеніою, отличается мужествомъ: сыновъ Дареса одного убиваетъ, другого обращаетъ въ бѣство, ст. 1—29. Между тѣмъ Аеина удаляется отъ битвы Арея; Ахеяне отражаютъ Троянъ, многихъ убиваютъ, которые и исчисляются, 30—84. Но ужасыѣ всѣхъ свирѣпствуетъ Діомедъ: раненный стрѣлою Пандара, 85—113, онъ немедленно исцѣляется Аеніою, его мольбой призванною, и ею возбужденный разить Киприду, если бы она явилась въ брани, сражается пламениѣемъ прежнаго и многихъ убиваетъ, 114—165; Пандара, прежде пѣшиимъ сражавшагося, а теперь на колеснице, вдвоемъ съ Энеемъ, на него нападающаго, убиваетъ, 166—296; Эпса, защищающаго тѣло друга, ранить камнемъ, 297—310; Киприду, раненаго сына уносящую изъ брани, уязвляетъ копьемъ въ руку, 311—351. Киприда, Ириско изъ битвы изведенная, вытирашасть у Арея колесницу и удаляется на Олимпъ, гдѣ матерь ея, Діона, утѣшасть, Гера и Аеина надѣю изѣбываются, а Зевсъ даетъ ей благіе совѣты, 352—431. Энея, оставленнаго Кипридою, Аполлонъ избавляетъ отъ свирѣпства Діомедова и вноситъ въ свой храмъ Троянскій, гдѣ Лета и Артемида его исцѣляютъ; а самъ онъ, призракъ Энея представя сражющимся, Арея вновь призываеть ко брани, 432—460. Ареи одушевляютъ Троянъ, Сарпедонъ, упреками, воспламеняетъ Гектора; сраженіе возобновляется, и Эней, исцѣленный, вновь предстаетъ обрадованнымъ Троянамъ, 461—518. Ахеяне вновь одушевляются Агамемнопомъ, 519—532. Съ обѣихъ сторонъ сражаются храбро и убиваютъ многихъ, 533—627. Тезеполемъ и Сарпедонъ оба, другъ другомъ раненые, уносятся изъ битвы, 628—679. Сарпедона силы восстанавливаются; между тѣмъ, Гекторъ воспламеняетъ бой, припуждаетъ Ахеяни отступить и многихъ убиваетъ, 680—710. Гера и Аеина, чтобы помочь утѣшеннymъ Ахеяцамъ, готовятся къ брани; описание ихъ колесницы и оружій, 711—756. Богини, съ согласіемъ Зевса, устремляются отъ Олимпа, 757—777.

Гера, голосомъ Стентора, одушевляетъ Ахеянъ; Аеина упрекаетъ Дюомеда, пос-
ходитъ съ нимъ на колесницу, возбуждаетъ его на самого Арея, на которого
Дюомедъ нападаетъ и ранитъ бога, 778—863. Ареи немедленно удаляется на
Олимпъ и, по повелѣнію Зепса, Неономъ испѣлается; Гера и Аеина вслѣдъ за
нимъ возвращаются на небо, 864—909.

Въ опое время Аеина Тедея великаго сыну
Крѣость и смѣлость дала, да отличнѣйшимъ онъ между всѣми
Аргоса воями будеть и громкую славу стяжаетъ.
Пламень ему отъ щита и шлема зажгла неугасный,
Блескомъ подобный звѣздѣ той осенней, которая въ небѣ 5
Всѣхъ свѣтозарпѣ блещетъ, омывшись въ волнахъ Океана,
Пламень подобный зажгла вокругъ главы и раменъ Дюомеда
И устремила въ средину, въ ужасное браны волненье.

Быль въ Илонѣ Даресь, непорочный священникъ Гефеста,
Мужъ и богатый, и славный, и было у старца два сына, 10
Храбрый Фегесъ и Идей, въ разнородныхъ искусственныхъ битвахъ.
Оба они, отдѣясь, полетѣли противъ Дюомеда;
Но они на коняхъ,—Дюомедъ устремляется пѣши.
Только лишь стали сближаться идущіе другъ противъ друга,
Первый Троянецъ Фегесъ устремилъ длиннотѣнную пику: 15
Ниско, блестящая жаломъ, надъ лѣвымъ плечомъ Дюомеда
Мѣдь пронеслася, не рапивъ его, и воздвигнулся съ пики
Онъ и его не напрасно копье изъ руки полетѣло:
Въ грудь межъ сосцевъ поразилъ и противника сбиль съ колесницы.
Спрянулъ Идей, побѣжалъ, колесницу прекрасную бросивъ; 20
Въ трепетѣ сердца не смѣлъ защитить и убитаго брата;
Онъ бы и самъ не избѣгъ отъ грозящаго, чернаго рока, ;
Но исторгнулъ Гефестъ и, покрытаго мрачностью ночи,
Спась, да не вовсе отецъ сокрушится печалью о дѣтяхъ.
Коней межъ тѣмъ изловивъ, Дюомедъ, воеватель могучий, 25
Вѣриль дружинѣ, да гонитъ къ судамъ многомѣстнымъ. Трояне,
Бодрые въ битвѣ дотолѣ, узрѣвъ, что Даресова чада—
Тотъ устрашенный бѣжитъ, а другой съ колесницы низверженъ,
Духомъ смущилися всѣ: и тогда Паллада Аеина,
За руку взявши, воскликнула къ бурному богу Арею: 30

„Бурный Ареи, истребитель народовъ, стѣнь сокрушитель,
Кровью покрытый! Небросимъ ли мы и Троянъ, и Ахеянъ
Спорить однихъ, да Кронидъ помыслитель имъ славу присудить?
Сами же съ полей не сойдемъ ли, да Зевсовы гнѣва избѣгнемъ?“

- Такъ глядя, въ сраженіи ильми булагъ былъ 35
И млада онъ за вражескими братіи сражда.
Гордъ Гулъ отчаянъ лежа; извѣтъ браженія
Каждыи къ вѣхѣ въ міръ вѣхами чудо Араканъ
Могучъ былъ съ вѣхами вѣхъ Галаканъ. Гебы:
Неружу, въ бѣгъ обратившися, бѣгутъ Араканъ 40
Въ склону вѣхъ путь глубокъ въ склонъ горы широкъ вѣхаль;
Съ щитомъ на землю въ путь, въ вѣхетахъ за падшую юстию.
Юношина поразилъ Менелай ружіемъ. Борьбы,
Фота, щипецами къ брахи въ Тары, страны вѣховинъ.
Мужа сего Декалидъ, юношество, юнецъ членотвѣтныи 45
Борукъ, въ колеснице вѣходашаго, въ первое рано ударилъ:
Въ страхъ съ колесници онъ падъ и ужасною тылою окружился;
Быстро его обложили пары Декаліда клеметы.
- Такъ же Скамандръ Строфидъ, молодой звѣроловецъ искусный,
Паль, Менелай Атрида поверженной ясенной никой; 50
Славный стрѣльцъ, изученный самюю богинею Фебой,
Вѣхъ онъ зѣбрѣй поражалъ: и голловъ, и дубравы питомцевъ;
Но его не спасла ни стрѣльбой веселящаяся Феба,
Ни искусство, какимъ онъ, стрѣльцъ дальнотѣткій, гордился:
Юношу сильный Атридъ Менелай, знаменитый копейщикъ, 55
Близко его убѣгавшаго, ясенной никою острой
Въ спину вѣжъ плечъ поразилъ и сквозь перси кровавую выгналъ:
Грянулся въ прахъ онъ лицомъ, зазвучала кругомъ его сбруя.
- Вождь Меронъ Ферекла повергнуль, Геронова сына,
Зодчаго мужа, которого руки во всякомъ искусствѣ 60
Ошибтии были; его безмѣро любила Паллада.
Онъ и Парису героя суда многовеселыя строилъ,
Видѣтъ начало, навлекшія гибель какъ всѣмъ Иліонцамъ,
Такъ и ему: не постигнуль судѣбъ онъ боговъ всемогущихъ.
Воя сего Меронъ, предъ собою гоня и настигнувъ, 65
Выстро въ десное стегно поразилъ кошемъ,— и глубоко,
Прямо въ пузырь, подъ лобковою костью, проникнуло жало:
Съ воплемъ онъ палъ на колѣна, и падшаго смерть осѣнила.
- Могестъ Недея сразилъ, Антенорова храбраго сына.
Сынъ незаконный онъ былъ, но его воспитала Феана 70
Съ иѣжной заботой, какъ собственныхъ чадъ, угождая супругу.
Могестъ Филидъ, на него устремяся, копейщикъ могучій,
Въ голову около тыла кошемъ поразилъ изощреннымъ.
Мѣдь, межъ зубовъ пролетѣвші, подсѣкли языкт у Недея:
Грянулся въ прахъ онъ и мѣдь холодную стиснулъ зубами. 75
Вождь Эвроппъ Эвменонидъ сразилъ Гипсенора героя,

Сѣть Долошона старца, который, возвышенный духомъ,
Былъ у Скамандра священникъ и чтился какъ богъ отъ народа.
Мужа сего Эвришиль, блистательный сынъ Эвемоновъ,
Въ бѣгствѣ узрѣвъ предъ собою, догналъ на бѣгу и по раму 80
Острый мечомъ поразилъ и отнесъ жиловатую руку;
Тамъ же рука кровавая пала на прахъ, и Троинцу
Очи смѣжила багровая Смерть и могучая Участь.

Такъ воеводы сіи подвизались на пламенной битвѣ.
Но Діомеда вождя не узналь бы ты, гдѣ онъ вращался, 85
Съ кѣмъ воеваль, съ племенами Троянъ, съ племенами ль Ахеянъ?
Рѣяль по бранному полю, подобный рѣкѣ наводненной,
Бурному въ осень разливу, который мосты разсыпаетъ;
Бѣга его укратить на мостовъ укрѣпленныхъ раскаты,
Ни зеленыхъ полей удержать изгороды не могутъ, 90
Если внезапный онъ клынетъ, дождемъ отягоченный Зевеса;
Вокругъ отъ него разсыпаются юношей красныхъ работы,—
Такъ отъ Тидида кругомъ волновались густыя фаланги
Трои сыновъ и стоять не могли, превосходная силой.

Скоро героя увидѣль блистательный сынъ Ликаоновъ, 95
Какъ онъ, крутясь по полямъ, волновалъ предъ собою фаланги;
Скоро на сына Тидеева лукъ напрягалъ со стрѣлою
И, на скакавшаго бросивъ, умѣтиль по правому раму,
Въ бронную лату. Насквозь пролетѣла крылатая стрѣлка,
Прямо вонзилась въ плечо, оросилася кровью броня. 100
Громко воскликнуль, гордяся, блистательный сынъ Ликаоновъ:

„Други, впередъ! ободритесь, Трояне, бодатели коней!
Равенъ славнѣйший Аргивецъ, и онъ, уповаю, не можетъ
Долго бороться съ стрѣлою могучею, ежели точно
Фебъ сребролукій меня устремиль изъ предѣловъ Ликійскихъ!“ 105

Такъ онъ кричаль, возносясь, но героя стрѣла не смирила:
Мало Тидида отступивъ, впереди колесницы и коней
Сталь и къ Сеенелу возвзваль, Капанееву храброму сыну:

„Другъ Капанидъ, послѣши на мгновенъе сойти съ колесницы,
Чтобъ извлечь у меня изъ рама горькую стрѣлу“. 110

Такъ онъ сказалъ; и Сеенель съ колесницы спрянулъ на землю;
Сталь за хребтомъ и изъ рама извлекъ углубившуюся стрѣлу;
Брызнула быстро багряная кровь сквозь кольчатую броню,
И взмолился тогда Діомедъ, воеватель могучій:

„Слухъ преклони, необорная дщерь громоноснаго Зевса! 115
Если ты мнѣ и отцу поборать благосклонно любила
Въ брани пылающей, будь мнѣ еще благосклонной, Аѳина!
Дай мнѣ того изойти и копейнымъ ударомъ постигнуть,

Кто, упредивши, меня уязвилъ и падиенъ предвѣщаетъ—
Въ жизни не долго миѣ видѣть свѣтъ лучезарнаго солица!“ 120

Такъ воскликнъ онъ, молясь, и вняла ему дочь Громовержца;
Члены героя содѣлала легкими, ноги и руки,
И, приблизясь къ нему, провѣщала крылатыя рѣчи:

„Нынѣ дерзай, Диомедъ, и безъ страха съ Троянами ратуй!
Въ перси тебѣ я послала отеческій духъ сей безстрашный, 125
Копиѣ, щита потрясатель, Тидей обладатель, конеборецъ;
Мракъ у тебя отъ очей отвѣла, окружавшій ихъ прежде;
Нынѣ ты ясно познаешь и бога и смертнаго мужа.
Шествуй, и если бессмертный, тебя искушая, предстанетъ,
Ты на бессмертныхъ боговъ, Диомедъ, не дерзай ополчаться, 130
Кто ни представатъ; но если Зевесова дочь, Афродита,
Явится въ браніи, рази Афродиту острою мѣдью“.

Такъ говоря, отошла свѣтлоокая дочь Громовержца.
Сынъ же Тидеевъ, назадъ обратившияся, сталь межъ переднихъ
И, какъ ни пламенно прежде горѣль онъ съ врагами сражаться, 135
Нынѣ трикраты сильнейшимъ, какъ левъ, распылся онъ жаромъ.
Левъ, котораго пастырь въ степи, у овецъ руноносныхъ,
Ранилъ легко, чрезъ ограду скакавшаго, но, не сразивши,
Силу лишь въ немъ пробудилъ; и уже, отразить не надѣясь,
Пастырь подъ сѣнь укрывается; мечутся сирѣя овцы, 140
Вокругъ по овчаріи толкаются, онъ на другихъ упадаютъ;
Левъ, распаленный, назадъ, чрезъ высокую скачеть ограду,—
Такъ распаленный Тидидъ межъ Троянъ ворвался, могучій.

Тамъ Астипоя повергъ и народовъ царя Гипенора;
Перваго въ грудь у сосца поразилъ мѣдножальною пикой, 145
А другого мечомъ, по плечу возлѣ выи, огромнымъ
Рѣзко ударивъ, плечо отдѣлилъ отъ хребта и отъ выи.
Бросивши сикъ, на Абаса напалъ и вождя Полида,
Двухъ Эвридама сыновъ, сновидѣній гадателя старца;
Имъ отходящимъ, родитель не могъ разгадать сновидѣній; 150
Съ нихъ Диомедъ могучій, поверженныхъ, сорвалъ корысти.
Послѣ пошелъ онъ на Ксанса и Феона, двухъ Фенопидовъ,
Фенопса позднихъ сыновъ; разрушаемый старостью скорбной,
Онъ не имѣлъ уже сына, кому бы стяжанья оставить.
Ихъ Диомедъ повергнуль и сладкую жизнь у несчастныхъ 155
Братьевъ похитилъ, отцу же и слезы, и мрачныя скорби
Старцу оставилъ: дѣтей, возвратившихся съ браніи кровавой,
Онъ не обнялъ; наслѣдство его раздѣлилъ чужие.
Тамъ же двухъ онъ сыновъ захватилъ Дардана и Пріама,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, Хромія и съ нимъ Эхемона; 160

И, какъ левъ на тельцовъ нападаетъ и вдругъ сокрушаетъ
Выю тельцу иль телицѣ, пасущимся въ рощѣ зеленої,—
Такъ обоихъ Пріамидовъ съ коней Діомедъ, не хотящихъ,
Сбыль безпощадно на прахъ и сорваль съ пораженныхъ доспѣхъ,
Коней же отдалъ клевретамъ, да гонять къ кормамъ корабель-
нымъ. 165

Храбрый Эней усмотрѣлъ истребителя строевъ Троянскихъ;
Быстро пошелъ сквозь гремящую брань, сквозь жужжащія копья
Шандара, богу подобнаго, смотря кругомъ, не найдеть ли;
Скоро нашель Ликаонова храбраго, славнаго сына,
Сталь передъ нимъ и такія слова говорилъ, негодуя: 170

„Шандарь! гдѣ у тебя и лукъ, и крылатыя стрѣлы?
Гдѣ твоя слава, которой никто изъ Троянъ не оспорилъ
И въ которой Ликіецъ тебя превзойти не гордился?
Длани къ Зевесу воздѣнь и пусти ты пернатую въ мужа;
Кто бы онъ ни былъ могучий: погибели много нанесъ онъ 175
Ратиамъ Троянскимъ, и многимъ и сильнымъ сломилъ онъ колѣна!
Развѣ не есть ли онъ богъ, на Троянскій народъ раздраженный?
Гнѣвный, быть можетъ, за жертвы? а гнѣвъ погибеленъ бога!“

Быстро Энею отвѣтствовалъ славный сынъ Ликаоновъ:
„Храбрый Эней, благородный совѣтникъ Троянъ мѣднолатыхъ! 180
Сыну Тидея могучему, кажется, мужъ сей подобенъ:
Щить я его узнаю и съ забраломъ шелоимъ дыроокій;
Вижу его и коней, но не богъ ли то, вѣрно не знаю.
Если сей мужъ, какъ повѣдалъ я, сынъ браннодушный Тидеевъ,
Онъ не безъ бога свирѣпствуетъ; вѣрно, при немъ покровитель 185
Богъ предстоитъ, обвивъ рамена свои облакомъ темнымъ:
Онъ отъ него и стрѣлу отразилъ, налетавшую быстро.
Я уже бросиль стрѣлу и умѣтиль Тидеева сына
Въ рамо десное, пробивъ совершенно доспѣшную лату,
И уже уповаль, что его я повергнуль къ Аиду; 190
Нѣть, не повергнуль! Есть, безъ сомнѣнія, богъ прогнѣвленный!
Коней со мною здѣсь нѣть, для сраженія нѣть колесницы;
Въ Зеліи, въ домѣ отца, у меня ихъ одиннадцать пышныхъ,
Новыхъ, недавно отдѣланыхъ; къ бережки ихъ покрывала
Окрестъ висячій и для каждой изъ нихъ двуяремные кони 195
Подлѣ стоять, утчиныся полбой и бѣлымъ ячменемъ.
Нѣть, не напрасно меня Ликаонъ, воинственный старецъ,
Такъ увѣщаля; отходящаго къ брани, въ отеческомъ домѣ:
Старецъ наказывалъ мнѣ, ополчась на коняхъ въ колесницѣ
Трои сыновъ предводить на побоищахъ бурныхъ сраженій. 200
Я не послушалъ отца, а сie бы полезнѣе было.

Коней хотѣль пощадить, чтобы у гражданъ, въ стѣнахъ заключен-
ныхъ,

Въ кормѣ они не нуждались, привыкнувъ питаться роскошно.

Коней оставилъ и такъ устремилсѧ я пѣшь къ Иліону,

Твердо надежный на лукъ; но сей лукъ для меня не помощникъ! 205

Въ двухъ воеводъ знаменитѣйшихъ бросиль я мѣткія стрѣлы:

Въ сына Тидея и въ сына Атрея; того и другого

Ранившіи, свѣтлую кровь я извлекъ и озлобилъ ихъ больше.

Въ злую годину, я вижу, и лукъ и перватныя стрѣлы

Снялъ со столба я въ тотъ день, какъ рѣшился въ веселую Трою 210

Рати Троянскія вѣсть, угождая Пріамову сыну.

Если я вспять возвращусь и увижу моими очами

Землю родную, жену и отеческий домъ нашъ высокій,

Пусть иноземецъ враждебный тогда же мнѣ голову срубить,

Если я лукъ сей и стрѣлы въ пылающій пламень не брошу 215

Въ щепы его изломавъ: безполезный онъ быль мнѣ сопутникъ!“

Пандару быстро Эней, предводитель Троянъ, возражаетъ:

„Такъ не вѣщай, Ликаонидъ любезный! не будетъ иначе

Прежде, нежели мы человѣка сего, въ колесницѣ

Противоставъ, не извѣдаемъ оба оружиемъ нашимъ. 220

Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу, увидиши,

Троса кони каковы, несказанно искусные полемъ

Быстро летать и туда, и сюда, и въ погонѣ, и въ бѣгствѣ,

Къ граду и насть унесуть они, бурные, если бъ и снова

Славу Зевсъ даровалъ Діомеду, Тидееву сыну. 225

Шествуй, любезный; и бичъ, и блестящія конскія вожжи

Въ руки пріими ты, а я съ колесницы сойду, чтобъ сразиться.

Или врага принимай ты, а я озабочусь конями“.

Но ему возражаетъ блистательный сынъ Ликаоновъ:

„Самъ удержи ты бразды и правь своими конями: 230

Прытче они подъ возницей привычными помчать колесницу,

Ежели мы побѣжимъ предъ могучимъ Тидеевымъ сыномъ.

Или они, оробѣвші, замнутся и съ бранного поля

Насть понесутъ неохотно, знакомаго крика не слыша.

Тою порою нагрянетъ на насть Діомедъ дерзновенный, 235

Насть обоихъ умертвить и похитить коней знаменитыхъ.

Ты, Анхизидъ, удержи и бразды, управляй и конями;

Я же его налетѣвшаго шикою острою встրѣчу“.

Такъ говоряся и оба въ блистательной ставѣ колесницѣ,

Вскачь на Тидеева сына пустили коней быстроногихъ.

Ихъ усмотрѣвші, Сœенель, знаменитый сынъ Капансеевъ,

Къ сыну Тидея не медля крылату рѣчъ устремляеть:

- „Храбрый Тидить Дюмедь, о другъ драгоцѣннейшій сердцу!
Вижу могучихъ мужей, налетающихъ биться съ тобою.
Мощь обоихъ неизмѣрима: первый—стрѣлецъ знаменитый
Пандаръ гордящійся быть Ликаона Лицкайскаго сыномъ; 245
Тотъ же—Троянецъ Эней, добродушнаго мужа Анхиза
Сынъ, нарицающій матерью Зевсову дочь Афродиту.
Стань въ колесницу и вспять мы уклонимся; такъ не свирѣпствуй,
Между переднихъ бросаясь, да жизни своей не погубишь“. 250
- Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ Дюмедь нестрашимый:
„Смолкли, о бѣгствѣ ни слова! къ нему ты меня не преклонишь!
Нѣть, не въ породѣ моей, чтобы вспять отступать изъ сраженій,
Или, робъя, скрываться: крѣска у меня еще сила!
Даже на коней всходить я скучаю, но такъ, какъ ты видиши, 255
Встрѣчу иду обоими; трепетать не велитъ мнѣ Аенина.
Ихъ въ колесницахъ обратно не вынесутъ быстрые кони;
Оба отъ насъ не уйдутъ, хоть одиѣ и укрылся бы нынѣ.
Молвлю тебѣ я иное, а ты сокрани то на сердцѣ:
Ежели мнѣ Тритогенія мудрая славу даруетъ 260
- Ихъ обоихъ поразить, быстроногихъ ты собственныхъ коней
Здѣсь удержи, затянувши бразды за скобу колесницы;
Самъ, не забудь, Каланидъ, на Энеевыхъ коней ты бросься
И гони отъ Троицъ къ ополченіямъ храбрыхъ Данеевъ.
Кони сіи отъ породы, изъ коей Кронидъ громовержецъ 265
Тросу цѣною за сына за юнаго даль Ганимеда;
Кони сіи превосходнѣе всѣхъ подъ авророй и солнцемъ.
Сей то породы себѣ у цара Лаомедона тайно
Добылъ Анхиза властелинъ, изъ своихъ кобылицъ подославши:
Шесть у Анхиза въ дому родилося породы сей коней; 270
Опль четырехъ удержалъ при себѣ, воспиталъ ихъ у яслей;
Двухъ же Энею отдалъ, разносящихъ въ сраженіяхъ ужасъ.
Если сихъ коней похитимъ, стяжаемъ великую славу!“
- Тою порой, какъ на мѣстѣ герои взаимно вѣщали,
Близко враги принеслися, гонящіе коней ихъ бурныхъ. 275
Первый къ Тидиду воскликнулъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Пламенный сердцемъ, воинственный сынъ знаменитый Тидея!
Быстрой моего стрѣлой не смиренъ ты, пернатою горькой,
Нынѣ еще испытамо копьемъ, не вѣрнѣе ль умѣчу“. 280
Рекъ онъ и, мощно сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику
И поразилъ по щиту Дюмеда; насквозь совершенно
Острая мѣдь пролетѣла и звучно ударилась въ броню.
Радуясь, громко воскликнулъ блистательный сынъ Ликаоновъ:
„Раненъ ты въ пахъ и насквозь! и теперь, я надѣюсь, недомо

- Будешь страдать; накопецъ даровалъ ты мнѣ свѣтлую славу!“ 285
 Быстро ему, не смутясь, отвѣчалъ Діомедъ благородный:
 „Праздень ударъ, ты обмануть! но вы, я надѣюся, оба
 Прежде едва ль отдохнете, доколѣ одинъ здѣсь не ляжетъ
 Кровью свою насытить несътаго бранью Арея!“
- Такъ произнесъ и повергъ; и копье направляется Аеина 290
 Пандару въ носъ близъ очей: пролетѣло сквозь бѣлые зубы,
 Гибкій языкъ сокрушительной мѣдью при корнѣ отскло
 И, острѣемъ просверкнувши насквозь, замерло въ подбородкѣ.
 Рухнулся онъ съ колесницы, взгрѣмѣли на падшемъ доспѣхи,
 Пестрые, пышноблестящіе; дрогнули Трасскіе кони 295
 Бурные; тамъ у него и душа разрѣшилась и крѣость.
 Прянулъ на землю Эней со щитомъ и съ огромною пики
 Въ страхѣ, да Пандаровъ трупъ у него не похитять Ахѣйцы.
 Около мертваго ходя, какъ левъ, могуществомъ гордый,
 Онъ передъ нимъ и копье уставлять и щитъ кругловидный, 300
 Каждаго, кто бъ ни приблизился, душу исторгнуть грозящій
 Крикомъ ужасныи. Но камень рукой захватиль сынъ Тидеевъ,
 Страшную тягость, какой бы не подняли два человѣка
 Нынѣ живущихъ людей, но размахиваль имъ и одинъ онъ,
 Камнемъ Энея такимъ поразилъ по бедру, гдѣ крутая 305
 Лядвея ходитъ въ бедрѣ, по составу, зовомому чашкой:
 Чашку ударъ раздробилъ, разорвалъ и бедерныя жилы,
 Сорвалъ и кожу камень жестокий. Герой пораженный
 Паль на колѣно впередъ; и, колеблясь, могучей рукою
 Въ долѣ упирался, и взоръ его черная ночь осѣнила. 310
 Тутъ неизбѣжно погибъ бы Эней, предводитель народа,
 Если бъ того не увидѣла Зевсовы дочь Афродита,
 Матерь, его породившая съ пастыремъ юнымъ, Анхизомъ.
 Около мілаго сына обвила она бѣлые руки,
 Ризы своей передъ нимъ распростерла блестящіе сгибы, 315
 Крою отъ вражескихъ стрѣлъ, да какой-либо конникъ Данайскій
 Мѣдью персей ему не пронзить и души не исторгнетъ.
 Такъ уносила Киприда любезнаго сына изъ боя.
 Тою порою Сеенелъ Капанидъ не забылъ наставленій,
 Данныхъ ему Діомедомъ, воинственнымъ сыномъ Тидея: 320
 Коней своихъ звуконогихъ вдали отъ бранной тревоги
 Онъ удержалъ и, бразды затянувъ за скобу колесницы,
 Бросился быстро на праздныхъ Энея коней пышногривыхъ,
 И, отогнавъ отъ Троянъ къ мѣднолатнымъ дружинамъ Ахеянъ,
 Другу отдалъ Денпилу, котораго сверстниковъ въ сонмѣ 325
 Всѣхъ онъ любилъ, по согласию чувствъ ихъ сердечныхъ,

Гнать повелѣвъ къ кораблямъ мореходнымъ; самъ же, безстрашный,
Ставъ въ колесницѣ своей и блестяща вожжи ослабивъ,
Всльдъ за Тидидомъ царемъ на коняхъ звуконогихъ понесся,
Пламенный. Тотъ же Киприду преслѣдовалъ мѣдью жестокой, 330
Знавъ, что она не отъ мощныхъ богинь, не отъ оныхъ бессмерт-
ныхъ,

Кои присутствуютъ въ браняхъ и битвы мужей устроютъ,
Такъ, какъ Аеина, или какъ громящая грады Эніо,
И едва лишь догналъ, сквозь густыя толпы пролетая,
Прямо уставивъ копье, Діомедъ, воеватель безстрашный, 335
Острую мѣдь устремилъ и у кисти ранилъ ей руку
Нѣжную: быстро копье сквозь покровъ благовонный, богинѣ
Тканый самими Харитами, кожу пронзило на длани
Возлѣ перстовъ; заструилась бессмертная кровь Афродиты,
Влага, какая струится у жителей неба счастливыхъ, 340
Ибо ни брашнъ не ёдятъ, ни отъ гроздій вина не вкушаютъ;
Тѣмъ и безкровны они, и бессмертными ихъ нарицаютъ.
Громко богиня вскричавъ, изъ объятій бросила сына;
На руки быстро его Аполлонъ и пріялъ, и избавилъ,
Облакомъ чернымъ покрывъ, да какой-либо конникъ Ахейскій 345
Мѣдю персей ему не пронзитъ и души не исторгнетъ.

Грозно межъ тѣмъ на богиню вскричалъ Діомедъ воеватель:
„Скройся, Зевесова дочь! удалися отъ браны и боя.
Или еще недовольно, что слабыхъ ты женъ обольщаешь?
Если же сиѣшь и въ браны ты мѣшаться, впередъ, я надѣюсь, 350
Ты ужаснешься, когда и название браны услышишь!“

Рекъ,—и она удаляется смутная, съ скорбю глубокой.
Быстро Ириса ее, поддержавъ, изъ полчищъ выводитъ
Въ омракъ чувствъ отъ страданій; померкло прекрасное тѣло!
Скоро ошуюю браны богиня находитъ Арея; 355
Тамъ онъ сидѣлъ; но копье и кони бессмертные были
Мракомъ закрыты; упавъ на колѣна, любезнаго брата
Нѣжно молила она и просила коней златосбруйныхъ:

„Милый мой братъ, помоги мнѣ, дай мнѣ коней съ колесницей,
Только достигнуть Олимпа, жилища боговъ бессмятежныхъ. 360
Страшно я мучуся язвою; мужъ уязвилъ меня смертный,
Вождь Діомедъ, который готовъ и ст Зевесомъ сразиться!“

Такъ изрекла, и Ареи отдаетъ ей коней златосбруйныхъ.
Входить она въ колесницу съ глубокимъ крушенiemъ сердца;
Съ нею Ириса взошла и, бразды захвативши въ десницу, 365
Коней стегнула бичемъ, полетѣли послушные кони;
Быстро достигнули высей Олимпа, жилища бессмертныхъ.

- Тамъ удержала коней вѣtronогая вѣстница Зевса
И, отрѣшивъ отъ ярма, предложила амврозію въ пишу.
Но Киприда стениющая нала къ колѣнамъ Діоны,
Матери милой, и матерь въ объятія дочь заключила,
Нѣжно ласкала рукой, вопрошала и такъ говорила:
„Дочь моя милая, кто изъ бессмертныхъ съ тобой дерзновенно
Такъ поступилъ, какъ бы явно какое ты зло сотворила?“ 370
Ей, возстенавъ, отвѣчала владычина смѣховъ Киприда:
„Раниль меня Діомедъ, предводитель Аргосцевъ надменный,
Раниль за то, что Энеа хотѣла я вынести изъ боя,
Милаго сына, который всего мнѣ лоябезнѣе въ мірѣ.
Нынѣ уже не Троянъ и Ахеянъ свирѣпствуетъ битва;
Нынѣ съ богами сражаются гордые мужи Данан!“ 380
Ей богиня почтенная вновь говорила Діона:
„Милая дочь, ободрись, претерпи, какъ ни горестно сердцу.
Много уже отъ людей, на Олимпѣ живущіе боги,
Мы пострадали, взаимно другъ другу бѣды устрояя.
Такъ пострадаль и Ареи, какъ его Эфіальтесь и Отось, 385
Два Алоида огромные, страшно цѣпью сковали:
Скованъ, тринадцать онъ мѣсяцевъ въ мѣдной темницѣ томился,
Вѣрно бы тамъ и погибнулъ Ареи, ненасытимый бранью,
Если бы мачека ихъ, Эривея прекрасная, тайно
Гермесу не дала вѣсти; Гермесъ Арея похитилъ,
Силы лишенного: страшныи цѣпь его одолѣли. 390
Гера подобно страдала, какъ сынъ Амфитрона мощнай
Въ перси ее поразилъ треконечною горькой стрѣлою.
Лютая боль безотрадна Геру богиню терзала!
Самъ Айдесъ, межъ богами ужасный, страдаль отъ пернатой. 395
Тотъ же погибельный мужъ, Громовержцева отрасль, Айдеса,
Ранивъ у вратъ подлѣ мертвыхъ, въ страданія горькія ввергнуль.
Онъ въ Эгіоховъ домъ, на Олимпъ высокій вознесся,
Сердцемъ печаленъ, болѣзнью терзаетъ; стрѣла роковая
Въ мощномъ Айдесовомъ рамѣ стояла и мучила душу. 400
Бога Пеопъ врачевствомъ, утоляющимъ боли, осыпавъ,
Скоро его исцѣлилъ, не для смертной рожденаго жизни.
Дерзкій, неистовый! онъ не страшась совершашъ злодѣянья:
Лукомъ боговъ оскорблялъ, на Олимпѣ великому живущихъ!
Но на тебя Діомеда воздвигла Паллада Аениа. 405
Мужъ безразсудный! не вѣдаешь сынъ дерзновенный Тидеевъ:
Кто на боговъ ополчается, тотъ не живеть долголѣтнъ;
Дѣти отцомъ его, на колѣни садяся, не кличутъ
Въ долъ свой пришедшаго съ подвиговъ мужеубийственной бранн.

Пусть же теперь сей Тидидъ, не взирая на гордую силу, 410
 Мыслить, да съ нимъ кто иной, и сильнейший тебя, не сразится;
 И Адрастова дочь, добродушная Эгіалея,
 Нѣкогда воиплемъ полночнымъ отъ сна не разбудить домашнихъ,
 Съ грусти по юномъ супругъ, храбрѣшемъ герой Ахейскомъ,
 Вѣрная сердцемъ супруга Тидида, смирителя коней*. 415

Такъ говоря, на рукѣ ей бессмертную кровь отирала:
 Тяжкая боль уялась, и внезапно рука исцѣлѣла.
 Тою порою, зрѣвшія все, и Аѳина и Гера
 Рѣчью язвительной гнѣвъ возбуждали Кроніона Зевса;
 Первая рѣчь начала свѣтлоокая дѣва Аѳина: 420
 „Зевсъ, нашъ отецъ, не прогнѣваю лѣ словомъ тебя я, могучій?
 Вѣрно, Ахеянку новую нынѣ Киприда склоняла
 Вѣриться Трои сынамъ, безпредѣльно богинѣ любезнымъ?
 И, быть можетъ, Ахеянку въ пышной одеждѣ лаская,
 Пряжкой златою себѣ поколола нѣжную руку?“ 425

Такъ изрекла; улыбнулся отецъ и бессмертныхъ и смертныхъ
 И, призывавъ предъ лицо, провѣщаю ко златой Афродитѣ:
 „Милая дочь! не тебѣ заповѣданы шумные браны.
 Ты занимайся дѣлами пріятными сладостныхъ браковъ,
 Тѣ же бурный Ареи и Паллада Аѳина устроить“. 430

Такъ взаимно бессмертные между собою вѣщали.
 Тою порой на Энея напаль Діомѣдъ нестрашимый:
 Зная, что сына Ахизова самъ Аполлонъ покрываетъ,
 Онъ не страшился ни мощнаго бога; горѣль непрестанно
 Смерти Энея предать и доспѣхъ знаменитый похитить. 435
 Трижды Тидидъ нападаль, умертвить Ахизида пылая;
 Трижды блестательный щитъ Аполлонъ отражаль у Тидида;
 Но, лишь въ четвертый разъ налетѣль онъ, ужасный, какъ Демонъ,
 Голосомъ грознымъ къ нему провѣщаю Аполлонъ дальновержецъ:

„Вспомни себя, отступи и не мысли равняться съ богами, 440
 Гордый Тидидъ! никогда межъ собою не будетъ подобно
 Шлемъ бессмертныхъ боговъ и по праху влачящихся смертныхъ!“

Такъ провѣщаю,—и назадъ Діомѣдъ отступилъ недалеко,
 Гнѣва боязющіяся бога, далеко разящаго Феба...
 Фебъ же, Энея похитивъ изъ толпищъ, его полагаетъ 445
 Въ собственномъ храмѣ своемъ, на вершинѣ святого Пергама.
 Тамъ Ахизиду и Лета и стрѣлолюбивая Феба
 Сами, въ великомъ святыищѣ, мощь и красу возвращали.
 Тою порой Аполлонъ сотворилъ обманчивый призракъ,
 Образъ Энея живой и оружiemъ самымъ подобный. 450
 Около призрака—Трои сыновъ и бессстрашныхъ Данаевъ

Сшибись ряды, разбивая вкругъ персей воловыя кожи
Пышныхъ кругами щитовъ и крылатыхъ щитковъ легкометныхъ.

Къ богу Арею тогда провѣщалъ Аполлонъ дальноверженецъ:
„Бурный Арей, мужегубецъ кровавый, стѣнь разрушитель!“ 455
Или сего человѣка изъ битвъ удалить не придешь ты,
Воя Тидида, который готовъ и съ Кронидомъ сразиться;
Прежде богиню Киприду копьемъ поразиль онъ въ запастье;
Здѣсь на меня самого устремился ужасный, какъ Демонъ!“

Такъ произнесши, возсѣль Аполлонъ на вершинахъ Пергама; 460
Но свирѣпый Арей Троянъ возбудить устремился,
Видъ Акаласа принялъ, предводителя быстраго Фраковъ.
Звучно къ сынамъ Пріама, питомцамъ Зевеса, взывалъ онъ:

„О, сыны Пріама, хранимаго Зевсомъ владыки! 465
Долго ль еще вамъ убѣство Троянъ попускать Агриянамъ?
Или пока не начнутъ при вратахъ Илiona сражаться?
Шаль воевода, почтенный для нась, какъ божественный Гекторъ!
Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!
Грянемъ, изъ бранной тревоги спасемъ благороднаго друга!“

Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу, и мужество въ каждомъ. 470
Тутъ Сарпедонъ укорять благороднаго Гектора началъ:

„Гекторъ! гдѣ твое мужество, коимъ ты прежде гордился?
Градъ, говориль, защитить безъ народа, безъ ратей союзныхъ
Можешь одинъ ты съ зятьями и братьями; гдѣ жъ твои братья?
Здѣсь пи единаго я не могу ни найти, ни прымѣтить!“ 475
Всѣ изъ сраженія прячутся, словно какъ исы передъ склономъ⁶;
Мы же здѣсь ратуемъ, мы, чужеземцы, притечши въ помошь;
Ратую я, союзникъ вашъ, издалека пришедший,
Такъ, и Ликійскіе долы и Ксанескія воды—далеки,
Гдѣ я оставилъ супругу любезную, сына-младенца 480
И сокровища многія, коихъ убогій алкаеть.

Но, не взирая на то, предвожу Ликіянъ и готовъ я
Съ мужемъ сразиться и симъ, ничего не имѣя въ Троадѣ:
Что бы могли у меня иль унести, иль увесть Аргивяне.
Ты жъ—неподвиженъ стоишь и другихъ не бодришь ополченій 485
Храбро стоять, защищая и женъ и дѣтей въ Илонѣ:
Гекторъ, блюдись, да обѣты, какъ всеувѣляющей сѣтью,
Всѣ враговъ разъяренныхъ не будете плѣнъ и добыча!
Скоро тогда сопоставъ разрушать вашъ градъ велелѣпный!
Ты о дѣлахъ сихъ заботиться долженъ и денно и ночно, 490
Долженъ просить воеводъ, дальноземныхъ союзниковъ вашихъ,
Бой непрестанно вести, а грозы и упреки оставить“.

Такъ говорилъ онъ, и рѣчь уязвила Гектора сердце:

Быстро герой съ колесницъ съ оружиемъ прынуль на землю:
Острый копъя колебля, кругомъ полетѣль по дружинамъ,
Въ бой распалая сердца, и возжегъ онъ жестокую сѣчу!
Вспять возвратились Трояне и стали въ лицо Аргивянамъ,
Тѣ же, сомкнувши ряды, нажидали враговъ, не робъли.

495

Такъ, если вѣтеръ плевы разсѣвать по гуннамъ священныи,
Жателямъ вѣющимъ хлѣбъ, гдѣ Деметра съ кудрями златыми 500
Плодъ отдѣляетъ отъ плевъ, возбуждая дыханіе вѣтровъ,
Гуны кругомъ подъ плевою блѣдѣются,—такъ Аргивяне
Съ главъ и до ногъ ихъ блѣди подъ пракомъ, который межъ ними
Даже до мѣдныхъ небесъ воздымали копытами кони
Въ быстрыхъ, крутыхъ поворотахъ; ворочали въ бой ихъ возницы, 505
Прямо съ могуществомъ рукъ на враговъ устремляясь; но иракомъ
Бурный Ареи покрываетъ всю битву, Троянамъ помощный,
Вокругъ по рядамъ ихъ носясь: поспѣшаль онъ исполнить завѣты
Феба, царя златострѣльного; Фебъ заповѣдалъ Арею
Души Троянъ возбудить, лишь узрѣль, что Паллада Аѳина 510
Бой оставляетъ, богиня, защитница воинствъ Ахейскихъ.
Самъ же Энея вождя изъ святилища пышнаго храма
Вывелъ и крѣпостью перси владыки народовъ наполнилъ.

Сталь Апхизидъ межъ друзьями величественъ; всѣ веселились
Видя, что онъ живой, невредимый, блистающій силой, 515
Снова предсталъ, но его вопросить ни о чемъ не успѣли;
Трудъ ихъ заботилъ иной, на который стремилъ Сребролуй,
Смертныхъ губитель Ареи и неустально ярая Распра.

Оба Аякса межъ тѣмъ, Одиссей и Тидидъ воеводы
Ревностно въ бой возбуждали Ахейскихъ сыновъ, по Ахейцы 520
Сами ни силы Троянъ не страшились, ни криковъ ихъ грозныхъ,
Ждали недвижные, тучамъ подобные, кои Крононъ
Въ тихий, безвѣтренный день, на высокія горы надвинувъ,
Черныя ставить незыбно, когда и Борей и другіе
Дремлють могучіе вѣтры, которые ирачныя тучи 525
Шумными усть ихъ дыхальцами вокругъ разсыпаютъ по небу.
Такъ ожидали Данай Троянъ, неподвижно, безстрашно.
Царь Агамемнонъ леталъ по рядамъ, ободряя усердно:

„Будьте мужами, друзья, и возвыщтесь доблестнымъ духомъ;
Воина воинъ стыдится на поприщѣ подвиговъ ратныхъ! 530
Всивовъ, знающихъ стыдъ, избавляется болѣ, чѣмъ гибнетъ;
Но бѣглецы не находять ни славы себѣ, ни избавы!“

Рекъ и стремительно ринулъ копье и передняго мужа
Деикоона умѣтиль, Энеева храбраго друга,
Сына Пергасова, въ Троѣ равно, какъ сына Дарадана,

535

Чтимаго: ревностенъ быль онъ всегда между первыхъ сражаться.
Пикой его поразилъ по щиту Агамемнонъ могучій;
Щитъ копія не сдержаль: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запонъ блистательный въ нижнее чрево погрузло;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, и взгрѣмѣли на падшемъ доспѣхи. 540

Тутъ Апхизидъ ниспровѣргнулъ храбрѣшихъ мужей изъ Дапасвъ,
Двухъ Діоклесовыхъ чадъ, Орсилоха и брата Креона.
Въ Ферѣ, красиво устроенной, жиль Діоклесь, ихъ родитель,
Благами жизни богатый, ведущій свой родъ отъ Алфея,
Коего воды широко текутъ чрезъ Пилайскую землю. 545

Онъ Орсилоха родилъ, неисчтныхъ мужей властелина:
Царь Орсилохъ породилъ Діоклеса, высокаго духомъ;
И отъ сего Діоклеса сыны-близнецы родилися:
Вождь Орсилохъ и Креонъ, въ разнородныхъ искусные битвахъ.
Оба они, возмужалые, въ черныхъ судахъ къ Илону, 550

Славному конями, съ силой Ахейскихъ мужей прилетѣли,
Въ браши Атрея сынамъ, Агамемнону и Менелаю,
Чести ища, но кончину печальнную оба снискали.

Словно два мощные льва, на вершинахъ возросшіе горныхъ,
Оба подъ матерью львицей вскормленные въ лѣсѣ дремучемъ, 555

Тучныхъ овецъ и тельцовъ круторогихъ изъ стадъ похищая,
Окресть дворы у людей разоряютъ, доколѣ и сами
Ловчихъ мужей отъ руки подъ убийственной мѣдью не лягутъ,—
Такъ и они, пораженные мощной рукою Энея,
Рухнулись оба на землю, подобные соснамъ высокимъ. 560

Падшихъ увидя, возсѣтоваль царь Менелай бранноносный,
Выступилъ дальше переднихъ, покрытый сверкающей мѣдью,
Острой колеблющей пикой: Ареи распалиль ему душу
Съ помысломъ тайнымъ, да будетъ сраженье онъ руками Энея.
Но увидѣль его Антилохъ, Несторидъ благородный, 565

Выступилъ самъ за переднихъ, страшася, да пастырь народовъ
Зла не потерпить и тяжкихъ трудовъ ихъ плоды уничтожить.
Тою порою герои и руки, и острыя копія
Другъ противъ друга уже подымали, пылая сразиться,
Но предсталъ Антилохъ къ воеводѣ Ахеянъ Атриду 570

И осталъся Эней не посмѣль, сколь ни пламенный воинъ,
Двухъ бранноносцевъ увидя, одинъ за другого стоящихъ.
Тѣ же, убитыхъ поспѣшио увлекши къ дружинамъ Ахейскимъ,
Тамъ ихъ оставили, бѣдныхъ, друзъямъ возвративши печальный; 575

Сами, назадъ обративши, между переднихъ сражались.

Тамъ Илемена повергли, Арею подобного мужа,
Бранныхъ народовъ вождя, щитоносныхъ мужей Пафлагонянъ.

Мужа сего Атрейонъ Менелай, знаменитый копейщикъ,
Длиннымъ копьемъ, сопротиво стоящаго, въ выю умѣтиль;

580

Вождь Антилохъ поразилъ у него и возницу Мидона,
Отрасль Атимнія: коней своихъ обращавшаго бурныхъ;
Камень его угодилъ онъ по локти; бразды у Мидона,

Костью слоновой блестящія, пали на пыльную землю.

Прянуль иладой Антилохъ и мечомъ въ високъ его грянуль;
Онъ, тяжело вздохнувшій, на прахъ съ колесницы прекрасной 585
Рухнулся внизъ головой и, упавшій на темя и плечи,
Долго въ семъ видѣ стоялъ онъ, въ песокъ погрузившись глубокій,
Кони покуда, ударивъ, на прахъ опрокинули тѣло:
Ихъ поражая бичемъ, Антилохъ угонялъ къ Аргивянамъ.

Гекторъ героеvъ узналь межъ рядовъ и на нихъ устремилъся 590
Съ яростныхъ крикомъ; за нимъ и Троянъ понеслися фаланги
Сильные; ихъ предводили кровавый Арей и Эніо
Грозная, слѣдомъ ведущіе бранный Мятежъ безпредѣльный.
Бурный Арей, потрясая въ десницаѣ огромною пикой,
То выступалъ передъ Гекторомъ, то позади устремлялся. 595

Бога узрѣвъ, ужаснулся Тидидъ, воеватерь могучій,
И, какъ неопытный путникъ, великою степью идущій,
Вдругъ передъ быстрой рѣкою, падущею въ pointъ, цѣпенѣтъ,
Шѣйной кипящею видя, и смутный назадъ отступаетъ:

Такъ отступалъ Діомедъ и не медля воскликнулъ къ народу: 600
„Други, почто мы дивимся, что нынѣ божественный Гекторъ
Сталь копьеборецъ славнѣйший, боепр. дерновенѣйший въ битвѣ?
Съ нимъ непрестанно присутствуетъ богъ, отражающій гибель!
Съ нимъ и теперь онъ, Арей, во образѣ смертнаго мужа!
Други, лицомъ къ сопостатамъ всегда обращенные, съ поля 605
Вы отступайте, съ богами отнюдь не дерзайте сражаться!“

Такъ говорилъ онъ, но близко на нихъ наступили Трояне.
Гекторъ двухъ ратоборцевъ повергнуль, испытанныхъ въ битвахъ,
Бывшихъ въ одной колесницѣ, Менесеа и съ нимъ Анхіала.
Падшихъ узрѣвъ, пожалѣль ихъ великий Аяксъ Теламонидъ; 610
Къ нимъ приступиль онъ и сталь и, пославши сверкающій дротикъ,
Амфія свергнуль, Селагова сына, который средь Песа
Жиль, обладатель богатствъ и полей; но судьба Селагида
Въ брань увлекла поборать за Пріама и всѣхъ Пріамидовъ.
Въ запонъ его поразиль Теламоніевъ сынъ многомощный; 615
Въ нижнее чрево ему погрузилась огромная пика;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; и Аяксъ прибѣжалъ побѣдитель,
Жадный доспѣхи совлечь, но Трояне посыпали копья
Оstryя, ярко блестящія; много ихъ щить его прихватъ.

Онь же, патой наступивъ на сраженнаго, юдную паку 620
 Вырвалъ назадъ, но другихъ не успѣлъ драгоценныы доспѣховъ
 Съ плечъ унести Селагидовыхъ: стрѣлы его засыпали.
 Онь окружениія сильнаго гордыхъ Троянъ убоился:
 Многа иль мощныхъ, отважныхъ, уставивъ дроты, наступало; 625
 Или, сколь ни быть огроменъ и сколь ни могутъ и ни славенъ,
 Прогнанъ Аякъ и назадъ отступилъ, поколебанный силой.
 Такъ бранноносцы сіи подвизались въ плаченной битвѣ.
 Тою порой Тлиполемъ Геракльдъ, и огромный и сильный,
 Злю судьбою сведенъ съ Сарпедономъ божественнымъ въ битву. 630
 Чуть соступилисъ герои, идущіе другъ противъ друга,
 Сынъ знаменитый и внукъ воздымателя облаковъ Зееса,
 Такъ Тлиполемъ Геракльдъ къ сопротивнику первый восклинула:
 „Ликий царь Сарпедонъ! какая тебѣ неизбѣжность
 Здѣсь между войскъ трепетать, человѣкъ незнакомый съ войною?
 Лжецъ, кто разславилъ тебя громоноснаго Зевса рожденіемъ! 635
 Нѣть, несравненно ты малъ предъ великими тѣми мужами,
 Кои отъ Зевса родились, међу древнихъ племенъ человѣковъ,
 И каковъ, иовѣствуютъ, великая сила Геракла
 Былъ мой родитель, герой дерзновенійшій, львиное сердце!
 Онь приплывши сюда, чтобы взыскать съ Лаомедона коней, 640
 Только съ шестью кораблями, съ дружиною ратною малой
 Градъ Иlionъ разгромилъ и пустынными стогны оставилъ!
 Ты же робокъ душой и предводиши народъ на погибель.
 Нѣть, для Троянъ, я надѣюся, ты обороной не будешь,
 Лекію бросиль напрасно и будь ты стократно сильнѣйшій, 645
 Мною теперь же сраженный, пойдешь ко вратамъ Аидеса!“
 Ликий царь Сарпедонъ Тлиполему отвѣтствовалъ быстро:
 „Такъ, Тлиполемъ, Геракль разорилъ Иlionъ знаменитый,
 Но царя Лаомедона злое безумство карай:
 Царь своего благодѣтеля рѣчью поносной озлобилъ 650
 И не отдалъ коней, для которыхъ тотъ шелъ издалека.
 Что жъ до тебя, предвѣщаю тебѣ я конецъ и погибель;
 Ихъ отъ меня ты пріимешъ и, копьемъ симъ поверженный, славу
 Даргешъ мнѣ и Аиду, конямъ гордящемусъ, душу“.
 Такъ говорилъ Сарпедонъ; но сотрясши свой ясеній дротикъ 655
 Взнесъ Тлиполемъ; обоихъ сопротивниковъ длинныя копья
 Вдругъ полетѣли изъ рукъ. Угодилъ Сарпедонъ Геракльда
 Въ самую выю, и жало насквозь несмѣшимое вышло:
 Быстро темная ночь Тлиполемовы очи покрыла.
 Но и самъ Тлиполемъ въ бедро улучилъ Сарпедона 660
 Шкодой огромною; тѣло разсѣвшее, бурное жало

Стукнуло въ кость; но Отець отъ него отвращаетъ погибель.

Туть Сарпедона героя усердные други изъ битвы!

Вынести спѣшили; его удручала огромная пика,
Влекшася въ тѣлѣ; никто не подумалъ, никто не помыслилъ 665
Ясенной пики извлечь изъ бедра, да съ спѣщащими шель бы;
Такъ озабочены были трудящіесь вокругъ Сарпедона.

Но Тлиполема Даная, блестящіе мѣдью, спѣшили
Вынести изъ боя; увидѣль его Одиссей знаменитый,
Твердый душою, и вспыхнуло въ немъ благородное сердце. 670
Онъ между помысловъ двухъ колебался умомъ и душою:
Прежде настигнуть ли сына громами звучащаго Зевса,
Или, напавъ на Ликіанъ, у множества души истортгнуть?
Но не ему, Одиссею почтенному, суждено было
Зевсовы сына могучаго мѣдю острой низвергнуть. 675

Сердце его на Ликійскій народъ обратила Цаллада.
Тамъ онъ Керана, Аластора, Хромія битвой пизринулъ,
Галія, вслѣдъ Ноемона, Алкандра убилъ и Притана;
И еще бы ихъ болѣе свергъ Одиссей зпамснитый,
Если бы скоро его не узрѣль шлемоблещущій Гекторъ: 680
Ринулся онъ сквозь переднихъ, сияющей мѣдью покрытый,
Ужасъ Данаямъ несущій. Обрадованъ друга приходомъ,
Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ, говорилъ ему гласомъ печальнымъ:

„Гекторъ! не дай, умоляю, лежать мнѣ добычей Ахеянъ;
Другъ, защити! и пускай уже въ вашемъ пріязненнемъ градѣ 685
Жизнь оставить меня; не судила, какъ вижу, судьбина,
Въ домъ возвратившемусь, въ землю отечества милаго сердцу,
Тамъ обрадовать мнѣ и супругу и юнаго сына!“

Такъ говорилъ, но ему не отвѣтствовалъ Гекторъ великий;
Быстро пронесся впередъ, петерпѣнемъ пылая скорѣе 690
Рать Аргивянъ отразить и у множества души истортгнуть.
Тою порой Сарпедона героя друзья посадили
Въ полѣ, подъ букомъ прекраснымъ метателя молніи Зевса.
Тамъ изъ бедра у него извлекъ длиннотѣнную пику
Храбрый, могучій Пелагонъ, другъ, имъ отлично любимый; 695
Духъ Сарпедона оставилъ, и очи покрылись мглою.
Скоро опять онъ вздохнулъ, и кругомъ его вѣтеръ прохладный
Вновь оживилъ, повѣвая, тяжелое персей дыханье.

Рать Аргивянъ предъ Аресъ и Гекторомъ мѣднодоспѣшныиъ,
Тѣсно фаланги сожмнуши, къ чернымъ судамъ не бѣжала, 700
Такъ и впередъ не бросалася въ бой, но лицомъ непрестанно
Вся отступала, узнавъ, что Арей гдѣ ополченъя Тројаскихъ.

Кто же былъ первый и кто былъ послѣднии, которыхъ достойни

- Гекторъ могучій похитилъ и мѣдный Ареі душегубецъ?
Теверасъ, бессмертнымъ подобный, и послѣ Орестъ конеборецъ, 705
Воинъ безстрашный Эномаось, Трехъ, Этолійскій копейщикъ,
Энопа отрасль Геленъ и Орезбій пестропоясный,
Мужъ, обитающій въ Гілѣ, богатства стяжатель заботный,
Около озера жившій Кефисскаго, гдѣ и другія
Жили семейства Беотянъ, удѣловъ богатыхъ владыки. 710
- Ихъ лишь узрѣла лилейнораменная Гера богиня,
Храбрый Ахейскій народъ истребляющій въ битвѣ свирѣпой,
Быстро къ Аеинѣ Палладѣ крылатую рѣчъ устремила:
„Горе, дочь необорная молній метателя Зевса!
Тщетнымъ словомъ съ тобой обнадежили мы Менелая 715
Въ домъ возвратить разрушителемъ Трои высокотвердынной,
Если свирѣпствовать такъ попускаемъ убийцъ Арею!
Нѣть, устремимся, помыслимъ и сами о доблести бранной!“
- Такъ говоря, преклонила дочь свѣтлоокую Зевса;
Но сама, устремясь, снаряжала коней златосбруйныхъ 720
Гера, богиня старѣшша, отрасль великаго Крона.
Геба же съ боковъ колесницы набросила гнутые крути
Мѣдныхъ колеса осьмиспичныхъ, на оси желѣзной ходящихъ;
Ободы ихъ золотые, нетѣнны, сверху которыхъ
Мѣдныя шины положены плотныя, диво для взора! 725
Ступицы ихъ серебромъ, округленныя, окресть сіали;
Кузовъ блестящими пышно сребромъ и златомъ ремнями
Былъ прикрытъ, и на немъ возвышались дугою двѣ скобы;
Дышло серебряное изъ него выходило; на ономъ
Геба златое, прекрасное вяжеть ярмо, продѣваетъ 730
Пышную упряжь златую и быстро подъ упряжену ту Гера
Коней бессмертныхъ подводить, пылая и бранью, и боемъ.
- Тою порою Аеина, въ чертогѣ отца Эгіоха,
Тонкій покровъ разрѣшила; струей на помостъ онъ скатился,
Пышноузорный, который сама, сотворивъ, украшала; 735
Вместо же его облачаясь броней громоноснаго Зевса,
Браннымъ доспѣхомъ она ополчалася къ брани плачевной.
Бросила около персей Эгидъ, баxромою косматый,
Страшный очамъ, поразительнымъ Ужасомъ весь окруженный:
Тамъ и Раздоръ, и Могучесть, и, трепетъ бѣгущихъ, Погоня, 740
Тамъ и глава Горгоны, чудовища страшного образъ,
Страшная, грозная, знаменье бога всесильнаго, Зевса!
Шлемъ на чело возложила украшенный, четыреблочный,
Златомъ сіяющій, ста бы градовъ ратоборцевъ покрывшій.
Такъ въ колесницѣ пламенной ставъ, кошемъ ополчилась 745

Тяжкимъ, огромнымъ, могучимъ, которымъ ряды сокрушаетъ
Сильныхъ, на коихъ разгнѣвана дщерь всемогущаго бога.

Гера не медля съ бичомъ налегла на коней быстроногихъ.
Съ громомъ врата имъ небесныя сами разверзались при Горахъ,
Стражъ которыхъ Олимпъ и великое ввѣreno небо, 750
Чтобы облакъ густой разверзать, иль смыкатъ передъ ними.
Сими богини вратами коней подстрекаемыхъ гнали;
Скоро они обрѣли, далеко отъ бессмертныхъ сидящимъ,
Зевса царя одного, на превысшемъ холмѣ Олимпа.
Тамъ, копей удержавши, лилейнораменная Гера 755
Кронова сына царя вопрошала и такъ говорила:

„Или не гнѣвенъ ты, Зевсъ, на такія злодѣйства Арея?
Сколько мужей и какихъ погубилъ отъ въ народѣ Ахейскомъ
Нагло, насильственно! Я сокрушаюсь, тогда какъ спокойно
Въ сердцѣ своемъ всселяются Киприда и Фебъ, подстрекая 760
Къ брали безумца сего, справедливости чуждаго всякой...
Зевсъ, нашъ отецъ! на меня раздражившися ли, если Арея
Брань я принужу оставить ударомъ, быть можетъ, жестокимъ?“
Герѣ не медля отвѣтствовалъ тучь воздыматель Кроніонъ:
„Шествуй, возставь на Арея богиню побѣды, Палладу; 765
Больше обыкла она повергать его въ тяжкія скорби“.

Рекъ,—и ему покорилася лилейнораменная Гера,
Коней хлестнула бичемъ, полетѣли покорные копи,
Между землею паря и звѣздами усѣяннымъ небомъ.
Сколько пространства воздушного мужъ обымаетъ очами, 770
Сидя на холмѣ подзорномъ и смотря на мрачное море,
Столько прѣдають разомъ боговъ гордовыѣ кони.
Къ Троѣ принесшимся имъ и къ рѣкамъ совокупно текущимъ,
Гдѣ Симоисъ и Скамандръ быстрокатныя воды сливаютъ,
Тамъ коней удержала лилейнораменная Гера 775
И, отрѣшивъ отъ ярма, окружила облакомъ темнымъ;
Имъ Симоисъ разостлалъ амврозію сладкую въ паству.

Сами богини спѣшать, голубицамъ подобныя робкимъ,
Поступью легкой, горя поборать за Данаевъ любезныхъ,
И, лишь достигли туда, гдѣ и многихъ мужей и храбрѣшихъ 780
Вокругъ Діомеда вождя, укротителя мощнаго коней,
Сонмы густые стояли, какъ львы, пожиратели крови,
Или какъ вепри, которыми мощь не легко одолима,
Тамъ предъ Аргивцами ставъ, возопила великая Гера,
Въ образѣ Сентора, мощнаго, мѣдноголосаго мужа,
Такъ вопіющаго, какъ пятьдесятъ совокупно другіе: 785

„Стыдъ, Аргивяне, презрѣнныя, дивные только по виду!

- Прежде, какъ въ грозныя битвы вступалъ Ахиллесъ благородный,
Трои сыны никогда изъ Дардановыхъ вратъ не дерзали
Выступить: все трепетали его сокрушительной пики! 790
Нынѣ жъ далеко отъ стѣнъ, предъ судами, Трояне воюютъ!“
- Такъ говоря, возбудила и силу, и мужество въ каждомъ.
Тою порой къ Дюомеду подходитъ Паллада-Аѳина,
Видѣть царя у своей колесницы; близъ коней онъ стоя,
Рану свою прохлаждалъ, нанесенную Пандара мѣдью. 795
Храбраго поть изнуриялъ, подъ ремнемъ широкимъ, держащимъ
Выпуклый щитъ: изнурился онъ имъ, и рука цѣпенѣла,
Но, подымая ремень, отиралъ онъ кровавую рану.
Зевсовы дочь, преклоняя на конскій яремъ, возгласила:
- „Нѣтъ, Тидей произвелъ себѣ не подобнаго сына! 800
Ростомъ Тидей былъ маль, но по духу воитель великий!
Нѣкогда я запрещала ему подвигаться герою,
Бурной душой увлекаясь, когда онъ одинъ отъ Ахеянъ
Въ Оивы пришелъ посломъ къ многочисленнымъ Кадмамъ потомкамъ;
Я повелѣла ему пировать спокойно въ чертогамъ; 805
Но Тидей, какъ всегда, обладаемый мужествомъ бурнымъ,
Юныхъ Кадмейянъ къ борьbamъ вызывалъ и легко сопротивныхъ
Всѣхъ побѣдилъ: таково я сама поборала Тидею!
Такъ я тебѣ предстою, благосклонно всегда охраняю
И ободряю тебя съ Фригіанами весело биться; 810
Но иль усталость отъ подвиговъ бурныхъ тебя поразила,
Или связала робость бездушная! Послѣ сего ты
Сыпь ли героя Тидея, великаго въ браняхъ Энида?“
- Ей, отвѣчая немедленно, рекъ Дюомедь благородный:
О! познаю я тебя, свѣтлоокая дочь громовержца! 815
Искренно все предъ тобой изреку, ничего не скрою.
Нѣтъ, не усталость меня и не робость бездушная держитъ,
Но завѣты я помню, какіе мнѣ ты завѣщала:
Ты повелѣла не ратовать мнѣ ни съ однимъ изъ блаженныхыхъ
Жителей неба, но если Кроніона дочь, Афродита, 820
Явится въ брани, разить Афродиту острою мѣдью.
Вотъ для чего отступаю и самъ я, и прочимъ Аргивцамъ
Всѣмъ повелѣль, уклоняяся, здѣсь воедино собраться:
Вижу Арея; гремящую битвою опъ управляетъ.“
- Вновъ провѣщала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха: 825
„Чадо Тидея, о воинъ, любезнѣйший сердцу Аѳины!
Нѣтъ, не страшися теперь ни Арея сего, ни другого
Сильнаго бога; сама за тебя я поборницей буду!
Мужествуй, въ бой на Арея лети на коняхъ звуконогихъ,

Смѣло сойдись и рази, не убойся свирѣпства Арея, 830
Буйнаго Бога сего, сотвореннаго къ злу, вѣроломца!

Самъ онъ недавно обѣтъ произнесъ предо мной и предъ Герой
Ратовать противъ Троянъ и всегда поборать за Ахеянъ,
Нынѣ жъ стоять за Троянъ, вѣроломный, Ахеянъ оставилъ!“

Такъ говоря, съ колесницы Сѣнела согнала на землю, 835
Быстро повлекши рукой,— и покорный мгновенно онъ спрятнулся;
Быстро сама въ колесницу къ Тидида восходить богиня,
Бранью пылая; ужасно дубовая ось застонала,

Зевса подъявшая грозную дщерь и храбрѣшаго мужа.

Разомъ, и бичъ и бразды захвативши, Паллада Аѳина 840
Вдругъ на Арея на первого бурныхъ коней устремила.
Въ тѣ поры онъ обнажалъ Перифаса, вождя Этоліанъ,
Мужа огромнаго, мощнаго, славную вѣтвь Охезія;
Мужа сего кровавый Арей обнажалъ, но Аѳина

Шлемомъ Аида покрылась, да будеть незрима Арею. 845

Смертныхъ губитель едва усмотрѣль Діомеда героя,
Вдругъ Этоліанъ вождя, Перифаса огромнаго, бросиль
Тамъ распостерлага, гдѣ у сраженнаго душу исторгнулъ,
Быстро и прямо пошелъ на Тидида, смирителя коней!
Только лишь сблизились оба, летящіе другъ противъ друга, 850
Богъ, устремясь впередъ, надъ конскимъ ярмомъ и браздами
Пикою мѣдной ударили, пылающій душу исторгнуть,
Но, рукой ухвативъ, сѣтлоюкая дщерь Эгіоха
Пику отбросила въ бокъ, да напрасно она пронесется.

И тогда на Арея напаль Діомедъ нестрашимый 855
Съ мѣднымъ копьемъ; и, усиливъ его, устремила Паллада
Въ нижнее чрево, гдѣ богъ опоясывалъ мѣдную повязь;
Тамъ Діомедъ поразилъ и, бессмертную плоть растерзавши,
Вырвалъ обратно копье, и взревѣль Арей мѣднобронный
Страшно, какъ будто бы девять, иль десять воскликнули тысячу 860
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву.
Дрогнули всѣ, и дружины Троянъ, и дружины Ахеянъ
Съ ужаса: такъ заревѣль Арей, ненасытный воиною.

Сколько черна и угрюма отъ облаковъ кажется мрачность,
Если неистово дышацій, знайный воздвигнется вѣтеръ, 865
Взору Тидида таковъ показался, кровью покрытый,
Мѣдный Арей, съ облаками идущій къ пространному небу.
Быстро бессмертный вознесся къ жилищу бессмертныхъ, Олимпу.
Тамъ, близъ Кронида владыки воссѣль онъ, печальный и мрачный,
И, бессмертную кровь показуя, струимую раной, 870
Тяжко стенающій, къ Зевсу вѣщацъ онъ крылатыхъ ѿчи:

- „Или безъ гнѣва ты, Зевсъ, на ужасныя скотриши злодѣйства?
Боги, мы непрестанно, по замысламъ другъ противъ друга,
Терпимъ бѣды жесточайшія, благо творя человѣкамъ;
Вѣтъ на тебя негодуемъ: отецъ ты неистовой дщери, 875
Пагубной всѣмъ, у которой одни злодѣянія въ мысляхъ!
Боги другіе, колику ни есть ихъ на свѣтломъ Олимпѣ,
Вѣтъ мы тебѣ повинуемся, каждый готовъ покориться.
Сей лишь одной никогда не смиряешь ни словомъ, ни дѣломъ,
Но потворствуешь ей, породивши зловредную дочерь! 880
Нынѣ она Дюмеда, Тидеева гордаго сына,
Съ дикихъ свирѣпствомъ его на бессмертныхъ боговъ устремила!
Прежде Киприду богиню изъ руки поразилъ онъ въ записть;
Послѣ съ копьемъ на меня самого устремился, какъ Демонъ!
Быстрая ноги меня лишь избавили, иначе долго бы 885
Тамъ я простертый страдаль, между страшными грудами труповъ,
Или бы живой изнемогъ, подъ ударами гибельной мѣди!“
- Грозно воззрѣвъ на него, провѣщаъ громовержецъ Кроніонъ:
„Смолкни, о ты, переметникъ! не вой близъ меня восидящій!
Ты ненавистнѣйшій мнѣ межъ боговъ, населяющихъ небо! 890
Распра единая, брань и убийство тебѣ лишь пріятны!
Матери духъ у тебя, необузданный, вѣчно строптивый,
Геры, которую самъ я съ трудомъ укрошаю словами!
Ты и теперь, какъ я мню, по ся же впущеніямъ страждешь!
Но тебя я страдающимъ долѣе видѣть не въ силахъ: 895
Отрасль моя ты, и матерь тебя отъ меня породила.
Если бы отъ бога другого родился ты, столько злоторный,
Былъ бы уже ты давно преисподнѣе всѣхъ Урапидовъ!“
- Рекъ и его врачевать повелѣлъ Громовержецъ Пеону.
Язву Пеонъ врачествомъ, утолающимъ боли, осыпавъ, 900
Быстро его исцѣлилъ, не для смертной рожденаго жизни.
Словно смоковничный сокъ, съ молокомъ перемѣшанный бѣлыи,
Жидкое вяжетъ, когда его быстро колеблетъ смѣшавшій,—
Съ разной Пеонъ быстротой исцѣлилъ уязвленнаго бога.
Геба омыла его, облачила одеждью пышной, 905
И близъ Зевса Кронида воссѣль опъ, славою гордый.
Наки тогда возвратилась въ обитель великаго Зевса
Гера Аргивская купно съ Аеною Алалкоменой,
Такъ обуздавъ истребителя, мужеубійцу Арея.

ПѢСНЬ VI.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

Послѣ отшествія боговъ изъ брани, Ахеицы, поразивъ многихъ, Троиць до того одолѣваютъ, что они готовы бѣжать въ городъ, ст. 1—74. Геленъ про-рицатель убѣждаeтъ Гектора, чтобы онъ повелѣлъ всенародно молить Палладу въ замкѣ Троянскомъ, 75—101. Гекторъ, немедленно возстановивъ бой, отходить въ городъ. Въ сей битвѣ Діомедъ и Главкъ, вождь Ликійскій, сопешивъ къ сраженію, говорятъ о своемъ родѣ и, вспомнивъ обѣ отцахъ, почитаютъ себя соединенными правомъ гостепріимства, отцами ихъ другъ другу оказанного, обмѣниваются оружиемъ и, въ знакъ дружбы, давъ другъ другу десницы, расходятся, 102—236. Гекторъ, вошедъ въ городъ, идетъ къ Пріамову дому; описание оного, 237—250. Гекуба, по совѣту Гектора, котораго на пути встрѣчаетъ, отправляется съ знаменитыми Троянками, торжественнымъ ходомъ, въ храмъ Паллады, несеть драгоценную ризу, богинѣ посвящающую, и совершаетъ моленіе о спасеніи Трои, 251—312. Между тѣмъ Гекторъ приходитъ къ Парису, дома покоѧщемуся, и упреками возбуждаетъ его выдти слова на сраженіе, 313—368; посыпаетъ свой домъ и, узнавъ, что Андromаха отошла къ городскимъ воротамъ, самъ туда поспѣшаетъ: у башни Скейской встрѣчаетъ ее съ сыномъ Астіанаксомъ, вступаетъ съ нею въ трогательный разговоръ, утѣшаетъ ее и сына поручаетъ богамъ, 369—502. Разставши, она скоро на-стигнутъ Парисомъ, на брань вооруженнымъ, который сравнивается съ конемъ, изъ стойла вырвавшимся, 503—529.

Страшную брань межъ Троиць и Ахеянъ оставили боги;
Но свирѣпствовалъ бой, или здѣсь, или тамъ по долинѣ,
Воинствѣ, одни на другихъ устремляющихъ мѣдные копья,
Между бреговъ Симоса и пышностроистаго Ксанеа.

Первый Аяксъ Теламонидъ, оплотъ мѣднобронныхъ Данаевъ,

- Прорвать фалангу Троянъ и возрадовать сътотъ дружину,
Мужа сразивъ, бранною сла грабѣшаго рати Фракійской,
Евсюра вѣты, Акаласа, ужаснаго ростомъ и силой.
Мужа сего поражаетъ онъ первый въ шеломъ юневласный
И вонзаетъ въ чело: погрузилось глубоко внутрь кости 10
Мѣдное жало, и тыла Акаласовы очи покрыла.
- Тамъ же Аксила повергъ Дюмедь, воеватель могучий,
Сына Тевѣрасова: онъ обиталъ въ велѣпной Аризѣ,
Благами жизни богатой и другъ человѣкамъ любезный:
Дружески всѣхъ принималъ онъ въ долу, при дорогѣ живущій; 15
Но изъ оныхъ никто не избавилъ его отъ напасти,
Въ помощь никто не представлъ; обоихъ Дюмедь воеватель
Жизни лишилъ—и его, и Калезія друга, который
Правилъ конями, и оба сошли неразлучные въ землю.
- Дреса, герой Эвріаль, и Офельтія мощнаго свергнувъ, 20
Быстро пошелъ на Эсепа и Педаса, нимфой рожденныя,
Абарбадей наядой, прекрасному Буколіону;
Буколіонъ же былъ сынъ Лаомедона, славнаго мужа,
Старшій въ семействѣ, но матерью тайно, безъ брака рожденный:
Пастырь, у стадъ онъ своихъ сочетался любовью съ нимфой; 25
Нимфа, зачавшая, двухъ близнецовыхъ-сыновъ сихъ родила.
Юношамъ вѣтѣ и духъ сокрушилъ, и прекрасные члены
Сынъ Мекистеевъ, герой, и съ раменъ ихъ похитилъ доспѣхи.
- Тамъ же, дышацій бранью, сразилъ Полипетъ Астіала; 30
Царь Одиссей Переозійскаго воя Пидита пизринулъ
Мѣдною пикой и Тевкъ Аретаона, храбраго въ битвахъ.
Несторовъ сынъ, Антилохъ, устремивши сіяющій дротикъ,
Аблера свергъ, и владыка мужей Агамемнонъ—Элата:
Онъ обиталъ на брегахъ свѣтлоструйной рѣки Сатніона,
Въ градѣ высокомъ Педасѣ. Филака бѣгущаго сринулъ 35
Леитъ, герой; Эвріппиль же, сразивъ, обнажилъ Меланоэя.
- По Адрасту живымъ изловилъ Менелай копѣеноносный:
Копи его, пораженные страхомъ на битвенному полѣ,
Вдругъ обѣ мириковый кустъ колесницу съ разбѣга ударили,
Дышло его на кониѣ раздробили и сами почалились 40
Къ граду, куда и другихъ устранилъ кони бѣжалы.
Самъ же Адрасть, съ колесницы стремглавъ къ колесу покатился,
Грянулся оземь лицомъ, и предъ павшимъ сталъ налетѣвшій
Сильный Атридъ Менелай, грозя длиннотѣнною пикой.
Поги его обхватилъ и восклинуль Адрасть, умоляя: 45
„Даруй мнѣ жизнь, о Атридъ, и получиши ты выкупъ достойный!
Много сокровищъ хранится въ отеческомъ домѣ богатомъ,

Много и мѣди, и злата, и хитрыхъ издѣлій желѣза.
Съ радостью выдастъ тебѣ неисчислимый выкупъ отецъ мой,
Если услышитъ, что я нахожуся живой у Danaeъ!“

50

Такъ говорилъ и уже преклоняль Менелаево сердце;
Храбрый уже помышляль поручить одному изъ клеветовъ
Плѣнника вѣсть къ кораблямъ мореходнымъ, какъ вдругъ Агамемнонъ,
Встрѣчу бѣгущій, предсталъ и грозно вскричаль Менелаю:

„Слабый душой Менелай, ко Троянцамъ ли нынѣ ты столько 55
Жалостливъ? Дѣло прекрасное сдѣлали эти Троянцы
Въ домѣ твоемъ! Чтобъ никто не избѣгъ отъ погибели черной
И отъ нашей руки! ни младенецъ, котораго матерь
Носить въ утробѣ своей, чтобъ и онъ не избѣгъ! да погибнуть
Въ Трои живущіе всѣ и лишенные гроба исчезнутъ!“

60

Такъ говорящій герой отвратиль помышленіе брата,
Правду ему говоря; Менелай свѣтлокудрый Адраста,
Молча, рукой оттолкнулъ; ему Агамемнонъ въ утробу
Пику вонзилъ; опрокинулся онъ, и мужей повелитель,
Ставши ногою на перси, воиненную пику исторгнулъ.

65

Несторъ межъ тѣмъ Аргивянъ возбуждалъ, громогласно вѣща:
„Други, Danaи горои, безстрашные слуги Арея!
Нынѣ межъ васъ да никто, на добычи бросаясь, не медлитъ
Сзади рядовъ, чтобы больше отнести ихъ въ станъ корабельный.
Нѣть, поразимъ сопротивниковъ; послѣ и ихъ вы спокойно 70
Можете всѣ обнажить на побоищѣ мертвые трупы“.
Такъ говоря, возбудилъ онъ и душу, и мужество въ каждомъ.
Въ оное время Трояне отъ дышащихъ бранью Danaeъ
Скрылись бы въ градѣ, побѣжденные собственной слабостью духа,
Если бѣ Энею и Гектору мудраго не даль совѣта 75
Сынъ Пріамовъ Геленъ, знаменитѣйший птицегадатель:

„Гекторъ, Эней! на васъ, воеводы, лежить наипаче
Бремя заботъ о пародѣ Троянскомъ; отличны вы оба
Въ каждомъ намѣренъ вашемъ, сражаться ли нужно, иль мыслить.
Станьте же здѣсь и бѣгущія рати у вратъ удержите, 80
Сами вездѣ устремляясь, доколѣ въ обнятія женъ ихъ
Всѣ бѣглецы не падутъ и врагамъ въ посмѣянье не будуть!
Но, когда вы Троянскія вокругъ ободrite фаланги,
Мы, оставаяся здѣсь, съ Аргиванами будемъ сражаться,
Сколько бы ни были ими тѣснимы: велитъ неизбѣжность.
Гекторъ, но ты поспѣши въ Илопъ и совѣтъ мой повѣдай
Матери нашей: пускай соберетъ благородныхъ Троянокъ
Въ замокъ градской, передъ храмъ свѣтлоокой Паллады богини.
Тамъ, заключенные двери отверзя священнаго дома,

Пышный покровъ, величайшій, прелестнѣйшій есьть изъ граничъ 90
 Въ паркожъ дому и который сама наиболѣе любить,
 Пусть на колѣна его лѣпокудрой Аѳины положить.
 Пусть ей двѣнадцать краевъ, однолѣтникъ, ярия не познавшии,
 Въ храмѣ закладь обрекается, если, молитви услыша, 95
 Градъ богиня помилуетъ, женъ и младенцевъ невинныхъ,
 Если отъ Трои священной она отразить Диомеда,
 Бурного воя сего, повелителя мощнаго бѣгства,
 Мужа, который, я мыслю, грабѣшій въ народѣ Ахейскомъ!
 Такъ ни Пелайдъ не страшилъ насть, великий мужъ предводитель, 100
 Сынъ, какъ вѣщаютъ, богини безсмертной! Тидидъ Аргивянинъ
 Шуще свирѣпствуетъ: въ мужествѣ съ онимъ никто не сравнится!“
 Такъ говорилъ онъ, и Гекторъ послушался брата совѣтовъ;
 Быстро герой съ колесицы съ оружиемъ прынулъ на землю;
 Острый копъя колебля, кругомъ обходилъ ополченья, 105
 Духъ распаляя на бой, и возставилъ онъ страшную сѣчу.
 Въ бой обратились Трояне и стали въ лицо Аргивянамъ;
 Вспять подались ряды Аргивянъ, укротили убийство,
 Мысля, что богъ незримъ, нисшедшій отъ звѣзднаго неба,
 Самъ за враговъ ихъ поборствуетъ, такъ обратились Трояне. 110
 Гекторъ еще возбуждалъ, восклицающій звучно къ Троянамъ:
 Храбры Трои сыны и союзники славные наши!
 Будьте мужами, о други, воспомните бурную силу.
 Я не надолго отъ васъ отлучуся въ священную Трою
 Старцамъ совѣтнѣмъ повѣдать и нашимъ супругамъ, да купно 115
 Молять небесныхъ боговъ, обѣтуя стотельчія жертвы.“
 Такъ говоря имъ, шествовалъ шлемомъ сверкающій Гекторъ;
 Билася сзади его, по стопамъ и по выѣ, концами
 Черная кожа, которая щить окружала огромный.
 Главкъ между тѣмъ, Гипполохидъ, и сынъ знаменитый Тидея, 120
 Между фалангъ на средину сходились, пылая сразиться.
 Чуть соступились герои, идущіе другъ противъ друга,
 Первый изъ нихъ взговорилъ Диомедъ, воеватель могучій:
 „Кто ты, безтрепетный мужъ отъ земныхъ обитателей смертныхъ?
 Прежде пе зреТЬ я тебя на бояхъ, прославляющихъ мужа, 125
 Но сегодня, какъ вижу, далеко ты мужествомъ дерзкимъ
 Всѣхъ превосходишь, когда моего копія нажидаешь.
 Дѣти однихъ злополучныхъ встрѣчаются съ силой мою?
 Если безсмертный ты богъ, отъ высокаго неба нисшедшій,
 Я никогда не дерзаль съ божествами Олимпа сражаться. 130
 Нѣть, и могучій Ликургъ, знаменитая отрасль Дріаса,
 Долго пе жилъ, на боговъ, небожителей, руки поднявшій.

Нѣкогда, дерзкій, напавъ на пытательницъ буйнаго Вакха,
Ихъ по божественной Ниссѣ преслѣдовалъ: нимфы Вакханки
Фирсы зеленые бросили въ прахъ, отъ убѣзы Ликурга
Сулицей острой свирѣпо разимыя; Вакхъ устрашенный 135
Бросился въ волны морскія и принялъ Фетидой на лоно,
Трепетный, въ ужасъ введенный неистовствомъ буйнаго мужа.
Всѣ на Ликурга прогнѣвались мирно живущіе боги,
Кроновъ же сынъ ослѣпилъ Дрѣтида, и послѣ не долгой
Жизнью отъ наслаждался, безсмертнымъ всѣмъ ненавистный. 140
Нѣть, съ богами блаженными я не желаю сражаться!
Если же смертный ты мужъ и вскормленъ плодами земныхъ,
Ближе предстань, да къ предѣлу ты смерти скорѣе достигнешь".
 Выстро ему отвѣчалъ воинственный сынъ Гипполоховъ:
„Сынъ благородный Тидея, почто вопрошаешь о родѣ? 145
Листьямъ въ дубравахъ подобны сыны человѣковъ:
Вѣтеръ одни по землѣ развѣвается, другіе дубрава,
Вновь расцвѣтая рождаются, и съ новой весной возрастаютъ;
Такъ человѣки—си нарождаются, тѣ погибаютъ.
Если жь ты хочешь, тебѣ и о томъ объявлю, чтобы зналъ ты 150
Нашихъ и предковъ, и родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
Есть въ конеславномъ Аргосѣ градъ знаменитый Эфира;
Въ ономъ Сизифъ обиталъ, препрославленный мудростью смертный,
Тотъ Сизифъ Эолидъ, отъ которого Главкъ породился.
Главкъ даровалъ бытіе непорочному Беллерофонту, 155
Коему щедрые боги красу и любезную доблѣсть
Въ дарь ниспослали, но Претъ неповинному гибель умыслилъ:
Злобно его изъ народа изгналь. Повелитель Ахеянъ
Былъ онъ сильнейший: подъ скіпетръ его покорилъ ихъ Кроніонъ.
Съ юношой Прета жена возжелала, Антія младая, 160
Тайной любви насладиться, но къ ищущей быль непреклоненъ,
Чувствъ благородныхъ исполненный, Беллерофонъ непорочный,
И жена, клевеща, говорила властителю Прету:
 Смерть тебѣ, Претъ, когда самъ не погубишь ты Беллерофона:
Онъ насладиться любовью со иною хотѣль, съ нехотящей. 165
 Такъ клеветала; разгнѣвался царь, таковое услыша,
Но убить не рѣшился: въ душѣ онъ его ужасался;
Въ Ликію выслаль его и вручилъ злосовѣтные знаки,
Много на дщицѣ складной начертавъ ихъ, ему на погибель,
Дщицу же тестю велѣль показать, да отъ тестя погибнетъ. 170
Беллерофонъ отошелъ, подъ счастливымъ покровомъ безсмертныхъ.
Мирно достигъ онъ Ликійской земли и пучиннаго Ксанеа;
Принялъ его благосклонно Ликійскихъ мужей повелитель:

- Девять дней угощалъ, ежедневно тельца закалая.
Но возсиявшей десятой богинѣ, Зарѣ розоперстой, 175
Гостя разспрашивалъ царь и потребовалъ знаки увидѣть,
Кои принесъ онъ ему отъ любезнаго зятя, отъ Прета.
И, когда онъ пріялъ злосовѣтныя зятевы знаки,
Юношѣ Беллерофонту убить заповѣдалъ Химеру
Лютую, коей порода была отъ боговъ, не отъ смертныхъ: 180
Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой,
Страшно дыхала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ.
Грозную онъ поразилъ, чудесами боговъ ободренный.
Послѣ, войною ходилъ на Солимовъ, народъ знаменитый;
Въ битвѣ, ужаснѣе сей, какъ повѣдалъ онъ, не быть съ му-
жами. 185
Въ подвигѣ третьемъ разбилъ Амазонокъ онъ мужеобразныхъ.
Но ему, возвращавшемусь, Претъ погибель устроилъ:
Избранныхъ въ царствѣ пространномъ Ликіянъ храбрѣйшихъ въ
засаду
Скрыль на пути, но они своего не увидѣли дома:
Всѣхъ поразилъ ихъ воинственный Беллерофонтъ непорочный. 190
Царь наконецъ позналъ знаменитую отрасль бессмертныхъ,
Въ домѣ его удержанъ и дочь сочеталъ съ нимъ царевну;
Отдалъ ему половину блистательной почести царской,
И Ликійцы ему отдѣлили удѣль превосходный:
Лучшее поле для сада и пашень, да властвуетъ онъ. 195
Тroe родилося чадъ отъ премудраго Беллерофonta:
Мужи Исандръ, Гипполохъ и прекрасная Лаодамія.
Съ Лаодаміей прекрасной почилъ громовержецъ Кроніонъ,
И она Сарпедона, подобнаго богу, родила.
Ставъ напослѣдокъ и самъ небожителямъ всѣмъ ненавистенъ, 200
Онъ по Алейскому полю скитался кругомъ, одинокій,
Сердце тоскою круша, убѣгая слѣдовъ человѣка.
Сынъ Исандра ему Эналій, несытый убийствомъ,
Свергнуль, когда воевалъ онъ съ Солимами, славнымъ народомъ.
Дочь у него—златобрздая гнѣвная Феба сразила. 205
Живъ Гипполохъ, отъ него я рожденъ и горжуся симъ родомъ.
Онъ послалъ меня въ Трою и мнѣ заповѣдалъ крѣпко
Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пытать отличиться,
Рода отцовъ не безчестить, которые славой своею
Были отличны въ Эфирѣ и въ царствѣ Ликійскомъ простран-
номъ. 210
Вотъ и порода, и кровъ, каковыми тебѣ я хвалюся".
Рекъ,—и наполнился радостью сынъ благородный Тидеевъ,

Мѣдную пику свою водрузилъ въ даровитую землю
И привѣтную рѣчъ устремилъ къ предводителю Главку:
„Сынъ Гипполоховъ! ты гость инѣ отеческій, гость стародав-
ній!“ 215

Нѣкогда дѣдъ мой Иней знаменитаго Беллерофonta
Въ собственномъ домѣ двадцать дней угощалъ дружелюбно.
Оба другъ другу они превосходные дали гостины: 220
Дѣдъ мой, Иней, предложилъ блистающій пурпуромъ поясъ,
Беллерофонтъ же златой подарилъ ему кубокъ двудолный:
Кубокъ и я, при отходѣ, оставилъ въ отеческомъ домѣ;
Но Тидае не помню: меня онъ младенцемъ оставилъ
Въ дни, какъ подъ Оивами градомъ Ахейское воинство пало.
Храбрый! отнынѣ тебѣ я средь Аргоса гость и пріятель,
Ты же мнѣ—въ Ликіи, если прійду я къ народамъ Ликійскимъ. 225
Съ копьями жъ нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ расходиться.
Множество здѣсь для меня и Троянъ, и союзниковъ славныхъ,
Буду разить, кого богъ приведетъ и кого я постигну.
Множество здѣсь для тебя Аргивянъ, поражай кого можешь.
Главкъ! обмѣняемся нашимъ оружіемъ; пусть и другое 230
Зпаутъ, что дружбою мы со временемъ праотцовскихъ гордимся“.

Такъ говорили они и, съ своихъ колесницъ соскочивши,
За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялись.
Въ оное время у Главка разсудокъ восхитилъ Кроніонъ:
Онь Дюмedu герою доспѣхъ золотой свой на мѣдный, 235
Во сто цѣнныи тельцовъ, обмѣнялъ на стоящій девять.
Гекторъ же тѣмъ приблизился къ Скѣйскимъ воротамъ и къ дубу.
Окрестъ героя бѣжали Троянскія жены и дѣвы,
Тѣ вопрошая о дѣтяхъ, о милыхъ друзьяхъ и о братьяхъ,
Тѣ о супругахъ; но онъ повелѣлъ имъ молиться безсмертнымъ 240
Всѣмъ, небеса населяющимъ: многимъ бѣды угрожали!

Но, когда подошелъ онъ къ прекрасному дому Пріама,
Къ зданію съ гладкими вдоль переходами (въ немъ заключалось
Вдругъ пятьдесятъ почиваленъ, изъ гладко отесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама 245
Всѣ почивали сыны у цвѣтующихъ супругъ ихъ закошныхъ,
Дщерей его на другой сторонѣ, на дворѣ, почивальни
Были двѣнадцать, подъ кровлей одною, изъ тесанныхъ камней,
Близко одна отъ другой устроенныхъ, въ коихъ Пріама
Всѣ почивали затѣя у цвѣтующихъ супругъ ихъ стыдливыхъ); 250
Тамъ повстрѣчала его милосердная матерь Гекуба,
Шедшая въ домъ къ Лаодикѣ, своей миловиднѣйшей дщери;
За руку сына взяла, вопрошала и такъ говорила:

- „Что ты, о сынъ мой, приходишь, оставивъ свирѣпую битву?
 Вѣро, жестоко тѣспить ненавистные мужи Ахейцы, 255
 Ратуя близко стѣны? И тебя устремило къ намъ сердце;
 Хочешь ты, съ замка Троянского, руки воздѣть къ Олимпійцу?
 Но помедли, мой Гекторъ, вила я вынесу чашу
 Зевсу отцу возліять и другимъ божествамъ вѣковѣчнымъ;
 Послѣ и самъ ты, когда пожелаешь испить, укрѣпишься: 260
 Мужу, трудомъ истомленному, силы вино обновляеть,
 Ты же, мой сынъ, истомился, за гражданъ твоихъ подвizaясь“.
 Ей отвѣчаль знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
 „Сладкаго пить мнѣ вина не носи, о почтенная матерь!
 Ты обезсилиши меня, потерю я крѣпость и храбрость. 265
 Черное жъ Зевсу вино возліять неомытой рукою
 Я не дерзну, и не должно сгустителя облаковъ Зесва
 Чествовать или молить оскверненному кровью и прахомъ.
 Но иди ты, о матерь, Аенины добычелюбивой
 Въ храмъ, съ благовоннымъ куреніемъ, съ сонмомъ женъ благо-
 родныхъ, — 270
 Пышный покровъ, величайший, прекраснейший всѣхъ изъ храни-
 мыхъ
 Въ царскомъ дому и какой ты сама наиболѣе любишь,
 Взявъ, на колѣна его положи лѣпокудрой Аениѣ;
 И двѣнадцать кравъ одноплѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
 Въ храмѣ заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша, 275
 Градъ богиня помилуетъ, женъ и младенцевъ невинныхъ;
 Если отъ Трои священной она отразить Дюмеда,
 Бурного воя сего, новелителя мощнаго бѣгства.
 Шествуй же, матерь, ко храму Аенины добычелюбивой,
 Я же къ Парису иду, чтобы къ воинству изъ дому вызвать, 280
 Ежели хочетъ совѣты онъ слушать. О! быль бы онъ тамъ же
 Пожранъ землей! Воспиталь Олимпіецъ его на погибель
 Трѣ, Пріаму отпу и всѣмъ намъ, Пріамовымъ чадамъ!
 Если бъ его я увидѣлъ сходящаго въ бездны Аида,
 Кажется, сердце мое позабыло бы горькія бѣдства!“ 285
 Такъ говорилъ, и Гекуба не медля служительницъ дома
 Вызвала; женъ благородныхъ онѣ собирали по граду.
 Тою порою сама въ благовонную горницу всходитъ;
 Тамъ у нея сохранялися пышноузорные ризы,
 Женъ Сидонскихъ работы, которыхъ Парисъ бывовидный 290
 Самъ изъ Сидона привезъ, преплывая пространное море.
 Симъ онъ путемъ увозилъ знаменитую родомъ Елену.
 Выбравъ изъ оныхъ одну, понесла предъ Аениу Гекуба

- Большую, лучшую въ домѣ, которая швенiemъ пышныиъ
Словно звѣза сяла и въ самомъ лежала исподѣ. 295
Съ оной пошла и за ней благородная многія жены.
Въ замокъ градской имъ притекшимъ, ко храму Аеинны богини,
Двери предъ ними разверзла прелестная ликомъ Ѹсано,
Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Аеинны богини. 300
Тамъ съ воздѣніемъ руку возопили онѣ предъ Аеинной;
Ризу Гекубы румялантай жрица Ѹсано
Взять, на колѣна кладеть лѣпокудрой Аеинны Паллады
И съ обѣтами молитъ рожденную богомъ великииъ:
— Мощная въ браняхъ, защитница града, Паллада Аеинна! 305
Дроть соокруши Дюмевъ и дай, о богиня, да самъ онъ
Нынѣ, погибельный, граниется ницъ передъ башнею Скейской!
Нынѣ жъ двѣнадцать кравъ однолѣтнихъ, ярма не познавшихъ,
Въ храмѣ тебѣ мы пожертвуемъ, если, молитвы услыша,
Градъ помилуешь Трою и женъ, и младенцевъ невинныхъ!“ 310
Такъ возглашала, молясь, но Аеинна молитву отвергла.
Тою порой, какъ онѣ умоляли рожденную Зевсомъ,
Гекторъ великій достигнуль Парисова пышнаго дома.
Самъ онъ домъ сей устроилъ, съ мужами, какіе въ то время
Въ цѣлой Троадѣ холмистой славнѣйше зодчие были; 315
Мужи ему почивальни, и гридни, и дворъ сотворили,
Въ замкѣ градскомъ, не вдали отъ Пріама и Гектора дома.
Въ двери вступиль божественный Гекторъ; въ десницѣ держалъ онъ
Щитъ онъ и латы, и гнутые луки испытывалъ, праздный.
Тамъ и Елена Аргивская въ кругѣ сидѣла домашнихъ
Женъ рукодѣльницъ и славнія имъ назначала работы.
Гекторъ, взглянувъ на него, укоряль оскорбительной рѣчью: 325
„Ты пе во время, несчастный, теперь напыщаешься гнѣвомъ.
Гибнетъ Троянскій народъ, предъ высокою града стѣною
Ратуя съ сильнымъ врагомъ; за тебя и война, и сраженья
Вокругъ Илiona пылаютъ; ты самъ поругаешь другого,
Если увидишь кого оставляющимъ грозную битву. 330
Шествуй, пока Илонъ подъ огнемъ сопостатовъ не вспыхнулъ.“
- Быстро ему отвѣчаль Пріамидъ Александъ боговидный:
„Гекторъ! ты въ правѣ хуить и твоя инѣ хула справедлива;
Душу открою тебѣ; преклонися и выслушай слово: 335
Я не отъ гнѣва досель, не отъ злобы на гражданъ Троянскихъ

- Праздный сидѣль въ почивальнѣ; хотѣль я печали предаться.
Нынѣ жъ супруга меня дружелюбную рѣчью свою
Выдти на брань возбудила, и нынѣ, чувствуя самъ я,
Лучше идти мнѣ сражаться: побѣда межъ смертныхъ превратна.
Мало помедли, герой; боевые ополчуся доспѣхомъ; 340
Или иди; поспѣшу за тобой и настичъ уповаю*.
Рекъ онъ; ни слова ему не отвѣтствовалъ Гекторъ великий.
Къ Гектору съ лаской Елена смиренную рѣчъ обратила:
„Деверь жены безстыдной, виновницы бѣдъ нечестивой! 344
Если бъ въ тотъ день же меня, какъ на свѣтъ породила лишь
матерь,
Вихоръ свирѣпый, восхитя, умчалъ на пустынную гору,
Или въ кипящія волны ревущаго моря низринулы,—
Волны бѣ меня поглотили, и дѣль бы такихъ не свершилось!
Но, какъ такія бѣды божества предназначили сами,
Пусть даровали бы мнѣ благороднѣе сердцемъ супруга, 350
Мужа, который бы чувствовалъ стыдъ и укоры людскіе!
Сей теперь легкомысленъ, подобнымъ и послѣ онъ будеть;
И за то, я надѣюсь, достойнымъ плодомъ насладится!
Но войди ты сюда и возсядь успокоиться въ кресло;
Деверь, твою наиболѣе душу труды угнетаютъ, 355
Ради меня недостойной и ради вины Александра:
Злую намъ участь назначилъ Кроніонъ, что даже по смерти
Мы оставаться должны на безславныя пѣсни потомкамъ!“
Ей не медля отвѣтствовалъ Гекторъ великий: „Елена,
Сѣть не упрашивай, какъ ни привѣтна ты, я не склоняюсь: 360
Сильно меня увлекаетъ душа на защиту согражданъ,
Кои на ратныхъ поляхъ моего возвращенія жаждутъ.
Ты же его побуждай; ополчившися, пусть поспѣшаетъ:
Нусть онъ потщится меня, въ стѣлахъ еще града, настигнуть.
Я посѣщу лишь мой домъ и на малое время останусь 365
Видѣть домашнихъ, супругу драгую и сына младенца,
Ибо не знаю, изъ боя къ своимъ возвращусь ли еще я,
Или меня уже боги погубятъ руками Данаевъ.“
Такъ говоря, удалылся шеломомъ сверкающій Гекторъ.
Скоро достигнуль герой своего, благозданнаго дома, 370
Но въ дому не нашелъ Андромахи лилейномареной
Съ сыномъ она и съ одною кормилицей пышноодежной
Выshedъ, стояла на башнѣ, печально стеная и плача.
Гекторъ, въ дому у себя не нашедъ непорочной супруги,
Сталъ на порогъ и такъ говорилъ прислужницамъ женамъ: 375
„Жены прислужницы, вы мнѣ скорѣе повѣдайте правду:

- Гдѣ Андромаха, супруга, куда удалилась изъ дому?
Вышла ль къ золовкамъ своимъ, иль къ невѣсткамъ пышноодеж-
ныхъ,
Или ко храму Аѳинѣ поборницы, гдѣ и другія
Жены Троянъ благородныя грозную молять богиню?» 380
 И ему отвѣчала усердная ключница дома:
 „Гекторъ, когда повелѣлъ ты, тебѣ я повѣдаю правду.
Нѣтъ, не къ золовкамъ своимъ, не къ невѣсткамъ пошла Андро-
мака,
Или ко храму Аѳинѣ поборницы, гдѣ и другія
Жены Троянъ благородныя грозную молять богиню,— 385
 Къ башнѣ пошла Илюнскай великой: встревожилась вѣтью,
Будто Троянъ утѣсняетъ могучая сила Ахеянъ,
И къ стѣнѣ городской, торопливая, ринулась бѣгомъ,
Словно умомъ изструпленная; съ ней и кормилица съ сыномъ».
 Такъ отвѣчала, и Гекторъ стремительно изъ дому вышелъ 390
 Прежней дорогой назадъ, по красиво-устроеннымъ стогнамъ.
 Онь приближался уже, протекая обширную Трою,
 Къ Скейскимъ воротамъ (чрезъ нихъ быль выходъ изъ города въ
 полѣ);
 Тамъ Андромаха супруга, бѣгущая вѣстрѣчу, предстала,
 Отрасль богатаго дома, прекрасная дочь Гетиона. 395
 Сей Гетионъ обиталь при подошвахъ лѣсистаго Плака,
 Въ Оивахъ Плакайскихъ, мужей Киликіянъ властитель державный;
 Опаго дочь сочеталася съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ.
 Тамъ предстала супруга: за нею одна изъ прислужницъ
 Сына у персей держала, безсловнаго вовсе младенца, 400
 Плодъ ихъ единый, прелестный, подобный звѣздѣ лучезарной.
 Гекторъ его называлъ Скамандрѣемъ, граждане Трои—
 Астіанаксомъ: единый бо Гекторъ защитой быль Трои.
 Тихо отецъ улыбнулся, безмолвно взирая на сына.
 Подлѣ него Андромаха стояла, ліюща слезы; 405
 Руку покала ему и такія слова говорила:
 „Мужъ удивительный, губить тебя твоя храбрость! ни сына
 Ты не жалѣешь, младенца, ни бѣдной матери; скоро
 Буду вдовой я, несчастная! скоро тебя Аргивяне,
 Вмѣстѣ напавши, убьютъ! а тобою покинутой, Гекторъ, 410
 Лучше мнѣ въ землю сойти: никакой мнѣ не будетъ отрады,
 Если, постигнутый рокомъ, меня ты оставилъ: удѣлъ мой
 Горести! Нѣтъ у меня ни отца, ни матери нѣжной!
 Старца отца моего умертвилъ Ахиллесъ быстроногій, 415
 Въ день, какъ и градъ разорилъ Киликійскихъ народовъ цвѣтущи,

Өивы высоковоротныя. Самъ онъ убилъ Гетиона,
Но не смѣль обнажить: устрашался нечестія сердцемъ;
Старца онъ предаль сожженю вмѣстѣ съ оружиемъ пышнымъ.
Создаль надъ прахомъ могилу; и окресть могилы той ульмы
Нимфи холмовъ насадили, Зевеса великаго дщери. 420

Братья мои однокровные—семь оставалось ихъ въ домѣ—
Всѣ и въ единый день преселились въ обитель Аида:
Всѣхъ злополучныхъ избиль Ахиллесь, быстроногій ристатель,
Въ стадѣ застигнувъ тяжелыхъ тельцовъ и овецъ бѣлорунныхъ.
Матерь мою, при долинахъ дубравнаго Плака царицу, 425
Плѣнницей въ станъ свой привлекъ онъ съ другими добычами
брани,

Но даровалъ ей свободу, принявъ неисчислимый выкупъ;
Феба жъ и матерь мою поразила въ отеческомъ домѣ!
Гекторъ, ты все мнѣ теперь—и отецъ, и любезная матерь,
Ты и братъ мой единственный, ты и супругъ мой прекрасный! 430
Сжалъся же ты надо мною и съ нами останься на башнѣ,
Сына не сдѣлай ты сирымъ, супруги не сдѣлай вдовою;
Воинство наше поставь у смоковницы: тамъ наипаче
Городъ приступенъ врагаль и восходъ на твердыню удобенъ.
Трижды туда приступая, на градъ покушались герои, 435
Ога Аякса могучіе, Идоменей знаменитый,
Оба Атрея сыны и Тидидъ, дерзновенчайший воинъ.
Вѣрно, о томъ имъ сказалъ прорицатель какой-либо мудрый,
Или, быть можетъ, самихъ устремляло ихъ вѣщее сердце>.

Ей отвѣчалъ знаменитый, шеломомъ сверкающій Гекторъ: 440
„Все и менѧ то, супруга, не мельше тревожить, но страшный
Стыдъ мнѣ предъ каждымъ Троянцемъ и длинноодежной Троянкой,
Если, какъ робкій, останусь я здѣсь, удаляясь отъ боя.
Сердце мнѣ то запретитъ; научился быть я безстрашнымъ,
Храбро всегда, межъ Троянами первыми, биться на битвахъ, 445
Доброй славы отцу и себѣ самому добывая!
Твердо я вѣдаю самъ, убѣждаюсь и мыслью, и сердцемъ,
Будеть нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копъеносца Пріама.

Но не столько менѧ сокрушаетъ грядущее горе 450
Трои, Пріама родителя, матери дряхлой, Гекубы,
Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
Конъ полягутъ во прахъ подъ руками враговъ разъяренныхъ,
Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,
Слезы ліощую, въ плѣнъ повлечетъ и похитить свободу! 455
И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты ткать чужеземкъ,

Воду носить отъ ключей Мессенса или Гиппераea,
 Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставить жестокая нужда!
 Льющую слезы тебя кто-нибудь тамъ увидить и скажеть:
 Гектора это жена, превышавшаго храбростью въ битвахъ 460
 Всѣхъ конеборцевъ Троинъ, какъ сражалися вокругъ Илона!
 Скажеть, и въ сердцѣ твоемъ пробудится новая горесть:
 Вспомпиши ты мужа, который тебя защитилъ бы отъ рабства!
 Но, да погибу и буду засыпанъ я перстю земною
 Прежде, чѣмъ плѣнъ твой я увижу и жалобный вопль твой услышу!“ 465

Рекъ и сыпа обнять устремился блистательный Гекторъ,
 Но младенецъ назадъ, пышноризой корнилицы къ лону
 Съ крикомъ припалъ, устрашася любезнаго отчаго вида,
 Ярко мѣдью испуганъ и гривой косматаго гребня,
 Гроздно надъ шлемомъ отца всколебавшися конскою гривой. 470
 Сладко любезныи родитель и пѣжная мать улыбнулись.
 Шлемъ съ головы не медля снимаетъ божественный Гекторъ,
 Наземь кладетъ его, пышноблестящій, и, на руки взявши
 Милаго сына, цѣлуетъ, качаетъ его и, поднявши,
 Такъ говоритьъ, умоляя и Зевса, и прочихъ безсмертныхъ: 475
 „Зевсь и безсмертные боги! о, сотворите, да будетъ
 Сей мой возлюбленный сынъ, какъ и я, знаменитъ среди гражданъ;
 Такъ же и силою крѣпокъ и въ Троѣ да царствуетъ мощно.
 Пусть о немъ нѣкогда скажутъ, изъ боя идущаго видя:
 Онъ и отца превосходитъ! И пусть онъ съ кровавой корыстью 480
 Входить, враговъ сокрушитель, и радуетъ матери сердце!“

Рекъ и супругѣ возлюбленной на руки онъ полагаетъ
 Милаго сына; дитя къ благовонному лону прижала
 Мать, улыбаясь сквозь слезы. Супругъ умилился душевно,
 Обнялъ ее и, рукою ласкающій, такъ говориль ей: 485
 „Добрая! сердце себѣ не круши неумѣренной скорбью.
 Противъ судьбы человѣкъ меня не пошлетъ къ Аидесу,
 Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный
 Мужъ, ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится,
 Шествуй, любезнай, въ домъ, озабочься своими дѣлами; 490
 Тканьемъ, пряжей займися, приказывай женамъ домашнимъ
 Дѣло свое исправлять, а война — мужей озаботить
 Всѣхъ, наиболѣ жъ меня, въ Илонѣ священному рожденныхъ.“

Рѣчи окончивши, поднялъ съ земли бронеблещущій Гекторъ
 Гривистый шлемъ; и пошла Андромаха безмолвна къ дому, 495
 Часто назадъ озираясь, слезы ручьемъ проливая.
 Скоро достигла она устроенiemъ славнаго дома

Гектора мужегубителя; въ ономъ служительницъ многихъ.
Собранныхъ вмѣстѣ, нашла и къ плачу ихъ всѣхъ возбудила:
Или заживо Гекторъ быль въ своемъ домѣ оплаканъ. 500
Нѣтъ, онѣ помышляли, ему изъ погибельной брани
Въ домъ не прйти, не избѣгнуть отъ рукъ и свирѣпства Данаевъ.
Тою порой и Парисъ не медлилъ въ высокихъ палатахъ.
Въ пышный одѣвши доспѣхъ, испещренный блистательной юдью,
Онъ устремилъся по граду, надежный на быстрыя ноги. 505
Словно конь застоялый, яченемъ раскормленный въ ясляхъ,
Привязъ расторгнувъ, летить, поражая копытами поле;
Пламенныи, плавать обыкшій въ потокѣ широкотекущемъ,
Пышить, голову кверху несетъ; вокругъ рамень его мощныхъ
Грифа играетъ; красой благородной самъ онъ гордится; 510
Быстро стопы его ичатъ къ кобылицамъ и паствамъ знакомымъ:
Такъ лѣпокудрый Парисъ отъ высотъ Иліонскаго замка,
Пышнымъ оружiemъ окрестъ, какъ ясное солнце, сіяя,
Шествовалъ радостно-гордый; быстро несли его ноги;
Гектора скоро настигъ онъ, когда Пріамидъ лишь оставилъ 515
Мѣсто, гдѣ незадолго бесѣдовалъ съ кроткой супругой.
Къ Гектору первый вѣщалъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Вѣрно, почтеннѣйший братъ, твою задержаль я поспѣшность
Долгимъ медленьемъ своимъ и къ порѣ не приспѣль, какъ ве-
лѣль ты?“ 520
И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великий:
„Другъ! ни одинъ человѣкъ, душой справедливый, не можетъ
Ратныхъ дѣяній твоихъ опорочивать: воинъ ты храбрый,
Часто лишь медленъ, къ трудамъ неохотенъ; а я непрестанно
Сердцемъ терзаюсь, когда на тебя поношеніе слышу
Трои мужей, за тебя подымающихъ трудъ безпредѣльный. 525
Но поспѣшимъ, а разсудимся послѣ, когда намъ Кронионъ
Дасть въ благодарность небеснымъ богамъ, безконечно живущимъ,
Чашу свободы поставить въ обителяхъ нашихъ свободныхъ,
Послѣ изгнанья изъ Трои Ахеяпъ юднодосицнныхъ.“

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

	СТР.
Предисловие къ первому изданию.	III
Пѣснь I.	1
Пѣснь II.	17
Пѣснь III	40
Пѣснь IV	58
Пѣснь V.	68
Пѣснь VI.	91

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

THEORY OF MARKET

Market is a place where buyers and sellers meet to buy and sell goods or services.

Market

Buyers and sellers

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ,
составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗДАНІЕ

поставщиковъ двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18 | МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 12

1903

Дополнено цензурою. Спб., 1 декабря 1903 г.

Типография Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5-7.

ПѢСНЬ VII.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

Гекторъ и Парисъ, вышедъ изъ города, немедленно вступаютъ въ сраженіе, и Ахеанъ, съ успѣхомъ сражавшихся, преодолѣваютъ, ст. 1—16. Паллада и Аполлонъ идутъ на побоище и соглашаются, дабы укротить свирѣпство ратующихъ, возбудивъ мужество Гектора, 17—53. Гекторъ, по совѣту Гелена прорицателя, вызываетъ на единоборство храбрѣйшаго Ахейца, 54—91. Ахеанъ, колеблющихся принять вызовъ, поносить Менелай и готовъ самъ выйти; его удерживаетъ Агамемнонъ, 92—122. Между тѣмъ, упреки Нестора одушевляютъ Ахеанъ: возстаютъ девять героеvъ, готовыхъ на единоборство съ Гекторомъ; жребій, по совѣту Нестора между ними брошенный, падаетъ на Аякса Теламонида, 123—205. Аяксъ вооружается и съ Гекторомъ сходится, 206—225; герои разговариваютъ, 226—243; сражаются копьями. Гекторъ раненъ, 244—262; камнями Гекторъ сбить съ ногъ, но воздвигнутъ Аполлономъ, 263—272; готовы сразиться мечами, но вѣстники обѣихъ сторонъ приходятъ разлучить ихъ, по причинѣ наступлѣія ночи, и герои, почтивъ другъ друга дарами, расходятся, 273—312. На общемъ пирѣ Агамемнонъ чествуетъ Аякса, какъ побѣдителя, цѣльмъ хребтомъ вола, 313—322. Между тѣмъ, Несторъ предлагаєтъ совѣтъ о погребеніи убитыхъ и объ укрѣпленіи стана, 323—344. Въ собраніи у Троянъ Антеноръ убѣждается, для прекращенія войны, возвратить Елену и сокровища, съ нею похищенныя; Парисъ возражаетъ, на то не соглашаясь, но возвратить сокровища желаетъ и даже умножить ихъ собственными, 345—364. Сей отвѣтъ его Пріамъ велитъ вѣстнику на другой день сообщать Ахейцамъ и при томъ просить перемирия для погребенія убитыхъ, 365—416. Послѣ сего оба народа заботятся о погребеніи своихъ мертвыхъ, которыхъ на кострѣ сожигаютъ. Кромѣ сего, Ахеине окружаютъ корабли свои стѣною и рвомъ, 417—442. Боги удивляются дѣлу Ахеанъ, Посидонъ чегодать, Зевсъ

его успокаиваеть, 443—469. Наконецъ, Ахеанъ и Трояне, устроивъ вечерю, пируютъ въ продолженіе ночи, грозной ужасныи громомъ, которымъ Зевсъ предзначаетъ имъ бѣствія, 470—482.

Такъ говорящій, пронеся вратами блистательный Гекторъ,
Съ нимъ устремилъ и братъ Александръ: и душой Пріамиды
Оба пылали воинствовать снова и храбро сражаться.
Словно пловцамъ, долговременно жаждущимъ, богъ посыаетъ
Вѣтеръ попутный, когда уже, множествомъ веселья блестящихъ 5
Понть разсѣкая, устали, всѣ члены трудомъ изнуривши,—
Такъ воеводы Троянамъ, ихъ жаждущимъ, оба явились.

Начали битву: Парисъ поразилъ Арейоева сына,
Жителя Арны Менесея, коего палиценосный
Царь породилъ Арейоей съ черноокою Филомедузой. 10
Гекторъ вождя Эюнея остроу никой удариль
Въ выю, подъ кругъ крѣпкомъданого шлема и крѣпость разрушиль
Главъкъ, Гипполохова отрасль, Ликийскихъ мужей воевода,
Дексія, сына Ифина, въ бурномъ сраженіи никой
Въ рамо пронзилъ, кобылицъ на него напускавшаго быстрыхъ; 15
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ, и его сокрушилися члены.

Ихъ лишь увидѣла свѣтлая взоромъ Аѳина богиня,
Такъ истребляющихъ воиновъ Аргоса въ битвѣ жестокой,
Вдругъ отъ Олимпа высокаго, бросившись, бурно помчалась
Къ Троѣ священной; навстрѣчу богинѣ, узрѣвъ отъ Пергама, 20
Фебъ Аполлонъ устремилъ: Троянамъ желаль онъ побѣды.
Ввстрѣчу спѣшащіе боги сошлися у древняго дуба;
Первый къ богинѣ воззвалъ дальнемечущій Фебъ сребролукій:

„Что ты, волненія полная, дочь всемогущаго Зевса,
Сходишь съ Олимпа? Къ чему ты стремима симъ пламеннымъ ду-
хомъ?“ 25

Или склонить Аргивянамъ невѣрную брапи побѣду?
Хочешь? Троянъ погибающихъ ты никогда не жалѣешь?
Но пріими ты совѣтъ мой и то благотворнѣе будеть:
Ныпѣшній дѣпъ прекратимъ мы войну и убийство народовъ;
Послѣ да ратуютъ снова, доколѣ священнаго града, 30
Трои, конца не увидять, когда уже столько пріятно
Вашему сердцу, богини великия, градъ сей разрушить“.

Быстро воззвала къ нему свѣтлоокая дочь Эгіоха:
„Такъ, Дальневерженъ, да будетъ; съ подобною думою въ сердцѣ
Я низошла отъ Олимпа, къ сраженью Троянъ и Ахеанъ.“ 35

Но возвѣсти, прекратить ратоборство иль какъ ты намѣренъ?“

Снова богинѣ отвѣтствовалъ царь Аполлонъ сребролукій:
„Гектора мы, укротителя коней, отважность возвысимъ.“

Пусть Пріамидъ вызываетъ храбрѣйшихъ героевъ Данайскихъ
Выйти одинъ на одинъ и сразиться рѣшительной битвой; 40

Симъ оскорбленные мѣднононожные мужи Данай
Сами возвѣдать бойца одноборствовать съ Гекторомъ славныи.“
Такъ говорилъ,—и склонилася дочь свѣтлоокая Зевса.

Сынъ Пріамовъ, Геленъ прорицатель, почувствовалъ духомъ
Оный совѣтъ, обомъ божествамъ совѣщавшимъ пріятный, 45
Къ Гектору брату предсталь и такъ говорилъ воеводѣ:

„Гекторъ, пастырь народа, совѣтами равный Крониду!
Будешь ли мнѣ ты послушень, усердносовѣтному брату?“

Дай повелѣніе сѣсть и Троянамъ, и всѣмъ Аргивянамъ,
Самъ же межъ воинствъ на бой вызывай, да храбрѣйший Данаецъ 50
Выйдетъ одинъ на тебя и сразится рѣшительнымъ боемъ.

Нынѣ тебѣ не судьба умереть и предѣла достигнуть;
Слышалъ я голосъ такой небожителей вѣчноживущихъ.“

Такъ произнесъ,—и восхитился Гекторъ услышанной рѣчью;
Вышелъ одинъ на средину и, взявши копье по срединѣ, 55
Спнуль фаланги Троянскія; всѣ, успокоясь, возсѣли.

Царь Агамемнонъ равно удержалъ мѣднобронныхъ Данаевъ.
Тою порой Аѳина Паллада и Фебъ сребролукій,

Оба вознесшия, словно какъ ястребы, хицныя птицы,
Сѣли на дубѣ высокомъ отца молненоснаго Зевса, 60

Ратями вмѣстѣ любуясь: ряды ихъ сидѣли густые,
Грозно щиты и шеломы и оstryя пики вздымая.

Словно какъ Зефиръ порывистый по морю зыбы разливаетъ,
Если онъ вдругъ подымается: моро чернѣетъ подъ нею,—
Ратей ряды таковы и Троянъ, и безстрашныхъ Данаевъ 65

Въ полѣ сидѣли, и Гекторъ вѣщаю, между ратями стоя:
„Трои сыны и Ахеяне храбрые, слухъ преклоните;

Я вамъ повѣдаю, что мнѣ велить благородное сердце!
Нашихъ условій высокоцарящій Кронидъ не исполнилъ,

Но, бѣды совѣщающій, намъ обоюдно готовить 70
Битвы, покуда иль вы крѣпкобашенный градъ нашъ возьмете,
Или падете отъ насъ при своихъ корабляхъ мореходныхъ.

Здѣсь, о Ахеяне, съ вами храбрѣйше ваши герои;
Тотъ, у которого сердце со мною сразиться пылаетъ,
Пусть изойдетъ и съ божественнымъ Гекторомъ станеть на битву; 75

Такъ говорю я, и Зевсъ уговора свидѣтель намъ будеть.

Если противникъ меня поразить сокрушительной мѣдою,

Снявъ онъ оружія, пусть отнесеть къ кораблямъ мореходнымъ,
Тѣло же пусть возвратить, чтобъ Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили. 80
Если же я поражу, и меня Луконосецъ прославитъ,—
Взявши доспѣхъ его, внесу въ Иліонъ ихъ священный
И повѣшу во храмѣ метателя стрѣль Аполлона,
Тѣло жъ назадъ возвращу къ кораблямъ обьюдувесельный.
Пусть похоронятъ его кудреглавые мужи Ахейцы 85
И на берегу Геллеспонта широкаго холмъ да насыплютъ.
Нѣкогда, видя его, кто-нибудь и отъ позднихъ потомковъ
Скажетъ, плывя въ кораблѣ многовесломъ по черному понту:
„Вотъ ратоборца могила, умершаго въ древніе вѣки:
Въ браняхъ его знаменитаго свергнуль божественный Гекторъ!“ 90
Такъ перожденные скажутъ, и слава моя не погибнетъ“.

Рекъ,—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили:
Вызовъ стыдались отвергнуть, равно и принять ужасались.
Вдругъ возсталъ Менелай и вѣщаъ между сонма Ахеянъ,
Всѣхъ упрекая жестоко и горестно сердцемъ стенал: 95
„Горе мнѣ! о самохвалы! Ахеялки вы,—не Ахейцы!
Срамъ для Ахейскими мужей изъ ужасныхъ ужаснейшій будетъ,
Если отъ нихъ ни одинъ не постыдится на Гектора выйти:
Но погибнете всѣ вы, разсыпьтесь водою и прахомъ,
Вы, сидящіе здѣсь, какъ народъ безъ души и безъ чести! 100
Я ополчуся и выйду на Гектора! знаю, что свыше
Жребій побѣды находится въ волѣ боговъ всемогущихъ“.

Такъ говоря, покрывался поспѣшно оружиемъ пышнымъ;
И тогда, Менелай, ты разстался бы съ сладкою жизнью
Въ мощныхъ рукахъ Пріамида, далеко сильнѣйшаго мужа,
Если бъ тебя удержать не вздиглисъ цари и герои.
Самъ повелитель мужей, Агамемнонъ пространнодержавный,
За руку брата схватилъ, называль и вѣщаъ, убѣждая: 105
„Ты изступленъ, Менелай благородный! такое безумство
Вовсе тебя недостойно; смири огорченное сердце;
Въ ревности гордой съ сильнейшимъ тебя не дерзай состязаться,
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе трепещутъ!
Съ нимъ и Пелидъ быстроногий на славныхъ мужамъ ратоборствахъ
Съ страхомъ встрѣчается, воинъ, тебя несравненно храбрѣйшій!
Сядь при дружинѣ своей, успокойся, питомецъ Зевеса; 115
Мы отъ Ахеянъ ему одноборца другого возбудимъ;
Сколь онъ ни будетъ безстрашенъ и боя кроваваго жаденъ,
Съ радостью, вѣрно, колѣна преклонить, когда лишь безвреденъ
Выйтъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства!“

- Такъ говорящій герой отвратилъ помышленіе брата, 120
 Правду ему говоря; покорился Атридъ, и клевреты
 Весело съ плечь Менелая оружія свѣтлыхъ сняли.
 Несторъ отъ сонма Ахеянъ возсталъ и вѣщалъ имъ печальный:
 „Боги! великая скорбь на Ахейскую землю приходитъ!
 Истинно горько восплачеть Целей, сѣдой конеборецъ, 125
 Славный мужей Мирмидонскихъ витія и мудрый совѣтникъ.
 Онъ восхищался, когда, вопрошая меня въ своемъ домѣ,
 Каждаго порознь Ахеица развѣдывалъ родъ и потомство;
 Нынѣ жъ, когда онъ услышитъ, что всѣхъ ужасаетъ ихъ Гекторъ,
 Вѣрно, не разъ къ небожителамъ руки прострѣть, да скорѣе 130
 Духъ сокрушеній его погрузится въ обитель Аида!
 Если бы нынѣ, о Зевсъ, Аполлонъ и Паллада Аѳина,
 Молодъ я былъ, какъ въ тѣ годы, когда у гремучаго брега
 Билася рать Пиліанъ и Аркадянъ, копейщиковъ славныхъ,
 Около Фейскихъ твердынь, недалеко отъ струй Іордана, 135
 Въ воинствѣ ихъ впереди Эревеаліонъ, богу подобный,
 Первый стоялъ, ополченный оружіемъ Ареїооя,
 Славнаго Ареїооя, прозваніемъ палиценосца,
 Даннѣмъ ему отъ мужей и отъ женъ, опоясаньемъ красныхъ:
 Мощный, не лукомъ тугимъ, не копьемъ длиннотѣнныемъ сражался, 140
 Опь булавою желѣзной ряды разрываль сопротивныхъ.
 Однаго храбрый Ликургъ одолѣль, но не силой—коварствомъ,
 Въ тѣсномъ проходѣ; не могъ онъ себя булавой и желѣзной
 Спасти отъ смерти: Ликургъ, на дорогѣ его упредивши,
 Въ чрево конемъ поразилъ и обѣ доль онъ ударился тыломъ. 145
 Сняль побѣдитель оружія, даръ душегубца Арея,
 Послѣ и самъ ихъ носилъ, выходя на Ареевы споры.
 Но, когда обезсилѣлъ герой, состарѣвшійся въ домѣ,
 Отдалъ тяжелый доспѣхъ Эревеальону, ратному другу.
 Сими доспѣхами гордый, выкликаль всѣхъ онъ храбрѣшіхъ; 150
 Всѣ трепетали, страшились, никто не отважился выйти.
 Вспыхнуло сердце во мнѣ, на свою уповая отвагу,
 Съ гордымъ сразиться, хотя между сверстниковъ быль я и младшій.
 Съ нимъ я сразился,—и мнѣ торжество даровала Аѳина!
 Большаго всѣхъ и сильнѣшаго всѣхъ я убилъ человѣка! 155
 Въ прахѣ лежаль онъ, огромный, сюда и туда распростертый.
 Если бы такъ я быль младъ и не чувствовалъ немощи въ силахъ,
 Скоро противника встрѣтиль бы шлемомъ сверкающій Гекторъ!
 Въ вашемъ же воинствѣ сколько ни есть храбрѣшіхъ Данаевъ,
 Сердцемъ никто не пылаеть противникомъ Гектору выйти!” 160
 Такъ ихъ старецъ стыдилъ,—и мгновенно воспрянули девять.

Первый возвысился Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ;
Послѣ воспрянулъ Тидидъ Дюмедь, воеватель могучій,
Оба Аякса вожди, облеченные бурною силой;
Дерзостный Идоменей и его союзникъ грозный, 165
Вождь Меріонъ, человѣковъ губителя равный, Арею;
Послѣ герой Эврипиль, блестательный сынъ Эвемона;
Всѣдѣль Андреонидъ Фоасъ и за нимъ Одиссей знаменитый.
Столько возстало ихъ, жаждущихъ съ Гекторомъ славныи сразиться.
Слово опять обратилъ къ нимъ Несторъ, конникъ Геренскій: 170
 „Жребіи бросимъ, друзья, и котораго жребій назначить,
Тотъ несомнѣнно, я вѣрю, возврадуетъ души Ахеянъ
И не менѣе радостенъ будетъ и самъ, коль спасенный
Выйдетъ изъ пламенной битвы и страшнаго единоборства“. 174
 Такъ произнесъ онъ,—и каждый, намѣтивши собственный жребій,
Броздилъ въ мѣдный шеломъ Агамемона, сына Атрея.
Рати молились и дланіи къ безсмертнымъ горѣ возвѣвали;
Такъ не одинъ говорилъ, на пространное небо взирая:
 „Даруй, о Зевсъ! да падетъ на Аякса, или Дюмеда,
Иль на царя самого многозлатой Микены, Атрида“. 180
 Такъ говорили, а Несторъ шеломъ сотрясалъ предъ собраньемъ.
Вылетѣлъ жребій изъ шлема, Данаями всѣми желанный,
Жребій Аякса; и вѣстникъ, понесши кругомъ по собранью,
Всѣмъ, отъ десной стороны, показалъ воеводамъ Ахейскимъ:
Знака никто не призналъ, отрекался отъ жребія каждый. 185
 Вѣстникъ предсталъ и къ тому, по собранію окрестъ носящій,
Кто и означилъ и въ шлемъ положилъ; Теламонидъ великий
Въ вѣстнику руку простеръ, и вѣстникъ, приближася, подалъ;
Жребій увидѣвшіи, знакъ свой узналъ и въ восторгѣ сердечномъ
На землю бросилъ его и къ Ахеямъ вскричалъ Теламонидъ: 190
 „Жребій, Ахеяне, мой! веселуюся и самъ я сердечно!
Такъ надъ божественнымъ Гекторомъ льщусь одержать я побѣду.
Други, пока я въ рядахъ боевые доспѣхи надѣну,
Вы молитесь Зевсу, могущему Кронову сыну,
Междудо собою, безмолвно, да васть не услышать Троюне. 195
 Или молитесь громко: мы никого не страшимся!
Кто бъ ни желалъ, противъ воли меня не подвигнетъ онъ съ поля
Силой, ни ратнымъ искусствомъ; и я не невѣждой, надѣюсь,
Самъ у отца моего въ Саламинѣ рожденъ и воспитанъ!“
 Такъ говорилъ, а Данаи молили могущаго Зевса. 200
 Такъ не одинъ взоглашаль, на пространное небо взирая:
 „Зевсъ, отецъ, обладающій съ Иды, преславный, великий,
Дай ты Аяксу обрѣсть и побѣду, и свѣтлую славу!

Если жъ и Гектора любишь, когда и объ немъ помышляешь,—
Равныхъ имъ обоимъ и могущество даруй, и славу!“ 205

Такъ говорили. Аяксъ покрывался блестательной мѣдью
И, какъ скоро одѣялся весь въ боевые доспѣхи,
Началь впередъ выступать, какъ Арея выступаетъ огромный,
Если онъ шествуетъ къ браны народовъ, которыхъ Кроніонъ
Духомъ вражды сердце-гложущей свель на кровавую битву; 210
Вышелъ таковъ Теламонидъ огромный, твердныя Danaevъ,
Грозный, лицомъ осклабляясь; и звучными сильный стопами
Шель, широко выступая, копьемъ длиннотѣннымъ колебля.
Всѣ Аргивяне, смотря на него, восхищалися духомъ;
Трепетъ невольный объяль у Троянина каждого члены; 215
Даже у Гектора сердце въ могучей груди задрожало;
Но ни врага избѣжать, ни въ толпы ополченій укрыться
Не было болѣй возможности: самъ на сраженіе вызвалъ.
Быстро Аяксъ подходилъ, предъ собою несущій, какъ башню,
Мѣдяній щитъ семикожій, который художникъ составилъ, 220
Тихій, усмѣарь знаменитѣйшій, въ Гилѣ обителю жившій;
Онъ сей щитъ сотворилъ легкодвижимый, семь сочтавши
Кожъ изъ тучнѣйшихъ воловъ и восьмую изъ мѣди поверхность.
Щитъ сей неся передъ грудью, Аяксъ Теламонидъ могучій
Сталь противъ Гектора близко и голосомъ грознымъ воскликнулъ: 225

„Гекторъ, теперь ты узнаешьъ, одинъ на одинъ подвигаясь,
Въ рати Ахейской земли каковы и другіе герои
Есть, безъ Пелида, фалангъ разрывателя, съ львиной душою!
Онъ у своихъ кораблей, при дружинахъ своихъ Мирмидонскихъ,
Празднѣ лежитъ, на царя Агамемнона злобу питая, 230
Насъ же, Ахеянъ, которые выйти съ тобою готовы;
Много такихъ! Начинай, Пріамидъ, поединокъ и битву!“

Но ему отвѣчаль шлемоблещущій Гекторъ великий:
„Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа,
Тщетно меня ты, какъ будто ребенка, испытывать хочешь,
Или какъ дѣву, которая дѣль ратоборныхъ не знаетъ.
Знаю довольно я браны и кровавое мужеубѣйство!
Щить мой умѣю направо, умѣю нальво метать я,—
Жесткую тяжесть,—и съ нею могу неусталый сражаться;
Пѣшій, умѣю ходить я подъ грозные звуки Арея; 240
Конный, умѣю, скака, съ кобылицъ быстроногихъ сражаться.
Но не хочу нападать на такого, какъ ты, ратоборца,
Скрыто высматриваа, но открыто, когда лишь умѣчу.“

Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную шину
И поразилъ Теламонида въ выщуклый щитъ семикожій, 245

Въ яркую полосу мѣди, что сверху восьмая лежала:
 Шесть въ немъ полость пробѣжала, разсѣкши, бурная пика,
 Въ кожѣ седьмой увязла. Тогда Теламонидъ великий,
 Мощный Аяксъ, размахнувши, послалъ длиннотѣнную пику
 И вогналъ Пріамиду оружіе въ щитъ круговидный: 250
 Щитъ свѣтозарный насквозь пролетѣла могучая пика,
 Броню насквозь, украшенемъ изящную, быстро пронзила
 И на чревѣ, подъ ребрами, самый хитонъ растерзала,
 Бурная. Гекторъ отпрянулъ и гибели черной избѣгнулъ.
 Оба исторгли вновь длиннотѣнныя копья и разомъ 255
 Сшиблися вновь, какъ свирѣпые львы, пожиратели крови,
 Или какъ звѣри лѣсовъ, нелегко одолимые вепри.
 Гекторъ копьемъ въ средину щита Теламонида грянулъ,
 Но щита не прорвалъ: на мѣди изогнулся жало.
 Въ щитъ, налетѣвши, удариль Аяксъ и насквозь совершенно 260
 Вышло копье, напиравшаго Гектора всѣять отразило,
 Вскользь пробѣжало по выѣ—и черная кровь заструилась.
 Боя герой не прервалъ, шлемоблещущій, пламенный Гекторъ,
 Но, назадъ онъ подавшился, камень рукою могучей
 Сорвалъ, средь поля лежавшій, черный, жестокій, огромный, 265
 Махомъ повергъ, и Аяксовъ блестательный щитъ семикожный
 Глыбой въ средину ударилъ; взревѣла вся мѣдь щитовая.
 Быстро Аяксъ подхватилъ несравненно огромнѣйший камень,
 Ринулъ его, размахавъ, и, напрягши безмѣрную силу,
 Въ щитъ угодилъ и насквозь проломилъ его камнемъ жерновымъ, 270
 Ранилъ колѣна врагу. На хребеть опрокинулся Гекторъ,
 Сверху натиснутъ щитомъ; но незапно воздвигъ Пріамида
 Фебѣ; и тогда рукопашно мечами бѣ они изрубились,
 Если бѣ къ героями глашатаи, вѣстники бога и смертныхъ,
 Вдругъ не предстали—одинъ отъ Троянъ, а другой отъ Ахеянъ, 275
 Вѣстникъ Идей и Талfibий, мужи разумные оба.
 Между героями скиптри они протянули, и рекъ имъ
 Вѣстникъ Троянскій, Идей, исполненный мудрыхъ совѣтовъ:
 „Кончите, дѣти любезныя, кончите брань и сраженье.
 Оба равно вы любезны гонителю облаковъ Зевсу, 280
 Оба храбрѣйши воины: въ томъ убѣдились всѣ мы.
 Но приближается ночь; покориться и ночи пріятно“.

Быстро къ нему обратясь, отвѣчалъ Теламонидъ великий:
 „Вѣстникъ, что ты произнесъ, повели произнести Пріамиду;
 Онъ вызывалъ на сраженіе нашихъ храбрѣйшихъ героевъ,
 Онъ и начни: покориться готовъ я, коль онъ пожелаетъ“. 285
И ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ великий:

- „Такъ, Теламонидъ, тебѣ и величие, и силу, и разумъ
Богъ даровалъ; межъ Ахеями ты юношеборецъ славнѣйший.
Кончимъ на нынѣшний день и борьбу, и сраженіе наше; 290
Послѣ сойдемся и будемъ сражаться, пока уже Демонъ
Насъ не разлучить, изъ двухъ одному даровавши побѣду.
Нынѣ приблизилась ночь; покориться и ночи прятно.
Шествуй—и предъ кораблями всѣхъ Аргивянъ ты обрадуй,
Болѣе жъ друговъ любезныхъ и близкихъ, какихъ ты имѣешь; 295
Я же, въ Пріамовомъ градѣ великому обрадую, въ Троѣ,
Сердце Троянъ и длинныя ризы влачащихъ Троянокъ,
Кои молиться о мнѣ собираются въ божественномъ храмѣ.
Сынъ Теламоновъ! почтимъ мы другъ друга дарами на память.
Нѣкогда пусть говорятъ и Троады сыны, и Геллады: 300
Бились герои, пылая враждой, пожирающей сердце,
Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной“.
- Гекторъ, слово окончивши, мечъ подаетъ среброгвоздный
Вмѣстѣ съ ножнами его и красивымъ ремнемъ перевѣсныи;
Сынъ Теламона вручаетъ блестающій пурпуромъ поясъ, 305
Такъ разлучася, герои—одинъ къ ополченьямъ Ахейскимъ
Шествовалъ, къ сонмамъ Троянскимъ другой поспѣшалъ, и Трояне,
Радуясь сердцемъ, смотрѣли, что шествуетъ здравъ и безвреденъ
Гекторъ, Аяксовой силы и руки необорныхъ избѣгшій;
Въ градѣ повели Пріамида не ждавшіе видѣть живого. 310
Такъ и Аякса красивопоножные мужи Danaи
Къ сыну Атрея вели, восхищенаго славой побѣды.
Имъ собравшимся въ кущахъ владыки народовъ Атрида,
Ради пришедшихъ, тельца пятилѣтнаго пары Агамемнона,
Тучнаго, жертвой закладъ всемогущему Зевсу Крониду. 315
Быстро его одираютъ, трудятся, всего разсѣкаютъ,
Рубятъ искусно на мелкія части, пронзаютъ рожнами,
Жарятъ на нихъ осторожно и, все уготовивъ, снимаютъ.
Скоро окончился трудъ, и немедленно пиръ уготованъ.
Всѣ пировали; никто не нуждался на пиршество общемъ;
Но Аякса героя особо хребтомъ безконечнымъ 320
Самъ Агамемнонъ почтилъ, повелитель Ахеянъ державный,
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Старецъ въ собраніи первый слагать размышенія началъ,
Несторъ, который и прежде блесталяр превосходствомъ совѣтовъ; 325
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ и совѣтовалъ въ сонмѣ:
„Царь Агамемнонъ и вы, воеводы народовъ Данайскихъ!
Много уже на бояхъ полегло кудрелгловыхъ Danaeевъ,
Коихъ черпую кровь до брегамъ пышноструйнаго Ксанфа“

- Бурный Арея разліялъ, и въ Аидъ погрузились ихъ души. 330
Должно съ зарею, Атридъ, прекратить ратоборство Данаевъ.
Мы же, поднявшись дружно, свеземъ съ побоища трупы
Въ станъ на волахъ и на мескахъ и всѣ совокупно сожжемъ ихъ,
Одаль судовъ мореходныхъ: да кости отцовскія дѣтамъ
Каждый въ домъ понесеть, возвращаясь въ землю родную. 335
Послѣ, на мѣстѣ сожженья, собравшись, насыплемъ могилу,
Общую всѣмъ на долинѣ, а подлѣ построимъ не медля
Стѣну и башни высокія, намъ и судамъ оборону.
Въ оныхъ устроимъ ворота и крѣпко сплоченные створы,
Путь бы чрезъ оныя былъ колесницамъ и конямъ просторный, 340
Подлѣ стѣны той, спаужи, ровъ ископаемъ глубокій;
Пусть онъ, идущій кругомъ, воспящаетъ и конныхъ, и пѣшихъ,
Чтобъ когда-либо рать не нагрянула гордыхъ Пергамлянъ".
- Такъ говорилъ онъ; совѣтъ одобря, цари восклицали. 345
Мужи Троянскіе также совѣтъ, на вершинѣ Пергама,
Смутный и шумный держали, предъ домомъ Пріама владыки.
Первый на немъ Антеноръ совѣщать благомысленный началь:
„Трои сыны, и Дарданцы, и вы, о союзники наши!
- Слухъ преклоните, скажу я, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаєтъ:
Нынѣ рѣшился: Елену Аргивскую вмѣстѣ съ богатствомъ 350
Выдадимъ сильнымъ Атридамъ; нарушивши клятвы святыхъ,
Мы вѣроломно воюемъ, зато и добра никакого
Намъ, я увѣренъ, не выйдетъ, пока не исполнимъ: какъ рекъ я".
Такъ произнесши, возсѣль Антеноръ; и возсталъ между ними
Богу подобный Парисъ, супругъ лѣпокудрой Елены; 355
Онъ Антенору въ отвѣтъ устремляеть крылатыя рѣчи:
„Ты, Антеноръ, говоришь неугодное мнѣ совершенно!
Могъ ты совѣтъ и другой, благотворѣйший всѣмъ намъ, прымыслить!
Если же то, что сказалъ, произнесъ ты отъ чистаго сердца,
Разумъ твой, безъ сомнѣнія, боги похитили сами! 360
Я межъ Троянъ, укротителей коней, повѣдаю мысли
И скажу я имъ прямо: Елены не выдамъ, супруги!
Что до сокровищъ, которыя въ домъ я изъ Аргоса вывезъ,
Всѣ соглашаюся выдать и собственныхъ къ онымъ прибавить".
- Такъ произнесъ и возсѣль Пріамидъ; и возсталъ между ними 365
Древній Пріамъ Дарданидъ, совѣтникъ, равный безсмертнымъ.
Онъ, благомыслія полный, совѣтовалъ такъ на соборѣ:
„Трои сыны и Дарданцы, и вы, о союзники наши!
Слухъ преклоните, скажу я, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаєтъ:
Нынѣ вы, дѣти мои, вечеряйте во градѣ, какъ прежде; 370
Помпите стражу ночную и бодрствуите каждый на стражѣ.

Завтра же вѣстникъ Идей да пойдетъ къ кораблямъ мореходнымъ,
Мощнымъ Атрея сына, Агамемнону и Менелаю,
Думу повѣдать Париса, отъ коего распра возстало.
Онъ и сю имъ измолвить разумную рѣчъ: не хотять ли 375
Мало почтить отъ погибельной браны, доколѣ убитыхъ
Трупы сожжемъ; и заратуемъ снова, пока уже Демонъ
Насъ не разлучить, однимъ иль другимъ даровавши побѣду».

Такъ говорилъ,—и, внимательно слушая, всѣ покорились. 380
Рати Троянскія вмѣстѣ, толпа близъ толпы, вечеряли
Рано утромъ Идей отошелъ къ кораблямъ мореходнымъ
И обрѣлъ ужъ на сонмѣ Данаевъ, клевретовъ Арея,
Подлѣ кормы корабельной царя Агамемнона. Вѣстникъ
Сталъ посреди воеводъ и вѣщалъ имъ голосомъ звучнымъ:

„Царь Агамемнонъ и вы, предводители ратей Ахейскихъ! 385
Царь мнѣ Пріамъ повелѣлъ и другіе сановники Трои
Думу повѣдать, когда то желательно вамъ и пріятно,
Сына его Александра, отъ коего распра возстало:
Тѣ изъ сокровищъ, которыхъ онъ въ корабляхъ многомѣстныхъ
Въ Трою изъ Аргоса вывезъ (о лучше бъ онъ прежде погибнулъ!), 390
Хочеть всѣ возвратить и собственныхъ къ онымъ прибавить;
Но супругу младую Атрида царя, Менелая,
Выдать Парисъ отрекается, какъ ни склоняли Трояне.
Слово еще и сіе повелѣли сказать: не хотите ль
Вы опочтить отъ погибельной браны, доколѣ убитыхъ 395
Трупы сожжемъ; и заратуемъ снова, пока уже Демонъ
Насъ не разлучить, однимъ иль другимъ даровавши побѣду».

Рѣкъ—и молчанье глубокое всѣ Аргивяне хранили.
Но межъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель могучій:
„Нѣть, да никто между насъ не пріемлетъ сокровищъ Париса, 400
Даже Елены! Понятно уже и тому, кто безмысленъ,
Что надъ градомъ Троянскимъ грянутъ готова погибель!“

Такъ произнесъ,—и воскинули окресть Ахейскіе мужи,
Всѣ удивляясь рѣчамъ Діомеда, смирителя коней.
И тогда ко Идею вѣщалъ Агамемнонъ державный: 405
„Слышишь ты самъ, провозвѣстникъ Троянскій, рѣчи Ахеянъ!
Такъ отвѣчаютъ Ахеяне, такъ я и самъ помышляю.
Что до сожженія мертвыхъ, нисколько тому не противлюсь,
Долгъ—ничего не щадить для окончившихъ дни человѣковъ,
И умершихъ немедленно должно огнемъ успокоить. 410
Зевсъ да услышитъ обѣтъ мой, Геры супругъ громоносный!“
Такъ произнесъ и горѣ небожителямъ поднялъ онъ скрипту.
И обратно Идей отошелъ къ Илону святыму.

- Тою порою сидѣли на сонмѣ Трояне, Дардане,
Всѣ совокупно: они ожидали, когда возвратится 415
Вѣстникъ почтенный. Идей возвратился и, ставъ посреди ихъ,
Вѣсть произнесъ; и, поднявшись, Трояне готовились быстро,—
Тѣ привозить мертвцевовъ, а другое—древа изъ дубравы.
Сонмы Ахеянъ равно отъ судовъ многовеслыхъ спѣшили,—
Тѣ привозить мертвцевовъ, а другое—древа изъ дубравы. 420
- Солнце лучами новыми чуть поразило долины,
Выдя изъ тихотекущихъ глубокихъ зыбей океана
Въ путь свою небесный, какъ оба народа встрѣтились въ полѣ.
Трудно имъ было узнать на побоищѣ каждого мужа:
Только водой омывая покрытыхъ и кровью, и прахомъ, 425
Клали тѣла на возы, проливая горючія слезы;
Громко рыдать Пріамъ запрещалъ имъ. Трояне безмолвно
Мертвыхъ своихъ на костерь полагали, печальные сердцемъ,
И, предавъ ихъ огню, возвращались къ Троѣ священной.
Такъ и съ другой стороны мѣднолатные мужи Ахеицы 430
Мертвыхъ своихъ на костерь полагали, печальные сердцемъ,
И, предавъ ихъ огню, возвращались къ судамъ мореходныхъ.
Не было утро еще, но сѣдѣли ужъ сумраки ночи,
И на трудъ поднялися Ахеянъ отборные мужи.
Тамъ, гдѣ тѣла сожигали, насыпали дружно могилу, 435
Общую всѣмъ на долинѣ; близъ оной воздвигнули стѣну,
Башни высокія, воинству ихъ и судамъ оборону;
Въ нихъ сотворили ворота и крѣпко сплоченные створы,
Путь бы чрезъ оныя быль колесницамъ и конямъ просторный.
Подлѣ стѣнъ той, снаружи, ровъ ископали великий, 440
Всюду широкій, глубокій, и коля по немъ водрузили.
Такъ подвизались тамъ кудреглавые мужи Ахеицы.
- Боги же тѣмъ, возсѣда у Кронида, метателя молній,
Всѣ изумлялися, видя великое дѣло Ахеянъ.
Въ сонмѣ ихъ началь вѣщаѣ Посидаонъ, земли колебатель: 445
„Зевсъ громовержецъ, какой человѣкъ на землѣ безпредѣльной
Нынѣ богамъ исповѣдаетъ волю свою или помыслъ?
Или не видишь ты, въ ночь кудреглавые мужи Ахеицы
Создали стѣну своимъ кораблямъ и предъ нею глубокій
Вывели ровъ, а бессмертными отъ нихъ возданы лѣ гекатомбы? 450
Слава о пей распространяется, гдѣ только денница сіаетъ;
Но забудутъ объ оной, которую я съ Аполлономъ
Около града царю Лаомедону создаль, томяся!“
- Гиѣвно вздохнувъ, отвѣчаль Посидаону Зевсъ тучеводецъ:
„Богъ многомощный, землею колеблющий, что ты вѣщаешь!“ 455

Пусть отъ безсмертныхъ другой устрашается замысловъ равныхъ,
 Кто предъ тобою далеко слабѣе и силой, и духомъ!
 Слава твоя распространется, гдѣ только денница сіаетъ.
 Вѣрь и дерзай; и когда кудреглавые мужи Ахейцы
 Въ быстрыхъ судахъ понесутся къ любезнымъ отечества землямъ, 460
 Стѣну сломи ихъ и, всю съ основания въ море обрушивъ,
 Изнова берегъ великой покрой ты песками морскими,
 Да и слѣдъ потребится огромной стѣны сей Ахейской".

Такъ взаимно безсмертные между собою вѣщали.

Солнце зашло, и свершилось великое дѣло Ахеянъ. 465
 Въ кущахъ они закалали тельцовъ, вечерять собирались
 Тою порой корабли, нагруженные винами Лемна,
 Многіе къ берегу пристали: Эвней Язонидъ послалъ ихъ,
 Сынъ Ипсипили, рожденный съ Язономъ, владыкой народа.
 Двумъ Атрейонамъ, царю Агамемнону и Менелаю, 470
 Тысячу мѣръ, какъ подарокъ, напитка прислали Язоніонъ.
 Прочіе мужи Ахейскіе мѣной вино покупали:
 Тѣ за звенящую мѣдь, за сѣдое желѣзо мѣняли,
 Тѣ за воловыя кожи или за воловъ круглогихъ,
 Тѣ за своихъ полоненныхъ. И циръ уготовленъ веселый. 475
 Цѣлую ночь кудреглавые мужи Ахейцы по стану
 Вкругъ пировали, а Трои сыны и союзники—въ градѣ.
 Цѣлую ночь имъ бѣды совѣщали Олимпійскій провидецъ,
 Грозно гремящій,—и страхъ находилъ на пирующихъ блѣдный:
 Мужи вино проливали изъ кубковъ; не смѣль ни единый 480
 Пить, не возливъ напередъ всемогущему Кронову сыну.
 Всѣ наконецъ возлегли и дарами сна насладились.

ПѢСНЬ VIII.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЬМОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, собравши всѣхъ боговъ, запрещаетъ ихъ, подъ жестокою карою, пособлать воюющимъ народамъ и предлагаетъ богамъ испытать, если они же-ляютъ, могущество его, посредствомъ золотой дѣпи, спустивъ ее съ неба. Кончи-въ угрозы благоволительной рѣчью къ Палладѣ, она въ колесницѣ удаляется на Иду, ст. 1—52. Оттуда смотритъ на битву, которая съ обѣихъ сторонъ продолжается съ равныхъ успѣхомъ до полудни; но въ сіе время онъ, взѣсивъ на вѣсахъ роковые жребиіа обоихъ народовъ, бросаетъ молнію, знаменуя пораженіе Ахеянъ; храбрѣшіе изъ нихъ предаются бѣгству, 53—79. Несторъ, у котораго одинъ изъ коней раненъ, остается и подвергаеть опасности свою жизнь при приближеніи Гектора, 80—90. Діомедъ призываєтъ, но напрасно, Одиссея, защищать старца; наконецъ самъ принимаетъ его въ свою колесницу и, напавъ на Гектора, убиваетъ возницу его, 91—129. Троицѣ вновь поколеблены; но Зевсъ перуномъ, предъ конами Діомеда поверженнымъ, принуждаетъ Нестора и Діомеда къ бѣгству, 130—157. Гекторъ злословитъ бѣгущаго; герой негодуетъ и желая опять обратиться на Гектора, удерживается новымъ громомъ Зевса, 158—171. Гекторъ возбуждаетъ Троицѣ напастъ на корабли Ахейскіе; обращаетъ рѣчъ къ конямъ своимъ, убѣждая ихъ догнать Діомеда, котораго убить онъ поквальяется, 172—193. Гера негодуетъ и преклоняетъ Посидона, но безъ полезно, возстать за Ахеянъ. По ея внушенію, Агамемнонъ воинство Ахеянъ, уже за стѣну отраженныхъ, одушевляетъ громкими упреками и моленіемъ къ Зевсу, который ниспосыпаетъ ему орла, въ счастливое знаменіе, 199—250. Ахеи съ новымъ жаромъ обращаются на Троицѣ, и Діомедъ—первый; моло-дой Тевкръ, стоя подъ щитомъ Аякса, многихъ поражаетъ стрѣлами, 251—277; нѣсколько разъ мѣтить въ Гектора, но тщетно, и скоро самъ пораженъ отъ него камнемъ, 278—334. Тропе, слова Зевсомъ одушевленные, обращаются въ бѣгство Ахеянъ; ихъ преслѣдуетъ Гекторъ, побѣдою гордый, 335—349.

Гера и Паллада негодуют на неправосудие Зевса и, рѣшась помочь Ахеянамъ, устремляются въ колесницѣ; но Зевсъ, узрѣвъ ихъ съ Иды, посыпаетъ Ирису съ угрозами и съ повелѣніемъ удержать ихъ, 350—437; самъ, возвратясь на Олимпъ, жестоко укоряетъ непокорныхъ богинь и угрожаетъ, что завтра онъ еще большее пораженіе нанесетъ Ахеянамъ, 438—484. Съ наступленіемъ ночи прерванъ бой. Гекторъ, на самомъ мѣстѣ боя, предложивъ распорядительные совѣты Троянамъ, тамъ же, недалеко отъ кораблей, располагается на ночь станомъ; Троаки, по совѣту его, утѣшаютъ стражу и, зажегши въ станѣ множество огней, которые поеть сравниваютъ со звѣздами, кругомъ ихъ проводятъ всю ночь въ гордыхъ мечтаніяхъ, 485—565.

Въ ризѣ златистой заря простиралась надъ всемъ землею,
Какъ боговъ на соборѣ призвалъ молнелюбецъ Кроніонъ
И, на высшей глаубѣ многохолмного сида Олимпа,
Самъ онъ вѣщалъ, а бессмертные окрестъ безмолвно внимали.

Слушайте слово мое, и боги небесь, и богини: 5
Я вамъ повѣдаю, что мнѣ въ персяхъ сердце внушаетъ;
И никто отъ богинь, и никто отъ боговъ да не мыслить
Слово мое ниспровѣргнуть; покорные всѣ совокупно
Мнѣ способствуйте, да я безпрепятственно дѣло исполню!
Кто жъ изъ бессмертныхъ мягкожно захочеть, и я то узнаю, 10
Съ неба сойти, пособлять Илюніанамъ или Данаямъ,
Тотъ, пораженный позорно, страдать на Олимпѣ возвратится,
Или восхищу его и низвергну я въ сумрачный Тартаръ,
Въ пронасть далекую, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна:
Гдѣ и мѣдянный помостъ и ворота желѣзныя, Тартарь, 15
Столько далекий отъ ада, какъ свѣтлое небо отъ доля!
Тамъ онъ почувствуетъ, сколько могучье всѣхъ я бессмертныхъ!
Или дерзайте, извѣдайте, боги, да всѣ убѣдитесь:
Цѣпь золотую теперь же спустивъ отъ высокаго неба, 20
Всѣ до послѣдняго бoga и всѣ до послѣдней богини
Свѣсьтесь по ней, но совлечь не возможете съ неба на землю
Зевса, строителя вышняго, сколько бы вы ни трудились!
Если же я, разсудивши за благо, повлечь возжелаю,—
Съ самой землею и съ самымъ моремъ ее повлеку я
И мою десницаю окрестъ вершины Олимпа 25
Цѣпь привяжу,— и вселанная вся на высокихъ повиснетъ:
Столько превыше боговъ и столько превыше я смертныхъ!“
Такъ онъ вѣщалъ,— и молчанье глубокое боги хранили,
Всѣ пораженные рѣчью: ужасно грозенъ вѣщалъ онъ.

Но наконец свѣтлоокая такъ возгласила Аеина: 30
 „О всемогущій отецъ нашъ, Кроніонъ, верховный владыка!
 Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна,
 Но милосердуетъ мы обѣ Ахеянахъ доблестныхъ воѧть,
 Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ.
 Всѣ мы, однако, отъ брани воздержимся, если велишь ты; 35
 Мы лишь совѣты внушимъ Аргиванамъ, да храбрые мужи
 Въ Троѣ погибнутъ не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гнѣвомъ“.
 Ей, улыбаясь, отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
 „Водружтай, Тритонія, милая дочь! не съ намѣренiemъ въ сердцѣ
 Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю“. 40

Такъ произнесъ онъ и впряженъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
 Бурно летающихъ, гривы волниящихъ вкругъ золотыя;
 Золотомъ самъ онъ одѣлся, въ руку художествомъ дивный
 Бичъ захватилъ золотой и на блещущей сталь колесницы,
 Коней погналъ,—и послушные быстро они полетѣли, 45
 Между землею паря и звѣздами усѣянными небомъ.
 Онъ устремилъ ихъ на Иду, звѣрей многоводную матерь,
 Къ Гаргарту холму, гдѣ роща его и алтарь благовонный.
 Тамъ коней удержалъ повелитель безсмертныхъ и смертныхъ
 И, отъ ярма отрѣшивъ, окружилъ ихъ мракомъ великимъ, 50
 Самъ на вершинѣ Идейской возсѣль, величаясь славой,
 Градъ созерцая Троянъ и суда мѣднобронныхъ Данаевъ.

Тою порой укрѣпилися снѣдью Ахейскіе мужи
 Быстро по кущамъ и въ битву оружіемъ всѣ покрывались.
 Трои сыны на другой сторонѣ ополчались по граду. 55
 Въ меньшемъ числѣ, по и такъ готовые крѣпко сражаться,
 Нужной влекомы кровной, сражаться за жены и дѣтей ихъ.
 Всѣ растворились ворота, изъ оныхъ зарѣяли рати
 Конныя, пѣшия; шумъ между толпъ ихъ возвигся ужасный

Рати, на мѣсто одно устремляяся, быстро сошлися; 60
 Разомъ сразилися кожи, сразилися копья и силы
 Воиновъ, мѣдью одѣянныхъ; выпукло-блѣзинные разомъ
 Сшиблись щиты со щитами; громъ поднялся ужасный.
 Вмѣстѣ смѣшились побѣдные крики и смертные стоны
 Воевъ губящихъ и гибнущихъ; кровью земля заструилась. 65

Долго, какъ длился утро и день возрасталъ свѣтоносный,
 Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали—и падали вои.
 Но, лишь сияющій Геліосъ сталъ на срединѣ небесной,
 Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
 Бросиль два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:
 Жребій Троянъ конеборныхъ и мѣднооружныхъ Данаевъ; 70

Взяль по срединѣ и подняль: Данайскіхъ сыновъ преклонилъ
День роковой, Данайскіхъ сыновъ до земли многоплодной
Жребій спустился, Троянъ же до звѣзднаго неба вознесся.

Страшно грянулъ отъ Иды Кронидъ и перунъ по лазури 75
Пламенныи бросиль въ Ахейскія рати; Ахеици, увида,
Всѣ изумились, покрылися лица ихъ ужасомъ блѣдныи.
Идоменѣй оставаться не смѣль, ни Агридъ Агаменонъ,
Ни Аяксы воїди не остались, кlevреты Арея.

Несторъ одинъ срѣдь побоища, стражъ Аргавянъ, оставилъ 80
Волей недоброю: конь пострадаль, пораженный стрѣлою.
Раниль его Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Въ голову, въ самое темя, гдѣ первые волосы коней
Идуть отъ черепа къ выѣ: опасное мѣсто; отъ боли
Конь заскакалъ на дыбы: пернатая въ мозгъ погрузилась. 85

Коней смутилъ и другихъ онъ, крутился вкругъ пагубной мѣди.
Тою порою, какъ старецъ, къ коню пораженному бросясь,
Припряжъ отсѣчь напратается, Гектора быстрые кони
Скачутъ сквозь волны бѣгущихъ, отважнаго мча властелина,
Гектора! Тутъ бы старецъ жизнь погубилъ неизбѣжно, 90
Если бъ его не узрѣль Діомедъ, воеватель могучий.
Страшно воскликнула герой, призываю царя Одиссея:

„Сынъ благородный Лаерта, герой Одиссей многоуинный!
Что ты бѣжишь, обращая хребтъ, какъ въ толпѣ малодушный?
Нико тебѣ, берегися, вонзять бѣгущему въ плечи. 95
Стань, Одиссей, отразимъ мы отъ старца свирѣпаго мужа“.

Рекъ: не услышаль его Одиссей, благородный страдалецъ,
Мимо промчался, бѣжа къ кораблямъ многомѣстнымъ Ахейскимъ.
Но Діомедъ, и одинъ оставаясь, впередъ устремился,
Сталь передъ конскими яромъ Геренскаго старца Нелида 100
И къ нему взговорилъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Старецъ, жестоко тебя ратоборцы младые стѣсняютъ!
Сила оставила, старость тебя удручила лихая;
Немощенъ твой и возница, и кони твои не проворны.
Шествуй ко мнѣ, взойди на мою колесницу; увидиши, 105
Троса кони каковы, несказанно искусные въ полѣ
Быстро летать и туда, и сюда, и въ погонѣ, и въ бѣгствѣ.
Я ихъ вчера у Энея отбиль, разносителя бѣгства,
Вѣръ ты своихъ попеченью сподвижниковъ, сихъ же съ тобою
Мы устремимъ на Троянъ конеборныхъ, да нынѣ и Гекторъ 110
Уэрить, въ рукѣ и моей способна ль свирѣпствовать пика!“

Такъ произнесъ; не преслушался Несторъ, конникъ Геренский;
Старца принялъ кобылицъ, озабочились ими кlevреты,

Сильные двое, Сеенель съ Эвримедономъ славолюбивыи.

115

Сами вожди совокупно вошли въ колесницу Тидида;
Несторъ немедленно въ руки пріяль блестящія вожжи,
Коней стегнулъ, и предъ Гекторомъ быстро они очутились.
Въ Гектора, прямо летящаго, дроть Дюомедъ устремляетъ
И въ него не попалъ, но его браздодержца-клеврета,
Сына Ѹебея почтеннаго, смѣлага Эніопея, 120
Коней броздами гонящаго, въ грудь поражаетъ у сердца:
Въ прахъ съ колесницы онъ паль, и отпрянули въ сторону кони
Бурные; тамъ сокрушилась его и душа, и могучесть.
Гектору сердце стѣснила жестокая скорбь о возницѣ,
Но его наконецъ, не взирая на жалость о другѣ, 125
Бросиль и смѣлага окрестъ возницы искалъ, и не долго
Кони нуждались въ правителѣ; скоро достойный явился:
Архентолемъ, Ифитидъ безстрашный; ему онъ на коней
Быстрыхъ взойти повелѣлъ и бразды къ управлению ввѣрилъ.

Сѣча была бѣ, совершилось бы невозвратимое дѣло, 130
Въ градѣ своемъ заключилось бы, словно какъ овцы, Трояне;
Но увидѣлъ то быстро Отецъ и бессмертныхъ и смертныхъ.
Онъ, загремѣвшіи ужасно, перунъ сребропламенный бросилъ
И на землю его, предъ конями Тидида, повергнуль:
Страшныи планенемъ вверхъ воспаленная пыхнула сѣра; 135
Кони отъ ужаса, прянувъ назадъ, подъ ярмомъ задрожали;
Пышная коней бразды убѣжали изъ старцевыхъ дланей.
Съ сердцемъ трепещущимъ онъ провѣщалъ къ Дюомеду герою:

„Другъ Дюомедъ, оборачивай къ бѣгству коней быстроногихъ.
Или не чувствуешь ты, не тебѣ отъ Кронида побѣда! 140
Нынѣ его на бою громомечущій Зевсъ прославляеть,
Гектора; послѣ, быть можетъ, когда возжелаетъ, даруетъ
Славу и намъ. Человѣкъ не преложить совѣтовъ Зевеса,
Сколько бы ни былъ онъ силенъ: могутъе онъ, громовержецъ!“

Но ему отвѣчаль Дюомедъ, знаменитый воитель: 145
„Все справедливо и все ты разумно, старецъ, вѣщаешь,
Но болѣзнь мнѣ жестокая сердце и душу проходить!
Гекторъ нѣкогда скажеть, предъ сонмомъ Троянъ велерѣча:
Вождь Дюомедъ отъ меня къ кораблямъ убѣжалъ, устрашенный.
Скажетъ хвались, и тогда разступися, земля, подо мною!“ 150

Вновь Дюомеду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Сынъ браннопосца Тида, безтрепетный, что ты вѣщаешь?
Если бы Гекторъ тебя и робкимъ назвалъ, и безсильнымъ,
Вѣры ему не дадутъ ни Дардане, ни граждане Трои;
Вѣры ему не дадутъ и супруги Троянъ щитопоспѣвъ, 155

Коихъ супруговъ цвѣтующихъ толпы распостеръ ты по праху".

Такъ говоря, обратилъ онъ на бѣство коней звуконогихъ Рати бѣгущей въ толпу, и на нихъ и Трояне, и Гекторъ, Страшные крики поднявъ, задождили свистящія стрѣлы.

Голосомъ звучнымъ кричалъ ему вслѣдъ шлемоблещущій Гекторъ: 160

„О Дюмѣдъ! передъ всѣми тебя почитали Данаи Мѣстомъ, и брашномъ, и полными кубками въ пиршествахъ общихъ; Впредь не почтуть: при всѣхъ ихъ женщиною ты оказался! Стибни, презрѣвшая дѣва! скорѣй, чѣмъ меня отразивши, На стѣны наши взойдешь, или нашихъ супругъ похищенныхъ 165 Въ плѣнъ повлечешь ты, скорѣе тебя я къ демону свергну!"

Такъ восклицалъ, а Тидидъ волновался въ сомнительныхъ ду-
махъ:

Вспять обратить ли коней и сразиться ли противостоявши?
Трижды на думу сю и умомъ онъ, и сердцемъ рѣшался;
Трижды съ Идейскаго Гаргара грозно гремѣль промыслитель 170
Зевсъ, возвѣща Троянамъ побѣду сомнительной битвы.

Гекторъ же снова Троянъ возбуждалъ, восклицающій звучно:

„Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукопашщи Дарданцы!
Будьте мужами, о други, помните бурную доблѣсть!
Чувствую, мнѣ благосклонный Кронидъ знаменаетъ симъ громомъ 175
Въ браны побѣду и славу, Ахейцамъ же срамъ и погибель!
Мужи безумцы, они въ оборону примыслили стѣны,
Слабыя, храбрымъ презрѣнныя, силамъ моимъ не преграда!
Кони же наши легко чрезъ ископанный ровъ перепрянутъ.
Но, когда я приближусь къ Аргивскимъ судамъ мореходнымъ, 180
Помните! други, съ огнемъ въ пылающимъ будьте готовы.
Пламенемъ я истреблю ихъ суда и самихъ предъ судами
Всѣхъ изобью Аргивянъ, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ!"

Такъ пропзнесши, къ конямъ обратился и къ пимъ говорилъ онъ:
„Ксанѣй и Шодаргъ, и божественный Лампъ, и могучий мой Эоонъ! 185
Нынѣ, о кони, вы мнѣ заплатите за кормъ свой роскошный.
Часто моя Андромаха, почтенная дочь Гетиона,
Первымъ вамъ предлагала пшеницу пріятную въ пищу,
Вамъ растворяла вино къ питию, до желанія сердца,
Прежде меня, для нея драгоценнаго мужа младого! 190
Мчитеся жъ, кони, летите; настигнемъ враговъ и похитимъ
Несторовъ щитъ, о которому слава до неба восходить,
Будто изъ золота весь онъ—и кругъ и его рукояти;
И съ раменъ Дюмѣда, смирителя коней, добудемъ
Пышныя, дивныя латы, Гефеста безсмертнаго дѣло!
Если похитимъ мы ихъ, несомнѣнно увѣренъ, Ахейцы 195

Въ эту же ночь на суда быстролетныя бросяются къ бѣгству!“

Такъ возносишь, восклицалъ онъ; прогибвалась мощная Гера,
Восколебалась на тронѣ, и дрогнула Олимпъ многохолмный.

Быстро вѣщаля она къ Посидону, великому богу:

200

„Богъ многомощный, колеблющий землю! ужели нисколько
Сердце твое не страдаетъ о гибнущихъ храбрыхъ Данаахъ!
Тѣхъ, что и въ Эгѣй тебѣ, и въ Геликѣ столько пріятныхъ
Жертвъ и даровъ посвящаютъ? споспѣшствуй имъ ты въ побѣдѣ!
Если бъ и всѣ, Аргивянъ побровители, мы возжелали,
Трои сыновъ отразивъ, обуздать громоноснаго Зевса,
Скоро бы онъ сокрушился, сидя одинокий на Идѣ!“

205

Ей, негодя, отвѣтствовалъ мощній земли колебатель:

„О дерзословная Гера! какія ты рѣчи вѣщаешь?
Нѣть, не желаю отнюдь, чтобы кто-либо смѣлъ отъ безсмертныхъ
Съ Зевсомъ Кронидомъ сражаться: могуществомъ всѣхъ онъ пре-
выше!“

Такъ на Олимпѣ безсмертные между собою вѣщали.
Тою порой отъ судовъ, между рвовъ и стѣною, пространство
Все наполнено было и коней и воевъ толпами
Страшно тѣснѣнныхъ Danaeъ: какъ бурный Ареи, утѣсняль ихъ 215
Гекторъ могучий, когда даровалъ ему славу Кронионъ.
Онъ истребилъ бы свирѣпымъ огнемъ и суда ихъ у моря,
Если бы Гера царю Агамемнону въ мысль не вложила
Быстро пародъ возбудить, хоть и самъ онъ объ ономъ же пекся.
Онъ устремился, стопы ускоривъ, до судовъ и до кущей,
Мощной рукою держа великий свой плащъ пурпуровый. 220

Сталь Агамемнона на черный, огромный корабль Одиссея,
Бывшій въ срединѣ, да голось его обоюдоуслышать,
Въ кущахъ конечныхъ Аякса и въ кущахъ царя Ахиллеса,
Кои на самыхъ концахъ съ многовесными ихъ кораблями 225

Стали, надежные оба на силу ихъ рукъ и на храбрость.

Тамъ, поразительнымъ голосомъ, онъ вопіяль къ Аргивянамъ:

„Стыдъ, Аргивяне! отродье презрѣнное, дивное видомъ!

Гдѣ похвалыбы, какъ храбрѣшими сами себѣ величали,
Тѣ, что на Лемнѣ, тщеславные, громко вы произносили? 230

Тамъ на юирахъ, поѣдая рогатыхъ воловъ неисчислимыхъ,
Чаши до дна выпивая, виномъ черезъ край налитыя,
На сто, на двѣсти Троянъ, говорили вы, каждый изъ нашихъ

Станеть смѣло на бой, а теперь одного мы не стоимъ

Гектора! Онъ къ кораблямъ приближается съ пламенемъ бурнымъ! 235

Зевсъ Олимпийскій, кого на землѣ отъ царей многомощныхъ

Радвой ты карой караль и толикой лишай его славы?

Я же, о Зевсъ, миноваль ли когда твой алтарь велелѣпный,
Въ черномъ моемъ кораблѣ сюда на несчастіе плывшій?
Нѣть, на всѣхъ возжигалъ я тельчіе туки и бедра, 240
Сердцемъ пылая разрушить высокотвердынную Трою.
Нынѣ, о Зевсъ, хоть одно для меня ты исполни желанье!
Дай хотя намъ ты саимъ отъ враговъ избѣжать и спастися;
Здѣсь не предай на погибель сынамъ Иліона Ахеянъ!“

Рекъ; умиллся Отецъ надъ паремъ, проливающимъ слезы, 245
Знаменъе далъ, да спасется Аргивскій народъ, не погибнетъ:
Быстро орла ниспослалъ, между вѣщихъ вѣргѣйшую птицу.
Мчацій въ когтяхъ онъ елена, рожденію быстрыя лани,
Близъ алтаря велелѣпнаго Зевсова бросилъ елена,
Гдѣ племена Аргивянъ поклонялись всевѣщему Зевсу. 250
Чуть усмотрѣли они, что отъ Зевса явилася птица,
Жарче на рати Троянскія бросились, вспыхнули боемъ.

Но не успѣль ни одинъ, сколь ни много Данаевъ тутъ было,
Славиться прежде Тидида, что, бурный, коней устремивши, 255
Выгналь за ровъ, на противныхъ ударилъ и смѣло сразился.
Первый изъ всѣхъ онъ Троянскаго мужа, доспѣшника, свергнулъ,
Фрадиона вѣтвь, Агелая; тогда, какъ Троянецъ на бѣгство
Коней ворочалъ, ему обращенному острую пику
Онъ между плечъ углубилъ и сквозь перси кровавую выгналь: 260
Палъ съ колесницы онъ въ прахъ, и взгрѣмѣли на падшемъ доспѣхи.
Послѣ Тидида, Атриды цари устремилися оба;
Вслѣдъ ихъ Аяксы вожди, облеченные бурною силой;
Идоменей Девкалидъ и его сподвижникъ ужасный,
Вождь Меронъ, Эніалю равный, губителю смертныхъ;
Послѣ герой Эврипилъ, препрославленный сынъ Эвемона. 265
Тевкъ же, девятимъ испедъ, наляцатель жестокаго лука,
Сталь подъ великимъ щитомъ Теламонова сына Аякса.
Часто Аяксъ отсторонивалъ щитъ, а стрѣлецъ знаменитый,
Вокругъ осмотрѣвшіи и иѣтко стрѣльнувшіи въ толпу сопротивныхъ,
Ранилъ кого-либо; раненый, павъ, разставался съ душою; 270
Тевкъ же бросался назадъ и, какъ къ матери сынъ, приникаль
опъ

Къ брату Аяксу, и сильный щитомъ покрывалъ его свѣтлынь.

Кто жъ межъ Троянами первый сраженъ Теламонидомъ Тевкромъ?
Первый Орсилохъ, за нимъ Офелестъ и воинственный Орменъ,
Деторъ и Хромій и мужъ Ликофонъ, небожителю равный, 275
Гамоаконъ, Поліемоновъ сынъ, и могучій Меланиппъ:
Сихъ, одного за другимъ, положилъ онъ на тучную землю.
Тевкра увидѣвъ, восхитился духомъ Атридъ Агамемонъ,

Какъ онъ изъ крѣпкаго лука Троянъ истребляетъ фаланги; 280
Быстро приближался, сталь и къ нему, восхищенный, восклинуль:

„Тевкъ, удалая глава! предводитель мужей Теломанидъ!
Такъ поражай и успѣшь, и свѣтомъ Ахѣямъ ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебѣ возлѣялъ онъ съ дѣтства
И, побочнаго сына, воспитывалъ въ собственномъ домѣ:
Старца, хотя и далекаго, славой возвысь благородной! 285

Я же тебѣ говорю и исполнено слово то будетъ:
Ежели даруютъ мнѣ громовергущій Зевсъ и Аѳина
Градъ разорить, устроеніемъ пышную Трою Пріама,
Первому послѣ меня тебѣ вручу я награду:
Или треножникъ сіяющій, или коней съ колесницей, 290
Или младую жену, да съ тобою восходитъ на ложе“.

Рекъ онъ,—и быстро Атриду отвѣтствовалъ Тевкъ непорочный:
„Сынъ знаменитый Атреевъ, почто, какъ и самъ я стараюсь,
Ты побуждаешь меня? Ни на мнѣ я, доколѣ есть сила,
Праздень не буду; съ тѣхъ поръ, какъ Троянъ отразили мы къ 295
граду,

Съ тѣхъ уже поръ я стрѣлами, враговъ принимая, сражая:
Восемь уже я послалъ изошренійшихъ стрѣль долгожалыхъ;
Восемь воизились онъ въ благороднѣйшихъ юношей ратныхъ;
Только сего не дается свирѣпаго пса мнѣ умѣтить!“

Такъ произнесъ и пернатою новой изъ лука онъ прыснуль, 300
Въ Гектора мѣта: его поразить разгоралось въ немъ сердце,
И въ него не попалъ, по невиннаго Горгенона,
Храбраго сына Пріамова, въ грудь поразилъ онъ стрѣлою,
Сына, который рожденъ отъ жены, изъ Эѳами поятой,
Кастіапирѣ прекрасной, видомъ богинѣ подобной. 305

Словно какъ въ цвѣтникѣ наклоняется голову на бокъ,
Пышный, плодомъ отягченный и крупною влагой весенней,—
Такъ онъ голову на бокъ склонилъ, отягченную шлемомъ.
Тевкъ же пернатою новой изъ лука могучаго прыснуль,
Въ Гектора мѣта: его поразить распыталось въ немъ сердце, 310
И не умѣтилъ опять: Аполлонъ отразилъ роковую;
Архентолема она, Пріамова друга-возицу,
Пламенно въ бой устремлявшагося, острага, въ грудь поразила:
Въ прахъ съ колесницы онъ палъ и отпрянули въ сторону кони
Бурные; тамъ сокрушилась его и душа, и могучесть. 315
Тяжкая грусть по возицѣ у Гектора сердце стѣснила,
Но оставилъ его, не взирая на жалость о другѣ;
Брату герой повелѣлъ, Кебріону, стоящему близко,
Конскія вожжи припять, и немедленно тотъ покорился.

- Гекторъ же самъ съ колесницы сіяющей прынуялъ на землю 320
 Съ крикомъ ужаснымъ и, камень рукою восхитивъ огромный,
 Ринулся прямо на Тевкра, убить стрѣловерхца пылая.
 Тою порой изъ колчана пернатую горькую вынувъ,
 Тевкъ приложилъ къ тетивѣ,—и его шлемоблещущій Гекторъ,
 Лукъ наляцавшаго крѣпкій, по раму, гдѣ ключъ отдѣляетъ 325
 Вью отъ персей и гдѣ особливо опасное мѣсто,
 Тамъ, на себя устремленного, камнемъ ударила жестокимъ,
 Жилу разсѣкъ у стрѣльца; онѣмѣла рука возлѣ кисти,
 Онъ на колѣно поникнулъ, и лукъ изъ руки его выпалъ.
 Сынъ Теламоновъ, Аяксъ, не оставилъ падшаго брата, 330
 Быстро примчясь, заступиль и щитомъ заградилъ кругловиднымъ.
 Тою порой, подъ него преклоняся, усердные други,
 Ехievъ сынъ, Мекистей, и иладой благородный Аласторъ,
 Къ чернымъ его кораблямъ понесли, стенающаго тяжко.
 Снова храбрость Троянъ Олимпіецъ Кроніонъ возвысилъ: 335
 Прямо къ глубокому рву Трояне погнали Ахеянъ;
 Гекторъ впередъ между первыми несся, могучестью гордый.
 Словно какъ песь быстрорыщущій льва или дикаго вепря,
 Слѣдомъ гоня и на рѣзвыя ноги надѣялся, ловить
 То за бока, то за бедра и всѣ стережеть извороты,— 340
 Такъ шлемоблещущій Гекторъ Danaevъ гналъ, непрестанно
 Мужа послѣдняго пикой сражая: бѣжали Данай.
 Но, когда перешли частоколь и окопъ свой глубокій,
 Въ смутѣ бѣжа и отъ руку уже вражескихъ многіе пали,
 Подѣ судовъ удержались отъ бѣгства Ахейскіе мужи. 345
 Тамъ, ободряя другъ друга и руки горѣ воздѣвая,
 Всѣхъ Олимпійскихъ боговъ умоляли мольбой громогласной.
 Гекторъ же грозный носился кругомъ на коняхъ пышногривыхъ,
 Взоромъ подобный Горгонѣ и людоубийцѣ Арею.
 Тамъ ихъ увидѣвъ, исполнилась жалости Гера богиня 350
 И мгновенно къ Палладѣ крылатую рѣчь устремила:
 „Дщерь громоверхца Кронида, Паллада! ужели Данаямъ,
 Гибнущимъ горестно, мы хотѣ въ послѣдній разъ не поможемъ?
 Вѣрно, жестокій свой жребій они совершать и погибнутъ
 Всѣ подъ рукой одного; нестерпимо надъ ними свирѣпство 355
 Гектора, сына Пріамова: сколько онъ зла имъ содеялъ!“
 Ей отвѣчала немедленно дочь громоверхца Аеина:
 „И давно бы ужъ онъ и свирѣпство, и душу извергнулъ,
 Здѣсь, на родимой землѣ, сокрушенный руками Danaevъ,
 Если бы отенъ мой, Кронидъ, не свирѣпствовалъ ирачной душою. 360
 Лютий, всегда неправдивый, моихъ предирязтій рушитель,

Онь никогда не воспомнить, что нѣсколько разъ я спасала
Сына его, Эврисеемъ томимаго въ подвигахъ тяжкихъ.
Тамъ онъ вонилъ къ небесамъ, и меня отъ высокаго неба
Сыну его помогать ниспослалъ Олимпіецъ Кроніонъ. 365

Если бъ я прежде умомъ проницательнымъ то предузнала,
Въ дни, какъ его Эривсеей посыпалъ во Аидъ крѣпковратный
Іса увести изъ Эрева, отъ страшнаго бога Аида,
Онь не избѣгнѣлъ бы гибельныхъ водъ глубокаго Стикса.
Нынѣ меня ненавидить и волю Фетиды свершаетъ: 370

Ноги лобзала ему и касалась брады Нереида,
Слезно моля, да прославить онъ сїй градоборца Пелида.
Будеть, когда онъ опять назоветъ и Аѳину любезной!
Гера, не медли, вираги въ колесницу коней звуконогихъ;
Я, между тѣмъ, поспѣшаю въ чертоги отца Эгіоха: 375

Тамъ я оружіемъ грознымъ на бой ополчусь и увижу,
Намъ Пріамидъ сей надменный, шеломомъ сверкающій Гекторъ,
Будеть ли радъ, какъ мы явимся обѣ на битвенномъ полѣ?
О! не одинъ и Троянецъ насытить и псовъ, и пернатыхъ
Тѣломъ и тукомъ своимъ, распострясь предъ судами Ахеянъ!“ 380

Такъ изрекла; преклонилась лілейнораменая Гера;
Бросясь и быстро носясь, снаряжалъ коней златосбруйныхъ
Гера богиня, старѣйшая отрасль великаго Крона.
Тою порой Аѳина въ чертогѣ отца Эгіоха

Топкій покровъ разрѣшила, струей на помостъ онъ скатился, 385
Пышноузорный, который сама, сотворивъ, украшала;
Вместо его облачася броней громоноснаго Зевса,
Браинъмъ доспѣхомъ она ополчалась къ браніи плачевной;
Такъ въ колесницѣ пламенной ставъ, копіемъ ополчилась

Тяжкимъ, огромнымъ, могучимъ, которымъ ряды собирашася 390
Сильныхъ, на коихъ разграбвана дщерь всемогущаго бога.
Гера не медля съ бичомъ налегла на коней быстролетныхъ.
Съ громомъ врата имъ небесныя сами разверзлись, при Горахъ,
Стражъ которыхъ Олимпъ и великое ввѣreno небо,
Чтобы облакъ густой разверзть, иль соикнуть передъ ними. 395

Онымъ путемъ чрезъ сіи врата подстрекаемыхъ коней
Гнали богини. Отъ Иды узрѣвъ ихъ, исполнился гнѣва
Зевсъ,—и Ирису къ нимъ устремилъ златокрылую съ вѣстью:

„Мчися, Ириса крылатая, вспять возврати ихъ, не дай имъ
Дальше стремиться; или не къ добру мы сойдемся во браніи! 400
Такъ я, реки имъ, вѣщаю и такъ непреложно исполню:
Конямъ я ноги сломлю подъ блестящею ихъ колесницей;
Изъ съ колесницы сразу и въ прахъ сокрушу колесницу!

И ни въ десять онъ совершившихся лѣтъ круговоратныхъ
Язвъ не излѣчать глубокихъ, какія мой громъ нанесеть имъ. 405
Будетъ помнить Аеина, когда на отца ополчалась!
Но противъ Геры не столько я злобенъ, не столько я гнѣвенъ:
Гера обыкнула все разрушать имъ, что я ни замыслю!“

Рекъ онъ,—и бросилась вѣстница, равная вихрямъ Ириса,
Прямо съ Идейскихъ вершинъ на великий Олимпъ устремилась, 410
Тамъ, при первыхъ вратахъ многохолмной горы Олимпийской
Встрѣтивъ богинь, удержала и Зевсовъ глаголь возвѣстила:

„Что предпріемете? что ваше сердце свирѣпствуетъ въ персяхъ?
Зевсъ воспрещаетъ Кронидъ поборать кудреглавымъ Ахейцамъ.
Такъ онъ грозилъ, громовержецъ, и такъ непреложно исполнить: 415
Сломить колѣна конямъ подъ златой колесницею вашей,
Вась съ колесницы сразить и въ пражъ сокрушить колесницу.
И ни въ десять уже совершившихся лѣтъ круговоратныхъ
Вы не излечите язвъ, которыя громъ нанесеть вамъ.
Будешь, Аеина, ты помнить, когда на отца ополчалась! 420
Но противъ Геры не столько онъ злобенъ, не столько онъ гнѣвенъ:
Гера обыкнула все разрушать, что Кронидъ ни замыслить!
Ты же, ужасная,—псида безстыдная, ежели точно
Противу Зевса дерзаешь поднять огромную пику!“

Слово скончавъ, отлетѣла, подобно вихрямъ, Ириса, 425
И къ Аеинѣ тогда провѣщала державная Гера:

„Нѣть, свѣтлоокая дочь Эгіохова! я не желаю,
Я не позволю себѣ противъ Зевса за смертныхъ сражаться!
Пусть между ними единый живеть, а другой погибаетъ, 429
Какъ предназначено; Зевсъ, совѣщааясь съ собственнымъ серд-
цемъ,

Самъ да присудитъ, что слѣдуетъ, Трои сыпамъ и Ахейцамъ!“

Такъ произнесши, назадъ обратила коней быстроногихъ.
Горы, принесшимся имъ, пышногривыхъ коней отрѣшили,
Ихъ привязали браздами у яслей, аморзіи полныхъ,
Но колесницу богинь преклонили къ стѣнамъ кругозарнымъ. 435
Сами богини, притехшія всپять, между сонма безсмертныхъ
Сѣли на кресла златыя, съ печалью глубокою въ сердцѣ.

Зевсъ отъ Иды горы, въ колесницѣ красивоколесной,
Коней къ Олимпу погналъ и принесся къ собору безсмертныхъ.
Коней его отрѣшиль Посидонъ, земли колебатель, 440
И колесницу, покрывъ подотномъ, на подножье поставилъ.
Самъ на златомъ престолѣ пространногримящій Кроніонъ
Сѣль,—и великий Олимпъ задрожалъ подъ стопами владыки.
Смутны, однѣ, отъ Зевса далеко, Аеина и Гера

Вмѣстѣ сидѣли, не смѣя начать ни вопроса, ни рѣчи. 445
 Мыслью своею проникъ то Кроніопъ и самъ возгласилъ къ нимъ:
 „Чѣмъ опечалены такъ и Аѳина, и Гера богиня?
 Въ брани, мужей прославляющей, вы подвизались недолго,
 Къ пагубѣ храбрыхъ Троианъ, на которыхъ пылаете злобой!
 Такъ, у меня таковы необорнныя силы и руки; 450
 Боги меня не подвигнутъ, колико ни есть на Олимпѣ!
 Вамъ же трепетъ обѣяль и сердца, и прекрасные члены
 Прежде, чѣмъ брань вы узрѣли и грозные подвиги брани.
 Паки глаголю я вамъ (и глаголы бѣ мои совершились):
 Вы, на своей колесницѣ, моимъ пораженнымъ громомъ, 455
 Вспять никогда не пришли бѣ на Олимпъ, обитель безсмертныхъ!“
 Такъ онъ вѣщацъ; негодуя, стенали Аѳина и Гера:
 Вмѣстѣ сидѣли онѣ и Троянамъ бѣды совѣщали.
 Но Аѳина смолчала, не молвила, гнѣвная, слова
 Зевсу отцу, а ее волновала свирѣпая злоба. 460
 Гера же гнѣва въ груди не сдержала, восклинула къ Зевсу;
 „Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, жестокій, вѣщаешь?
 Вѣдаемъ мы совершенно, что сила твоя необорна,
 Но милосердуетъ мы обѣ Ахеянахъ, доблестныхъ вояхъ,
 Кои, судьбу ихъ жестокую скоро исполнивъ, погибнутъ! 465
 Обѣ, однако, отъ брани воздержимся, если велишь ты;
 Мы лишь совѣты внаущимъ Аргивянамъ, да храбрые мужи
 Въ Троѣ погибнуть не всѣ подъ твоимъ сокрушительнымъ гѣ-
 вомъ“.
 Къ ней обратясь, возгласилъ воздымающій тучи Кроніонъ:
 „Завтра съ десницаю ты, волоокая, грозная Гера, 470
 Можешь, коль хочешь, увидѣть, какъ будетъ Кронидъ много-
 мощный
 Болѣ еще истреблять ополченіе храбрыхъ Данаевъ:
 Ибо отъ брани руки не спокоить стремителный Гекторъ
 Прежде, пока при судахъ не воспрянеть Пелидъ быстроногій
 Въ день, какъ уже предъ кормами ихъ воинства будутъ сра-
 жаться, 475
 Въ страшной столпясь тѣснотѣ, вокругъ Патроклова мертваго тѣла.
 Такъ суждено! и пылающій гнѣвъ твой въ ничто я вмѣняю!
 Если бы даже ты въ гнѣвѣ дошла до послѣднихъ предѣловъ
 Суши и моря, туда, гдѣ Япетъ и Кронъ заточенный,
 Сидя, ни вѣтромъ, ни свѣтомъ высокоходящаго солнца 480
 Вѣкъ насладиться не могутъ: кругомъ ихъ Тартаръ глубокий, —
 Если бѣ, вѣщаю тебѣ, и туда ты, скиталась, достигла,
 Гнѣвъ твой вмѣнью ни во что, не взирая на всю твою наглость!“

- Рекъ,—и умолкла предъ Зевсомъ лилейнораменна Гера.
 Наль между тѣмъ въ Океанъ лучезарный пламениникъ солица, 485
 Черную ночь навлекая на многоплодящую землю.
 Цепь скрылся противу желаній Троянъ, по Ахейцамъ
 Сладкая, всѣмъ вожделѣнна, мрачная ночь наступила.
- Въ войскѣ Троянскомъ совѣтъ сотворилъ блистательный Гек-
 торъ, 490
 Вдалъ отъ Ахейскихъ судовъ, къ рѣкѣ отошедшіи пучиной,
 Въ чистое поле, гдѣ мѣсто отъ труповъ свободное было.
 Тамъ, сошедши съ коней, Трояне слушали слово.
 Гекторъ его говорилъ имъ великій: въ десницѣ держалъ опъ
 Пику въ одиннадцать локтей; далеко на пики сіяло
 Мѣдное жало ея и кольцо вокругъ него золотое. 495
 Онъ, оираясь на пику, вѣщалъ имъ крылатыя рѣчи:
 „Слухъ преклоните, Трояне, Дардане и рати союзныхъ!
 Я уповаю, что въ сей день, истребивъ и суда, и Ахеянъ,
 Мы, торжествуя, обратно въ святый Иліонъ возвратимся.
 Прежде настигнула тьма, и единая тьма сохранила 500
 Рать Аргивянъ и суда ихъ на берегѣ шумнаго моря.
 Други, и мы покоримся настигнувшей сумрачной ночи;
 Вечерю здѣсь учредимъ. Ратоборцы, коней пышногривыхъ
 Всѣхъ вы отъ ярии отрѣшивши, задайте обильно имъ корму;
 Сами скорѣе изъ града воловъ и упитанныхъ агнцовъ 505
 Къ вечери въ станъ пригопите; вина животворнаго, хлѣбовъ
 Намъ изъ домовъ приспесите; и послѣ совлечь поспѣшайте
 Множество лѣса, да цѣлую ночь, до зари свѣтоносной,
 Окресть огни здѣсь пылаютъ и зарево къ небу восходить;
 Ради того, чтобы во тьмѣ кудреглавые мужи Ахеи. 510
 Въ домъ не рѣшались бѣжать по широкимъ хребтамъ Геллеспонта,
 Или дабы на суда не взошли безопасно и мирно.
 Нѣть, пускай ни одинъ и въ отечествѣ рану врачуешь,
 Раненый острый копьемъ, или крылатой стрѣлою Троянской,
 Скачущій въ судно Danaeъ; и пусть ужаснутся народы 515
 Слезную брань наносить укротителямъ коней Троянамъ!
 Вѣстники, Зевсу любезные, вы объявите, да въ градѣ
 Бодрые отроки всѣ и отъ лѣтъ убѣленные старцы
 Трою святую кругомъ стерогутъ съ богосозданныхъ башенъ,
 Жены жъ, слабѣвшая силами, каждая въ собственномъ домѣ, 520
 Яркій огонь да разводятъ, и крѣпкая стража да будетъ!
 Въ градѣ не ворвался бѣ враждебный отрядъ при отсутствіи воинства.
 Такъ да будетъ, какъ я говорю, бранноносцы Трояне!
 Мысли, народу сегодня полезныя, сказаны жено;

- Завтра другія Троянамъ, смирителямъ коней, скажу я. 525
 Льщуся, молаясь и надѣясь на Зевса и прочихъ бессмертныхъ,
 Я изгоню изъ Троады неистовыхъ псовъ навожденныхъ,
 Коихъ судьба лихая на черныхъ судахъ привела къ намъ.
 Но во мракѣ ночномъ окранимъ и себя мы во станѣ, 530
 Завтра же, съ свѣтомъ зари, ополчася оружiemъ браннымъ,
 Мы предъ судами Ахеянъ воздвигнемъ свирѣпую жесточь.
 Тамъ я увижу, меня ль Діомедъ, воеватель могучий,
 Боецъ къ стѣнамъ отъ судовъ отразить, или я, Діомеда
 Мѣдью убивъ, въ Иlionъ возвращуся съ корыстю кровавой.
 Завтра предъ нами покажеть онъ мужество, если посмѣть 535
 Встрѣтить летящій мой дротъ, но, надѣюсь, завтра межъ первыхъ
 Будетъ пронзенный лежать, съ неисчислыми окресть друзьями,
 Онъ передъ солнцемъ всходящимъ. О! если бы столько же вѣрно
 Быль я бессмертенъ и жизнью моей никогда не старѣющъ
 Славился всѣми, какъ славятся Фебъ и Паллада Аеина, 540
 Сколько то вѣрно, что сей день несетъ Аргивианамъ погибель!“
- Такъ Пріамидъ говорилъ,—и кругомъ воскликали Трояне;
 Быстрыхъ коней отѣшиали, подъ ярмами потомъ покрытыхъ,
 И, предъ своей колесницею каждый, вязали браздами. 545
 Послѣ изъ града и тучныхъ воловъ, и упитанныхъ агнницъ
 Къ рати поспѣшио пригнали, вина животворного, хлѣбовъ
 Въ станъ принесли изъ домовъ, навлачили множество лѣса
 И сожигали полныя въ жертву богамъ гекатомбы.
 Ихъ благовоніе вѣтры съ земли до небесъ возносили
 Облакомъ дыма, но боги блаженные жертвъ не пріяли, 550
 Презрѣли ихъ: ненавистна была имъ священная Троя
 И владыка Пріамъ, и народъ копѣеносца Пріама.
- Гордо мечтая, Трояне на поприщѣ бранномъ сидѣли
 Цѣлую ночь, и огни ихъ несчетные въ полѣ пылали,
 Словно какъ на небѣ звѣзды вокругъ мѣсяца яснаго сонмъ 555
 Яркія блескомъ являются, ежели воздухъ безвѣтренъ;
 Все кругомъ открывается—холмы, высокія скалы,
 Долы; небесный зеіръ разверзается весь безпредѣльный;
 Видны всѣ звѣзды; и паstryръ, дивуясь, душой веселится. —
 Столько межъ черныхъ судовъ и глубокопучиннаго Ксанеа 560
 Зрѣлось Троянскихъ огней, пламенѣющихъ предъ Иlionомъ.
 Тысяча въ полѣ пытало огней, и предъ каждымъ огнищемъ
 Вокругъ пятьдесятъ ратоборцевъ сидѣло при заревѣ яркомъ.
 Кони ихъ, бѣлымъ ячменемъ и сладкой питаяся полбой,
 Подлѣ своихъ колесницъ ожидали зари лѣпотронной. 565

ПѢСНЬ IX.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТОЙ ПѢСНИ.

Ахейцы, пораженные въ битвѣ, проводятъ ночь въ страхѣ и беспокойствѣ. Агамемнонъ, отчаявшись въ спасеніи, созываетъ собраніе и повелѣваетъ бѣжать, ст. 1—28. Діомедъ возражаетъ и отвращаетъ его отъ безразсудного намѣренія, такъ же и Несторъ, 29—78, по совѣту коего учреждается стража, для охраненія стана. Агамемнонъ даетъ пиры старѣшинамъ; по окончаніи онаго, Несторъ совѣтуетъ умилостивить Ахиллеса, чтобы онъ присоединился къ воинству, 79—113. Агамемнонъ на сие соглашается, обѣщаетъ Ахиллесу, если онъ съ нимъ примирится, дать знаменитые дары и возвратить Бризенду неприкосновенною, 114—161. Несторъ избираетъ для сего пословъ: Феникса, бывшаго наставника Ахиллесова, старшаго Аякса, Одиссея и двухъ вѣстниковъ, которые и отправляются, 162—184. Послы находять Ахиллеса играющими на лире, 185—195; онъ принимаетъ ихъ дружелюбно, угощаетъ трапезою, по окончаніи которой первый говоритъ Одиссей, 196—306; Ахиллесъ возражаетъ сурово и отвергаетъ все, 307—429. Второй убѣждаетъ его Фениксъ, рассказывая, между прочимъ, повѣсть о гибели Мелеагра, 430—605; Ахиллесъ отвѣчаетъ гибельно, велить Фениксу остаться у него и грозится завтра отплыть съ нимъ въ отчество. Другихъ пословъ отпускаетъ, 606—623. Наконецъ говорить Аяксъ и краткою, но сильною рѣчью потрясаетъ душу его, 624—642. Ахиллесъ оставляеть намѣреніе щать, но съ Агамемнономъ не примиряется, 643—655. Аяксъ и Одиссей уходятъ въстѣ о безуспешномъ посольствѣ опечаливаютъ Ахеянъ. Діомедъ ободряетъ ихъ своею рѣчью и совѣтуетъ на слѣдующее утро снова сражаться, 656—713.

Такъ охраняли Троюне свой станъ, но Ахеянъ волнуетъ
Ужасъ, свыше ниспосланный, Бѣгства дрожащаго спутникъ:
Грусть нестерпимая самыхъ отважнѣйшихъ духъ поражаетъ.
Словно два быстрые вѣтра волнуютъ центръ многорыбный,

Шумный Борей и Зефиръ, коп, изъ Оракій дуя,
Вдругъ налетаютъ, свирѣпые: вдругъ почерѣвшія зыби
Грозно холмятся и множество пороста хлещутъ изъ моря, —
Такъ раздиралися души въ груди благородныхъ Danaevъ.

5

Царь Агамемнонъ, печалью глубокою въ сердце пронзенный,
Окрестъ ходилъ, разсылая глашатаевъ звонкоголосыхъ
Къ сонму вождей приглашать, но по имени каждого мужа,
Тихо, безъ клича, и самъ между первыхъ владыка трудился.
Мужи совѣта сидѣли унылые. Царь Агамемнонъ
Всталъ, проливающій слезы, какъ горный потокъ черноводный
Съ верха стремистой скалы проливаетъ мрачныя воды. 10
Онъ, глубоко стенающій, такъ говорилъ межъ Danaevъ:

10

„Други, вожди и властители мудрые храбрыхъ Danaevъ,
Зевсъ громовержецъ меня уловилъ въ неизбѣжную гибель!
Пагубный! прежде обѣтомъ и знаменемъ самъ предназначить
Мнѣ возвратиться рушителемъ Трои высокотвердынной;
Нынѣ же злое прельщеніе онъ совершилъ и велить мнѣ
Въ Аргосъ безславнымъ бѣжать, погубившему столько народа!
Такъ, безъ сомнѣнія, богу, всемощному Зевсу, угодно.
Многихъ уже онъ градовъ сокрушилъ высокія главы
И еще сокрушить: безпредѣльно могущество Зевса. 15

15

Други, внимлите и, что повеліе я вамъ, всѣ повинуйтесь:
Должно бѣжать; возвратимся въ драгое отчество наше;
Намъ не разрушить Трои, съ широкими стогнами града!“

20

Такъ говорилъ, — и молчанье глубокое всѣ сохраняли;
Долго сидѣли безмолвны, унылые духомъ, Danaai.
Но межъ нихъ наконецъ взговорилъ Діомедъ благородный: 30

25

„Сынь Атресевъ! на рѣчи твои неразумныя, первый
Я возражу, какъ въ собраньяхъ позволено; царь, не гнѣвися.
Храбрость мою порицаль ты недавно предъ ратью Ахейской;
Робкимъ меня, невоинственнымъ ты называлъ, но довольно
Вѣдаюто то Аргивяне — и юноша каждый, и старецъ. 35
Даръ лишь единый тебѣ даровалъ хитроумный Кроніонъ:
Скипетромъ власти славиться даль онъ тебѣ передъ всѣми;
Твердости жъ не даль, въ которой верховная власть человѣка!
О добродушный! ужели ты вѣришь, что мы, Аргивяне, 40
Такъ не воинственны, такъ малосильны, какъ ты называешь?
Ежели самъ ты столь пламенно жаждешь въ домъ возвратиться, —
Мчися! Дорога открыта, суда возлѣ моря готовы,
Коихъ толикое множество ты устремилъ изъ Микены.
Но другіе останутся, сильные духомъ, Danaai, 45
Тропъ пока не разрушимъ во прахъ! Но когда и другіе... ,

40

45

Пусть ихъ бѣгутъ съ кораблями къ любезнымъ отечества землямъ!
Я и Сеенель остаемся и будемъ сражаться, доколѣ
Трои конца не найдемъ; и надѣюся, съ богомъ пришли мы!“

Такъ произнесъ,—и воскликнули окрестъ Ахейскіе мужи,
Смѣлымъ дивясь рѣчамъ Діомеда, смирителя коней.

Но, между ними возставъ, говорилъ благомысленный Несторъ:

„Сынъ Тидевъ, ты, какъ въ сраженіяхъ воинъ храбрѣйший,
Такъ и въ совѣтахъ, изъ сверстниковъ юныхъ, совѣтникъ отлич-
ный.

Рѣчи твоей не осудить никто изъ присущихъ Danaevъ, 55

Слова противу не скажеть, но рѣчи къ концу не довель ты.
Молодъ еще ты и сыномъ моимъ, безъ сомнѣнія, быль бы
Самымъ юнѣйшимъ, однакожъ, Тидидъ, говорилъ ты разумно
Между Аргивскихъ царей! говорилъ бо ты все справедливо.

Нынѣ же я, предъ тобою гордящійся старостью жизни, 60

Слово скажу и окончу его, и никто изъ Ахеянъ

Рѣчи моей не осудить, ни самъ Агамемнонъ державный.

Тотъ беззаконень, безроденъ скиталецъ бездомный на свѣтѣ,
Кто междоусобную брань, человѣкамъ ужасную, любить!

Но покоримся теперь наступающей сумрачной ночи: 65

Воинство пусть вечеряеть, а стражи пусть совокупно
Выйдутъ и станутъ кругомъ у изрытаго рва за стѣною.

Дѣло сie возлагаю на юношей. Посль не медля

Ты начни, Агамемнонъ: ты, повелитель верховный,
Пиръ для старѣйшинъ устрой; и прилично тебѣ и способно: 70

Станъ твой полонъ вина; Аргивяне его отъ Фракіянъ
Каждый день къ кораблямъ по широкому понту привозять;

Всѣмъ къ угощенью обилуешь, властвуешь многимъ народомъ.
Собраннымъ многимъ, того ты послушайся, кто между ними

Лучшій совѣтъ присовѣтуетъ: нуженъ теперь для Ахеянъ 75

Добрый, разумный совѣтъ: супостаты почти предъ судами
Жгутъ огни неисчислентые; кто веселится, ихъ видя?

Днешняя ночь иль погубить намъ воинство, или избавить!“

Такъ онъ вѣщаъ, и, внимательно слушавъ, они покорились.

Къ стражѣ, съ оружьемъ въ рукахъ, устремились Ахейскіе мужи: 80
Несторовъ сынъ, Фразимедъ, народа Пилосскаго пастырь;

Съ нимъ Аскалафъ и Іалменъ, сыны мужегуба Арея,
Критскій герой Меріонъ, Деипиръ, Афарей нестрашимый

И Крейона рожденіе, вождь Ликомедъ благородный.“

Семь воеводъ предводили стражу, и по сту за каждымъ. 85

Юношай стройно текли, воздымая высокія копья.
Къ мѣstu пришедъ, между рвомъ и стѣной посрединѣ возсѣли;

Тамъ разложили огнь и устронвали вечерю каждый.

Царь Агамемнонъ старѣйшинъ Ахейскихъ собравшихся вводить
Въ царскую сѣнь и пиръ предлагаетъ имъ, сердцу пріятный. 90
Къ сладостнымъ яствамъ предложенными руки героя простерли;
И, когда питаніемъ и пищею гладъ уголили,
Старецъ межъ оними первый слагать помыщенія началъ,
Несторъ, который и прежде блесталь превосходствомъ совѣтовъ;
Онъ, благомысленный, такъ говорилъ и совѣтовалъ въ сонмѣ: 95

,Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!

Слово начну я съ тебя и окончу тобою: могучий
Многихъ народовъ ты царь, и тебѣ вручилъ Олимпіецъ
Скиптръ и законы, да судь и совѣтъ произносишь народу.
Болѣе всѣхъ ты обязанъ и сказывать слово, и слушать, 100
Мысль исполнять и другого, если кто, сердцемъвшеній,
Доброе скажетъ, но—что предпочесть, отъ тебя то зависить.
Нынѣ я вамъ повѣдаю, что мнѣ является лучшимъ,
Думы другой, превосходнѣе сей, никто не прымыслитъ,
Въ сердцѣ какую ношу я, съ давней поры и донынѣ, 105
Съ онаго дня, какъ ты, о божественный, Бризову дочерь
Силой изъ кущи исторгъ у пылавшаго гпѣвомъ Пелида,
Нашимъ не внявъ убѣжденіямъ. Сколько тебя, Агамемнонъ,
Я отговаривалъ, но, увлекался духомъ высокимъ,
Мужа храбрѣшаго въ рати, котораго чествуютъ боги, 110
Ты обезчестилъ, награды лишивъ. Но хоть нынѣ, могучий,
Вмѣстѣ подумаемъ, какъ бы его умолить намъ, смягчивши
Лестными сердцу дарами и дружеской ласковой рѣчью“.

Быстро ему отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:

,Старецъ, не ложно мои погрѣшенія ты обличаешь. 115
Такъ, погрѣшилъ, не могу отрекаться я! Стоитъ народа
Смертный единій, котораго Зевсъ отъ сердца возлюбить:
Такъ онъ сего, возлюбивъ, превознесъ, а Данаевъ унизилъ.
Но, какъ уже погрѣшилъ, обуявшаго сердца послушавъ,
Самъ я загладить хочу и несмѣтныя выдать награды. 120
Здѣсь, передъ вами, дары знаменитые всѣ я исчислю;

Десять талантовъ золота, двадцать лаханей блестящихъ,
Семь треножниковъ новыхъ, не бывшихъ въ огнѣ, и двѣнадцать
Коней могучихъ, побѣдныхъ, стяжавшихъ награды ристаній.
Истинно жилъ бы не бѣдѣть и въ златѣ высоко цѣнномъ 125
Тотъ не нуждался бы мужъ, у котораго было бы столько,
Сколько наградъ для меня быстроногіе вынесли кони!
Семь непорочныхъ женъ, рукодѣльницъ искусствыхъ, дарую,
Лесбосскихъ, коихъ тогда, какъ разрушилъ опъ Лесбосъ цвѣтущій,

Самъ я избралъ, красогой побѣждающихъ жень земнородныхъ. 130
 Сихъ ему дамъ и при нихъ возвращу я и ту, что похитилъ,
 Бризову дочь, и притомъ величайшею клятвой клянуся:
 Нѣть, не всходилъ я на одръ, никогда не сближался я съ нею,
 Такъ, какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
 Все то получить онъ нынѣ; еще же, когда Аргивянамъ 185
 Трою Пріама великую боги дадутъ ниспровергнуть,
 Пусть онъ и мѣдью, и златомъ корабль обильно наполнить,
 Самъ наблюдая, какъ будемъ дѣлить боевую добычу.
 Пусть изъ Троянскихъ жель избереть по желанію двадцать,
 Послѣ Аргивской Елены красой превосходнѣйшихъ въ Трѣ. 140
 Если же въ Аргосъ придемъ мы, въ Ахейскій край благодатный,
 Затемъ его назову я и честью сравняю съ Орестомъ,
 Съ сыномъ однимъ у меня, восрасташимъ въ полномъ доволь-
 ствѣ.

Три у меня распѣваются въ дому благосозданномъ дщери: 145
 Хризоzemиса, Лаодика, юная Ифіаннаса.
 Пусть онъ, какую желаетъ, любезную сердцу, безъ вѣна
 Въ отеческій домъ отведеть, а придалое самъ я за нею
 Славное дамъ, какого никто не даваль за невѣстой.
 Семь подарю я градовъ, процвѣтающихъ, многонародныхъ:
 Градъ Кардамилу, Энопу и тучную травами Геру, 150
 Феры, любимыя небомъ, Ачею съ глубокой долиной,
 Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ и Эпею, градъ велелѣпныи.
 Всѣ же они у приморія, съ Пилосомъ смежны песчанымъ;
 Ихъ населяютъ богатые мужи овцами, волами,
 Кои дарами его, какъ бога, чествовать будутъ 155
 И подъ скіптромъ ему заплатятъ богатыя дани.
 Такъ я не медля исполню, какъ скоро вражду онъ оставитъ.
 Пусть примирится; Аидъ несмирямъ, Аидъ непреклонень,
 Но зато изъ боговъ ненавистнѣе всѣхъ онъ и людямъ. 159
 Пусть мнѣ уступить, какъ слѣдуетъ: я и владычество вышшиъ,
 Я и годовъ старшинствомъ передъ нимъ справедливо горжуся“.
 Рекъ,—и Атридѣ отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
 „Сынъ знаменитый Атрея, владыка мужей Агамемнонъ!
 Нѣть, дары не презрѣнныи хочешь ты дать Ахиллесу.
 Благо, друзья! послѣшимъ же нарочныхъ послать, да скорѣе 165
 Шествуютъ мужи избранные въ сѣни царя Ахиллеса.
 Или позвольте, я самъ изберу ихъ; они согласятся:
 Фениксь, любимецъ боговъ, предводитель посольства да будетъ,
 Послѣ Аяксъ Теламонидъ и царь Одиссей благородный,
 Но Эврибатъ и Годій да идутъ, какъ вѣстники, съ ними. 170

На руки дайте воды, сотворите святое молчанье
И помолимся Зевсу, да нынѣ помилуетъ насъ онъ!“

Такъ говорилъ—и для всѣхъ произнесъ онъ пріятное слово.

Вѣстники скоро царемъ возліали на руки воду;

Юноши, чермнымъ виномъ наполнивъ доверху чаши, 175

Кубками всѣмъ подносили, отъ правой страны начиная.

Въ жертву богамъ возліявъ и испивъ до желанія сердца,

Вмѣстѣ послы поспѣшили изъ сбны Атрида владыки.

Много имъ Несторъ идущимъ наказывалъ, даже очами

Каждому старецъ мигаль, но особенно сыну Лаерта:

Все бѣ испытали, дабы преклонить Ахиллеса героя.

Мужи пошли по берегу немолчно шумящаго моря,
Много молясь, да землю объемлющій Земледержатель.

Иль преклонить поможеть высокую душу Пелида. 184

Къ сѣнямъ пришель и къ судамъ Мирмидонскимъ, паходить героя:

Видяты, что сердце свое услаждастъ онъ лиро звонкой,
Шыпчной, изящно украшенной, съ сребряной накольней сверху,
Выбранной имъ изъ корыстей, какъ градъ Гетіоновъ разрушилъ:
Лирой онъ духъ услаждалъ, воспѣвая славу героевъ.

Менетіадъ передъ нимъ лишь единий сидѣль, и безмолвный 190
Ждалъ Эакида, пока пѣснопѣнія онъ не окончить.

Тою порою приближалась, послы, Одиссей впереди ихъ,
Стали противъ Ахиллеса: герой изумленный воспрянулъ

Съ лирой въ рукахъ и отъ мѣста сидѣнія къ нимъ устремился.

Такъ и Менетіевъ сынъ, лишь увидѣль пришедшихъ, поднялся. 195
Встрѣчу имъ руки простеръ и вѣщаю Ахиллесъ быстроногій:

„Здравствуйте! истинно други приходите! вѣрно, что нужда!

Но и гнѣвному вы изъ Ахеянъ любезнѣе всѣхъ мнѣ!“

Такъ произнесъ и повель ихъ дальше Пелидъ благородный, 199
Тамъ посадилъ ихъ на креслахъ, на пышныхъ коврахъ пуршуро-

выхъ

И, обратясь, говорилъ къ паходящему близко Патроклу:

„Чашу поболѣе, другъ Менетіидъ, подай на трапезу;
Цѣльнаго намъ раствори и поставь передъ каждого кубоекъ:
Мужи, любезные сердцу, собрались подъ сѣнью моей!“

Такъ говорилъ, и Патроклъ покорился любезному другу. 205

Самъ же огромный онъ лотъ положиль у огнища сѣста

И хребты разложиль въ немъ овцы и козы утучнѣлой,

Бросиль и окорокъ жирпаго борова, тукомъ блестящій.

Ихъ Автомедонъ держаль, разсѣкалъ Ахиллесъ благородный,

Чосль искусно дробиль на куски и вонзаль ихъ на вертель. 210

Жаркий огонь между тѣмъ разводилъ Менетидъ боговидный.
 Чуть же огонь ослабѣлъ и багряное пламя поблекло,
 Угли разгребши, Пелидъ вертела надъ огнемъ простираетъ
 И священномъ солью кропить, на подпоръ подымая.
 Такъ ихъ обжаривъ кругомъ, на обѣденный столъ сотрясаетъ. 215
 Тою порою Патрокль по столу, въ красивыхъ корзинахъ,
 Хлѣбы разставилъ, но яства гостямъ Ахиллесъ благородный
 Самъ раздѣлилъ и противъ Одиссея, подобнаго богу,
 Сѣль на другой сторонѣ, а жертвовать жителямъ неба
 Другу Патроклу велѣлъ; и въ огонь онъ бросиль начатки, 220
 Къ сладостнымъ яствамъ предложенными руки героя простерли,
 И, когда питіемъ и пищею гладь утолили,
 Фениксу знакъ Теламонидъ подаль; Одиссей то постигнуль,
 Кубокъ напиль и привѣтствовалъ, за руку взявши, Пелида:
 „Здравствуй, Пелидъ! въ дружелюбныхъ намъ пиршствахъ нѣть
 недостатка 225
 Сколько подъ царскою сѣнью владыки народовъ Атрида,
 Столько и здѣсь; изобильно всего къ услажденію сердца
 Въ пирѣ твоемъ, но теперь не о пиршствахъ радостныхъ дѣло.
 Грозную гибель, шитомецъ Крониона, близкую видя,
 Въ трепетѣ мы, въ неизвѣстности, наши суда мы избавимъ, 230
 Или погубимъ, ежели ты не одѣшься въ крѣость!
 Близко судовъ, подъ стѣной уже нашою стань положили
 Гордые мужи Троище и ихъ дальновѣдные други,
 Множество вокругъ зажигаютъ отгней и грозятся, что болѣ
 Ихъ не удержать, что прямо на наши суда они грянуть. 235
 Имъ и Зевесь, благовѣстныя знаменья вправѣ являя,
 Молніей блещеть! и Гекторъ, ужасною силой кичася,
 Буйно свирѣпствуетъ, крѣпкій на Зевса; вѣничто онъ вмѣняетъ
 Смертныхъ и самыхъ боговъ, обладаемый бѣшенствомъ страшнѣмъ,
 Молится, только бѣ скорѣй появилась денница святая, 240
 Хвалится завтра срубить съ кораблей хвосты кормовые,
 Пламенемъ бурнымъ пожечь корабли и самихъ насы, Ахеянъ,
 Всѣхъ передъ ними избить, удушаемыхъ дымомъ пожарнымъ.
 Страшно, герой, трепещу я, да гордыхъ угрозъ Пріамида
 Боги ему не исполнатъ, а памъ да не судитъ судьбина 245
 Гибнуть подъ Троей, далеко отъ Аргоса, милой отчизны!
 Храбрый, воздвигнись, когда ты желаешь, хоть поздно; Ахеянъ,
 Столъ утѣспненныхъ, избавить отъ ярости толпищъ Троянскихъ.
 Послѣ тебѣ самому то горестно будетъ: но поздно,
 Зло допустивши, искать исправленія. Лучше во время, 250
 Рашпіе помысли, да пагубный день отвратишь отъ Ахеянъ.

- Другъ! не тебѣ ли родитель, Пелей заповѣдалъ старецъ,
Въ день, какъ изъ Феи тебя посыпалъ къ Атрееvu сыну:
Доблестъ, мой сынъ, даровать и Аеина и Гера богиня
Могутъ, когда соизволять; но ты лишь въ персяхъ горячихъ 255
Гордую душу обуздывай: кротость любезная лучше.
Распры златворной, какъ можно, чуждайся, да паче и паче
Между Ахеанъ тебя почитають младые и старцы".
Такъ заповѣдалъ старецъ, а ты забываешь. Смягчися,
Гнѣвъ отложи, сокрушительный сердцу! Тебѣ Агамемнонъ 260
Выдастъ дары многоцѣнныя, ежели гнѣвъ ты оставишь.
Хочешь ли, слушай, и я предъ тобой и друзьями исчислю,
Сколько даровъ знаменитыхъ тебѣ обѣщалъ Агамемнонъ:
Десять талантовъ золота, двадцать лаханей блестящихъ,
Семь треножниковъ новыхъ, не бывшихъ въ огнѣ, и двѣнадцать 265
Коней могучихъ, побѣдныхъ, стяжавшихъ награды ристаній.
Истинно, жиль бы не бѣденъ и въ златѣ высоко цѣнимомъ
Тотъ не нуждался бы мужъ, у которого было бы столько,
Сколько Атриду наградѣ быстроногіе вынесли кони!
Семь непорочныхъ женъ, рукодѣльницъ искусствныхъ, даруетъ, 270
Лесбосскихъ, коихъ тогда, какъ разрушилъ ты Лесбосъ цвѣтущий,
Самъ онъ избраль, красотой побѣщающихъ женъ земнородныхъ;
Ихъ онъ дарить и при нихъ возвращаетъ и ту, что похитилъ,
Бризову дочь, и притомъ величайшою клятвой клянется:
Нѣтъ, не всходилъ онъ на одръ, никогда не сближался онъ съ
нею, 275
- Такъ, какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
Все то получишь ты нынѣ; еще же, когда Аргивянамъ
Трою Пріама великую боги дадутъ ниспровергнуть,
Щѣлый корабль ты и мѣдью, и златомъ обильно наполни,
Самъ наблюдая, какъ будемъ дѣлить боевые корысти; 280
Самъ между женами плѣнными выбери двадцать Троянокъ,
Послѣ Аргивской Елены красой превосходнѣйшихъ въ Троѣ.
Если жъ воротимся въ Аргосъ Ахейскій, край благодатный,
Зятемъ тебя назоветъ онъ и честью съ Орестомъ сравняетъ,
Съ сыномъ однимъ у него, возрастающимъ въ полномъ доволь-
ствѣ. 285
- Трехъ дочерей онъ невѣсть въ благосозданномъ домѣ имѣеть:
Хризоѳемису, Лаодику, юную Ифіанассу.
Ты, по желанью, изъ оныхъ, любезную сердцу, безъ вѣна
Въ отческій домъ отведи, а приданое самъ онъ за нею
Славное выдастъ, какого никто не даваль за невѣстой. 290
Семь подаритъ онъ градовъ процвѣтающихъ, многонародныхъ:

- Градъ Кардамилу, Энопу и тучную паствами Геру,
 Феры, любимыя небомъ, Анею съ глубокой долиной,
 Гроздьемъ вѣнчанный Педасъ и Эпею, градъ велелѣпныи.
 Всѣ же они у приморія, съ Пиласомъ смежны песчанымъ; 295
 Ихъ населяютъ богатые мужи овцами, волами,
 Кои дарами тебя, какъ бора, чествовать будутъ
 И подъ скіптромъ тебѣ заплатять боязныя даны.
 Такъ исполнить не медля, коль скоро вражду ты оставилъ.
 Если жъ Атриду Аламенонъ еще для тебя ненавистенъ, 300
 Онь и подъ рымъ его,— пожалѣй о другихъ ты Ахейцахъ,
 Въ станѣ жестоко стѣсненныхъ; тебя, какъ безсмертнаго бога,
 Рати почтутъ; между нихъ ты покроешься дивною славой!
 Гектора ты поразишь; до тебя онъ приближится нынѣ,
 Буйствомъ своимъ обезумленный; онъ никого не считаетъ 305
 Равнымъ себѣ межъ Данаями, сколько ни есть ихъ подъ Троей!“
- Рекъ,— и ему на отвѣтъ говориль Ахиллесъ быстроногий:
 „Сынь благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоуменый!
 Долженъ я думу свою тебѣ объявить откровенно,
 Какъ я и мыслю и какъ совершу, дабы вы отынѣ 310
 Больѣ мнѣ не скучали, одинъ за другимъ приступая:
 Тотъ ненавистенъ мнѣ, какъ врата ненавистнаго ада,
 Кто на душѣ скрываетъ одпо, а вѣщаетъ другое.
 Я же скажу вамъ прямо, что почитаю я лучшимъ:
 Нѣть, ни могучий Атридъ, ни другіе, надѣюсь, Данай 315
 Сердца во мнѣ не смягчать; и какая тому благодарность,
 Кто безпрестанно, безустально бился на битвахъ съ врагами!
 Равная доля у васъ иерадивцу и ръяному въ битвѣ;
 Та же и единая честь воздается и робкимъ, и храбрымъ!
 Все здѣсь равно, умирасть бездѣльный, иль сдѣлавшій многій! 320
 Что мнѣ наградою было за то, что понесъ я на сердцѣ,
 Душу мою подвергая вседневно опасностямъ браннымъ?
 Словно какъ птица, безперымъ птенцамъ промышляющи корму,
 Ищетъ и носить во рту и, что горько самой, забываетъ,—
 Такъ я подъ Трою сколько почей проводилъ безсонныхъ, 325
 Сколько дней кровавыхъ на сѣчахъ жестокихъ окончилъ,
 Ратуясь храбро съ мужами и токмо за женъ лишь Атридовъ!
 Я кораблями двѣнадцать градовъ разорилъ многолюдныхъ;
 Пѣшій одиннадцать взялъ на Троянской землѣ многоплодной,
 Въ каждомъ изъ нихъ и сокровища безцѣнныхъ, и славныхъ ко- 330
 ристой
 Много добылъ; и, сюда принося, властелину Атриду
 Всѣ отдавалъ ихъ; а онъ позади, при судахъ оставаясь,

- Иль сминалъ я и уединялъ яхъ, вытѣживъ яхъ;
Иль вѣдь выдалъ яхъ иль, какъ награды пархъ и герасъ:
Цѣль награды у всѣхъ, у меня же одного изъ Данаевъ 335
Стыдъ и, выстуя чистой женой, наслаждается ею
Шарь сладострастный! За что же воюютъ Троицъ Аргиване?
Рати зачѣмъ собирашъ и за что ихъ привезъ на Пріама
Самъ Агамемнонъ? не ради ль одной лѣпокудрой Елены?
Или супругъ испорочныхъ любить отъ всѣхъ землороданъ 340
Только Атрей сыны? Добродѣтельный мужъ и разумный
Каждый свою бережетъ и любить, какъ я Бризенду:
Я Бризенду любилъ, несмотря, что оружіемъ добыть!
Иль, какъ награду истортнуль изъ рукъ и меня обманулу онъ,
Нусть не прельщаетъ! мнѣ онъ извѣстенъ, меня не увѣритъ! 345
Нусть онъ съ тобой, Одиссей, и съ другими царями Ахеянъ
Думаетъ, какъ отъ судовъ отвратить пожирающій пламень.
Истинно, многое онъ и одинъ безъ мене уже сдѣлалъ:
Стыну для васъ взгромоздиль и окопъ передъ оною вывелъ
Страшно глубокій, широкій и внутрь его колъя уставилъ. 350
Но бесполезно! Могущества Гектора, людоубійцы,
Симъ не удержитъ. Пока же мѣжъ Аргивцами я подвизался,
Бои далеко отъ стѣнъ начинать не отважился Гекторъ:
Къ Скѣйскимъ вратамъ лишь и къ дубу дохаживаль; тамъ онъ
однажды 355
Встрѣтился мнѣ, но едва избѣжалъ моего нападенія.
Больше съ божественнымъ Гекторомъ я воевать не намѣренъ.
Завтра Зевсу воздавъ и другимъ небожителямъ жертвы,
Я нагружу корабли и не медля спущу ихъ на волны,
Завтра же, если желаешь и если тебя то заботитъ, 360
Съ ранией зарю узриши, какъ по рыбному понту помчаться
Всѣ мои корабли, подъ дружиною жарко гребущей.
Если счастливое плаванье дастъ Посидонъ мнѣ могучій,
Въ третій и день, безъ сомнѣнія, Феи достигну холмистой.
Тамъ довольно имѣю, что бросилъ, сюда я повлекшись; 365
Много везу и отсѣлъ: золота, мѣди багряной,
Плѣнныхъ, красноопомасанныхъ жепъ и сѣдое желѣзо;
Все, что по жребію взялъ; но награду, что онъ даровалъ мнѣ,
Симъ надо мною ругаясь, и отнялъ Атридъ Агамемнонъ,
Властію гордый! Скажите сму вы, что я говорю вамъ, 370
Все и предъ всѣми: шускай и другие, какъ я, негодують,
Если кого изъ Ахеянъ еще обмануть уповаешь,
Вѣчнѣмъ безстыдствомъ покрытый! Но, что до меня, я надѣюсь,
Онъ, хоть и пагръ, какъ песь, по въ лицо маѣ смотрѣть не посмѣеть!

Съ нимъ не хочу я никакъ сообщаться, ни словомъ, ни дѣломъ!
 Разъ онъ, коварный, меня обманулъ, оскорбилъ, и вторично 375
 Словомъ уже не уловить: довольно съ него! но спокойный
 Пусть онъ исчезнетъ! лишилъ его разума Зевсъ промыслитель.
 Даромъ гнушаюсь его и въ ничто самого я вѣняю!
 Если бы въ десять и въ двадцать кратъ предлагалъ мнѣ сокровище,
 Сколько и нынѣ имѣть и сколько еще ихъ накопить, 380
 Даже хоть все, что приносятъ въ Орхоменъ иль Фивы Египтянъ,
 Градъ, гдѣ богатства безъ смѣты въ обителяхъ гражданъ хранятся,
 Градъ, въ которомъ сто вратъ, а изъ оныхъ изъ каждыхъ по двѣсти
 Ратныхъ мужей въ колесницахъ на быстрыхъ коняхъ выѣзжаютъ;
 Или хоть столько даваль бы мнѣ, сколько песку здѣсь и праху,—385
 Сердца и симъ моего не преклонить Атридъ Агамемнонъ,
 Прежде, чѣмъ всей не изгладить терзающей души обиды!
 Дщери супругой себѣ не возьму отъ Атреева сына.
 Если красой она со златой Афродитою споритъ,
 Если искусствомъ работъ свѣтлоокой Аѳинѣ подобна, 390
 Дщери его не возьму! Да пайдеть изъ Ахеянъ другого,
 Кто ему больше приличенъ и царственной властію выше.
 Ежели боги меня сохранять и въ домъ возвращусь я,
 Тамъ жену благородную самъ говорить мнѣ родитель.
 Много Ахеянокъ есть и въ Гелладѣ, и въ счастливой Феї, 395
 Дщерей Ахейскихъ вельможъ, и градовъ и земель властелиновъ:
 Сердцу любую изъ нихъ назову я супругою милой.
 Тамъ, о, какъ часто мое благородное сердце алкаетъ,
 Брачный союзъ совершивъ, съ непорочной супругою милой
 Въ жизнь насладиться стяжаній, старцемъ Пелеемъ стяжанныхъ. 400
 Съ жизнью, по мнѣ, не сравнится ничто: ни богатства, какими
 Сей Иlionъ, какъ вѣщаютъ, обиловалъ,—градъ, процвѣтавшій
 Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской,
 Ни сокровища, сколько ихъ каменный сводъ заключаетъ
 Въ храмѣ Феба пророка въ Пиѳосѣ, утесами грозномъ. 405
 Можно все пріобрѣсть, и воловъ, и овецъ среброрунныхъ;
 Можно стяжать и прекрасныхъ коней, и золотые треноги,
 Душу жъ назадъ возвратить невозможно; души не стяжаешь:
 Вновь не уловишь ея, какъ однажды изъ усть улетѣла.
 Матерь моя, среброногая мнѣ возвѣстила ѡетида: 410
 Жребій двоякій меня ведеть къ гробовому предѣлу:
 Если останусь я здѣсь, передъ градомъ Троянскимъ сражаться—
 Нѣть возвращенія мнѣ, но слава моя не погибнетъ.
 Если же въ домъ возвращусь я, въ любезную землю родную,
 Слава моя погибнетъ, но будеть мой вѣкъ долголѣтъ

И меня не безвременно смерть роковая постигнетъ.
 Я и другимъ воеводамъ Ахейскимъ совѣту то же:
 Въ дому отсюда отплыть; никогда вы конца не дождется
 Трои высокой: надъ нею перуповъ метатель Кропіонъ
 Руку свою распостерь, и возвысилась дерзость народа. 420

Вы возвратитесь теперь и всѣмъ благороднымъ Данаямъ
 Мой пепреложно отвѣтъ, какъ посланниковъ долгъ, возвѣстите.
 Пусть на совѣтѣ другое примыслить, вѣрѣйшее, средство,
 Какъ имъ спасти и суда, и Ахейскій народъ, утѣсненный
 Подлѣ судовъ мореходныхъ; а то, что замыслили нынѣ,
 Будеть безъ пользы Ахеянамъ: я непреклоненъ во гнѣвѣ. 425

Фениксъ останется здѣсь, у насъ успокоится старецъ;
 Завтра же, если захочетъ,—неволить его не намѣренъ,—
 Вмѣстѣ со мной въ корабляхъ отплыветъ онъ къ любезной отчизнѣ.
 Такъ возразилъ,—и молчаніе долгое всѣ сохранили, 430

Рѣчью его пораженные: грозно ее говорилъ онъ.
 Между пословъ паконецъ провѣщалъ, заливаясь слезами,
 Фениксъ, конникъ сѣдой; трепеталъ о судахъ онъ Ахеянскихъ:
 „Если уже возвратиться, Пелидъ благородный, на сердцѣ
 Ты положилъ, и отъ нашихъ судовъ совершенно отрекся 435
 Огонь отразить пожирающій,—гнѣвъ запалъ тебѣ въ душу,—
 Какъ, о возлюбленный сынъ, безъ тебя одинъ я останусь?
 Вмѣстѣ съ тобою меня послалъ Эакидъ, твой родитель,
 Въ день, какъ изъ Фои тебя отпускалъ въ ополченье Атрида.
 Юный, ты былъ неискусенъ въ войнѣ, человѣчеству тяжкой, 440

Въ сонмахъ совѣтныхъ неопытенъ, гдѣ прославляются мужи.
 Съ тѣмъ опь меня и послалъ, да тебя всему научу я:
 Быть и витіей въ рѣчахъ, и въ дѣлахъ дѣловымъ человѣкомъ.
 Нѣть, мой возлюбленный сынъ, безъ тебя не могу, не желаю
 Здѣсь оставаться, хотя бы самъ богъ обѣщалъ всемогущій, 445
 Старость совлекши, вновь возвратить мнѣ цвѣтущую младость:
 Годы, какъ бросилъ Гелладу я, славную жену красотою,
 Злобы отца избѣгая, Аминтора, грознаго старца.
 Гнѣвался онъ на меня за пышноволосую дѣву:
 Страстно онъ дѣву любилъ и жестоко безславилъ супругу, 450

Матерь мою, а она, обнимая мнѣ ноги, молила
 Съ дѣвою прежде почтить, чтобы стала ненавистенъ ей старецъ.
 Я покорился и сдѣлалъ. Отецъ мой, то скоро примѣтилъ,
 Началь меня проклинать, умоляя ужасныхъ Эринній,
 Вѣѣ на колѣна свои да не примѣтъ онъ милаго сына, 455
 Мной порожденаго: отчая клятвы исполнили боги,
 Зевсъ подземный и чуждая жалости Персефонія.

Въ гнѣвѣ, убить я отца изощренною мѣдью рѣшился;
Боги мой гнѣвъ укротили, представивши сердцу, какая
Будетъ въ народѣ молва и какой мнѣ позоръ въ человѣкахъ, 460
Ежели отцеубийцей меня прозовутъ Аргивяне!
Съ опой поры моему уже сердцу стало несносно,
Близко отца раздраженнаго, въ домѣ съ тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
Силились общей мольбой удержать въ отеческомъ домѣ. 465
Много и тучныхъ овецъ, и тяжелыхъ воловъ крутогорихъ
Въ домѣ зарѣзано; ипогія свиньи, блестящія тукомъ,
По двору были простерты, на яркій огонь обжигаться;
Много выпито было вина изъ кувшиновъ отцовскихъ.
Девять ночныхъ непрерывно они вкругъ меня почевали, 470
Стражу держали, смѣняясь; цѣлые ночи не гаснуль
Въ домѣ огонь, одинъ—подъ крыльцомъ на дворѣ крѣпкостѣнномъ,
И другой—въ сѣняхъ, предъ дверями моей почивальни.
Но, когда мнѣ десятая темная ночь наступила,
Я у себя въ почивальни искусно створявшися двери 475
Выломилъ, вышелъ и быстро чрезъ стѣну двора перепрянулъ,
Тайно отъ всѣхъ и домовыхъ женъ, и мужей стерегущихъ.
Послѣ далѣко бѣжалъ чрезъ обширныя степи Геллады
И пришелъ я во Фею, овецъ холмистую матерь,
Прямо къ Пелею царю. И меня онъ, принявъ благосклонно, 480
Такъ полюбилъ, какъ любить родитель единаго сына,
Поздно рожденаго старцу, настѣника благъ его многихъ.
Сдѣлалъ богатымъ меня и народъ многочисленный вѣриль.
Тамъ падъ Долопами царствую, жилъ я на Фейскомъ предѣлѣ;
Тамъ и тебя воспиталъ я такого, безсмертнаго подобнаго! 485
Нѣжно тебя я любилъ. Никогда съ другимъ не хотѣль ты
Выйти на пиръ предъ гостей; ничего не вкушалъ ты и дома
Прежде, поколѣ тебя не возьму я къ себѣ на колѣни,
Пищи, разрѣзавъ, не дамъ и вина къ устамъ не приближу.
Сколько ты разъ, Ахиллесь, заливаль мнѣ одежду на персахъ, 490
Брызжа изъ усть вино, во время неловкаго дѣства.
Много заботъ для тебя и много трудовъ перенесъ я,
Думая такъ, что, какъ боги уже не судили мнѣ сына,
Сыномъ тебя, Ахиллесь, подобный богамъ, нареку я;
Ты, помышлялъ я, избавиши меня отъ бѣды недостойной. 495
Сынъ мой, смири же ты душу высокую! храбрый не долженъ
Сердцемъ немилостивъ быть: умолимы и самые боги,
Столько превыше насть и величье, и славой, и силой.
Но и боговъ, приношениемъ жертвы, обѣтомъ смиренными,

- Винъ возліяньемъ и дыномъ курешій, смягчаетъ и гнѣвныхъ 500
Смертный молящій, когда онъ предъ ними виновенъ и грѣшенъ.
Такъ, Молитвы—смиренныя дщери великаго Зевса—
Хромы, морщинисты, робко подъемлющи очи косыя,
Вслѣдъ за обидой опѣ, непрестанно заботныя, ходятъ. 505
Но обида могуча, ногами быстра; передъ ними
Мчится далеко впередъ и, по всей ихъ землѣ упреждая,
Смертныхъ язвить, а Молитвы спѣшатъ исцѣлять уязвленныхъ.
Кто принимаетъ почтительно Зевсовыхъ дщерей прибѣжныхъ,
Много тому помогаютъ и скоро молящемусь внемлють;
Кто же презираетъ богинь и, душою супровъ, отвергаеть,— 510
Къ Зевсу прибѣгнувъ, онъ умоляютъ отца, да Обида
Ходить за нимъ по стопамъ и его, уязвляя, накажетъ.
Другъ, воздай же и ты, что слѣдуетъ, Зевсовымъ дщерямъ:
Честь, на возданіе коей всѣхъ добрыхъ склоняются души. 515
Если бъ даровъ не давалъ какъ теперь, такъ и постѣ, столь
мно-
гихъ
Сынъ Атреевъ, но все бы упорствовалъ въ гибельномъ гнѣвѣ,
Я не просилъ бы тебя, чтобы, гнѣвъ справедливый отринувъ,
Ты защитилъ Аргивянъ, невзирая, что жаждутъ защиты. 519
Много и нынѣ даровъ онъ даетъ и впередъ обѣщаетъ;
Съ кроткимъ прошеніемъ къ тебѣ присыпаетъ мужей знаменитыхъ,
Въ пѣломъ народѣ избранныхъ, тебѣ самому здѣсь любезныхъ
Болѣе всѣхъ изъ Данаевъ. Не презри же ихъ ты ни рѣчи,
Ни постыденія. Ты не безъ права гнѣвался прежде.
Такъ мы слышимъ молвы и о древнихъ славныхъ герояхъ: 525
Пылкая злоба и ихъ обымала великія души;
Но смягчаемы были дарами они и словами.
Помню я дѣло одно, по временъ стародавнихъ, не новыхъ;
Какъ оно было, хочу я повѣдать межъ вами, друзьями.
Брань была межъ Куретовъ и браннолюбивыхъ Этолянъ
Выругъ Калидона града, и яростно бились рати. 530
Мужи Этолыцы стояли за градъ Калидонъ, имъ любезный;
Мужи Куреты пытали обитель ихъ боемъ разрушить.
Горе такое на нихъ Артемида богиня воздвигла,
Въ гнѣвѣ своемъ, что Иней съ плодоноснаго сада начатковъ
Ей не принесъ, а бессмертныхъ другихъ насладилъ гекатомбой; 535
Жертвы лишь ей не принесъ, Громовержца великаго дщери:
Онъ не радѣлъ, иль забылъ, но душой согрѣшилъ безразсудно.
Гнѣвное божіе чадо, стрѣльбой веселящаясь Феба
Вепря подвигла на нихъ, бѣлоклыкаго лютаго звѣря.
Стражший онъ вредъ наносилъ, на Иней сады набѣгая: 540

Купы высокихъ деревъ опрокинулъ одно на другое,
Вмѣстѣ съ кореньями, вмѣстѣ съ блестательнымъ яблоковъ цвѣтомъ.
Звѣрь убилъ наконецъ Инеидъ Мелеагръ нестрашимый,
Вызвавъ кругомъ изъ градовъ звѣроловцовъ съ сердитыми псами
Многихъ: его одолѣть не успѣли бы съ малою силой— 545
Этаковъ быль! на костерь печальный многихъ послалъ онъ.
Феба о немъ воспалила жестокую, шумную распирю,
Бой о клыкастой главѣ и обѣ кожѣ щетинистой вепря
Между сынами Куретовъ и гордыхъ сердцами Этолянъ.
Долго, пѣка Мелеагръ за Этолянъ, могучій, сражался, 550
Худо было Куретамъ: уже не могли они сами
Въ полѣ, виѣ стѣнъ, оставаться, хотя и сильнейшіе были.
Но когда Мелеагръ предался гнѣву, который
Сѣрдце въ груди напыщаетъ у многихъ, мужей и разумныхъ
(Онъ, на любезную матеръ Аллеею озлобленный сердцемъ, 555
Праздный лежалъ у супруги своей, Клеопатры прекрасной,
Дщери младой Эвенины жены, легкопогой Марпіссы
И могучаго Ида, храбрѣйшаго межъ земнородныхъ
Оныхъ временъ: на царя самого, стрѣлоноснаго Феба,
Подняль онъ лукъ за супругу свою, легконогую Нимфу: 560
Съ онаго времени въ домѣ отецъ и почтенная матерь
Дочь Алкіоню прозвали, въ память того, что и матерь,
Горькую долю неся Алкіоны многопечальной,
Плакала цѣлые дни, какъ ее Стрѣловержецъ похитилъ.
Онъ у супруги покоился, гнѣвъ душевредный питая, 565
Матери клятвами страшно прогнѣванный: грустная матерь
Часто боговъ заклинала—отмстить за убитаго брата.
Часто руками она, изступленная, о землю била
И, на колѣньяхъ сидящая, грудь обливая слезами,
Съ воплемъ молила Аида и страшную Персефоню 570
Смерть на сына послать; и носящаясь въ мракахъ Эриннисъ,
Фурія немилосердная, вошли впяла изъ Эреба),
Скоро у вратъ Калидонскихъ и стукъ и трескъ раздалися
Башенъ, громимыхъ врагомъ. Мелеагра Этолъсіе старцы
Стала молить и послали избранныхъ священниковъ бога,
Дарь обѣщаю великий, да выйдетъ герой и спасеть ихъ.
Гдѣ плодоносный земля на веселыхъ поляхъ Калидонскихъ,
Тамъ позволяли ему, въ пятьдесятъ десятинъ, наилучшій 575
Выбрать удѣлъ: половину земли виноградомъ покрытой
И половину нагой, для оранія годной, отрубзать.
Много его умоляль конеборецъ Ипей престарѣлый;
Самъ, до порога поднявшись его почивальни высокой,

Въ створы дверей онъ стучалъ и просилъ убѣдительно сына.

Много и сестры его, и почтенная матерь молили.

585

Пуще отказывалъ. Много его и друзья убѣждали,

Чтимые имъ и любимые болѣе всѣхъ въ Камидонѣ,

Но ничѣмъ у него не подвигнули сердца, доколѣ

Теремъ его отъ ударовъ кругомъ не потрясся: на башни

Сила Куретовъ взошла и градъ зажигала великий.

И тогда-то уже Мелеагра жена молодая

590

Стала, рыдая, молить и исчислила все предъ героемъ,

Что въ завоеванномъ градѣ людей постигаетъ несчастныѣ:

Гражданъ въ жилищахъ ихъ рѣжутъ, пламень весь градъ пожираетъ,

Въ плѣнъ и дѣтей, и красноносаенныхъ женъ увлекаютъ.

Духомъ герой взволновался, о страшныхъ дѣяніяхъ слыша,

595

Выти рѣшился и пышнобlestящимъ покрылся доспѣхомъ.

Такъ Мелеагръ отразилъ погибельный день отъ Этолянъ,

Слѣдя сердцу: еще Мелеагру не отдано было

Многихъ, прекрасныхъ даровъ, но несчастіе такъ отразилъ онъ.

Ты жъ не замысли подобнаго, сынъ мой любезный! и демонъ 600

Сердца тебѣ да не склонить къ сей думѣ! Погибельный будетъ

Въ бурномъ пожарѣ суда избавлять; для даровъ знаменитыхъ

Выди, герой, и тебя, какъ бога, почтуть Аргивяне!

Если же ты безъ даровъ, а по нуждѣ на брань ополчишься,

Чести подобный не спищешь, хоть будешь и брань рѣшительъ". 605

Старцу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногій:

„Фениксъ отецъ мой, старецъ божественный! Въ чести подобной

Нужды мнѣ нѣть; я надѣюсь быть чествованъ волею Зевса!

Честь я сюю сохраню передъ войскомъ, доколѣ дыханье

Будетъ въ груди у меня и могучія движутся ноги.

610

Молвлю тебѣ я другое, а ты положи то на сердце:

Мнѣ не волпуй ты души, предо мною крушася и плача,

Сыну Атрея въ угодность; тебѣ и не должно Атрида

Столько любить, чтобы тому, кѣмъ любимъ, непавистенъ ты не былъ.

Ты оскорби человѣка, который меня оскорблѣяетъ!" 615

Царствуй, равно какъ и я, и честь раздѣлай ты со мною.

Скажутъ они мой отвѣтъ; оставайся ты здѣсь, успокойся

Въ кущѣ, на мягкомъ ложѣ; а завтра, съ восходомъ денницы,

Вѣстѣ помыслимъ, отплыть во-свояси намъ или остататься".

Рекъ,—и Патроклу, въ безмолвії, зпамене подаль бровями 620

Фениксу мягкое ложе постлать, да скорѣе другіе

Выти изъ кущи помыслить. Тогда Теламонидъ великий,

Богу подобный Аяксъ, подымался и такъ говорилъ имъ:

„Сынь благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!

Время идти; я вижу, къ желаемой цѣли бесѣды 625
 Симъ намъ путемъ не достигнуть. Ахейцамъ какъ можно скорѣе
 Должно отвѣтъ объявить, хоть онъ и не радостенъ будеть;
 Насъ ожидая, Ахеицы сидять. Ахиллесь Мирмидонецъ
 Дикую въ сердце вложилъ, за предѣль выходящую гордость! 630
 Смертный суровый! въ ничто поставляеть и дружбу онъ близкихъ,
 Дружбу, какою мы въ станѣ его отличали предъ всѣми!
 Смертный, съ душою безчувственной! Братья за убитаго брата,
 Даже за сына убитаго пено отецъ принимаетъ;
 Самый убийца въ народѣ живеть, отплатившись богатствомъ;
 Пеню же взявший—и истительный духъ свой, и гордое сердце—635
 Все наконецъ укрощаетъ; но въ сердце тебѣ безконечный
 Гнѣвъ ненавистныхъ вселили бессмертные ради единой
 Дѣвы! но семь ихъ тебѣ, превосходнѣйшихъ, мы предлагаемъ,
 Много даровъ и другихъ! Облеки милосердіемъ душу!
 Собственный домъ свой почти: у тебя подъ кровомъ пришельцы 640
 Мы отъ народа Ахейскаго, люди, которые ищеть
 Дружбы твоей и почтенія, болѣе всѣхъ изъ Ахеянъ».

И не медля ему отвѣчалъ Ахиллесь быстроногій:
 „Сынъ Теламоновъ, Аяксъ благородный, властитель народа! 645
 Все ты, я чувствую самъ, говорилъ отъ души мнѣ, но, храбрый!
 Сердце мое раздымается гнѣвомъ, лишь вспомню о томъ я,
 Какъ обезчестиль меня передъ цѣльмъ народомъ Ахейскимъ
 Царь Агамемнонъ, какъ будто бы былъ я скиталецъ презрѣнныи!
 Вы возвратитесь назадъ и пославшему вѣсть возвѣстите:
 Я, объявите ему, не помыслю о битвѣ кровавой 650
 Прежде, пока Пріамидъ бранноносный, божественный Гекторъ,
 Къ сѣни уже и широкимъ судамъ не придетъ Мирмидонскимъ,
 Рати Ахеянъ разбивъ, и пока не зажжетъ кораблей ихъ.
 Здѣсь же, у сѣни моей, предъ моимъ кораблемъ чернобокимъ,
 Гекторъ, какъ ни пеистовъ, отъ брани уймется, надѣюсь“. 655

Рекъ онъ,—и каждый, въ молчаніи, кубокъ взялъ двоедонный,
 Возлізъ богамъ и изъ сѣни испелъ; Одиссей предитекъ имъ.
 Тою порою Патрокль повелѣлъ и друзьямъ, и рабынямъ
 Фениксу мягкое ложе какъ можно скорѣе готовить.
 Жены, ему повинуясь, какъ онъ повелѣлъ, простирали 660
 Руны овецъ, покрывало и цвѣтъ нѣжнѣйшій изъ лена.
 Тамъ покоился Фениксъ, денницы святой ожидая.
 Но Ахиллесь почивалъ внутри крѣпкостворчатой кущи
 И при немъ возлегла полоненная имъ Лесбіянка,
 Форбаса дочь, Діомеда, румялопанитая дѣва. 665
 Сынъ же Менетіевъ спалъ напротивъ, и при немъ возлежала

Легкая станомъ Ифиса, ему Агиллесомъ героемъ
Данная въ день, какъ разрушилъ онъ Скиросъ, градъ Энсея.

Тѣ же—едва показались у куши Атрида владыки,
Съ кубками ихъ золотыми Ахеянъ сыны привѣчали, 679
Встрѣчу одинъ за другимъ подымаясь и ихъ вопроша.
Первый изъ нихъ говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Молви, драгой Одиссей, о великая слава Данаевъ,
Хочетъ ли онъ отъ судовъ отразить пожирающій пламень,
Или отрекся и гордую душу штаетъ враждою?“ 675

И ему отвѣчалъ Одиссей, знаменитый страдалецъ:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Нѣть, не хочетъ вражды уголить онъ, сильнейшою прежней
Пышти грозой, презираетъ тебя и дары отвергаетъ.
Въ бѣдствахъ тебѣ самому велить съ Аргиванами думать, 680
Какъ защитить корабли и стѣсненные рати Ахеянъ.
Самъ угрожаетъ, что завтрашній день, лишь денница возникнетъ,
На море всѣ корабли обоядувесельные спустить.
Онъ и другимъ воеводамъ совѣтовать то же намѣренъ— 685
Въ дому отплыть; никогда, говоритъ онъ, конца не обрѣсть валь
Трои высокой; надъ нею перуновъ метатель Кроніонъ
Руку свою распустерь,—и возвысилась дерзость народа.
Такъ онъ отвѣтствовалъ; вотъ и сопутники то же валь скажутъ,
Сынъ Теламона и вѣстники наши, разумные оба.
Фениксъ же тамъ успокоился, старецъ: такъ повелѣль онъ, 690
Чтобъ за нимъ въ корабляхъ, обратно къ отчизнѣ любезной
Слѣдоваль завтра, но если опь хочеть,—неволить не будеть“.

Такъ говорилъ,—и молчанье глубокое всѣ сохранили,
Рѣчью его пораженные: грозное онъ имъ повѣдалъ.
Долго безмолвными были унылые мужи Ахѣцы, 695
Но межъ нихъ наконецъ взговорилъ Діомедъ благородный:

„Царь знаменитый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Лучше, когда бъ не просилъ ты высокаго сердцемъ Пелида,
Столько даровъ обѣщая: гордъ и самъ по себѣ онъ,
Ты же въ Пелидово сердце вселяешь и большую гордость. 700
Копчимъ о немъ и его мы оставимъ; отсюда онъ ёдетъ
Или не ёдетъ—начнетъ, безъ сомнѣнія, ратовать снова,
Ежели сердце велить и богъ всемогущій воздвигнетъ.
Слушайте, други, что я предложу вамъ, одобрите всѣ вы:
Нынѣ предайтесь покою, но прежде сердца ободрите 705
Пищей, виномъ: вино человѣку и бодрость, и крѣпость.
Завтра жъ, какъ скоро блеснетъ розоперстая въ небѣ денница,
Выстро, Атридъ, предъ судами построй ты и конныхъ, и пѣшихъ,

Духъ ободри имъ и самъ передъ воинствомъ первый сражайся".

Такъ произнесъ, и восхлинули весело всѣ скитроносцы, 710
Смѣлымъ дивяся рѣчамъ Діомеда смирителя коней.

Всѣ наконецъ, возліявши богамъ, разошлись по кущамъ,
Гдѣ предалися покою и спа насладились дарами.

ПѢСНЬ X.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ ПѢСНИ.

Агамемнонъ, равно и Менелай, устрешенные приближеніемъ Троинъ, въ виду Ахейскаго воинства становъ расположившихся, проводать ночь безъ сна, встають и сходятся, ст. 1—35. Видя нужнымъ собрать совѣтъ, идутъ сами зывать вождей, Менелай—Идоменея и Аякса Теламонида, Агамемнонъ—Нестора, 36—130. Несторъ, съ нимъ вышедши, будить Одиссея, 131—149, Диомеда, 150—176; а его посыаетъ призвать Аякса Оилида и Мегеса. Всѣ собравшися, идутъ осмотрѣть стражу, около рва поставленную, и находять ее бодрою, 177—193. Переходь за ровъ, совѣтуются и, по предложению Нестора, намѣреваются послать соглядатая въ станъ Троянскій, 194—218. На это решается Диомедъ и спутникомъ себѣ, изъ многихъ желающихъ, избирается Одиссей, 219—233. Вооружаются и отходить при счастливомъ значеніи птицы, Аенино посланной, 24—298. Гекторъ также хочетъ послать соглядата въ станъ Ахейскій и обѣщаетъ ему въ награду копей Ахиллесовыхъ. Вызвался Троянецъ Долонъ, вооружается и отходитъ, 299—338. Подходя уже къ стану Ахеянъ, онъ попадается павстрѣчу Одиссею и Диомеду. Они нападаютъ на него, ловить и разспрашиваются. Онъ имъ разсказываетъ все расположеніе стана Троянскаго и даже мѣсто, гдѣ остановился недавно пришедши Резъ, царь Фракійскій. По окончаніи разспроса, убиваетъ Долона, 339—464. Идуть къ стану Реза, котораго Диамедъ, Диомедъ, съ двѣнадцатью сподвижниками его, убиваютъ; Одиссей уводитъ славныхъ его коней. Диомедъ замышляетъ новые подвиги, 465—506, но Аена, явившися ему, совѣтуетъ болѣе не медлить, чтобы Аполлонъ не возбудилъ Троинъ, и героя на конахъ Резовыхъ возвращаются къ своимъ, встречаются съ привѣтствиями, омываются въ морѣ и садятся на пароходство съ друзьями, 507—579.

Всѣ при своихъ корабляхъ, цари и герои Ахеянъ,
 Спали цѣлую ночь, побужденные сномъ благотворныи;
 Но Атридъ Агамемнонъ, Ахейскаго пастыря народа,
 Сладкаго сна не вкушаль, волнуемый множествомъ мыслей.
 Словно какъ молнией блещетъ супругъ лѣпокудрыя Геры, 5
 Если готовить иль дождь безконечный, иль градъ вредоносный,
 Иль мятель, какъ снѣга убѣляютъ широкія степи,
 Или погибельной браніи огромную пасть отверзаетъ,—
 Такъ многократно вздыхалъ Агамемнонъ, глубоко отъ сердца,
 Скорбю стѣсненнаго; самая внутренность въ немъ трепетала. 10
 Сколько онъ разъ ни осматривалъ поле Троянъ, удивлялся
 Ихъ отнямъ неистечнымъ, пылающимъ предъ Илономъ,
 Звуку свирѣлей, цѣвницъ и смятенному шуму народа.
 Но, когда на суда и на войско Ахеянъ взиралъ онъ,
 Клоки власовъ у себя изъ главы исторгалъ, вознося ихъ 15
 Зевсу всевышнему: тажко стеноало въ немъ гордое сердце.
 Дума сія паконецъ показалась лучшей Атриду—
 Съ Несторомъ первымъ увидѣться, мудрымъ Нелеевымъ сыномъ:
 Съ нимъ не успѣютъ ли вмѣстѣ устроить совѣтъ непорочный, 20
 Какъ имъ бѣду отвратить отъ стѣсненной рати Ахейской.
 Всталъ Атрейонъ и съ поспѣшностью перси одѣяль хитономъ,
 Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ красиваго вида плесницы,
 Сверху покрылся могучаго льва окровавленной кожей,
 Рыжей, огромной, отъ выш до пять, и копьемъ ополчился. 25
 Страхомъ такимъ же и царь Менелай волповался; на очи
 Сонъ и къ нему не сходилъ: трепеталь онъ, да бѣдъ не претерпѣть
 Мужи Ахеицы, которые всѣ по водамъ безпредѣльными
 Къ Трой пришли, за него дерновенную брань подымая.
 Всталъ и широкія плечи покрыль онъ пардовой кожей,
 Пятнами пестрой, на голову шлемъ, преподнявши, надвинулъ, 30
 Мѣдью блестящій, и, дротъ захвативши въ могучую руку,
 Такъ онъ пошелъ, чтобы брата воздвигнуть, который верховныи
 Быль царемъ Аркіянъ и, какъ богъ, почтался народомъ.
 Онъ, при кормѣ корабля, покрывшагося пышнымъ доспѣхомъ
 Брата нашелъ, и быль для исго посѣтитель пріятный. 35
 Первый къ нему возгласилъ Менелай, воинственникъ славный:
 „Что воружаешься, братъ мой почтенный? или отъ Ахеянъ
 Хочешь къ Троинамъ послать соглядатая? Но, признаюся,
 Я трепещу, чтобы не вызвался кто на подобное дѣло
 И чтобы враждебныхъ мужей соглядѣть не пошелъ одинокий 40
 Въ сумракахъ ночи глухой: человѣкъ дерзосердый онъ будетъ“.
 Брату въ отвѣтъ говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ:

„Нужда въ совѣтѣ и мнѣ, и тебѣ, Менелай благородный,
Въ мудромъ совѣтѣ, который бы могъ защитить и избавить
Рать Аргивянъ и суда; измѣнилось Кронидово сердце: 41
Къ Гектору, къ жертвамъ его преклонилъ онъ съ любовью душу!
Нѣть, никогда не видаль я, ниже не слыхалъ, чтобы единый
Смертный столько чудесъ, и въ день лишь единий, предпринялъ,
Сколько совершилъ надъ Ахейцами Гекторъ, Зевесу любезный,
Гекторъ, который не сынъ ни богина безсмертной, ни бога. 50
Но дѣла совершилъ онъ, которыхъ будемъ мы помнить
Долго, долго; такія бѣды сотворилъ онъ Ахейцамъ!
Но иди, Менелай, призови Девкалида, Аякса,
Прямо спѣши къ кораблямъ, а къ почтенному сыну Нелея
Самъ я иду и возстать преклоню; не захочеть ли старецъ 55
Стражей священный сонъ навѣстить и блюстить приказать имъ;
Вѣрно, ему покорятся охотнѣе; сынъ его храбрый
Стражи начальствуетъ сономъ, и съ нимъ Девкалида сподвижникъ,
Вождь Меріонъ; предпочтительно имъ поручили мы стражу“.

И его вопросилъ Менелай, воинственный славный: 60
„Что же мнѣ ты прикажешь и какъ повелишь, Агамемнонъ?
Тамъ ли остаться, у нихъ, твоего ожидая прихода,
Или къ тебѣ поспѣшать возвратиться, какъ все накажу имъ?“

Вновь Менелаю вѣщалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Тамъ ты останься, чтобы мы не могли разойтися съ тобою, 65
Ходя въ сумракѣ: многое дорогъ по широкому стану.
Гдѣ же пойдешь, окликай, и всѣмъ совѣтуй стеречься,
Каждаго мужа, Атридъ, именуй по отцу и по роду;
Всѣхъ привѣтливо чествуй, и самъ ни предъ кѣмъ не величься:
Нынѣ и мы потрудимся, какъ прочие; жробій таковъ нашъ! 70
Зевесь на насъ, на родившихся, тяжкое горе возвергнулъ!“

Такъ говоря, отпускаетъ онъ брата, разумно наставивъ,
Самъ наконецъ поспѣшаетъ къ владыкѣ народовъ Нелиду.
Старца находитъ при черномъ его кораблѣ противъ ющи,
Въ мягкомъ одрѣ, и при немъ боевые лежали доспѣхи: 75
Выпуклый щитъ и два копія, и шлемъ свѣтозарный;
Подлѣ и поясь лежаль разноцвѣтный, который сей старецъ
Часто еще препоясывалъ, въ бой мужегубый готовясь
Рать предводить: еще не сдавался онъ старости грустной.
Несторъ, приставши па локоть и голову съ ложа поднявши, 80
Къ сыну Атрея вѣщалъ и его вопрошаль громогласно:

„Кто ты? и что можъ судами по ратному стану здѣсь ходишь
Въ сумракѣ ночи, одиль, какъ покоятся всѣ человѣки?
Друга ли ты, или, можетъ быть, меска сбѣжавшаго ищешь?“

Что тебѣ нужно? Отклиknись, а молча ко мнѣ не ходи ты!“ 85

Старцу не медля отвѣтствовалъ пастырь мужей Агамемнонъ:
„Несторъ, почтенійшій старецъ, великая слава Danaевъ!

Ты Агамемнона видишь, котораго Зевсъ промыслитель
Болѣе всѣхъ подвергнуль трудамъ безконечнымъ, покуда
Въ персяхъ моихъ остается дыханье и движутся ноги. 90

Такъ я скитаюсь; на очи мои ниже ночью не сходитъ
Сладостный сонъ, и па думахъ лишь брань и напасти Ахеянъ!
Такъ за Ахеянъ жестоко страшуся я: духъ мой не въ силахъ
Твердость свою сохранять, но волнуется; сердце изъ персей
Вырваться хочеть, и ноги мои подо мною трепещутъ! 95

Если что дѣлать намѣренъ ты (сонъ и къ тебѣ не приходитъ),
Встань, о Нелидъ, и ко стражамъ Ахейскимъ дойдемъ и осмотримъ.
Можетъ быть, всѣ, удрученные скучнымъ трудомъ и дремотой,
Сну предалися они и о стражѣ опасной забыли.

Рати же гордыхъ враговъ недалеко, а мы и не знаемъ, 100
Въ сумракѣ ночи они не хотятъ ли впезапно ударить“.

Сыну Атрея отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Замыслы Гектору, вѣрно, не всѣ Промыслитель небесный
Нынѣ исполнить, какъ гордый онъ ждеть, и его удручитъ онъ 105
Горемъ, я чаю, и большимъ, когда Ахиллесь быстроногий
Храбрео сердце свое отвратить отъ несчастнаго гнѣва.
Слѣдователь радъ я съ тобою; пойдемъ и другихъ мы разбудимъ
Храбрыхъ вождей: Дюомеда героя, царя Одиссея,
Съ ними Аякса быстрого, также Филемова сына. 110

Еслибъ еще кто-нибудь поспѣшилъ и къ собранію призвалъ
Идоменея царя и подобнаго богу Аякса:
Ихъ корабли на концѣ становища; отсюда не близко.
Но Менелая, любезнаго мнѣ и почтеннаго друга,
Я укорю, хоть тебя и прогнѣваю; нѣть, не скрою! 115
Онъ почиваетъ, тебя одного заставляетъ трудиться!
Нынѣ онъ долженъ бы около храбрыхъ и самъ потрудиться,
Долженъ бы всѣхъ ихъ просить: настоить нестерпимая нужда!“

Нестору вновь отвѣчалъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Старецъ, другою порой укорять я совѣту брата: 120
Часто медлителенъ онъ и какъ будто къ трудамъ неохотенъ,—
Но не отъ праздности низкой, или отъ незнанія дѣла:
Смотрить всегда на меня, моего начинанія ждущій.
Нынѣ же всталъ до меня, и ко мнѣ неожиданъ явился.
Брата послалъ я просить предводителей, коихъ ты назвалъ. 125
Но поспѣшимъ и найдемъ, я надѣюся, ихъ мы у башни,

Вмѣстѣ съ дружиной стражебною: тамъ повелѣлъ я собраться”.

Снова Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Ежели такъ, изъ Данаевъ никто на него не возвращетъ:
Каждый послушаетъ, если онъ что запретить, иль прикажеть”. 130

Такъ говоря, одѣвалъ онъ перси широкимъ хитономъ,
Къ бѣлымъ ногамъ привязалъ прекраснаго вида плесницы;
Послѣ, кругомъ застегнуль онъ двойной свой, широкопадущій,
Шурпурный плащъ, по которому струилась косматая волна,
И, копье захвативъ, повершенное острою мѣдью, 135
Такъ устремилъся Нелидъ межъ судовъ и межъ кущей Ахеанъ.
Тамъ, сперва Одиссея, совѣтами равнаго Зевсу,
Поднялъ отъ сна, восклицающій громко возница Геренскій.
Скоро дошелъ до души Одиссеевой Несторовъ голось:

Выступилъ онъ изъ-подъ кущи и такъ говорилъ воеводамъ: 140

„Что межъ судами одни по воинскому ходите стану
Въ сумракѣ ночи? Какая пришла неизбѣжная нужда?”

Сыну Лаерта отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный!
Ты не ропщи: Аргивянамъ жестокая нужда приходитъ! 145
Съ нами иди, и другихъ мы разбудимъ, съ которыми должно
Нынѣ жъ рѣшить на совѣтѣ — бѣжать ли намъ, или сражаться”.

Рекъ онъ,—и быстро подъ кущу вступилъ Одиссей многоумный,
Щитъ свой узорный за плечи закинулъ и слѣдоваль съ ними.
Къ сыну Тидея пошли, и нашли Діомеда лежащимъ 150
Одаль отъ сѣни, съ оружiemъ около ратные други
Спали; сколовьемъ ихъ были щиты, у постелей ихъ копья
Прямо стояли, вонзенные древками; мѣдь ихъ далеко
Въ мракѣ блистала, какъ молния Зевса. Герой въ серединѣ
Спалъ, и постелью была ему кожа вола-стенового; 155
Свѣтлый, блестящій коверъ лежалъ у него въ изголовье.
Близко пришедши, будиль почивавшаго Несторъ почтенный,
Трогая краемъ ноги, и въ лицо укоряль Діомеда:

„Встань, Діомедъ! и что ты всю ночь почиваешь безпечно?
Или забылъ, что Трояне, занявъ возвышеніе поля, 160
Близко стоять предъ судами и узкое мѣсто насть дѣлить?”

Такъ говорилъ; почивавшій съ постели стремительно вспринулъ
И, обратясь къ нему, произнесъ крылатыя рѣчи:
„Слишкомъ заботливый старецъ, трудовъ никогда ты не бросишь!
Нѣтъ ли у насъ и другихъ, въ ополченіи младшихъ Данаевъ, 165
Конь приличнѣе было бы вождей насть будить по порядку,
Ходя по стану Ахейскому; неутомимъ ты, о старецъ!”

Сыну Тидея отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:

- „Такъ, Діомедъ, справедливо ты все и разумно вѣщаешь.
Есть у меня и сыны непорочные, есть и народа
Много подвластнаго: было бъ кому обходить и сзывать васъ;
Но жестокая нужда Аргивскихъ мужей постигаетъ!
Всѣмъ Аргивянамъ теперь на мечномъ остріи рас простерта
Или погибель позорная, или спасеніе жизни!
Но послѣши ты и сына Филеева съ быстрымъ Аяксомъ
Къ намъ призови: ты моложе меня и о мнѣ сожалѣшь.“ 175
- Рекъ; Діомедъ, не медля покрываши львиною кожей,
Рыжей, огромной, до пять доходящей, и дротъ захвативши,
Быстро пошелъ, разбудилъ воеводъ и привелъ ихъ съ собою.
Скоро владыки Ахеянъ достигнули собранныхъ стражей 180
И не въ дремотѣ они предводителей стражи застали:
Бодро младые Ахецы, съ оружiemъ въ дланяхъ сидѣли.
Словно какъ псы у овчарки овѣцъ стерегутъ беспокойно,
Сильнаго звѣря зачуявъ, который изъ горъ, голодалый,
Лѣсомъ идетъ: подымается шумная противу звѣря 185
Псовъ и людей стерегущихъ тревога, ихъ сонъ пропадаетъ,—
Такъ пропадаль на очахъ усладительный сонъ у Ахеянъ;
Стань охраняющихъ въ грозную ночь: непрестанно на полѣ
Взоры вперяли они, чтобъ узнать, не идутъ ли Трояне.
Съ радостью старецъ уарѣль ихъ и, болѣе духъ ободряя, 190
Весело къ нимъ говорилъ, устремля крылатыя рѣчи:
„Такъ стерегитесь, любезныя дѣти! никто и не думай,
Стоя на стражѣ, о снѣ: да не будемъ мы въ радость враждеб-
нымъ“.
- Такъ говоря, перенесся за ровъ, и за нимъ устремились
Всѣ скіпетроносцы Ахейскіе, сколько звано ихъ къ совѣту. 195
Съ ними герой Меронъ и Несторовъ сынъ знаменитый
Слѣдовалъ; сами цари пригласили и ихъ для совѣта.
Вмѣстѣ они, перешедшіе ровъ, предъ стѣною изрытый,
Сѣли на чистой полянѣ, на мѣстѣ свободномъ отъ труповъ,
Въ сѣчь убитыхъ, откъя возвратился крушительный Гекторъ, 200
Рать истреблявшій Danaeъ, доколѣ ихъ ночь не покрыла;
Тамъ воеводы, сидящіе, между собой говорили.
Рѣчь имъ полезную началь Геренскій воинственный Несторъ:
„Други! не можетъ ли кто-либо самъ на свое положиться
Смѣлое сердце и нынѣ же къ гордымъ Троянамъ пробраться 205
Въ мракѣ ночномъ? не возьметъ ли врага онъ, бродящаго съ краю;
Или, не можетъ ли между Троянъ разговора услышать,
Какъ межъ собою они полагаютъ: рѣшились ли твердо
Здѣсь оставаться далеко отъ города, или обратно

Хоть от супов отступай. Такъ же Гигантъ Ламбръ. 219
 Всю бы та же ужинать и въ залѣ въздыхать возрадаться,
 Г. великаго славы! Кто бы ему изъ виновниковъ?
 Слава у всѣхъ честолюбивъ; ему и награда превзойдётъ!
 Слава же быть въ залѣ Агамемнъ възвышать гробъ,
 Каждый же быть награждать възвратившися честной супъ 215
 Съ кипящимъ соусомъ,—награда, съ которой никто не сравняется;
 Быть всегда съ уважениемъ и превзойдеть, и дружескими пр-
 шествіемъ".

Речь,—и никто не откажется, все хранятъ памчанье.
 Первый же изъ возводить Домъ, воеватель могучий:
 „Несторъ! меня побуждаетъ душа и отважное сердце 220
 Въ станъ враждебный вѣйти, недалеко лежащий Троинскій.
 Но когда и другой кто со мною идти пожелаетъ,
 Болѣе бодрости мнѣ и веселости болѣе будетъ.
 Двумъ сокровищамъ вѣшиши, одинъ предъ другимъ вынышаешь:
 Что для успѣха полезно; одинъ же хотя бы и мыслишь,— 225
 Медленнѣй духа его и слабѣе рѣшительность духа".

Такъ говорилъ,—и идти съ ними хотящіе многіе встали:
 Оба Аляса хотять, нестрашные слуги Арея;
 Хочетъ герой Меронъ, Оразимедъ безпредѣльно желаетъ;
 Хочетъ и свѣтлый Атридъ Менелай, знаменитый копейщикъ; 230
 Хочетъ и парь Одиссей во враждебные сонмы проникнуть,—
 Сильный: всегда у него на опасности сердце дерзalo.
 Но между нихъ, возгласиша повелитель мужей, Агамемнонъ:
 „Отрасль Тидеся, любезнѣйший мнѣ Діомедъ благородный!

Спутника самъ для себя избирай и кого пожелаешь,
 Кто изъ представшихъ, какъ мыслишь, отважнѣйший: многіе жаждуть.
 Но изъ почтенія тайнаго, лучшаго къ дѣлу не брось ты
 И не выбери худшаго, страху души уступая;
 Нѣть, на родь не взирай ты, хотя бы и державнѣйший быль онъ".

Такъ Агамемнонъ вѣщалъ, за царя Менелая страшася. 240
 Къ нимъ же вновь говорилъ Діомедъ, воеватель безстрашный:

„Ежели мнѣ самому избрать въ друга велите,
 Какъ я любища боговъ Одиссея героя забуду?
 Сердце его, какъ ничто, предпріимчиво; духъ благородный 244
 Твердъ и въ трудахъ, и въ бѣдахъ, и любимъ онъ Палладой Аѳиной!
 Если сошутникъ мой онъ, изъ огня мы горящаго оба
 Къ намъ возвратимся: такъ въ немъ обиленъ на вымыслы разумъ".

Но ему возразилъ Одиссей, знаменитый страдалецъ:
 „Слишкомъ меня не хвали, не хули, Діомедъ благородный,—
 Влюющими все говоришь ты царямъ и героямъ Ахейскимъ." 250

Лучше пойдемъ мы! Ночь убѣгаетъ и близко денница;
Звѣзды ушли ужъ далеко; болѣе двухъ уже долей
Ночь совершила, и только что третія доля осталась».

Такъ говоря, покрывалися оба оружiemъ страшными.
Несторовъ сынъ, Фразимедъ воинственный, даль Діомеду 255
Мѣднай ножъ двулезвенный (свой при судахъ онъ оставилъ),
Отдалъ и щить; на главу же героя изъ кожи воловой
Шлемъ онъ надѣль, но безъ гребня, безъ бляхъ, называемый пло-
скимъ,

Кониъ чело у себя покрываетъ цвѣтущая младость.
Вождь Меріонъ предложилъ Одиссею и лукъ, и колчанъ свой, 260
Отдалъ и мечъ, на главу же надѣль Лаертида героя
Шлемъ изъ кожи; внутри перетянутый часто ремнями,
Крѣпко натянутъ онъ быль, а спаражи по шлему торчали
Бѣлые вепря клыки, и сюда, и туда вздымаясь
Въ стройныхъ, красивыхъ рядахъ, въ серединѣ же полстью подбитъ
онъ. 265

Шлемъ сей древле изъ стѣнъ Элеона похитилъ Автоликъ,
Тамъ Герменида Аминтора домъ крѣпкозданный разрушилъ;
Въ Скандиніи жъ отдалъ его Киїерійскому Амейдамасу;
Амейдамасъ подарилъ, какъ гостинецъ пріязненный, Молу; 270
Моль наконецъ Меріону вручилъ его, храброму сыну;
Нынѣ сей шлемъ знаменитый главу осѣнилъ Одиссея.

Такъ Одиссей съ Діомедомъ, покрывши оружiemъ страшнымъ,
Оба пустилися, тамъ же оставивъ старѣйшинъ Ахейскихъ;
Доброе знаменье храбрымъ не медля послала Аѳена—
Цаплю на правой рукѣ отъ дороги: они не видали 275
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадованъ быль Одиссей и взмолился Аѳинѣ:

„Гласъ мой услышь, громовержцемъ рожденная! Ты, о богиня,
Мнѣ соприсущна во всякомъ трудѣ, отъ тебя не скрываю
Думъ я моихъ, но теперь благосклонною будь мнѣ, Аѳина! 280
Дай намъ къ Ахейскимъ судамъ возвратиться покрытыми славой,
Сдѣлавъ великое дѣло, на долгое горе Троянамъ!“

И взмолился второй, Діомедъ, воеватель могучій:
„Нынѣ услышь и меня, необорная дщерь Эгіоха!
Спутницей будь мнѣ, какою была ты герою Тидею 285
Къ Оивамъ, куда онъ съ посольствомъ ходилъ отъ народовъ Ахей-
скихъ;
Возлѣ Асоповыхъ водъ Аргивянъ мѣднолатныхъ оставилъ,
Мирныя вѣсти отецъ мой Кадмеянамъ несъ бранноноснымъ
Въ градъ, но изъ града идущій, дѣянія, страшныя слухъ.

Сдѣлалъ съ тобой: благосклонная ты предстояла Тидею.	290
Такъ ты по мнѣ поборай и меня сохрани, о богиня!	
Въ жертву тебѣ пропесу я широкочелестную краву,	
Юнью, выя которой еще не склонялась подъ иго;	
Въ жерту ее принесу я, съ рогами, облитыми златомъ*.	
Такъ говорили, молясь, и вняла имъ Паллада Аѳина.	295
Кончивъ герои мольбу Громовержца великаго дщери,	
Оба пустились, какъ львы дерзновенные, въ сумракѣ ночи,	
Полемъ убийства, по трупамъ и токамъ кровавымъ.	
Тою порой и Троянскимъ сынамъ Пріамидъ не позволилъ	
Сну предаваться: собралъ для совѣта мужей знаменитыхъ,	300
Всѣхъ въ ополченцы Троянскихъ во�дей и совѣтниковъ мудрыхъ.	
Собраннымъ вмѣстъ мужамъ, предлагалъ онъ совѣтъ имъ полезный:	
„Кто среди васъ за награду великую мнѣ обѣщаетъ	
Славное дѣло свершить? А награда богатая будетъ:	
Дамъ колесницу тому и яремныхъ коней гордовынныхъ	305
Двухъ, превосходнѣйшихъ всѣхъ при судахъ быстролетныхъ Данай-	
скихъ,	
Кто между вами дерзнетъ (а покрылся бѣ опь свѣтлою славой!)	
Въ сумракѣ ночи къ Ахейскому стану дойти и развѣдать:	
Такъ ли Ахеянъ суда, какъ и прежде, опасно стрегомы,	
Или, уже укрощенны силою нашей, Ахеицы	310
Между собой совѣщаются о бѣгствѣ и нынѣшней ночью	
Стражи держать не желаютъ, трудомъ изнуренные тяжкимъ*.	
Такъ говорилъ; но молчанье глубокое всѣ сохранили.	
Былъ межъ Троянами иѣкто Долонъ, Троянца Эвмена,	
Вѣстника, сына, богатый и златомъ, богатый и мѣдью;	315
Сынъ, межъ пятью дочерьми, единственный въ домѣ отцовскомъ,	
Видомъ своимъ человѣкъ непригожий, но быстрый ногами.	
Онъ предводителю Гектору такъ говорилъ, приступивши:	
„Гекторъ, меня побуждаетъ душа и отважное сердце	
Въ сумракѣ ночи къ судамъ Аргивянъ подойти и развѣдать.	320
Но, Пріамидъ, обнадѣжь, подыми твой скіптръ и клянися,	
Тѣхъ превосходныхъ коней и блестящую ту колесницу	
Дать непремѣнно, какія могучаго носять Пелида.	
Я не напрасный тебѣ, не обманчивый вѣдомецъ буду:	
Станъ отъ конца до конца я пройду и къ судамъ доступлю я,	325
Иъ самимъ судамъ Агамемнона; вѣрно, Ахеянъ владыки	
Тамъ совѣщаются, бѣжать ли имъ, или сражаться*.	
Рекъ онъ, и Гекторъ поднялъ свой скіптръ и клялся Долону:	
Самъ Этюхъ мнѣ свидѣтель, супругъ громовержущей Геры!	
Мужъ въ Иlionѣ другой на Пелідовыхъ коней не сядеть:	330

Ты лишь единий, клянуся я, онъи славиться будешь“.

Рекъ онъ,—и суетно клялся, но сердце разжегъ у Троянца.
Быстро и лукъ свой кривой, и колчанъ онъ за плечи забросилъ,
Сверху покрылся кожей косматаго волка сѣдого,
Шлемъ же хоревый надѣлъ и острыймъ копьемъ ополчился. 335
Такъ отъ Троянского стана пошелъ онъ къ судамъ; но Троянцу
Вспять не приди отъ судовъ, чтобы Гектору вѣсти доставить.
Онъ, за собой лишь оставилъ толпы и коней, и народа,
Рѣзво дорогой пошелъ. Подходящаго скоро примѣтилъ
Царь Одиссей и сопутнику такъ говорилъ, Дюмеду: 340

„Видиши ли, другъ, человѣкъ изъ Троянского стана подходитъ!
Онъ, но еще не увѣренъ я, нашихъ судовъ соглядатай,
Или подходитъ, чтобы чай-либо трупъ изъ убитыхъ ограбить.
Но позволимъ сначала немногому по долинѣ 345
Насъ миновать, а потомъ устремимся и вѣрно изловимъ,
Быстро напавъ; но когда, убѣгающій, насть упредитъ онъ,
Помни, отъ стана его къ кораблямъ отбивай непрестанно,
Никой грозя, чтобы онъ не успѣль убѣжать къ Иlionу“.

Такъ говоряся, они у дороги, межъ грудами труповъ,
Оба припали, а онъ мимо ихъ пробѣжалъ, безразсудный. 350
Но, лишь прошелъ настолько, какъ борозды нивы бывають,
Мулами вспаханной (долѣ мулы воловъ тяжконогихъ
Могутъ плугъ составный волочить по глубокому пару),
Бросились гнаться герои,—и стала онъ, топотъ услышавъ.
Чаяль онъ въ сердцѣ своемъ, что друзья изъ Троянского стана 355
Кликать обратно его, по вѣльню Гектора, гнались.

Но, лишь представали они на полеть копія или меньше,
Лица враговъ онъ узналъ и проворны ноги направилъ
Къ бѣгству, и быстро они за бѣгущимъ пустились въ погоню.
Словно какъ два острозубые пса, пріобыкшіе къ ловлѣ, 360
Серну иль зайца поднявъ, постоянно упорные гонять
Мѣстомъ лѣсистымъ, а онъ предъ гонящими, визгая, скачеть,—
Такъ Дюмедь и рушитель градовъ Одиссей Иlionца
Полемъ, отрѣзавъ отъ войскъ, постоянно упорные гнали.
Но, какъ готовъ уже быть онъ съ Ахейскою стражей смѣтися, 365
Прямо къ судамъ устремлялся,—ревность вдохнула Аѳена
Сыну Тидея, да въ рати никто не успѣетъ хвалиться
Славой, что ранилъ онъ прежде, а самъ да не явится послѣ.
Бросясь съ копьемъ занесеннымъ, вскричалъ Дюмедь на Троянца:
„Стой, иль настигну тебя я копьемъ! и напрасно, надѣюсь, 370
Будешь отъ рукъ ты моихъ избѣгать неминуемой смерти!“

Рекъ онъ и ринулъ копье, и съ памѣренiemъ мимо проѣхалъ.

Быстро надъ правымъ плечомъ пролетѣвши, блестяще жаломъ,
Въ землю воткнулось копье, и Троянецъ сталъ, цѣпенѣя.
Губы его затряслися и зубы во рту застучали;
Съ ужаса блѣдный стоялъ онъ, а тѣ, задыхаясь, предстали, 375
Оба схватили его—и Долонъ, прослезаясь, воскликнулъ:
„О, пощадите! я выкупъ вамъ дамъ, у меня изобильно
Злата и мѣди въ дому и красивыхъ издѣлій желѣза. 380
Съ радостью дастъ вамъ изъ нихъ неисчислимый выкупъ отецъ мой,
Если узнаеть, что живъ я у вѣсѣ на судахъ мореходныхъ“.
Но ему на отвѣтъ говорилъ Одиссей многоумный:
„Будь спокойнъ и думы о смерти отринь ты отъ сердца.
Лучше отвѣтствуй ты мнѣ, но скажи совершенную правду:
Что къ кораблямъ Аргивянъ отъ Троянского стана бредешь ты 385
Въ темную ночь и одинъ, какъ покоятся всѣ человѣки?
Грабить ли ты хочешь мертвыхъ, лежащихъ на битвенномъ полѣ?
Или ты Гекторомъ посланъ, дабы предъ судами Ахеянъ
Все разсмотрѣть? или собственнымъ сердцемъ къ сему побужденъ
ты?“

Блѣдный Долонъ отвѣталъ, и подъ нимъ трепетали колѣна: 390
„Гекторъ, на горе, меня въ искушеніе ввелъ противъ воли:
Онъ Ахиллеса великаго коней мнѣ твердокопытныхъ
Клялся отдать и его колесницу, блестящую мѣдью.
Мнѣ же приказалъ онъ, подъ быстролетящими ираками ночи
Къ вашему стану враждебному близко дойти и развѣдать, 395
Такъ ли суда Аргивянъ, какъ и прежде, опасно стрегомы,
Или, уже укрученные ратною нашею силой,
Вы совѣщаетесь въ дому бѣжать, и во время ночное
Стражи держать не хотите, трудомъ изнуренные тяжкимъ“. 400

Тихо осклабясь, къ нему говорилъ Одиссей многоумный:
„О! даровъ не ничтожныхъ душа у тебя возжелала:
Коней Пелида героя! Жестоки, Троянецъ, тѣ кони;
Ихъ укротить и править для каждого смертного мужа
Трудно, кромѣ Ахиллеса, бессмертной матери сына!
Но отвѣтствуй еще и скажи совершенную правду: 405
Гдѣ, отправляясь, оставилъ ты Гектора, силь воеводу?
Гдѣ у него боевые доспѣхи, быстрые кони?
Гдѣ ополченья другія Троянскія, стражи и станы?
Какъ жесть собою они полагаютъ: рѣшились ли твердо
Здѣсь оставаться, далеко отъ города, или обратно 410
Мнятъ отъ судовъ отступить, какъ уже одолѣли Ахеянъ?“
Вновь отвѣталъ Одиссей Долонъ, соглядатай Троянский:
„Храбрый, охотно тебѣ совершенную правду скажу я:

Гекторъ, когда уходилъ я, остался съ мужами совѣта,
Съ ними совѣтуясь подлѣ могилы почтенного Ила, 415
Одалъ отъ шума; но стражей, герой, о какихъ вопрошаешь,
Нѣть особливыхъ, чтобы станъ охраняли или сторожили.
Сколько же въ станѣ огней, у границъ ихъ, которыхъ лишь нужда,
Бодрствуютъ ночью Троюне, одинъ убѣждая другого
Быть осторожнымъ; а все дальновѣщи, союзники Трои, 420
Спать беззаботно и стражу Троянамъ однимъ оставляютъ:
Нѣть у людей сихъ близко ни женъ, ни дѣтей ихъ любезныхъ".

Снова Долона выспрашивалъ царь Одиссей многоумный:
„Какъ же союзники—вмѣстѣ съ рядами Троянъ конеборныи,
Или особо спать? разскажи мнѣ, знать я желаю". 425

Снова ему отвѣчалъ Долонъ, соглядатай Троянскій:
„Все разскажу я тебѣ, говоря совершенную правду:
Къ морю Каріанъ ряды и стрѣльцовъ криволукіхъ Пеоновъ,
Тамъ же Лелеговъ дружины, Кавконовъ и славныхъ Пелазговъ;
Около Фимбры Ликійцы стоять и гордые Мизы 430
Рать Фригіанъ колесничниковъ, рать конеборцевъ Меоніанъ.
Но почто вамъ, герои, разспрашивать порознь о каждомъ?
Если желаете оба въ Троянское войско проникнуть,
Вотъ новопришлии, съ краю, отъ всѣхъ особливо, Фракійцы;
Съ ними и царь ихъ Резъ, воинственный сынъ Эйонея. 435
Видѣлъ я Резовыхъ коней, прекраснѣшихъ коней, огромныхъ;
Снѣга бѣлѣе они и въ ристаніи быстры, какъ вѣтеръ.
Златомъ, сребромъ у него изукрашена вся колесница.
Самъ подъ доспѣхомъ златымъ, поразительнымъ, дивнымъ для взора,
Царь сей пришелъ, подъ доспѣхомъ, который не намъ человѣ-
камъ 440

Смертными, прилично носить, но бессмертными богамъ Олимпійскими!
Нынѣ—ведите меня вы къ своимъ кораблямъ быстролетными.
Или свяжите и въ узахъ оставьте на мѣстѣ, доколѣ
Вы не придетѣ обратно и въ томъ не уѣдитесь сами,
Правду ли я вамъ, герои, разсказываль, или неправду". 445

Грозно взглянувъ на него, взговорилъ Діомедъ непреклонный:
„Нѣть, о спасенъ, Долонъ, невзирая на добрыя вѣсти,
Думъ не влагай себѣ въ сердце, какъ впала уже въ руки ты
наши.

Если тебѣ мы свободу дадимъ и обратно отпустимъ,
Вѣрно, ты снова придешь къ кораблямъ мореходныхъ Ахеянъ, 450
Тайно осматривать ихъ или явно съ нами сражаться.
Но, когда уже духъ подъ мою рукою испустишь,
Болѣе ты не возможешь погибель быть Аргивянамъ".

- Рекъ,—и какъ тотъ, у него подбородокъ рукою дрожащей
 Тронувъ, хотѣлъ умолять, Діомедъ замахнулъ и по выѣ 455
 Острый ножомъ поразилъ и разсѣкъ ея крѣпкія жили:
 Быстро, еще съ говорящаго, въ прахъ голова соскочила.
 Шлемъ хоревой они съ головы соглядатая сняли,
 Волчью кожу, разрывчатый лукъ и огромную пику,
 Все же то выѣстѣ Аеинѣ, добычи дарующей, въ жертву 460
 Поднялъ горѣ Одиссей и молящійся громко воскликнулъ:
 „Радуйся жертвой, Аеина! къ тебѣ мы всегда на Олимпѣ
 Къ первой взываемъ, бессмертныхъ моля! Но еще, о богиня,
 Насъ предводи ты къ мужамъ и къ конямъ, на noctlegi Фракіянъ!“
 Такъ произнесъ и поднятое все на зеленой мирикѣ 465
 Царь Одиссей положилъ и означилъ примѣтою видной,
 Вкругъ наломавши тростей и вѣтвей полнорослыхъ мирики,
 Чтобы его не минутъ имъ, идущимъ подъ сумракомъ ночи,
 Сами спустились впередъ, чрезъ тѣла и кровавые токи.
 Скоро достигли идущіе крайняго стана Фракіянъ. 470
 Воины спали, трудомъ утомленные; всѣ ихъ доспѣхи
 Пышные, подлѣ же ихъ, въ три ряда въ благолѣпномъ устройствѣ
 Сложены были, и пара коней передъ каждымъ стояла.
 Резъ посреди почивалъ, и его быстроногие кони
 Подлѣ стоали, привязаны къ задней скобѣ колесницы. 475
 Первый его усмотрѣвъ, Одиссей указалъ Діомеду:
 „Вотъ сей мужъ, Діомедъ, и вотъ тѣ самые кони,
 Кони Фракійскіе, коихъ означилъ Долонъ умерщвленный.
 Но начинай, окажи ты ужасную силу: не время
 Съ острымъ оружiemъ праздно стоять. Иль отвязывай коней, 480
 Или мужей побивай ты, а я постараюсь обѣ коняхъ!“
 Рекъ онъ,—и сыну Тидееву крѣпость вдохнула Аеина:
 Началь рубить онъ кругомъ; поднялися ужасные стоны
 Воевъ, мечомъ пораженныхъ; земля забагровѣла кровью.
 Словно какъ левъ, на стадо безстрашное козь или агнцѣвъ 485
 Ночью набредши и гибель замыслия, бросается быстрый,—
 Такъ на Фракійскихъ мужей Діомедъ бросался могучий;
 Онъ ихъ двѣнадцать убилъ. Между тѣмъ Одиссей хитроумный
 Каждаго мужа, который мечомъ Діомеда зарубленъ,
 За ноги сзади схвативъ, выволакивалъ быстро изъ ряду, 490
 Съ мыслю той на душѣ, чтобы Фракійскіе бурные кони
 Вышли спокойно за нимъ и невольно не дрогнули бѣ сердцемъ,
 Прямо по трупамъ ступая, еще не привычные къ мертвымъ.
 Но Тидидъ наконецъ до царя приступаетъ, могучий;
 Резъ третьягонадесять сладостной жизни лишилъ онъ. 495

Царь тяжело застональ: у него сновидѣніемъ грознымъ
Ночью стояль надъ главой Діомедъ, по совѣту Аеины.
Тою порой Одиссей отвязывалъ Резовыхъ коней,
Вмѣстѣ уздами связалъ и изъ ратнаго толпища вывелъ,
Лукомъ своимъ поражая, бича же блестящаго въ руку 500
Онъ захватить не помыслилъ съ узорной царя колесницы.
Свистнуль потомъ Одиссей, подавая знакъ Діомеду.
Тотъ же стояль и думалъ, что еще смѣлаго сдѣлать:
Взявъ ли царя колесницу, съ оружіемъ въ ней драгоцѣнныемъ,
Быстро за дышло увлечь, либо вынести, вверхъ приподнявши, 505
Или еще ему болѣе душъ у Оракіянъ исторгнуть?
Думы герою сіи обращавшему въ сердцѣ, Аеина
Близко предстала и такъ провѣщала Тидееву сыну:

„Вспомни уже обѣ отшествія, сынъ благородный Тидея!
Время къ судамъ возвратиться, да къ нимъ не придешь ты бѣгущій, 510
Если Троянскихъ мужей небожитель враждебный пробудить“.

Такъ изрекла,—и постигнулъ онъ головъ богини вѣщавшей,
Быстро вскочилъ на коня. Одиссей обоихъ погонялъ ихъ
Лукомъ, и кони летѣли къ судамъ мореходнымъ Ахеянъ.

Тою порой соглядалъ не беспечно и Фебъ сребролукій. 515
Онъ усмотрѣлъ, что Аеина сопутствуетъ сыну Тидея,
И, негодуя, въ великое войско Троянъ устремился.
Тамъ пробудиль онъ Оракіянъ, совѣтника Гипокоона,
Резова родича храбраго; съ ложа онъ спрынуль и, блѣдный,
Вида лишь мѣсто пустое, гдѣ быстрые кони стояли, 520
Вокругъ на побоищѣ страшномъ Оракіянъ трепещущихъ видя,
Громко взрыдалъ и по имени кликалъ любезнаго друга.
Крикъ по Троянскому воинству, страшная всталла тревога;
Быстро сбѣжались толпы и дѣланъ изумлялись ужаснымъ,
Кои враги совершили и къ чернымъ судамъ возвратились. 525

Тѣ же, когда принеслись, гдѣ убитъ соглядатай Троянскій,
Бурныхъ коней удержаль Одиссей, безсмертнымъ любезнымъ,
Но Тидидъ, соскочивъ и кровавыя взявши корысти,
Въ руки подаль Одиссею и изнова прынуль на коней.
Тотъ ихъ ударилъ; но кони покорные сами летѣли 530
Къ сѣнямъ Ахейскимъ; туда ихъ несло и желаніе сердца.

Несторъ, ихъ топотъ услышавши первый, вѣщаль межъ царями:
„Други любезные, воинство Ахейскихъ вожди и владыки!
Правда то, или неправда, скажу я вамъ, сердце велитъ мнѣ:
Коней, стремительно скачущихъ, топотъ мнѣ слухъ поражаетъ. 535
Если бы сынъ то Лаерта и сынъ дерновененный Тидея
Такъ неожиданно гнали Троянскихъ коней звуконогихъ!

Но трепещу я, о други мои, не они ль пострадали,
Воины наши храбрѣшіе, въ станѣ, встревоженномъ ими!“

Не была старцемъ кончена рѣчь, какъ явились герои, 540
Съ коней на долѣ соскочили, и сонми Аргивянъ восхищенный
Ихъ привѣчали и руками, и сладкими окресть словами.
Первый сталь ихъ разспрашивавъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Какъ, Одиссей знаменитый, великая слава Ахеянъ,
Какъ вы коней сихъ добыли? Отважно ли оба проникли 545
Въ войско Троянское? или вами богъ даровалъ ихъ представшій?
Солнца лучами свѣтозарныи они совершенно подобны!
Я завсегда обращаюсь съ Троянами; праздно, надѣюсь,
Я не стою предъ судами, хотя и сѣдой уже воинъ;
Но такихъ я коней не видалъ, не примѣтилъ донынѣ! 550
Богъ, безъ сомнѣнія, ввстрѣчу явившійся, вамъ даровалъ ихъ:
Васъ обоихъ одинаково любить, какъ Зевсъ громовержецъ,
Такъ и Зевесова дочь, свѣтлоокая дѣва Паллада!“

Сыну Нелея отвѣтствовалъ царь Одиссей многоумный:
„Сынъ знаменитый Нелея, великая слава Ахеянъ! 555
Богу, когда соизволить, и лучшихъ, чѣмъ видите, коней,
Вѣрно, легко даровать: божества безпредѣльно могущи!
Эти же, старецъ почтенный, вновь пришли въ станѣ Троянскомъ
Кони Фракійцевъ; у нихъ и царя Діомедъ нашъ могучій 560
Смерти предалъ, и двѣнадцать сподвижниковъ, все знаменитыхъ!
Но тринадцатый нами убить, при судахъ соглядатай,
Коего, высмотрѣть ночью великое воинство наше,
Нынѣ же Гекторъ послалъ и другіе сановники Трои“.

Такъ говорящій, за ровъ перегналъ онъ коней звуконогихъ,
Радостно-гордый, толпой окруженный веселыхъ Дацаевъ. 565
Скоро герои, пришедъ къ Діомедовой кущѣ красивой,
Коней ремнями искусно разрѣзанныхъ уздъ привязали
Къ конскимъ яслямъ, гдѣ и другіе царя Діомеда
Бурные кони стояли, пытаясь сладкой пшеницей.
Но Лаертидъ на корабль доспѣхъ Долоновъ кровавый 570
Взнесъ, пока не устроится жертва Палладѣ богинѣ.
Сами же тою порой, погрузившия въ волны морскія,
Потъ и прахъ омывали на голеняхъ, выѣ и бедрахъ
И, когда уже все отъ жестокаго пота морской
Влагой очистили тѣло и сердце свое освѣжили, 575
Оба еще омывались въ красиво-отесанныхъ ваннахъ.
Такъ омывшись они, умощенные свѣтлымъ елеемъ,
Сѣли съ друзьями за пиръ и изъ чаппи великой Аеинѣ,
Полными кубками, сладостнѣй меда вино возлияли.

ПѢСНЬ XI.

СОДЕРЖАНИЕ ОДИННАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Съ восходомъ зари Зевсъ посыпаетъ Вражду, которая возбуждаетъ Ахеянъ къ продолженю брахи, ст. 1—14. Агамемнонъ вооружается великоколѣйнымъ оружиемъ и рано выводить къ бою всѣ ополченія, въ которыхъ, многимъ ге-роемъ предзнаменуя гибель, Зевсъ ниспосыпаетъ кровавую росу, 15—55. Гек-торъ съ Троянами также вооружается; сходатся обѣ рати и долго сражаются съ равнымъожесточенiemъ и успѣхомъ, ибо, кроме Вражды, ни одно содѣй-ствующее божество не присутствуетъ въ брахи, 56—83. Въ полдень Ахейцы разрываютъ ряды Троянъ, но необыкновеннымъ геройствомъ отличается Агамем-нонъ; онъ убиваетъ многихъ, чѣмъ воспламенивъ и все воинство, опрокидываетъ Троянъ и гонитъ, 84—162. Преслѣдуемые, они останавливаются уже подъ стѣ-нами города, Гекторомъ ободренные; но самъ Гекторъ, по повелѣнію Зевса, ему Ирисомъ возвѣщенному, избѣгаетъ встрѣчи съ свирѣпствующими противникомъ, а сражается въ другихъ мѣстахъ, пока онъ не будетъ раненъ и не удалится изъ боя, 163—215. Между тѣмъ, Агамемнонъ, снова напавъ на остановившихся Троянъ, убиваетъ Ифидамаса и его брата Коона, которыми самъ бывъ раненъ, принужденъ удалиться изъ боя, 216—283. Тогда Гекторъ отражаетъ Ахеянъ и гонить, страшно свирѣпствуя, 284—309. Смятенный бой возстанов-ляется Одиссеемъ и Діомедомъ, 310—342; Гекторъ нападаетъ на нихъ, но, пораженный въ шлемъ копьемъ Діомеда, отступаетъ, Діомедъ же, раненый въ ногу стрѣломъ Париса, удалается изъ боя, 343—400. Одиссей остается на по-боищѣ одинъ, среди толпы враговъ, колеблется духомъ, наконецъ нападаетъ, поражаетъ многихъ; самъ, раненый Сокомъ, убивается и его; но, принужденный отступить отъ окружающихъ его Троянъ, крикомъ призываетъ на помощь друзей и избавляется Менелаемъ и Аяксомъ, 401—488. Аяксъ, напавъ на Троянъ, обращаетъ ихъ въ бѣгство, а Гекторъ на лѣвомъ крылѣ свирѣпствуетъ противъ Идоменея и Нестора, 489—504. Парисъ ранить стрѣлою Махаона, которого

Несторъ увозить изъ колесницѣ, 505—520. Между тѣмъ, Гекторъ, узнавъ, что Троицне на другомъ концѣ смыты Аяксомъ, на него устремляется; Аяксъ, грозно сражаясь, отступаетъ; но неохотному отступлению сравнивается съ осозомъ, 521—573. Эврипилъ раненъ стрѣлою Париса и также оставляетъ бой, 574—596. Между тѣмъ, Ахиллесъ, увидѣвъ Нестора, увозящаго Махаона изъ битвы, посылаетъ Патрокла освѣдомиться, 597—617. Несторъ, извѣстивъ о бѣдственномъ положеніи дѣлъ, убѣждаетъ Патрокла и рѣчью, и повѣстю о браннѣ Эпіанѣ съ Пилосцами, дабы онъ или преклонилъ Ахиллеса помочь Ахеянамъ, или самъ, надѣвъ оружія Ахиллесовы, устрашилъ бы враговъ, 618—633. Патрокль, возвращаясь назадъ, встрѣчаетъ Эврипила, страдающаго отъ язвы, приводить въ сѣнь и врачуетъ, 804—847.

Рано, едва лишь Депница Тиѳона прекраснаго ложе
Бросила, свѣтъ вождѣннй неся и безсмертныи и смертныи,
Зевсъ Вражду ниспослать къ кораблямъ быстролетныи Ахеянъ,
Грозную вѣстницу, знаменье брани несущую въ дланяхъ.
Стала Вражда на огромнѣйшій черный корабль Одиссея, 5
Бывшій въ срединѣ, да крики ея обоюдно услышать
Въ кущахъ далекихъ Аякса и въ кущахъ царя Ахиллеса,
Кои на самыхъ копцахъ съ многовеслыми ихъ кораблями
Стали, надежные оба на силу ихъ рукъ и на храбрость.
Тамъ возвышаясь, богиня воскликнула мощно и страшно, 10
Крикъ обращая къ Ахеянамъ и каждому въ сердце вдохнула
Бурную силу, безъ устали вновь воевать и сражаться.
Всѣмъ во мгновеніе война имъ кровавая сладостнѣй стала,
Чѣмъ на судахъ возвращеніе въ любезную землю родную.
Громко вопилъ и Атридъ, препоясаться въ брань возбуждая 15
Воевъ Аргивскихъ, и самъ покрывался блестательной мѣдью.
Прежде всего положилъ на могучія ноги поножи,
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной.
Послѣ вкругъ персей герой надѣвалъ знаменитыя латы,
Кои когда-то Кинирастъ ему подарилъ на гостинецъ: 20
Ибо до Кипра достигла великая вѣсть, что Ахеи
Ратью на землю Троянскую плыть кораблями рѣшились;
Въ оные дни подарилъ онъ Атриду, царю угрождая.
Въ латахъ сихъ десять полось простиралися ворони черной,
Олова бѣлаго двадцать, двѣнадцать блестящаго золата; 25
Сизые эмѣи по нимъ воздымались кверху, до выи,
Но три съ боковъ ихъ, подобные радугамъ, кои Кронионъ
Зевсъ утверждаетъ на облакѣ, въ дивное знаменѣ смертныи.
Мечъ опь набросилъ на рамо; кругомъ по его рукояти

ПѢСНЬ XI.

65

Гвозди сверкали златые; влагалище мечное окресть
Было серебряное и держалось ремнями златыми.	30
Поднялъ, всего покрывающій, бурный свой щитъ велелѣпный,
Весь изукрашенный: десять кругомъ его ободовъ мѣдныхъ,
Двадцать вдоль его было сияющихъ бляхъ оловянныхъ,
Бѣлыхъ, въ срединѣ жъ одна воздымалася—черная воронъ;	35
Тамъ Горгона свирѣпообразная щитъ повершала,
Страшно глядящая, окресть которой и Ужасъ и Бѣгство.
Сребреный былъ подъ щитомъ симъ ремень, и по немъ протяженный
Сизый драконъ извивался ужасный; главы у дракона	
Три, межъ собою сплетясь, отъ одной воздымалися выи.	40
Шлемъ возложилъ на главу изукрашенный, четверобляшный,
Съ конскою гривой, и страшный поверхъ его гребень качался.
Крѣпкія два захватиль копія, поворщенныя мѣдью,
Острыя, мѣдь отъ которыхъ далеко, до самаго неба,	
Ярко сияла. И грянули свыше Паллада и Гера,
Чествую сына Атрея, царя многозлатой Микены.	45
Каждый тогда изъ мужей своему заповѣдалъ возницѣ
Копей устроить въ ряды и предъ рвомъ ихъ держать неотступно.
Сами же пѣши, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, съ оружиемъ въ дланяхъ,
Рѣзали быстрые; шумъ неумолкпый возсталъ до разсвѣта.	50
Копытыхъ они упредивъ, передъ рвомъ построились къ бою;
Конные одаль за ними текли, и смятеніе злое
Зевсъ промыслитель въ толпахъ ихъ воздвигъ и съ высотъ, изъ
зора	
Росу послалъ, растворенную кровью; зане обрекаль онъ
Многія храбрыхъ главы ниспослать въ обитель Аида.	55
Трои сыны оплочались, занявъ возвышеніе поля,
Окресть великаго Гектора, Полидамаса героя,
Окресть Энея, который, какъ богъ, почтался народомъ,
Трехъ Антенора сыновъ, Агепора героя, Полиба	
И Акамаса младого, подобнаго жителю неба,
Гекторъ герой между первыми щитъ обращаль круговидный.
Словно звѣзда вредоносная, то, изъ-за тучъ появляясь,
Блещеть огнистая, то погружается въ мрачныя тучи,—	60
Такъ Пріамидъ, воеводствуя, то межъ переднихъ явился,
То между заднихъ, къ сраженію строя; подъ пламенной мѣдью
Весь онъ свѣтился, какъ молния грома метателя Зевса.	
Воины такъ, какъ жнецы, устрояся другъ противъ друга
Жать ячмень иль ищеницу на нивѣ богатаго мужа,
Полосу встрѣчные гонять, ручин на ручин упадаютъ,—
Такъ соступившіеся воины, другъ противъ друга бросались,	70

Бились: ни тѣ, ни другіе о низкомъ не мыслили бѣгствѣ;
Съ рвениемъ равнымъ главы на сраженье несли и, какъ волки,
Въ битвѣ ярились. Вражда веселилась, виповница бѣдствій,
Только одна отъ безсмертныхъ при страшной присутствїи сѣчѣ.

75

Боги другіе давно удалились отъ брали; спокойно
Въ свѣтлыхъ своихъ возсидали жилищахъ, гдѣ каждому богу
Домъ велѣніемъ воздвигнутъ, по горнымъ уступамъ Олимпа.
Всѣ же они порицали гонителя облаковъ, Зевса,

Трои сынамъ даровать возжелавшаго славу побѣды.

80

Но не внималъ имъ владыка Олимпа; отъ всѣхъ уклоняся,

Онъ одипокій сидѣлъ въ отдаленіи, радостно гордый,

Градъ созерцая Троянъ, корабли черноокихъ Данаевъ,

Мѣди сіяніе, брань и губящій мужей и губимыхъ.

Долго, какъ длился утро и день возрасталъ свѣтоносный,

85

Стрѣлы и тѣхъ и другихъ поражали, и падали воинъ.

Въ часъ же, какъ мужъ дровосѣкъ начинаетъ обѣдъ свой готовить,

Сѣвъ подъ горюю тѣпистой, когда уже руки насытиль,

Лѣсь повергая высокій, и томность на душу находить,

Чувства жъ его обымаеть алканіе сладостной пиши,—

Въ часъ сей Ахеяне силой своей разорвали фаланги,

90

Крикнувші разомъ дружина къ дружинѣ; впередъ Агамемнонъ

Ринулъ первый и свергнулъ владыку мужей Бланора,

Свергнулъ и друга его Оилея, гонителя коней.

Онъ, съ колесницѣ искриянувші, противостоялъ Атрейону,

95

И въ чело устремленію острымъ кошьемъ Агамемнонъ

Грянулъ; кошья не сдержаль ни шеломъ его мѣднотяжелый:

Быстро сквозь мѣдь и сквозь кость пролетѣло и, въ черепъ вор-

Съ кровью смѣшило весь мозгъ и смирило его въ нападни.

Бросиль сраженныхъ во прахъ владыка мужей Агамемнонъ,

Персами бѣлыми блещущими: онъ обнажилъ ихъ доспѣхи.

100

Самъ устремился на Изъ и Антифа, свергнуть пылая

Двухъ Пріамидовъ (побочный одинъ, а послѣдний законный),

Бывшихъ въ одной колесницѣ. Побочный правилъ конями,

Антифъ же стоя воинствовалъ храбрый; нѣкогда ихъ же,

Наспехъ овецъ, Ахиллесъ, изловивъ при подошвахъ Идейскихъ,

105

Вѣтвями гибкими плѣппыхъ связалъ, но избавилъ за выкупъ.

Пыпъ Атридъ ихъ, пространновластительный царь Агамемнонъ,

Перваго въ грудь близъ сосца поразилъ длиннотынною пикой,

Антифа жъ въ ухо мечомъ огромиль и сразилъ съ колесницы.

Спѣшилъ съ поверженныхъ онъ совлекалъ прекрасныя брони,

110

Вспомнивши юношей: прежде онъ ихъ предъ судами Ахеянъ

Видѣль, какъ съ Иды пѣвенныхъ привезъ Ахиллесъ благородный.
 Словно какъ левъ быстроногія лани дѣтей безпомощныхъ,
 Если придетъ къ логовищу, схвативши въ ужасныхъ зубы,
 Вдругъ сокрушаетъ съ костями и юную жизнь похищаетъ; 115
 Мать, какъ ни близко стоять у дѣтей, по помочь имъ не можетъ:
 Сердце у ней у самой обымаеть насильственный трепетъ;
 Быстрая, скакать сквозь частый кустарникъ, сквозь темныя рощи,
 Поть проливая, бѣжитъ отъ неистовства мощнаго звѣра,—
 Такъ Пріамидамъ никто изъ Троянъ при погибели грозной 120
 Помочи не дать: они предъ Ахейцами сами бѣжали.

Вслѣдъ онъ Пизандра и пылкаго въ битвахъ постигъ Гипполоха,
 Братьевъ, сыновъ Антиаха, который, принявъ отъ Париса
 Злато, блистательный дарь, на совѣтахъ всегда прекословилъ
 Всѣмъ предлагавшимъ выдать Елену царю Менелая. 125
 Мужа сего двухъ сыновъ низложилъ Агамемнонъ могучій,
 Бывшихъ въ одной колесницѣ и вмѣстѣ коней укрощавшихъ,
 Ибо изъ дланей у нихъ убѣжали блестящія вожжи.
 Оба смущились они, и на нихъ, какъ левъ, устремилъ
 Царь Агамемнонъ. Они съ колесницы къ нему возопили: 130

„Даруй намъ жизнь, о Атридъ! и получишь ты выкупъ достойный.
 Много въ дому Антиаха лежитъ драгоценностей въ домѣ;
 Много и мѣди, и золата, и хитрыхъ издѣлій желѣза.
 Съ радостью выдасть тебѣ неисчислимый выкупъ родитель,
 Если услышитъ, что живы мы оба, въ плѣну у Данаевъ“. 135

Такъ вопіющіе оба—царя преклоняли иа жалость
 Ласковой рѣчью, но голосъ неласковый слухъ поразилъ имъ:
 „Если вы оба сыны Антиаха, враждебнаго мужа,
 Что на сонмѣ Троянамъ совѣтъ подавалъ Менелая,
 Въ Трою посломъ приходившаго съ мудрымъ Лаертовымъ сыномъ, 140
 Тамъ умертвить, а обратно его не пускать къ Аргивянамъ,—
 Се вамъ достойная изда за презрѣнную злобу отцову!“

Рекъ, и могучимъ ударомъ Пизандра сразилъ съ колесницы.
 Въ грудь онъ копьемъ пораженный, ударился тыломъ о землю,
 Спрянулъ съ коней Гипполохъ, и его низложилъ онъ на землю, 145
 Руки мечомъ отрубивши и голову съ выѣмъ отсѣкши;
 Трупъ оттолкнулъ и по толпищу онъ покатился какъ ступа.

Бросивъ сраженныхъ, туда, гдѣ сильнѣе толпились фаланги,
 Ринулся онъ, и за нимъ мѣднобронные мужи Ахейцы.
 Пѣшие пѣшихъ разять, предающихихъ бѣгству неволей, 150
 Конные конныхъ (отъ нихъ заклубилось облако прада)
 Съ поля, взвиваясь ногами гремящихъ копытами коней)
 Мѣдью другъ друга сражаютъ; но мощній Атридъ непрестанно

- Гиаль, поражая бѣгущихъ и крикомъ своихъ ободряя.
Словно какъ хищный огонь на нерубленный лѣсъ нападаетъ; 155
Вихорь крутящийся окрестъ разносить его, и изъ корней
Съ трескомъ древа упадаютъ, крушимыя огненной бурей,—
Такъ подъ руками героя Атрида главы упадали
Въ бѣгъ обращенныхъ Троянъ; круговые многіе кони
Съ громомъ по браннымъ путямъ колесницы носили пустыя, 160
Славныхъ ища ихъ возницъ, а они по долинѣ лежали
Блѣдные, коршунаамъ больше пріятные, чѣмъ ихъ супругамъ.
- Гектора же Зевсъ промыслитель отъ стрѣль удалилъ и отъ праха,
Внѣ пораженъя поставилъ, и крови, и бурной тревоги.
Но Агамемнонъ преслѣдовалъ, мощно своихъ возбуждая. 165
Толпища мимо кургана Дарданскаго древняго Ила
Полемъ, нестройныя, мимо смоковницы дикой бѣжали,
Сердцемъ летящія въ градъ; неотступно преслѣдоваль съ крикомъ
Царь Агамемнонъ и кровью багриль необорныхъ руки.
Но, приближася къ дубу и къ Скайскимъ воротамъ, Трояне 170
Тамъ удержались и, ставъ, ожидали послѣднихъ бѣгущихъ.
Тѣ же еще по долинѣ, какъ робкія бѣгали кравы,
Если ихъ левъ распугаетъ, пришедшій въ глубокую полночь,
Всѣхъ; но единой изъ нихъ предстоитъ ужасная гибель:
Выю онъ вдругъ ей крушитъ, захвативши въ могучіе зубы, 175
Послѣ и кровь, и горячую внутренность всю поглощаетъ,—
Такъ ихъ бѣгущихъ преслѣдовалъ мощный Атридъ, непрестанно
Мужа послѣдняго пикой сражая; бѣжали Трояне.
Многіе ницъ и хребтомъ упадали, сраженные съ коней
Дланью Атридовой: такъ впереди онъ свирѣпствовалъ пикой. 180
- Но когда, побѣждая, подъ градъ и высокую стѣну
Онъ приближался, въ то время отецъ и бессмертныхъ и смертныхъ,
Зевсъ, на превысенному холмѣ обильной потоками Иды,
Съ неба нисшедшій, возсѣль, и держаль онъ перуны въ десницахъ,
И къ посланициѣ быстрой вѣщаль златокрылой Ирисѣ: 185
- „Шествуй, пасланица быстрая, Гектору слово повѣдай:
Дондеже зритъ онъ, что пастырь народа Атридъ Агамемнонъ,
Между переднихъ свирѣпствуя, губитъ ряды бранноносцевъ,
Пусть отъ него уклоняется, токмо другихъ ободряя
Храбро съ мужами враждебными ратовать въ битвѣ жестокой. 190
Но, когда, копіемъ иль Троянской стрѣлой пораженный,
Бросится онъ въ колесницу, пошли я Гектору крѣпость:
Будеть разить онъ, доколѣ дойдетъ къ кораблямъ быстролетныи,
И закатится солнце, и мраки священные сидутъ“.
- Рекъ; повинуется быстрая, равна вихрамъ, Ириса;* 195

- Съ Иды горы устремляется къ Трой, священному граду;
 Тамъ Пріаміда героя, великаго Гектора видить,
 Въ сонмѣ дружинъ на коняхъ, въ колесницѣ стоящаго свѣтлой.
 Ставь передъ пимъ, провѣщаетъ подобная вихрь Ириса:
 „Гекторъ, Пріамова отрасль, равный совѣтами Зевсу! 200
 Зевсъ посыаетъ меня, да тебѣ изреку его слово:
 Дондѣже зришь ты, что паstryр народа Атридъ Агамемнонъ,
 Между переднихъ свирипствия, губитъ ряды ратоборцевъ,
 Самъ отъ него уклоняйся и токмо другихъ ободрай ты
 Храбро съ мужами враждебными ратовать въ битвѣ жестокой. 205
 Но, когда копіемъ иль Троянской стрѣлой пораженный,
 Бросится онъ въ колесницу, тебѣ ниспошлетъ онъ могучесть;
 Будешь разить ты, доколѣ дойдешь къ кораблямъ быстролетнымъ
 И закатится солнце, и мраки священные сидутъ“. 210
 Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрь Ириса.
 Гекторъ герой съ колесницы съ оружиемъ прянулъ на землю;
 Острыя копья колебля, кругомъ обходилъ ополченья,
 Въ бой распаляя сердца; и возжегъ онъ ужасную сѣчу.
 Вспять обратились Трояне и стали въ лицо Аргивянамъ;
 Аргоса вои съ противной страны укрѣпили фаланги. 215
 Битва возставлена; стали навстрѣчу, и царь Агамемнонъ
 Ринулся первый: пылаль и въ переднигъ онъ первымъ сражаться.
 Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа,
 Кто Агамемнону противосталь на сраженіе первый
 Между Троянъ коневорственныхъ или союзниковъ славныхъ? 220
 Сынъ Антеноровъ, герой Ифидамасъ, огромный и сильный,
 Въ Фракіи холмной воспитанный, матери стадъ руроносныхъ.
 Тамъ Антенорова сына Киссей воспиталъ съ колыбели,
 Дѣдъ знаменитый его, бѣлоногой Феаны родитель.
 Но, когда онъ достигнулъ возраста юности славной, 225
 Дѣдъ, удержавши его, сочеталъ съ нимъ дочь. Новобрачный,
 Вдругъ изъ чертога онъ брачного славой Ахеянъ увлекся,
 Въ черныхъ двѣнадцати быстрыхъ судахъ полетѣлъ къ Илону.
 Но суда многомѣстныя въ градѣ Перкотѣ оставилъ,
 Шѣйшъ съ дружиной пошелъ и вступилъ въ Илонскія стѣны. 230
 Онъ Агамемнону противосталъ на сраженіе первый.
 Чуть соступилися оба, идущіе другъ противъ друга,
 Ринулъ Атридъ и прокинулъ: оружіе мимо промчалось.
 Но Ифидамасъ средь запона, ниже сіяющей брони,
 Пику вонзилъ и на древко налегъ, уповая на силу. 235
 Тщетно герой напрягался пронзить изукрашенный поясъ:
 Первое встрѣтивъ сребро, какъ свинецъ, изогнулся жало.

Древко, рукою ухвативъ, повелитель мужей Агамемнонъ
 Мощно повлечь, разъяренный, какъ левъ, и изъ руки супостата
 Вырвалъ, его же по выѣ мечомъ поразилъ и низвергнулъ. 240
 Тамъ, по землѣ распостершися, сномъ васыпаетъ онъ мѣднымъ,
 Бѣдный, друзей защищавшій, далеко отъ вѣрной супруги,
 Юной, отъ коей и ласкѣ не приялъ, но дарами осинпалъ:
 Сто ей воловъ сперва даровалъ и еще обѣщалъ онъ
 Тысячу козъ и овецъ изъ стадъ у него неисчисльныхъ. 245
 Нынѣ жъ Атридъ Агамемнонъ его обнаженнаго бросиль
 И понесъ межъ толпами доспѣхъ пораженнаго пышный.
 Скоро Атрида увидѣлъ Коонъ, знаменитый воитель,
 Сынъ Антеноровъ старѣшій, и сердца глубокая горестъ
 Очи ему покраила при видѣ простертаго брата. 250
 Сталь въ сторонѣ онъ съ копьемъ, непримѣтныи герю Атриду,
 Быстро удариль и въ руку его поразилъ возвѣ локтя;
 Руку насквозь прокололо копейное яркое жало,
 И содрогся отъ страха владыка мужей Агамемнонъ,
 Браши жъ и боя герой не оставилъ и такъ, на Коона 255
 Ринулся грозный, колебля копье, возраженное бурей.
 Онъ же тогда Ифидамаса, милаго брата родного,
 Пламенно за ногу влекъ, призывающій храбрыхъ на помошь.
 Влекшаго тѣло его, подъ огромнымъ щитомъ, Агамемнонъ
 Сулицей мѣдяноожальной удариль и силы разрушилъ, 260
 И на братнемъ трупѣ главу съ него сѣкъ налетѣвши.
 Такъ Антенора сыны, подъ руками Атрида героя
 Участь свою совершивъ погрузились въ обитель Аида.
 Онъ же, могучій, другіе ряды обходилъ ратоборцевъ,
 Ихъ и копьемъ, и мечомъ, и огромными камнями бьющій, 265
 Кровь покуда горячую свѣжая рана струила.
 Но лишь рана засохла и черная кровь унялася,
 Боли мучительно-острыя въ душу Атрида вступили.
 Словно какъ мать при родахъ раздираютъ жестокія стрѣлы,
 Острыя, кои вонзаются Илиои, Герины дщери, 270
 Женамъ родицимъ присущія, мукъ ихъ владычицы горькихъ,
 Столько же острыя боли вступили въ Атридову душу.
 Онъ, въ колесницу вскоча, повелѣль своему браздодержцу
 Коней къ судамъ устремить мореходнымъ, и, сердцемъ терзаясь,
 Крикъ онъ, кругомъ раздающійся, поднялъ, къ Ахеямъ взывалъ: 275
 „Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Danaeъ!
 Вы отражайтѣ теперь отъ Ахейскихъ судовъ мореходныхъ
 Тяжкую битву, а мнѣ не позволилъ Кронидъ промыслитель
 Ратовать цѣлъ сой день съ вѣроломными чадами Трои“.

Такъ произнесъ и бичомъ браздодержецъ коней пышигри-
выхъ 280

Къ чернымъ погнать кораблять, и послушные кони летѣли;
Пѣну по персямъ клубя и кругомъ осыпался прахомъ,
Съ бранного поля несли удрученнаго язвой владыку.

Гекторъ, едва усмотрѣль отходящаго съ битвы Атрида,
Голосомъ звучнымъ вскричалъ, возбуждал Троянъ и Ликианъ: 285

„Трои сыны, и Ликицы, и вы, рукопашы Дарданцы!
Будьте мужами, друзья, и вспомните бурную грабость!
Съ боя уходитъ храбрѣйшій, и мнѣ знаменитую славу
Зевсъ посылаетъ; направьте, Трояне, коней звуконогихъ
Прямо на гордыхъ Данаевъ, стяжайте высокую славу!“ 290

Такъ восклицая, возжегъ онъ и силу, и мужество въ каждомъ.
Словно какъ ловчій испытанный псовъ бѣлозубыхъ станицу
Въ ловъ раздражаетъ на льва иль на дикаго вепря лѣсного,
Такъ на Аргивскихъ мужей Троянъ раздражалъ крѣпкодушныхъ
Гекторъ герой, человѣковъ губителю равный Арею; 295
Самъ же онъ, гордо мечтающій, первый предъ ратью идущій,
Въ бой налеталъ, какъ высоко крутился вихорь могучий,
Свыше который обрушась, весь поить черповодный волнуетъ.

Кто же былъ первый и кто былъ постыдній, которыхъ низ-
вергнуль

Гекторъ герой, какъ побѣду ему даровалъ Олимпіецъ? 300
Первый Ассей и вослѣдъ Автоной, и Опить бранноносный,
Клитія отрасль Долопъ, Агелай, и могучій Офельтій,
Оръ и отважный Эзимпъ, и Гиппоної, пламенный въ битвахъ:
Сихъ поразилъ онъ Ахейскихъ вождей имѣтихъ, а ратныхъ
Множество: словно какъ Зефиръ на облаки облаки гонить, 305
Хладнаго Нота порывами бурными ихъ поражая;
Волны, колясь, безпрестанно крутятся, и пѣна высоко
Брызжетъ, взрываюсь порывами многосторонняго вѣтра,—
Такъ безпрестанно отъ Гектора падали головы ратныхъ.
Гибель была бѣ, совершилось бы тутъ невозвратное дѣло, 310
Вѣрно, упали бѣ въ суда отраженныя рати Ахеянъ,
Если бѣ Тидида на бой не призвалъ Одиссея прозорливый:

„Что, Діомедъ, мы стоимъ и забыли воинскую доблесть?
Шествуй сюда ты и стань близъ меня: нестерпимый позоръ намъ,
Если у насъ корабли завоюетъ божественный Гекторъ!“ 315

Сыну Лаерта въ отвѣтъ говорилъ Діомедъ нестрашимый:
„Стану, о другъ, я и здѣсь устою, но пользы немногого
Будетъ отъ нашего мужества: Зевсъ, потрясатель эгіда.
Больше Троянамъ, чѣмъ намъ, даровать одолѣніе хотеть!“

- „Снова ты смерти, о песь, избѣжалъ! Надъ твоей головою
Гибель летѣла, и снова избавленъ ты Фебомъ могучимъ.
Феба обыкъ ты молить, выходя на свистящія стрѣлы!
Скоро, однакожъ, съ тобою я кончу, сошедшися послѣ,
Если и мнѣ между боговъ небожителей есть покровитель!
Нынѣ пойду на другихъ и повергну, которыхъ постигну!“ 365
- Рекъ и съ Неонова сына доспѣхъ совлечь наклонился.
Тою порой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены,
Скрывшись за столбъ гробовой на могилѣ усопшаго мужа,
Ила, Дарданова сына, почтенного въ древности старца,
Лукъ налацаль на Тидеева сына, владыку народа,
И какъ тотъ, наклонясь, обнажалъ Агастрофа героя:
Щитъ отъ раменъ, испещренныя латы отъ персей и тяжкій
Шлемъ отъ главы,—Александръ, рукоятіе лука напрягши,
Мечеть стрѣлу, и не тщетно она изъ руки излетѣла:
Ранилъ въ десную пяту, и стрѣла, пробѣжавъ сквозь подошву,
Въ землю вонзилась. Парисъ торжествующій, съ радостнымъ смѣ-
хомъ,
Вдругъ изъ засады подпрянулъ и, гордый побѣдою, воскликнулъ:
„Ты пораженъ! и моя не напрасно стрѣла полетѣла!“ 380
Если бъ въ утробу тебя угодилъ я и душу исторгнулъ,
Сколько-нибудь отдохнули бъ отъ бѣдъ обитатели Трои,
Коихъ страшишь ты, какъ левъ истребительный агнцевъ блеющіхъ!“
- И ему, не робъя, Тидидъ отвѣчалъ благородный:
„Подлый стрѣлецъ, лишь кудрями гордящійся дѣвъ соглядатай!“ 385
Если бъ противу меня испыталъ ты оружій открыто,
Лукъ не помогъ бы тебѣ, ни крылатыя частыя стрѣлы!
Ты, у меня лишь пяту оцарапавши, столько гордишься;
Мнѣ же ничто! какъ бы дѣва ударила, или ребенокъ!
Такъ тупа стрѣла ничтожнаго слабаго мужа! 390
Иначе имчится моя: лишь враждебнаго тѣла достигнетъ,
Острой влетаетъ стрѣлой—и произенный лежитъ бездыханенъ!
И мгновенно вдова его въ грусти терзаетъ ланиты,
Дѣти въ дому сиротѣютъ, и самъ онъ, кровавящій землю,
Тлѣтъ, и вокругъ его тѣла не жены, а птицы толпятся!“ 395
- Такъ опъ вѣщалъ, и, къ нему приступивъ, Одиссей копьеборецъ
Сталь впереди; Дюмѣдъ же, присѣвъ, изъ ноги прободенной
Вырвалъ стрѣлу, и по тѣлу жестокая боль пробѣжала.
Онъ, въ колесницу вскочивъ, повелѣлъ своему браздодержцу
Коней къ судамъ устремить мореходнымъ: терзалось въ немъ
сердце. 400
- Тутъ Одиссей копьеборецъ покинуть одинъ; чѣмъ Ахеанъ

Съ нимъ никто не остался: всѣхъ разсѣяль ихъ ужасъ.
 Онъ, вздохнувъ, говорилъ къ своему благородному сердцу:
 „Горе! что будетъ со мною? позоръ, боль, толпы устрашася,
 Я убѣгу, но и горше того, коль толпою постигнутъ 405
 Буду одинъ я: другихъ Аргивянъ Громовержецъ разсыпалъ.
 Но почто мою душу волнуютъ подобныя думы?
 Знаю, что подлый одинъ отступаетъ безчестно изъ боя!
 Кто на бояхъ благороденъ душой, безъ сомнѣнія, долженъ
 Храбро стоять, поражаютъ его, или онъ поражается!“ 410

Тою порею, какъ думы сіи обращаль онъ на сердцѣ,
 Быстро Троянцевъ ряды приступили къ нему щитоносцевъ
 И сомкнулись кругомъ, межъ себя заключая ихъ гибель.
 Словно какъ вепря и быстрые псы, и ловцы молодые
 Вдругъ окружаютъ, а онъ изъ дремучаго лѣса выходить 415
 Грозный, въ искривленныхъ челюстяхъ бѣлый свой клыкъ изопряя;
 Ловчие вокругъ нападаютъ; стучитъ онъ ужасно зубами,
 Гордый звѣрь; но стоять звѣроловцы, какъ онъ ни грозенъ,—
 Такъ на любимца боговъ Одиссея кругомъ нападали
 Мужи Троянскіе; онъ отбивался, и острою пикой 420
 Перваго ранилъ въ поверхность плеча Дейопита героя;
 Послѣ Фоона и Эннома другъ воглѣ друга низринувъ,
 Онь Херсидама Троянца, когда съ колесницы тотъ придалъ,
 Въ чрево блестящимъ дротомъ, подъ щитомъ его выпуклоблявшимъ,
 Ранилъ; во прахъ простиравшися, руками хватаетъ онъ землю. 425
 Сикъ онъ оставилъ и вслѣдъ поразилъ Гиппасида Харопа,
 Милаго брата рожденiemъ славнаго Сока героя.
 Въ помощь ему устремившися, Сокъ, небожителю равный,
 Быстро и близко предсталь и къ Лаертову сыну восклинуль:
 „Царь Одиссей! неистомный въ трудахъ, неоскудный въ ковар-
 ствахъ!“ 430

Днесь или ты надъ двумя Гиппасидами будешь гордиться,
 Свергнувъ мужей таковыхъ и доспѣхъ ихъ блестящій похитивъ,
 Или, копьемъ ты моимъ ниспроверженный, душу погубишь!“

Рекъ онъ и пикой въ размахѣ поразилъ по щиту Одиссея:
 Щить свѣтоварный насквозь пробѣжала могучая пика, 435
 Броню, художествомъ пышную, быстро проязила и кожу
 Всю отѣлила отъ ребръ Одиссеевыхъ; но запретила
 Мѣди Паллада Аѳина касаться утробы героя.
 И, познавъ Одиссей, что стрѣлой не смертельной постигнутъ,
 Мало назадъ отступилъ и къ Гиппасову сыну восклинуль: 440
 „Нѣть, злополучный, тебя постигаетъ жестокая гибель!
 Ты воспрепятствовалъ мнѣ съ Фригіанами нынѣ сражаться,

Я же тебѣ предвѣщаю убѣство и черную гибель:
Здѣсь и теперь же моимъ копіемъ ты поверженный славу
Даруешь мнѣ, и Аиду, конями гордящемусь, душу!“ 445

Рекъ онъ,— Сокъ, отъ него обратившися, въ бѣгъ устремился.
И ему обращенному пику въ хребетъ углубилъ онъ
Межу раменъ и насквозь черезъ перси широкія выгналь.
Съ шумомъ онъ транулся въ прахъ, и вскричалъ Одиссей, торже-
ствуя:

,Сокъ, о величественный сынъ укротителя коней Гиппаса! 450
Смертная участь нестигла тебя, отъ нея не избѣгъ ты!
Ахъ, злополучный! тебѣ ни отецъ, ни почтенная матерь
Темныхъ очей не закроютъ умершему; хищныя птицы
Скоро тебя разорвутъ, поражая густыми крылами,
Мнѣ же, умершему, честь воздадутъ Аргивяне герои!“ 455

Такъ воскликнувъ Сока могучаго бурную пику
Вырвалъ изъ язвы своей и щита Одиссея благородный;
Всльдъ за оружиемъ хлынула кровь, и душа затомилась.
Мужи Троянскіе только увидѣли кровь Одиссея,
Крикнувъ другъ другу въ толпѣ, на единаго всѣ устремились. 460
Онъ же отъ нихъ отступалъ и друзей призывалъ, восклицая.
Трижды вскричалъ Одиссей, какъ скогла голова человѣка,
Трижды послышалъ сей крикъ Менелай, кошѣборецъ могучій.
Быстро Атридъ возгласилъ къ находившемусь близко Аяксу:

,О Теламонидъ, Аяксъ блатородный, властитель народа! 465
Крикъ Одиссея героя ко мнѣ достигаетъ призывный,
Крику подобный, какъ будто его одного угнетаютъ
Боемъ Трояне, отрѣзавъ отъ всѣхъ на побоищѣ страшномъ.
Другъ, устремимся въ толпу: защитить Одиссея намъ должно!
Я трепещу, да одинъ межъ Троянами онъ не постраждѣть, 470
Какъ ни отваженъ; великая скорбь поразила бѣ Ахеянъ!“

Рекъ и грядеть онъ, сопутствующъ мужемъ, безсмертному рав-
нинѣ.

Скоро они Одиссея узрѣли. Толпою ходили
Окрестъ героя враги, какъ межъ горъ кровожадные волки
Окрестъ еленя рогатаго, коего мужъ звѣроловецъ 475
Ранилъ изъ лука стрѣлой; отъ него избѣжалъ быстроногій,
Мчася, доколѣ вращались горячая кровь и колѣна;
Но когда его мышь одолѣла стрѣла роковая,
Хищные волки его, между горъ растерзавъ, пожираютъ
Въ мрачной дубравѣ, и льва истребителя демонъ приводить; 480
Волки кругомъ разсыпаются; добычу левъ пожираетъ,—
Такъ вокругъ Одиссея, искуснаго въ битвахъ, ходили

- Мужи Троянские, многие, сильные, онъ же, безстрашный,
Вокругъ обращаясь, конемъ отражалъ роковую годину.
Сынъ Теламоновъ приблизился, щитъ, какъ башню, несущій, 485
Сталь передъ нимъ, и Трояне разсыпались другъ передъ другомъ.
За руку взявший его, изъ толпы выводилъ благородный
Царь Менелай, пока не предсталъ съ колесницей возница.
- Бурный Аяксъ, на Троянъ опрокинувшись, ранилъ Дорикла,
Сына Пріама побочного; тамъ же онъ Пандока свергнулъ, 490
Свергнулъ, кругомъ нападая, Лизандра, Пираза, Пиларта.
Словно рѣка наводненная въ поле незапная хлынетъ,
Бурно упавшая съ горъ, отягченная Зевсовымъ ливнемъ;
Многіе дубы изсохшіе, многіе древнія сосны
Мчить и, крутящаяся, иль свой взволнованный въ морѣ бро-
саетъ,—495
- Такъ устремился и все взволновалъ Теламонидъ могучій,
Коней разя и мужей.—Но погибельной смуты не вѣдалъ
Гекторъ; на лѣвомъ концѣ онъ пылающей браніи сражался,
Вдоль по берегу Скамандра пучиннаго, гдѣ наиболѣе
Падали головы ратныхъ и бранные клики гремѣли 500
Около Нестора старца и сильного Идоменея. •
Гекторъ межъ ними вращался могучій и грозное дѣяль:
Никой и бурной Ѣздой сокрушаль онъ фаланги Danaeъ.
Но не оставили бѣ поля Данайскія храбрыя рати,
Если бѣ герой Александръ, супругъ лѣпокудрой Елены, 505
Битвы прервать не принудилъ Махаона, храбраго мужа,
Въ правое рамо его поразивъ троежальной стрѣлою.
Всѣ за него ужаснулись пылавшіе бранью Danai,
Чтобы его, при несчастливой битвѣ, враги не сразили.
Идоменей къ знаменитому Нестору первый воскликнулъ: 510
„Несторъ Нелидъ, о великая слава Ахейскихъ народовъ!
Стань въ колесницу немедленно, пусть и почтенный Махаонъ
Станеть съ тобой, и гони къ кораблямъ ты коней быстроногихъ.
Опытный врачъ драгоцѣннѣе многихъ другихъ человѣкъ,
Зная вырѣзывать стрѣлы и язвы цѣлить врачевствами“. 515
- Рекъ,—и ему не противился Несторъ, конникъ Геренскій;
Скоро взошелъ и представъ съ колесницей; въ нее и Махаонъ
Быстро взошелъ, врача превосходнаго сынъ знаменитый.
Старецъ стегнулъ по конямъ, и охотно они полетѣли
Къ кущамъ Ахейскимъ: туда ихъ несло и желаніе сердца. 520
Тою порой Кебріопъ, Пріамидовъ сподвижникъ-возница,
Рати Троянской смятенѣе увидѣль и молвилъ герою:
„Гекторъ! тогда какъ мы здѣсь подвизаемся между Danaeъ,

Здесь, на концѣ истребительной браны, взгляни ты, другія
Наши волнуются рати; смились и кони и вои. 525

Ихъ Теламонидъ волнуетъ Аяксъ; узнаю ратоводца:
Носить на рамѣ огромный онъ щитъ. Но туда мы и сами
Бурныхъ коней обратимъ съ колесницею; тамъ наипаче
Толпища пѣшихъ и конныхъ, съ ужаснымъ свирѣпствомъ сшибаясь,
Рѣжутся между собою, и крикъ ихъ гремитъ неумолкній!“ 530

Такъ Кебріонъ произнесши, коней пышногривыхъ ударилъ
Звонкимъ бичомъ, и ударамъ возницы послушные кони
Быстро межъ ратныхъ рядовъ съ колесницею легкой летѣли,
Трупы топча и щиты, и шеломы: забрызгалась кровью
Снизу мѣдяная ось и сверху скоба колесницы, 535
Въ кони отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ хлестали
Брызги кровавыя,—такъ Пріамидъ поспѣшалъ погрузиться
Въ сонмы мужей и, нагрянувъ, растворгнуть ихъ! Страшную смуту
Онъ межъ Данаевъ воздвигнуль и рѣдко съ копьемъ разставался.
Онъ и другіе ряды обходилъ ратоборцовъ Ахейскихъ, 540
Ихъ и копьемъ, и мечомъ, и огромными камнями бьющій,
Но съ Аяксомъ борбы избѣгалъ, съ Теламоновымъ сыномъ:
Зевсъ раздражился бы, еслибъ онъ съ мужемъ сильнѣйшимъ сра-
зился.

Зевсъ же, владыка превыспреній, страхъ ниспослалъ на Аякса:
Сталь онъ смущенный и, щитъ свой назадъ семикожный забро-
сивъ, 545

Вспять отступалъ, межъ толпою враждебныхъ, какъ звѣрь, озираясь,
Вокругъ обращаясь, тихо колѣно колѣномъ сминая.
Словно какъ жаркаго льва отъ загона воловъ тяжконогихъ
Гонятъ сердитые псы и отважные мужи селяне,
Звѣрю они не дающіе тута отъ стадъ ихъ похитить, 550
Цѣлую ночь стерегутъ ихъ, а онъ, насладиться имъ жадный,
Мечется прямо, но тщетно ярится: изъ рукъ дерзновенныхъ
Съ шумомъ летятъ, устремленному въ срѣтенье, частыя копья,
Главни горящія: ихъ устрашается онъ, и свирѣпый,
И со свѣтомъ зари удалется, сердцемъ печальный,— 555
Такъ Теламонидъ, печальный, душой негодующій сильно,
Вспять отошелъ: о судахъ онъ Ахеянъ тревожился страхомъ.
Словно осель, забредшій на ниву, дѣтей побѣждаетъ,
Медленный: много ихъ палокъ на ребрахъ его сокрушилось;
Щиплетъ онъ, ходя, высокую пашню, а рѣзвыя дѣти 560
Палками вокругъ его бьють,—но ничтожна ихъ дѣтская сила;
Только тогда, какъ насытится пашней, съ трудомъ выгоняютъ,—
Такъ Теламонова сына, великаго мужа Аякса,

Множество гордых Троянъ и союзниковъ ихъ дальзовенныхъ,
Копьями въ штыкъ поражая, съ побожда пламенно гнали.

565

Онъ же, герой, иногда всхомянуши бурную силу,
Къ нимъ обращался лицомъ и удерживать, грозный, фаланги
Конниковъ грабрый Троянъ; иногда обращался онъ въ бѣгство,
Но дорогу имъ вѣль заграждалъ къ кораблямъ быстролетный;
Часто же въ двухъ ополченій свирѣпствовалъ сынъ Теламоновъ,

570

Ставши одинъ: устремленный коны изъ рука дерзновенныхъ
Многія въ щитъ семикожный воизались, впередъ порываясь,
Многія, середъ пути, не коснувшись бѣлого тѣла,
Въ землю воизился, стояли, настытись агчныя тѣло.

575

Скоро Аякса увидѣлъ блестательный сынъ Эвемона,
Вождь Эврипиль, удрученного тучей летательныхъ кошій.
Бросился, сталь близъ него и, сияющій ринувши дротикъ,
Сильнаго рати вождя Аписаона, Фавзова сына,
Въ печень подъ сердце пронзилъ и на мѣстѣ сломилъ ему ноги.
Прянуль къ нему Эврипиль, да похитить оружія съ персей;

580

Но его, обнажавшаго Фавзова сына, увидѣлъ
Богу подобный Парисъ Пріахидъ и немедленно крѣпкій
Лукъ на него натянулъ и крылатой стрѣлою десное
Ранилъ бедро; сокрушилася трость и бедро отягчила.
Вспять онъ къ дружинамъ своимъ отступилъ, избѣгающій смерти,

585

Крикъ между тѣмъ, кругомъ раздающейся, поднялъ къ Данаямъ:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ!
Станьте Троянамъ въ лицо; отразите скорый отъ Аякса
Пагубный день; удрученъ онъ стрѣлами и, мыслю, не можетъ

589

Самъ избѣжать онъ изъ сѣчи погибельной! Встрѣчу враждеб-
ныхъ.“

Станьте, друзья, за Аякса героя, за славу Данаевъ!”

Такъ восклицалъ Эврипиль уязвленный, и быстро Данай
Вокругъ Эвемонида стали, щиты къ раменамъ преклонивши,
Копья уставивши; къ нимъ невредимый исхѣлъ Теламонидъ
И, къ дружинамъ приближася, сталь онъ лицомъ на враждеб-
ныхъ.

595

Такъ бранноносцы сражались, подобно пыдающимъ пламять.

Нестора съ поприща бранного мчали Нелеевы кони,
Пѣнѣ покрыты, съ нимъ и Махаона, славнаго мужа.
Старца увидѣвъ, узналъ Нелейонъ Ахиллесъ быстроногій.
Въ оно время герой стоять на кориѣ корабельной,

600

Смотря на бранный трудъ и плачевноѣ бѣгство Ахеанъ;
Началъ къ себѣ призывать онъ любезнаго друга Патрокла,
Громко крича съ корабля; изъ-подъ сѣни, услышавъ, онъ быстро

- Вышелъ, Арею подобный, и было то горя начадомъ,
Первый вѣщалъ къ Ахиллесу Менетіевъ сынъ благородный: 605
 „Что, Ахиллесь, призываешь меня ты и что повеліши мнѣ?“
 И, Патроклу отвѣтствуя, рекъ Ахиллесь быстроногій:
 „О Менетидъ благородный, о другъ, любезнѣйший сердцу!
 Нынѣ, я думаю, скоро колѣна мои Аргивяне
 Придуть обнять: нестерпимая болѣе нужда гнететь ихъ. 600
 Но спѣши, Менетидъ, вопросъ у Нелеева сына,
 Съ битвы кого уязвленнаго старецъ почтенный увозить?
 Сзади Махаону кажется онъ совершенно подобнымъ,
 Сыну Асклепія; мужа въ лицо не успѣлъ я увидѣть:
 Мимо меня проскаакали стремительно быстрые кони“. 615
 Такъ произнесъ,—и Патрокль покорился любезному другу,
 Бросился быстро бѣжать вдоль судовъ мореходныхъ и кущей.
 Тою порою достигнули мужи Нелидовской кущи.
 Оба сошли съ колесницы на много-плодящую землю;
 Коней принявъ, отрѣшилъ Эвримедонъ, старцевъ служитель, 620
 Сами жъ они на хитонахъ ихъ поть прохладжали горячій,
 Ставъ противъ вѣтра на берегѣ моря; когда прохладились,
 Въ сѣнину оба вошли и на креслахъ покойныхъ возвѣли,
 Имъ Гекамеда кудрявая сиѣсь въ питіе составляла,
 Дочь Арсиноя, которую онъ получилъ въ Тенедосѣ, 625
 Въ день, какъ Пенідъ разорилъ, и которую старшу Ахѣйцы
 Сами избрали наградой: совѣтами всѣхъ побѣждаль онъ.
 Прежде сидящимъ поставила столъ Гекамеда прекрасный,
 Ярко блестящій, съ подножіемъ чернымъ; на немъ предложила
 Мѣдное блюдо со сладостнымъ лукомъ, въ прикуску напитка, 630
 Съ медомъ свѣжимъ и ячной мукою священною; подѣлѣ
 Кубокъ красивый поставила, изъ дома взятый Нелидомъ,
 Окрѣсть гвоздями златыми покрытый; на немъ рукоятка
 Было четыре высокихъ и двѣ голубицы на каждой
 Будто клевали, златыя; и былъ онъ внутри двоечонный. 635
 Тяжкій сей кубокъ иной не легко приподнялъ бы съ трапезы,
 Полный виномъ; но легко подымалъ его старецъ Пилосский.
 Въ немъ Гекамеда, богинямъ подобная, имъ растворила
 Сиѣсь на винѣ Прамнайскомъ, натерла козыаго сыра
 Теркою мѣдной и ячной присыпала бѣлой мукою. 640
 Такъ уготовя напитокъ составленный, пить приказала.
 Мужи, когда питіемъ утолили палящую жажду,
 Между собой говоря, наслаждались бесѣдой взаимной.
 Вдругъ во дверяхъ ихъ сталъ Патрокль, небожителю равный.
 Старецъ, увидѣвъ его, устремился съ блистательныхъ кресель, 645

За руку далъе ввелъ и упрашивалъ сѣсть между ними;
Но Менетидъ отрекался и быстрой отвѣтствовалъ рѣчю:
„Нѣть, не година сидѣть,—не преклониши, божественный ста-
рецъ.

Много почтенъ, но и грозенъ пославшій меня извѣститься,
Съ битвы кого пораженнаго везъ къ кораблямъ ты? Но мужа 650
Самъ узнаю я Махаона, вижу владыку народовъ.
Съ вѣстью обратно спѣшу, чтобы ее возвѣстить Ахиллесу.
Знаешь довольно и самъ ты, божественный старецъ, какой онъ
Взметчивый мужъ: и невиннаго вовсе легко обвинитъ онъ.

Быстро ему отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій 655
„Что же герой Ахиллесъ беспокоится такъ о Данаяхъ,
Мѣдью враждебной въ бою пораженныхъ? Но знаетъ ли все онъ
Горе, постигшее воинство наше! Храбрѣйшие мужи
Въ станѣ лежать, иль въ стрѣльбѣ, или въ битвѣ пронзенные
мѣдью!

Раненъ стрѣлою Тидидъ Діомедъ, воевателъ могучай, 660
Раненъ копьемъ Одиссей знаменитый, Атридъ Агаміонъ.
Вотъ и сего предводителя я изъ погибельной битвы
Вывезъ, пронзенного въ рамо стрѣлой. Но Пелидъ градоборецъ,
Сильный Пелидъ обѣ Ахейскихъ сынахъ не радитъ, не жалѣеть!
Можетъ быть, ждеть онъ, доколѣ суда на берегу Геллеспонта, 665
Въ битвѣ Ахеянъ безплодной, подъ вражескимъ пламенемъ всых-
нуть,

Сами жъ падемъ мы однѣй близъ другого? Лишился я, старецъ,
Силы, какая бывало кипѣла въ гибкихъ сихъ членахъ;
Если бы молодъ я стала и могучестью крѣпокъ, какъ прежде,
Въ годы, когда возгорѣлася распры межъ нась и Элеянъ, 670
Хищниковъ стада; когда Гипирохова мощнаго сына
Я поразилъ Итимонея, жившаго въ злачной Элидѣ,
И отбыль все вомездіе: стадо свое защищая,
Опь пораженъ межъ передними бурною пикой мою;
Цаѣ, и мгновенно разсыпались сельскіе ратники въ страхѣ. 675
Мы отъ Эпеянь добычу богатую съ поля погнали:
Овчихъ ватагъ пятьдесятъ и столько же гуртовъ воловыхъ,
Столько же стадъ и свиныхъ, и безчисленныхъ козихъ, и съ ними
Конскій табунъ захватили мы, сто пятьдесятъ свѣтломастныхъ
Все кобылицъ, и при многихъ прекрасные были жребята. 680
Всю добычу великую ночью вогнали мы въ городъ,
Въ Пилось Нелеевъ; восхитился духомъ Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добыль я, въ сраженіе вышедшіи, юный.
Вѣстники подняли кличъ, съ появленіемъ ранней денницы

- Всѣхъ призываи, кто долгъ лишь имѣлъ на Элидѣ священной. 685
 Стекся Пилосскій народъ, и властители мужи добычу
 Всѣмъ раздѣляли (Эпейне многимъ остались должны
 Въ дни, какъ, уже малолюдные, въ Пилосѣ мы злострадали:
 Насъ угнетала постигшая Пилось Гераклова сила
 Въ древніе годы: защитники града храбрѣйшіе пали. 690
 Въ домѣ Нелея двѣнадцать сыновъ ратоборцевъ насъ было,
 И остался одинъ я: они до послѣдняго пали!
 Семь возгордившихся, мѣднодоспѣшныя мужи Эпейцы
 Нами ругались и многія намъ умышляли злодѣйства).
 Старецъ себѣ и воловъ, и овецъ великое стадо 695
 Взять, какъ возмездіе, триста избранныхъ и паstryрей съ стадомъ,
 Долгъ бо великий и старецъ имѣлъ на Элидѣ священной:
 Славныхъ, въ ристаны побѣдныхъ четыре коня съ колесницей,
 Вѣгомъ стязаться ходившихъ, и былъ пред назначенъ троожникъ
 Вѣга наградой; но ихъ повелитель народа Авгеасъ 700
 Нагло отъяль и возницу, о коняхъ печального, изгналъ.
 Старецъ Нелей, оскорбленный словами его и дѣлами,
 Много избралъ для себя, осталъное же отдалъ народу
 Въ равный раздѣлъ: да никто отъ него обѣднѣть не отыдетъ,
 Мы совершили взаимный раздѣлъ и по граду Нелея 705
 Жертвъ богамъ приносили. Враги же на третіе утро
 Силою всей, мѣднолатные мужи и быстрые кони,
 Разомъ пришли; ополчилися съ ними и два Молиона,
 Юноши, вовсе еще незнакомые съ бурною бранью.
 Есть Фріоесса градъ, на высокомъ утесѣ лежащій, 710
 Дальній на брегѣ Алфея, кончающій Пилось песчаный.
 Градъ сей враги кругомъ обступили, разрушить пылая.
 Но, лишь толпы ихъ прошли подгородное поле, Аеина
 Вѣстницей намъ, отъ Олимпа нисшедшай, ночью явилась,
 Брань возвѣщающая, и въ градѣ Пилосцевъ собрала не робкихъ, 715
 Но безпредѣльно пылавшихъ сразиться. Недѣй, мой родитель,
 Мѣр запретилъ ополчаться и скрылъ отъ меня колесницу,
 Мысли, что я еще младъ и неопытенъ въ подвигахъ ратныхъ.
 Я же и такъ между конниковъ нашихъ славой покрылся,
 Пѣши: меня на сраженіе такъ устремила Аеина. 720
 Есть Минейсъ рѣка, и падеть она въ шумное море
 Близко Арены; дениницы священной мы тамъ ожидали,
 Конные вои, а пѣшие тою порою стекались.
 Съ онаго мѣста, со всею мы силой, съ оружіемъ въ дланяхъ,
 Въ полдень пришли совокупно къ священному току Алфея. 725
 Тамъ, всемогущему Зевсу принесши избранныя жертвы,

- Был Агесъ теломъ съ теломъ Бородату засыпъ.
Но Агесъ Нилоса крѣль не окружена краевъ.
Но възвѣстивъ племя тела Бороды члены вѣчуромъ
И извѣсить хотѣть, но те оружіе вѣжнѣ. Ихъ имъ 730
Вѣда по брегу Агеса, а соудъ ихъ вѣдѣи
Сколько наизъ стояли уже и разрушить вѣдѣи.
Но вѣдѣюло имъ юнѣе вѣжнѣ хѣлъ Арея.
Только лишь ясное солнце вѣжнѣ вѣдѣи пронзанной землю, 735
Мы наступили на нихъ. Свалился Агесъ и Везу,
И сѣла яже Нилосы съ Энейами бѣзъ гавазали.
Первый я вѣжа сразиъ и погибъ коней быстропогихъ
Мужи воина; зять онь Агеса былъ властелина.
Дщери стаулянѣй супругъ, сѣтѣмукрой жены Агамеды. 740
Знавшій всѣ травы пѣлевинъ, сколько земля ихъ рождаєтъ.
Мужа сего, наступающаго, свернуль я никю мѣдной:
Гранулся въ пражъ онъ, а я, на его колесницу вскочивши,
Между передними сталь. И надменные мужи Энейцы
Другъ передъ другомъ побѣгли, увиливъ сраженного мужа,
Конникъ вождя, бранноносна Энейи, храбрѣйшаго въ битвахъ. 745
Я на враговъ уѣглающиши гранууль, бакъ черная буря,
Взялъ пятьдесятъ колесницъ, и отъ каждой два ратоборца
Землю грызли зубами, сраженные никой мосю.
Я поразилъ бы и двухъ Акторидовъ, иладыхъ Мелюновъ, 750
Если бы ихъ не отецъ, хногомощный Земли колебатель,
Самъ изъ сраженія счасть, покрывши облакомъ течнымъ.
Зевсъ Нилосскимъ мужамъ даровалъ и побѣду, и славу;
Мы испрѣстію бѣгущихъ вдоль поля широкаго гнали,
Всѣхъ истребляя и пышные ихъ собирая доспѣхи, 755
Коней поки не пригнали въ Вунразій, обильный пшеницей,
Гдѣ Олешійскій утесь и курганъ, Алзейскимъ зовомый.
Съ онаго поля Нилосцевъ назадъ обратила Шаллада.
Тамъ отъ враговъ я послѣдняго свергъ, и Ахейскіе мужи
Всичи изъ Вунразія въ Нилосъ погнали коней быстропогихъ,
Всѣ прославляя Кронида въ богахъ, въ человѣкахъ Нелида. 760
Нѣкогда былъ я таковъ, подвизаясь съ мужами! Нелидъ же
Служить своею доблѣстью только себѣ! Но увѣренъ,
Самъ онъ ствовать будеть, какъ воинство паше погибнетъ!
Другъ Менетидъ, не тебя ль наставляль благородный Менетій
Въ день, какъ изъ Фои тебя отпускаль въ ополченье Атрида? 765
Мы съ Одиссеемъ тогда, находяся въ Нелеевомъ домѣ,
Слышали въ храминѣ все, что вѣщаю онъ, тебя наставляя.
Въ домъ же Нелеевъ, богато устроенный, мы приходили,

Рать собирая на брань по Ахейской землѣ плодоносной, И нашли мы тогда Акторида Менетія въ домѣ;	770
Тамъ былъ и ты, и герой Ахиллесь, а Пелей престарѣлый Тучные бедра вола сожигалъ молнелюбцу Крониду,	
Стоя въ оградѣ двора, и, держа златоблещущій кубокъ, Червное онѣмъ вино возливалъ на священное пламя;	775
Вы отъ закланнаго части готовили. Мы съ Одиссеемъ Стали въ воротахъ, и бросился къ паштѣ Ахиллесь удивленный,	
За руки взялъ и въ чертоги привелъ и, всѣстъ повелѣвши, Намъ предложилъ угощенье, какое гостямъ подобаетъ.	
И, когда насладились мы изобильной трапезой, Рѣчь я устроилъ и вѣсъ уговаривалъ слѣдоватъ съ нами;	780
Вы пламенѣли на брань, а отцы наставляли васъ мудро. Старецъ Пелей своему заповѣдывалъ сыну Пелиду	
Тщиться другихъ превзойти, непрестанно пытать отличиться. Но Менетій тебѣ заповѣдывалъ такъ благородный:	785
Сынъ мой! Пелидъ Ахиллесь тебя знаменитѣе родомъ, Лѣтами старѣе ты; у него превосходнѣе сила;	
Но руководствуй его убѣждениемъ, умпимъ совѣтомъ; Дружески имъ управляй: онъ на доброе будетъ послушенъ.	
Такъ заповѣдывалъ старецъ, а ты забываешь. Хоть нынѣ Храброму сыну Пелея рѣшился говорить, не вонметь ли?	790
Какъ то узнать? не успѣшь ли, съ богомъ, твоимъ убѣждениемъ Тронуть въ немъ сердце: сильно всегда убѣженіе друга.	
Если жъ какое пророчество душу его устрашаетъ, Если ему отъ Кронида повѣдала что-либо матерь,	
Пусть онъ отпустить тебя и съ тобою въ сраженіе вышлетъ Рать Мирмидонскую; можетъ быть, свѣтомъ ты будешь Данаямъ.	795
Пусть онъ позволитъ тебѣ ополчиться оружиемъ славнымъ; Можетъ быть, въ брани тебя за него принимая, Трояне	
Бой прекратятъ, а Данайскіе воины въ поле отдохнутъ, Боемъ уже изнуренные; отдыхъ въ сраженіяхъ кратокъ.	800
Вы, ополченіе свѣжее, рать, истомленную боемъ, Быстро къ стѣнамъ отразите отъ нашихъ судовъ и отъ кущей".	
Такъ говорилъ онъ и сердце Патроклово въ персяхъ подвиг-	
нуль.	
Онъ устремляется вдоль кораблей къ Эакиду герою, Но, когда къ кораблямъ Одиссея, подобнаго богу,	805
Онъ приближался бѣгущій, гдѣ площадь и судь былъ народный И кругомъ алтари божествамъ ихъ воздвигнуты были,	
Тамъ Эврипиль, уязвленный въ сраженіи, съ нимъ повстрѣчался, Доблестный сынъ Эвемона, съ стрѣлою, въ бедре углубленной.	

- Шелъ онъ хромая съ побоища; поть у героя ручьями 810
Лился холодный съ раменъ и съ главы, а изъ раны тяжелой
Брызгала черная кровь, но духъ оставался въ немъ твердымъ.
Видя его, почувствовалъ жалость Патроклъ благородный
И, сострадая, воскликнулъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Ахъ, злополучные мужи, вожди и владыки Ахеянъ! 815
Такъ вы должны, далеко отъ друзей, отъ отчизны любезной,
Плотю вашею бѣлою псовъ насыщать Иліонскихъ?
Но повѣдай, герой, возвѣсти мнѣ, о Зевсовъ питомецъ,
Рати стоять ли еще противъ Гектора, дивнаго въ браняхъ?
Или уже упадаютъ, его укрощенный мѣдью?“ 820
Быстро ему Эврипилъ Эвемонидъ отвѣтствовалъ мудрый:
„Нѣтъ, благородный Патроклъ, избавленія нѣтъ никакого
Ратиамъ Ахейскимъ! въ суда они черныхъ бросаются скоро!
Всѣ, которые въ воинствѣ были храбрѣйшие мужи,
Въ станѣ лежать, пораженные, или пронзенные въ браны 825
Мѣдью Троянъ, а могущество гордыхъ растетъ непрестанно!
Но спаси ты меня, проводи на корабль мой черный.
Вырѣжь стрѣлу изъ бедра мнѣ, омой съ него теплой водою
Черную кровь и цѣлебными язву осыпь врачевствами,
Здравыми; ихъ ты, вѣщаю, узналь отъ Пелеева сына, 830
Коего Хиронъ училъ, справедливѣйшій всѣхъ изъ Кентавровъ.
Рати Ахейской врачи, Подалирій и мудрый Махаонъ,
Первый, я думаю, въ кущахъ, подобною страждущій язвой,
Самъ безпомощный лежитъ, во врачѣ нуждаясь искусствомъ;
Тотъ же стонѣтъ еще въ полѣ, встрѣчая свирѣпство Арея“. 835
Снова ему отвѣчалъ Менетіевъ сынъ благородный:
Чѣмъ сіе кончится дѣло и что, Эвемонидъ, предпримемъ?
Въ станѣ я спѣшу, чтобы все возвѣстить Ахиллесу герою,
Что мнѣ приказывалъ Несторъ, стражъ пеусынній Ахеянъ.
Но тебя я въ страданіи здѣсь, Эврипилъ, не оставлю“. 840
Рекъ и, подъ грудь подхвативши, повель онъ владыку народовъ
Къ сѣни; служитель, узрѣвъ ихъ, тельція кожи раскинуль.
Тамъ распостерши героя, ножомъ онъ изъ лядвеня жало
Вырѣзаль горькой пернатой, омыль съ нея теплой водою
Черную кровь и руками истертымъ корнемъ присыпалъ 845
Горькимъ, врачающимъ боли, который ему совершенно
Боль утоляеть; и кровь унялася, и язва иссохла.

ПѢСНЬ XII.

СОДЕРЖАНИЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Ахеяне заключаются внутрь стѣны своей (здания, богамъ ненавистнаго и ими же, вскорѣ послѣ самой Трои, разрушенаго, что поѣть здѣсь и повѣствуетъ), ст. 1—35. Трояне, угрожая кораблямъ, готовятся перейти ровъ и сперва встрѣчаютъ затрудненіе, 36—59. Но вскорѣ, по совѣту Полидамаса, сходить съ колесницъ и, раздѣлившись на пять отрядовъ, пѣши устремляются, 60—107. Азій дерзаетъ на колесницахъ приблизиться къ однимъ изъ воротъ, но встрѣчаетъ въ нихъ двухъ Лапиѳовъ, Полипета и Леонтея; герой страшное убийство производить въ дружинѣ его и самого отражаютъ, 108—194. Гектору, готовому перейти ровъ, Полидамасъ, устрашенный недобрымъ знаменіемъ—летающимъ надъ ними орломъ, который несъ змѣя и упустилъ его,—совѣтуетъ оставить намѣреніе, 195—229. Гекторъ поноситъ его малодушіе и, презрѣвъ знаменіе, идетъ, чтобы напасть на стѣну, 230—250. Ахейцы, невзирая на страшную бурю, Зевсомъ на нихъ устремленную, храбро защищаютъ свое укрѣпленіе, и особенно оба Аякса, 251—289. Сарпедонъ, убѣдивъ Главка, съ нимъ нападаетъ на стѣну въ другомъ мѣстѣ, 290—33); иль сопротивляется Менесеѣ, но, привзвавъ на помощь Аякса старшаго и Тевкра, съ нимъ удерживаетъ нападающихъ, ибо Аяксъ отразилъ Сарпедона и убилъ сподвижника его Эпикла, а Тевкръ уязвилъ Главка. Однако, Сарпедонъ уже разрушилъ вершину стѣны, 331—407. Ликийцы снова храбро нападаютъ, Ахейцы храбро защищаются, и бой съ обѣихъ сторонъ продолжается равный, 408—436. Но Гекторъ сражается успѣшнѣе: приступивъ къ другимъ воротамъ, опъ пробиваетъ ихъ камнемъ и врывается въ стѣну; Ахеи же бѣгутъ, 437—471.

Такъ подъ высокою сѣнью Менетіевъ сынъ благородный
 Рану вождя врачевалъ, Эвріпила; но битва пылала:
 Бились Данаи съ Троянами всею ихъ ратью, и больше
 Быть обороной Данаямъ не могъ ужъ ни ровъ, ни твердыня
 Крѣпкая та, что воздвигли судамъ на защиту и окресть 5
 Рвомъ обвели: не почтили они гекатомбъ безсмертныхъ,
 Ихъ не молили, да въ станѣ суда и добычи народа
 Зданье бледеть. Не по волѣ безсмертныхъ воздвигнуто было
 Зданіе то и не долго оно на землѣ уцѣлѣло:
 Гекторъ доколѣ дышалъ и Пелидъ бездѣйствовалъ гибній, 10
 И доколѣ нерушимымъ градъ возвышался Пріамовъ,
 Гордое зданье Данасевъ, стѣна невредимой стояла.
 Но когда, какъ Троянскіе въ браніи погибли герои,
 Такъ и Аргивскіе многіе пали, другіе спаслися, 15
 И когда, Илонъ на десятое лѣто разрушивъ,
 Въ черныхъ судахъ Аргиване отпили къ отчинѣ любезной,
 Въ оное время совѣтъ Посидаонъ и Фебъ сотворили
 Стѣну разрушить, могущество рѣкъ на нее устремивши
 Всѣхъ, что съ Идейскихъ горъ изливаются въ бурное море: 20
 Реза, Кареза, Гентапора, быстраго Родія волны,
 Эзипа, воды Граница, священные волны Скамандра
 И Симоиса, гдѣ столько щитовъ и блестательныхъ шлемовъ
 Пало во прахъ и легли полубоги, могучие мужи;
 Усты ихъ всѣхъ Аполлонъ обратилъ во едино и бѣгъ ихъ 25
 Девять дней устремляль на твердыню, а Зевсъ безпрерывній
 Дождь проливаль, да скорѣе твердыня потонеть въ пучинѣ.
 Самъ Земледержецъ съ трезубцемъ въ рукахъ передъ бурной водою
 Грозный ходилъ и всѣ до основъ разсыпалъ по разливу
 Бревна и камни, какіе съ трудомъ Аргивяне сложили; 30
 Все онъ съ землею сравняль до стремительныхъ волнъ Геллѣспонта;
 Самый же берегъ великий, разрушивъ огромную стѣну,
 Вновь засыпалъ песками и вновь обратилъ онъ всѣ рѣки
 Въ ложа, гдѣ прежде лизались ихъ прекрасно струящіися воды.
 Такъ Посидаонъ и Фебъ Аполлонъ положили въ грядущемъ
 Вмѣстѣ свершить. Между тѣмъ загоралася шумная битва 35
 Вокругъ подъ Ахейской стѣной; загремѣли огромные брусья
 Въ башняхъ громимыхъ. Ахеи, бичомъ укрощенные Зевса,
 Всѣ при своихъ корабляхъ, заключенные въ станѣ, держались,
 Гектора силы страшась, разносителя бурного бѣгства.
 Онь же, герой, какъ и прежде, воинствовалъ, буръ подобный. 40
 Словно когда окруженный, межъ исовъ и мужей звѣроловцевъ,
 Вепрь или левъ обращается быстрый, очами сверкая;

Ловчіе, другъ возлѣ друга сомкнувшись твердой стѣпою,
 Звѣрю противостоять и тучами острый копъя
 Мечутъ изъ рукъ; но не робко его благородное сердце: 45
 Онъ не дрожитъ, не бѣжитъ и безстрашемъ самъ себя губить,
 Часто кругомъ обращается, ловчихъ ряды испытуя,
 И куда онъ ни бросится, ловчихъ ряды отступаютъ,—
 Такъ предъ толпою летающій Гекторъ герой обращался,
 Ровъ перейти убѣждая дружины. Но самые кони, 50
 Бурные кони, не смѣли: вздымались и храпали страшно,
 Стоя надъ самою кручею; ровъ ужасалъ ихъ глубокій:
 Ровъ, къ пересоку не узкій, равно къ переходу не легкій:
 Вдоль его скатовъ стремнины отрѣзная круто стояли
 Съ той и другой стороны, на поверхности острые колъя 55
 Рядомъ по немъ возвышались, огромныя частыя сваи,
 Кои Ахеянне вбили отъ гордыхъ враговъ обороной.
 Въ ровъ сей едва ли конь съ легкокатной своей колесницей
 Могъ бы спуститься, но пѣшие рвалися: имъ не удастся ль.
 Полидамасъ наконецъ къ дерзновенному Гектору вскричулъ: 60
 „Гекторъ, и вы, воеводы Троинъ и союзниковъ нашихъ!
 Мысль безразсудная гнать черезъ ровъ съ колесницами коней.
 Онъ къ переходу отнюдь не удобенъ: по немъ непрерывно
 Острые колъя стоять, а за ними твердыня Данаевъ. 64
 Намъ ни спускаться въ окопъ сей, ни въ ономъ сражаться не
 должно,
 Коннымъ бойцамъ: тѣснина тамъ ужасная, всѣхъ переколють.
 Ежели подлинно въ гнѣвѣ своемъ Громовержецъ Ахеянъ
 Хочеть въ конецъ истребить, а Троинскихъ сыновъ избавлять,
 Я бы желалъ, чтобы надъ ними немедленно то совершилось,
 Чтобы изгibли безславно, вдали отъ Геллады, Ахеицы! 70
 Если жъ они обратятся и храбрый отбой отъ судовъ ихъ
 Сами начнутъ и насть опрокинуть на ровъ сей глубокій,
 Послѣ, я твердо увѣренъ, и съ вѣстю некому будетъ
 Въ Трою прийти отъ Ахеянъ, въ отбой на Троинъ устремленныхъ.
 Слушайте жъ, други, меня и совѣтамъ моимъ покоритесь: 75
 Коней оставимъ, и пусть предъ окопомъ возницы ихъ держать;
 Сами же пѣшие, въ мѣдныхъ доспѣхахъ, съ оружiemъ въ дланяхъ,
 Силою всею пойдемъ мы за Гекторомъ; рати Ахеянъ
 Насъ не удержать, когда имъ грозить роковая погибель”.
 Такъ говорилъ онъ, и Гекторъ, склонясь на совѣтъ непороч-
 ный, 80
 Быстро съ своей колесницы съ доспѣхами прыпуль на землю.
 Тутъ и другие вожди перестали на коняхъ съѣзжаться;

Всѣ за божественнымъ Гекторомъ спрянѣли быстро па землю.
 Каждый тогда своему наказалъ воевода возпицѣ
 Коней построить въ ряды и у рва держать ихъ готовыхъ. 85
 Сами жъ они, раздѣляя, толпами густыми свернувшись,
 На пять громадъ устрояся, двинулись вмѣстѣ съ вождями.
 Гекторъ и Полидамасъ предводили громадою первой,
 Множествомъ, храбростью страшной и болѣе прочихъ пылавшей
 Стѣну скорѣе пробить и вблизи предъ судами сражаться. 90
 Съ ними и третій шелъ Кебріонъ, а другого близъ коней,
 Въ сонмѣ возницъ, Кебріона слабѣшаго, Гекторъ оставилъ.
 Храбрый Парисъ, Алкаой и Агеноръ вторыхъ предводили.
 Третьихъ вели прорицатель Гелентъ, Деифобъ знаменитый,
 Два Пріамова сына и третій Азій безстрашный, 95
 Азій Гиртакидъ, который на коняхъ огромныхъ и бурныхъ
 Въ Трою припесся изъ дальней Аризбы, отъ водъ Селлена.
 Сонмомъ четвертымъ начальствовалъ сынъ благородный Анхизовъ,
 Славный Эпей, и при немъ Акамасъ и Архелохъ, Трояне,
 Оба сыны Агтенора, искусные въ битвахъ различныхъ. 100
 Но Сарпедонъ предводилъ ополченье союзниковъ славныхъ,
 Главка себѣ пріобщивъ и безстрашного Астеропея:
 Ихъ обоихъ почиталъ онъ далеко храбрѣшими многихъ
 Послѣ себя предводителей, самъ же всѣхъ превышалъ онъ.
 Такъ изготоуясь они и сомкнувшись крѣпко щитами, 105
 Съ пламеннымъ духомъ пошли па Данаевъ; не могутъ, мечтали,
 Противостоять, но въ суда мореходныя бросяются къ бѣгству.
 Всѣ тогда, какъ Трояне, такъ и союзники Трои,
 Полидамаса вождя покорились совѣту благому.
 Азій одинъ не хотѣль, предводитель народовъ Гиртакидъ, 110
 Коней оставить у рва со своимъ возницею храбрымъ.
 Азій на бурныхъ коняхъ устремлялся къ судамъ мореходнымъ,
 Мужъ безразсудный! Ему не избѣгнуть отъ грознаго рока;
 Нѣть, колесницей и конями онъ величаяся, гордый,
 Вспять отъ Ахейскихъ судовъ не воротится къ Троѣ холмистой: 115
 Прежде его дерзновеннаго участъ лихая постигла
 Мѣднимъ коньемъ Девкаліона, славнаго Идоменея.
 Мчался онъ влѣво къ судамъ мореходнымъ, туда, гдѣ Ахейцы
 Съ браннаго поля бѣжали на легкихъ своихъ колесницахъ;
 Правиль туда онъ своихъ быстроскачущихъ коней и въ башни 120
 Тамъ не нашель ни створенныхъ воротъ, ни огромныхъ запоровъ:
 Ихъ растворенными вон держали, да каждый сиодвижникъ,
 Съ браннаго поля бѣгущій, укрѣстя въ станъ корабельный.
 Прямо скакалъ онъ, высоко мечтающій; съ нимъ и другое

- Съ крикомъ ужаснымъ летѣли: Ахейцы, они уповали,
Не устоять,—въ корабли мореходные бросаются къ бѣгству.
Но малоумные! Въ башнѣ изъ встрѣтили двое безстрашныхъ,
Сильные духомъ сыны копьеборцовъ могучихъ Лапиѳовъ:
Первый герой Полипетъ, безбоязненный сынъ Пиреоя;
Воинъ второй Леонтей, душегубцу Арею подобный. 125
Оба они предъ высоковздымающею башней стояли,
Словно на холмахъ лѣсистыхъ высоковершинные дубы,
Кои и вѣтеръ и дождь, ежедневно встрѣчая, выносить,
Толстыми въ землю корнями широкоразметными вросши,—
Такъ и они, на могучесть руку и на грабрость надѣясь, 130
Мчавшагося Азія бурного ждали, незыблемо стоя.
Тою порой, какъ противники прямо къ твердынѣ Ахейской,
Вверхъ подымая щиты, подходили съ воинственнымъ крикомъ
Вокругъ повелителя Азія, вокругъ Іампса, Ореста,
Азія сына, Адамаса, Фоона и Эномая, 140
Тою порою Лапиѳы еще мѣднобронныхъ Данаевъ,
Стоя внутри при воротахъ, суда боронить возбуждали,
Но, лишь узрѣли, что прямо уже устремились на стѣну
Сила Троянъ, и Ахеяне подняли крикъ и тревогу,
Вылетѣвъ оба они, предъ воротами начали битву, 145
Венрамъ подобные дикимъ, которые въ горной дубравѣ
Ловчихъ и псовыхъ нападеніе шумное смѣло встрѣчаютъ,
Въ стороны быстро бросаясь, ломаютъ кругомъ ихъ кустарникъ,
Рѣжутъ при корняхъ деревья, стукъ отъ клыковъ ихъ ужасный
Вокругъ раздается, доколѣ копье не исторгнетъ ихъ жизни,— 150
Такъ у Лапиѳовъ стучали блестящія брони на персяхъ,
Окрестъ врагами разимыя: пламенно бились Лапиѳы,
Видя друзей надѣть собой и на силы свои полагаясь.
Тѣ же—огромные камни съ высоковздымающейся башни,
Сами себя и суда ихъ у моря и станъ защищая, 155
Быстро метали; какъ снѣгъ ослѣпительный падаетъ наземъ,
Если вѣтеръ порывистый, мрачныя тучи колебля,
Частый его проливаешь на многоплодящую землю,—
Такъ и у нихъ, у стрѣльцовъ, какъ Дапайскихъ, равно и Троян-
скихъ
Стрѣлы лилися изъ рукъ; подъ ударами камней огромныхъ 160
Глухо гудѣли шеломы и круги щитовъ мѣднобляшныхъ.
Громко воскликнулъ и въ бедра съ досады ударила руками
Азій Гиртакидъ и, ропчуЩий на небо, такъ говорилъ онъ:
„Зевсъ Олимпійскій, и ты уже сдѣлся явный лжелюбецъ!
Я и помыслить не могъ, чтобы еще Аргивяне герои 165

Вынесли мужество наше и рукъ необорную силу!
 Но, какъ пчелы они, иль какъ пестрыя, верткія осы,
 Гнѣзда свои положивъ при утесистой пыльной дорогѣ,
 Дома ущельного бросить никакъ не хотять и, дождавшись
 Хищныхъ селянъ, за дѣтей передъ домомъ сражаются злобно,—170
 Такъ и они не хотять отъ воротъ, невзирая, что двое,
 Съ мѣста податься, пока не осилятъ, иль сами не лягутъ“.

Такъ вопіаль онъ, но воплямъ его не внималъ Громовержецъ:
 Гектора славой украсить заботилось сердце Кронида.

Рати другія предъ башней другою билися боемъ. 175
 Трудно мнѣ оное все, какъ бессмертному богу, повѣдать:
 Вдолъ передъ всею твердынею бой загорѣлся ужасный,
 Каменный. Духомъ унылый, рати Ахеянъ по нуждѣ
 Бились, суда бороня; омрачились печалью и боги,
 Всѣ ополченій Ахейскихъ поборники въ брані Троянской. 180

Стали сложася Лапионы на страшную брань и убийство.
 Пламенныи сынъ Пиринеевъ, герой Полипетъ копъеносный,
 Дамаса острымъ копьемъ поразилъ сквозь шеломъ мѣдонощечнѣй:
 Шлемная мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла
 Мѣдь изошренная, кость проломила и, въ черепѣ ворвавшись, 185
 Съ кровью смѣсила весь мозгъ и смирила его въ нападеньи.
 Онъ наконецъ у Пилона и Ормена души исторгнулъ.
 Отрасль Арея, Лапионы Леонтей, Антиахова сына
 Тамъ же низвергъ, Гиппомаха, умѣтивъ у запона пикой.
 Послѣ герой, изъ влагалища мечъ свой исторгнувши острый 190
 И сквозь толпу устремившися, первого тамъ Антифата
 Изблизи грянулъ мечомъ, и обѣ долѣ онъ ударился тыломъ.
 Тамъ наконецъ онъ Ямена, Менона, воя Ореста,
 Всѣхъ, одного за другимъ, положиль на кровавую землю.

Но между тѣмъ, какъ они совлекали блестящія брони, 195
 Съ Шолидамасомъ и Гекторомъ юношѣ полкъ приближался,
 Множествомъ, храбростью страшный и болѣе прочихъ пылавшій
 Стѣну Ахеянъ пробить и огнемъ истребить корабли ихъ.
 Но, приближася ко рву, въ первѣшности храбрые стали:
 Ровъ перейти имъ пылавшимъ, явилася вѣщая птица, 200
 Свыше летящій орель, разсѣкающей воинство слѣва,
 Мчацій въ когтяхъ обагренного кровью огромнаго змѣя:
 Живъ еще былъ онъ, крутился и брані еще не оставилъ,
 Взвившись назадъ, своего похитителя около выи
 Въ грудь онъ пронзилъ; и, растерзанный болью, на землю до-
 бычу— 205

Змѣя—отбросилъ орель, уронилъ посреди ополченья,

Самъ же, крикнувши звучно, понесся по вѣянью вѣтра.

Трои сыны ужаснулись, увидѣвши пестраго змѣя,

Въ прахѣ межъ ними лежащаго, грозное знаменѣе Зевса.

Полидамасъ говорить дерзновенному Гектору началъ: 210

„Гекторъ, всегда ты меня порицаешь, когда на совѣтахъ

Я говорю справедливое, ибо никто и не долженъ,

Бывъ гражданинъ, говорить противъ истины, какъ на совѣтахъ,

Такъ и въ браны, одно умножая твое властелинство.

Снова, однако, скажу я вамъ, что почитаю полезнымъ: 215

Дальше не должно идти и съ Данаями въ станѣ сражаться.

Такъ, уповаю я, сбудется, ежели точно Троянамъ,

Ровь перейти пламенѣющимъ, вѣщая птица явилась,

Свыше летящій орелъ, разсѣкающій воинство слѣва,

Мчащій покрытаго кровью огромнаго змѣя живого; 220

Но его упустилъ онъ, гнѣзда своего не достигнулъ

И не успѣлъ, покититель, предать его дѣтямъ въ добычу, —

Такъ-то и мы, хотя и ворота и стѣну Данаевъ

Силой великою сломимъ, хотя и уступятъ Данай, 224

Но отъ судовъ не въ устройствѣ мы тѣмъ же путемъ возвратимся,

Многихъ оставимъ Троянъ. Ратоборцы Ахейскіе многихъ

Мѣдью сразятъ, за суда мореходныхъ храбро сражаясь.

Такъ и пророкъ изъяснилъ бы, который въ душѣ просвѣщенной

Вѣдаетъ знаменій смыслъ, и ему бы народъ покорился“.

Грозно взглянувъ на него, отвѣталъ шлемоблещущій Гекторъ: 230

„Полидамасъ, для меня непріятны подобныя рѣчи!

Могъ ты совѣть и другой намъ, больше полезный, прымыслить!

Если же сей, что сказаль, произнесъ ты отъ чистаго сердца,

Разумъ твой, безъ сомнѣнья, похитили гнѣвные боги;

Ты мнѣ велишь, чтобы высокогремящаго Зевса забылъ я 235

Волю, что самъ знаменалъ онъ и мнѣ совершилъ обрекался?

Ты не обѣтамъ боговъ, а ширяющими въ воздухѣ птицамъ

Вѣрить велишь? Презираю я птицъ и о томъ не забочусь,

Вправо ли птицы несутся, къ востоку депинцы и солнца,

Или нальво пернатые къ мрачному западу мчатся. 240

Вѣрить должны мы единаго Зевса великаго волѣ,

Зевса, который и смертныхъ и вѣчныхъ боговъ повелитель,—

Знаменѣе, лучшее всѣхъ: за отечество храбро сражаться!

Что ты страшишься войны и опасностей ратнаго боя?

Ежели Трои сыны, при Ахейскихъ судахъ мореходныхъ, 245

Всѣ мы падемъ, умерщвленные, ты умереть не страшися!

Ты не имѣшь духа ни встрѣтить врага, ни сразиться!“

Если, однако, ты бросишь сраженіе, или другого,
Рѣчью твоей обольстивши, отклонишь отъ ратнаго дѣла, 249
Въ мигъ подъ моимъ ты копьемъ распострѣшься и душу испу-
стишь!“

Такъ произнесъ и пошелъ онъ впередъ; понеслись и дружины
Съ крикомъ ужаснымъ; предъ ними Кронидъ, веселящійся громомъ,
Свыше, отъ горъ Идейскихъ, воздвигнулъ свирѣпую бурю,
Мрачный прахъ на суда заклубившую; онъ у Данаевъ

Духъ унижалъ, возвышая Троянамъ и Гектору славу. 255

Тутъ, на знаменѣе бога и силу свою положася,
Начали Трои сыны разрушать Ахейскую стѣну.

Съ башень срывали зубцы, сокрушили грудныя забрала
И ломами шатали у вала торчащія сваи,
Кои поставлены въ землю опорами первыми башенъ. 260

Ихъ вырывали они, и уже уповали, что стѣну
Скоро пробьютъ, но Ахеи еще не сходили съ ихъ мѣста:
И плотно щитами они оградивши грудныя забрала,
Камнями, копьями были враговъ, подступавшихъ подъ стѣну.

Оба Аякса, тогда управлявшіе битвой на башняхъ, 265
Выстро ходили кругомъ, придавая Ахеянамъ духа,
Ласковой рѣчью однихъ, а другихъ возбуждали сурою,
Если которыхъ встрѣчали остававшихъ битву съ врагами:

„Други Ахеи, и тотъ кто передній, и тотъ кто середній,
Такъ и послѣдній изъ воиновъ,—ибо не всѣ равнѣслыни 270
Мужи въ сраженіяхъ,—нынѣ для всѣхъ наасъ трудъ уготовленъ!
Это вы видите сами! О други, никто да не мыслить
Вспять со стѣны обращаться, грозящаго криковъ страшася.
Нѣть, выходите впередъ и на бой поощряйте другъ друга!
Дасть, быть можетъ, и намъ Олимпійскій блистатель Кроніонъ, 275
Жесточь сю отразивши, преслѣдовать къ граду враждебныхъ!“

Рѣчью такой впереди возбуждали Аяксы Ахеянъ,
Словно какъ снѣгъ, устремившися, хлопьями сыплется частый,
Въ зимнюю пору, когда громовержецъ Кроніонъ восходитъ
Съ неба снѣжить человѣкамъ, являя могущества стрѣлы: 280
Вѣтры всѣ успокоивши, сыплютъ онъ снѣгъ безпрерывный,
Горь высочайшихъ главы и утесовъ верхи покрывая,
И цвѣтущія степи и тучныя нахарей нивы;
Сыплется снѣгъ на брега и на пристани моря сѣдого;
Волны его, набѣжавъ, поглощаются, но все остальное 285
Онъ покрываетъ, коль свыше обрушится Зевсовыя вьюги, —
Такъ отъ воинства къ воинству частые камни летали,
тѣ на Троянъ нападавшихъ, а тѣ отъ Троянъ на Ахеянъ,

- Быстро метавшикъ; надъ всю твердынею стукъ раздавался.
 Но не успѣли бѣ еще и Трояне, и Гекторъ могучій 290
 Въ башнѣ пробить затворенныхъ воротъ и огромныхъ запоровъ,
 Если бѣ на силу Ахейскую силы своей—Сарпедона—
 Самъ Эгіонъ не подвигнуль, какъ льва на воловъ кругорогиуъ.
 Быстро герой передъ грудью уставилъ свой щитъ круговидный,
 Мѣдный, кованый, пышноблестящій, который художникъ, 295
 Мѣдникъ искусный, ковалъ, на поверхности жъ тельчіи кожи
 Прутьями золота часто пропелъ по краямъ его круга;
 Щитъ сей неся передъ грудью и два копія потрясая,
 Онъ устремилъся, какъ левъ горожитель, алкающій долго
 Мяса и крови, который, душою отважной стремімый, 300
 Хочеть, на гибель овецъ, и во дворъ огражденный ворваться,
 И хотя предъ оградою пастырей сельскихъ находитъ,
 Съ бодрыми псами и съ кошками стадо свое стерегущихъ,
 Онъ, не извѣдавши прежде, не мыслить бѣжать отъ ограды;
 Прянувъ во дворъ, похищаетъ овцу, либо самъ подъ ударомъ 305
 Падаетъ первый, копьемъ прободенный изъ дланіи могучей,—
 Такъ устремляла душа Сарпедона, подобного богу.
 На стѣпу прямо напастъ и разрушить забрала грудныя.
 Быстро онъ къ Главку вѣщаю, Гипполохову храброму сыну:
 „Сынъ Гипполоховъ! за что передъ всѣми насть отличаются 310
 Мѣстомъ почетнымъ и брашномъ, и полной на пиршствахъ
 чащей
 Въ царствѣ Ликійскомъ и смотрять на насть, какъ на жителей неба?
 И за что мы владѣемъ при Есанѣ удѣломъ великимъ,
 Лучшей землей, виноградъ и пшеницу обильно плодящей?
 Намъ, предводителемъ, между переднихъ героевъ Ликійскихъ 315
 Должно стоять и въ сраженьи пылающемъ первымъ сражаться.
 Пусть не единъ про насъ крѣпкобронный Ликіянинъ скажетъ:
 Нѣть, не безславные нами и царствомъ Ликійскимъ пространнымъ
 Правять цари: они насыщаются пищею тучной,
 Вина изящныя, сладкія пьють, но зато ихъ и сила 320
 Дивная: въ битвахъ они предъ Ликійцами первые бѣются!
 Другъ благородный! когда бы теперь, отказавшись отъ брани,
 Были съ тобой навсегда нестарѣющи мы и безсмертны,
 Я бы и самъ не летѣль впереди передъ воинствомъ бѣться,
 Я и тебя бы не влекъ на опасности славнаго боя; 325
 Но и теперь, какъ всегда, несчетные случаи смерти
 Насъ окружаютъ и смертному ихъ ни минутъ, ни избѣгнуть.
 Вѣѣсть впередъ! иль на славу кому, иль за славою сами!“
 Такъ говорилъ Сарпедонъ; не противился Главкъ, че отрекся;

- Ринулись оба впередъ предъ великою ратью Ликійской. 330
 Ихъ устремленныхъ узрѣвъ, Петейдъ Менесоей ужаснулся:
 Къ башнѣ его разрушенемъ грозящая сила стремилась.
 Съ башни кругомъ онъ глядѣлъ, не узрить ли кого изъ Ахейскихъ
 Мощныхъ вождей, да поможетъ бѣду отразить отъ дружины.
 Скоро Аяксовъ узрѣлъ обоихъ, ненасытимыхъ брапью, 335
 Близко сражавшихся, съ ними и Тевкра, который недавно
 Вышелъ изъ стѣни; но не было способа крикъ имъ услышать:
 Шумно тамъ было побоище: тамъ до небесъ раздавался
 Громъ отъ разимыхъ щитовъ, отъ косматыхъ шеломовъ и створовъ
 Башенныхъ вратъ: обступили ихъ всѣ, и, предъ ними толпою 340
 Стоя, Трояне пыталися, силой разбивши, ворваться.
 Вѣстника вождь Менесоей послыаетъ къ Аяксамъ, Ооота:
 „Шествуй, почтенный Ооотъ, и зови на защиту Аякса.
 Лучше зови обоихъ, несравненно полезнѣе тутъ имъ
 Быть обоймѣ: разразится тутъ скоро ужасная гибель! 345
 Мчатся сюда воеводы Ликійскіе, кои и прежде
 Бурей всегда налетали на страшное поприще брали!
 Если жъ и тамъ на Ахеянъ воздвигнута грозная жесточь,
 Пусть хоть одинъ поспѣшаетъ Аяксъ, Теламонидъ великий;
 Съ нимъ да предстанетъ и Тевкръ благородный, стрѣлецъ знаме-
 менитый“. 350
- Такъ произнесъ; покорился его повелѣніямъ вѣстникъ
 И пустился бѣжать по стѣнѣ мѣднобронныхъ Данаевъ.
 Сталь предъ Аяксами вѣстникъ пришедший и такъ говорилъ имъ:
 „Храбрые мужи Аяксы, вожди мѣднобронныхъ Данаевъ,
 Просить Петея почтенного сына, Менесоей благородный, 355
 Въ помощь приди; раздѣлите хоть нѣсколько трудъ съ нимъ же-
 стокой.
- Но придите вы оба; полезнѣе тамъ, воеводы,
 Храбрымъ вами быть: разразится тамъ скоро ужасная гибель! .
 Мчатся туда воеводы Ликійскіе, кои и прежде
 Бурей всегда налетали на страшное поприще брали. 360
 Если жъ и здѣсь на Ахеянъ воздвигнута грозная жесточь,
 Пусть хоть одинъ поспѣшаетъ Аяксъ, Теламонидъ великий;
 Съ нимъ да предстанетъ и Тевкръ благородный, стрѣлецъ знаме-
 менитый“.
- Такъ говорилъ, и охотно склонился Аяксъ Теламонидъ.
 Онъ къ Оилицу Аяксу измолвилъ крылатое слово: 365
 „Сынь Оиличевъ Аяксъ, и ты, Ликомедъ нестрашимый!
 Стойте вы здѣсь и народъ поощряйте отважно сражаться.
 Я же туда поспѣшаю и тамъ на сраженіе стану;

Къ вамъ возвращуся немедленно, только лишь имъ помогу я".

Такъ говорящій своимъ, отошелъ Теламонидъ могучій. 370

Съ нимъ устремилсѧ и Тевкръ, Теламонидовъ братъ одноотчій,
И за Тевкромъ Пандіонъ, несущій лукъ его крѣпкій.

Къ башнѣ Петеева сына идя, вптурь стѣны воеводы
Скоро пришли и уже утѣсненныхъ врагами застали.

Къ самымъ забраламъ стѣны подымались, какъ мрачная буря, 375
Мужи храбрѣшіе, гостість Ликійскихъ вожди и владыки;

Сблизились въ битву, противникъ съ противникомъ, съ яростнымъ
крикомъ.

Первый сразился Аяксъ Теламонидъ и первый сразилъ онъ
Друга царя Сарпедона, высокаго духомъ Эпикала:

Мраморомъ острый его поразилъ онъ, какой на твердынѣ 380

Большій лежаль у забраль высочайшихъ; его не легко бы

Поднялъ руками обѣими мужъ и лѣтами цвѣтущий,

Намъ современный, но онъ высоко его поднялъ и ринулъ,

Вдругъ раздавилъ имъ и выпуклый шлемъ, и на черепѣ кости

Всѣ раздробилъ у Эпикала, и онъ, водолазу подобный, 385

Ринулся съ башни высокой, и духъ его кости оставилъ.

Тевкръ Гипполохова сына, героя Ликійского Главка,

Сверху стѣны, на нее подымавшагося, ранилъ пернатой

Въ мышцу, гдѣ видѣлъ нагою, и битву принудилъ оставить.

Онъ со стѣны соскочилъ, притаясь, да кто изъ Ахеянъ 390

Язвы его не узрить и надъ нимъ не ругается, гордый.

Грусть обняла Сарпедона, когда отходящаго друга

Главка примѣтилъ, но онъ не оставилъ кроваваго боя.

Онъ въ Фесторида Алкмаона, прянувши, острую пику

Быстро вонзилъ и исторгъ, и, за пикой повлекшия, палъ онъ 395

На землю ницъ, и взгрѣмѣла на немъ расщещенная броня.

Но Сарпедонъ, за зубецъ ухвативши рукою дебелой,

Мощно повлекъ, и оторванный рухнулся весь онъ на землю;

Сверху стѣна обнажилась, и многимъ открылась дорога.

Тевкръ и Аяксъ разрушителя встрѣтили вмѣстѣ; стрѣлою 400

Первый умѣтиль въ ремень его свѣтлый, на персяхъ держащій

Щитъ въ человѣческій ростъ, но Зевсъ отъ любезнаго сына

Смерть отразиль, не судивши ему предъ судами погибнуть.

Мощный Аяксъ, налетѣвъ, поразилъ по щиту, и пробившись

Шика насквозь оттолкнула врага, распыхавшагося сердцемъ.

Онъ отъ твердыни подался назадъ, но совсѣмъ не оставилъ

Мѣста сраженія и въ сердцѣ надежды, что славы добудетъ.

Вспять обратясь, воскликнѣлъ онъ Ликіянамъ богоподобныи:

„Мужи Ликійские! что забываете бурию храброѣ?

Меч ожиду неподвижно, котъ быль бы еще и кильватшій, 410
Стѣну разрушить и къ быструмъ суданъ промежить ванъ дорожу!
Размысль со мною, Лжейти! ужѣнѣе грудь сокрушишъ!

Такъ воскликнаго, и на, устыдившися наружку широковъ,
Кублите склонились, склонѣя налети за сопѣтавши грабриши. 415
Рата Ахеанъ съ другой стороны укутала фланти
Внутре ихъ стѣны представилъ въ мужеству подвигъ великий.
Тутъ, какъ Лжейти грабобѣжѣе есть не могли у Ахеанъ
Кублкой стѣнамъ предломать и открыть къ кораблини ихъ дорогу,
Такъ и Ахеанъ сими не могли нападавшиа Лжейти
Прѣсть отъ стѣны отразить, съ тѣль воръ какъ они подступили. 420
Но какъ два чудовѣка, сестя, за лежи раздорять,
Она съ саженю въ рукахъ на смежной стоящіе полѣ,
Узкия пространствомъ юлижне, шумно за равенство спорять;
Такъ и бойцовъ лишь забрали дѣлили; трезъ нихъ нападаи,
Мужи одни у другихъ разбивали вкругъ персей икъ кожи 425
Шашніихъ кругахи щитою и крылатыхъ щитковъ легкометныхъ.
Многіе тутъ изъ сражавшихся острюю жѣдью позорно
Были постигнуты въ тыль, у которыхъ кребеть обнажался
Въ блестѣ изъ боя, и многіе храбрые въ грудь, сквозь щиты икъ.
Башни, грудниа забрали кругомъ человѣческой кровью 430
Были обрызгани съ каждой страны, отъ Троянъ и Ахеанъ.
Но ничто не могло устранишь Ахеанъ; держались
Ровно они, какъ вѣсы у жены, рукодѣльницы честной,
Если, держа коромысло и чаши заботно равняи,
Вѣситъ волину, чтобы дѣтямъ промыслить хоть скудную плату,— 435
Такъ равновѣсно стояла и брань и сраженіе воинствъ
Долго, доколѣ Кронидъ не украсиль высокою славой
Гектора: Гекторъ ворвался въ твердыню Ахейскую первый.
Голосомъ, слухъ поражающимъ, онъ воскликналь ко Троянамъ:
„Конники Трои, впередь, разорвите Ахейскую стѣну 440
И на ихъ корабли пожирающій пламень бросайтѣ!“

Такъ возбуждаиль ихъ герой, и услышали всѣ его голосъ,
Прямо къ стѣнѣ понеслися толпою и начали быстро
Внѣхъ подыматься къ зубцамъ, уставляючи острыя копья.
Гекторъ же несъ имъ захваченный камень, который у башни 445
Влізко подымался, широкий книзу, завострениій кверху,
Глыбы, которой и два, изъ народа сильнѣйшиє, мужа
Съ доля на вогъ не легко бы могли приподнять рычагами.
Щитъ жинущіе, онъ же легко и одинъ потрясалъ имъ:
Легкою тигою ему сотвориша хитроумный Кроніонъ. 450
Слонно кникъ пастырь, одною рукою руно захвативши.

Быстро несетъ: для нея нечувствительно слабое бремя, —
 Такъ Пріамидъ захватилъ и стремительно несъ на ворота
 Камень огромный. Ворота тѣ были сплоченные крѣпко
 Створы двойные, высокие; два изнутри ихъ запора 455
 Встрѣчные тugo держали, одинимъ замыкался болтомъ.
 Сталъ онъ у самыхъ воротъ и, чтобы не быть ударъ маломоченъ,
 Ноги расширилъ и, сильно напрягшися, грянуть въ средину,
 Сбилъ подворотныя оба крюка и во внутренность камень
 Рухнулся тяжкій. Взгромѣли ворота; ни засовъ огромный 460
 Ихъ не сдержалъ: и сюда и туда раскололися створы,
 Камнемъ разбитые страшныи, и ринулся Гекторъ великий,
 Грозень лицомъ, какъ бурная ночь, и сияль онъ ужасно
 Мѣдью, которой одѣянъ былъ весь, и въ рукахъ потрясалъ онъ
 Два копія; не сдержалъ бы героя никто, кроме бога, 465
 Въ мигъ, какъ въ ворота влетѣль онъ: огнемъ его очи горѣли;
 Тамъ онъ Троюнамъ приказывалъ, къ толпищу ихъ обратясь,
 На стѣну быстро взлѣзать, и ему покорились Трояне:
 Ринулись всѣ, и немедленно тѣ подымались на стѣну,
 Тѣ наводняли ворота. Кругомъ побѣжали Ахейцы 470
 Къ чернымъ своимъ кораблямъ, и кругомъ поднялася тревога.

ОГЛАВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	СТР.
Пѣснь VII.	1
Пѣснь VIII.	14
Пѣснь IX	29
Пѣснь X.	48
Пѣснь XI.	62
Пѣснь XII.	85

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ,
составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виденкинымъ).

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ

поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18. | МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12.
1903

Дозволено цензурою. Спб , 5 декабря 1903 г.

Типографія Т-ва М. О. Волжъ. С.-Петербургъ, В. О., 18 л., д. № 5-7.

ПѢСНЬ XIII.

СОДЕРЖАНИЕ ТРИНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, даровавъ торжество Троянамъ надъ Ахеянами, приведши ихъ въ самый станъ, отвращаетъ взоры свои отъ браны и отъ Трои, ст. 5—10. Посидаонъ, сострадающій объ Ахеянахъ, симъ пользуется, возстаетъ, чтобы одушевить ихъ, и на коняхъ своихъ ѿдѣть къ Троѣ, 11—42; принявъ видъ Калласа, онъ возбуждаетъ къ защитѣ кораблей сперва Аяксовъ, потомъ другихъ вождей и наполняетъ ихъ новою силою, 43—124. Ахеане собираются около Аяксовъ, строятся фалангами, непоколебимо встрѣчаютъ нападающаго Гектора и отражаютъ его, 125—149. Гекторъ, убѣдивъ Троянъ, продолжаетъ сражаться; многие герои убиты съ обѣихъ сторонъ, 150—205. Посидаонъ, за убийство внука своего раздраженный, въ образѣ Фоаса, возбуждается къ битвѣ Идоменея, 206—239. Идоменей, вооружася и взявъ съ собою Мериона, выходитъ на бой противъ лѣвой стороны, гдѣ утѣшены Ахеици, 240—329. Здѣсь возжигается жестокій бой: Зевсъ благопріятствуетъ Троянамъ, Посидаонъ Ахеянамъ, между которыми Идоменей болѣе всѣхъ въ продолженіе битвы сей отличается доблестю и подвигами, 330—362. Онъ поражаетъ Оеронея, Азія, Алкаею и угрожаетъ Деифобу, потомъ съ Меріономъ, Антилохомъ и Менелаемъ успѣшно сражается противъ Энея, Деифоба, Гелена и Париса, 363—672. Между тѣмъ Гектора, который сражался тамъ, гдѣ и прежде, Аяксъ, соединялся оба, и другія при нихъ воинства одолѣваютъ до того, что Трояне готовы отступить, 673—724. Но Гекторъ, ободренный Полидамасомъ, собираетъ храбрѣйшъ и жестоко нападаетъ на Ахеянъ, 725—807; Аяксъ великий сопротивляется, вызываетъ его, возбуждаетъ новый бой, и оба воинства одушевляютъ себя ужаснымъ взаимнымъ крикомъ, 808—836.

Зевсъ, и Троянъ и Гектора къ стану Ахеянъ приблизивъ,
Ихъ предъ судами оставилъ, бѣды и труды боевые
Несть безпрерывно, а самъ отвратилъ свѣтозарныя очи
Вдалъ, созерцающій землю Фракіяю, наѣздниковъ конныхъ,
Мизянъ, бойцовъ рукопашныхъ, и дивныхъ мужей Гиппомолговъ 5
Бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ.
Волье онъ къ Иліону очей не склонялъ свѣтозарныхъ,
Ибо не чаялъ уже, чтобы кто изъ боговъ Олимпійскихъ
Вышелъ еще поборать за Троянскихъ сыновъ иль Ахейскихъ.

Но соглядалъ не напрасно и мощный земли колебатель: 10
Самъ онъ сидѣлъ, созерца войну и кровавую битву
Съ горныхъ вершинъ, съ высочайшей стреминой лѣсистаго Сами,
Въ Фракій горной: оттолѣ великая видѣлась Ида,
Видѣлась Троя Пріама и станъ корабельный Ахеянъ.
Тамъ онъ, изъ моря исшедшій, сидѣлъ, сострадаль обѣ Ахейцахъ, 15
Силой Троянъ укрошеныхъ, и страшно ропталъ на Зевеса.
Вдругъ, негодя, восталъ и съ утесной горы устремился,
Быстро ступая впередь; задрожали дубравы и горы
Вокругъ подъ стопами священными въ гнѣвѣ идущаго бога.
Трижды ступилъ Посидонъ и въ четвертый достигнулъ предѣла 20
Эги; тамъ Посидона въ заливѣ глубокомъ обитель,
Домъ золотой, лучезарно сияющій, вѣчно нетлѣнныи.
Тамъ онъ, притекшій, запрягъ въ колесницу коней мѣднононгихъ,
Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вокругъ золотыя.
Золотомъ самъ онъ одѣлся, въ руку десную прекрасный 25
Бичъ захватилъ золотой и на свѣтлую сталь колесницу,
Коней погналъ по волнамъ,— и взыграли страшилища бездны,
Вокругъ изъ пучинъ заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь, море подъ нимъ разстипалось, а гордые кони
Бурно летѣли, зыбей не касаясь мѣдною осью. 30
Къ стану Ахейскому мчалися быстроскачущіе кони.
Есть пещера обширная въ безднѣ пучинной залива,
Межъ Тенедоса и дикоутеснаго острова Имбра.
Тамъ коней удержалъ колебатель земли Посидаонъ,
Тамъ отрѣшивъ отъ ярма, амврозической бросиль имъ пищи 35
Въ кормъ и на бурныя ноги накинулъ имъ пути златыя,
Несокрушимыя цѣпи, да тамъ бы они неподвижно
Ждали владыку, а самъ устремился къ дружинамъ Ахейскимъ.
Рати Троянскія, всей ихъ громадой, какъ пламень, какъ бура,
Гектору вслѣдъ съ несмиримой горячностью къ бою летѣли 40
Съ шумомъ, съ крикомъ неистовыи, взять корабли у Danaeъ.
Гордо мечтали и всѣхъ истребить передъ ними Danaeъ.

Но Посидонъ земледержецъ, могучій земли колебатель,
Духъ Аргивянъ возвышалъ, изъ глубокаго моря исшедшій.
Онъ, уподобяся Калхасу видомъ и голосомъ сильнымъ, 45
Первымъ вѣщаль Аяксамъ, нылавшимъ и собственнымъ сердцемъ:
„Вы, воеводы Аяксы, одни вы спасете Ахеянъ,
Мужество помня свое и не мысля о бѣгствѣ бездушномъ.
Въ мѣстѣ другомъ не страшился бы рука я Троянъ необорныхъ,
Кои въ Ахейскую крѣпкую стѣну ворвались толпою: 50
Ихъ остановить вездѣ иѣднолатныя рати Ахеянъ.
Здѣсь лишь, безмѣроно страшусь, пострадать неизбѣжно мы можемъ:
Здѣсь разъяренный, какъ пламень стремительный, Гекторъ пред-
водить,
Гекторъ, себя величающій сыномъ всемощнаго Зевса!
О, да и вамъ небожитель положить рѣшительность въ сердце, 55
Крѣпко стоять и самимъ, и другихъ ободрить, устрашенныхъ!
Гектора, какъ онъ ни бурепъ, отъ нашихъ судовъ мореходныхъ
Вы отразите, хотя бъ устремляль его самъ Громовержецъ!“
Рекъ и жезломъ Земледержецъ, могучій земли колебатель,
Ихъ обоихъ прикоснулся и страшною силой исполнилъ, 60
Члены ихъ легкими сдѣлалъ и ноги, и мощныя руки.
Самъ же, какъ ястрѣбъ, ловецъ быстрокрылый, на ловъ улетаетъ,
Если съ утеса крутого, высокаго, вдругъ онъ, поднявшись,
Ринется полемъ преслѣдоватъ робкую птицу другую,—
Такъ устремился отъ нихъ Посидаонъ, колеблющий землю. 65
Первый бога постигъ Оилеевъ Аяксъ быстроногий,
Первый онъ взговорилъ къ Теламонову сыну Аяксу:
„Храбрый Аяксъ! безъ сомнѣнія, богъ, обитатель Олимпа,
Образъ пророка принявъ, корабли защищать повелѣлъ намъ.
Нѣть, то не Калхасъ, вѣщатель оракуловъ, птицегадатель; 70
Нѣть, по слѣдамъ и по голенямъ мощнымъ сзади позналъ я
Вспять отходящаго бога; легко познааемы боги.
Нынѣ, я чую, въ груди у меня ободренное сердце
Пламеній прежнаго рвется на брань и кровавую битву;
Въ битву горять у меня и могучія руки, и ноги“. 75
Быстро ему отвѣчалъ Теламонидъ, мужества полный:
„Такъ, Оилидъ! и мои на копье несмиримыя руки
Въ битву горять, возвышается духъ, и стопы подо мною,
Чувствую, движутся сами; одинъ я, одинъ я пылаю 79
Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама, неистовыемъ въ битвахъ, сразиться“.
Такъ межъ собой говорили владыки народовъ Аяксы,
Жаромъ веселые браннымъ, ниспосланнымъ въ сердце ихъ богомъ.
Тою порой возбуждалъ Посидаонъ задникъ Данаевъ,

Вот! Жаждет супрт мечами гибели
 Кто в земле и кто в небесах борется изнуряясь.
 И жаждет супрт мечами за землю края, где живут
 И живут Судьи за землю супрт земли изнуряясь.
 Судьи за землю изнуряясь, сюда не приедут.
 Судьи изнуряясь, изнурят ее землю. Их изнуряют.
 Изнурят землю все землемеры, землемеры изнурят фараонов.
 Фараонов, фараонов и землемеры изнурят, изнурят.
 Такъ землемеры, землемеры, изнурят изнурят.
 Такъ Иакуну въ землю Ассирии, изнуряют бояршино.
 Такъ изнуряют бояршино, изнуряют речи вѣкамъ:
 «Люди, Ассирисе, изнурите землю! Гадаель в., 95
 Изнурите землю землемеры изнуряют землю!»
 Всех же въ землю изнуряют бояршино изнуряют рабовъ.
 Девы настали умреть, и Тукинды хотят сокрушить землю!
 Быть! Мелкие члены земли очи и вижу.
 Членъ ужасенъ, землю, землю, землю не свернуться:
 Три сими предъ судами Ахейскими! тѣ, что бывало
 Даванъ подобились трепетнымъ, кои, по темному лѣсу
 Праждко бродящія, слабыя и не рожденныя къ бою,
 Народъ, малютъ и шакаютъ вседневно пищѣй бывають.
 Такъ и Троицѣ сіи трепетали бывало Ахеинъ, 100
 Противу мужества ихъ ни на мигъ стоять не дерзали.
 Нашъ же, далеко отъ стѣнь, корабли уже наши воюють!
 И отчего? отъ проступка вождя и отъ слабости воевъ,
 Кои, враждуя вождю, не хотять окруженнныхъ врагамъ
 Спастъ кораблей и предъ ними себя отдаютъ на убийство! 110
 Но устыдитесь; если и подлинно сильно виновень
 Нашъ предводитель, пространно-властительный царь Агаменонъ,
 Если и подлинно онъ оскорбилъ Ахиллеса героя,
 Нашъ никому ни на мигъ уклоняться не должно отъ браніи!
 Но исцѣльши мы себя: исцѣлимы сердца благородныхъ. 115
 Стыдъ, о Ахеинъ! вы забываете бранную доблѣсть,
 Вы, ратоборцы храбрѣйши въ воинствѣ! Самъ я не сталъ бы
 Гибни ни ратника тратить, который бросаетъ сраженье,
 Вудучи подль, но на вѣсъ справедливо душа негодуетъ!
 Слабые, скоро на всѣхъ павлечете вы большее горе
 Слибостью вашой! Опомнитесь, други; представьте себѣ вы
 Стыдъ и укоры людей! Решительный бой наступаетъ!
 Гекторъ, воинственный Гекторъ, уже на суда нападаетъ,
 Мощный, уже разгромилъ и врата, и запоръ ихъ огромный*.
 Такъ возбуждалъ Колебатель земли и воздвигнулъ Данаевъ. 125

Окрестъ Аяксовъ героеvъ столпилися, стали фаланги
 Страшной стѣной. Ни Ареj, ни Паллада, стремящая рати,
 Ихъ не могли бы, не радуясь, видѣть: храбрѣшіе мужи,
 Войско составивъ, Троянъ и великаго Гектора ждали,
 Стиснувши дроть возлѣ дрота и щитъ у щита непрерывно; 130
 Щитъ со щитомъ, шишакъ съ шишакомъ, человѣкъ съ человѣкомъ
 Тѣсно смыкался; касалися свѣтлыми бляхами шлемы,
 Зыблись на воинахъ. Такъ Аргивяне сгустяясь стояли;
 Копья змѣились, грозно колеблемы храбрыхъ руками;
 Прямо они на Троянъ устремлялись, пылали сразиться. 135
 Но, упредивъ ихъ, Трояне ударили; Гекторъ предъ ними
 Бурный летѣль, какъ въ полетѣ крушительный камень съ утеса,
 Если съ вершины громаду осенняя воды обрушатъ,
 Ливнемъ-дождемъ разорвавши утеса жестокаго связи;
 Прядая кверху, летить онъ; трещитъ на лету имъ крушилъ 140
 Лѣсь; безпрепонно и прямо летить онъ, пока на долину
 Рухнетъ, и больше не катится, сколь ни стремителльный прежде,—
 Гекторъ таковъ! при началѣ грозился до самого моря
 Быстро пройти, межъ судовъ и межъ кущей, по трупамъ Данаевъ,
 Но едва набѣжалъ на сомкнувшіяся крѣпко фаланги, 145
 Сталь, какъ ни близко нагрянувшій: дружно его Аргивяне,
 Встрѣтивъ и острыхъ мечей и пикъ двуконечныхъ ударомъ,
 Прочь отразили,—и онъ отступилъ, поколебанный силой,
 Голосомъ, слухъ поражающимъ, къ ратямъ Троянъ вопиющій:
 „Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукопашцы Дарданцы! 150
 Стойте, друзья! не надолго меня оставлять Ахейцы,
 Если свои ополченья и грозною башней построять;
 Скоро отъ пики разсыплются, если меня несомнѣнно
 Богъ всемогущій предводитъ, супругъ громовержущій Геры!“

Такъ восклицая, возвысилъ и душу и мужество въ каждомъ. 155
 Вдругъ Деифобъ изъ рядовъ ихъ высоко-мечтающій вышелъ,
 Сынь же Пріамовъ: предъ грудью уставилъ онъ щитъ круговидный,
 Легкой стопой выступалъ и впередъ подъ щитомъ устремлялся.
 Но, Меріонъ, на Троянца намѣтивъ, сверкающей пикой
 Бросиль,—и вѣрно вонзилася въ выщуклый щитъ волокожный 160
 Бурная пика, но кожъ не проникла: вонзилась, и древкомъ
 Около трубки огромная хряснула. Быстро Троянецъ
 Щитъ отъ себя отдалъ волокожный, въ душѣ устрашася
 Бурнаго въ летѣ копья Меріонова; тотъ же, могучій,
 Къ сонму друзей отступилъ, негодя жестоко на трату 165
 Вѣрной побѣды и вмѣстѣ копья, преломленаго тщетно;
 Быстро пустился идти къ кораблямъ и кущамъ Ахейскимъ.

Лицо съяло съльзъ; и въ зеве съзывалъ въ душу
Сълзы, и въ зеве съзывалъ въ душу 170
Гекторъ. Тогда же възвѣшили звуки тромбона.
Изъ груди съяло съльзы бѣжали, громко
Съзывалъ звуки, и възвѣшили Гравионъ звуки.
Съзывалъ звуки тромбонъ въ зеве съзывалъ въ душу.
Такъ звучалъ въ зеве въ звукахъ Гравионъ, 175
Когда въ зеве въ звукахъ звуки исчезали изъ зевы.
Звуки звука Гравионъ звуки звуки громко
Звучали въ звуке звука, въ звуке звука звуки звуки
Звучали въ звуке звука, въ звуке звука звуки звуки.
Лицо съяло съльзы, и въ зеве съзывалъ въ душу 180
Гекторъ. И звуки въ зеве изъ звука звуки исчезали.
Гекторъ звучалъ на звучаніи, звучалъ и звучалъ.
Гекторъ на Гектора вѣтшалъ, звучалъ блестящий речью.
Чуть, недолгіе миги, отъ звучанія звучалъ.
Чуть изблѣжалъ Но Амфимахъ Гекторъ, Креатова сына. 185
Въ битву изрѣзано, въ битву пораженъ покорнительный другъ.
Онъ шумомъ изъ зевы онъ падъ, заревѣлъ изъ пашень лесинъ.
Бросился Гекторъ, пылая зевомъ на скрипача плотный
Мѣдный сорвать съ головы у Креатова храбраго сына. 190
Но Аяксъ на лежащаго острую пику уставилъ;
Въ зеву она не проникнула Гектора: иѣдь кругомъ онъ
Справшися билъ огражденъ; но, въ средину щита поразивши,
Силою съ отразилъ Теламонидъ, и всичъ отступилъ онъ
Прочь отъ обоихъ убитыхъ; тѣла увлекли Аргивянѣ; 195
Сына Креатова Сликий герой съ Менесосемъ почтенныи,
Они Афинянинъ вожди, понесли къ онѣдиченіямъ Ахейскими.
Имѣри же оба Аякса, кинище храбростю бурной,
Словно какъ серыи могучие львы, у носовъ острозубыхъ
Вырвалиши, гордо носутъ черезъ густопоросшій кустарникъ 200
И добычу высоко изъ челюстяхъ держать кровавыхъ,—
Такъ Менториды, высоко держи, бранноносцы Аяксы
Онъ первей срывали доспѣхъ, и повисшую голову съ выи
Себѣ Оникъ и, за гибелъ Амфимаха местью нылая,
Бросить ее съ разину, какъ шаръ, на толпу Иліонянъ:
Въ правъ голова, передъ Гектора ноги, крутящаясь пала. 205
Гибелью сугубою изъ душѣ Ноисидонъ воспыпалъ за убийство
Вишка его, Истенида, сраженнаго въ битвѣ свирѣпой.
Гибелью подвинулъ онъ, изъ кораблями устремляясь и къ кущамъ
Аргипонъ возбуждая и горе готови Троянамъ.

- Идоменей, Девкалионъ воинственный, встрѣтился богу, 210
 Шедшій отъ друга, который къ нему незадолго изъ боя
 Былъ приведенъ, подъ колѣно сурою раненый мѣдью.
 Юношу вынесли други; его онъ врачамъ поручивши,
 Самъ изъ шатра возвращался: еще онъ участвовать въ битвѣ,
 Храбрый, пылаль, и къ нему провѣщалъ Посидаонъ владыка 215
 (Гласъ громозвучный принялъ Андреянова сына, Фоаса,
 Мужа, который въ Плевронѣ, во всемъ Калидонѣ гористомъ
 Всѣми Этольцами властновалъ, чтимый, какъ богъ, отъ народа):
 „Гдѣ же, о Критянѣ совсѣмъ, куда же дѣвались угрозы,
 Коими Трои сынамъ угрожали Ахейскія чада?“ 220
 И ему вопреки отвѣчалъ Девкалидъ знаменитый:
 „Сынъ Андреяновъ! никто изъ Ахеянъ теперь не виновенъ,
 Сколько я знаю: умѣемъ мы всѣ и готовы сражаться;
 Страхъ никого не оковывалъ низкой; никто, уступая
 Праздности, битвы не бросиль, Ахеямъ жестокой; но, вѣрно, 225
 Кронову сыну всесильному видѣть, Зевесу, угодно
 Здѣсь далеко отъ Геллады Ахеянъ безславно погибшихъ!
 Сынъ Андреяновъ, всегда отличавшійся мужествомъ духа,
 Ты, ободрявшій всегда и другихъ, забывающихъ доблѣсть,
 Нынѣ, Фоасъ, не оставь и омужестви каждого душу!“ 230
 Быстро ему отвѣчалъ Посидаонъ, колеблющій землю:
 „Критянѣ воинственный царь! да во вѣкъ отъ Троянскаго брега
 Въ домъ не придетъ, но игралищемъ псовъ да прострется подъ
 Троей
 Воинъ, который въ сей день добровольно оставить сраженье!
 Шествуй и, взявши оружіе, стань ты со мной: совокупно 235
 Дѣйствовать должно; быть можетъ, успѣемъ помочь мы и двое.
 Сила и слабыхъ мужей не ничтожна, когда совокупна,
 Мы же съ тобой и противу сильнѣйшихъ умѣли сражаться“.
 Рекъ и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
 Идоменей же, поспѣшило пришель къ благосозданной кущѣ, 240
 Пышнымъ доспѣхомъ покрылся и, взявши два крѣпкіе дрота,
 Онъ устремилъся, перуну подобный, который Кроніонъ
 Махомъ всесильной руки съ лучезарнаго мечетъ Олимпа,
 Въ знаменіе смертныхъ; горить онъ, летя, ослѣпительнымъ бле-
 скомъ.
 Такъ у него, у бѣгущаго, мѣдь вокругъ персей блистала. 245
 Ввстрѣчу ему предсталъ Меріонъ, знаменитый служитель,
 Близко отъ кущи, куда онъ спѣшиль, воружиться желая
 Новыи копьемъ, и къ нему провѣщала владычна сила:
 „Сердцу любезнѣйшій другъ, Молидъ Меріонъ быстроногий,

Но перестанемъ съ тобой разговаривать, словно какъ дѣти,
Праздно стоя, да кто-либо нагло на насъ не возопщеть.

Въ кущу войди и немедленно съ крѣпкимъ копьемъ возвратися".

Рекъ,—и Молидъ, повинуясь, бурному равный Арею, 295
Быстро изъ кущи выносить копье, совершенное мѣдью,
И за вождемъ устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Ареи устремляется въ бой, человѣковъ губитель,
Съ Ужасомъ, сыномъ, равно какъ и самъ онъ, могучимъ, безстраш-
пымъ

Богомъ, который въ бояхъ ужасаетъ и храбрую душу; 300
Оба изъ Оракій горной они на Эфировъ находять,
Или на бранныхъ Флегіянъ, и грозные боги не внемлютъ
Общимъ народовъ мольбамъ, но единому славу даруютъ,—
Столько ужасны Молидъ и герой Девкалидъ, ратоводцы,
Шли на кровавую брань, лучезарной покрыты мѣдью. 305

Шествуя, слово къ царю обратиль Меріонъ быстроногий:
„Гдѣ, Девкалидъ, помышляешь вступить въ толпу боевую,
Въ правомъ концѣ, въ серединѣ ль великаго нашего войска,
Или на лѣвомъ? Тамъ, какъ я думаю, болѣ, чѣмъ индѣ,
Въ битвѣ помощной нуждается рать кудреглавыхъ Danaeъ". 310

Молову сыну отвѣтствовалъ Критскихъ мужей предводитель:
„Нѣть, для средины судовъ защитители есть и другие:
Оба Аякса и Тевкру Теламонидъ, въ народѣ Ахейскомъ
Первый стрѣлецъ и въ бою пѣщеборномъ не менѣе храбрый;
Тамъ довольно и ихъ, чтобъ насытить несътаго боемъ 315
Гектора, сына Пріама, хоть быль бы еще онъ сильнѣ!
Будетъ ему нелегко, и со всѣмъ его бѣшенствомъ въ битвахъ,
Мужество ихъ одолѣвъ и могущество рукъ необорныхъ,
Судно зажечь хоть единое, развѣ что Зевсъ громовержецъ
Свѣточь горящую самъ на суда мореходныя бросить. 320
Нѣть, Теламонидъ Аяксъ не уступитъ въ сраженіи мужу,
Если онъ смертнымъ рожденъ и плодами Деметры воскормленъ,
Если язвимъ разсѣкающей мѣдью и крѣпостью камней.
Даже Пелиду, рушителю строевъ, Аяксъ не уступитъ
Въ битвѣ ручной; быстротою лишь ногъ не оспоритъ Пелида. 325
Въ лѣвую сторону рати пойдемъ, да скорѣе увидимъ,
Мы ли прославимъ кого, или сами славу стяжаемъ!"

Рекъ,—и Молидъ, устремивши ся, бурному равный Арею,
Шель впереди, пока не достигнулъ указанной рати.
Идоменея увидѣвъ, несущагося полемъ, какъ пламень, 330
Съ храбрымъ клевретомъ его, въ изукрашенныхъ дивно доспѣхахъ,
Крикнули разомъ Трояне и всѣ на него устремились.

- Самъ величайшъ старъ въстать думъ възмѣтъ възвѣщеніе.
Словъ есть отъ вѣтру стихіи свидѣть възмѣтъ иныхъ чуждъ
Въ чистые дни, когда трахъ глубокимъ громыши городъ: 335
Будущіе, вѣсты изымаютъ склонъ облака ненастя.—
Такъ громыши вѣстовать будь иль бой, затѣборы пыталы
Каждыя днѣ съ звукомъ ставиться и уѣзжать острѣвъ языль.
Громко крѣпко затерѣхъ затемъ вѣте отъ вѣтъ.
Длинныхъ, убѣственныхъ, частыхъ, какъ гѣрь: сильнѣли отъ 340
Мѣсяцъ сильнѣть отъ выпулить шлемовъ. безѣро свѣркавши,
Шанипуръ, вновь усиливши, къ крутымъ шагамъ лутезарнаго
Вокновъ къ бой стоящихъ. Подлинно быть бы безстрашень,
Кто велѣлся бы, на бой сей смотря, и душой не содрогся!
- Боги, положише разинъ, сыны многожищіе Крона, 345
Дкунъ племеннаѧ браннонесеніе такія бѣди устроили.
Зевсъ Троянаго желалъ и Пріахову сыну побѣды,
Славой вѣтчай Иелиза паря; но не вовсе Кроніонъ
Храбрихъ Данаевъ желалъ истребить подъ высокою Троей;
Только Оетиду и сына ея прославлять онъ героя. 350
Богъ Посидонъ укрѣпилъ Данаевъ, присутствуя въ брани,
Внимавшій тайно изъ мора сѣдого: обѣихъ сострадаль онъ,
Силой Троянъ усмиренныхъ, и гордо ропталъ на Зевеса.
Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевсъ лишь Кроніонъ и прежде родился, и болѣе вѣдаль. 355
Зевса страшился и явно не смѣть поборать Посидаонъ;
Тайно, подъ образомъ смертнаго, онъ возбуждалъ ратоборцевъ.
Боги сіи и свирѣпой вражды, и погиблой брани
Верь, на взаимную прю, напрягли надь народами оба
Крѣпкую верву, неразрывную, и ноги имъ сложившую ноги.
- Туть, Аргивянъ ободряющій, воинъ уже посѣдѣлый,
Идоменей на Троянъ устремился и въ бѣгъ обратилъ ихъ:
Ооріоне сразилъ Кабезійца, недавняго въ градѣ,
Въ Трою недавно еще привлеченнаго бранною славой.
Онъ у Пріаха Кассандры, прекраснѣйшей дочери старца, 360
Гордый просилъ безъ даровъ, но самъ совершилъ обѣщаль онъ
Подвигъ великий: изъ Трои изгнать мѣднополатныхъ Данаевъ.
Старецъ ему обѣщаль и уже за него согласился
Выдать Кассандру—и ратовалъ онъ, на обѣть положася.
Идоменой на него мѣдножальную пику направиль 370
И поразилъ выступавшаго гордо: ии мѣдная броня,
Коей блесталь, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, и, гордясь, вскричалъ побѣдитель:

„Оероней! человѣкомъ тебя я почту величайшимъ, Ежели все то исполнишь, что ты исполнить обрекся Сыну Дарданову: дочерь тебѣ обѣщаль онъ супругой. То же и мы для тебя обѣщаемъ, и вѣро исполнимъ: Выдадимъ лучшую всѣхъ изъ семейства Атридова дочерь; Къ браку невѣсту изъ Аргоса вывеземъ, если ты съ нами Трою разрушишь Пріамову, градъ, устроенiemъ пышный.	375
Слѣдуй за мной: при судахъ мореходныхъ съ тобой мы докончимъ Брачный говоръ; не скупые и мы на приданое сваты“. Рекъ и за ногу тѣло повлекъ сквозь кипящую сѣчу Критскій герой. Но за мертваго иститеlemъ Азій явился, Пѣшій идя предъ конями. Коней, за плечами храпящихъ, Правиль клевреть у него. И пылающій онъ устремилъ	380
Идоменея пронзить, но герой упредилъ: супостата Никой ударилъ въ гортань подъ брадой и насквозь ее выгналъ. Паль онъ, какъ падаетъ дубъ или тополь серебрянолистный, Или огромная сосна, которую съ горъ древосѣки	385
Острыми вкругъ топорами ссѣкнуть, корабельное дерево. Азій таковъ предъ своей колесницей лежалъ распрострсяся, Съ скрипомъ зубовъ раздирая руками кровавую землю. Но возница его цѣпенѣль, растерявшійся въ мысляхъ,	390
Блѣдный стоялъ и не смѣль, чтобъ отъ рука враждебныхъ избѣг- нуть,	395
Коней назадъ обратиъ, и его Антилохъ бранелюбецъ Никой ударилъ въ животъ, и отъ смерти ни мѣдная броня, Коей блесталь, не спасла: углубилась во внутренность пика; Онъ застоналъ и съ прекрасно-составленной паль колесницы.	400
Коней младыхъ Антилохъ, благодушного Нестора отрасль, Быстро отъ воинствъ Троянскихъ угналь къ мѣдноброннымъ Ахей- цамъ.	
Тутъ Деифобъ на властителя Критянъ, обѣ Азіи скорбный, Близко одинъ наступилъ и ударилъ сверкающей никой. Но усмотрѣль и отъ мѣди убийственной во время спасся Критянъ владыка, укрылся подъ выпуклый щитъ свой огром-	405
Щитъ, изъ воловыхъ кожъ и блистательной мѣди скругленный И двумя поперекъ укрѣпленный скобами: подъ щитъ сей Весь онъ собрался; надъ нимъ пролетѣла блестящая пика. Щитъ, на полетѣ задѣтый, ужасно завыль подъ ударомъ.	410
Но не тщетно оружіе послано сильной рукою: Храброму сыну Гиппаса, владыкѣ мужей Гипсенору, Въ перси воинилось оно и на мѣстѣ сломило колѣна.	

- Громко вскричалъ Деифобъ, величаясь надмънно побѣдой:
 „Нѣтъ, не безъ ищениѧ Азій лежитъ, и теперь, ушоваю,
 Вшедши въ широкія двери Аидова мрачнаго дома,
 Сердцемъ онъ будеть возрадованъ: спутника далъ я герою!“ 415
- Такъ воскликнъ. Аргивянъ оскорбили падменнаго рѣчи,
 Болѣе жъ всѣхъ Антилоху воинственный духъ взволновали.
 Онъ, невзирая на скорбь, не оставилъ сраженнаго друга; 419
 Быстро промчась, заступиль и щитомъ заградилъ свѣтлобляшнныи.
 Тою порой наклоняся подъ тѣло, почтенные други,
 Эгіевъ сынъ Мекистей и младой благородный Аласторъ,
 Къ чернымъ судамъ понесли Гиппасида, печально стеная.
- Идоменей воевалъ не слабъ, пылаль безпрестанно
 Или еще Фригіянина ночью покрыть гробовою, 425
 Или упасть самому, по бѣду отразить отъ Ахеянъ.
 Тутъ благородную отрасль питомца боговъ Эзіета,
 Славу Троянъ, Алкаею, драгого Аихизова зятя
 (Дщери его Гипподамія былъ онъ супругомъ счастливыи,
 Дщери, которую въ домѣ отецъ и почтенная матерь 430
 Страстно любили: она красотой и умомъ, и дѣлами
 Въ сонмѣ подругъ между всѣми блистала: зато и супругой
 Избралъ ее гражданинъ благороднѣйшій въ Троѣ пространной),
 Мужа сего Девкалида рукой укротилъ Посидаонъ,
 Ясныя очи затмивъ и сковавъ ему быстрыя ноги: 435
 Онъ ни назадъ убѣжать, ни укрыться не могъ отъ героя;
 Скованный страхомъ, какъ столбъ, иль высоковершинное древо,
 Онъ неподвижный стояль, и его Девкалидъ копьеборецъ
 Въ перси удариль копьемъ и разбилъ испещренную броню,
 Мѣдную, въ битвахъ не разъ отъ него отражавшую гибель: 440
 Глухо броня зазвенѣла, подъ мощнымъ ударомъ разсѣвшиись.
 Съ громомъ упаль онъ, копье упадавшему въ сердце воткнулось;
 Сердце его, трепеща, потрясло и копейное древко,
 Но могучесть въ немъ скоро Арей укротилъ смертоносный.
 Идоменей, величаясь побѣдою, громко воскликнулъ: 445
 „Какъ, Деифобъ, полагаешь, достойно ли я расплатился?
 Три сражены за единаго! Ты же величаяешься только,
 Дивный герой! Но приближься и самъ, и меня ты извѣдай:
 Узришь, каковъ я подъ Трою пришелъ, Громовержцевъ потомокъ!
 Онъ, Громовержецъ, Миноса родилъ, охранителя Крита; 450
 Мудрый Миносъ породилъ Девкаліона, славнаго сыпа;
 Онъ, Девкаліонъ, меня, повелителя многимъ народамъ
 Въ Критъ пространномъ, и волны меня принесли къ Иліону,
 Гибель тебѣ, и отцу твоему, и всѣмъ Иліонцамъ!“

Такъ говорилъ; Дейфобъ въ нерѣшимости думъ волновался 455
 Вспять ли идти и, съ Троянцемъ какимъ-либо храбрымъ сложася,
 Выдти вдвоемъ, иль одинъ на одинъ испытать Девкалида?
 Такъ Дейфобъ размышилъ, и ему показалося лучше
 Вызвать Энея. Нашель онъ героя, въ дружинахъ послѣдникъ
 Праздно стоящаго: гнѣвъ онъ всегдашній питалъ на Пріама, 460
 Ибо, храбрѣшему, старецъ ему не оказывалъ чести.
 Ставъ передъ нимъ, Дейфобъ устремляется крылатыя рѣчи:

„Храбрый Эней, Троянъ повелитель, если о близкихъ
 Ты сострадаешь, тебѣ заступиться за ближняго должно.
 Слѣдуй за мной, защитимъ Алкаею; тебя онъ, почтенный, 465
 Будучи зятемъ, воспитываль юнаго въ собственномъ домѣ.
 Идоменей, знаменитый копѣющикъ, сразиль Алкаею“.

Такъ произнесъ онъ и душу въ груди взволновалъ у Энея.
 Онъ полетѣлъ къ Девкалиду, воинственнымъ жаромъ пылая.
 Но Девкалидъ не позорному бѣгству, какъ отрокъ, предался: 470
 Ждалъ неподвижный, какъ венеръ между горъ, на могучесть на-
 дежный,

Шумнаго вкругъ нападенія многихъ ловцовъ ожидаетъ,
 Стоя въ мѣстѣ пустынномъ и грозно хребеть ощетина,
 Окресть очами, какъ пламенемъ, свѣтить, а долгіе зубы
 Ярый острить онъ, и псовъ, и ловцовъ опрокинуть готовый,— 475
 Такъ нажидалъ, ни на шагъ не сходя, Девкалидъ Анхизида,
 Противъ летящаго воина бурнаго, только соратныхъ
 Крикомъ сзыvalъ, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
 Молова сына, и съ нимъ Антилоха, испытанныхъ бранью.
 Ихъ призывалъ Девкалидъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Други, ко инѣ! защитите меня одиночаго! Страшень
 Бурный Эней нападающій; онъ на меня нападаетъ;
 Страшно могущество онъ на убийство мужей въ ратоборствѣ;
 Блещетъ и цвѣтомъ онъ юности, первою силою жизни.
 Если бъ мы были равны и годами съ Энеемъ, какъ духомъ, 485
 Скоро иль онъ бы, иль я похвалился побѣдою славной!“

Такъ говорилъ онъ, и всѣ, устремивши съ духомъ единимъ,
 Стали кругомъ Девкалида, щиты къ раменамъ приклонивши.
 Но Эней и своихъ возбуждалъ сподвижниковъ храбрыхъ,
 Звалъ Дейфоба, Париса, почтенаго звалъ Агенора, 490
 Съ нимъ предводившихъ Троянскія рати; за нимъ совокупно
 Всѣ устремилися: какъ за овномъ устремляются овцы,
 Съ пастью бѣжа къ водопою, и паstryрь душой веселится,—
 Такъ Анхизидъ благородный, Эней, веселился душою,
 Видя толпами за нимъ устремившихъ гражданъ Троянскихъ. 495

- Вокругъ Алкаея они рукошаши подняли битву.
 Копьями бились огромными. Мѣдь на груди ратоборцевъ
 Страшно звучала отъ частыхъ ударовъ сшибавшихся толпищъ.
 Два между тѣмъ бранноносца, отличные мужествомъ оба,
 Идоменей и Эней, подобные оба Арею, 500
 Вышли, пылали другъ друга пронзить смертоносною мѣдью.
 Первый Эней, размахнувшись, ринулъ копье въ Девкалида;
 Тотъ же, завидѣвъ ударъ, уклонился отъ мѣди летящей,
 И копье Анхизида, сотрясшия, въ землю вѣжало, 505
 Бывъ бесполезно геройской, могучею послано дланью.
 Идоменей же копьемъ Эномаоса ранилъ въ утробу;
 Лату брони просадила и внутренность мѣдь изъ утробы
 Вылила: въ пражѣ простираясь, руками хватаста онъ землю.
 Пломеней длиннотѣнную пику изъ мертваго тѣла 509
 Вырвалъ; но мѣдныхъ, другихъ побѣжденного пышныхъ доспѣховъ
 Съ персей совлечь не успѣлъ: осипали Троянскія стрѣлы;
 Не были болѣе гибки и ноги его, чтобы быстро
 Прянуть ему за своимъ копьемъ иль чужого изѣгнуть:
 Стойкою битвой, упорною, пагубный день отражалъ онъ;
 Ноги не скоро несли, чтобъ ему убѣжать изъ сраженья; 515
 Медленно онъ уходилъ. Деифобъ въ уходившаго дротикъ
 Снова послалъ: на него онъ пыталъ непрестанно злобой.
 И прокинулъ онъ снова, но мѣдь Аскалафа постигла,
 Сына Арея; плечо совершенно убѣстvennyй дротикъ
 Прорвалъ, и въ пражѣ онъ упавши хватаетъ ладонями землю. 520
 Долго не вѣдалъ еще громозвучный Ареи истребитель,
 Что воинственный сынъ его палъ на сраженіи бурномъ.
 Онъ на Олимпа главѣ подъ златыми сидѣлъ облаками,
 Зевса всемощнаго волей обузданый, гдѣ и другіе
 Боги сидѣли безсмертные, иль удаленные съ браны. 525
 Воины вокругъ Аскалафа бросались въ бой рукошаши.
 Тутъ Деифобъ съ головы Аскалафова шлемъ свѣтозарный
 Сорвалъ. Но вдругъ Меріонъ, налетѣвши подобно Арею,
 Хищника въ руку копьемъ поразилъ; изъ руки Деифоба
 Шлемъ дыроюкій исторгся и обѣ землю звукнулъ упавший. 530
 Снова герой Меріонъ, на врага налетѣвшіи, какъ ястребъ,
 Вырвалъ изъ мышцы копье, у него растрезавшее тѣло,
 И къ подвизавшимся вновь отступилъ, а Политъ Деифоба,
 Братья уязвленнаго брата, подъ грудью руками обнявши,
 Вывелъ изъ шумнаго боя, до самыхъ коней провожая: 535
 Быстрые кони его, позади ратоборства и сѣчи,
 Ждали, съ возницею вѣрнымъ и съ пышной стоя колесницей.

Къ граду они понесли Денфоба. Жестоко стекаль онъ
Болью терзаемый; кровью струилася свѣжая рана.

Но другіе сражалися; вопль раздавался ужасный.

540

Бурный Эней, налетѣвъ, Афарея, Калетора сына,
Дротомъ въ гортнть, на него нападавшаго, острый ударилъ:
На бокъ глава преклонилася; падшаго сверху натиснулъ
Щитъ и шеломъ и надъ нимъ душеснѣдная смерть распростерлась.

Несторовъ сынъ, обращеннаго тыломъ Фоона примѣтивъ,

545

Прянулъ и ранилъ убийственно, жилу разсѣкъ совершиенно,
Съ праваго бока хребта непрерывно идущую къ выѣ,
Всю совершенно разсѣкъ: зашатавшися, навзничъ на землю
Паль онъ, дрожащія руки къ любезнымъ друзьямъ простирая.
Несторовъ сынъ наскочилъ и срываль доспѣхи съ Троянца,

550

Вокругъ озиравъ; его же Трояне, кругомъ обступивши,
Въ щитъ легкометный, широкій кололи кругомъ, но напрасно:
Мѣдью жестокой ниже не коснулися къ бѣлому тѣлу
Славнаго внука Нелеева: богъ Посидонъ могущій
Самъ охранялъ Несторида, вездѣ и подъ тучю копій,

555

Ибо вдали отъ враговъ не стояль онъ, межъ ними носился.
Въ длані его не покоился дротъ, трепеталъ безпрестанно,
Къ бою колеблемый; онъ безпрестанно намѣчивалъ острый
Или на дальняго ринуть, или на близкаго грянуть.

Скоро его Адамасъ, намѣчавшагося дротомъ, примѣтиль,

560

Азіевъ сынъ, и, къ нему устремившися, острою мѣдью
Грянулъ въ средину щита; но ея остріе обезсилиль,
Въ жизни героя врагу отказавъ, Посидонъ черновласый;
И копья половина, какъ коль обожженный, осталася

565

Въ кругѣ щита, половина тупая упала на землю.

Бросился къ сонму друзей Адамасъ, избѣгая отъ смерти.

Быстро его Меріонъ и настигъ, и сверкающимъ дротомъ

Между стыдомъ и пупомъ ударилъ бѣгущаго, въ мѣсто,

Гдѣ наиболѣе рана мучительна смертнымъ несчастнымъ,

Тамъ онъ его поразилъ. И на дротъ онъ упавши, вокругъ мѣди

570

Бился, какъ воль несмиренный, котораго пастыри мужи,

Какъ ни упорень онъ, силой связавши арканомъ, уводятъ,—

Такъ онъ, прошолотый, бился въ крови, но не долго: не медля

Храбрый къ нему Меріонъ приступиль, копіе роковое

Вырвалъ изъ тѣла, и смертный мракъ осѣниль его очи.

575

Тутъ Геленъ Деилира еракійскаго саблей огромной

Рѣзко въ високъ поразилъ, и шеломъ съ него сбилъ коневласы.

Сбитый, на землю онъ палъ, и какой-то его Аргивянинъ,

Между толпою бойцовъ подъ ногами крутящійся, поднялъ;

- Очи вождя Дениира глубокая ночь осьнила, 580
 Жалость взяла Менелая, отважного въ битвахъ Атрида;
 Выступилъ онъ, угрожая ударомъ Гелену герю,
 Острымъ копьемъ потрясая; Гелень же изладился лукомъ.
 Оба они соступились; одинъ занесенную пику
 Бросить пылая, другой съ тетивы наведенную стрѣлу: 585
 И Гелень Менелая по персамъ умѣтиль пернатой
 Въ лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
 Такъ, какъ съ широкаго вѣяла, сыпясь по гладкому току,
 Черные скачутъ бобы, иль зеленые зерна гороха,
 Если на вѣтеръ свистящій могучій ихъ вѣятель вскинетъ,— 590
 Такъ отъ блистательныхъ лать Менелая, высокаго славой,
 Сильно отпрянувъ, стрѣла на побоище пала далеко.
 Сынь же Атреевъ, герой Менелай, копіемъ Пріамида
 Въ длань поразилъ, вооруженную лукомъ блестищій, и къ луку
 Длань, проколовши нас kvозъ, пригвоздило копейн е жало. 595
 Къ сонму друзей, убѣгая отъ смерти, Гелень обратился,
 Руку повѣсивъ, и ясенный дротъ волочился за нею.
 Но его изъ руки извлекъ благодушный Агenorъ,
 Руку жъ ему повязалъ искусственно свитою волной,
 Мягкой повязкой, клевретомъ всегда при владыкѣ носимой. 600
- Сильный Пизандръ, между тѣмъ, супротивъ Менелая героя
 Выступилъ: злая судьбина его увлекала къ предѣлу,
 Да тобой, Менелай, укротится онъ въ пламенной битвѣ.
 Чуть соступились оба, идущіе другъ противъ друга,
 Ринулъ Атридъ и невѣро: копье его въ бокъ улетѣло. 605
 Ринулъ Пизандръ и копьемъ у Атрида, высокаго славой,
 Щитъ поразилъ; по нас kvозъ не успѣлъ онъ оружія выгнать:
 Мѣдянный щитъ удержаль; копье сокрушилось у трубки.
 Радость объяла Пизандрово сердце: онъ чаялъ побѣды.
 Но Менелай, изъ пожень исторгнувшій мечъ среброгвоздный, 610
 Грязнулъ, герой, на Пизандра, а сей изъ-подъ круга щитнаго
 Выхватилъ мѣдный красивый топоръ, съ топорищемъ оливнѣмъ,
 Длиннѣмъ, блистательно гладкимъ, и оба сразилися разомъ.
 Сей поражаетъ по выпускѣ шлема, косматаго гривой,
 Около самого гребня, а тотъ наступавшаго по лбу, 615
 Вверхъ переносицы: хряснула кость, и глаза у Пизандра,
 Выскочивъ, подлѣ него на кровавую землю упали;
 Самъ опрокинулся онъ; и, пятой наступивши на перси,
 Броню срываль и, гордясь, воскликалъ Менелай побѣдитель: 619
 „Такъ вамъ оставить и всѣмъ корабли быстроконныхъ Danaevъ,
 Вамъ, вѣроломцы Трояне, несытые нагубной бранью!

Большой обиды и срама искать вамъ не нужно, какими,
Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грозного гнѣва
Вы не страшились гремящаго Зевса; по гостепріимства
Онь покровитель и нѣкогда градъ вашъ разсыплетъ высокій! 625
Вы, у мене и младую жену, и сокровища дома
Нагло похитивъ, ушли, угощенные дружески въ домѣ!
Нынѣ жъ пылаете вы на суда мореходныя наши
Гибельный бросить огонь и избить героеvъ Ахейскихъ!
Но укротять наконецъ васъ, сколько ни алчныхъ къ убийствамъ! 630
Зевсъ Олимпійский! премудростью ты, говорять, превышаешь
Всѣхъ и бессмертныхъ, и смертныхъ; все изъ тебя истекаетъ.
Что же, о Зевсъ, благосклонствуешь ты племенамъ нечестивымъ,
Симъ Фригіапамъ, пасильствами дышащимъ, ввѣкъ по могущимъ 634
Лютымъ убийствомъ насытиться въ брани, для всѣхъ ненавистной!
Всѣмъ человѣкъ насыщается: спомъ и счастливой любовью,
Пѣсцемъ сладостнымъ и восхитительной пляской невинной,
Болѣ пріятными, болѣ желанными каждаго сердцу,
Нежели брань, но Троюне не могутъ насытиться бранью!" 640
 Рекъ и, оружія съ тѣла, дымящіяся кровью, сорвавши,
Отдалъ клевретамъ своимъ Мецелай, предводитель народовъ,
Самъ же, назадъ обратясь, съ передними сталь на сраженье.
Тамъ на него настѣль Гарпаліонъ, царя Нилемена
Доблестный сынъ: за отцомъ онъ любезнымъ послѣдовалъ къ брани,
Въ Трою Пріама, но въ отческій домъ не пришелъ, несчастли-
вецъ! 645
 Онъ Менелаю царю по срединѣ щита, налетѣвши,
Нику воизпль, но пасквозь не успѣль оружія выгнать
И обратно къ друзьямъ, чтобы отъ смерти спастись, побѣжалъ онъ,
Вокругъ озираясь, да тѣла враждебная мѣдь не постигнетъ.
Но Меріонъ на бѣгущаго мѣдной стрѣлою ударили; 650
 Въ правую сторону зада воизплась стрѣла и далеко,
Сетрая, въ самый пузырь, подъ лобковою костью проникла,
Тамъ же онъ скорчась присѣль и, въ объятіяхъ друговъ любезныхъ,
Духъ испуская, упалъ и, какъ червь, по землѣ протянулся;
Черная кровь выливалась и землю подъ пінь увлажжала. 655
 Окрестъ его Пафлагоніе вѣрные засуетились;
Тѣло, поднявъ въ колесницу, они въ Илонъ провожали,
Грустные: шель между нихъ и отецъ, проливающій слезы,
Ибо не могъ онъ врагамъ отомстить за убитаго сына.
 Но Парисъ за него справедливо местю вспыхнулъ: 660
 Гостемъ онъ былъ у него, посѣгивши народъ Пафлагонійский.
 Онъ, за него отомщая, послалъ мѣдноожальну стрѣлу.

Былъ Эвгеноръ межъ Ахейцами, сынъ Поліса пророка,
Мужъ знаменитый, богатый Коринеа цвѣтушаго житель;
Участь свою онъ несчастную зналъ и отпалилъ къ Илону. 665
Часто ему говорилъ Поліадъ добродушный, что долженъ
Сть иль отъ немощи тяжкой въ отеческомъ домѣ скончаться,
Иль въ бою, подъ судами Ахейскими, насть отъ Пергамия.
Но избѣгалъ Эвгеноръ, какъ отъ пени постыдной Ахейцамъ,
Такъ и отъ немощи тяжкой бесплодно страдать не желая. 670
Храбраго въ челюсть, подъ ухо Царисъ поразилъ, и мгновенно
Жизнь отлетѣла, и страшиная тьма Эвгенора объяла,
Такъ оподченья сражались, огнямъ подобно свирѣпымъ.
Гекторъ же, Зевса любимецъ, вдали не слыхалъ и не вѣдалъ,
Какъ предъ судами, на лѣвомъ концѣ, поражаемо было 675
Войско его отъ Ахеянъ, и скоро бы слава Ахеянъ
Нелной была надъ Троинами: такъ ободряль Посидонъ
Души Ахеянъ и силою собственной самъ побораль имъ.
Гекторъ воинствовалъ, гдѣ незадолго въ ворота влетѣлъ онь,
Самъ разорвавши густые ряды Аргивянъ щитоносцевъ, 680
Тамъ, гдѣ суда и Аякса, и Протезилая стояли,
Моря сѣдого на брѣгъ извлеченные, гдѣ Аргивяне
Самую низкую вывели стѣну и гдѣ превосходныхъ
Пламенныхъ коней и воевъ ряды на сраженіе стали.
Тамъ Беотіанъ отважныхъ, Іоновъ длиннохитонныхъ, 685
Фтіанъ и Локровъ и славныхъ Энеанъ сложившіяся рати
Всѣ на суда нападавшаго съ нуждой держали, но вовсе
Силь не имѣли отбить Пріаміда, подобшаго бурѣ.
Вон Афинскіе были отборные; ихъ ополченье
Вель Штейнъ Менесіей и за нихъ устремлены дружинны 690
Фидасъ, и Стихій, и Біасъ герой. Знаменитыхъ Энеанъ
Вель Амфіонъ, и Мегесь Філайдъ, и воинственный Дракій.
Фтіанамъ предшествовалъ Медоянъ и дышащий бочемъ Подаркесъ
(Мелонъ, сынъ незаконній владыки мужей Оидея,
Былъ Оидея Аякса юнѣйший братъ, но въ Філакѣ 695
Жилъ, далеко отъ отечества, бросивъ его жесть убийца,
Мачехи брата убивъ. Оидея жены, Фріанъ.
Храбрый Подаркесъ Ніфиковъ быть сынъ, Філакијовъ потомокъ).
Она оти, впереди прѣдъ дружинами юноши Фтіанскихъ,
Езинъ, суда бороды, съ Беотіанами вѣсть сражаніе. 700
Быстрои Аяксы пылали не оставатъ отъ жесточаго брата;
Близъ Геллонида онь, ни на шагъ не отступили, держался.
Три излучинные волны по глубокому надѣ стеною
Черные, крѣпостью юные, кудѣтъ многослойный волочатъ;

Поть при корняхъ ихъ роговъ пробивается крупный, по дружно, 705
 Оба единыи блестящимъ ярмочъ едва раздѣляясь,
 Дружно идутъ полосой и земли глубину раздираютъ, —
 Такъ и Аяксы, сложася, держались одинъ близъ другого.
 Вслѣдъ Теламонова сына стремилися многіе мужи,
 Храбрые, ратные други; они его щить принимали, 710
 Если усталость и поть изнуряли колѣна герою,
 Но за вождемъ Олидомъ никто не стремился изъ Локровъ:
 Духъ не вытерпивалъ ихъ рукопашного, стойкаго боя;
 Воинство ихъ не имѣло ни мѣдяныхъ съ гривой конской 714
 Шлемовъ, ни круглыхъ щитовъ, ни возвышенныхъ ясенныхъ коні;
 Только на вѣрные луки и волну, скрученную въ пращи,
 Локры надѣясь пришли къ Иліону, и ими на битвахъ,
 Быстро и мѣтко стрѣляя, Троянъ разрывали фаланги.
 Тутъ, какъ одни впереди блестящимъ оружiemъ разныи
 Бились съ дружинами Трои и съ Гекторомъ мѣднодоспѣшныи, 720
 Локры стрѣляли, держася позади,—и уже забывали
 Бранную храбрость Трояне: смущали ихъ стрѣлы густыя.
 Худо бѣ имъ было, съ стыдомъ отъ судовъ и отъ кущей Ахейскихъ
 Трои сыны отступили бѣ подъ шумную вѣтрами Трою,
 Если бѣ отважнаго Гектора Полидамас не подвигнула: 725
 „Гекторъ, жестокій ты мужъ, чтобы другихъ убѣжденія слушать
 Богъ передъ всѣми тебя одарилъ на военное дѣло,
 Ты жъ и совѣтовъ мудростью всѣхъ перевысить желаешь!
 Нѣть, совокупно всего не стяжать одному человѣку,
 Богъ одного одаряетъ способностью къ браини, другому 730
 Зевсъ, промыслитель превыспрений, въ перси разумъ влагаетъ.
 Свѣтлый: плодами его племена благоденствуютъ смертныхъ;
 Оныи и грады стоять, но стяжавшій сугубо имъ счастливъ.
 Гекторъ! склонися къ совѣту, который мнѣ кажется лучшимъ.
 Битва вездѣ предъ тобою, какъ огнепный кругъ, пламенѣть; 735
 Мужи Троянскіе, послѣ того какъ ворвалися въ стѣну,
 Съ боя одни удалились съ оружiemъ, прочие спорятъ
 Въ слабыхъ толпахъ противъ множества, вдоль кораблей растянувъ
 шись.
 Съ бои сойди и сюда призови ратоводцевъ храбрѣйшихъ.
 Здѣсь мы важнѣйшее дѣло рѣшимъ совѣщаемъ общимъ: 740
 Разомъ ли намъ на суда многомѣстныя ратью ударить,
 Если бы богъ даровалъ одолѣніе, или не медля
 Вспять отъ судовъ обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
 Я трепещу, да вчерашнаго намъ не отплатить Ахейцы
 Долга кроваваго: мужъ при судахъ, пенасытній бранью. 745

Ждеть насть, который едва ли удержится вовсе отъ боя“.

Такъ говориль онъ, и Гекторъ одобриль совѣтъ справедливый;
Быстро съ своей колесницы съ оружiemъ пранулъ на землю
И ему отвѣчалъ, устремля крылатыя рѣчи:

„Полидамасъ, удержи ты здѣсь предводителей храбрыхъ; 750
Дальше пойду я и противостану пылающей битвѣ.
Я возвращуся не медля, вождамъ повелѣнія давши“.

Рекъ и понесся великий, горѣ подъ сѣгами подобный;
Съ крикомъ призывнымъ толпы облеталь онъ Троянъ и союзныи.
Всѣ къ Паноиду, любителю мужества, Полидамасу, 755
Бросились быстро Дарданцы, - услышавши Гектора голосъ.
Онъ же Гелена царя, благороднаго брата Дейфоба,
Азія, вѣтвь Адамаса, и Азія, отрасль Гиртака,
Ходя по сонмамъ переднимъ, искалъ, не найдетъ ли героеvъ. 759
Ихъ онъ нашелъ, но не всѣхъ невредимыхъ, не всѣхъ средь живу-
щихъ:

Въ пракѣ изъ оныхъ одни, у судовъ мореходныхъ Данайскихъ,
Блѣдны лежали, подъ силой Danaevъ предавшie души,
А другie страдали подъ язвами стрѣлъ или копiй.
Только Париса брата, супруга Елены прекрасной,
Скоро нашелъ онъ на лѣвомъ концѣ истребительной браны, 765
Духъ ополченiй своихъ ободрявшаго къ крѣпкому бою.
Ставъ передъ нимъ, укоризненнымъ голосомъ Гекторъ воскрикнулъ:
„Видомъ лишь гордый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прель-
ститель!

Гдѣ у тебя Денфобъ и Геленъ, повелитель народа?
Оеріоней знаменитый, Гиртакидъ воинственный, Азій, 770
Гдѣ Адамастъ? Погибаєтъ сегодня, съ высотъ упадаетъ
Троя святая! Сегодня твоя исибирѣжна погибель!“

Быстро ему возвразилъ Пріамидъ Александъ боговидный:
„Нынѣ угодно тебѣ обвинять и безвинного, Гекторъ!
Прежде я болѣе могъ перадивымъ во брани казаться,
Прежде, не нынѣ, мели не безъ доблести матери родила.
Съ часу, какъ ты предъ судами кровавую битву воздвигнуль,
Съ онаго часу и мы съ Аргивянами здѣсь безпрерывно
Сходимся въ бой, по друзей потеряли, которыахъ ты назвалъ.
Только герой Денфобъ и Геленъ, повелитель народа, 780
Съ боя сошли, отъ могучихъ враговъ пораженные оба
Коцьми длиными въ руки; но Зевсъ ихъ избавилъ отъ смерти.
Гекторъ, веди насть, куда ни влекомъ ты безтренетнымъ сердцемъ.
Всѣ мы горимъ за тобою постѣдовать; въ храбости нашей,
Льщусь, не найдешь недостатка, некуда намъ силы достанеть, 785

Выше же силы, хотя бъ и пылалъ кто, не можетъ сражаться!“

Такъ говоря, укротилъ онъ великаго Гектора душу.

- Ринулись оба, гдѣ болѣе битва и сѣча кипѣла
 Вокругъ Кеброна вождя, непорочнаго Нолидамаса,
 Фалка, Орея, подобнаго богу вождя Полифита,
 Пальма, Асканія, Мориса, отраслей Гиппопотіона,
 Двухъ воеводъ, изъ Асканіи прежнимъ пришедшихъ на смыну
 Только вчера; устремилъ ихъ на брань всемогущій Кроніопъ.
 Шли на сраженье Троазе, какъ вѣтровъ неистовыхъ бура,
 Если подъ громомъ Кронидовы грозная степью несется 790
 И, съ ужаснѣйшимъ воемъ обрушилась на понтъ, воздымаетъ
 Горы клокочущихъ волнъ по немолчношумящей пучинѣ,
 Грозно пависившихъ, пѣнившихъ, однѣ, а за ними другія:
 Такъ Илонцы, сомкнувшись, одни, а за ними другіе,
 Мѣдью блеща и гремя, за своими вождями летѣли.
 Гекторъ предшествовалъ всѣмъ, смертоносному равнѣй Арею;
 Щитъ передъ грудью его обращался, кругъ необытный,
 Кожами крѣпкіи сверху обложеный множествомъ мѣди,
 Окрестъ главы у него колебался шеломъ лучезарный.
 Всѣмъ онъ фалангамъ вездѣ угрожалъ, подъ щитомъ наступая; 805
 Всѣ онъ испытывалъ ихъ, не разстроить ли наступомъ грознымъ.
 Но ничѣмъ не смущалъ онъ безстрашнаго духа Danaeъ.
 Сынъ Теламоновъ его вызывалъ, широко выступая:
 „Ближе, герой, подойди! И зачѣмъ издали ты пугаешь
 Воиновъ Аргоса? Въ бранномъ искусствѣ и мы не невѣжды; 810
 Мы лишь Кронидовы тяжкимъ бичомъ смирены, Аргивяне.
 Вѣрно, ты въ сердцѣ надеждой горишь уничтожить сегодня
 Наши суда? Но цѣлы и у насть на защиту ихъ руки!
 И вѣрѣ, что прежде съ высокими башнями градъ вашъ
 Нашиими будетъ руками и взять, и во прахъ ниспрoverженъ! 815
 День недалекъ, объявило тебѣ, какъ и самъ ты, бѣгущій,
 Пламенно станешь молить и Зевеса, и всѣхъ Олимпійскихъ,
 Ястребовъ шибче да будутъ твои долгогривые кони,
 Коихъ погонишь ты въ градъ, подымая лишь пыль по долинѣ“.
- Онъ говорилъ, и незапо падь нимъ заширялася вправѣ 820
 Птица, орель небопарный. Вскричали Ахейскія рати,
 Всѣ ободренныя чудомъ. Но Гекторъ безстрашно отвѣтилъ:
 „Праздные звуки, Аякѣ, велерѣчишь, огромностю горды!“
 Если бы столько же вѣрно я сынъ громовержца Зевеса
 Былъ, безконечно живущій, отъ Геры богини рожденный, 825
 Славимый всѣми, какъ славится Фебъ и Аѳина Паллада,
 Сколько то вѣрно, что день сей погибель несетъ Аргивяпамъ

Всемъ совершенно! Погибнешь и ты, коль отважишься нынѣ
Встрѣтить мой дротъ сокрушительный: онъ у тебя растерзаетъ
Нѣжное тѣло, и птицъ ты пустынныхъ и псовъ Иліонскихъ 830
Тукомъ насытишь своимъ, предъ судами Ахейскими павшій!“

Такъ произнесъ и пошелъ онъ впередъ. Устремились Трояне
Съ крикомъ ужаснымъ; крикнули съ ними и заднія рати;
Крикнули вмѣсть и рати Danaeovъ: они не теряли
Мужества и нажидали удара героевъ Троянскихъ. 835
Крикъ ихъ взаимный дошелъ до энтра и свѣтовъ Зевса.

ПѢСНЬ XIV.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Несторъ, устраженный необыкновеннымъ ратнымъ крикомъ, выходитъ изъ своей куши, гдѣ освѣжался питьемъ съ уязвленными Махаономъ, и спѣшить узнать причину, ст. 1—26. Встрѣчу ему попадаются вожди, еще страдающіе отъ ранъ, Агамемнонъ, Діомедъ и Одиссей, по той же причинѣ вышедши въ поле. Агамемнонъ, узнавъ отъ Нестора, что стѣна пробита, совѣтуетъ приготовить корабли къ бѣгству, 27—81. Одиссей порицаетъ совѣтъ его, а Діомедъ убѣждаетъ ихъ идти къ битвѣ, невзирая на раны, чтобы, по крайней мѣрѣ, своимъ присутствіемъ ободрить воинство, 82—134. Посидаонъ, явясь идущему Агамемнону въ видѣ старца, ободряетъ его, а потомъ одушевляетъ воинство Ахейское, 135—152. Между тѣмъ, Гера, чтобы оказать еще болѣе помощи Ахеямъ, наимѣревается идти къ Зевсу и Иду и плѣнить его женскими прелестями; для этого украшается одеждами и благовоніями, выпрашивается у Киприды поясъ ея, 153—230, въ Лемпѣ убѣждаетъ Сонъ слѣдовать съ нею и вспомоществовать ей; предстаетъ Зевсу на Идѣ, воспламеняетъ его любовью и въ своихъ объятіяхъ усыпляетъ, 231—351. Тогда Посидаонъ, Герою вспомоществуемый, успѣхъ битвы преклопаетъ рѣшительно на сторону Ахеянъ, 352—401. Гекторъ, отъ Аякса великаго пораженный камнемъ, лишается чувствъ и друзьями выносится изъ боа, 402—439. Ахеи, воодушевленные новымъ мужествомъ, отражаютъ Троянъ отъ кораблей, и болѣе всѣхъ отличается Аяксъ младшій въ преслѣдованіи бѣгущихъ, 440—522.

Крикъ неспокойно услышалъ и Несторъ, подъ сѣнью пьющій;
Быстро къ Асклепію сыну крылатую рѣчъ устремилъ онъ:
„Что, благородный Махаонъ, изъ дѣлъ сихъ нерадостныхъ будетъ?
Крикъ при судахъ возрастаетъ воинственныхъ юношей нашихъ.
Другъ, сиди у меня и благринымъ виномъ укрепи планилъ;”

Такъ онъ на сонмѣ грозился,— и все совершается нынѣ!
Боги! такъ всѣ ополченія мѣднооружныхъ Данаевъ 49
Ненависть въ сердцѣ ко мнѣ, какъ Пелидъ быстроногий, питають,
Если сражаться они не хотятъ при кормахъ корабельныхъ!“

Быстро Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Такъ, Агамемнонъ, свершается все! и уже не возмогъ бы
Самъ Громовержецъ того, что свершилось, устроить иначе!
Ила твердыня Ахеянъ, которая, мы уповали, 55
Намъ отъ враговъ и судамъ перущимой защитою будетъ.
Но враги при судахъ безпрестанной, упорною битвой
Вкругъ нась тѣснятъ, и уже не узнаешь, внимательно смотря,
Гдѣ Аргивяне тѣснимые въ большемъ разстройствѣ мятутся.
Всюду смятенье, убийство, и вопль раздается до неба! 60
Други, помыслимъ, какое изъ дѣлъ сихъ послѣдствіе будетъ?
Можетъ быть, разумъ поможетъ. Но въ битву вступать, воиновъ,
Я не совѣтую вамъ; уязвленнымъ не должно сражаться“.

Нестору вновь говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ;
„Несторъ, если ужъ бой при кормахъ корабельныхъ пылаетъ, 65
Если не въ помощь ни валъ намъ высокий, ни ровъ, для которыхъ
Столько трудовъ мы терпѣли, которые, мы уповали,
Намъ отъ враговъ и судамъ нерушимой защитою будутъ,—
Нѣть сомнѣнія, Зевсу всесильному видѣть угодно
Здѣсь, отъ Геллады далеко, Ахеянъ безславно погибшихъ! 70
Было то время, какъ ревностно онъ защищалъ и Ахеянъ;
Нынѣ, я вижу, онъ Трои сыновъ, какъ бессмертныхъ блаженныхъ,
Славой вѣнчастъ, Ахеицамъ же силы и руки сковаль онъ!
Слушайте жъ, други, одинъ мой совѣтъ и его мы исполнимъ;
Первый наши суда, находящіяся близко пучинѣ, 75
Двинемъ не медля и спустимъ ихъ всѣ на священное море;
Станемъ высоко держаться на котвахъ, пока не наступитъ
Ночь безлюдная; можетъ быть, въ ночь прекратятъ нападеніе
Трои сыны, и тогда мы суда и послѣднія спустимъ.
Нѣть стыда изѣбгать отъ бѣды и подъ мраками ночи; 80
Лучше бѣжа изѣбжать отъ бѣды, чѣмъ вдаваться въ погибель!“

Косо взглянувъ на него, возгласилъ Одиссей многоумный:
„Слово какое, властитель, изъ устъ у тебя излетѣло?
Нагубный! лучше другимъ бы какимъ-либо воинствомъ робкимъ
Ты предводилъ, а не нами владѣль, не мужами, которыми, 85
Съ юности нѣжной до старости, Зевсъ подвизатъ назначилъ
Въ брапяхъ жестокихъ, пока не погибнетъ съ оружіемъ каждый!
Или ты хочешь Троянскій сей градъ многолюдный оставить,
Градъ, вокругъ которого столько ужасныхъ мы бѣдъ претерпѣли?“

- Смолки, чтобъ кто-либо здѣсь не услышалъ еще изъ Ахеянъ 90
 Рѣчи, какой никогда и въ устахъ имѣть не захочеть,
 Кто говорить разумѣеть согласное съ разумомъ здравымъ,
 Кто скіптродержецъ, кому повинуются столько народовъ,
 Сколько тебѣ, неисчисленныхъ Аргивскихъ племенъ повелитель!
 Замыселъ твой порицаю я вовсе, и что ты вѣщаешь! 95
 Ты предлагаешь теперь, въ продолженіе боя и смуты,
 Въ море спускать корабли, да желанное сердцу Троюнамъ,
 Въ браны и такъ торжествующиа, сбудется все, а надъ нами
 Грозная гибель надъ всѣми обрушится! Ибо Ахейцы
 Боя не выдержать, если суда повлекутся на волны: 100
 Вспять озираться начнутъ и оставлять воинскую доблесть,
 И твои насы совѣты погубятъ, правитель народа!“
- Быстро восклинуль тогда повелитель мужей Агамемнонъ:
 „О, Лагертидъ! поразилъ ты глубоко упрекомъ жестокимъ
 Душу мою; но Ахеянамъ я не даю повелѣній 105
 Влечь, вопреки ихъ желаньямъ, судовъ иногомѣстныхъ на волны.
 Мужъ да предстанетъ и лучшій совѣтъ моего да предложитъ;
 Юноша онъ или старецъ—равно мнѣ пріятель онъ будетъ*.
- И межъ нихъ взговорилъ Діомедъ, воеватель безстрашный:
 „Мужъ сей предъ вами! не долго искать его, если угодень 110
 Добрый совѣтъ; но меня да не презрить никто, оскорбляясь
 Тѣмъ, что начну говорить между вами, героями, младшій.
 Самъ справедливо горжусь я отца знаменитаго родомъ,
 Кровью Тидея, котораго въ Оивахъ сокрыла могила.
 Три непорочныя сына на свѣтъ рождены отъ Парея; 115
 Жили въ Илевронѣ и въ тучной землѣ, Калидонѣ гористомъ,
 Агрій и Меласъ, а третій изъ нихъ былъ Иней конеборецъ,
 Дѣлъ мой, Тидеевъ отецъ, знаменитѣйшій доблестью всѣхъ ихъ.
 Тамъ же и они обиталь: но родитель мой въ Аргосѣ укрылся,
 Долго скитавшійся: зевсъ и бессмертные такъ восхотѣли. 120
 Дочери Адрасты избралини супругою, дому владыка,
 Благами жизни богатый, доволюко имѣть энъ обширныхъ
 Ниръ хлѣбородныхъ, множество разныхъ садовъ плодоносныхъ,
 Множество стадъ сиѣ имѣть, и Ахейскии мужей коньеборствомъ
 Всѣхъ превышать; но сіе вы, гань истину, слышали сами, 125
 Зная жъ, пари, что и я не прозрѣннаго племени отрасль,
 Вы не презрите совѣтъ, который скажу я свободно:
 Въ битву пойдемъ, неизѣрая на раны: совѣтъ непрѣбѣжимъ!
 Тамъ мы покажемся ратамъ, но боя удержаныя, ставши
 Одаль отъ стрѣль, чтобы кто-либо раны на рану не принялъ; 130
 Только другихъ поощримъ на сраженіе: множество ратныхъ,

Слабыиъ сердцамъ угождая, стоять вдалекѣ, не сражаясь“.

Такъ говорилъ,— и, внимательно слушавъ, цари покорились,
Къ битвѣ пошли, и предшествовалъ имъ Агамемнонъ державный.

Тою порой не вотще соглядалъ Посидонъ земледержецъ: 135
Онь воеводашъ явился подъ образомъ древняго мужа,
Взяль за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Царь Агамемнонъ! теперь Ахиллесово ирачное сердце 139
Съ радости въ персяхъ трепещетъ, какъ гибель и бѣство Данаевъ
Онь созерцаеть! и нѣтъ у него ни малѣйшаго чувства!
Пусть же онъ такъ и погибнетъ, и богъ постыдить горделивца!
Ты жъ, Агамемнонъ, не вовсе блаженнымъ богамъ ненавистенъ;
Можетъ быть, скоро Троянскихъ племенъ и вожди, и владыки
Прахъ по широкому полю подымутъ; можетъ быть, скоро 145
Ты ихъ увидиши бѣгущихъ отъ нашихъ судовъ и отъ кущей“.

Рекъ онъ и съ крикомъ ужаснымъ понесся стремительно полемъ.
Словно какъ девять, иль десять бы тысячу восклинули разомъ
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву,—
Гласомъ изъ персей такимъ колебатель земли Посидонъ 150
Грянулъ межъ воинствъ и каждому въ сердце Ахейцу вдохнулъ онъ
Бурную силу, безъ устали вновь воевать и сражаться.

Гера, царица златопрестольная, ставъ на Олліпѣ,
Взоры свои съ высоты устремила и скоро узнала
Быстро уже пролетавшаго поприще славнаго боя 155
Брата и деверя мощнаго; радость проникла ей въ душу.
Зевса жъ, на высяхъ сидящаго Иды, потоками шумной,
Гера узрѣла, и былъ ненавистенъ онъ сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Какъ обольстить ей божественный разумъ царя Эгіоха? 160
Лучшею сердцу богини сія показалася дума:

Зевсу на Идѣ явиться, убранствомъ себя изукрасивъ.
Можетъ быть, онъ возжелаетъ почтить и любви насладиться,
Видя прелестъ ея, а она и глубокій и сладкій,
Можетъ быть, сонъ пролѣть на зѣницы его и па разумъ. 165
Гера вошла въ почивальную, которую сынъ ей любезный
Создалъ Гефестъ. Къ вереямъ примыкались въ ней плотныя двери
Тайны запоръ, никѣмъ отъ бессмертныхъ еще неотверстые.
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестящіе створы;
Тамъ амврозической влагой она до малѣйшаго праха 170
Съ тѣла прелестнаго смывъ, умастила масломъ чистѣйшимъ,
Сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нея благованій:
Чуть сотрясали его въ мѣдиостиномъ Крониона домѣ,

- Вдругъ до земли и до неба божественный духъ разливался.
Имъ умастивши прекрасное тѣло, волосы расчесала, 175
Хитро синела и сложила, и волны блестательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небеснодушистыхъ, съ безсмертной главы ниспустила.
Тою душистой одѣлася ризой, какую Аѳина,
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ узоровъ;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула, 180
Стань опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнymъ,
Въ уши прекрасныя серги съ тройными подвѣсами вѣгла,
Ярко игравшія: прелесть кругомъ отъ богини блестала.
Легкинь покровомъ главу осѣнила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, который, какъ солнце, сияль бѣлизною. 185
Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы велѣшней плесницы.
Такъ, для очей восхитительнымъ тѣло украсивъ убранствомъ,
Вышла изъ ложинцы Гера и Зевсову дочь Афродиту
Вдали отъ безсмертныхъ другихъ отозвала и ей говориша:
„Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мнѣ исполнить? 190
Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня сокрываю
Гнѣвъ, что я за Danaeъ, а ты благосклонна Троянамъ?“
Ей отвѣчала немедленно Зевсовы дочь Афродита:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велить мнѣ, 195
Если исполнить могу я и если оно исполнимо“.
Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ сладкихъ желаній,
Коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ и смертныхъ.
Я отхожу далеко, къ предѣламъ земли многодарной, 200
Видѣть безсмертныхъ отца, Океана, и матеръ, Теису,
Кои питали меня и лелеяли въ собственномъ домѣ,
Юную взявши отъ Рен, какъ Зевсъ безпредѣльно гремящій
Крона подъ землю низвергъ и подъ волны безилодного моря.
Ихъ я иду постыть, чтобы раздоры жестокіе кончить. 205
Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа
Долго чуждаются боги: вражда имъ вселилася въ души.
Если родителей я примирю моими словами,
Если па одру возведу, чтобы вновь сочетались любовью,
Вѣчно остануся я и любезной для нихъ, и почтенной“. 210
Ей, улыбаясь пѣнительно, вновь отвѣчала Киприда:
„Мнѣ невозможно, не должно твоихъ отвергать убѣждений:
Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемощнаго Зевса“.
Такъ говоря, разрѣшила на песяхъ иглой испещренный
Поясь узорчатый: всѣ обазнія въ немъ заключались: 215

Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и просьбы,
Лъстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.

Герѣ его подала и такія слова говорила:

„Вотъ мой поясъ узорный, на лонѣ сокрой его, Гера!
Въ немъ заключается все, и въ черготи Олимпа, надѣюсь, 220
Ты не прѣдешь, не исполнившія пламенныхъ сердца желаній“.

Такъ изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера
И съ улыбкой скрыла блистательный поясъ на лонѣ.
Къ сонму боговъ возвратилася Зевсовы дочь Афродита.
Гера же, вдругъ устремившись, оставила выси Олимпа. 225
Вдругъ пролетѣла Шіріи холмы, Эмаеі долы,
Быстро промчалась по снѣжнымъ горамъ Оракіапъ быстрокопытъ,
Выше утесовъ царя и сточами земли не касаясь,
Съ гордой Аооса вершины сошла на волнистое море,
Тамъ ниспustилася въ Лемнѣ, Фоасовомъ градѣ священному, 230
Тамъ со Сномъ повстрѣчалася, братомъ возлюбленнымъ Смерти,
За руку бога взяла, называла и такъ говорила:

„Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей, всѣхъ земнородныхъ!
Если когда-либо слово мое исполнять ты охотно,
Нынѣ исполни еще: благодарность моя безпредѣльна. 235
Сонъ, усыни для меня Громодержцевы ясныя очи
Въ самий тотъ мигъ, какъ на ложѣ приму я въ объятія бога.
Въ даръ отъ меня ты получиши тропъ велелѣтній, нетлѣтній,
Златомъ сіающій: сынъ мой, художникъ Гефестъ хромоногій,
Самъ для тебя сотворить и подиожемъ пышнѣмъ украсить, 240
Нѣжныя ноги тебѣ на пиршствахъ сладкихъ поконть“.

Герѣ державной ис медля отвѣтствовалъ Сонъ уладитель:
— Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
Каждаго я изъ боговъ, населяющихъ небо и землю,
Сномъ одолѣю легко; усыплю я и самыя волны 245
Древней рѣки Океана, отъ коего все родилося...
Къ Кронову жь сыну, царю, и приблизиться я не посмѣю,
Въ сонъ ис склоню Громодержца, доколѣ не самъ повелитъ онъ.
Помню, меня опѣ и прежде своей образумилъ грозою,
Въ день, какъ возвышенный духомъ Гераклъ, порожденный Зеве-

сомъ, 250
Илыль отъ бѣговъ Иліона, Троинскаго града рушитель:
Въ оный я день сбаяль Эгюха всесильнаго разумъ,
Сладко разлившияся; ты жь устроила напасти Гераклу;
Ты неистовыхъ вѣтровъ воздвигнула бурю на морѣ,
Сына его да иeko отъ друзей, далеко отъ отчизны, 255
Бросили къ берегу Кеоса. Воспрянулъ Кроныль и грозою

Всѣхъ по че́ртогу разсыпалъ бе́зсмертныхъ; меня наипаче
Гнѣвный искалъ и на гибель съ неба забросилъ бы въ море,
Еслы бы Но́чь не спасла, и бе́зсмертныхъ, и смертныхъ царица. 259
Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укротилъся, какъ ни былъ разгневанъ,

Зевсъ молнелюбецъ: священную ночь оскорбить онъ страшился.
Ты же велиши мнѣ опять посягнуть на опасное дѣло!“

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
„Сонь уладитель, почто беспокойныя мысли питаешь?
Или ты думаешь, будетъ Троянъ защищать Громовержецъ 265
Такъ же, какъ въ гнѣвѣ своемъ защищалъ онъ любезнаго сына?
Шествуй; тебѣ въ благодарность юпѣйшую дамъ я Хариту;
Ты обоймешь наконецъ, назовешь ты своею супругой
Ту Пазиою, по коей давно всѣ дни воздыхаешь“.

Такъ изрекла и отвѣтствовалъ Сонь, восхищенный обѣтомъ: 270
„Гера, клянись перушимою клятвою, Стиksа водою;
Руки простри и коснися, одною—земли многодарной,
Свѣтлого моря—другою, да будутъ свидѣтели клятвы
Всѣ преисподніе боги, присущие древнему Крону.
Ими клянися, что мнѣ ты супругой Хариту младую 275
Дашь Пазиою, по коей давно я всѣ дни воздыхаю“.

Рекъ,— и ему покорилась лилейнораменная Гера,
Руки простерши, клялась и, какъ онъ провѣдѣль, призывала
Всѣхъ боговъ преисподнихъ, Титанами въ міръ зовомыхъ.
Ими кляялася, и страшную клятву едва совершила, 280
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна предѣлы;
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху мчались,
Скоро увидѣли Иду, звѣрей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши поигъ, божества надъ землею
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ—дубравъ потрясались вершины. 285
Тамъ разлучилися: Сонь, отъ Кронидовыхъ взоровъ таяся,
Сѣть на огромнѣйшой ели, какая въ то время на Идѣ,
Вышшая, гордой главою сквозь воздухъ въ эѳиръ уходила;
Тамъ онъ сидѣль, укрываясь подъ мрачными вѣтвями ели,
Итицѣ подобаясь звонкоголосой, виталишъ горой, 290
Въ сониѣ бе́зсмертныхъ слышавшей халкидой, у смертныхъ киминой.

Гера владычница быстро вспомнила на Гаргою высокий,
Иди горы на вершину. Увиѣль ее Громовержецъ,
Только увиѣль,— и страсть охватила мотузую душу
Тѣмъ же отвѣть, съ лакѣемъ насладился онъ первои любовью, 295
Первыми супружескими ложемъ, отъ мнѣній рѣшителей тайныхъ.
Быстро супругъ возсталъ Громовержецъ и быстро восклинуль:

„Гера супруга! почто же ты шествуешь такъ оть Олимпа?
Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы не вижу“.

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера: 300
„Я отхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ земли даровитой,
Видѣть безсмертныхъ отца, Океана, и матери, Теоизу.
Боги питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ.
Ихъ я иду постыть, чтобы раздоры жестокіе кончить.
Долго, любезные сердцу, обѣятій и брачнаго ложа 305
Долго чуждаются боги: вражда имъ вселилася въ души.
Кони при мнѣ, у подошвы обильной потоками Иды
Ждуть и оттолѣтъ меня и по сушѣ помчать, и по влагѣ.
Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ Олимпа,
Ты на меня, о супругъ, не разгневался бѣ, если безмолвно 310
Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго воды“.

Быстро отвѣтствовалъ ей воздымающій тучи Кроніонъ:
„Гера супруга, иди къ Океану и послѣ ты можешь.
Нынѣ почнемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.
Гера, такая любовь никогда, ни къ богинѣ, ни къ смертной, 315
Въ грудь не вливалася мнѣ и душою моей не владѣла!
Такъ не любиль я, плѣняся младой Иксиона супругой,
Родшую мнѣ Париса, совѣтами равнаго богу,
Ни Данаей прельстясь, блѣоногой Акризія дщерью,
Родшую сына Персея, славившаго въ сонмѣ героевъ, 320
Ни владѣя младой знаменитаго Феникса дщерью,
Родшую Криту Миноса и славу мужей Радаманта,
Ни прекраснѣйшей смертной плѣняся, Алкмено въ ювахъ,
Сына родившой героя, великаго духомъ Геракла,
Даже Семелой, родившою радость людей Діониса; 325
Такъ не любиль я, плѣняся лѣпокудрой царицѣ Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полны!“

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Страшный Кроніонъ! какія ты рѣчи, могучий, вѣщаешь? 330
Здѣсь ты желаешь почтить и обѣятій любви насладиться,
Здѣсь, на Идейской вершинѣ, гдѣ все открывается взорамъ?
Что жъ (и случиться то можетъ), если какой изъ безсмертныхъ
Насъ почившихъ увидить и всѣмъ населяющимъ небо
Злобный разскажетъ? Тогда не посмѣю, возставшая съ ложа, 335
Я въ Олимпийскій твой домъ возвратиться: позорно мнѣ будетъ!
Если желаешь и если твоей душѣ то пріятно,
Есть у тебя починальни, которую сынъ твой любезный
Создаль Гефестъ и плотнага дверь съ запоромъ устроилъ.

Revised Edition 2003 and 2007 by Michael S. Gazzaniga

349

Люблю смотреть на звезды и на землю, как вспышки
огней, как будто это магия, как будто звезды
都能够被点燃。但它们也有自己的颜色和亮度，
就像烟花一样，有的是红色的，有的是黄色的。
我喜欢看星星和看地球，就像看到
美丽的火花一样。

345

Роль и ее место в жизни мира являются чисто
богочеловеческими и включают в себя и грешки.
Другое дело, что она искажена падением грехом.
Но это не делает ее роль в мире пустой.
Сама богочеловеческая роль имеет значение.
Но сама же богочеловеческая роль есть

350

Такъ *Сергей*, не со мною въ схватку тѣмъ твой. Куштюпъ
Сынъ на ворономъ Ильинъ, въ обѣятия Генъ супруга.
Быстро же сундукъ Агависъ и обѣзательный Сильвия.
Разгости всѣхъ извѣстныхъ членъ земли Эмилии:
Самъ же я, какъ въ сѣве, въ юге, въ центрѣ, въ юго-западѣ,

355

Стали же они искать и возвести утверждение Громыко: «Ровношно, наше Исполнительное, теперь поборей за Данаевъ! Да-да ты имъ жить чѣмъ-нибудь сладу, прошу напоминать Зевса Громовержца на то, чтобы и проклятое пасхой: Господи спасибо, его не съели, и вѣю и, вскорѣ».

364

Речь и въ другомъ олицѣтъ именемъ человѣческимъ славныхъ,
Богъ съѣхъ въ облакъ Исподи къ защитѣ Ахеанъ.
Онъ послалъ имъ изъ неба златыя вѣзды, вселитиа:

Мы ли, Ахеины, окаты Ильину побуду усугубим?
Мы ли, поганчи, чтобы вязь корабли онь и славой покрылся? 365
Так же настанет оно и союзни, потому что бездействует

Гнездо въ бѣлой оболѣкѣ чистой Неподъявлѣнной.
Всѣ и въ Неподъявлѣнной измѣни не будутъ, когда сковыно
Всѣ устремлены, рѣшили стать смирующими другого!
Други, вымѣните, сковы и прѣдѣлы я, а вы покиньте:
Быстро покинете, которыми вы въ чистѣ лутине и болдине,
Черенъ ожидаетъ, шлющаго къ земли чрезъ когти речь
И, обѣнявшись, привѣтъ въ дубахъ засидя.

370

Храбро гойтея, первъ вами и сѧмъ, и не мню, чтобы Гекторъ
Могъ противъ насъ устъ эти, и чистово бурзей на битвахъ! 375
Бого мечъ осенитъ мысль, но чистомъ не величимъ владѣть,
Слабому пустъ передастъ сѧмъ, и сѧмъ да цѣть подъ великихъ".

Такъ быть вѣшать, — и съ усещаніемъ вѣтъ покорились.
Сами нари, забыли ихъ живы, стрѣли ратиныхъ:
Царь Дюшель, Одесей и державный Аригъ Агамемнонъ, 380
Царь обуха, заставя же вѣшать бояни южны.

Крѣпкій крѣпкій вздѣвалъ, отдавая слабѣйшіе слѣбы. Такъ ополчившияся пышносяющей мѣдью, Даная Двинулись; ихъ предводилъ Посидаонъ, колеблющій землю, Мечъ долголѣзвенный, страшный неся во всемощной десницѣ, 385 Равный молнии пламенной; съ нимъ невозможно встрѣтиться Въ сѣчѣ погибельной: смертнаго ужасомъ онъ поражаетъ.

Рати Троянскія ввстрѣчу построились блестательный Гекторъ. Въ оное время ужасѣйшій споръ ратоборный воздвигли Богъ Посидонъ черновласый и шлемомъ сверкающій Гекторъ, 390 Сей Иліонанъ любезныи, а тотъ Аргивянъ защищая. Море вскипѣло и волны до самыхъ судовъ и до кущей Съ ревомъ плескало, а рати сходились съ воплемъ ужаснымъ. Волны морскія не столько свирѣпыя воюютъ у брега, 395 Быстро гонимыя съ моря дыханіемъ бурнымъ Борея; Огнь истребитель не столько шумить, распыхавшись пожаромъ, Если, по дебри гористой разлившияся, лѣсъ пожираеть; Вѣтеръ не столько гремѣть по дубамъ высоко-волосымъ, Если со всею свирѣпостью онъ завываетъ, бушуя, — 400 Сколько гремѣть на побоищѣ голось Троянъ и Ахеянъ, Кои съ неистовыи воплемъ одни на другихъ устремлялись.

Первый въ Аякса копьемъ шлемобещающій Гекторъ ударилъ, Въ мигъ, какъ Аяксъ на него наступалъ, и намѣтиль онъ вѣрно: Тамъ, гдѣ на персахъ два перевѣсныхъ ремня простирались, 405 Сей отъ щита, а другой отъ меча у Аякса героя, Тамъ поразилъ, но ремни защитили. Разгнѣвался Гекторъ, Видя, что быстрая мѣдь безполезно изъ рукъ излетѣла; Къ сонму друзей отступилъ Пріамидъ, избѣгающій смерти. Но его отступавшаго вдругъ поразилъ Теламонидъ 410 Камнемъ, которые кучей, подпоры судовъ извлеченные, Тамъ у бойцовъ подъ ногами крутились. Такой подхвативши, Въ грудь, чрезъ поверхность щита, поразилъ Пріамида близъ выи, Махомъ пустивъ, какъ кубарь, и пронесся онъ, шумно кружася. Словно какъ дубъ подъ ударомъ крушительнымъ Зевса Кронида 415 Падаетъ съ корня, изъ дерева разбитаго вьется зловонный Сѣрный дымъ, и стоитъ, какъ бездушный, паденіе зревшій, Близкій прохожій: погибленъ громъ всемогущаго Зевса, — Такъ ниспровѣрглася быстро на прахъ Пріамидова крѣпость, Дротъ изъ руки полетѣль, на него навалился огромный 420 Щитъ и шлемъ, и взгрѣмѣла на немъ расщепленная броня. Съ крикомъ ужаснымъ къ нему полетѣли Ахейцы младые, Надшаго чая увлечь, и изъ рукъ на него устремили Множество пикъ, но не могъ ни единий владыкъ народовъ

- Язвы нанесть, ни ударить; не меля его окружили
 Всі храбрѣшіе: Полидамась и Эней, и Агеноръ, 425
 Лики царь Сарпедонъ, и воинственный Главкъ непорочный;
 Не было мужа, о немъ не радѣвшаго; каждый надъ падшимъ
 Выпуклый щитъ въ оборону простирая, а друзья, Пріаміда
 На руки скоро поднявъ, изъ борьбы понесли, поспѣша
 Къ конямъ ретивымъ, которые сзади сраженья и смуты 430
 Съ храбрымъ возницей и съ иышной егъ колесницей стояли.
 Кони ко граду помчали стоящаго тяжко героя.
- Но лишь примчалися къ броду рѣки прекрасно текущей,
 Есанеа пучинного, богомъ рожденного, Зевсомъ бессмертныи, 435
 Тамъ съ колесницы его положили на землю и свѣжей
 Благой лицо оросили. Вздохнуль, проглянуль онъ очами
 И, на колѣнахъ держащія, кровью изъ устъ обливался;
 Скоро опять опрокинулъ въ прахъ, и опять ему очи
 Мрачная ночь осѣнила: ударъ оглушалъ еще душу.
- Рати Ахеянъ, увидѣвши Гектора сшедшаго съ поля, 440
 Бросились жарче на гордыхъ Троянъ и возвысились духомъ.
 Первый отъ всѣхъ Аргивянъ, Оилеевъ Аяксъ быстроборный
 Сатнія смертою пробилъ, налетѣвъ съ изощренною пикой,
 Сатнія, Элонъ сына, котораго нимфа Наяда
 Энопу, пастырю стадъ, родила на берегахъ Сатніона. 445
 Сатнія славный копейщикъ Аяксъ Оилидъ, налетѣвши,
 Въ пахъ поразилъ; опрокинулъ онъ, и за трупъ Эноида
 Трои сыны и Ахеяне подняли страшную сѣчу.
 Полидамась за него, потрясая огромною пикой,
 Мстителемъ вышелъ и, бросивъ, попалъ Прооеонора въ рамо, 450
 Вѣты Ареилика: рамо пронзаетъ могучая пика,
 Въ прахъ онъ падеть и рукою хватастъ кровавую землю.
 Сынъ Паноонъ, свирѣпъ гордящійся, звучно воскликнулъ:
- „Скажетъ ли кто и теперь, что у храбраго Полидамаса
 Тщетно изъ длани могучей огромная прянула пика! 455
 Острую принялъ какой-то Ахеецъ и сю, надѣясь,
 Онъ опираясь, пойдетъ въ преисподніе домы Аида!“
- Такъ восклицаль. Огорчили Ахеяни надменнаго рѣчи,
 Больѣ жъ всѣхъ у Аякса геройскую взорвали душу;
 Подѣ него пораженный противникомъ палъ Прооеоноръ.
 Гибній Аяксъ въ отступавшаго ринулъ сверкающій дротикъ.
 Самъ Паноонидъ едва отъ погибели черной изѣгнуль,
 Пряпувши въ бокъ; по копье Архѣлохъ смертоносное принялъ,
 Сынъ Антепоровъ: ему предназначили боги погибель;
 Храбраго дротъ улучилъ въ сочетаніе выи съ главою, 460
 465

Вверхъ позвонка, и разсѣкъ у несчастнаго крѣпкія жилы:
Мощнымъ ударомъ сраженный, главой онъ, лицомъ и устами
Прежде ударился въ долъ, чѣмъ своими колѣнами, павшій.
Громко вскричалъ Теламонидъ къ Панеюсу славному сыну:

„Взоръ обрати, Панеоидъ, и повѣдай, Троянецъ, мнѣ правду: 470
Пасть за вождя Проеоенора сей не достоинъ ли воинъ?
Онъ не презрѣнныи боецъ, не презрѣннаго, кажется, рода;
Онъ Илюніанъ вождя, Антенора, смирителя коней,
Сынъ или братъ; Антенора онъ племени сильно подобенъ“.

Такъ говорилъ, несомнительно зная. Печаль поразила 475
Души Троянъ,— и пронзилъ Акамасъ Беотійца Промаха,
Мстящій за брата, котораго трупъ увлекаль Беотіецъ.
Злобно надъ павшимъ гордился и такъ восхликалъ побѣдитель:

„Нѣть, Аргиване стрѣльцы, угрозъ расточители праздныхъ! 480
Нѣть, о друзья, не однимъ боевые труды и печали
Намъ суждены: однако погибель и васъ постигаетъ!
Видите ль, воинъ и вашъ, ниспроверженный никой мою,
Крѣпко уснуль: не осталася месть за убитаго брата
Долго безъ платы! Разумѣнь, кто пекся, какъ братъ мой любезныи,
Брата въ дому по себѣ, отмстителя смерти оставилъ!“ 485

Такъ говорилъ; Аргиванъ оскорбили надменнаго рѣчи,
Болѣе жъ всѣкъ Пенелею воинственный духъ взволновали.
Бросился онъ на Троянца, но сильного встрѣтить удара
Тотъ не дерзнулъ, и герой Пенелей Илюнія свергнуль,
Отрасль Форбаса, стадами богатаго. Гермесомъ быль онъ 490
Болѣе всѣхъ изъ Пергамцевъ любимъ и богатствомъ ущедренъ,
Но отъ супруги имѣль одного Илюнія сына.
Никой его Пенелей поразилъ въ основаніе ока,
Вышибъ зрачокъ; проколовшая пика и око и черепъ
Вышла сквозь тылъ, и присѣль на побоищѣ, руки раскинувъ, 495
Юноша бѣдный; а тотъ, изъ влагалища вырвавши мечъ свой,
Въ выю съ размаха ударилъ и снесъ на кровавую землю
Голову съ мѣднымъ шеломомъ; еще смертоносная пика
Въ окѣ стояла; какъ макъ, онъ кровавую голову поднялъ,
Сонму Троянъ показалъ и гордящійся такъ говорилъ имъ: 500

„Трои сыны, извѣстите родителей славнаго сына,
Мать и отца Илюнія; пусть его въ домѣ оплачутъ!
Ахъ! и младая жена Беотіянъ героя Промаха.
Встрѣтить супруга не къ радости выйдетъ, когда изъ-подъ Трои
Мы въ корабляхъ возвратимся, младые Ахейскіе мужи!“ 505
Рекъ онъ,— и лица Пергамлянъ покрылися ужасомъ блѣдными;
Каждый сталь озираться на бѣгство отъ гибели грозной.

Заткните же мое ухо, за спину же киньте Мечи.
 Кто искъ Алмазы первыи изумри хрустальныи добычи
 Въ битвѣ, за спортузъ иль проклятейшии царя Шишловичъ? 510
 Погонъ Алекса Глазоваго откажете Ирти смертную.
 Гибельна сила, въсюла крутица пурпурная, винственная Межевь;
 Фалка сущая Алтынъ къ руки изъ Чернера отдана;
 Въжъ Мерсия Генитора изъ Марселя грабыть изумрудъ:
 Текуть изложите Царевича къ глашатию зъ Стѣнъ Чернера; 515
 Сильный Атрыдъ Гиперонора, пастырь сильныхъ народовъ,
 Въ шагъ боявой замахнъ; колея, растерзавши угробу,
 Наутиллю вырвало вѣнь; къ южнейшій речи гѣеннѣй
 Духъ властель, въ тыла Гиперонору оти покрыла.
 Было же вѣнье поразъ Олиссъ Алексъ быстроногий: 520
 Съ нимъ иль вождей не равнялся никто быстротой на ноготѣ
 Всюль Слагушакъ, который ужасъ Зевса поражаетъ.

ПѢСНЬ XV.

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Зевсъ, возвстав отъ сна, видѣть бѣгство Троянъ, Посидаона пособляющаго Ахеянамъ, а Гектора безъ чувствъ лежащаго въ полѣ, ст. 1—12. Грозно уличаетъ онъ Геру въ козняхъ ея и повелѣваетъ ей призвать отъ Олимпа Ирису и Аполлона, чтобы первую послать удалить Посидаона изъ браны, а послѣднаго возстановить силы Гектора; при семъ Зевсъ предсказываетъ участъ Патрокла, Гектора и судьбу всей браны Троянской, не могущей измѣниться, пока онъ не покараетъ Ахеянъ за оскорблѣніе Ахиллеса и не прославитъ его, какъ обѣщалъ Фетидѣ, 13—77. Гера, пришедъ на Олимпъ, извѣщаетъ боговъ о грозныхъ предопредѣленіяхъ Зевса и смущаетъ весь сонмъ ихъ; отъ нея узнаетъ Арефъ объ убієніи сына его Аскалафа и воспламеняется мѣстю: неистовство его укрощаетъ Аѳину, 78—142. Аполлонъ съ Ирисомъ представляютъ Зевсу; повелѣніе его удалиться Посидаону отъ браны, посланницей богу возвѣщенное, онъ принимаетъ съ негодованіемъ и гордыми угрозами, 143—219. Аполлонъ возстановляетъ силы Гектора, и онъ, возвратившись къ битвѣ, устрашаєтъ Ахеянъ, 220—280. Они, по совѣту Фоаса, собравши одни храбрые, еще противятся врагамъ и мужественно сражаются. Гекторъ, напавъ и на нихъ, однихъ убиваетъ, а другихъ обращаетъ въ бѣгство, предводимый Аполлономъ, который, потрясая эгидомъ, отъ Зевса ему врученнымъ, ужасаетъ Ахеянъ и гонитъ, разрушаетъ ихъ стѣну, ю засыпаетъ ровъ и уравниваетъ путь къ кораблямъ, и Троиане уже предъ кораблями жестоко тѣснятъ Ахеянъ, 281—389. Цатрокъ, увидѣвъ сю опасность, оставляетъ Эвропилу и спѣшитъ къ Ахиллесу, чтобы убѣждать его помочь Ахеянамъ, 390—404. Между тѣмъ Ахеяне крѣпко защищаютъ корабли; многіе съ той и другой стороны убиты, 405—590. Наконецъ Гекторъ, устремленный Зевсомъ, сильно нападаетъ на Ахеянъ, которые, хотя и жестоко тѣснены, въ порядкѣ отступаютъ въ ряды кораблей, 591—674. Дакъ Теламонъ

видъ отличается доблестью: вооружася шестомъ и прадаю съ корабля на корабль, одинъ отражаетъ Троянъ, съ огнемъ къ кораблямъ приступающихъ, одушевляетъ Ахеянъ, воздвигаетъ ужасную битву и геройски защищаетъ корабль Протезилая, который зажечь приступилъ уже Гекторъ, 675—746.

Въ бѣгствѣ, когда частоколь и глубокій окопъ миновали
И лишилися многихъ, руками Danaeъ попранныхъ,
Тамъ, у своихъ колесницъ удержкалися, стали Трояне,
Блѣдны отъ страха и трепетны. Въ оное время воспрянулъ
Зевсъ, на Идѣ горѣ, изъ объятій владычицы Геры. 5
Быстро воздвигшись, онъ сталъ и увидѣлъ Троянъ и Danaeъ,
Первыхъ въ разстройствѣ бѣгущихъ, а съ тыла жестоко гонящихъ
Бодрыхъ Danaeъ и между ихъ воинствѣ царя Посидона,
Гектора жъ въ полѣ увидѣлъ простертаго; окресть героя
Други сидѣли; тягостно дышащий, чувства лишенный,
Кровь извергалъ онъ: его поразиль не безсильный Danaeцъ. 10
Вида его, милосердоваль царь и бессмертныхъ и смертныхъ;
Быстро и грозно на Геру смотря, повѣщаъ Громодержецъ:
„Козни твои, о злоторная, вѣчно коварная Гера,
Гектора мощнаго съ боя свели и Троянъ устрашили! 15
Но еще я не знаю, не первая ль козней преступныхъ
Вкусишь ты плодъ, какъ ударами молній тебя избичую!
Или забыла, какъ съ неба висѣла, какъ двѣ павязаль я
На ноги наковальни, а на руки набросиль златую
Вервь неразрывную? Ты средь эаира и облаковъ черныхъ 20
Съ неба висѣла; скорбѣли бессмертные всѣ на Олимпѣ,
Но свободить не могли, приступая: кого ни постигъ я,
Съ прага небеснаго махомъ свергалъ и слеталъ онъ на землю,
Только что дышащий; симъ не смягчился бѣ мой гнѣвъ непреклон-
ный, 25
Гнѣвъ за страданія богоподобнаго сына Геракла,
Коего ты, возбудивъ на него и Борея бури,
Злобно гнала по пустынному понту, бѣды устрояя;
Къ краю чужому его, къ многолюдному бросила Косу.
Я и оттолѣ избавилъ его и въ отечество паки,
Въ Аргосъ цвѣтущий, привель, совершиителя подвиговъ многихъ. 30
То вспоминаю тебѣ, да оставиши ты козни и видиши,
Въ помощь ли злобѣ твоей и любовь и объятія были,
Коими ты, отъ боговъ удалися, меня обольстила!“
Онъ произнесъ; ужаснулась великая Гера богиня
И воскликнула такъ, устремляя крылатыя рѣчи: 35

„Будьте свидѣтели мнѣ, о Земля, безпредѣльное Небо,
 Струса подземныхъ воды, о вы, величайшая клятва!
 Клятва ужасная даже бессмертнымъ! я вами клянуся,
 Самой твою священной главою и собственнымъ нашимъ
 Ложемъ брачнымъ, которымъ во вѣкъ не клянуся я всеу! 40
 Нѣть, не съ совѣтовъ моихъ Посидаонъ, земли колебатель,
 Трои сынамъ и вождю ихъ вредитъ, а другихъ защищаетъ.
 Вѣрно, къ тому преклоненъ и подвигнуть онъ собственнымъ
 сердцемъ;
 Вѣрно, Ахеянъ узрѣвъ, милосердоваль онъ о стѣсненныхъ.
 Я жь и ему бы скорѣе совѣтъ подала, да всегда онъ 45
 Ходить путемъ, по которому ты повелишь, Громовержецъ!“
 Такъ говорила; осклабился царь и бессмертныхъ и смертныхъ
 И отвѣтствовалъ ей, устремля крылатыя рѣчи:
 „Если впередъ, о супруга, лелейнораменная Гера!
 Будешь на сонмѣ божественномъ мыслить согласно со мною, 50
 Самъ Посидаонъ, хотя бы желалъ совершенно иного,
 Мысль перемѣнить, согласно съ твоей и мою душою.
 Нынѣ жъ, когда непрѣврно и истину ты говорила,
 Шествуй не медля къ сонму боговъ, повели, да на Иду
 Вѣстница неба Ириса и Фебъ сребролукій предстанутъ.
 Вѣстница быстрая къ воинству мѣднодоспѣшныхъ Danaevъ
 Сnidетъ и скажетъ мое повелѣнье царю Посидону,
 Да оставить онъ брань и въ обитель свою возвратится.
 Фебъ же великаго Гектора снова ко брани воздвигнетъ,
 Новую бодрость вдохнеть и его исцѣлить отъ страданій, 60
 Нынѣ терзающихъ душу героя, а рати Ахеянъ
 Вновь къ кораблямъ отразить, малодушное бѣгство пославши.
 Въ бѣгствѣ они упадутъ на суда Ахиллеса Пелида.
 Царь Ахиллесъ ополчитъ на сраженіе друга Патрокла,
 Коего въ битвѣ копьемъ поразить бронеблещущій Гекторъ 65
 Прѣдь Иліопомъ, какъ тотъ уже многихъ и пошѣ храбрыхъ
 Свергнетъ и съ ними мою драгоцѣнную вѣтвь, Сарпедона.
 Гектора, мѣсящій за друга, сразить Ахиллесъ знаменитый.
 Съ онаго времени паки побѣгъ отъ судовъ и погоню
 Я сотворю и уже не возвратно, доколѣ Ахеици 70
 Трои святой не возьмутъ, ио совѣтамъ премудрой Аѳинны.
 Такъ не свершившемусь, гнѣва ни самъ не смигчу, ни другому
 Богу бессмертному я Аргивянъ защищать не позволю
 Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида:
 Такъ обѣщааль я и такъ утвердилъ я мою главою 75
 Въ день, какъ ѡстида, обѣяля колѣна, меня умоляла

Сына прославить ея, Ахиллеса, рушителя твердей“.

Рекъ—и ему покорилась лилейнораменная Гера,
Бросилась съ Иды горы, устремляясь быстро къ Олимпу.
Такъ устремляется мысль человѣка, который, прошедши 80

Многія земли, про нихъ размышляетъ умомъ просвѣщенный: „Тамъ проходилъ я и тамъ“, и про многое вдругъ вспоминаетъ.— Съ равной стремясь быстротой, пролетѣла по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнувъ, она обрѣла совокупныхъ
Всѣхъ небожителей въ домъ Кронида. Богиню увидѣвъ, 85
Всѣ поднялися и каждый своею чествовалъ чашей.

Гера, всѣхъ обошедъ, у Оемисы румянопалитой
Приняла чашу; Оемиса бо первая Герѣ входящей
Бросилась ввстрѣчу и рѣчи крылатыя къ ней устремила:

„Что ты, о Гера, приходишь, такимъ пораженная страхомъ? 90
Вѣрно, тебя устрашилъ громоносный супругъ твой Кронионъ?“
Ей отвѣтствовала богиня лилейнораменная Гера;

„Что вопрошаешь, Оемиса бессмертная; или не знаешь,
Сколько метателя молний душа и горда, и сурова.
Но возсядь и начни ты пиръ съ бессмертными общи: 95
Вмѣстѣ со всѣми богами услышишь, Оемиса, какіе
Ужасы намъ возвѣщаютъ Кронионъ. Никто, уповаю,
Радостень сердцемъ не будетъ, ни смертный, ни даже бессмертный,
Какъ бы онъ ни былъ, донынѣ средь пиршства мирнаго весель“.

Такъ изрѣкла и возсѣла владычница Гера; смутились! 100
Боги въ Зевсовомъ домѣ; она жъ улыбалась устами,
Но чело у нея между черныхъ бровей не свѣтлѣло.
Вдругъ, ко всѣмъ обращаясь, воскликнула гнѣвная Гера:

„Боги безумные, мы безразсудно враждуетъ на Зевса!
Мы бесполезно пылаемъ его укротить, нападая 105
Словомъ иль силою! Онъ, удаляся, обѣ насъ и не мыслить,
Насъ презирать, считаетъ, что онъ межъ боговъ вѣковѣчныхъ
Властью и силой своей превосходнѣе всѣхъ несравненно.
Должно терпѣть намъ, какое бы зло и кому бѣ ни послалъ онъ;
Имъ, какъ я мыслю, сегодня ударъ панесень и Арею: 110
Паль на бою Аскалафъ, браноносецъ любезнѣйший богу,
Смертный, котораго сыномъ могутъ Арей называть“.

Такъ изрѣкла, и ударила Арея по крутымъ себѣ бедрамъ
Дланями жилистыхъ рукъ и рыдающій громко воскликнуль:
„О! не вините меня, на Олимпѣ живущіе боги, 115
Если за сына я мстить иду къ ополченьямъ Ахейскимъ,
Мстить, хоть и сужено мнѣ, пораженному Зевса перуномъ,
Съ трупами вмѣстѣ лежать, зъ потокахъ кровавыхъ и прахѣ!“

- Рекъ и тогда жъ повелълъ онъ и Страху, и Ужасу коней
Впрячъ, а самъ покрывался оружіемъ пламеннозарнымъ. 120
Вѣрно бъ, сильнейшій, стократно ужаснейшій, нежели прежній,
Гнѣвъ Громодержца и ющенье противу боговъ воспылали,
Но Аѳина богиня, за всѣхъ устрашаюша безсмертныхъ,
Бросилась къ двери, оставивши тронъ, на которомъ сидѣла,
Щитъ отъ рамень и шлемъ отъ главы у Арея сорвала, 125
Нико поставила въ сторону, вырвавъ изъ дланіи дебелой,
И загремѣла, словами напавъ на суроваго бога:
 „Буйный, безумный, ты потерянъ! Напрасно ль имѣешь
Уши, чтобы слышать? Иль стыдъ у тебя и разсудокъ погибли?
Или не слышишь ты, что говорить владычица Гера, 130
Гера, теперь возвратившаясь къ намъ отъ владыки Зевса?
Или ты хочешь, какъ самъ, претерпѣвъ неисчислимое бѣдство,
Съ горькимъ стыдомъ, поневолѣ, на свѣтлый Олимпъ возвратиться,
Такъ и на всѣхъ насть безсмертныхъ навлечь неизбѣжное бѣдство?
Скоро, сомнѣнія нѣть, племена и Троинъ, и Данаевъ 135
Бросилъ бы Зевсъ и пришелъ бы онъ насть ужаснуть на Олимпѣ
И постигъ бы, карающій, всѣхъ—и виновныхъ и иправыхъ!
Будь мнѣ послушенье и месть отложи за убитаго сына.
Воинъ въ бою не одинъ, и храбрѣшій его, и сильнейшій,
Шаль и еще ниспадетъ, пораженный другимъ; невозможно 140
Весь человѣческій родъ неисчислenny отъ смерти избавить“.
 Такъ говоря, посадила на тронъ изступленного бога.
Гера жъ царя Аполлона изъ Зевсовы вызвала дому
Вмѣстѣ съ Ирисою, вѣстницей быстрой боговъ Олимпійскихъ.
Къ нимъ возгласивши, она провѣщаала крылатыя рѣчи: 145
 „Зевсъ повелѣлъ, да на Иду не медля представате оба,
Но лишь предстапете вы и лицо увидите бога,
Дѣлайте, что повелить и чего Эгіохъ ни восхощетъ“.
 Такъ изрекла и, въ чертогъ возвратившися, владычица Гера
Сѣла на тронъ, а Ириса и Фебѣ устремясь полетѣли, 150
Быстро спустились на Иду, звѣрей многоводную матерь;
Тамъ, на возвышенномъ Гаргарѣ Зевса нашли громодержца;
Онъ возсѣдалъ, и его благовонный увѣничивалъ облакъ.
Боги, представивъ предъ лицо воздымателя облаковъ Зевса
Стали,—и къ нимъ устремилъ Олимпіецъ искрѣвныя очи: 155
Скоро они покорились супруги его повелѣньямъ.
Къ первой Ирисѣ онъ рекъ, устремляя крылатыя рѣчи:
 „Шествуй, Ириса быстрая, къ богу морей Посидону,
Все, что реку, возвѣсти и неложно вѣстницей будь мнѣ.
Пусть онъ брань оставить, немедленно пусть возвратится 160

Или въ соборъ небожителей, или въ священное море,
 Если жъ глаголы мои не восхощетъ исполнить, но презрить,
 Пусть онъ помыслить, и съ сердцемъ своимъ и съ умомъ совѣщалась,
 Можетъ ли, какъ ни могуши, онъ меня въ паденіи встрѣтить?
 Думаю, что Посидаона я и могуществомъ высшій, 165
 Я и рожденъемъ старыйши, а онъ не страшится единій
 Равнымъ считаться со мной, предъ которыми всѣ боги трепещутъ".

Рекъ; покорилась ему вѣtronogая вѣстница неба.
 Быстро отъ Иды горы понеслась къ Иліону святому.
 Словно какъ снѣгъ изъ тучи, иль градъ холодный, обрушаясь, 170
 Быстро летитъ, уносясь проясняющимъ воздухъ Бореемъ,
 Такъ устремляяся, быстрая путь пролетѣла Ириса;
 Стала и такъ провѣщала могучему Энносиге:

„Съ вѣстью тебѣ, Посидонъ, колебатель земли черновласый,
 Я писхожу отъ эгіда носителя Зевса Кронида. 175
 Брань ты оставь немедленно, такъ онъ велить, возвратися
 Или въ соборъ небожителей, или въ священное море.
 Если жъ глаголы его не восхощешь исполнить и презришь,
 Онъ угрожаетъ, что самъ, и не медля, съ тобою сразиться
 Пріайдеть сюда, и совѣтуетъ онъ, чтобы ты уклонялся 180
 Рукъ громовержущихъ: вѣдаешь, онъ и могуществомъ высшій,
 Онъ и рожденъемъ старыйши; а ты, Посидонъ, не страшишься
 Спорить о равенствѣ съ тѣмъ, предъ которыми всѣ боги трепещутъ".

Ей, пегодующій сердцемъ, отвѣтствовалъ царь Посидаонъ:
 „Такъ, могущественъ онъ; но слишкомъ надменно вѣщаешь, 185
 Ежели равнаго честью, менѧ, убrotить онъ грозится!
 Три нась родилося брата отъ древняго Крона и Реи:
 Онъ, Громодержецъ, и я, и Аидъ, преисподнихъ владыка;
 Натроє все дѣлено, и досталося каждому царство;
 Жребіи бросившимъ намъ, въ обладаніе вѣчное пало 190
 Мнѣ волношумное море, Аиду подземные мраки,
 Зевсу досталось жесть тучъ и энира пространное небо;
 Общею всѣмъ остается земля и Олимпъ многохолмный.
 Нѣть, не хожу по уставамъ я Зевсовымъ; какъ онъ ни мощень,
 Съ миромъ пусть остается на собственномъ трестъемъ удѣлъ; 195
 Силою рукъ онъ меня, какъ ничтожнаго, пусть не страшаетъ!
 Дщерей своихъ и сыновъ для Зевса приличнѣе будетъ
 Грознымъ глаголомъ обуздывать, коихъ на свѣтъ произвелъ онъ,
 Кои уставамъ его покоряться должны попеволъ!"
 Вновь провѣщала ему вѣtronogая вѣстница Зевса: 200
 „Сей ли отвѣтъ отъ тебя, Колебатель земли черновласый,
 Зевсъ должна я повѣдать, отвѣтъ и суровый, и страшный?

Или, быть можетъ, смягчишь ты? Смягчимъ сердца благородныхъ.
Знаешь и то, что Эринніи вѣчно стоять за старѣшихъ".

Ей отвѣтствовалъ вновь колебатель земли Посидаонъ: 205
 „Слово твое справедливо и мудро, Ириса богина!
 Благо, когда возвѣститель исполненъ совѣтовъ разумныхъ.
 Но, признаюсь, огорченіе сильное душу объемлетъ,
 Если угрозами гордыми онъ оскорблять начинаетъ
 Равнаго съ нимъ и въ правахъ, и судьбой одареннаго равной. 210
 Нынѣ, хотя негодующій, волѣ его уступаю,
 Но объявляю и въ сердцѣ моемъ сохраню я угрозу:
 Если Кроніонъ, мнѣ впроки и побѣдной Аеинѣ,
 Гермесу богу, Гефесту царю и владычицѣ Гертѣ,
 Будетъ щадить Иlionъ крѣпкостѣнныи, когда не захочетъ 215
 Града разрушить и дать знаменитой побѣды Ахейцамъ,
 Пусть онъ знаетъ, межъ нами вражда безконечная будетъ!"

Такъ произнесъ и Ахейскую рать Посидаонъ оставилъ,
 Въ поинѣ погрузился; о немъ воздыхали Ахеицы герои.

И тогда къ Аполлону воззвалъ громовержецъ Кроніонъ: 220
 „Нынѣ, возлюбленный Фебъ, къ мѣднобронному Гектору шествуй.

Се, обымающій землю, земли колебатель могучій
 Въ море отходить священное; грознаго нашего гнѣва
 Онъ избѣгаєтъ; услышали бѣ грозную брань и другіе,
 Самые боги подземные, сущіе около Крона! 225
 Благо и мнѣ, и ему, что, и гнѣваясь, онъ уступаетъ
 Силамъ моимъ: не безъ пота бѣ жестокаго дѣло свершилось!
 Но прими, Аполлонъ, баюромистый эгидъ мой въ десницу
 И, потрясающій имъ, устраши ты героеvъ Ахейскихъ. 230
 Самъ между тѣмъ попекись, Дальновержецъ, обѣ Гекторѣ славномъ,
 Храбрость его возвышай непрестанно, доколѣ Данан,
 Въ бѣгствїи предъ нимъ, не придуть къ кораблямъ и зыбямъ Гелеспонта.

Съ одного времени самъ я устрою и дѣло и слово,
 Да не медля почють отъ бранныхъ трудовъ и Данан". 235

Такъ произнесъ онъ, и не былъ отцу Аполлонъ непокоренъ:
 Съ Иды, шумной потоками, онъ устремился, какъ ястребъ,
 Быстрый ловецъ голубей, между хищныхъ пернатыхъ быстрѣшій.
 Въ полѣ нашелъ стрѣловержецъ Пріамова храброго сына:
 Гекторъ сидѣлъ, не лежаль, и уже, обновившия въ силахъ, 240
 Окрестъ стоящихъ друзей узнавалъ; прекратилась одышка,
 Потъ пересталъ: возстановивъ Гектора промыслъ Кронида.
 Близко представши, къ нему провѣщаль Аполлонъ дальновержецъ:
 „Гекторъ, Пріамова отрасль! почто, отъ дружинъ отдаленный,

- Духомъ унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?“ 245
 Дышаший томно, ему говорилъ шлемобешущій Гекторъ:
 „Кто ты, благой небожитель, ко мнѣ обращающій слово?
 Или еще не слыхалъ, что меня предъ судами Ахеянъ,
 Икъ истреблявшаго рать, поразилъ Теламонидъ могучій
 Камнемъ въ грудь и мою укротилъ кипящую храбростъ? 250
 Я уже думалъ, что мертвыхъ и мрачное царство Аида
 Нынѣ увижу: уже испускалъ я дыханіе жизни“.
- Сыну Пріамову паки вѣщаль Аполлонъ дальновержецъ:
 „Гекторъ, дерзай! поборникъ могучій Зевсомъ Кронидомъ
 Съ Иды высокой тебѣ на покровъ и защиту ниспосланъ, 255
 Я, Аполлонъ златомечный, бессмертный, который и прежде
 Сильной рукой защищалъ и тебя, и высокую Трою.
 Шествуй къ полкамъ и своимъ многочисленнымъ конникамъ храбрымъ
 Всѣмъ повели къ кораблямъ устремить ихъ коней быстроногихъ.
 Я передъ ними пойду и самъ для коней Иліонскихъ 260
 Путь уравняю и въ бѣгъ обращаю героеvъ Ахейскихъ“.
- Рекъ и ужасную силу вдохнуль предводителю воинствъ.
 Словно конь застоялый, ячменемъ раскоряжленный въ ясляхъ,
 Привязъ расторгнувъ, летить и коньтами поле копаетъ,
 Пламенный, плавать обычный въ рѣкѣ быстрольющеся, пышитъ, 265
 Голову, гордый, высоко несетъ; вокругъ раменъ его мощныхъ
 Грива играетъ; гордится онъ самъ красотой благородной;
 Быстро стопы его мчать къ кобылицамъ и паствамъ знакомымъ, —
 Гекторъ таковъ, съ быстротою такой оборачивалъ ноги,
 Бога услышавши гласть; возбуждалъ онъ на бой конеборцевъ. 270
 Словно рогатую лань или дикую козу поднявши,
 Гонять упорно горячие псы и ловцы поселяне;
 Но высокий угтесь и густая тѣнистая роща
 Звѣря спасаютъ: его изловить имъ не сужено рокомъ;
 Крикомъ межъ тѣмъ пробужденный, является левъ густобрادый 275
 Имъ на пути и толпу, распыхавшуюсь, въ бѣгъ обращаетъ,—
 Такъ Аргивяне, дотолѣ толпой неотступные, гнали
 Трои сыновъ, и мечами и коньями въ тылъ поражая;
 Но лишь увидѣли Гектора, быстро идущаго къ рати,
 Дрогнули всѣ, и у каждого въ поти отважность упала. 280
 Ихъ Ооасъ ободряль, благородный сынъ Андремоновъ,
 Мужъ Этолійскій знатиѣшій, искусный въ бою стрѣлобойномъ,
 Храбрый и въ стойкомъ; его и въ собратьяхъ мужей побѣждали
 Рѣдкіе, если при немъ въ краснорѣчіи спорила юность.
 Онъ, распаляемый ревностию, такъ говорилъ межъ Ахеянъ: 285
 „Боги! ужасное чудо моимъ представляется взорамъ!

- Гекторъ воскресъ! отъ ужасной смерти избѣгнувши, паки
Гекторъ предъ націи! А мы уповали, что гордый Троянецъ
Душу предастъ подъ рукой Теламонова сына Аякса.
Вѣрно, могущій бессмертный опять сохранилъ и возставилъ 290
Мужа, который ужъ многимъ колѣна сломилъ Аргивянамъ,
Что и еще совершилъ, какъ предвижу я! Онъ не безъ воли
Зевса гремящаго сталь передъ воинствомъ, пышащій боемъ.
Други, совѣтъ предложу я, и всѣ мы ему покоримся.
Ратной народной толпѣ повелимъ къ кораблямъ удалиться, 295
Мы же, сколько ни есть націи, храбрѣшими въ рати сливущихъ,
Противостанемъ; быть можетъ, его остановимъ мы, встрѣчу
Копья уставивши; онъ, я надѣюся, какъ ни неистовъ,
Сердцемъ своимъ содрогнется ворваться въ дружину героевъ".
Такъ говориль, и, внимательно слушая, всѣ покорились. 300
Быстро Аяксы могучie, царь Девкалидъ, копьеносецъ,
Тевкръ, Меріонъ, нестрашимъ и Мегесь, Арею подобный,
Строили битву, созвавъ благородныхъ героевъ Ахейскихъ
Противъ Троянъ и великаго Гектора; тою порою
Сзади народа толпа къ кораблямъ отступила. Трояне 305
Прежде напали толпой; предводилъ, широко выступая,
Гекторъ герой, а предъ Гекторомъ шествовалъ Фебъ небожитель,
Перси одѣявший тучей, несущий эгидъ велѣпный,
Бурный, косматый, ужасный, который художникъ бессмертный
Зевсу Крониду Гефестъ даровалъ, чоловѣкамъ на ужасъ. 310
Съ симъ онъ эгидомъ въ десницѣ предшествовалъ ратамъ Троян-
скимъ.
Ихъ нажидали Ахейцы, сомкнувшись; разомъ раздался
Яростный крикъ отъ обѣихъ ратей; съ тетивъ заскакали
Быстрыя стрѣлы, и копья, изъ дерзостныхъ рукъ полетѣвшіи,
Многія въ тѣло вонзались воинственныхъ юношей красныхъ, 315
Многія, среди пути, не отвѣдавъ цвѣтущаго тѣла,
Въ землю вонзаясь, дрожали, алкая насытиться тѣломъ.
Долго, доколь эгидъ Аполлонъ держаль неподвижно,
Стрѣлы равно между воинствъ летали, и падали вои;
Но едва Аргивянамъ въ лицо онъ возврѣвши, эгидомъ 320
Бурнымъ потрясъ и воскликнулъ и звучно и грозно, смущились
Души въ ихъ персияхъ, забыли Аргивцы кипящую храбрость.
Словно какъ стадо воловъ иль овецъ великою кучу
Хищные зѣбри въ глубокую мрачную ночь разсыпаютъ,
Если находятъ незапанные, въ часъ какъ отсутствуетъ настырь,— 325
Такъ Аргивянѣ разсыпались, слабые; Фебъ на сердца ихъ
Ужасъ навель, посылая Троянамъ и Гектору славу.

Тутъ ратоборецъ сражалъ ратоборца въ разсѣянной битвѣ.
Гекторъ могучій и Стихія свергнула и Аркезилая,
Стихія, войскъ предводителя иѣднодоспѣшныхъ Беотанъ, 330
Аркезилая, вѣрного друга вождя Менесея.
Но Энея оружіемъ Іасъ поверженъ и Медонъ.
Медонъ, сынъ незаконный владыки мужей Оиля,
Былъ Оилица Аякса младшій братъ; но въ Филакѣ
Онъ обиталъ, удалясь отъ отчизны, какъ мужа убійца, 335
Мачехи брата убивъ, Эріопы, жены Оиля;
Іасъ же былъ предводитель воинственныхъ духомъ Аеинянъ,
Сыномъ Сфела отъ всѣхъ называвшійся Буколіона.
Полидамасъ поразилъ Мекистея, Полить же Эхія
Въ первомъ ряду, а Клонія сразилъ благородный Агеноръ; 340
Дейоха тутъ же Парисъ, убѣгавшаго между переднихъ,
Съ тыла въ плечо поразилъ и насквозь оружіе выгналъ.
Тою порой, какъ они обнажали убитыхъ, Данай,
Въ ровъ и на коля его опрокинувшись, въ страшномъ разстройствѣ
Полемъ бѣжали вездѣ и за валъ укрывались неволей. 345
Гекторъ же голосомъ звучнымъ приказывалъ ратамъ Троянскимъ
Прямо напасть на суда, а корысти кровавыя бросить:
„Если жъ кого-либо я отъ судовъ отдаленыхъ замѣчу,
Тамъ же ему уготовлю и смерть! и несчастнаго, вѣрно,
Мертвое тѣло ни братья, ни сестры огня не сподобятъ; 350
Но Троянскіе псы растерзаютъ его передъ градомъ!“
Рекъ и, бичомъ по хребтамъ поражая коней, полетѣлъ онъ,
Звучно къ Троянамъ крича по рядамъ, и они, испуская
Страшные вопли, за нимъ устремили коней колесничныхъ
Съ громомъ ужаснѣмъ; и Фебъ Аполлонъ впереди передъ ними, 355
Быстро окопа глубокаго берегъ стопами разсыпавъ,
Весь въ середину обрушилъ и путь умостилъ онъ Троянамъ
Длинный и столько широкій, какъ брошенный дротъ пролетаетъ,
Если могучесть свою человѣкъ испытующій бросить.
Тамъ устремились Пергамлянъ фаланги, и Фебъ передъ ними, 360
Дивнымъ эгидомъ сіяя; разсыпалъ онъ стѣну Данаевъ
Такъ же легко, какъ играющій отрокъ песокъ возлѣ моря,
Если когда изъ песку онъ дѣтскую сдѣлавъ забаву,
Снова ее рукой и ногой разсыпаетъ, рѣзвясь.
Такъ, Аполлонъ дальнемечущій, ты и великий и тяжкій
Трудъ разсыпалъ Ахеянъ и предаль ихъ блѣдному бѣгству. 365
Возлѣ судовъ наконецъ удержались они, собираясь.
Тамъ, ободряя другъ друга и руки горѣ воздѣвая,
Каждый боговъ небожителей всѣхъ умоляль грохогласно.

Несторъ же старецъ особенно, стражъ Аргивянъ неусыпный, 370
Зевса молилъ, воздѣвающій длани ко звѣздному небу:

„Если когда-либо кто средь цвѣтущей Геллады, Кроніонъ,
Тучныя бедра тебѣ отъ тельца иль овна возжигая,
Въ домъ возвратиться молился, и ты преклонился къ моленю,—
Вспомни о томъ и погибели день отврати, Олимпіецъ! 375
Гордымъ Троянамъ не дай совершенно осилить Ахеянъ!“

Такъ онъ молился, и грянулъ съ небесъ промыслитель Кроніонъ,
Внявший моленю Нестора, благочестиваго старца.

Но Трояне, въ ихъ пользу принявши знамене Зевса,
Жарче на рати Ахейскія бросились, жадные боя. 380

Словно какъ валъ огромный широкоразливнаго моря
Выше боковъ корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымаеть,—
Такъ устремились Трояне съ неистовыми воплемъ за стѣну,
Коней пригнали туда жъ и у кормъ въ рукопашную битву 385
Съ копьями острыми стали; они съ высоты колесницъ ихъ,
Тѣ жъ съ высоты кораблей своихъ черныхъ, на оныхъ держася,
Бились шестами огромными, кои въ судахъ сохранялись
Къ бою морскому, сплоченные, сверху набитые мѣдью.

Храбрый Патрокль, доколѣ Ахейцы съ Троянскою силой 390
Бились еще предъ стѣною, вдали отъ судовъ мореходныхъ,
Въ кущѣ сидѣлъ у высокаго духомъ вождя Эвропила,
Душу ему услаждалъ разговоромъ и тяжкую рану
Вокругъ осыпалъ врачаствомъ, утоляющимъ черныя боли.
Но какъ скоро за стѣну увидѣлъ стремящихся бурно 395
Гордыхъ Троянъ, а Данаевъ услышалъ и крикъ и тревогу,
Громко воскликнулъ Патрокль и руками по бедрамъ могучимъ
Съ грусти ударилъ себя и печальный вѣщаль Эвропилу:

„Нѣть, Эвропилъ, не могу я съ тобою, хотя бъ и желалъ ты,
Долѣ здѣсь оставаться; ужасная битва возстало! 400
Пусть благородный сподвижникъ тебя утѣшаешь, а самъ я
Къ другу Пелиду спѣшу, да его преклоню ополчиться.
Можетъ быть,—какъ предузнатъ?—убѣдить Ахиллесово сердце
Богъ мнѣ поможетъ: сильно всегда убѣженіе друга.“

Такъ говорящаго, ноги его уносили. Ахейцы 405
Противъ Троянъ нападающихъ крѣпко стояли, но тщетно
Ихъ, и меньшихъ числомъ, отразить отъ судовъ напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались, Ахеянъ фаланги
Боемъ расторгнувъ, ворваться въ ряды кораблей ихъ и сѣней.
Словно правильный шнуръ корабельное древо равняетъ 410
Зодчаго умнаго въ длани, который художества мудрость

Всю хорошо разумѣть, воспитанникъ мудрой Аени, —
Такъ между ними борьба и сраженіе равны были.
Тѣ предъ одними, а тѣ предъ другими судами сражались.

Гекторъ герой на Аякса, высокаго славою, вышелъ. 415

Оба они за едіный корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался,
Тотъ отразить супостата, которого демонъ приблизилъ.
Тутъ Клитенда Калетора свергнуль Аяксъ знаменитый,
Огнь на корабль заносящаго, никою въ перси ударивъ: 420
Съ шумомъ онъ грянулся въ пражъ; изъ руки его выпала свѣточь.
Гекторъ, какъ скоро увидѣлъ родного ему Клитенда,
Замерло павшаго въ пражъ передъ черной кормой корабельной,
Звучно воскликнулъ, Троянъ и Ликианъ на бой поощряя:

Трои сыны, и Ликицы, и вы, рукоборцы Дарданцы! 425
Стойте, страшитесь въ сей тѣснотѣ отступать изъ сраженья;
Лучше отстойте вы Клитія сына, да врагъ не похитить
Славныхъ оружий съ убитаго въ самочь стану корабельномъ".

Такъ произнѣсть и въ Аякса направилъ сияющій дротикъ,
Но попалъ не въ него, а въ клеврета его, Ликофона, 430
Мастора вѣтвь, Киѳерайца, въ Аяксовомъ жившаго домѣ
Съ оной поры, какъ убийство совершилъ у Киѳерянъ священныхъ;
Гекторъ его, близъ Аякса стоящаго, въ черепъ надъ ухомъ
Дротомъ ударилъ убийственнымъ: въ пражъ онъ, съ кормы корабель-
ной

Рухнувшись, павзничъ паль, и его сокрушилася крѣпость. 435
Храбрый Аяксъ ужаснулся и къ брату младому воскликнулъ:

„Тевкръ, потеряли мы, братъ мой, нашего вѣрнаго друга!
Палъ Масторидъ, котораго мы, изъ Киѳеры пришелъца,
Въ нашемъ дому, какъ любезныхъ родителей, всѣ почитали.
Палъ онъ отъ Гектора! Гдѣ же твои смертоносныя стрѣлы? 440

Гдѣ твой лукъ скрупительный, данный тебе Аполлономъ?"
Рекъ онъ, — и тотъ его понялъ и, прянувши, сталь близъ героя
Съ лукомъ разрывчатымъ въ вѣрной рукѣ и съ колчаномъ на рамѣ,
Нолимъ иернатыхъ, и, быстро онъ ихъ на Троянъ посылая,
Клита стрѣлой поразилъ, Незенорову славную отрасль, 445
Друга Паноева сына, почтеннаго Нолидамаса.

Быть онъ возница его и тогда надъ конями трудился,
Правилъ туда, гдѣ въ сраженіи гуще клубились фаланги;
Гектору тѣмъ и Троянамъ желалъ угодить онъ; но быстро
Гибель пришла, и никто изъ друзей отъ нея не избавилъ: 450
Въ выю возатаю съ тыла стрѣла смертоносная пала;
На землю грянулся онъ, и обратно ударились кони,

- Праздной гремя колесницею. Скоро то свѣдалъ владыка
Полидамасъ и конямъ убѣгающимъ вышелъ навстрѣчу.
Ихъ Астинуо слугѣ, Протаона сыну, ввѣряя,
Крѣпко наказывалъ близко держать на виду непрестанно;
Самъ, устремившись обратно, съ передними сталь на сраженье. 455
- Тевкrt же другую стрѣлу противъ Гектора мужеубѣцы
Вынулъ и, вѣро, принудиль бы бой перервать предъ судами,
Вѣро, стрѣлой у героя побѣднаго душу исторгъ бы,
Но не укрылся отъ промысла Зевсова: Зевсъ Пріаміда
Самъ охранялъ и у Тевкра пылавшаго славу похитилъ:
Тевкrt наляцалъ, какъ на лукѣ его превосходномъ крутую
Богъ сокрушилъ тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
Тяжкая мѣдью стрѣла, и лукъ изъ руки его выпалъ. 460
- Тевкrt ужаснулся и къ брату Аяксу не медля воскликнулъ:
„Горе! какой-то демонъ ратные замыслы наши
Всѣ разрушаетъ; и лукъ у меня онъ исторгнулъ изъ длані
И рассторгъ тетиву миѣ, которую свѣжую нынѣ
Я на лукъ навязаль, чтобы вынесла частыя стрѣлы“.
- Тевкru отвѣтствовалъ быстро Аяксъ Теламонидъ великий:
„Другъ, оставь ты въ покоѣ и лукъ, и крылатыя стрѣлы,
Если ихъ богъ разсыпаетъ, Ахеянамъ храбрыи враждебный.
Съ пикой огромной въ рукѣ и съ щитомъ на плечѣ, Теламонидъ,
Ратуй Троянъ и дружилы свои возбуждай къ ратоборству. 475
Пусть не легко, и побѣдой гордяся, возьмутъ супостаты
Наши суда доброснастныя; вспомнимъ Ахейскую храбрость!“
- Такъ говориль онъ, и Тевкrt подъ кущею лукъ свой оставилъ,
Щить на плечо многобляштий, четыресплойный набросилъ,
Шлемъ на главу удалую красивый падѣль, осѣненный 480
Гривою конскою,—гребень ужасный надъ нимъ развѣвался.
Взять наконецъ коне, поверженное острою мѣдью,
Вышелъ назадъ и, примчася стремительно, сталь близъ Аякса.
- Гекторъ едва усмотрѣлъ сокрушенными Тевкровы стрѣлы,
Звучно вскричалъ, и Троянъ и Ликияще еще возбуждая: 485
- „Трои сыны, и Ликийцы, и вы, ратоборцы Дарданцы!
Будьте мужами, о други; воспомните рѣянную храбрость
Здѣсь, предъ судами Ахеянъ! Своими очами я видѣль,
Славнаго воина стрѣлы и лукъ уничтожены богомъ!
Видимо ясно сынамъ человѣковъ могущество бога,
Если кого Олимпіецъ высокою славой возносить,
Или кого унижаетъ, защиты своей не сподобивъ,
Такъ, какъ теперь унижаетъ Ахеѧ, а насъ возвышаетъ.
Рѣ бой на судъ! наступите всѣмъ воинствомъ! Кто между вами,

- Раненъ мечомъ иль стрѣлой, роковю постигнется смертью, 495
 Тотъ умрай! Не безславно ему, запища отчизну,
 Здѣсь умереть; но останутся живы супруга и дѣти,
 Домъ и наслѣдіе цѣлы останутся, если Ахейцы
 Въ черныхъ судахъ унесутся къ любезныи отечества земляиъ*. 500
- Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество въ каждомъ. Сынъ Теламоновъ съ другой стороны восклицалъ предъ дружиной;
 „Стыдъ вамъ, Ахеяне! Лучше рѣшился или погибнуть,
 Или спастись, но бѣду отразить отъ судовъ мореходныхъ!
 Чаете ль вы, какъ возьметъ корабли шлемоблещущій Гекторъ,
 Каждый на землю родную пѣшкомъ возвратиться изъ Трои? 505
 Слышите, съ крикомъ какимъ ополченія всѣ возбуждаетъ
 Гекторъ, который сожечь корабли разъяренный стремится?
 Вѣрно, сіи онъ толпы не на пляску зоветъ, а на битву!
 Намъ не осталось ни думы другой, ни рѣшиности лучшей,
 Какъ смысѣсть съ супостатами руки и мужество наше! 510
 Лучше игновенной рѣшиностью выкупить жизнь иль погибнуть,
 Нежели долгіе дни изнуряться жестокою бранью,
 Такъ бесполезно средь стана, стѣсняясь народомъ слабѣшишъ!“
- Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество ратныхъ. Гекторъ же мощный Схедія сразилъ, Перимедова сына, 515
 Воинствъ Фокейскихъ вождя, но Аяксъ Лаодамаса свергнулъ,
 Пѣшихъ бойцовъ предводителя, славную вѣтвь Антепора;
 Полимадасъ же корысти добылъ съ Килленейскаго Ота,
 Друга Филидова, воинствъ вождя крѣпкодушныхъ Эпеянъ.
 Мегесъ Филидъ налетѣлъ на убийцу, но въ сторону прынулъ 520
 Полидамасъ; не умѣтилъ въ него, не судилъ Дальновержецъ
 Сыну Напоеву славному пасть межъ рядовъ первоборныхъ.
 Крезма Филидъ угодилъ сокрушительной никою въ перси:
 Съ шумомъ онъ наѣлъ, и съ раменъ совлекалъ побѣдитель доспѣхи. Вдругъ на Филида нагрянула Долопсъ Лампетидъ, Иlionский 525
 Славный конейщикъ, котораго сынъ Лаомедона доблій
 Ламилъ велмудрый родилъ, знаменитаго доблѣстью бранной.
 Онъ у Филида, нагрянувшій близко, щита середину
 Никой пробилъ, по его эзитиль крѣпкосозданный панцырь
 Латами сокнутый плотно, Филей въ давнобытное время 530
 Вызвѣзъ доспѣхъ сей изъ града Эфиры, отъ водъ Селлеиса,
 Кониъ, какъ друга, сто одарилъ тамъ Евфетъ скінтродержецъ,
 Въ битвахъ кровавыхъ носить отъ враждебныхъ мужей обороной;
 Онъ-то и сына его защитилъ отъ потибели грозной.
 Мегесъ же Лампова сына по яѣдному шлему подъ гребнемъ, 535
 Въ самую выпуклость верхнюю, никою острой ударилъ,

Гривистый гребень съ основы сорвалъ, и на землю онъ цѣлый
Паль и простерся во прахѣ, блистающій пурпуромъ свѣжимъ.
Но между тѣмъ, какъ сражался онъ пламенно, чая побѣды,
Сильный поборникъ явился ему, Менелай благородный; 540
Съ пикой, невидимый, сталь въ сторонѣ, поразилъ Лампетида
Съ тыла въ плечо, и сквозь перси пробилося бурное жало
Рѣа впередъ, и во прахъ Лампетидъ опрокинулся навзничь.
Прянули оба на павшаго, мѣдную, славную броню
Съ плечъ совлекать. Но Гекторъ вскричалъ на Долипсовыхъ близ-
нихъ, 545

Ихъ порицая и болѣе всѣхъ Гикетаона сына
Онъ укорялъ, Меланиппа, который прежде въ Шеркотѣ
Пасъ круторогихъ воловъ, до нашествія рати враждебной;
Но какъ скоро Ахейцы въ судахъ многовеслыхъ пришли,
Онъ прилетѣлъ въ Иліонъ и въ дружинахъ Троянъ отличался, 550
Жиль у Пріама и чествованъ былъ, какъ и сынъ, Дарданидомъ.
Гекторъ его укорялъ и къ нему говорилъ, негодуя:

„Сынъ Гикетаоновъ! такъ ли оставимъ? Ужели нисколько
Сердце твое не болитъ за сраженнаго милаго брата?
Или не видишь ты, какъ надъ доспѣхомъ Долопса трудятся? 555
Слѣдуй за мною! не время съ Аргивцами издали биться;
Должно намъ всѣхъ истребить ихъ, покуда они съ основаній
Трои высокой не свергли и граждалъ ея не избили!“

Рекъ и понесся впередъ, и мужъ съ нимъ, богу подобный.
Аргоса воевъ Аяксъ возбуждалъ, Теламонидъ великий: 560

„Други, мужайтесь! Наполняте сердце стыдомъ благородныи!
Воинъ, воинъ стыдися на поприщѣ подвиговъ ратныхъ!
Воиновъ, знающихъ стыдъ, избавляется болѣе, чѣмъ гибнетъ;
Но бѣглецы не находять ни славы себѣ, ни избавы!“

Такъ возбуждалъ, но и сами они защищаться пылали; 565
Въ сердцѣ сложили героя слова, и суда оградили
Мѣдной стѣной; но Троянъ противъ нихъ устремляль Громодер-
жецъ.

Храбрый Атридъ Менелай возбуждалъ Антилоха младого:
„Нѣть, Антилохъ, никого ни моложе тебя изъ Ахеянъ,
Ни быстрѣе для бѣга, ни силами крѣпче для боя. 570
Если бы, прынувъ впередъ, поразилъ ты какого Троянца!“

Такъ произнесъ и назадъ отступилъ, поощривъ Антилоха.
Вылетѣлъ онъ изъ переднихъ рядовъ и, кругомъ обозрѣвши,
Бросилъ блестательный дротъ; взволновались Троище, увида
Мощный ударъ. И оружіе онъ не напрасное ринулъ: 575
Вѣтвь Гикетаона, смѣлаго сердцемъ вождя Меланиппа,

- Гордо идущаго па битву, въ широкія перси умѣтиль:
 Съ шумомъ онъ гранился въ прахъ, и взгрѣмѣли на падшемъ до-
 спѣхи.
- Несторовъ сынъ на него устремилъся, какъ песь на елена
 Скачать пронзеннаго, коего ловчій, едва онъ изъ лога 580
 Прянуль, стрѣлой поразилъ и подсѣкъ ему рѣзныя ноги,—
 Такъ на тебя, Меланиппъ, наскочилъ Антилохъ бранолюбецъ,
 Алча доспѣховъ твоихъ. Но отъ Гектора онъ не укрылся;
 Гекторъ навстрѣчу предсталъ, пролетѣвъ сквозь кипящу сѣчу.
 Несторовъ сынъ не остался, какъ ни былъ горячъ въ ратобор-
 ствѣ; 585
- Съ поля сѣжалъ онъ, звѣрю подобный, свершившему пакость,
 Звѣрю, который, пса или пастыря сгубивши,
 Въ лѣсъ убѣгасть, покуда селянъ не собралась громада,—
 Такъ убѣжалъ Несторидъ; на него и Трояне и Гекторъ,
 Страшные крики поднявъ, задождили свистящія стрѣлы. 590
 Сталь онъ лицомъ къ супротивнымъ, достигнувшіи дружескихъ
 Сонмовъ.
- Тою порою Трояне, какъ львы, пожиратели крови,
 Бурно къ судамъ устремлялись и Зевса судьбы совершили:
 Онъ непрестанно ихъ мужество высиль, а воемъ Ахейскихъ
 Духъ поражаль и побѣды лишаль ихъ, Троянъ поощряя; 595
 Гектору сердце его даровать Пріамиду желало
 Гроздную славу, да онъ на суда пожирающій пламень
 Бурный повергнетъ, и такъ роковое Фетиды моленѣе
 Все совершится; единаго ждалъ промыслитель Кроніонъ:
 Перваго судна горящаго зарево съ неба увидѣть. 600
 Съ онаго времени Зевсъ отъ судовъ невозвратнѣе бѣство
 Трои сынамъ присуждалъ, а Данаямъ побѣдную славу.
 Такъ помышляющій, Гектора въ бой на суда устремляль онъ,
 Страшно и собственнымъ влекшагося духомъ. Свирипствовалъ Гек-
 торъ,
- Словно Ареи, сотрясатель копья, или огнь истребитель, 605
 Если жесть горъ онъ свирѣпствуетъ, въ чащахъ глубокаго лѣса:
 Пѣна клубились изъ усть, подъ бровями угрюмыми очи
 Грозныи свѣтились огнемъ; надъ главой, воздымаясь гребнемъ,
 Страшно качался шлемъ у летавшаго бурей по битвѣ
 Гектора! Самъ бо герою былъ покровителемъ съ неба 610
 Зевсъ и его одного возвышалъ надъ толпой человѣковъ
 Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
 Сыну Пріама: уже на него Тритогена Паллада
 День роковой устремляла съ побѣдною силой Целида.

- Гекторъ пылать разорвать у Данаевъ ряды и пытался 615
 Всюду, гдѣ видѣль и гуще толпы, и оружія лучше,
 Но разорвать ихъ нигдѣ онъ не могъ, безпредѣльно пылавшій:
 Ввстрѣчу Данан, сомкнувшися башней, стояли, какъ камень
 Страшно высокій, великий, который у пѣнного моря
 Гордо встрѣчаетъ и буйные вихрѣ свистящихъ набѣги 620
 И надменныя волны, которыхъ противу хлещутъ:
 Такъ Аргивяне встрѣчали Троинъ неподвижно, безстрашно.
 Онъ же, сіающій окрестъ огнемъ, налетѣль на фалангу;
 Грозенъ упалъ, какъ волна на бѣгущій корабль упадаетъ,
 Мощная, бурей изъ тучъ возвращенная; весь потрясенный 625
 Шѣной корабль покрывается; шумное бури дыханье
 Въ парусъ гремитъ, и трепещутъ сердца корабельщиковъ блѣдныхъ,
 Страхомъ объятыхъ; они изъ-подъ смерти едва упиваются,—
 Такъ сердца трепетали въ груди благородныхъ Danaevъ.
 Онъ же, какъ левъ истребитель, на юницѣ рогатыхъ нападшій, 630
 Конъ по влажному лугу при блатѣ обширномъ пасутся
 Тысячи; паstryры при нихъ, но, юный, еще не умѣетъ
 Съ звѣремъ сразиться, дабы защитить круглогорую краву:
 Паstryры неопытны, около кравъ то переднихъ, то заднихъ
 Мечется онъ безпрестанно, а хищникъ, въ средину ихъ бросясь, 635
 Рѣжетъ быка, и всѣ разбѣгаются,—такъ Аргивяне,
 Свыше смиренные, въ бѣгъ передъ Гектора силой и Зевса
 Всѣ обратилися; онъ поразилъ одного Перифета,
 Храбраго сына Копрея, того, что, служа Эврисею,
 Вѣстникомъ часто ходилъ отъ тирана къ Гераклу герою. 640
 Сей-то отецъ ничтожный родилъ знаменитаго сына,
 Доблестей полнаго: легкостью въ бѣгѣ, искусствомъ въ сраженьяхъ,
 Въ думахъ умомъ онъ блесталь между всѣхъ благородныхъ Микенъ;
 Онъ Пріамиду герою высокую славу доставилъ.
 Въ бѣгѣ обращаясь, задомъ, внезапно на щитъ опѣ споткнулся, 645
 Имъ же держимый, огромный, до ногъ оброна отъ копий;
 Онъ, на щитѣ свой споткнувшись, навзничь упалъ и ужасно
 Грязнуль шеломъ вкругъ висковъ при паденіи сильнаго мужа.
 Гекторъ, увидѣвши то, прилетѣль и, ставъ передъ падшимъ,
 Въ перси копьемъ поразилъ и предъ сонмомъ друзей Перифету 650
 Душу исторгнулъ. Они не могли, и печальные, другу
 Помощи дать: ужасались Гектора мужеубѣйцы,
 Къ близкимъ судамъ отступили; суда, извлеченные прежде,
 Ихъ оградили переднія; Гекторъ и тамъ утѣсняль ихъ.
 Нуждой Ахеянъ сыны отступить отъ судовъ и передніхъ, 655

Нуждой заставлены горькой; они передъ кущами стали,
Вмѣстѣ столпясь, разсѣваться не мысля: удерживалъ вмѣстѣ
Стыдъ ихъ и страхъ: непрестанно они ободряли другъ друга
Криками; Несторъ особенно, стражъ престарѣлый Ахеянъ,
Каждаго мужа мелимъ, именами родныхъ заклиная:

660

„Будьте мужами, о други, почувствуйте стыдъ, Аргивяне,
Стыдъ передъ всѣми пародами! Вспомните сердцу любезныхъ
Женъ и дѣтей, стяжанья свои, и родителей милыхъ,
Вспомните всѣ, у которыхъ родные живы и мертвы!
Именемъ ихъ, и отсутственныхъ, я вѣсь молю, Аргивяне,

665

Стойте крѣпко противу враговъ, не бросайтесь въ бѣгство!“

Такъ говорилъ, и возжегъ онъ и крѣпость и мужество въ
каждомъ.

Облакъ у нихъ предъ очами Аѳина разсѣяла мрачный,
Свыше ниспосланный: свѣтъ возсиялъ имъ, открылось простран-
ство

Все, и отъ черныхъ судовъ и отъ поля погибельной битвы;

670

Гекторъ открылся ужасный, и всѣ Илюнинъ дружины,

Сколько за нимъ, позади, не сражавшихся праздно стояло

И впереди, предъ судами, неистовыемъ бился боемъ.

Сердцу Аякса великаго болѣе нелюбо стало
Быть въ тѣснотѣ, въ какой оставались другіе Ахеицы;

675

Онъ по помостамъ судовъ устремилъся, широко шагая,

Шесть корабельный въ могучихъ рукахъ потрясая огромный,

Крѣпко въ составахъ сколоченный, двадцать два локтя длиною.

Словно какъ мужъ, Ѳэдокъ на коняхъ необычно искусный,

Лучшихъ изъ множества коней избрать четырехъ и связавъ
ихъ,

680

Править и съ поля далекаго къ граду великому гонить
Битой дорогой; толпою и мужи и ребкія жены
Смотрѣть дивясь, а онъ безпрестанно и твердо и вѣрно
Скачать, садясь съ коня на коня, на бѣгу ихъ ужасномъ,—

Такъ Теламонидъ Аяксъ съ корабля на корабль по помостамъ

685

Придалъ, широко шагая и крикъ подымая до неба;

Крѣкомъ ужаснымъ герой возвуждалъ безпрерывно Данаевъ

Станъ и суда боропитъ. Но въ очое времѧ у Гекторъ

Мощный уже не въ толпѣ крѣпкобронныхъ Троинъ оставался.

Словно какъ бурный орель на стада ударяетъ пернатыхъ

690

Итицъ перелѣтныхъ, пасущихся мирно по берегу рѣчному,

Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговѣтныхъ,

Такъ Пріамидъ нападалъ на Данайскій корабль черноносый,

Буренъ кидаясь: его позади устремлять Громовержецъ

Мышней высокой и съ нимъ, воеводою, воинство двигалъ. 695

Снова у быстрыхъ судовъ запылала свирѣвая битва.
Можно бъ сказать, что ёще неусталыя, свѣжія рати
Въ бой соступилися; такъ горячо ратоборцы сражались.
Духомъ такимъ управлялися воинства: мужи Ахейцы
Болѣ не мнили избыть отъ бѣды и рѣшились погибнуть; 700
Каждый, напротивъ, Троянинъ, исполненный бодрости, чаялъ:
Нынѣ сожженья корабли и побьемъ героеvъ Ахейскихъ.
Духомъ такимъ наполняясь, одни на другихъ напирали.

Гекторъ могучей рукой за корму корабля ухватился.
Легкій, прекрасный корабль сей отважнаго Протеила 705
Въ Трою принесъ, но въ отечество вновь не повезъ ратоводца.
Окрестъ сего корабля и Ахейцы смѣясь и Троюне
Въ свалкѣ ужасной сражалися врукопашь, болѣ не ждали
Издали стрѣль поражающихъ или метательныхъ копій;
Другъ противъ друга стоящіе, равнымъ горящіе духомъ, 710
Бились мечами и копьями, острыми сверху и снизу.
Множество пышныхъ ножей, съ рукоятками черными, наземь
Падало окрестъ, летя то изъ рукъ, то съ раменъ ратоборцевъ,
Яростно бившихся; черную кровью земля залилася. 715
Гекторъ, корабль захвативъ, предъ кормою стояль неотступенъ;
Хвость кормовой онъ руками держаль и кричаль къ ополченьямъ:
„Свѣточай, свѣточай дайте! и съ крикомъ сомкнувшися граните!
День, награждающій все, даровалъ намъ Зевесъ! присудилъ намъ
Взять корабли, что, подъ Трою приплывъ противъ воли безсмерг-
ныхъ, 720

Столько намъ бѣдъ сотворили по робости старцевъ, совѣтныхъ:
Старцы, когда я хотѣль воевать корабли супостатовъ,
Въ градѣ держали менѧ и Троянскій народъ отвлекали.
Но, если въ оны дпи омрачалъ громоверженецъ Кроніонъ
Нашъ разсудокъ, то нынѣ онъ самъ и зоветъ и ведеть насъ!“ 725

Рекъ,—и они на Данаевъ ударили съ большимъ свирѣпствомъ.
Смыть Теламоновъ не выстояль: стрѣлы его засыпали;
Тихо герой отступалъ, устрашася неизбѣжной тутъ смерти,
Вспять до скамы семистопной сошелъ съ кормового помоста.
Тамъ онъ стояль, озираясь, и длиннымъ концемъ безпрерывно 730
Всѣхъ опрокидывалъ, кто напосиль пожираюпій пламенъ,
И безпрерывно ужасно кричаль, убѣждая Данаевъ:
„Други, Danaи герой, безстрашные слуги Арея!
Буйте мужами, о други, вспомните брашную доблесть!
Можетъ быть, мыслите вы, что поборники есть позади намъ? 735
Или стѣна боевая, которая наасъ обороинитъ?

Нѣтъ никакого вѣлизи укрѣпленнаго башнями града,
Гдѣ защищались бы мы, замѣненные свѣжею силой.
Мы на троянскихъ поляхъ, передъ войскомъ Троянъ твердоброн-
ныхъ,
Къ морю прибиты стоимъ, далеко отъ отчизны любезной! 740
Наше спасеніе въ нашихъ рукахъ, а не въ слабости духа!“
Рекъ и свирѣпый кругомъ нападаль съ длиннотѣнною пикой.
Каждаго, кто изъ Троянъ къ корабельнымъ кормамъ ни бросался
Съ пламенемъ бурнымъ въ рукахъ, возбуждаемый Гектора кри-
комъ,
Каждаго онъ прободаль, принимая огромную пикой; 745
Такъ ихъ двѣнадпять изъ собственныхъ рукъ закололъ предъ су-
дами.

ПѢСНЬ XVI.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Патрокль возвращается къ Ахиллесу и, спрошенный, о чёмъ проливаетъ слезы, извѣщаетъ его о крайности, въ которой находится все воинство Ахейское, упрекаетъ героя въ жестокости и наконецъ умоляетъ, да позволить ему вооружиться своимъ оружіемъ и вывестъ Мирионянъ на помощь Ахеямъ, ст. 1—47: Ахиллесъ соглашается, но приказываетъ, чтобы Патрокль, отразивъ Троицъ отъ кораблей, не подвергался большой опасности и немедленно возвратился въ станъ, 48—100. Между тѣмъ, Аяксъ, утомленный боемъ, не можетъ болѣе противиться нападенію враговъ, отступаетъ, и Троице зажигаютъ корабль, 101—124. Ахиллесъ, увидѣвъ пламень, приказываетъ Патроклу скорѣе вооружиться, самъ строитъ свое воинство, воспламеняетъ его рѣчью, завѣтными кубкомъ творить Зевсу возліяніе и моленіе за друга Патрокла, отпускаетъ его и смотритъ на отходъ воинства, 125—256. Троице, устрашенные видомъ вождя Мирионянскаго, волниются; онъ отражаетъ ихъ отъ кораблей и прекращаетъ пожаръ, 257—32. Но Троице вновь одушевляются и противоборствуютъ,—возгорается жестокая битва; съ обѣихъ сторонъ поражены многіе герои: Троице бѣгутъ, и Патрокль, прогнавъ ихъ за стѣну, въ открытое поле, тамъ съвершенно разстроивается и производитъ ужаснѣе пораженіе, 303—418. Наконецъ выходитъ противу него Сарпедонъ, сынъ Зевса, котораго Гера убѣдила, да бой героевъ предоставитъ на произволъ судьбы, и Патрокл умерщвляетъ его, 419—490. Главкъ, избранный мстителемъ отъ умирающаго Сарпедона, соединяется съ Гекторомъ и другими вождями, Патрокль—съ Аяксами. Кровавая, продолжительная битва вѣстаетъ за тѣло Сарпедона, вокругъ котораго падаютъ многіе герои, самъ Гекторъ наконецъ бѣжитъ, и Ахеяне обнажаютъ Сарпедона, 491—655. Тѣло героя, по повелѣнію Зевса, Анполлонъ похищаетъ изъ битвы, а Сонъ и Смерть переносятъ въ Ликію, 656—683. Патр. кл., гордый успѣхъ мъ, преслѣдуетъ враговъ до самого города, иѣсколько разъ бѣгає на стѣну, мечта

свалить городомъ, но Аполлонъ устранилъ это. 664—711. Между тѣмъ, Гекторъ, вновь налагшему на Ахиллѣя сеть грабежа, сопротивляется и убиваетъ воинъ его Кесарова, 712—722; убитый воинъ подбрасывается въ средину воинства Троянского, поражаетъ многихъ. Но противъ него наконецъ выходитъ Аполлонъ, обезоруживаетъ и обезоруживаетъ героя. 723—865; Эфоръ ранитъ его, а Гекторъ, отступающаго къ своимъ, убиваетъ и преслѣдуетъ его возницу Автомедона, который на коняхъ Ахиллесовыхъ убѣгаетъ. 866—867.

Такъ непреклонно они за корабль крѣпкоснастный сражались.
Тою порою Патроклъ предсталъ Ахиллесу герою.
Слезы горючія льющій, какъ горный потокъ черноводный
Мрачныя воды свои проливаетъ съ утеса крутого.
Смотря на друга, исполнился жалости пастиль народа 5
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
Что ты расплакался, другъ Менетидъ, какъ дѣва-младенецъ,
Если, за матерью бѣгая, на руки просится съ плачемъ,
Ловить одежду ея, уходящую за полу держать.
Плачеть и въ эти глядить, чтобы на руки подняла матерь? 10
Ты, какъ она, Менетидъ, проливаешь обильныя слезы.
Можетъ быть, что Мирионицамъ иль мнѣ объявить ты имѣешь?
Можетъ быть, вѣсть о домашніи изъ Фтии одинъ ты просы-
шаль?
Здравствуетъ, скажути, Акторовъ сынъ, отецъ твой Менетидъ,
Здравствуетъ также и мой, Неленъ Закидъ въ Мириониахъ. 15
О, плачевна была бъ памъ того иль другого кончина!
Можетъ быть, ты объ Ахеянахъ тужишь, что такъ злополучно
Подѣлии кораблей за неправду свою погибаютъ?
Молви, въ душѣ не скрывай ничего, чтобы оба мы знали*.
Глажко вздохнувшіи, отвѣтствовалъ ты. Менетидъ конеборецъ: 20
„О Неленонъ, бранчесень храбрѣйший Ахейскій, прости мнѣ
Слезы мои! Величайшее горе постигло Ахеянъ!
Всѣ между нами, которые въ рати храбрѣйшими слыли,
Въ станѣ лежать, иль въ стрѣльбѣ, или въ битвѣ пропавшіе
жѣдью.
Раненъ стрѣлою Тицідъ Ди-мелъ, воеватель мегучий;
Вруконаши раненъ конныхъ герой Одиссей. Атаменонъ;
Раненъ перчатой въ бедро и блестательный сынъ Эвемоновъ;
Шаны врачи, богатѣйшіе злаками, рѣзуть ихъ трудятся,
Раны вратуя. Но ты, Ахиллесъ, одинъ неизѣленецъ!
О, да не знаю я гиба такого, какъ ты сохранишь, 30
Храбрый, на бѣдствіе! Кто же въ тебѣ обрѣтеть жестушеніе,

Если не хочешь Ахеянъ спасти отъ напасти позорной?
 Немилосердый! Родитель твой былъ не Шелей благодушный,
 Мать не Фетида, но синее море, угрюмая скалы
 Міру тебя породили, суроваго сердцемъ, какъ сами! 35
 Если тебя устрашаетъ какой-либо грозный оракуль;
 Если тебѣ отъ Кронида повѣдала что-либо матерь,
 Въ бой отпусти ты меня и вѣрь мнѣ своихъ Мирмидонянъ:
 Можетъ быть, съ помощью ихъ для Данаевъ свѣтомъ я буду.
 Дай рамена облачить мнѣ твоимъ оружiemъ славнымъ: 40
 Можетъ быть, въ браніи меня за тебя принимая, Трояне
 Бой прекратить, а Данайскіе воины въ полѣ отдохнуть,
 Боемъ уже изнуренные: отдыхъ въ сраженіяхъ кратокъ.
 Мы, ополченіе свѣжее, рать, истомленную боемъ,
 Къ граду легко отразимъ отъ судовъ и отъ сѣней Ахейскихъ". 45
 Такъ онъ просилъ, неразумный! Увы, не предвидѣлъ, что будетъ
 Самъ для себя онъ выпрашивать страшную смерть и погибель!
 Мрачно вздохнувъ, провѣщаетъ къ нему Ахиллесъ быстроногий:
 „Сынь благородный Менетія, что мнѣ, Патрокль, говоришь ты?
 Мало меня безнокотъ оракуль, который я слышалъ; 50
 Мнѣ ничего не внушала почтенная матерь отъ Зевса.
 Но жестокій мнѣ гнѣвъ наполняетъ и сердце и душу,
 Если я вижу, что равнаго равный хочетъ ограбить,
 Хочеть награды лишить, потому лишь, что властью онъ выше! 54
 Гнѣвъ мой жестокъ: послѣ бѣствий, какія въ бояхъ претерпѣлъ я,
 Дѣву, которую мнѣ въ награжденіе избрали Ахеи,
 Ту, что копьемъ пріобрѣлъ я, разрушивъ градъ крѣпостной,
 Дѣву ту снова изъ рукъ у меня самовластно исторгнуль
 Царь Агамемнонъ, какъ будто бы былъ я скиталецъ безчестный!
 Но, что случилось, оставимъ! И было бы мнѣ неприлично 60
 Гнѣвъ безконечный въ сердцѣ питать; по давно объявили я:
 Гнѣвъ мой не прежде смягчу, какъ уже передъ собственнымъ
 становъ,
 Здѣсь, предъ судами моими раздастся тревога и битва.
 Ты, соглашаюсь, моимъ обликися оружiemъ славнымъ,
 Будь воеводой моихъ Мирмидонянъ, пылающихъ боемъ. 65
 Вижу, кругомъ уже черная туча Троянъ обложила
 Станъ корабельный, ужасная; вижу, прибитые къ морю
 Держатся только на брѣхѣ, на узкомъ, послѣднемъ пространствѣ
 Рати Ахеянъ; на нихъ же обрушилась цѣлая Троя,
 Дерзкая: въ полѣ не видятъ чела Ахиллесова шлема, 70
 Вѣ очи свѣтища! Скоро бѣ они полевые обраги
 Въ бѣгствѣ наполнили трунами, если бѣ по мнѣ Агамемнонъ

Былъ справедливъ, но теперь, дерзновенные, стань осаждають,
Ибо уже не свирѣпствуетъ въ мощной рукѣ Диомеда
Бурная пика его, чтобы смерть отражать отъ Данеевъ; 75
Боль не слышится голосъ изъ усть непавистныхъ Атрида
Въ ратяхъ Данийскихъ; но голосъ лишь Гектора людоубийцы
Звучный гремитъ между воинствъ Троянскихъ, и крикомъ Трояне
Всю наполняютъ долину, въ бою побѣждая Данеевъ!
Такъ да не будетъ, Патрокль! Отрази отъ судовъ истребленье, 80
Храбро ударъ, да огнемъ не сожгутъ у насъ супостаты.
Нашихъ судовъ и желанного пасъ не лишать возвращенья.
Но повинуйся, тебѣ я завѣтъ полагаю на сердце,
Чтобы меня ты и славой, и честью великой возвысишь
Въ сонмѣ Данеевъ. Итакъ, чтобы Данай прекрасную дѣву 85
Отдали сами и множество пышныхъ даровъ предложили,
Брань отъ судовъ отрази и назадъ, Менетидъ, возвратися!
Даже когда бы и славы добыть даровалъ Громовержецъ.
Ты безъ меня, Менетидъ, не дерзай поражать совершенъ
Храбрыхъ Троянъ, да и болѣе чести моей не унизишь. 90
Радуясь мужествомъ духа и славой побѣднаго боя,
Трои сыновъ истребляй, но полковъ не веди къ Иліону,
Чтобъ отъ Олимпа противу теби кто-нибудь изъ бессмертныхъ
Въ брань за Троянъ не предсталъ; Аполлонъ безпрѣдѣльно икъ
любить. 95

Вспять возвратися ко мигу, кораблямъ даровавши спасенье,
Рати жъ Ахеинъ оставь на поляхъ боевыхъ истребляться.
Если бъ, о вѣчный Зевесь, Аполлонъ и Леона Паллада,
Если бъ и Трои сыны и Ахеяне, сколько ни есть ихъ,
Всѣ истребили другъ друга, а мы лишь, избывши смерти,
Мы бы одни разметали Троянскія гордыя башни!“ 100

Такъ межъ собой говорили они. Между тѣмъ нападенья
Боль Аяксъ не выдержалъ: стрѣлы его удручили.
Зевсовы мощь побѣждала героя и храбрость Дарданцевъ,
Быстро развишихъ; ужасный, кругомъ головы его, свѣтлый
Шлемъ, поражаемый, звонъ издавалъ; поражали всесчастно 105
Въ шлемные выпуки мѣдные; шуйца Аякса замѣла,
Крѣнко дотолѣ державшая щитъ переметный; но съ мѣста
Мощнаго сбить не могли принуждевши тучею кошій.
Часто и сильно дышалъ Теламоніонъ; потъ безпрерывный
Лился ручьями по всѣмъ его членамъ; не могъ ни на мигъ онъ 110
Вольно вздохнуть: отовсюду бѣда за бѣдой возставала.

Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ смысахъ Олимпа,
Какъ на суда Аргивянъ упалъ истребительный пламень?

- Гекторъ, нагрянувши, изблизи ясниной дротъ у Аякса
Тяжкимъ ударила мечомъ и у мѣдяной трубы копейной
Ратовье махомъ разсѣкъ; бесполезно Аяксъ Теламонидъ
Взнесъ, потрясая, обрубленный дротъ: далеко отъ Аякса
Острая мѣдь отлетѣла и о землю звукнула, павши. 115
- Сынъ Теламоновъ позналъ по невольному трепету сердца
Дѣло боговъ, и, познавъ, что его всѣ замыслы въ браны
Зевсъ громоносныйничтожитъ, даруя Троянамъ побѣду,
Онь отступилъ; и Троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль: съ быстротой разлился свирѣпое пламя.
Такъ запыала корма корабля. Ахиллесь то увидѣлъ,
Въ гнѣвѣ по бедрамъ ударилъ себя и вскричаль къ Менетиду: 125
„О, поспѣши, Патрокль, поспѣши, конеборецъ мой храбрый!
Зрю я, уже на судахъ истребительный пламень бушуетъ!
Если возмутъ корабли, не останется намъ и ухода.
Другъ, воружайся быстрѣ, а я соберу ополченъ!“
- Такъ произнесъ — и Патрокль воружался блистающей мѣдью. 130
И сперва положилъ онъ на быстрыя ноги попошки
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезнай;
Послѣ поспѣшно броню надѣвалъ на широкія перси,
Звѣздчатый, вкругъ испещренный доспѣхъ Эакида героя;
Сверху набросилъ на рамо ремень и мечъ среброгвоздный, 135
Съ мѣдянымъ клинкомъ и щитъ перекинулъ огромный и крѣпкій;
Шлемъ на главу удалую сияющій пышно надвинулъ,
Съ конскою гривою; гребень ужасный надъ нимъ развѣвался.
Взяль два крѣпкіе дрота, какіе споручнѣе были;
Не взяль копья одного Ахиллеса героя: тяжель былъ 140
Крѣпкій, огромный сей ясень: его никто изъ Ахеянъ
Двигать не могъ, и одинъ Ахиллесь легко потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ Пелонскимъ, который отцу его Хиронъ
Сѣкъ съ высоты Пелопона, на гибель враждебнымъ героямъ.
Коней же быстро впряженъ Автомедону даль повелѣнъ, 145
Чтимому имъ наиболѣе послѣ Пелида героя,
Вѣрному болѣе всѣхъ, чтобы выдерживать браннныя грозы.
Сей Автомедонъ подвелъ подъ ярмо Ахиллесовыхъ коней,
Ксанеа и Балія, быстрыхъ летающихъ съ вѣтрами вмѣстѣ.
Гарпія оныхъ Подарга родила отъ Зефира вѣтра, 150
Имъ посвященная въ пастьѣ, при бурныхъ струяхъ Океана.
Въ припряжь завель онъ коня, знаменитаго бѣгомъ Недаса,
Коего добылъ Пелидъ, разгромивши градъ Гетіона:
Смертный, съ конями безсмертными онъ быстротою равнялся.
Тою порой Ахиллесь, обходя Мирмидоновъ по кущамъ, 155

Всѣкъ воружалъ ихъ оружiemъ къ бою. Подобно какъ волки,
Хищные звѣри, у коихъ въ сердцахъ беспредѣльная дерзость,
Кои олена рогатаго въ дебри нагорной, повергнувъ,
Звѣрски терзаютъ; у всѣхъ обагровлены кровью пасти;
Послѣ, стаю цѣлой, къ источнику черному рыщутъ; 160
Тамъ языками ихъ гибкими мутную воду потока
Локчутъ, рыгая кровью убийства ихъ; гордо въ ихъ персяхъ
Сердце горячее бьется и страшно раздуты утробы,—
Въ брань таковы Мирмидонянъ вожди и строители ратей
Рѣали, окресть Патрокла, слуги Эакида героя, 165
Боемъ пылая; въ средѣ ихъ стоялъ Ахиллесъ бранолюбецъ,
Крикомъ кругомъ возбуждая коней и мужей щитопосцевъ.

Въ брань пятьдесятъ кораблей Эакида Ахиллесъ быстроногий,
Зевсовъ любимецъ, привезъ къ Илиопу; на каждомъ изъ оныхъ
Ратныхъ мужей пятьдесятъ человѣкъ при уключинахъ было. 170
Пять воеводъ онъ надъ ними поставилъ, которымъ и ввѣрилъ
Въ войскахъ начальство, но самъ онъ господствовалъ съ властью
державной.

Первымъ строемъ начальствовалъ пестродоспѣшный Менесеий,
Сперхія сынъ, рѣки пресловутой, отъ Зевса ниспадшай.
Тайно его Полидора, прекрасная дочерь Пелея, 175
Съ Сперхіемъ бурнымъ родила, жена, сочетавшаясь съ богомъ,
Но, по молвѣ, съ Періериомъ Боромъ, который и бракомъ
Съ нею сопрягся торжественно, выдавъ несмѣтное вѣно.
Строй второй предводилъ ратоводецъ воинственный Эвдоръ,
Дѣвой рожденный; его Полимела, прелестная въ пляскахъ 180
Филаса дочь, родила. Цѣнился веселою дѣвой
Гермесъ безсмертный, увидѣвшій въ хорѣ ее сладкогласномъ
Плящущей въ праздникъ Фебенъ, богини ловитъ златострѣлой;
Въ теремъ за нею взошелъ и таинственно съ дѣвой сопрягся
Гермесъ незлобный, и дѣва родила отличного сына, 185
Эвдора, быстрого въ бѣгѣ и воина храбраго въ битвахъ.
Вскорѣ, едва Илиопѣ, помощница мукамъ родящій,
Сына на свѣтъ извела и узрѣль онъ сіяніе солнца,
Актора мощнаго сыпъ, Эхеклесъ благородный, супругой
Въ домъ свой поѣлъ Полимелу, несмѣтное выдавши вѣно; 190
Эвдора же Филаса въ чертогахъ своихъ, благодѣтельный старецъ,
Самъ воспиталъ и воспитать, полюбивши сердечно, какъ сына.
Третьему строю предшествовалъ храбрый Иландръ воевода,
Меналовъ сынъ; ни одинъ Мирмидонецъ, какъ онъ, не искусенъ
Биться на копьяхъ, кроме Ахиллесова друга Патрокла. 195
Строемъ четвертымъ начальствовалъ конникъ испытанный Фениксъ;

Пятый — герой Алкимедонъ, Лаеркеевъ сынъ непорочный.
Всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ гождями, Пелидъ быстроногій поставилъ
И красиво построя, вѣщалъ имъ владычное слово:

„Каждый изъ васъ, Мирмидонцы, теперь да воспомнить угрозы, 200
Коими въ станѣ, во дни моего справедливаго гнѣва,
Вы угрожали врагамъ и меня вы тогда оскорбляли;
Лютый Пелидъ, говорили, отъ матери желчью ты вскориленъ!
Безчеловѣчный, друзей предъ судами насильственно держишь!
Лучше назадъ съ кораблями своими въ дома возвратимся, 205
Ежели злоба тебѣ, злонопачная, въ сердце запала!
Такъ вы мнѣ часто, сходясь, говорили. Теперь вамъ предстало
Дѣло великое брани, которой вы столько жаждали!
Каждый теперь, въ комъ отважное сердце, сражайся съ врагами!“

Рекъ, — разжегъ еще болѣе душу и мужество въ каждомъ; 210
Крѣпче ряды ихъ сгустились, выслушавъ парсکія рѣчи.
Словно какъ стѣну строитель изъ плотно слагаемыхъ камней
Въ строимомъ домѣ смыкаѣтъ, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ,—
Такъ шишаки и щиты мѣдиобляшные сомкнуты были;
Щитъ со щитомъ, шишакъ съ шишакомъ, человѣкъ съ человѣ- 215
комъ

Плотно сходился; касались свѣтлыми бляхами шлемы,
Зыблись на воинахъ, — такъ Мирмидоняне густо сомкнулись.
Всѣхъ впереди, подъ оружіемъ, два браноносца стояли,
Храбрый Патроклъ и герой Автомедонъ, горящіе оба
Въ битву летѣть впереди Мирмидонянъ. Пелидъ же могучій 220
Входить подъ купу и тамъ отпираеть ковчегъ велелѣпный,
Даръ драгоценный, который герою въ корабль мореходный
Матерь єетида на путь положила, наполнивъ хитоновъ,
Мягкихъ, косматыхъ ковровъ и хленъ, отражающихъ вѣтеръ.
Быль въ немъ и кубокъ прекрасный: никто изъ мужей у Пелида 225
Черпнаго не пиль вина изъ него; никому изъ боговъ имъ
Онъ не творилъ возліяній, кромѣ молненоснаго Зевса.
Вынувъ сей кубокъ завѣтный, Пелидъ быстроногій сначала
Сѣрой очистилъ, потомъ омывалъ свѣтлоструйной водою,
Руки омылъ и себѣ и, виномъ наполнивши кубокъ, 230
Сталь по срединѣ двора и молился, вино возливая,
На небо смотря, и не быль невидимъ Метателю грома:

„Зевсь Пелазгійскій, Додонскій, далеко живущій владыка
Хладной Додоны, гдѣ Селлы, пророки твои, обитають,
Кои не моютъ ногъ и сняТЬ на землѣ обнаженной! 235
Прежде уже ты, о Зевсь, на мою преклонилася молитву;
Много почтивши меня, покораль ты ужасно Данаевъ.

Нынѣ еще, Громодержецъ, сіе мѣѣ исполніи желаніе!
 Я остаюся до времени въ станѣ моемъ корабельномъ,
 Друга жъ, любезнаго сердцу, и многихъ моихъ Мирмидонянъ 240
 Въ бой посылаю: побѣду еяу ниспопли, о Прорицатель!
 Храброе сердце его укрѣбни, да узнаетъ и Гекторъ,
 Можетъ ли съ нимъ и одинъ подвизаться служитель нашъ храбрый,
 Или его необорныя руки свирѣпствуютъ въ браны
 Только тогда, какъ и я выхожу на кровавые споры. 245
 Постѣ, когда отъ судовъ отразить онъ пожаръ и убѣство,
 Да, да изъ битвъ невредимъ ко мнѣ на суда возвратится,
 Съ цѣлымъ оружіемъ нашимъ и храбрыми всѣми друзьями!"

Такъ говорилъ онъ, молясь; и внималъ промыслитель Кроніонъ.
 Даль Пелейону одно, а другое владыка отринулъ: 250
 Другу его отъ судовъ отразить и пожаръ и убѣство
 Даль; по мольбу, да изъ битвъ невредимъ возвратится, отринулъ.
 Онъ же, когда возліялъ и ~~моленіе~~ Зевсу окончилъ,
 Въ кущу вошелъ и, въ ковчегъ положивши кубокъ завѣтный,
 Вышелъ и сталь передъ кущею, движимый сердца желаніемъ 255
 Видѣть еще и Троинъ и Ахеяпъ жестокую битву.

Тою порою, съ Патрокломъ героемъ, готовые къ битвѣ
 Воины шли, чтобы на рать Троянскую гордо ударить.
 Быстро они высыпались впередъ, какъ свирѣпныя осы,
 Подѣв дороги живущія, конухъ сердить прѣбыкли 260
 Дѣти, вседневно тревожа въ жилищахъ ихъ придорожныхъ;
 Юности безумная общее зло навлекаютъ на многихъ;
 Ежели ихъ человѣкъ, путешественникъ, мимо идущій,
 Трапещъ печально, быстро крылатыя съ сердцемъ безстрашныи
 Всѣ высыпаются вдругъ на защиту дѣтей и домовъ ихъ,— 265
 Съ сердцемъ и духомъ такимъ отъ своихъ кораблей Мирмидонцы
 Рѣяли въ полѣ; воинственный крикъ ихъ раздавался.
 Вождь, ихъ еще ободряя, Патроклъ воинъ громозвучно:

„Нынѣ, бойцы Мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
 Будьте мужами, любезными, всеноминаи кипящую храбрость! 270
 Нынѣ прославимъ Пелида, который, по доблести бранной,
 Первый въ Ахейскихъ мужахъ, и храбрѣйшіе вы его слуги!
 Пусть и властитель могучій, Атридъ Агамемонъ, познаетъ,
 Сколь онъ преступенъ, Ахеяца храбрѣйшаго такъ обезчетить!"

Такъ говоря, возвудилъ онъ и болѣе мужество ратныхъ. 275
 Ринулись разомъ противу Троинъ, и весь станъ корабельный
 Съ громомъ ужаснымъ отгрянулъ воинственный кликъ Мирмидонянъ
 Трои сыны лишь узрѣли Менетія сильнаго сына,
 Вѣвестъ съ клевретомъ его, подъ сияющимъ пышно доспѣхомъ,

- Дрогнуло сердце у всѣхъ; всколебались густыя фаланги, 280
 Мысля, что праздный дотолѣ герой Ахиллесъ быстроногий
 Гнѣвъ отъ сердца отринулъ и вновь преклонился на дружбу.
 Каждый сталъ озираться, чтобы гибели грозной избѣгнуть.
- Сынъ же Менетиевъ первый ударилъ съ сверкающей пикой
 Прямо въ средину враждебныхъ, гдѣ гуще ряды ихъ толпились, 285
 Ратуя вкругъ корабля благородного Протезила;
 Тамъ поразилъ онъ Пирехма, который отважныхъ Пеоновъ
 Вывелъ изъ странъ Амидона, гдѣ катится Аксай широкий:
 Въ рамо его поразилъ, и Пирехмъ, опрокинувшись, оземь
 Гранился, жалостно стонущій. Окрестъ его побѣжали 290
 Други Пеоняне: ужасомъ всѣхъ поразилъ Менетидъ ихъ,
 Свергнувшіи войскъ предводителя, нужа храбрѣйшаго въ битвахъ.
 Сихъ онъ прогнавъ отъ судовъ, угасилъ распыхавшійся пламень.
 Брошенъ врагами корабль подсожженный; ударились въ бѣгство
 Съ страшнымъ смятенемъ Трояне; Данай же разсыпались быстро 295
 Между переднихъ судовъ: и кругомъ закипѣла тревога.
 Словно когда отъ вершины горы огромно-высокой
 Облакъ густой отдовинетъ перуновъ носитель Кроніопъ,
 Все кругомъ открывается, холмы, высокія скалы,
 Долы, небесный зеиръ разворзается весь безпредѣльный, — 300
 Такъ, отразивъ отъ судовъ пожирающій огнь, отдыхали
 Рати Ахеянъ; но бранная буря еще не стихала:
 Ибо Трояне еще, передъ храброю ратью Ахеянъ
 Вспять обратясь, не бѣжали отъ черныхъ судовъ мореходныхъ,
 Бодро стояли еще, отъ судовъ отступивши по нуждѣ. 305
- Тутъ человѣкъ поражаль человѣка въ разсыпанной битвѣ;
 Каждый повергъ воеводу, и первый Патрокль предводитель
 Вдругъ обратившагось въ бѣгъ Ареилика никою острой
 Сзади въ бедро поразилъ и насквозь смертоносную выгналь: 310
 Кость раздробило копье, и лицомъ Ареиликъ на землю
 Налъ. Менелай между тѣмъ ратоводца Фоаса ударивъ
 Въ грудь обнаженную, нимо щита, сокрушиль ему члены.
 Мегесъ Амфакла, какъ тотъ на него устремлялся, примѣтъ,
 Вдругъ упредилъ, поразилъ въ бедро, гдѣ нога человѣка
 Мышцей тучнѣйшей одѣта: копейное бурное жало 315
 Жили разсѣяло, и тьма пораженному очи покрыла.
 Нестора старца сыны: Аптилохъ улучилъ Атимнія
 Никою острой; во внутренность мѣдиное жало погрузло;
 Паль онъ у стопъ побѣдителя. Марисъ, копѣемъ потрясая,
 Прянуль на внука Илеева, вспыхнувши тигвомъ за брата, 320
 Сталь передъ тѣломъ. но быстро его Фразамедъ упраждаетъ:

- Прежде чѣмъ онъ поразилъ, Оразимѣдъ устремлясть и вѣрно
РаниТЬ въ плечо: острѣ копья у него оторвало
Руку отъ мышицы и самую кость совершенно разбило:
Съ громомъ онъ гранился въ прахъ, и взоръ его мракомъ покрылся. 325
Такъ злонечущіе братя, отъ братьевъ сраженныя оба,
Въ ярчайшій Эревѣ изошли, Сарпедоновы грабрьи други,
Дѣти стрѣльца Амизидра, мужа, который Химеру
Выкоришилъ неукротиющу, многимъ на пагубу смертныи.
Сынь Оисеевъ Аянъ, налетѣвъ, Клеобула живого, 330
Толпинцемъ сбитаго съ ногъ, захватилъ и на мѣстѣ Троюницу
Жизнь сокрушилъ, погрузя въ него мечъ съ рукояткой огромной;
Въ жаркой крови розогрѣлся весь мечъ, и упавшему такъ же
Очи смѣжила кровавая Смерть и лугучая Участь.
- Тутъ Непелей и Ликонъ на сраженье сѣжалися. Копья 335
Ниъ обоимъ измѣнили: напрасно послали ихъ оба.
Снова герои сошлись на мечахъ, и Ликонъ упреждаетъ,
Въ шлемѣ коневласый у бляхи разить, и при черенѣ мѣдный
Мечъ, сокрушаясь, полетѣлъ; по Ахеенъ ударилъ подъ ухомъ,
Въ вью весь мечъ погрузиль и, оставшись на кожѣ единой, 340
На бокъ повисла глава, и разрушилась крѣпость Ликона.
Вождь Меріонъ, Акамаса прослѣдуя, быстрый настигнуль
И, въ колесницу входящаго, въ рамо десное удариль:
Онъ съ колесиници слѣдѣлъ, и въ очахъ его тьма разлилася.
- Идоменѣй Эрикаса жестокою мѣдью умѣтиль
Прямо въ уста, и въ противную сторону близко подъ мозгомъ
Вырвалась бурная мѣдь: просадила въ потылицѣ черенъ,
Вышибла зубы ему, и у падшаго, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; изъ ноздрей и изъ устья растворенныхъ
Кровь изрыгалъ опь, пока не покрылся облакомъ смерти. 350
Такъ воеводы Ахейскіе гордыхъ враговъ низлагали.
Словно свирѣпые волки на козь нападаютъ иль агнцевъ,
Ихъ вырывая изъ стадъ, которымъ неопытный пастырь
Царь по горамъ разсѣяться; волки, едва ихъ завидатъ,
Быстро панавъ, раздираютъ безсильныхъ и трепетныхъ тварей,— 355
Такъ на Троюницу нападали Ахеицы; но тѣ лишь о бѣгствѣ
Думали шумномъ, а доблѣсть кинящую вслѣ забыли.
- Но Теламонихъ великий имѣлъ непрестанно умѣтиль
Гектора мѣдно-ужинаго; тогъ же, испытанный въ битвахъ,
Турьимъ огромнымъ щитомъ закрывая широкія плечи, 360
Вокругъ пажедать и съигнанье стрѣльи и жужжаніе копий
И хотя уже видѣлъ, что имъ изменяется побѣда,
Но еще оставался, къ защищѣ сподвижниковъ вѣрныхъ.

- Словно когда отъ Олимпа подъемлется на небо туча
 Воздухомъ яснымъ, какъ бурную грозу Кронионъ наводить, — 365
 Такъ отъ судовъ поднялось и смятенье и шумное бѣство:
 Вспять, не въ устройствѣ, чрезъ ровъ отступали. Но Гектора быстро
 Вынесли кони съ оружіемъ; бросиль Троянъ онъ, которыхъ
 Сзади насильно задерживалъ ровъ предъ судами глубокій.
 Многіе въ пагубномъ рвѣ колесничные быстрые кони, 370
 Дышла сломивши, оставили въ немъ колесницы владыкъ ихъ.
 Но Патроклъ настигаль, горячо возбуждая Даназевъ,
 Горе врагамъ замышляя; Трояне и воплемъ и бѣствомъ
 Всѣ наполняли пути; отъ разсѣянныхъ войскъ ихъ до облакъ
 Прахъ крутился столбомъ; разстилалися по полю кони, 375
 Къ Трой обратно бѣжа отъ судовъ и отъ кущей Ахейскихъ.
 Онъ же, герой, гдѣ смятеніе болѣе видѣлъ бѣгущихъ,
 Съ крикомъ туда налеталъ; упадали стремглавъ подъ колеса
 Мужи съ своихъ колесницъ и, валясь, колесницы гремѣли.
 Прямо межъ тѣмъ черезъ ровъ перепрянули бурные кони, 380
 Кони бессмертные, даръ знаменитый бессмертныхъ Пелею,
 Пламенно ичася впередъ: повелитель ихъ Гектора ищетъ,
 Свергнуть его онъ пылаеть; но Гектора кони умчали.
- Словно земля, отяченная бурями, черная стоитъ
 Въ мрачную осень, какъ быстрыя воды съ небесъ проливаются 385
 Зевсъ раздраженный, когда на преступныхъ людей негодуетъ,
 Кои на сонмахъ насильственно судъ совершаютъ неправый,
 Правду гонять и божіей кары отнюдь не страшатся:
 Всѣ на землѣ сихъ людей наводняются быстрыя рѣки,
 Многія нависи скаль отторгаютъ разливныя воды, 390
 Даже до моря пурпурнаго съ шумомъ ужаснымъ несутся,
 Прядая съ горъ, и кругомъ разоряютъ дѣла человѣка,—
 Съ шумомъ и стономъ подобнымъ бѣжали Троянскіе кони.
 Сынъ же Менетиевъ быстрый, отрѣзавъ фаланги переднихъ,
 Снова обратно погналъ и къ судамъ ихъ Данайскимъ притиснулъ; 395
 Не даль пылающимъ въ городъ войти, но въ поляхъ заключенныхъ
 Между судами, рѣкой и стѣною Ахейской высокой,
 Быстро гонялъ, убивалъ и взыскалъ возмездіе съ многихъ.
 Перваго тутъ Пронооя копьемъ въ обнаженный перси,
 Мимо щита, поразилъ и кипящую силу разрушилъ; 400
 Съ громомъ онъ падъ. Побѣдитель на Фестора, Энопа сына,
 Тамъ же напаль; въ колесницѣ блистательной Фесторъ несчастный
 Сжавшись сидѣлъ: оковалъ его ужасъ, изъ трепетныхъ дланей
 Вырвались вожжи; ему, налетѣвшему, онъ мѣдию пику
 Въ правую челюсть вонзилъ и пробилъ Энопиду сквозь зѣбы. 405

Пикой его черезъ край колесничный повлекъ онъ, какъ рыбарь,
Сидя на камнѣ нависнувшемъ въ море, великую рыбу
Быстро изъ волнъ извлекаетъ и нитью и иѣдью блестящей,—
Такъ Энопида зіявшаго влекъ онъ сверкающей пикой,
Сбросиль на землю лицомъ, и отъ падшаго жизнь отлетѣла. 410
Вслѣдъ Эріала, противу летящаго, камнемъ съ размаху
Грянулъ въ средину главы, и она пополамъ раскололась
Въ крѣпкомъ шеломѣ; объ землю челомъ Эріаль пораженный
Палъ, и мгновенно надъ нимъ душегубная смерть распростерлась.
Тутъ же могучий Амфотера онъ, Эрипаса, Эпальта, 415
Пира, Эхія, Дамастора сына, вождя Тлиполема;
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея, вѣтвь Полимела,
Всѣхъ, одного за другимъ, положилъ на всеплодную землю.

Царь Сарпедонъ лишь увидѣлъ своихъ безпояснодоспѣшныхъ
Многихъ друзей, Менетида Патрокла рукою попраныхъ, 420
Громко воззвалъ, укорая возвышенныхъ духомъ Ликіанъ:
„Стыдъ, о Ликійцы! бѣжите? теперь вы отважными будьте!
Съ силь браноносцемъ хочу я сойтися, хочу я увидѣть,
Кто сей могучий? Уже онъ бѣды намъ многія сдѣлалъ,
Многіи и храбрыи Троянци сломить уже крѣпкія ноги!“ 425

Рекъ и съ своей колесницы съ оружиемъ прянулъ на землю.
Противъ него и Патрокль, лишь узрѣль, полетѣлъ съ колесницы.
Словно два коршуна, съ клевомъ покляпымъ, съ кривыми когтями,
Въ бой, на утесъ высокомъ, слетаются съ крикомъ ужаснымъ,
Съ крикомъ подобнымъ они устремилися другъ противъ друга. 430
Видящій ихъ, возволновалъ сынъ хитроумнаго Крона
И провѣщаляръ, обращаясь къ Герѣ, сестрѣ и супругѣ:
„Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ,
Днесь суждено подъ рукою Патрокловой пасть побѣжденны!“ 435
Сердце мое между двухъ помышленій волнуется въ персяхъ;
Я не рѣшился еще, живого ль изъ браны плачевной
Сына восхитивъ, поставлю въ землѣ плодоносной Ликійской,
Или уже подъ рукою Патрокла смиру Сарпедона“.

Быстро вѣщала въ отвѣтъ волоокая Гера богиня:
„Мрачный Кропіонъ! какія слова ты, могучий, вѣщаешь? 440
Смертнаго мужа, издревле уже обреченнаго року,
Ты свободить совершишо огъ смерти печальной желаешь?
Волю твори, не не вѣтъ Олимпійцы се мы одобримъ!
Слово иное речу я, и въ сердцѣ его сохрани ты.
Ежели самъ невредимаго въ домѣ ти поишлѣшь Сарпедона, 445
Ноуми, быть можетъ, безсмертный, какъ ты, и другой возжедаешь
Сына любезнаго въ дѣлѣ удалить отъ погибельной браны.“

Многіи ратуютъ здѣсь, предъ великимъ Пріамовыи градомъ,
 Чада бессмертныхъ, которыхъ ты роотъ жестокій возвудиши.
 Сколько ты сына ни любишь и въ сердцѣ его не жалѣшь, 450
 Нынѣ ему попусти на побоищѣ браны великой
 Пасть подъ руками героя, вождя Мирмидонинъ Патрокла.
 Послѣ, когда Сарпедона оставить душа, повели ты
 Смерти и кроткому Сну безздыханное тѣло героя
 Съ чуждой земли перенесть въ плодоносную Ликію землю. 455
 Тамъ и братья и други его погребутъ и воздвигнутъ
 Въ память могилу и столбъ, съ подобающей честью умершимъ":
 Такъ говорила, и вняль ей Отецъ и бессмертныхъ и смертныхъ; —
 Росу кровавую съ неба послалъ на Троянскую землю,
 Чествуя сына героя, которого въ Тройѣ холмистой 460
 Долженъ Патрокль умертвить, далеко отъ отчизны любезнай.
 Оба героя сошлись, наступая одинъ на другого,
 Первый удариль Патрокль и копьемъ поразиль Фразимела,
 Мужа, который отважнѣйший былъ Сарпедоновъ служитель:
 Въ нижнее чрево его поразиль онъ и крѣость разрушиль. 465
 Царь Сарпедонъ нападасть второй; но сверкающій дротикъ
 Мимо летитъ и коня у Патрокла пронзаетъ Недаса
 Въ правое рамо; конь заурипъль, испуская дыханье,
 Грязнулся съ ревомъ во пракъ, и могучая жизнь отлетѣла:
 Два остальныхъ разскочились, яремъ затрешаъ, и бразды ихъ 470
 Спутались вѣстѣ, когда пристяжной повалился на землю.
 Горю сему Автомедонъ пособіе быстро находить:
 Мечъ свой при тучномъ бедрѣ изъ ноженъ долголезвенный вырвавъ,
 Бросился онъ и отсѣкъ пристяжного, нимало не медля;
 Кони другіе спрямились и стали подъ ровныя вожжи. 475
 Снова герои вступили въ рѣшительный споръ смертоносный,
 И опять Сарпедонъ промахнулся блистательной никой:
 Низко, надъ лѣвымъ плечомъ острѣе пропеслось у Патрокла,
 Но не коснулось его; и ударилъ оружiemъ мѣднымъ
 Сильный Патрокль, и не праздно копье изъ руки излетѣло: 480
 Въ грудь угодиль, гдѣ лежить оболочка вокругъ твердаго сердца.
 Налѣтъ воевода Ликійский, какъ падаетъ дубъ или тополь,
 Или огромная сосна, которую съ горы дровосѣки
 Острыми вокругъ топорами ссыгутъ, корабельное древо,—
 Такъ Сарпедонъ предъ своей колесницей лежать распростертый, 485
 Съ скрипомъ зубовъ раздирая перстами кровавую землю.
 Словно поверженный львомъ, на стадо позашно нашедшій,
 Пламенныи быкъ, межъ воловъ тяжконогихъ величествомъ гордый,
 Гиблетъ, свирѣпо ревя подъ зубами могучаго звѣри,

Такъ Менетидомъ воинственнымъ царь щитоносныхъ Ликиянъ, 490
Попраний, гордо стеналь и вопилъ къ знаменитому другу:

„Главкъ любезный, могучій изъ воиновъ! Нынѣ ты долженъ
Быть кольеборцемъ отважнымъ и воиномъ неустрашимъ,
Долженъ пылать лишь свирѣпою бранью, ожели храбръ ты!
Другъ! поспѣши и, мужей предводителей смильыхъ Ликиянъ 495
Всѣхъ обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
Стань за меня ты и самъ и съ Ахейцами мѣдью сражайся!
Или тебѣ, Гипполохиду, я поношеньемъ и срамомъ
Буду всегда и предъ позднимъ потоиствомъ, когда Аргивяне
Латы похитятъ съ меня, пораженного предъ кораблями! 500
Дѣйствуй сильно и вѣтъ возбуди ополченія наши!“

Такъ произнесшему, смерти рука Сарпедону сокнула
Очи и ноздри; Натрокъ, наступивши пятю на перси,
Вырвалъ копье,—и за нимъ повлеклась оболочка отъ сердца:
Вмѣстѣ и жизнь и копье изъ него побѣдитель исторгнулъ. 505
Тамъ же Ахейцы и коней его изловили храпящихъ,
Прянувшихъ въ бѣгъ, какъ осталася праздной царей колесница.

Главка, при голосѣ друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь онъ никакъ не можетъ;
Сгиснулъ рукою онъ лѣвую мышцу: ее удручала 510
Свѣжая рана, какую нанесъ восводѣ стрѣлою
Тевкръ со стѣны корабельной, бѣду отъ друзей отражая.
Въ скорби взмолился герой, обращаясь къ царю Аполлону:

„Царь сребролукій, услышь! въ плодоносномъ ли царствѣ Ли-
кійскомъ,
Или въ Троадѣ присутствуешь, можешь вездѣ ты услышать 515
Скорбнаго мужа, который, какъ я, удручаются скорбю!
Стражду я раной жестокой; рука у меня повсемѣстно
Болью ужасной пропаивается; кровь изъ нея безпрерывно
Хлещетъ, не могши упняться; рука до плеча цѣпелѣтъ!
Твердо въ бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться, 520
Противоставши враждебныемъ; а воинахъ храбрѣшій погибнуль,
Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ! не помогъ Громовержецъ и сыну!
Ты жъ помоги мнѣ, о царь! уврачуй жестокую рану;
Боль утоли и могущество даруй, да силою слова
Храбрыхъ Ликийскихъ мужей возбужку я на крѣпкую битву 525
И за друга сраженнаго самъ достойно сражуся!“

Такъ опь молился. Услышаль его Аполлонъ дальновержецъ:
Быстро жестокую боль уголилъ, изъ мучительной раны
Черную кровь удержаль и мужествомъ душу наполниль.
Сердцемъ почувствовалъ Главкъ и восхитился духомъ, что скоро 530

- Къ гласу его моленія богъ преклонился великий.
Бросился вдаль и въ началѣ, мужей ратоводцевъ Ликійскихъ
Всѣхъ обходя, возбуждалъ за царя Сарпедона сражаться;
Послѣ къ дружинамъ Троянъ устремился, широко шагалъ;
Тамъ воеводѣ Агенору, Полядамасу являлся, 535
Къ сыну Анхиза и къ мѣднодоспѣшному сыну Пріама.
Къ Гектору онъ представалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Гекторъ, оставилъ ты вовсе Троянскихъ союзниковъ славныхъ!
Храбрые ради тебя, далеко отъ друзей, отъ отчизны,
Души въ бою полагаютъ, а ты защищать ихъ не хочешь! 540
Палъ Сарпедонъ, щитоносныхъ Ликійскихъ мужей предводитель,
Строившій землю Ликійскую правдой и доблестью духа
Мѣдный Арея Сарпедона смирилъ копіемъ Менетида.
Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести
И не позволимъ оружій совлечь и надѣ мертвымъ ругаться 545
Симъ Мирмидонцамъ, на насъ разъяреннымъ за гибель Данаевъ,
Коихъ у черныхъ судовъ истребили мы копьями многихъ!“
Рекъ,— и Троянъ до единаго тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотомъ, хотя иноземецъ,
Быть Сарпедонъ; многочисленныхъ онъ па помогу Троянамъ 550
Воиновъ вывелъ и самъ между нихъ отличался геройствомъ.
Яростно Трои сыны на Данаевъ ударили; вель ихъ
Гекторъ, за смерть Сарпедонову гнѣвный, но духъ у Данаевъ
Воспламеняло Натроково мужества полное сердце; 554
Первыхъ бодриль онъ Аяксовъ, пылавшихъ и собственнымъ духомъ:
Вамъ, о Аяксы, встрѣтить враговъ сихъ да будеть пріятно!
Будьте героями прежними или храбрѣ и прежнихъ!
Палъ браноносецъ, изъ первыхъ взлетѣвшій на стѣну Данаевъ,
Палъ Сарпедонъ! О когда бъ намъ увлечь и надѣ нимъ поругаться,
Съ персей доспѣхи сорвать и кого-нибудь изъ клевретовъ, 560
Тѣло его защищающихъ, свергнуть убийственной мѣдью!“
Такъ возбуждалъ, но Аяксы и сами сразиться нылали,
И, когда лишь фаланги съ обѣихъ сторонъ укрѣпили,
Трои сыны и Ликійцы, Ахеяне и Мирмидонцы,
Всѣ, соступившия, около мертваго съ яростнымъ воплемъ 565
Подняли бой, и кругомъ зазвучали оружія ратныхъ.
Зевсъ ужасную ночь распростеръ надѣ долиной убийства:
Брань за любезнаго сына сугуба ужасна да будетъ.
Первые Трои сыны быстроокиуы Данаевъ отбили;
Палъ пораженный отъ нихъ не ничтожный въ мужахъ Мирмидон-
скихъ, 570
Сынъ Агаклея почтеннаго, вождь Щигей благородный.

Такъ Анхизидова мѣдоогромная пика, сотрясшись,
Въ землю вошла, излетѣвъ безполезно изъ длані могучей. 615
Гордый Эней, негодя душою, вскричалъ къ Мерону:

„Скоро бъ тебя, Меронъ, несмотря, что пласатель ты быстрый,
Скоро бъ мой дроть укротилъ совершенно, когда бъ я умѣтиль!“

Быстро ему возразилъ Меронъ, знаменитый копейщикъ:

„Трудно тебѣ, Анхизидъ, и отлично могучему въ битвахъ, 620
Духъ укротить воевателя каждого, кто бы ни вышелъ
Силу измѣрять съ тобою: и ты, какъ и прочіе, смертень,
Если бъ и я угодилъ тебѣ въ грудь изощренною мѣдью,
Скоро бъ и ты, несмотря, что могучъ и на руки надеженъ,
Славу мнѣ даровалъ, а властителю Тартара душу!“ 625

Такъ говориль, чо его порицаль Мепетидъ благородный:

„Что, Меронъ, воинственный мужъ, расточаешь ты рѣчи?
Вѣрь, отъ рѣчей оскорбительныхъ гордые воины Трои
Тѣла не бросятъ, покуда кого-либо прахъ не покроетъ.
Руки рѣшать кровавыя битвы, а рѣчи совѣты. 630

Нынѣ Ахеянамъ должно не рѣчи плодить, а сражаться!“

Рекъ и впередъ полетѣлъ, и за нимъ Меронъ копьеборецъ.

Словно толпа древосѣкъ съкирами стукъ подымаетъ
Въ горныхъ лѣсахъ, на пространство далекое онъ раздается, —
Стукъ между воинствъ такой по землѣ раздался пространной 635
Мѣди гремучей и кожѣ неразрывныхъ щитовъ волокожныхъ,
Часто разимыхъ мечами и копьями яростныхъ воевъ.

Тутъ ни усерднѣйший другъ — Сарпедона, подобного богу,
Болѣ не могъ бы узнать: и стрѣлами, и кровью, и прахомъ
Весь отъ главы и до погъ совершенно былъ онъ заметанъ.. 640
Битва при гемѣ безпрестанно кипѣла. Подобно какъ мухи,
Роемъ подъ кровлей жужжа, вкругъ подойниковъ полныхъ толнятся,
Вешней порой, какъ млеко изобильно струится въ сосуды,—
Такъ ратоборцы вкругъ тѣла толпилися. Зевсъ Громодержецъ
Съ поля пылающей битвы очей не сводилъ сѣтозарныхъ. 645

Онъ непрестанно взиралъ на мужей и въ душѣ Промыслитель
Много о смерти Патрокловѣ мыслилъ, волнуясь сомнѣньемъ:
Или уже и его въ настоящемъ убийственномъ спорѣ,
Тутъ, на костяхъ Сарпедона великаго, Гекторъ могучій
Мѣдью смирить и оружія славныя съ персей похитить, 650
Или еще да продлить онъ подвигъ, погибельный многимъ?
Въ сихъ волновавшемусь мысляхъ, угоднѣе Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славнаго сына
Воинство Трои и мѣдиодосиѣшаго ихъ въеводу,
Гектора, къ граду погонитъ и душу у многихъ истопречетъ. 655

Гектору первому Зевсъ послалъ малодушіе въ перси;
 Онъ, въ колесницу вскочивъ, побѣжалъ, повелѣвъ и Троянамъ
 Къ граду бѣжать: уступилъ онъ священнымъ вѣсамъ Олимпійца.
 Тутъ ни Ликийцы въ бою не остались храбрые: въ бѣгство
 Всѣ обратились, увидѣвъ царя ихъ, пропащенаго въ сердце, 660
 Грудою тѣль окруженнаго: много ихъ вокругъ Сарпедона
 Пало съ тѣхъ поръ, какъ бой сей ужасный воздвигъ Олимпіецъ.
 Быстро съ раментъ Сарпедона Дапаи сорвали доспѣхи
 Мѣдные, пышно блестящіе, кои къ судамъ Мирмидонскимъ
 Другамъ нести повелѣлъ Патрокль, конзборецъ могучій. 655

Въ оное время воззваль къ Аполлону Кронидъ тучеводецъ:
 „Нынѣ гряди, Аполлонъ, и, восхитивъ отъ стрѣлъ Сарпедона,
 Тѣло отъ черной крови, отъ браинаго праха очисти;
 Вдалъ перенесши къ потоку, водою омой свѣтлоструйной,
 Миромъ его умасти и одѣнь одеждой безсмертной. 670
 Такъ совершивъ, повели ты посламъ и безмолвныи и быстрыи,
 Смерти и Сну близнецамъ, да поспѣши они Сарпедона
 Въ край отнесуть плодоносный, въ пространное Ликий царство.
 Тамо братья и други его погребутъ и воздвигнутъ
 Въ память могилу и столбъ, съ подобающей честью усопшимъ“. 675
 Рекъ Громовержецъ,—и не былъ Отцу Аполлонъ непокорень:
 Быстро съ Идѣскихъ вершинъ низлетѣлъ на ратное поле,
 Тамъ изъ-подъ стрѣлъ Сарпедона, подобнаго боту похитиль,
 Вдалъ перенесши къ потоку, водою омыль свѣтлоструйной,
 Миромъ его умастиль, одѣль одеждой безсмертной 680
 И нести повелѣлъ онъ посламъ и безмолвныи и быстрыи,
 Смерти и Сну близнецамъ, и они Сарпедона мгновенно
 Въ край принесли плодоносный, въ пространное Ликий царство.

Тою порою Патрокль, возбуждая вознику и коней,
 Гналъ и Троянъ и Ликианъ, и къ собственной гибели мчался, 685
 Мужъ неразумный! Когда бъ соблюдали Ахиллесово слово,
 То изѣжали бы отъ участи горестной черныя смерти.
 Но Кронида совѣтъ человѣческихъ крѣпче совѣтovъ:
 Онъ устрашаетъ и храбраго, онъ и побѣду отъ мужа
 Вспять похищать, котораго самъ же подвигнеть ко браини; 690
 Онь и Патрокловы перси пеистовыми духомъ наполнилъ.

Кто же былъ первый и кто былъ послѣдній, которыхъ сразилъ ты,
 Храбрый Патрокль, какъ тебя уже боги на смерть призывали?
 Перваго свергнулъ Адраста, за нимъ Автона, Эхекла,
 Всѣдѣ Меланиппа, Энистора, Мегаса отрасль, Нерна, 695
 Элаза, Мулія, врукопашь всѣхъ, и героя Пиларта.
 Сихъ онъ сразилъ, а другіе спасенія въ бѣгствѣ искули.

Взяли бъ въ сей день Аргивяне высокую башниами Трою
Съ сыномъ Менетія: такъ впереди онъ свирѣствовалъ никой,
Если бъ Фебъ Аполлонъ не стоять на возвышенной башнѣ, 700
Гибель ему замышляя и Трои сына мъ поборая.

Трижды Менетіевъ сынъ взбѣгалъ на высокую стѣну,
Дерзко-отважный, и трижды его отражалъ Стрѣловержецъ,
Дланью своею бессмертной въ блистательный щитъ ударяя:
Но когда онъ, какъ демонъ, въ четвертый разъ устремился, 705
Голосомъ грознопретительнымъ Фебъ стрѣловержецъ воскликнулъ:

„Храбрый Патроклъ, отступи! Не тебѣ предназначено свыше
Градъ крѣпкодушныхъ Троянъ копіемъ раззорить, но Пелиду,
Сыну богини, который тебя несравненно сильнѣйшій!“

Рекъ,—и далеко назадъ Менестій отступилъ, изѣгая 710
Гнѣва могущаго бога, стрѣлами разящаго Феба.

Гекторъ же въ Скейскихъ воротахъ удерживалъ пышащихъ
коней,
Думалъ, сражаться ль ему, устремившиися къ воинствау, снова,
Или своимъ ратоборцамъ въ стѣнахъ повелѣть собираться?
Въ сихъ колебавшемусь думахъ предсталъ Аполлонъ Пріамиду, 715
Образъ цвѣтующій пріявши младого, могучаго мужа,
Храбраго Азія, Гектора, коней смирителя дяди,
Брата родного Гекубы, отважнаго сына Димаса,
Жившаго въ тучной Фригійской землѣ, при водахъ Сангарія;
Образъ, пріявши его, провѣщаъ Аполлонъ дальновержецъ: 720

„Битву оставилъ ты, Гекторъ? Поступокъ тебя не достоинъ!
Если бъ, сколько слабъ предъ тобою, столько могущественъ быль я
Скоро бъ раскаялся ты, что кровавую битву оставилъ!
Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетныхъ;
Можетъ быть, славу побѣды тебѣ Аполлонъ уготовалъ!“ 725

Рекъ и вновь обратился бессмертный къ борьбѣ человѣковъ.
И немедленно Гекторъ велѣль Кебріону возніцѣ
Коней бичомъ на сраженіе гнать. Аполлонъ же отшедший
Въ множествѣ ратныхъ сокрылся,—и тамъ межъ Ахеянъ воздвиг-
нуль

Страшную смуту, Троянамъ и Гектору славу даря. 730
Гекторъ Ахеянъ другихъ оставляль, никого не сражая;
Онъ на Патрокла летѣль, устремляя коней звукопогані.
Встрѣчу ему и Патроклъ соскочилъ съ колесницы на землю;
Щуйце держалъ опь копье, а десницаю камень подхи иль,
Мраморъ лосиністый, зубрастый, всю мощную руку занягній; 735
Бросилъ его упершись,—и летѣль онъ не долго до мужа,
Посланъ не тщетно изъ рукъ: поразилъ Кебріона возніцу,

1928 Година изгубијала јејаја губитак (струни
ц) и се вонија, па чак изгубила и црвени крстови;
Будују се њене спомене за време на којима ће се вонија
изгуби, па је још убрзо изгубила и јејаја, али је погодила здрави
јејаја и то је било користно. И струниција, вонија и подобри.
Дајте је још једна, па је још једна, а јејаја је још једна.

Сюда же идет воспитатель, воспитывает Павловых коньковые
лапы, которые им неуют. Учебниками. Сюда же идет:
Кошка. Кошки учатся ходить в темноте. Их обучают.
Мышка. Кошки учатся ловить мышей. Учебниками.
Мышка. Кошки учатся ловить мышей. Учебниками.
Лягушка. Кошки учатся ловить лягушек. Учебниками.
Лягушка. Кошки учатся ловить лягушек. Учебниками.

Такъ же убили ты, Маркеловъ и Савинъ. Гробъ-
гектора (автора) съ сокрушеніемъ за заслуги
Онъ съезжъ за волынку, възь склонилъ голову, сопливъ,
Когдъ за гробомъ прѣйтъ, за волынъ перестрѣлъ.
Онъ (задорнъ) зажигъ, съ торжествомъ сражаются гвардейцы:
Такъ за грека Небесного исконичные два Гранаты,
Храбрый Петрикъ Менестрель и блестящий Гекторъ, сражася. 760
Исконичъ (одинъ) другого прошибъ (вспоминаю хилью).
Гекторъ, схвативъ за голову, къръ (къръ) ее бушевать безотбоянныи.
Сквозь же Менестрель за ишу вѣхъ; и вругъ иль другое,
Три сына и Лананъ, спасися въ спасиблю суть.

Словно два вѣтра, восточный и южный, сориѣть спорятъ, 765
Въ горной долинѣ слышано, и Сорокъ густую дубраву;
Бѣлые буки, вишни и ябл., деревья користый
Земли, засѣяны въ землю, нижними вѣтвами ссыпая
Горы, узелками; кругомъ отъ краинакихъ трескъ раздается,—
Любовь, любовь, Трояне, смирило рѣчъ съ другою сшибаясь, 770
Боги же на синѣ; никто о прозрѣтельномъ бѣствѣ не думалъ.
Межею же воругъ Гебѣджа четырехъ коней великихъ,
Дважды же стрѣлью окриленныхъ, слетавшихъ съ тетивъ, водруженъ-
Лось:

Чище строи, чижеи отрежимъ юти разбивали у воевъ
Свердловъ, по величеству толь, на пространствѣ великому, 775
И възбуди, иная дъльши, измѣнилъ искусство ворзинцы.

длого, доколи сильного противу протекало.

Стрѣлы летали съ обѣихъ сторонъ и народъ поражали.
Но лишь солнце склонилось къ порѣ, какъ воловъ распрагаютъ,
Храбрость Ахеянъ, судьбѣ вопреки, одолѣла противныхъ: 780
Трупъ Кебріона они увлекли изъ-подъ стрѣль, изъ-подъ криковъ
Ярыхъ Троянъ и оружия пышная сорвали съ персей.

Но Патрокль на Троянъ, умышляющій грозное, грянуль.
Трижды влеталь онъ въ средину ихъ, бурному равнѣ Арею,
Съ крикомъ ужаснымъ, и трижды сражаль девяты браноносцевъ. 785
Но когда онъ, какъ демонъ, въ четвертый разъ устремилъ,
Туть, о Патрокль, бытія твоего наступила кончина:
Противъ тебя Аполлонъ по побоищу шествовалъ быстро,
Страшенъ грозой. Не позналъ онъ бога, идущаго въ сонмахъ;
Мракомъ великимъ одѣянный, шествовалъ ввстрѣчу безсмертный. 790
Сталь позади и въ хребеть и широкія плечи ударили
Мощной рукой,— и, стемнѣвъ, закружилися очи Патрокла.
Шлемъ съ головы Монетидовой сбилъ Аполлонъ дальноверженецъ;
Быстро по праху катясь, зазвучалъ подъ копытами коней
Мѣдяній шлемъ; осквернилися волосы пышнаго гребня 795
Черною кровью и прахомъ. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахомъ земнымъ оскверняться:
Опъ на прекрасномъ челѣ, на главѣ богомужней героя,
Онъ на Пелидѣ сіалъ, но Кронидъ соизволилъ, да Гекторъ
Онѣмъ украсить главу: приближалась бо къ Гектору гибель. 800
Вся у Патрокла въ рукахъ раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крѣпкая, мѣдью набитая; съ плечъ у героя
Щитъ, до пятъ досягавшій, съ ремнемъ повалился на землю;
Мѣдныя латы на немъ разрѣшилъ Аполлонъ небожитель,
Смута на душу нашла и на члены могучіе томность; 805
Сталь онъ, какъ бы обаянныій. Приближался съ острою никой
Съ тыла его— и межъ плечъ поразилъ воеватель Дарданскій,
Славный Эффорбъ Паноондъ, который блисталь между сверстныхъ
Ногъ быстротой и метаньемъ копья и искусствомъ возницы;
Онъ уже въ юности двадцать бойцовъ сразилъ съ колесницы ихъ, 810
Впервые выѣхавъ самъ на коняхъ, изучаться сраженьямъ.
Опъ, о Патрокль, на тебя устремилъ оружіе первый,
Но не сразилъ и, исторгнувъ изъ язвы огромную пiku,
Вспять побѣжалъ и укрылся въ толпѣ; не отважился явно
Противъ Патрокла, уже безоружнаго, стать на сраженье. 815
Онъ же, и бога ударомъ и мужа копьемъ укрощенный,
Вспять къ Мирмидонцамъ друзьямъ отступалъ, изѣгающій смерти.
Гекторъ, едва усмотрѣль Мепетида, высокаго духомъ,
Съ боя идущаго вспять, пораженнаго острою мѣдью.

- Прянуль къ иску сквозь ряды и копьемъ, упредивши, удариль 820
 Въ пахъ подъ животъ: глубоко во впутренность мѣдь погрузилася;
 Палъ Менетидъ и въ уныніе страшное ввергнуль Данаевъ.
 Словно какъ вепря могучаго пламенный левъ побѣждаетъ,
 Если на горной вершинѣ сражаются, гордые оба, 825
 Возлѣ ручья маловодного, жадные оба напиться;
 Вепря, уже задыхавшагося, силою левъ побѣждаетъ,—
 Такъ Менетида героя, уже погубившаго многихъ,
 Гекторъ великий копьемъ низложилъ и душу исторгнулъ.
 Гордый побѣдой надъ нимъ, произнесъ онъ крылатыя рѣчи:
 „Вѣрно, Патрокль, уповаль ты, что Трою нашу разрушишь, 830
 Нашихъ супругъ заплѣниши и, лишивъ ихъ священной свободы,
 Всѣхъ повлечешь на судахъ въ отдаленную землю родную!
 Нѣть, безразсудный! за нихъ-то могучіе Гектора коня,
 Къ битвамъ летя, разстилаются по полю; самъ конецъ я
 Между героею Троянскими блистаю и я-то надѣюсь 835
 Рабство отъ нихъ отразить! Но тебя растерзаютъ здѣсь враны!
 Бѣдный! тебя Ахиллесь, несмотря, что могучъ, не избавиль.
 Вѣрно, тебѣ опь идущему въ битву приказываль крѣпко:
 Прежде не мысли ты мнѣ, конеборецъ Патрокль, возвращаться
 Въ стаигъ Мириондасай, доколѣ у Гектора мужеубѣйцы 840
 Брони, дымъ икейся кровью, самъ на груди не расторгнешь!”
 Вѣрно, онъ такъ говориль и прельстиль бесразсуднаго душу*.
 Дышашій томно, ему отвѣчаль ты, Патрокль благородный:
 „Славясь тесерь, величайся, о Гекторъ! И побѣду стяжаль ты.
 Зевса и Феба поспѣшествомъ: боги меня побѣдили, 845
 Имъ-то легко; отъ меня и доспѣхи похитили боги.
 Но тебѣ подобны, если бы мнѣ двадцать предстали,
 Всѣ бы они полегли, соокрушенныи никой мою.
 Шагубный рогъ, Аполлонъ и отъ смертныхъ Эвфорбъ Дарданіецъ
 Въ браны меня поразили, а ты уже третій сражашъ. 850
 Слово постыднѣе молвлю, на сердцѣ его сохранилъ ты:
 Жизнь и тебѣ на землѣ остается не долгая; близко,
 Близко стоять передъ тобою и Смерть и суровая Участь,
 Часть подъ рукой Ахиллеса, Эакова мощнаго внука*.
- Такъ говорища, смертный конецъ осѣнасть Патрокла. 855
 Тихо душа, излетѣвшая изъ тѣла, исходить къ Аиду,
 Плачясь на жребій печальный, бросая и крѣпость и юность.
 Но къ Патроклу и къ мертвому Гектору великий воскликинуль:
 „Чго, Мириондасинъ, ты предвѣщаешь мнѣ грозную гибель?
 Знаеть ли кто, не Нелідъ ли, сънъ среброногой Оетиды, 860
 Прежде, моимъ конемъ пораженный, разстанется съ жизнью?”

Такъ произпесь опь и мѣдную пилу изъ мертваго тѣла
Вырвалъ, пятою нажавъ, и его опрокинулъ оуь навзничъ.
Нослѣ немедля противъ Автомедона съ пикой понесся;
Мужа могучаго онъ, Ахиллесовыхъ коней возницу, 865
Свергнуть пыталъ, но возницу умчали быстрые кони.
Копи безсмертные, дарь знаменитый безсмертныхъ Илею.

ПѢСНЬ XVII.

СОДЕРЖАНИЕ СЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Менелай защищаетъ тѣло Патроклово и Эвфорбова, покушающагося пить изъ него доспѣхъ, убиваеть, ст. 1—70. Между тѣмъ, Гекторъ, по убѣжденію Аполлона, возвратясь отъ преслѣдованія Автомедона, обнажаетъ Патрокла; Менелай призываетъ Аякса на защиту тѣла, которое Гекторъ увлечь бы обезображенное, если бъ не явился Аяксъ и не сталъ противъ него съ Менелаемъ 71—139. Гекторъ, гордясь похищенными оружіемъ, уходитъ отъ Аякса; Главкъ жестоко порицааетъ его; возбужденный упреками его, Гекторъ одѣвается оружиемъ Ахиллесовымъ, съ Патрокла совлеченнымъ, 140—197. Зевсъ предвѣщаетъ близкую смерть его; онъ же вновь устремляется, чтобы увлечь тѣло, и на сей бой призываетъ храбрѣшихъ вождей Троаскихъ, 198—236. Противъ нихъ сходятся призванные Аякомъ и Менелаемъ герои Ахейскіе, 237—261. Такимъ образомъ на одномъ мѣстѣ возгорается ужасная битва, въ которой Менелай, Аяксъ и Гекторъ, предводительствуя своими дружинами, сражаются съ перемѣннымъ успѣхомъ, одни, чтобы защитить Патроклово тѣло, другие, чтобы увлечь его на поруганіе. Но во все это время Ахиллесъ еще не знаетъ о смерти друга, 262—425. Ахиллесовыхъ коней, унылыхъ и пролѣвающихъ слезы о Патрокле, Зевсъ одушевляетъ новою бодростью, и Автомедонъ снова летить въ бои, въ явъ сподвижникомъ Алкимедона, 426—483. Увидѣвъ его, немедленно устремляются Гекторъ, Эней и другие, чтобы овладѣть знаменитыми конями. Противъ нихъ на адения крѣпко стоять Ахеище, привзвавъ на помощь Менелая и Аякса, которые, отразивъ враговъ, снова обращаются къ защитѣ Патроклова тѣла и снова подымаютъ за него страшную битву. Аѳина воодушевляетъ Менелая, Апласъ возбуждаетъ Гектора, 484—592; онъ жестоко нападаетъ на Аякса, и Зевсъ громомъ изменяетъ побѣду Троянцамъ. Тогда перемѣняется рѣшительно успѣхъ битвы: храбрѣши Ахиллесъ бытъ; самъ Аяксъ Теламонидъ утрашается, ища Антилоха, чтобы послать къ Ахиллесу, и, ничего не видя

сквозь ужасный мракъ, покрывающій битвенное поле, онъ въ ропотѣ храброго сердца вопіетъ къ Зевсу, 593—651. По его же совѣту, Менелай отыскиваетъ Антилоха и посылаетъ къ Ахиллесу съ вѣстю о смерти Патрокла, 652—701; потомъ защитою Аяксовъ, которые, слѣдя по стопамъ ихъ, мужественно отражаютъ нападающихъ, но Троицѣ жестоко преслѣдуютъ, и бѣство Ахеянъ дѣлается общимъ; 702—761.

Онъ не укрылся отъ сильного въ браняхъ царя Менелая,
Храбрый Патроклъ, пораженный Троицами въ пламенной битвѣ.
Бросись впередъ, Менелай, ополченный сверкающей мѣдью,
Около тѣла ходиль, какъ вокругъ юницы нѣжная матерь,
Первую родшай, прежде не знавшая муки рожденій,— 5
Такъ вокругъ Патрокла ходиль герой Менелай свѣтлокудрый,
Грозно предъ нимъ и конъе уставляя и щить мѣднобляштый,
Каждаго, кто бъ ни приблизился, душу исторгнуть готовый.
Но не могъ преебречь и Эвфорбъ, знаменитый копейщикъ,
Надшаго въ браняхъ Патрокла героя: приблизился къ тѣлу, 10
Сталь и воскликнулъ къ могучему въ битвахъ царю Менелаю:
„Зевсовъ пітомецъ, Атридъ, повелитель мужей, удалися,
Тѣло оставь, отступись отъ моей ты корысти кровавой!
Прежде меня ни одинъ изъ Троянъ и союзниковъ славныхъ
Въ пламинной битвѣ конъемъ не коснулся Патрокловъ тѣла. 15
Мнѣ ты оставь межъ Троицами свѣтлою славой гордиться,
Или, страшился, лишу и тебя я сладостной жизни!“

Вспыхнувши гнѣвомъ, воскликнулъ Атридъ, Менелай свѣтло-
кудрый:

„Зевсомъ клянусь, не позволено такъ безпредѣльно кичиться. 20
Столько и левъ не гордится могучій, ни тигръ несмириимый,
Ни погибельный вепръ, который и больше, дикій,
Яростью въ персяхъ свирѣствуя, грозною силою пышить,
Сколько Паноеовы дѣти, метатели копій, гордятся!
Но не спасла Гипперенора, конника, гордаго силой,
Младость его, какъ противу меня онъ съ ругательствомъ вышелъ. 25
Онъ вопіяль, что презрѣнѣйшій я межъ Данайами воинъ,
Но изъ битвы, я мню, не своими ногами пошелъ онъ
Въ домъ возврадовать кровныхъ своихъ и супругу младую.
Такъ и твою сокрушу я надменность, когда ты посмѣрешь
Ближе ко мнѣ подойти! Но прими мой совѣтъ и скорѣѣ 30
Скрофся въ толпу; предо мною не стой ты, пока надъ тобою
Горе еще не сбылося! Событие зрѣть и безумный!“

Такъ онъ вѣщалъ, но Эвфорбъ непреклонный отвѣтствовалъ снова:

„Нѣть, Менелай, расплатися теперь же со мной за убійство! Братъ мой тобою убитъ и гордишься еще ты, что сдѣлалъ Горькой вдововою супругу его въ новобрачномъ чертогѣ И почтенныхъ родителей въ илачье неутѣшный повергнулъ! О! безъ сомнѣнія, плачущий я утышевѣю буду, Если, сорвавши съ тебя и главу и кровавыя латы, Въ руки отдать ихъ Панею и матери нашей Фронтистѣ. Но почто остается досель неиспытаннымъ подвигъ И не рѣшенными битвой иежь наами и храбрость и робость!“ Такъ произнесъ и ударилъ противника въ щитъ иѣднобляшпый, Но, не проникшее мѣди, согнулось копейное жало Въ твердомъ щитѣ. И тогда устремилъ съ убийственной мѣдью Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса владыку: Вспять отскочившему онъ въ основаніе горла Эвфорбу Пику вонзилъ и налегъ, на могучую руку надежный: Быстро жестокая мѣдь пробѣжала сквозь иѣжную выю; Грянулся оземь Эвфорбъ, и на немъ загремѣли доспѣхи; Кровью власы оросилися, срѣдные дѣвамъ Харитамъ Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью. Словно какъ маслина древо, которое мужъ возлелѣяль Въ уединеніи, гдѣ искнаисть ручей многоводный, Пышно кругомъ разрастается; збылють ее, прохладжая, Всѣ тиховѣйные вѣтры, покрытую цвѣтомъ сребристымъ; Но незаппая буря, нашедшая съ вихремъ могучимъ, Съ корнемъ изъ ямины рветъ и по черной землѣ простираеть,— Сына такого Панеосва, гордаго сердцемъ Эвфорба, Царь Менелай пизложилъ и его обнажаль отъ оружій. Словно какъ левъ, на горахъ возросшій, могучествою гордый, Если изъ стада пасомаго лучшую краву похитить, Вилю онъ вмигъ ей крушить, захвативши въ крѣпкіе зубы; Послѣ и кровь и горячую впурренность всю поглощаетъ, Жаждно терзая; кругомъ на ужаснаго псы и селяне, Стоя вдали, подымаютъ крикъ безпрерывный, но выдти Противъ него не дерзаютъ: блѣдній ихъ страхъ обымаетъ,— Такъ изъ Троянскихъ мужей никого не отважило сердце Противъ царя Менелая, высокаго славою, выдти. Скоро бѣ къ дружинѣ понесъ еселѣпный доспѣхъ Панеонда Сильный Атридъ, но ему позагидовалъ Фебъ дальновержецъ: Онь на Атрида подвигнулъ подобнаго богу Арею Гектора; въ образѣ Мента, Киконскихъ мужей воеводы, Къ Гектору Фебъ провѣщаъ, устреиляя крылатыя рѣчи: „Гекторъ! безплодно ты рыщешь, преслѣдуя неуловимыхъ“

35

40

45

50

55

60

65

70

75

Копей Пелида героя: Пелидовы кони жестоки!

Ихъ укротить и управить для каждого смертного мужа

Трудно, кромѣ Ахиллеса, бессмертной матери сына!

Тою порой у тебя Атрейонъ, Менелай бранопосный,

Трупъ защищая Патрокловъ, храбрѣшаго воина свергнуль, 80

Бурную мощь обуздалъ онъ Паноеева сына Эвфорба».

Рекъ и вновь обратился бессмертный къ борьбѣ человѣковъ.

Гектору горѣсть жестокая мрачное сердце стѣснила;

Окресть себя обозрѣль онъ ряды и мгновенно увидѣль

Мужа, похитивъ спѣшащаго свѣтлый доспѣхъ, и другого, 85

Въ пракѣ простертаго: кровь изливалась изъ раны широкой.

Бросился Гекторъ впередъ, ополченный сверкающей мѣдью,

Звучно кричащий и быстрый, какъ бурный пламень Гефестовъ.

И пе укрылся отъ сына Атреева крикъ его звучный;

Думенъ, Атридъ совѣщался съ своею душой благородной! 90

„Горе! когда я оставлю доспѣхъ сей прекрасный и брошу

Тѣло Патрокла, за честь мою положившаго душу,

Каждый меня Аргивянина осудить, который увидитъ!

Если жъ на Гектора и Троянъ одинокъ ополчуся,

Бѣства стыдяся, одинъ окружень я и множествомъ буду: 95

Всѣхъ Троянцевъ сюда ведеть шлемоблещущій Гекторъ.

Но почто у меня волиуется сердце въ сихъ думахъ?

Кто, вопреки божеству, осмѣлится съ мужемъ сражаться,

Богомъ хранимы, бѣда надъ главой того быстрая грянетъ.

Нѣть, Аргивяне меня не осудять, когда уступлю я 100

Гектору сильному въ браны: отъ бога воинствуетъ Гекторъ.

Если жъ Аякса я гдѣ-либо, духомъ безстрашнаго, встрѣчу,

Съ нимъ устремимся мы вновь и помыслимъ о пламенной битвѣ,

Даже и противу бога, только бы тѣло Патрокла

Намъ возвратить Ахиллесу; изъ золъ бы то меньшее было“. 105

Тою порою, какъ думы сіи въ умѣ обращаль онъ,

Близко Троянъ подступили ряды и предъ оними Гекторъ.

Вспять Менелай отступилъ и оставилъ Патроклово тѣло.

Часто назадъ озираясь, подобно какъ левъ густобрادый,

Коего псы и народъ отъ загона воловъ отгоняютъ 110

Копытами, криками; гордаго звѣря могуче сердце

Страхомъ стѣсняется; нехотя онъ отъ загона уходитъ:

Такъ отошелъ отъ Патрокла герой Менелай свѣтлокудрый,

Сталь и паздъ обратился, приближася къ сонму Данаевъ.

Тамъ онъ Аякса искалъ, Теламонова мощнаго сына; 115

Скоро увидѣль героя па лѣвочь крылѣ ратоборства,

Гдѣ онъ дружины свои ободрялъ, поощряя па битву;

Свыше ниспосланныхъ ужасомъ икъ поразилъ Дальновержецъ.
Онъ устремился къ Аяксу и такъ восклицалъ, приближаясь:

„Другъ Теламонидъ, сюда! за Патрокла сражшаго въ битву! 120
Можетъ быть, сыну Пелееву мы возвратимъ хоть нагое
Тело его, а доспѣхи подпитыи убийственный Гекторъ.“

Такъ говорилъ и воинственный духъ взволновалъ у Аякса.
Онъ устремился впередь и при немъ Менелай свѣтловудрый. 125
Гекторъ же тѣмъ, обнаживши отъ славныхъ доспѣховъ Патрокла,
Влекъ, чтобы голову съ плечъ отрубить изощренную мѣдью,
Трупъ же его изувѣченный псаѣмъ на съденіебросить.
Вдругъ Теламонидъ, стъ щитомъ передъ персами, башнѣ подобныи,
Грозный явился; и Гекторъ, назадъ отступивши къ дружинамъ,
Пригнувшись въ свою колесницу; доспѣхи же отдалъ Троянамъ 130
Несть въ Иліопъ, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонидъ, огромнымъ щитомъ Менетида покрывши,
Грозенъ стоялъ, какъ становится левъ предъ своими дѣтями,
Если ему, малосильныхъ ведущему, въ дикой дубравѣ
Встрѣтится ловчіе: онъ, раздражаясь, очами сверкаетъ, 135
Хмурить чѣло до бровей, покрывая и самыя очи,—
Сынъ Теламоновъ таковъ обходилъ Менетидово тѣло.
Подѣлъ его же, съ другой стороны, Менелай бранолосный
Мрачнѣй стоялъ, величайшую горестъ въ сердцѣ питая.
Главкъ между тѣмъ Гипполохидъ, Ликийскихъ мужей воевода, 140
Грозно взиря на Гектора, горькой язгиль укоризной:

„Гекторъ, герой по наружности! какъ ты далекъ отъ геройства!
Суетно добрая слава идеть о тебѣ, малодушный!
Думай о способахъ, какъ отъ враждебныхъ и градъ свой и замокъ
Можешь избавить одинъ ты съ мужами, рожденными въ Троѣ. 145
Что до Ликианъ, впередь ни одинъ не пойдетъ на Данаяевъ
Биться за градъ; никакой благодарности здѣсь не находить,
Кто ежедневно и ревностно съ вашими бьется врагами.
Какъ же простого ты ратника въ войскѣ народномъ заступишъ,
Мужъ злонолучный, когда Сарпедона, и гостя и друга, 150
Предаль безъ всякой защиты Ахеямъ въ плѣнъ и добычу,
Мужа, толико услугъ оказавшаго въ жизни какъ граду,
Такъ и тебѣ? Но и нсовъ отъ него отогнать не дерзнуль ты!
Если еще хотъ одинъ отъ Ликийскихъ мужей мнѣ послушень,
Мы возвратимся въ дома: приближается пагуба Трои. 155
Если бъ имѣли Троище отважность и духъ дерзновенный,
Духъ, мужей обзывающій, кои за землю родную
Противъ враговъ и труды и жестокія битвы подъемлють,
Скоро бы мы увлекли въ Иліонскія стѣны Патрокла.

Если жъ бы славный мертвецъ сей въ обитель владыки Пріама, 160
 Въ градъ Иліонъ перешелъ, среди боя захваченный нами,
 Скоро бъ Ахейцы намъ выдали пышный доспѣхъ Сарпедона;
 Мы его самого привнесли бъ въ Иліонскія стѣны:
 Ибо поверженъ служитель героя, который славиѣ
 Всѣхъ Аргивянъ при судахъ и клевретовъ предводитъ храбрѣй-
 шихъ. 165

Ты жъ не дерзнулъ Теламонову сыну, Аяксу герою,
 Противостать и, безтрепетно смотря противнику въ очи,
 Прямо сразиться не смѣль: несравненно тебя онъ храбреѣ!

Гнѣвно на Главка взглянувъ, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
 „Главкъ, и таковъ ты будучи, такъ говоришь безразсудно! 170
 Мыслилъ, о другъ, я донынѣ, что разумомъ ты превосходишь
 Всѣхъ населяющихъ землю пространной державы Ликійской,
 Нынѣ жъ твой умъ совершенно порочу; и что ты вѣщаешь?
 Ты волиешь, что не смѣль я Аякса огромнаго встрѣтить?
 Нѣть, ни сраженья, ни топота конскаго я не страшился! 175
 Но Кронида совѣтъ человѣческихъ крѣпче совѣтовъ:
 Онъ устрашаетъ и храбраго, онъ и отъ мужа побѣду
 Вспять похищаетъ, котораго самъ же подвигнетъ ко бранамъ.
 Шествуй со мною и стой близъ меня, и разсмотривай дѣло:
 Цѣлый ли день я останусь, какъ ты провѣдешь, робкимъ, 180
 Или какого-нибудь, и кипящаго боемъ Данайца,
 Мужество я укрошу при защитѣ Патрокловъ тѣла!“

Такъ произнесъ и, Троянъ возбуждающій, звучно воскрикнулъ:
 „Трои сыны, и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дардане!
 Будьте мужами, друзья, и воспойте бурную доблѣсть; 185
 Я же Ахиллеса героя одѣнуся браннымъ доспѣхомъ,
 Славнымъ, который добылъ я, Патроклову мощь одолѣвшіи“.

Такъ воскричающій, вышелъ изъ битвы пылающей Гекторъ,
 Шлемомъ сіяя; пустился бѣжать и настигнулъ клевретовъ
 Скоро, еще не далекихъ, стремительно ихъ догоняя, 190
 Несшихъ въ святой Иліонъ Ахиллесовъ доспѣхъ знаменитый.
 Ставъ отъ боя вдали, Пріамидъ обмѣнялся доспѣхомъ,
 Свой разрѣшилъ и отдалъ, да несутъ въ Иліонскія стѣны
 Вѣрные други, а самъ облекался доспѣхомъ безсмертнымъ
 Славнаго мужа Пелида, который небесные боги 195
 Дали Пелею герою; Пелей подарилъ его сыну,
 Старецъ, но сынъ подъ доспѣхомъ отца не успѣлъ состарѣться.

Зевсъ, Олимпійскій блистатель, узрѣвъ, какъ отъ битвъ уда-
 ленный
 Гекторъ доспѣхомъ Пелида, подобнаго богу, облекся,

- Мудрой головой покивалъ и въ душѣ своей проглаголалъ: 200
 „Ахъ, злополучный, душа у тебя и не чувствуетъ смерти,
 Близкой къ тебѣ: облекаешься ты бессмертныи доспѣхомъ
 Сильнаго мужа, которого всѣ браненосцы трепещутъ!
 Ты умертвилъ у него краткодушнаго, храбраго друга
 И доспѣхи героя съ главы и съ раменъ недостойно 205
 Сорвалъ! Но дамъ я тебѣ одолѣніе крѣпкое въ брані
 Мздою того, что изъ руки отъ тебя, возвратившагося съ болѣ,
 Славныхъ оружий Иеліда твоя Андромаха не приметь!“
- Рекъ и маніемъ черныхъ бровей утвердилъ то Кроніонъ..
 Гекторъ тѣло доспѣхъ обольнуль, и вступиши ему въ сердце 210
 Бурий, воинственный духъ; преисполнілись всѣ его члены
 Силой и крѣпостью. Онь къ знаменитымъ друзьямъ Илона
 Шествовалъ съ крикомъ могучимъ и взорамъ всѣхъ представлялся,
 Въ блескъ доспѣховъ бессмертныхъ, самимъ Ахиллесомъ величимъ.
 Такъ обходящій ряды, ободрялъ воеводъ онь рѣчами: 215
 Месола, Оерсилоха, Медона, вѣтвь Гипполохову Главка,
 Гипшоооя, Дезинора, Астеропея героя,
 Хромія, Форка и славнаго въ птицегаданы Эннома;
 Сихъ возбуждалъ онъ вождей, устремляя крылатыя рѣчи:
 „Слушайте, союзы несмѣтные нашихъ друзей и сособѣй! 220
 Я не искаль многолюдства, и нужду не въ ономъ имѣ,
 Васть изъ далекихъ градовъ собирая я въ священную Трою,
 Нѣть, но чтобы вы и супругъ и дѣти неповинныхъ Троянскихъ
 Ревностно миѣ защищали отъ браполюбивыхъ Данаевъ.
 Съ мыслию сею и даними я и принасами борца 225
 Свой источаю народъ, чтобы мужество ваше возвысить.
 Станьте же въ лицо супротивныхъ, и каждый изъ васъ или гибни,
 Или спасай свой животъ! такою состояніе ратныхъ!
 Кто между вами Натрокла, хотя и убитаго, пынѣ 229
 Къ союзу Троинъ привлечетъ, и предъ кѣмъ Теламонидъ отступить,
 Тотъ половину корыстей возьметъ, половина другая
 Будетъ мою, но славою онъ, какъ и я, да гордится“.
- Гекторъ сказалъ, — и они на Данаевъ обрушились прямо,
 Конья поднявши; надеждою гордой ласкалось ихъ сердце
 Тѣло Натрокла отбить у Аякса, твердыни Данаевъ. 235
 Мужи безумные! многимъ при тѣлѣ исторгнуль онъ душу.
 Ихъ усмотрѣши, Аяксъ возгласилъ къ Менелаю герою:
 „Другъ Менелай, питомецъ Зевеса! едва мы, какъ мыслю,
 Сами успѣхъ съ тобой возвратиться живые изъ битвы!
 Я безнокуюсь не столько о тѣлѣ Менетія сына: 240
 Скоро несчастный насчитить и исовъ и пернатыхъ Троянскихъ,—

- Сколько страшусь о главѣ и своей и твоей, чтобы горе
Ихъ не постигнуло; тучею браны здѣсь все треврываетъ
Гекторъ, и намъ, очевидно, грозить неизбѣжная гибель! 244
Клич, о любезный, Данайскихъ героевъ; быть можетъ, услышатъ".
 Такъ говорилъ, и послушалъ его Менелай свѣтловласый,
Голосомъ громкимъ вскричалъ, призывая на помощь Danaeъ:
 „Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Danaeъ,
Вы, которые въ пишествахъ съ нами, сынами Атрея,
Вѣстѣ народное пьете и каждый народомъ подвластныи 250
Правите, власть бо и славу присмлете свыше отъ Зевса,—
Каждаго нынѣ изъ васъ распознать предводителя воинствъ
Мнѣ невозможно: сраженія пламень кругомъ насъ пылаетъ,—
Сами спѣшите сюда и, наполняясь гордаго гнѣва,
Быть Патроклу не дайте игралищемъ псовъ Иlionскихъ!" 255
 Такъ воскликалъ онъ,—и ясно услышалъ Аяксъ Оилеевъ,
Первый предсталъ къ Менелаю, побоищемъ быстро пробѣгшій;
Слѣдомъ за ними Девкалидъ и сопутникъ царя Девкалида,
Мужъ Меронъ, Эніалю равный, губителю смертныхъ.
Прочихъ мужей имена кто могъ бы на память повѣдать, 260
Послѣ пришедшихъ и быстро возставившихъ битву Danaeъ?
 Прежде Трояне напали громадой; предшествовалъ Гекторъ.
Словно какъ въ устьяхъ рѣки, отъ великаго Зевса ниспадшей,
Валъ, при истокѣ, огромный шумитъ, и высокіе окресть
Воють брега отъ валовъ, изрыгаеиыхъ моремъ на сушу,— 265
Столько былъ шуменъ подъятый Трояпами кликъ; но Danae
Вокругъ Менетида стояли, единимъ кипящіе духомъ,
Крѣпко сомкнувшись щитами ихъ мѣдными. Свыше надъ ними,
Окрестъ ихъ шлемовъ сияющихъ, страшный разлиль Громодержецъ
Мракъ; никогда Менетидъ ненавистенъ Владыкъ безсмертныхъ 270
Не былъ, доколѣ дышаль и служилъ Эакиду герою;
Не было богу угодно, чтобы снѣдію псовъ Пlionскихъ
Сталь Менетидъ,—и воздвигъ онъ друзей на защиту героя.
 Первые сбили Трояне Ахейскихъ сыповъ быстроокихъ.
Тѣло оставя, побѣгли они, но ни воя межъ ними 275
Трои сыны не сразили, надменные, какъ ни пылали,
Тѣло жъ они увлекли; но вдали отъ него и Danae
Были не долго: ихъ всѣхъ обратилъ съ быстротою чудесной
Сынъ Теламона, и видомъ своимъ, и своимъ дѣлами
Всѣхъ Аргивянъ превышающій, послѣ Нелида героя.
Ринулся онъ сквозь передникъ, могучествою вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псовъ и младыхъ звѣроловцовъ,
Всѣхъ, обращался быстро, легко разсыпаетъ по дѣбрѣ,— 280

- Такъ Теламона почтеннаго сынъ, Аяксъ благородный,
Бросясь, разсыпалъ легко супротивныхъ густыя фаланги,
Конь уже окружили Патрокла и сердцея пызали
Въ стѣны градскія увлечь и великою славой покрыться.
Тѣло ужъ Гиппоою, Нелазгійскаго Леона рожденье,
За ногу торопко влекъ по кровавому поприщу боя,
Около глазы, у жилья, обвязавши ремнемъ перевѣспыть; 285
Гектору синъ и Троянамъ хотѣль угодить онъ, но быстро
Гибель пришла, и не спасъ ни одинъ изъ друзей плаченѣвшихъ.
Грозный Аяксъ на него, сквозь разорванныхъ толпищъ обрушасть,
Никою врукопашь грязнуль по иѣдоланитному шлему,
И разсѣялся шедомъ густогривый подъ иѣдянинъ жаломъ, 295
Бывъ пораженъ и огромнымъ конемъ, и рукою могучей.
Мозгъ по Аяксу копью побѣжалъ изъ главы раздробленной,
Смѣшанный съ кровью; исчезла могучесть; изъ трепетныхъ дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустилъ, и на иѣстѣ
Самъ онъ, лицомъ повалившимъ, падъ подъ мертваго мертвый, 300
Падъ далеко отъ Ларисы родной; ни родителямъ бѣднымъ
Онъ не воздалъ за труды воспитанія; вѣкъ его кратокъ
Былъ на землѣ, Теламонова сына копьемъ простиженій.
Гекторъ жесть тѣмъ на Аякса направилъ сияющій дротикъ.
Тотъ, хоть и въ пору завидѣлъ, отъ быстронесущейся иѣди 305
Чуть уклонился, но Гекторъ Следія, Ифитова сына,
Храбраго мужа Фокеяниъ, который вѣтъ славномъ Ианопѣ
Домомъ богатыемъ владѣль и властноволъ многимъ народомъ,—
Мужа сего поразилъ подъ ключомъ: совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь раму вверху пробѣжало; 310
Съ шумомъ упаль онъ на долъ, и взгрѣмѣли на гащемъ доспѣхи.
Мощный Аяксъ браннодушнаго Форка, Фенопсовы сына,
Трупъ защищавшаго Гиппоою, удариль въ утробу:
Лату брони пресадила и внутренность мѣдь сквозь утробу
Вылила; въ прахъ повалившись, хватаетъ рукою онъ землю. 315
Всилы отступили переднихъ ряды и сіясцій Гекторъ.
Крикнули громко Дананы и Гиппоою и Форка
Разомъ тѣла увлекли и съ раменъ ихъ сорвали доспѣхи.
Скоро опять бы Троище отъ бранолюбивыхъ Данаевъ.
Скрылися въ градѣ, побѣжденные собственной слабостью духа, 320
Славу же стяжали бѣ Дананы, престиву судебъ Громодержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлонъ на Данаевъ,
Гибній, Энея возвдвигнуль, образъ пріявъ Иерифаса,
Сына Эпитетова: онъ, при отцѣ престарѣломъ Энея
Вѣстникомъ бывъ, состарѣлся, іспо членный кроткихъ совѣтовъ: 325

Образъ пріявиши его, Аполлонъ провѣщалъ ко Энею:

„Какъ же могли бъ вы, Эней, защитить, вопреки и бессмерт-
нымъ,

Градъ Иліонъ, какъ я нѣкогда видѣль другихъ человѣковъ,
Крѣпко надежныхъ на силу, на твердость сердецъ и на храбрость,
Съ менѣшой дружиной свою, превышею всяаго страха? 330
Намъ же и самъ Кронидъ благосклоннѣе, чѣмъ Аргавянамъ,
Хощеть побѣды, но вы лишь трепещете, стоя безъ битвы!“

Такъ провѣщалъ,— и Эней передъ собою позналъ Аполлона,
Въ очи возврѣвшій, и крикнулъ онъ Гектору голосомъ звучнымъ:

„Гекторъ, и вы, воеводы Троянъ и союзныхъ народовъ! 335
Стыдъ намъ, когда мы вторично отъ бранолюбивыхъ Данаевъ
Скроемся въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа!
Нѣть, божество говорить:— предо мною оно предстояло.—

Зевсъ, промыслитель верховный, намъ благосклонствуетъ въ браны!
Прямо пойдемъ на Danaeъ! Пускай супостаты спокойно 340
Къ чернымъ своимъ кораблямъ не приближатся съ тѣломъ Патрокла!“
Рекъ и, изъ ряду переднаго вылетѣвъ, сталъ передъ войскомъ.
Трои сыны обратились и стали въ лицо Аргивянамъ.

Тутъ благородный Эней, ополченный копьемъ, Леокрита,
Сына Аризбалта, свергъ, Ликомедова храбраго друга. 345
Въ жалость о падшемъ пришелъ Ликомедъ, благодушный воитель,
Къ тѣлу приближилея, сталъ и, сияющій ринувши дротикъ,
Онъ Анизаона, сына Гиппасова, силь. воеводу,

Въ печень подъ сердцемъ пронзилъ и сломилъ ему крѣпкия ноги,
Мужу, который притеckъ отъ цвѣтушихъ полей Шенойскихъ 350
И на битвахъ блисталь, какъ храбрѣший по Астеропеѣ.

Въ жалость пришелъ о поверженномъ Астеропей браннодушный,
Прямо и онъ на Данаевъ ударилъ, пылая сразиться:

Тщетная доблѣсть! Кругомъ, какъ стѣной, ограждались щитами
Окрестъ Патрокла стояще, острыя копья уставивъ. 355
Ихъ непрестанно Аяксъ обходилъ, убѣждающій сильно:
Шагу назадъ отступать не приказывалъ сынъ Теламоновъ;

Съ мѣста впередъ не идти, чтобы вдали отъ дружины сражаться;
Крѣпко у тѣла стоять и при немъ съ нападающимъ биться.

Такъ убѣждалъ ихъ великий Аяксъ. Между тѣмъ заливалась 360
Кровью багряной земля, упадали одни на другое

Труны какъ храбрыхъ Троянъ и союзниковъ ихъ знаменитыхъ,

Такъ и Данайскихъ мужей; и они не безъ крови сражались;

Менѣше лишь гибнуло ихъ: помышляли они безпрестанно,

Какъ имъ другъ друга въ толпѣ защищать отъ опасности гроз-

пой. 365

Битва пылала, какъ огнь пожирающій; каждый сказаль бы, —
Вѣро, на тверди небесной не цѣло ни с лица, ни мѣсяцъ:
Мракомъ такмъ на побоищѣ были покрыты герои,
Кои кругомъ Менетида, его защищая, стояли,
Прочия жь рати Троянъ и краинопоножныхъ Данаевъ 370
Вольно сражались, подъ воздуходъ яснымы; вездѣ разливался
Пламенныи солнечный свѣтъ; подъ равниною всей, и дѣ горами
Не было облака; съ отдыхомъ чистымъ сражались войски;
Стороны обѣ свободно отъ стрѣль уклонилися горыкиъ,
Ратуясь издали. Здѣсь же, въ сединѣ, во мракѣ и сѣчѣ 375
Горе терпѣли; нещадно жестокая мѣда поражала
Воевъ храбрѣихъ. Но къ двумъ браноносцамъ еще не достигла,
Къ славныиимъ мужамъ, Оразимеду и брату его Антилоху,
Вѣсть, что не стало Патрокла; ендо они мнили, что храбрый
Живъ и предъ первой фалангой ратуетъ гордыкъ Пергамянъ. 380
Оба опи, отъ друзей отврашая убийство и бѣгство,
Въ полѣ отдельно сражались; такъ заповѣдалъ Несторъ,
Въ бой могучихъ сыновъ отъ Ахейскихъ судовъ посыпал.

Тѣ же съ одинаковымъ неистовствомъ спорили въ страшномъ
убийствѣ.

Цѣлыи сей день; отъ труда непрерывнаго потомъ и прахомъ 385
Были колѣна и ноги и голени каждого воя,
Были и руки и очи покрыты на битвѣ, пылавшей
Вокругъ знаменитаго друга Пелесева быстраго сына.
Словно когда человѣкъ вола огромнаго кожу
Юношамъ сильнѣмъ даетъ растянутъ, напоенную тукомъ; 390
Тѣ, захвативши ее и кругомъ разступивши, тянуть
Въ разныи стороны; влага выходитъ, а тукъ исчезаетъ,
И отъ многихъ влекущихъ кругомъ расплывается кожа,
Такъ и сюда и туда Менетида, на узы мѣ пространствѣ,
Тѣ и другиѣ влекли: несомнѣнной надеждой пылали 395
Трой сыны къ Иліону улечь, а Дакайскіе мужи
Где быстрыми судамъ; и кругомъ его тѣла кипѣль ратоборный
Вурный мятежъ; ни Арей, возжигатель мужей, ни Аѳена,
Видя его, не хулу бѣ изрекли, и горящіе гибвомъ.

Подвигъ такой за Патрокла, и воямъ и копямъ жестокій, 400
Въ день сей устроилъ Зевесъ. Но дотолѣ о смерти Патрокла
Все же вѣдалъ грецкій Ахиллестъ, бессмертныи подобный.
Рати далеко уже отъ Ахейскихъ судовъ воевали,
Близко Троянскай стѣны; не имѣль онъ и думъ, что сподвижникъ
Патъ; уповалъ онъ, что живъ и, приближась къ вратамъ Иліона, 405
Всить возвратится; опь вѣдалъ и то, что Пріамова града,

Трои, Патрокль безъ него не разрушить, ни съ нимъ совокупнѣй:
Часто о томъ онъ слышалъ отъ матери. Въ тайныхъ бесѣдахъ
Сыну она возвѣщала совѣтъ великаго Зевса;
Но бѣды жесточайшей, грозившей ему, не открыла 410
Нѣжная матеръ: погибели друга, дражайшаго сердцу.

Тѣ же неотступно у тѣла, уставивши острыя копья,
Безпрерывно сшибались, одинъ поражая другого.

Такъ восклицали иные отъ мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ:

„Други Данаи! безславно для насть возвратиться отсюда 415
Къ нашему стану! На этомъ пусть мѣстѣ утроба земная,
Мрачная, всѣхъ насть поглотить! И то намъ отраднѣе будетъ,
Нежели тѣло сіе понустить конеборцамъ Троянамъ
Съ поля увлечь въ Иліонъ и. сіающей славой покрыться!“

Такъ же иной говорилъ и въ дружинѣ Троянъ крѣпкодушныхъ: 420
„Други, хотя бы намъ должно у труна сего и погибнуть
Всѣмъ до послѣдняго, съ поля сего не сойдетъ ни единій!“

Такъ восклицали Трояне и духъ у друзей распаляли:
Простно билися воины; громъ, раздавался, желѣзный
Къ мѣдному небу всходилъ по пустыннымъ пространствамъ эаира. 425

Кони Нелевова сына, вдали отъ пылающей битвы,
Плакали стоя, съ тѣхъ поръ какъ почуяли, что ихъ правитель
Палъ низложенный во прахъ, подъ убийственной Гектора дланью.
Сынъ Діореевъ на нихъ, Автохедонъ, возатай искусный,
Сильно и съ быстрымъ бичомъ налегалъ, понуждающій къ бѣгу, 430
Много и ласкъ приговариваль, много и окриковъ дѣлалъ;
Но, ни назадъ, къ Геллеспонту широкому, въ станъ Миридопскій,
Кони бѣжать не хотѣли, ни въ битву къ дружинамъ Ахейскимъ.
Словно какъ столбъ неподвиженъ, который стоитъ на кургаѣ,

Мужа усопшаго памятникъ или жены имѣпій, 435

Такъ неподвижны они въ колесницѣ прекрасной стояли,
Долу понуривши головы; слезы у нихъ, у печальныхъ,
Слезы горючія съ вѣждей на черную капали землю,
Съ грусти по храбромъ правителѣ; въ стороны иышныя гривы,
Вышавъ изъ круга ярма, у конькъ осквернился прахомъ. 440
Конѣ печальныхъ узрѣвъ, милосердовалъ Зевсъ промыслитель
И, главой покиавъ, въ глубинѣ проглаголать душевной:

„Ахъ, злополучные, васъ мы почто даровали Нелею,
Смертиому сыну земли; не старѣющиѣ васъ и безсмертніи?“
Развѣ, чтобы вы съ человѣками бѣдными скорби познали? 445
Ибо изъ тварей, которыхъ дышатъ и ползаютъ въ прахѣ,
Истинно въ цѣлой вселеной несчастнѣе иѣть человѣка.
Но не исчезнѣтъ: вами оттолъ въ колесницѣ блестящей

Гекторъ не будетъ везомъ торжествующій: не попущу я!

Иль недовольно, что онъ Ахиллеса доспѣхомъ гордится? 450

Вашъ же я новую крѣпость вложу и въ колѣна и въ сѣрдце;

Вы Автомедона здравыи изъ пламенной браны спасите

Къ черныхъ судьмъ, а Троянамъ еще я славу дарю

Рать побиватъ, доколѣ судовъ мореходныхъ достигнутъ

И закатится солнце, и яраки священные сидутъ". 455

Такъ произнесъ онъ и конякъ вдохнула благородную силу.

Кони, отъ гравъ пресмыкавшихся прагъ отрянувши на землю,

Вдругъ съ колесницею быстрой межъ двугъ ополченій влетѣли.

Ими напалъ Автomedонъ, хотя и печальный по другѣ;

Онъ на конякъ налетѣлъ, какъ на стаю гусиную коршунъ: 460

Быстро и вспять убѣгаль отъ свирѣости толпищъ Троянскихъ,

Быстро скакаль и впередъ, сбращающій толпища въ бѣгство.

Но, въ погоню бросался, онъ не сражалъ супротивныхъ:

Не было средства ему, одному въ колесницѣ священной,

Вдругъ и копье устремлять, и коней укрощать быстролетныя. 465

Скоро увидѣлъ его Мирмидонянинъ, сердцу любезный,

Искреній другъ Алкимедонъ, Лаеркея сынъ Эмонида;

Сзади приблизился онъ и вѣталъ къ Автомедону громко:

„Другъ Автомедонъ, какой изъ безсмертныхъ совѣтъ безполезный

Въ сердце тебѣ положилъ и сужденіе здравое отнялъ?

Что ты противу Троянъ, впереди, одинокій воюешь?

Другъ у тебя умерщвленъ, а доспѣхомъ, съ него совлеченныи,

Перси покрывъ, величается Гекторъ, доспѣхомъ Пелида!"

Быстро ему съ колесницы вѣщалъ Діоридъ Автомедонъ:

„Кто, Алкимедонъ могучий, какъ ты, изъ Ахеянъ искусенъ 475

Коней безсмертия держать въ рукахъ и покорность и яростъ?

Быль Менетидъ, искусствомъ ристателя, въ дни своей жизни,

Равный богамъ; но великаго смерть и судьба одолѣла!

Шествуй, любезный, и бичъ и блестящія конскія вожжи

Въ руки прими ты; а я съ колесницы сойду, чтобъ сражаться". 480

Такъ произнесъ; Алкимедонъ на брашную стала колесницу,

Разомъ и бичъ и бразды захватилъ въ могучія руки;

Но Діоридъ соскочилъ; и узрѣлъ изъ сіяющій Гекторъ,

И къ Энею герою, стоящему близко, восклинуль: 484

„Храбрый Эней, юдіолатныхъ Дарадашевъ совѣтникъ верховный!

Я примѣщаю коней быстроногаго мужа Пелида,

Въ битвѣ явившихся вновь, но съ возницами, робкими духомъ,

И уповаю добить ихъ, когда и твое совокупно

Сердце готово; увѣрлю, когда нападемъ мы съ тобою,

Противостать не посмѣютъ они, чтобы съ нами сразиться". 490

Рекъ,—и послушался Гектора сынъ знаменитый Ахизовъ:
Бросились прямо, уставивъ предъ пероями тельчія кожи,
Крѣпкія кожи сухія, покрытыя множествомъ мѣди..
Съ ними и Хромой герой, и Аретъ, красотой пебожитель,
Бросились оба; надеждою вѣрной ласкалось ихъ сердце 495
И возницъ поразить, и угнать ихъ коней крутовыиныхъ.
Мужи безумцы! они не безъ крови должны возвратиться
Вспять отъ возницъ. Автомедопъ едва помолился Крониду,
Силою въ немъ и отвагой наполнилось ирачное сердце.
Быстро возвзвалъ Діоридъ къ Алкимедону, вѣрному другу: 500
„Другъ Алкимедонъ! держись отъ меня недалече съ конями;
Пусть за хребтомъ я слышу ихъ пытающихъ, ибо увѣренъ,
Гекторъ, на пасъ устремленный, едва ль обуздастъ свирѣпство
Прежде, пока не взойдетъ на копей Ахиллесовыхъ бурныхъ,
Гдѣ обоихъ умертвивъ, и покуда рядовъ не погонитъ 505
Воинствъ Ахейскихъ, иль самъ предъ рядами не ляжетъ сражен-
ный!“

Такъ произнесши, къ Аяксамъ возвзвалъ и къ царю Менелаю:
„Царь Менелай и Аргивскихъ мужей воеводы Аяксы!
Храбрымъ другимъ Аргивянамъ повѣрьте заботу о мертвомъ;
Пусть окружаютъ его и враждебныхъ ряды отражаютъ; 510
Вы же отъ насъ, отъ живыхъ, отразите грозящую гибель!
Здѣсь нападаютъ на насъ, окруженныхъ плачевнымъ убийствомъ,
Гекторъ герой и Эней, храбрѣйшіе воины Трои!
Впрочемъ, еще то лежитъ у бессмертныхъ боговъ на колѣнахъ:
Мчись и мое копіе, а Кронионъ рѣшать остальное!“ 515

Рекъ онъ и, мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику
И ударилъ Арета въ блистательный щитъ круговидный.
Щитъ копія не сдержалъ: сквозь него совершенно проникло
И сквозь запонь блистательный въ нижнее чрево погрузло.
Такъ, если юноша сильный съ размаху сѣкирою острой 520
Въ голову, между рогами, степного тельца поразивши,
Жилу совсѣмъ разсѣчь, подскочивши, телецъ упадаетъ,—
Такъ подскочилъ онъ и навзничъ упалъ; изощренная—сильно
Мѣдь у Арета въ утробѣ сотрясши, разрушила крѣпость.
Гекторъ пустилъ въ Автомедона пикой свою блестящей, 525
Тотъ же, примѣтивъ ее, избѣжалъ угрожающей мѣди,
Быстро впередъ наклонясь; за хребтомъ длиннотѣнная пика
Въ черную землю вонзилась и верхнимъ концомъ трепетала
Долго, пока не смирилася яростъ убийственной мѣди.
И они бѣ на мечахъ рукопашно сразиться сошлися; 530
Но Аяксы могучіе пламенныхъ ихъ разлучили,

- Свѣтомъ царю опъ явился, годину отвель роковую, 615
 Самъ же—духъ свой предаль подъ убѣственной Гектора дланью).
 Гекторъ его копіемъ улучаетъ подъ челюсть, и зубы
 Вышибла острая мѣдь и языкъ по срединѣ разсѣкла;
 Онь съ колесницы падеть и бразды разливаеть по праху.
 Ихъ Меріонъ, наклоняся поспѣшио, своими руками 620
 Съ праха земного подъяль и воскликнулъ къ царю Девкалиду:
 „Быстро гони, Девкаліонъ, пока до судовъ не доимчишься!
 Нынѣ ты видишь и самъ, что побѣда уже не Ахеянт!“
 Рекъ,—и бичомъ Девкаліонъ хлестнуль по конямъ лѣпогризы, 625
 Правя къ судамъ; боязнь Девкаліону пала на сердце.
 Въ оное жъ время постигъ и Аяксъ, и Атридъ свѣтловласый
 Волю Кронида, что Трои сынахъ даровалъ онъ побѣду.
 Слово предъ воинствомъ началь Аяксъ Теламонидъ великий:
 „Горе, о други! теперь ужъ и тотъ, кто совсѣмъ малосмысленъ,
 Ясно постигнетъ, что славу Кропіонъ Троянамъ даруетъ! 630
 Стрѣлы Троянскія, кто бъ ни послалъ ихъ, и слабый и сильный,
 Всѣ поражаютъ: Кронидъ безъ различія всѣ направляетъ;
 Стрѣлы же наши у всѣхъ бесполезно валятся на землю!
 Но рѣшимся, Danai, и сами помыслимъ о средствѣ,
 Какъ Менетидово тѣло увлечь отъ враждебныхъ и вѣстѣ 635
 Какъ, и самимъ возвратяся, друзей наихъ возрадовать милыхъ,
 Кои, взирая на насъ, сокрушаются; болѣе, мыслить,
 Гектора мужеубѣйцы ни силы, ни руку необорныхъ
 Мы не снесемъ, но въ суда мореходныя бросимся къ бѣгству.
 О, если бъ встрѣтился другъ, къ объявленію вѣсти способный 640
 Сыну Пелееву; онъ, какъ я думаю, вовсе не слышалъ
 Вѣсти жестокой, не знаетъ, что другъ его милый погибнулъ.
 Но—никого я такого не вижу въ дружинѣ Ахейской!
 Мракомъ покрыты глубокимъ и ратные мужи, и кони!
 Зевсъ всемогущій, избавь отъ ужаснаго мрака Danaevъ! 645
 Дни возврати его ясность, дай память видѣть очами
 И при сѣѣгъ губи насть, когда погубить ты желаешь!“
 Такъ говорилъ,—и слезами героя Отепъ умилился:
 Быстро и облакъ отвель, и мракъ пенавистный разсѣяль;
 Солнце съ небесъ засіло, и битва кругомъ освѣтилась. 650
 И Аяксъ Теламонидъ возвзвалъ къ Менелаю Атриду:
 „Нынѣ смотри, Менелай благородный, и если живого
 Можешь обрѣсть Антилоха, почтеннаго Nestора сына,
 Самъ убѣди, да скорѣе идеть Ахиллесу герою 655
 Вѣсть объявить, что любезнѣйший другъ его въ браны погибнулъ“.
 Такъ говорилъ,—и послушалъ его Менелай свѣтловласый;

Но уходилъ отъ побоища, словно какъ левъ отъ загона,
Гдѣ наконецъ истомился, и псовъ и мужей раздражая.

Звѣрю они не дающіе туха отъ стадъ похитить.

Цѣлую ночь стерегутъ, а онъ, алкающій мяса, 660

Мечется прямо, но тщетно ярится: изъ руки дерзновенныхъ

Съ шумомъ летять, устремленному въ срѣтенье, частыя копья,

Главни горящія; ихъ устрашается онъ, и свирѣпый,

И со свѣтомъ зари удаляется, сердцемъ печаленъ,—

Такъ отъ Патрокла герой отошелъ; Менелай свѣтловласый, 665

Съ сильнымъ въ душѣ нехотѣніемъ: онъ трепеталь, да Ахайцы,

Въ пагубномъ страхѣ, Патрокла врагамъ не оставятъ въ добычу;

Вильно еще убѣждалъ Меріона и храбрыхъ Аяксовъ:

„Други Аяксы, и ты, Меріонъ, Аргивянъ воеводы!

Вспомните кротость душевную бѣдного друга Патрокла, 670

Вспомните всѣ вы; доколѣ дышаль, привѣтенъ со всѣми

Быть онъ умѣль, но теперь онъ постигнутъ судьбою и смертью!“

Такъ говорящій друзьямъ, уходилъ Менелай свѣтловласый,

Смотря кругомъ, какъ орель быстропарный, который, вѣщають,

Видить очами острѣе всѣхъ поднебесныхъ пернатыхъ: 675

Какъ ни высоко паритъ, отъ него не скрывается заяцъ

Легкий, подъ темнымъ кустомъ притаившійся; онъ па добычу

Падаетъ, быстро уносить и слабую жизнь исторгаетъ,—

Такъ у тебя, Менелай благородный, свѣтлые очи

Быстро вращались кругомъ по великому сонму Ахеянъ, 680

Жадны встрѣтить живого еще Антилоха младого.

Скоро его онъ увидѣлъ на лѣвомъ краю ратоборства,

Гдѣ ободрялъ онъ друзей, возбуждая на крѣпкую битву.

Близко къ нему подходя, возгласилъ Менелай свѣтловласый:

„Шествуй сюда, Антилохъ, услышишь ты, Зевсовъ питомецъ, 685

Горькую вѣсть, какой никогда не должно бы свершаться!

Ты, я увѣренъ, и собственнымъ взоромъ уже наблюдалъ,

Видишь, какое бѣдствіе богъ па Данаевъ обрушилъ!

Видишь, побѣда Троицъ! Шоражень Аргивянинъ храбрѣйший:

Паль нашъ Патроклъ! Безпредѣльная горесть Данаевъ постигла! 690

Другъ, къ кораблямъ Фессалійскимъ не медля бѣги Ахиллесу

Вѣсть объявить; не успѣетъ ли онъ спасти хоть нагое

Тѣло Патрокла: доспѣхи совлекъ торжествующій Гекторъ!“

Такъ говорилъ,—Антилохъ ужаснулся, услышавши рѣчи;

Долго стоялъ онъ отъ ужаса нѣмъ; но у юноши очи

Быстро наполнились слезъ, и поднявшійся голосъ прервался.

Но — не презрѣлъ онъ и такъ повелѣній царя Менелая,

Бросился, ратный доспѣхъ Лаодоку любезному вѣривъ,

Другу, державшему подлѣ коней его твердокопытныхъ.
Быстро, ліющаго слезы, несли его ноги изъ боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово повѣдать.

Сердцу, Атриду, твоему не угодно, божественный, было
Тѣль угѣсненныхъ друзей защищать, которыхъ оставилъ
Несторовъ сынъ: въ сокрушениіи горькомъ остались Пилосцы;
Къ нимъ Менелай послалъ Оразимеда, подобного богу,
Самъ же опять полетѣлъ на защиту Патрокла героя;
Вѣстѣ съ Аяксами сталь и вѣщаль къ нимъ крылатое слово:

„Я Антилоха послалъ къ Мирионскимъ судамъ мореходныиъ,
Съ вѣстю сыну Пелееву быстрому; но, я увѣренъ,
Онъ не придетъ, хоть и страшно на Гектора мощнаго гнѣвень: 710
Какъ онъ, лишенный оружія, въ битву съ Троянами вступить?
Сами собою, Danaи, придумаемъ способъ надежный,
Какъ и сраженнаго друга спасемъ отъ враждебныхъ, и сами
Какъ подъ грозою Троинъ отъ судьбы и отъ смерти избѣгнемъ“.

И Атриду отвѣтствовалъ сынъ Теламона великий: 715
„Все справедливо, что ты ни вѣщаешь, Менелай зпѣменитый.
Бросьтесь жть, ты и Молидъ Меріонъ, наклонитеся быстро
Тѣло поднять и несите изъ боя, а мы позади васъ
Будемъ сражаться съ народомъ Троянскимъ и Гекторомъ мощнъиъ,
Мы, равносильные, мы, соизмениые, кои и прежде 720
Бурныя грозы Арея, другъ съ другомъ сложась, выносили“.

Рекъ,—и они, отъ земли подхвативши, подняли тѣло
Вверхъ и высоко и мощно; ужасно завоили сзади
Трои сыны, лишь узрѣли Danaевъ, подъемлющихъ тѣло;
Бросились прямо, подобно какъ псы на пустыннаго вепря, 725
Если онъ раненъ, летять впереди молодыхъ звѣроловцевъ;
Быстро спачала бѣгутъ, растерзать петерпѣньемъ пылая;
Но, едва онъ на нихъ оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять и кругомъ разсыпаются другъ передъ другомъ,—
Такъ и Трояне спачала толпою неотступно неслись, 730
Въ тылъ Аргивянамъ колебля мечи и двуострыя копья;
Но едва лишь Аяксы, на нихъ обратясь, становились,
Лица блѣднѣли Троинъ, и отъ нихъ не дерзатъ ни единий
Выдти впередъ, чтобы съ оружіемъ въ длани за тѣло сразиться.

Такъ усердно они уносили Патрокла изъ боя 735
Къ стану судовъ мореходныхъ; но бой возрѣсталъ по слѣдамъ ихъ,
Бурный, подобно какъ огнь, устремленный на градъ человѣковъ;
Вспыхнувшіи вдругъ, пожираетъ онъ все; разсыпаются зданья
Въ страшномъ пожарѣ, который шумитъ, раздуваемый вѣтромъ,—
Такъ и коней колесничныхъ и воиновъ мѣднодоспѣнныхъ 740

Бранный, неистовый шумъ по слѣдамъ удалявшихся несся.
 Тѣ жъ, какъ яремные мески, одѣтые крѣпкою силой,
 Тянуть съ высокой горы, по дорогѣ жестокобугристой,
 Брусь корабельный иль мачту огромную, рьяные, вмѣстѣ
 Страждуть они отъ труда и отъ пота, впередъ поспѣша, — 745
 Съ рвеиемъ такимъ Аргивянѣ Патрокла несли. Позади ихъ
 Бой отражали Аяксы, кзкъ холмъ—разъяренныя воды,
 Лѣсомъ поросшій, чрезъ цѣлое поле протяжно лежащий:
 Онъ и могучія рѣки, съ свирѣпостью волнъ ихъ встрѣчая,
 Держить и, весь ихъ напоръ отражая, въ долины другія
 Гонить; его же не въ силахъ могучія рѣки расторгнуть, —
 Такъ непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
 Битву Троянъ; по враги наступали и два наипаче:
 Мощный Эней Анхизидъ и шлемомъ сверкающій Гекторъ. 755
 И какъ туча скворцовъ или галокъ испуганныхъ ичится
 Съ криками ужаса, если увидѣть сходящаго сверху
 Ястреба, страшную смерть ныносящаго мелкимъ пернатымъ; —
 Такъ предъ Энеемъ и Гекторомъ юноши рати Ахейской
 Съ воплемъ ужаснымъ бѣжали, забывши воинскую доблесть.
 Мужество пышныхъ оружій усѣяли ровъ и окрестность 760
 Въ пагубномъ бѣгствѣ Danaeевъ, и бранная буря не молкла.

ПѢСНЬ XVIII.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Межу тѣмъ, какъ Ахиллесь, видя большое смиленіе въ воинствѣ Ахеянъ, размышлять о причинахъ его, Антилохъ приносить ему вѣсть о смерти Патрокла, ст. 1—21; онъ предается изступленной горести и плачу, 22—35. Фетида, услышавъ плачъ его, выходитъ изъ моря съ сонмомъ Неренидъ, чтобы утѣшить сына; но, видя, что онъ пыластъ немедленно искать Гектору, неизираа на то, что и самъ скоро послѣ Гектора умереть долженъ, мать отклоняетъ иетерпніе его до слѣдующаго дня, въ который обѣщаетъ ему принести отъ Гефеста оружія, 36—137. Отпустивъ Неренидъ въ домъ, Фетида спѣшишь на Олимпъ. Между тѣмъ бой возобновляется при тѣлѣ Патрокла и, несмотря на храбрую защиту Аяксовъ, Гекторъ овладѣлъ бы онимъ; если бъ Ахиллесь, по убѣженію Ирисы, посланной къ нему отъ Геры, не вышелъ на высоту рва, безъ оружія, Грознымъ видомъ своимъ и голосомъ онъ устрашаетъ Троанъ, которые въ смиленіи предаются бѣгству, 128—231. Между тѣмъ Ахеици, исторгнувъ тѣло Патрокла, приносятъ его въ сѣнь Ахиллеса при наступлении ночи, приближеніе которой ускоряетъ Гера, повелѣвъ Солнцу преждевременно закатиться, 232—242. Трояне въ тревогѣ составляютъ совѣтъ. Полидамашъ совѣтуетъ имъ не оставаться ночью при корабляхъ, но войти въ городъ, чтобы избѣжать неминуемаго пораженія, если Ахиллесь рано нападетъ на нихъ. Благородный совѣтъ его отвергнутъ Гекторомъ; онъ, напротивъ, намѣревается на другой день приступить къ кораблямъ и сразиться съ самимъ Ахиллесомъ. 243—314. Трояне проводятъ ночь въ полѣ; Ахеи же, вѣстѣ съ Ахиллесомъ, оплакиваютъ тѣло его, омываютъ тѣло его, умашаютъ благовоніями и полагаютъ на одръ погребальный, 315—355. На Олимпѣ Зевсъ укоряетъ супругу, что о а вновь возбудила ко браніи Ахиллеса. Между тѣмъ Фетида приходитъ въ докъ Гефеста и почтительно принимается, 36—427. Гефестъ, на просьбу ея изъявивъ благосклонную готовность, дѣлаетъ для Ахиллеса щитъ, великолѣпно украшенный, и другія оружія, 428—616.

Такъ ратоборцы сражались, огнямъ подобно свирѣпымъ.
Но Антилохъ къ Ахиллесу стремительно съ вѣстью приходитъ,
Видѣтъ его одного: при судахъ островерхихъ сидѣлъ онъ,
Въ сердцѣ о томъ размышающій, что передъ нимъ совершалось.
Тихо вздохнувъ, говорилъ онъ съ своею душою великой:

5

„Горе! что думать? почто кудревласыя чада Геллады
Спова назадъ къ кораблямъ въ беспорядкѣ бѣгутъ по долинѣ?
О, не свершили ли боги несчастій, ужаснѣйшихъ сердцу,
Кои мнѣ мать давно предвѣщала. Она говорила:
Въ Троѣ, прежде меня, Мирмидонянинъ, въ брани храбрѣйшій, 10
Долженъ подъ дланью Троянской разстаться съ солнечнымъ свѣ-
томъ.

Боги бессмертные, умерь Менетіевъ сынъ благородный!
Агъ, злополучный! А я умоляль, чтобы, огонь отразивши,
Спѣвъ возвратился и съ Гекторомъ въ битву вступать не дерзаль бы“.

Тою порою, какъ думы сіи въ умѣ обращалъ онъ, 15
Несторовъ сынъ знаменитый къ нему приближается грустный,
Слезы горячія льющій, и страшную вѣсть произносить:

„Горе мнѣ, храбрый, любезный Пелидъ! оть меня ты услышишь
Горькую вѣсть, какой никогда не должно бы свершиться!
Палъ нашъ Патроклъ! и уже загорѣлася битва за тѣло; 20
Онъ уже пагъ, совлекъ все оружіе Гекторъ могучай!“

Рекъ,—и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро обѣ онъ руки схвативши нечистаго пепла,
Голову всю имъ осыпалъ и лицъ осквернилъ свой прекрасный; 25
Риза его благовонная вся почернѣла подъ пепломъ.
Самъ онъ, великій, пространство покрывши великое, въ прахѣ
Молча простерся и волосы рвалъ, безобразно терзая.
Жены младыя, которыхъ и онъ и Патроклъ полонили,

Въ грусти глубокой завопили громко и, быстро изъ сѣни
Всѣ къ Ахиллесу великому выѣждавъ, руки ломали, 30
Бились въ перси, доколѣ у всѣхъ подломилися ноги.

Подѣлѣ младой Антилохъ тосковаль, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенища горестно, руку держаль онъ,
Въ страхѣ, да выи желѣзомъ себѣ не пропнить изступленій. 35
Страшно онъ плача вопиль, и услышала вопиль его матерь

Въ безднахъ глубокаго моря, въ чертогахъ родителя старца.
Горько сама возопила и къ ней собирались богини,
Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Неренды:
Вдругъ Кимодока явилась, и Оалія Нимфа, и Главка,
Спеня, Несея, и Ооя, и Галія, свѣтлая взоромъ;
Всѣдѣ Кимоюя спѣшила, и съ ней Лимпорія, Актая,

40

Дивный, богами дарованный, дарь драгоценный Пелею,
Въ день, какъ богиню тебя на смертнаго ложе повергли. 85
О, почто не осталась ты Нимфой бессмертною моря!
О, почто и Пелей не избралъ себѣ смертной супруги!
Должно теперь и тебѣ безконечную горесть извѣдать,
Горесть о сынѣ погибшемъ, котораго ты не увидиши
Въ домѣ отеческомъ! ибо и сердце мое не велить мнѣ 90
Жить и въ обществѣ быть человѣческомъ, ежели Гекторъ,
Первый, моимъ кошемъ пораженный, души не извергнетъ
И за грабежъ надъ Патрокломъ любезнѣйшимъ мнѣ не заплатить!"

Матерь, слезы ліющая, слова ему говорила:
„Скоро умрешь ты, о сынъ мой, судя по тому, что вѣщаешь! 95
Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ уготованъ!"

Ей, тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесь быстроногий:
„О, да умру я теперь же, когда не дано мнѣ и друга
Спасти отъ убѣйцы! Далеко отъ родины милой
Паль онъ и, вѣрно, меня призывалъ, да избавлю отъ смерти! 100
Что же мнѣ въ жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла отъ смерти не спась, ни другимъ благороднымъ
Не былъ защитой друзьямъ, отъ могучаго Гектора падшимъ:
Праздный сижу предъ судами, земли бесполезное бремя,
Будучи мужъ среди всѣхъ мѣднолатыхъ героеvъ Ахейскихъ 105
Первый во браны, хотя на совѣтахъ и лучше другie!
О, да погибнетъ вражда отъ боговъ и отъ смертныхъ и съ нею
Гибель непавистній, который и мудрыхъ въ неистовство вводить.
Опь въ зарожденіи сладостнѣй тихо струящагося меда,
Скоро въ груди человѣка, какъ пламенныи дымъ, возрастаеть! 110
Гибелью такими преисполнилъ меня властелинъ Агамемнонъ.
Но забываемъ мы все преждебывшее, какъ ни прискорбно;
Гибелью оскорбленнаго сердца въ груди укрощаемъ, по нуждѣ.
Я выхожу, да главы мнѣ любезной губителя встрѣчу,
Гектора! Смерть же принять готовъ я, когда ни разсудятъ 115
Здѣсь мнѣ назначить ее всемогущій Кроніонъ и боги!
Смерти не могъ избѣжать ни Гераклъ, изъ мужей величайший,
Какъ ни любезенъ онъ былъ громоносному Зевсу Крониду;
Мощнаго рокъ одолѣлъ и вражда непреклонная Геры.
Также и я, коль назначена доля мнѣ равная, лягу, 120
Гдѣ суждено, по сияющей славы я прежде добуду!
Прежде еще не одну между женъ полногрудыхъ Троянскихъ
Вздохами тяжкими грудь разрывать я заставлю и въ горѣ
Съ нѣжныхъ лапитъ отирать руками обѣими слезы!
Скоро узнаютъ, что долгие дни отдыхать я отъ браны!"

Все это выражено в первом разделе главы XVII из приведенного:

Здесь, пожалуй, это обобщение вышло чрезмерно:
Причины, изложенные в обобщенном смысле, благородны
так, что любой ученый, кто будет читать эту часть написанной им
именно в виде аргументации, захочет привести замыщенные им
доказательства в виде более точного текста.
Но он может, конечно, и не у做到, конечно.
Разумеется, Платону придется это испытать:
Но и ты, мой друг, не зайди въ бледную гробницу.
Снова поки же ямку я и самъ бы лежи не увалился:
Завтра, и рано сольца съ воссиянья солнечь явился
И покровный доспехъ для тебя пришел отъ Гефеста.

Такъ говоря, отважился Сергій отъ скорбнаго сына
И, отважися изъ сократа, Неронианъ морскій, говорила:
— Гляди мои, почуялся въ лоду прошеннаго мора,
Въ дока возвратится сюда и, увидѣвши старца морскаго,
Все имъ силу возьмите, а я на Олимпъ многохолмій,
Право на Гефесту иду: не захочеть ли славный художникъ
Дать моему Ахиллесу блестательныхъ славныхъ обужий.

Такъ изрекъ, и онѣ погрузились въ волны морскія. 145
Прото имъ съѣхалъ Олимпъ устремилась Богиня Остіда,
Всегда ли, чтобы привезь оружія милому сыну;
Всегда ли Олимпъ ее возносила стона. Но Ахейцы
Съ крикомъ ужаснѣмъ тогда, передъ Гекторомъ людоубійцей 149
Изъ страха блѣда, въ корабль и забѣхъ Геллеспонта прічались:
Тиетно Ахиллѣ ядноопожные рвались Натрокла
Свистѣ же подъ прахоскію стрѣлью, Ахиллесова мертваго друга.
Снова Натрокла пистолети тоны и парода и коней,
Сѣ лежимъ Гекторъ, послѣдъ его гибели, какъ будто пламя

Этот призраки убегали плещебощущий Гектора Натрокла,
Видеть не могли, и страшно зришь сию. Троянъ призываю;
Призра Алены его отражали от глаа свою.
Будто бы склонъ, по Гектору уходя, за силу надежный.
Руки же дрожали от страха зла, то слышалася и тревожнь
Комъ духа, склоняя къ смерти, възвещая, что суть сю не душилъ. 16)
Слышалъ Гекторъ, что суть сю не душилъ, что въ рукахъ глаа
Но, какъ видѣлъ, суть сю не душилъ, что въ рукахъ глаа.

Тайно отъ Зевса и прочихъ боговъ устремленная Герой.

Вѣстница стала предъ нимъ и крылатыя рѣчи вѣщала: 169

,Къ браны възвигнись, ужаснѣйшій мужъ, Пелейовъ быстро-
погій,

Тѣло Патрокла спаси; за него предъ судами возстала
Бурная сѣча; неистово въ ней убиваютъ другъ друга:
Мужи Ахейскіе, чтобы отстоять бездыханное тѣло;
Мужи Троянскіе, чтобы овладѣть и уничтожить къ Иліопу,
Пламенно рвутся; но пламеній всѣхъ бронеблещущій Гекторъ 175
Жаждетъ увлечь и Патроклову голову онъ замышляетъ
Съ бѣлой выи срубить и на колъ вонзить въ поруганье.
Шестій. не медли болѣе; ужась ты въ сердцѣ почувствуй,
Если Патроклъ твой будешь игралишемъ псовъ Иліонскихъ!
Срамъ на тебѣ, если тѣло его искаженное придетъ!“ 180

Къ ней, воздохнувъ, говорилъ быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Кѣмъ ты, бессмертная, вѣстницей мнѣ послана отъ бессмертныхъ?“

Вновь отвѣчала ему подобная вѣтрамъ Ириса:
.Гера мепя ниспослала, священная Зевса супруга,
Тайно; не знаєтъ сего ни высокопрестольный Кропіопъ, 185
Ни другой изъ бессмертныхъ, на снѣжномъ Олимпѣ живущихъ.“.

Ей отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Какъ мнѣ въ сраженіе выдти? Доспѣхъ мой у нихъ, у враждебныхъ!
Матерь же милая мнѣ возвратила на бой ополчаться
Щежде, поколѣ ее возвратившуюсь здѣсь не увижу, 190
Мнѣ обѣща принести отъ Гефеста доспѣхъ велелѣпный.
Здѣсь же не вѣдаю, чимъ мнѣ облечься оружиемъ крѣпкимъ?
Щить мнѣ спорученъ одинъ—Теламонова сына Аякса;
Но и самъ опь, я мню, подвизается между переднихъ,
Никой враговъ истребляя вокругъ Менетидова тѣла“. 195

Вновь отвѣчала герою подобная вѣтрамъ Ириса:
„Знаемъ мы всѣ, что твоимъ овладѣли оружиемъ славнымъ.
Но безъ оружій приближись ко рву, покажися Троянамъ:
Ликъ твой узрѣть, ужаснутся Трояне и, можетъ быть, бросятъ
Пламеній бой, а Данайскіе храбрые мужи отдохнуть, 200
Боемъ уже истомленные: кратокъ въ сраженіяхъ отдыхъ“.

Такъ говоря, отлетѣла подобная вѣтрамъ Ириса.
И возсталъ Ахиллесъ, Громовержцу любезный; Наллада
Мощныя плечи его облачила эгидомъ кистистымъ;
Облакъ его вокругъ главы обвил золотой Тритогена 205
И кругомъ того облака пламень зажгла свѣтозарный.
Словно какъ дымъ, подымаясь отъ града, восходить до неба,
Съ острова дальняго, грозныхъ враговъ окруженнаго ратью,

Онъ бо одинъ и минувшее зналъ, и грядущее видѣлъ, 250
Другомъ Гектора былъ и въ единую ночь съ нимъ родился,
Но, какъ рѣчами былъ онъ, такъ Гекторъ оружiemъ славенъ;
Мужъ благомысленный, такъ онъ Троюнамъ совѣтовать началь:
 Тщательно, други, размыслите; я вамъ совѣтую нынѣ жъ
Въ градъ съ ополченьемъ войти, а не ждать Авроры священной 255
Въ полѣ, близъ самыхъ судовъ: далеко мы стоимъ отъ твердыни.
Въ дни, какъ сей мужъ враждовалъ на Атрида, владыку народовъ,
Въ битвахъ не столько намъ тягостны были Далайскія рати.
Я веселился и самъ, при судахъ мореходныхъ ночуя,
Чаяль, что скоро возьмемъ мы суда мѣднолатныхъ Данаевъ. 260
Нынѣ жъ, какъ вы, я страшуся Пелесева быстраго сына;
Знаю я душу Пелидову бурную: онъ не захочеть
Медлить на этихъ поляхъ, гдѣ Трояне, съ сынами Ахеянъ
Въ битвы сходяся, равно раздѣляли свирѣпство Арея:
Града и нашихъ супругъ добывать онъ битвою будетъ. 265
Въ градъ возвратимся не медля; побѣрьте мнѣ, такъ совершимъ!
Нынѣ отъ битвъ удержанала Пелеева бурнаго сына
Ночь благовонная; если и завтра насть здѣсь онъ застанетъ,
Завтра нагрянувъ съ оружiemъ,—о, не одинъ Ахиллеса
Скоро узнаеть; войдетъ не безъ радости въ Трою святую, 270
Кто избѣжить отъ могучаго: многихъ Троянъ растерзаютъ
Браны и псы; но не дайте мнѣ, боги, подобное слышать!
Если вы мнѣ покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
Ночь проведемъ мы на площади съ силой, а городу стѣны,
Башни, ворота высокія, оныхъ огромные створы, 275
Длинные, гладкіе, крѣпко сплоченныя будуть защищой.
Утромъ же мы на зарѣ, ополчася оружiemъ мѣднымъ,
Станемъ на башняхъ и горе надменному, если захочеть
Онъ, отъ судовъ устремившия, съ нами вокругъ града сражаться!
Вспять къ судамъ возвратится, когда онъ коней круговынхъ 280
Въ долгихъ бѣгахъ истомить, передъ градомъ ихъ праздно гоня;
Въ стѣны ворваться ни гордое сердце ему не позволить;
Ихъ не разрушить онъ; быстрые псы его прежде изгложутъ!“
 Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Все для меня непріятное, Полидамасъ, ты вѣщаешь, 285
Ты, убѣждающій всиять отступить и въ Троб скрываться!
Или въ стѣнахъ заключеннымъ быть вамъ еще не постыло?
Прежде Пріамовъ сей градъ илмена ясновѣція смертныхъ
Всѣ парицали счастливымъ, богатымъ и златомъ и мѣдью;
Скрылося все, что въ домахъ драгоцѣнного, пышнаго было! 290
Сколько во Фригію или въ Месопотамію, славную землю,

- Продано нашихъ сокровищъ съ тѣхъ порь, какъ прогнѣванъ Кро-
нионъ!
 Нынѣ жъ, когда благодѣюшій ипѣ даровалъ Громовержецъ
 Славу стяжать при судахъ, отразивъ къ Геллеспонту Ахеянъ,
 Мысли такія, безумецъ, стыдись открывать предъ народомъ! 295
 Ихъ ни одинъ изъ Троянъ не послушаетъ: я не позволю!
 Слушайте, други, вы слово мое и ему повинуйтесь:
 Нынѣ вы всѣ вечеряйте по стану, отрядъ близъ отряда,
 Помните стражу ночную и бодрствуйте каждый на стражѣ. 299
 Кто жъ изъ Троянъ о богатствахъ домашнихъ безмѣрно крушится,
 Пусть соберетъ и отдастъ на народъ, да народъ ихъ истратить:
 Пусть кто-нибудь изъ своихъ наслаждается, но не Ахѣцы!
 Завтра жъ, еще на зарѣ, ополчася оружіемъ ратнымъ,
 Мы на суда многовеслья боемъ рѣшительнымъ грянемъ.
 Ежели истинно къ брани возсталъ Ахиллесъ быстроюгой, 305
 Худо ему, какъ желаетъ онъ, будеть! Не стану я больше
 Въ битвѣ ужасной его избѣгать, но могучаго сѣло
 Встрѣчу. Съ побѣдою славою онъ или я возвращуся:
 Общий у смертныхъ Ареи; и разящаго онъ поражаетъ!“
 Гекторъ вѣщаю, а Трояне шумно кругомъ воскликади. 310
 Мужи безумные, — разумъ у нихъ помрачилъ Паллада,—
 Съ Гекторомъ всѣ согласились, народу бѣды совѣщавшимъ,
 Съ Полидамасомъ — никто, совѣтъ предлагавшимъ полезный,
 Въ полѣ они вечеряли всѣмъ воинствомъ. Но Мирмодонцы
 Цѣлую ночь провели надъ Патрокломъ, стена и рыдая. 315
 Царь Ахиллесъ среди сонма изъ плачь свой горестный начальъ;
 Грозныя руки на грудь положивъ безздыханного друга,
 Часто и тяжко стеналь онъ, подобно какъ левъ густобрادый,
 Ежели скимновъ его изъ глубокаго лѣса похитить
 Ланей ловецъ; возвратяся онъ поздно, по дѣтямъ тоскуетъ, 320
 Бродить изъ дебри въ дебри и слѣдовъ похитителя ищетъ,
 Жалобно стонущій; горесть и яростъ его обымаютъ,—
 Такъ стеная, Пелайдъ говориль посреди Мирмидонянъ:
 „Боги, Боги! безплодное слово изъ устъ изронилъ я
 Въ день, какъ старался утѣшить героя Менетія въ домѣ! 325
 Я говорилъ, что въ Опунти приведу ему славнаго сына
 Трои рушителемъ крѣпкой, участникомъ пышной добычи.
 Нѣть, не всѣ помышленія Зевсъ человѣкамъ свершаєтъ!
 Намъ обомъ предназначено землю одну окровавить
 Здѣсь, на Троянскомъ берегу! И меня, возвратившагося съ боя, 330
 Въ домѣ отцовъ никогда ни Пелей престарѣлый не встрѣтить,
 Ни любезнаго матери, по здѣсь покроетъ могила!

Если же послѣ тебя, о Патрокль мой, въ могилу сойти мнѣ,
Съ честью тебя погребу, но не прежде, какъ здѣсь я повергну
Броню и голову Гектора, гордаго смертью твою! 335.
Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать плѣненныхъ
Трои краснѣйшихъ сыновъ, за убийство тебя отошца!
Ты жъ до того, Менетидъ, у меня предъ судами покойся!
Окрестъ тебя полногрудыя жены Троянъ и Дарданцевъ,
Коихъ съ тобой мы добыли копьемъ и могучестью нашей, 340
Грады руша цвѣтущіе бранолюбивыхъ народовъ,
Пусть рыдаютъ и ночи и дни, обливаясь слезами".

Такъ говорилъ, и друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный
Мѣдный великий треножникъ поставить на огнь и скорѣе
Тѣло Патрокла омыть отъ запекшейся крови и праха. 345.
Мужи сосудъ омовеній, поставивъ на свѣтлое пламя,
Налили полный водою и дровъ на огонь подложили;
Дно у тренога огонь обхватилъ, согрѣвалася влага.
И когда закипѣвшая въ звонкой мѣди зашумѣла,
Тѣло омыли водой, умастили свѣтлымъ елеемъ, 350
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою.
Послѣ, на одрѣ положивъ, полотномъ его тонкимъ покрыли
Съ ногъ до главы и сверху одѣли покровомъ блестящимъ.
Цѣлую ночь потомъ, вокругъ Пелида царя, Мирмидонцы,
Стоя толпой, о Патроклѣ крушились, стена и рыдая. 355.

Зевсъ на Олимпѣ возвалъ къ златотронной сестрѣ и супругѣ:
„Сдѣлала ты, что могла, волоокая гордая Гера!
Въ брань подняла быстроногаго сына Пелесва. Вѣрно,
Родонаачальница ты кудреглавыхъ народовъ Геллады".

Быстро возвала къ нему волоокая Гера царица: 360.
„Мрачный Кронионъ! какія слова ты, могучай, вѣщаешь?
Какъ? человѣкъ человѣку свободно злодѣйствовать можетъ,
Тотъ, который и смертепъ и столько совѣтами скуденъ.
Я жъ, которая здѣсь почитаюсь богиней верховной,
Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой 365
Ты парицаешь,—ты, надъ безсмертными всѣми царящими,—
Я не должна, па Троянъ раздраженная, бѣдъ устроить имъ?"

Такъ божества Олимпійскія между собою вѣщали.
Тою порою щетида достигла Гефестова дома, 369
Звѣздныхъ, нетлѣнныхъ чертоговъ, прекраснѣйшихъ среди Олимпа,
Кои изъ мѣди блистательной создалъ себѣ хромоногій.
Бога, покрытаго потомъ, находить въ трудахъ, предъ мѣхами
Быстро врашившагося: двадцать треножниковъ вдругъ опѣ работалъ,
Въ утварь поставить къ стѣнѣ资料а благолѣнія дожа.

- Онь подъ подножiemъ ихъ золотыя колеса устроилъ, 375
 Сами бъ собою они приближалися къ сопmu безсмертныхъ,
 Сами бъ собою и въ дому возвращалися, взорамъ на диво.
 Въ сехъ они видѣ окончены были; однѣхъ не придѣлалъ
 Хитро-измыщленныхъ ручекъ: готовиль и гвозди ковалъ къ нимъ.
 Тою порою, какъ ихъ онь по замысламъ творческимъ дѣлалъ, 380
 Въ дому его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
 Вышла, увидѣвъ ее, подъ покровомъ блестящимъ Харита,
 Прелестей полная, бога хромого супруга илада:
 За руку съ лаской взяла, говорила и такъ вопрошала; 384
 „Что ты, Фетида, покровомъ закрыта, въ дому нашъ приходишь,
 Милая намъ и почтенная? Рѣдко ты насъ посѣщаешь?
 Но войди ты въ чертогъ, да тебя угощу я, богиню“.
 Такъ произнесши, Харита во внутренность вводитъ Фетиду.
 Такъ сажаетъ богиню па тронѣ серебряногвоздномъ,
 Пышномъ, изящно украшенномъ, съ легкой подножной скамьею. 390
 Послѣ голосомъ громкимъ Гефеста-художника кличетъ:
 „Выйди, Гефестъ, до тебя у Фетиды Неревой просьба“.
 Ей не медля отвѣтствовалъ славный Гефестъ хромоногій:
 „Мощная въ дому моемъ и почтенная вѣчно богиня!
 Ею инѣ жизнь спасена, какъ страдалъ я, заброшенный съ неба 395
 Волею матери Геры: безстыдная скрыть захотѣла
 Сына хромого. Тогда потерпѣлъ бы я горе на сердцѣ,
 Если бъ Фетида меня съ Эвриномой не приняла въ нѣдра,
 Дщери илады катящагося вокругъ Океана сѣдого.
 Тамъ украшепія разныя девять годовъ я ковалъ имъ, 400
 Кольца витыя, застежки, уборы волосъ, ожерелья,
 Въ мрачной глубокой пещерѣ; кругомъ Океанъ предо мною
 Шинный, ревущій бѣжалъ, неизумѣримый; тамъ ни единый
 Житель меня Олимпійский, ни мужъ земнородный не вѣдалъ,
 Только Фетида съ сестрой Эвриномою, спасшія жизнь инѣ. 405
 Иныѣ мой дому посѣтила безсмертная, долженъ отдать я
 Долгъ за спасеніе жизни прекрасноволосой Фетидѣ;
 Честной, супруга моя, угощеннемъ пышнымъ Фетиду,—
 Я не замедлю, иѣхъ соберу и другіе снаряды“.
- Рекъ и отъ иаковальни великанъ закоптѣлый поднялся 410
 И, хромоногій, медленно голени слабыя двигалъ;
 Сняль отъ горна мѣхи и снаряды, какими работалъ,
 Собралъ всѣ и вложилъ ихъ въ красивый ларецъ среброковный,
 Губкою влажною вытеръ лицо и могучія руки,
 Вью дѣбелую, жилистый тыль и косматый перси, 415

- Ризой одѣлся и, толстымъ жезломъ подпираясь, въ двери
Вышелъ, хромая. Прислужницы, подъ руки взявши владыку,
Шли золотыя, живымъ подобная дѣвамъ прекрасныя,
Кои исполнены разумомъ, силу имѣютъ и голосъ
И которыхъ бессмертные знаню дѣлъ научили. 420
- Съ боку владыки они поспѣшили, а опь, колыхаясь,
Къ мѣstu прибрель, гдѣ Фетида сидѣла на тронѣ блестящемъ,
За руку взялся рукой, называль и такъ говорилъ ей:
„Что ты, Фетида, покровомъ закрытая, въ домѣ начь приходишь,
Милая намъ и почтенная! Рѣдко ты насъ посѣщаешь! 425
Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велить мнѣ,
Если исполнить могу я и если оно исполнимо“.
- И Гефесту Фетиду, залившись слезами, вѣщала:
- „Есть ли, Гефестъ, хоть одна изъ богинь на пространномъ Олимпѣ,
Столько на сердце своеемъ перенесшая горестей тѣжкихъ, 430
Сколько мнѣ, злополучной, послалъ сокрушеній Кроніонъ!
Нимфу морскую, меня покорилъ человѣку земному,
Сыну Эака, и я испытала обоятія мужа,
Какъ ни противилось сердце: уже тяжелая старость
Въ домѣ его изнуряетъ. Но скорбь у меня и другая! 435
Зевсъ даровалъ мнѣ родить и вздѣльять единаго сына,
Перваго между героеvъ! Возросъ онъ, какъ пышная отрасль.
Я воспитала его, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ въ вертоградѣ,
Юнаго въ быстрыхъ судахъ отпустила на брань къ Илону
Ратовать храбрыхъ Троянъ, и его никогда я не встрѣчу 440
Въ домѣ отеческомъ, въ свѣтлыхъ чертогахъ супруга Пелея!
Инѣ, хотя и живеть онъ и солнца сіяніе видитъ,
Долженъ страдать, и ему я помочь не могу, и пришедши!
Дѣву, которую сыну избрали въ награду Ахейцы,
Снова изъ рука у него исторгъ властелинъ Агамемнонъ. 445
Грустный по ней, сокрушаль онъ печалию сердце. Ахеанъ
Сила Троянъ до судовъ отразила и въ станъ заключеннымъ
Имъ выходить не давала. Старѣйшины воинствъ Ахейскихъ
Сына молили и множество славныхъ даровъ предлагали.
Самъ онъ, правда, отъ воинствъ бѣду отразить отказался, 450
Но героя Патрокла своимъ онъ доспѣхомъ одѣялъ,
Друга на битву послать и великое воинство ввѣрилъ.
Былъ бы въ тотъ день Илонъ завоеванъ, когда бы могучай
Фебъ разносившаго гибель Менетія храбраго сына 455
Въ первыхъ рядахъ не повергнуль и славы Гектору не даль.
Вотъ для чего прихожу и къ колѣнамъ твоимъ принадаю;

Можетъ быть, скалишься ты надъ моимъ краткоизиженнымъ си-
номъ;

Можетъ быть, дашь ты Пелиду и щитъ, и шлемъ, и поножи,
Также и латы; свои потерялъ онъ, какъ другъ его вѣрный 460
Паль отъ Троянъ; и теперь—по землѣ онъ простертый тоскуеть!*

Ей не медля отвѣтствовалъ Амфигіей знаменитый:
„Будь спокойна и болѣе сердцемъ о томъ не крушися.
О! да могу Ахиллеса отъ смерти ужасной далеко
Столь же легко я укрыть, когда рокъ его мощный постигнетъ, 465
Сколько мнѣ легко для него изготовить доспѣхи, которыми
Каждый отъ смертныхъ безчисленныхъ будетъ дивиться, узрѣвшій!“

Такъ произнесши, оставилъ ее и къ мѣхамъ приступилъ онъ,
Всѣ на огонь обратилъ ихъ и дѣйствовать даль повелѣнье.
Разомъ въ отверстья горнильныя двадцать мѣховъ задыхали, 470
Разнымъ изъ дуло ихъ дыша раздувающимъ пламень дыханіемъ,
Или порывнымъ, служа поспѣшавшему, или спокойнымъ,
Смотря на волю творца и на нужду творимаго дѣла.
Самъ онъ въ огонь распылавшійся мѣдь искрушимую ввергнулъ,
Олово бросилъ, сребро, драгоценное злато и послѣ 475
Тяжкую наковальню насадилъ на столбъ, а въ десницу
Молотъ огромнѣйший взялъ и кlesци захватилъ онъ другою.

И въ началѣ работалъ онъ щить и огромный и крѣпкій,
Весь украшая изящно; кругомъ его вывелъ онъ ободъ
Бѣлый, блестящій, тройной и придаѣтъ ремень серебристый. 480
Щить изъ пяти составилъ листовъ и на кругѣ обширномъ
Множество дивнаго богъ, по замысламъ творческимъ, сдѣлалъ.
Тамъ представиль онъ землю, представиль и небо, и море,
Солице, въ пути неистомное, полный серебрянныи мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныи звѣзды, какими вѣничается небо: 485
Видны въ ихъ сонмѣ Иллады, Гіады и мощь Ориона,
Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
Тамъ онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Ориона
И единий чуждастъ мыться въ волнахъ Океана.

Тамъ же два града представиль онъ яснорѣчивыхъ народовъ: 490
Въ первомъ, прекрасно устроенному, браки и пищества зреѣлись.
Тамъ невѣсть изъ чертоговъ, свѣтильниковъ яркихъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсенъ при кликахъ, по стонамъ градскимъ провожаютъ.
Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенные жены 495
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.
Далѣе много града толнятся на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пепѣ,

- Мздѣ за убѣство, и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ, а другой отрекался въ приемѣ. 500
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу икъ кончить.
Граждане вокругъ ихъ кричать, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрошаютъ, а старцы градскіе
Молча на тесанныхъ камняхъ сидѣть средь священнаго круга,
Скипетры въ руки премлють отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ. 505
Съ ними встаютъ и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ, предъ ними, лежатъ два таланта чистаго золата,
Мѣда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.
Городъ другой облежали двѣ сильныя рати народовъ,
Страшио сверкая оружіемъ. Рати двояко грозили: 510
Или разрушить, иль граждане съ ними должны раздѣлиться
Всѣми богатствами, сколько прѣѣтущій ихъ градъ заключаетъ.
Тѣ не склонялись еще и готовились кътайной засадѣ.
Стѣну стеречь по забраламъ супругъ поставивъ любезныхъ,
Юныхъ сыновъ и мужей, которыхъ постигнула старость, 515
Сами выходятъ; вождями ихъ идутъ Ареи и Паллада,
Оба златые, одѣтые оба златою одеждой;
Видѣ ихъ прекрасень, въ доспѣхахъ величественъ, сущіе боги!
Всѣмъ отличны они; человѣки далеко ихъ ниже.
Къ мѣсту пришедшіе, гдѣ имъ казалась удобнѣй засада, 520
Къ берегу рѣчному, гдѣ былъ водопой табуновъ разнородныхъ,
Тамъ засѣдаютъ они, прикрываясь блестящею мѣдью.
Два соглядатая ихъ, отѣльясь, впереди засѣдаютъ.
Смотрѣтъ кругомъ, не узрять ли овецъ и воловъ подходящихъ.
Скоро стада показались; два пастуха за стадами, 525
Тѣшась пѣвицею звонкой, идутъ, не предвидя коварства.
Быстро, увидѣвши ихъ, нападаютъ засѣвшіе мужи,
Грабить и гонять рогатыхъ воловъ и овецъ среборунныхъ:
Цѣлое стадо угнали и пастырей стада убили.
Въ станѣ, какъ скоро услышали крикъ и тревогу при стадѣ, 530
Вон, на площади стражей стоящіе, быстро на коней
Бурныхъ вскочили, на крикъ поскакали и вмигъ принеслися.
Строемъ становятся, битвою боятся по берегу рѣчному,
Колютъ другъ друга, метая стремительно мѣднѣя копья.
Рыщутъ и Злоба, и Смута, и страшная Смерть между ними: 535
Держитъ она то пропзеннаго, то непропзеннаго ловить,
Или убитаго за ногу тѣло волочить по сѣчѣ;
Риза на персяхъ ея обагровлена кровью людскою.
Въ битвѣ, какъ люди живые, они нападаютъ и боятся
И одинъ предъ другимъ увлекаютъ кровавые трупы. 540

Сдѣлалъ на неѣ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ: на неѣ землепашцы
Гонять яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ обращаясь,
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки ихъ кубокъ вина, веселящаго сердце, 545
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубокорѣзанаго пары.
Нива, хотя и златая, чернѣется сзади орущихъ,
Вспаханной нивѣ подобаясь: такое онъ диво представилъ.

Далѣе выдѣлалъ поле съ высокими нивами; жатву 550
Жали наемники, острыми въ дланяхъ серпами блестая.
Здѣсь полосой безпрерывно падаютъ горстки густые;
Тамъ перевязчики ихъ въ снопы перевязлами вяжутъ.
Три перевязчика ходятъ за жнувшими; сзади ихъ дѣти,
Горстая быстро колосья, одни за другими въ охапахъ 555
Вяжущимъ ихъ подаются. Властелинь между ними, безмолвно,
Съ палицей въ длані, стоять на браздѣ и душой веселится.
Вѣстники одаль, подъ тѣнию дуба, трапезу готовятъ;
Въ жертву заклавши вола, вокругъ него суетятся, а жены
Бѣлую сѣять муку для сладостной вечери жнущимъ. 560

Сдѣлалъ на неѣ отягченный гроздемъ садъ виноградный,
Весь золотой, лишь однѣ виноградныя кисти чернѣлись,
И стояль опь на сребряныхъ, рядомъ вонзенныхъ подпорахъ.
Около сада и ровъ темносиний и бѣлую стѣну
Вывелъ изъ олова; въ саду одна пролегала тропина, 565
Коей носильщики ходятъ, когда виноградъ собираются.
Тамъ и дѣвицы и юноши, съ дѣтской веселостью сердца,
Сладостный плодъ носили въ прекрасно плетеныхъ корзинахъ.
Въ кругѣ ихъ отрокъ прекрасный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко перстами бряцать, припѣвая прекрасно подъ струны 570
Голосомъ иѣжинъ; они же вокругъ его, пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ, и съ крикомъ, и съ топотомъ ногъ хороводомъ несутся.

Тамъ же и стадо представить воловъ, воздымающихъ роги:
Ихъ онъ изъ злата однихъ, а другихъ изъ олова сдѣлалъ.
Съ ревомъ волы, изъ оградъ вырываясь, мчатся на паству, 575
Къ шумной рекѣ, къ камышу густому по влажному берегу.
Стѣдомъ за стадомъ и пастыри идутъ, четыре, златые,
И за ними слѣдуютъ девять псовыхъ быстроногихъ.
Два густогривыя льва на переднихъ волевъ нападаютъ;
Тыжко мышонаго ловятъ быка; и ужасно реветь онъ,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и, сорвавши огромную южу, 580

Черную кровь и утробу глатаютъ; напрасно трудятся
Пастыри львовъ испугать, быстроногихъ исовъ подстрекая.
Исы ихъ не слушаютъ, львовъ трепеща, не берутъ ихъ зубами: 585
Близко подступя, залаютъ на нихъ и назадъ убѣгаютъ.

Далѣе сдѣлалъ роскошную паству Гефестъ знаменитый,
Въ тихой долинѣ прелестной, несчетныхъ овецъ среброрунныхъ,
Стойла, подъ кровлей хлѣва и смиренныя пастырѣ кущи.

Тамъ же Гефестъ знаменитый извилъ хороводъ разно-
видный, 590

Оному равный, какъ древле въ широкоустроенномъ Кноссѣ
Выдѣлалъ хитрый Дедаль Ариаднѣ прекрасноволосой.

Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хорѣ круговидный любезно сплетаясь руками.

Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы 595
Свѣтло одѣты и ихъ чистотой, какъ елеемъ, сіаютъ.

Тѣхъ—вѣнки изъ цвѣтовъ прелестные всѣхъ украшаютъ,
Сихъ—золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.

Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,
Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной, 600

Если скудельникъ его испытуетъ, легко ли кружится,
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.

Купа селянь окружаетъ плѣнительный хорѣ и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Шѣни въ ладь начиная, чудесно вертятся въ срединѣ. 605

Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана,
Коимъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Сдѣлалъ Гефестъ и броню, яснѣе, чѣмъ огненный пламень;
Сдѣлалъ и тяжкій шеломъ, Пелейона главѣ соразмѣрный, 610
Пышный, кругомъ изукрашенный, гребнемъ златымъ повершенный;
Послѣ изъ олова гибкаго сдѣлалъ ему и поножи.

И когда всѣ доспѣхи сковалъ Олимпійскій художникъ,
Взять, предъ Пелидовой матерью ихъ положилъ онъ на землю.
И, какъ ястребъ, она съ осребренного снѣгомъ Олимпа 615
Бросилась, мча отъ Гефеста блестящіе сыну доспѣхи.

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЯТЫГО ТОМА.

	СТР.
Часть XIII.	1
Часть XIV.	23
Часть XV.	37
Часть XVI.	57
Часть XVII.	80
Часть XVIII	100

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

—
ТОМЪ ШЕСТОЙ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. И. ГНѢДИЧА

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ,
составленнымъ Н. Минскимъ (Н. М. Виленкинымъ).

• • •

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗДАНИЕ

ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИШЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, 18; МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 18
1903

Допущено цензурою. Спб , 22 декабря 1903 г.

Типография Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. № 5-7.

ПѢСНЬ XIX.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Съ разсвѣтомъ днѧ Фетида приносить отъ Гефеста оружія Ахиллесу. Онъ, видомъ ихъ воспламененный, жаждеть боя, ст. 1—27, и между тѣмъ, какъ Фетида облаговориваетъ тѣло Патрокла, дабы до погребенія осталось незрѣдимымъ, Ахиллесъ созываетъ Ахеянъ въ собраніе, 28—41. Сходятся всѣ, и самъ Агамемнонъ. Ахиллесъ объявляетъ, что онъ оставляетъ гнѣвъ и требуетъ битвы безъ отлагательства, 42—73. Народъ радуется примиренію вождей; Агамемнонъ немедленно сознаетъ проступокъ свой, но вину его возлагаетъ на богиню Обиду и предлагаетъ выдать дары примиренія, объѣщанные прежде чрезъ Одиссея: Ахиллесъ, равнодушный къ нимъ, но жаждущий отмстить Гектору, настаиваетъ, чтобы немедленно вступить въ сраженіе, 64—153; наконецъ уступаетъ убѣждѣніямъ Одиссея, который совѣтуетъ повременить, пока рать подкрѣпится пищею, и пока самъ Ахиллесъ, въ знакъ торжественнаго примиренія, не приметъ предъ лицомъ народа какъ даровъ, такъ и Бризенды, причины раздора, 154—237. Посланые, Неоторы сыны, приносить дары, приводятъ Бризенду, и Агамемнонъ произносить клятву, что дѣву онъ возвращаетъ неприкосновенною, 238—275. Дары относить въ кущу Ахиллеса; тамъ Бризенда, увидѣвъ мертваго Патрокла, оплакиваетъ его, 276—300. Самъ Ахиллесъ, не винимая проскальзыванія старѣшаго и отказываясь совершенно отъ ниши, предается горести и плачу о Патроклѣ 301—339. Аеина, посланная Зевсомъ, дабы Ахиллесъ отъ голода не потерялъ силъ, укрѣпляетъ его нектаромъ и амврозіемъ. Между тѣмъ Ахеяне выступаютъ къ сраженію, 340—364. Ахиллесъ вооружается новымъ доспѣхомъ, входитъ на колесницу, уговариваетъ коней, 365—403, слышитъ одного изъ нихъ, предсказывающаго ему скорую смерть и, не щадящій жизни, устремляется въ битву 404—424.

Въ ризѣ багрянозлатистой изъ волпѣ Океана Деница
Вышла, несущая свѣтъ и безсмертныи и смертныи. Фетида
Къ сѣнямъ пришла Мирмидонскими съ блистательныи даромъ отъ
бога.

Тамъ она сына нашла: надъ Патрокломъ своимъ рас простертыи,
Громко рыдалъ онъ, и многіе окрестъ друзъя Мирмидонцы 5
Плакали. Ставъ между нихъ, среброногая матерь богиня
За руку сына взяла, называла и такъ говорила:

„Сынъ мой! оставилъ мертваго, какъ ни прискорбно то сердцу,
Съ миромъ лежать: всемогущихъ боговъ онъ волей поверженъ.
Встань и прими, Пелейонтъ, отъ Гефеста доспѣхъ велелѣпный, 10
Дивный, какой никогда не сиялъ вкругъ раменья человѣка“.

Такъ произнесши, Фетида на землю доспѣхъ положила
Предъ Ахиллесомъ, и весь зазвучалъ онъ, украшенный дивно.
Вздрогнули всѣ Мирмидонцы; не могъ ни одинъ на доспѣхи
Прямо взглянуть, отвратились они. Ахиллесъ же могучий 15
Только взглянуль—и сильнѣйшимъ исполнился гнѣвомъ; ужасно
Очи его изъ-подъ вѣждей, какъ огненный пыль, засверкали.
Съ радостью взялъ, любовался онъ даромъ сияющимъ бога
И, когда свое сердце нарадовалъ, смотря на чудо,
Ель матери среброногой крылатую рѣчъ устремилъ онъ: 20

„Матерь! доспѣхъ сей безсмертнаго дарь; несомнительно долженъ
Быть онъ творенiemъ бога, не смертнаго мужа онъ дѣло.
Нынѣ же я воружаюсь. Но обѣ одномъ беспокойно.
Сердце мое: чтобы тою порою въ Патрокловомъ тѣлѣ
Мухи, проникши въ глубокія, изѣдью пробитыя раны, 25
Азчиныхъ червей не родили: они исказятъ его образъ
(Жизнь отъ него отлетѣла!), и тлѣніе тѣло обыметь!“

Вновь говорила ему среброногая матерь Фетида:
„Сынъ мой! заботой о семье не тревожь ты болѣе сердца.
Я попекусь отгонять отъ него кровожадные сонмы 30
Мухъ, которая тѣло убитыхъ мужей пожираютъ,
И хотя бы лежалъ онъ въ течоніе круглаго года,
Тѣло его невредимо и даже прекраснѣе будетъ.
Ты же, мой сынъ, на собранье созвавши героевъ Ахейскихъ,
Гнѣвъ прекрати на Атреева сына, владыку народовъ,
Быстро на бой ополчись и могучестью вновь облекися“. 35

Такъ говорила и духъ дерзновеннѣйшій сыну вдохнула,
Другу жъ его и амврозію въ ноздри, и пектарь багряный
Тихо вліяла, да тѣло его певредимо пробудеть.

Быстро по берегу моря пошелъ Ахиллесъ быстроногій,
Голосомъ страшнымъ крича, и всѣхъ взволновалъ онъ Ахеянъ. 40

Мужи, которые прежде всегда при судахъ оставались,
Всѣ корабельщики, кои судовъ управляли кормиломъ,
Даже зажитники ратныхъ дружинъ, раздаватели хлѣба,
Всѣ поспѣшили въ собранье, когда Ахиллесь благородный 45
Вновь показался, столь долго чуждавшійся браны кровавой.
Двоє хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій,
Шли, опираясь на копья, нося еще тяжкія раны.
Оба, пришедши, сні на мѣстахъ переднихъ возсѣли; 50
Вслѣдъ ихъ притеckъ и Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ,
Раной недужный: зане и его среди бурного боя
Раниль Коонъ Антеноридъ огромною пикою мѣдной.
И, когда уже всѣ на собранье сошлися Ахейцы,
Всталъ между ними и такъ говорилъ Ахиллесь быстроногий: 55
 „Царь Агамемнонъ! полезнѣе было бы, если бы прежде
Такъ поступили мы оба, когда, въ огорченіи нашемъ,
Гложущей душу враждой воспылали за плѣнную дѣву!
О! почто Артемида сей дѣвы стрѣлой не пронзила
Въ день, какъ ее между плѣнницъ избраль я, Лирнессъ разоривши:
Столько Ахейскихъ героевъ земли не гладало бѣ зубами, 61
Павъ подъ руками враждебныхъ, когда я упорствовалъ въ гнѣвѣ!
Гекторъ и Трои сыны веселятся о томъ, а Danai
Долго, я думаю, будуть раздоръ нашъ погибельный помнить.
Но совершившееся прежде оставилъ въ прискорбіи нашемъ,
Гордое сердце въ груди укротимъ, какъ велитъ неизбѣжность. 65
Нынѣ я гнѣвъ оставляю рѣшительно; я не намѣренъ
Сердца крушить враждой безконечною. Царь Агамемнонъ,
Въ битву подвигни скорѣе мѣдянодоспѣшихъ Danaeъ;
Дай мнѣ скорѣе идти на Троянъ и еще испытать ихъ, 70
Иль и теперь почевать предъ судами намѣренъ? Нѣть, уповаю,
Радостно каждый изъ нихъ утомленный склонитъ колѣна,
Каждый, на пламенной битвѣ отъ нашихъ оружій избывшій!“

Такъ говорилъ,—и наполнились радостью всѣ Аргивяне,
Сlyша, что гнѣвъ навсегда оставляетъ Пелидъ благородный. 75
Началь тогда говорить повелитель мужей Агамемнонъ,
Съ мѣста возвставъ, гдѣ сидѣль, но стоять на средину не вышелъ:
 „Други, Danai герои, безстрашные слуги Арея!
Вставшаго надобно слушать; начавшаго слово не должно
Перерывать: затруднится и самый искусный витія.
Въ шумномъ народномъ говорѣ можно ли что-либо слышать,
Или сказать?—заглушится витія, какъ ни былъ бы громокъ.
Съ сыномъ Пелеевымъ я объясняюся; вы же, Ахейцы,

- Слушайте всѣ со вниманьемъ и рѣти мои вразумите.
 Часто о дѣлѣ мнѣ сѣмь говорили Ахейскіе мужи,
 Часто винили меня, но не я, о Ахейцы, виновенъ:
 Зевсъ Эгіохъ и Судьба, и бродящая въ мракахъ Эриннисъ:
 Боги мой умъ на совѣтѣ наполнили мрачною смутой
 Въ день злополучный, какъ я у Пелида похитилъ награду. 85
 Что жъ бы я сдѣлалъ? Богиня могучая все совершила,
 Дщерь Громовержца Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ,
 Страшная; нѣжны стопы у нея: не касается ими
 Праха земного; она по главамъ человѣческимъ ходить,
 Смертныхъ язва, а иного и въ сѣти легко уловляетъ.
 Древле она ослѣпила и Зевса, который превыше 90
 Всѣхъ земпородныхъ и всѣхъ небожителей: даже и Зевса
 Гера, хотя и жена, но коварствомъ своимъ обманула
 Въ день, какъ готова была счастливая мать Алкмена
 Силу Геракла родить въ опоясанныхъ башнями Оивахъ.
 Зевсъ, величаясь уже, говорилъ предъ соборомъ безсмертныхъ: 100
 Слушайте слово мое, и боги небесъ и богини:
 Я вамъ повѣдать желаю, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
 Нынѣ, рожающихъ помощницу, въ свѣтѣ изведѣть Илиоѣ
 Мужа, который падь всѣми окрестными царствовать будетъ,
 Вѣты человѣковъ великихъ, отъ крови моей исходящихъ“. 105
 Зевсу, коварное мысля, вѣщала владычица Гера:
 „Ложь, Эгіохъ! никогда своего не исполнишь ты слова.
 Или дерзни, поклянись, Олимпіецъ, великою клятвой,
 Что надъ всѣми окрестными истинно царствовать будетъ
 Смертный, который въ сей день упадетъ на колѣна родившей, 110
 Вѣты человѣковъ великихъ, отъ крови твоей исходящихъ“.
 Такъ говорила, но Зевсъ не почувствовалъ козней супруги,
 Клятвой поклялся святой и раскаялся, горько прельщеный.
 Гера, стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа,
 Быстро достигла Ахейскаго Аргоса, гдѣ уже прежде 115
 Знала богиня супругу царя Персепида Сoenела.
 Сына царица седьмой уже мѣсяцъ въ утробѣ носила.
 Гера его до срока на свѣтѣ извела, но Алкмены
 Въ срокъ удержала роды, удаливши помощныхъ Илиоѣ.
 Съ вѣстью о томъ передъ Зевса предстала сама и вѣщала: 120
 Зевсъ сребромолненный! слово тебѣ полагаю на сердце:
 Смертный рожденъ знаменитый, что царствовать въ Аргосѣ долженъ,
 Мужъ Эврисеї, Персепида Сoenела геройская отрасль,
 Шлемя твое; не будетъ онъ Аргосу царь недостойный“.
 Такъ изрекла,—и жестокая горесть ударила въ сердце 125

Зевса. Схватил онъ Обиду за пышноблестящіе кудри,
Страшнымъ пылающій гѣбомъ, и клялся великою клятвой,
Что на холмистый Олимпъ и звѣздами вѣнчаное небо
Вѣкъ не вздѣть Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ.

Такъ прознесъ онъ и махомъ десницы отъ звѣзднаго неба 130
Ринулъ ее,—и упала она на дѣла человѣка.

Зевсъ отъ нея же стональ, какъ любезнаго сына онъ видѣлъ,
Низкое иго носящаго, въ подвигахъ для Эврисея.

Такъ-то и я, какъ великий, шеломомъ сверкающій Гекторъ
Рати Ахейскихъ сыновъ истреблялъ при кормахъ корабельныхъ, 135
Самъ не могъ позабыть я Обиды, меня ослѣпившей.

Но, какъ уже потрѣшилъ я, и Зевсъ мой разумъ похитилъ,
Самъ то загладить хочу и воздать многоцѣпною мздою.
Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другія дружины!
Что до даровъ, я всѣ ихъ представлю, какіе посланникъ 140
Прошлоаго дня предъ тобой исчисляль, Одиссей благородный.
Если не хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущій боя:
Слуги мои тѣ дары; въ кораблѣ собравши, представятъ
И увидишь ты, что я тебѣ, угождая дарую“,

Сыну Атрея отвѣтствовалъ царь Ахиллесь благородный: 145
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Хочешь ли мнѣ дары примиренья, какъ должно, доставить, .
Иль удержать ихъ—ты властенъ; теперь же о битвѣ помыслимъ
Безъ отлагательствъ: и что въ разсужденіяхъ время намъ тратить?
Что намъ здѣсь медлить? еще не свершилось великое дѣло! 150
Пусть, кто желаетъ, опять впереди Ахиллеса увидѣть,
Мѣдною пикой фаланги крушащаго ратей Троянскихъ,
И, подобно ему, да пылаетъ съ врагами сражаться!“

Но Пелиду царю возразилъ Одиссей многоумный: 154
„Нѣть, сколь ни мужественъ ты, Ахиллесь, бессмертныи подобный,
Воинствъ Ахейскихъ, голодныхъ еще, не веди къ Иліону
Биться съ Троянами храбрыми! Нѣть, не на краткое время
Битва завяжется, если Троянъ и Ахеянъ фаланги
Въ сѣчу сойдутся, и богъ имъ вдохнетъ одинакую храбрость.
Прежде Ахейскимъ сынамъ повели ты насытиться въ станѣ 160
Хлѣбомъ, виномъ: оно человѣку и бодрость и крѣпость.
Мужъ ни одинъ, во весь день, отъ восхода до запада солнца,
Пищею не подкѣпленный, не въ силахъ выдерживать боя,
Сердцемъ въ груди неистомныи хотя бъ и пылалъ онъ сражаться:
Члены у тощаго всѣ тяжелютъ, его безнокотъ 165
Жажда и гладъ, у него на пути запинаются ноги.
Но человѣкъ, укрѣпясь виномъ и насытися пищей,

Можетъ весь день подъ оружиемъ съ силой враждебныхъ сражаться.
Духъ въ его персахъ и крѣпокъ, и бодръ, и усталости члены
Прежде не слышать, доколѣ съ побоища всѣ не соступятъ. 170
Такъ, Ахиллес! распусти Аргивянъ и вели имъ готовить
Завтракъ. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнонъ
Пусть предъ собранье народа представить, да всѣ и гъ Данан
Узрять очами, и самъ ты свое да возврадуешь сердце.
Пусть поклянется тебѣ, предъ народомъ возставь, что донынѣ 175
Къ дѣвъ на одръ не всходилъ, не сближался съ иладой Бризеной
Такъ, какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.
Ты же и самъ укротися душою и будь благосклоненъ.
Пусть напослѣдокъ тебя угостить онъ торжественнымъ пиромъ
Въ кущахъ своихъ, чтобы должное ты получиль безъ урона. 180
Ты, Агамемнонъ могучій, впередъ и къ другому Ахейцу
Самъ справедливѣе будь: униженія нѣть властелину
Съ мужемъ искать примиренія, котораго самъ оскорбилъ онъ*.

Сыну Лаерта немедля отвѣтствовалъ царь Агамемнонъ:
„Радуясь рѣчи твои, Лаертидъ благородный, я слушаль; 185
Истину ты говорилъ и о всемъ разсуждалъ справедливо.
Клятву готовъ произнести я, какъ самое сердце велить мнѣ,
И передъ богомъ клятву неложную! Сынъ же Пелеевъ
Здѣсь между тѣмъ да останется, сколько ни жаждущій боя;
Здѣсь и другіе останьтесь, Ахеицы, пока изъ-подъ сѣней 190
Придутъ дары, и пока совершу я священные клятвы.
Дѣло сіе, Одиссей, на тебя самого возлагаю.
Ты, благородѣйшихъ юношай въ станѣ Ахейскомъ избравши,
Всѣ тѣ дары, что вчера обѣщали мы дать Ахиллесу,
Самъ принеси съ корабля моего и женъ приведи намъ. 195
Ты жъ мнѣ, Талеибій, скорѣе въ Ахейскомъ станѣ обширномъ
Вепря нашедъ, уготовь на закланіе Зевсу и Солнцу*.

Сыну Атрея отвѣтствовалъ вновь Ахиллесъ быстроногій:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамемнонъ!
Послѣ, въ другое время о томъ вамъ заботиться лучше, 200
Въ часъ, какъ отдыхъ короткій отъ тягостной браны случится
И какъ гибѣвъ въ моемъ сердцѣ не столько свирѣпствовать будетъ.
Нынѣ еще передъ нами лежать мертвѣцы тѣ, которыхъ
Гекторъ свирѣпый убиль, какъ Зевсъ даровалъ ему славу,
Вы же народъ приглашаете къ пищѣ! Не такъ бы я думалъ: 205
Я бы теперь же совсѣмъ въ битву идти Аргивянамъ,
Гладнымъ и тощимъ, и только вечерній, предъ западомъ солнца,
Пиръ уготовить всеобщій, когда мы отмстимъ поруганіе.
Прежде сего никакое питье, никакая мнѣ пища,

ПѢСНЬ XIX.

7

Вѣрно, въ уста не войдеть, передъ другомъ моимъ безздыханнымъ! 210
 Онъ у меня среди кущи, истерзанный мѣдью жестокой,
 Къ двери ногами лежитъ распростертый: кругомъ его други
 Плачутъ печальные! Нѣть, у меня въ помышленыи не пиша:
 Битва, и кровь, и враговъ умирающихъ страшные стоны!“

Бновь, обратясь къ нему, говорилъ Одиссей многоуинный: 215
 „О, Ахиллесъ Пелейонъ, величайшій воитель Ахейскій!
 Ты знаменитѣй меня, а не меныше того и сильнѣе
 Въ битвѣ копьемъ, но тебя, о герой, превзойду я далеко
 Знаніемъ: прежде родился я, больше тебя я извѣдалъ.
 Пусть ужъ душа у тебя укротится моимъ убѣжденьемъ: 220
 Скорь сердце людей пресыщается въ битвѣ убийствомъ;
 Гдѣ уже множество класовъ мѣдь по землѣ разостлала,
 Жатва становится скудной, какъ скоро вѣсы наклоняютъ
 Зевсь Эгюохъ, межъ племенъ человѣческихъ браней рѣшитель.
 Нѣть, не утробою должно Ахѣямъ крушиться о мертвыхъ: 225
 Много Ахейскихъ сыновъ, ежедневно ряды надъ рядами,
 Падаютъ: кто жъ и когда бы успѣль отдохнуть отъ печали?
 Долгъ нашъ землѣ предавать испустившаго духъ человѣка,
 Твердость въ душѣ сохраняя, поплакавши день надъ умершимъ;
 Тѣмъ же, которые живы отъ гибельныхъ битвъ остаются, 230
 Должно питьемъ и ъдой укрѣпляться, чтобы съ ревностью новой
 Каждому противъ враговъ и всегда безъ усталости биться,
 Мѣдью покрывшися крѣпкою. Нѣть, да никто изъ народа
 Въ станѣ не медлить, приказа для войскъ ожидай другого!
 Пагубенъ будеть приказъ сей для каждого, кто бъ ни остался, 235
 Между судовъ укрываяся. Нѣть, на Троянъ конеборныхъ
 Нынѣ мы всѣ пойдемъ и воздвигнемъ жестокую битву!“

Рекъ и съ собою сыновъ знаменитаго Нестора взялъ онъ,
 Мегеса, отрасль Филея, вождя Меріона, Фоаса
 И Меланиппа вождя съ Ликомедомъ, Крейоновымъ сыномъ. 240
 Вмѣстѣ они поспѣшили царя Агамемнона къ сѣни.
 Скоро, какъ было сказано слово, исполнено дѣло:
 Семь Ахиллесу обѣщанныхъ въ сѣни треножниковъ взяли,
 Двадцать блестящихъ лаханей, двѣнадцать коней пышногривыхъ,
 Вывели вмѣстѣ и женъ непорочныхъ, работницъ искусственныхъ 245
 Семь и осьмую румялантитую Бризову дочерь.
 Со златомъ же самъ Одиссей, отѣсивши десять талантовъ,
 Шелъ впереди, а юноши слѣдомъ съ другими дарами.
 Ихъ предъ собраніемъ они положили, Атридъ Агамемнонъ
 Всталь; провозвѣстникъ Талейбій, голосомъ богу подобный, 250
 Венра руками держа, предсталь предъ владыку народа.

- Царь Агамемнонъ, стремительно ножъ обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалищѣ мечномъ висящій,
Съ вепря щетины отсѣкъ для начатковъ и, руки воздѣвши,
Зевсу владыкѣ молился. Ахеяне окрестъ сидѣли 255
Тихо, съ приличнымъ вниманіемъ слушая слово царево;
Онъ же, моляся, вѣщаю, на пространное небо взирая:
 „Зевсь да будетъ свидѣтелемъ, богъ высочайшій, сильнейшій!
Солнце, Зеиля и Эринніи, тѣ, что въ жилищахъ подземныхъ
Грозно карають смертныхъ, которые ложно клялись! 260
Я здѣсь клянусь, что на Бризова дочь руки я не поднялъ,
Къ ложу неволя ее, иль къ чemu бы то ни было нудя;
Нѣть, безмятежной она подъ моимъ оставалася кровомъ!
Если жъ поклялся я можно, да боги меня покарають
Всѣми бѣдами, какими карають они вѣроломныхъ!“ 265
- Рекъ и гортань кабана отсѣкаетъ суровою мѣдью.
Жертву Талейбій въ пучину глубокую моря сѣдого
Рыbamъ на снѣдь, размахавши, повергъ. Ахиллесь быстроногій
Думенъ возсталъ и такъ говорилъ между сонма Danaeъ:
 „Зевсь! бѣды жестокія ты посылаешь на смертныхъ! 270
Нѣть, никогда бѣ у меня Агамемнонъ властительный въ персяхъ
Сердца на гнѣвъ не подвигъ, никакимъ бы сей дѣвы коварствомъ
Онъ противъ воли моей не похитилъ, но Зевсь, несомнѣнно,
Зевсь восхотѣлъ столь многимъ Ахеянамъ смерть уготовить!
Къ завтраку, други, спѣшите и послѣ начнемъ нападеніе!“ 275
- Такъ произнесши, собраніе быстрое онъ распускаетъ.
Всѣ разсѣваются, къ кущѣ своей удаляется каждый.
Тою порой Мирмидонцы, принявши дары примиренья,
Съ ними пошли къ кораблю Ахиллеса, подобного богу;
Ихъ положили подъ кущей героя, а женъ посадили; 280
Коней погнали въ табунъ Ахиллесовы вѣрные слуги,
- Бризова дичь, златой Афродитѣ подобная ликомъ,
Только узрѣла Патрокла, пронзеннаго мѣдью жестокой,
Вокругъ мертвца обвилась, взорыдала и съ воплями стала
Перси терзать, и нѣжную выю, и ликъ свой прелестный. 285
Плача, жена, какъ богиня прекрасная, такъ говорила:
- „О мой Патрокль! о другъ, для меня злополучной безцѣнны!
Горе, живого тебя я оставила, сънъ покидая,—
Въ сѣнѣ возвратясь, обрѣтаю мертваго, пастырь народа!
Такъ постигаютъ меня безпрерывныя бѣдство за бѣдствомъ! 290
Мужа, съ которымъ меня сочетали родитель и матерь,
Видѣла я передъ градомъ пронзеннаго мѣдью жестокой,
Видѣла братъевъ троихъ (родила насъ единая матерь),

- Всѣхъ одинако мнѣ милыхъ, погибельнымъ днемъ поглощенныхъ.
 Ты же меня и въ слезахъ, когда Ахиллесь градоборецъ 295
 Мужа сразилъ моего и обитель Минеса разрушилъ.
 Ты утѣшаль, говориль, что меня Ахиллесу герою
 Сдѣлаешь счастливой супругой, что скоро во Фтійскую землю
 Самъ отвезешь и нашъ бракъ съ Мирмидонцами праздновать бу-
 дешь.
- Паль ты! тебя мнѣ оплакивать вѣчно, юноша милый!" 300
 Такъ говорила, рыдая. Стенали и прочія жены
 Въ виду, казалось, о мертвомъ, но въ сердцѣ о собственномъ горѣ.
 Тою порой къ Ахиллесу Ахейскіе старцы сходились,
 Пищѣй прося укрѣпиться, но онъ отвергаль ихъ, стоянцій:
 „Други! молю васъ, когда еще есть мнѣ другъ здѣсь послуш-
 ный, 305
 Нѣть, не просите меня, чтобы питьемъ, чтобы какой-либо пищѣй
 Я наладился: жестокая горесть меня раздираетъ!
 Солнце пока не зайдетъ, не приму, не коснуся я пищи!"
- Такъ говоря, отпустилъ отъ себя властелиновъ Ахейскихъ.
 Только Атриды остались и сынъ многоумный Лаертовъ, 310
 Несторъ, Идоменей и божественный Фениксъ, но тщетно
 Вмѣстѣ они утѣшали печальнаго: сердцемъ онъ весель
 Не былъ, покуда не бросился въ бездну браніи кровавой.
 Думалъ онъ лишь о Патроклѣ, объ немъ говориль, воздыхая: 314
 „Прежде, бывало, мнѣ ты, злополучный, любезнѣйший другъ
 мої,
- Самъ подъ кущей мою пріятную снѣдь предлагаешь
 Скоро всегда и заботливо, если, бывало, Ахейцы
 Брань многослезную снова Троянамъ нанести поспѣшаютъ.
 Нынѣ лежишь ты, пронзенный, и сердце мое отвергаеть
 Здѣсь изобильную снѣдь и питье, по тебѣ лишь тоскуя! 320
 Нѣть, не могло бы меня поразить жесточайшее горѣ,
 Если бъ печальнуя вѣсть и о смерти отца я услышаль,
 Старца, который, быть можетъ, льетъ горькія слезы во Фтії,
 Помощи сына лишенный, тогда какъ въ землѣ чужелюдной
 Ради презрѣнной Елены сражаюсь я съ чадами Трои; 325
 Даже, когда бъ я услышаль о смерти и сына въ Скиросѣ,
 Милаго, если онъ живъ еще, Неоптолемъ мой прекрасный:
 Прежде меня утѣшала хранимая въ сердцѣ надежда,
 Что умру я одинъ, далеко отъ отчизны любезнѣй,
 Въ чуждой Троянской землѣ, а ты возвратишься во Фтію; 330
 Ты, уповаль я, мнѣ сына въ своемъ кораблѣ быстролетномъ
 Въ домъ привезешь изъ Скироса и юношѣ все тамъ покажешь:

Наше владѣнье, рабовъ и высокія кровли палаты.
 Ибо Пелей, говорить мое сердце, уже или умеръ,
 Или, быть можетъ, едва уже дышитъ, согбенный подъ игомъ 335
 Старости скорбной и грусти, и ждетъ обо мнѣ безпрестанно
 Вѣсти убѣйственной сердцу, когда о погибшемъ услышитъ!“

Такъ говорилъ онъ и плакалъ; кругомъ вздыхали герои,
 Каждый о томъ вспоминая, что милаго въ домѣ оставилъ.
 Съ неба печальныхъ узрѣвъ, милосердоваль Зевсъ промыслитель 40
 И къ Аeinѣ Палладѣ крылатую рѣчь обратилъ онъ:
 „Или ты вовсе, о дочь, отступилась отъ славнаго мужа?
 Или нисколько уже не заботишься ты о Пелидѣ?
 Се онъ, сидя одинъ при своихъ корабляхъ прямокорынныхъ,
 Горестный плачетъ по другѣ любезномъ. Всѣ Аргивяне 345
 Нишу вкушаютъ, а онъ остается и гладный, и тощій.
 Шестивѣтъ, Аеина, и нектаромъ свѣтлымъ съ амврозіей сладкой
 Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обыметъ.“

Рекъ и подвигнуль Аеину, давно пламенѣвшую сердцемъ.
 Быстро она, какъ орель звонкогласій, ширококрылатый, 350
 Съ неба слетѣла по воздуху. Тою порою Ахейцы
 Воинствомъ всѣмъ ополчались по стану. Пелееву сыну
 Нектаромъ Зевсову дочь и амврозіей сладкой незримо
 Грудь оросила, да немощь отъ глада его не обыметъ,
 И сама на Олимпъ вознеслась къ мѣднозданному дому 355
 Зевса. Ахейцы жь лилися отъ черныхъ судовъ мореходныхъ.
 Словно какъ снѣжные клоки летать отъ Зевеса густые,
 Быстро гонимые хладными, эаир проясняющимъ вѣтромъ,—
 Такъ отъ Ахейскихъ судовъ несчетные въ поле неслися
 Шлемы, игравши блескомъ щиты, вздымавшіе бляхи,
 Крѣпко сплоченныя брони и ясenia твердаго копья.

Блескъ восходилъ до небѣст; подъ пышнымъ сияніемъ мѣди
 Окрестъ смыялась земля; и весь берегъ гремѣль подъ стопами
 Ратныхъ мужей. Посреди ихъ Пелидъ ополчался великий.
 Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
 Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздириала
 Грусть нестерпимая. Такъ на Троянъ онъ, пышащий гнѣвомъ,
 Бога дарами облекся, Гефеста созданіемъ дивнымъ.
 Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи
 Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезнай; 365
 Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
 Бросилъ мечь на плечо съ рукояткой серебряногвоздной,
 Съ лезвеемъ мѣдяныи; взять наконецъ и огромный и крѣпкии
 Щитъ: далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, сѣть разливалася.

- Словно какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во мракѣ сіяеть, 375
 Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
 Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли волны и буря,
 Мча по кипящему понту, несутъ далеко отъ любезныхъ,
 Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго взорамъ,
 Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный поднявши, 380
 Крѣпкій надѣль на главу; и сіаль, какъ звѣзда, надъ главою
 Шлемъ коневласый, и грива на немъ волновалась златая,
 Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
 Такъ Ахиллесь ополчася, испытывать началь доспѣхи,
 Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивыи, 385
 И, какъ крылья, они подымали владыку народа.
 Взяль наконецъ изъ ковчега копье онъ отцовское, ясень
 Крѣпкій, огромный, тяжелый; его изъ героеvъ Ахейскихъ
 Двигать не могъ ни одинъ, но легко Ахиллесь потрясалъ имъ,
 Ясенемъ симъ Пелонскимъ, который отцу его Хиронъ 390
 Сесь съ высоты Пелона, на грозную гибель героямъ.
 Коней межъ тѣмъ Автомедонъ и сильный Алкимъ снаряжали;
 Въ пышныхъ поперьяхъ къ яру припрегли ихъ, удила въ морды
 Втиснули имъ и, бразды натанувъ, къ колесницѣ прекрасной
 Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда, захвативши рукою 395
 Гибкій блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автомедонъ.
 Сзади, готовый къ сраженю, сталь Ахиллесь быстроногий,
 Весь подъ доспѣхомъ сіая, какъ Гиперіонъ лучезарный.
 Крикнуль онъ голосомъ грознымъ на быстрыхъ отеческихъ коней:
 „Ксанѣй мой и Балій, Подарги божественной славныя дѣти! 400
 Иначе вы постарайтесь вашего вынести возницу
 Къ ратному сонму Данаевъ, когда мы насытимся боемъ,
 Вы, какъ Патрокла, его на побоищѣ мертвымъ не бросьте!“
 Рекъ онъ, какъ вдругъ подъ упряжью конь взговорилъ буроногий,
 Ксанѣй; ионуривши морду и пышною гривой свою, 405
 Выпавшей вонъ изъ ярма, досягнувъ до земли, провѣщаъ онъ
 (Вѣщимъ его сотворила лилейнораменная Гера):
 „Вынесемъ, быстрый Пелидъ, тебя еще нынѣ живого,
 Но приближается день твой послѣдній! Не мы, повелитель,
 Будемъ виною, но богъ всемогущій и рокъ самовластный. 410
 Нѣть, не медленность наша, не лѣнность дала супостатамъ
 Съ персей Патрокла героя доспѣхъ знаменитый похитить:
 Богъ многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
 Свергнуль въ переднихъ рядахъ и Гектора славой украсилъ.
 Мы же, хотя бы летать, какъ дыханіе Зефира, стали, 415
 Еѣтра быстрѣющаго всѣхъ, но и самъ ты, назначено рокомъ,

Долженъ отъ ящнаго бога и смертнаго мужа погибнуть!“

Съ сими словами Эринній голосъ коня перервали.

Мраченъ и гнѣвенъ къ коню говорилъ Ахиллесь быстроногій:
Что ты, о конь мой, пророчишь мнѣ смерть? Не твоя то забота! 420
Слишкомъ я знаю и самъ, что судьбой суждено мнѣ погибнуть
Здѣсь, далеко отъ отца и отъ матери. Но не сойду я
Съ боя, доколѣ Троянъ не насыщу кровавою бранью“

Рекъ и съ крикомъ впередъ устремилъ онъ коней звуконогихъ.

ПѢСНЬ XX.

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Когда оба воинства выступили къ сраженю, Зевсъ, привзвавъ боговъ на соборъ, позволяет имъ вспомоществовать въ брани, кому кто желаетъ, дабы Ахиллесь не панесъ совершенного пораженія Троянамъ, ст. 1—30. Сходять съ Олимпа: Гера, Аеина, Посидаонъ, Гермесъ, Гефестъ, чтобы поборать за Ахеянъ, а за Троянъ—Арей, Аполлонъ, Ксаноъ, Артемида, Лета и Киприда. Приближеніе боговъ къ брани сопровождается грозными явленіями: громомъ съ небесъ, колебаніемъ земли, котораго самъ Аидъ ужасается, 31—74. Ахиллесь выходитъ на бой и ищеть Гектора, но Аполлонъ возбуждаетъ противъ него Энея, 75—111. Гера хочетъ противиться ему, но отвращена отъ своего намѣренія Посидаономъ, по совѣту котораго всѣ боги возвѣдаютъ вдали отъ боя, одинъ на валу Геракловомъ, а другіе на Калликолонѣ, 112—155. Эней и Ахиллесь сходятся на бой, разговариваютъ, 156—258, сражаются, 259—290; но Эней, которому судьбою опредѣлено царствовать надъ Троянами, Посидаонъ избавляетъ отъ смерти, далеко отбросивъ его по воздуху, 291—352. Ахиллесь и Гекторъ, оба впереди воинствъ, возбуждаютъ ихъ къ бою, но послѣдній, по совѣту Аполлона, наконецъ удаляется въ толпу. Ахиллесь нападаетъ на Троянъ и, кромѣ многихъ другихъ, убиваетъ Полидора, Пріамова сына, 353—418. Гекторъ пытая отмстить за смерть брата, выходитъ на Ахиллеса, сражаются, но Аполлонъ и его, покрывъ облакомъ, спасаетъ, 419—454. Раззяреній Ахиллесь нападаетъ на другихъ Троянъ и покрываетъ поле битвы тѣлами и оружiemъ пораженныхъ, 455—503.

Такъ при судахъ дуговерхихъ блестящіе мѣдью Ахейцы
Строились окрестъ тебя, Пелейонъ, ненасытимый бранью.
Ихъ ожидали Трояне, занявъ возвышение поля.
Зевсъ же отецъ повелѣль, да Фемиса безсмертныхъ къ совѣту

Всѣхъ призываешьъ съ холмовъ Олимпійскихъ; она, обошедъ ихъ, 5
 Всѣмъ повелѣла въ Кроніоновъ домъ собираться. Сошлися
 Всѣ, и Потоки, и Рѣки, кромѣ Океана сѣдого;
 Самыя Нимфы явились, живущія въ рощахъ прекрасныхъ
 И въ источникахъ свѣтлыхъ, и въ злачноцвѣтущихъ долинахъ.
 Въ домъ Олимпійскій собравшия тучегонителя Зевса, 10
 Сѣли они въ переходахъ блестящихъ, которые Зевсу
 Самъ Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создалъ.
 Такъ собиралися къ Зевсу бессмертные; самъ Посидаонъ
 Не былъ Фемисъ преслушенъ: изъ моря предсталъ онъ съ другими,
 Сѣль посрединѣ бессмертныхъ и Зевса высипршивалъ волю: 15

„Что, Сребромолненный, паки боговъ на соборъ призываешьъ?
 Хощешь ли разсудить о Троянахъ или Аргивянахъ?
 Брань между ними близка, и немедленно бой запылаетъ“.
 Слово къ нему обращая, вѣщаю громовержецъ Кроніонъ:
 „Такъ, Посидаонъ! проникъ ты мою сокровенную волю, 20
 Ради которой васъ собраль: пекусь и о гибнущихъ смертныхъ.
 Но останусь я здѣсь и, возсѣвъ на вершинѣ Олима,
 Буду себя услаждать созерцаніемъ. Вы же, о боги,
 Нынѣ шествуйте всѣ къ ополченьямъ Троянъ и Ахеянъ,
 Тѣмъ и другимъ поборайтѣ, которымъ желаете каждый. 25
 Если одинъ Ахиллесь на Троянъ устремится, ни мига
 Въ полѣ не выдержать имъ Эакидова бурнаго сына.
 Трепетъ и прежде ихъ всѣхъ обымаль при одномъ его видѣ,
 Нынѣ жъ, когда онъ и гнѣвомъ за друга пылаеть ужасныиъ,
 Самъ я страшусь, да, судьбѣ вопреки, не разрушить онъ Трои“. 30

— Такъ онъ вѣщаю, — и возжегъ неизбѣжную брань межъ богами.
 Къ брани, душой несогласные, боги съ небесъ понеслися.
 Гера къ Ахейскимъ судамъ, и за нею Паллада Аеина,
 Царь Посидаонъ многомощный, объемлющій землю, и Гермесъ,
 Щедрый податель полезнаго, мыслей исполненный свѣтлыхъ. 35
 Съ ними къ судамъ и Гефестъ, огромный и пышащий силой,
 Шелъ хромая; съ трудомъ волочиль онъ увѣчныя ноги.
 Къ ратямъ Троянъ устремился Арей, шеломомъ блестящій,
 Фебъ, не стригущій власовъ, Артемида, гордая лукомъ,
 Лета, стремительный Ксанѣй и съ улыбкой прелестной Киприда. 40

Все то время, пока божества не приблизились къ смертнымъ,
 Бодро стояли Ахеяне, гордые тѣмъ, что явился
 Храбрый Пелидъ, уклонявшийся долго отъ брани печальнойной.
 Въ рати жъ Троянской у каждого сердце въ груди трепетало,
 Страхомъ объемляясь, что видить опять Пелейона героя, 45
 Грозно доспѣхомъ блестящаго, словно Арей смертоносный.

Но едва Олимпійцы приблизились къ ратямъ, Эрида
Встала свирѣпая, брань возжигая; вскричала Аенна,
То предъ исконаннымъ рвомъ за великой стѣною Ахейской,
То по приморскому берегу шумному крикъ подымая. 50
Страшно, какъ черная буря, завыль и Ареи мѣднолатный,
Звучно Троянъ убѣждающій, то съ высоты Илюна,
То пробѣгая у водъ Симоиса, по Калликолонъ.

Такъ Олимпійскіе боги, однихъ на другихъ возвуждая,
Рати свели и ужасное въ нихъ распалили свирѣпство. 55
Страшно громами отъ неба Отецъ и бессмертныхъ и смертныхъ
Грянуль надъ ними; а долу подъ ними потрясь Посидонъ
Вокругъ безпредѣльную землю съ вершинами горъ высочайшихъ.
Все затряслось, отъ кремпистыхъ подошвъ до верховъ многоводныхъ
Ида: и градъ Илонъ, и суда мѣднобронныхъ Данаевъ. 60
Въ ужасъ пришелъ подъ землею Аидъ, преисподнихъ владыка;
Въ ужасъ съ трона онъ прянулъ и громко вскричалъ, да надъ
нимъ бы

Лона земли не разверзъ Посидонъ, потрясающій землю,
И жилищъ бы его не открылъ и бессмертныи и смертныи,
Мрачныи, ужасныи, которыхъ трепещутъ и самые боги. 65
Такъ взволновало все, какъ бессмертные къ браня сошлися!
Противъ царя Посидона, мощнаго Энносигея,
Сталь Аполлонъ длиннокудрый, носящий крылатыя стрѣлы;
Противъ Арея—съ очами лазурными дѣва Паллада;
Противу Гери пошла златолукая ловля богиня, 70
Гордая мѣткостью стрѣль Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоялъ благодѣтельный Гермесъ крылатый;
Противъ Гефеста—потокъ быстроводный, глубокопучинный,
Ксаноемъ отъ вѣчныхъ боговъ нареченный, отъ смертныхъ — Ска-
мандромъ.

Такъ устремлялися боги противу боговъ. Ахиллесь же, 75
Гектора только бы встрѣтить, пыталъ въ толпы погрузиться;
Сердце его безпредѣльно горѣло Пріамова сына
Кровью насытить Арея, убийствомъ несытаго воя.
Но Аполлонъ, возжигатель народа, героя Энея
Противъ Пелида подвигнулъ, наполнившіи мужествомъ душу. 80
Голосъ и образъ принялъ Ликаона, Пріамова сына,
Къ сыну Анхиза представалъ и вѣшалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гдѣ же угрозы твои, Анхизидъ, предводитель Дарданцевъ?
Или не ты въ Илонѣ, съ царями за чашей пируя,
Гордо грозился, что съ сыномъ Пелеевымъ станешь на битву?“ 85
Быстро ему возражая, воскликнулъ Эней предводитель:

„Что ты меня, Пріамидъ, противъ воли моей принуждаешь
Съ сыномъ Пелесымъ, гордымъ могучествою, боемъ сражаться?
Нынѣ не въ первый бы разъ быстроногому сыну Пелея
Противосталъ я: меня онъ и прежде копьемъ Пеліасомъ 90
Съ Иды согналъ, какъ нечаянъ нагрянулъ на пажити наши;
Онъ разорилъ и Педасъ и Лирнессъ. Но меня Олимпіецъ
Спасъ, возбудивши во мнѣ и силы, и быстрыя ноги;
Вѣрно, я палъ бы отъ руки Ахиллеса и мощной Шаллады,
Всюду предтекшай ему, подававшей совѣтъ и могучесть 95
Мѣднымъ копьемъ побивать крѣпкодушныхъ Троянъ и Лелеговъ.
Нѣтъ, никогда человѣкъ съ Ахиллесомъ не можетъ сражаться:
Съ нимъ божество неотступно, и гибель оно отражаетъ.
Дротъ изъ руки Ахиллесовой прямо летить и не слабнетъ
Прежде, чѣмъ крови врага не напьется. Но, если бессмертный 100
Въ битвѣ присудить намъ равный конецъ, не легко и Энея
Онъ одолѣеть, хотя и гордится, что весь онъ изъ мѣди!“

Сыну Анхизову вновь провѣщалъ Аполлонъ дальноверженецъ:
„Храбрый! почто жъ и тебѣ не молиться богамъ вѣковѣчнымъ,
Столько жъ могущимъ! И ты, говорять, громовержца Зевеса 105
Дщерью Кипридой рожденъ, а Пелидъ сей—богинею низшей:
Та отъ Зевеса исходить, ютида—отъ старца морского.
Стань на него съ некрушимою мѣдью; отнюдь не смущайся,
Встрѣтись съ Пелидомъ, ни шумною рѣчью, ни гордой угрозой!“

Рекъ и безстрашного духа исполниль владыку народовъ: 110
Онъ устремился впередъ, ополненный сверкающей мѣдью.
Но не укрылся герой отъ лилейнораменныя Геры,
Противъ Пелеева сына идущій сквозь толщища ратныхъ.
Быстро созвавши боговъ, златотронная Гера вѣщала:

„Царь Посидонъ и Аепилъ Паллада, размыслите, боги,
Разумомъ вашимъ размыслите, что изъ дѣяній сихъ будетъ?
Видите ль, гордый Эней, ополненный сияющей мѣдью,
Противъ Пелида идетъ: наустиль его Фебъ стрѣловержецъ. 115
Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь намъ
Сына Анхизова; или единый изъ насъ да представанетъ
Сыну Пелея и силой исполнитъ, да въ крѣпости духа
Онъ не скудѣеть и чувствуетъ самъ, что его, браноносца,
Любятъ сильнѣшіе боги; а тѣ, что издавна донынѣ
Трои сынамъ поборають въ сей брани жестокой,—безсильны!
Всѣ мы оставили небо, желая присутствовать сами 120
Въ брани, да онъ отъ Троянъ ничего не претерпитъ сегодня;
Послѣ претерпѣть онъ все, что ему непреклонная Участь
Съ первого дня, какъ рождался отъ матери, выпряла съ ниткою.

Если того изъ глагола боговъ Ахиллесь не познаеть,
Онъ устрашится, когда на него кто-нибудь отъ бессмертныхъ 130
Станеть въ сраженіи: боги ужасны, явившіесь взорамъ".

Герѣ не медля отвѣтствовалъ мощный земли Колебатель:
„Такъ безразсудно свирѣпствовать, Гера, тебя недостойно!
Я не желаю бессмертныхъ сводить на неравную битву, 134
Нась и другихъ здѣсь присутственныхъ; мы ихъ могуществомъ выше.
Лучше, когда, совокупно сошедъ мы съ пути боевого,
Сидѣмъ на холмѣ подзорномъ, а брань человѣкамъ оставимъ.
Если жъ Ареи нападенье начнетъ, или Фебъ луконосецъ,
Если препятствовать станутъ Пелееву сыну сражаться,
Тамъ же не медля и мы супротивникамъ битву воздвигнемъ, 140
Битву ужасную: скоро, надѣюсь, они, разойдася,
Вспять отойдутъ на Олимпъ и сокроются въ сонмѣ бессмертныхъ,
Нашихъ десницѣ, противъ воли своей, укрощенные силой".

Такъ говоря, предъ Аѳиною шествовалъ царь черновласый
Къ валу тому насыпному Геракла, подобного богу, 145
Въ полѣ, который герою Троянскіе мужи съ Аейной
Древле воздвигли, чтобы онъ отъ огромнаго кита спасался,
Если ужасный за нимъ устремлялся отъ берега въ полѣ.
Тамъ Посидонъ черновласый и прочие боги возсѣли,
Окрестъ рамень распростершіе непроницаемый облакъ; 150
Боги другіе напротивъ, по Калликлонскимъ вершинамъ,
Окрестъ тебя, Аполлонъ, и громителя твердей Арея.
Такъ на обѣихъ странахъ небожители боги сидѣли,
Думая думы; печальную брань начинать Олимпійцы
Медлили тѣ и другіе, но Зевсъ отъ небесъ возбуждалъ ихъ. 155

Ратями поле наполнилось все, засяло отъ мѣди
Воевъ, коней, колесницъ; задрожала земля подъ стопами
Толпъ, устремившихся къ бою; но два знаменитые мужа
Войскъ обоихъ на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизидъ и Пелидъ Ахиллесь благородный. 160
Первый Эней выступалъ, угрожающій; страшно качался
Тяжкій шеломъ на главѣ Анхизидовой; щитъ легкометный
Онъ передъ грудью держалъ и копьемъ потрясалъ длиннотѣнныемъ,
Противъ него Ахиллесь устремлялся, какъ левъ истребитель,
Коего мужи-селяне рѣшася убить непремѣнно 165
Сходятся, весь ихъ народъ; и сначала онъ, всѣхъ презирая,
Прямо идеть, но едва его дротикомъ юноша смѣлый
РаниТЬ,—изпучась онъ къ скоку, зіаетъ; вокругъ страшнаго зѣва
Пѣна клубится; въ груди его стонеть могучее сердце;
Гнѣвно косматымъ хвостомъ по своимъ онъ бокамъ и по бедрамъ 170

Хлещеть кругомъ и себя самого подстрекаетъ на битву;
 Взоромъ сверкаетъ и вдругъ, увлеченный свирѣпствомъ, несется
 Или стрѣльца растерзать, или въ толпищѣ первымъ погибнуть,—
 Такъ поощряла Пелида и сила и мужество сердца
 Противо стать возвышенному духомъ Энею герою. 175

Чуть соступились они, устремляяся другъ противъ друга,
 Первый къ нему взговорилъ Ахиллесъ, бессмертнымъ подобный:
 „Что ты, Эней, на такое пространство отшедши отъ рати,
 Сталъ? Не душа ли тебя сразиться со мной увлекаетъ
 Въ гордой надеждѣ; что ты надъ Троянами царствовать бу-
 дешь, 180

Чести Пріама наслѣдникъ? Но, если бъ меня и сразиль ты,
 Вѣрно, Пріамъ не тебѣ свое достояніе вѣбрить.
 Есть у него сыновья, и въ намѣреньяхъ твердъ онъ, незыбокъ.
 Или Троянцы тебѣ обѣщаютъ удѣль знаменитый,
 Лучшее поле для стада и пашень, чтобы имъ обладаль ты, 185
 Если меня одолѣшь? Тяжель, я надѣюсь, подвигъ!
 Ты ужъ и прежде, я помню, бѣжалъ предъ моимъ Пеласомъ.
 Или забыль, какъ тебя, одного изловивъ я у стада,
 Гналь по Идейскимъ горамъ и съ какой отъ меня быстротою
 Ты убѣгалъ? И назадъ оглянувшись не смѣль ты, бѣгущій! 190
 Съ горъ уѣжалъ ты, и въ стѣны Лирикесса укрылся, по вѣ-
 прахъ я

Градъ сей разсыпалъ, ударивъ съ Аѳиной и Зевсомъ Кронидомъ;
 Множество женъ полонилъ и, лишивъ ихъ жизни свободной,
 Въ рабство увлекъ, а тебя отъ погибели спасъ Громовержецъ.
 Нынѣ тебя не спасетъ онъ, надѣюсь, какъ ты полагаешь 195
 Въ сердцѣ твоемъ! Но прими мой совѣтъ и отсюда скорѣе
 Скройся въ толпу; предо мною не стой ты, пока надъ тобою
 Горе еще не сбылося: событіе зритъ и безумный!”

Но Эней знаменитый отвѣтствовалъ такъ Ахиллесу:
 „Сынъ Пелеевъ! напрасно меня, какъ младенца, словами 200
 Ты застрашать уповаешь: такъ же легко и свободно
 Колкія рѣчи и дерзости самъ говорить я умѣю.
 Знаемъ взаимно мы родъ и нашихъ родителей знаемъ,
 Сами сказанія давнія слыша изъ устъ человѣковъ;
 Но въ лицо какъ моихъ ты, равно и твоихъ я не вѣдалъ. 205
 Ты, говорять, благороднаго мужа Пелея рожденье;
 Матерь—Ѳетида тебѣ, лѣпокудрая Нимфа морская.
 Я же единственнымъ сыномъ высокаго духомъ Анхиза
 Славлюся быть, а матерь моя Афродита богиня.
 Тѣ иль другіе должны неизбѣжно сегодня оплакать 210

Сына любезнаго, ибо не мню я, чтобъ дѣтскія рѣчи
Насъ развели и чтобъ съ браннаго поля мы такъ разошлися.
Если жъ ты хочешь, скажу я тебѣ и обѣ родѣ, чтобъ зналъ ты
Нашъ знаменитый родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
Нашего предка Дардана Зевсъ породилъ Громовержецъ; 215
Онъ основатель Дарданіи; сей Илонъ знаменитый
Въ полѣ еще не стоялъ, яснорѣчныкъ народовъ обитель;
Жили еще на погоріяхъ Иды, водами обильной.
Славный Дарданъ Эрихеонія сына родилъ, скіптроносца,
Мужа, который межъ смертныхъ властителей былъ богатѣйшій: 220
Здѣсь у него по долинамъ три тысячи коней паслося,
Тучныхъ, младыхъ кобылицъ, жеребятами рѣзвыми гордыхъ.
Къ нимъ не разъ и Борей разгорался любовью на пастухъ,
Многихъ изъ нихъ посыпалъ, набѣгая конемъ черногривымъ;
Всѣ понеслися и двѣнадцать коней отъ Борея родили. 225
Бурные, если они по полямъ хлѣбороднымъ скакали,
Выше земли, сверхъ колосьевъ носились, стебля не смявши;
Если жъ скакали они по хребтамъ безпредѣльного моря,
Выше воды, сверхъ валовъ разсыпавшихся, быстро летали.
Царь Эрихеоній родилъ властелина могучаго, Троса; 230
Тросомъ дарованы свѣту три знаменитые сына:
Иль, Ассараѣкъ и младой Ганимѣдъ, небожителямъ равный.
Истинно, былъ на землѣ онъ прекраснѣйший сынъ человѣковъ!
Онъ-то богами и взять въ небеса, виночерпцемъ Зевесу,
Отрокъ прекрасный, дабы обиталь среди солнца бессмертныхъ. 235
Иломъ почтеннымъ рожденъ непорочный душой Лаомедонъ;
Царь Лаомедонъ родилъ знаменитыхъ: Тиѳона, Пріама,
Клитія, Лампа и отрасль Арееву, Гикетаона.
Канись, вѣтвь Ассараака, родилъ властелина Аихиза;
Я отъ Аихиза рожденъ, отъ Пріама, божественный Гекторъ. 240
Вотъ и порода и кровь, каковыми тебѣ я хвалюся!
Доблѣсть же смертныхъ властительный Зевсъ и величить и малить,
Какъ соизволить Провидѣцъ: зане онъ единый всесиленъ.
Но довольно о семъ; разговаривать больше, какъ дѣти,
Стоя уже на срединѣ гремящаго боя, не будемъ. 245
Намъ обоимъ легко пасказатъ оскорблений взаимныхъ
Столько, что тяжести ихъ не подыметь корабль стоскамейный.
Гибокъ языкъ человѣка; рѣчей для него изобильно
Всѧкихъ; поле для словъ и сюда и туда безпредѣльно.
Что человѣку измолвишь, то отъ него и услышшишь. 250
Но къ чemu намъ послужатъ хулы и обидныя рѣчи,
Коими, стоя, другъ друга въ лицо мы ругаемъ, какъ женки.

Жены однѣ, распалившися злостю, сердце грызущей,
Шумно ругаются между собою, на улицу вышедъ;
Правду и ложь расточаютъ: гнѣвъ до чего не доводить! 255
Ты отъ желаннаго бол словами меня не отклонишь,
Прежде чѣмъ мѣдью со мной не сразишися. Начнемъ, и скорѣе
Силы одинъ у другого на острых извѣдасемъ копьяхъ!“

Рекъ онъ и мѣдною пикою въ щитъ и чудесный и страшный
Мощно ударилъ,—и весь онъ огромный взревѣлъ подъ ударомъ. 260
Быстро Пелидъ и далеко рукою дебелой отъ персей
Щитъ отклонилъ, устрашася; онъ думалъ, что дротъ длиннотѣнныи
Можетъ пробиться легко, устремленпый могучимъ Энеемъ:
Онъ, неразумный, о томъ ни душой, ни умомъ не размыслилъ,
Что не можетъ легко небожителей даръ благородный 265
Смертнымъ мужамъ уступать, ни могучествою ихъ сокрушаться.
Пущенный сильнымъ Энесемъ щита досточудного бурный
Дротъ не пробилъ, обезсиленный златомъ, божественнымъ даромъ.
Двѣ полосы просадилъ онъ, но три ихъ еще оставалось;
Пять въ немъ полось сочеталъ хромоногій художникъ небесный: 270
Двѣ для поверхности мѣдяныхъ, двѣ оловянныхъ въ срединѣ
И одну золотую: она-то копье удержала.
Послѣ герой Ахиллесь послалъ длиннотѣнную пику
И ударилъ противника въ щитъ его выпуклобляшный,
Около обода, гдѣ и тончайшая мѣдь обѣгала, 275
Гдѣ и тончайшая кожа лежала воловья; насквозь ихъ
Ясень прорвалъ Пелонскій; весь щитъ затрешаль подъ ударомъ.
Сгорбясь, проникнулъ Эней и стремительно щитъ надъ собою
Въ страхѣ подняль; и копье, засвищѣвъ у него надъ спиною,
Стало, вонзившиися въ землю, насквозь прохватившее оба 280
Плотные круга щита.. Ускользнувъ отъ убийственной мѣди,
Сталь Ахизидъ, и въ очахъ его черная мгла разлилася
Съ ужаса, какъ недалеко отъ смерти онъ былъ. Ахиллесь же
Пламенныи, крикнувшіи страшно и выхвативъ мечъ изошренный,
Бросился, но супротивникъ рукой подхватилъ уже камень, 285
Страшное дѣло, какого не подняли бѣ два человѣка,
Нынѣ живущихъ, а онъ и одинъ имъ размахивалъ быстро.
Тутъ Ахиллеса напавшаго—камнемъ Эней поразилъ бы
Въ шлемъ или въ щитъ, не они отъ него отразили бы гибель;
Сынъ же Целеевъ мечомъ у Энея исторгнулъ бы душу, 290
Если бѣ того не узрѣлъ Посидонъ, потрясающій землю.
Быстро къ безсмертнымъ богамъ устремилъ онъ крылатое слово:
„Боги! печаль у меня о возвышенномъ духомъ Энеѣ!
Скорѣ герой, Ахиллесомъ сраженный, сойдетъ къ Аидесу,

- Ложныхъ совѣтовъ послушавъ царя Аполлона, который 295
 Самъ, безразсудный, его не избавить отъ гибели грозной.
 Но за что же теперь неповинный онъ бѣдствовать будетъ?
 Казнь понесетъ за вины чужія? Пріятныя жертвы
 Часто приносить богамъ онъ, на небѣ великомъ живущимъ.
 Боги, рѣшимся, и сами его изъ-подъ смерти исторгнѣй. 300
 Можетъ, и Зевсъ раздражится, когда Ахиллесъ у Энея
 Жизнь пресѣчетъ: предназначено рокомъ Энею спастися,
 Чтобы безчадный, пресѣкшійся родъ не погибнулъ Дардана,
 Смертнаго, Зевсу любезнаго болѣе всѣхъ человѣковъ,
 Коихъ отъ крови его породили смертныя жены, 305
 Родъ бо Пріама владыки давно ненавидитъ Кроніонъ.
 Будеть отнынѣ Эней надъ Троянами царствовать мощно,
 Онъ и сыны отъ сыновъ, имущіе поздно родиться".
- Быстро ему отвѣчала богиня верховная Гера:
 „Землю колеблющій, собственнымъ разумомъ самъ размышляй ты, 310
 Должно ль избавить тебѣ, иль оставить Троянца Энея
 Часть подъ рукой Ахиллеса великаго, какъ онъ ни славенъ.
 Мы, Посидаонъ, богини, и я, и Паллада Аѳина,
 Тысячу кратъ передъ всѣми бессмертными клятвой клялися
 Трои сыновъ никогда не спасать отъ грозящей напасти, 315
 Даже когда Илонъ пожирающимъ пламенемъ бурнымъ
 Весь запылаетъ, зажженный свѣточными храбрыхъ Danaeъ".
- Геры услышавши рѣчь, Посидаонъ, земли колебатель,
 Всталъ, устремился сквозь шумную битву и трескотъ оружій,
 Къ мѣсту, гдѣ храбрый Эней и герой Ахиллесъ подвизались. 320
 Быстро, какъ богъ, разліялъ онъ ужасную тьму предъ очами
 Сына Пелеева; ясень Пелійскій, сияющій мѣдью,
 Вырвавши самъ изъ щита у высокаго духомъ Энея,
 Тихо его положилъ близъ Пелидовыхъ ногъ, а Эней
 Мощно рукою поднялъ отъ земли и по воздуху бросилъ: 325
 Многія толпища воиновъ, многія толпища коней
 Быстро Эней перепрянулъ, рукой божества устремленный.
 Онъ долетѣлъ до предѣловъ кипящаго битвою поля,
 Гдѣ ополченья Кавконовъ готовились двинуться въ сѣчу.
 Тамъ Анхизиду предсталъ Посидаонъ, колеблющий землю, 330
 И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
 „Кто изъ бессмертныхъ, Эней, тебя ослѣпилъ и подвигнулъ
 Съ сыномъ Пелевымъ бурнымъ сражаться и мѣряться боемъ?
 Онъ и сильнѣе тебя, и любезнѣе жителямъ неба
 Съ нимъ и впередъ повстрѣчавшияся, всپять уступай передъ гроз-
 наемъ." 335

Или, судьбъ вопреки, низойдешь ты въ обитель Аида.
Послѣ, когда Ахиллесъ рокового предѣла достигнетъ,
Смѣло геройствуй, Эней, и въ рядахъ первоборныхъ сражайся,
Ибо другой изъ Ахеянъ съ тебя не похитить корыстей».

Такъ Посидонъ заповѣдавъ, на мѣстѣ оставилъ Энея. 340
Въ то же мгновеніе богъ отъ очей Ахиллеса разсѣялъ
Облацъ чудесный и, ясно прозрѣвъ, онъ кругомъ оглянулся,
Гневно вздохнулъ и вѣщалъ къ своему благородному сердцу;

„Боги! величества чудо моими очами я вижу:
Дроть предо мною лежить на землѣ, но не зрю человѣка, 345
Противъ котораго бросиль, котораго свергнуть пыталъ я!
Вѣрно, и сей Анхизидъ божествамъ Олимпійскимъ любезенъ!
Онъ, полагаль я, любовию ихъ напрасно гордится.
Пусть онъ скитаются! Мужества въ немъ, чтобы со мною сразиться,
Больше не будетъ, и нынѣ онъ радъ, убѣжавши отъ смерти. 350
Но устремимся, Данаевъ воинственныхъ рать возбудивши,
Противостояніемъ врагамъ и другихъ мы Троянъ испытаемъ».

Рекъ онъ и прянулъ къ рядамъ и мужей возбуждалъ, восклицая:
„Днесъ вы не стойте вдали отъ Троянъ, Аргивяне герои!
Мужъ противъ мужа иди и безъ отдыха пламенно бейся! 355
Трудно мнѣ одному, и съ великою силой мою,
Столько воюющихъ толпы обойти и со всѣми сражаться!
Нѣть, ни Арей, невзирая, что богъ, ни Аеина Паллада
Бездны сраженій такой не могли бъ обойти, подвизаясь.
Сколько, однакожъ, смогу я, руками, ногами и силой 360
Дѣйствовать буду, и въ рвени, лышущъ ни на мигъ не ослабну;
Прямо вездѣ сквозь ряды я пройду, и никто изъ Дарданцевъ
Весель не будетъ, который подступить къ копью Ахиллеса!“

Такъ возбуждалъ ихъ герой, а Троянъ шлемоблещущій Гекторъ
Крикомъ бодрилъ и грозился идти онъ противъ Ахиллеса: 365

„Храбрые Трои сыны! не страшитесь вы Пелейона.
Самъ я словами готовъ и противу бессмертныхъ сразиться,
Но копьемъ тяжело: божества человѣковъ сильнѣе.
Рѣчи не всѣ и Пелидъ приведеть въ исполненіе, гордый,
Но однѣй совершишъ, а другія, не кончивъ, оставить. 370
Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
Руки подобны огню, а душа и могучесть—желѣзу!“

Рекъ онъ, и грозно Троянѣ въ противниковъ подняли копья;
Храбрость смѣсилась мужей, и воинственный крикъ ихъ раздался.
Тутъ, явившися Гектору, Фебъ возгласилъ сребролукій: 375
„Гекторъ! еще не дерзай впереди съ Ахиллесомъ сражаться.
Стой между рядовъ, поражай изъ толпы, да тебя и далеко

Онъ не умѣтъ копьемъ, или близко мечомъ не ударить».

Рекъ онъ, и Гекторъ опять погрузился въ волны народа,
Съ трепетомъ сердца услышавши голосъ вѣщавшаго бога. 380

Тутъ Ахиллесь на Троянъ, облеченный всей силою дука,
Съ крикомъ удариль: и первого онъ Ифитіона свергнулъ,
Храбраго сына Отринтова, сильныхъ дружинъ воеводу;
Нимфа Наяда его родила градоборцу Отринту,
Около сиѣжнаго Тиола, въ цвѣтущемъ селеніи Гиды. 385

Прямо летящаго ввстрѣчу, его Ахиллесь быстроногій
Въ голову пикою грнунулъ, и надвое черепъ разсѣлся.

Съ громомъ на землю онъ палъ, и вскричаль Ахиллесь, величаясь:
„Легъ ты, Отринтова сынъ, ужаснѣйшій между мужами!

Умеръ ты здѣсь, на чужбинѣ, а родину бросиль далеко, 390
Возлѣ Гигейскаго озера; бросиль отцовскія нивы;

Около рыбнаго Гилла и быстропучиннаго Герма!“

Такъ величался, а очи сраженнаго тьма осѣнила;
Тѣло же кони Ахеянъ колесами вокругъ истерзали, 395

Павшее въ первомъ ряду. Ахиллесь Демолеона тамъ же,
Въ браны противника сильнаго, славную вѣтву Антенора,

Шикой въ високъ поразилъ, сквозь шеломъ его мѣдноланитный:
Крѣпкай мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла

Пика могучая, кость проломила и, въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсила весь мозгъ и смирила его въ нападеньи. 400

Вслѣдъ Гипподама, который, на доль соскочивъ съ колесницы,
Бросился въ бѣгъ передъ нимъ, поразилъ онъ кошемъ въ между-
плечье;

Онъ, испуская свой духъ, застональ, какъ воль темночелый
Стонеть, кругомъ алтаря Геликійскаго мощнаго бога

Юношъ силой влекомый, и богъ Посидонъ веселится, — 405

Такъ застональ онъ, и духъ его доблестный кости оставилъ.
Тотъ же съ кошемъ полетѣлъ на питомца боговъ Полидора,

Сына Пріамова. Старецъ ему запрещаль ратоборство.
Онъ изъ сыновъ многочисленныхъ былъ у Пріама юнѣйшій,

Старецъ любимѣйшій сынъ; быстротою всѣхъ побѣжалъ онъ 410

И, съ неразуміемъ дѣтскаго, ногъ быстротою тщеславясь,
Рыскаль онъ между переднихъ, пока погубилъ свою душу.

Мѣдянымъ дротомъ младаго его Ахиллесь быстроногій,
Мчавшагосъ мимо, въ хребетъ поразилъ, гдѣ застежки златыя

Запоны смыкали и гдѣ представлялася броня двойная: 415

Дротъ на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнувъ, онъ палъ на колѣна; глаза ему тьма окружила

Черная; внутренность къ чреву руками прижалъ онъ, покинувъ.

Гекторъ, едва лишь увидѣлъ, что братъ Полидоръ, прободенный, Внутренность держить руками, къ кровавому долу приникшій, 420 Свѣтъ помрачилъ въ очахъ Пріамидовыхъ: болѣе не смогъ онъ Въ дальнихъ рядахъ оставаться; пошелъ онъ противъ Ахиллеса, Острымъ, какъ пламень, свѣтящимъ, колебла копьемъ. Ахиллесъ же, Чуть лишь увидѣлъ, подпрянулъ и съ радостью гордой вскрикнулъ:

„Вотъ человѣкъ сей, который глубоко пронзилъ мое сердце! 425
Вотъ сей убийца друга любезнаго! Радуюсь: больше

Другъ мы отъ друга не будемъ по бранному поприщу бѣгать!“

Рекъ и, свирѣпо взглянувъ, къ благородному Гектору вскрикнулъ:
„Ближе приди, да скорѣе дойдешь къ роковому предѣлу!“ 430

И ему, не смущаясь, отвѣтствовалъ Гекторъ великий:
„Сынъ Пелеевъ! меня, какъ младенца, напрасно словами
Ты устрашить ласкаешься: такъ же легко и свободно
Колѣя рѣчи и дерзости самъ говорить я умѣю.
Вѣдаю, сколько могучь ты и сколько тебя я слабѣе.
Но у боговъ всемогущихъ лежитъ еще то на колѣнахъ, 435
Гордую душу тебѣ не я ли, слабѣйший, исторгну
Симъ копиѣмъ: на копиѣ и моемъ остра оконечность!“

Рекъ и, ужасно сотрясши, копье онъ пустилъ; но Аѣна
Духомъ отшибла его отъ Пелеева славнаго сына,
Въ срѣтенье тихо дохнувъ; и назадъ къ Пріамиду герою 440
Дротъ прилетѣлъ, и безсильный у ногъ его паль. Ахиллесъ же,
Пламенный, съ крикомъ ужаснымъ, убить нетерпѣніемъ горящій
Ринулся съ пикой; но Фебъ Аполлонъ Пріамида избавилъ
Быстро, какъ богъ: осѣнилъ онъ героя иракомъ глубокимъ.
Трижды могучій Пелидъ на него нападаль, ударяя 445
Пикой огромной, и трижды вонзаль ее въ мракъ лишь глубокій.
Но въ четвертый онъ разъ еще налетѣвші, какъ Демонъ,
Крикнулъ голосомъ страшнымъ, крылатыя рѣчи вѣща:
„Снова ты смерти, о песь, избѣжалъ! Надъ твоей головою

Гибель висѣла, и снова избавленъ ты Фебомъ могучимъ! 450
Феба обыкъ ты молить, выходя на свистящія копья!
Скоро, однако, съ тобою раздѣлаюсь, встрѣтясь послѣ,
Если и мнѣ межъ боговъ небожителей есть покровитель!
Нынѣ пойду на другихъ и повергну, которыхъ постигну!“

Рекъ и Дріона убилъ онъ, удариивши пикою въ выю; 455
Тотъ, зашатавшись, у ногъ его паль, но его онъ оставилъ;
Демуха жъ Филеторида, огромнаго, сильнаго мужа,
Дротомъ, въ колѣно вонзивъ, удержанъ устремленного, послѣ
Мѣдоогромнѣмъ мечомъ поразилъ и исторгъ ему душу.
Вслѣдъ на Біаса дѣтей, Лаогона и Дардана, вмѣстѣ 460

Къ битвѣ скакавшихъ, напаљ онъ и вмѣстѣ ихъ сбились съ колесницы,

Перваго никой пронзивъ, а другого мечомъ поразивши.

Тросъ же, Аласторовъ сынъ, подбѣжалъ и колѣна герою

Обнілъ, не дасть ли пощады и въ плѣнъ не возьметъ ли живого:

„Можетъ быть“, думалъ онъ, „меня не убьетъ, надѣ ровесникомъ сжалася“. 465

Юноша бѣдный! не зналъ онъ, что жалости ждетъ безполезно.

Былъ передъ нимъ не привѣтный мужъ и не мягкосердечный:

Мужъ непреклонный и пламенный! Тросъ обхватилъ лишь колѣна,
Мысля молить, какъ весь ножъ Ахиллесъ погрузилъ ему въ печенѣ;

Печень въ груди отвалилася; кровь, закипѣвшіи изъ раны, 470

Перси наполнила: очи его, испустившаго душу,

Мракъ осѣнилъ; а Пелидъ, устремивши, Муля грязнуль
Въ ухо копьемъ, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Мѣдное жало. За нимъ онъ Эхеклу, Агенора сыну,

Черепъ разнесъ пополамъ мечомъ съ рукояткой огромной: 475

Весь разогрѣлся подъ кровью мечъ, и Эхеклу на мѣстѣ

Очи смежила кровавая Смерть и суровая Участь.

Послѣ сразиль Девкаліона: гдѣ на изгибистомъ локѣ

Жилы сплетаются, тамъ ему руку пасквозь прохватила
Острая пика, и сталь Девкаліонъ, съ рукою повисшей, 480

Видящій близкую смерть: Ахиллесъ пересѣкъ ему выю,

Голову съ шлемомъ сотрясши, повергъ; изъ костей позвоночныхъ

Выскочиль мозгъ: обезглавленный трупъ по землѣ протянулся.

Онъ же не медля напаљ на Пиреева славнаго сына, 485

Ригма, который пришелъ изъ Фракійской земли плодоносной;

Дротомъ его поразилъ; остріе углубилось въ утробу;

Онъ съ колесницы слетѣлъ; а Пелидъ Ареїю возницѣ,

Коней назадъ обращавшему, въ плечи сіяющій дротикъ

Вбилъ и сразиль съ колесницы, и въ страхѣ смѣшились кони.

Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуєтъ
дѣбрамъ, 490

Окрестъ сухой горы, и пылаеть лѣсъ безпредѣльный;

Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень,—

Такъ онъ, свирѣпствуя никой, кругомъ устремлялся, какъ демонъ;

Гиалъ, поражалъ; заструилося черное кровью поле.

Словно когда земледѣлецъ воловъ сопряжетъ крѣпкочелыхъ 495
Бѣлый ячмень молотить на гумнѣ округленномъ и гладкомъ,

Выстро стираются класы мычащихъ воловъ подъ ногами,—
Такъ подъ Пелидомъ божественныи твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся мѣдная ось и высокий полкругъ колесницы, 500
Въ кони, какъ дождь, и отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ
Брызги хлестали; пылаль онъ добыть между смертными славы,
Храбрый Пелидъ, и въ ирови обагряль необорныхъ руки.

ПѢСНЬ XXI.

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Ахиллесь гонить бѣгущихъ Троянъ, однихъ къ городу, другихъ къ Ксанеу (Скамандру), въ который они бросаются, ст. 1—16, многихъ изъ нихъ убивается въ рѣкѣ, но 12 юношей, захвативъ живыхъ, отсылаетъ въ станъ, обрекши ихъ въ жертву Патроклу, 17—32. Тамъ же убивается Ликаона, Пріамова сына, умоляющего о пощадѣ, 33—137, поражаетъ Астеропея, вожда Пеонянъ, и многихъ между ними, 138—211. Ксанеъ, сперты въ теченіи трупами, жалуется и убѣждается Ахиллеса укротиться, но напрасно: онъ продолжаетъ убійства и снова вскачиваетъ въ средину рѣки. Рѣка свирѣпо нападаетъ на него волнами и наконецъ, вышедшаго и бѣгущаго, преслѣдуетъ его по полю, 212—271. Ахиллеса, устрашенаго и уже съ трудомъ борющагося противъ яростныхъ водъ, одушевляетъ Посидонъ и Аепина. Ксанеъ, болѣе раздраженный, призываетъ на помощь и Симоиса, наводняетъ все поле и снова грозитъ потопить Ахиллеса, 272—327. Но Гера противопоставляетъ Ксанеу Гефеста, который, устремивъ огонь, зажигаетъ рѣку, изсушаетъ поле и не укрошаетъ пламени, пока не повелѣла Гера, убѣжденная мольбою Ксанея, 328—384. Между тѣмъ подымается распра и браны другихъ боговъ: Арея, Аѳены, Киприды, Аполлона, Посидона, Геры, Артемиды, Гермеса, Леты, 385—513. Послѣ сего всѣ боги возвращаются на Олимпъ, но Аполлонъ входить въ Трою, чтобы защитить ее, ибо Ахиллесь, грозно свирѣпствуя, гонить Троянъ къ городу. Пріамъ, увидѣвъ его съ башни, приказываетъ растворить ворота для спасенія бѣгущихъ, 514—543. Аполлонъ, чтобы отвратить отъ нихъ свирѣпство Ахиллеса, устремляется противъ него Агенора, который и нападаетъ на него, 544—594. Но Аполлонъ, скоро удаливъ Агенора и самъ прилавъ образъ его, обманываетъ Ахиллеса, отъ него убѣгая и, такимъ образомъ, отвлекаетъ отъ города, 595—611.

Но лишь Трояне достигнули брода рѣки свѣтлоструйной,
 Ксанеа сребристопучинного, вѣчнымъ рожденного Зевсомъ,
 Тамъ ихъ разрѣзаль Пелидъ; и однихъ онъ погналъ по долинѣ
 Къ граду, и тѣмъ же путемъ, гдѣ Ахейцы въ разстройствѣ бѣжали
 Прошлаго дня, какъ надъ ними свирѣпствовалъ Гекторъ могучій, 5
 Тамъ и Трояне, разсѣясь, бѣжали; но Гера глубокій
 Мракъ распотребла, имъ путь заграждая. Другіе толпами,
 Бросясь къ рѣкѣ серебристопучинной, глубокотекущей,
 Надали съ шумомъ ужаснымъ: высоко вали заплескали;
 Страшно кругомъ берега загремѣли; упадшіе съ воплемъ 10
 Плавали съ мѣста на мѣсто, крутясь по бурнымъ пучинамъ.
 Словно какъ пруги, отъ ярости огненной снявшія съ поля,
 Тучей къ рѣкѣ устремляются: вдругъ загорѣвшійся бурный
 Пышить огонь, и они устрашенные падаютъ въ воду,—
 Такъ отъ Пелида бѣгущіе падали кони и вои, 15
 Токъ наполняя гремучій глубокопучинного Ксанеа.
 Онъ же, божественный, дротъ свой огромный оставилъ на брегѣ,
 Къ вѣтвямъ мирики склонивши, и самъ устремилъся какъ демонъ,
 Съ страшнымъ мечомъ лишь въ рукахъ: замышлялъ онъ ужасное
 въ сердцѣ: 20
 Началь вокругъ имъ рубить; поднялися ужасные стоны
 Вокругъ поражаемыхъ; кровью ихъ забагровѣли волны.
 Словно дельфина огромнаго мелкія рыбы всполошась
 И бѣжа отъ него въ безонасытную глуби залива,
 Кроются робкія: всѣхъ онъ глотаетъ, какую ни схватить,— 25
 Такъ отъ Пелида Трояне въ ужасномъ потокѣ Скамандра
 Крылись подъ кручей бреговъ. Не герой, утомивши убийствомъ
 Руки, живыхъ средь потока двѣнадцать юношей выбралъ,
 Чтобъ за смерть отомстить благороднаго друга Патрокла;
 Вывелъ изъ волнъ, обезумленныхъ страхомъ, какъ юныхъ еленей, 30
 Руки имъ сзади связалъ разрѣзными, крутыми ремнями,
 Кои въ сраженіяхъ сами носили при броняхъ кольчатыхъ;
 Такъ повелѣлъ Мирмидонцамъ вести ихъ къ судамъ мореходнымъ,
 Самъ же опять на враговъ устремилъся, убийства алкая.
 Тамъ онъ Пріамова сына, чудясь, Ликаона младого
 Встрѣтилъ, изъ волнъ уходящаго, коего нѣкогда самъ онъ 35
 Въ плѣнъ, невзирая на вопль, изъ отцова увлекъ вертограда,
 Ночью напавши: царевичъ смоковницы вѣти младыя
 Острою мѣдью тесалъ, чтобы въ круги согнуть колесницы;
 Вдругъ на него налетѣла бѣда—Ахиллесь быстроногій.
 Онъ Ликаона, въ судахъ своихъ быстрыхъ уславши на Лемность, 40
 Продалъ: Эвней Язонидъ предложилъ за царевича выкупъ;

Другъ же его и оттуда, Геэтонъ, Имбра владыка,
Многое давъ, искупилъ и въ священную выслалъ Аризбу.
Скоро, бѣжавши оттуда, въ отеческій домъ возвратился.
Дома одиннадцать дней веселился съ друзьями своими, 45
Послѣ возврата изъ Лемна; въ двѣнадцатый богъ его паки
Въ руки предалъ Ахиллеса, которому сужено было
Въ царство Аида низринуть идти не хотящую душу.
Быстрый могучий Пелидъ, лишь уэръль Пріамида нагого
(Онъ безъ щита, безъ шлема и даже безъ дротика вышелъ, 50
По полю все разбросаль, изъ рѣки убѣгающей, потомъ
Онъ изнурился, съ истомы подъ нимъ трепетали колѣна),
Гнѣвно вздохнулъ и вѣшалъ со своею душой благородной:
„Боги! великое чудо моими очами я вижу!
Стало быть, Трои сыны, на бояхъ умерщвленные мною, 55
Паки воскреснутъ и паки изъ мрака подземнаго выйдутъ,
Ежели сей возвращается; чернаго дня избѣжалъ онъ,
Проданный въ Лемносъ; его не могла удержать и пучина
Бурнаго моря, которое многихъ насильственно держитъ.
Но нападемъ, и теперь острія моего Пеласа 60
Пусть онъ отвѣдется: видѣть хочу и увѣриться сердцемъ.
Также ли онъ и оттуда воротится, или Троянца
Матерь удержить земля, которая держить и сильныхъ“.
Такъ размышилъ и стоялъ онъ; а тогдѣ подходилъ полуумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: нескажанно желалъ онъ 65
Смерти ужасной избѣгнуть и близкаго чернаго рока.
Дротъ, между тѣмъ, длиннотѣнныи занесъ Ахиллесъ быстроногій;
Грянуть готовый; а тогдѣ подбѣжалъ и обняль ему ноги,
Къ долу припавъ; и копье, у него засвистѣвъ за спиною,
Въ землю воткнулось дрожа, человѣческой жадное крови. 70
Юноша лѣвой рукою обняль, умоляя, колѣна,
Правой копье захватилъ и, его изъ руки не пуская,
Такъ Ахиллеса молилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Ноги объемлю тебѣ, пощади, Ахиллесъ, и помилуй!
Я предъ тобою стою, какъ молитель, достойный пощады! 75
Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
Въ день, какъ меня полонилъ ты въ цвѣтущемъ отца вертографѣ.
Послѣ ты продалъ меня, разлучивъ и съ отцомъ и съ друзьями,
Въ Лемносъ священный; тебѣ я доставилъ стотельчія цѣну;
Нынѣ жъ тройной искупился бѣ цѣною! Двѣнадцатый день лишь 80
Съ оной мнѣ свѣтить поры, какъ пришелъ я въ священную Трою,
Много страдавши: и въ руки твои опять меня ввергнулъ
Пагубный рокъ! Ненавистенъ я, вѣрно, Кроніону Зевсу,

Если вторично имъ преданъ тебѣ; кратковѣчныи родила
Матерь меня Лаооя, дочь престарѣлого Альта, 85
Альта, который надъ племенемъ царствуетъ храбрыхъ Лелеговъ,
Градомъ высокимъ, Педасомъ, у водъ Сатніона владѣя.
Дочерь его Лаооя, одна изъ супругъ Дарданица,
Двухъ пасъ Пріаму родила, и ты обоихъ умертвишь насъ!
Брата уже ты сразилъ въ ополченіяхъ нашихъ переднихъ, 90
Острымъ копьемъ закололъ Полидора, подобнаго боту.
То жъ и со мною несчастіе сбудется! Знаю, могучій!
Рукъ мнѣ твоихъ не избѣгнуть, когда уже богъ къ нимъ прибли-
зитъ!

Слово иное скажу я, то слово пріими ты на сердце:
Не убивай меня; Гекторъ мнѣ братъ не единогуброчный, 95
Гекторъ, лишившій тебя благороднаго, иѣжнаго друга!"

Такъ говорилъ убѣждающій сынъ знаменитый Пріамовъ,
Такъ Ахиллесъ молилъ; но услышалъ не жалостный голосъ:
„Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
Такъ, доколѣ Патрокль наслаждался сіяніемъ солнца, 100
Миловать Трои сыновъ иногда мнѣ бывало пріятно.
Многихъ изъ васъ полонилъ и за многихъ выкупъ я принялъ.
Нынѣ пощады вамъ нѣтъ никому, кого только демонъ
Въ руки мои приведеть подъ стѣнами Пріамовой Трои!
Всѣмъ вамъ, Троянамъ, смерть, и особенно дѣтямъ Пріама! 105
Такъ, мой любезный, умири! И о чемъ ты столько рыдаешь?
Умерь Патрокль, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
Видишь, каковъ я и самъ, и красивъ и величественъ видомъ,
Сынъ отца знаменитаго, матеръ имѣю богиню!
Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть; 110
Смерть придетъ и ко мнѣ по утру, къ вечеру, или въ полдень
Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
Или копьемъ поразивъ, иль крылатой стрѣлою изъ лука".

Такъ произнесъ,—и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный онъ дротъ уронилъ и, трепещущій, руки раскинувъ, 115
Сѣль. Ахиллесь же, стремительно мечъ обояудный исторгши,
Въ выю вонзилъ у ключа и до самой ему рукояти
Мечъ погрузился во внутренность; ницъ онъ по черному праку
Легъ, распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертваго за ноги взявши, въ рѣку Ахиллесь его бросилъ, 120
И, надъ нимъ издѣваясь, пернатая рѣчи вѣщалъ онъ:

„Тамъ ты лежи, между рыбами! Жадныя рыбы вкругъ язвы
Кровь у тебя нерадиво облизнутъ! Не матерь на ложе
Тѣло твое, чтобы оплакать, положитъ, но Ксанѳъ быстротечный

Бурной волной упесетъ въ безпредѣльное лопо морское. 125

Рыба, играя межъ волнъ, на поверхность черпющею зыби

Рыба вслыветь, чтобы насытиться бѣлыемъ царевича тѣломъ:

Такъ погибайте, Трояне, пока не разрушимъ мы Трои,

Вы, убѣгая изъ битвы, а я—убивая бѣгущихъ!

Васъ не спасеть ни могучій Потокъ, серебристопучинный 130

Ксаноѣ! Посвящайте ему, какъ я прежде, воловъ неисчислимыхъ;

Въ волны бросайте живыхъ, какъ и прежде коней звуконогихъ:

Всѣ вы изгibнете смертью лютой; заплатите вы мнѣ

Друга Патрокла за смерть и Ахейскихъ сыновъ за убийство,

Коихъ у черныхъ судовъ безъ меня вы избили на сѣчахъ!“ 135

Такъ говориль онъ, и Ксаноѣ на него раздражался жестоко:

Сталь волноваться отъ думами, какъ удержать отъ свирѣпства

Бурнаго сына Пелея, спасая Троянъ отъ убийства.

Но Пелейонъ между тѣмъ, потрясая копьемъ длиннотѣннымъ,

Прянуль ужасный, убить пылающей Астеропея, 140

Вѣты Пелегона, котораго Аксій широкотекущій

Съ юной родилъ Перебою, Акессаменовой дщерью

Старшею; съ нею Потокъ сочетался глубокопучинный.

Быстро Пелидъ устремлялся, а тотъ изъ рѣки на Пелида

Вышелъ, двумя потрясающими копьями; храбрость Пеонцу 145

Ксаноѣ ниспославъ: раздражался бессмертный за юношей красныхъ,

Коихъ въ пучинахъ его Ахиллесь убивалъ безъ пощады.

Чуть соступились они, устремляясь другъ противъ друга,

Первый къ Астеропею вскричалъ Ахиллесь быстроногий:

„Кто ты, откуда ты, смертный, дерзающій встричумъ выдти? 150

Дѣти однихъ несчастныхъ встрѣчаются съ силой мою!“

И ему отвѣчаль воинственный сынъ Пелегонъ:

„Сынъ знаменитый Пелеевъ, почто вопрошаешь о родѣ?

Я изъ Пеоніи мужъ, изъ страны плодоносной, далекой;

Вождь я Пеонянъ огромнокопейныхъ. Дѣнадцатый день мнѣ 155

Свѣтить съ оной поры, какъ пришелъ я въ Пріамову Трою.

Родоначальникъ мой славный—Аксій широкотекущій,

Аксій, водою прекраснѣйшей нѣдра земныя поящій;

Онъ Пелегона родилъ; отъ него, копьеносца, вѣщаютъ,

Я порожденъ. Но сразися со мной, Ахиллесь благородный!“ 160

Такъ онъ, грозя, говориль; и занесъ Ахиллесь быстроногий

Крѣпкій свой ясень Пелійский; но дротами вдругъ обоими

Сынъ Пелегоновъ пустиль: копьеборецъ онъ былъ оборучный:

Въ щитъ Ахиллесовъ одинимъ угодилъ, но сквозь щитъ не проникнулъ

Дротъ мѣдноожальный, удержаній златомъ, божественнымъ да-
ромъ.“

Дротомъ другимъ, близъ локтя пронесшимся, ссадилъ десную: 165
 Черная кровь заструилась, и дротъ позади Ахиллеса
 Въ землю вонзился, горящій насытиться тѣломъ героя.
 Вслѣдъ Пелейонъ Ахиллесь, размахнувъ прямолетный свой ясень,
 Въ Астеропея пустынъ, супостата низвергнутъ пылая, 170
 Но, не попавъ Шелегонида, въ берегъ высокій ударилъ
 И вогналъ до средины огромное дерево въ берегъ.
 Самъ между тѣмъ, исторгнувши мечъ изъ влагалища острый,
 Ярь на противника прянуль, а тогдѣ Ахиллесовскій ясень
 Вырвать изъ берега тщетно рукой напрягался дебелой. 175
 Трижды его колыхалъ, изъ стремнины исторгнуть пылая,
 Трижды силы терялъ, но, въ четвертый онъ разъ лишь рванулся,
 Чая согнуть и сломить Эакидовъ убийственныій ясень,
 Тотъ налетѣлъ и мечомъ у надменнаго душу исторгнулъ:
 Чрево близъ пупа ему разрубилъ, и изъ чрева на землю 180
 Вылилась внутренность вся, и ему, захрипѣвшему, очи
 Смертная тына осѣнила. Пелидъ же, на грудь его бросясь,
 Шыпны латы срывають, и вѣщають, величаясь побѣдою:
 „Въ прахѣ лежи! Тебѣ тяжело всемогущаго Зевса
 Спорить съ сынами, хотя и рожденъ ты Рѣкою великой! 185
 Ты отъ Рѣки широкой своимъ величаешься родомъ;
 Я отъ владыки бессмертныхъ, отъ Зевса, рожденiemъ славлюсь.
 Жизнь дароваль мнѣ герой, Мирмидонянъ владыка державный,
 Отрасль Эака, Пелей; Эакъ же рожденъ отъ Зевеса
 Сколько Зевесъ многомощнѣе Рѣкъ, убѣгающихъ въ море, 190
 Столько предъ чадами Рѣкъ многомощнѣе чада Зевеса!
 Здѣсь, предъ тобой—и Рѣка могучая; пусть испытаетъ
 Помощь подать: невозможно сражаться съ Крониономъ Зевсомъ.
 Съ нимъ, Громовержцемъ, ни царь Ахелой не дерзаетъ равняться,
 Ни, могуществомъ страшный, сѣдой Океанъ безпредѣльный, 195
 Тотъ, изъ котораго всякий источникъ и всякое море,
 Рѣки, ключи и глубокіе кладези всѣ истекаютъ;
 Но трепещетъ и онъ всемогущаго Зевса перуновъ
 И ужаснаго грома, когда отъ Олимпа онъ грянетъ“.

Рекъ и изъ брега стремнистаго вырвалъ огромную пику. 200
 Бросиль врага, у котораго гордую душу исторгнулъ,
 Въ прахѣ простертаго: тамъ его залили мутныя волны;
 Вокругъ его тѣла и рыбы и угри толпой закицѣли,
 Почекчный тукъ обрывая и жадно его пожирая.
 Сынъ же Пелеевъ пошелъ на Пеонянъ, воиновъ конныхъ. 205
 Кои по берегу Ксанея пучиннаго бросились въ бѣгство,
 Чуть лишь увидѣли мужа сильнѣшаго въ битвѣ ужасной

- Мощно сраженного грозной рукой и мечомъ Ахиллеса.
 Тамъ онъ убилъ Ферсилоха, Энія вождя и Мидона,
 Свергъ Астипила и Фразія, свергъ Офелеста и Мнесса. 210
 Многихъ еще бы Неонянъ сразилъ Ахиллесъ быстроногий,
 Если бы голоса въ газѣ Скамандръ пучинный не поднялъ.
 Въ образѣ смертнаго богъ возгласилъ изъ глубокой пучины:
 „О Ахиллесъ! и могуществомъ силь и грозою дѣяній
 Выше ты смертнаго! Боги всегда по тебѣ побораютъ. 215
 Если Кроніонъ Троянъ на погибель всѣхъ тебѣ предалъ,
 Выгони ихъ изъ меня и надъ ними ты въ полѣ свирѣпствуя.
 Трупами мертвыхъ полны у меня свѣтлоструйные воды;
 Больѣ въ море священное волнъ проливать не могу я,
 Трупами спрѣтый Троянскими: ты истребляешь, какъ гибель! 220
 О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастьрь народа!“
 Ксанеу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногій:
 „Будеть, какъ ты заповѣдуешь, Ксанеу, Громовержецъ питомецъ!
 Я перестану Троянъ истреблять, но не прежде, какъ гордыхъ
 Въ стѣны вобью, и не прежде, какъ Гектора мошь испытаю, 225
 Онъ ли меня укротить, иль надменнаго самъ укрошу я.“
 Такъ говоря, на Троянъ устремился ужасный, какъ демонъ.
 Къ Фебу тогда возопила Рѣка изъ пучины глубокой:
 „Богъ сребролукій, Кроніона сынъ, не блюдешь ты завѣтовъ
 Зевса Кронида! Не онъ ли тебѣ повелѣлъ, Олимпіецъ, 230
 Трои сыновъ защищать неотступно, пока не прострется
 Сумракъ вечерній и тѣнью холмистыхъ полей не покроетъ“.
 Такъ говорила; Пелидъ же безстрашный въ средину пучины
 Прянуль съ крутизны. Рѣка поднялася, волнами бушуя,
 Вся, всклокотавши, до дна взволновалася и мертвыхъ погнала, 235
 Коими волны ея Ахиллесъ истребитель наполнилъ;
 Мертвыхъ, какъ волъ ревущая, вонъ извергала на берегъ,
 Но живыхъ укрывая въ пучинныхъ пещерахъ широкихъ,
 Ихъ защитила своими катящимися пышно водами.
 Страшное вкругъ Ахиллеса волненіе бурное встало; 240
 Зыблютъ героя валы, упадая на щитъ; на ногахъ онъ
 Болѣ не могъ удержаться, руками за вязъ ухватился
 Толстый, раскидисто росшій, и вязъ, опрокинувшись съ корнемъ,
 Берегъ обрушилъ съ собой, заградилъ быстротечныя воды
 Вѣтвей своихъ густотой и, какъ мостъ, по рѣкѣ протянулся, 245
 Весь на нее опрокинясь. Герой, изскоча изъ пучины,
 Бросился въ страхѣ долиной летѣть на ногахъ своихъ быстрыхъ.
 Яростный богъ не отсталъ, но, поднявшись, за нимъ онъ ударилъ
 Валомъ черноголовымъ, горя обуздать Ахиллеса

- Въ подвигахъ бранныхъ и Трои сыновъ защитить отъ убийства. 250
Онъ же, герой, проскакалъ на пространство копейного лета,
Быстро, какъ мощный орель, чернoperый ловецъ поднебесный,
Самый сильнейший и самый быстрый изъ рода пернатыхъ;
Равный орлу онъ стремился; блестящая мѣдь всеворужїй
Страшно вокругъ персей звучала; бѣжа отъ Рѣки, онъ бросался 255
Въ бокъ, а Рѣка по слѣдамъ его съ ревомъ ужаснымъ крутилась.
Словно когда водоводъ отъ ключа, изобилія влагой,
Въ садъ, на кусты и растенія, ровъ водотечный проводить,
Заступъ острый держа и копъ отъ препонъ очищая,
Рвомъ устремляется влага; подъ нею всѣ мелкие камни 260
Съ шумомъ катятся; источникъ бѣжитъ и журчитъ, убыстренный
Мѣстомъ покатистымъ; онъ и вождя далеко упраждаетъ,—
Такъ непрестанно преслѣдоваль валь черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстрого: боги могутъ смертныхъ.
Нѣсколько разъ покушался герой Ахиллесь быстроногий 265
Противостать и увидѣть, не всѣ ли его уже боги
Гонятъ, не все ль на него ополчились великое небо?
Нѣсколько разъ его валь излѣянаго Зевсомъ Скамандра,
Сверху обрушася, въ плечи хлесталь; негодяя, высоко
Прядаль Пелидъ, но Рѣка удручила могучія ноги,
Бурная подъ ноги била и прахъ изъ-подъ стопъ вырывала. 270
Крикнулъ Пелидъ наконецъ, на высокое небо взирая:
„Зевсъ! такъ никто изъ боговъ милосердый меня не представанеть
Спасти изъ рѣки злополучнаго? Послѣ я все претерпѣль бы...
Но кого осуждаю я, кто изъ Небесныхъ виновенъ? 275
Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
Татерь твердила, что здѣсь, подъ стѣнами Троянъ броненосныхъ,
Миѣ отъ однѣхъ Аполлоновыхъ стрѣль быстролетныхъ погибнуть.
Что не убить я Гекторомъ! Сынь Иліона славнейший,
Храбраго онъ бы сразилъ и корыстю гордился бы, храбрый! 280
Нынѣ жъ безславно смертью судьбой принужденъ я погибнуть,
Лечь въ пучинахъ рѣки, какъ младой свинопасъ, поглощенный
Бурнымъ потокомъ осеннимъ, который хотѣль перебресть онъ!“
Такъ говориль, — и незапно ему Посидонъ и Аеина
Вмѣстѣ явились, приблизились, образъ принявъ человѣковъ, 285
За руку взяли рукой, и словами его увѣряли.
Первый къ нему провѣщаль Посидонъ, потрясающій землю:
„Храбрый Пелидъ! ничего не страшился, ничѣмъ не смущайся.
Мы, отъ бессмертныхъ боговъ, изволяющу Зевсу Крониду,
Мы твои покровители, я и Паллада Аеина. 290
Рокомъ тебѣ не назначено быть побѣженнымъ Рѣкою;

- Скоро она успокится, бурная, самъ ты увидишь.
 Мы же, когда ты послушаешь, мудрый советъ предлагаемъ:
 Рукъ не удерживай ты отъ убийства и общаго боя
 Прежде, доколѣ Троянъ не вобьешъ въ Иліонскія стѣны 295
 Всѣхъ, кто спасется; и послѣ ты, Гектора душу исторгнавъ,
 Въ станъ возвратися; дадимъ мы тебѣ вожделѣнную славу".
 Такъ возгласивши, безсмертные вновь удалились къ безсмертию.
- Онъ полетѣлъ, безпредѣльно глаголомъ боговъ ободренный,
 Въ поле, а поле водою разлившееся все понималось. 300
 Множество пышныхъ оружій, множество юношей красныхъ
 Плавало мертвыхъ. Высоко скакаль онъ, бѣжка отъ стреilenъ
 Прямо гонящихся волнъ разыренныхъ; не могъ его больше
 Бурный потокъ удержать, облеченного въ крѣпость Аейной!
 Но и Окамандръ не обуздывалъ гнѣва; противъ Ахиллеса 305
 Пуще свирѣпствовалъ богъ; захолмивши валы на потокѣ,
 Онъ воздымался высоко и съ ревомъ воопилъ къ Симону:
 „Братъ мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно съ тобою
 Моющъ обуздаемъ; иль скоро обитель владыки Пріама
 Онъ разгромитъ; устоять передъ грознымъ Троянне не могутъ! 310
 Помощь скорѣе подай мнѣ; потокъ свой наполни водами
 Быстрыхъ источниковъ горныхъ и всѣ ты воздвигни потоки!
 Страшныя волны поставь, закрути съ треволненiemъ шумныхъ
 Бревна и камни, чтобы обуздать наемъ ужаснаго мужа!
 Онъ побѣждаетъ теперь и господствуетъ въ браини, какъ боги. 315
 Но не помогутъ, надѣюсь; ему ни краса, ни могучесть,
 Ни оружія пышныя, кои въ болотѣ глубокомъ
 Лягутъ и черной покроются тиною; ляжетъ и самъ онъ.
 Я и его подъ пескомъ погребу и громадою камней
 Страшный кругомъ замечу; не сберуть и костей Ахиллеса 320
 Чада Ахеянъ: такой самого его тиной покрою!
 Тамъ и могила его, и не нужно Ахеямъ будеть
 Холма надъ нимъ насыпать, воздавая надгробную почесть!"
 Рекъ—и напалъ на него, клокоча и высоко бушуя,
 Съ ревомъ бросая и иѣной, и кровью, и трупами мертвыхъ. 325
 Быстро багровыя волны рѣки, изліявшейся съ неба,
 Стали стѣной, обхватили кругомъ Пелейона героя.
 Крикнула Гера богиня, страшась, чтобъ Пелеева сына
 Въ хляби свои не умчала рѣка, изліянная Зевсомъ.
 Быстро къ Гефесту, любезному сыну, она возгласила: 330
 „Въ бой, Хромоногій! воздвигнися, о сынъ мой! Съ тобою сражаться

- Мы почитаемъ достойнымъ глубокопучинного Ксанея.
Противостань и скрѣе открай пожирающій пламень!
Я же иду, чтобы Зефира вѣтра и хладнаго Нота
Быстро отъ берега морскаго жестокую бурю воздвигнуть; 335
Бура сожжетъ и главы и доспѣхъ Троянъ ненавистныхъ,
Страшный пожаръ разносящая. Ты по берегамъ у Скамандра
Жги дерева и на воду огонь устреми; не смягчайся
Ласковой рѣчью его, не смущайся угрозами бога
И не смирий ты пламенной силы, пока не подамъ я 340
Знаменя крикомъ; тогда укротишь ты огонь неугасныи".
- Такъ повелѣла,—и сынъ устремилъ пожирающій пламень.
Въ полѣ сперва разгорался огонь и тѣла пожигаль онъ
Многихъ толпами лежащихъ Троянъ, Ахиллесомъ убитыхъ.
Поле изсохло, и стали въ теченіи свѣтлыхъ воды. 345
Словно какъ въ осень Борей вертоградъ, усыренный дождями,
Скоро сушить и его удобрятеля радуетъ сердце,
Такъ изсушило цѣлое поле, тѣла погорѣли.
Богъ на рѣку обратилъ разливающій зарево пламень.
Вспыхнули окрестъ зеленыхъ ивы, мирики и вязы; 350
Вспыхнули влажныя трости, и лотось, и киперь душистый,
Кои росли изобильно у Ксалевыхъ водъ свѣтлоструйныхъ;
Рыбы въ рѣкѣ затомились, и тѣ по глубокимъ пучинамъ,
Тѣ по прозрачнымъ струямъ и сюда и туда заныряли,
Въ пламенномъ духѣ томясь многоумнаго Амфигея. 355
Вспыхнулъ и самый Потокъ и, пылающій, такъ возопилъ онъ:
„Нѣть, о Гефестъ, ни единый бессмертный тебя не осилить!
Нѣть, никогда не вступлю я съ тобой, огнедышащимъ, въ битву!
Кончи ты брань! А Троянъ хоть изъ града Пелидъ быстроногий
Пусть изженетъ, отрекаюсь ихъ распры, не хочу поборать имъ!" 360
- Такъ говорилъ и горѣль; клокотали прекрасныя воды,
Словно клоочетъ котелъ, огнемъ подгнетенный великимъ,
Если онъ, вепря огромнаго тукъ растопляя блестящій,
Полный ключомъ закипитъ, раскаляемый пылкою сушью,—
Такъ отъ огня раскалялися волны, вода клокотала. 365
Стала рѣка, протекать не могла, изнуренная знайной
Силою бога Гефеста. Скамандръ къ торжествующей Герѣ
Голосъ простеръ умоляющій, быстрая рѣчи вѣща:
„Гера! за что твой сынъ, на потокъ мой свирѣпо обрушился,
Мучить меня одного? Предъ тобою не столько виновенъ 370
Я, какъ другіе бессмертные, кои Троянъ защищаются.
Я укрошуся, о Гера владычина, если велиши ты;
Усть и Гефестъ укротится! Клянуся я клятвой бессмертныхъ

Трои сыновъ никогда не спасать отъ сурої годины,
Даже когда и Троя губительнымъ пламенемъ бурнымъ 375
Вся запылаетъ, зажженная свѣточами храбрыхъ Danaeъ!“

Рѣчи такія услышавъ, лилейнораменна Гера
Быстро богиня къ Гефесту, любезному сыну, вѣщала:
„Полно, Гефестъ, укротися, мой сынъ знаменитый! Не должно
Такъ безпощадно за смертныхъ карать бессмертнаго бога!“ 380

Такъ повелѣла, — и богъ угасиль пожирающій пламень.
Вспять покатились къ потоку прекрасно струящіись воды.
Такъ обуздана Ксанеова мощь; успокоились оба,
Ксанеъ и Гефестъ: укротила ихъ Гера, сама негодуя,

Но межъ другими бессмертными вспыхнула страшная злоба, 385
Бурная: чувствомъ раздора ихъ души въ груди вззволновались.
Бросились съ шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вокругъ, какъ трубой, огласилось великое небо. Услышалъ
Зевсъ, на Олимпѣ сидящій, и съ радости въ немъ засмѣялось
Сердце, когда онъ увидѣлъ боговъ, устремившихся къ браны. 390
Сшедшия, боги не долго стояли въ бездѣствіи; началь
Щиторушитель Ареи, налетѣлъ на Палладу Аеину,
Мѣдный колебля копьемъ, изрыгая поносныя рѣчи:

„Паки ты, наглая муха, на браны небожителей сводишь?
Дерзость твоя безпредѣльна! Ты вѣчно свирѣпствуешь сердцемъ! 395
Или не помнишь, какъ ты побудила Тидеева сына
Ранить меня, и сама, передъ всѣми копье ухвативши,
Прямо въ меня устремила и тѣло мое растерзала?
Нынѣ за все, надо мнай совершенное, мнѣ ты заплатишь!“

Рекъ и удариль копьемъ въ драгоценный эгидъ многокист-
ный, 400
Страшный, предъ коимъ бессиленъ и пламенный громъ Молневержца;
Въ онай копьемъ длиннотѣчнымъ ударилъ Ареи изступленный.
Зевсовы дочь отступила и мощнай рукой подхватила
Камень, въ полѣ лежащий, черный, зубристый, огромный,
Въ древніе годы мужами положенный поля межою; 405
Камнемъ Арея ударила въ выю и крѣость сломила.
Семь десятинъ онъ покрыль, распростершися; доскѣхъ его мѣдный
Грянуль, и прахомъ одѣлись власы. Улыбнулась Аеина
И, величаясь надъ нимъ, устремила крылатыя рѣчи:

„Или доселѣ, безумный, не чувствовалъ, сколь предъ тобою 410
Выше могущество мъ, что со мню ты мѣряешь силы?
Такъ отягчаютъ тебя проклятия матери Геры,
Въ гнѣвѣ тебѣ готовящей кару за то, что, измѣпникъ,
Бросилъ Ахейскихъ мужей и стоишь за Троюнъ вѣроломныхъ!“

- Такъ говоря, отъ земи отвергла жизни гнѣ.
415
За руку жаждавши его, повела Афродита богиня.
Такъ я часто стекающаго: въ салу онъ съ рукою сбрасывалъ.
Но, Афродиту узялъ, ладонь ораменев на Гера
Къ Зевсову ладью дающъ кулачную рѣчь устроилъ:
„Неподвижная ладья воздыматъ облачна земля! 420
Водить, блестыльная ладья губителя смертныхъ душъ
Съ битвы выльвашей дарю уводить! Скорый прогулку!“
Такъ киркала, — и Амиза бросилась съ радостью въ сердце;
Быстро всплыть на Катриду, ногучей рукой поразила
Ее грудь, и поглощено у нея обнажило и сердце и ноги. 425
Оба они крѣдь Амизы пали на златную землю.
И, торжествуя надъ падшими, вскрикнула громко Амиза:
„Если бы въ вѣкъ таковы защитители Трои высокой
Были, изъ брая выходя просить нѣдооруженныхъ Дакиевъ,
Столько же отважны и сильны душой, какова Афродита
Вышла, Арез союзника, въ круности своротъ со склона! 430
О, давно бы отъ грозной войны успокоились всѣ мы,
Градъ сей разруша, высокотвердынную Трою Пріана:“
Такъ говорила, — и тихо осклабилась Гера богиня.
И тогда къ Аполлону вѣщаъ Посидонъ, земледержецъ: 435
„Что, Аполлонъ, мы стоимъ въ отдаленіи? Намъ неприлично!
Начали боги другіе. Постыдио, когда мы безъ боя
Оба прийдемъ на Олимпъ, въ нѣднозданній донъ Олимпіада!
Фебь, начинай: ты лѣтами юнѣйши, но мя въ неприлично:
Прежде тебя я родился и болѣ тебѣ я извѣдалъ. 440
О бессердечный, беспамятно сердце твое! Позабыть ты,
Сколько трудовъ имъ и бѣдъ претерпѣли вокругъ Илона,
Мы отъ бессмертныхъ одни? Повинуясь волѣ Кронида,
Здѣсь Лаомедону гордому мы, за условную плату,
Цѣлый работали годъ, и сурово онъ властноволь ванъ. 445
Я обитателямъ Трои высокія стѣны воздвигнулъ,
Куликую, славную твердь, нерушимую града защиту.
Ты, Аполлонъ, у него, какъ наемникъ, воловъ и кругорогихъ
Шесть по долинамъ холмистой, дубравами вѣнчанной Иды.
Но, когда памъ условленной платы желанныя Горы 450
Срокъ приносили, Лаомедонъ жестокий насильно присвоилъ
Должную плату и нась изъ предѣловъ съ угрозами выслалъ.
Лютый, тебѣ онъ грозилъ оковать и руки и ноги
И продать, какъ раба, на островъ чужой и далекій,
Намъ обоимъ похвалился отсѣчь въ поруганіе уши, 455
Такъ удалились мы, на него негодуя душою.

Царь вѣроломный завѣтъ сотворилъ и его не исполнилъ!
Фебъ, не за то ль благодѣшь народу сему и не хочешь
Намъ поспѣшать, да погибнуть наѣкъ вѣроломцы Трояне,
Бѣдственно всѣ да погибнутъ, и робкія жены и дѣти!“ 460
Но ему отвѣчалъ Аполлонъ, сребролукій владыка:

„Энносигей! не почель бы и самъ ты меня здравоумнымъ,
Если бъ противу тебя ополчался я ради сихъ смертныхъ,
Бѣдныхъ созданий, которыхъ, листьями древесными подобно,
То появляются пышныя, пищей земною питаясь, 465
То погибаютъ, лишаясь дыханія. Нѣть, Посидаонъ,
Распры съ тобой не начну я; пускай человѣки раздорять!“

Такъ произнесъ Аполлонъ и назадъ обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучаго брата отпова.

Тутъ Аполлона сестра, Артемида, звѣрей господыня, 470
Шумомъ ловитъ веселящаяся, гнѣвно его укоряла:

„Ты убѣгаешь, Стрѣлецъ! и царю Посидону побѣду
Всю оставляешь, даешь ненаказаніо славой гордиться?
Что жъ, малодушный, ты носишь сей лукъ для тебя безполезны? 475
Съ сей я поры, чтобъ твоихъ не слыхала въ чертогахъ Кронида
Гордыхъ похвалъ, какъ, бывало, ты хвалишься между богами
Съ Энносигеемъ, земли колебателемъ, выдти на битву!“

Такъ говорила; сестрѣ не отвѣтствовалъ Фебъ сребролукій.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими такъ Артемиду язвила:

„Какъ, безстыдная псица, и мнѣ уже нынѣ ты смѣешь
Противостать? Но тебѣ я тяжелой противницей буду,
Гордая лукомъ! Тебя лишь надъ смертными женами львицей
Зевсъ поставилъ, надъ ними свирѣпствовать далъ тебѣ волю. 485
Лучше и легче тебѣ поражать по горамъ и долинамъ
Ланей и дикихъ звѣрей, чѣмъ съ сильнейшими въ крѣпости спо-
ритъ.“

Если жъ ты хочешь извѣдать и брани, теперь же узнаешь,
Сколько тебя я сильнѣе, когда на меня ты дерзаешь!“

Такъ лишь сказала и руки богини своею рукою
Лѣвой хватаетъ, а правою, лукъ за плечами сорвавши, 490
Лукомъ, съ усыпьюкою горькою, бѣть вкругъ ушей Артемиду:
Быстро она отвращаясь, разсыпала звонкія стрѣлы
И наконецъ убѣжала въ слезахъ. Такова голубица,
Ястреба, робкая, взвидя, въ разсѣяніу камня влетаетъ,
Въ темную пору, когда ей не сужено быть уловленной!— 495
Такъ Артемида въ слезахъ убѣжала и лукъ свой забыла.
Летѣ, богинѣ, тогда возгласилъ возвѣстительный Гермесъ:

„Лета! сражаться съ тобой ни теперь я, ни впредь не намѣряться:
Трудно сражаться съ супругами тучегонителя Зевса.
Можешь, когда ты желаешь, торжественно между бессмертныхъ, 500
Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня побѣдила“.

Такъ говорилъ онъ, а Лета сбирала и лукъ и изъ тула
Вознъ по песчанымъ зыбамъ разлетѣвшаясь легкія стрѣлы.
Всѣ ихъ собравши, богиня пошла за печальною дщерью.
Та же вошла на Олимпъ, въ мѣдноизданный чертогъ Громовержца, 505
Сѣла, слезы лія, на колѣни родителя дѣва;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кроніонъ
Къ сердцу дочерь прижалъ и вѣщають къ ней съ пріятной усмѣшкой:

„Дочь моя милая! кто изъ бессмертныхъ тебя дерзновенно
Такъ оскорбилъ, какъ бы явное ты сотворила злодѣйство?“ 510
Зевсъ прекрасно вѣнчанная ловли царица вѣщають:

„Гера, твоя супруга, родитель меня оскорбила,
Гера, отъ коей и распры и брань межъ богами пылаеть“.

Такъ небожители боги, сидя на Олимпѣ, вѣщають.
Тою порой Аполлонъ вступилъ въ священную Трою: 515
Сердцемъ заботился онъ, да твердынь благозданного града
Сила Данаевъ, судьбѣ вопреки, не разрушить въ день онай.
Прочие всѣ на Олимпъ возвратились вѣчные боги,
Гнѣвомъ пылая одни, а другіе славой сияя.
Сѣли они вкругъ Отца громоноснаго. Сынъ же Пелеевъ 520
Въ грозномъ бою истребляль и Троянъ, и коней звуконогихъ.
Словно какъ дымъ отъ пожара столбомъ до высокаго неба
Всходитъ надъ градомъ пылающимъ, гнѣвомъ боговъ воздвигаемъ,
Всѣмъ онъ труды и печали несчетныя многимъ наноситъ, —
Такъ Ахиллесь паносиль и труды и печали Троянамъ. 525

Царь Иlionа, Пріамъ престарѣлый, на башнѣ священной
Стоя, узрѣль Ахиллеса ужаснаго: всѣ предъ героемъ
Трои сыны, убѣгая, толпилися: противоборства
Болѣе не было. Онъ зарыдалъ и, сошедши на землю,
Громко приказывалъ старецъ воротъ защитителямъ славнымъ: 530

„Настежь ворота, въ рукахъ вы держите, пока ополченья
Въ городъ всѣ не укроются, съ поля бѣгущія: близокъ
Грозный Пелидъ, ихъ гонящій! Приходитъ намъ тяжкая гибель!
Но, какъ скоро вѣнчутъ и въ стѣнахъ успокоятся рати,
Вновь затворите ворота и плотные створы заприте. 535
Я трепещу, чтобы мужъ сей погибельный въ градъ не ворвался!“
Рекъ онъ, — и стражи, отдвинувъ запоръ, распахнули ворота.
Многимъ они, растворенныя, свѣтъ даровали; навѣтъ
Вылетѣлъ Фебъ, чтобы отъ Трои съловъ отразить истребленіе.

Рати жъ Троянскія къ городу прямо, къ твердынѣ высокой, 540
Жаждей падимыя, праходи покрытия съ бранного поля.

Мчалися; бурно ихъ гнали онъ копьемъ; непрестанно въ немъ сердце
Страшнымъ пытало свидѣствомъ: искуство славы алкаль онъ.

Взяли бъ въ сей день Аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Фебъ Аполлонъ не воздвигнулъ Агенора мужа,
Вѣтвь Антенора сановника, славнаго, сильнаго въ битвахъ.

Сталь, чтобъ надъ мужемъ отвагой и самъ недалеко
Къ дереву буку склонясь и покрывшия облакомъ темнымъ.

Тот же, какъ скоро увидѣлъ рушитель стѣн Ахиллеса,
Сталь, но не разъ у него колебалось тревожное сердце.

Тяжко вздохнувъ, говорилъ онъ съ своей благородной душою:
— Гора мнѣ! ежели я, оробѣвъ, прель ужаснымъ Пелидомъ

Въ бѣгъ дрожусь, какъ бѣгутъ и другіе, смятенные страхомъ,
Быстрый дрожитъ меня и главу, какъ у рабкаго, сниметъ! 555
Если же сихъ, по долинѣ бѣгущихъ, преслѣдоватъ дамъ я

Сыну Пелея, а самъ одинокий въ сторону града
Брошусь бѣжать по Илійскому полю, пока не достигну

Иды лѣсистыхъ вершинъ и въ кустарникѣ частомъ не скроюсь,
Такъ я, какъ вечеръ наступить, въ потокѣ омоюсь отъ пота 560
И, освѣжася, подъ сумракомъ вновь въ Илонъ возвращуся.

Но не напрасно ль ты, сердце, въ подобныхъ волнуешься думахъ?
Если меня вдалекъ онъ отъ города, въ полѣ, увидитъ?
Если, говорю я, въ поминъ моихъ бывшаго тѣла?

Если, ударясь въ погоню, меня быстроногий нагонитъ?
О! не избѣть мнѣ тогда отъ суроваго рока и смерти!
Сей человѣкъ несправедливо могуче всѣхъ человѣковъ!

Если жь ему самому перед градомъ я противостану?..
Тъло его, какъ и всѣхъ, проницаемо острою мѣдью;

Та жъ и одна въ немъ душа и отъ смертныхъ зовется онъ смертнымъ,

Но Кронидъ лишь ему и победу и славу даруетъ!" 570
Такъ произнесъ и, уставясь на бой, нажидалъ Ахиллеса:
Храбрею, сильне отважнъ, сло возвратъ — склоняется

Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно какъ смѣлый барсъ изъ опушки глубокаго лѣса
Прямо выходить на мужа ловца и, не вѣнчий страха,

Она не смущается, она не бежит при раздавшемся лай; 575
Даже когда и стрылью иль копытъемъ его ловчий умѣтъ,

Онъ, невзирая, что самъ копьемъ прободенъ, не бросаетъ
Шламенной битвы, пока не сразить, или самъ не прострется, —

Такъ Антегоровъ сынъ, воеватель безстрашный Агеноръ,
Съ поля сойти не рѣшался, пока не извѣдалъ Шелида. 580

Онъ, передъ грудью уставивши выпуклый щитъ круговидный,
Мътиль копьемъ на него и грозился, крича громозвучно:

„Вѣрно, надежду ты въ сердцѣ питалъ, Ахиллесь знаменитый,
Нынѣшній день разорить обитель Троиъ благородныхъ? 585
Нѣтъ, безразсудный, бѣдамъ еще многимъ свершиться за Трою!
Много еще нась во градѣ мужей, и безстрашныхъ и сильныхъ,
Кои готовы для нашихъ отцовъ, для супругъ и младенцевъ
Градъ Иlionъ защищать, предъ которымъ найдешь ты погибель,
Ты, и страшнѣйшій въ мужахъ, и душою отважнѣйшій воинъ!“

Рекъ и сияющій дротъ онъ рукою могучею ринулъ 590
И не прокинулъ: умѣтиль его въ подколѣнное бердо;
Окрестъ ноги оловянная, новая кованъ, поножа
Страшный звонъ издала; но суровая иѣдь отскочила
Вспять отъ ноги, не прошла, отраженная божескимъ даромъ.
Тутъ Ахиллесь на подобного богу Агенора прынулъ, 595
Пламенны; но Аполлонъ ему славой украситься не даль:
Быстро похитиль Троянца и, иракомъ покрывши глубокимъ,
Мирно ему отъ боя опаснаго даль удалиться;
Самъ же Пелеева сына коварствомъ отвлекъ отъ народа:
Образъ принявши Агенора, богъ Апполонъ сребродукій 600
Сталь предъ очами его, и за нимъ онъ ударился гнаться.
Тою порой, какъ Пелидъ по равнинѣ, покрытой пшеницей,
Феба преслѣдовалъ, вспять, близъ глубокопучиннаго Ксанеа,
Чуть уходящаго,—хитростью богъ обольщаль человѣка,
Лѣстя безпрестанной надеждой, что онъ, быстроногий нагонитъ,— 605
Тою порою Троище, бѣгущіе съ поля, толпами
Радостно къ граду примчались; бѣгущими градъ наполнялся.
Всѣ укрывались; никто не дерзаль за стѣною, внѣ града,
Ждать остальныхъ и развѣдывать, кто изъ товарищѣ спасся,
Кто на сраженьи погибъ; но въ радости сердца, какъ волны, 610
Хлынули въ городъ, которыхъ спасли только быстрыя ноги.

ПѢСНЬ XXII.

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Все Троянское воинство убѣгаеть въ городъ; Гекторъ одинъ остается въ полѣ, у воротъ Скейскихъ. Между тѣмъ Ахиллесъ, узнавъ обманъ Аполлона, котораго подъ видомъ Агенора, преслѣдоваль, возвращается къ городу, ст. 1—24. Отецъ и мать убѣждаютъ Гектора войти въ стѣны, 25—89; тщетно: стыдомъ и другими чувствами удерживаемый, онъ остается, чтобы съ оружiemъ въ рукахъ встрѣтить Ахиллеса, 90—130, но, съ приближенiemъ героя, приходить въ страхъ и убѣгаеть. Ахиллесъ, его преслѣдуя, три раза гонить около города, 131—165. Всѣ боги на нихъ смотрятъ; Зевсъ изъявляетъ состраданіе объ Гекторѣ; Аеина негодуетъ и, по волѣ отца, нисходитъ съ Олимпа, чтобы участвовать въ битвѣ героевъ, 166—187. Когда оба они уже въ четвертый разъ прибѣжали къ ключамъ Скамандра, Зевсъ полагаетъ на вѣсы ихъ жреби: Гекторовъ преклоняется, 188—212; Аполлонъ оставляетъ его. Паллада является Ахиллесу, ободряетъ его и сама, подъ видомъ Деифоба, брата Гекторова, явившись и ему, коварно убѣждаетъ сразиться съ Ахиллесомъ, 213—247. Такимъ образомъ, герои сходятся къ единоборству; Гекторъ предлагаетъ условія, Ахиллесъ гордо отвергаетъ ихъ, 248—272. Оба съ разными ожесточеніемъ сражаются. Гекторъ, потерявъ копье и видя, что жестоко обманутъ Аеиной, отчаянно нападаетъ съ мечомъ, но Ахиллесъ пронзаетъ его копьемъ, 273—330. Гекторъ, павъ, проситъ погребенія, но, отринутый, предсказываетъ Ахиллесу близкую смерть и испускаетъ духъ, 331—363. Ахиллесъ обнажаетъ его, предаетъ воинамъ на поруганіе и наконецъ, привязавъ къ колесницѣ, увлекаетъ въ станъ, 364—404. Гектора оплакиваетъ весь городъ, также Пріамъ, Гекуба, со стѣнъ его увидѣвшіе, и Андромаха, изъ дому прибѣжавшая, 405—515.

Съ ужасомъ въ городъ вѣжавъ, какъ олени младые, Трояне
Поть прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стѣнѣ на забрала склоняясь; но Аргивяне
Подъ стѣну прямо неслися, щиты къ раменамъ преклонивши.
Гекторъ же въ опое время, какъ скованный гибельнымъ рокомъ, 5
Въ полѣ остался одинъ передъ Троей и башней Скейской.
Богъ Аполлонъ между тѣмъ провѣщалъ къ Пелейону герою:
„Что ты меня, о Пелидъ, уповая на быстрыя ноги,
Смертный, преслѣдуешь бога бессмертнаго? Или доселѣ
Бога во мнѣ не узналъ, что безъ отдыха пишишь свирѣпствомъ? 10
Ты пренебрегъ и опасность Троянъ, пораженнагъ тобою:
Скрылись они уже въ стѣны; а ты здѣсь по полю рыщешь.
Но отступи; не убѣшь ты меня: не причастенъ я смерти“.

Вспыхнувши гнѣвомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесь быстроногій: 15
„Такъ, обманулъ ты меня, о зловреднѣйшій между богами!
Въ поле отвлекъ отъ стѣнъ! Безъ сомнѣнія, многимъ еще бы
Землю зубами глодать до того, какъ скрылся въ Трою!
Славы прекрасной меня ты лишилъ, а сыновъ Иліона
Спась безъ труда, ничьего не страшася отищенія послѣ...
Я отомстилъ бы тебѣ, когда бъ то возможно мнѣ было!“ 20

Такъ произнесъ онъ и къ граду съ рѣшимостью гордой понесся
Бурный, какъ конь въ колесницаѣ, всегда побѣдительный въ бѣгѣ,
Быстро несется къ мѣтѣ, разстилаясь по чистому полю,—
Такъ Ахиллесь оборачивалъ быстро могучія ноги.

Первый старецъ Пріамъ со стѣны Ахиллеса увидѣлъ, 25
Полемъ летящаго, словно звѣзда, окруженного блескомъ.
Словно звѣзда, что подъ осень съ лучами огнестыми всходитъ
И, между звѣздъ неисчислемыхъ горящая въ сумракахъ ночи
(Псомъ Ориона ее нарицаютъ сыны человѣковъ),
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ, но знаменьемъ грознымъ бываетъ; 30
Злые она огневицы наносятъ смертнымъ несчастнѣмъ,—
Такъ у героя бѣгущаго мѣдь вокругъ персей блистала.
Вскрикнулъ Пріамъ, сѣдую главу поражаетъ руками,
Къ небу длані подъемлетъ и горестнымъ голосомъ вопить,
Слезно молящій любезнаго сына; но тотъ предъ вратами 35
Молча стоитъ, безпредѣльно пылая сразиться съ Пелидомъ.
Жалобно старецъ къ нему и слова простираетъ и руки:

„Гекторъ, возлюбленный сынъ мой! Не жди ты сего человѣка
Въ полѣ одинъ, безъ друзей, да свой не найдешь ты кончины,
Сыномъ Пелеса сраженный: тебя онъ могучѣе въ битвахъ! 40
Лютый! когда бы онъ былъ и бессмертнымъ столько жъ любезенъ,
Сколько мнѣ: о, давпо бѣ уже трупъ сго псы растерзали!“

Тяжкая горесть моя у меня отступила бѣ отъ сердца!
 Сколько сыновъ у меня онъ младыхъ и могучихъ похитилъ,
 Или убивъ, иль продавъ племенамъ острововъ отдаленныхъ! 45
 Вотъ и теперь, Ликаона нѣть, и нѣть Полидора;
 Ихъ обоихъ я не вижу въ толпахъ, заключившихся въ стѣны,
 Юношей милыхъ, рожденныхъ царицею женть Лаоюей.
 О! если живы они, но въ плѣну,—изъ Ахейского стана
 Ихъ мы искупимъ и мѣдью и златомъ: обильно ихъ дома;
 Много сокровищъ за дочерью выдаль инѣ Альтъ знаменитый. 50
 Если жъ погибли они и уже въ Аидесовомъ домѣ,
 Горе и мнѣ и матери, кои на смерть ихъ родили!
 Но народу Троянскому горести менѣ будеть,
 Только бы ты не погибъ, Ахиллесомъ ужаснымъ сраженный. 55
 Будь же ты съ нами, сынъ милый! Войди въ Илонъ, да спасешь ты
 Женъ и мужей Илонскихъ, да славы не даруешь громкой
 Сыну Пелея и жизни сладостной самъ не лишишься!
 О! пожалѣй и о мнѣ ты, пока я дышу еще, бѣдномъ,
 Старцѣ злосчастномъ, котораго Зевсъ предъ дверями могилы 60
 Казней ужасной казнить, принуждая всѣ бѣдствія видѣть,
 Видѣть сыновъ убиваляемыхъ, дщерей, въ неволю влекомыхъ,
 Домы Пергама громимые, самыхъ младенцевъ невинныхъ
 Видѣть обѣ доли разбиваемыхъ въ сей разрушительной брани,
 И невѣстокъ, влачимыхъ руками свирѣпыхъ Danaeъ.. 65
 Самъ я послѣдній паду и меня на порогѣ домашнемъ
 Алчные псы растерзаютъ, когда смертоносною мѣдью
 Кто-либо въ сердце умѣтить и душу изъ персей истортнетъ;
 Псы, что вскормилъ при моихъ я трапезахъ, призратные стражи,
 Кровью упьются моей и, унылые сердцемъ, на пылагъ 70
 Лягутъ при тѣлѣ моемъ искаженному! О, юношѣ славно,
 Какъ ни лежить онъ, упавшій въ бою и растерзанный мѣдью:
 Все у него, и у мертваго, что ни открыто, прекрасно!
 Если жъ сѣдую браду и сѣдую главу человѣка,
 Ежели стыдъ у старца убитаго псы оскверняютъ,—
 Участи болѣе горестной нѣть человѣкамъ несчастнымъ!“

Такъ воліяль и свои сребристые волосы старецъ
 Рвалъ на главѣ, но у Гектора сына души не подвигнуль.
 Матерь за нимъ на другой сторонѣ возопила, рыдая,
 Перси рукой обнаживъ, а другою на грудь указуя, 80
 Сыну, люща слезы, крылатую рѣчь устремляла:

„Сынъ мой! почти хоти сie; пожалѣй хоти матери бѣдной:
 Если я дѣтскій твой плачь утоляла отрадною грудью,
 Вспомни объ ономъ, любезнѣйший сынъ, и ужаснаго мужа,

Въ стѣны вошедъ, отражай; передъ нимъ ты не стой одинокій! 85
 Если, неистовый, онъ одолѣть тебя, о мой Гекторъ,
 Милую отрасль мою, ни я на одрѣ не оплачу,
 Ни Андромаха супруга; далеко отъ насы отъ обѣихъ,
 Въ станѣ тебя Мирмидонскому свирѣпые исы растерзаютъ!“

Такъ, рыдая, они говорили къ любезному сыну; 90
 Такъ умоляли, но Гектора въ персяхъ души не подвигли:
 Онъ ожидалъ Ахиллеса великаго, несшагосъ прямо.

Словно какъ горный драконъ у пещеры ждѣтъ человѣка,
 Травъ ядовитыхъ нажравшись и черной наполняясь злобой,
 Въ стороны страшно глядить, извиваясь вкругъ надъ пещерой,—95
 Гекторъ таковъ, несмириамо мужества полный, стояль тамъ,
 Выпукло-сѣтлымъ щитомъ упершись въ основаніе башни;
 Мрачно вздохнувъ, наконецъ говорилъ онъ въ душѣ возвышенной:

„Стыдъ мнѣ, когда я, какъ робкій, въ ворота и стѣны укроюсь! 100
 Первый Полидамасъ на меня укоризны положить:

Полидамасъ мнѣ совѣтоваль ввестъ ополченія въ городъ,
 Въ оную ночь роковую, какъ вновь Ахиллесь ополчился.
 Я не послушалъ, но, вѣрно, полезнѣе было бъ послушать!
 Такъ Троянскій народъ погубиль я своимъ безразсудствомъ.

О! стыжуся Троянъ и Троянокъ длиноодежныхъ! 105

Гражданинъ самый послѣдній можетъ сказать въ Иллонѣ:
 Гекторъ народъ погубиль, на свою понадѣявшись силу!

Такъ Иллонянѣ скажутъ. Стократъ благороднѣе будетъ
 Противостать и, Пелевы сына убивъ, возвратиться,
 Или въ сраженіи съ нимъ передъ Троюю славно погибнуть! 110
 Но... и почто же? Если оставлю щитъ свѣтлобляшній,
 Шлемъ тяжелый сложу и, копье прислонивши къ твердынѣ,
 Самъ я пойду и предстану Пелеву славному сыну?

Если ему обѣщаю Елену и вмѣстѣ богатства 115

Всѣ совершенію, какія Парисъ въ корабляхъ глубодонныхъ
 Съ нею привезъ въ Иллонъ (роковое раздора начало!),
 Выдать Атридамъ и вмѣстѣ притомъ раздѣлить Аргивянамъ
 Всѣ остальные богатства, какія лишь Троя вмѣщаетъ?
 Если съ Троянъ, наконецъ, я потребую клятву старѣшинъ:
 Намъ ничего не скрывать, но представить всѣ для раздѣла
 Наши богатства, какія лишь градъ заключаетъ любезный?!.
 Боги! какимъ предаюся я помысламъ? Нѣть, къ Ахиллесу
 Я не пойду, какъ молитель! Не сжалится онъ надо мною,
 Онъ не уважитъ меня, нападеть и меня безъ оружій
 Нагло убьетъ онъ, какъ женщину, если доспѣхъ я оставилъ. 120
 Нѣть, теперъ не година съ зеленаго дуба иль съ камня 125

Намъ съ нимъ бессѣдоватъ мирно, какъ юноша съ сельскою дѣвой.
Юноша, съ сельскою дѣвою свидясь, бесѣдуеть мирно,
Намъ же къ сраженію лучше сойтись! и не медля увидимъ,
Славу кому между наась даровать Олимпіецъ разсудить!“ 130

Такъ размышилъ, стояль, а къ нему Ахиллесъ приближался,
Грозенъ, какъ богъ Эніалій, сверкающій шлемомъ по сѣчѣ.
Ясень отцовъ Пеліонскій на правомъ плечѣ колебалъ онъ
Страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сияла,
Будто огонь распылавшійся, будто восходящее солнце. 135
Гекторъ увидѣлъ, и страхъ его обнялъ. Больше не могъ онъ
Тамъ оставаться, отъ Скайскихъ воротъ побѣжалъ, устрашенный.
Бросился гнаться Пелидъ, уповая на быстрыя ноги.
Словно соколь на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица,
Вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой; 140
Въ стороны вѣтется она, а соколь по-надъ нею, и часто
Разомъ онъ крикнетъ и кинется, жадный добычу похитить,—
Такъ онъ за Гекторомъ пламенный гнался, а трепетный Гекторъ
Вдолъ подъ стѣной убѣгалъ и быстро оборачивалъ ноги.
Мимо холма и смоковницы, съ вѣтрами вѣчно шумящей, 145
Оба вдали отъ стѣны, колесничной дорогою мчались;
Оба къ ключамъ свѣтлоструйнымъ примчалися, гдѣ съ быстротою
Два вытекаютъ источника быстропучинного Ксанеа.
Теплой водою струится одинъ, и кругомъ непрестанно
Парь отъ него подымается, словно какъ дымъ отъ огнища; 150
Но источникъ другой и средь лѣта студеный катится,
Хладный, какъ градъ, какъ снѣгъ, какъ въ кристаллъ превращен-
ная влага.

Тамъ близъ ключей водоемы широкіе, оба изъ камней,
Были красиво устроены; къ нимъ свои бѣлыя ризы
Желы Троянъ и прекрасныя дщери ихъ мыть выходили 155
Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской.
Тамъ прористали они, и бѣгущій, и быстро гонящій.
Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ много сильнѣйший,
Бурно несясь; не о жертвѣ они, не о кожѣ воловой
Спорились бѣгомъ: обычна мѣда то ногамъ бѣгоборцевъ; 160
Нѣтъ, обѣ жизни ристалися Гектора, конника Трои.
И, какъ на играхъ, умершему въ почесть, побѣдные кони
Окрестъ мѣты бѣговой съ быстротою чудесно скакутъ,—
Славная ждетъ ихъ награда, младая жена иль треножникъ,—
Такъ троекратно они предъ великою Троей кружились,— 165
Быстро носящіесь. Всѣ божества на героеvъ смотрѣли;
Слово межъ оными началь отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ:

- „Горе! любезнаго мужа, гонимаго около¹ града,
Видитъ очи мои и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце!
Гекторъ, мужъ благодушный, тельчія, тучныя бедра
Мнѣ возжигаль въ благовоніе часто на Идѣ холмистой,
Часто на выси Пергамской; а днесъ Ахиллесь градоборецъ
Гектора около града преслѣдуется, бурный ристатель.
Боги, размыслите вы и совѣтъ сердецъ положите,
Гектора мы сохранимъ ли отъ смерти, или напослѣдокъ
Сыну Пелея дидимъ побѣдить знаменитаго мужа“.
- 170
- Зевсу не медля рекла свѣтлоокая дѣва Паллада:
„Молниеносный отецъ, чернооблачный! Что ты вѣщаешь?
Смертнаго мужа, издревле судьбѣ обреченнаго общей,
Хочешь ты, Зевсъ, разрѣшить совершенно отъ смерти печальной? 180
Волю твори, но не вѣтъ на нее согласимся мы, боги!“
- 175
- Ей не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
„Бодрѣтвуй, Тритонія, милая дочь! Не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю,
Волю твори и желаніе сердца не медля исполни!“
- 185
- Рекъ и возжегъ еще болѣ пылавшую сердцемъ Аеину;
Бурно она понеслась, отъ Олимпа высокаго бросаясь.
- Гектора жъ, въ бѣгствѣ преслѣдуя, гналь Ахиллесь непрестанно.
Словно какъ песь по горамъ молодого гонить оленя,
Съ лога поднявъ, и несется за нимъ чрезъ кусты и овраги; 190
Даже и скрывшагось, если онъ въ страхѣ подъ кустъ припадаетъ,
Чуткій слѣдить и бѣжть непрестанно, покуда не сыштъ, —
Такъ Пріамидъ отъ Пелида не могъ отъ быстраго скрыться.
Сколько онъ разъ ни пытался, у вратъ пробѣгая Дарданскихъ,
Броситься прямо къ стѣнѣ, подъ высоковершинные башни, 195
Гдѣ бы Трояне съ высоты защитили стрѣлами, —
Столько разъ Ахиллесь, упредивъ, отбивалъ Пріамида
Въ полѣ, а самъ непрестанно, держася твердыни, летѣлъ онъ.
Словно во снѣ человѣкъ изловить человѣка не можетъ,
Сей убѣжать, а другой уловить напрягается тщетно, —
- 200
- Такъ и герои, ни сей не догонитъ, ни тотъ не уходитъ.
Какъ бы и могъ Пріамидъ избѣжать отъ судьбы и отъ смерти,
Если бъ ему и въ послѣдній ужъ разъ, Аполлонъ не явился:
Онъ укрѣплялъ Пріамиду и силы и быстрыя ноги.
Войскамъ же тѣмъ помавалъ головою Пелидъ быстроногій, 205
Имъ запрещая бросать противъ Гектора горкія стрѣлы,
Славы бѣ не отпялъ пропизвшій, а онъ бы вторымъ не явился.
Но лишь въ четвертый разъ до Скамандра ключей прибѣжали,
Зевсъ распострѣлъ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ

- Бросиль два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій: 210
 Жребій одинъ Ахиллеса, другой—Пріамова сына.
 Взядь по срединѣ и подняль: поникнулъ Гектора жребій,
 Тяжкій къ Аиду упалъ; Аполлонъ отъ него удалился.
 Сыну же Пелея, съ сіающимъ взоромъ, явилась Паллада,
 Близко пришла и къ нему провѣщала крылатыя рѣчи: 215
 Нынѣ, надѣюсь, любимецъ боговъ, Ахиллесь благородный,
 „Славу великую мы принесемъ на суда Мирмидонянъ:
 Гектора мы поразимъ, ненасытнаго боемъ героя.
 Болѣе, мню я, отъ нашей руки не избыть Пріамиду,
 Сколько не будетъ о томъ Аполлонъ стрѣлометный трудиться, 220
 Распростирающійся предъ могучимъ Отцомъ громовержцемъ.
 Стань и вздохни, Пелейонъ, Пріамида сведу я съ тобою
 И сама преклоню, да противу тебя онъ сразится“.
 Такъ говорила; Пелидъ покорился и, радости полный,
 Сталь, опервшись на сіающій ясень свой мѣдноконечный. 225
 Зевсовы дочь устремилася, Гектора быстро настигла
 И, уподобясь Деифобу и видомъ и голосомъ звучнымъ,
 Стала предъ нимъ и крылатыя рѣчи коварно вѣщала:
 „Братъ мой почтенный! жестоко тебя Ахиллесь утѣсняетъ,
 Около града Пріамова бурныи преслѣдуя бѣгомъ. 230
 Но остановимся здѣсь и могучаго встрѣтишь безстрашно!“
 Ей отвѣтствовалъ сильный, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
 О Деифобѣ! и всегда ты, съ младенчества, былъ мнѣ любезенъ
 Болѣе всѣхъ моихъ братьевъ, Пріама сыновъ и Гекубы;
 Нынѣ же и прежняго болѣе долженъ тебя почитать я: 235
 Ради меня ты отважился, видя единаго въ полѣ,
 Выдти изъ стѣнъ, тогда какъ другое въ стѣнахъ остаются“.
 Вновь говорила ему свѣтлоокая дочь Громовержца:
 „Гекторъ, меня умоляли отецъ и почтенная матерь,
 Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
 Съ ними оставаться: такимъ они всѣ преисполнены страхомъ;
 Но по тебѣ сокрушилось тоскою глубокою сердце.
 Станемъ надежно теперь и сразимся мы пламенно: коий
 Не къ чему болѣ щадить, и увидимъ теперь, Ахиллесь ли
 Насъ обоихъ умертвить и кровавыя наши корысти 245
 Къ чернымъ судамъ повлечеть, иль копьемъ онъ твоимъ укротится!“
 Такъ вѣщая коварно, впередъ выступала Паллада.
 Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга;
 Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
 „Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ! 250
 Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзахъ.

Встрѣтить тебя нападавшаго; пынѣ жъ сердце велить мнѣ
Стать и сразиться съ тобою: убью, или буду убить я!
Прежде жъ боговъ мы возьмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій: 255
Тѣла тебѣ я не буду безчеститъ, когда Громовержецъ
Даруешь мнѣ устоять и оружіемъ духъ твой исторгнуть;
Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесь, совлеку я,
Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ; и ты договоръ сей исполни!“.

Грозно взглянуль на него и вскричаль Ахиллесь быстро-
ногій: 260

,Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
Нѣть и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца:
Вѣчно враждебны они, зломышленны другъ противъ друга,—
Такъ и межъ наась невозможна любовь; никакихъ договоровъ 265
Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ, рас простертый,
Кровью своей не насытиТЬ свирѣпаго бога Арея!
Все ты искусство ратное вспомни! Сегодня ты долженъ
Быть копьеборцемъ отличныхъ и воиномъ неустранимымъ!
Бѣгства тебѣ уже нѣть; подъ моимъ копьемъ Тритогена 270
Скоро тебя укротить, и заплатишь ты разомъ за горе
Друговъ моихъ, которыхъ избѣль ты, свирѣствуя, мѣдью!“
Рекъ онъ и, мощнo сотрясши, послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шлемоблещущій Гекторъ;
Быстро приникъ онъ къ землѣ, и надъ нимъ пролетѣвшая пика 275
Въ землю вонзилась; но, вырвавъ ее, Ахиллесу Паллада
Вновь подала, невидима Гектору, коннику Трои.
Гекторъ же громко воскликнулъ къ Пелееву славному сыну:

,Праздненъ ударъ! и нимало, Пелидъ, бессмертнымъ подобный,
Доли моей не узналь ты отъ Зевса, хотя возвѣщаль мнѣ; 280
Но говорливъ и коваренъ рѣчами ты былъ предо мною
Съ цѣлью, чтобъ я, оробѣвъ, потерялъ и отважность и силу.
Нѣть, не бѣжать я намѣренъ; копье не въ хребетъ мнѣ вонзишь ты;
Прямо лицомъ на тебя устремленному, грудь прободи мнѣ,
Ежели богъ то судиль! Но копья и сего берегися 285
Мѣднаго! Если бы, острое, въ тѣло ты все его принялъ!
Легче была бы кровавая брань для сыновъ Иліона,
Если бъ тебя сокрушилъ я, тебя, ихъ лютѣшую гибелъ!“

Рекъ онъ и, мощнo сотрясши, копье длиннотѣнное ринулъ
И пе прокинулъ: въ средину щитъ поразилъ Ахиллеса; 290
Но далеко оружіе щитъ отразиль. Огорчился
Гекторъ, узрѣвъ, что копье бесполезно изъ рукъ излетѣло,

Сталь и очи потупилъ; копья не имѣль онъ другого.
 Голосомъ звучнымъ на помошь онъ брата зоветъ Деифоба,
 Требуетъ нового дротика остраго: нѣть Деифоба. 295
 Гекторъ постигъ то своею душою, и такъ говорилъ онъ:
 „Горе! къ смерти меня всемогущіе боги призвали!
 Я помышлялъ, что со мною мой братъ, Деифобъ нестрашимый,
 Онъ же въ стѣнахъ Илонскіхъ: меня обольстила Паллада.
 Возлѣ меня—лишь смерть! и уже не избѣть мнѣ ужасной! 300
 Нѣть избавленія! Такъ, безъ сомнѣнія, боги судили,
 Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ; милосердые прежде
 Часто меня избавляли; судьба наконецъ постигаетъ!
 Но не безъ дѣла погибну, во прахъ я паду не безъ славы;
 Нѣчто великое сдѣлаю, что и потомки услышать!“ 305
 Такъ произнесъ и исторгъ изъ влагалища ножъ изощренный,
 Съ лѣваго бока висящій, ножъ и огромный и тяжкій;
 Съ мѣста, напрягшися, бросился, словно орелъ небонарный,
 Если онъ вдругъ изъ-за облаковъ сизыхъ на степь упадасть,
 Нѣжнаго агица или зайца пугливаго жадный похитить,— 310
 Гекторъ таковъ устремилъся, махая ножомъ смертоноснымъ.
 Прянуль и быстрый Пелидъ, и наполнился духъ его гнѣва
 Бурнаго; онъ передъ грудью уставилъ свой щитъ велелѣпный,
 Дивно украшенный; шлемъ на главѣ его четверобляшный
 Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грифа златая, 315
 Густо Гефестомъ разлитая окресть высокаго гребня,
 Но, какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракѣ ночи сіяеть,
 Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе,—
 Такъ у Пелида сверкало копье изощренное, коимъ
 Въ правой рукѣ потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умыслия, 320
 Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
 Но у героя все тѣло доспѣхъ покрывалъ мѣдноковный,
 Шыпній, который похитилъ онъ, мощь одолѣвшіи Патрокла;
 Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортани
 Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна; 325
 Тамъ, налетѣши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида.
 Прямо сквозь бѣлу выю прошло смертоносное жало;
 Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
 Вовсе, чтобы могъ, умирающій, нѣсколько словъ онъ промолвить.
 Грянулъ въ прахъ онъ, и громко вскричалъ Ахиллесъ, торже-
 ствую: 330

„Гекторъ, Патрокла убилъ ты и думалъ живымъ оставаться!
 Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
 Врагъ безразсудный! Но мститель его, несравненно сильнѣйшій,

- Нежели ты, за судами Ахейскими я оставался,
Я, и колъна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
Птицы и псы разорвутъ, а его погребутъ Аргивянѣ.“ 335
- Дышащій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю.
О! не давай ты меня на терзаніе писамъ Мирмидонскимъ;
Мѣди, цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй; 340
Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная мать;
Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобы Трояне меня и Троянки,
Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили“.
- Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными! 345
Въ ярости, если бы могъ, растерзалъ бы тебя я на части,
Тѣло сырое твое пожиралъ бы я,—то ты мнѣ сдѣлалъ!
Нѣть, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонить
Исовъ пожирающихъ! Если и въ десять, и въ двадесять кратъ мнѣ
Шышныхъ даровъ привезутъ и столько же еще обѣщаютъ; 350
Если тебя самого прикажетъ на золото взвѣсить
Царь Иліона Пріамъ, и тогда на одрѣ погребальномъ
Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья;
Птицы твой трупъ и псы Мирмидонскіе весь растерзаютъ!“
- Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гек-
торъ: 355
„Зпаль я тебя, предчувствовалъ я, что моимъ ты моленъсъ
Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
Но трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гиѣвомъ
Въ оный день, когда Александръ и Фебъ стрѣловерженъ,
Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя нисправергнутъ!“ 360
- Такъ говорящаго, Гектора мрачная смерть осѣняетъ:
Тихо душа, изъ усть излетѣвшій, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.
- Но къ нему, и къ умершему, сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: „Умирай! а мою неизбѣжную смерть я 365
Встрѣчу, когда ни пошлеть Громовержецъ и вѣчные боги!“
- Такъ произнесъ и изъ мертваго вырвалъ убийственный ясень,
Въ сторону бросиль его и доспѣхъ совлекаль съ Дарданида,
Кровью облитый. Сбѣжались другіе Ахейскіе мужи.
Всѣ, изумляясь, смотрѣли на ростъ и на образъ чудесный
Гектора и, приближаясь, каждый пронзаль его пикой. 370
Такъ говорили и псы, одинъ на другого взглянувши:
- „О! несравненно теперь къ осозанію мягче сей Гекторъ,
Нежели былъ, какъ бросаль на суда пожирающій пламень!“ •

- Такъ не одинъ говорилъ и копьемъ прободалъ, приближался 375
 Но, его между тѣмъ обнаживъ, Ахиллесь быстроногій
 Сталь средь Ахеянъ и къ нимъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
 „Други, герои Ахейцы, безстрашные слуги Арея!
 Мужа сего побѣдить наконецъ даровали мнѣ боги,
 Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ Иліонцы. 380
 Нынѣ, съ оружiemъ мы покусимся на градъ крѣпкостѣнныи,
 Гражданъ Троянскихъ извѣдаемъ помыслы, какъ полагаютъ,
 Бросить ли замокъ высокий, сраженному сыну Пріама,
 Или держаться дерзаютъ, когда и вождя ихъ не стало!
 Но какимъ помышленіямъ сердце мое предается! 385
 Мертвый лежитъ у судовъ, не оплаканный, не погребенный,
 Другъ мой Шатрокль! Не забуду его, не забуду, пока я
 Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
 Если жъ умершіе смертные память теряютъ въ Аидѣ,
 Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга! 390
 Нынѣ побѣдный пеанъ воспойте, Ахейскіе мужи,
 Мы же пойдемъ, волоча и его, къ кораблямъ быстролетнымъ.
 Добыли свѣтлой мы славы! Поверженъ божественный Гекторъ!
 Гекторъ, котораго Трои сыны величали, какъ бoga!“
 Рекъ и па Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ: 395
 Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія
 Сзади отъ пять и до глезнь и, продѣвшіи ремни, къ колесницѣ
 Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
 Сталь въ колесницу и, пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
 Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони. 400
 Црахъ отъ влекомаго вѣтеса столбомъ; по землѣ, растрепавши,
 Черные кудри крутятся; глава Пріама по цраху
 Бѣется, прекрасная прежде, а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
 Даљ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской!
 Вся голова почернѣла подъ перстю.—Мать увидала, 405
 Рвѣть сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
 Мечеть далеко и горестный вопль подымаетъ о сынѣ.
 Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый; кругомъ же граждане
 Подняли плачъ; раздавались вопли по цѣлому граду.
 Было подобно, какъ будто, отъ края до края, высокій 410
 Весь Иліонъ отъ своихъ оснований въ огнѣ разсыпался!
 Мужи держали съ трудомъ изступленного горестью старца,
 Рвавшагося въ поле вратами Дарданскими выдти изъ града.
 Онъ умолялъ ихъ, тоскующій, онъ разстипался по праху,
 Онъ говорилъ, называя по имени каждого мужа: 415
 „Други, пустите меня одного, не заботясь, пустите!

- Выдти изъ града! Одинъ я пойду къ кораблямъ Мирмидонский;
Буду молить я губителя, мрачнаго сердцемъ злодѣя.
Можетъ быть, лѣта почтить онъ, надъ старостью, можетъ быть,
дряхлой
Сжалится: онъ человѣкъ, отца онъ такого жъ имѣть, 420
Старца Пелея, который его породилъ и взлелѣяль
Къ горю Троянъ и стократъ жесточайшему горю Пріама!
Сколько сыновъ у меня онъ похитилъ во цвѣтѣ ихъ жизни!
Но обо всѣхъ сокрушаюсь я менѣе, чѣмъ объ единомъ!
Горесть о немъ неутѣшная скоро сведетъ меня къ гробу, 425
Горесть о Гекторѣ! О, хоть на сихъ бы рукахъ онъ скончался!
Мы бы хоть душу насытили плачемъ надъ нимъ и рыданьемъ.
Я, безотрадный отецъ, и его злополучная матери!“
Такъ говорилъ онъ, рыдая, и съ старцемъ стенали Трояне.
Но межъ Троянокъ Гекуба плачевнѣйшій вопль подымаетъ: 430
„Сынъ мой, мнѣ злополучной почто еще жить для страданій,
Все потерявшей съ тобою! Мою и дни ты и ночи
Славою былъ въ Иліонѣ, всеобщей надеждою въ царствѣ
Женъ и мужей Иліонскихъ! Тебя, какъ хранителя Бога,
Всюду встрѣчали они; величайшою былъ ты ихъ славой 435
Въ жизни своей; и тебя, намъ безцѣннаго, смерть обымаеть!“
Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
Въ домѣ объ Гекторѣ; вѣстникъ еще не являлся къ ней вѣрный
Вѣсть объявить, что супругъ за вратами въ полѣ остался.
Ткала одежду она въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома, 440
Яркую ткань и цвѣтные по ней разсыпала узоры.
Прежде жъ дала повелѣнья прислужницамъ пышноволосымъ
Огнь развести подъ великимъ треногомъ, да будетъ готова
Гектору теплая ванна, какъ съ боя онъ въ домѣ возвратится.
Вѣдная! думъ не имѣла, что Гекторъ далеко отъ дома 445
Паль подъ рукой Ахиллеса, смиренъ свѣтлоокой Аѣной.
Вдругъ Андромаха услышала крики и вопли на башнѣ,
Вздрогнула вся и членокъ изъ руки на помостъ уронила;
Встала и къ двумъ говорила прислужницамъ пышноволосымъ:
„Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось? 450
Сишу почтенной свекрови я крикъ; подымается сердце,
Бьется, какъ вырваться хочеть; колѣна мои цѣпенѣютъ!
Близкая, вѣрно, бѣда Дарданова сынамъ угрожаетъ?..
О! удалися отъ слуха подобная вѣсть! Но отъ страха
Я трепещу... Не безстрашного ль Гектора, Богу подобный, 455
Въ полѣ, отрѣзавъ отъ стѣнъ, Ахиллесь одинокаго гонить?
Боги! уже не смиряеть ли храбрость его роковую,

Коей онъ дышитъ? Въ толпѣ никогда не останется Гекторъ:
Первый впередъ полетитъ, никому не уступитъ въ геройствѣ!“

Такъ произнесши, изъ терема бросилась, будто Менада, 460
Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, и обѣ прислужницы сѣдомъ;
Быстро на башню взошла и, сквозь сонмъ пролетѣвшіи народный,
Стала, со стѣнъ оглянулась кругомъ,—и его увидала
Тѣло влачимое въ прахѣ: безжалостно бурные кони
Полемъ его волокли къ кораблямъ быстролетныи Ахеянъ. 465
Темная ночь Андромахи ясныя очи покрыла;
Навзничь упала она и, казалось, духъ испустила.
Спала съ нея и далеко разсыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сѣть и прекрасно плетеная тесмы;
Спалъ и покровъ, блестательный даръ золотой Афродиты, 470
Данный въ день онъ царевнѣ, какъ Гекторъ ее мѣднолатный
Изъ дому взялъ Гетіона, отдавши несмѣтное вѣно.
Вокругъ Андромахи невѣстки ея и золовки, толпясь,
Блѣдную долго держали, казалось, убитую скорбью.
Въ чувство пришедшіи она и дыханіе въ персяхъ собравши, 475
Горько навзрыдъ зарыдала и такъ среди жень говорила:

„Гекторъ, о горе мнѣ бѣдной! Мы съ одинакою долей
Оба родилися: ты въ Илонѣ, въ Пріамовомъ домѣ,
Я, злополучная, въ Оивахъ, при скатахъ лѣсистаго Плака,
Въ домѣ царя Гетіона; меня возрастилъ онъ отъ дѣтства, 480
Смертный несчастный, несчастную. О, для чего я родилась!
Ты, о супругъ мой, въ Аидовы домы, въ подземныя бездны
Сходишь навѣкъ и меня къ неутѣшной тоскѣ покидаешь
Въ домѣ вдовою; а сынъ, злополучными нами рожденный,
Бѣдный и сирый младенецъ! Увы, ни ему ты не будешьъ 485
Въ жизни отрадою, Гекторъ,—ты паль!—ни тебѣ онъ не будетъ!
Ежели онъ и спасется въ погибельной браніи Ахейской,
Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ
Ждуть беспокровного: чуждый захватить сиротскія нивы.
Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ, 490
Бродитъ одинъ, съ головою пониклой, съ заплаканнымъ взоромъ.
Въ нуждѣ приходить ли онъ къ отцовымъ друзьямъ и, просящій,
То одного, то другого смиренno касается ризы;
Скалясь, иной сиротливому чару едва наклоняеть,
Только уста омочаетъ и неба въ устахъ не омочить. 495
Чаше жъ его отъ трапезы счастливецъ семейственный гонить,
И толкая рукой, и обидной преслѣдуя рѣчью:
Прочь ты исчезни! не твой здѣсь отецъ пируетъ съ друзьями!“
Плачущій, къ матери, къ бѣдной вдовицѣ, дитя возвратился,

- Астіанакъсъ мой, который всегда у отца на колѣнахъ 500
 Мозгомъ лишь агнцевъ питался и тукомъ овецъ среброрунныхъ;
 Если же сонъ обнималъ, утомленного играми дѣтства,
 Сладостно спалъ онъ на ложѣ, при лонѣ кормилицы нѣжномъ,
 Въ мягкой постели своей, удовольствиемъ сердца блестая.
 Что же теперь испытаетъ, лишенный родителя, бѣдный 505
 Астіанакъсъ нашъ, котораго такъ называютъ Трояне,
 Ибо одинъ защищалъ ты врата и Троянскія стѣны,
 Гекторъ; а нынѣ, у вражьихъ судовъ, далеко отъ родимыхъ
 Черви тебя пожираютъ, раздранные псами, нагого!
 Нагъ ты лежишь! а тебѣ одѣянія сколько въ чертогахъ, 510
 Ризъ и прекрасныи и тонкии, сотканныи руками Троянокъ!
 Всѣ ихъ теперь я, несчастная, въ огненный пламень повергну!
 Сдѣлай ты ихъ бесполезными, въ нихъ и лежать ты не будешь!
 Въ сонмѣ Троянъ и Троянокъ сожгу ихъ, тебѣ я во славу!"
 Такъ говорила, рыдая, и съ нею стенали Троянки. 515
-

ПѢСНЬ XXIII.

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Ахиллесь, возвратясь въ станъ, начинаетъ съ Мирмидонцами обрядъ по-
гребенія Патрокла: самъ, впереди вооруженныхъ дружинъ ихъ, на колесницахъ,
трижды объѣзжаетъ вокругъ мертваго тѣла, а Гектора простираетъ предъ
одромъ его, ст. 1—25. Приготавляетъ дружинамъ своимъ пиръ похоронный,
самъ же уходить къ Агамемнону; имъ украшаваемый, отказывается отъ омове-
нія, вечераетъ у него и, назначивъ на другой день погребеніе, удаляется,
26—58. Ночью является Ахиллесу душа Патрокла, требуетъ погребенія и про-
сить, чтобы кости его были положены вмѣстѣ съ Ахиллесовыми, 59—107. Съ
зарею, по повелѣнію Агамемнона, Ахейцы ъдуть рубить лѣсъ для костра, при-
возятъ его; Мирмидонцы торжественно приносятъ тѣло Патрокла, покрытое во-
лосами друзей, ему ихъ посвящающихъ. Ахиллесь обрѣзываетъ свои волосы,
Сперхію рѣкѣ посвященные и, какъ залогъ любви, влагаетъ ихъ въ руки
Патроклу, 108—153. Вечеромъ сооружаютъ костеръ: Ахиллесь закаляетъ близъ
него многія жертвы и 12 юношъ Троанскихъ; но Гектора тѣло сохраняютъ
Афродита и Аполлонъ, 154—191. Между тѣмъ костеръ не загорается; Ахиллесь
призываетъ мольбою вѣты, Зефира и Борея, которые, бывъ извѣщены о
томъ Ирисою, прилетаютъ и воспламеняютъ его. У горящаго костра Ахиллесь
терзается горестю, 192—225. Съ наступлениемъ дня собираютъ кости Патрокла,
полагаютъ въ урну и посыпаютъ могилу, 226—256. Наконецъ, въ честь мертваго,
Ахиллесь предлагаетъ подвиги разнаго рода и награды; ихъ заслужи-
ваютъ вожди: ристаніемъ на колесницахъ—Діомедъ, Антилохъ, Менелай, Мे-
ріонъ, Эвмелъ, Несторъ, 257—650; кулачнымъ боемъ—Элеосъ и Эвріаль, 651—
699; борьбой—Ааксъ Теламонидъ и Одиссей, 700—739; бѣгомъ—Одиссей,
Ааксъ Оилидъ и Антилохъ, 740—797; битвой оружиемъ—Діомедъ и Ааксъ
Теламонидъ, 798—825; метаниемъ круга—Полипеть, 826—849; стрѣльбой—
Меріонъ и Тевкръ, 850—883; метаниемъ копья—Агамемнонъ и Меріонъ, 884—
897.

Такъ сокрушались Трояне по граду. Въ то время Ахейцы,
Къ чернымъ своимъ кораблямъ возвратяся, на брегъ Геллеспонта,
Быстро разсѣялись всѣ по широкому ратному стану.
Но Мирмидонцамъ своимъ расходиться Пелидъ не позволилъ;
Ставъ по срединѣ дружинъ ихъ воинственныхъ, онъ говорилъ имъ: 5

„Быстрые конники, вѣрные други мои, Мирмидонцы!
Мы отъ ярма отрѣшать не станемъ коней звуконогихъ,
Мы на коняхъ, въ колесницахъ, приблизимся всѣ и оплачимъ
Друга Патрокла; почтимъ подобающей мертваго честью.
Но, когда мы сердца удовольствуемъ горестныхъ плачерь, 10
Здѣсь, отрѣшивши коней, вечерять неразлучные будемъ.“

Рекъ и рыданіе началь, и всѣ зарыдали дружины.
Трижды вкругъ тѣла они долгогривыхъ коней обогнали
Съ воплемъ плачевнымъ: ютида ихъ чувства на плачъ возбуждала.
Вкругъ орошался песокъ, орошались слезами доспѣхи 15
Каждаго воина: такъ былъ оплакиванъ вождь ихъ могучій.
Царь Ахиллесь между ними рыданіе горькое началь,
Грозныя руки на грудь положить бездыкнаго друга:

„Радуйся, храбрый Патрокль! и въ Аидовомъ радуйся домъ! 20
Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
Гекторъ сюда привлеченъ и повергнется исамъ на терзанье,
Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать славнѣйшихъ
Юныхъ Троанскихъ сыновъ, за смерть твою отомщая!“

Рекъ и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Ницъ предъ Патрокла одромъ рас просторѣ Дарданіона въ прахъ. 25
Тою порой Мирмидонцы съ раменъ свѣтозарныя брони
Сняли, отъ ярмъ отрѣшили гремящихъ копытами коней
И, неисченные, близъ корабля Ахиллеса героя

Сѣли, а онъ учреждалъ имъ блестательный пиръ похоронный.
Множество сильныхъ тельцовъ подъ ударомъ желѣза ревѣло, 30
Вкругъ поражаемыхъ; множество козъ и агацевъ блеющихъ,
Множество тукомъ цвѣтущихъ, закланныхъ свиней бѣлоклыкихъ
Окрестъ разложено было на яркомъ огнѣ обжигаться;

Кровь какъ изъ чановъ лилась вокругъ Менетидова тѣла.
Но цара Эакида, Пелеева быстрого сына, 35
Къ сыну Атрея царю повели владыки Ахеянъ,
Съ многимъ трудомъ убѣдивъ огорченного гнѣвомъ за друга.
Сонму пришедшему къ сѣни Атреева мощнаго сына,
Царь повелѣлъ немедленно вѣстникамъ звонкоголосымъ
Мѣдный треножникъ поставить къ огню, но преклонится ль 40
къ просѣбѣ

Царь Ахиллесь, чтобы омыться отъ браннаго праха и крови.

Онъ отрекался рѣшительно, клятвою онъ заклинался:
 „Нѣть, Зевесомъ клянусь, — божествомъ высочайшимъ сильней-
 шимъ!

Нѣть, моей головы не коснется сосудъ омовеній
 Прежде, чѣмъ друга огню не предамъ, не насыплю могилы 45

И власовъ не обрѣжу! Другая подобная горестъ
 Сердца уже не пройдетъ мнѣ, пока средь живыхъ я скитаюсь!
 Но поспѣшимъ и приступимъ не медля къ ужасному пиру.

Ты, владыка мужей, повели, Агамемнонъ, заутра
 Іѣса къ костру навозить и на берегъ все утотовить, 50
 Что мертвепу подобаетъ, сходящему въ мрачныя сѣни,
 Пусть Менетида скорѣе священное пламя Гефеста
 Скроетъ отъ взоровъ моихъ, и воинство къ дѣлу приступить“.

Такъ говорилъ и, внимательно слушавъ, ему покорились.
 Скоро подъ сѣнью Атридовай вечерю имъ предложили; 55

Всѣ наслаждались, довольствуя сердце обиліемъ равнинъ.
 И, когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
 Всѣ разошлись успокоиться, каждый подъ сѣнь уклонился.

Только Пелидъ на берегу неумолконошущаго моря,
 Тяжко стениацій, лежацій, окруженній толпой Мирмидонянъ, 60
 Ницъ на полянѣ, гдѣ волны лишь мутныя билися въ берегъ.
 Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тревогъ укротитель,
 Сладкій разлился: герой истомилъ благородные члены,
 Гектора быстро гоня предъ высокой стѣной Иліона,
 Тамъ Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла, 65
 Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный,
 Та жъ и одежда, и голосъ тотъ самый; сердцу знакомый.
 Стала душа надъ главой и такія слова говорила!

„Спиши, Ахиллесъ! Неужели меня ты забвенію предалъ? 69
 Не былъ ко мнѣ равнодушъ къ живому ты, къ мертвому ль будешь?

О! погреби ты меня, да войду я въ обитель Аида!
 Души, тѣни умершихъ, меня отъ воротъ его гонятъ
 И къ тѣнямъ приобщитъся къ себѣ за рѣку не пускаютъ;
 Тщетно скитаюся я предъ широковоротнымъ Аидомъ.

Дай мнѣ, печальному, руку; ворѣки уже предъ живущихъ 75
 Я не приду изъ Аида, тобою огню приобщенный!
 Больше съ тобой, какъ бывало, вдали отъ друзей Мирмидонскихъ
 Сидя, не будетъ совѣты совѣтовать: рокъ ненавистный,
 Мнѣ пред назначеніемъ съ жизнью, меня поглотилъ невозвратно.
 Рокъ — и тебѣ самому, Ахиллесъ, бессмертнымъ подобный,
 Здѣсь, подъ высокой стѣною Троянъ благородныхъ, ~~загибнувшихъ~~ 80

Слово еще я реку: завѣщанью внишай и исполни.
 Кости мои, Ахиллесь, да не будутъ розно съ твоими;
 Вмѣстѣ пусть лягутъ, какъ вмѣстѣ отъ юности мы возрастили
 Въ вашихъ чертогахъ. Младого меня изъ Опуса Менетій 85
 Въ домъ нашъ привель, по причинѣ печального смертоубийства,
 Въ день злополучный, когда маломысленный я ненарочно
 Амфидамасова сына убилъ, раздражаясь за козонъ.
 Въ домъ свой принявъ благосклонно меня, твой отецъ благородный
 Нѣжно съ тобой воспиталь и твоимъ товарищемъ назваль. 90
 Пусть же и кости наши гробница одна сокрывасть,
 Урна златая, Фетиды матери дарь драгоцѣнны!“
 Быстро къ нему простираясь, вскрикнулъ Целидъ благородный:
 „Ты ли, другъ мой любезнѣйший, мертвый меня посѣщаешь?
 Ты ль полагаешь завѣты мнѣ крѣпки? Я совершу ихъ,
 Радостно всѣ совершу и исполню, какъ ты завѣщаешь,
 Но приблизясь ко мнѣ, хоть на мигъ обоймемся съ любовью
 И взаимно съ тобой насладимся рыданіемъ горькимъ!“ 95
 Рекъ и жадныя руки любимца обнять распостеръ онъ;
 Тщетно: душа Менетида, какъ облако дыма, сквозь землю 100
 Съ воемъ ушла. И вскочилъ Ахиллесь, пораженный видѣніемъ,
 И руками всплеснуль, и печальный такъ говорилъ онъ:
 „Боги! такъ подлинно есть и въ Аидовомъ домѣ подземномъ
 Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно бесплотный!
 Цѣлую ночь, я видѣль, душа несчастливца Патрокла 105
 Все надо мною стояла, стенающій, плачущій призракъ,
 Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно подбясь!“
 Такъ говорилъ и во всѣхъ возбудиль онъ желаніе плакать.
 Въ плачѣ нашла ихъ Заря, розоперстая вѣстница утра,
 Около тѣла печального. Царь Агамемнонъ съ зарею 110
 Месковъ яремныхъ и ратниковъ многихъ къ свезенію лѣса
 Выслалъ изъ стана Ахейскаго; съ ними возсталъ и почтенный
 Мужъ Меріонъ, Девкалиона героя служитель разумный.
 Взявъ топоры древорубные въ руки и верви крутыя,
 Воины къ рощамъ пускаются, мулы идутъ передъ ними; 115
 Часто съ крутизнь на куртизны, то вкосъ ихъ, то вдоль переходять.
 Къ холмамъ пришедши лѣсистымъ обильной потоками Иды,
 Вдругъ изошренно и мѣдью высоковѣтвистые дубы
 Дружно рубить начинаютъ; кругомъ они съ трескомъ ужаснымъ
 Падаютъ; быстро древа разсыпая на бревна, Данай 120
 Къ мурамъ вяжутъ и мулы, землю копытами роя,
 Рвутся на поле ровное выдти сквозь частый кустарникъ.
 Всѣ дровосѣки несли совокупно тяжелыя бревна:

- Такъ Меріонѣ повелѣлъ, Девкалидовъ служитель разумный;
Кучей сложили на берегѣ, гдѣ Ахиллесъ указалъ имъ,
Гдѣ и Патроклу великий курганъ и себѣ онъ назначилъ. 125
- Страшную лѣса громаду сложивъ на брегу Геллеспонта,
Тамъ Аргивяне остались и сѣли кругомъ. Ахиллесъ же
Даль повелѣнья своимъ Мирмидонянамъ бранолюбивымъ
Мѣдью скорѣй препоясаться всѣмъ и коней въ колесницы
Впрачъ. Поднялися они и оружiemъ быстро покрылись;
Всѣ на свои колесницы взошли, и боецъ и возница;
Начали шествиѳ, спереди конные, пѣшие сзади,
Тучей, друзья по срединѣ несли Менетида Патрокла,
Все посвященными мертвому тѣлу покрывъ волосами. 130
Голову сзади поддерживалъ самъ Ахиллесъ благородный,
Горестный: друга онъ вѣрнаго въ домъ провожалъ Аидеса.
- Къ мѣсту пришедши, которое самъ Ахиллесъ имъ назначилъ,
Одѣрь опустили и быстро костерь наметали изъ лѣса:
Думу иную тогда Пелейонъ быстроногій замыслилъ: 140
Ставъ при кострѣ, у себя онъ обрѣзаль русые кудри,
Волосы, кои Сперхію съ младости нѣжной растиль онъ;
Очи на темное море возвель и, вздохнувши, воскликнулъ:
- „Сперхі! напрасно отецъ мой, моляся тебѣ, обрекался,
Такъ, когда я возвращуся въ любезную землю родную,
Кудри обрѣзать мои и тебѣ принести съ гекатомбой
И тебѣ жъ посвятить пятьдесятъ овновъ плодородныхъ,
Возлѣ истоковъ, гдѣ роща твоя и алтарь благовонный.
Такъ обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнилъ. 145
Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
Храбрый Патрокль унесеть Ахиллесовы кудри въ могилу!“
- Рекъ и, обрѣзавши волосы, въ руки любезному другу
Самъ положилъ и у всѣхъ онъ истортгнулъ обильныя слезы.
Плачущихъ, ихъ надѣ Патрокломъ оставило бѣ, вѣрно, и солнце,
Если бы скоро Пелидъ не простишъ къ Агамемнону слова: 155
„Царь Агамемнонъ, твоимъ повелѣньямъ скорѣй покорятся
Мужи Ахейскіе: плачемъ и послѣ насытиться можно.
Всѣхъ отошли отъ костра и вели, да по стану готовятъ
Вечерю; мы жъ озаботимся дѣломъ, котораго больше
Требуетъ мертвый. Ахеянъ вожди да останутся съ нами“. 160
- Выслушавъ рѣчи его, повелитель мужей Агамемнонъ
Весь не медля народъ отпустилъ къ кораблямъ мореходнымъ.
Съ ними остались одни погребатели. Лѣсь наваливши,
Быстро сложили костерь, въ ширину и длину ступенчатый;
Сверху костра положили мертваго, скорбные сердцемъ; 165

Множество тучныхъ овецъ и великихъ воловъ криворогихъ,
Подлѣ костра заколовъ, обрядили; и тукомъ, отъ всѣхъ ихъ
Собраннымъ тѣло Патрокла покрылъ Ахиллесъ благодушный
Съ ногъ до главы, а кругомъ разбросалъ обнаженный туши; 169
Тамъ же разставилъ онъ съ медомъ и съ свѣтлымъ елеемъ кув-
шинъ,

Всѣ ихъ къ одру прислонивъ; четырехъ онъ коней гордовынхъ
Съ страшною силой повергъ на костерь, глубоко стеная.
Девять псовъ у царя, при столѣ его вскормленыхъ было;
Двухъ и изъ нихъ закололъ и на срубъ обезглавленныхъ бросилъ;
Бросилъ туда жъ и двѣнадцать Троянскихъ юношей храбрыхъ, 175
Мѣдью убивъ ихъ; жестокія въ сердцѣ дѣла замышляя онъ.
Послѣ, костерь предоставивши огненной силѣ желѣзной,
Громко Пелидъ возопилъ, именуя любезнаго друга:

„Радуйся, храбрый Патрокль, и въ Апдомъ радуйся домѣ!
Всё для тебя совершаю я, что совершилъ обрекался: 180
Плѣнныхъ двѣнадцать юношей, Трои сыновъ знаменитыхъ,
Всѣхъ съ тобою огнь истребить, но Пріамова сына,
Гектора, нѣтъ! не огню—на пожраніе письма я повергну!“

Такъ угрожалъ онъ; но къ мертвому Гектору псы не касались:
Ихъ отъ него удаляла и денно и нощно Киприда; 185
Зевсовы дочь умастила его амврозиическимъ масломъ
Розъ благовонныхъ, да будетъ безъ язвъ, Ахиллесомъ влачимъ.
Облако темное богъ Аполлонъ преклонилъ надъ героемъ
Съ неба до самой земли и пространство, покрытое тѣломъ,
Тѣнюю все обсыпалъ, да отъ силы палящаго солнца 190
Прежде на немъ не иссохнуть тѣлесныя жилы и члены.

Но костерь между тѣмъ не горѣлъ подъ мертвымъ Патрокломъ.
Сердцемъ иное тогда Пелейонъ быстропогій замыслилъ:
Ставъ отъ костра въ отдаленіи, началь молиться онъ Вѣтрамъ,
Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ обѣща. 195
Часто кубкомъ златымъ возливаль онъ вино и молиль ихъ
Къ полю скорбѣ принестиша и, пламенемъ срубъ воспаливши,
Тѣло скорбѣ сожечь. Злотокрылая дѣва Ириса,
Слыша молитвы его, устремилася вѣстницей къ Вѣтрамъ,
Кои въ то время, собравшишь у Зефира шумнаго въ домѣ 200
Весело всѣ пировали. Ириса, принесшиша быстро,
Стала на камennомъ прагѣ, и Вѣтры, увидѣвъ богиню,
Всѣ торопливо вскочили, и каждый къ себѣ ее кликалъ
Съ ними сидѣть отказалась богиня и такъ говорила:

„Некогда, Вѣтры, еще полечу я къ волнамъ Океана,
Въ край Эвіоповъ далекій; они гекатомбы приносятъ 205

- Жителемъ неба, и я приношенній участницей буду.
 Мощный Борей и Зефиръ звучащі! вась призываетъ
 Быстрый ногами Пелидъ, обѣщая прекрасныя жертвы,
 Если возжечь поспѣшите костерь Менетида Патрокла, 210
 Гдѣ онъ лежить и обѣ неиъ сокрушаются всѣ Аргивянѣ*.
 Такъ говоря, отъ порога взвилася. Воздвиглися Вѣтры,
 Съ шумомъ ужаснымъ несяся и тучи клубы предъ собою.
 Къ pointu примчались, неистово дуя, и пѣнныя волны
 Встали подъ звонкимъ дыханіемъ; Трои холмистой достигли, 215
 Всѣ на костерь налегли,—и огонь загремѣлъ, пожиратель.
 Вѣтры всю ночь волновали высоко крутящееся пламя,
 Шумно дыша на костерь, и всю ночь Ахиллесь быстроногій,
 Черная кубкомъ двудоннымъ вино изъ сосуда златого,
 Окрестъ костра возливаль и лицо орошаль имъ земное, 220
 Душу еще вызывая бѣднаго друга Патрокла.
 Словно отецъ сокрушается, кости сжигающей сына,
 Въ гробъ женихомъ нисходящаго, къ скорби родителей бѣдныхъ,—
 Такъ сокрушался Пелидъ, сжигающій кости Патрокла,
 Окрестъ костра пресмыкаясь и сердцемъ глубоко стеная. 225
 Въ часъ, какъ утро землѣ возвѣстить Свѣтоносецъ выходитъ
 И надъ моремъ Зара разстилается ризой златистой,
 Срубъ подъ Патрокломъ истлѣлъ и багряное пламя потухло.
 Вѣтры назадъ устремились, къ вертспадъ своимъ полетѣли
 Моремъ Фракійскимъ, и море шумѣло, высоко бушуя. 230
 Грустный Пелидъ наконецъ, отъ костра уклонясь недалеко,
 Легъ, изнуренный, и сладостный сонъ посѣтилъ Целейона.
 Тою порой собиралися многіе къ сыну Атрея;
 Топотъ и шумъ приходящихъ нарушили сонъ его краткій;
 Съль Ахиллесь, приподнявшись, и такъ говорилъ воеводамъ: 235
 „Парь Агамемнонъ, и вы, предводители воинствъ Ахейскихъ!
 Время костерь угасить; виномъ оросите багрянымъ
 Все пространство, гдѣ пламень пылалъ, и на пеплѣ костерномъ
 Сына Менетія мы соберемъ драгоценныя кости,
 Тщательно ихъ отдѣливъ отъ другихъ; распознать же удобно; 240
 Другъ нашъ лежалъ на срединѣ костра, но далеко другое
 Съ краю горѣли, набросаны кучей и люди, и кони.
 Кости въ фіалѣ золотой, двойнымъ окруживши ихъ тукомъ,
 Вы положили, доколѣ я самъ не сойду къ Аилесу,
 Гроба надъ другомъ моимъ не хочу я великаго видѣть; 245
 Такъ, лишь пристойный курганъ, но широкій надъ нимъ и высокій
 Вы сотворите, Ахеяне, вы, которые въ Трой
 Послѣ меня при судахъ мореходныхъ останетесь живы“.

- Такъ говорилъ и они покорились герою Пелиду.
 Срубъ угасили, багрянымъ виномъ оросивши пространство 250
 Все, гдѣ пламень ходилъ, и обрушился пещель глубокий.
 Слезы ліющіе, друга любезнаго бѣлыхъ кости
 Въ чашу златую собрали и тукомъ двойнымъ обложили;
 Урну, подъ кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
 Кругомъ означили мѣсто могилы и, бросивъ основы 255
 Около сруба, поспѣшно насыпали рыхлую землю.
 Свѣйжій насыпавъ курганъ, разошлися они. Ахиллесь же
 Тамъ народъ удержалъ и, въ обширномъ кругу посадивши,
 Вынесъ награды подвижникамъ: свѣтлая блюда, треноги,
 Месковъ представилъ, и быстрыхъ коней, и воловъ крѣпкочелыхъ, 260
 И красно опоясанныхъ женъ, и сѣдое желѣзо.
 Первые быстрымъ возницамъ богатыя бѣга награды
 Онъ предложилъ: въ рукодѣльяхъ искусствная дѣва младая,
 Мѣдный, ушалый съ боковъ, двадцатидвухмѣрный треножникъ
 Первому даръ; кобылица второму шестигодовая, 265
 Неукрошенная, гордая, въ нѣдрахъ носящая меска;
 Третьему издо — не бывшій въ огнѣ умывальникъ прекрасный,
 Новый еще, сребровидный, четыре виѣщающій мѣры;
 Мздою четвертому золота два предложилъ онъ таланта;
 Пятому новый, не бывшій въ огнѣ фіалъ двусторонний. 270
 Сталъ наконецъ Ахиллесь и такъ говорилъ межъ Ахеянъ:
 „Царь Агамемнонъ и пышнопоножные мужи Ахеиды!
 Быстрыхъ возницъ ожидаютъ сіи среди круга награды.
 Если бы въ память другого, Ахеяне, вы подвизались,
 Я, безъ сомнѣнія, первыя въ подвигахъ взялъ бы награды. . 275
 Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
 Дѣти породы бессмертной: отцу моему ихъ, Пелею,
 Самъ Посидонъ даровалъ, а отецъ мой инѣ подариль ихъ.
 Но не вступаю я въ споръ, ни мои звуконогіе кони.
 О! потеряли они знаменитаго ихъ властелина, 280
 Друга, который, бывало, самъ ихъ волнистыя гривы
 Чистой водой омывалъ и умывалъ свѣтлыя елеемъ.
 Нынѣ они по возницѣ тоскуютъ: стоять, разостлавши
 Гривы по праху, стоять неподвижно, унылые сердцеи.
 Къ играмъ другіе устройтесь, каждый изъ воевъ Ахейскихъ, 285
 Кто лишь на быстрыхъ коней и свою колесницу надежентъ“.
 Такъ Ахиллесь говорилъ имъ, и быстрые встали возницы:
 Первый поднялся Эвмелъ, повелитель мужей знаменитый,
 Сынъ скіптроносца Адмета, искусствомъ возничества славный.
 Послѣ него укротитель коней Діомедъ нестрашимъ; 290

Трасскихъ коней онъ подвель подъ ярмо, у Энея которыхъ
Въ брани отбилъ, а Энея тогда Аполлонъ лишь избавилъ.
Третій возсталъ копьеносный Атридъ, Менелай свѣтлокудрый,
Зевсова отрасль; коней подъ яремъ онъ подвель быстролетныхъ:
Эу царя Агамемнона съ собственнымъ вѣрнымъ Подаргомъ, 295
Эу, которую въ даръ Эхеполъ Анхизидъ Атрейону
Даль, чтобы ему не идти на войну подъ вѣтристую Трою,
Но наслаждаться спокойствiemъ дома: богатствомъ отъ Зевса
Былъ одаренъ онъ великимъ и жилъ въ Сиконѣ обширномъ;
Эу сю запрягалъ онъ дрожащую, рвущую къ бѣгу,
Всльдъ и младой Антилохъ снарядилъ коней пышногривыхъ,
Сынъ знаменитый Нелида, высокаго духомъ владыки,
Нестора старца; Пилосскіе кони его колесницу
Быстрые имали. Отецъ приступилъ и совѣты благie
Началь совѣтовать, опытный старецъ, разумного сыну: 305
 „Сынъ Антилохъ! тебя отъ юности боги любили,
Зевсъ и благой Посидонъ, и въ ристательной хитрости всякой
Сами наставили: много тебя наставлять мнѣ не нужно.
Мастерь ты коней ворочать вокругъ мяты, но Пилосскіе наши
Кони въ бѣгу тяжелы; опасаюсь, бѣды бѣ не случилось. 310
Всѣхъ соискателей кони рѣзвѣ, но сами возницы
Меньше искусны, чѣмъ ты, въ изобрѣтеньи быстрымъ пособій.
Такъ, не робѣй; приготовясь, любезный, душою искусство
Все обойми, да изъ рукъ не упустишь наградъ знаменитыхъ.
Плотникъ тебя превосходить искусствомъ своимъ, а не силой; 315
Кормщикъ такимъ же искусствомъ по бурному черному понту
Легкій править корабль, игралище буйного вѣтра:
Такъ и возница искусствомъ однимъ побѣждаетъ возницу.
Слишкомъ иной положась на свою колесницу и коней,
Гонитъ, безумецъ, сюда и туда безпрестанно кружася; 320
Кони по поприщу носятся: онъ и сдержать ихъ безсилентъ.
Но возница разумный, коней управляя и худшихъ,
Смотрять на цѣль безпрестанно, вблизи лишь ворочаетъ, знаетъ,
Какъ отъ начала ристанія конскими править браздами:
Держить ихъ крѣпко и зорко впередъ уходящаго смотрить. 325
Цѣль я тебѣ укажу; просмотрѣть берегися: ты видишь
Столбъ деревянный стоитъ, отъ земли, какъ рапженъ маховая,
Старая сосна иль дубъ, подъ дождями не скоро гніющій;
Справа и слѣва при цѣли той врыты два бѣлые камня,
Въ самой тѣснинѣ дороги; кругомъ же ристалище гладко. 330
То—иль надгробный памятникъ древле умершаго мужа,
Иль подобная жъ цѣль у старинныхъ была человѣковъ;

- Столь сей и нынѣ ютъ избрать Ахиллъ Сынегорий:
Бъ оной ты близко прікачъ, на быту заворачивъ коней; 335
Самъ же, твердо держася въ колеснице красноголовой,
Вѣло легко наклонясь, а кога, что волъ правой рукою,
Крикомъ кони и бичомъ въ бразды погнали совершенно;
Левый же конь твой пускай подѣ самой юты обжигается
Такъ, чтобы, казалось, поверхность ея колесо очертала
Стущицъ жаркою. Но берегись, не ударись о камень: 340
Можешь коней изгубить, или раздробить колесницу,
Въ радость ристателямъ исть, а тебѣ одному въ посрамление!
Будь, мой сынъ, разсудительенъ, будь остороженъ, любезный!
Если уже близъ юты возьмешь ты передъ и погонишь,
Вѣрь—ни одинъ изъ возницъ не догонитъ тебя, не обскакетъ, 345
Даже хоть сѣдомъ бы онъ на ужасномъ летѣль Ареонъ,
Бурномъ Адраста конь, порождении крови бессмертной,
Иль на конякъ Ладонедона, славныхъ Гроады питающагъ!*
- Такъ произнесши, Нелидъ, знаменитый конникъ Геренскій,
Сѣль на ютъ, важнѣйшее все изъяснивъ Антилоху. 350
- Пятый, герой Мерюль снарадилъ коней пышногривыхъ.
Всѣ въ колесницы взошли и бросили жребіи; въ шлемъ иль
Принялъ Пелидъ и сотрясь, и вылетѣль вдругъ Антилоху,
Нестара сыну; второй выпадаетъ Эвмелу владыкъ;
- Третій Атрееву сыну, парю Аргивянъ Менелаю; 355
Выпала за нихъ Мерону вождю; но послѣднему жребій
Сыну Тидееву граброю гнать колесницы достался.
Стали порядкомъ; итгу имъ далекую на полѣ чистомъ
Царь Ахиллъ указалъ; но впередъ повелѣль, да при оной
Старецъ божественный Фениксъ, отеческий оруженосецъ, 360
Сидеть и бѣть наблюдаетъ и послѣ имъ истину скажетъ.
- Разомъ возницы на коней бичи занесли для ударовъ,
Разомъ браздами хлестнули и голосомъ крикнули грозный,
Полные реенъ; и разомъ почкалися по полю кони
Вдоль отъ судовъ съ быстротою ужасною: пыль изъ-подъ стопъ иль
Стала, взвиваясь на воздухъ, какъ туча, какъ сумрачный вихоръ.
Длинныя гривы коней развѣваются вѣяньемъ вѣтра;
Ихъ колесницы летящія то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженные, взборятся; гордо возницы
Въ пышныхъ стоять колесницахъ; трепещетъ у каждого сердце, 370
Жадное славы; каждый коней ободрителными крикомъ
Гонить, и кони летать, по ристалищу пыль подымая.
- Но, когда уже кони въ послѣдний конецъ обратились,
Къ морю сѣдому, тогда-то ристателя каждого доблѣсть

- Вдругъ обнаружилась; конская прыть ускорилась, и быстро 375
Легкія вымчались вдали кобылицы Эвмена героя.
Всѣдъ кобылицы выносились впередъ жеребцы Діомеда,
Трасскіе кони, и, чутъ лишь отставшіе, мчались близко,
Такъ что, казалось, ютять на Эвмена вскочить колесницу;
Жаркимъ дыханьемъ широкій хребетъ нагрѣвали герою 380
И, на плечахъ Адметида лежа головами, летѣли.
Онъ, Діомедъ, обскакаль бы, иль равно бѣ сдѣлалъ побѣду,
Если бѣ Тидеева сыну не Фебъ враждоваль раздраженный;
Фебъ изъ рукъ побѣждавшаго бичъ блестательный вышибъ.
Слезы изъ глазъ Діомедовыхъ брызнули, слезы отъ гнѣва: 385
Видѣль онъ—болѣ еще уходили впередъ кобылицы;
Кони жъ его отставали, ударовъ бича не боялся.
Но отъ Аеины очей Аполлонъ не укрылся, вредящій
Сыну Тидея: настигла богиня царя Діомеда,
Бичъ подала и новую рьяность конямъ вдохнула; 390
Къ сыну жъ Адмета она устремившияся, полная гнѣва,
Конскимъ богиня разбила яремъ, и его кобылицы
Бросились дико съ дороги, и выпало дышло на землю;
Самъ, съ колесницы сорвавшись, чрезъ ободъ онъ гранился оземь,
До крови локти осаднилъ, изранилъ и губы и ноздри, 395
Сильно разбилъ надъ бровями чело; у него отъ удара
Брызнули слезы изъ глазъ, и поднявшійся голосъ прервался.
Мимо его Діомедъ проскакаль на коняхъ звуконогихъ,
И далеко впереди заблисталь передъ всѣми: Аеина
Крѣпость вдохнула конямъ и ему торжество даровала. 400
Послѣ Тидида скакаль Атрейонъ, Менелай свѣтлокудрый.
Но Антилохъ настигалъ и кричаль на отеческихъ коней:
„О, выноситесь впередъ, разстилайтесь, кони, быстрѣ!
Я не насилю васъ быстротой состязаться съ конями
Сына Тидеева храбраго, коимъ Паллада богиня 405
Легкость сама даровала и славой возвищу покрыла.
Нѣть, лишь коней Менелая догонимъ, друзья, не отстанемъ!
Быстро впередъ! чтобы васъ всенародно стыдомъ не покрыла
Зеа: она кобылица, а вы, дорогие, отстали!
Вамъ говорю я, и слово мое совершился сегодня: 410
Болѣе пѣги себѣ отъ владыки народовъ Нелида
Дома не ждите: убьетъ васъ сегодня же острою мѣдью,
Если по лѣнности вашей награду послѣднюю снишемъ.
О, настигайте скорѣе, какъ можно скорѣе скачите!
Я жъ постараюсь самъ и искусно выгадывать буду, 415
Какъ обскакать намъ на узкой дорогѣ; въ обманъ я не вдамся“.

Такъ говорилъ Антилохъ и, страшася угрозъ властелина,
 Кони рѣзвѣ скакали, но время не долгое: скоро
 Тѣсной дороги ухабъ Антилохъ, бранолюбецъ, примѣтилъ:
 Рытвина тамъ пролегала: вода, накопляясь зимою, 420
 Тамъ чрезъ дорогу прорвалася и мѣсто кругомъ углубила.
 Правиль туда Менелай, колесницѣ опасаясь сшибки.
 Но Антилохъ, своротивши, направилъ коней звуконогихъ
 Мимо дороги и, близко держась, догонялъ Менелая.
 Царь Менелай устрашился и къ Нестора сыну воскликнулъ: 425
 „Правишь безъ разума, Несторовъ сынъ! Удержи колесницу!
 Видишь, дорога тѣсна; впереди обгоняй, по широкой;
 Здѣсь лишь и мнѣ и себѣ повредишь: колесницы сшибутся!“
 Такъ говорилъ онъ; но Несторовъ сынъ обскакать горячился,
 Коней стрекаломъ кололь, Менелая какъ будто не слыша. 430
 Сколько пространства, съ плеча повергаемый, дискъ пробѣгаешь,
 Брошенный мужемъ младымъ, испытующимъ юную силу,—
 Столько впередъ ускакалъ Антилохъ; кобылицы отстали
 Сына Атреева; ихъ запускать и самъ пересталъ онъ
 Въ страхѣ, что узкой дорогой бѣгущіе кони столкнутся, 435
 Ихъ колесницы, сшибаясь, опрокинутся, и среди поля
 Сами слетять на прахъ, за побѣдой риставшіе оба.
 Гнѣвный межъ тѣмъ Несторида ругалъ Менелай свѣтлокудрый:
 „Нѣть, Антилохъ, человѣка вредище тебя зломышленъемъ!
 Мчись! недостойно тебя называютъ разумнымъ Ахейцы! 440
 Средствомъ, однакоожъ, такимъ не получиши ты изды безъ присяги!“
 Такъ произнесъ онъ и громкимъ голосомъ крикнулъ на коней:
 „Что у меня отстаете и что унываете, кони?
 Прежде Пилосскихъ коней истомятся колѣна и силы,
 Нежели ваши: давно ихъ обоихъ покинула младость!“ 445
 Такъ восклицалъ, и они, устрашаясь угрозъ властелина,
 Прѣтче пустились бѣжать и скоро переднихъ догнали.
 Тою порою Ахейцы, на площади сидя, смотрѣли
 Коней, которые по полю, пыль подымая, летѣли.
 Первый Идоменей распозналъ приближившихся коней, 450
 Ибо сидѣль не въ кругу, но высоко, на холмѣ подзорномъ;
 Крикъ на коней колесничника онъ и далекій услышавъ,
 Мужа узналь и примѣтилъ коня въ обгоняющей парѣ
 Сильно отличного: весь багряногнѣдый, на челѣ лишь
 Признакъ имѣль онъ родимый, и свѣтлый и крутлый, какъ мѣсяцъ.
 Идоменей приподнялся и такъ говорилъ къ Аргивянамъ: 455
 „Други любезные, ратей Ахейскихъ вожди и владыки!
 Я ли одинъ примѣчаю коней, или видите всѣ вы?“

- Чьи-то другіе, мнѣ кажется, скачутъ передними кони?
 Кто-то другой и возница? Но тѣ, кобылицы Эвмела,
 Чѣмъ-то задержаны въ полѣ; а прежде опѣ отличались;
 Первые, видѣлъ я самъ, кобылицы мѣту обогнули;
 Нынѣ же видѣть нигдѣ не могу ихъ, куда ни бросаю
 Вокругъ по Троянскому полю моихъ испытательныхъ взоровъ.
 Вѣрно, изъ рука Адметида бразды убѣжали; не могъ онъ 460
 Бѣга сдержать у мѣты и коней повернуть неудачно;
 Тамъ онъ, быть можетъ, упалъ, колесница его сокрушилась,
 И умчались съ дороги его обуялые кони.
 Но, подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами; быть можетъ,
 Вижу не ясно, но кажется мнѣ, что ристатель передній— 470
 Мужъ Этолійскій, воинственный царь ополченій Аргосскихъ,
 Сынъ конеборца Тидея, герой Діомедъ благородный“.
- Грубо ему отвѣчалъ быстроногій Аяксъ Оилеевъ:
 „Что напередъ, Девкаліонъ, болтаешь ты? Тѣ жъ кобылицы
 Всѣхъ впереди, звуконогія, по полю чистому скачутъ! 475
 Ты между нами, Ахейцами, вовсе не младшій годами;
 Очи твоей головы не острѣе другихъ проницаютъ!
 Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебѣ неприлично
 Здѣсь пустословить; и лучше тебя здѣсь присутствуютъ мужи!
 Тѣ жъ впереди кобылицы, которыхъ были и прежде, 480
 Сына Адметова; самъ онъ и ѿдетъ и править браздами“.
- Вспыхнувши гнѣвомъ, Аяксу отвѣтствовалъ Крита властитель:
 „Спорщикъ первыйшій, Аяксъ злорѣчівый! но въ прочемъ послѣдній
 Между Ахейскихъ мужей: человѣкъ необузданно грубый!
 Спорь, и положимъ въ закладъ умывальницу или треножникъ, 485
 Спора свидѣтель мы изберемъ Агамемнона оба:
 Кони чьи впереди, ты узнаешьъ, закладъ заплативъ мнѣ!“
- Такъ говорилъ онъ, и быстро поднялся Аяксъ Оилеевъ,
 Пышащий гнѣвомъ, готовый отвѣтствовать рѣчью супровой.
 И зашла бы далеко межъ ними обидная распра, 490
 Если бы самъ Ахиллесь не возсталъ, говоря воеводамъ:
 „Идоменей, Оилидъ, говорить перестаньте въ народѣ
 Злые, обидные рѣчи: васъ недостойное дѣло!
 Сами осудите вы и другихъ, начинаяющихъ то же.
 Сядьте, друзья, и на мѣсты спокойно смотрите на коней; 495
 Скоро и сами они, распаленные жаждой побѣды,
 Къ намъ припесутся; тогда вы безъ спора узнаете каждый,
 Чьи впереди и чьи позади между коней Ахейскихъ.“
- Онъ говорилъ, какъ летающій къ концу Діомедъ показался.
 Хлещетъ съ плеча онъ бичомъ по конямъ, а дымящіе кони 500

Скачутъ высоко и съ скоростью дивной летять по дорогѣ;
Брызги песка отъ копытъ безпрерывные прыщутъ въ возницу;
Пышная оловомъ, златомъ нарядная вокругъ колесница
Быстро за бурными колесами катится; слѣдъ за собою 505
Шины колесныя, тяжкія мѣдью, по тонкому праху
Чуть оставляютъ: съ такою горячностью кони летѣли!
Сталь среди круга ристатель торжественный; съ пламенныхъ коней
Путь и отъ вѣй и отъ персей потоками лился на землю.
Быстро на доль Диомедъ съ колесницы сияющей прынуль,
Бичъ къ ярму прислонилъ, и не медлилъ сподвижникъ героя, 510
Сильный Соецель: прибѣжалъ и съ веселіемъ взялъ онъ награду;
Но служителямъ храбрымъ жену и треножникъ ушатый
Къ кущѣ представить велѣлъ онъ, а самъ распрыгаль колесницу.
Послѣ Тидида иладой Антилохъ пригналъ колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши передъ у Атрида; 515
Но Атридъ отъ него не отсталъ на коняхъ быстроногихъ,
Близко летѣль, какъ отъ обода конь, въ колесницу вираженный
И во весь свой опоръ по полямъ властелина несущій;
Хвостъ у него мѣдноблещущій шины касается краемъ;
Такъ онъ близко бѣжитъ и такимъ разстояніемъ малымъ 520
Онъ отдаленъ отъ колесъ, по широкому полю бѣгущий,—
Столько же мало отсталъ отъ Нелеева славнаго внука
Царь Менелай: на верженіе диска сперва оставался;
Послѣ онъ скоро догналъ: возрастала въ бѣгу безпрестанно
Крѣпость и жаръ кобылицы Атридовы, пламенной Эзы, 525
Такъ что, когда бы еще обоихъ продолжилось ристанье,
Вѣрно бѣ, Атридъ обскакалъ и побѣды не сдѣлалъ бы спорной.
Но Меріонъ, предводителя Критянъ могучай сподвижникъ,
Гналъ, на полетъ кошія отъ цара Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые Критскіе кони, 530
Мало искусень и самъ управлять колесницей въ ристаньяхъ.
Сынъ же Адмета явился послѣднимъ, гоня предъ собою
Быстрыхъ коней и прекрасную сзади влача колесницу.
Въ жалость пришелъ, Адметида увидѣвъ, Пелидъ благородный;
Всталъ и къ Ахейскимъ царамъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи: 535
„Первый ристатель послѣднимъ гонить коней звуконогихъ!
Но, Аргивяне, дадимъ, какъ достойно, вторую награду
Сыну Адмета, а первая слѣдуетъ сыну Тидея“.
Такъ говорилъ, и одобрили всѣ Ахиллесово слово;
Отдалъ бы онъ кобылицу, съ согласія сонма, Эвмелу, 540
Если бѣ почтеннаго Нестора сынъ, Антилохъ, оскорбленный,
Быстро не всталъ; справедливо герой возразилъ Ахиллесу:

„Царь Ахиллестъ, огорчуся я жестоко, если исполнишъ
Слово твое! Награду отнять у меня побужденъ ты
Тѣмъ, что постигла бѣда колесницу и коней Эвмелы? 545
И что возница онъ славный? Почто же боговъ всемогущихъ
Онъ не молилъ: никогда не пришель бы возницей послѣднимъ.
Если Эвмела жалѣшь и столько тебѣ онъ любезенъ,
Есть у тебя въ корабляхъ изобильно и злата, и мѣди;
Есть и рабыни, и овцы, и твердокопытные кони: 550
Выбравъ изъ нихъ, отличи ты его хоть и большей наградой
Послѣ, и даже теперь, чтобы тебя похвалили Данаи;
Сей же изъ руку я не выдамъ, а кто изъ Ахеянъ желаетъ,
Чуть подойдеть и со мной за нее рукопашно сразится!“

Такъ говориль; улыбнулся божественный внука Эакидовъ, 555
Радуясь другомъ младымъ: Антилоха любилъ онъ, какъ друга.
Юношъ онъ отвѣчая, крылатую рѣчь устремлять:

„Требуешь ты, Антилохъ, чтобы изъ собственной сѣни другую
Даль я награду Эвмелу: охотно и то я исполню:
Дамъ ему латы, которая добыть я съ Астеропея, 560
Мѣдныя; ихъ оконечность литая струя окружаетъ
Олова свѣтлаго; будетъ сей даръ Эвмела достоинъ.“

Такъ произнесши, Нелидъ повелѣль Автомедону другу
Вынесть изъ кущи, и тотъ, устремивши ся, вынесь и отдалъ
Въ руки Адметова сына, и онъ ихъ, радуясь, принялъ. 565

Тутъ Менелай свѣтлокудрый поднялся, душой огорченный,
Жестоко г҃ѣвный на сына Нелидова. Вѣстникъ Атридовъ
Скиптръ властелину представилъ, безмолвствовавъ знакъ Аргивянамъ
Подалъ и сталъ говорить воинственный, богу подобный: 569

„Что, Антилохъ, ты сдѣлалъ, всегда разсудительнымъ слывший?
Славу мою помрачилъ и коней у меня ты разстроилъ,
Хитростью взявши передъ на коняхъ, несравненно слабѣвшихъ!
Но разсудите, Ахеянъ владыки и мужи совѣта,
Насъ обоихъ наравнѣ разсудите вы, но безъ потворства.
Чуть обо мнѣ ни одинъ мѣднобронный Ахеецъ не скажетъ: 575
Царь Менелай, Антилоха одной пересилия неправдой,
Юноши мѣдою, конемъ, завладѣль: Менелаевы кони
Были слабѣе, лишь самъ онъ могучѣе властью и силой.
Слушайте, други; я самъ разсужу, и меня, я надѣюсь,
Въ сонмѣ не будетъ никто укорять: справедливъ приговоръ мой. 580
Несторовъ сынъ благородный, приблизъся сюда и, какъ должно,
Стань предъ своими конями; возьми, какъ слѣдуетъ, въ руки
Бичъ тотъ гибкій, съ которымъ сегодня ристалъ и, бичомъ ты
Коней касаясь, клянись Посидаономъ, землю держащимъ,

- Что неумышенной хитростью ты инѣ запнуль колесницу". 585
 Умный юладой Антилохъ отвѣчаль Менелаю Атриду:
 „Свѣтлый Атридъ, укротися; юноша я предъ тобою.
 Ты, о царь Менелай, и лѣтами и доблестью выше.
 Вѣдаешь, какъ легко въ заблужденія юладость впадаетъ:
 Ужъ молодой опрометчивъ, коротокъ разсудокъ незрѣлый. 590
 Сердце смигчи, Менелай, а награду мою, кобылицу,
 Самъ я тебѣ отдаю; и когда бъ изъ моихъ достояній
 Болѣ чего ты потребовалъ, съ радостью я и теперь же
 Выдаль бы, нежели инѣ у тебя, питомецъ Кронида,
 Выдти изъ сердца наѣки и быть предъ богами виновнымъ!“ 595
 Рекъ и, подведши коня, юладой Несторидъ благородный
 Въ руки отдалъ Менелая герою, и въ персахъ Атрида
 Сердце растаяло съ радости, словно роса по колосьямъ
 Зрѣющей нивы, когда цѣпенѣются отъ зноя долины,—
 Такъ у тебя, Менелай, растаяло съ радости сердце. 600
 Къ юношѣ онъ возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
 „Нынѣ я самъ, невзирая на гнѣвъ мой, тебѣ уступаю,
 Несторовъ сынъ! Никогда безразсуденъ, ниже легкомысленъ
 Ты не бывалъ: побѣдила разсудокъ едина юладость.
 Послѣ сего, Антилохъ, опасайся обманывать старшихъ. 605
 Нѣть, не легко бъ меня укротилъ другой изъ Данаевъ;
 Но довольно терпѣль и довольно подъ Троюю сдѣлалъ
 Самъ ты и храбрый отецъ твой и братъ, за меня подвизаясь.
 Къ просѣбѣ твоей спасожу и награду мою, кобылицу,
 Я уступаю тебѣ: пускай и другіе съ тобою 610
 Помнятъ, что я никогда ни надменъ, ни немилостивъ не былъ“.
 Такъ произнесъ и коня Менелай Антилохову другу
 Отдалъ, Ноемону, самъ же избралъ рукомойникъ блестящій.
 Злато, четвертую мзду, получилъ Меріонъ по заслугѣ,
 Коней четвертыхъ пригнавши. Но пятая мзда оставалась, 615
 Шипшій фіалъ двоедонный: его Ахиллесь быстроногій,
 Сонюмъ Данаевъ пронесли, Нестору подаль, вѣща:
 „Даръ сей тебѣ, божественный старецъ! и ты сохрани сей
 Памятникъ грустный Патрокловыхъ похоронъ: между живущихъ
 Больше его не увидишъ! Тебѣ же награду побѣды 620
 Такъ я даю; ни въ борьбу ты, Нелідъ, ни въ кулачную битву,
 Вѣрио, не вступишъ, ни въ мѣткой стрѣльбѣ ты, ни въ легкости
 бѣга
 Спорить не будешь: тебя удручаеть тяжелая старость“.
 Рекъ и фіалъ ему подаль, и старецъ пріялъ, веселяся;
 Быстрыя рѣчи крылатыя онъ устремилъ къ Ахиллесу:

„Истину, сынь, говоришь и все ты разумно вѣщаешь.
 Члены мои ослабѣли: ни ноги, любезный, ни руки
 Такъ на моихъ раменахъ, какъ бывало, не движутся быстро.
 Если бы молодъ я былъ! и если бы силой блисталь я
 Оныхъ годовъ, какъ Эпейцы въ Вупрасѣ царю Амаринку 630
 Тризны творили, а дѣти царя предложили награды!
 Тамъ не сравнился со мной ни одинъ человѣкъ изъ Эпейнъ,
 Даже изъ храбрыхъ Пилосцевъ и духомъ высокихъ Этолянъ.
 Тамъ я кулачною битвой бойца одолѣлъ Клитомеда,
 Трудной борьбою борца нисправвергъ Плевронійца Анкея, 635
 Ногъ быстротой превзошелъ знаменитаго бѣгомъ Ификла,
 Дротикомъ двухъ побѣдилъ: Полидора и мужа Филея.
 Только одними конями меня премогли Акториды;
 Но числомъ одолѣли, завидуя въ сей инѣ побѣдѣ,
 Ибо славнѣйшая всѣхъ за нее оставалась награда; 640
 Стали вдвоемъ на меня, и какъ первый лишь правилъ конями,
 Только лишь правиль, другой ихъ, гоня, бичеваль безъ пощады.
 Прежде таковъ я бывалъ! Но теперь молодымъ оставляю
 Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мнѣ
 Старости скорбной; въ чреду я свою блисталь межъ героевъ! 645
 Но продолжай и друга усопшаго играми честуй.
 Дарь благодарно приемлю и радуюсь сердцемъ, что столько
 Помнишь меня ты, старца смиренного, что не забылъ ты
 Честью приличной почтить и его предъ народомъ Ахейскимъ.
 Боти тебѣ за сіе воздадутъ воздаяньемъ желаннымъ!“ 650

Такъ произнесъ, и Пелидъ сквозь великие сонмы Ахеянъ
 Вновь возвратился, привѣтствie выслушавъ Нестора старца.
 Тутъ предложилъ онъ награды кулачнаго страшнаго боя:
 Выславъ предъ кругъ, привязалъ шестилѣтняго, сильнаго меска;
 Игомъ еще не смиренный, жестокъ для смиренія быль онъ. 655
 Мескъ—побѣдителю мѣда; побѣжденному—кубокъ двудонный.
 Сталь наконецъ среди сонма и такъ говорилъ Аргиванамъ:
 „Чада Атрея, и вы, мѣднолатные мужи Ахейцы!
 Нынѣ подвижниковъ двухъ призываемъ, которые сильны
 Руки поднять на кулачную битву. Кому Стрѣловержецъ 660
 Дасть устоять и кого побѣдителемъ всѣ мы признаемъ,
 Тотъ къ своему кораблю поведеть терпѣливаго меска;
 Кубокъ же сей двоедонный боецъ побѣжденный получитъ“.

Рекъ онъ,—и быстро возсталъ человѣкъ и огромный и мощный,
 Славный кулачный боецъ, Панопеева отрасль, Эпеосъ. 665
 Меска рукой жиловатой за граву схватиль и кричалъ онъ:
 „Выступи тотъ, кто намѣренъ кубокъ унести двоедонный.

Меска жъ, надѣюсь я, не отвяжетъ никто изъ Ахеять,
 Въ битвѣ кулачной побѣдный: горжуся, боецъ я здѣсь первый!
 Будетъ того, что межъ вами я воинъ не лучшій,—что дѣлать: 670
 Смертному въ каждомъ дѣяніи быть невозможно отличнымъ.
 Что до битвы, объявляю при всѣхъ и исполнено будетъ:
 Плоть до костей прошибу я и кости врагу изломаю.
 Пусть за моимъ супротивникомъ всѣ попечители выйдутъ,
 Чтобы изъ битвы унести укрощенаго силой мою“. 675

Такъ говорилъ онъ, и всѣ, онѣмѣвши, молчанье хранили.
 Богу подобный одинъ Эвріаль на него подымался,
 Внукъ скіптроносца Талаи, сынъ Мекистея героя,
 Нѣкогда въ Оивы ходившаго, къ играмъ надгробнымъ Эдину,
 Павшему въ оное время, и всѣхъ побѣдившаго Кадміанъ. 680
 Къ битвѣ его снаряжалъ Діомѣдъ, копьеборецъ могучій,
 Дружеской рѣчью бодря и сердечно желая побѣды;
 Бросиль онъ запонъ ему, и красиво кроенные послѣ
 Подалъ ремни изъ степнаго вола, убитаго силой.
 Такъ опоясавшись оба, выходять бойцы на средину. 685
 Разомъ одинъ на другого могучія руки заносатъ,
 Сшибились; смыкалися быстро подвижниковъ тяжкія руки,
 Стукъ кулаковъ раздается по челюстямъ; поть по ихъ тѣлу
 Льется ручьями; какъ вдругъ приподнялся могучій Эпеось,
 Рѣзко врага оглянувшагося грязнулъ въ лицо,—и не могъ онъ 690
 Больше стоять; подломивши, рухнулись крѣпкіе члены.
 Словно съ порывомъ Бореевымъ прядаетъ рыба изъ моря
 На берегъ иштисты и вдругъ покрывается мутной волною,—
 Такъ пораженный упалъ Эвріаль. Добродушный Эпеось
 За руку поднялъ его, а усердные други, представши, 695
 Съ поприща въ станъ повели, по землѣ волочашаго ноги,
 Кровь извергавшаго ртомъ и бросившаго голову на бокъ.
 Въ омракъ онъ впалъ, и его межъ своими друзьями посадивши,
 Сами пошли и на поприще подняли кубокъ двудонный.
 Сынъ же Пелеевъ немедленно новыя, треты, награды 700
 Выставилъ сонму, награды борьбы, изнурительной силамъ:
 Мѣдой побѣдителю вынесъ огонный треножникъ, огромный,
 Мѣдный,—въ двѣнадцать воловъ оцѣнили его Аргиване;
 Мѣдой побѣженному онъ рукодѣльницу юную вывелъ,
 Шѣянную дѣву,—въ четыре вола и се оцѣнили. 705
 Сталь наконецъ передъ сонмомъ и такъ говорилъ Аргивянамъ:
 „Встаньте, которыми угодно и сей еще подвигъ извѣдѣть!“
 Онъ произнесъ,—и немедленно всталъ Теламонидъ великий;
 Всталъ и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.

- Чресла свои опоясавъ, борцы на средину выходятъ; 710
 Крѣпко руками они подъ бока подхватили другъ друга,
 Словно стропила, которая въ кровлѣ высокаго дома
 Умпый строитель смыкаеть, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ.
 Сильно хребты захрустѣли, могучестью стиснутыхъ рукъ ихъ
 Круто влекомые, крупный потъ заструился по тѣлу; 715
 Частыя полосы вокругъ по бокамъ и хребтамъ ихъ широкимъ
 Вышли багровыя; съ ревностю въ гордыхъ сердцахъ одинакой
 Оба алжали они и побѣды, и славной награды.
 Долго ни царь Одиссей не смогаль опрокинуть Аякса,
 Ни Аяксъ не смогаль одолѣть Одиссеевої силы, 720
 И, когда, ужъ соскучивъ, Ахеянъ сыны зароптали,
 Вскрикнулъ къ царю Одиссею великий Аяксъ Теламонидъ:
 „Сынь благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный,
 Ты подымай, или я подыму, а рѣшить Олимпіецъ!“
 Такъ произнесъ и поднялъ; Одиссей не забылъ ухищренья: 725
 Вдругъ въ подколѣнокъ ударилъ пятой и подшибъ ему ноги,
 Навзничъ его опрокинулъ; но самъ онъ Аяксу на перси
 Палъ. Удивился народъ, изумилися всѣ Аргивяне.
 Послѣ пыталь и Аякса поднять Одиссей терпѣливый; 729
 Вновь обиватиль и лишь нѣсколько сдвинулъ съ земли, но не под-
 наялъ:
 Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба,
 Пали одинъ близъ другого и прахомъ покрылися темнымъ.
 Встали, и въ третій бы разъ устремились подвижники спорить,
 Если бы самъ Ахиллесъ не воздвигнулся; онъ удержалъ ихъ:
 „Кончите вашу борьбу и трудомъ не томитесь жестокимъ. 735
 Ваша побѣда равна; и, нагрѣды вы равнны взявші,
 Съ поля сойдите: пускай и другіе въ подвиги вступятъ.“
 Рекъ,—и, почтительно выслушавъ, оба они покорились:
 Съ поля сошли и, отъ праха очистясь, надѣли хитоны.
 Сынь же Пелеевъ другія за бѣгъ предлагаетъ награды: 740
 Первая—срѣбряный, пышный сосудъ, шестимѣрная чаша,
 Чудной своей красотой помрачавшая въ цѣлой вселенной
 Славныхъ чаши, Сидонянъ искусствныхъ изящное дѣло.
 Мужи ее Финикийцы, по мѣстному плавая понту,
 Въ Лемносъ продать привезли, но какъ даръ предложили юасу; 745
 Царь же Эвней Язонидъ, выкупая Пріамова сына,
 Падшаго въ плѣнь Ликаона, отдалъ Менетиду Патроклу.
 Царь Ахиллесъ и ту чашу выставилъ, чествуя друга,
 Мздою тому, кто быстрѣйшимъ окажется въ бѣгѣ ногами;
 Мздою второму—тельца откормленаго, тяжкаго тѣкоша,

Но посмѣднему золота онъ полталаита назначилъ.

Сталь паконецъ среди сонма и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ извѣдать!“

Рекъ,—и немедленно всталъ Оилеевъ Аяксъ быстроногий, 755
 Всталъ Одиссей многоумный, и Несторовъ сынъ знаменитый
 Всталъ Антилохъ: побѣжалъ онъ юношей всѣхъ быстротою.
 Стали порядкомъ; Пелидъ указалъ имъ далекую мѣту.
 Бѣгъ ихъ сперва отъ черты начинался; и первый всѣхъ дальше
 Быстрый умчался Аяксъ; но за нимъ Одиссей знаменитый 760
 Близко бѣжалъ, какъ у женщины ткущей съ пряжею ходить
 Цѣвка у персей, которую ловко руками бросаетъ,
 Нить за утокъ пропуская, и близко предъ персями держитъ,—
 Такъ Одиссей за Аяксомъ близко бѣжалъ; безпрестанно
 Слѣдомъ въ слѣды ударялъ онъ, пражде чѣмъ прахъ съ нимъ ссы-
 пался,

И дыханье свое изливалъ на главу Оилida, 765

Быстро и ровно бѣжа; воскликали кругомъ Аргивяне,

Жажду его побѣдить въ распаленномъ еще умножая.

Но когда приближались къ концу уже бѣга, взмолился

Въ сердцѣ герой Одиссей свѣтлоокой Палладѣ богинѣ:

„Дочь Эгіоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!“ 770

Такъ онъ, молясь, произнесъ, и услышала дочь Эгіоха;

Члены ему сотворила легкими, ноги и руки.

И уже добѣгали, чтобъ только имъ протянуть къ наградѣ,

Вдругъ на бѣгу поскользнулся Аяксъ: повредила Аѣна— 774

Въ влажный ступиль онъ пометъ, изъ воловъ убіенныхъ разлитый,
 Коихъ Патроклу въ честь закалалъ Пелейонъ благородный;

Тельчимъ пометомъ наполнились ноздри и ротъ у Аякса.

Чашу, награду свою, подхватилъ Одиссей терпѣливый,

Первый примчасъ; а вола захватилъ Оилидъ знаменитый;

Сталь и, рукою держася за роги вола полевого, 780

Онъ выплевывалъ каль и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Дочь Громовержца, друзья, повредила мнѣ ноги, Аѣна!

Вѣчно, какъ матерь, она Одиссею на помощь приходить!“

Такъ произнесъ онъ,—и смѣхъ по собранью веселый раздался.

Несторовъ сынъ получилъ послѣднюю бѣга награду; 785

Взяль и къ Ахейскимъ мужамъ, улыбаясь, такъ говорилъ онъ:

„Знающимъ всѣмъ говорю вамъ, друзья, что всегда, какъ и
 нынѣ,

Боги бессмертные чествуютъ смертныхъ старѣйшихъ лѣтами.

Сынъ Оилеевъ меня годами немногими старше;

Сей же изъ прежняго рода, отъ прежнаго племени отрасль; 790

По зелена, говорять, Одисеева старость, и трудно
Въ бѣгѣ съ нимъ спорить Ахейскими героями, кромѣ Ахиллеса".

Такъ говорилъ, прославляя Пелеева быстрого сына,
Но Ахиллесь немедленно самъ отвѣчалъ Антилоху:
„Другъ Антилохъ! твоя похвала не безплодна будетъ; 795
Злата къ наградѣ твоей полталанта еще прибавляю".

Такъ произнесъ и вручилъ, и юноша, радуясь, принялъ.
Тутъ Ахиллесь быстроногий, копье длиннотѣнное взявши,
Вынесъ на пострище, вынесъ и щитъ и шлемъ свѣтозарный,
Весь Сарпедоновъ доспѣхъ, съ пораженного взятый Патрокломъ. 800
Сталь наконецъ передъ сонмомъ и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Нынѣ подвижниковъ двухъ называемъ, отлично могучихъ:
Въ бранный облекшись доспѣхъ, ополчившись пронзительной мѣдью,
Выдти одинъ на одинъ и измѣрить ихъ мощь предъ народомъ.
Кто у другого скрѣбѣе пронзить благородное тѣло 805
И сквозь доспѣхи коснется и членовъ, и крови багряной,
Тотъ побѣдитель,—тому подарю я сей ножъ среброгвоздный,
Славный, Фракійскій, который похитилъ я съ Астеропея;
Что до оружій, подвижники оба ихъ вмѣстѣ получать;
Вмѣстѣ подъ сѣнью моей и блистательный пиръ имъ устрою". 810

Такъ говорилъ, и поднялся великий Аяксъ Теламонидъ;
Быстро по немъ и Тидидъ возсталъ, Діомедъ нестрашимый.
Скоро, въ концахъ отдаленныхъ народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходятъ, пылая сразиться;
Грозно другъ на друга смотрѣть; страхъ обымаеть Ахеянъ. 815
Быстро сошедшись, они, устремленные другъ противъ друга,
Трижды бросались, и врукопашь трижды оружіемъ сшиблись.
Сынъ Теламоновъ копье супротивнику въ щитъ круговидный
Вбилъ, но тѣла не тронулъ: оно защищалося броней.

Сынъ же Тидеевъ поверхъ семикожнаго круга щитного 820
Выѣ Аякса грозилъ безпрестанно сверкающимъ жаломъ.
Всѣ, трепеща за Аякса, вскричали Ахейскіе мужи,
Бой прекратить и равныя взять имъ велѣли награды.
Но Ахиллесь Діомеда ножомъ наградилъ среброгвозднымъ,
Вмѣстѣ съ ножами его и съ ремнемъ красиво кроеннымъ. 825

Тутъ Ахиллесь предложилъ имъ кругъ самородный желѣза;
Прежде метала его Гетіонова крѣпкая сила;
Но когда Гетіона убилъ Ахиллесь градоборецъ,
Кругъ на своихъ корабляхъ онъ съ другими корыстями вывезъ.
Сталь наконецъ онъ предъ сонмомъ и такъ говорилъ Аргивянамъ: 830

„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ извѣдать!"

Сколько бы кто ни имѣлъ и далекихъ полей, и широкихъ,
На пять круглыхъ годовъ и тому на потребы достанеть
Глыбы такой; у него никогда оскудѣлый въ желѣзѣ
Въ градѣ не пойдетъ ни оратай, ни пастырь, но дома добудеть". 835

Такъ говорилъ онъ,—и всталъ Полипетъ, браннодышацій воинъ,
Всталъ и грозная мощь Леонтея, подобнаго богу,
Всталъ и Аяксъ Теламоновъ, и сильный Эпесъ огромный.
Долго махалъ онъ и бросиль; и хохотъ раздался по сонму. 840
Послѣ повергъ Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третій, сынъ Теламоновъ, сквативши желѣзную тягость,
Бросиль могучей рукой и за знаки онъ всѣхъ перекинулъ.
Но, когда тотъ кругъ подхватилъ Полипетъ бранноносный,
Такъ далеко, какъ пастухъ свой закривленный посохъ бросаетъ, 845
Онъ же вертится кругомъ и летить черезъ тельче стадо,—
Такъ далеко перекинулъ за кругъ онъ; вскричали Данай.
Быстро толпою набѣжавши, друзья Полипета героя
Радостно къ чернымъ судамъ понесли награду вдадыки.

Сынъ же Пелеевъ для лучниковъ темное вынесъ желѣзо: 850
Десять сѣкиръ двуострыхъ и десять простыхъ имъ наградой.
Выставилъ цѣлью стрѣльбы—корабля черноносаго мачту
Въ дальнемъ концѣ, на пеѣскѣ, а на самой вершинѣ голубку
За ногу тонкимъ шнуромъ привязалъ, и по птицѣ велѣлъ онъ
Мѣтить стрѣлкамъ: „Который умѣтъ по робкой голубкѣ, 855
Всѣ топоры двуострые въ сѣнь понесеть побѣдителъ;
Кто жъ улучитъ по шнуру одному, не умѣвшему птицы,
Тотъ, какъ стрѣлокъ побѣженный, сѣкиры простыя получитъ".

Такъ говорилъ,—и возстало могущество Тевкра владыки: 860
Всталъ и герой Меріонъ, повелителя Критянъ сподвижникъ.
Бросили жребій въ мѣдный шеломъ, сотрясли ихъ, и Тевкру
Вылетѣлъ первому жребій стрѣлять; и не медля стрѣлу онъ
Съ страшною силой послалъ, но не сдѣлалъ обѣта владыкѣ
Фебу въ жертву принести первородныхъ овновъ гекатомбу.
Въ птицу герой не попалъ: воспрепятствовалъ Фебъ раздрожен-
ный: 865

Въ шнуръ близъ ноги онъ умѣтилъ, которымъ привязана птица:
Привязь у самой ноги пересѣкла стрѣла; встрепенулась,
Къ небу взвилась голубица свободная; привязь по вѣтру
На землю вся опустилася; громко вскричали Данай.
Быстро тогда Меріонъ у печального Тевкра изъ длані 870
Выхватилъ лукъ, а стрѣлу наготовѣ держаль, чтобы направить;
Въ сердцѣ обѣтъ сотворилъ метателю стрѣль Аполлону
Первенцевъ агнцевъ ему въ благодарность понести гекатомбу,

И, высоко подъ облакомъ робкую птицу завидѣвъ,
Быстро кружашуясь, въ бокъ подъ крыло угодилъ онъ стрѣлою: 875
Вверхъ сквозь крыло пролетѣла и, обратно на землю

Павъ, предъ ногой Меріона вонзилася въ доль; а голубка,

Съ выси лазурной на мачту спустясь черноносаго судна,

Выу къ груди преклонила, густыя развѣсила крылья,

Быстро изъ персей духъ испустила и съ мачты далеко 880

Пала на прахъ; удивился народъ и кругомъ изумлялся.

Всѣ топоры двуострые взялъ Меріонъ побѣдитель;

Тевкръ, побѣжденный, простые понесъ къ кораблямъ мореходнымъ.

Сынъ же Пелеевъ огромный дротъ и сосудъ рукомойный,

Чистый, въ огнѣ не бывалый, цѣною въ вола, расцвѣченный, 885

Вынесъ передъ сонмъ, и возстали могучие два копьеборца:

Первый пространнодержавный возсталъ Атрейонъ Агамемнонъ,

Послѣ герой Меріонъ, предводителя Критянъ сподвижникъ;

Но, между храбрыми ставъ, говориль Ахиллесь благородный:

„Царь Агамемнонъ, мы вѣдаемъ, сколько ты всѣхъ превосходишь! 890

Сколько и мощью твоей и метаниемъ копій отличенъ.

Но прими ты награду и съ нею, Атридъ, возвратися

Къ быстрымъ судамъ, а копье отдадимъ Меріону герою,

Если твоей то пріятно душѣ; но такъ бы я думалъ“.

Рекъ,—и ему не противился сынъ скіптроносный Атрея. 895

Дротъ Ахиллесь Меріону вручилъ, а герой Агамемнонъ

Въ руки Талеїбіа вѣстника пышную отдалъ награду.

ПѢСНЬ XXIV.

СОДЕРЖАНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

По окончаніи игръ Ахеяне вечеряютъ и предаются сну; Ахиллесъ, о Патроклѣ сѣтуя, проводить ночь безъ сна, и утромъ, привязавъ Гектора къ колесницѣ, волочить вокругъ могилы друга; но Аполлонъ сохраняетъ тѣло его невредимымъ, ст. 1—21. О такомъ поруганіи, многіе дни продолжающемся, одни изъ боговъ соболѣзнують и убѣждаютъ Гермеса похитить тѣло, другіе тайно радуются и противятся похищенню, 22—30. Наконецъ Аполлонъ жестоко упрекаетъ боговъ за ихъ неблагодарность къ Гектору и потворство Ахиллесу; Гера гневно возражаетъ ему, 31—63. Но Зевсъ подаетъ иной совѣтъ и совершаєтъ его: призвавъ на Олимпъ чрезъ Ирису богиню Фетиду, повелѣваетъ убѣдить Ахиллеса, чтобы онъ оставилъ свирѣпство и возвратилъ тѣло выкупающимъ, 64—142. Ириса, по повелѣнію Зевса, является также Пріаму и убѣждаетъ, чтобы онъшелъ съ дарами къ Ахиллесу для искупленія сына, 143—182. Пріамъ рѣшился, невзирая на страхъ Гекубы, его отклоняющей; собираетъ драгоцѣнныя дары, приказываетъ дѣтямъ приготовить возъ для клади, а самъ запрашиваетъ для себя колесницу, 189—282. Наконецъ, сотворивъ возліяніе Зевсу и видя въ письменномъ отъ него орлѣ счастливое знаменіе, съ однимъ вѣстникомъ Идеемъ отправляется въ путь, 283—330. Встрѣчаетъ Гермеса, Зевсомъ ему въ спутники посланного, который, назавшись служителемъ Ахиллеса и усыпивъ стражей, приводить Пріама къ кущѣ героя, 331—467. Ахиллесъ, моленіемъ царя тронутый, принимаетъ выкупъ, возвращаетъ тѣло, омытое и покрытое ризою, соглашается дать 12 дней, просимыхъ для погребенія, предлагаетъ ему вочерию, ночлегъ и дружелюбно отпускаеть ко сну, 468—676. Гермесъ рано пробуждается Пріама, приводить черезъ сталь, оставляетъ его; и Пріамъ, съ наступленіемъ дня, приводить къ городу тѣло Гектора. На встрѣчу его вышедъ, всѣ Троицне подымаютъ плачъ, 677—717. Привезши тѣло въ домъ, полагаютъ на ложе; начинатели плача пѣніемъ оплакиваютъ его; кромѣ ихъ, плакать Андромаха, Гекуба, Елена, 718—776. Наконецъ, сожигаютъ тѣло на костре, погребаютъ и цирцеевомъ у Пріама празднуютъ погребеніе, 777—804.

Кончились игры; народъ по своимъ кораблямъ быстролетныи
Весь разсѣялся; каждый подъ сѣнь поспѣшилъ укрѣпиться
Пищей вечерней и сладостныи сномъ. Но Пелидъ неутѣшный
Плакаль, о другѣ еще вспоминая; къ нему не касался
Все усмиряющій сонъ; по одру беспокойно метаясь, 5
Онъ вспоминала Менетидово мужество, духъ возвышенный,
Сколько они подвизались, какіе труды подымали,
Боевъ съ мѣжами ища и свирѣпость морей искушая.
Все вспоминая въ душѣ, проливалъ онъ горячія слезы.
То на хребтъ онъ ложился, то на бокъ, то ницъ обратясь, 10
Къ ложу лицомъ припадаль; напослѣдокъ бросивши ложе,
Берегомъ моря бродилъ онъ, тоскующій. Тамъ и денишпу
Встрѣтилъ Пелидъ, озарившую пурпуромъ берегъ и море.
Быстро тогда онъ запрягъ въ колесницу коней быстроногихъ;
Гекторъ, чтобы влачить, привязалъ позади колесницы; 15
Трижды его обволокъ вкругъ могилы любезнаго друга
И наконецъ успокоился въ кущѣ; а Гектора бросиль,
Ницъ распостерши во прахѣ. Но Фебъ отъ него, покровитель,
Фебъ и отъ мертваго вредъ отклоняль; о герой и мертвомъ
Богъ милосердоваль: тѣло его золотымъ онъ эгидомъ 20
Все покрывалъ, да не будетъ истерзанъ, Пелидомъ влачимый.
Такъ надъ божественнымъ Гекторомъ въ гнѣвѣ своемъ онъ ру-
гался.

Жалость обѣяла безсмертныхъ, на оное съ неба взиравшихъ;
Тѣло похитить зоркаго Гермеса всѣ убѣждали; 25
Всѣмъ то казалось угоднымъ, но только не Герѣ богинѣ,
Ни Посидону царю, ни блестательноокой Аeinѣ:
Имъ, какъ и прежде, была ненавистною Троя святая.
Старецъ Пріамъ и народъ, за вину Пріамида Париса:
Онъ богинѣ оскорбиль, приходившихъ въ домъ его сельскій:
Честь онъ воздаль одарившій его сладострастіемъ вреднымъ. 30
Вѣстница утра, въ двѣнадцатый разъ восходила Деница.
И средь сонма боговъ провѣщалъ Аполлонъ сребролукій:

„Боги жестокіе, неблагодарные! Гекторъ не вамъ ли
Бедра тельцовъ и овновъ сожигаль въ благовонныя жертвы?
Вы же нерадите и мертвое тѣло героя избавить, 35
Видѣть его не даете супругѣ, матери, сыну,
Старцу отцу и гражданамъ, которые славнаго мужа
Предали бѣ скоро огню и послѣднею честью почтили!
Вы Ахиллесу губителю быть благосклонны рѣшились,
Мужу, который изъ помысловъ правду изгналъ, а отъ сердца 40
Всякую жалость отвергъ и, какъ лѣбѣ, о свирѣпствахъ лишь мыслитъ.“

Левъ, и душой дерзновенный и дикою силой стремимый,
Только и рыщетъ, чтобы стадо найти и добычу похитить,—
Такъ сей Пелидъ погубилъ всю жалость и стыдъ потерялъ онъ, .
Стыдъ для сыновъ человѣческихъ столько полезный и вредный. 45
Смертный иной и болѣе милаго сердцу теряетъ,
Брата единоутробнаго или цвѣтушаго сына;
Плачеть о тратѣ своей и печаль наконецъ утоляетъ:
Духъ терпѣливый Судьбы даровали сынамъ человѣковъ.
Онъ же, богу подобнаго Гектора жизни лишившися, 50
Мертваго вязжетъ къ конямъ и у гроба любезнаго друга
Въ прахѣ волочить! Не славное онъ и не добroe выбрали!
Развѣ что нашу онъ месть на себя, и могучий, воздвигнетъ:
Землю, землю нѣмую неистовый мужъ оскорбляетъ!“ 55
Гнѣвомъ пылая, ему отвѣчала державная Гера:
„Слово твое совершилось бы, лукомъ серебрянымъ гордый,
Если бъ равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
Гекторъ—сынъ человѣка, сосцами жены онъ воспитанъ;
Но Ахиллесъ—благородная отрасль: богиню Фетиду 60
Я возлѣльяла, я возрастила и милой супругой
Мужу вручила Пелею, любезному всѣмъ бессмертныи.
Всѣ мы, бессмертные, были на бракѣ, и ты ликовалъ тамъ
Съ лирой въ рукахъ, нечестивыхъ наперникъ, всегда вѣролом-
ный!“

Ей обратился отвѣтствователь тучегонитель Кроніонъ:
„Гера, супруга! Не гнѣтайся вовсе на жителей неба. 65
Честь браноносцамъ не равная будетъ; однако, и Гекторъ
Между сыновъ Иліона любезнѣйший былъ Олимпійцамъ,
Также и мнѣ! Никогда не небрѣгъ онъ о жертвахъ приятныхъ:
Жертвенникъ мой никогда не скудѣль въ приношеньяхъ обильныхъ
Туковъ, винъ, благовоній: сія бо намъ честь подобаетъ. 70
Но похищенье оставимъ; возможности нѣть отъ Пелида
Гектора славнаго тайно похитить: къ Пелееву сыну
Матерь Фетида приходить и ночью и днемъ непрестанно.
Лучше Фетиду ко мнѣ призови кто-нибудь изъ бессмертныхъ;
Мудрое слово богинѣ реку, да Пелидъ быстроногий 75
Выкупъ возьметъ отъ Пріама и Гектора тѣло отпустить“.

Рекъ, и какъ вихрь устремилась Ириса крылатая съ вѣстью;
Между священнаго Сама и грозноутеснаго Имбра
Бросилась въ черный понтъ, и подъ ней застонала пучина;
Быстро, подобно свинцу, въ глубину погрузилась богиня, 80
Ежели онъ, прикрепленный подъ роговъ вола полевого,
Мчится коварный, рыбамъ прохожорливымъ гибель несущій.

Тамъ въ пещерѣ глубокой находить Фетиду и съ нею
Многихъ богинь океана. Она посреди ихъ сидѣла,
Плача объ участіи храбраго сына, которому должно
Въ Трой холмистой погибнуть, далеко отъ милой отчины.
Ставъ предъ Фетидой, вѣщала посланица Зевса: „Фетида!
Зевсъ призываетъ тебя, непреложныхъ совѣтовъ строитель“.

Ей отвѣчая, рекла среброногая дочерь Нерея:
„Что заповѣдуетъ мнѣ Повелитель бессмертныхъ? Стыжуся
Свѣтлымъ являться богамъ, угнетенная мрачной печалью!
Но повинуюсь, и тщетенъ не будетъ глаголь, имъ реченный“.

Такъ говоря, облеклася Фетида одеждой печали,
Чернымъ покровомъ, чернѣйшимъ изъ всѣхъ у нея одѣяній.
Такъ устремилася; предъ нею подобная вѣтрамъ Ириса
Быстро пошла; разступалися окресть икъ волны морскія.
На берегъ вышедъ, богини къ высокому бросились небу.
Тамъ обрѣли громовержца Кронида; предъ нимъ возсидѣли
Всѣ, на совѣтъ собравшись, блаженные вѣчные боги.
Сѣла Фетида близъ Зевса отца: уступила Аеинѣ;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала въ руки
И утѣшала словами. Фетида, испивъ, возвратила.
Слово межъ оними началь Отецъ и бессмертныхъ и смертныхъ:

„Ты на Олимпъ, Фетида, пришла, и печальная сердцемъ;
Знаю, скорбь неутѣшную въ персяхъ ты носишь, богиня.
Но возвѣщу, для чего на Олимпъ я тебя призываю.
Девять дней, какъ межъ нами, бессмертными, распра возстало:
Гекторъ герой и Пелидъ градоборецъ боговъ раздѣляютъ.
Тѣло похитить склоняютъ бессмертные Гермеса бога;
Я же, напротивъ, ту славу хочу даровать Ахиллесу,
Нѣжность къ тебѣ и почтеніе въ сердцѣ навѣкъ сохраняя.
Шествуй къ Ахейскому стану и сыну, богиня, повѣдай:
Всѣ божества на него негодуютъ; но и я отъ бессмертныхъ
Болѣе всѣхъ огорчаюсь, что онъ въ изступленіи гнѣва
Гектора возлѣ судовъ, не прiemлюЩій выкупа, держитъ.
Если страшится меня, да не медля отпустить онъ тѣло.
Я жъ посылаю Ирису къ Пріаму царю съ повелѣніемъ
Въ станъ Мирмидонскій идти къ искупленію милаго сына,
Несть и дары Ахиллесу, пріятные сердцу героя“.

Такъ произнесъ,—и ему покорилася Фетида богиня;
Быстро почалась, съ вершины Олимпа высокаго бросась.
Скоро достигла Пелидова стана и въ кущѣ находить
Сына, печально стоящаго; многіе въ кущѣ героя
Окрестъ его сутились друзья и готовили завтракъ;

Ими закланный лежалъ на помостѣ овень густорунный.

125

Подлѣ печального сына воссѣла почтенная мать,

Тихо ласкала рукой, вопрошала и такъ говорила:

„Милое чадо, почто ты доселѣ, стена и тоскуя,
Сердце себѣ сокрушаешь? Не думаешь ты ни о пищѣ,
Ни обо спѣ! Но пріятно съ женой насладиться любовью.

130

Жить же не долго тебѣ; предъ тобою, любезнейший сынъ мой,
Близко стоить неизбѣжная Смерть и суровая Участь.

Выслушай слово; его я тебѣ возвѣщаю отъ Зевса:
Боги, онъ рекъ, на тебя прогнѣвляются; онъ же, Владыка,

135

Болѣе всѣхъ негодуетъ, что ты въ изступленіи гнѣва
Гектора возлѣ судовъ, не пріемлюющій выкупа, держишь.

Выдай его, Ахиллесъ, и за тѣло прими искупленье“.

Ей отвѣчая, вѣщала быстроногій Пелидъ знаменитый:

„Пусть предстаетъ предлагающій выкупъ и тѣло получить,
Если рѣшительно такъ заповѣдуетъ мнѣ Олимпійскій“.

140

Тою порою, какъ матерь и сынъ у судовъ Мирмидонскихъ
Многія между собою вѣщали крылатыя рѣчи,

Зевсъ посыпалъ Ирису къ Пріамовѣ Троя священной:

„Шествуй, Ириса крылатая, холмы оставивъ Олимпа;
Вѣсть въ Илонѣ святою возвести Дарданиду Пріаму:

145

Пусть къ искуплению сына идетъ къ кораблямъ онъ Ахейскимъ,
Пусть и дары онъ несетъ, чтобы смягчить Ахиллесово сердце.

Но да единій, никъмъ не сопутствуетъ, шествуетъ старецъ.
Токмо глашатай старѣйший да будетъ при немъ, чтобы править

Мессами въ быстромъ возу и вспять изъ Ахейскаго стана
Мертваго взвѣсть въ Илонѣ, убиеннаго сильнымъ Пелидомъ.

150

Помыслъ о смерти и страхъ да не взыдеть на сердце Пріаму:
Старцу такого пошлемъ мы сопутника, Гермеса бoga;

Онъ поведѣть и проводить, пока не представить къ Пелиду.

И, когда приведетъ онъ Пріама предъ очи героя,

155

Рукъ на него не подыметъ Пелидъ, ни другихъ не допустить:
Оль не безумепъ, не нагль, не обыкній къ грѣхамъ нечестивецъ;

Онъ завсегда милосердо молящаго милуетъ мужа“.

Рекъ, и съ небесъ устремиласъ подобная вихрямъ Ириса;
Къ дому Пріама сошла и нашла тамъ и вопль и рыданье,

160

Окрестъ отца всѣ сыны, на дворѣ предъ хоромами сидя,
Токами слезъ обливали одежды; въ срединѣ ихъ старецъ,

Ризою весь обвернувшись, лежалъ на землѣ распостертый;
Выю и голову перстъ покрывала державнаго старца,

Кою самъ онъ себя, пресмыкался въ прахѣ, осыпалъ.

165

Дщери его и девѣтки, въ домахъ своихъ сидя, рыдали,

Тѣхъ поминая и многихъ и сильныхъ защитниковъ царства,
Кои уже подъ руками Ахейскими предали души.

Быстрая вѣстница Зевса, приближаясь тихо къ Пріаму,
Голосомъ тихимъ (но трепетъ обѣль Дарданидовы члены)
Такъ говорила: „Дерзай, Дарданидъ, и меня не страшися!
Я не зловѣщей тебѣ нисхожу отъ холмовъ Олимпійскихъ,
Нѣть, но душой доброхотная вѣстница Зевса тебѣ я:
Онъ о тебѣ и далекій душою болитъ и печется.

Выкупить Гектора тѣло тебѣ онъ велитъ, Олимпіецъ. 175

Шествуй, неси и дары, чтобы смягчить Ахиллесово сердце;
Но да никто изъ Троянъ не сопутствуетъ, шествуй одинъ ты;
Токмо глашатай старѣйший да будетъ съ тобой, чтобы править
Месками въ быстромъ возу и вспять изъ Ахейского стана
Мертваго ввезти въ Иліонъ, убѣннаго сильнымъ Пелидомъ. 180
Мысль же о емерти, ни страхъ тебѣ да не взыдетъ на сердце:
Спутникъ такой за тобою постыдѣется, Гермесъ безсмертный;
Гермесъ пойдетъ и проводить, пока не приблизить къ Пелиду,
И, когда онъ тебя представить предъ очи героя,
Рукъ на тебя не подыметъ Пелидъ, ни другихъ не допустить: 185
Онъ не безуменъ, не наглъ, не обыкній къ грѣхамъ нечестивецъ;
Онъ завсегда милосердо молящаго милуетъ мужа“.

Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.
Старецъ Пріамъ повелѣлъ, чтобы не медля сыны снарядили
Муловый возъ быстрокатный и коробъ къ нему привязали. 190
Самъ же поспѣшно взошелъ въ почивальню, теремъ душистый,
Кедровый, съ кровлей высокой, гдѣ много хранилось сокровищъ;
Призвалъ туда и Гекубу супругу и такъ говорилъ ей:

„Бѣдная! мнѣ Олимпійская вѣстница Зевса явилась;
Выкупить сына велѣла идти къ кораблямъ Мирмидонскимъ; 195
Несть и дары Ахиллесу, которые бѣ сердце смягчили.
Молви, супруга любезная, что ты о семъ помышляешь?
Сильно меня самого побуждаетъ и сердце и дума
Нынѣ жъ идти къ кораблямъ и къ великому стану Ахеянъ“.

Такъ говорилъ; зарыдала жена и ему отвѣчала: 200
„Горе! погибъ ли твой разумъ, которымъ въ минувшее время
Славился ты и у чуждыхъ народовъ, и въ собственномъ царствѣ?
Хочешь одинъ ты, старецъ, идти къ кораблямъ Мирмидонскимъ?
Мужу предстать передъ очи, который и многихъ и сильныхъ
Нашихъ сыновъ умертвилъ? У тебя не желѣзное лѣ сердце? 205
Въ руки едва залучить, предъ очами тебя лишь увидить
Сей кровопойца, невѣрный сей мужъ, милосердъ онъ не будетъ;
Онъ не уважитъ тебя! Въ отдаленіи лучше заплачешь.“

Въ храминѣ сидя: такую, знать, долю суровая Парка
 Выпрыла нашему сыну, какъ я несчастливца родила, 210
 Долю, чтобъ псовъ онъ насытилъ, вдали отъ родныхъ, предъ очами
 Лютаго мужа, котораго сердце, когда бы могла я,
 Впившися въ грудь, пожирать, отомстила бъ за то, что онъ сдѣлалъ
 Съ сыномъ моимъ! Не какъ ратникъ безчестный мой Гекторъ убить
 имъ;

Онъ за отечество, онъ за мужей и за женъ Илонскихъ 215
 Вился, герой, ни о страхѣ въ бою, ни о бѣгствѣ не мыся!“

Снова Гекубѣ отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
 „Волъ моей не противъся, Гекуба, и въ собственномъ дому
 Птицей зловѣщей не будь: отвратить меня не успѣшь.
 Если бъ такое мнѣ дѣло внушилъ кто-нибудь земнородный, 220
 Жрецъ, иль пророкъ Илонскій, или єнимамогадатель,
 Ложью почли бы мы то и съ презрѣніемъ, вѣрно бъ, отвергли.
 Слышалъ богиню я самъ, предъ собою бессмертную видѣлъ;
 Въ станѣ я иду, и не тщетно мнѣ будетъ вѣщаніе бога.
 Если жъ назначилъ мнѣ рокъ умереть предъ судами Ахеянъ,— 225
 Радь! и пускай онъ меня, душегубецъ, зарѣжетъ, какъ скоро,
 Милаго сына обнявши, рыданіемъ сердце насыщу!“

Такъ произнесъ и, поднявши красивыя крыши ковчеговъ,
 Вынулъ изъ нихъ Дарданіонъ двѣнадцать покрововъ прекрасныхъ,
 Хленъ двѣнадцать простыхъ и столько же ковровъ драгоцѣнныхъ, 230
 Верхнихъ плащъ превосходныхъ и тонкихъ хитоновъ исподнихъ,
 Злата, вѣсами отвесивши, выложилъ десять талантовъ,
 Вынулъ четыре блюда и два свѣтозарныхъ тренога,
 Вынулъ и кубокъ прекрасный, ему, какъ посланнику, древній
 Дарь Фракіанъ, драгоцѣнность великая! Даже и оной 235
 Старецъ щадить не хотѣлъ: столь сильно пылаль онъ душою
 Выкупить милаго сына. Но всѣхъ онъ Троянъ приходившихъ
 Гнѣвный гонялъ отъ крыльца, и грозя, и поносно ругая:

„Прочь, проклятое племя презрѣніе! Развѣ и дома 240
 Мало печали у васъ, что меня огорчать вы идете?
 Или вамъ радость, что старца Кронидъ поражаетъ бѣдою,
 Гибелю сына храбрѣшаго? Скорь вы цѣну сей траты
 Сами узнаете; легче стократъ, какъ не стало героя,
 Будете сами избиты Ахеями! Я же, о боги,
 Прежде, нежели градъ раззоренный и въ прахъ обращенный— 245
 Трою святую—увижу, да скроюсь въ обитель Аида!“

Такъ говоря, прогонялъ ихъ жезломъ; отъ грозящаго старца
 Всѣ удалились. Онъ же вскричалъ, сыновей порицая,
 Клита, Гелена, Париса, питомца боговъ Агаѳона,

- Памона, Гиппеооя, Деяеба вождя, Антифона, 250
Храбраго сына Полита и славнаго мужествомъ Дія;
Грозно на сихъ сыновей и кричалъ, и приказывалъ старецъ:
„Живо, негодныя дѣти, позорники! Лучше бы всѣмъ вами
Вместо единаго Гектора пасть предъ судами Ахеянъ!
О, злополучный я смертный! имѣль я въ Троѣ обширной 255
Храбрыхъ сыновъ и отъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
Нѣть боговиднаго Местора, нѣть конеборца Троила,
Нѣть и тебя, мой Гекторъ, тебя, между смертными бога!
Такъ, не смертнаго мужа казался онъ сыномъ, но бога!
Храбрыхъ Ареи истребиль, а позорники эти остались, 260
Эти лжецы, плюсуны, знаменитые лишь въ хороводахъ,
Эти презрѣнныи хищники козъ и агнцевъ народныхъ!
Долго ли будете вы снаряжать колесницу и въ коробъ
Скоро ли вложите все, чтобы могъ я немедленноѣхать?“ 265
- Такъ говориль, и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро и вывезли муловый возъ легкокатный,
Новый, красивый, и коробъ глубокій на немъ привязали;
Сняли съ гвоздя блестящій яремъ, приспособленный къ мурамъ,
Буковый, съ бляхою сверху и съ кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вмѣстѣ съ ярмомъ девятилоктевую 270
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
Въ самомъ концѣ, и на крюкъ поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругомъ; напослѣдовъ
Прочее все обязали, концы же узла подогнули.
Послѣ, нося изъ покоевъ, на муловый возъ легкокатный 275
Весь уложили за голову Гектора выкупъ безцѣнныи.
Муловъ въ него запрягли возовозныхъ, дебелокопытныхъ,
Нѣкогда въ даръ подведенныхъ владыкѣ Пріаму отъ Мизовъ.
Но къ колесницѣ Пріамовои вывели коней, которыхъ
Самъ онъ съ отмѣнной заботой лелѣялъ у тесаныхъ яслей; 280
Ихъ въ колесницу впряженіи предъ домомъ высоковершинныи
Вѣстникъ и царь, обращая въ умѣ ихъ мудрыя думы.
Тою порою приходитъ Гекуба, печальная сердцемъ;
Въ правой рукѣ царица вина, веселящаго сердце,
Кубокъ несла золотой, чтобъ супругъ, не возливъ, не уѣхалъ; 285
Стала она предъ конями и такъ говорила Пріаму:
„Зевсу возлей, мой супругъ! и молись, чтобы даль всемогущій
Въ домъ отъ враговъ возвратиться, когда уже смѣлое сердце
Старца тебя, противъ воли моей, къ кораблямъ устремляеть.
Такъ, помолись, Пріамъ, чернотучному Кронову сыну, 290
Богу, который отъ Иды на всю призираетъ Троаду.“

Птицы проси, быстро крылого вѣстника, мощью свою
Первой изъ птицъ и любезнѣйшей всѣхъ самому Громовержцу,
Съ правой страны чтобы слетѣла, и самъ бы ее ты увида,
Съ мѣрой въ нее отошелъ къ кораблямъ быстроконныхъ Данаевъ. 295
Если жъ тебѣ не пошлетъ своего посла Громовержецъ,
Буду тебя, мой супругъ, убѣждать и совѣтомъ, и просьбой
Въ станъ не ходить къ Мирмидонянамъ, какъ ты ни твердо рѣшился*.

Ей не медля отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Я твоего не отрину совѣта разумного: благо 300
Дланы къ Владыкѣ боговъ воздѣвать, да помилуетъ насъ онъ“.

Рекъ и прислужницеъ ключницѣ далъ повелѣніе старецъ
На руки чистой воды возлѣть, и прислужница быстро
Съ блюдомъ въ рукахъ и съ кувшиномъ воды предъ владыку представала.
Старецъ, руки омывши, кубокъ принялъ отъ супруги, 305
Сталъ по срединѣ двора и молился вино возливая,
На небо взоръ возводя, и, возвысивши голосъ, воскликнулъ:

„Зевсъ, нашъ отецъ, обладающій съ Иды, славѣйший, сильнѣйший!
Дай мнѣ прийти къ Ахиллесу угоднымъ и жалостнымъ сердцу;
Птицу пошли, быстролетнаго вѣстника, мощью свою 310
Первую въ птицахъ, любимую болѣе всѣхъ и тобою,
Съ правой страны ниспосли, да сходящую самъ я увида,
Съ вѣрой въ нее отойду къ кораблямъ конеборныхъ Данаевъ!“

Такъ умолялъ, и услышалъ его промыслитель Кроніонъ;
Быстро орла ниспослалъ, между вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу, 315
Темнаго, коего смертные черными ловцомъ называютъ.
Словно огромная дверь почивальни высоковершинной
Въ домѣ богатаго мужа, замкомъ утвержденная крѣпкимъ,
Крылья орла таковы распостились, когда онъ явился,
Вправѣ надъ Трою быстро парящій. Они лишь узрѣли, 320
Въ радость пришли, расцвѣло упованіемъ каждого сердце.

Съ живостью старецъ взошелъ въ колесницу свою и не медля
Копей погналъ отъ преддверья и гулкихъ навѣсовъ крылечныхъ.
Мески пошли впереди подъ повозкой четыреколесной
(Ими Идѣй управлялъ, благомысленный вѣстникъ) а сзади 325
Борзые кони, которыхъ бичомъ Дарданидъ престарѣлый
Гналъ черезъ городъ; его провожали всѣ близкіе сердцу,
Плача по немъ неутѣшно, какъ будто на смерть отходящемъ.
Скоро, изъ замка спустяся, они очутилися въ полѣ;
Всѣ провожавшіе ихъ возвратились печальные въ Трою, 330
Дѣти и сродники. Сами жъ они не скрылись отъ Зевса:
Въ полѣ увидѣлъ онъ ихъ и исполнился милости къ старцу,
И къ любезному сыну, къ Гермесу, такъ возгласилъ онъ:

„Сынъ мой, Гермесъ! Тебѣ отъ боговъ наипаче пріятно
Съ сыномъ земли сообщаться; ты внемлешь, кому пожелаешь. 335
Шествуй и Трои царя къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеанъ
Такъ проводи, да никто не узрить и никто не узнаеть
Старца въ Ахейскихъ дружинахъ, доколѣ къ Целиду не придетъ“.

Такъ произнесъ, и ему повинуется Гермесъ посланикъ:
Подъ ноги вяжетъ прекрасную обувь, плесницы златыя, 340
Вѣчныя; бога онъ и надѣ влажною носатъ водою,
И надѣ землей безпредѣльною, быстро, съ дыханiemъ вѣтра;
Жезль береть онъ, которымъ у смертныхъ, по волѣ всесильной,
Сномъ смыкаеть онъ очи, или отверзаетъ у спящихъ;
Жезль сей пріявъ, устремляется Аргоубийца могучай. 345
Скоро онъ къ граду Троянъ и къ зыбямъ Геллеспонта принесся;
Полемъ пошелъ, благородному юношѣ видомъ подобный,
Первой брадой опущенному, коего младость прелестна.

Путники вскорѣ, проѣхавъ великую Ила могилу,
Коней и месковъ своихъ удержали, чтобы напоить ихъ 350
Въ свѣтлой рѣкѣ; тогда уже сумракъ спускался на землю.
Туть, оглянувшись, Гермеса вѣстникъ Идей прозорливый
Близко увидѣлъ и такъ возгласилъ къ Дарданиду владыкъ:
„Взглянь, Дарданид! осторожнаго разума требуетъ дѣло:
Мужа я вижу, и мнится мнѣ, нась онъ убить умышляетъ! 355
Должно бѣжать; на коняхъ мы ускакемъ, или, подошедші,
Ноги ему мы обнимемъ и будемъ молить о пощадѣ!“

Рекъ онъ, и старцево сердце смущилося; онъ ужаснулся;
Дыбымъ власы у него поднялися на сгорблennомъ тѣлѣ;
Онъ цѣпенѣя стоялъ. Эріуній приблизился къ старцу, 360
Ласково за руку взялъ и вѣщацъ, вопрошая Пріама:

„Близко ль, далеко ль, отецъ, направляешь ты коней и месковъ
Въ часъ усадительной ночи, какъ смертные всѣ почиваютъ?
Иль не страшишься убийствами дышащихъ, гордыхъ Данаевъ,
Кои такъ близко стоять, непріязненны вамъ и свирѣпы? 365
Если тебя кто увидитъ подъ быстрыми мраками ночи,
Столько сокровищъ везущаго, что твое мужество будетъ?
Самъ ты не молодъ, и старецъ такой же тебя провожаетъ.
Какъ защитишься отъ первого, кто лишь обидѣть захочеть?
Я жъ не тебя оскорблю, но готовъ отъ тебя и другого 370
Самъ отразить: моему ты родителю, старецъ, подобенъ!“

Гермесу бодро отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Все справедливо, любезнѣйший сынъ мой, что ты говоришь мнѣ;
Но еще и меня хранить покровительной дланью
Богъ, который даетъ мнѣ такого сопутника встрѣтить, 375

Счастья примѣту, тебя, красотою и образомъ дивный,
Рѣдкимъ умомъ одаренный; блаженныхъ родителей сынъ ты!“

Вновь Дарданиду вѣщаль благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Истинно все и разумно ты, старецъ почтенный, вѣщаешь.

Но скажи мнѣ еще и сущую правду повѣдай: 380

Ты высылаешь куда-либо столько богатствъ драгоцѣнныхъ

Къ чуждымъ народамъ, дабы хоть они у тебя уцѣлѣли?

Вѣрно, обѣятые страхомъ, уже покидаете всѣ вы

Трою святую? Таковъ знаменитый защитникъ погибнулъ, 384

Сынъ твой! Въ сраженіяхъ былъ онъ не ниже героеvъ Ахейскихъ!“

Гермесу быстро воскликнулъ старецъ Пріамъ боговидный:

„Кто ты таковъ, отъ кого происходишь ты, юноша добрый,

Такъ мнѣ прекрасно напомнившій смерть злополучнаго сына?“

Старцу отвѣтствовалъ вновь благодѣтельный Гермесъ посланникъ:

„Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторѣ дивномъ. 390

Часто, часто я самъ на бояхъ, прославляющихъ мужа,

Гектора видѣлъ и даже въ тотъ день, какъ, къ судамъ отразивши,

Онъ побѣждалъ Аргивянъ, истребляя крушительной мѣдью.

Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; съ вами сражаться

Намъ Ахиллесь запрещалъ, на царя Агамемнона гнѣвный. 395

Я Ахиллесовъ служитель, въ одномъ кораблѣ съ нимъ проплывшій;

Родомъ и я Мирмидонецъ; родитель мой храбрый Поликторъ;

Мужъ онъ богатый и старецъ, какъ ты, совершенно маститый.

Шесть у Поликтора въ домѣ сыновъ, а седьмой предъ тобою; 399

Жребій межъ братьевъ упалъ на меня, чтобъ идти съ Ахиллесомъ.

Нынѣ осматривать поле пришелъ отъ судовъ я: заутра

Боемъ на городъ пойдутъ быстроокіе мужи Ахеи.

Всѣ негодуютъ они на долгую праздность; не могутъ

Браннаго пыла мужей обуздать воеводы Ахеянъ.“

Гермесу паки отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный: 405

„Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель,

Другъ, не скрой отъ меня, умоляю, повѣдай мнѣ правду:

Сынъ мой еще лѣ при судахъ, иль уже Ахиллесь быстроногий

Тѣло его разсѣченное письма разметалъ Мирмидонскій?“ 409

Старцу отвѣтствовалъ вновь благодѣтельный Гермесъ посланникъ:

„Старецъ, ни псы не терзали, ни итицы его не касались;

Онъ и понынѣ лежить у судовъ Ахиллеса, подъ кушей,

Все, какъ и былъ, невредимый: двѣнадцатый день, какъ лежитъ

онъ

Мертвый, но тѣло не тлѣеть, къ нему не касаются черви,

Выстрые черви, которые падшихъ въ бою пожираютъ. 415

Правда, его ежедневно, съ восходомъ Денницы священной,
Онъ безпощадно волочитъ вокругъ гроба любезнаго друга;
Но мертвецъ невредимъ, изумившись ты самъ, какъ увидишь:
Свѣжъ онъ лежить, какъ росою умытый; иѣть слѣда отъ крови,
Члена не видно нечистаго, язвы кругомъ затворились, 420
Сколько ихъ ни было: много суровая мѣдь нанесла ихъ.

Такъ милосердуютъ боги о сынѣ твоемъ знаменитомъ,
Даже и мертвомъ: любезенъ онъ сердцу боговъ Олимпійскихъ*.

Рекъ онъ, и старецъ, наполняясь радости, быстро восхлинуль:
„Благо, мой сынъ, приносить небожителямъ должна дани! 425
Гекторъ,—о если бы жилъ онъ!—всегда въ благороденственномъ дому
Помнилъ бессмертныхъ боговъ, на великомъ Олимпѣ живущихъ;
Боги за то и по смертной кончинѣ его помянули.

Но преклонися, прими отъ меня ты прекрасный сей кубокъ
И, охраняя меня, проводи, подъ покровомъ бессмертныхъ, 430
Въ станъ Мирмидонскій, пока не приду къ Ахиллесовой кущѣ*.

Вновь Дарданиду отвѣтствовалъ Гермесъ, посланникъ Зевеса:
„Младость мою соблазняешь ты, старецъ; но я не склонюся
Дара, какой предлагаешь мнѣ, тайно принять отъ Пелида. 435
Я уважаю Пелида и сердцемъ страшусь отъ героя
Дарь похищать, чтобы послѣ меня бѣда не постигла;
Но съ тобою сопутствовать радъ я землею и моремъ,
Радъ я тебя проводить и до славнаго Аргоса града,
И, при подобномъ сопутникѣ, смертный къ тебѣ не подсунуть*.

Рекъ и на царскихъ коней въ колесницу вскочилъ Эріуній, 440
Быстро и бичъ и бразды захватилъ въ могучя руки,
Конямъ и мескамъ вдохнулъ необычную рѣность и силу.

И, когда принесли ко рву и стѣнѣ корабельной,
Гдѣ незадолго надъ вечерей стражи Ахеянъ трудились
(Всѣхъ ихъ въ сонъ погрузилъ благодѣтельный Аргоубійца), 445
Башни запоръ отодвинулъ, врата растрворилъ и Пріама
Вvezъ внутрь стѣны и за нимъ съ дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они къ Ахиллесовой кущѣ великой

(Кущу царю своему Мирмидонцы построили въ станѣ
Крѣпко изъ бревенъ еловыхъ и сверху искусно покрыли 450
Мшистымъ, густымъ камышемъ, по влажному лугу набравши;

Около кущи устроили дворъ властелину широкій,
Весь оградя частоколомъ; ворота его запирались
Толстымъ засовомъ еловымъ; трое Ахеянъ вдвигали,
Тroe съ трудомъ отымали огромный замокъ сей воротный, 455
Сильныхъ мужей, но Пелидъ и одинъ отымаль его быстро)—

Тъ благодѣтельный Гермесъ отверзъ передъ старцемъ ворота,
 Ввѣзъ дары знаменитые славному сыну Пелея,
 Спрянулъ на доль съ колесницы и такъ провѣщалъ къ Дарданиду:
 „Богъ предъ тобою, о старецъ, бессмертный, съ Олимпа ниспеш-
 шій, 460

Гермесъ: отецъ мой исня тебѣ писпослалъ путеводцемъ.
 Я совершилъ и къ Олимпу обратно иду; всепародно
 Я не явлюсь Ахиллеса очамъ: не достойно бы было
 Богу бессмертному видимо чествовать смертнаго мужа.
 Ты же иди и, вошедъ, обыми Ахиллесу колѣна, 465
 Именемъ старца родителя, матери многопочтенной,
 Именемъ сына моли, чтобы тронуть высокую душу“.

Такъ возгласивши, къ Олимпу великому быстро вознесься
 Гермесъ. Пріамъ, съ колесницы стремительно прянулъ на землю,
 Тамъ оставляетъ Идея, дабы онъ стоялъ, охраняя 470
 Коней и месковъ; а самъ устремляется прямо въ обитель,
 Гдѣ Ахиллесъ находился божественный. Тамъ Пелейона
 Старецъ увидѣлъ; друзья въ отдалены сидѣли; но двое,
 Отрасль Арея Алкимъ и смиритель коней Автомедонъ,
 Близко стоя, служили; недавно онъ вечерю кончилъ, 475
 Пищи вкушивъ и питья, и предъ нимъ еще столъ оставался.
 Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входить въ покой и, Пелиду
 Въ ноги упавъ, обымаетъ колѣна и руки цѣлуетъ—
 Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!
 Такъ, если мужъ, преступленіемъ тяжкимъ покрытый въ отчинѣ, 480
 Мужа убившій, бѣжитъ и къ другому народу приходитъ,
 Къ сильному въ домъ, съ изумленіемъ всѣ на пришельца взираютъ,—
 Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго старца увидѣвъ,
 Такъ изумилися всѣ, и одинъ на другого смотрѣли,
 Старецъ же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя: 485

„Вспомни отца своего, Ахиллесъ, бессмертнымъ подобный,
 Старца, такого жъ, какъ я, на порогѣ старости скорбной!
 Можетъ быть, въ самый сей мигъ и его, окруживши, сосѣди
 Ратью тѣснить, и некому старца отъ горя избавить.
 Но, по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты, и зная и слыша, 490
 Сердце тобой веселить и вседневно льстится надеждой
 Милаго сына узрѣть, возвратившагося въ домъ изъ-подъ Трои.
 Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ
 Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
 Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествии рати Ахейской: 495
 Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой;
 Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;

Многимъ Ареи истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
 Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ, и гражданъ;
 Ты умертвилъ и его, за отчину сражавшагося храбро, 500
 Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
 Выкупить тѣло его приношу драгоценный я выкупъ.
 Храбрый! почти ты боговъ! надъ моимъ злополучiemъ скалься,
 Вспомнивъ Пелея родителя!—Я еще болѣе жалокъ:
 Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный: 505
 „Мужа, убийцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!“

Такъ говоря, возбудилъ обѣ отцѣ въ немъ плачевныя думы.
 За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тико.
 Оба они вспоминали: Пріамъ—знатенитаго сына,
 Горестно плакаль, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый; 510
 Царь Ахиллесь, то отца вспоминала, то друга Патрокла,
 Плакаль, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
 Но, когда насладился Пелидъ благородный слезами
 И желаніе плакать отъ сердца его отступило,
 Быстро возсталъ онъ и за руку старца простертаго поднялъ; 515
 Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой,
 Началъ къ нему говорить, устремляя крылатыя рѣчи:

„Ахъ, злополучный! много ты горестей сердцемъ извѣдалъ!
 Какъ ты рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явиться
 Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ 520
 Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце!
 Но успокойся, возсядь, Дарданіонъ, и, какъ мы ни грустны,
 Скроемъ въ сердца и заставимъ безмолвствовать горести наши.
 Сердцу крушительный плачъ ни къ чему человѣку не служить:
 Боги судили всесильные намъ, человѣкамъ несчастнымъ, 525
 Жить на землѣ въ огорченіяхъ; боги одни безпечальны.
 Двѣ глубокія урны лежать передъ прагомъ Зевеса,
 Полны даровъ: счастливыхъ одна и несчастныхъ другая.
 Смертный, которому ихъ посыаетъ, смѣшивъ, Громовержецъ,
 Въ жизни своей перемѣнно и горесть находить и радость; 530
 Тотъ же, кому опь несчастныхъ пошлетъ,—поношенію преданъ:
 Нужда, грызущая сердце, вездѣ по землѣ его гонить;
 Бродить несчастный, отринутъ безсмертными, смертными призрѣнъ.
 Такъ и Пелея—дарами осыпали свѣтыми боги
 Съ юности нѣжной; украшенный выше сыновъ земпородныхъ 535
 Счастьемъ, богатствомъ, владыка могучий мужей Мирмидонскихъ,
 Смертный, супругой богиню пріялъ отъ руки оихъ безсмертныхъ.
 Богъ и ему ниспоспалъ злополучіе: онъ не имѣть
 Въ дому свою поколѣнія, сына, наследника царства.

- Сынъ у Пелеса одинъ, кратковѣчный; но я и донинѣ 540
 Старца его не покою; а здѣсь, отъ отчизны далеко,
 Здѣсь я въ Троадѣ сижу и тебя, и твоихъ огорчаю.
 Самъ ты, о старецъ, мы слышали, здѣсь благоденствовалъ прежде
 Сколько народовъ вѣблали обитель Макарова, Лесбосъ,
 Фригія, край плодоносный, а здѣсь—Геллеспонтъ безконечный! 545
 Ты среди всѣхъ, говорить, и богатствомъ блестать, и сынами.
 Но, какъ бѣду на тебя ниспослали небесные боги,
 Около Трои твоей неумолкная брань и убийство.
 Будь терпѣливъ и печально себя не круши безпрерывной:
 Ты ничего не успѣешь, о сынъ печался; плаченье 550
 Мертваго ты не подымашь, но горе свое лишь умножишь!“
 Сыну Пелеса отвѣтствовалъ старецъ, Пріамъ боговидный:
 „Нѣтъ, не сяду я, Зевсовъ любимецъ, доколѣ мой Гекторъ
 Въ кущѣ лежить, погребеною не преданный! Дай же скорѣе,
 Дай симъ очамъ его видѣть! а самъ ты прими искушение: 555
 Мы принесли драгоцѣнное. О, насладись имъ и счастливъ
 Въ край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
 Старцу мнѣ бѣдному жить и солнца сіяніе видѣть!“
 Грозно взглянувъ на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
 „Старецъ, не гнѣтай меня! Разумѣю и самъ я, что должно 560
 Сына тебѣ возвратить: отъ Зевса мнѣ вѣсть приносила
 Матерь моя среброногая, Нимфа морская Фетида.
 Чувствую, что и тебя (отъ меня ты, Пріамъ, не сокроешь)
 Сильная бога рука провела къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
 Нѣтъ, не осмѣшился бѣ смртный, и младостью пылкой цвѣту-
 щій, 565
 Въ станъ нашъ вступить: ни отъ стражей недремлющихъ онъ бы
 не скрылся,
 Ни засововъ легко бѣ на воротахъ моихъ не отдвинулъ.
 Смолкли жъ и болѣе мнѣ не волнуй ты болѣщаго сердца;
 Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
 Въ кущѣ моей я не брошу и Зевсовъ завѣтъ не нарушу“. 570
 Такъ говорилъ. Устрашился Пріамъ и, покорный, умолкнулъ.
 Сынъ же Пелесовъ, какъ левъ, изъ обители бросился въ двери;
 Но не одинъ: за царемъ устремилися два изъ клевретовъ,
 Сильный Алкимъ и герой Автомедонъ, которыхъ межъ друзовъ
 Болѣе всѣхъ Пелейонъ почиталъ по Патроклѣ умершемъ. 575
 Быстро они отъ ярма отрѣшили и коней и месковъ,
 Въ кущу ввели и глапатая старцева; тамъ посадивши
 Мужа па стулѣ, поспѣшно съ красиваго царскаго воза
 Собрали весь многодѣній за голову Гектора выкупъ;

Двѣ лишь оставили ризы и тонкій хитонъ хитротканый 580

Съ мыслью, чтобы тѣло покрытое въ домъ отпустить отъ Пелида.

Онъ же, вызвавъ рабынь, повелѣлъ и омыть, и мастями

Тѣло намазать, но тайно, чтобы сына Пріамъ не увидѣлъ:

Онъ опасался, чтобы гнѣвомъ не вспыхнулъ отецъ огорченный,

Сына узрѣвъ, и чтобы самъ онъ тогда не подвигнулся духомъ 585

Старца убить и нарушить священные Зевса завѣты.

Тѣло рабыни омыли, умаслили мастью душистой,

Въ новый одѣли хитонъ и покрыли прекрасною ризой;

Самъ Ахиллесь и поднялъ, и на одръ положилъ Пріамида,—

Но друзья совокупно на блещущій возвѣ положили. 590

Онъ же тогда возопилъ, именуя любезнаго друга:

„Храбрый Патроклъ! не ропщи на меня ты, ежели слышишь

Въ мрачномъ Аидѣ, что я знаменитаго Гектора тѣло

Выдалъ отцу: не презрѣнными онъ заплатилъ мнѣ дарами;

Въ жертву тебѣ и отъ нихъ принесу я достойную долю“. 595

Такъ произнесъ и подъ сѣнь возвратился Пелидъ благородный;

Сѣль на изящно украшенныхъ креслахъ, оставленныхъ прежде,

Противъ Пріама стоявшихъ, и слово къ нему обратилъ онъ:

„Сынъ твой тебѣ возвращень, какъ желалъ ты, божественный
старецъ;

Убранъ лежить на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь, 600

Самъ ты увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.

Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ніоба,

Матерь, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла,

Милыхъ шесть дочерей и шесть сыновей распѣтавшихъ.

Юношой Фебъ поразилъ изъ блестящаго лука стрѣлами, 605

Мстящій Ніобѣ, а дѣвъ—Артемида, гордая лукомъ.

Мать ихъ дерзала равняться съ румялопанитою Летой:

Лета двоихъ, говорила, а я многочисленныхъ матеръ!

Двое сіи у гордившейся матери всѣхъ погубили.

Девять дней валялись трупы, и не было мужа 610

Гробу предать ихъ: въ камень людей превратилъ Громовержецъ.

Мертвыхъ въ десятый день погребли милосердые боги.

Плачемъ по нихъ истомяся, и мать вспомянула о пищѣ.

Нынѣ та мать на скалахъ, на пустынныхъ горахъ Сицилійскихъ, 615

Гдѣ, повѣствуютъ, богини покоиться любить въ пещерахъ;

Нимфи, которая часто у водъ Ахелоевыхъ пляшутъ;

Тамъ, отъ боговъ превращенная въ камень, страдаетъ Ніоба.

Такъ, божественный старецъ, и мы помыслимъ о пищѣ.

Время тебѣ остается оплакать любезнаго сына,

Въ Трою привезши; тамъ для тебя многослезенъ онъ будеть“. 620

Рекъ и, стремительно вставъ, Ахиллесь белорунную овцу
Самъ закалаетъ; друзья, обнаживъ и опрятавъ, какъ должно,
Въ мелкія части искусно дробятъ, прободаютъ рожнами,
Ловко цекутъ на огнѣ и готовыя части снимають.

Хлѣбъ между тѣмъ принесши, поставилъ на столъ Автомедонъ 625
Въ пышныхъ корзинахъ; но брашно дѣлилъ Ахиллесь благородный.
Оба къ предложеннымъ яствамъ питательныи руки простерли.

И, когда питиемъ и пищей насытили сердце,
Долго Пріамъ Дарданидъ удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству: бога, казалось, онъ видѣть. 630
Царь Ахиллесь удивлялся равно Дарданиду Пріаму,
Смотря на образъ почтенный и слушая старцевы рѣчи.
Оба они наслаждались; одинъ на другого взирая;
Но наконецъ возгласилъ къ Ахиллесу божественный старецъ:

„Дай мнѣ теперь опочить, Зевесовъ любимецъ! позволь мнѣ 635
Сномъ животворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладиться,
Ибо еще ни на мигъ у меня не смыкалися очи
Съ дня, какъ несчастный мой сынъ подъ твоими руками погибнулъ.
Съ онаго дня лишь стеналь и несчетная скорби терпѣль я,
Часто въ оградахъ дворовыхъ по сметищамъ сираднымъ валяясь. 640
Нынѣ лишь ясты вскиль и вина пурпурового нынѣ
Принялъ въ гортань; но до этой поры ничего не вкушаль я“.

Такъ говориль. Ахиллесь приказалъ и друзьямъ и рабынямъ
Стать на крыльца двѣ постели и снизу хорошия полсти
Бросить пурпурныя, сверху ковры разостлать дорогие 645
И шерстяные плащи положить, чтобы старцамъ одѣться.
Вышли рабыни изъ дома съ пылающимъ свѣточемъ въ дланяхъ;
Скоро онѣ, поспѣшившиа, два уготовили ложа.
И Пріаму шутя говориль Ахиллесь благородный:

„Спи у меня на дворѣ, пришелецъ любезпый, да въ домѣ
мои 650
Вдругъ не придетъ кто-нибудь изъ Данаевъ, которые часто
Вѣѣтъ совѣтъ совѣтъ въ мою собираются кущу.
Если тебя здѣсь кто-либо мрачною ночью увидитъ,
Вѣрно, царя извѣстить, предводителя воинствъ Атрида;
И тогда замедленіе въ выкупѣ мертваго встрѣтишь. 655
Слово еще, Дарданидъ: объяснися, скажи откровенно:
Сколько желаешь ты дней погребать знаменитаго сына?
Столько я дней удержуся отъ битвъ, удержу и дружины“.
Сыну Пелея отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Ежели мнѣ ты позволишь почтить погребенiemъ сына,—
Симъ для меня, Ахиллесь, величайшую милость окажешь. 660

Мы, какъ ты знаешь, въ стѣнахъ заключенные; лѣсъ издалека
Должно съ горъ добывать, а Трояне повергнуты въ ужасъ.
Девять бы дней мнѣ желалось оплакивать Гектора въ домѣ,
Гробу въ десятый предать и пиръ похоронный устроить, 665
Въ первый-на-десять мертвому въ память насыпать могилу,
Но въ двѣнадцатый день ополчимся, когда неизбѣжно".

Старцу отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ благородный:
„Будетъ и то свершено, какъ желаешь ты, старецъ почтенныи:
Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь". 670

Такъ произнесъ Ахиллестъ и Пріамову правую руку
Ласково сжалъ, чтобы сердце его совершенно спокоинъ.
Такъ отпустилъ; и они на крыльцѣ опочили,
Вѣстникъ и царь, обращая въ умъ своеемъ мудрыя думы.
Но Ахиллестъ почивалъ въ глубинѣ крѣвкостворчатой кущи, 675
И при немъ Бризенеида, румяноланитая дѣва.

Всѣ, и бессмертные боги и коннодоспѣшные мужи,
Спали цѣлую ночь, усмиренные сномъ благодатныи.
Гермеса токмо заботнаго сонъ не осиливалъ сладкій,
Думы въ умѣ обращавшаго, какъ Дарданіда Пріама 680
Вывестъ изъ стана, привратныи незримаго стражамъ священнымъ:
Ставъ надъ главою Пріамовой, такъ возгласилъ Эріуній:

„Ты не радиши обѣ опасности, старецъ, и такъ беззаботно
Спиши у враждебныхъ мужей, пощаженный Пелеевымъ сыномъ!
Многіе даль ты дары, чтобы выкупить мертваго сына; 685
Но за живого тебя троекратной цѣною заплатить
Дѣти твои, у тебя остающіясь, если узнаетъ
Царь Атрейонъ о тебѣ, и Ахейцы другіе узнаютъ".

Такъ провѣщаль; ужаснулся Пріамъ и глашатая поднялъ.
Гермесъ мгновенно запрягъ имъ и коней, и месковъ яремныхъ; 690
Самъ черезъ станъ ихъ быстро прогналъ, и никто не увидѣлъ.
Но лишь достигнули путники брода рѣки свѣтловодной,
Ксанеа пучиннаго, богомъ рожденнаго, Зевсомъ бессмертнъи,
Тамъ благодѣтельный Гермесъ обратно вознесся къ Олимпу.

Въ ризѣ златистой Заря простирадась надъ всею землею. 695
Древній Пріамъ, и стениацій и плачущій, гналъ къ Иліону
Коней, а мески везли мертвца. И никто въ Иліонѣ
Ихъ не узналь отъ мужей и отъ женъ благородныхъ Троянскихъ
Прежде Касандры прекрасной, златой Афродитѣ подобной.
Рано на замокъ взошедъ, издали въ колесницѣ узнала 700
Образъ отца своего и глашатая громкаго Троя;
Тѣло узрѣла на мескахъ, на смертномъ простертое ложѣ;
Подняла горестный плачъ и вошила по цѣлому граду:

„Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора нынѣ,
Вы, что живого, изъ битъ приходившаго, прежде встрѣчали 705
Съ радостью: радостью свѣтлой и граду онъ былъ и народу!“

Такъ воліяла, и вдругъ ни жены не осталось, ни мужа
Въ Троѣ великой: грусть несказанная всѣхъ поразила,—
Всѣ предъ вратами столпилися въ стрѣчу везомаго тѣла.
Всѣхъ впереди молодая супруга и нѣжная матерь 710
Плакали, рвали волосы и, на трупъ изступленно бросаясь,
Съ воинемъ главу обнимали; столпившись плакали стоя.
Вѣрно, и цѣлый бы день до заката блестящаго солнца,
Плача надъ Гекторомъ храбрымъ, рыдали толпы за вратами,
Если бы старецъ Пріамъ не воззвалъ съ колесницы къ народу: 715

„Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проѣхали; послѣ
Плачемъ вы всѣ насыщайтесь, какъ мертваго въ домъ привезу я!“

Такъ говорилъ; разступилась толпа и открыла дорогу.
Къ славному дому привезши, на пышно устроенномъ ложѣ 720
Тѣло они положили; пѣвцовъ, начинателей плача,
Подлѣ него помѣстили, которые голосомъ мрачнымъ
Нѣсни плачевныя пѣли; а жены имъ вторили стономъ.
Первая подняла плачъ Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубѣйцы руками главу обнимая:

„Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтующій! рано вдовою 725
Въ домъ меня покидаешь! А сынъ, безсловесный младенецъ,
Сынъ, которому жизнь злополучные мы даровали,
Онъ не достигнетъ юности! Прежде во прахъ съ оснований
Троя разсыплется: палъ ты, хранитель ея неусыпный,
Ты, боронитель и града, защитникъ и женъ и младенцевъ! 730
Скоро въ неволю они на судахъ повлекутся глубокихъ;
Съ ними и я неизбѣжно; и ты, мое бѣдное чадо,
Вмѣстѣ со мною; и тамъ, изнуряясь въ работахъ позорныхъ,
Будешь служить властелину суворому; или Данаецъ
За руку схватить тебя и съ башни ударить о землю, 735
Мстящій за трату плачевную брата, отца или сына,
Гекторомъ въ битвахъ сраженнаго: много могучихъ Данаевъ,
Много подъ Гектора дланью голодало кровавую землю.
Грозенъ великий отецъ твой бывалъ на погибельныхъ сѣчахъ;

Плачутъ о немъ до послѣдняго всѣ обитатели Трои. 740
Плачъ, несказанную горесть нанесъ ты родителямъ бѣдныхъ,
Гекторъ!—но мнѣ ты оставилъ стократъ жесточайшія скорби:
Съ смертнаго ложа, увы! не простеръ ты руки мнѣ любезнай,
Слова не молвилъ завѣтнаго, слова, которое бѣ вѣчно
Я поминала, и ночи и дни обливаясь слезами!“ 745

Такъ говорила, рыдая, и съ нею стенали Троянки.
Тутъ между ними Гекуба рыдательный плакъ подымаетъ:
„Гекторъ, изъ всѣхъ мнѣ дѣтей наиболѣе сердцу любезныи!
Былъ у меня и живой ты богамъ всемогущимъ любезенъ:
Боги съ небесъ о тебѣ и по смертной кончинѣ пекутся! 750
Прочихъ сыновъ у меня Ахиллесь, быстроногій ристатель,
Коихъ живыхъ полонилъ, за моря пустынныя продаль,
Въ Имбрость, въ далекій Самосъ и въ туманный
Денкостъ:

Но, тебя одолѣвъ и оружіемъ душу исторгпувъ,
Какъ онъ ни долго влачилъ вкругъ могилы Патрокла любимица, 755
Коего ты одолѣлъ, но его, мертвѣца, онъ не поднялъ!
Ты жъ у меня, какъ роско омытый, покоишься въ домѣ,
Свѣжій, подобно какъ смертный, котораго Фебъ сребролукій
Легкой стрѣлою своей, налетѣвшій внезапно, сражаетъ“.

Такъ вспылья Гекуба и плачъ возбудила всеобщій. 760
Третья, Елена Аргивская, горестный плачъ подымаеть:

„Гекторъ! деверь почтеннѣйшій, сродникъ, любезнѣйшій сердцу!
Ибо уже мнѣ супругъ Александръ знаменитый, привезшій
Въ Трою меня, недостойную! Что не погибла я прежде!
Нынѣ двадцатый годъ круговратныхъ временъ протекаетъ 765
Съ оной поры, какъ пришла въ Иліонъ я, отчество бросивъ:
Но отъ тебя не слыхала я злобо, обиднаго слова.
Даже, когда и другой кто меня укорялъ изъ домашнихъ,
Деверь ли гордый, своячина или золовка младая,
Или свекровь (а свекоръ всегда, какъ отецъ, мнѣ привѣтенъ), 770
Ты разумлялъ ихъ совѣтомъ и каждого дѣлалъ добрѣ
Кроктой твою душой и твоимъ убѣжденіемъ кроткимъ.
Вотъ почему о тебѣ и себѣ я, несчастнѣйшей, плаку!
Нѣть для меня, ни единаго нѣть въ Иліонѣ обширномъ
Друга или умѣшителя: всѣмъ я равно ненавистна!“ 775
Такъ, воспіяла она, и стояла весь народъ, неиспуганный

„Нынѣ, Троянъ, свозите вы лѣсъ въ Иліонъ; не страшитесь Войска Ахейскаго тайныхъ засадъ: Ахиллесъ знаменитый Самъ общашъ, отпуская меня отъ судовъ Мирмидонскихъ, 780 Насъ не тревожить, доколѣ двѣнадпятый день не свершится“.

Такъ говорилъ, и они лошаковъ и воловъ подъяремныхъ
Скоро въ возы запрягли и предъ градомъ не медля собрались.
Девять дней они въ Трою множество лѣса возили;
Въ день же десятый, лишь, свѣтъ разливая, Деница возникла, 785
Вынесли крабраго Гектора съ горестнымъ плачомъ Трояне,

MICHIGAN

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02754 0411

15 20
15 20

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02754 0411

4547/2

